

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929352 6

Cell,
14A'1

*U'

62

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

LXII.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτι γινῶναι μῆτι ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ἡμῶσαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

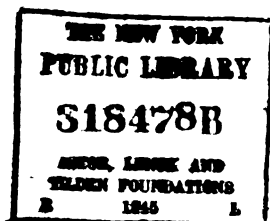
Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ВТОРЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

14
1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отвѣтампіи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Санктпетербургъ 1843 года, декабря 31 дня.

Ценсоръ П. Корсаковъ.
Ценсоръ А. Невитенко.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДОЛОРИДА.

(РАЗСКАЗЪ.)

Я вижу свѣтъ лампы полусонной:
Для тайнъ любви блеститъ, быть-можетъ, онъ!
Кругомъ свѣжитъ воздухъ благовонный,
И дышетъ лавръ въ отворенный балконъ....
Волшебный край! Здѣсь сумерки короче,
Свѣтлѣе дня живительныя ночи,
И подъ окномъ, при палевой лунѣ,
Какъ томны серенады въ тишинѣ!.....

Но кто въ стѣнахъ плѣнительной Севильи
Съ Долоридой сравнится красотой?
На чьей рукѣ, подъ складками мантили,
Тѣснѣй объемъ браслета золотой?...
Когда она перебирая четки,
Подниметъ взоръ задумчивый и кроткій,
Какъ много въ немъ полуденныхъ лучей!
И молодежь за взглядъ ея очей
На шпагахъ билась подъ ея балкономъ,
И звукъ романсовъ замѣяла стономъ.

Но страстный лучъ ея прелестныхъ глазъ,
 Поклонники, не упадалъ на васъ;
 И тщетно вы за гордою слѣдили,
 Когда въ вѣнкѣ изъ жемчугу и лилій,
 Одѣтая въ серебряный атласъ,
 Она подъ звуки бала вдаль неслась....
 О, кто бъ изъ васъ, хотя бы жизнью цѣлой
 Ему пришлось кунить отраднѣйшій мигъ,
 Горькими губами не привикъ
 Къ ея груди возвышенной и бѣлой,
 И головой покорною не легъ
 На бѣлизу ея чудесныхъ ногъ!...

Но отчего въ готическомъ дворцѣ
 Долориды такъ тихо? На крыльцѣ
 Не видно слугъ, и львовъ гранитныхъ тѣни
 Однѣ хранятъ чугунныя ступени?
 Щекой склонясь на слабую ладонь,
 Она блѣдна какъ статуя Печали;
 Въ глазахъ ея прозвительный огонь,
 Струи кудрей внизъ по плечамъ упали,
 А длинный взоръ, наполненный тоской,
 Давно слѣдитъ за стрѣлкой часовой.
 Кого жъ такъ ждетъ Долориды?... Ужели
 Онъ измѣнилъ, и страсти прежнихъ дней
 Такъ рано въ немъ завяли, охладѣли?...
 Да; прежнихъ чувствъ онъ не находитъ съ ней;
 Лишь изрѣдка, безъ вѣги, безъ желанья,
 Ей на плечо роняетъ онъ лобзанье.

Но, можетъ-быть, обманчиво блестя
 Ее влечетъ надежда молодая...
 Такъ иногда безпечное дитя,
 Знакомую игрушку покидая,
 За стрекозой, не опуская рукъ,
 Бѣжитъ — и тончетъ благовошій лугъ.

Часы текли; невнятнымъ отголоскомъ
 Имъ отвѣчали своды въ тишинѣ;
 Лампады лучъ блѣднѣвъ; невѣрнымъ лоскомъ
 Едва блестяли фрески на стѣнѣ...
 И было здѣсь пріятно для печали,
 И сжатые уста ея молчали,
 И ни одинъ тоскливый, томный звукъ
 Но родился изъ этихъ звуковъ.

Какъ длится ночь бессонная, нѣмая,
 Когда лежитъ на сердцѣ грузъ потерь!...
 Какъ мрачно все!... Но вотъ шатнулась дверь...
 Долбрыда приподнялась, внимая.....
 Да; это онъ, супругъ невѣрный твой
 Идетъ, какъ тѣнь, съ поникшей головой:
 Лицо его блѣднѣй прибрежной пѣны,
 Изъ впалыхъ глазъ сверкаютъ два луча,
 И слабые, хладѣющіе члены
 Согнулись подъ бархатомъ плаща.
 Передъ женой упалъ на колѣни,
 И тихо ей съ тоскою говоря:

— Не отвергай моленій...

Я шелъ къ тебѣ проеститься... кровь моя
 Въ груди кипитъ... Ты видишь—гаску я.
 Въ глазахъ темно; какъ спопъ дрожатъ колѣни;
 Входя сюда, три раза на ступени
 Я упалъ... Но прежде чѣмъ угасъ
 Мой смутный взоръ, хотѣлось мнѣ хоть разъ
 Увидѣть ту, чей образъ грустно милой
 Живилъ меня своей волшебной силой...
 Я шелъ къ тебѣ, а жаръ главу мнѣ жегъ;
 Какъ скованный, влечилъ я бремя ногъ...
 Но здѣсь легко, привольно мнѣ съ тобою...

— Вы живи безъ меча, что жъ умирать со мною?

— Ты права. Да; твои младше дни

Я отравлялъ разгорянной любовью...

Но ты простишь безумному... Взгляни:

Я чуть дышу.... надъ полукруглой бровью

Холодный потъ ужъ выступилъ на лбу;

Темнѣетъ взоръ... О! скажешь надо мною!

Дай руку мнѣ.... прости мнѣ и въ гробу

Я отдохну отрадной тишиною...

Скажи хоть слово мира; оживи

Меня завѣтнымъ голосомъ лобань...

Молчишь?... душа твоя окаменѣла

Для нѣжныхъ чувствъ... Но, ты любишь умѣла,

Но ты была свѣтлѣе, жарче дни;

Твои слова..... Но, выслушай меня

Клянусь тебѣ: въ минуты заблужденій,

Когда искалъ я новыхъ утѣснй

И пилъ восторги на груди нной,—

Я обвинялъ твой образъ; надо мной

Носился онъ, какъ благодатный гений;

Вблизи, вдали, вездѣ мнѣ снилась ты,

Печальная богиня красоты.

— Но въ эту ночь, порывъ твоихъ мученій,

Твой страстный трепетъ видѣла она?

— О, будь спокойна: и она страдала;

Въ безуміи, какъ остовъ холодна,

На грудь ко мнѣ, рыдала, упадала...

Какъ раненый, терзалась и стона,

Я звалъ тебя... да; ты простишь меня

Отраднымъ словомъ, нѣжной силой взгляду....

Но что, скажи, изъ мутнаго стекла

Такъ медленно ты пьешь?...

— Остатокъ яду:

Его себѣ я сберегла.

И. КРЕЩЕВЪ.

НОВОРОЖДЕННЫЙ.

=

Мнѣ зарѣчь аль отецъ

Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугъ его, который чистить платье,
Швейцару, дворнику — для убѣжанья ада,
Собака дворника, чтобъ ласкова была.

Грибодовъ.

(Небольшая комната съ однимъ окномъ. Не модная, но довольно опрятная мебель. На окнѣ стоятъ ширмочки съ разноцвѣтными стеклами.—По стѣнамъ — литографированные портреты разныхъ знаменитыхъ или, лучше сказать, знатныхъ особъ. Столъ, покрытый краснымъ набивнымъ ковромъ. На столѣ небольшое зеркальце и полный бритвенный приборъ. Передъ столомъ въ бухарскомъ халатѣ сидитъ Алексѣй Алексѣвичъ Ползковъ. Онъ только что обрился и стрижетъ у себя волосы.—Подъ него стоитъ женщина лѣтъ сорока, въ ситцевомъ капотѣ, измятомъ кисейномъ чепцѣ и небрежно накулутомъ купавинскомъ платкѣ.)

ПОЛЗКОВЪ, съ досадою.

Эхъ, полноте, Марья Григорьевна! — Не ваше дѣло! — Вы, просто, бабушка, а это можетъ только рѣшить акушеръ или докторъ.

БАБУШКА.

Воля ваша, Алексѣй Алексѣвичъ, а я этого грѣха на душу не возьму. Мое дѣло вамъ доложить: изволь-

те послать за священникомъ! Супруга ваша—слава Богу, а младенецъ—очень слабъ.

ПОЛЗКОВЪ.

Окрестить-то недолго, матушка, Марья Григорьевна.

БАБУШКА.

Да и умереть-то недолго, батюшка, Алексѣй Алексѣвичъ!—Эй, сударь, поторопитесь!

ПОЛЗКОВЪ.

Хорошо вамъ говорить: поторопитесь!... Вамъ что!— а мнѣ это не бездѣлица.... Вѣдь двухъ разовъ не крестятъ!... И если я не попрошу теперь въ крестные отцы....

БАБУШКА.

Кого теперь просить!—Прикажите кому-нибудь изъ домашнихъ.

ПОЛЗКОВЪ.

Что вы это, Марья Григорьевна! Захочу ли я покумиться съ моннѣмъ лакеемъ!

БАБУШКА.

Такъ отца дьякона попросите!

ПОЛЗКОВЪ.

Ну, вотъ еще!

БАБУШКА.

Да помилуйте: гдѣ ужъ тутъ разбирать чины! лишь только бы успѣть окрестить.

ПОЛЗКОВЪ.

Да вы всё не то говорите, Марья Григорьевна! Не можетъ быть, чтобы ребенокъ былъ такъ слабъ....

БАБУШКА, глядя въ окно.

Вотъ, слава Богу, и докторъ прѣехалъ!—Посмотрите, Алексѣй Алексѣвичъ: онъ также скажетъ, что откладывать нечего.

(Уходитъ.)

ПОЛЗКОВЪ.

Какое несчастіе!... И надобно жъ было этому случиться!... Варвара Юрьевна обвизалась быть крестной матерью, если у меня родится сынъ. — Она близкая родственница графу, такъ ужъ вѣрно бы и его превосходительство Андрей Никифоровичъ не отказался пойти въ крестные отцы.—Я покумился бы съ моимъ начальникомъ: а это не шутка!—это весьма важный шагъ по службѣ!... Ну, если ужъ нельзя, такъ надобно по-крайней-мѣрѣ хотъ имя дать новорожденному такое, чтобъ можно было этимъ польстить кому-нибудь, доказать мою преданность..... У Варвары Юрьевны старшаго сына зовутъ Иваномъ..... Да кто жъ еще Иванъ?... Нѣтъ! Можно придумать что-нибудь по-лучше.... Начальника моего зовутъ Андреемъ.... Прекрасно!... Его сіятельство графа Куродавлева также Андреемъ.... Очень хорошо!... Э!—Да какъ это мнѣ въ голову не пришло? Вѣдь и князь Знатовъ, также Андрей!.... Нѣтъ ли еще кого-нибудь?.... Постой!... Ну, такъ и есть!.. У, славно!—Чего жъ лучше, назову его Андреемъ... рѣшительно Андреемъ. (*Входитъ бабушка.*) Ну, что?

БАБУШКА.

Вотъ я вамъ говорила!—Докторъ сейчасъ послалъ за священникомъ.

ПОЛЗКОВЪ.

Да это всё вы, Марья Григорьевна!... А я, право, думаю....

БАБУШКА.

Ну, ужъ воля ваша, думайте что хотите, а мы и безъ васъ окрестимъ. Иванъ Ивановичъ будетъ восприемникомъ.

ПОЛЗКОВЪ.

Докторъ?

БАБУШКА.

Ну, да, сударь!—А я крестной матерью.—Какое прикажете дать имя новорожденному? Супруга ваша желаетъ назвать его въ честь своего батюшки, Александръ.

ПОЛЗКОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!... Я хочу, чтобъ онъ назывался Андреемъ!—Слышите-ли, Андреемъ!

БАБУШКА.

Софья Александровна велѣла васъ просить....

ПОЛЗКОВЪ.

И, полноте!—Она не знаетъ сама чего просить.... Это дѣло отцовское.... Извольте окрестить моего сына во имя Андрея Первозваннаго.... Слышите-ли!... Я хочу этого, я требую.... Ну, однимъ словомъ, я обещался, Марья Григорьевна!

БАБУШКА.

О, если обещались, такъ это другое дѣло. Вотъ и я также по обещанію назвала старшую мою дочь Матронею: хотя у меня въ родствѣ нѣтъ ни одной Матрены.

ПОЛЗКОВЪ.

Ну, вотъ видите!... Какъ же послѣ этого....

БАБУШКА.

Кто и говорить, Алексій Алексѣевичъ! Ужъ коли обещались.... Двѣять нечего.... Я такъ и доложу Софьѣ Александровнѣ.

(Уходитъ.)

ПОЛЗКОВЪ.

Ну, теперь скорѣй къ Андрею Никифоровичу: онъ мой начальникъ, да и живеть по-ближе другихъ.—Эй, малой!—*(Входитъ слуга.)* Готовы ли дрожки?

СЛУГА.

Готовы, сударь.

ПОЛЗКОВЪ.

Фракъ!... (Одъвается.) Шинель и шляпу!... Если неравно завернешь ко мнѣ дяюшка, Максимъ Петровичъ—скажи ему, что я побѣхалъ по дѣламъ службы.

(Уходитъ.)

(Просто, но со вкусомъ убранный кабинетъ дѣлового человека.—Большой шкафъ съ книгами. Въ одномъ углу конторка для письма. Посреди комнаты длинный столъ, заваленный бумагами. Два или три тома Свода Законовъ, съ закрутыми листами и закладками, лежатъ на томъ же столѣ. Андрей Никифоровичъ Гореславскій, въ шелковомъ фракѣ и стуртукѣ и красныхъ сапожкахъ, сидитъ передъ конторкою. Подлѣ него стоитъ секретарь съ бумагами. Андрей Никифоровичъ Гореславскій человекъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, худощавый, съ лицомъ весьма благороднымъ, приятнымъ и добрымъ,—даже слишкомъ добрымъ. Хорошій физиономистъ тотчасъ бы замѣтилъ въ этомъ простодушномъ лицѣ,—какое-то отсутствіе—не ума—нѣтъ! Андрей Никифоровичъ человекъ вовсе не глупый;—по этой твердости, этой собственной воли, безъ которой всякой начальникъ, рано или поздно, а непременно попадетъ подъ команду своему секретарю. Андрей Никифоровичъ очень любимъ своими подчиненными; чиновники усердные, смиренные и честные, любятъ его за то, что онъ ласково съ ними обходится—а кадецы, плуты и льстивыя,—за то, что имъ все сходитъ съ рукъ; однимъ словомъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, про которыхъ обыкновенно говорятъ: «что за добрый человѣкъ во всю свою службу не сдѣлалъ никакого несчастія».—Андрей Никифоровичъ, какъ человекъ честный и благородный, не очень уважаетъ льстецовъ.—Ему даже опархителены ихъ грубая лесть, низкій угожденіи, ласкающая преданность, а между тѣмъ эти всады дѣлаютъ изъ него все что имъ вздумается, и хотя онъ знаетъ вѣрно самъ, что это не доброта, а слабость характера, но какъ не можетъ устоять противъ ихъ нападкѣй, потому что ему какъ-то совѣстно отказать въ чемъ-нибудь челове-

ку, который валяется у него въ ногахъ.—Секретарь его... но объ немъ распространяться нечего. Онъ человекъ хитрый, ловкій, досужий и, какъ вся умные секретари—знаетъ своего начальника, какъ свои пять пальцевъ.)

ГОРЕСЛАВСКІЙ, отдавая секретарю бумаги.

Да я въ этомъ дѣлѣ не вижу столоначальника Чистякова—а, кажется, я своей рукой отмѣтилъ!

СЕКРЕТАРЬ.

Виновать, ваше превосходительство! Видно какъ-нибудь въ перепискѣ ошиблись; а я поторопился, не доглядѣлъ.

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Вотъ то-то, Павелъ Васильевичъ, вы всё торопитесь! Ну, если бѣ представленіе пошло безъ него?...

СЕКРЕТАРЬ.

Конечно, ваше превосходительство—когда ужъ вамъ такъ угодно... А если осмѣлюсь доложить, такъ Чистяковъ могъ бы и пообождать...

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Да развѣ онъ не заслуживаетъ?... Онъ хорошо занимается дѣломъ, малый честный...

СЕКРЕТАРЬ.

Да, точно такъ, ваше превосходительство! — Отличный чиновникъ.

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Такъ почему жѣ его не представить?

СЕКРЕТАРЬ.

Конечно, ваше превосходительство, почему и не представить,—а впрочемъ, у насъ въ канцеляріи есть чиновникъ по-старше его... Вотъ, напримеръ, Алексѣй Алексѣвичъ Ползковъ...

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Да онъ почти каждый годъ получаетъ награды.

СЕКРЕТАРЬ.

Человѣкъ-то прекрасный, ваше превосходительство!—Съ большими способностями...

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

А развѣ Чистяковъ...

СЕКРЕТАРЬ.

Помилуйте, гдѣ ему равняться съ Ползковымъ! — У того дѣятельность необычайная и такія соображенія, что истинно надобно удивляться... А какъ преданъ вашему превосходительству...

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Преданъ! — Да кому онъ не преданъ?—Эхъ, Павелъ Васильевичъ: не люблю я этихъ низкопоклонныхъ людей!

СЕКРЕТАРЬ.

Да это ужъ у него—такъ, ваше превосходительство—манера такая... А низости въ немъ ни на-волосъ нѣтъ. Онъ человѣкъ преблагородный!

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Все это очень хорошо. Но почему же мнѣ не представить Чистякова? — Если я не ошибаюсь, такъ многіе изъ его товарищей моложе его, носятъ Станислава за шею, а у него еще нѣтъ и Владиміра въ петлицѣ.

СЕКРЕТАРЬ.

Да вѣдь онъ какой-то философъ. — Онъ вовсе и не думаетъ объ этомъ.

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Нуужели?

СЕКРЕТАРЬ.

Точно такъ, ваше превосходительство. Да если бъ это

его занимало, такъ онъ стоить бы просить васъ или самъ, или черезъ другихъ...

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Да, это правда!—За него никто никогда не проситъ.

СЕКРЕТАРЬ.

А самъ онъ объ этомъ и не заикнется. Вотъ если бы Ползковъ удостоился быть представляющимъ отъ вашего превосходительства къ Аннѣ на шею — такъ онъ съ ума бы сошелъ отъ радости.

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Эхъ, Павелъ Васильевичъ!—Да за что?.. Конечно, меня ужъ объ этомъ просили Варвара Юрьевна Белоухова и Княгиня Авдотья Кирилловна Перекопская, да я не знаю какъ это сдѣлать: я и такъ представляю десять человекъ... Много, Павелъ Васильевичъ — право, много!

СЕКРЕТАРЬ.

Да вотъ, ваше превосходительство: въ списокъ одного недостаетъ.... Чистякова можно въ будущемъ году—а теперь если бъ вы сдѣлали эту милость Ползкову...

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Конечно, дѣло возможное... Но за что же бѣдный Чистяковъ... И вы думаете ему не огорчиться?

СЕКРЕТАРЬ.

Да отъ чего же ему огорчиться?— Не въ нынѣшнемъ, такъ въ будущемъ году... Вы изволите ему сказать слова два ласковыхъ, такъ на этотъ разъ онъ и этимъ будетъ доволенъ.

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Но я такъ часто награждаю Ползкова, что это должно, наконецъ, показаться какимъ-то пристрастиемъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Не забывайте, ваше превосходительство! Да кто можетъ

покидать начальнику отдавать справедливость подчиненному, если онъ этого заслуживаетъ?..

СЛУГА, входя въ кабинетъ.

Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ.

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Зови сюда!

СЛУГА, обращаясь къ дверямъ.

Пожалуйте.

(Ползковъ входитъ и низко кланяется сначала Гореславскому, а потомъ секретарю.)

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Здравствуйте, Алексѣй Алексѣевичъ!—Что скажете?

Ползковъ, кланаясь.

Ваше превосходительство!.. Богъ даровалъ мнѣ сына.

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Право?.. Поздравляю, поздравляю!

Ползковъ, нагнувшись нѣсколько впередъ и глядя съ умилениемъ на Гореславскаго.

Служа подъ благодѣтельнымъ начальствомъ вашего превосходительства, взъисканный и, такъ сказать, осыпанный милостями вашими, я осмѣлился въ знакъ моей душевной и всенижайшей благодарности назвать новорожденного моего сына Андреемъ, въ честь вашего превосходительства.

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Очень вамъ благодаренъ.

Ползковъ.

Мнѣ бы должно было сначала испросить на это соволеніе вашего превосходительства, но въ ту минуту гда я сдѣлался отцомъ, я дотога обезумѣлъ отъ радости, что забылъ мой долгъ и осмѣлился безъ вашего согласія... Конечно, дерзость эта велика...

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

И, полноте, Алексѣй Алексѣевичъ! Какая тутъ дерзость!

ПОЛЗКОВЪ.

Нѣтъ, ваше превосходительство!—Вы это по добротѣ вашей изволите говорить, а я, конечно, поступилъ опрометчиво. Увлеченный чувствами моей неизъяснимой благодарности, я не подумалъ, что, можетъ-быть, вамъ не угодно будетъ...

ГОРЕСЛАВСКИЙ, съ примѣтными нетерпѣніемъ.

Да почему жъ не угодно?.. Что это вы всё говорите, Алексѣй Алексѣичъ!—Скажите-ка лучше какъ здоровье вашей супруги.

ПОЛЗКОВЪ.

Слава Богу, ваше превосходительство, слава Богу!—Слаба немножко... Однако жъ и ей тотчасъ пришло въ голову... говоритъ мнѣ: «Алексѣй Алексѣевичъ, непременно надобно назвать нашего сына Андреемъ, въ честь его превосходительства Андрея Никифоровича: вѣдь онъ нашъ благодѣтель!..» И повѣрите ли, ваше превосходительство, съ какимъ она это говорила жаромъ. — «Да если, говорить, ты не назовешь его Андреемъ, такъ я и видѣть его не хочу.»

(Секретарь дѣлаетъ знаки Ползкову и указываетъ головою на дверь.)

Но я не смѣю долѣе мѣшать занятіямъ вашего превосходительства; я поспѣшу обрадовать жену мою и сказать ей, какъ милостиво вы извелили принять...

ГОРЕСЛАВСКИЙ.

Хорошо, хорошо!—Прощайте, Алексѣй Алексѣевичъ! *(Ползковъ низко кланяется и уходитъ.)* Слава Богу! — Ушелъ!.. Ну, того и глядѣлъ, что онъ повалится мнѣ въ ноги!

СЕКРЕТАРЬ.

Вотъ, ваше превосходительство, вы вѣрно изволите думать, что это лесть; а вѣдь все, что онъ говорилъ — истинная правда.

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Да зачѣмъ это говорить!

СЕКРЕТАРЬ.

Что жъ дѣлать, ваше превосходительство! Вѣдь это говорить не языкъ, а сердце... Вы, можетъ-быть, не изволили замѣтить—у него слезы были на глазахъ.

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, не замѣтилъ! — Мнѣ совѣстно было на него смотреть.

СЕКРЕТАРЬ, помолчавъ нѣсколько времени.

Какъ же, ваше превосходительство—прикажете его внести въ списокъ?

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Эхъ, Павелъ Васильевичъ! — Пристаи вы ко мнѣ... Да вѣдь это будетъ несправедливо.

СЕКРЕТАРЬ.

На милость образца нѣтъ, ваше превосходительство. О немъ же васъ всѣ просятъ...

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Да, да!—Охъ эти мнѣ протекціи.... И Варвара Юрьевна, и княгиня Авдотья Кириловна....

СЕКРЕТАРЬ.

Оно же и кстати пришло: у него родился сынъ, ужъ такъ-бы радость къ радости.... Да вѣдь вашему превосходительству надобно же что-нибудь ему на зубокъ положить....

ГОРЕСЛАВСКІЙ, развеселясь.

Да, конечно! — Это будетъ по-лучше черво лица!...

Ну, такъ и быть!.... Но только на будущей годъ....

СЕКРЕТАРЬ.

Не извольте беспокоиться! — Я самъ напомню вашему превосходительству о Чистяковъ.

ГОРЕСЛАВСКІЙ.

Ну, то-то же!.... Смотрите!.... Подайте мнѣ бумагу. Я подпишу и отвищу къ чему представляю Ползкова — а вы ужъ послѣ внесите его въ списокъ.

(Беретъ и подписываетъ бумагу.)

(Роскошный кабинетъ большаго барина. По стѣнамъ картины въ великолѣпныхъ рамахъ. Въ одномъ углу мраморная статуя Венеры Медицейской, въ другомъ умирающій гладиаторъ. — Вообще не красивой формы, но въ высочайшей степени комфортабельная кабинетная мебель, обитая рытвымъ пунцовымъ бархатомъ. Мраморный каминъ съ огромнымъ зеркаломъ, передъ которымъ стоятъ бронзовые великолѣпные часы рококо. Посреди круглаго стекляннаго балкона или фонаря, замыкающаго одно изъ оконъ кабинета, на гранитномъ пьедесталѣ группа похищенія Сабинокъ, изъ прозрачнаго италіянскаго алебастру. Въ одномъ простѣлкѣ туалетный столикъ «помпадуръ», съ серебрянымъ, вызолоченнымъ лавабо и со всеми своими прихотливыми затѣями; въ другомъ довольно большой столъ, на немъ въ ящикъ за стекломъ коллекція золотыхъ табакерокъ круглыхъ, овальныхъ, четырехугольныхъ, высокихъ, плоскихъ, сундучками, брусочками, лодочками — съ эмалью, рѣзьбою, аятками и портретами. Полъ устланъ пестрыми, пушистыми коврами. Посреди кабинета длинный столъ, покрытый капсеками, живописными путешествіями и портфелями съ рисунками; подлѣ самага стола, на тумбѣ изъ палисандра, въ мѣдной кляпкѣ сидитъ спрый попугай. Въ кабинетъ трое дверей; одна, противъ оконъ, ведетъ въ приемную комнату, другая, по концамъ кабинета, соединяютъ его съ огромной библиотекой и зимнимъ садомъ, составленнымъ изъ померанцевыхъ, лимонныхъ и лавровыхъ

деревьев.—Передъ столомъ на эластическомъ стуль съ высокою спинкою, закутанный въ атласный халатъ—сидитъ графъ Андрей Никитичъ Куродавлевъ; онъ очень занятъ. Передъ нимъ лежитъ большой листъ пергаменту и его сіятельство, вооруженный широкимъ ножомъ изъ слоновой кости, растираетъ на этомъ листъ французскій табакъ. Графу навзгладъ льтъ за сорокъ; онъ человекъ дородный, высокою росту, весьма пріятной наружности, съ полными красными щеками; въ глазахъ его замѣтна какая-то усталость и лѣнь,—впрочемъ, онъ весьма добросовѣстно занимается своимъ дѣломъ и подъ его костянымъ ножомъ, каждая крупинка табаку получаетъ вполне свою окончательную отдѣлку.

Сквозь затворенныхъ дверей слышенъ въ пріемной комнатѣ, не шумный, но безпрерывный гдворъ, и отъ времени до времени раздаются шаны людей, которые весьма осторожно и тихо прохаживаются по комнатѣ.)

ГРАФЪ, перемнная шепоть табаку между двумя пальцами.

Всѣ-еще слишкомъ сырѣ.... Что это у меня за привычка такая!—Всегда перемочу.

(Изъ пріемной комнаты входитъ офиціантъ.)

ОФИЦІАНТЪ.

Ваше сіятельство!—Надворный совѣтникъ Фитюлькинъ.

ГРАФЪ.

А, знаю!.... Надобѣль!—Скажи, чтобъ извинилъ: я не могу сегодня принять — я занятъ!.... Да кто тамъ еще?

ОФИЦІАНТЪ.

Человекъ десять, ваше сіятельство. Орловскій пономѣщикъ Дудкинъ....

ГРАФЪ.

Деревенскій мой сосѣдь?—Зачѣмъ онъ таскается въ Москву?—Ну, кто еще?....

ОФИЦІАНТЪ.

Статскій совѣтникъ Чернопольскій. — Отставной маіоръ Брыкаловъ — по вашему приказанію. Какой-то Французъ съ бородкою, подрядчикъ Дергуновъ, Италіанецъ съ картинами....

ГРАФЪ.

Хорошо, хорошо! — Проси подождать. *(Офиціантъ уходитъ. Графъ продолжаетъ еще нѣсколько минутъ растирать табакъ, потомъ наклонясь надъ листомъ пергаменту нюхаетъ.)* Кажется, табакъ хорошъ!... Крѣпокъ.... свальный букетъ.... Да, да!.... Этотъ меланжъ очень душистъ и приятенъ!.... Петербургскій отъ Іансена не дуренъ, но этотъ лучше!.... Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ у Депрё былъ такой хорошей табакъ!.... *(Насыпаетъ въ табакерку и нюхаетъ.)* Очень хорошъ!....

(Изъ-за дверей библіотеки выглядываетъ хорошенькое личико, съ черными, бойкими глазами и розовыми щечками.)

А, Груша!—Что ты?.... Войди!

(Девушка лѣтъ осьмнадцати, въ бѣломъ платьѣ и золотомъ шелковомъ фартукѣ входитъ въ кабинетъ и останавливается у дверей.)

Ну, что миленькая?

ГРУША.

Графиня прислала васъ спросить, поѣдете-ли вы сегодня поутру со двора?

ГРАФЪ.

Что-о?

ГРУША, громче.

Ея сіятельство, графиня, спрашиваетъ васъ, поѣдете-ли вы сегодня поутру со двора?

ГРАФЪ.

Не слышу, мой другъ.—Подойди по-ближе!

ГРУША.

Что это, ваше сиятельство—развѣ вы глухи?

ГРАФЪ.

Видно, что такъ! — Да подойди же по-ближе, душенька!

ГРУША.

Не нужно-съ!

ГРАФЪ.

О, плутовка!

ГРУША.

Да, полноте, ваше сиятельство! — Вы извольте сказать, побѣдете-ли вы или нѣтъ?

ГРАФЪ.

Ну, ну! Не гнѣвайся! — Скажи, что повѣду на Кузнецкій Мостъ.... Мнѣ надобно кое-что купить.... Да постой, Груша!—Хочешь-ли я куплю тебѣ серѣжки....

ГРУША.

Покорнѣйше васъ благодарю!.... Охъ, вы!....

ГРАФЪ, встаетъ.

Послушай! (*Груша уходитъ.*) Постой, постой!.... Разбойница!.... Настоящій чертѣнокъ!.... А хороша!.... Премиленькая рожица!.... (*Подходитъ къ попугаю.*) Попинька! — Что ты, мой другъ?... Дай головку, попинька.... дай головку!.... Попинька!—Да что жъ ты ничего не говоришь?.... Кто пришелъ?

ПОПУГАЙ.

Дуракъ!

ГРАФЪ.

Фи, попинька, фи!.... Говори: бонжуръ, Жако. Бонжуръ Жако! (*Попугай кричитъ своимъ натуральнымъ языкомъ.*) Шалишь!.... Что это!.... Кусаться?.... Вотъ я тебя!....

ОФИЦИАНТЪ, входя въ кабинетъ.

Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ.

ГРАФЪ.

Проси! (*Садится на прежнее мѣсто. Ползковъ входитъ.*) А! здравствуй, Алексѣй Алексѣичъ! — Какъ поживаешь?

ПОЛЗКОВЪ, кланяясь.

Слава Богу, ваше сіятельство!

ГРАФЪ.

Садись!

ПОЛЗКОВЪ.

Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство! — Я не усталъ.

ГРАФЪ.

Садись, братецъ! (*Указываетъ ему на стулъ, который стоитъ противъ дверей библіотеки; Ползковъ садится.*) Ну, что подѣлываешь?

ПОЛЗКОВЪ.

Да такъ-съ! всё по-прежнему. — Служу, тружусь!.... (*Вставая.*) Ваше сіятельство! — Богъ даровалъ мнѣ сына.

ГРАФЪ.

Честъ имѣю поздравить!

ПОЛЗКОВЪ.

Пользуясь всегда благорасположеніемъ и облагодѣтельствованнымъ ласками вашего сіятельства, я осмѣлился просить дозволенія, назвать моего сына Андреемъ, въ честь вашего сіятельства.

ГРАФЪ.

Спасибо, Алексѣй Алексѣичъ, спасибо!

ПОЛЗКОВЪ.

Это имя будетъ безпрестанно напоминать сыну моему о высокомъ покровителѣ и благодѣтелѣ нашего семейства. — О, я увѣренъ, если когда-нибудь сынъ мой — отъ чего да сохранить его Боже — поколеблется на пути чести и добродѣтели: мнѣ только нужно бу-

дѣть сказать ему: «Андрюша!—вспомни чѣ ты носишь
има!»

ГРАФЪ.

И, полно, Алексѣй Алексѣичъ!—Ты ужъ слишкомъ
меня хвалишь.

ПОЛЗКОВЪ.

Я, ваше сіятельство?... Да я только-что отголосокъ
общаго мнѣнія—и почелъ бы себя совершенно сча-
стливымъ, если бы мой сынъ походилъ хотя нѣсколь-
ко на васъ....

ГРАФЪ, съ громкимъ смѣхомъ.

На меня?... И ты этого желаешь?... Ха, ха, ха!....
Что ты это, братецъ, Алексѣй Алексѣичъ?... Поми-
луй!.... Да развѣ эти вещи говорятся?....

ПОЛЗКОВЪ, также смѣется.

А! Да!.... Хе, хе, хе!.... Извините!—Не такъ выра-
зился, ваше сіятельство!—Я говорю о сходствѣ относи-
тельно вашихъ душевныхъ качествъ. — Разумѣется,
сынъ мелкаго, незначащаго челоуѣка, можетъ ли имѣть
какое-нибудь другое сходство, съ такимъ знамени-
тымъ вельможею, такимъ истиннымъ русскимъ бояри-
номъ? Нѣтъ, ваше сіятельство, я желалъ бы только
чтобъ онъ душою-то на васъ походилъ: чтобъ онъ
былъ точно такъ же какъ вы, неутомимъ на поприщѣ
службы; такъ же какъ вы, посвятилъ всю жизнь свою
для общаго блага—разумѣется, вы въ большомъ и ог-
ромномъ размѣрѣ, а онъ, въ маленькомъ; но чтобы
дѣйствія-то его были такъ же чисты и такъ же исполне-
ны самоотверженія, какъ всѣ дѣйствія ваши.... Вѣдь
вы — взынните, ваше сіятельство — несмотря на вашу
знатность и богатство—вы труженникъ!.... Другой бы
на вашемъ мѣстѣ бросилъ все, сталъ бы жить для се-
бя—вы, нѣтъ! У васъ одна только цѣль: быть полез-
нымъ отечеству.

ГРАФЪ.

Однако жъ, любезный Алексѣй Алексѣичъ и я ужъ

начинаю уставать; хочется отдохнуть, пожить за границею....

ПОЛЗКОВЪ.

Конечно, ваше сіятельство, кто другой, а вы и въ службѣ и въ отставкѣ—всѣ будете баринномъ. Вамъ же тихая и спокойная жизнь не надоесть; вѣдь вы отличный семьянинъ, примѣрный супругъ. *(Изъ-за дверей библіотеки выльядываетъ Груша. Ползковъ встаетъ.)* Но я не хочу во зло употреблять вашего снисхожденія... Вы заняты....

ГРАФЪ.

Куда торопишься?....

ПОЛЗКОВЪ, поглядывая на двери библіотеки.

Мнѣ нужно еще побывать за Красными Воротами.... Сейчасъ вспомнилъ. Крайняя нужда!.... Честь вмѣю кланяться вашему сіятельству!....

ГРАФЪ.

Ну, прощай, любезный!—Не забывай.

ПОЛЗКОВЪ, кланяясь.

Помилуйте-съ!.... Какъ это можно!....

(Уходитъ.)

ГРУША, изъ-за дверей кабинета.

Графиня проситъ васъ къ себѣ, ваше сіятельство.

(Обитая малиновымъ штофомъ юстинная клягини Аедити Кириловны Перекопской; старинная раззолоченная мебель въ вымыхъ чехлахъ. Въ простѣнкахъ узенькіе составные трюмо. На подстольникахъ японскія вазы съ цвѣтами. Люстра съ хрустальными подвѣсками. Дорогой паркетъ изъ разноцвѣтнаго дерева. Въ одномъ углу на пиде-сталь мраморный бюстъ Екатерины Второй. Передъ канале или софою—большой наклеинной столъ съ изображеніемъ

туда царско-сельскаго дворца; съ одной стороны дивана на изысканной скамеечкѣ пріютилась съ чулкомъ въ рукахъ фаворитка княгини, Мишиша, хорошенькая собото дѣвочка лѣтъ десяти; съ другой, на вышитой по канѣ подушкѣ, лежитъ полвопьялая англійская собачка въ красномъ сафьянномъ ошейникѣ. На диванѣ, въ бѣломъ кисейномъ капотѣ и кружевноиъ цепцѣ, сидитъ весьма еще бодрая и блистательная старушка лѣтъ шестидесяти-пяти. На бѣломъ и румяномъ лицѣ ея замѣтны слѣды прежней красоты. Рядомъ съ ней, также на канпѣ, но только немного бокомъ, сидитъ молодая женщина, одѣтая по послѣдней модѣ:—эта дама, правнучатная племянница княгини. Подъ окномъ, за маленькимъ столикомъ, занимается рукодѣльемъ Ольга Николаевна, воспитанница ея сиротельскаго дѣтскаго лѣтъ тридцати. У дверей стоитъ карликъ, въ пропудровомъ голубомъ французскомъ кафтанѣ и розовомъ вѣласномъ камзолѣ.)

КНЯГИНЯ, продолжая разговаривать съ молодою дамою.

Да, мой другъ! Мнѣ очень грустно, что ты разошлась съ мужемъ; въ нашъ вѣкъ это не дѣлалось такъ легко.

МОЛОДАЯ ДАМА.

Да вы не можете себя представить, ma tante, что я должна была терпѣть! Если бъ вы только знали — то вѣрно бы пожалѣли обо мнѣ: вы такъ ко мнѣ милостивы! (Цѣлуетъ ее въ плечо.)

КНЯГИНЯ.

О, конечно, ma chère, я очень тебя люблю. (Молодая дама цѣлуетъ у нея руку.) Но неужели въ самомъ дѣлѣ твой мужъ такой дурной человекъ?....

МОЛОДАЯ ДАМА.

Чудовище, ma tante!—Совершенное чудовище!

КНЯГИНЯ.

Право, это для меня удивительно!—Я знала его мать прекрасная была женщина! — Мы были съ нею объ

фрейлинами.—И съ мужемъ ея была знакома; на всѣхъ въ придворныхъ балахъ и дуртагахъ онъ всегда былъ моимъ кавалеромъ.—Прелюбезный человекъ! — А какой тонъ!—Какая манера!—Его многіе принимали за эмигранта!—Право, за эмигранта!... Неужели сынъ до такой степени на нихъ не похожъ?... Онъ мнѣ казался всегда такимъ порядочнымъ....

МОЛОДАЯ ДАМА.

Одна наружность, та tante!.... Человекъ самый безправственный!... *faizant la cour a tout le monde*....

КНЯГИНЯ.

Право?...

МОЛОДАЯ ДАМА.

Повѣрите ли, та tante—я иногда съ нимъ по нѣсколькимъ днямъ сряду не видалась....

КНЯГИНЯ.

А, вотъ что!—Ты ревнива?

МОЛОДАЯ ДАМА.

Кто? Я, та tante? Помилуйте! Напротивъ, онъ ревнивъ какъ Отелло.

КНЯГИНЯ.

Это ужъ что-то слишкомъ странно, мой другъ.—Ревнивъ, а оставлялъ тебя одну. Добро бы онъ держалъ тебя въ-заперти....

МОЛОДАЯ ДАМА.

Въ-заперти! Нѣтъ, та tante, ужъ этого бы я ему не позволила!—Довольно и того, что я, по милости его, не была до-сихъ-поръ за границею.

КНЯГИНЯ.

Ну, это еще не большая бѣда, мой другъ.

МОЛОДАЯ ДАМА.

Помилуйте! Да мнѣ два раза предписывали карлсбадскія воды.

княгиня.

Отъ чего?

МОЛОДАЯ ДАМА.

Нервы, ma tante, нервы!... Мнѣ кажется, здоровье жены должно же что-нибудь значить для мужа... Я просилась даже въ Ревель, а онъ и туда меня не пустилъ!... Тиранъ!...

княгиня.

И онъ просто, безъ всякой причины, не хотѣлъ тебя этого позволить?

МОЛОДАЯ ДАМА.

Всѣ пустыя отговорки—глупость! То денегъ нѣтъ, то долженъ на все лѣто ѣхать въ деревню.

княгиня, качая головою.

Охъ, мой другъ! Ужъ полно такъ ли онъ виноватъ, какъ ты говоришь?—Мнѣ что-то кажется, что и ты не все права.

МОЛОДАЯ ДАМА.

Я, ma tante? Да я на всѣхъ пошлаюсь.... Я просто была несчастная жертва. Если бъ вы знали какія онъ дѣлалъ сцены, непріятности.... Да и теперь еще дѣлаетъ. Представьте себѣ, мы разошлись, а онъ не хотѣтъ ничего давать на мое содержаніе.

княгиня.

Да вѣдь у тебя, кажется, есть свое состояніе.

МОЛОДАЯ ДАМА.

Такъ, ma tante; но онъ, какъ мужъ, обязанъ.... Ахъ если бъ вы за меня вступились. (*Цѣлуетъ у княгини руку*) Вамъ стоить только написать въ Петербургъ.

княгиня.

Я думаю, ma chère, всего лучше—если бъ вы помирились....

МОЛОДАЯ ДАМА.

О, ни зачѣмъ на свѣтъ!... Да онъ совершенный злодѣй. Онъ ненавидитъ всѣхъ родныхъ моихъ!...

КНЯГИНЯ.

Неужели?

МОЛОДАЯ ДАМА.

Дядюшку Степана Степановича пересталъ принимать, бабушку Маргариту Дмитриевну называетъ сплетницей, кузину Глашенку, кокеткой. Леону—моему двоюродному брату—этому доброму, милому ребенку, отказалъ отъ дому; и даже васъ, тетушка....

КНЯГИНЯ, съ удивленіемъ.

Меня? Что меня?

МОЛОДАЯ ДАМА.

Охъ, та tante! Мнѣ не хотѣлось бы вамъ говорить...

КНЯГИНЯ, съ жаромъ.

Нѣтъ, скажи, скажи, та chère! Я хочу знать....

МОЛОДАЯ ДАМА.

Ну, если вамъ угодно.... (*Посмотря кругомъ и спомолагая.*) Но мы здѣсь не одни, та tante....

КНЯГИНЯ.

Ты меня пугаешь, мой другъ!... Такъ это что-нибудь важное?... Оленька! Который часъ?

Ольга Николаевна.

Половина перваго, ваше сіятельство.

КНЯГИНЯ.

Такъ время завтракать. Поди, душенька, похлопочи! (*Ольга Николаевна уходитъ.*) Мимиша: тебѣ пора учить урокъ; а ты, Кондратьичъ, ступай въ переднюю. (*Дѣвочка и карликъ уходятъ.*) Ну, вотъ, теперь мы одни. Скажи, что говорить обо мнѣ твой мужъ?...

МОЛОДАЯ ДАМА.

Ахъ, тётушка! Минъ, право, тяжело повторять его низкия и скверныя клеветы.... Во-первыхъ, онъ иначе васъ не называетъ, какъ вдовушкой-Минервой, Фрейлиной Екатерины Первой....

КНЯГИНЯ.

Онъ! Какъ это глупо!.... Да это въ какой-то русской комедіи....

МОЛОДАЯ ДАМА.

Говорить, что вы блѣтите и румянитесь....

КНЯГИНЯ.

Кто, я?... Скажите какой клеветникъ!

МОЛОДАЯ ДАМА.

Да то ли еще онъ говорить, ma tante!...

КНЯГИНЯ.

Ахъ, батюшки!.... Ужъ не говорить ли онъ, что я людей рѣжу?

МОЛОДАЯ ДАМА.

О, нѣтъ, совсѣмъ не то!... Онъ увѣряетъ всѣхъ, что будто бы вы любите вашу воспитанницу Ольгу Николаевну потому.... Ахъ, ma tante!... Я, право, не знаю какъ вамъ это и сказать.... Ну, потому что у васъ одно съ нею лицо.

КНЯГИНЯ, съ ужасомъ.

Что, что...

МОЛОДАЯ ДАМА.

А вашу фаворитку Минимшу любите за то, что она изъ капли воды, походить на Ольгу Николаевну.

КНЯГИНЯ.

Dieu, quelle horreur!

МОЛОДАЯ ДАМА.

Да это еще ничего. Онъ говорить, что и прежнія наши воспитанницы, которыхъ вы выдали замужъ...

КНЯГНЯ.

Молчи, мой другъ, молчи!... Ахъ онъ, чудовище!

МОЛОДАЯ ДАМА.

Извергъ, та tante, извергъ! И вы хотите, чтобъ я помирилась съ этимъ челоушкомъ!

КНЯГНЯ.

Нѣтъ, мой другъ!—Нѣтъ!—Теперь ничего не хочу... Ахъ, Боже мой!—И какъ могло прійти въ голову.... Ну!!! Признаюсь, этого я не ожидала!...

МОЛОДАЯ ДАМА.

Ну, вотъ видите, та tante, какъ мнѣ нужна ваша помощь.

КНЯГНЯ.

Вижу, мой другъ, вижу! Этотъ злодѣй способенъ на все.

МОЛОДАЯ ДАМА, цѣлуя у княгини руку.

Такъ вы похлопчете, чтобъ его заставили дать мнѣ приличное содержаніе?... Онъ такъ скупъ, та tante, что это будетъ для него ужаснѣйшимъ наказаніемъ....

КНЯГНЯ.

Ты думаешь?

МОЛОДАЯ ДАМА.

Увѣряю васъ!

КНЯГНЯ.

Ну, если такъ, хорошо, мой другъ—хорошо! Тебѣ должно будетъ подать просьбу, а я ужъ напишу куда слѣдуетъ.... Я докажу этому гнусному клеветнику, что фрейлина Екатерины Первой ниветъ еще кое-какія связи!... Ахъ, какой злодѣй!... Подумать не могу.

СЛУГА, входя въ гостиную.

Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ, ваше сіятельство.

КНЯГНЯ.

Снажи, что я нездорова, не принимаю!... Или нѣтъ, постой, постой!... Ты знаешь, та снѣге, Ползкова?

МОЛОДАЯ ДАМА.

Знаю, ma tante: онъ человекъ очень не глухой.

КНЯГИНЯ.

И большой дьялецъ. Чего же лучше? Онъ напишетъ тебѣ просьбу. (*Служь.*) Проси сюда. Этотъ Ползковъ, ma chère, мнѣ очень преданъ. Мой князь Александръ Петровичъ въ послѣдній годъ своей жизни, то есть, тридцать три года тому назадъ—доставилъ его отцу офицерской чинъ и вывелъ въ люди все ихъ семейство. (*Ползковъ входитъ.*)—А! Здравствуйте, Алексѣй Алексъвичъ!

ПОЛЗКОВЪ, кланяясь.

Ваше сіятельство!... (*Молодой дамъ.*) Честь имѣю кланяться вашему превосходительству!

МОЛОДАЯ ДАМА, слегка кивая головой.

Здравствуйте-съ!

КНЯГИНЯ.

Садитесь, Алексѣй Алексъвичъ!—Прощу покорно!... Вы очень кстати меня навѣстили.—У племянницы есть ко вамъ просьба.

ПОЛЗКОВЪ.

Я почту себя очень счастливымъ... Позвольте узнать...

МОЛОДАЯ ДАМА.

Мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться... Да, вотъ, всего лучше: пожалуйста ко мнѣ завтра часу въ первомъ, такъ мы объ этомъ поговоримъ.

ПОЛЗКОВЪ.

Съ моимъ удовольствіемъ! ... Мнѣ очень пріятно, что я...

КНЯГИНЯ.

Ну, что ваша Софья..... Извините!..... кажется?..... Софья Алексъевна?...

ПОЛЗКОВЪ.

То что такъ-съ.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, вѣтъ, вѣтъ!... Софья Александровна!...

ПОЛЗКОВЪ.

Поздравьте! Всё равно-съ.

КНЯГИНЯ.

Ну, что здорова ли она?...

ПОЛЗКОВЪ.

Богъ дароваль мнѣ сына, ваше сіятельство.

КНЯГИНЯ.

Очень рада, Алексѣй Алексѣичъ! Очень рада!

ПОЛЗКОВЪ, вставая.

Ваше сіятельство!—Все семейство наше, а въ-особенности я, такъ давно пользуемся вашими милостями и высокимъ покровительствомъ, что я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человекомъ, если бы не искалъ случая, хотя бы-нибудь доказать вамъ мою безпредѣльную преданность. Позвольте же, ваше сіятельство, въ ознаменованіе душевной моей преданности, назвать въ-его новорожденнаго Андрюшъ, въ честь его сіятельства князя Андрея Алексѣевича.

КНЯГИНЯ.

Въ честь моего сына?.. Очень вамъ благодарна, Алексѣй Алексѣичъ!.. Я напишу ему объ этомъ.

ПОЛЗКОВЪ.

Въ такомъ случаѣ потрудитесь, ваше сіятельство, прибавить, что я почелъ бы себя истинно счастливымъ, если-бъ его сіятельство принялъ благосклонно эту скудную лепту, моей хотя бесплодной, но искренней благодарности, за всѣ милости изливаемые на меня вашимъ знаменитымъ домомъ.

КНЯГИНЯ.

И, полноте, Алексѣй Алексѣичъ! Да что жь мы такое

ли васъ сдѣлали? Мы любимъ васъ какъ человѣка
и нѣтъ преданнаго.

ПОЛЗКОВЪ, прижимая руки къ груди.

О, совершенно преданнаго!... Да, позвольте спросить:
я не вижу Ольги Николаевны: ужь здорова ли она?

КНЯГИНЯ.

Слава Богу.

ПОЛЗКОВЪ.

А ваша прелесть—Минодора Назарьевна.

КНЯГИНЯ.

Миниша?... Также здорова.

ПОЛЗКОВЪ.

Голубушка моя!... Вѣрите ли Богу, ваше сіятельство,
—не видывалъ такихъ дѣтей!... Что это мнѣ кажется
ваша леди какъ-будто бы потолстѣла... Леди, Леди!
(Англійская собачка подблѣзаетъ къ Ползкову, вылетаетъ
звостомъ и начинаетъ къ нему ласкаться. Ползковъ вы-
нимаетъ изъ жилетнаго кармана кусочекъ сахару и
даетъ ей.) А! дотадалась! Знаешь плутовка, что у меня
всегда для тебя гостинецъ есть!... Что это, какая кра-
савица!—Удивительно!...

СЛУГА, входя въ гостиную.

Завтракъ готовъ, ваше сіятельство!

КНЯГИНЯ.

Не хотите ли съ нами позавтракать, Алексѣй Алек-
сѣвичъ!

ПОЛЗКОВЪ.

Покорнѣйше васъ благодарю! Мнѣ еще надобно да-
леко ѣхать.

МОЛОДАЯ ДАМА.

Не забудьте, завтра, въ первомъ часу.

ПОЛЗКОВЪ.

Какъ забыть, помилуйте! (Раскланиваясь.) Ваше сія-
тельство!... Ваше превосходительство!...

(Уходитъ.)

(Большая комната. Стѣны, выкрашенныя голубою краскою, окаймлены ширляндюю пунцовыхъ и желтыхъ цвѣтовъ. На потолокъ нарисованы по угламъ въ свѣтло-голубыхъ кружкахъ, розовые купидоны; надъ стекляннымъ фонаремъ, запыляющимъ люстру, въ большомъ кругу, среди фиолетовыхъ облаковъ, изображено что-то похожее на колесницу, въ которой сидитъ что-то похожее на человека и правитъ двумя дельфинами. Въ одномъ изъ угловъ кивотъ изъ красную дерева съ иконами въ богатыхъ окладахъ; передъ ними висятъ три стеклянные, разноцвѣтныя лампы. Въ простѣнкахъ маленькія зеркала въ огромныхъ рамахъ, покрытыхъ рѣзьбою. Въ окна съ бѣлыми миткалевыми занавѣсками. Мебель карельской березы, обитая пестрыми ситцемъ съ большими разводами. Поставецъ съ серебромъ и фарфоромъ. По боковымъ стѣнамъ висятъ литографированныя портреты графа Платова, Кульнева и другихъ русскихъ генераловъ. На средней стѣнѣ, съ одной стороны эстампъ, изображающій шествіе въ Парижъ союзныхъ войскъ, съ другой — взятіе Варны, а посреди въ раззолоченныхъ рамахъ написанный масляными красками портретъ хозяина дома, Андрея Трифоновича Цибикова. Оригиналъ этого портрета, дородный купецъ лѣтъ пятидесяти, съ полнымъ краснощекииъ лицомъ и краской окладистой бородою, сидитъ на диванѣ; передъ нимъ на кругломъ столѣ лежитъ раскрытая скуровая книга, стоятъ большія счеты, графинъ горечи и тарелка съ хлѣбомъ и паюсной икрой. По лѣвой его сторонѣ, опираясь на спинку кресла, стоитъ его приказчикъ, дѣтина лѣтъ тридцати въ полу-европейскомъ мундирѣ, то есть, въ жилеткѣ, жилеткѣ и купеческомъ долгополомъ кафтанѣ.)

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, выкладывая на
счетахъ.

Четыреста семдесятъ семь рублей ассигнаціями —
нѣтъ Лукьянычъ. — Что нибудь, да не такъ!

ПРИКАЗЧИКЪ.

Я два раза, Андрей Трифоновичъ прикидывалъ на
четахъ: акурать четыреста семдесятъ семь рублей.

А АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

А вотъ, посмотримъ!... Сорокъ цѣлковыхъ:—сто сорокъ рублей... Двѣнадцать золотыхъ по осьмнадцати рублей по двѣ копейки съ денежкой... двѣсти шестидесять рублей тридцать копѣекъ... семь лабанчиковъ по семнадцати рублей двадцати пяти копѣекъ каждыи... Сто двадцать рублей семдесятъ пять копѣекъ, Итого: четыреста семдесятъ семь рублей пять копѣекъ... Ну, что, Лукьянычъ?

ПРИКАЗЧИКЪ.

Ахъ, батюшки!... Какъ эти пять копѣекъ у меня уколѣзнули?... Оно, конечно, сумма не важная,...

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Неважная!... Экъ ты, Лукьянычъ, какъ поговариваешь! Видишь капиталистъ какой!... Да вѣдь двадцатьто пятаковъ рубль—а рублями миллионы считаютъ! Вотъ то-то и есть: всѣ вы франтики, купеческіе сынки, умѣете только чужую копейку проживать, а приберечь свою родную, да присовокупить, да гривной рубль зашибить — такъ нѣтъ! Что, дискать, это за коммерція! Мы хотимъ тысячами ворочать! Нѣтъ, братъ, поучись-ка прежде на грошахъ, а тамъ что Богъ дастъ! — Для нашего брата-щеголька, пять копѣекъ, что?... Тьфу!!—А покойный мой батюшка, царство ему небесное, отъ пятака жить пошелъ. Былъ онъ простымъ подносчикомъ и терпѣлъ такую крайнюю нужду, что подъ-часъ споговъ не на что было купить. Вотъ, завелся у него лишній пятакъ—онъ булабочекъ купилъ; продалъ ихъ у резницъ хозяйскимъ дочкамъ за гривенку. Купилъ пшеничку и тѣ съ рукъ сошли съ барышомъ. Ватъ этакъ по-маленьку, то тѣмъ, то другимъ, наколотилъ онъ рублишковъ пятокъ, да накупилъ серёжекъ, перстеньковъ, запонокъ; выпросился у хозяйна въ побывку къ себѣ на село и вернулся назадъ ужъ съ красной бумажкою. Прошло еще годика два, батюшка началъ

пораспространять свою комерцію: сталъ торговать на Смоленскомъ рынкѣ желѣзной посудой, замками, гвоздями—всякимъ старьемъ. Съ Смоленскаго рынку перешелъ въ желѣзный рядъ на Неглинную. А тамъ по-счастливилось ему взять казенную поставку на кровельное желѣзо. Вотъ, батюшка поперился; на ту пору досталась по наслѣдству одному купеческому сынку мѣняльная лавка на Моховой. Купчикъ-то былъ парень мотоватый; батюшка подвернулся какъ-то кстати, да и купилъ оптомъ всю лавку за пол-цѣны; а тамъ года черезъ три лавка-то стала магазиномъ. Богъ послалъ покойнику двухъ, трехъ господъ, которые собирали рѣдкости, покупали картины, любили мѣняться. Вотъ онъ и пошелъ въ-гору; продасть вещь за тысячу рублей, придетъ опять къ нему въ трѣхъ-стахъ; а тамъ, глядишь, набѣжитъ охотникъ да купитъ ее же опять за тысячу. Я помню, этакъ у него одна золотая табакерка оборотовъ десять сдѣлала, да принесла ему тысячь до пяти чистаго барыша. Вотъ, любезный, такими-то судьбами и вышло, что какъ батюшка скончался, такъ мнѣ досталось осемь сотъ тысячь рублей чистаганомъ, да вещей на столько же. А вѣдь всё пятаякъ!

ПРИКАЗЧИКЪ.

Конечно такъ, Андрей Трифоновичъ! да вѣдь на все счастье надобно.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Дураку и счастье не помога, Лукьянычъ! Глухой человекъ словно карманъ съ дырою: что въ него ни вложи, все вываливается. (*Женскій голосъ за дверью.*) Дома, сударь! Пожалуйте въ гостинную. (*Входитъ молодой человекъ весьма щеголевато одѣтый. Андрей Трифоновичъ встаетъ.*)

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕКЪ, вѣжливо кланяясь.

Я имѣю честь говорить съ Андреемъ Трифоновичемъ?

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Точно такъ, батюшка!... Проню покерно садитесь!
— Лукьянычъ, поди покаместъ въ контору: если по-
надобисься, такъ я тебя кликну.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, подавая Андрею Трифоновичу письмо.

Отъ Степана Фомича Скоробогатаго.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

А! Отъ почтеннѣйшаго моего куманька? Пожа-
луйста, позвольте-съ!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Сдѣлайте милость!

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, читая письмо и
поглядывая на молодого человѣка.

Гмъ!... Вотъ что!... Да-съ!... Осмѣлюсь спросить,
вы коротко знакомы съ Степаномъ Фомичомъ?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Мой покойный батюшка былъ его искреннимъ при-
тедемъ.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Такъ-съ!... А батюшка ващъ давно скончался?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Года три будетъ.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Такъ-съ!... Ну, конечно, въ три года много воды
утечетъ!... Кумъ пишетъ ко мнѣ, что вы имѣете на-
добность въ деньгахъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да-съ! Мнѣ нужно на короткое время дерехватить,
такъ, бездѣлку!

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Нѣтъ, батюшка, семь тысячъ рублей сумма значи-
тельная.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Помилуйте, Андрей Трифоновичъ! Чтò для васъ семь тысячъ рублей ассигнаціями?

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Да, тоже, батюшка, чтò и для всякаго: двѣ тысячи цѣлковыхъ. У васъ есть какое-нибудь обезпеченіе?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

У меня тысячу душъ, но онѣ всѣ заложены въ Опекунскомъ Советѣ.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Такъ-съ!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Впрочемъ, не безпокойтесь; заемное письмо написано на полгода; но, можетъ-быть, я черезъ четыре мѣсяца съ вами расплачусь. У меня торгуютъ триста душъ.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Вотъ, извольте видѣть, батюшка: я вѣдь этимъ не занимаюсь.... Другіе берутъ большіе проценты, а я по десяти. Я даю только такъ, ради пріизнанія... И, признаюсь, если бы не просилъ меня объ этомъ Степанъ Фомичъ, такъ не прогнѣвайтесь: я не могъ бы васъ ссудить... заемное письмо съ вами?...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, подавая бумагу Андрею Трифоновичу.

Вотъ оно.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, читая.

Я нижеподписавшійся... двѣ тысячи рублей государственной серебряною монетою... срокомъ на шесть мѣсяцевъ... Такъ-съ!... Ну, двѣ тысячи нечего! Степанъ Фомичъ такъ усердно о васъ проситъ... Извольте, сударь, извольте!... Только ужъ сдѣлайте милость въ срокъ...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Будьте спокойны!

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, вынимая изъ бумажника нѣсколько банкъ ассигнацій и подавая ихъ молодому человѣку.

Вотъ шесть тысячъ рублей. Остальные за вычетомъ процентовъ шесть сотъ шестьдесятъ пять, сейчасъ вамъ додамъ. Потрудитесь перечесть!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, положивъ деньги въ карманъ.

Помилуйте! зачѣмъ.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, съ удивленіемъ.

Какъ, зачѣмъ?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Я и такъ вамъ вѣрю.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Вотъ что?... (Смотритъ въ бумажникъ.) Позвольте, позвольте!... да вѣдь я ошибся!... я вамъ не то отдаю... Пожалуйте-ка назадъ деньги!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Извольте! (Андрей Трифоновичъ беретъ назадъ деньги и молча подаетъ молодому человѣку заемное письмо.) Что это значить?

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

А то, сударь, что я никогда не даю денегъ взаймы тѣмъ, которые принимаютъ ихъ безъ счету.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, вставая.

Позвольте вамъ сказать...

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Да что тутъ говорить! У всякаго свой обычай, батюшка: не прогнѣвайтесь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, съ досадою.

Такъ поэтому вы сомнѣваетесь?...

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Шесть тысячъ, деньги, батюшка! И кто беретъ ихъ

съ тѣмъ, чтобы отдать, такъ ужъ вѣрно перечесть.
Вѣдь только даровому коню въ зубы-то не смотреть.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Такъ вы думаете, что я...

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Я ничего не думаю! Деньги мои, заемное письмо ваше, такъ каждый при своемъ...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, всмѣхиваясь.

А позволяете васъ спросить: какъ вы смѣете...

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

И, батюшка, не горячитесь! Я у себя въ дому, а вотъ, напротивъ, живеть частный приставъ. Ну, что хорошаго!... Счастливо оставаться! Кланяйтесь Степану Фомичу!...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да! Я поблагодарю его!... Заставитъ меня прѣхать Богъ знаетъ къ кому!... (Уходя.) Купчишка этакой!

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Добро, добро, дворянички!... Знаемъ мы васъ!... Тысяча душъ, а перекусить нечего!... Ну, хорошо, что я спохватился!... и какъ не стыдно куму рекомендовать мнѣ такихъ людей!... Шестъ тысячъ рублей безъ счету брать!... Хорошъ гусь!...

(Вводитъ Ползкова.)

А! батюшка! Алексѣй Алексѣвичъ!

ПОЛЗКОВЪ.

Здравствуйте, мой почтеннѣйшій!

(Цѣлуются.)

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Милости просимъ! вотъ здѣсь на канapé: тутъ вамъ будетъ покойнѣе!

ПОЛЗКОВЪ, садясь.

Ну, что, мой любезнѣйшій Андрей Трифоновичъ: что подыываете, какъ вамъ можется?...

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Благодарю моего Создателя; и дѣлишки идуть порядкомъ и здоровье бредеть. А васъ, кажется, о здоровье и спрашивать нечего...

ПОЛЗКОВЪ.

Эхъ, Андрей Трифоновичъ! что наше здоровье? какъ цвѣтъ сельный, сегодня цвѣтеть, а завтра....

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

И, что вы, Алексѣй Алексѣевичъ: вы еще человекъ молодой; а что супруга ваша?...

ПОЛЗКОВЪ.

Сынка мнѣ родила.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Право? Ну, слава Богу!... Честь имѣю поздравить!

ПОЛЗКОВЪ.

Да что, Андрей Трифоновичъ, все не такъ вышло, какъ мнѣ хотѣлось; младенецъ родился такимъ слабымъ, что должно было сейчасъ его окрестить, а мы было съ женою хотѣли просить васъ быть восприемникомъ нашего перваго сына.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Ахъ, батюшка, Алексѣй Алексѣевичъ: да чѣмъ я могъ заслужить такую честь....

ПОЛЗКОВЪ.

Чѣмъ? Андрей Трифоновичъ! да вѣдь это смиреннѣе паче гордости.... Что вы это?....

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Истинно такъ, Алексѣй Алексѣевичъ!... Ну, что я за важное лицо такое? Мало ли у васъ есть пріятелей и чиновныхъ, и знатныхъ, и князей, и графовъ...

ПОЛЗКОВЪ.

И, почтеннѣйшій! А много ли на Руси такихъ имѣ-

нитыхъ гражданъ какъ вы? Кто не знаетъ въ Москвѣ Андрея Трифоновича Цыбикова?

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, поглаживая бороду.

Что правда, то правда!... Касательно извѣстности, я пожаловаться не могу. Меня, батюшка, и въ Кяхтѣ знаютъ.

ПОЛЗКОВЪ.

Вотъ, извольте видѣть!... А на Нижегородской ярмаркѣ я самъ слышалъ своими ушами: «Ну, плохо торговля идетъ! да чему и быть? Поджидаютъ все Андрея Трифоновича Цыбикова: подъѣдетъ такъ все закипитъ».

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, улыбаясь.

Это ужъ, батюшка, напрасно говорятъ... Конечно, и мы отъ другихъ не отстаемъ.....

ПОЛЗКОВЪ, шутя.

А что, почтеннѣйшій: если бъ, этакъ, подъ васъ огоньку подложить, вѣдь милліончикахъ въ десяти покаетесьъ.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Ужъ и въ десяти! Что вы это; Алексѣй Алексѣевичъ!

ПОЛЗКОВЪ.

Да кредиту на столько же. Ну-ка — теперъ, сударь, скажите мнѣ: не важенъ ли тотъ который ворочаетъ милліонами, да даетъ ходъ торговлѣ и русской промышленности? Нѣтъ, Андрей Трифоновичъ, вы, съ моихъ глазахъ, уважительнѣе всякаго знатнаго барина — и я, конечно бы, за счастье почелъ съ вами покумиться.... Ну, да видно Богу такъ угодно!... По-крайней-мѣрѣ и всё-таки, въ честь вашу назвалъ моего новорожденнаго Андреемъ.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, обнимая Ползкова.

Покорнѣйше васъ благодарю!... Да что жъ мы въ самомъ дѣлѣ.... Позвольте батюшка, Алексѣй Алексѣ-

свѣчь, выпить за здоровье новорожденного! (*Подходитъ къ дсерамъ и кричитъ.*) Эй, Маланья!—Бутылку полыпнаго!

ПОЛЗКОВЪ.

Не пью, почтеннѣйшій! Да, мнѣ же и пора домой. Я только за тѣмъ къ вамъ и заѣхалъ, чтобъ сказать, что Богъ даровалъ мнѣ сына и что я, въ честь вашу, назвалъ его Андреемъ.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Да, выкушайте хоть рюмочку!

ПОЛЗКОВЪ.

Право, не пью.

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Ну, какъ вамъ угодно! Я не держусь нашего купеческаго обычая: не люблю моихъ гостей неволить. (*Изъ боковой двери входитъ Анисья Максимовна, сожительница Андрея Трифоновича, толстая женщина лѣтъ сорока пяти, въ ситцевомъ, затасканомъ капотѣ; на ногахъ у нея надѣты красныя туфельки, на плеча наброшенъ заштопаннѣй платокъ буръ-де-соа; голова ея ничѣмъ не покрыта и растрепанные волосы торчатъ во все стороны.*)

АНИСЬЯ МАКСИМОВНА, не видя Ползкова.

Батюшка, Андрей Трифоновичъ!—Забыла тебя спросить: какъ прикажешь подать поросенка: жаренаго или водъ хрѣномъ?

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Подъ хрѣномъ, матушка, подъ хрѣномъ! Да, что ты, Анисья Максимовна: ослѣпла что ли? Взгляни!... (*Анисья Максимовна, увидѣвъ Ползкова, вскрикиваетъ и хватается обѣими руками за голову.*)

ПОЛЗКОВЪ.

Здравствуйте, матушка, Анисья Максимовна!

АНИСЬЯ МАКСИМОВНА.

Ахъ! батюшка, Алексѣй Алексѣевичъ!.... Не знала я

совсѣмъ!.... А я, просто, по-домашнему, такой растрепаной!....

ПОЛЗКОВЪ, подходя къ ней.

Позвольте ручку поцѣловать!

АЛКСИЯ МАКСИМОВНА, махая руками.

Нѣтъ, извините, извините!.... Мнѣ, право, стыдно! Ахъ, срамъ какой!....

(Уходитъ.)

ПОЛЗКОВЪ.

Ну, прощайте, мой любезнѣйшій, мой почтеннѣйшій Андрей Трифоновичъ!....

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ.

Прощайте, Алексѣй Алексѣвичъ! Дай Богъ вамъ добраго здоровья! И если вамъ когда-нибудь Андрей Цыбиковъ на что ни есть понадобится, такъ, вотъ вамъ моя рука!....

ПОЛЗКОВЪ, съ чувствомъ.

Дружбы, дружбы вашей, вотъ чего я желаю. Все прочее—дѣло постороннее: но дружба такого человѣка какъ вы, о, это такая драгоценность, которую я ставлю выше всего на свѣтѣ!

АНДРЕЙ ТРИФОНОВИЧЪ, обнимая Ползкова.

Ахъ, мой безцѣнный Алексѣй Алексѣвичъ. Да, чѣмъ я заслужилъ!....

ПОЛЗКОВЪ.

Ну, что объ этомъ говорить!.... Прощайте! Дай Богъ вамъ всякаго благополучія. До свиданія, почтеннѣйшій!

(Уходитъ.)

(Прожившая комната въ домъ Ползкова. Алексѣй Алексѣвичъ входитъ послѣднимъ, за нимъ идетъ слуга.)

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Ну, что жена?

СЛУГА.

Служа Богу—съ.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВВИЧЪ.

А младенецъ?

СЛУГА.

Говорятъ—съ, очень трудень.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВВИЧЪ.

Который часъ?

СЛУГА.

Второй значагъ.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВВИЧЪ.

Такъ можно еще успѣть.... Будь готовъ идти на почту.... Или итъ Найми извозчика, ступай! *(Садится за столъ и пишетъ....)* Ну, вотъ и кончилъ! Кажется, не дурно?.... *(Читаетъ.)* «Ваша свѣтлость! Богъ даровалъ мнѣ сына. Я осмѣлился назвать его въ честь вашей свѣтлости Андреемъ. Это имя, принадлежащее знаменитому вельможѣ и мудрому сановнику, на котораго обращены взоры всей Россіи, да послужить ему путеводительной звѣздой на поприщѣ жизни. Пусть это имя напоминаетъ ему, безпрестанно имя того, кто не столько по рожденію, сколько по своимъ личнымъ доблестямъ, стаде на ряду первыхъ государственныхъ мужей нашего времени?»

«Съ чувствомъ наиглубочайшаго почтенія и совершенной преданности за счастье почитаю называться вашей свѣтлости, всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою....» Теперь скорѣй въ пакетъ, да и на почту.... *(Младенецъ кладетъ въ пакетъ и подписываетъ.)* Его свѣтлости «князю Андрею Сергѣевичу Знатову.»

Эй, Василия! *(Съ одной стороны входитъ слуга, съ другой бабушка....)* Ступай проворнѣй.... А, Марья Григорьевна, что вы?

БАБУШКА.

Да, что, Алексѣй Алексѣевичъ! Дѣлать нечего....
Воля Божья!....

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВИЧЪ.

А что такое?....

БАБУШКА.

Младенецъ скончался.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Что вы говорите?.... Ахъ, Боже мой, какое несча-
стіе!.... (*Закрываетъ руками лицо.*) Андрюша — другъ
мой!....

БАБУШКА.

И, Алексѣй Алексѣевичъ! Слава Богу, что онъ скон-
чался теперь.... Ангелъ Божій! Да и вамъ некогда бы-
ло къ нему привыкнуть....

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Эхъ, Марья Григорьевна! Вы человекъ посторонній!
а каково сердцу родителя.

БАБУШКА.

Да, полноте, Алексѣй Алексѣевичъ! Подите-ка луч-
ше къ Софьѣ Александровнѣ, да постарайтесь ее утѣ-
шить: она очень огорчена.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Утѣшить!.... А кто утѣшитъ меня?.... Боже мой,
Боже мой! Вотъ жизнь человѣческая!.... (*Проходя ми-
мо слуги.*) Возьми это письмо, ступай сейчасъ на поч-
ту. Да, смотри, не опоздай! Пойдемте, Марья Григорь-
евна, пойдемте!

И. ЗАГОСИИНЪ.

ПОХОЖДЕНІЯ
ХРИСТІАНА ХРИСТІАНОВИЧА
ВІОЛЬДАМУРА,

И ЕГО АРШЕТА.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Если вы, почтенный читатель, подшучивали когда-нибудь надъ дѣвицей, которая хвалилась какъ своей работой, турецкимъ всадникомъ, вышитымъ ею по готовымъ клѣточкамъ канвы и по готовому узору—то, конечно, позабылись бы при случаѣ и на мой счетъ, не напиши я только того предисловія. Дѣло въ томъ, что художникъ передалъ мнѣ пятьдесятъ готовыхъ картинъ, съ предложеніемъ написать къ нимъ объясненіе. Вотъ какимъ образомъ составилаь эта повѣсть. Я подбиралъ только тѣни, отсчитывалъ стежки и старался прятать узлы и концы подъ-исподъ.

В. Луганскій.

Похожденія Христіана Христіановича Віольдамюра и его Аршета! (*Картишка, № 1.*) А что за похожденія, и что за Віольдамуръ съ Аршетомъ? Кто таковъ этотъ знаменитый мужъ, и кто таковъ другъ его или товарищъ, осужденный на вѣчныя послуги и готовый, по-види-

Т. LXII. — Отд. I.

4

тому, вынести на покорномъ хребтѣ своемъ заглавіе повѣсти нашей изъ всѣхъ бѣдъ юдольныхъ, подѣ гору и въ-гору, хотѣ пожалуй прямо въ храмъ вѣчности и славы? Не утѣшительно ли это для насъ обоихъ, рыцарей пера и карандаша, что одинъ только огонь можетъ истребить заглавіе повѣсти нашей, ввѣренное по печенію Аршета, который бѣзспорно вынесетъ его изъ воды, и можетъ-быть даже изъ самыхъ опасныхъ для сочинителя топкихъ водъ пограничной рѣчки Леты? Но будемъ надѣяться въ этомъ случаѣ не на однихъ добрыхъ и разумныхъ собакъ, а на добрыхъ и умныхъ людей, и ожидать отъ нихъ участи не только заглавію, но и цѣлой повѣсти нашей.

И такъ, что за двойни передъ нами и кому изъ нихъ по шерсти кличка дана? И тому и другому; одинъ Христіанъ Христіановичъ, — стало-быть полу-русскій Нѣмецъ; онъ же Віольдамуръ—стало-быть отецъ или дѣдъ его былъ родомъ челоуѣкъ безпокойный, и если не Французъ, то по-крайней-мѣрѣ близкій ему сосѣдъ, можетъ-быть Альзевецъ, изъ Кёльна, Стразбурга или Ахена; стало-быть также прозваніе это—Віольдамуръ— дано было когда-то родоначальнику аршеткинскаго бѣрина, за искусство владѣть смычкомъ, на почти забытой нынче віолѣ, среднемъ подросткѣ между двухъ, болѣе намъ знакомыхъ братьевъ: визгливымъ и упрямымъ ребенкомъ, котораго взялъ къ себѣ на воспитаніе дрячудливый Паганини, и разсудительнымъ, сутуловатымъ служкою Ромберга, отзывающемся на спросъ могучаго смычка чистымъ челоуѣческимъ голосомъ. И такъ, дѣдъ и прадедъ героя нашего были музыканты; отецъ также; онъ прибылъ въ Питеръ по вѣлову, привезъ съ собою бѣлый, тканьевоу талатъ, компанъ, двѣ скрипки, да свою Катерину Карловну; былъ принятъ въ камеръ-музыканты и день-за-день щипалъ вѣжно и страстно конскимъ бѣлымъ волосомъ по кишечкамъ многихъ тысячъ овецъ и агнать. Никог-

да невѣрные животныя эти за-живо и во-снѣ не видѣли, что въ утробѣ ихъ заключается такой сладкозвучный гелось, какой умѣлъ искусно вызывать изъ отжившихъ остатковъ ихъ нащъ Віольдамуръ, достойный потомокъ славнаго въ свое время на берегахъ Рейна Віольдамура. И дѣло, старичокъ, благую часть ты избралъ: ты пустился въ такую игру, въ которую конечно никого и никогда не обьигрывалъ, но между-тѣмъ самъ всегда оставался въ выигрышѣ.

Другому герою похожденій нашихъ дана кличка Аршетъ; слѣпо и послушно онъ повинуется, какъ смычокъ, волѣ своего господина; такъ же понятливъ, такъ же искусенъ и расторопенъ, и молчаливъ, и разговорчивъ—кѣ по волѣ хозяина, но онъ постоянно и благородно своего тѣзки, потому что не отсталъ отъ бѣднаго барища, когда всѣ смычки на свѣтѣ покинули его на произволъ судьбы. За чѣмъ же дали ему кличку Аршетъ, а не смычокъ? За тѣмъ, что мы въ дѣло это не вмѣшивались, а барищъ его родился и выросъ въ Питеръ; слѣдовательно, взглянувъ на какой-либо предметъ, ему всегда напередъ приходило въ голову заморское названіе, а потомъ уже русское. Впрочемъ, и самая скрипка Віольдамура была не роднымъ, а своднымъ братомъ нашей балалайкѣ.

У старика Христіана Готлиба Амедея Віольдамура, во сожителству его съ Катериною Каролиною, уроженницею Лаутеншпиль, на пятый годъ по прїѣздѣ въ Россію, родился первенецъ, сынъ Христіанъ—и таки только Христіанъ, безъ Карла, Фердинанда, безъ Готлиба и Амедея, словомъ, безъ всякихъ недовѣсковъ: старикъ успѣлъ уже столько приглядѣться къ русскимъ обычаямъ, что считалъ вовсе излишнимъ навязать сыну цѣлую плетеницу именъ: онъ будетъ современемъ Христіановичъ, утѣшалъ Готлибъ Амедей недовольную распоряженіемъ этимъ Катерину Каролину или Катерину Карловну, и будетъ съ него. Отъ перемѣны ли

климата случилась неожиданная прибыль въ домъ Христіана Готлиба Амедя, или просто отъ непостижимости Промысла, но радость стариковъ была обоюдная—относя слово это къ брачной четвѣ; что же собственно до много общавшаго младенца, то онъ былъ, кажется, рожденіемъ своимъ недоволенъ; по-крайней-мѣрѣ онъ кричалъ фистулой втеченіи цѣлыхъ первыхъ сутокъ. Старикъ протверживалъ тогда новую увертюру и только во время паузъ или молчковъ второй скрипки, представителемъ которой былъ Віольдамуръ, раздавался непрерывный второй голосъ новорожденнаго сына его. Голосъ этотъ общалъ уже со дня рожденія огромный объемъ и силу. Обстоятельство это убѣдило старика вполне, что изъ мальчика выйдетъ прокъ, будетъ современемъ славный музыкантъ и первый дуэтъ между отцомъ и сыномъ, былъ такимъ образомъ разыгранъ въ самый день рожденія послѣдняго. Старикъ положилъ скрипку, подошелъ къ крикуну, ощупалъ указательнымъ перстомъ мягкій черепъ младенца—остановился пальцемъ надъ бровью, неподалеку виска—и сладостно улыбнулся. Изъ него выйдетъ славный музыкантъ, сказалъ Готлибъ, подавая своей Катеринѣ Каролинѣ руку: шишка музыки—которую землякъ нашъ флейтистъ называетъ органомъ—шишка музыки развита у него необычайно.

На другой день, когда малютка поуспокоился немного, сошлись ближайшія пріятельницы Катерины Карловны, нянчили, цѣловали наперерывъ нашего рачонка и спорили: на кого онъ похожъ, на отца, или на мать? Примѣтъ, въ пользу того и другаго мнѣнія, нашлась бездна, такъ, что одна сторона увѣряла: это вылитая мать—а другая божилась и клялась за отца, и не понимала, какъ можно быть слѣпымъ до такой степени, чтобы не узнать въ ребенкѣ до единой всѣ черты папеньки. Шагнемъ для рѣшенія этого спору при открытыхъ дверяхъ, то есть, въ вашемъ присутствіи,

почтенные читатели, недѣли на три впередъ: вотъ вамъ на лицо вся семья (*№ 2.*): старый Христіанъ, молодой Христіанъ, оправившаяся и принарядившаяся по-домашнему маменька, и кухарка Акулина, которая между прочимъ путалась всегда, когда спрашивали ее: откуда она родомъ, и припоминала, изъ Пскова ли она, или изъ Гдова. Акулина, по случаю повышенія своего въ чинъ няньки, получила въ подарокъ новый бумажный платокъ; переѣмънивъ верхнее платье, она преобразовалась какъ личинка бабочки, вышла еще цвѣтистѣе и пестрѣе прежняго и съ самодовольствіемъ вступила въ новую свою должность. А чтобы вы не сомнѣвались въ добротствѣ ея и заботливости о народившемся на свѣтъ художникъ, то она и является въ люди съ огромной деревянной ложкой, приспособленною едва-ли не къ собственнымъ ея устамъ, распоротымъ, какъ изволите видѣть, по самыя уши,—съ мискою лапши или каши на цѣлую артель—и, наконецъ, съ добродушною улыбкою, которая говоритъ ясно, что ей не жаль ни лапши, ни каши, ни молока, ни своей большой деревянной ложки. Папенька протвердилъ на-вечеръ «Багдадскаго Калифа», положилъ скрипку и надрывается въ изжностяхъ; маменька зоветъ Христиньку, который лежитъ телѣночкомъ, между-тѣмъ какъ няня увѣряетъ, что онъ не пойдетъ ни къ кому, а любитъ няню свою и хочетъ у нея остаться. У отца, кажется, должно быть не болѣе волосъ на головѣ какъ видимъ у сына; но зато отецъ едва-ли не богаче сына однимъ зубомъ. Рѣшайте сами, послѣ этого, на кого похожъ сынъ?

Катерина Карловна рубила пелѣнки, когда Христіанъ Адамовичъ возвратился рано вечеромъ домой, съ какой-то пробы, и привелъ съ собою вторую флейту, стараго товарища своего, съ которымъ иногда забавлялся въ пикетъ. Пикетъ пикетомъ, но былъ тутъ и другой еще умыселъ: вторая флейта—съ которымъ сдружился Христіанъ Адамовичъ какъ вторая скрипка—хотя

злые языки и увѣряли, что онъ играетъ третью скрипку—вторая флейта знала много толку въ кранологiи, краноскопiи, физиогномикѣ, занимался также мистикой, симбалистикой, кабалистикой, хиромантiей, алхимiею, астрологiею, и составлялъ гороскопы; а Христіанъ Готлибъ думалъ, что уже время позаботиться о воспитанiи первенца своего и узнать по-крайней-мѣрѣ склонности его, дарованiя и предназначенiе. Старикъ лѣтъ двадцать ждалъ рожденiя сына и въ это время на-досугъ часто размышлялъ о воспитанiи; онъ все передумалъ, все рѣшилъ, былъ увѣренъ, что никто въ мiрѣ не съумѣетъ воспитать сына такъ какъ онъ, и собирался заблаговременно сдѣлать свои распоряженiя.

— Пойдемте, другъ мой, говорилъ Христіанъ подводя вторую флейту за руку къ своему Христинькѣ: взгляните на моего мальчишку, да порадуйте меня добромъ. Голова, кажется, многозначительная: затылокъ круглый, лобъ крутой, носъ будетъ орлиный, глаза умные, большіе—а уши—посмотрите-ка, уши—что бы это значило? а?

— Нидерландская кровь—отвѣчалъ тотъ—всюду скажется; родъ вашъ, любезный землякъ, искони славится своимъ художественнымъ образованiемъ относительно музыкальныхъ инструментовъ, то есть, относительно инструментовъ струнныхъ, хочу я сказать, потому что всякому дано свое: смычокъ—вашъ скипетръ; не сбыточное дѣло, чтобы сыну вашему быть въ своей семьѣ уродомъ и Богъ благословитъ васъ радостію; да, уши настоящіе тимпаны.... только заботьтесь, Катерина Карловна, приглаживать ихъ подъ шапочку; уши даровитыя, что и говорить, но топиряться имъ не длячего; выставать на-показъ дарованiй своихъ не должно; углубись въ себя, сказалъ одинъ знакомый имъ мудрецъ, потому что скромность есть мать всехъ поро-

ковъ.... то есть, доблестей, добродѣтелей,—хотѣлъ я сказать—и это истина.

— Вотъ онъ передъ вами, куманёкъ — продолжалъ старикъ: надѣюсь, вы позволите мнѣ называть васъ купцомъ и не откажетесь крестить у меня сына—жена, проси стараго друга нашего: крестины въ будущемъ среду. Акулина, размотай свивальникъ, раскинь полѣнки, дай намъ поглядѣть на малютку въ нервобитомъ видѣ его, какъ Богъ его сотворилъ намъ на радость, а себя на славу; а, ну, покажи!

Мальчишку развернули и вторая флейта сталъ шуршать его кругомъ, перебирать по немъ пальцами, какъ во флейтѣ.—А! сказалъ онъ наконецъ, когда ребенокъ началъ побрякивать и повертываться; а! да; живоотно-душевный человекъ въ мальчикъ этомъ сказывается только посредствомъ пяти чувствъ, острыхъ, тонкихъ, чуткихъ; умственно-душевный человекъ рѣшительно преобладаетъ; онъ рѣдко будетъ увлекаться внѣшними впечатлѣніями, а будетъ творить самобытно. Воля ваша, это будетъ геній!

Между-тѣмъ генію надоѣло лежать нагишомъ, и ему досадила вторая флейта, который мѣсилъ и шуршалъ его со всехъ концовъ, беспощадно, слобомъ, Христіанъ Христіановичъ прогнѣвался, началъ блажить и заревѣлъ такимъ страшнымъ голосомъ, какой иногда только вырывается, можетъ-быть, и то неизвестный и цѣлою октавою ниже, изъ какого-нибудь серпаина: (Азъ) Вы видите сами: каша полетѣла, ложки и ложки полетѣли, чепецъ со старой Акулины полетѣлъ, нити приговариваетъ во все горло: утки летѣли, гуси летѣли, козы летѣли, бараны летѣли—топаютъ ногой и трезвонятъ во всю силу въ валдайскій колокольчикъ; больше дѣйствовать ей нечѣсть, не взыщите; маменька, желая утѣшить своего Христиньку, схватила арфу, ударила въ струны и переливается во все лады: тра-ла-ла, тра-ла-ла; папенька деретъ на скрипкѣ немю-

лосердо второе, веселенькое колыно гротфатера, не давъ себѣ даже времени настроить скрипку — и кричить, поплясывая съ ноги на ногу: оло-ло, оло-ло! Для восторонняго слушателя музыка эта, видно, тяжела; алхимика и черепослова нашего по-крайней-мѣръ она осилила и одолѣла. Онъ, конечно, и самъ былъ музыкантъ и надувалъ вторую флейту не хуже того, какъ новый кумъ его пилилъ знаменитую вторую скрипку, но отъ такого разногласнаго концерта убрался на другой край комнаты, заткнулъ уши и спѣшить высушить хотя одну голову съ ушами на свѣжій воздухъ, предавая остальную часть грѣшнаго тѣла своего на истаиваніе.

Премудро устроено все на свѣтъ: вѣчнаго нѣтъ, и всякая бѣда и горе, все временно. И Христинька блажилъ не болѣе какъ часа два или три, а затѣмъ успокоился и всѣ находили, что онъ преумный ребенокъ. Когда же случалось и послѣ что подобная хандра на него находила, то мѣры успокоенія были всегда почти одиѣ и тѣ же: всѣ наличные музыкальные инструменты, всѣ пѣвчіе и не пѣвчіе голоса, валдайскій колокольчикъ, кулакъ, которымъ няня барабанила до-устали по столу, тра-ла-ла, оло-ло, и прочее. Если этимъ не удавалось унять крикуна, то по-крайней-мѣръ можно было заглушить самый крикъ и воображать притомъ, что ребенокъ забавляется.

Христинька росъ не по-днямъ, по-часамъ, подросталъ, по мѣрѣ-того, какъ его кормили лапшой и смѣняли пелѣнки, но не умѣлъ никогда попросить того, чего ему хотѣлось, а изъявлялъ всякое желаніе свое крикомъ, который соразмѣрялся со степенью прихоти или настойчивостью желанія; такимъ образомъ Христинька съ молодю безсознательно еще посвящался во всѣ таинства обаятельной мусики; переливаясь день-деньской голосомъ своимъ изъ *pianissimo* и *piano*, черезъ *crescendo* въ *forte* и оглушительное *fortissimo*, начиная напѣвъ

свой иногда *largo*, *larghetto*, *adagio*, *adagio con espressione*, онъ, помѣръ-того, какъ няня старалась отвлечь вниманіе его отъ приглянувшейся ему вещи, билъ кѣру ногами и руками, переходилъ внезапно въ *allegro vivace*, *presto*, *prestissimo* и оканчивалъ нерѣдко свою импровизацію такой запутанной хроматической фугой, отъ которой у слушателей волосъ подымался дыбомъ, фугой, которую и самъ знаменитый Себастьянъ Бахъ не сумѣлъ бы развязать и заключить иначе, какъ подать упрямому мальчишкѣ вещь, за которую онъ потянулся.—То же самое дѣлала и старуха Акулина и мамея, и папенька, наперерывъ одинъ передъ другимъ. Исполдоволь это вошло въ привычку ребенка и крикъ замѣнялъ у Христиньки всякое словесное изъясненіе. Скоро въ спокойномъ и тихомъ домикѣ Вольдамуровъ все пошло вверхъ дномъ: стаканамъ, чашкамъ—съ вензелями и безъ вензелей—оставалось одно только убѣжище и спасеніе отъ новорожденного музыканта: старинный стекольчатый шкафъ, на который Катерина Карловна по этому поводу отпустила въ ремонтъ для постройки занавѣски, одну изъ поношенныхъ цвѣтныхъ исподницъ своихъ. Это сдѣлалось необходимымъ, потому что острый глазъ Христиньки проникалъ сквозь стекольчатая двери шкафа, и ребенокъ не принималъ никакихъ отговорокъ няни, что «чашка-де за стекломъ въ шкафу, а шкафъ запертъ, а вотъ постой, папенька прійдетъ домой, принесетъ лблочко—и прочее,»—по требуя музыкальнымъ способомъ своимъ чашку, миску или кружку, достигалъ-таки наконецъ цѣли, неслышанною обширностію голоса и возрастающею настойчивостію разнообразной хроматической своей фуги.

По всему этому видно, что изъ Христиньки долженъ былъ выйти современемъ замѣчательный музыкантъ: въ этомъ по-крайней-мѣръ были увѣрены отецъ и мать; но они довольствовались этою увѣренностію, ждали

спокойно, скоро ли благодатная природа разовьетъ са-
мобытныя дарованія любимца своего—а потому, о вос-
питаніи, образованіи сына на дѣлѣ мало заботились.
Куда дѣвались мудрыя и благія намѣренія Готлиба
Амедея, который разсуждалъ бывало по цѣлымъ ча-
самъ о томъ, какъ должно воспитывать дѣтей; что ста-
лось со всѣми затѣями, которыя онъ мысленно гото-
вилъ для примѣрнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, образо-
ванія своего будущаго, ненагляднаго дѣтища?—Вы-
шелъ, кажется, одинъ изъ тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ,
гдѣ слово осталось само по себѣ, а дѣло само по себѣ,
какъ единорогъ и пушка въ известномъ отвѣтѣ наше-
го солдата. Христинька не видалъ въ домѣ отцовскомъ
ничего, кромѣ струнъ, смычковъ, скрипокъ, арфы и
фортепіанъ; не слышалъ ни о чемъ болѣе, какъ какой-
то оперѣ, балетѣ, увертюрѣ, концертѣ; имена Моцар-
та, Гайдена, Тица и другихъ не сходили съ языка бесѣ-
дующихъ; однообразіе это прерывалось только объ-
домъ, ужиномъ, чаемъ, завтракомъ, хозяйственными
заботами Катерины Карловны, да предвѣщаніями вто-
рой флейты, въ которыхъ и отецъ и мать понимали
только одно: что Христинька родился на свѣтъ геніемъ
и будетъ геній. Не мудрено, если и сынъ понималъ не
больше: геній означало въ его понятіяхъ добрый маль-
чикъ; онъ охотно присвоилъ себѣ это названіе и когда
не умѣлъ еще сказать: я хочу пить или ѣсть, говари-
валъ: *женіи* хочетъ пить—чѣмъ премного утѣмалъ ро-
дителей и посѣтителей, которые обнимали, цѣловали
его и всячески старались упрочить за нимъ увѣрен-
ность, что онъ, дѣйствительно, геній. Готлибъ Амедей,
съ своей стороны, какъ мы видѣли, много заботился
объ изслѣдованіи всѣхъ природныхъ дарованій пер-
венца своего, надовдалъ всему оркестру, всѣмъ собра-
тамъ своимъ, разсказами объ удивительныхъ способно-
стяхъ сына, о неувѣрныхъ дарованіяхъ, которыми
тароватая судьба его надѣлила, и этимъ почти ограни-

чивались родительскія заботы о воспитаніи сына. Онъ плохо выучился грамотъ, едва зналъ таблицу умноженія, но зато съ утра до вечера скрипѣлъ на скрипкѣ, надувалъ кларнетъ, стучалъ безъ умолку по клавишамъ; и эту склонность къ музыкѣ отецъ въ-особенности старался поощрять и поддерживать.

Взглянемъ теперь на праздничную, семейную картину, (№ 4) гдѣ ребенокъ отличается на скрипкѣ—это первая великопраздничная попытка его въ тѣсномъ домашнемъ кругу—отличается передъ знатоками, и въ томъ числѣ передъ глухимъ дядей, съ матерней стороны. Старательно водить геній нашъ смычкомъ и перебираетъ пальцами, на которые съ торжествомъ глядитъ предсказатель, вторая флейта, увѣряя, что рука Христиньки и по сложенію своему настоящій долгоногій паукъ и сотворена для скрипки. Дядя, оглохшая отставная валторна, слушаетъ въ рожокъ и принялъ, прозапась, еще другую мѣру: оставилъ продушину, растворивъ ротъ: это онъ дѣлаетъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, съ тѣмъ вѣроятно, что если-де ничего не попадетъ въ уши, то авось попадетъ хоть въ ротъ. Вторая флейта вооружился очками и не спускаетъ глазъ съ паучка своего, стараясь небольшимъ кривляньемъ пособить крестнику при затруднительной переборкѣ пальцами, — между-тѣмъ однако же у этого крестника сводитъ ротъ подъ самое ухо. За стуломъ флейты стоитъ кларнетъ, у котораго благообразныя губки, видно, нарочно устроены такимъ образомъ, чтобы плотно охватить мундштучокъ кларнета и не пропустить мимо косточки ни одной струйки воздуха. За другимъ стуломъ видите челоуѣка, котораго, судя по губамъ, можно бы причислить къ трубачамъ или тромбонистамъ, а судя по рѣшительности пріемовъ и плечистымъ рукамъ, едва-ли онъ будетъ не литавщикъ. Отецъ и мать говорить за себя сами, объ нихъ говорить нечего; она обливается и умывается слезами радости, не постигая мѣ-

лости Создателя, который даровалъ ей дожить до такого благополучія; а старикъ-отецъ, разодевшись для этого чрезвычайнаго случая празднично — въ коричневый сюртукъ со свѣтлыми пуговицами и накрывъ голову вмѣсто колпака парикомъ, впился нѣжнымъ оччимъ взоромъ своимъ въ генія, легонько постукиваетъ ногою въ мѣру, между-тѣмъ какъ руки, пальцы и манжеты окостенѣли, кажется, отъ удивленія и невыразимаго удовольствія.

Такимъ образомъ Христинька подросталъ и смѣнилъ уже цвѣтную рубашонку и тканый поясокъ на сюртукъ, при которомъ только бѣлый откидной воротникъ напоминалъ еще возрастъ молодаго виртуоза. Отецъ бралъ его нерѣдко въ оркестръ театра, который былъ для мальчика новымъ міромъ; оркестръ въ-особенности привлекалъ все вниманіе и любопытство его и онъ непрерывно самъ хотѣлъ выучиться играть на всѣхъ инструментахъ, въ чемъ успѣвалъ съ удивительною легкостію. Старика это тѣшило до крайности и онъ не могъ нарадоваться на свое милое дѣтище. Кранологъ часто ссорился съ Готлибомъ Амедеемъ за духовые инструменты, требуя, чтобы Віольдамуры разъ навсегда отъ нихъ отказались и оставались при своемъ смычкѣ; утверждалъ, что молодому Віольдамуру не дадутся ни кларнетъ ни флейта и что это значитъ только заѣдать чужой хлѣбъ но Готлибъ увѣрялъ, что у сына его ко всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ одинаковая способность и что геній этого мальчика ни въ чемъ не можетъ встрѣтить затрудненія: тутъ надобно дать полную свободу природѣ, говорилъ онъ, и болѣе ничего. Пожиная лавры въ кругу снисходительныхъ къ ребенку музыкантовъ, Христинька стяжалъ успѣхами своими почетное имя Христіана Христіановича; отцу такая вѣжливость собратовъ его чрезвычайно польстила, а Катерина Каролина, вспоминая предсказаніе мужа своего, что придетъ-де время и Христинька будетъ Христіанъ Христіановичъ — съ

того самаго дня, въ который услышала до какого почета дожило единственное дѣтище ея — не называла его никогда иначе, какъ по отчеству, — хотя даже говорила съ нимъ по-нѣмецки, напримѣръ:—«Либерь Христіанъ Христіановичъ, выпусти кошку на дворъ, она царапается въ двери».

Что шагнетъ человѣкъ, что перекачнется неугомонный маятникъ, то невольно вспоминаешь о суетности мірской, о непостоянствѣ, измѣнчивости счастія. На немногихъ страницахъ нашего разсказа, мы уже вторично возвращаемся къ этому роковому предмету и по необходимости еще неразъ будемъ къ нему возвращаться. Счастливая невѣста идетъ къ вѣнцу, подавъ вожделѣнному жениху своему съ любовію руку—блаженству, кажется, не предвидишь конца, столько его впереди—но черезъ двѣ недѣли какой-нибудь оборотень пробьжить между молодыми — и гдѣ тотъ ангелъ кротости, гдѣ невѣста? Нѣтъ ея; она и сама уже оборотилась, противъ воли и сознанія своего, въ злую бабу. Докучливая, пронырливая муха съла честному, трудолюбивому и довольному судьбой своей чиновнику на високъ; занятый спѣшными дѣлами, прилежный писецъ чвилъ въ это время перо, хотѣлъ, вышедши изъ терпѣнія, второпяхъ обмахнуться отъ мухи, поразилъ ее на мѣсть и выкололъ себѣ перочиннымъ ножичкомъ послѣдній и единственный глазъ свой, потому что другой былъ уже утраченъ въ младенчествѣ: и человѣкъ этотъ, со всей семьей своей, пошелъ по-міру. Утомленный дневными заботами артельщикъ заснулъ надъ коварною свѣчей, хозяинъ дома сидитъ въ дружеской бесѣдѣ на другомъ краю горада—бьетъ полночь, пора домой, опъ прощаётся и ѣдетъ—но дому нѣтъ; стоятъ однѣ обгорѣлыя стѣны, и въ стѣнахъ этихъ тлѣютъ еще остатки всего наживнаго добра зажиточнаго хозяина и двѣ безобразныя головни, два трупа родныхъ и милыхъ сердцу счастливаго семьянина. Намъ хорошо объ этомъ

рассуждать, мы нообжились и пообтерлись на сѣзѣхъ и, можетъ-быть, познали уже на горькомъ опытѣ во что вѣрить, во что не вѣрить, чего ожидать отъ самихъ себя, отъ другихъ и отъ самой судьбы—чѣмъ оканчиваются всѣ заветныя грезы наши—мы давно уже прочли и постигли сердцемъ приговоръ человѣчеству: «На величественномъ кораблѣ подъ всеми парусами несетъ юноша въ открытое море, на углой тесницѣ спасается послѣ крушенія старикъ;» но бѣдному Христіану Христіановичу было еще много горькаго опыта впереди и Богу одному извѣстно, достанетъ ли у него силъ перемочь и устоять противъ этой вѣчной вражды стихій, судьбы и людей, которая застаётъ насъ, едва-ли не въ колыбели, всегда врасплохъ, дстрѣчаетъ и провожаетъ по всѣмъ переходамъ и путямъ юдольной жизни.

Христинкѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и онъ не зналъ еще никакого горя; зналъ только, по-наслышкѣ, что онъ гений, то есть, очень умный и разумный мальчикъ, которому всѣ удивляются, и твердо этому вѣрилъ; готовился, безъ большихъ усилій, въ виртоузы, и бодѣ ни о чемъ не тужилъ. Была у него иногда забота о томъ, чтобы за чаемъ кормили его не вчерашними черствыми сухарями, а выборгскими кренделями; бывали иногда небольшія домашнія усобицы за то, что ему шили кафтанчики изъ выношеннаго отцовскаго платья, тогда какъ ему хотѣлось щеголять въ модномъ сюртукѣ на шелковой подкладкѣ; но этимъ тѣснымъ міромъ ограничивался кругъ заботъ и всѣ стремленія юноши, который видѣлъ и впереди только одно дозволеніе, веселье и потѣхи, не достигая, чтобы дѣло могло когда-нибудь стать иначе.

Проспавши однажды сномъ праведника всю ночь напролетъ, Христинька проснулся часу въ осьмомъ и услышалъ отъ старой няни, которая говорила шопотомъ, что мать его крѣпко ночью занемогла, что док-

торъ былъ два раза, были и цырюльники съ півками; что самъ папенька всю ночь не спалъ и бѣгалъ раза три въ аптеку; что на зарѣ стало маменькѣ по-легче и всѣ заснули. Все это было справедливо; не сомнѣваемся также въ искренности надежды старой Акулины, что «авось вотъ завтра подежшаеть маменькѣ и она встанеть»; но между-тѣмъ докторъ на другой дець засталъ Катерину Карловну не на постелѣ, а на столѣ; воротился изъ передней, вынулъ бумажникъ и карандашъ, вымаралъ № 17-й и повхалъ да... У него было дѣла много, и кончивъ одно, докторъ спѣшилъ приняться за другое. Старушку схоронили; половина оркестра проводила ее съ печалью на Волково, а вечеромъ всѣ опять пилили и надували шумную увертюру въ Большомъ театрѣ; одишь только Христіанъ Амедей съ сыномъ сидѣли дома. Сынъ не могъ еще опомниться, не могъ понять и вмѣстить въ душѣ внезапную утрату отцу и плакалъ неутѣшно; отецъ ходилъ молча изъ угла въ уголъ, садился, вставалъ, всхлипывалъ, подподмалъ къ окну, плакалъ въ-тихомолку, поглядывалъ на сына, но не умѣлъ вымолвить на утѣшеніе его ни одного слова. Старикъ ходилъ будто вдругъ поглупѣлъ и разсѣянный взоръ его, странныя, медленные приемы и молчаливость навели бы тоску на всякаго зрителя.

Шли дни за днями, недѣли за недѣлями — старику нѣтъ легче; все тоже. «Нѣтъ», сказалъ онъ однажды про себя, оглядываясь съ какимъ-то безпокойствомъ, «такъ мнѣ жить нельзя». — И въ самомъ дѣлѣ, что могло теперь заставить Христіана Готлиба жить долже на свѣтѣ? Прежде — другое дѣло; онъ былъ дома, какъ солдатъ на притинѣ: ни уйти, ни отлучиться, ни покинуть мѣста нельзя; день шелъ за днемъ, всякому дню забота своя и Христіанъ Амедей жилъ и дожилъ, самъ того не замѣчая, до старости. Съ-утра, бывало, Катерина Карловна несетъ ему кофе, потомъ передаетъ чистую манишку на тотъ день и требуетъ въ сдачу вче-

рашнюю; тамъ надобно подумать о вечернемъ концертѣ, балетѣ, оперѣ, протвердить что-нибудь; между-тѣмъ Каролина Карловна пойдетъ бывало на Круглый рынокъ, иногда и на Сънную, насуетъ старику полныя руки и карманы ключей и велитъ беречь ихъ цуще глазу; тамъ зоветъ къ завтраку, тамъ посадить и велитъ слушать: гдѣ и на какомъ рынкѣ, въ какихъ рядахъ и лавкахъ она была, что именно закупала и чего не купила, какъ плутуютъ купцы, какъ вздорозжали съестныя припасы, какъ мясникъ не согласился рѣзать хорошаго кура, а она не рѣшилась взять цѣлую четверть; тамъ общаетъ старику на-завтра любимое блюдо его и не даетъ ему завтракать, чтобы онъ покушалъ съ досужествомъ и въ-охотку; между-тѣмъ подастъ бывало счетную книжку свою, гдѣ каждая строчка начинается словомъ «кушено», и проситъ проверить и подвести итоги; а тутъ время итти въ театръ, да надо перетянуть еще напередъ квинту, изладить подставку, или даже переставить душу въ скрипку;—тутъ сойдутся пріатели, покурить, поиграть въ пикетъ, потолковать о всеобщей войнѣ, которая грозитъ Европѣ, о старой и новой музыкѣ; иногда соберется квартетъ,—словомъ, въ то время и подумать нельзя было Христіану Готлибу слечь и умереть, за однимъ недосугомъ: часъ гналъ часъ, минута минуто; дѣло на срокъ всегда было у него вперед; въ тихомъ, укромномъ жилищѣ господствовала такая однообразная, по часамъ заведенная дѣятельность, всѣ занятія, забавы, отдыхъ, домашнія и стороннія заботы слѣдовали столь опредѣлительно одно за другимъ, что если старику и случилось иногда просидѣть цѣлый день въ колпакѣ и халатѣ на кожаномъ, старомъ диванѣ со свѣтлыми мѣдными гвоздочками, то ему всё-таки казалось, будто онъ дѣлаетъ дѣло; все въ домѣ шло своимъ порядкомъ. Христіанъ Готлибъ былъ какъ-будто глава своего дому, слѣдовательно, ему и казалось, что домъ держится отчасти и

внѣ. Но какъ онъ горько ошибался! Не только домъ и хозяйство, самъ Христіанъ Амедей держался одною только суетливою, все одушевляющею заботливостію Катерины Карловны. Если, напримѣръ, она сунетъ бывало старику ключи въ руки, отправляясь въ мясные ряды, то онъ бодрился, не выпуская связку изъ рукъ, или, положивъ ее передъ собою на столъ, раскладывалъ карты, ходилъ взадъ и впередъ, но всё возвращался опять къ своему притину, стерегъ и караулилъ ключи и сдавалъ ихъ во всей исправности, когда смѣна возвращалась изъ мясныхъ рядовъ. Онъ видѣлъ, что онъ нуженъ дома, гдѣ Каролина Карловна безпрестанно звала его и о томъ или о другомъ спрашивала; думалъ иногда также, что въ немъ нуждались и въ оркестрѣ, гдѣ онъ занималъ двадцать лѣтъ сряду одно и то же определенное мѣсто: вотъ почему онъ жилъ. Теперь же — со дня на день убѣждался старикъ всё болѣе, что ему не только не зачѣмъ жить на свѣтъ, но и жить нельзя; что онъ дома лишній, въ оркестрѣ, гдѣ льзо шло безъ него не хуже прежняго, лишній, на свѣтъ лишній; — а потому онъ, три мѣсяца спустя послѣ кончины Катерины Карловны, слегъ, отвѣчалъ доктору, котораго привелъ сынъ, что спалъ безпокойно, разметался ночью, а какъ некому было прикрыть его, то и прозябъ немного, а можетъ-быть и простудился; давалъ щупать пульсъ, выпивалъ послушно одну свѣдобицу за другою, покуда наконецъ докторъ не догадался, что болѣзнь эта называется просто *tastmus senilis*, старческаѣ дряхлости и прописалъ лешечки съ ипекакуаной, для возбужденія позыва на стулъ. Но старика позвало вскорѣ въ противную отъ стѣны сторону — въ могилу. Такъ же спокойно и покорно повиновался онъ в этой необходимости и скончался съ тою же улыбкою разсѣянности на устахъ, съ какою расхаживалъ бывало изъ угла въ уголь, самъ не зная, куда ему дѣваться. Насилу догадался старичокъ! На

то родятся молодые, чтобы старые умирали; ты сына поставилъ на свое мѣсто — и выходи вонъ, и ложись. А сынъ твой пусть поплачетъ надъ общею родительскою могилою, (№ 5) и это въ порядкѣ вещей. Затѣмъ—прощай, добрый Христіанъ Амедей, лежи спокойно, да слушай, какъ надъ тобою трава растетъ.

А ты, вступившій на поприще мірское на смѣну отца, прислонись сиротскою головою къ холодной оградѣ, которую разступился сдѣлать глухой дядя твой, простой камень со знаменіемъ спасенія: нужна еще голова твоей опоры, не снесутъ ее молодыя плеча, усталыя руки не поддержать, онъ опустились на подломившіяся колѣни. Сажень земли разделяетъ тебя отъ отца и матери — сажень земли, это болѣе чѣмъ десять верстъ — чего-нибудь другаго, напримеръ воздуха; оттого, говорятъ ученые, что земля плотна, а воздухъ жидокъ. Крутъ переходъ изъ такого жидкаго воздуха въ такую плотную землю — а дѣлать нечего: середины нѣтъ.

Но между-тѣмъ, другъ мой, Христинька, какъ ты, убитый горемъ, глядишь въ плотную и тяжелую землю, отъ которой иногда безразсудно требуютъ чтобы она легкимъ пухомъ лежала на груди покойника — между-тѣмъ есть еще на свѣтъ люди живые, которые думаютъ и гадаютъ о живомъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, то возьмемъ хоть добраго дядю твоего, давно уже смѣнившего валторну свою на слуховой рожокъ. Добрый дядя твой, хоть онъ и глухъ, хоть онъ и отставная валторна, заботится однако жъ болѣе о житейскомъ и нажитомъ твоёмъ добрѣ, нежели ты самъ. Между-тѣмъ какъ ты сиднемъ сидѣлъ на холодной плитѣ и доспрашивался у безотвѣтнаго камня: что теперь изъ тебя будетъ, не заботясь о томъ, что у тебя есть, дядя твой позаботился уже и о томъ, и о другомъ: онъ, какъ человекъ старый и немощный, на кладбище вхатъ не могъ; но онъ распорядился въ это время за-

брать все, что только было въ живомъ жильѣ отца твоего и свезъ все къ себѣ на домъ; онъ отпустилъ милостиво старую Акулину твою съ чистымъ аттестатомъ; слалъ своему дворецкому чашки, костряли, ложки и ложки изъ родительскаго дому твоего — а дворецкѣи этотъ была старая Тіо, сердобольная баба греднихъ лѣтъ, которая называлась себѣ, *ведкою и съ Фиборгъ*, то есть Шведкою изъ Выборга — и крестила метлой и кочергой всякаго безъ разбору, кто называлъ ее Чухонкой. Вы могли выбрать Тіо какъ угодно и она, не оставаясь въ долгу, правда, расплачивалась тою же монетою, однако же подобная сшибка всё-еще ограничивалась сложными преніями; но вамъ только стоило назвать ее Чухонкой и — не прогнѣвайтесь: она отвѣчаетъ въ тотъ же мигъ помеломъ или метлой. Видно, она была уже такого щекотливаго сложенія. И такъ, Христинька, мда твой очистилъ наследственное жильѣ твое, рассчитавшись честно съ хозяиномъ; перетащилъ все къ себѣ и сказалъ своей Тіо, что долгъ родства велить ему принять тебя, сироту, къ себѣ въ домъ на пропитаніе. Отставная валторна и «ведка и съ Фиборгъ», хотя и были оба иностранцы, однако жъ объяснялись между собою по-русски — потому что онъ не зналъ шведско-выборгскаго языка, а она не знала нѣмецкаго. Если къ этому присовокупимъ еще, что обоюдные успѣхи ихъ въ русскій языкъ сохранили всѣ оттънки и особенности финскаго нѣмецкаго словосочиненія — что онъ былъ тугъ натуго какъ барабанная шкура, а она нѣсколько тугана поштія и, притомъ, какъ мы сейчасъ видѣли, истерпѣливаго сложенія — то читатели поймутъ, что всякое отщепенное объясненіе между этою четою представляло нѣкоторые, иногда довольно упорныя, затрудненія. При всемъ томъ, однако жъ, кроткая Тіо поняла наконецъ въ чемъ дѣло, была нововведеніемъ этимъ крайне несправедлива и выразилась даже на твой счетъ, любезной Христинька, нѣсколько рѣзко; она сказала: «На

сто ему эта цѣрты кормить, пусть истохнитъ она»; дядя однако, противъ обыкновенія, одержалъ въ этомъ случаѣ побѣду; стумѣлъ задобрить, успокоить и убѣдить разгнѣванную хозяйку. Видно у него нашлись въ запасъ доводы очень ясныя, ясные такъ-называемыхъ математическихъ; я полагаю, такъ во-первыхъ, потому, что Тіо жила у дяди въ домѣ уже лѣтъ двадцать, и повелѣвала жезломъ своимъ, метлой, безусловно и неограниченно, и дядю твоего только-что не заставляла служить по-собачьему, во-вторыхъ, потому что она не сильна была въ математикѣ и доказательствъ математическихъ ни сколько не уважала. Такъ, на примѣръ, когда дядя, еще въ первые годы своего холостаго хозяйства, вздумалъ-было усчитывать домашніе расходы своей Тіо и повѣрять ее, требуя, чтобы она отдавала отчетъ во всякой копѣйкѣ, то стряпуха Тіо бывало являлась преспокойно каждое утро, съ огромнымъ березовымъ пелѣномъ, на которомъ насѣчено было косаремъ случайное количество зарубокъ: это была счетная ея книга; — перебирая погтемъ зарубки одну за другою, она говорила: «масла десять копекъ; лѣба двадцать копекъ, рязать копека сабула на сто; соли осемъ копекъ, — иско лѣба двѣнадцать копекъ, — другой масла двадцать копекъ, тридцать копекъ сабула на сто»; — и такъ далѣе; если же за всѣмъ тѣмъ, и несмотря на частое введеніе въ расходъ особой статьи подъ названіемъ *сабула на сто*, то есть, забыла на что, всё-таки чего-нибудь дозятаго ею на расходы цѣлковаго не хватало, и дядя старался доказать ей эту математическую истину простымъ сложеніемъ, то наша Тіо, покачавъ головой и поняньчивъ полѣно, отвѣчала: «Какъ вамъ не стыдно, ви такой вещи говорите: се здорѣ эта; когда я говорю усъ сто я снаю, сто тутъ се есть — ну?» а затѣмъ отворачивалась преспокойно и, плюнувъ, уходила на кухню и принималась за стряпню, будто кончила дѣло свое какъ-нельзя лучше. Вре-

мена эти уже впрочемъ прошли и прошли давно; — вы сами знаете, какъ время скоротечно и времена измѣнчивы — нынче уже давно, давно дядя не смѣлъ и подумать объ учетѣ домоправительницы своей и былъ очень доволенъ, если, смѣтивъ рѣшительную слабость ея въ математическихъ выкладкахъ, могъ наоборотъ исплощить ее, обсчитавъ и утаивъ частицу, коротко извѣстныхъ ей, доходовъ своихъ.

Когда Христіанъ Христіановичъ въ крайнемъ изнеможеніи духа и плоти возвратился съ кладбища домой, то вмѣсто обычныхъ, коротко знакомыхъ ему предметовъ, засталъ онъ тамъ только дворника со щеткой, судомойку съ лоханью и тряпицей, да хозяйскаго кучера; они совѣтовались самъ-третей между собой, мести ли опорожненныя комнаты, или бросить такъ, или же испросить на это особенную волю и разрѣшеніе хозяина, слышавъ-де отъ старыхъ людей, что если вслѣдъ за сошедшимъ постояльцемъ вымести комнаты, то не скоро наживешь новаго и что поэтому мести надобно не прежде, какъ когда явится кто-нибудь смотрѣть квартиру. — Дуракъ ты, говорила судомойка, поставивъ лохань на полъ и засучивая рукава: да вѣдь онъ не сошелъ, а померъ. — Коли померъ, такъ стало-быть и сошелъ — замѣтилъ замысловато кучеръ; повѣсилъ голову, подбоченился и прогулялся по комнатамъ въ какомъ-то недоумѣніи шага три назадъ и впередъ, какъ-будто размышляя, такъ ли это будетъ, что онъ сказалъ, или нѣтъ. — Одинъ померъ, молвилъ надумавшійся дворникъ со вздохомъ: а другой сошелъ; старикъ померъ, а молодаго вишь глухой къ себѣ беретъ.

На это нукоговъ совѣтъ *трехъ* отвѣту не пригодилось: кучеръ подошелъ къ окну и сталъ насвистывать сквозь зубы заунывную; дворникъ, прислонившись задомъ къ стѣнѣ, оборотилъ щетку на себя, уперъ конецъ рукоятки въ полъ и легъ обѣими локтями и бородой въ густую щетину, такъ что изъ нея пыль столбомъ встала;

судомойка же осталась съ засученными рукавами и лоханью вовсе безъ дѣла и обращаясь то къ одному, то къ другому, тараторила не переводя духу, какъ-будто кто барабанилъ по лубочному лукошку, и глухой отголосокъ вторилъ ей со всѣхъ четырехъ угловъ опустѣвшей комнаты.

(№ 6) Вогъ, почему мы и видимъ Христіана Христіановича у сиропитательнаго дяди, куда пришелъ онъ по неволѣ, вслѣдъ за всѣмъ добромъ своимъ, нашедши въ квартирѣ отцовской однѣ только голыя стѣны и недоумѣвающихъ въ важномъ дѣлѣ слугъ господскихъ. У дяди, какъ вы видите, свои понятія о геніяхъ и объ изученіи свободныхъ искусствъ; принявъ на хлѣбы племянника, онъ взялъ его и въ науку, и началъ тѣмъ, что растеребилъ цѣлый голикъ на презрядные пучки розогъ, которые, безспорно, были уже и въ работѣ; это ясно по обломаннымъ и разсыпаннымъ на полу прутьямъ. Прическа бѣднаго Христіана является въ такомъ разстроенномъ состояніи, что едва-ли его не причесалъ за наукою самъ глухой дядя; а взглянувъ на пучокъ розогъ, который этотъ держитъ на-готовѣ, позволено предположить, что Христинька не случайно стоитъ во время уроковъ на распашку и безъ подтяжекъ, а что это должно быть одно изъ вспомогательныхъ для науки распоряженій, для бѣльшей сподручности и для выгрышу времени.

Видно усилившаяся втеченіи послѣднихъ лѣтъ глухота дяди, служить ему большой помѣхой въ музыкальныхъ урокахъ и онъ по-неволѣ прибѣгаетъ къ вспомогательнымъ учебнымъ средствамъ. Самъ онъ наводитъ валторну прямо на-ухо себѣ, мальчика заставилъ еще поддерживать мудрую учительскую голову и нажимать на раструбъ; но и тутъ, кажется, не много музыки этой попадетъ, куда слѣдуетъ, или она не доходитъ до мѣста—и дядя не ясно слышитъ, вѣрно ли трубитъ его племянникъ. Недоумѣніе это написано у

дяди на лицѣ, а Христинька дудить по-заказу едва-ли не всё одну и ту же ноту. Тіо неразлучиѣ съ метлой своей, чѣмъ суворовскій солдатъ съ ружьемъ; но если валторна служила только вступленіемъ къ уроку, и лежашіе на стулѣ кларнетъ и флейта ожидаютъ своей очереди, то едва-ли не потребуется еще и другой голикъ домоправительницы на подмогу первому.

Дядя учитъ старательно, хочетъ сдѣлать изъ племянника человѣка,—это видно по всему: онъ не довольствуется тѣмъ, что звукъ попадаетъ ему въ ротъ, онъ настоятельно хочетъ залучить его въ ухо и потому настораживаетъ валторну и колотитъ ученика, если въ окостенѣвшее ухо его, при всемъ стараніи ученика и учителя, ничего не попадаетъ.

Жизнь раздольная для мальчишка, чѣмъ и говорить! Родной дядя, конечно, лучше посторонняго знаетъ, какъ обходиться съ племянникомъ своимъ; но не будь дядя этотъ глухъ, мы бы замолвили слово за своего бѣднаго Христіана. Христіанъ попалъ впрочемъ въ такое воспитательное заведеніе, гдѣ не былъ ни минуту безъ надзору и переходилъ весь день изъ рукъ въ руки: коли дядя разсердится на упрямую Тіо свою, которая дѣлаетъ всё по-свѣдому, не удостоивая глухаго хозяина ни отвѣту, ни привѣту, то онъ принимается за племянника и суетъ ему, не говоря ни слова, валторну въ ротъ: хозяйкѣ своей, дядя не смѣлъ сказать лишняго, а надъ кѣмъ-нибудь выместить все это надобно, такъ не проглотить; если же Тіо въ свою очередь злилась на дядю, то у нея за всё, про всё, отвѣчалъ племянникъ. Сиянки не сходили съ плечъ, рукъ и другихъ частей тѣла Христіана Віольдамура; — время летѣло своимъ чередомъ, не дожидаясь живительныхъ усилій природы, а сиянки эти были всегда подновляемы заблаговременно. Тіо, не обинуясь, попрекала питомца своего каждымъ ломтемъ хлѣба, каждымъ глоткомъ воды; этого мало, она дотога злилась на него безъ всякой

причины, дотого ненавидѣла мальчика, что принимала его всеоружіемъ своимъ, метлой, въ штыки, гдѣ только представлялся ей малѣйшій къ тому поводъ. Христіану не было житья, потому что жалобы его или не доходили вовсе до свинцовыхъ ушей дяди, или же, если Христіану и удавалось иногда плачемъ и указаніемъ на синевицы объяснить дѣло, то дядя, для скорѣйшаго окончанія докучливаго разбирательства, давалъ племяннику заушину и сажалъ его за науку, приказывая трубить и надувать себѣ въ ухо. Это было у него призванное и испытанное средство, чтобы внезапно заставить мальчика переменить плаксивое выраженіе въ лицѣ, принудить его расправить губы, поднять носъ и надуть щеки. Такъ шло время; Христинька жилъ со дня на день истиннымъ мученикомъ, не зная что начать; изрѣдка только могъ онъ отпроситься на могилу родительскую и оттуда возвращался, облегчивъ сердце плачемъ и молитвою. Раза три, четыре, видался онъ на этомъ перепутьѣ со старой няней своей, съ Акулиной, которую Тіо спровадила со двора штыкомъ и прикладомъ всеоружія своего—метлы, когда Акулина вздумала было разъ навѣстить бывшаго своего питомца. Тіо бранилась еще цѣлые сутки съ Христинькой и придиралась, чтобы надавать ему порядочныхъ тычковъ, увѣряя, что Акулина приходила воровать и что окатить ее помоями, если та только осмѣлится показать носъ въ двери.

Дядя жилъ за тридевять земель на Выборгской Стронѣ, въ гниломъ и полу-разрушенномъ домишкѣ. Когда-то былъ тутъ и садъ, и огородъ, а остался одинъ огромный пустырь съ болотнымъ озеромъ, самородною принадлежностію всѣхъ дачъ и домовъ въ окрестности Петербурга. Хлѣбъ иногда дорогъ у насъ, въ Питерѣ, а вода, слава Богу, ни по чемъ. Озеро это состояло, посредствомъ Тіо, въ самой тѣсной связи и общеніи съ цѣлымъ домомъ и хозяйствомъ дяди: Тіо

полоскала въ озерѣ этомъ бѣлье; обмывала лѣтомъ посуду и кормила и поила изъ того же озера дядю и племянника. На этомъ же озерѣ и Христинька мылъ свои рубашки и Тіо таскала его тутъ же, на плоту, за вихорь, способствуя съ своей стороны воспитанію мальчика и поясняя ему всѣ прачешныя приемы. Когда же онъ оказалъ къ работѣ этой нѣкоторую способность, то Тіо старалась, чтобы онъ не забывалъ приобретенныхъ познаній и навыку, а потому и посылала его уже постоянно на озеро, споласкивать какъ дядиню, такъ и свое женское бѣлье, кухонныя полотенца и даже половники, потому что наша Тіо была очень чистоплотна.

Разъ какъ-то Христинька нашла у забора закинутого щеночка, который визжалъ и плакалъ жалобно въ безпомощномъ положеніи своемъ. Вы знаете, что русскій народъ сердобольнъ: у него рука не подыметя перебить полдюжины котятъ или щенятъ, которыхъ домашнее животное принесло не кстатѣ и не подь нужду; но закинуть ихъ—это ни по чемъ, потому что они предаются этимъ воля Божіей. Христинька поднялъ украдкой щенка, выкопалъ ему на пустырь или огородъ печурку, устлалъ ее травкой и съ этого часу заботился болѣе о благоденствіи щенка своего—которому далъ ключку Аршетъ—чѣмъ кто-нибудь заботился о собственной его, Христіана, жизни и пищѣ. Дѣло шло нѣсколько дней хорошо; Аршетъ составлялъ всю отраду Христиньки, который, глядя на безпомощное положеніе визгливаго воспитанника, забывалъ собственное свое горе; но вскорѣ Тіо подмѣтила новыя проказы племянника, выслѣдила логовище Аршета и въ ту же минуту, не говоря ни слова, взяла его по пути съ собою, закинула въ озеро и, зачерпнувъ въ ведро воды, отправилась обычной тропинкой своей домой. И на этихъ походахъ своихъ, съ ведромъ по-воду, Тіо никогда не забывала вооружиться любимой своей метлой; это былъ маршальскій жезлъ ея, ликторскій ат-

рибутъ, бунчугъ шаши — игрушка, забава, оружіе; представитель порядка, опрятности и неограниченной власти; важнѣйшій и главнѣйшій снарядъ при всѣхъ домашнихъ занятіяхъ; только отпраляясь куда-нибудь со двора, Тіо разставалась не на долго съ завѣтнымъ другомъ своимъ, ставила метлу въ уголъ и оставляла ее тутъ, какъ представительницу свою на все время своего отсутствія. И точно, кто только входилъ на кухню и взглядывалъ невзначай на иносказательное изображеніе нашей Тіо, тотъ невольно смирялся и робко оглядываясь, искалъ украдкой: нѣтъ ли поблизости поддвнника.

И такъ Аршетку закинули въ воду, утопили. Но геній — избавитесь его, не дремалъ въ это время: Христіанъ съ своей стороны слѣдилъ за всѣми движеніями непріятели, который привлекъ вниманіе передовыхъ постовъ тѣмъ, что, захвативъ щенка въ-распlochъ и ночью, не утерпѣлъ, чтобы не ударить и не пхнутъ его ногою, до преданія казни. Аршетка жалобно взвизгнулъ, — Христинька вздрогнулъ, прислушался, выскочилъ въ калиточку на пустырь, увидѣлъ и распозналъ тотчасъ же всѣ козни отъявленнаго непріятели своего, слѣдилъ украдкой, согнувшись подъ тыномъ, за всѣми движеніями его и, смѣкнувъ вскорѣ и чемъ дѣло, принялъ свой мѣры: онъ сбросилъ куртку, разулся, засучилъ брюки выше колѣнъ и, ухватившись одною рукою за шесть тына, пригнулся и вынулъ весь впередъ, не спуская съ глазъ своего противника, какъ человекъ, который готовится по первому знаку пуститься бѣгомъ въ-запуски, или кинуться очертя голову, изъ засады на оплошнаго непріятели. Лишь-только Тіо, закинувъ щенка и почерпнувъ рдомъ съ нимъ водицы на супъ дяди, поднялась обраннымъ путемъ на пригорокъ, какъ Христинька стрѣла пустился къ озеру, (№ 7) вскочилъ въ болото, гдѣ не увязъ, но успѣлъ ухватиться за колъ и благополучно

спасъ своего Аршета. Христиныка оглядывался со страхомъ и негодованіемъ, не обратитъ ли непріятель испытующіе взоры свои назадъ; но въ этомъ, кажется, не настоятъ никакой опасности; Тіо удаляется съ увѣренностію и душевнымъ спокойствіемъ чловѣка, сдѣлавшаго доброе дѣло и отбывшаго окончательно лежавшую на немъ обязанность.

Тѣмъ не менѣе однако же Христіанъ Христіановичъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: куда дѣваться съ Аршеткой, какимъ образомъ скрыть его отъ василисковыхъ глазъ и сатанинскихъ рукъ старой Тіо? Задача довольно замысловатая; Христіныка, обнимая и поглаживая своего утопленника, жалѣлъ, что Аршетка дался ему собачей, а не бобровой породы: тогда бы можно ему выстроить клетку подъ водою, куда ни взоръ, ни даже метла Тіо не проникали; метла эта, отправляясь по-воду съ хозяйкой своей, служила, для расчистки поверхности воды, гдѣ плавала тина, всякій соръ и дрань, и вслѣдъ за метлой ведро погружалось въ воду. Но подобныя невинныя желанія Христіныки не спорили дѣла: щенокъ визжалъ и дрожалъ. Добродушный отъ природы Христіанъ, въ жалкомъ положеніи своемъ, покинутый всѣми, не зная, съ давняго времени ни своей радости, ни участія и состраданія другихъ, въ такой степени привязался къ спасенной имъ отъ гибели живой твари, что готовъ былъ плакать въ-запуски съ Аршетомъ; Христіныка готовъ былъ сдѣлать для него что-нибудь съ геройскимъ самоотверженіемъ чловѣка, жертвующаго собою для блага другихъ. Въ эту минуту, когда бѣдный мальчикъ стоялъ по колѣна въ грязи, крѣпко держалъ своего Аршета и съ отчаяніемъ глядѣлъ на роковую тропинку, опустѣвшую вслѣдъ за удалившеюся домоправительницею, онъ въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ какую-то силу и самостоятельность, въ первый разъ постигъ возможность покинуть самовольно негостепри-

инный домъ, въ который попалъ вопреки своего желанія, словомъ, въ эту минуту Христинька, для спасенія своего любимца, готовъ былъ ршиться на всё. Стороною только къ этимъ мыслямъ приплеталось и собственное его бѣдственное положеніе, которому онъ не видѣлъ конца. Стоя подлѣ озера, Христіанъ сажалъ мокраго Аршета къ себѣ за пазуху, отогрѣвалъ его и наконецъ заплакалъ съ отчаянія, не зная, что дѣлать и куда дѣваться. Босою, полу-нагою и грязной; въ изорванной рубахѣ и съ горькими слезами на глазахъ, онъ представлялъ собою въ эту минуту разительную картину нынѣшней бѣдственной жизни своей.

Дядя между-тѣмъ сидѣлъ съ безпокойствомъ въ креслахъ, оборачиваясь по-временамъ къ двери и прислушиваясь съ возрастающимъ вниманіемъ, не собирается ли, наконецъ, Тіо накрывать столъ. Спросить объда онъ не смѣлъ: отъ этого домоправительница давно уже его отвалила; а между-тѣмъ и стѣнные часы съ кукушкою и самый желудокъ отставнаго валторниста докладывали, что часъ объда насталъ. Такимъ образомъ и Христинька и глухой дядя его стремились въ эту минуту мысленно къ одному предмету, хотя и въ противномъ смыслѣ; одинъ желалъ съ нетерпѣніемъ появленія грозной Тіо, другой страшился встрѣчи съ нею и оба были въ тревожной нерѣшимости, какъ быть и что дѣлать. Внезапно одинъ изъ нихъ услышалъ—надѣюсь, не спросите который—услышалъ на улицѣ, за деревяннымъ тыномъ пустыря, очень знакомые ему шаги, полночьные, но сопровождаемые какимъ-то шарканьемъ, да ктому еще знакомый голосъ помянулъ, по всегдашней привычкѣ своей, духа тьмы. Мигомъ Христинька стоялъ уже подлѣ забора, зажавъ воспитаннику своему морду, и глядѣлъ украдкой въ продольную щелку между двухъ досокъ: Тіо, съ бутылкою въ рукѣ, отправлялась въ лавочку за квасомъ—а какъ до лавочки было не близко, то сердобольный

воспитатель, желая воспользоваться отсутствіем метлы, опрометью бросился со щенкомъ на кухню, усѣлся проворно на березовомъ полѣиъ передъ топкой голландской плиты и сталъ обсушивать Аршета, поворачивая его во всѣ стороны. Аршетъ вскорѣ успокоился, приютился и сталъ засыпать на козляныхъ своего барина, который сидѣлъ въ задумчивости передъ челою плиты, почесывая пальцами загривокъ своего любимца. Но чреватая бѣдою туча въ коварной тишинѣ уже домчалась до деревяннаго крылечка, и вотъ ударить громъ, и молнія поразить стрѣлой своей неосторожнаго. Внезапно входитъ Тіо и, ступивъ ногою въ домъ, принимаетъ у самыхъ дверей бразды своего правленія, котораго представительницей служитъ столь знакомая намъ побѣдоносная метла. Трехбунчужнымъ пашей переступаетъ полномочная правительница завѣтный порогъ вриспѣшной—и не вѣритъ глазамъ своимъ: Христинька сидитъ на полу передъ плитой, а на козляныхъ у него покоится мнимый утопленникъ. Тіо поперхнулась первымъ ругательнымъ словомъ, которымъ хотѣла-было проложить свободный путь цѣлому потоку добродетельныхъ привѣтствій, замахнулась—было на питомца своею метлою, но разсудивъ, что въ этомъ чрезвычайномъ случаѣ нужно дѣйствовать поосновательнѣе, что Христинька, отдавшись двума, тремя удами метлы, успѣеть, чего добраго, выскочить въ дверь.—Тіо сунула всеоружіе свое про запасъ подъмышку, надѣясь еще употребить его съ успѣхомъ въ свое время, то есть, при окончательномъ бѣгствѣ непріятеля впогонъ за нимъ (№ 8); вцѣпилась клешнями въ самодѣльный парикъ своего питомца и начала его возить систематически въ равностороннемъ треугольникѣ: отъ плиты къ окну, отъ окна къ дверямъ, отъ дверей опять къ печи и такъ далѣе. Можетъ-быть, читателямъ нашимъ покажется страннымъ, что Тіо соблюдала въ такую тревожную минуту внутренняго волненія особыя пра-

вила, будто бы не всё-равно какъ и куда повозить за чубъ дерзкаго ослушника, лишь бы потѣшиться надъ нимъ вдоволь; но Тіо во всемъ любила порядокъ; она даже собственно для очистки дороги оттолкнула проѣздомъ ногой стоявшее на пути корыто. Въ эту минуту Христіанъ Христіановичъ отправляется гужомъ къ окну, а отъ окна поѣдетъ въ одну упряжку къ дворянъ и опять не кормя далѣе, къ плитѣ. На выѣздахъ онъ уже закусилъ, а теперь поѣздъ не остановится, безъ особенной нужды или помѣхи.

Пришла пора Христинькѣ вспомнить старину и воспользоваться по-неволѣ музыкальнымъ голосомъ своимъ: пришлось дать полную свободу голосистой груди своей! Онъ проревѣлъ одну изъ тѣхъ знаменитыхъ волшебныхъ фугъ, которыя въ былые годы приносили ему столько помощи и выручали изъ всякой бѣды и горя и напасти! Но часъ на часъ не приходится, говаривала Акулина, и она права. Христіанъ Христіановичъ старается, какъ видите, сколько силъ въ немъ есть, и дядя, который не дослышитъ звука валторны, когда ему трубятъ вполоть подъ самое ухо, дядя услышалъ изъ третьей комнаты эту пѣснь лебедя, подумаль-было, что подъ окнами его явилась шарманка, но, взглянувъ въ окно, обратился, руководимый счастливою догадкой, къ дверямъ сосѣдней кухни, и будучи пріятно изумленъ неожиданною картиной, наслаждается спокойнымъ созерцаніемъ ея, улыбаясь отъ удовольствія, что, наконецъ, хоть какой-нибудь живой отголосокъ достигъ до окостенѣвшихъ его ушей! Дядя забылъ про обѣдъ; онъ съ удовольствіемъ вслушивается въ эти пріятные звуки; онъ отходилъ и подступалъ нѣсколько разъ къ дверямъ и всё прислушивался. Испытуя такимъ образомъ слухъ свой, онъ наконецъ убѣдился, что началъ слышать лучше прежняго, и когда Тіо повозила племянника вполоть къ дверямъ, то дядя, отступая на самый конецъ сосѣдней комнаты, оживалъ

вдругъ и бодро оглядывался, измѣряя глазами разстояніе черезъ всю длину комнаты и чрезвычайно утѣшаясь тѣмъ, что слышитъ довольно внятно всѣ перекаты отчаяннаго крику племянника. Поковыривъ мизинцемъ въ обоихъ ухахъ, дядя съѣлъ опять спокойно на своемъ мѣсто и, во ожиданіи будущихъ благъ, принялся за старыя нѣмецкія вѣдомости. Онъ взглянулъ только еще разъ на часы, вздохнулъ, надѣлъ очки и сталъ читать.

Между-тѣмъ утомленная ломовою ѣздой и неподручнѣй упряжкой Тіо, которая по-необходимости должна была во все время пятиться задомъ и усиленно тащить за собою заторможенный на всѣ четыре колеса экипажъ, — потому что Христинька упирался ногами во всей силѣ и хватался по пути руками за все, что ни попадалось ему подъ руки, — утомленная Тіо покинула, наконецъ, своего воспитанника, отпустивъ ему въ догонку метлой три, четыре лизуна; потомъ взяла щенка и швырнула его могучей рукой изъ окна кухни прямо черезъ заборъ. Очистивъ такимъ образомъ свои владѣнія отъ самовольныхъ вторженій, вымыла она руки и принялась обыкновеннымъ порядкомъ за стряпню. Она, правда, немножко запыхалась, разгорѣлась въ лицѣ и даже ушибла локоть, но была такъ довольна полною побѣдой надъ неосторожнымъ непріателемъ, который, такъ-сказать, самъ напросился на потасовку эту, — такъ довольна, что молчала и не произнесла ни одного ругательства съ той минуты, какъ выпроводила одного въ дверь, а другаго въ окно. Доброе дѣло споконѣтъ и утѣшаетъ: работа кипѣла у нея подъ руками, глаза горѣли, и только рѣшительные приемы ея, громкій стукъ и брякотня на кухнѣ изобличали волненіе, въ которомъ была все утро добрая Тіо. Проголовшійся дядя со страхомъ и трепетомъ заглянулъ наконецъ въ дверь кухни; Тіо привѣтливо кивнула головой, указавъ на кипящій супъ и вскорѣ обѣдъ былъ поданъ.

Но на всѣхъ не угодишь, это уже судьба наша. Тіо нынѣшнимъ утромъ осталась довольна, и дядя остался доволенъ; напротивъ того, Аршетка съ бариномъ своимъ, изъ которыхъ первый вылетѣлъ, противъ воли своей, въ окно, а послѣдній черезъ великую силу на-шелъ дверь и въ нее выскочилъ,—Аршетка съ бариномъ были въ такомъ отчаянномъ неудовольствіи, въ какомъ оба еще отъ-роду не бывали. Негодование Хри-стианки возрасло до высшей степени, мысль бѣжать на-всегда изъ дому овладѣла имъ съ неодолимою силой и онъ, самъ не зная что дѣлаетъ, накинулъ на себя вѣтхую дѣтскую шинелишку свою, поднялъ щенка, который на-дивобылъ еще живъ и бросился безъ оглядки со дво-ра сиропитательнаго дяди (№9). Христианъ не успѣлъ даже надѣть истасканной куртки своей, ни взять на-дорогу куска хлѣба: онъ все покинулъ и бѣжалъ со двора, куда глаза глядятъ. Пугало, поставленное у дверей, знаменитое всеоружіе домоправительницы, не испугало на этотъ разъ бѣглеца; убитый горестію и от-чаяньемъ, онъ даже не видалъ этого представителя трех-бунчужной владычицы, а остановился и перевелъ духъ. добрые полчаса спустя послѣ того, какъ перешагнулъ поспѣшно черезъ подворотню отставной валторны.

Когда Христианушка опомнился немного, отдохнулъ, присѣлъ бѣздно на какое-то вычурное крылечко, гдѣ попеременно гладилъ и шупалъ то своего Аршетку, то рѣзнаго деревяннаго льва съ косматою гривой, за-глядывая въ глаза то одному, то другому и почесыва-вая голову свою и спину,—тогда онъ началъ думать и о томъ, куда ему теперь дѣваться. Растрепанная снутри и снаружи голова его освѣжилась немного на возду-хѣ, глаза провѣтрились, гроза на первый случай миновалась; Виольдамуръ былъ уже подъ другимъ небомъ. Тогда, наконецъ, разсудокъ взялъ верхъ и требовалъ отчета, куда идешь и что хочешь дѣлать? Подумавъ немного, Христианушка отвѣчалъ: пойду отъискивать

старую няню, Акулину свою: больше мнѣ дѣваться некуда.

Весь день до вечера плуталъ и шатался Христіанъ Христіановичъ на-тощахъ по люднымъ улицамъ Петербурга, отыскивая свою старую няню. Пышно мчались мимо его коляски и кареты новомодныхъ покровъ и названій—перья, цветы, шляпки и пестрые жемчѣя убранства: неисчислимыхъ наименованій мелькали въ глазахъ бѣдняка, который, среди всей несконченной суматохи этой, искалъ одного только: своей старой няни. Всѣ провѣжіе и прохожіе эти торопились; обгоняли другъ друга и, видно, спѣшили каждый по важному дѣлу; всѣ были одѣты, обуты—всѣ были сыты. Христинька походилъ въ это время на ошипанную камнемъ—нибудъ забіякою—воробьемъ козьяку, которая, спасаясь, ползетъ въ пыли поперегъ дороги, между-тѣмъ какъ сотни каретъ и колясокъ мчатся туда и сюда по дрожащей подъ колесами мостовой и козьяку наша, принадавая за-мертво каждый разъ, когда съ грохотомъ набѣжитъ на нее ухарская четверня, не дающъ ниной милости не только отъ людей, но и отъ Бога, какъ чтобы ея не размозжили. Христинька послѣ долгихъ поисковъ допросился наконецъ того дома, гдѣ жила Акулина, и отыскалъ ее, въ изнеможеніи отъ голоду и усталости. Здѣсь только онъ очнулся вполне, вымалкалъ, вдохнулъ легко и свободно, какъ не вдышалъ давно, разсказалъ похожденія свои и няня плакала и вдыхала съ нимъ и не могла наслушаться его, предаться, заплакаться и наговориться.

—А знаешь ли няня, сказалъ Христинька, опорожнивъ порядочный горшокъ со щами: когда я стоялъ на одной большой улицѣ, не зная куда итти, и оглядывался во все стороны, то ко мнѣ подошли двѣ барыни, посмотрѣли на моего Аршета, полюбовались имъ и спросили, много ли я за него прошу? Я былъ, правда, чужъ голодомъ и не зналъ, куда дѣваться: боялся, что

не найду тебя вовсе, однако Аршетку своего прокар-
чить не хотѣлъ ни за что; я отвернулся и покрылъ его
полою: барыни посмотрѣли на меня и прошли. Аку-
лина подала Аршету еще полачки, погладила его и
похвалила своего питомца, а потомъ, забываясь объ
участи его, стала спрашивать, куда дѣвалось все от-
цовское добро?— Не знаю ничего, отвѣчалъ Христинь-
ка: я не знаю что было, чего не было; должно быть,
коли осталось что-нибудь, такъ теперь все у дяди; до-
какія вещи видѣлъ я у него, другія прибрала въ ка-
дую его старуха.— Пстой же, голубчикъ, продолжа-
ла заботливая няня:— какъ же такъ? вѣдь у твоего, у
батюшки, было много добра всякаго, водились и деви-
жонки: я, живучи у нихъ, царство имъ небесное, до-
довъ съ пятнадцать, самъ ты знаешь, родимый, другое
пятое слово ихняго разговора стала понимать; бывало
воротится домой старикъ изъ ломбарта, либо какъ
сташутъ считать по пальцамъ промежь себя здешнѣе,
сердечныя, когда счеты поверяють, то и говорятъ по-
сафему, сколько тамъ положено у нихъ денегъ. — Чѣмъ
же я стану дѣлать, сказалъ вздохнувши Христианъ: не
пойду я, къ этому... и нога моя у него не будетъ: хѣтъ
пропаду съ-голоду; да и не зачѣмъ, не отдастъ онъ
мнѣ ничего, зачѣтъ все за харчи, за уроки, чѣмъ три-
билъ я ему въ ухо, да за розги. Ужъ сподяко разъ онъ
мнѣ этимъ глаза кололъ, сколько непрекалъ: гдѣ же
дѣвла пѣсня эта, что не знаешь, бывало, куда дѣвотъ-
ся!— кричить, ровно я глухой, а не онъ: что я шучу,
что нечемъ мнѣ отплатить ему за вся труды, за дѣло,
за постель, за науку; что одинъ розги на меня разорать
его, а какъ бывало растеребить на меня голыть дѣлу-
харки, то та послѣ меня же за это и колотить. — Сер-
дечный ты мой, Христинька! стала опять причини-
вать Акулина: да неужто Господь милосердый адамъ
беззаконіе попустить? И стала креститься и полагать
передъ образомъ земной поклонъ: «вотъ что, родимый

ней, я здалъ съ-молоду свѣтъ видѣла, всё въ людяхъ
 шла; было тоже всякое время: натерпѣлась и напла-
 чалась; мнѣ уже и не въ дивовинку—постой же, не
 плачь ты, глаза замарашивай даромъ: я ужъ за тебя
 помалю, не бойсь, и въ молитвахъ поману въ грѣшныхъ
 сонихъ; вотъ какъ всегда, видитъ Богъ, перстовъ не
 мнѣсу, чтобъ за тебя не помолиться, вотъ что. А у
 меня, дитятко, тутъ кумъ есть, Иванъ Ивановичъ, а
 промывается какъ—забыла; памяти-то уже у меня
 мнѣ не стало—Оршанниковъ ли, Салтановъ ли, что ли
 —какъ какъ-то—а Иванъ Ивановичъ; такъ пойдемъ
 къ нему; онъ, авишь, про всё дѣла эти знаетъ и такой
 человекъ книжный, вотъ така добрая душа; у него
 знакомые писаря есть знакомые и ливартаминскіе; они
 иль-солъ съ нимъ водять; такъ пойдемъ, не заслу-
 шавъ ли онъ за тебя: буду кланяться ему въ поясъ
 иль если онъ не расудитъ тебя съ глухими, ну
 такъ, видно Богу такъ угодно; а опречь его некому и
 нѣтъ воцѣлому свѣту некому, и кромѣ его никто тебя/
 дѣлать, ничего не сдѣлаетъ. Я стану кланяться и ты
 кланяйся, да преси: Не покиньте, Иванъ Ивановичъ;
 батюшка, выступитесь за спротское убожество мое, при-
 кините глухому черту—прости, Господи, согрѣшеніе
 мое; прикажите воротить отцовское добро; вашего
 милосердія не будетъ, такъ не станеть на меня ни
 сътъ никакого порядку, ни милости, ни чести; одна
 моя галъ, ваша власть, батюшка!—Такъ, смотри, го-
 ворю.

Изпросивъ у вышнихъ господъ своихъ позволе-
 нія, у себя на одинъ сутки прежняго барина сво-
 ею лѣтарею вынимала на рукахъ, Акулина обла-
 чалась на другой день празднично, будто собиралась
 съ мужемъ на крестинъ, и отправилась съ нѣско-
 лѣкомъ своимъ на судъ и рядъ Ивана Ивановича. Дор-
 дошли они купала еще дѣвъ коврижки, завернула ихъ въ
 вѣшную платокъ и всё учила Христиньку, какъ ему

надо просить Ивана Ивановича и какъ отъ него только часть ему спасенія.

Иванъ Ивановичъ только-что выходилъ въ это время со двора по дѣламъ и повстрѣчался на углу съ нашими почитателями (№10). И вотъ Акулина кланяется ему въ поясъ, отвѣшиваетъ поклонъ за поклономъ, а Христіанъ Христіановичъ снялъ почтительно фуражку и глядитъ на будущаго заступника своего въ какомъ-то недоумѣніи. Въ самомъ дѣлѣ онъ не казистъ на видъ и не похожъ на такого человека, который бы могъ волею и вліяніемъ своимъ измѣнить чью-нибудь судьбу. Наружность самая не министерская, въ этомъ должно сознаться. Но Иванъ Ивановичъ, несмотря на разительное сходство свое съ обезьяной, представлялъ собою животное это въ самой добродушной карикатурѣ, и имѣлъ сердце и душу чисто человѣческія. Вы видите плутовскіе глаза его и чѣмъ болѣе всматриваетесь въ это лицо, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что личина иногда обманчива; что человекъ волею и неволею ходитъ въ шкурѣ своей и что Иванъ Ивановичъ, можетъ-быть, не такъ простъ, какимъ онъ намъ съ перваго взгляду показался. Выпуклый лобъ, крутое переносье, подвижная, угловатая бровь, сѣрые остойчивые глаза и круглый затылокъ довольно замысловаты; носъ устроенъ корытосломъ, кажется, только для собственной пользы и удобства страстнаго нюхальщика и обстоятельство это несколько общества не касается; носъ же этотъ выдвигаетъ за собою и верхнюю губу, да сверхъ того и золотушное расположеніе въ молодости могло также участвовать въ этомъ образованіи губы, оставивъ такой памятникъ до старости лѣтъ. Вотъ почему и добродушная улыбка Ивана Ивановича походитъ на какое-то кривлянье, а между-тѣмъ въ ней есть и живанъ и чувство. Шляпа на немъ—дальца извѣстнаго разраду: помятая, съ перехватомъ, надѣтая колпакомъ; платокъ не угрожаетъ задуться хозяина, котораго она нуждается

въ известномъ просторѣ, подвигается во время разгово-
ра выразительно взадъ и впередъ, тонетъ въ плечахъ и
высовывается внезапно, какъ у черепахи изъ кожурѣ;
не эта ходитъ свободно въ платьѣ, какъ въ хомути-
кѣ. Сюртукъ темно-зеленый, заплаченный на Шуки-
ношъ дворъ, новыи, съ иголки, рублей тридцать; сапо-
ги, подбитые гвоздями сплошь: потому что у Ивана
Ивановича ходьбы по мостовой много, и щегольскихъ
сапоговъ не напасешься. Свертокъ бумажный показы-
ваетъ вамъ, что Иванъ Ивановичъ вышелъ со двора не
безъ надобности; табакерка въ рукахъ и платокъ, пе-
рекинутый черезъ локоть—что добродушный Иванъ
Ивановичъ принимаетъ большое участіе въ разсказѣ
законнаго наследника, обиженнаго самоуправствомъ
дяди, и собирается дослушать разсказъ до конца;
Иванъ Ивановичъ добирается до самой сущности или,
собственному его выраженію, до самаго *суть*. «Суть»,
то былъ вообще у Ивана Ивановича любимый и вспо-
могательный видъ вспомогательнаго глагола, слово,
которое онъ вставлялъ вездѣ, гдѣ не зналъ, что сказать
или написать; такъ онъ говорилъ наприимѣръ: ты не
суть еще баринъ; мы не суть великіе люди,—замѣняя
этимъ неупотребительное *еси* и *есмы*, и былъ увѣренъ,
что выразился весьма искусно. Но какимъ же обра-
зомъ Иванъ Ивановичъ полагаетъ пособить горю на-
шего безпріютнаго сироты, покровительствуемаго Аку-
линой? Посмотримъ.

Каждому изъ насъ даны свои способности, достоин-
ства и недостатки — или каждый усвоиваетъ себѣ
различныя качества по наклонностямъ своимъ, случай-
нымъ обстоятельствамъ и вліяніямъ; безспорно по-край-
ней-мѣрѣ, что овому талантъ, овому два и что одинъ и
два эти бываютъ не одинаковы. Не стану припоминать
вамъ знаменитыхъ людей всѣхъ родовъ и геніевъ та-
кой или иной руки: на что намъ лѣзть такъ высоко!
лучше оглянемся вокругъ себя, гдѣ стоимъ. Кому не

случалось видѣть людей весьма ограниченныхъ способностей, отличавшихся дарованіемъ на числительныя выкладки и счетоводство; весьма изряднаго живависца, котораго природа обнесла всеми другими дарами своими? Я зналъ человека, который исключенъ былъ изъ учебнаго заведенія за «непонятіемъ наукъ», который, доживъ до шестнадцати-лѣтняго возраста, при всемъ стараніи своемъ не могъ вытвердить таблицы умноженія и не умѣлъ примѣнить ее къ дѣлу; а между-тѣмъ работалъ превосходно модели разнаго роду, изъ дерева, проволоки, хлѣбнаго мякиша и клееной бумаги—и въ этомъ дѣлѣ показывалъ смѣтливость, расчетъ и соображеніе. Я зналъ также чиновника, который не умѣлъ написать по-русски трехъ строкъ, хотя онъ русскій и другаго языка не понималъ; но онъ необходимъ на своемъ мѣстѣ, и ни одно мало-мальски важное дѣло рукъ его не минуетъ: у него въ головѣ все мелочныя подробности разныхъ узаконеній и постановленій, весь Сводъ законовъ съ продолженіемъ своимъ и все указы, вѣшедшіе и невошедшіе въ Полное собраніе законовъ. Прочитавъ записку, предположеніе, ходъ тяжбы—онъ вамъ не призадумавшись скажетъ, что согласно, а что несогласно съ узаконеніями, на чемъ должно основать то или другое, гдѣ правая, а гдѣ виноватая сторона и какимъ образомъ должно повести дѣло, чтобы оно было правое.

Иванъ Ивановичъ просидѣлъ, какъ вы видите по благопріобрѣтенному складу хребта и по всей посадкѣ его, лѣтъ двадцать за зеленымъ сукномъ, — какъ бывало встарину выражались. Онъ не сочинитель, не славился никогда тѣмъ, чтобы писалъ складно и красиво, а между-тѣмъ былъ дѣлецъ перваго разряду. Каждое дѣло разберетъ онъ вамъ по косточкамъ, по суставчикамъ, и несмотря на приказный языкъ, который излагалъ *сущность, справки, узаконенія, и заключенія*, онъ давалъ вамъ вѣрный, прямой и ясный взглядъ на

дло и никакіе крючки, плутни и путаницы не могли его сбить съ прамаго тракту. Ничтò не развлекало при подобной работъ вниманія его, ничтò не могло заставить его потерять изъ виду самую *суть*; словомъ, ясное и вѣрное понятіе, изложенное самымъ дикимъ, приказнымъ языкомъ, было неминуемымъ послѣдствіемъ всякаго подобнаго труда Ивана Ивановича. Вотъ, кажется, главная причина, почему онъ и былъ въ душѣ своей честный человѣкъ. Неодолимое природное побужденіе влекло его къ истинѣ, къ прямой цѣли, и онъ просто не умѣлъ. обсудить дѣла криво, ни за деньги, ни въ дружбы, не могъ и не умѣлъ, если бы даже и захотѣлъ. Онъ бралъ подарки отъ просителей, отъ людей, которыхъ дѣла переходили черезъ его руки, даже иногда самъ напрашивался на гостинецъ, но былъ доволенъ небольшоимъ и принималъ его всегда только отъ людей, которымъ честный трудъ его послужилъ въ пользу; словомъ, онъ былъ человѣкъ не подкупной. Если бышло, хотѣли его напередъ задобрить, если предлагали ему деньги за неправое дѣло, то онъ, покачавъ головою и взявъ съ особенною ужимкою напойку табаку, говорилъ преспокойно: «Постойте, милостивецъ мой, вы не добрались еще до самаго *суть*; вотъ какъ дастъ Богъ, закончимъ все, да довольны останетесь, такъ изъ чести, по мѣрѣ силъ своихъ и удовольствія отблагодарить можете». Если же дѣло подходило къ концу и рѣшалось не къ удовольствію докучливаго просителя, то Иванъ Ивановичъ объяснялся съ нимъ откровенно: «не извольте у насъ хлопотать по-напрасну, говорилъ онъ: это не такое дѣло; мы съ своей стороны покончили, обработали самую *суть* и ниже ни одной лазейки вамъ не оставили; а коли угодно, идите вотъ къ такому-то, дѣло теперь у него въ рукахъ; онъ человѣкъ смѣлый; вамъ вѣнчать на себя отвѣтъ предъ Богомъ и великимъ Государемъ, такъ вамъ тамъ счестся съ нимъ браться домашнее дѣло, а не наше». Если дѣло рѣша-

лось, по мнѣнію Ивана Ивановича, не право, и въ-особенности безъ соблюденія даже и наружной законности, то Иванъ Ивановичъ, осадивъ лопатки и подавъ шею свою въ хомутъ назадъ, встряхивалъ табакерку и говаривалъ: «Экіе, подумаешь, смѣлые на свѣтъ люди *суть* — даже не то что Бога, а никого не боятся!» А если такое рѣшеніе было слѣдствіемъ искусной поддѣлки и обставлено было кругомъ надлежащимъ образомъ ссылками и доводами, то Иванъ Ивановичъ любовался дѣломъ этимъ, улыбался, разбиралъ его внимательно, прокладывалъ себѣ мысленно прямой путь къ самому *суть* и заключалъ: «вотъ тебѣ и науда нашему брату: не городи такого заплоту, чтобы на любомъ мѣстѣ доску поднять, да пролѣзть можно было, а клади кругомъ каменну стѣну, чтобы ни ходу, ни лазу не было; пусть тогда лѣзетъ, кому охота, черезъ конѣкъ; коли не выломить шеи, такъ стало-быть правду, да и мы правы, дѣлать нечего». Въ этомъ смыслѣ онъ и говорилъ часто о дѣлѣ, которое поведено было плохо, безъ умѣнья, и осторожности: «это изба немощная»; или, въ другихъ случаяхъ: «дѣльце это надо удитить кругомъ основательно, чтобы углы не промарзали» — «тутъ рубка требуется опасливая, въ зубъ, да сковородничкомъ, чтобы избу нашу не расперло».

Иванъ Ивановичъ давно уже былъ въ отставкѣ, сколотивъ себѣ кое-какъ деревянный домишко и огородишко на Петербургской Сторонѣ у Крестовскаго перевозу; этимъ онъ и жилъ, да занимаясь еще хожденіемъ по дѣламъ. Важныхъ большихъ дѣлъ, конечно, у него не случалось и онъ за нихъ не брался; но по дѣламъ мелкимъ и средней руки, онъ былъ удивительный мастеръ и такой искусный стряпчій, какихъ не много. Пути Ивана Ивановича, какъ пути судьбы, были несповѣдимы; взявшись за дѣло, которое считалъ онъ правымъ — а за другое онъ самъ и не брался, но охотно указывалъ на искусныхъ людей, дѣла-

лю-де возьмутъ—взявшись за него, Иванъ Ивановичъ къ лезаныхъ выростковыхъ сапогахъ своихъ и зата-сканномъ сюртучишкѣ отпрапляется, бывало, съ утра ширять по всемъ частямъ города; всюду у него есть своя, кумовья, сваты, крестники, кумушки, и такимъ образомъ онъ дойдетъ черными лѣстницами до какого угодно этажа. Есть, говорятъ, приступъ ко всякому чловѣку съ трехъ сторонъ: сверху, снизу и сбоку. Пролозь Иванъ Ивановичъ равно пользовался всеми тремя путями и такъ искусно соразмѣрялъ ударъ, что, осадивъ чловѣка со всехъ трехъ сторонъ вдругъ, принуждалъ его шербатко къ безусловной сдачѣ, несмотря на то, что осажденный не зналъ вовсе, есть ли на свѣтъ такой-то Иванъ Ивановичъ Салтановъ или Орашниковъ, и что первый сидѣлъ въ это время въ осады на Фонтанкѣ, въ Морской, въ Милліонной, а послѣдній, осаждающій, за тридевять земель, на Крестовскомъ перевозѣ, и посадивъ очки верхомъ на носъ, преспокойно занимался въ это время другими дѣлами. Швейцары, камердинеры, кучера и жены ихъ, лакеи, дворецкіе, курьеры, повара и фореиторы; — прачки, горничныя, швеи — все это въ случаѣ нужды служило подл осадными знаменами Ивана Ивановича; тма латучиковъ доставляла во всякое время самое вѣрное и точное свѣдѣніе о состояніи непріятели, о слабыхъ мѣстахъ крѣпости: Иванъ Ивановичъ подводилъ втихомолку съ Крестовскаго перевозу свои мины и фугасы и непріятели сдавался на капитуляцію. Забавнае всего при этомъ то, что какъ Иванъ Ивановичъ былъ полководецъ темный, никому неизвѣстный, то дѣло и осаживалось безъ всякой огласки и какъ-будто устроивалось такъ или иначе само собою.

Второй разрядъ вольныхъ и невольныхъ сподвижниковъ Ивана Ивановича были: учителя, гувернёры и гувернантки, доктора, откупщики, поставщики, мелкіе чиновники, компаніонки, актрисы, художники, и проч.,

эта сила дѣйствовала сбоку, между-тѣмъ, какъ ~~первая~~ подпирала снизу; а для подавнiя помощи сверху, Иванъ Ивановичъ прибѣгалъ къ содѣйствию тѣхъ же вѣрныхъ дружинъ, направляя ударъ свой, по законамъ тяготѣнiя, параболическаго полету снарядовъ и теорiи рикошетовъ—окольными, груговыми путями очень искусно поверху головы осажденнаго, такимъ образомъ, чтобы рикошетъ, контузiя, или отдача орудiя, или отскокъ снаряда отозвались тамъ, гдѣ слѣдовало. Въ этомъ искусствѣ Иванъ Ивановичъ достигъ высокой степени совершенства и глазъ его былъ такъ вѣренъ, что окинувъ мѣстоположенiе взоромъ, сообразивъ средства свои и взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ каждый разъ объявлялъ напередъ степень успѣха и всѣ его послѣдствiя. Удивительно и непостижимо, какъ Иванъ Ивановичъ успѣвалъ въ покушенiяхъ своихъ съ такими ограниченными средствами; но онъ каждый разъ съ такимъ знанiемъ дѣла опознавалъ напередъ мѣстность, измѣрялъ черезъ лазутчиковъ глубину рва и добывалъ самый чертежъ крѣпости, что непрiятель былъ всегда у него въ рукахъ, и проломъ, подкопъ, или ночное нападенiе врасплохъ—всегда удавались. Съ одной стороны онъ подъѣдетъ кумовствомъ; съ другой, подползетъ усердной просьбой и болтовней; съ третьей подвернется черезъ третьи руки умѣстнымъ гостинцемъ и восходя такимъ образомъ до самаго его превосходительства, *суть*, не минуя ни одной степени или ступени, берсталь дѣло и, отпировавъ побѣду, ложился спать. Если голова на утро немного болѣла, то у Ивана Ивановича и на это были разныя снадобья: огуречный рассолъ, лимонная корка, морковный сокъ, и все это оканчивалось въ такомъ тѣсномъ и безызвѣстномъ кругу, что Петербургъ никогда и ничего о ходѣ этого дѣла, или по-крайней-мѣрѣ о скрытныхъ пружинахъ его, не узнавалъ. Знали только иногда, что въ такомъ-то ~~дѣлѣ~~ принимали вдругъ, и Богъ вѣсть отчего, участiе ~~никакого~~

милкія лица; — что такой-то сильный человекъ и съ голосомъ, обратилъ вниманіе на дѣла, которое счита-лось пропащимъ, а теперь, говорятъ, правда всплы-ваетъ наружу; — но какъ и отчего все это дѣлалось, ни-кто не зналъ и не подозрѣвалъ.

Вотъ видите ли, какой именно талантъ былъ у Ива-на Ивановича и чѣмъ его Провидѣніе надѣляло; въ остальныхъ же талановъ людскихъ у него не было за-то почти ни одного: онъ былъ одаренъ въ высшей сте-пени способностію входить во все подробности чужихъ нуждъ и заботъ, смекать ошупью, по первому приему, самую суть дѣла; распознавать путь, по которому мож-но слѣдовать съ надеждой на успѣхъ, пользоваться всеми случайными встрѣчами въ свою выгоду, и, изб-равъ однажды цѣль, признанную имъ доступною, стремиться къ ней не унывая и не утомляясь, настро-ивая вскуено цѣлое поколѣніе въ свою пользу. Иванъ Ивановичъ зналъ, что однимъ канцелярскимъ и суд-нымъ порядкомъ не всегда достигнешь вѣрно, скоро и пріятно цѣли своей; длятого-то онъ и опуталъ себя кругомъ невидимой паутиной разныхъ связей, куда только могъ достать своею или чужою рукою, — а си-дѣлъ невидимкой въ темномъ углу и отправляясь, по нѣрѣ надобности, по той или другой ниточкѣ во все стороны, добирался до человека, котораго посылаъ куда слѣдовало далѣе, а самъ спокойно возвращался въ уголокъ свой и наслушивалъ паутину, не принесетъ ли она ему отвѣту. Но зато на все другое — у Ивана Ивановича не добьетесь ни ума, ни толку; и если бы вы его не испытали на дѣлѣ, то могли бы подумать, что это человекъ неспособный ни къ чему на свѣтѣ. Заговорите съ нимъ о чемъ угодно, для него постерен-немъ, и онъ отвѣчаетъ вамъ Богъ въсть что такое — и смѣшно и глупо. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ началъ объясняться съ кумой своей, съ Акулиной, наговорив-шись вдоволь съ Христинькой: «Акулина Петровна!

случай былъ у насъ, матушка, вотъ таки сушая *суть*: иду я, то есть, отъ перевозу, такъ вотъ, подъ заборомъ: хотѣлъ по дѣлишкамъ провѣдать: а ужъ маленько смеркалось, признаться,—вдругъ, матушка, фыркъ изъ-подъ ногъ собака; таки вотъ собака, да и полно. Я гляжу; что за притча! откуда ей взаться тутъ—собака не *суть* важность, да взаться ей неоткуда, таки ей Богу неоткуда — гляжу вотъ — шмыгъ только изъ-подъ ногъ, и нѣтъ ея. Я перекрестился, думаю: Ахъ ты, Господи!—тутъ еще человекъ случился, прохожій какой-то: видно изъ ливрейныхъ долженъ быть,—и онъ тоже смотритъ на меня, глядитъ, я и говорю ему: вѣдь оборотень? Оборотень, говоритъ. Ахъ ты, Создатель, подумаешь... оборотень и есть, ей Богу, матушка, оборотень; вотъ что!»

—Всяко бываетъ, Иванъ Ивановичъ, отповѣдала Акулина: всякой народъ на свѣтъ есть, про это что и говорить. Возьми же, куманѣкъ, прійми на милость гоетинце наше, да не взъищи, не прогнѣвайся: одну коврижку себѣ возьми, кушай на здоровье, другую крестнику нашему отдашь;—да вотъ, родимаго-то моего не покнишь; заступись, Иванъ Ивановичъ, за сироту круглаго, безроднаго: Господь помилуетъ и тебя; а не будетъ твоего милосердія, такъ обидятъ его, все пропадетъ; я ужъ такъ ему и говорила—кланяйся жъ, дитятко,—что oprичъ васъ некому надъ нимъ милости Господней оказать; на все есть ваша власть, что на свѣтъ дѣлается, за вами можно поспать ему, коли по сиротству не оставите его, Иванъ Ивановичъ,—вѣдь и головушку-то приклонить некуда. Вотъ пустила пѣ-міру, какъ видишь: ну куда ему, горемычному, дѣваться?

— «Не спохватившись, матушка, Акулина Петровна, самую-то *суть* не разгадаешь; сперва прѣкиннемъ да примѣряемъ, а тамъ ужъ отрубить не долго. Для васъ, матушка, да ради обиженнаго, вотъ, можно по сущности постараться, что Богъ ни дастъ. Жительство ему

спрывается: пусть онъ у меня на хлѣбахъ до самой сѣни побудеть; сперва надобно поразобратъ дѣло, да коли наша возьметъ, ну, тогда онъ хлѣбъ-соль мою попоминитъ: отъ силъ своихъ наградитъ меня жертвиемъ, а не возьметъ наша,—ну, пиши пропала. Постараться можно.

Затѣмъ Иванъ Ивановичъ воротился съ кумой и новымъ нахлѣбникомъ къ своему двору, отворилъ калиточку, просилъ ихъ напередъ черезъ порогъ, посадивъ, поютчивалъ куму наливочкой; а когда она раскланялась, повторивъ еще на прощанье предстательство свое за Христиньку, то Иванъ Ивановичъ снялъ съ гвоздя намятую шляпу свою и отправился по пути съ кумой. Дорогою онъ еще выпросилъ ее обо всемъ, потомъ пошелъ кое-куда за справками, какъ по другимъ дѣламъ, такъ и собственно по настоящему дѣлу, и ужъ на этомъ первомъ поискѣ, учинилъ онъ, по указаніямъ безтолковой до-нѣльзы Акулины, развѣдку, собралъ нѣкоторыя справки и, отдохнувши послѣ обеда часокъ, сидитъ теперь передъ вами за какими-то бумагами или письмами, относящимися къ наслѣдству Вольдамура (№ 11). Вторая флейта, землякъ покойнаго Готлиба Амедея, доставилъ черезъ Акулину Ивану Ивановичу кое-какія свѣдѣнія о наслѣдствѣ своего крестника, о которомъ, мимоходомъ сказать, не забывается съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлалъ свое дѣло, призвавъ его геніемъ.

Не замѣчаете ли, что Иванъ Ивановичъ за письменный столомъ своимъ какъ-будто поумнѣлъ съ лица? Ушкина обезьяны уступила мѣсто какому-то неглузкому выраженію, несмотря на носъ коромысло и на хоботъ подъ носомъ. Платочекъ положенъ, для сподручности, на козлѣнѣ, табакерочка подъ рукой, и ничтѣ не развлекаетъ вниманія старичка; штофъ и бутылка, съ наливочкой и съ горькимъ, грѣются на солнышкѣ и смирно ожидаютъ очереди принять участіе въ бесѣдѣ;

очередь эта полагается имъ впрочемъ только по два раза въ день: утромъ на-тощахъ, да передъ самымъ обедомъ. Помадная банка обращена въ чернильницу, разбитое окно заклеено бумажкой и стянуто ниткой надверткой; плащи хозяина и гостя, шляпа съ фуражкой и полотенце висятъ на стѣнѣ; а Христинька точно въ томъ же видѣ, какъ ушелъ изъ дому глухого дяди, сидитъ на скамеечкѣ, учить своего Аршета разнымъ собачьимъ наукамъ, грозить ему и приговаривается не смѣй, не смѣй — и Аршетка служитъ, да притань и растеть по-маленьку и хорошееть. Хвостъ у него ужъ довольно благовидный, мохматый. Бандуру Христинька нашелъ у новаго хозяина своего на стѣнѣ и очень ей обрадовался; кончивъ урокъ съ Аршетомъ, еще вѣрно съиграеть вамъ что-нибудь и споетъ. Иванъ Ивановичъ держитъ бандуру эту такъ, на всякій случай; все, говорить, веселье: думается, что жинной челоуэчкѣ съ тобою, а играть онъ на ней теперь не играетъ, говорить, позабылъ.

Иванъ Ивановичъ занимался мѣсяца два, три только, чтобы привести въ полную извѣстность все имущество или наследство Христіана: безъ этого, говорить, никакъ нельзя ступить ни шагу. Онъ бралъ въ допросъ поочередно то самого Христіана, то Амилану, вторую олеяту и многихъ постороннихъ людей, и вносилъ въ особый списокъ каждую вещь, какую кто знаетъ, помнитъ, или видѣлъ у Виольдамуровъ въ домѣ: такими образомъ у него составила довольно вѣрная опись всей движимой собственности покойнаго. Въ то же время онъ разыскивалъ еще обстоятельнѣе о дельгатахъ, которые принималъ къ свѣдѣнію и соображенію всякій маекъ, не только всякое извѣстіе. По такимъ-то слѣдамъ онъ пустился далѣе, проложилъ себѣ дикий путь къ канцелярскимъ чиновникамъ, проделавъ нѣсколько уставовленій и добылъ оттуда выписки: следовательно, куда и когда именно Готлибъ Амедей дѣлаетъ дѣло

вѣтъ, сколько, когда и къмъ изъ этого числа вынута — и между прочимъ вывелъ этими путями наружу, что никто отставной камертъ-музыкантъ бралъ по передаточнымъ бланковымъ надписямъ отъ имени старика Вольдамура, деньги по билетамъ изъ одного мѣста, относилъ ихъ въ другое, и получалъ билетъ на свое имя. Словомъ, Иванъ Ивановичъ вывѣдалъ подъ-рукой всю подноготную и усчиталъ на Крестовскомъ перезовѣ глухаго дялю лучше, нежели тотъ-самого себя когда-нибудь усчитывалъ, сидя за своей счетной книгой и за билетами. — Точность и опредѣлительность всѣхъ свѣдѣній этихъ была поразительна и сводъ имъ слышитъ мастерски.

Окончивъ про себя учетъ этотъ, Иванъ Ивановичъ сталъ обдумывать дѣло, и нашелъ, что суднымъ и тяглымъ порядкомъ чрезвычайно трудно будетъ достигнуть цѣли, потому что дѣло было запутанное, давнее и законныхъ доказательствъ едва-ли достаточно. Во всякомъ случаѣ оно потянулось бы на нескончаемыя времена. Разсудивъ это и припомнивъ къ тому еще востдамноую поговорку свою: «худой миръ лучше доброй драки» — Иванъ Ивановичъ окружилъ по-непосредственному противника своего осадными работами и, пользуясь всѣми преимуществами своего положенія, короткими знаніемъ мѣстности и обстоятельства, тѣснѣе глухую валторну цѣлоступно, день и ночь, подготавливалъ ударъ за ударомъ, непрерывною цѣнью. Такимъ образомъ, Иванъ Ивановичъ трогательнымъ описаніемъ несчастій Христиньки, успѣлъ поднять на ноги весь оркестръ, при которомъ служилъ покойникъ; скромный кларнетъ, самоувѣренная вторая флейта, твердая и непоколебимая въ счетъ паузы литавра, всё давнишніе знакомцы наши — и еще многіе другіе, отправлялись, подстрекаемые Иваномъ Ивановичемъ, то вмѣстѣ, то порознь къ отставной валторнѣ; и убѣжденіями, услащиваніемъ и угрозами старались склонить глуха-

го не брать на душу такого грѣха, а отдать мальчику законное его достояніе.

Первымъ слѣдствіемъ докучливыхъ настояній этихъ, была смертная ссора глухаго дяди со своей Тіо; а раздоръ въ станѣ непріятеля, есть вѣрный предвѣстникъ вобвды. Глухой попрекнулъ ее, что она, неосторожнымъ обращеніемъ своимъ, раздражила и вывела изъ терпѣнія Христиньку, почему-де онъ и вздумалъ бѣжать къ чужимъ людямъ, которые теперь мѣшаются не въ свое дѣло. Добродушная Тіо разразилась въ отвѣтъ на это потокомъ ругательствъ; желая во что бы то ни стало довести до слуха друга своего эти сладкія рѣчи, она, подбоченясь, нагнулась и кричала ему изо всей мочи на-ухо: ты такой, ты сякой; а дядя между-тѣмъ подставлялъ ухо и съ жадностію ловилъ рѣчи подруги своей, надвѣясь услышать что-нибудь утѣшительное. Онъ, однако же, горько обманулся: Тіо, которой надобло кричать истукану безъ всякой пользы на-ухо, перебравъ всякую подручную брань, сунула ему наконецъ со злости кукишъ въ ротъ, а ротъ, какъ вы знаете, у дяди всегда стоялъ настежь, особенно когда онъ прислушивался. По нечаянности такого вовсе неожиданнаго оборота разговора, дядя нашъ, которой чуть не подавился сытымъ пальцемъ своей Тіо, невольнымъ образомъ отдернулъ голову и въ то же мгновеніе сильно стиснулъ челюсти свои. Дядя былъ уже не-молодъ, но зубы оказались у него очень здоровые; Тіо взревѣла и зарыкала, выдернула палецъ свой изъ тисковъ и оттолкнула другою рукой кусаку съ такою яростію, что онъ, съ легкой руки, полетѣлъ затылкомъ въ косякъ, и на этотъ разъ самъ слышалъ, какъ у него голова по швамъ затрещала.

Такимъ образомъ въ одинъ этотъ пріемъ осада значительно подвинулась впередъ: а между-тѣмъ второе полчище выступало уже изъ разныхъ концовъ города

на панрише, безнокенге и тревожило непріятеля со
всѣхъ сторонъ. Второе полчище это состояло изъ двухъ
самыхъ неуклюжихъ писаршешекъ, трехъ канцелар-
скихъ служителей и одного чиновника; народъ, по
выраженію Ивана Ивановича, мелкой, не дорогой, но
волезный: ихъ привелъ къ глухому сосѣдъ его,
подъ видомъ дружбы, для объясненія обстоятельствъ
и положенія дѣла. Сосѣдъ этотъ былъ человекъ не
подкушной и не продалъ бы своего сосѣда, не сталъ
бы его обманывать, но Иванъ Ивановичъ поднесъ
ему ученаго свитгиря и пару золотыхъ рыбокъ. У од-
ного изъ гостей былъ наготовѣ списочекъ всему иму-
ществу, которое дядя пріобрѣлъ отъ Віольдамура—и
глухой едва не одурѣлъ отъ удивленія, увидѣвъ сво-
ими глазами, что все открыто, все извѣстно, все что
онъ считалъ доселѣ шитымъ и крытымъ, и не пони-
малъ, кто и какими способами могъ ему такимъ обра-
зомъ удружить? У другаго случилась черновая прось-
ба, подаваемая будто бы на-дняхъ отъ имени племян-
ника со страшнымъ начетомъ за прокладъніе и съ
жалобами на захватъ имущества, растрату его и же-
стокое обращеніе съ законнымъ наследникомъ, дабы
уморить его безгласнымъ образомъ и ежить со свѣту;
у третьяго нашлась выписочка изъ уголовныхъ зако-
новъ, по которымъ приходилось весьма лишить живота
вашего преступника, и притомъ еще не разъ, а за каж-
дую проказу его особо. Нашелся и такой пріятель,
который будто зналъ уже напередъ мнѣніе поѣтому
дѣлу разныхъ значительныхъ лицъ, такихъ, которыхъ
вліяніе было несомнѣнно. Глухой передвигалъ только
колпакъ съ уха на-ухо, поворачивая слуховой рожокъ
то въ ту, то въ другую сторону, и не зналъ что отвѣ-
чать. Двѣ кухарки, землячки нашей Тію, посѣтили
около того же времени пріятельницу свою, рассказы-
вали ей о страстяхъ, которыя онъ въ такомъ-то мѣстѣ
слышалъ по этому дѣлу, и что видно-де глухой твой

ярлико виновать; говорятъ, ему будетъ очень худо. Наконецъ Иванъ Ивановичъ заложилъ и третью параллель, какъ говорятъ преступныхъ и подкожныхъ дель мастеровъ хитрые городомцы, то есть подступилъ ближе и нанесъ решительный ударъ. Для этого Иванъ Ивановичъ не утруждалъ себя личнымъ свиданіемъ съ дядей, а сидѣлъ преспокойно въ ивбушкѣ на Крестовскомъ перевозѣ и игралъ съ постояльцемъ своимъ въ шапки; но Иванъ Ивановичъ пустилъ въ ходъ западную силу свою обыкновеннымъ косяемымъ вліаніемъ: истомивъ противника, какъ мы видали, непрерывной тревогой, посредствомъ дѣйствія снизу и сбоку, Иванъ Ивановичъ пустилъ ядро для острастки черезъ голову ему, сверху, и поневолю заставилъ его отянуться. Это сдѣлалось такимъ образомъ: къ отставной валторнѣ входитъ въ одно утро — самъ капельмейстеръ, старикъ почтенный, но суровый, заводитъ рѣчь по этому дѣлу и говоритъ сильно и настоячиво. Капельмейстеръ — это всё-таки родъ какого-то начальства; глядя на него, валторна невольно вспоминала бывшія времена, какъ, бывало, одинъ замахъ руки этого начальства безусловно повелевалъ сонмомъ покорныхъ рабовъ; невольное чувство уваженія и страху напоминало дядѣ послѣдніе годы службы его, когда у него уши постепенно залегали и онъ съ большимъ безпокойствомъ слѣдилъ за движеніемъ руки капельмейстера, и при всемъ этомъ встрѣчалъ иногда внезапно грозный взглядъ его, который обращался мгновенно въ тотъ уголокъ, гдѣ валторна, прихрамывая на одну осьмушку, догоняла согласный хоръ товарищей. По всемъ этимъ уваженіямъ, по впечатлѣнію, которое произвело на глухаго появленіе капельмейстера, необходимо надо причислить его къ дѣйствию сверху.

Когда же наконецъ, послѣ всего этого, еще и самый частный приставъ потребовалъ къ себѣ глухаго и приналъ его въ допросъ — то нашъ князь Тугруховскій самъ

прослезился отъ жалости къ племяннику, согласился на всѣ предложенныя ему мировыя условія для полюбовной сдѣлки; а желая извлечь изъ этого дѣла хотя какую-нибудь пользу для себя, онъ свалилъ весь грѣхъ на домоправительницу свою и выговорилъ себѣ одну только льготу: непосредственную и немедленную по мощи частнаго пристава для изгнанія изъ бесспорныхъ владѣній своихъ столь знакомаго намъ трехбунчужнаго наши финскаго поколѣнія, который, завладѣвъ самоуправно съ давнихъ временъ и коломъ и дворомъ, стѣснвалъ се дня на-день болѣе законныя права глухаго халдеа. После первой удачной попытки, который мы были свидѣтели, мощная Тю сдѣлалась смѣлѣе и свирѣпѣе прежняго: она нѣсколько разъ уже прибѣгала къ одной и той же развязкѣ, при возникавшемъ домашнемъ разногласіи; а именно: отправляла глухаго лбомъ или затылкомъ въ косякъ, какъ сподручнѣе приходилось, а сама дѣлала, чтѣ хотѣла. Такой однообразный, хотя и сильный, аргументъ крайне прискутилъ глухому; домашнихъ средствъ на обузданіе домашняго звѣря не хватало; 'водка изъ Рыборгъ' не только отбилась вѣрсе отъ рукъ, не только сама прибрала къ рукамъ хозяина, не только подымала на него руку—но грозила уже, не шутя, выгнать глухаго чорта на улицу, не дать ему ни куска хлѣба и не пустить даже заглянуть въ подворотню собственнаго его дома. Условіе дяди было немедленно принято; Частный нашелъ средства освободить владѣнія его отъ этого внутренняго врага и миръ снова водворился, потому что глухой остался одинъ въ четырехъ стѣнахъ. Христіанушка получила по мировой значительную часть отцовскаго достояніи, составлявшую, по скромнымъ понятіямъ его, необъятную сумму,—и щедро надѣлилъ своего благодѣтеля.

Иванъ Ивановичъ хохоталъ отъ души, утѣшался этой дешевой побѣдой, хохоталъ, поурячивался всѣмъ тѣломъ, подергивая плечами и покачивая головой сво-

ей въ хомутникъ. Онъ всѣмъ сотрудникамъ своимъ, всеѣ дружинѣ обѣщалъ задать ширушку на-славу, если выдержитъ дѣло, и сдержалъ слово.

Въ назначенный день все въ домъ Ивана Ивановича оживило и пошла суматоха. Балъ предполагался не такой замысловатый, чтобы заботиться объ немъ накануне, — а съ утра было-таки хлопотъ довольно. Фекада — это камердинеръ, поваръ, дворецкій, официантъ и развъ потому только не кучеръ Ивана Ивановича, что ему не держалъ лошади — Фекада вытирала окна и подоконники, мела, перетирала и чистила запасную посуду, скребла сѣни и крыльцо; Иванъ Ивановичъ отправлялся въ лавочку, въ погребокъ, зашелъ къ булочнику, а потомъ взялъ у пріятеля на-вечеръ скрипку, да дѣлъ соседней табачной лавочки на-прокатъ гитару. Вы знаете, я полагаю, что во всякой табачной лавочкѣ торгуютъ также гитарами, балалайками и римскими, какъ утврляютъ, струнами. Отчего балалайка и гитара сходятся здѣсь по принятому порядку съ табакомъ — этого я не знаю. Иванъ Ивановичъ взялъ инструменты это про запасъ, на всякій случай, неравно развеселится гости. Кроме разныхъ състныхъ и питейныхъ закупокъ, приглашена была на балъ также вся стеклянная посуда съ окна въ кабинетъ, посуда, которая давно уже грѣлась на солнышкѣ и ждала такого праздника.

И вотъ онъ передъ вами, праздникъ этотъ, паръ, вечерника, или балъ, какъ чествовалъ его самъ радушный хозяинъ (№ 12). Изъ числа женскаго полу приглашены были только двѣ особы: виновница праздника, Акулина Петровна, которая разливала чай, да еще Фекада, собственно для разносу стакановъ. Впрочемъ, было общество холостое, но почетное, дружина средней руки, посредствомъ которой Иванъ Ивановичъ дѣйствовалъ сбоку и подпуживалъ снизу. Напередъ всего, удостойте благожеланнаго вниманія своего самого хозяина, который, какъ отъ собственнаго удовольствія, такъ и по обяза-

ности потѣшить гостей своихъ, открываетъ балъ. На лицѣ написано пріятное, веселое расположеніе; а по губамъ видно, что Иванъ Ивановичъ приговариваетъ въ музыку: «оступилася, промолвилася;» или что-нибудь подобное. Хомутишко на-слабѣ и сѹпони не подтапута; плеча сжаты и поддернуты, потому что Иванъ Ивановичъ собирается присѣсть; это видно по ногамъ и кознямъ его; на лѣвой онъ стоитъ довольно твердо, хотъ и покачнулся немного всторону, а правая выразительно на-отлетѣ, только-что выскочила изъ-подъ него, ударивъ каблучкомъ въ полъ. Отъ этого собственно сапогъ ноги этой принялъ такое же положеніе, какъ носъ Ивана Ивановича; эту же ногу Иванъ Ивановичъ выкинетъ вотъ сейчасъ, какъ только присядетъ да присвистнетъ. Но локти и руки плясуна, это згладънѣе; особенно жъ клѣтчатой платокъ, который придерживается на шипокъ съ такою же акуратностію, какъ гильдейская купчиха держитъ чайное блюдечко, когда пьетъ въ-прикуску. Безотвѣтный скюртучишко работаетъ и пируетъ вмѣстѣ съ хозяйномъ; мы видѣли скюртукъ этотъ на улицѣ, видѣли дома за работой и видѣли теперь на пирушкѣ.—Взглянемъ же и на врочихъ собесѣдниковъ, которые раздѣлились на четыре отдѣльныя кучки: Аршетъ, Христинька со скрипкой, исключенный изъ службы прапорщикъ съ гитарой и какой-то учитель, — составляютъ незатѣйливый оркестръ. Учитель настроилъ въ пользу выиграннаго дѣла одного изъ чиновниковъ управы, товарища своего по школѣ, и теперь наслаждается плодами своихъ трудовъ: заблаговременно нашлся пьянѣ, растянулъ во всю длину свою на стулѣ и оретъ во всю глотку самъ по-себѣ, не заботясь о томъ, что другіе сами по себѣ играютъ. Исключенный служивый коротко знаетъ со многими швейцарами, сторожами, счетчиками и прислужными, а потому и не лишній человекъ для Ивана Ивановича; притомъ же онъ и удалой парень,

на всѣ руки и малую-только прожитанія своего, получаетъ нервѣдко отъ нашего стряпчато, Исключенный прапорщикъ этотъ занимается большею частію тѣмъ, что сидитъ въ переднихъ разныхъ присутственныхъ мѣсть, заглядываетъ иногда и на почту и предлагаетъ всюду просителямъ и неграмотнымъ подателямъ и доучателямъ денегъ и посылкокъ, расписаться за нихъ, подписаться свидѣтелемъ при совершеніи разныхъ актовъ и сдѣлокъ, добыть гербовой бумаги, размѣнять деньги и прочее. Это скромное ремесло достаточно утоляло сильную отъ природы жажду его—а другихъ житейскихъ потребностей онъ не зналъ.

Вторую кучку составляетъ удачая тройка, хотя она и походитъ съ виду на тройку разбитыхъ почтовыхъ клячь. Это могущественныя чернильныя души, притыты въ гербовой бумагѣ, вскормленныя остріемъ пера; они ребята стараго закону, принадлежащіе къ недослѣдованному еще досель поколѣнію человечества; они, даже по складу лица, не принадлежатъ ни къ кавказскому, ни къ монгольскому или малайскому, да же къ какому-либо иному, учеными физиологами признанному племени, но составляютъ свое, отъдѣльное подъячее поколѣніе, свойственное исключительно нашей почвѣ и климату. Они смотрятъ между прочимъ на постановленія и узаконенія, какъ на пріятную рощу въ которой можно прогуливаться по всемъ направленіямъ, поддерживая чистоту дорожекъ только для виду и отправляясь всюду въ перевалъ прямымъ путемъ, гдѣ нужно въ обходъ и околицей, лишь бы знать хорошо всѣ лазы, пути, просѣки, трупобды, чащи и дѣжи, входы и выходы, лишь бы не запутаться и не наткнуться по-неосторожности лбомъ въ пень, а обойти въ опасномъ мѣсть, пролѣзть на карачкахъ или проползти ползкомъ. Прическа у этихъ трехъ господа какъ изволите видѣть, разнородная—у одного волосъ свисли въ лицо, какъ нечесанная пакля; у другаго до-

наливъ дыбомъ какъ на дикобразъ;—на третьемъ тѣло го вьски обозначается небольшими клочками пенежной шерсти, а впрочемъ голова какъ ладонь. Вь трое на-веселъ; но состояніе это обнаруживается вь нѣкъ не одинаково: тотъ, у котораго голова вь пакль, натнулся, надулся, насупился—да чуть-ли у него еще и душа не просится наружу, па-ирайшей-мьрь ромя у него кислая. Дикобразъ навротивъ, показываетъ извѣстную степень лютости, сильно косится на носъ свой, а черезъ него и на плясуна-хозяина; дикобразъ не можетъ толкомъ собразиться: что онъ и гдѣ онъ, а помнитъ только, что дѣло какъ-то не въ порядкѣ, что тутъ ни на себѣ, ни другъ на друга полагаться нельзя, а потому и старается удержать собрата своего, который, сложившись вьскъ суесть мірскихъ, блаженствуетъ среди этого раздолья и присѣдая по-немногу, уже расправилъ крылья, чтобы пуститься вьлѣтъ за хозяиномъ вь-присядку. Онъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ; за каждой ужимкой Ивана Ивановича и дотога удовольствованъ, что не слышитъ подь собою земли и не обращаетъ никакого вниманія на дикобраза, который затормозилъ его на оба плеча и мямлетъ оуконнымъ языкомъ своимъ: «не ходи, братъ, плясать, полно, не ходи, ей Богу»..

Вь третьей и четвертой кучкѣ, видимъ только по парѣ людей; тутъ чиновникъ какого-то департамента, оглядываясь черезъ плечо, удостоиваетъ снисходительнаго вниманія своего весьма благовиднаго канцелярскаго писаку, который знаетъ по опыту, что всего удобнее оканчивать дѣла навечерахъ, балахъ и за обѣдами, и потому, улучивъ удобную минуту, проситъ сесѣла своего, ниномника, принять подь свое милостивое покровительство. Эта чета дотога занята дѣловымъ разговоромъ и думаетъ, что не обращаетъ никакого вниманія на увеселительныя выходы хозяина. Последняя пара—это Фейли и магистратекій писарь; лицо вь своемъ кругу самое

стойтельное, одно изъ тѣхъ, на которыхъ иногда указывалъ Иванъ Ивановичъ, приговаривая: «онъ человекъ сильный, въ плечахъ широкій и сладить дѣло это какъ угодно; а счестся съ нимъ вамъ уже домашнее дѣло будетъ, не мое». Магистратскій чиновникъ, который привыкъ ничего не упускать изъ виду, однимъ глазомъ глядѣть на стаканъ и бутылку, другимъ старается принять участіе въ общемъ весельѣ, не желая вынуть изъ рукъ стаканъ, ни преглядѣть какой-нибудь ужинки. Ивана Ивановича и опасаясь, чтобы хозяинъ не вздумалъ пуститься въ-вприсяку въ ту самую минуту, когда гость займется сочиненіемъ пунша. Фекла захватила поднось со стаканами въ два кулака, уперла край его довольно твердо себѣ на животъ и поставивъ такимъ образомъ въ твердое равновѣсіе бутылки со стаканами, предалась вполне наслажденію, созерцая внимательно барина своего въ веселомъ его расположеніи.

Въ одиночествѣ и на-особину стоитъ кума Акулина Петровна, въ сосѣдствѣ самовара, исправляетъ у Ивана Ивановича должность заботливой хозяйки и любитъ по-очередно кумомъ своимъ и молодымъ баринкомъ, побѣда котораго празднуется надъ враги и супостаты. Она нисколько не удивлялась счастливому обороту дѣлъ своего Христиньки, убѣждена будучи, что для Ивана Ивановича все на свѣтѣ возможно, а кромѣ его никто ничего не можетъ сдѣлать.

Вотъ какая пирушка расходилась въ этотъ день на Крестовскомъ перевозѣ—скрыпка, гитара, голосъ пранерщика и голосище учителя словесности и другихъ наукъ, раздавались за-полночь; двѣ бутылочки мадеры, три бутылки рому и штофчикъ фруктовой были опорожнены; Иванъ Ивановичъ обмялся и подлаживаясь на прощанье со всеми гостями, выпроводивъ почетнѣйшаго изъ нихъ на середину улицы и раскланявшись съ нимъ въ поясъ;—уложилъ учителя въ углу на полу,

потому что учитель этот былъ не въ силахъ встать самъ собою со стула, на которомъ растянулся, а Иванъ Ивановичъ не рѣшался положить дорогаго гостя на диванъ, неравно-де свалится, да убьется; затѣмъ радушный хозяинъ, покачиваясь слегка, обошелъ и погасилъ свѣчи, простился съ Христіаномъ, подавая руку въ противоположную отъ него сторону и самъ не замѣчая своей ошибки; снялъ съ себя, вздыхая и зывая вслухъ, обиходный, безответный сюртучишко, легъ на кровать не разувшись и укрылся тѣмъ же сюртукомъ. Все смолкло на Крестовскомъ перевозѣ, тишина воцарилась, музыка, свѣи, крики и клики смѣнялись четверогласнымъ ханъиенъ Ивана Ивановича, Оклы, учителя и Христіана Христіановича. Балъ конченъ, побѣда отпразднована и глухому, говорятъ, въ этотъ вечеръ много и часто шкалось, а въ ухахъ шумѣло, виждало и звенѣло лучше прежняго.

Если вы, можетъ-быть, желаете узнать что-нибудь о дальнѣйшей судьбѣ нашей, *свѣдки изъ Фибортъ*, то могу вамъ доложить, что и ей не повезло прежнее счастье: при сложеніи съ себя званія намѣстницы дома, двора, лустыря, озера и вообще водъ, земель, угодій и самой усадьбы глухаго дяди, и при сдачѣ знаменитаго своего бунчуга, она была очень опечалена, а печаль и горесть свою изъясляла Тію всегда бранью и дракой. Что дѣлать; она была такого сложенія и въ минуту горести сама не была вольна надъ собою. Въ такомъ расположеніи засталъ ее городской, пришедшій навѣдаться по приказанію крѣпкаго въ словъ своемъ частнаго пристава, сложила ли она съ себя званіе, отъ котораго была уволена и очистила ли къ сроку половину замка, которую занимала? Городской нашель, что Тію наша не сдѣлала еще къ отступленію своему никакихъ приуговленій, что настоящій хозяинъ заперся въ одной комнаткѣ, не желая раздѣлить печаль и горе со своей хозяйкой; заключенный такимъ образомъ въ самыхъ тѣс-

накъ обстоятельствъ, хозяинъ дома, увидявъ горюшаго, растворилъ окно и упрямилъ его убедительно и слезно, принять рѣшительныя мѣры къ приведенію въ дѣйствительное исполненіе распоряженій высшей власти—о своей власти онъ даже не упомянулъ—и выкурить чѣмъ-нибудь не признающую никакихъ властей отставную коммандантушу изъ непринадлежащихъ ей владѣній. Къ этому глухой еще присовокупилъ, что онъ просидѣлъ сегодня безъ кофе и безъ завтраку и, по всей вѣроятности, останется также безъ обѣда: Тію объявила ему, сквозь запертыя двери, что она готовить кушанье только для себя. Прибавивъ къ этому еще слѣдующее: объявляя это, Тію дотога возвысила голосъ свой, что глухой услышалъ и понимъ о чемъ идетъ рѣчь и несмотря на несприятную вѣсть, былъ доволенъ, что иногда слышитъ довольно порядочно: За кратковременную радость эту онъ однако же заплатилъся порядочнымъ желванкомъ на лбу: отставная коммандантуша, смѣтивъ, что глухой подался на переговоры и приложивъ ухо къ мѣдному замку, ударила кулакомъ изъ всей силы снаружи въ дверь, нѣдвлявъ такимъ образомъ глухаго, по всемъ правиламъ динамики, толчкомъ угла мѣднаго замка въ голову. Изъ этого между прочимъ слѣдуетъ, что вопреки обыкновенныхъ понятій; даже и закрытыя двери не всегда обезпечиваютъ отъ наружныхъ кулаковъ.

Собравъ такіа положительныя свѣдѣнія, городской вошелъ въ преспынную убитей горемъ домоправительницы и приглашалъ ее оставить немедленно заповѣданное ей жилище, унотребивъ при этомъ, между прочими ласковыми выраженіями, также слово *чулда*; и еще въ-добавокъ *не чесалка*. Тію, и безъ того уже растревоженная, ескорблена будучи въ глубинахъ души своей такимъ поклѣбомъ, кинулась отставивать съ великодушнымъ самоповерженіемъ шведскую выборгскую кровь свою и атаковала немедленно всѣоруживать

своихъ, которое случилось на-бѣду: подь рукою, слу-
жителя порядковъ. Если бы она еще попотчивала его
сухой баней, то можетъ-быть онъ, какъ человекъ бы-
валый, рѣшился бы и самъ итти въ атаку, не ожидая
удара непріятеля стоя на мѣсть, а встрѣчая его, какъ
валитъ добрая тактика, на ходу; но обезпеченная до-
моправительница, кроткая Тіо, хотѣла, имъ сроднаго
ей состраданія, влѣпоть непріятелю своему ударъ по-
мягче, по-жиже и по-плотнѣе, а потому и обмахнула на-
передъ метлу свою въ какую-то нечистую посуду.
Опытный въ подобныхъ дѣлахъ непріятель, въ ту же
минуту ударилъ отбой; но героиня наша, неизясни-
мою быстротой движеній своихъ, поразила его не давъ
ему даже времени обратить тылъ; а когда онъ вслѣдъ
затѣмъ обернулся, то она своимъ ударъ и обмѣтила
такимъ образомъ незваного посла этого кругомъ, спре-
реди и сзади. Послѣдствія отчаянной выходки этой бы-
ли для бѣдной Тіо самыя плачевныя; не говоря уже о
другихъ, продолжительныхъ непріятностяхъ, съ нею
за мокрую баню поплатилась сухою; да кромѣ-того, за-
ботливое начальство, охотно пользующееся дарованіи-
ми и поощряющее способности частныхъ лицъ, упо-
требляло нашу Тіо цѣлый мѣсяць на очистку улицъ,
давъ ей такимъ образомъ случай употребить съ поль-
зою для себя и для ближнихъ, ловкость и опытность
свою въ обращеніи съ метлою.

Между-тѣмъ Христіанъ Христіановичъ блаженство-
валъ на волѣ, съ полными карманами, какъ обладатель
несметныхъ богатствъ, и не послушался добрыхъ со-
вѣтовъ Ивана Ивановича положить небольшой доста-
токъ свой въ Банкъ, довольствоваться процентами и
подумать основательно о какой-либо службѣ. Въ голо-
въ Виольдамура теперь взъиграла снова мысль, что онъ
геній музыки и что онъ созданъ только для этого ис-
кусства. Тяжба его тянулась годъ, и онъ въ это время
довольно успѣлъ на скрипкѣ, начитался также сужде-

ний верный и вкусъ о музыкѣ, все въ катихъ шурналахъ: страсть къ музыкѣ въ немъ опять пробудилась и онъ рѣшился жить для одного искусства. Расписавъ себя великолѣпную, громкую и славную будущность, онъ простился съ благодѣтелемъ своимъ и перебрался на другой конецъ города. Иванъ Ивановичъ, добродушно улыбаясь, нагнулся и подставилъ шею свою въ хомутки подъ благодарныя объятія Христиньки и почувствовалъ въ эту минуту, что у него лѣвый глазъ внезапно заплакъ слезою, достаетъ клетчатый платокъ изъ задняго кармана (№ 13). Христинька, какъ предприимчивый юноша, стоитъ твердо и самоуверенно на широко разставленныхъ ногахъ; Иванъ Ивановичъ напротивъ, робко выставилъ одну ногу впередъ, какъ будто не доверялъ силамъ своимъ и боялся покачнуться. Аршетъ, который привыкъ служить почти все время когда онъ не спалъ и не ѣлъ, присѣлъ на корточки и вглядывается съ безпокойствомъ въ трогательное явленіе; Фекла таскаетъ на телѣгу узелки, подушки и скрипки бывшаго постояльца и также готова, за компанію, прослезиться. Иные уверяютъ, что въ лицѣ русской крестьянской дѣвушки, нельзя найти ни одной общей, народной черты, какъ мы находимъ, напримеръ въ дѣвушкахъ Германіи, Франціи, Италиі. Общей черты можетъ-быть и нѣтъ; но у дѣвушекъ нашихъ одно общее лицо: оно печется блиномъ — круглое, пухлое, мягкое, пригорѣлое, масляное, горячее; все принадлежности этого лица выпечены не совсемъ явственно, сливаются и заплываютъ. Добродушная Фекла по крайней-мѣрѣ принадлежала къ этому разряду красавицъ, и когда она плакала, то это замѣтно было потому только, что по щекамъ струились капли воды. Ломовой извозчикъ, подхватившій чемоданчикъ молодого барина, не раздѣляетъ этого общаго трогательнаго чувства. Взглянувъ ему въ лицо — если это позволительно назвать лицомъ — мы должны убѣдиться, что

его можетъ трогать только то, что подвираетъ бока, внутри или снаружи, то есть, хлѣбъ, щи, гречневая каша и дубина. Все остальное не касается его, а следовательно, и никакимъ образомъ не можетъ его трогать; истина математическая. Самъ Христинька является здѣсь опратно одѣтымъ и уснулъ уже кое-чѣмъ обзавестись.

Но что же такое выдумалъ Христіанъ Христіановичъ и куда и зачѣмъ онъ перебрался? Да онъ, оперившись теперь, вышедши изъ-подъ опеки метлы и голика, торопился выпорхнуть на бѣлый свѣтъ, порыскать на свободѣ, пожить на свою руку; Христіану казалось, что весь свѣтъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ, скоро-ли выступитъ на поприще жизни Віолдамуръ? что весь свѣтъ готовъ встрѣтить его—руки, сердце и двери настежь. Счастливое, независимое положеніе, къ которому Христинька еще не привыкъ, родило тысячу блестящихъ надеждъ въ головѣ генія, который, чувствуя несовершенство свое, созерцалъ въ себѣ однако же способности и творческое могущество знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ временъ. Все что онъ слышалъ, видѣлъ и чувствовалъ въ родительскомъ домѣ своемъ, все что читалъ урывками, пробудилось въ немъ теперь, послѣ тяжкой неволи, съ новою силой; увѣренность въ свою моготу и способности, надежды на славу и знаменитость—все это взрѣлось въ головѣ его и бродило хаосомъ вмѣстѣ съ недозрѣлыми мнѣніями, сужденіями и оцѣнкой всѣхъ живыхъ и отжившихъ однородныхъ ему художниковъ. У старика Віолдамура собирались, бывало, пріатели, судили и редили о музыкѣ, о Гайднѣ, Бахѣ, Моцартѣ: все это перебилося въ головѣ доморощеннаго генія и оставило тамъ какой-то мутный, неопредѣленный осадокъ; а нѣсколько журналовъ нашихъ, съ рѣзкими, рѣшительными сужденіями, прочитанныхъ отъ нечего дѣлать въ продолженіи жительствова у Ивана Ивановича,

сбили Христіана вовсе съ толпу, и дали ему ту же самую рѣзкость въ сужденіяхъ, ту же самонадвѣяность всезнайки, которая тѣмъ опаснѣе и разительнѣе, тѣмъ она поверхностнѣе.

— Переберусь куда-нибудь въ самую глушь столицы, — говорилъ про себя Христіанъ, — запрусь на цѣлый годъ, ни души къ себѣ не пушу и самъ ни на кого глѣдѣть не стану; буду жить съ однимъ Аршетомъ и полнымъ оркестромъ музыкальныхъ инструментовъ. Тамъ я, расписавъ дни и часы, утою въ цѣломъ морѣ звуковъ, буду изучать все инструменты, начиная отъ фортепьяна, скрипки и флейты и до тарелокъ и треугольника; изучу всехъ великихъ музыкальныхъ писателей и сочинителей, все школы, изучу основательно генералбасъ, контрапунктъ, все знаменитыя творенія итальянскихъ и нѣмецкихъ художниковъ, и выйду изъ конкурки своей и покажусь на свѣтъ не прежде, какъ когда свѣтъ что-нибудь обо мнѣ услышитъ: о, тогда найдутъ Христіана Христіановича и на Пескахъ, отыщутъ его и въ Малой Болотной и на Калашниковой пристани! Въ своей землѣ никто пророкомъ не бывалъ; пусть услышатъ обо мнѣ прежде на чужбинѣ.

Подъ этой чужбиной, какъ видно, Христинька разумѣлъ Рождественскую Часть сѣверной столицы нашей, потому что тамъ, въ глуши, отыскалъ онъ себѣ вышку въ двѣ комнатки, въ которыхъ предполагалъ развить и обработать даръ свой, на удивленіе цѣлому свѣту. Впрочемъ, у него было также какое-то темное намереніе повскать современемъ счастья за границей и тамъ прославиться. Нѣсколько дней сряду Христіанъ бѣгалъ въ Ниренбергскія лавки, выбралъ инструментовъ на цѣлый оркестръ, истратилъ много денегъ и, наконецъ, отправился въ путь.

Ломовой извозчикъ вхалъ ослинымъ шагомъ съ Крестовскаго перевозу до новой квартиры Віольдамура почти цѣлые сутки, и ужь поэтому Христинька, про-

иска добро свое пынкомъ, въ правъ: быть полагать, то онъ перебирается на чужбину.

Отъ Крестовскаго перавозу до конца Малой Болотной цѣлое путешествіе и Христинька успѣлъ во время похода своего на чужбину передумать и переметать ея много. Отъ мѣста жительства своего шелъ онъ, заложивъ руни назадъ, прилонивъ голову и расчитывая всѣ затрудненія, которыя его ожидаютъ. Трудно, думалъ онъ, достигнуть до художественнаго мастерства, особенно въ наше время, гдѣ требованія довольно велики, трудно изучить и одинъ инструментъ—а куда ждуть ихъ двадцать, потому что тотъ только артеизъ великъ въ моихъ глазахъ, который одинаково коротко знакомъ съ цѣлымъ оркестромъ. Трудно—это правда; но какъ-же знать, сколько дамо мнѣ силъ и способностей?—если я чувствую назначеніе свое, то и долженъ за него вѣсться скрѣпя сердце, съ надеждой и увѣренностію. Годъ времени—это много—нѣтъ, то мало; въ годъ немного успеешь одѣлать;—учатся и во вѣтъ, шести лѣтъ и успеваютъ много.—Но это опять-таки зависитъ отъ способностей, отъ охоты и старанья; начало сдѣлано, многіе уже удивлялись успѣхамъ моимъ и нѣтъ—а я еще молодъ.—Артеизъ, иси! куда занесся.—Но еще труднее сдѣлаться известнымъ, прославиться въ своемъ художествѣ.—если нѣтъ ни друзей, ни покровителей. Старые ширяки, которые сватъ и палатъ за хлѣбъ насущный день-деньской отъ семи до одиннадцати, не понимаютъ, не смыслятъ истинной музыки, томи же въ состояніи не постычь, не оцанить самобытное дарованіе; это такъ—но всё-таки дѣло въ моихъ рукахъ; а отдамъ на судъ общества; тѣлу надобно научиться; если захаяютъ вся, тогда оцанятъ меня по-неволю, и зависть умолкнетъ.—Но мать и отецъ мой были камеръ-музыкантомъ, и онъ всю жизнь свою игралъ въ оркестръ и былъ сытъ и доволенъ судьбой—да еще и мнѣ оставилъ доволь-

ме..... все такъ, конечно, да что же изъ этого слѣдуетъ? Онъ былъ уже старъ, человѣкъ прошлаго вѣку, не подвигався впередъ; я напротивъ, молодъ и силъ, способностей у меня бездна, я усвою себя все, чѣмъ гордятся нашъ вѣкъ.... и.... и притомъ я не могу быть всекъ современникомъ, шагнулъ еще за полъ вѣка впередъ. Какъ знать, чего не знаемъ? каждый гений велаетъ по-своему; Гайднъ и Бахъ велики, но они вѣдь такіе же люди какъ и я!

Домовой извозчикъ выѣхалъ въ это время на петербургскую крепостную площадь. Христианка оглянулась, ободрилась, заложилъ руки въ карманы и приподнял голову. На свѣтъ простору много, подумалъ онъ: умѣй только проложить себѣ дорогу. И деревянная, рыхлая лачужна эта и золотая игла на крепости — все дѣло рукъ человеческихъ: и те зданіе, и это зданіе. И Шпоръ и Родде скрыпачи, и Иванъ Ивановичъ мой говорить, что игралъ когда-то на скрыпкѣ, да забылъ. Шести часовъ сна довольно; два часа отдыха, на обѣдъ, на чай — остается шестнадцать рабочихъ часовъ въ сутки; по два часа на инструментъ — осемь инструментовъ въ день перебываетъ въ рукахъ — набьешь пальцы по-неволь: это дастъ игрѣ моеѣ бѣглость, вѣрность, твердость; а жизнь этому всему даетъ душа — и она-то и есть во мнѣ, — это я чувствую, знаю! Аршетъ! назадъ! Чего заглядываешь въ подворотни!

Домовой своротилъ на Троицкій мостъ и доски дрожали подъ ногами Христиана. Какъ человѣкъ, однако жъ, легкомысленъ, подумалъ онъ; почти во всякую минуту мы на два пальца отъ гибели — и продолжаемъ своимъ путемъ свой, ничего не замѣчая. Вотъ, проломилъ одна только доска, — а.... Аршетъ! назадъ!.... и Вильдамуръ не угрожаетъ никому болѣе соперничества — развѣ природа, въ которую должны возвратиться все способности и дарованія, вся душа человека, когда трупъ его предается тлѣнію — развѣ природа соберетъ

онъ снова дары эти и сосредоточить ихъ въ новомъ существѣ? А почему жь не такъ? Можетъ-быть и во ны сь скрывается теперь духовная часть Гайдна, Баха, Моцарта? Посмотримъ... Аршетъ, иси! чего въ воду глядишь? Свалишься, дуракъ, такъ потонешь.... Вы-бергскую Сторону я не люблю, сказалъ Христіанъ, взглянувъ нальво черезъ Неву, на огромныя желтыя строения: она вся застроена госпиталями.

Выехали на середину моста: широкая, раздольная Нева, великолѣпный противоположный берегъ, уставленный огромными каменными зданіями и общая жизнь, движеніе, пробудили мечтателя;—онъ забылъ куда и зачѣмъ идетъ, забылъ что пошелъ въ конвой за чешоданемъ своимъ, нѣмымъ, до времени, оркестръ, и сталъ летать мыслями по поднебесью. То ему казалось тѣсно въ Питеръ, то широко и свободно, и простору на всѣ четыре стороны въ-волю. Прогулка эта однако жь заставила желудокъ Христіана Христіановича доложить о себѣ; купивъ на мосту свѣжую сайку, онъ подышался братски съ Аршетомъ и оглядываясь кругомъ продолжалъ, закусывая сайкой, мечтать. Заговарятъ и въ этихъ каменныхъ зданіяхъ, подумалъ онъ—и, можетъ-быть далѣе, туда, по Дворцовой, по Англійской набережной: заговарятъ можетъ-быть современешъ о русскомъ художникѣ, который родился и выросъ въ Питеръ, а прославился въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ. Въ Питеръ объ немъ никто ничего не зналъ и не слышалъ: вышелъ онъ изъ потемковъ, да вышелъ на свѣтъ. Тогда стануть припоминать, что былъ-де когда-то камеръ-музыкантъ Віольдамуръ, такъ ужь несынъ ли это его? да, сынъ; и сынъ прославить и себя и отца, и отечество свое—и два государства будутъ спорить о томъ, чей этотъ Віольдамуръ? Отецъ его родомъ изъ Страсбурга, гдѣ дѣдъ и прадѣдъ были извѣстными музыкантами, а Христіанъ Віольдамуръ родился и выросъ въ Россіи—въ-самомъ-дѣлѣ, это вопросъ сомни-

чальной; кто же буду я тогда, Руской или иной какой.... ить, Рускій; пусть Страсбургцы гниваются, а я напечатаю тогда во всѣхъ газетахъ, что я Рускій.

Выехали на Парижскій лугъ и Аршетъ нустился кружить во весь духъ. Широко, просторно, думалъ Христианъ: даже страшно. Уманишь еще Аршетъ, дорога не близкая. Жилъ я въ одиночествѣ, въ захолустьяхъ—стою теперь среди толпы—а всё какъ-то одиноко, все вокругъ меня чужіе. Судьба, судьба! надо выбиться изъ этихъ бурныхъ волнъ—и много, много борьбы предстоитъ нашему брату. Аршетъ! не тронь чужой собака!

Между-тѣмъ проехали Конюшенный мостъ, повертели направо и выехали на Невскій Проспектъ, къ Наренбургскимъ лавкамъ. Здѣсь все уже было приготовлено; укладка и установка оркестра на дроги завела Христиана и разстѣла все сомнѣнія, недоуманія и мечты его. Онъ нустился далѣе по Невскому, зашелъ къ фортепьянному мастеру у Знаменья, откуда четверо рабочихъ принесли за нимъ подержанный инструментъ; весь оркестръ для шествія это должно до Лиговки, потомъ мимо Фуражнаго двора и наконецъ въ Большую Болотную. Тутъ поворотъ налево, въ искривленную, дугою согнутую, Малую Болотную, едва-ли не единственную въ этомъ Питерѣ змѣйкой переганутую улицу. Христианъ къ заругъ что-то подступило подъ-сердце, когда онъ увидалъ свою вышку, цѣль долгаго путешествія. Сильная радость и страху овладѣла имъ, какая-то недоверчивость къ себѣ самому, родъ какого-то безответнаго отчаянія; но все это проремельнуло только молніей и снззалося легкою дрожью во всему тѣлу, безпокойствомъ въ груди и маленькою слабостію въ локтяхъ и колѣняхъ, какъ-будто развазались суставы. Подождать остановился у подъезда и Христианъ некогда было слѣдять за позывомъ полетѣть или упадкомъ душа и опослѣдоваго воображенія своего, а надо было хлопотать,

бѣгать вверхъ и внизъ по деревянной лѣсенкѣ, таскать осторожно рояль, басы, стуль, скрипки, столъ, трѹбы, кушетку и распорядиться въ комнатѣ: что куда класть и ставить.

Новая обитель геніальнаго художника передъ вами. (№ 14). Вы видите, что я васъ не обманулъ: басы, скрипки, гитары, барабаны, одинъ столъ, одинъ стуль, кушетка, нотный наложчикъ: ноты на столъ, ноты на полу, ноты на стѣнѣ. Самъ Віольдамуръ, среди разгару суеты и заботы, для приведенія всего этого въ стройный порядокъ, ухватилъ валторну и кларнетъ, чтобы прискочить имъ приличное мѣсто; но въ то же время попался ему въ руки еще и третій духовой инструментъ: любимая фарфоровая трубка его, и онъ подумалъ: постоя, отдохнемъ, выкуримъ трубку табаку;—кларнетъ подмышку, валторну кольцомъ на руку, остановился среди комнаты и въ самомъ походномъ положеніи раскуриваетъ свою трубку. Аршетъ стоитъ передъ своимъ бариномъ вопросительнымъ знакомъ. О чемъ спрашиваетъ онъ? для чего глядитъ съ видомъ какого-то сомнѣнія на своего господина,—какъ-будто хочетъ сказать: «прикажите только, сударь, что угодно: все сдѣлаю, на что меня станеть; да благонадежны ли всѣ затѣи ваши и чѣмъ они кончатся?»—Молчи, Аршетъ; не твое дѣло. Въ качествѣ служителя низкаго разряду, ты разсуждать не долженъ; а въ качествѣ друга, не приходится тебѣ говорить уже и потому, что ты принятъ на вакансію друга безсловеснаго. Неръшимость и какой-то дѣтскій страхъ нашего Христіана исчезали по мѣрѣ-того, какъ онъ устраивался въ двухъ комнатахъ своихъ и чувствовалъ себя полнымъ и независимымъ хозяиномъ. Отпуская извощика, ему казалось однако, что онъ разрываетъ послѣднюю связь съ людьми и предоставленъ отнынѣ себѣ, зависитъ отъ себя и самъ долженъ заботиться о своей участи. Чувство это его не обмануло.

Хозяйка дома, вдова купца торговавшего на Калашниковой пристани, хлѣбомъ, явилась не званая, не прошенная съ вѣжливымъ вопросомъ: не потребуется ли чего?—Но истинная цель этого посѣщенія состояла въ томъ, чтобы убѣдиться, не испортилъ ли новый постоялецъ стѣны гвоздями, потому что въ цѣломъ деревянномъ домишкѣ раздавались удары молотка, когда Христіанъ развѣшивалъ многосложный оркестръ свой по стѣнамъ. Увидавъ, что дѣло было кончено, она потужила, сдѣлала уговоръ, чтобы впередъ не колотить болѣе гвоздей, но и не выдергивать тѣхъ, которые уже были вбиты, выговоривъ ихъ счетомъ въ свою пользу. Кончивъ сдѣлку эту, и выпроводивъ разговорчивую хозяйку, Христіанъ взялъ-было въ руки смычекъ и скрипку — но тутъ опять явилось новое лицо, дворникъ. Ему нужно было оглянуться въ комнатахъ и допросить во всей подробности новаго постояльца о привычкахъ и родѣ жизни его; когда онъ ложится спать въ которомъ часу уходитъ со двора, въ которомъ приходитъ домой и прочее. Въ Малой Болотной, изволите видѣть, на всеобычай и правило; это родъ какого-то узда, далеко всторонѣ отъ столицы. Віольдамуръ не былъ расположенъ сердиться и успокоилъ дворника увѣреніемъ, что будетъ сидѣть дома круглые сутки. Дворникъ выпросилъ себя однако жъ, на всякой случай, гривенникъ за труды и безпокойство, предупредивъ новаго постояльца мимоходомъ, что предшественникъ его, какой-то чиновникъ, путешествовавшій ежедневно пѣшкомъ къ Чернышеву мосту, давалъ ему, дворнику, къ каждому празднику синенькую. Оно, если хотите, и не совсѣмъ въротно; да тутъ дѣло шло только объ искусномъ намекѣ. Віольдамуръ раскланялся съ дворникомъ, сталъ настраивать скрипку—а въ дверь глядитъ борода другаго покромъ, поваженная сюда, какъ видно, прежнимъ постояльцемъ, и потчуетъ чаемъ и баранками. Христіанка готовъ былъ разсердиться, но узнавъ въ чемъ дѣло,

обрадовался сбитню, велѣлъ налить себѣ большую чашку на двѣ гривны, взялъ вязанку баранокъ и принялся за кларнетъ: охоту къ скрипкѣ у него уже отбили. Тутъ является еще новое лицо, бабища, съ засученными выше локтя рукавами, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ юбки; хозяйка прислала спросить который часъ. Это вывело Христиньку изъ терпѣнія; во-первыхъ, кроткая Тіо поселила въ немъ какую-то безотчетную ненависть ко всемъ бабамъ на свѣтъ; во-вторыхъ, ему весь день не давали покою, за которымъ онъ собственно и ушелъ съ Крестовскаго перевозу на Болотную. Отвѣтивъ коротко, онъ хотѣлъ было запереть дверь за незваную гостью, но увидѣлъ, что дверь эта запирается только снаружи висячимъ замкомъ; а изнутри не было никакихъ на это припасовъ. Не долго думавъ, онъ взялъ пару гвоздей, которыми зашпаса для подвѣшиванія инструментовъ своихъ, и сталъ школачивать одинъ въ дверь, другой въ косякъ, чтобы придѣлать веревочную завязку. Не успѣлъ онъ еще кончить самодѣльнаго замка этого, какъ хозяйка дома, услышавъ зловшій стукъ, опять поднялась по лѣстницѣ и явилась съ сильными возраженіями противъ такого нарушенія мирнаго договору. Завязался довольно жаркій споръ; съ одной стороны объявлялось настойчивое требованіе, чтобы къ двери придѣланъ былъ внутренней замкъ или допущено двумъ гвоздямъ и веревочкѣ, исправлять должность его; съ другой, на требованія эти не подавались, а настаивали, чтобы дверь оставалась безъ замка и безъ веревочки, или, чтобы замкъ былъ купленъ и врѣзанъ на счетъ постольца. На крикъ хозяйки дворянкъ и стряпуха явились на помощь, какъ искусные посредники, заключили между ссорившимися новое перемиріе на такомъ основаніи, чтобы вбитый въ дверь гвоздикъ оставить въ этомъ положеніи на вѣчныя времена, съ исправленіемъ должности ручки, причисливъ его къ недвижимой собственности

сти хозяйки; если же понадобится запереть двери сверху то подпирать ихъ березовымъ ползномъ. Дворникъ устроилъ все это къ обоюдному удовольствію хозяйки и постоальца и счелъ послѣ этого долгомъ заявить требованіе на гривенку, для покупки драгты; изъ чего неопытный Христіанъ Христіановичъ и заключилъ весьма ошибочно, что дворникъ чеботаритъ; гривна эта просто пошла въ казенный питейный домъ и дворникъ строчилъ, тачалъ и прошивалъ этой казенной драгтой собственный свой нутровой товаръ.

Усталый Христіанъ бросился на кушетку и уснулъ. Вставъ на другое утро, онъ позабылъ отчасти весь вечерній непріятности и съелъ весело, для обработки гортана за фортеціано (№ 15.) Для болышей свободы и простору, онъ сбросилъ верхнее платье, и сидитъ передъ вами въ положеіи такого челоуѣка, котораго вся умственная и тѣлесная силы сосредоточились въ одной глоткѣ. Ноги протянуты, туловище далеко подаеось назадъ, голова закинута, словомъ, пѣвецъ почти легъ наизничъ, прищурился и кричитъ изо-всей силы, подымаясь все выше и выше. Судя по этому положенію, онъ поднимается высоко и едва-ли не до головнаго гортана. Если бы онъ спустился гортаномъ по-ниже, подаеся бы можетъ-быть всемъ тѣломъ впередъ, приклонилъ голову и нажималъ бы на грудь подбородокъ. Если вы любитель или знатокъ музыки, въ чемъ не смеемъ сомнѣваться, то вамъ, конечно, извѣстно, что такое называется *сыработывать* гортаномъ; это значитъ кричать во все горло до, ре, ми, фа, соль, ля, си, — передвигаясь во все лады и удерживая протяжно каждый звукъ столько времени; на сколько хватитъ силъ и дуку. Вотъ что дѣлаетъ теперь Христіанъ и вотъ что дѣлаетъ безсмысленный товарищъ и сподвижникъ его Аршетъ; онъ служитъ, желая этимъ угодить барину и склонить его на взаимную услугу: Аршетъ умоляетъ барина своего не выть такимъ страшнымъ гортаномъ, будто съ него съ живаго языка дерутъ;

а когда служба или служеніе это не обратило на себя вниманіе занятаго своимъ дѣломъ барина, то Аршетъ не нашелъ другаго способа облегчить сколько-нибудь обидчивый слухъ свой, какъ заткнуть, по собачьему обычаю, такую же плачевную пѣсню. Такъ трубачники утверждаютъ, что въ комнату, гдѣ усердные куральники пускаютъ дымъ въ пять, шесть чубуковъ, нельзя усидѣть не задохнувшись, если не закурить своей трубки.

Между-тѣмъ на Малой Волотной улицѣ произошла тревога. Новый жилецъ ея занялъ вышку, сколоченную изъ барочнаго лѣсу, обшитую снаружи тесомъ и обклеенную внутри зелеными шпалерами; каждое слово его было слышно не только въ цѣломъ домѣ, но и на улицѣ, особенно лѣтомъ; при одинакихъ рамахъ. Въ Волотной же случалось какъ-то досель жильца, котораго бы жилъ такъ громко; прохожіе и сосѣди останавливались на улицѣ и глядѣли съ состраданіемъ въ полуоткрытое окно вышки, осведомляясь, кто и кого съчетъ или колотятъ. «Должно-быть, замѣтилъ изъщанинъ въ сибиряхъ: какой-нибудь хозяинъ хосейку свою учить».

— Какой хозяинъ, возразилъ другой, тутъ вдова живетъ, а тамъ у нея самъ-по-себѣ одинъ постоялецъ.

— Нѣтъ, отды мои, отвѣчалась работница прядильской просеялки: это, воля ваша, кто-нибудь по покойничку голоситъ.

— Какой покойникъ тутъ, коли тебѣ говорить, одинъ-единицъ постоялецъ стоитъ; такъ изъ себя, черноватый и молодой парень.

— Чѣмъ вы это, господа, сказала баба, которая вышла изъ воротъ наеупротивъ, съ забученными руками рубашки и съ руками по локоть въ тѣсть, потому что она покинула квашню: чѣмъ вы это, будто не слышите, вѣдь въ два голоса плачутъ, коли не въ три, а вы говорите одинъ-по-себѣ постоялецъ: слышь, вотъ, — ровно сестра съ братомъ: одинъ большынкой, одинъ

меньшинькой: да вѣдь какъ жалобно заливаются! Господи, Боже мой, помилуй насъ, грѣшныхъ!

— Что за притча, сказалъ солдатъ остановившійся въ пол-оборота противъ кучки: чего тутъ варадъ сбился? Эт-то ровно волки что-ли какіе воютъ, а люди видю слушаютъ....

Между-тѣмъ Христіанъ Христіановичъ, взглянувъ изъ-за фортепіанъ въ окно, не безъ удовольствія замѣтилъ собравшуюся подъ окномъ публику и старался по силамъ своимъ ее утѣшить.

Надобно замѣтить, что хозяйки не случилось въ эту пору дома; поэтому никто музыканта нашего не тревожилъ; но народу православнаго собралась тогда непрозвжаемая и запрудила всю улицу. Первые три, четыре человека остановились, чтобы прислушаться; къ нимъ пристали другіе, больше и больше, и наконецъ народъ сбѣгался, глядя изъ-дали натапну, со всѣхъ концовъ; каждый палился, тянулся, пробивался, и многіе спрашивали: пожаръ ли, или вора поймали, или самъ Частный какое-нибудь учиняеть разбирательство?

Христинька между-тѣмъ окончилъ преспокойно урокъ свой и поглядывая украдкой на слушателей, принялся за скрипку. Лишь-только вой замолокъ и раздался весь знакомый звукъ веселой скрипки, какъ въ толпѣ со всѣхъ сторонъ раздался хохотъ; каждый поумиель на пол-головы и указывая на врочихъ, говорилъ: «эки дураки, какого дива не видали; чедовикъ на скрипкѣ играетъ, а они толкутся, ровно на пожаръ!» Шумная толпа зашевелилась, начала расходиться, всѣ толковали объ этомъ случаѣ, а новые прохожіе, не зная въ чемъ дѣло, остамавливались и допытывались, какая тутъ была сходка. Въ это самое время хозяйка возвращалась домой, испугалась толпы передъ домомъ своимъ, полагая, что у нея пожаръ, и колѣни у нея на-чисто подкосились (№ 16). Христинька стоялъ передъ нотами своими, закинувъ ножку за ножку и выво-

дѣлъ чистенько смычкомъ двойныя нотки, улыбаясь отъ удовольствія: ему казалось, что онъ играетъ весьма по-радочно, а бѣдная хозяйка его лежала между-тѣмъ на углу Большой и Малой Болотной, припавъ на колѣни, перебирала поочередно всѣхъ святыхъ и причитывала: «охъ, бѣдная ты, моя головушка! хоть съ плечъ снять, да въ землю положить!»

Наконецъ дѣло обьявилось; хотя и не безъ труда, потому что перепуганная на-смерть хозяйка и въ своемъ умѣ не могла похвалиться большою понятливостію, а теперь ей и подавно тяжело было разобрать этотъ запутанный случай. Дѣло женское; не-трудно расслажаться, а уняться трудно. Ей что ни говори, она слушаетъ, будто слушаетъ; а тамъ опять и заляется и пойдетъ причитывать, да приговаривать. Наконецъ хозяйка перекрестилась, поднялась на ноги и отправилась прямымъ трактомъ къ постояльцу своему, пересказать ему какъ онъ ее напугалъ, спросить не потребуется ли чего и допросить, длячего онъ надѣлалъ такого страшнаго крику, не обижалъ ли кто его, и прочее. Собравъ по пути всѣ нужныя свѣдѣнія отъ словоохотливыхъ зрителей и слушателей, отъ сосѣдей, отъ дворника и стряпухи, хозяйка, прихвативъ правую рукою платье спереди, чтобы на него не наступить и хватаясь лѣвою за крутыя перила, пошла отсчитывать деревянныя ступени и подъ ногами ея раздавался глухой звукъ, подобный тому, коли кто слышалъ, какъ когда верблюдъ пройдетя по мосту. Христіанъ Христіановичъ сидѣлъ уже въ это время завіолончелью, спустившись низехонько на-аппикатуру; струна иногда присвистывала, смычокъ срывался, пальцы переплетались, не слушались хозяина, особенно тяжелую службу несъ большой палецъ, лежа поперегъ струнъ: онъ уже дрожалъ и по-вертывался, выбившись изъ силъ; Віольдамуръ былъ не совсѣмъ доволенъ; аппикатура его затрудняла, онъ хотѣлъ добиться чистоты и упорно повторялъ, сто разъ

еряду, одну и ту же переборку. Громкое арпеджіо увлекало все вниманіе его: стукъ, стукъ въ двери—Кристіанъ не слышитъ. Тукъ, тукъ, тукъ!—не слышитъ ничего, и одинъ только Аршетъ приподнял немного уши и обратилъ вниманіе на дверь. Хозяйка, полагая что она въ собственномъ домѣ своемъ вольна распорядиться и надѣясь на силу и дородство свое, налегла немного, и березовое полно выскочило; оно полетѣло въ средину комнаты и заставило углубившагося въ анимацию артиста опомниться и оглянуться.

— Не прикажете ли чего, батюшка? (№ 7.) Я ходила вотъ, признаться, на Конную, такъ зашла къ вамъ повавѣдаться....

— Помилуйте, хозяйка, вѣдь у васъ житья нѣтъ; вы постояльцамъ покою не даете: какъ же можно отанъ въ двери ломаться! Это ужъ ни на что непохоже: воля ваша!

— Батюшка, честь ваша передъ вами, это что и говорить, а только-что извините безобидному слову: хоть въ своемъ добръ волеѣ; я и сама не хотѣла—было безпокоиться, батюшка, да вы на-смерть меня напугали, а то я бы и не изволила васъ потревожить.

— Чѣмъ я васъ напугала?

— Да, Богу известно, какъ это стало, батюшка, что тамъ у васъ было такое, а громко больно, говорятъ, про межъ собою забавляться изволили, вино нарядъ подъ окнами сбѣжался, а у меня ноги-то и подкосилъ; вѣдь опричь домишка покойникъ ничего мнѣ не оставилъ почитай; ну, сохрани Богъ бѣда какая....

— Отвяжитесь вы отъ меня, пожалуйста, хозяйка; и я въ своемъ добръ волеѣ; и въ голосѣ своемъ, и въ скрипкѣ, и словомъ во всемъ, и въ квартирѣ своей, потому что я плачѣю за нея деньги по уговору и за мѣсяцъ уплатилъ впередъ.

— Для безопасности только, батюшка, для безопасности; вѣдь всякіе на свѣтѣ люди есть, а въ хозяйской

добръ безъ хозяйскаго глазу проку не живетъ; сами изволите знать. Вѣдь не одни вы на свѣтъ постояльцы есть и сказывали, что одни жить будете, спокойно, а вотъ съ собакою вдвоемъ перебраться изволили, да и голосокъ—отъ больно безпокойный, сказываютъ, да вотъ и собаку свою какъ громко обучать изволите, и скрипокъ—то много больно навезли съ собою: и, что вамъ въ нихъ, батюшка, только—что одно безпокойство; и стѣну всю гвоздями исколотили, такъ я и зашла только понавѣдаться, изъ чести, не потребуется ли чего-нибудь?

— Ничего мнѣ больше не требуется, какъ чтобы вы съ Богомъ убрались отсюда и оставили меня въ покоѣ; только.

— Не извольте безчестно бесѣдовать, батюшка, не зачтѣ; мужъ мой, конечно, простой человекъ былъ, покойникъ, да вѣдь передъ Богомъ всѣ мы дворяне, батюшка, али, бишь, всѣ мы люди простые; только—что вотъ, изволите видѣть, у меня былъ здѣсь въ третьемъ году постоялецъ, тоже человекъ холостой, а въ тѣ поры и дочка была у меня: пристроила ее, благодаря Бога, и хорошохонько—таки замужъ отдала—а поль—отъ у насъ безъ наката насланъ былъ, ужъ я послѣ того, для осторожности, польскій потолокъ подшила: поль—одинакій, изволите видѣть, да изъ барочнаго лѣсу; известное дѣло, покойникъ хлѣбомъ торговалъ, ну, и барки свои приходили: такъ онъ, постоялецъ—отъ, всё въ щелочки полу и посматривалъ что у насъ дѣется.

Можетъ—быть иному покажется, что хозяйка приплела анекдотъ о дочери своей, ни къ селу ни къ городу; но, право, это случилось очень кстати и послужило самымъ лучшимъ громовымъ отводомъ, для загоравшагося гнѣву Христіана Христіановича. Отношенія между хозяйкой и постояльцемъ, какъ вы изволите видѣть, начинали путаться; придирчивая хозяйка сама не знала чего она хотѣла, а у постояльца терпѣніе истощилось

окончательно. Последняя выходка ея однако жъ разсмѣшила Христиньку, а затѣмъ, придало и ей самой болѣе веселое расположеніе, и посѣщеніе это кончилось миролюбиво.

Но когда виртуозъ нашъ остался опять одинъ, и взглянулъ, вслѣдъ за раскланявшеюся хозяйкой, на эту свободную для всякаго посѣтителя дверь, на лежащее среди комнаты полѣно, то сердце въ немъ опять закипѣло и онъ началъ придумывать, какъ бы ограждать владѣнія свои отъ подобныхъ нашествій. Гвоздь въ дверяхъ, съ готовой па немъ завязкой, едва не соблазнилъ его вколотить другой гвоздь въ косякъ—и замокъ былъ бы готовъ; но Христинька предчувствовала, что вслѣдъ за первымъ ударомъ молотка, разсудительная хозяйка явится въ дверяхъ; да притомъ и гвоздь съ завязкой противъ мясистыхъ плечъ ея не устоитъ. Это Христіанъ испыталъ уже на дѣлѣ. Рѣшившись на конецъ придѣлать на другой же день на свой счетъ замокъ къ дверямъ, Христіанъ успокоился, поставилъ среди комнаты наложникъ, раскрылъ на немъ одинъ изъ фугъ Себастіана Баха и принялся разыгрывать на контрабасѣ. Какъ-будто нѣхотя великанъ началъ издавать сонные, низкіе звуки свои, ворчалъ и ревелъ медвѣжьимъ голосомъ, но повинувшись Себастіану Баху и Христіану Віольдамуру, испускалъ по-неволѣ эти въ разумной послѣдовательности, заставляя звать ихъ умомъ и чувствомъ и увлекаться бессознательно смысломъ, который выражался этимъ сочетаніемъ звуковъ. Вотъ почему контрабасистъ нашъ, пламеняясь все болѣе и болѣе, возвышался постепенно мыслию и чувствомъ надъ плотскимъ и житейскимъ и давъ полную волю страстямъ и воображенію, и давшись вполне впечатлѣнію творческой фуги, за себя, оглушилъ самъ себя всепотрясающими, величественными звуками контрабаса, и царствовалъ въ эту нуту одинъ въ подсолнечной, не признавая жи-

мыслящаго и чувствующаго существа, кромѣ себя са-
мого и Себастіана Баха (*№* 18.). Вотъ онъ, герой нашъ;
воспламененный самобытною безсмертнаго творенія;
вотъ какъ онъ царствуетъ смычкомъ своимъ среди
окужающихъ его обаятельныхъ могучихъ звуковъ!—
Онъ въ такомъ же изступленіи, какъ сибирскій ша-
манъ, оглушившій себя крикомъ и стукомъ въ бубны;
онъ неистово пожираетъ огромными глазами завѣтныя
полновѣсныя точки на бумагѣ: туда устремлены все
чувства и вся душа его — *весь человекъ*, какъ выра-
жаются нынѣшніе русскіе писатели наши — а что дѣ-
лаютъ въ это время руки—того Христіанъ Христіано-
вичъ не знаетъ: онъ, такъ-сказать, отрѣшены отъ духа
и дѣйствуютъ какъ мертвое маховое колесо, по дан-
ному имъ однажды направленію. Онъ перепилили уже
струну, которая съ трескомъ лопнула и взвилась змѣй-
кой кверху и книзу, между-тѣмъ какъ самъ худож-
никъ продолжаетъ пилить по двумъ остальнымъ стру-
намъ, воображая, вѣроятно, будто все-еще внемлетъ тѣмъ
звукамъ, которые видитъ передъ собою на бумагѣ. Та-
кое торжество духа надъ плотью, какъ справедливо
увѣряютъ мудрецы наши, не можетъ быть продолжи-
тельно; неразрывная связь земли съ землею ненаруши-
ма, вериги плоти неумолимы, и послѣ восхитительнаго
она слѣдуетъ горькое пробужденіе и головная боль,
какъ съ похмѣлья. Чѣмъ выше залетишь, тѣмъ ниже
придется упасть. Аршетъ, какъ представитель живот-
ной жизни, первый опомнился, вышелъ изъ терпѣнія
и докладываетъ барину, что пора ему перестать бѣсно-
ваться; Аршету надоѣлъ этотъ дикій, изступленный
надъ барина, къ которому вѣрный слуга не привыкъ,
а глухой ревъ контрабаса его смущаетъ. За Аршетомъ
вскорѣ послѣдовалъ другой представитель животной
жизни: верблюдъ нашъ, или пшениная толчел, хозяйка.
Долго она сидѣла внизу, разводя и складывая по-оче-
редно руки и обращая оловянные глаза въ потолокъ;

вся избушка, выстроенная изъ барочнаго лѣсу, дрожала отъ страшной музыки неугомоннаго постояльца; посоветовавшись съ дворникомъ и со стряпухой, какая бы это была такая флейта или скрипка, что медведь ревётъ и отъ нея весь домъ дрожитъ? хозяйка поднялась наконецъ съ мѣста и отправилась на вышку узнать, не потребуется ли чего-нибудь постояльцу.

Такимъ образомъ Христиныка опять уже принужденъ былъ вступить въ докучливый разговоръ, отстаивать права постояльцевъ вообще и свои въ-особенности; но какъ онъ на этотъ разъ, немного разгорячился, а хозяйка съ своей стороны также ни въ чемъ не хотѣла уступить, то бесѣда и была *гораздо* шумная. Дворникъ и стряпуха явились въ дверяхъ на подмогу и привели контрабасиста въ отчаянное положеніе; хозяйка требовала, чтобы онъ, какъ слишкомъ неугомонный гость, оставилъ честь и мѣсто, и искалъ бы себѣ другой квартиры; онъ же, отдавъ деньги за мѣсяцъ впередъ, объявилъ положительно, что выживетъ по-крайней-мѣрѣ мѣсяцъ свой и ни въ какомъ случаѣ не выберется прежде срока. Хозяйка устала руки въ боки, глаза въ потолоки и принялась кричать; а Христианъ, не будучи въ состояніи перекричать устнымъ голосомъ противниковъ своихъ, прибѣгнулъ къ помощи своего искусства; вооружившись терпѣніемъ и турецкимъ барабаномъ, Виольдамуръ пошелъ тузить по немъ, не обращая никакого вниманія на надсѣдавшуюся хозяйку и двухъ ея адъютантовъ.

Сколько ни стояла хозяйка съ конвоемъ своимъ, сколько ни кричала, а надобно было наконецъ уйти и замолчать—послѣднее хотъ по-крайней-мѣрѣ на столько времени, чтобы перевести духъ и отдохнуть. Крайне встревоженная, спустилась она съ лѣстницы, присѣла—было немного, но ей показалось въ комнатѣ что то душно; она растворила окна на улицу и становилась поочередно, то передъ одно, то передъ другое окно!

кричала вслухъ, заставляя всѣхъ прохожихъ оглядываться, что пойдетъ жаловаться къ надзирателю, что она хозяйка въ домъ, что ей нѣтъ указчика и что она хоть и сирота безпріютная, найдетъ защиту отъ такого булана и выживетъ его, увѣряя притомъ, что для этого ничего непожалуетъ. Такимъ образомъ прошелъ день.

На утро, проснувшись и напившись ранѣхонько чаю, Віольдамуръ хотѣлъ—было итти за замкомъ и плотникомъ, но раздумалъ; это поспевать, сказалъ онъ, и не стоить того, чтобы тратить золотое время—и принялся за выработку голоса, за скрипки, басы, валторны и сагоны. Долго терпѣла бѣдная хозяйка и ходила по комнатамъ всплескивая руками и певторая: «ну, что я буду дѣлать! что я стану дѣлать: ума не приложу!» Наконецъ однако же, когда Христинька, воспламеняясь болѣе и болѣе, принялся опять за контрабасъ, за тромбонъ и два другихъ постояльца пришли объявить хозяйкѣ, что сегодня же съѣдутъ съ квартиры, если она не уговоритъ этого сосѣда, то она рѣшилась опять выдаться на вышку, собравъ весь наличный конвой свой, дворника, стряпуху, и пригласивъ еще одного изъ недовольныхъ постояльцевъ. Христіанъ Христіановичъ принялъ ихъ какъ бѣснующійся: онъ потѣшался, гоня незваныхъ гостей своихъ по комнатамъ и вытравливая ихъ поочередно турецкимъ барабаномъ. Подымая это оружіе мести къ самымъ ушамъ хозяйки, сосѣда и стряпухи и напѣвая галлопадъ, онъ колотилъ имъ всей силы, заглушалъ весь вопль и крики посвистывая и заставлялъ ихъ поспѣшно отступить. Выпроводивъ ихъ до самой лѣстницы, онъ притворилъ за нимъ двери и принялся, для перемѣны, за раздвижную трубу.

Въ исключеніемъ особенныхъ любителей тромбона, которые утѣшаются и звуками и даже движеніями этого инструмента, онъ не всякому нравится, тѣмъ болѣе въ одиночку и въ комнату. Всѣ ближайшіе къ до-

му вдовы нашей жителя Мадой Болотной улицы держались послѣдняго мнѣнія, не говоря уже о несчастныхъ жильцахъ того же дому, и всѣ напали на хозяйку съ просьбами и упреками за безпокойнаго постояльца. — Она рѣшилась принять дѣйствительныя жѣры: отправилась собственно особою своею къ квартальному надзирателю и не заставъ его дома, начала жалобу свою писарю его тѣмъ, что положила, четвертакъ на столъ. Въ комнатѣ писаря — который служилъ безъ жалованья, *изъ чести*, — кромѣ дѣловаго стола и бумагъ, стояла кровать, диванчикъ, четыре стула, на окнѣ та же посуда какъ у Ивана Ивановича; а на стѣнѣ висѣла гитара и скрипка. Взглянувъ нечаянно на музыкальную утварь эту, хозяйка наша опѣшала-было совсѣмъ, опасаясь, не попала ли она изъ огня да въ полымя: не пришла ли съ жалобой на музыку, къ такому же страстному музыканту каковъ постоялецъ ея; но писарь былъ, при извѣстныхъ читателю обстоятельствахъ, вѣжливый молодой человекъ; онъ попросилъ присѣсть старушку на плетеный стулъ и расспрашивалъ ее обо всемъ съ такимъ участіемъ, что она забыла о напавшей на нея робости и съ жаромъ изложила дѣло. Писарь вошелъ во всѣ подробности, во всю подноготную, и предложилъ ей разные пути, для достиженія цѣли. — Можно, сказалъ онъ важно: можно просьбу подать и прописать всю обиду вашу, съ вѣсчисленіемъ азартныхъ грубостей и съ учиненіемъ намѣренности къ побоямъ; да только на гербовую бумагу потратиться вамъ придется. — Да, гдѣ же мнѣ, батюшка, возразила хозяйка, тутъ убытокъ убыткомъ, а кромѣ-того вѣдь съ гербовой-то у васъ дѣло пойдетъ затѣливое, а я, сирота, помру, до рѣшенья не доживу! — Все единственно, перебилъ писарь, на двухъ рублевую полтинничекъ съ гривенникомъ оставьте изволите, *будетъ все сдѣлано, будьте благонадежны, и потрудитесь не изволите, всѣ до единой хлопоты наши будутъ.* —

Благодаримъ, батюшка, отъ вдовьяго сиротства своего, да только все это думчиво какъ-то; дабы надзиратель такъ, просто, пожаловалъ, да порѣшилъ бы насъ рвениемъ своимъ, такъ бы и дѣлу конецъ. — Оно, конечно, съ откровенностію доложить, подхватилъ писарь: у Ивана Яковлевича все возможно, только-что обременительно; да для васъ и ради притѣснительства и безпорядковъ, для добраго человека сбыточно, очень возможно; а для порядку вотъ у насъ въ книгу вносятся по формѣ и соблюдается, и бываетъ взыскиваемо съ насъ строго отъ начальства, поэтому и слѣдуетъ вамъ хоть такъ, для примѣру, приложить оную просьбу, вна гербовой; а до васъ безпокойства не допустимъ: сами напишемъ и руку гавъ слѣдуетъ по закону приложить; вашего безпокойства только и будетъ что на двухрублевую гербовую оставить.» — Хозяйка согласилась наконецъ и обѣщала принести на гербовую, да просила только покончить сперца дѣло и выслать неугомоннаго постояльца; но писарь находилъ это невозможнымъ; говорилъ, что оно бы, конечно, и можно; очень можно, да ни какъ нельзя-съ; увѣрялъ, что съ гербовой всякое дѣло начинается, что и законъ повелеваетъ взыскивать за всякое дѣлопроизводство, коли оно на простой, цѣну гербовой и прочее. Хозяйка ничего дѣлать; достала она цѣлковый и хотѣла взять сдачи свой четвертачокъ; но монетку эту давно уже подобралъ со стола, самымъ незамѣтнымъ образомъ, тотъ, кто заботился о немъ не менѣе самой хозяйки! Села кое-какъ счеты и она отправилась домой, взявъ съ собою одно только удостовѣреніе, что не допустить ей ни до убытковъ, ни до безпокойства.

Но подходя къ углу Малой Болотной, хозяйка наша уже всплеснула руками отъ ужасу, такой содомъ слышала въ наследственномъ гнѣздѣ своемъ, въ уютной барнѣ. Христіанъ Христіановичъ, которому между-тѣмъ надовли и жильцы и дворникъ и страпу

ха, требованіемъ отъ имени хозяйки, чтобы онъ оставилъ музыку свою, Христіанъ, на это всѣмъ, не покидалъ раздвижной трубы и работалъ на ней уже нѣсколько часовъ сряду.—Хозяйка въ ту же минуту воротилась къ надзирателю и заставъ его, къ счастью, на этотъ разъ дема, уместила и упростила его подать немедленную помощь.

— Вотъ, батюшка, Иванъ Яковлевичъ, говорила она вводя надзирателя въ вышку свою, къ постояльцу (*№ 19*): вотъ, какъ изволите видѣть, такъ вотъ съ утра до ночи, всё одно; ни жить, ни умереть не даетъ никому, в самъ не встать и не пить, а всё только трубить, да стучить въ барабанъ, да вотъ въ эту проклятую большую скрипку играетъ: ревма ревѣтъ, мой батюшка, что твой медвѣдь!

Надзиратель взмахнулъ шляпой отъ ужасу и удивленія, и раскинулъ руки; волосъ сталъ дыбомъ у него и бакенбарды ошетились.—Какъ-взба не распалется, сказалъ онъ: сущее землетрясеніе, Содомъ и Гомора!

Писарь, который охотно ввязался въ дѣло это, считалъ обязанностію проводить надзирателя и показать всевозможное участіе въ настоящемъ дѣлѣ; поэтому онъ и счелъ приличнымъ, подходя къ дверямъ музыканта, намерщить лобъ, наклонить голову и накрыть ладонями уши.

Аршетъ докладываетъ, какъ видите, барину своему о посѣтителяхъ, а баринъ ничего не видитъ и не слышитъ и не хочетъ видѣть и слышать ничего, а трубить, съ ужасающимъ трескомъ, какъ паровая труба на нынѣшнихъ паровозахъ. Оборотившись съ тромбономъ своимъ внезапно и продолжая играть, Виольдамуръ разодвинулъ его въ эту минуту во всю длину, и покрылъ грудь писаря широкимъ растробомъ, какъ бляхой, и ретивымъ ударомъ осадилъ, и чуть не сбилъ его съ ногъ подавъ на цѣлый аршинъ назадъ.

Этотъ несчастный случай, болѣе всякъ просьбъ и жалобъ хозяйки, убѣдилъ надзирателя въ необходимости настоять на томъ, чтобы неосторожный трубачъ очутился въ квартирѣ; Христіанъ самъ испугался своего промаха, который заставилъ его смириться и дать немедленно подписку, что онъ черезъ двадцать четыре часа выберется и впродолженіи того времени будетъ вести себя благоприлично, не употребляя неблагопріятныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Подъ послѣдними разумѣлъ квартальный, какъ пояснилъ онъ на словахъ, контрабасъ, барабанъ, а въ-особенности раздвижную трубу. Кончивъ дѣло, квартальный надѣлъ перчатки, хотѣлъ передъ зеркаломъ поправить прическу и осмотрѣть въ порядкѣ ли крючки на воротникѣ, но оглянувшись кругомъ, не нашелъ зеркала; а потому ошупалъ крючки руками, обтянулъ кругомъ мундиръ, взялъ со стола подписку, взглянулъ грозно на нарушителя спокойствія и прокашлявшись, широкими и громкими шагами вышелъ изъ комнаты. Писарь толкнулъ хозяйку, чтобы она шла проводить Ивана Яковлевича, а самъ началъ стряхивать перо и придвигать чернилицу,—хотя ему, казалось, ни до того, ни до другаго не было никакого дѣла — коснулся вельдъ за начальствомъ своимъ, а когда оно скрылось окончательно, то писарь вдругъ принялъ осторожное, таинственное положеніе и обратился къ жильцу:—А который, то есть, вамъ годъ: позвольте узнать лѣта ваши, равно и примѣты. — Чтѣ вы погонную писать хотите? я не уйду никуда.—Слѣдуетъ необходимо, по требованію начальства, за предписанія въисквывается и соблюдается; а я къ тому только говорю, что можетъ-статься притѣснительно для васъ перебраться съ квартиры, такъ если бы, напримѣръ, въ-разсужденіи несовершенности вашего ввернуть оговорочку; оно бы можно еще и растянуть.

— Такъ вы думаете, что можно и не выбраться

еще? спросилъ онъ писаря. — Оно, извольте видѣть, опасно, отвѣчалъ тотъ вполголоса: и безъ поддержки будетъ сомнительно; а если бѣ, вотъ, то есть, угодно было, не говоря худаго слова, благопріобрѣсти кого-нибудь къ своей пользе, то есть, хоть и не то, чтобы въ начальственныхъ лицъ, а такъ, не въ большихъ кого-нибудь — и самъ поклонился — такъ отстояла бѣ васъ; нашего брата удовольствовать можно изъ небольшого: оно для васъ будетъ какъ-то по-обходительнѣе; а выходитъ все единственно.

Христинька достала изъ кармана полтинникъ и показывая его на ладони писарю, сказала: — Да вѣдь это дѣло такое, что оно большаго не стоить. Собесѣдникъ его не далъ ему договорить и подставилъ услужливую руку, и сказавъ: будьте благонадежны, отправился. Онъ сходилъ съ лѣсенки не съ такимъ стукомъ и шумомъ какъ самъ надзиратель, а потихоньку и придерживаясь рукою за перила; спустившись же внизъ, навѣдался къ хозяйкѣ, потолковать еще объ этомъ дѣлѣ, навросился на чашку чаю, распросилъ, кого изъ другихъ жильцовъ музыкантъ больше всего беспокоитъ: зашелъ и къ нему, изложилъ начало, кодъ, справки, узаконенія и заключеніе свое по настоящему случаю; обѣщалъ покровительство свое, получилъ благодарность и тогда уже отправился домой. Просиженіе это удовольствовало всѣхъ: и хозяйку, и сосѣдей, и писаря, и подъ-конецъ даже самого Христіана, который дѣйствительно недоумѣвалъ, куда ему дѣваться въ одинъ сутки, а кромѣ-того не хотѣлъ сходить уже по одному упрямству. Но всякое земное благополучіе непостоянно и не болѣе какъ черезъ сутки возникли снова почти всеобщія неудовольствія. Хозяйка, замѣтивъ, что жилецъ ея не думаетъ выбираться, подняла опять прежній крикъ и жалобы; сосѣди и жильцы ея также были озабочены, потому что музыка, хотя и не столь оглушительная, не умолила; Виольда-

мура продолжали безпокоить и дѣлать ему разныя прижимки и непріятности, а наконецъ и самый писарь забылъ о томъ, что приобрѣлъ онъ вчера, желалъ повторить сегодня пріемъ и продлить по возможности дѣло, полагая, что всякому дню подобаетъ забота своя и что въ хлѣбъ насущномъ нельзя не нуждаться ежедневно. Если разсудимъ еще, что хозяйка, получивъ деньги по найму вышки своей за мѣсяцъ впередъ, разсчитывала оставить ихъ за собою, въ видѣ вознагражденія за убытки и безпокойство; что Віольдамуръ напротивъ, считалъ деньги эти своею собственностію, а писарь надѣялся рѣшить недоумѣніе это принявъ спорную сумму подъ сохраненіе свое; если вспомнимъ, что хозяйка полагала избавитъ отъ безпокойнаго жильца втеченіи сутокъ, а жильцу, обладающему писаремъ, казалось, что дѣло еще терпитъ; если разсудимъ все это, то не мудрено, конечно, что дѣло черезъ двѣ недѣли подвинулось только тѣмъ развѣ впередъ, что позапуталось со всѣхъ сторонъ старыми и новыми взаимными расчетами и начетами. Но какъ всему на свѣтѣ долженъ быть какой-нибудь конецъ, то и эта ссора, надовѣвъ всѣмъ соучастникамъ до-нельзя, порывшилась по добросердечному совѣту писаря—мировою. Писарь сказалъ наединѣ и той и другой сторонѣ:—Охота вамъ, господа, вдаваться въ такое отчаянное сложеніе безъ реваншу — и это ихъ убѣдило. Віольдамуръ, пріискалъ себѣ комнату въ каменномъ домѣ, на Пескахъ,—онъ, узнавъ по несчастному опыту, что истинному художнику и музыканту въ деревянномъ домишкѣ не житье—отправился туда со всѣмъ скарбомъ своимъ и утварью.

Разсчитавшись хорошенько, обѣ стороны увидѣли, что при этомъ дѣлѣ остались въ барышахъ — конечно, не онъ.

=

ПѢСНЯ.

Бѣло личко, черны очи,
Хороша я, молода;
Какъ любить бы мнѣ хотѣлось,
Какъ мнѣ хочется любить!....

Ахъ, утратила я счастье!
Я была еще глупа,
А любилъ меня мой милый —
Насмѣялась я надъ нимъ!....

Онъ уѣхалъ — стало жалко,
Стало сердце тосковать....
Воротись, мой красавецъ,
Какъ тебя я полюблю!....

Тяжко жить на бѣломъ свѣтѣ.
Не успѣла я расцвѣсть,
А приходится завянуть:
Сердце бѣдное болитъ.

Е. ГРЕВЕНКА.

СОМНѢНІЕ.

Друзья, какъ грустно жить безъ цѣли, безъ надежды,
 День за день жить, и время убивать,
 И съ хладнокровіемъ безумца, иль невѣжды,
 Все милое душѣ сомнѣниемъ отравлять.
 Пожметъ ли руку мнѣ съ привѣтомъ благороднымъ
 Товарищъ вѣрный мой въ проказахъ и пирахъ,
 Я за привѣтъ плачѹ молчаніемъ холоднымъ,
 Сомнѣніе въ душѣ, насмѣшка на устахъ.
 Красавица ль ко мнѣ съ улыбкою подходитъ
 И словомъ ласковымъ, и взоромъ подаритъ,
 Въ душѣ моей она отвѣту не находитъ:
 На сердцѣ тяжкое сомнѣніе лежитъ.
 Быть можетъ, скажутъ мнѣ: откуда же сомнѣніе?
 Ты такъ немного жилъ, такъ мало испыталъ;
 Ни дружбы истинной, ни страстнаго влеченія
 Ты, вѣрно, никогда, безумецъ, не знавалъ.
 Вы правы: никому досель не открывалъ
 Своей души и пламенной и твѣрдой,
 И дружеской привѣтъ всегда я отражалъ
 Насмѣшкой ѣдкою, иль вѣжливостію гордой;
 Вы правы, никогда досель не приклонялъ,
 Ни передъ кѣмъ, колѣна я и воли,
 И пламенной любви, сердечной чудной боли,
 Благодаря сомнѣнью, не знавалъ.
 Сомнѣніе меня, какъ мать дитя хранило,
 Отъ счастья, и любви измѣны и друзей;
 Но жизнь моя блѣдна, въ ней нѣтъ и ясныхъ дней,
 И холодна душа, какъ темная могила,

ДОВОДЧИКОВЪ.

САБЛЯ.

У могилы одинокой
 Сабля острая лежитъ,
 И въ степи пѣмой, широкой
 Никому ужъ не грозитъ.
 Чей же ты, будать чекаинный?
 Кто враговъ тобой разилъ?
 Кто тебя въ степи безгранной
 На Украинѣ положилъ?
 Кто, скажи, стрѣлой летучей
 Мчался здѣсь въ тишь степной;
 Запорожець ли могучій,
 Иль Татарилъ удалой?
 Въ чистомъ полѣ нѣтъ отвѣта...
 Вольный вѣтеръ не осветитъ;
 И будать на зовъ поэта
 Ничего не говоритъ...
 Я. ЩЕГОЛЕВЪ.

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ.

Безъ страху, знакомой дорогой,
 Къ могилѣ его подхожу;
 На дернъ и на камень убогой
 Съ холоднымъ вниманьемъ гляжу.
 Быть можетъ, сей холмъ окружая
 Друзья его плачутъ надъ нимъ;
 Я плакать не стану, чужая,
 Верна я обѣтамъ моимъ.

Пѣвца вдохновенныя муки
 Прославятъ могильную дверь:
 Изъ сердца изшедшіе звуки,
 Которое нѣмо теперь!

Послушна условіямъ свѣта
 И зная холодный нашъ вѣкъ,
 Богиней была я поэта, —
 Онъ былъ для меня — человѣкъ.

Онъ двигалъ желѣзныя груди
 Могуществомъ пѣсенъ своихъ,
 И плача внимали имъ люди —
 Съ улыбкой я слушала ихъ.

Когда же я рѣчью жестокой
 Расторгла любви его сонъ,
 Пошелъ онъ далеко, далеко —
 И умеръ безъ ропоту онъ.

И вѣсти о ранней кончинѣ
 Не вызвали слезъ изъ очей,
 И были, какъ искра въ пучинѣ,
 Какъ молнія въ мракѣ ночей.

Но властью невѣдомой — новой
 Усопшій меня покорилъ;
 Я помню отъ слова до слова
 Чтò вѣщій пѣвецъ говорилъ;

Гармонію дивныхъ созвучій
 Твержу я въ мучительномъ снѣ,
 И зрится мнѣ образъ летучій,
 Блестящій, подобный веснѣ;

И тѣни на пиршествахъ вижу,
 И сердцемъ кого-то я жду;
 И шумныхъ гостей ненавижу,
 И къ міру питаю вражду.

ВЕРНЕТЪ.

ПОХОЖДЕНІЯ
ХРИСТІАНА ХРИСТІАНОВИЧА
ВІОЛЬДАМУРА,

И ЕГО АРШЕТА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Угодно вамъ взглянуть на повѣздъ, обозъ или караванъ Христіана Христіановича, который тянется изъ Малой Болотной на Пески (№20)? Ломоваго извозщика вблизи не случилось, и художникъ изворотился легковыгъ, то есть, дрожечками. Не знаемъ, какимъ путемъ выпроводилъ онъ фортопіано и три стула, столъ и кушетку свою, но все остальное передъ вами, и все уложилось на обыкновенныя рессорныя дрожки, включая въ кладъ эту и самого хозяина и выключивъ одного только Аршета, гитару и контрабасъ. Гитара, сама по себѣ, вѣроятно, не дошла бы до новой квартиры; но съ помощію Аршета, на котораго навьючили ее, она придетъ туда несомнѣнно, хотя Аршету очень совѣстно заниматься, съ-непривычки, извознымъ промысломъ и онъ опустилъ хвостъ, понурилъ голову, крадется какъ кошка за дрожками, ступая стыдливо и бережно по мосто-

вой. Контрабасъ пріютился на хребтъ пѣшаго извощика, который подставилъ спину свою съ большою самонадѣянностію подъ незнакомаго ему досель великанища, сказавъ: «вали, небойсь, баринъ, мы таскивали бывало и не такіе тюки, какъ на биржѣ въ крючникахъ живали; иной, я чай, не этому деревянному чета будетъ»— а потомъ изумился, когда, тряхнувъ плечами, не слышалъ ожидаемой тяжести на плечахъ. Замѣтите однако жъ, что музыкальныя орудія рѣшительно вытѣсняють бѣднаго Віольдамура съ дрожекъ;—не понятно, какъ онъ могъ еще пріютиться. —Глядя на всѣ затѣи эти, мы не безъ причины опасаемся, чтобы онъ не сжилъ когда-нибудь Христіана съ свѣту, какъ теперь выживаютъ съ дрожекъ. Ноты, занимають мѣсто кучера и, такъ сказать, управляютъ путями жизни Христіана Христіановича; за ними слѣдуютъ громозвучныя барабаны, какъ иносказательное изображеніе тѣхъ громкихъ, славныхъ и блестящихъ надеждъ, которыя заигрывали съ Христинькой на избранномъ имъ пути. Прочіе инструменты окружають и наполняютъ собою, въ видѣ надеждъ, представителей будущей славы героя нашего, —а слава эта, основанная на барабанахъ, мольбно срысываетъ у насъ улыбку сожалѣнія и состраданія. Всѣ жилицы, сколоченнаго изъ барабаннаго дѣла здания, вышли за ворота, чтобы проводить ноты и ноты; но веселому расположенію ихъ замѣтно, что они дьявольныя проволочки и манутствуютъ музыканта дьявольными наставниками и остротами.

Эта первая непріязненная встрѣча художника нашего при самомъ вступленіи его въ свѣтъ, —сгора, тамба и новольное отступленіе—вѣрнѣе его огорчилъ и разстроили сладкія мечты, увѣренность, что искусство его дѣлаю встрѣтитъ однихъ покровителей. Въ новомъ мнѣніи продолжалъ онъ, конечно, довольно спорно въ свое время школу свою, потому что глухія каменные стѣны обесчеловѣчили уши ересьей, и на-оборотъ, его самого отъ

идеи и помѣхъ со стороны жидьцовъ и хоздевъ, но одиночество стало надѣдять Віольдамуру, который самъ не зналъ, чего ему хотѣлось. Многостороннія дарованія геніальнаго художника совершенствовались — но собственному мнѣнію его — не по днямъ, по часамъ; и если бы у него были подлѣ-рукою достойныя цѣнители, которые сумѣли бы въ-время утѣшить его и ободрить, то у него, вѣроятно, стало бы терпѣнья еще много. Но въ этомъ одинокомъ, покинутомъ цолю-жизни, Віольдамуръ сравнивалъ себя съ оторжкомъ скалы среди ваво-нованнаго моря, съ парашимъ орломъ, которому нѣтъ подлѣ облаками ни друга, ни товарища; и сто приходило генію нашему въ голову, дѣлаться внезапно и внезапно среди прежнихъ знакомцевъ своихъ или, лучше сказать, отма своего, записныхъ и цѣховыхъ скрыпачей, и удивить ихъ геніальностію своихъ усильякъ — на каждый разъ онъ опять передумывалъ и беготался дома. Зависть или невѣжество заградятъ ему путь — эта оцѣ предвидѣль; — въ этомъ кругу музыкантъ надуналъ духовой инструментъ свой, такъ же точно, какъ серебряникъ падальную трубу, а смрычекъ хотѣлъ въ рукахъ скрыпача, какъ фруаіе того же цаврачѣ въ рукахъ шерстобита. Такъ думать по-крайней-мѣрѣ Віольдамуръ, отличая въ недодрѣльяхъ понятіи своихъ художника отъ ремесленника, и привислая самого себя въ первому, а иныхъ-пронихъ ко второму разряду. «Пусть они услышатъ обо мнѣ напередъ со стороны, тогда они протрутъ клетчатными платками очы свои и взглянуть на меня безъ цѣховыхъ предубѣжденій. Пусть меня цачералъ признаетъ свѣтъ, тогда и записные шерстобиты и смырѣльщики наши оглянутся и приподымутъ брови.»

Среди такого раздумья, Христианъ Христиановичъ чувствовалъ оцмѣнны погулять въ Лятній Салѣ. Оцѣ расхаживалъ медленна, то одинъ, прѣвсивъ голову, разгальвая будущность свою, то среди цестрой и важной

толпы — и оглядывая всѣхъ мимоходомъ наискось, рассчитывалъ, скоро ли придетъ то время, что появленіе его среди толпы праздныхъ звакъ и гулякъ, среди озабоченныхъ службой или нуждой дѣловыхъ и суетливыхъ скороходовъ, возбудитъ нѣсколько болѣе вниманія чѣмъ теперь? — Скоро ли всѣ эти маменьки и губернѣры указывать будутъ взоромъ и боковымъ наклоненіемъ на прохожаго артиста, шепнувъ дѣтямъ и подросткамъ своимъ: вотъ видите, это Виольдамуръ! И всѣ будутъ оглядываться на него съ чувствомъ глубокаго уваженія; никто не станетъ спрашивать: какой Виольдамуръ? имя это будетъ знакомо всѣмъ, и много будетъ ему тогда и славы и чести и богатства. — Одно только будетъ безпокойно: всегдашнія со всѣхъ сторонъ просьбы участвовать въ концертахъ людей постороннихъ и даже весьма посредственныхъ по дарованію. Какъ быть, подумалъ онъ, надобно, скрѣпивъ сердце, быть снисходительнымъ: и имъ нуженъ кусокъ хлѣба, а мнѣ это будетъ стоить небольшого. Впрочемъ, и это также зависитъ отъ того, какъ будешь себя держать, на какую ногу себя поставишь.

Но какъ достигнуть извѣстности этой? Вотъ задача! Положимъ, во мнѣ бы сидѣли теперь воплощенные всѣ первѣйшіе виртуозы въ мірѣ и положимъ даже, что чувство, душа игры моей — которая нисходитъ свыше и не можетъ быть приобрѣтена ни какой наукой — положимъ, что эта душа... что въ игрѣ моей, хочу я сказать, было бы даже болѣе души, чѣмъ въ игрѣ самыхъ знаменитыхъ художниковъ; — какимъ же образомъ я прославлю себя и заставлю всѣхъ узнать меня и оцѣнить!

— Вы ли это, Христіанъ Христіановичъ, сказалъ же молодой уже человекъ, который нѣсколько минутъ разсматривалъ изъ-дали нашего мечтателя со всѣхъ сторонъ: — Вы ли это? И гдѣ вы столько времени пропадали безъ вѣсти? Да какъ подросли, да какой молодецъ сталъ, ей-ей, насилу узнаешь!

Віольдамуръ взглянулъ на него, узналъ тотчасъ стараго знакома, обрадовался и подалъ ему руку. Это былъ — кто бы вы думали? это былъ и намъ нѣсколько знакомый человѣкъ, хотя мы и видѣли его только мимоходомъ, когда присутствовали на первомъ концертѣ Христиньки, гдѣ старичекъ Амедей Готлибъ не дышалъ отъ восхищенія, Катерина Карловна всхлипывала отъ удовольствія, а остальные слушатели также изъявляли, всякій по-своему, участие свое. Помните ли, что тогда, за стуломъ старика, стоялъ скрестивъ руки добродушный губанъ, о которомъ мы не рѣшились сказать положительно, литавра ли это или тромбонъ? Онъ-то стоялъ теперь передъ Віольдамуромъ въ любимомъ положеніи своемъ, твердо, увѣренно, осанисто, скрестивъ руки—и послѣ двухъ, трехъ словъ представилъ ему тутъ же сына своего, похваливъ музыкальные успѣхи его и похвалившись еще тѣмъ, что сынъ этотъ отправляется вскорѣ въ недалежную губернію, къ богатому помѣщику, капельмейстеромъ. Литавричекъ былъ не слишкомъ словоохотливъ, говорилъ отрывисто, грубымъ голосомъ, сжимая послѣ каждаго слова губы; но неожиданная встрѣча расшевелила его, а отъ радости, что сынъ былъ сегодня хорошо пристроенъ, молчаливый литавричекъ сталъ разговорчивѣе обыкновеннаго.

Какъ вамъ везетъ, сказалъ онъ: каково поживаете? Вотъ сынишко мой—однолетокъ вашъ — слава Богу, отца радуешь; играетъ хорошо, и смыслить, и толкъ знаетъ, хоть и не годится въ глаза хвалить; только что молодъ еще, всё вътеръ ходитъ въ головѣ. Нашлось и мѣстечко, тысяча рублей на всемъ готовомъ: жить можно; и навѣщать будетъ отца по разу въ годъ, это выговорили мы для своего удовольствія.—А вы же какъ?

—Да я также занимался въ последнее время, отвѣчалъ Віольдамуръ, не знаю только, что сказать вамъ о

своихъ успѣхахъ. Много лѣтъ мы съ вами не видались — я давно уже освободился отъ опеки дяди и вотъ живу на своихъ хлѣбахъ...

— Что же вы, стало-быть уроками занимаетесь, переридъ его тотъ; а то не слыхать было объ васъ?

Это не слыхать подстрекнуло Виольдамура и самолюбиваго немощно зашевелилось: дай, подумалъ онъ, попытаться, что скажутъ люди объ искусствѣ моему; подведу къ тому, чтобы они меня послушали. Подвести къ этому было не мудрено; Виольдамуръ сталъ звать отца съ сыномъ къ себѣ, а первый о немъ основательно замышлялъ, что кѣмъ нѣтъ теперь на Пески, такъ лучше жь остаться на передуты въ Моховой и выпить чашку чаю у вашего покорнаго слуги. Виольдамуръ быль сговорчивъ и на это; они прошли до Моховой и черезъ четверть часа онъ разыгрывалъ уже на память концертъ Виотти, а литавщикъ и молодой капельмейстеръ пристально слушали. Съиграно было довольно чисто и красиво; и тотъ и другой, не ожидая такой мастерской игры отъ Христиана Христиановича, изъявили починное свое удовольствіе и удивленіе; малочисленный литавщикъ, помятая значительной голодой, повторялъ отрывисто: хорошо, хорошо, браво, славно; молодой военный капельмейстеръ, обнималъ Виольдамура и просилъ у него ненарушимаго братства и дружбы. Съ этой минуты родится тѣсная связь между обоими молодыми людьми, и ея не глубокая, но не-крайней-мѣрѣ горячая и тѣсная дружба. Первая требуетъ для свободнаго плаванія глубокаго фарватера, который, въ мѣстныхъ обстоятельствахъ, не вездѣ встрѣчается, вторая не такъ грузна, ходитъ свободно по межководьямъ и вообще не такъ прихотлива.

Молодой капельмейстеръ походилъ немного носомъ и губами на отца; приемы его были также иногда крутеньки, но вообще онъ быль довольно благородный и курьзавый юноша, который имѣлъ смелость много сла-

ны, богатства, красавиць, радости, веселья, удачь, — слодомъ, много хорошаго. Изъ всѣхъ свойствъ, приписываемыхъ вообще курчавымъ, горячность, запальчивость и порывистое, живое, восхищенное воображеніе принадлежатъ ему въ довольно значительной степени; онъ увлекался всѣмъ, откуда воображеніе его разжигало, но и скоро остывалъ, если некому было подливать до временамъ масла; или же воспламенялся чѣмъ-нибудь новымъ. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ рѣдкую противоположность съ отцомъ своимъ, знаменитымъ по хладнокровію литаврищикомъ, и наследовалъ нравъ матери, у которой и въ головѣ и подъ руками гдѣ-то все кипѣло. Я часто недоумываю, глядя на такое, вовсе не русское, сложеніе, гдѣ сверхъ-того не замѣтно ни чуждой, ни норманнской, ни татарской, ни же хангольской крови. Богъ вѣсть откуда у насъ берутся такіе выродки; не только, вода ваша, это что-то не русское.

Віолдамуръ съ-виду былъ нѣсколько спокойнѣе нѣдраго друга своего, но этотъ въ сущности былъ расудительнѣе и по-умнѣе. Въ первомъ не замѣтно было этой вѣчной горячки, нетерпѣнія, нецѣлѣдности; но и онъ, какъ мы неравъ видали, умѣлъ увлекаться первымъ движеніемъ, а званіе художника давало ему право носить презами и ментами своими въ какомъ-то непостоянствѣ и не совсѣмъ надежномъ мірѣ, который такъ легко убаюкиваетъ насъ баснословными надеждами, потому что весь мы живемъ охотнѣе въ будущемъ, нежели въ настоящемъ. Дружба загорѣлась между Христаномъ Віолдамуромъ и Харитономъ Волковымъ — или капельмейстера — неразрывная, неразлучная; они съ этого дня одинъ безъ другаго не могли жить. Оба итальянцы, оба люди геніальныя, оба музыканты — или, бѣшь, виртуозы-артисты: взаимное сонувствіе безконечно сильно, будто одинъ родился и созданъ для другаго, а наконецъ, даже общій вензель — Х. В! это, просто,

удивительно; такая случайность соединяетъ въ себѣ что-то роковое и по-неволѣ заставитъ вѣровать въ предназначеніе судьбы! Друзья обмѣнялись перстнями и печатами своими.

Волкову—сыну оставалось не долго пробить въ Питеръ и потому Виольдамуръ жилъ у него почти безвыходно, и старикъ всегда встрѣчалъ его радушно. Если же Христіанъ не являлся еще въ полдень, то Харитонъ отправлялся въ нетерпѣніи на Пески, рыскалъ за нимъ по цѣлой столицѣ и не могъ съ нимъ разстаться до поздней ночи. Отъ сотворенія міра и до нашихъ временъ, не пронеслось столько облаковъ по поднебесью, сколько новые друзья наши пустили въ это короткое время на воздухъ плановъ и предположеній относительно будущности своей, руководствуясь при этомъ едва-ли не рассказами Тысячи и Одной Ночи. Ночью больше сближался срокъ отъѣзда одного изъ нихъ и день разлуки, тѣмъ горестнѣе глядѣли они другъ на друга; наконецъ, Харитонъ объявилъ задушевному другу своему, въ припадкѣ какого-то изступленія, что ни жить, ни умереть безъ него не можетъ и что на это должна быть воля судьбы; Харитонъ задушилъ—было новаго друга своего въ объятіяхъ, схватилъ его подъ руку и сталъ скорыми шагами прохаживаться по комнатѣ. Христіанъ, казалось, также былъ тронуть.—Знаешь ли что, вскричалъ первый, остановившись и схвативъ друга за оба плеча: знаешь ли что? поѣдемъ вмѣстѣ! Ыдемъ, и не говори ни слова: что тебѣ здѣсь дѣлать? Столица—омуть, море необъятное—тутъ все утонетъ, кромѣ одной только моды—все, все; здѣсь цѣнятъ не художника, а цѣнятъ моду на того или другаго человѣка; скажи самъ, кого же оцѣнилъ, прославилъ и пустилъ на свѣтъ готовымъ художникомъ нашъ Петербургъ? Назови какія хочешь громкія и славныя имена: всѣ они добыли имя это не здѣсь, а сюда привѣзжали только пожинать готовые лавры, дань удивленія, начитаннаго въ заморскихъ газе-

тахъ и журналахъ; тебя сто разъ замѣтятъ въ губерніи, гдѣ ты будешь одинъ; и если потомъ, усвоивъ себѣ всю механику игры, вздумаешь, для возвышенія и окончательнаго изощренія вкуса, отправиться за границу, показаться тамъ, и, наконецъ, воротиться, когда наши газеты и журналы станутъ перепечатывать безграмотныя переводныя статейки свои, подъ видомъ собственныхъ, когда заревутъ, что русскій-де художникъ удивляетъ Парижъ, Лондонъ, Вѣну — тогда, братъ, пора твоя настанетъ, и смѣло можно явиться на родину: вѣрь мнѣ, тогда старыя перчатки и тросточки твои будутъ храниться знатоками-любителями подъ стекломъ; тогда руки твои станутъ отливать въ гипсъ; тогда необъятная любезность твоя будетъ восхищать княгинь и графинь и ты будешь какъ въ маслѣ сырѣ кататься; а теперь — посуди самъ, что ты теперь сдѣлаешь здѣсь? кого удивишь? какого ты толку добьешься? Развѣ Петербургъ повѣритъ когда-нибудь своимъ глазамъ и ушамъ; развѣ повѣритъ онъ самъ себѣ, что гениальный художникъ, артистъ, родился и выросъ въ стѣнахъ его, когда въ Петербурга его не знаютъ и ни въ одной французской газетѣ не было сказано объ немъ ни слова? Что, не правда?

— Правда, сказалъ со вздохомъ Віольдамуръ: это справедливо.

— Ну, чего же еще думать? ѣдемъ вмѣстѣ; мой помѣщикъ человекъ богатый, человекъ образованный, знаетъ и цѣнить искусство: ты видишь, онъ мнѣ далъ тысячу рублей жалованья; онъ приметъ и тебя, это я знаю, ручаюсь тебѣ въ этомъ, дастъ тебѣ хорошее содержаніе—уроками и концертами ты добудешь столько же, и присоединивъ это къ своему наслѣдству, поѣдешь года на три, на четыре за границу—и туда, другъ, поѣдемъ вмѣстѣ; вѣрь и у меня такое же намѣреніе, и я добиваюсь того же;—поѣдешь, прославишься—а! тогда-то заговорятъ объ насъ и здѣсь, тогда оглянутся и

спросятъ: да неужели они вырости тутъ, подлѣ пѣч., на Пескахъ, на Моховой?—Какъ же мы ничего объ нихъ тогда не слышали?—Какъ не слышали? Да такъ, глухъ; мой отецъ, а г. глухота, — говоритъ Грибовдовъ, — бѣдшій порокъ. Душа моя, вѣдь!—И началъ дуть въ мощныхъ своихъ объятіяхъ.

Вильдамуръ, не долго думавъ, согласился. Харитонъ отъ радости свѣтъ ему въ одинъ прыжокъ на шею, и другъ его, не ожидая такихъ конскихъ объятій, подломился подъ нимъ и новый капельмейстеръ полетѣлъ носомъ въ полъ. Это, впрочемъ, несколько не разстроило его удивительно веселаго и счастливаго расположенія; онъ увѣрялъ напротивъ, что маленькое кровоизлияніе изъ носу иногда чрезвычайно полезно; особенно въ такую минуту, когда кровь бываетъ въ такомъ вращеніи.

Съ этой же минуты начались сборы Христіана, потому что оставалось не много дней до отъѣзду; помѣщикъ закупилъ въ Питеръ всякой всячины и отправилъ обозъ въ деревню, а съ обозомъ съѣздила ѣхать и гувернёру и капельмейстеру, которые принадлежали къ вновь заводимому хозяйству. Наслѣдство, необыкновенный прошлагодній урожай и выгодный сбытъ хлѣба, поставили помѣщика этого въ возможность развернуться вдругъ по-шире; разчитывая, что при подобныхъ доходахъ можно прожить ежегодно тысячъ тридцать, онъ и забылъ уже, что недале какъ третьяго году былъ въ жестокихъ тискахъ и едва не лишился всего имѣнія. Кто прошлое помянетъ, тому глазъ вонъ; русскій человекъ не мечтатель, не любитъ жить въ будущемъ, а охотнее распорядится настоящимъ. Когда Господь послалъ нечаянно благодать, то помѣщикъ нашъ и думалъ—было уплатить сперва долги, особенно тѣ, за которые отвѣчало имѣніе его, и съ которыми шутить было плохо; но какъ гора и крута, да забывчива и помять ее, когда уже миновали.

развъ одинъ только лошади, а не люди, которые на нихъ выехали — то помещицкъ нашъ, повторя при всѣхъ новыхъ затѣяхъ своихъ: что жъ мнѣ жить рохлей, прибавкой, ни на себя, ни на людей? вѣдь какъ похрещь, такъ закопають дурака, только и будетъ! Живъ, покуда живъ, а раскланяешься такъ не разживешься. Повторя, говорю, подобные чисто русскіе отрывки изъ опытной премудрости Соломоновой, помещицкъ нашъ задумалъ вдругъ жить великолѣпно и въ одно и то же время отдавать домъ и въ городъ и въ деревнѣ, купить въ Питеръ великолѣпную мебель, начать устроить разбохавшей отцовскій оркестръ, въѣхалъ гувернёра, повара и капельмейстера. Повара и капельмейстера, приказано было отыскать самыхъ что ни есть лучшихъ; гувернёра средней руки, почему и жалованья положено ему было поменьше, а первымъ двумъ по-ровну. Помещицкъ этотъ между-прочимъ чрезвычайно любитъ приговаривать къ каждому слову: *прибавка*, и разсказывать друзьямъ своимъ, что у него изъ Питера, кромѣ того и сего, скоро будетъ—де еще Новая прибавка; а на вопросъ какая? отвѣчалъ преспокойно: капельмейстеръ.

Всѣ сборы Христіана состояли въ укладкѣ оркестра своего, который занялъ самъ по себѣ большую подводу; самъ же онъ сѣлъ къ другу въ зимнюю повозку. Волковъ-отецъ присутствовалъ ихъ обоимъ своимъ благословеніемъ, проводилъ до *Трехъ рукъ* и распростился.

Потянувся обозъ нашъ шагъ за шагомъ ухабами, по знаменитой, не знаю за что, на поминъ, русской зимней дорогѣ. — Огромные бубенчики на шекахъ у коней мѣрно покачивались и бряпали — лошади пофыркивали, извошки, приговаривая: ну, будь здоровъ—то шли рядомъ поколачивая рукавицами, то садлись на облучокъ, то, безъ всякихъ приговорокъ, завалившись на возъ кверху ногами, будто лапти про-

сушивать, засыпали непробуднымъ сномъ. — Тутъ же тянулась гусемъ не казистая на видъ кибитка, скрывавшая въ себѣ, подъ запономъ изъ новой циновки сокровище наше, Христіана Христіановича, и не менѣе геніальнаго въ своемъ родѣ друга его, Харитона Волкова. Короткіе дни текли однообразно, а безконечныя ночи еще однообразнѣе; всё тѣ же постоянныя дворы, гдѣ встрѣчаютъ вѣжливо, а провожаютъ, послѣ непомерныхъ запросовъ, съ крикомъ, шумомъ и бранью; тѣ же вѣчные чаи, да пустые, въ постное время, щи; тѣ же дворники, или хозяева постоянныхъ дворовъ, съ огромными окладистыми бородами, въ красныхъ рубахахъ, со счетами въ рукахъ, и тотъ же банный царь валилъ съ хозяевъ этихъ, когда они выскочивъ въ одной рубахѣ изъ избы, растворяли и затворяли по скрыпучему снѣгу широкія ворота; тѣ же дебелая хозяйка, которая произносила названія всѣхъ монетъ нашихъ не иначе какъ въ уменьшительномъ видѣ: четвертачокъ, полтинничекъ, цѣлковенькой; которая увѣряла, что все есть, а на повѣрку выходило, что нѣтъ ничего, ни даже съѣдомаго хлѣба. Только и было во всю дорогу переменны, что въ одномъ мѣстѣ комиссіонеръ, разсвирѣпѣвъ и извошниковъ за то, что они не дали почтовой тройки его дороги, выскочилъ изъ зимней повозки и остановилъ обозъ холоднымъ оружіемъ, при чемъ артистовъ нашихъ въ суетахъ вывалили въ канаву и засыпали снѣгомъ; да еще извозчики приставали къ нимъ и временамъ, требуя въ счетъ извоза денегъ, для расплаты за овесъ и сѣно, хотя оба путника, Христіанъ и Харитонъ, каждый разъ отвѣчали, что имъ до этого нѣтъ никакого дѣла, что они сами пошли въ счетклады, а извозникамъ должно вѣдаться съ тѣмъ, съ кѣмъ рѣдился. Все это парни наши, казалось, очень хорошо понимали, но почесавъ затылокъ и плеча, с неутомимымъ постоянствомъ возвращались опять-тѣ

ки къ своему требованію; если же художники наши, послѣ долгихъ объясненій, полагали, что теперь покончено и перетолковано все и что извошки поняли наконецъ въ чемъ дѣло, то одинъ изъ нихъ, кака-нибудь долговязая оглобля, подламываясь и перегибался въ колыняхъ, выступалъ впередъ и почесывая голову говорилъ: «Ну, хотъ красненькую, баринъ, пожауйте: такъ ужъ и быть.»

Сколько ни ѣхали, а наконецъ пріѣхали; и едва-ли не единственное утѣшеніе для насъ, пускаясь въ подобный путь съ извошками, на протяжныхъ, что всему на свѣтъ бываетъ конецъ и всякой ѣздѣ или дорогѣ также. Прибаутка радостно встрѣтилъ обозъ свой, но изумился нѣсколько, увидѣвъ двухъ капель-мѣстеровъ вмѣсто одного. Онъ объявилъ, что обонитъ держать не можетъ; но обѣщалъ Віольдамуру съ своей стороны всякое пособіе и содѣйствіе.

Віольдамуръ осмотрѣлъ городъ, отыскалъ себѣ жилище: условившись напередъ, что можетъ трубить и гульнуть сколько ему угодно, и устроился такимъ же точно образомъ, какъ на вышкѣ въ Болотной. Волковъ, который въ открытомъ домѣ Прибаутки познакомился съ цѣлымъ городомъ, успѣлъ вскорѣ, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, распуścić слухъ, о необычайномъ виртуозѣ, который осчастливилъ пріѣздомъ своимъ городъ. Тутъ же, въ домѣ Прибаутки, и самъ Віольдамуръ познакомился со многими, былъ усердно приглашаемъ всюду, перепробовалъ втеченіи двухъ недѣль въ цѣломъ городѣ всѣ роали, флигели, фортепиано и клавикорды, показалъ всюду образчикъ глосса своего, съ хазоваго конца, и не успѣлъ оглянуться, какъ его уже и пригласили тутъ и тамъ давать уроки, и между прочимъ, напередъ всего, одной изъ первыхъ въ городѣ-красавицъ, извѣстной подъ названіемъ Царь-дѣвицы.

Вы видите первый урокъ Христіана Христіановича

(№ 21)—урокъ, какъ мы узнаемъ послѣ, обоюдный, не только для ученицы, но и для учителя. Учитель нашъ видно запасся въ Питерѣ не однимъ контрабасомъ: онъ будто сейчасъ только сорвался съ иглочки какого-нибудь Руча, съ гребенки Грильона, съ шильца Аренса, и такъ далѣе. Онъ чувствовалъ, что ему надобно будетъ показаться въ губерніи порядочнымъ человѣкомъ, а не какимъ-нибудь отставнымъ констапелемъ, который перешилъ фракъ изъ флотскаго вице-мундира. Такъ Виольдамуръ и сдѣлалъ, и стоитъ теперь передъ вами въ видѣ благоприличномъ. Сверхъ-того, видите ли, какъ онъ тонко, въжливо и пріятно улыбается? какъ скромно и прилично закинулъ одну руку со шляпой за спину, а другою, не снимая перчатки, образующей на концѣ пальцевъ какія-то отчаянныя когти, указываетъ слегка только изъ-дали на погрѣшность милой ученицы своей? какъ снисходительно и уступчиво потупляетъ глаза, желая смягчить сколько можно замѣчаніе свое, какъ ободрительно и пріятливо поворачиваетъ носомъ туда, гдѣ, по мнѣнію его, сдѣлана была небольшая ошибка?

Виольдамуръ возвратился домой счастливый и, блаженствуя, до поздней ночи распѣвалъ самыя нѣжныя, страстные романсы, выдѣлывая голосомъ: о-о-о-о!—закатывая глазки подъ лобъ и заканчивая риторичелью сладкой и сочной улыбкой. Наконецъ, кларнетъ успокоилъ нѣсколько это неестественное волненіе, и виртуозъ заснулъ и лежалъ во снѣ, какъ на яву, съ тою же миловидною и пріятною улыбкою на устахъ, которую вы видѣли на немъ, когда стоялъ онъ, при первомъ урокъ, за стуломъ первой—во всякомъ смыслѣ—ученицы своей.

Легко отгадать, что при такомъ блистательномъ началѣ, дѣла Виольдамура пошли со дня на день лучше. Безкорыстный, горячій другъ его, надобно отдать ему справедливость, не думалъ завидовать успѣхамъ со-

брата, а старался, напротивъ, всѣми средствами поддерживать его въ общемъ мнѣніи. Они видѣлись ежедневно и Христіанъ сдѣлался даже въ домъ Прибаутки своимъ человѣкомъ. Учениковъ и ученицъ у него было довольно, но онъ всѣхъ ихъ ставилъ ни во что, въ сравненіи съ первой, несравненной ученицей своей.

Городъ, куда попалъ художникъ нашъ, былъ довольно многолюденъ, благовиденъ, славился берестовыми табакерками, былъ извѣстенъ въ географіи судходной рѣкой — но только въ географіи, потому что стоялъ на лужѣ — былъ извѣстенъ въ исторіи проѣздомъ черезъ него многихъ знаменитыхъ особъ, а въ статистикѣ, кромѣ табакерокъ, кожевенными, мыловаренными, салотопенными и свѣчными заводами, хотя и тутъ опять городъ и самое отечество наше обязаны были всѣми заводами этими собственно статистикѣ, какъ наукѣ, потому что на дѣлѣ вмѣсто заводовъ этихъ оказывалось только три, четыре избы, въ Московской Слободкѣ, заваленныхъ кругомъ мусоромъ, навозомъ, корьемъ, и окруженныхъ непроходимую грязью и непроницаемую вонью. Оспаривайте, послѣ этого, пользу статистики!

Въ городѣ — положимъ, его называли Сумбуромъ — въ городѣ было гульбище или садъ, а въ саду этомъ былъ когда-то прудъ; но какъ однажды, на Святой Недѣлѣ, пьяный мужикъ, увидѣвъ въ свѣтлой водѣ подобенъ свой и хотѣвши съ нимъ поцѣловаться, свалился въ воду и утонулъ, то во избѣжаніе такихъ неприятныхъ случаевъ, распорядились засыпать прудъ и поставить на мѣстѣ его безопасный для жителей храмъ славы. Храмъ этотъ сооруженъ былъ изъ тесаного камня и стоялъ городу довольно много; польза его не была досель еще ни къмъ отгадана; не менѣе того однако же, сумбурскіе жители всегда водили зазвжихъ гостей на гульбище и показывали имъ каменный храмъ славы, какъ вещь замѣчательную, достой-

ную вниманія, и называли при этомъ всегда троихъ строителей храма. Втроемъ, скажете вы, не мудроно выдумать такую хитрую штуку—оно такъ, но зато, по пословицѣ: одинъ какой-то камень въ воду закинетъ, а сотня другихъ его не вытащатъ—никакой ареопагъ, конечно, не добился бы ни цѣли, ни пользы этого зданія. Еще славился Сумбуръ гостиннымъ дворомъ своимъ, который составлялъ собственность одного частнаго чело-вѣка, купца Босомыгина. Мѣсто, гдѣ стоялъ гостинный дворъ, принадлежало когда-то какому-то подворью; Босомыгинъ заключилъ договоръ, чтобы ему дозволено было выстроить на свой счетъ каменные лавки, съ оброкомъ по пяти сотъ рѣблей въ годъ, на шестьдесятъ лѣтъ, послѣ чего лавки поступаютъ въ собственность подворья. Дума впоследствии объявила споръ на мѣсто это и завела тяжбу съ подворьемъ; тяжба тянулась четырнадцать лѣтъ—а между-тѣмъ Босомыгинъ давно уже отстроилъ лавки, бралъ съ нихъ доходъ и никому оброку не платилъ. А какъ объ стороны тяжущихся спорили только между собой, а объ немъ и позабыли, то онъ, соскучившись дожидаться конца тяжбы этой, подалъ объявленіе, что мѣсто безспорно принадлежитъ ему, потому что городъ спорилъ съ подворьемъ, съ нимъ же, Босомыгинымъ, никто спору не заводилъ и онъ владѣетъ мѣстомъ безъ малаго полторы земскія или десятилѣтнія давности. За нимъ мѣсто и осталось. Вотъ какому счастливому обстоятельству городъ обязанъ былъ постройкою гостинаго двора. Еще славился Сумбуръ, такъ называемыми *подвижными* деревянными лавками, которыя никогда и никуда не подвигались, а между-тѣмъ, неизвѣстно для какихъ причинъ, выстроены были на колесахъ; можетъ-быть на случай войны съ Турками, или перемѣщенія города на другое мѣсто; нынѣ по-крайней-мѣрѣ стояли онъ со дня сотворенія своего чинно въ одинъ рядъ, на одномъ мѣстѣ, а помѣръ-того, какъ оси въ колесахъ

подъ ними подгнивали, онѣ замѣнялись новыми. Еще славился Сумбуръ конскимъ заводомъ, который со- держался съ давняго времени отставнымъ регистра- торомъ Рюховкинѣмъ. Рюховкинъ торговалъ еще кро- мѣ-того ломомъ, старымъ желѣзомъ. Табунъ его пас- ся обыкновенно во всю зиму на Собачьемъ Оврагѣ, куда со всего города сваливали навозъ и заводчикъ увѣрялъ, что тамъ кормъ сытный, большею частію хлѣбный. Не знаю, вѣрили ль ему лошади на-слово, но жалобъ отъ нихъ, никуда не поступало. Вотъ и все, кажется, всѣ знаменности города; если къ этому присовокупить предположеніе, впрочемъ еще не утвержденное, объ украшеніи города надолбами новаго изобрѣтенія, отдѣ- ланными на оба конца въ видѣ боченочковъ, на одномъ концѣ подъ дубовое дерево, съ черными обручами подъ желѣзо, на другомъ подъ карельскую березу, съ обру- чами бѣлыми — то, кажется, достопамятности всѣ, и больше говорить не о чемъ. Замѣтимъ только, что на- долбы эти предполагалось зарывать въ землю, по буд- нямъ, дубовыми боченками кверху, а въ торжествен- ные дни оборачивать, обновивъ и украсивъ такимъ образомъ вдругъ весь городъ надолбами изъ карельской березы. На замѣчаніе недогадливыхъ людей, что кон- цы, выкрашенные подъ карельскую березу, сгниютъ, до праздника не доживутъ — отвѣчалъ изобрѣтатель, что ихъ можно завертывать въ сахарную бумагу, которая, какъ извѣстно, всѣми силами противится гнилости, и полагалъ вмѣнить дѣло это въ обязанность домохозяевъ.

Если однако же читатели изъ этого предположенія заключать, что домохозяевамъ Сумбура нечего было больше дѣлать, какъ завертывать надолбы противъ до- му своего въ сахарную бумагу, и оборачивать ихъ то ту- да, то сюда концами, то это будетъ заключеніе неспра- ведливое. Кромѣ службы, дружбы, визитовъ, торговли, хозяйства, жители Сумбура занимались очень усидчиво челоуѣколюбивыми подвигами и болѣе всего работали

и жертвовали въ пользу карточной фабрики Воспитательнаго Дома. На такое благотворительное дѣло не жалѣли они ни трудовъ, ни издержекъ, ни времени. Босомыгинъ подвозилъ цѣлыми обозами товару для работы этой и не могъ напастись его и наготовиться. Для этой благой цѣли, собирались въ Сумбуръ ежедневно и во многихъ мѣстахъ, утренніе, полуденные и вечерніе роберы и пульки, и если полуденная пулька прерывалась иногда послѣ-обѣденнымъ отдыхомъ, то зато всѣми силами старались поправить и наверстать грѣхъ этотъ за вечерней пулкой, растянувъ ее вплоть до утренней. Можете себѣ вообразить, какого это труда стоило благодѣтельнымъ Сумбурцамъ и въ какомъ изнеможеніи они иногда вставали изъ-за зеленого стола; даже, повѣрите ли, мѣлокъ иногда двонлся въ глазахъ, не только то, что написано мѣломъ! — Служба лежитъ, дѣла почиваютъ: да за службой не угоняться, господской работы не переработать: въ домѣ нерѣдко нужда такая, что семейство, до новой трети, почти не ѣвши сидитъ, а дѣлать нечего, на-завтра опять принимаются за то же; безъ самоотверженія нѣтъ и доблести и никогда добраго дѣла не совершишь.

Слабый полъ города Сумбура занимался, какъ обыкновенно, взаимными визитами, поздравленіями, современными въ городѣ событіями и лѣтописью настоящаго; былъ впрочемъ склоненъ также къ благотворенію и нерѣдко жертвовалъ всѣмъ, по доброму примѣру сожителей, для посильной челоуѣколюбивой дани. Но чтобы читателей убѣдить не шутя въ благотворительности Сумбурцевъ, то истина требуетъ замѣтить, что было недавно дано въ городѣ любителями театральнаго представленіе въ пользу бѣдныхъ и послано объ этомъ во всѣ вѣдомости и газеты подробное объявленіе. Разсчитано положительно, что наряды и другіе издержки на комедію эту стали втрое дороже самой выручки изъ чего и можно бы заключить, что было бы гораз

до проще сложиться для бѣдныхъ, безъ всякой предварительной комедіи; но такое сужденіе едва-ли не опрометчиво, потому что около всякаго дѣла, какъ около продажнаго коня, надобно обойти кругомъ и осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ; бѣдные много ли мало ли отъ Сумбурцевъ таки получили; а тутъ, главное, показаться въ люди съ новымъ перомъ, токомъ, кокомъ или клѣкомъ, и подсадить супруга случаемъ-этимъ, чтобы некуда ему было увернуться, а хочешь, не хочешь, доставайденьжонки, да подавай къ наряду. Если мы разсудимъ вслѣдствіе всего этого, какъ благодушные Сумбурцы круглый годъ, тѣмъ или другимъ путемъ, посвящали себя на жертву страждущему человечеству, то ни сколько не покажется намъ удивительнымъ, что они, во-первыхъ, не выходили изъ круговыхъ долговъ между собою, — почему чрезвычайно опасно было замѣшаться между ними постороннему человѣку; главное правило ихъ состояло въ томъ, чтобы взять, о возвратъ же, по ихъ мнѣнію, долженъ заботиться тотъ, кто далъ, а не тотъ кто взялъ; во-вторыхъ, что въ Сумбурѣ лѣтомъ продавались въ каждомъ домѣ возки и сани, а зимою дрожки, кареты и кѣляски. Кроме-того, передъ каждымъ сколько-нибудь значительнымъ баломъ или пиршествомъ, Сумбурцы приветствовали другъ друга словами:—а не купите ли вы у меня часовъ? Часы очень хорошіе, я думаю, знакомые вамъ: вотъ, что прошлаго году купилъ я, передъ губернаторскимъ баломъ, у Ивана Федоровича.

Былъ однако же въ Сумбурѣ и вкусъ на ученость, на искусства и художества, на словесность. Ученымъ, напримеръ, считался, одинъ учитель семинаріи, который втеченіи двадцати лѣтъ странствія изъ губерніи въ губернію, обучалъ почти всѣмъ наукамъ не щадя живота своего, ни жизни. Въ Костромѣ преподавалъ онъ російскую грамматику, въ Ярославлѣ латинскій языкъ, въ Вологдѣ реторику, въ Перми логику, въ

Харьковѣ философію, и наконецъ въ Сумбуръ прѣхалъ на вакансію учителя исторіи и географіи. Кто разъ кончилъ науки, тотъ на все способенъ. Былъ и еще ученый, и, говорятъ, очень ученый человекъ въ Сумбурѣ, и зналъ, наизусть, всѣ науки — да вотъ уже третій годъ какъ съ ума сошелъ; и какъ занесетъ, такъ ужъ и сами Сумбурцы не понимаютъ изъ какой науки. А какъ у этого ученаго была искони привычка поматывать головой, то Сумбурцы и полагаютъ, что онъ какъ-нибудь неосторожно встряхнулъ и взболталъ все что было у него въ головѣ и все это переболталось и вышелъ сумбуръ. Впрочемъ, человекъ этотъ даже и въ нынѣшнемъ положеніи своемъ былъ полезенъ Сумбурцамъ въ двойномъ отношеніи: во-первыхъ, онъ служилъ для многихъ богобоязливыхъ гражданъ примѣромъ, каковы бываютъ послѣдствія глубокой учености и какъ у ученыхъ людей умъ заходитъ за разумъ; а во-вторыхъ, какъ нѣкоторые, несмотря на страшный примѣръ этотъ, считали необходимымъ учить дѣтей своихъ всѣмъ наукамъ, то его иногда—въ прохладные дни лѣтомъ, и не слишкомъ морозные зимою, когда онъ бываетъ по-смирнѣе,—заставляли учить дѣтей. Сумбурцы, вѣроятно, полагали, что если белиберда эта изъ головы его перейдетъ въ здоровую голову, то ребенокъ самъ уже сдумаетъ разобрать что куда слѣдуетъ и отдѣлить—какъ выражаются Сумбурцы—одну науку отъ другой. Учитель семинаріи увѣрялъ неоднократно, что ему и самому извѣстны, всѣ науки, и что онъ по-крайней-мѣрѣ могъ бы преподавать ихъ основательнѣе и въ лучшемъ порядкѣ; но что жъ вы прикажете дѣлать! Сумбурцы не слушались его, не доверяли ему дѣтей своихъ и большею частію отдавали преимущество бѣдному бакалавру. Поэтому ученики и твердили вслухъ, передъ папенькой и маменькой:—Грамматика есть наука о числахъ.—Прилагательное есть такая дробь, коей числитель меньше знаменателя—и прочее.

Словесность раздѣляли Сумбурцы на писаную и на печатную; первая проявлялась въ Сумбурѣ во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ, дружескихъ запискахъ и, наконецъ, въ сочиненіяхъ, которыя писались учителемъ россійскаго краснорѣчія къ публичному испытанію, для своихъ учениковъ. Вторая, печатная то есть, сосредоточивалась въ почтмейстерѣ и въ знакомомъ намъ уже нѣскольکو Прибауткѣ; не то, чтобы господа эти были писателями, но они, каждый по особымъ обстоятельствамъ, считались прикосновенными къ печатной словесности: одинъ изъ нихъ, почтмейстеръ, распечатывалъ всѣ входящія газеты и журналы. Прибаутка, считалъ долгомъ подписываться, одинъ за всѣхъ, на всѣ книги, о которыхъ объявленія присылаются изъ разныхъ вѣдомствъ въ губерніи при такихъ письмахъ, которыя просятъ: «о послѣдующемъ не оставить своимъ уведомленіемъ.» Прибаутка, зная по многократному опыту, что съ жителей уѣзда въ этомъ отношеніи взятки гладки, и принимая притомъ весьма разсудительно во уваженіе, что стало-быть-де книга эта нашла покровительство, подписывался одинъ, иногда даже на два экземпляра. Вотъ источникъ библіотеки нашего Прибаутки.

Свободныя искусства и художества процвѣтали также въ Сумбурѣ до извѣстной степени: не говоримъ о томъ, что туземная молодежь обоюга пола плясала самоучкой и во время ярмарки, брала танцевальныя уроки у Француза, который торговалъ сыромъ, виномъ и помадой; что учитель рисованья расписывалъ прехитрыми затѣями альбомы всѣхъ барышень,—о, золотое время альбомовъ!—оттушевывая очень акуратно амуричиковъ своихъ справа и слѣва, закругляя лепестки розы безъ единой складочки и выводя перышкомъ, какъ въ трафаретку, мелкіе зубчики листковъ, обороченныхъ одинъ въ одинъ лицомъ къ зрителю; не говоря объ этомъ, дѣвицы сумбурскія бесѣдовали съ ка-

валерами всего охотнѣе за фортепіанами и были, слѣдовательно, большія любительницы музыки. И вотъ какъ мы, наконецъ, послѣ долгаго отступленія, совершивъ опознательный поискъ свой для разузнавья быта Сумбурцевъ, благополучно возвратились къ завѣтному предмету своему, къ музыкѣ.

Если Віольдамуръ, предчувствуя назначеніе и даръ свой, видѣлъ въ столицѣ необходимость выработать самобытныя способности свои, изучать искусство, которому себя посвятилъ, если притомъ уѣхалъ отчасти для этой же цѣли въ губернію, надѣясь возникнуть оттуда современемъ неожиданной кометой, которой теченіе не было доселѣ еще никѣмъ предугадано и рассчитано, то мѣстность сумбурская по-видимому необычайно быстро способствовала развитію гениальныхъ дарованій; по-крайней-мѣрѣ Христіанъ Христіановичъ въ нѣсколько недѣль убѣдился, что онъ въ своемъ родѣ неподражаемый челоувѣкъ; что онъ достигъ уже высшей степени совершенства и можетъ не только вхѣть за границу, для того чтобы послушать другихъ, но даже и самъ въ своемъ родѣ никому не уступить, а опасны для него только развѣ зависть и невѣжество. Онъ блаженствовалъ въ Сумбурѣ; въ немъ разыгралось, сверхъ музыкальнаго, еще какое-то восхитительное чувство, для котораго онъ былъ бы даже готовъ закинуть всѣ на свѣтъ тромбоны и скрыпки—хотя ему и казалось, что это было бы неблагодарно, потому что и этимъ новымъ блаженнымъ чувствомъ былъ онъ обязанъ, какъ самъ передъ собой охотно сознавался, одной музыкѣ. Какъ бы то ни было, а Христіанъ Христіановичъ, блаженствуя въ Сумбурѣ, не сидѣлъ болѣе часовъ по шестнадцати въ день за оркестромъ своимъ, перебирая поочередно все, отъ рояля до турецкаго барабана; не робѣлъ уже болѣе при скромной недовѣрчивости къ собственнымъ силамъ своимъ, а жилъ самонадѣянно, выставляя себя всюду на-показъ. Всякое искусство можетъ

быть оцѣнено только сравнительно; а какъ въ Сумбурѣ не было соперниковъ Віольдамуру, то онъ и успѣлъ въ короткое время забыть, что Сумбуръ не составляетъ еще цѣлаго свѣта и смотрѣлъ самъ на себя какъ на высшее, недосягаемое для простыхъ смертныхъ существо. Онъ принялъ на себя въ обществѣ должность какого-то несноснаго повѣсы: важничалъ пошло, а любезничалъ приторно; заставлялъ себя упрашивать и умаливать, когда хотѣли, чтобы онъ спѣлъ или сыгралъ что-нибудь, иногда увѣрялъ, что онъ не въ духъ, не расположенъ, и развалившись небрежно на кушеткѣ, съ самодовольствіемъ поводилъ вокругъ головою, какъ спѣсивый куличокъ, и одарялъ поочередно благосклонной улыбкой своей окружавшихъ его неутонченныхъ просителей, поклонницъ и поклонниковъ. Онъ выписывалъ духи изъ Петербурга; батистовые платочки его обшивались кружевами; перстеньки, булабочки, супирчики и сувенирчики занимали его не менѣ скрипки и кларнета; онъ сдѣлался чувствительнымъ къ веснѣ, къ цвѣтамъ и жаворонкамъ, давно уже бросилъ фарфоровую трубку и курилъ только гаванскія сигары.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла Христіана Христіановича, когда весна вспомнила наконецъ, что есть на свѣтѣ земля Русская, а на русской землѣ городъ Самбуръ. Вспомнивъ же это, она налетѣла вдругъ, какъ съ неба канула. Весна была дружная, теплая, все зазеленѣлось, воробьи зачирикали, глядя съ краешка кровли на послѣднія капли падающія со стрѣхи; конскій заводъ Рюховкина перекочевалъ уже съ Собачьяго Оврага на лѣтнее становище свое, на городской выгонъ; храмъ славы, служившій памятникомъ утонувшему на этомъ мѣстѣ пьяному мужику и покойному пруду, — храмъ славы бѣлѣлся величественно между новою, свѣжею зеленью; молодые гусята щипали травку подъ любимъ тыномъ и силпымъ пивкомъ, послѣ каждаго глотка, убѣждали родителей

своихъ не покидать ихъ, не торопиться еще къ лабазному ряду, потому-де, что весною зеленый кормъ лучше хлѣбнаго. Въ первый разъ отъ-роду увидѣлъ Виольдамуръ весну за стѣнами Петербурга и какъ нарочно въ этотъ первый разъ встрѣтилъ ее упоенный любовью. Была ли также и знаменитая ученица влюблена въ него, и сколько и надолго ли, не рѣшимся сказать положительно, хотя намъ и извѣстна вся подноготная нашего разсказа; для этого надо бы написать, въ видѣ вступленія, цѣлое разсужденіе о любви, которая бываетъ болѣею частію столько же скучна на бумагѣ, сколько занимательна на дѣлѣ. Въдѣ барышни наши—Богъ ихъ суди—и въ столицахъ, и въ губерніяхъ, по невинности и неопытности своей, и сами не знаютъ когда любить, когда не любить, когда любить по своей волѣ, когда по какому-то темному чувству предусмотрительности, или по распоряженію маменьки; когда шалать только и тѣшатся страданіями нашими для забавы — все это такъ шатко и валко, такъ ненадежно, такъ темно, сомнительно и сокровенно—такъ измѣнчиво, быстролетно, непостоянно, непостижимо, неуловимо, необъяснимо—что трудно рѣшить дѣло не дождавшись конца. Если повѣрить современной лѣтописи Сумбура, то была тутъ страстная и даже отчаянная любовь съ той и съ другой стороны; если послушать завистниковъ и соперниковъ Виольдамура на скользкомъ поприщѣ любви, то всему онъ одинъ былъ причиной, потому что былъ самъ влюбленъ за двоихъ и любилъ ее за себя и себя за нее, чѣмъ и ограничивалась взаимность этой страсти; а если хотите непременно и нашей догадки, то мы попросимъ васъ продолжать терпѣливо разсказъ нашъ, съ полною надеждою, что дѣло должно современемъ объясниться. Барышни наши иногда влюбляются сильно, хотя и не надолго, если игрушка и забава эта льститъ ихъ самолюбію, если она заманчива

новизною предмета, который теперь въ модѣ, въ ходу,—иногда онѣ воображаютъ сами, что страстно влюблены, иногда считаютъ только полезнымъ зачислиться влюбленными: какъ зачисляютъ въ кандидаты — иногда влюбляются по приказанію и распоряженію своего ближайшаго начальства, и такая покорная любовь нерѣдко съ такимъ же безотвѣтнымъ повиновениемъ обращается въ равнодушіе, даже въ ненависть, если обстоятельства измѣняются; иногда онѣ только-что не противорѣчатъ слухамъ по этому тонкому и щекотливому предмету;—иногда же напротивъ, противорѣчатъ вездѣ, ищутъ случая, вызываютъ на споръ и бой, чтобы доказать невинность свою, и тѣмъ еще болѣе возбуждаютъ общее вниманіе, укрѣпляютъ общее мнѣніе; иногда, въ младенческомъ невѣдѣніи своемъ, рассказываютъ по секрету подругамъ небывалыя объясненія—и опытные судьи увѣряютъ, что и эта тактика бываетъ не безуспѣшна; словомъ, тутъ причудъ и отъѣнковъ столько,—столько разнообразныхъ изворотовъ, что выслѣдить ихъ было бы не только затруднительно, но, можетъ-быть, и скучно. Будетъ съ насъ на первый случай и того, что мы знаемъ не менѣе самыхъ Сумбурцевъ, которые знаютъ положительно, что Христіанъ Христіановичъ и Настенька Травянкина другъ въ друга влюблены.

Между-тѣмъ, едва Сумбурцы наши, какъ и другіе люди, дождались въ свое время весны, какъ уже дошла до нихъ и очередь залѣтовать, дождались они и лѣта. Пришло время междужарья, гдѣ иному сельскому хозяину дѣлать нечего, гдѣ онъ, покончивъ свое, ждетъ сложа руки, чтобы и природа сдѣлала свое, а гдѣ, по словамъ другаго, не оберешься заботъ и хлопотъ, и работы бываетъ больше чѣмъ во всякое иное время. Не беремса рѣшить это разногласіе, а скажемъ только, что Сумбурцы наши едва-ли не держались перваго мнѣнія, по-крайней-мѣрѣ у нихъ еже-

годно объ эту пору была довольно людная ярмарка, на которую съезжалась вся губернія. Но оставивъ на время ярмарку, мы должны напередъ возвратиться вспать и сказать нѣсколько словъ о бывшихъ зимою дворянскихъ выборахъ.

При съездѣ дворянъ на выборы любопытно было подслушать задушевный разговоръ каждаго изъ нихъ, допросить его по совѣсти зачѣмъ и для чего онъ прїѣхалъ? Дворянскіе выборы: это дѣло общее и великое; но въ продолженіи цѣлаго съезда ни одинъ Сумбурецъ не сказалъ ни одного слова, которое бы могло относиться, хотя косвенно, къ общему благу губерніи; ни слова, которое показывало бы, что онъ постигаетъ умомъ и чувствуетъ сердцемъ всю важность правъ своихъ и обязанностей по настоящему дѣлу. Вотъ какой скрытный народъ были Сумбурцы наши; всякій безсомнѣнія понималъ и чувствовалъ все это, но молчалъ про себя, или можетъ-быть и разсуждалъ объ этомъ самъ съ собою; вслухъ же каждый заботился только о личныхъ надобностяхъ своихъ, о видахъ и намереніяхъ. Одинъ грозилъ сосѣду, что нога-де моя не будетъ на твоёмъ порогѣ, если не положишь блага шара такому-то; другой собиралъ свой кружокъ, для черныхъ шаровъ, такому-то; какой-нибудь шутникъ, подговаривалъ всѣхъ выбрать, для одной потѣхи, такого-то чудака на такое-то мѣсто; тотъ хлопоталъ за себя, тотъ за кума, за свата, за сосѣда: всякій соображалъ голосъ свой, силу, вліяніе и происки, съ насущными нуждами своими и это называлось у Сумбурцевъ нашихъ—выборами. Да какъ же впрочемъ и не назвать имъ это выборами? Вѣдь такъ ли, иначе ли, такъ называемые люди, даже чиновники, избирались во всѣ должности—въ исправники, въ засѣдатели, въ судьи, въ члены, предводители: стало-быть это точно были выборы.

Но какъ Сумбурцы наши вообще ни надъ чѣмъ

не надрывали силъ своихъ, то дворяне на выборы съѣхались поздно, большею частію наканунѣ срока, а потому и не успѣли повѣрить суммъ дворянскихъ по отчетамъ, а подписали какую-то перечневую выписку изъ книгъ, съ плеча, и не заглядывая въ нее выше того мѣста, гдѣ каждому слѣдовало подписать имя и прозваніе свое; точно какъ-будто рѣчь шла, не о своемъ, а о чужомъ добрѣ. Откуда, скажете, берется у насъ беззаботность эта?—Къ обѣднѣ и молебствію опоздали, а потому и ограничились подписью присяжнаго листа; потомъ устранили кое-кого, подъ разными предлогами, отъ собранія, чтобы не было спорщиковъ; тамъ не дали шаровъ нѣкоторымъ уполномоченнымъ, предпочитая дѣйствовать своей семьей, гдѣ каждый другъ друга понимаетъ; за губернскимъ столомъ не стѣсняли себя балотировкой однихъ избранныхъ уже въ кандидаты за столами уѣздными, а избрали тѣхъ, кто кому былъ по-сподручнѣе, предводитель, знакомый нашъ Прибаутка, распорядился на выборахъ какъ въ своемъ домашнемъ оркестрѣ, гдѣ заставляеть, бывало, проиграть снова любую штучку: онъ спорилъ и уговаривалъ каждый разъ, когда какой-нибудь выборъ не соответствовалъ его желанію или заключенному напередъ условію и заставлялъ перебалотировать того или другаго вновь, противъ чего одни спорили и горячились, между-тѣмъ какъ другіе хохотали и разбирали снова шары. Въ предводители былъ избранъ опять онъ же, Прибаутка.

Все это было хорошо; но надо было выбрать въ предводители еще другаго кандидата, ожидая отъ правительства утвержденія того или другаго. Такъ какъ въ Сумбурѣ нашемъ все дѣлалось иначе, чѣмъ во всѣхъ губерніяхъ, которыхъ названія находятся въ географіяхъ Россіи, то и въ этомъ случаѣ встрѣтилось такое чрезвычайное обстоятельство, что не знаешь какъ его и рассказать.

При выборѣ втораго кандидата въ предводителя, бѣлые шары посыпались на голову какого-то отставнаго корнета. Дальнѣйшія послѣдствія всего этого окажутся ниже; а теперь перейдемъ къ непосредственнымъ послѣдствіямъ дворянскихъ сѣздовъ, по случаю откывшейся ярмарки.

Давно уже Харитонъ уговаривалъ Христіана самымъ радушинымъ образомъ, дать концертъ. Ярмарка представила для этого неподобный случай. Прибаутка горячо принялся за это дѣло: обѣщалъ артисту покровительство свое, залу Дворянскаго Собранія, и сверхъ-того бралъ на себя всѣ расходы на освѣщеніе и другіе предметы по концерту. Странно было бы Віольдамуру колебаться или ожидать, чтобы его еще болѣе упрашивали; онъ согласился, и отъ рѣшимости этой, ожиданія и нетерпѣнія, лицо у него вытянулось пальца на три, и приняло какое-то вдохновенное выраженіе. Такъ онъ и ходилъ по городу, дѣлую недѣлю, съ продолговатымъ, вдохновеннымъ лицомъ. Вотъ онъ сидитъ (№ 22), по-домашнему, среди сумбурскихъ пріятелей и доброжелателей своихъ, и слушаетъ направо и налево, не успѣвая поворачивать голову на призывные голоса совѣтниковъ, во всѣ четыре стороны вдругъ. Концерту быть, это рѣшено; нѣсколько дней и ночей прошло въ толкахъ объ устройствѣ и распорядкѣ его; корректурный листъ афишки у артиста въ рукахъ, но совѣтники не перестаютъ надѣлать его со всѣхъ сторонъ совѣтами, неисчерпаемы въ эффектныхъ изобрѣтеніяхъ, и суетолками своими въ-конецъ оглушили Віольдамура, у котораго отъ томительнаго ожиданія губы сжались словно онъ зашиты и припечатаны. Рядомъ съ нимъ сидитъ курчавый другъ его, товарищъ на жизнь и смерть, Харитонъ Волковъ, и горячо, усердно совѣтуетъ обмѣнить взаимно и переставить 1-й и 5-й номера, то есть, открыть и начать концертъ вокальнымъ вступленіемъ, которымъ предполагалось за-

ключить 1-е отдѣленіе, а увертюру перенести изъ начала въ конецъ. Причинъ на это Волковъ поставлялъ много, очень много, но главное заключалось въ томъ, что соловьиный голосъ Віольдамура долженъ былъ пленить и восхитить всѣхъ, а затѣмъ уже мастерская игра на пяти или на шести инструментахъ, не на всѣхъ вдругъ однако-же, а послѣдовательно и по-очередно, довершить окончательно вѣрную победу. Съ Волковымъ, котораго лицо и приемы напоминаютъ намъ нѣсколько отца его, неподражаемаго въ счетъ молчковъ или паузъ литавръ—съ Волковымъ соглашается по-видимому и гурвернёръ, выписанный Прибауткою для дѣтей его, monsieur Tricot-de-Coton; онъ положилъ руку на плеча артиста, встряхиваетъ его по-временамъ, чтобы заставить глядѣть въ эту сторону и тычетъ пальцомъ чуть не въ зубы, истощая въ мимикъ этой все краснорѣчіе свое, всю силу убѣжденія. По другую сторону, въ оппозиціонной партіи, стоитъ, одинъ какъ перстъ—одинъ какъ макъ въ цвѣтѣ—одинъ какъ снѣгъ въ глазу—одинъ какъ солнце на небѣ—одинъ какъ лѣшій въ болотѣ—стоитъ новый благопріобрѣтенный въ Сумбуръ другъ Віольдамура господинъ Мокріевичъ-Хламко-Нагольный, котораго мать была угрожденная княжна Трухина-Соломкина и даже крестный отецъ прозывался Пазухинъ-Гулючка; господинъ Моркіевичъ-Хламко-Нагольный, увлекался дружбой и доброжелательствомъ, и руководствуясь перевѣсомъ познанія мѣстности, отстаиваетъ прежній порядокъ концерта, увѣряя, что предлагаемая перемѣна сочтена будетъ умышленнымъ подлогомъ и произведетъ всеобщій ропотъ. Есть еще два чело­вѣка въ этомъ засѣданіи, и хотя они занимаютъ крайнія оконечности правой и лѣвой стороны, но не могутъ, по мыслямъ своимъ, причестся ни къ оппозиціи, ни къ радикаламъ, ни къ легитимистамъ, а составляютъ, кажется, безмолвствующую середку-на-половинѣ; это Аршетъ и неизвѣстный. Последний, облокотившись довольно ловко

на спинку стула одного изъ отчаянныхъ радикаловъ, Волкова, доволенъ, кажется, положеніемъ своимъ и сигарой, которую отыскалъ молча въ скрипичномъ футлярѣ, куда благоразумный хозяинъ съ некотораго времени сталъ прятать сигары отъ подобныхъ посетителей—доволенъ и собой, и концертомъ, какъ бы онъ ни утратился, доволенъ и преніями и гладенькимъ сюртукомъ своимъ, словомъ, доволенъ всѣмъ на свѣтѣ, и согласенъ со всѣми, кто бы что ни говорилъ, и никогда не сердится, ничему не удивляется, ничему не радуется, ни о чемъ не скучаетъ, ни о чемъ не тужитъ и вообще не приволакивая себя ни къ чему, отъ природы одаренъ непоколебимымъ терпѣніемъ, совершеннымъ равнодушіемъ и прелегою молчаливостію. Слышалось ли вамъ видѣть этихъ людей? Высокій лобъ какъ-будто заключаетъ въ себя что-нибудь такое, — даже морщинки играютъ иногда на лбу этомъ и перелазятъ какъ на тонкой пѣнке согрѣтаго молока—но здѣсь мнимый законъ природы, открытый недогадливымъ Торичелли, будто бы природа не тернитъ пустоты, встречаетъ самое убѣдительное противорѣчіе. Если бы Торичелли сходился на въку своимъ съ подобными людьми, то онъ бы и самъ не удовольствовался объясненіемъ своимъ, а не-воль сталъ бы искать другое. Эти-то внастѣлицы, въ родѣ нашего неважстнаго, живутъ спокойно, спятъ прекрасно, всегда здоровы, съ виду молодежаны и доживаютъ до глубокой старости.

Гувернеръ, monsieur Tricot-de-Coton, былъ одинъ изъ тѣхъ гувернёровъ, которые приважаютъ моремъ изъ Гавра въ Питеръ, освадомляясь дорогою у другихъ пассажировъ о томъ, правда ли будто въ Петербургѣ солнышко такъ греетъ и свѣтитъ не-немножку, а во всей остальной Россіи круглый годъ зима и круглымъ сутки ночь и люди не знаютъ ни тепла, ни свѣту, кромѣ отъ огня? Развѣвни подобныя сомнѣнія, monsieur

Tricol-de-Srion вышелъ изъ парохода на Англійской Набережной, взявъ гарусный дорожный мѣшокъ свой съ замочкомъ подъ мышку, и долго оглядывался во всѣ стороны, не зная куда теперь идти, что начать и гдѣ бы сегодня пообѣдать? Не удивляйтесь тому, что Трико-де-Котонъ въ девять часовъ утра заботится уже объ обѣдѣ; это не малодушіе; онъ не робѣетъ и чувствуетъ съ достоинствомъ всѣ способности свои; у него надежды впереди много; онъ готовъ хоть обучить и поставить собачью комедію и пройти съ нею съ конца въ конецъ темную Русскую землю, хотѣ идти въ учителя и гувернёры, смотря по тому, на нто будетъ больше требованія; но сами посудите: духъ бодръ, да плоть немощна, и кто не обѣдалъ вчера, тотъ по-неволѣ сегодня заблаговременно заботится удовлетворить свой злопамятный желудокъ. Постоявши немного и убѣдившись, что жареные гуси сами не летаютъ по нашимъ улицамъ—Трико-де-Котонъ вздохнулъ, и сказалъ улыбувшись: точно какъ у насъ: вездѣ самому надо промышлять! Затѣмъ обратился къ первому прохожему съ вопросомъ: нѣтъ ли гдѣ вблизи французскаго магазина? Прохожіи этотъ отвѣчалъ вѣжливо и на прекрасномъ французскомъ языкѣ—и черезъ полчаса Трико сѣлъ уже у одного изъ земляковъ своихъ, обнявъ расплатиться съ нимъ запитками въ простояхъ, которые онъ успѣлъ провезти тайно и ожидать со дня на день какими-то темными путями. Впрочемъ, онъ предлагалъ также и женскіе часы, золотую булавочку и два перстенька. Надобно думать, что дѣло такъ или иначе сладилось: Трико остался на двѣ недѣли въ магазинѣ, приобрѣлъ вскорѣ огромное покровительство и отправился, по первому вызову, съ обозомъ Прибаутки въ Сумбуръ, озарилъ вѣчные потемки привознымъ свѣтомъ своимъ, училъ дѣтей, занималъ на охоту, былъ веселый собесѣдникъ и умѣлъ всѣмъ угодить и со всякимъ сойтись.

Мокрѣвичъ-Хламко-Нагольный во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть представителемъ оппозиціонной партіи и заключаетъ въ себя полную противоположность неизвѣстнаго: Нагольный въ вѣчной суетѣ, тревогѣ, всегда говорить, всегда спорить, вѣчно противорѣчить, всѣмъ на свѣтѣ недоволенъ, обо всемъ ему забота, за всѣхъ онъ тоскуетъ, словомъ, все, что только какимъ-нибудь образомъ достигало пяти чувствъ его, все это дурно, гадко, все это не такъ и не то, и всегда изо всего предвидитъ онъ преопасныя слѣдствія и боится еще сверхъ-того, чтобы ему не пришлось за все это отвѣчать. Такъ онъ, напримѣръ, каждый разъ, когда молодые люди собираются на охоту, или на катанье въ лодкѣ, оговаривается торжественно: чуръ меня; съ тѣмъ, что если бы одинъ другаго невзначай застрѣлилъ, или кто-нибудь по неосторожности утомулъ, то ему, Нагольному, не отвѣчать бы за это и не понести поклепу или упреку, что онъ, какъ благоразумный человѣкъ, не старался удержать молодежь отъ такихъ бесполезныхъ и опасныхъ затѣй.

Наконецъ, обратившись къ дверямъ комнаты, въ которой происходятъ настоящія пренія, видимъ фактора губернской типографіи, съ новымъ корректурнымъ листомъ афишки, изъ чего и заключаемъ, что Волковъ не даромъ отстаиваетъ съ такою рѣшимостію предлагаемую перемѣну въ порядкѣ концерта: Волковъ распорядился уже напередъ самовластно, измѣнилъ на свой страхъ, что и какъ ему хотѣлось, а потомъ пришелъ убѣждать друга своего въ необходимости такой перемѣны. За факторомъ является еще какой-то любитель музыки, который, по-видимому, также намѣренъ принять участіе въ заботахъ виртуоза нашего, или можетъ-быть только заглянуть въ келлію его, посмотреть, что тамъ дѣлается и потомъ отправиться со свѣжими вѣстями къ Иринѣ Титовнѣ и Татьянѣ Юрьевнѣ.

Между-тѣмъ насталъ роковой день, и празднично взошло солнце надъ полнымъ ожиданіемъ Сумбуромъ. Утро передъ концертомъ застало Христіана Христіановича въ непривычныхъ и новыхъ для него хлопотахъ, при которыхъ улыбка удовольствія не сходила съ устъ его (№ 23). Онъ сидитъ передъ вами среди домашней холи и раздолья, но со всѣми признаками приближающагося для него и для цѣлаго города праздника—и кроитъ огромными портняжными ножницами билеты. Афишки на полу, афишки на столѣ—билеты на полу и въ рукахъ и на столѣ; свѣча приготовлена для прикладыванія печатей; Аршетъ, принимающая душевное участіе во всерадостнѣйшемъ событіи, также суетится, и полагая, можетъ-быть, что билеты валяются изъ-подъ ножницъ невзначай, подбираетъ ихъ и подаетъ своему барину, и сидя на корточкахъ, привѣтливо разметаешь пыль на полу мохнатымъ своимъ хвостомъ. Что роковой день насталъ, это показываютъ вамъ всѣ приготовления: завитая голова хозяйна, отъ бровей до затылка; шелковые чулки, галстухъ, шляпа и перчатки; вычищенный новый фракъ, задремавшій въ самомъ лѣнивомъ положеніи на стулѣ, свѣсивъ по бокамъ рукава; еще какая-то принадлежность и лаковые, чуть не дамскіе, варшавскіе башмачки. Взглянувъ на-скоро, вамъ даже покажется, что и рожца Христіана Христіановича съ завитками своими поставлена бережно, какъ неприкосновенная до времени вещь, на тотъ же коммодъ, образуя такимъ образомъ приличный протівень щегольской шляпѣ съ перчатками, между-тѣмъ какъ распущенный галстухъ служитъ какъ-будто бы соединительнымъ звеномъ для цѣлой картины. Ожиданіе, надежда, сомнѣніе, а по временамъ и увѣренность въ блистательномъ успѣхѣ одушевляютъ въ эту роковую годину торжественное лицо Христіана; а снисходительная улыбка радушнаго прислужника придаетъ лицу этому пріятную мягкость и миловидность.

Да, много надеждъ, какъ видно, роится въ голо-
вѣ нашего гевія на сегодняшний вечеръ; не знаемъ
сколько билетовъ—объ афишкахъ и говорить нечего:
онѣ стоятъ денегъ, но за нихъ не платятъ;—не зна-
емъ сколько билетовъ пошло уже въ раздачу, но ви-
димъ усердное стараніе закройщика и огромные за-
пасы въ кипахъ. Если Виольдамуръ все это обратить
въ окрошку, то ее, конечно, станетъ на пресыщеніе
цѣлаго Сумбура; остается только пожелать ему, что-
бы не все это было роздано любителямъ и покрови-
телямъ, друзьямъ и пріятелямъ, чтобы благодушные
Сумбурцы, столько радующіе, какъ мы говорили,
о сиротахъ и бѣдныхъ, оказали и завяземъ сиротъ
существенное покровительство и пособіе покупкой би-
летовъ за наличныя деньги. Это тѣмъ болѣе жела-
тельно и необходимо, что сирота нашъ сильно потер-
пѣлъ въ последнее время отъ пожара: у него деньги го-
рѣли въ карманъ и въ бумажникъ какимъ-то невиди-
мымъ огнемъ, вѣроятно, воспламенился на основаніи
законовъ самосгаранія. По-крайней-мѣрѣ, онъ самъ не
понималъ, какимъ образомъ завѣтное наследіе его, сто-
ившее Ивану Ивановичу столько хлопотъ, приходи-
ло къ концу, а между-тѣмъ Христіанъ Христіановичъ
только-что собирался еще пожить, развернуться и про-
славиться за границей. Концертъ его выручить; это
первый концертъ: никто не слышалъ еще нашего ге-
ниальнаго артиста въ огромной залѣ, гдѣ все, и велико-
лѣпная мѣстность, убранство, освѣщеніе и готовность
слушателей восторгаться, и блестящіе наряды, и тор-
жественность собранія, и даже наружность художника
участвуютъ въ общемъ и несомнѣнномъ успѣхѣ; а если
къ всему этому еще присоединятся обаятельные звуки...
о, тогда жребій выпадеть; тогда узнаютъ Христіана Хри-
стіановича и услышатъ объ немъ не въ одномъ Сумбу-
рѣ. Я очень, очень благодаренъ другу моему Харитону,
подумалъ Христіанъ, за то, что онъ принялъ также жъ-

вое участіе въ этомъ дѣлѣ, что склонилъ Прибаутку на всякую помощь и содѣйствіе, и самъ, какъ благородный художникъ, взялся участвовать въ нашемъ концертѣ; пусть услышатъ насъ вѣствъ и увидятъ, какая между нами разниѣа. Харитонъ играетъ очень порядочно, ни слова, но въ смычкѣ его нѣтъ этой души, этой жизни—въ ударѣ руки нѣтъ этой гениальной свободы, силы и мягкости, потому что ни того ни другаго нельзя приобрести, а надобно родиться въ сорочкѣ. Христіанъ съ внутреннимъ удовольствіемъ посматрѣлъ на длинныя, бѣлыя, гибкіе пальцы свои, на благообразныя ногти, сжалъ и распустилъ раза три кулакъ лѣвой руки, едва-давъ на колѣнѣ продолжительную трель и принялся опять за дѣло.

Между-тѣмъ какъ Христіанъ Христіановичъ кромялъ, сидя въ завиткахъ, билеты свои и мечталъ уже напередъ о вечернихъ успѣхахъ, Сумбурыцы готовились съ своей стороны къ торжественному вечеру, великъ по-своему. Напримѣръ: покровитель концерта, Прибаутка, въ упоеніи отъ удачи своей на выборахъ, разослалъ по городу съ десятокъ мелкой шляхты, чуть не однодворцевъ, избранныхъ по предстательству его въ засѣдатели, депутаты, судьи—поручивъ каждому изъ нихъ по полусотнѣ билетовъ и приказавъ стараться всѣми силами о раздачѣ ихъ. Кто не желаетъ угодить своему начальству? Слѣдствія старательной угодливости подчиненныхъ, или по-крайней-мѣрѣ людей облагодѣтельствованныхъ Прибауткой и чайщихъ отъ него многихъ и разныхъ благъ, изображены передъ вами въ лицахъ (№ 24). Великодушнаго помѣщика, который не пощадилъ въ уздѣхъ предводителя и поклялся цѣлому собранію въ глаза, что впередъ нога его не будетъ на выборахъ—этого помѣщика остановили на перепутьи разсыльные Прибаутки, предлагая ему съ одной стороны афишку, съ другой цѣлую охапку билетовъ на выборы. Тотъ кому поручена раздача объявленій, сквал-

ко можно судить по лицу его, должны быть чиновникъ не совсѣмъ благонадежный; и вотъ, вѣроятно, причина, по которой ему билетовъ не повѣрили, а пустили на пристяжку къ другому, собственно съ афишками. Не желающій впредь балотироваться дворянинъ, кажется, не въ духѣ, и посылаетъ къ-чорту всѣ билеты, концерты и самыхъ разносчиковъ. Услужливый депутатъ не оскорбляется такою посылкою и вѣжливо упрасиваетъ взять хоть одну парочку билетовъ, ну, хоть въ долгъ, до предстоящей жатвы; неблагонадежный чиновникъ считалъ въ это время наизусть по пальцамъ, сколько штукъ будетъ разыграно, прибавляя изъ усердія отъ себя за каждымъ номеромъ одну арію и одну увертюру.

Самый длинный изъ всѣхъ вновь избранныхъ заседателей, принарядившись по случаю такого лестнаго порученія и довѣренности Прибаутки, сталъ на перекресткѣ, разведя руки крестомъ, остановилъ почтенную мать семейства съ двумя дочерьми, и сказавъ: «смѣю ли, сударыня, прислужиться—отличный концертъ, и билетовъ не много осталось, всѣ разобраны» предлагаетъ по пачкѣ въ той и другой рукѣ. Мать, по-видимому, находитъ этотъ способъ предложенія услугъ не совсѣмъ пріятнымъ, глядитъ довольно сурово и занесла уже руку свою, чтобы отодвинуть безъ околичностей, руку навязчиваго щеголя и очистить себя и семейству своему такимъ образомъ дорогу. Впрочемъ, можетъ-быть она ловкимъ движеніемъ руки надѣется повернуть крестъ на этой надолбѣ и пройти свободно, какъ привыкла дѣлать на прогулкахъ въ городскомъ саду, по дорожкѣ къ знаменитому храму славы. Дочери не смѣютъ, кажется, обнаружить вслухъ своихъ надеждъ и желаній; но одна обратила томный, умоляющій взоръ на грозное лицо матери, другая съ пріятной улыбкой удовольствія разсматриваетъ поднесенные билеты: «тамъ будутъ всѣ—какъ же намъ не быть?»

Если въ разсмотрѣнныхъ нами двухъ купяхъ удачи и поживы разносчикамъ билетовъ будетъ не много, то въ третей, поодаль отъ первыхъ, успѣхъ кажется вѣрнѣе: тамъ какой-то усердный зубоскаль взялся за дѣло очень просто и суетъ билеты проходимъ въ карманы. Конечно, при этомъ еще политико-экономической вопросъ: о сборѣ недоимокъ, — не разрѣшается; но по-крайней-мѣрѣ одна половина задачи рѣшена, билеты будутъ розданы. Не удивляйтесь, доброхотные читатели, такому свободному, короткому, пріятельскому обращенію Сумбурцевъ между собою: въ Сумбурѣ процвѣтають еще патріархальные обычаи, всѣ жители его свыклись между собою и пообтерли другъ о друга локти; тутъ всё свои.

Между-тѣмъ, улица передъ домою Дворянскаго Собранія была выметена; нарядъ двухъ конныхъ жандармовъ сдѣланъ и для порядку назначенъ самый благовидный изъ трехъ сумбурскихъ частныхъ приставовъ, а при немъ, собственно для наружнаго порядку—какъ выразался полиціймейстеръ—еще одинъ квартальный. Послѣдній явился за приказаніями къ распорядителю праздника, дворянскому предводителю, объяснилъ разныя предположенія свои насчетъ этого наружнаго порядку, увѣрялъ его въ усердіи своемъ и исправности, божился, что пришелъ на-тощахъ и до окончанія концерта ничего въ ротъ не возьметъ и жаловался только на конныхъ помощниковъ своихъ, которые-де кромѣ своего начальства никого знать не хотятъ и даже не уважають приказанія квартального, притворяясь обыкновенно, будто сидятъ такъ высоко на лошадяхъ своихъ, что и не слышатъ о чемъ ему толкуешь, а подбоченятся и отворотивъ носъ глядятъ спокойно въ другую сторону.

Домъ Собранія былъ вычищенъ и вылощенъ, стулья заняты въ цѣломъ городѣ у обывателей, а передъ такъ называемыми хорами, для музыкантовъ, устроено осо-

бое возвышеніе для концертиста. Оркестръ принадлежалъ Прибауткѣ, и хотя, какъ поговаривали въ Сумбурь, нѣсколько разохся въ продолженіи прошѣдшихъ неурожаевъ, но вмѣстѣ съ прошлогоднею обильною жатвою, вслѣдствіе которой и выписанъ былъ, какъ мы видѣли, капельмейстеръ Харитонъ Волковъ, оркестръ этотъ сталъ поправляться. Когда Волковъ собралъ подчиненныхъ своихъ въ первый разъ въ помѣстьяхъ Прибаутки, которыйи самъ вздумалъ сдѣлать инспекторскій смотръ своей музыкѣ, то говорятъ будто изъ контрбаса, по первому удару смычка, выпорхнулъ воробей, а потомъ и другой—и стали летать по комнатамъ и чирикать; остальные жъ шесть воробушковъ не могли вылетѣть, потому что еще не оперились. Контрбасъ, видите, пролежалъ на чердакѣ, во все время неурожаевъ, и воробьи въ немъ свили гнѣздо. Увѣряютъ также, что въ одномъ изъ духовыхъ инструментовъ отыскано было мышинное гнѣздо; а самъ Харитонъ Волковъ разсказалъ втихомолку другу своему, что духовая музыка Прибаутки, флейты, кларнеты, рожки, волторны и фаготы, осыпали присутствовавшихъ на первомъ опытѣ перьями, пухомъ, пылью и паутиной и что этою посторошнейю принадлежностію заволокло Божій свѣтъ, а затѣмъ послѣдовало всеобщее чиханье и взаимное пожеланіе здравія. Но Харитонъ принялся очень усердно за устройство новой команды своей, забрилъ затылки всемъ тѣмъ, у коихъ отъ какого-то природнаго недостатка каждая нота на духовыхъ инструментахъ выходила полу-тономъ выше или ниже, исключилъ также отъличнаго нѣкогда скрыпача, у котораго отъ чего-то руки дрожали до того, что онъ не могъ болѣе попадать смычкомъ куда ему хотѣлось—замѣнилъ бракъ этотъ молодыми парнями, на выборъ, и какъ русскій человекъ безотговорочно сдѣлается флейщикомъ, коли ему велятъ играть на флейтѣ, скрыпачемъ, коли велятъ быть скрыпачемъ.

плотникомъ, столяромъ, портнымъ, стекольщикомъ — если прикажутъ быть мастеровымъ, то Харитонъ Волковъ и набралъ въ самое короткое время полный числомъ оркестръ; приказалъ вытрясти изъ инструментовъ пухъ, перья, паутину, воробьиныя и мышиныя гнѣзда, и дѣло было въ порядокъ.

Но время въ Сумбуръ бѣжить скоро, особенно въ такую годину когда всѣ въ хлопотахъ, въ заботахъ; оно тогда только тянулось медленно и лѣнливо, когда на Сумбурцевъ находила холера, скука, то есть, когда въ городъ внезапно доставало картъ, а почталіонъ, которому со стороны мѣстнаго начальства было поручено привезти нѣсколько дюжинъ колоды изъ Москвы, ожидался по ходу почты не прежде четверга, къ тремъ часамъ по полудню. Въ такое отчаянное время припоминали Сумбурцы необыкновенные случаи виста, преферанса и бостона, случаи, встрѣчавшіеся тогда, когда Сумбурцы жили въ изобиліи и среди исполненія благотворительныхъ обязанностей своихъ не встрѣчали никакихъ препятствій; стоило только закричать: человекъ: столъ и карты! и все было готово. Въ глухую пору описаннаго выше недостатка, жили они воспоминаніями и утѣшая другъ друга теплою надеждой на будущее, говаривали: «Что, братъ, плохо? струменту вѣтъ? Погоди, вотъ въ четвергъ сядемъ за аматёрскую, удвоимъ кушъ, и ужъ натѣшимся! А помнишь ли ты, злодѣй, королемъ срезалъ дамочку мою, а? о злоковѣнный, злокачественный, подвель, какъ пить далъ подвель!»

Но я хотѣлъ-было только сказать, что время обыкновенно летѣло скоро въ Сумбуръ и роковой день настала прежде чѣмъ разсыльные наши успѣли раздать доверенные каждому изъ нихъ билеты. Какъ быть? Прибаутка взялся разъ быть покровителемъ концерта, жертвуетъ съ своей стороны сумму на освѣщеніе и другіе расходы: надобно постоять за себя и показати вы-

ручку достойную такого высокаго покровительства. Для этого немедленно приняты были въ составъ ходебщиковъ или разносчиковъ *любители*, народъ ретивый и готовый на все, лишь-бы только показать до какой степени жертвуютъ они собою для славы и чести одушевляющаго ихъ искусства. (№ 25). Къ числу этой западной силы принадлежалъ и грозный мужъ, который въ изступленіи своемъ лѣвою рукою предлагаетъ билеты, а правою приставилъ пистолеть въ упоръ къ груди отставнаго маіора. Бѣдный старикъ, покинувъ часть своего остова подъ Бородинымъ или Малымъ-Ярославцемъ, сколько ни пялить глазъ своихъ отъ изумленія и страху, не замѣчаетъ однако же, по-видимому, въ какомъ безнадежномъ положеніи грозное орудіе изступленнаго любителя музыки. А если бы отчаянный поборникъ концерта всадилъ бѣдному старику, ни съ-того ни съ-сего, пулю въ лобъ, то этотъ могъ бы рассказать на томъ свѣтъ, что битва на улицахъ Сумбура за билеты, была очень жарка. Но кто же любитель этотъ, рѣшившійся на такое крайнее средство, противное всѣмъ правамъ человечества, полицейскому уложенію и даже здравому смыслу? Это, почтенные читатели, человекъ, у котораго послѣдняго-то и недостаетъ вовсе; это сумбурскій поборникъ наукъ, искусствъ и художествъ, который только въ прохладные дни позволяетъ шутить надъ собою, и преподаетъ, какъ мы сказывали, въ это время всѣ науки комкомъ, предоставляя понятливымъ ученикамъ своимъ разматывать клубокъ этотъ, подбирать обрывки нитокъ и связывать, что куда слѣдуетъ; въ жаркій июльскій день, какъ сегодня напримѣръ, жена обыкновенно запираетъ его въ чуланъ и ставитъ ему вѣсть, когда онъ засыпаетъ. Это сумасшедшій бакалавръ. И такъ не мудрено, что онъ, ушедши какъ-то изъ-подъ опеки бѣдной хозяйки своей и попавши въ шайку любителей, взялся за дѣло съ такимъ усердіемъ, что закусивъ губу,

грозить положить на мѣсть отставнаго маіора, если лопь не возьметъ билета. Обстоятельство это по себѣ важно и послѣдствій никакихъ не имѣло; но мы не хотѣли упустить случая познакомить читателя лицомъ къ лицу съ сумбурскимъ ученымъ и учителемъ (въ прохладные дни) всѣхъ наукъ.

Но между-тѣмъ какъ мы съ вами взглянули на то, что дѣлается въ улицахъ Сумбура, какъ идутъ концертныя билеты и какъ за нихъ страждетъ человѣчество, вечеръ насталъ и съѣздъ начался. Въ такую торжественную минуту Сумбуръ нашъ почти походилъ на столицу, а крику, шуму и стуку было едва-ли не больше чѣмъ на съѣздѣ къ Александринскому Театру. Въ столицѣ при подобныхъ съѣздахъ всѣ равны, очередь даетъ порядокъ; я не знаю чья карета ѣдетъ впереди меня, чья позади, да и знать этого не хочу; въ Сумбурѣ напротивъ, кучера и выносные были приучены съ-молоду къ должному чинопочитанію; приучены не пускать впереди того, кто меньше по чину или мѣсту и не дожидаться у подъѣзду покуда одно семейство выйдетъ изъ кареты — если только сзади навѣжалъ старшій,—а гнать и давить всѣхъ безъ остановки. Вотъ почему и раздавались у подъезда непрерывные крики и ругательства: «пошелъ прочь, ты, чего стоишь! Провъжай, ты, провъжай! не видишь что ли, чья коляска?» и прочее. Нерѣдко, коли голосъ кучера и лакея не помогалъ, сами господа вмѣшивались въ этотъ разговоръ, что еще болѣе разнообразило бесѣду у подъезда.

Зала освѣщена, слушатели собираются; блескъ, наряды, шали, прически, шляпки, блонды, серьги, подвѣски, чепцы,—все снесено было на этотъ вечеръ въ одно мѣсто, въ залу Благороднаго Собранія, которой нѣмныя стѣны уже столько разъ на вѣку своемъ были нѣмыми свидѣтелями безконечнаго блеску, щегольства и роскоши въ нарядахъ сумбурскихъ барынь. Помѣщики всей губерніи, по случаю ярмарки, съѣхались въ Сумбуръ и

волею-неволею, явились на концертъ, съ фамиліею и семействомъ. Фамилія означать тамъ собственно супругу, и вотъ почему одинъ заѣзжій на чужбину Сумбурецъ, на лаконическій вопросъ генераль-губернатора: «Фамилія ваша?» отвѣчалъ простодушно: «осталась въ Сумбуръ, ваше сіятельство.»—Чиновники большою частію брали билеты въ долгъ, а купцы за наличныя деньги. Зала наполнилась, служитель порядка стоялъ на своемъ мѣстѣ, у боковыхъ дверей, впереди слушателей, а концертиста нѣтъ: видно немного замѣшкался; вотъ, вотъ идетъ.—Начинайте съ Богомъ, сказалъ Прибаутка, играйте что-нибудь: вѣдь и моихъ музыкантовъ можно послушать. Волковъ подумалъ — и спомандалъ сверхъштатную увертюру, чтобы занять слушателей до пріѣзду Віольдамура. Оркестръ Прибаутки настроилъ скрипки, потеръ смычки канифолью; Харитонъ Волковъ вышелъ, подавъ знакъ—увертюра шумно раздалась; Харитонъ зачастилъ рукою, удары волшебнаго жезла прерывались чаще и чаще, голова кивала, носокъ лѣвой ноги слегка слѣдовалъ этому движению, пальцы свободной руки также; отрывисто перкинулъ смычки въ послѣдній разъ по всѣмъ струнамъ и увертюра кончена. Віольдамуру давно пора выходить на свой амвоуъ, пора заговать на удивленіе людей чудесную арію, которая поставлена была, настоящимъ Волкова, во главу концерта.

Но бѣдный Віольдамуръ былъ въ эту минуту въ самомъ жалкомъ положеніи. Разошедшійся въ нухъ, какъ слѣдуетъ свѣтскому артисту, знающему долгъ свой, онъ сидѣлъ еще дома, въ шелковыхъ чулочкахъ и дамскіхъ башмачкахъ, и ждалъ чтобы покровитель его, Прибаутка, прислалъ за нимъ свою карету. Тотъ обвинялъ Прибаутка, и думалъ сдержать слово; но вышло иначе: онъ захопотался, забылъ, что концертистъ ждетъ кареты его и сидя какъ на жароуиъ, вертѣлся и безмякомился о томъ, что Христіана еще нѣтъ.

Между-тѣмъ Христіанъ, прождавъ до послѣдней возможности и взглянувъ съ отчаяньемъ на часы, долженъ былъ отправиться на концертъ пѣшкомъ, и еще бѣжалъ въ-припрыжку, чтобы не опоздать. Вечеръ былъ прохладный, воздухъ сыроватъ, а виртуозъ, одѣтый итальяски на распашку, въ короткихъ панталонахъ, митенцѣхъ и добѣжалъ въ-цопыхахъ безъ плаща. Ноги, на каменнъхъ колыбѣхъ, ему такъ и обдало холодомъ и сыростью; но онъ не обращалъ на это вниманія, а спешилъ въ концертъ.

Прибѣжавъ съ разгорѣвшимся лицомъ и съ холодными ногами, Віольдамуръ какъ только вошелъ въ теплую, ярко-освѣщенную залу, чихнулъ—ступилъ шагъ и чихнулъ снова; утеръ лицо платкомъ и сталъ искать глазами Волкова—и опять чихнулъ трижды сряду и не могъ ни шагнуть, ни ступить, ни оглянуться, чтобы не чихнуть; глаза запылали слезой, носъ залегъ, горло зудѣло—словомъ, шелковые чулочки въ прохладный вечерокъ дорого стали бѣдному Христіану; онъ хотѣлъ что-то сказать и чихнулъ снова; тутъ на бѣду еще поднесли ему понюхать какого-то губернскаго косметикъ, отъ котораго и здоровый носъ можетъ быть затикался бы до обмороку; а вельдъ затѣмъ кто-то, думая насоборить торю, поднесъ концертисту табакъ, увѣряя, что насморкъ отъ этого пройдетъ. Віольдамуръ вошедши въ это время на помость музыкантовъ, между-тѣмъ какъ Волковъ стоялъ въ томительномъ напряженіи впереди, и ожидалъ знака, чтобы ударить смычкомъ—бѣдный Віольдамуръ чихнулъ такъ, что едва устоялъ на ногахъ и махнулъ рукой, въ которой держалъ платокъ выше головы своей; Харитонъ Волковъ принявъ это за условный знакъ начать увертюру,—ударилъ жестомъ своимъ по партитурѣ—и шумный оркестръ ударилъ въ смычки; заревѣли басы, залились скрипки, олохоты и кларнеты—и не успѣлъ еще Віольдамуръ шагъ снѣ-

мниться, какъ увертюра кончилась, а ему пора, и край не пора запѣвать свою арію.

Если десятка два или три различныхъ музыкальных снарядовъ на разладъ заглушали досель многократное а-чхи! несчастнаго виртуоза, то онъ, напротивъ, лишаеъ внезапно этой защиты и покровительства, вслѣдъ за окончаніемъ увертюры, при всеобщей тишинѣ и ожиданіи, разразился снова въ глубинѣ оркестра исполнскимъ а-а-чхи! въ полное всеуслышаніе. Зрители и слушатели на этотъ разъ привѣтствовали такое неожиданное заключеніе увертюры громкимъ хохотомъ губернаторъ поморщился, а Прибаутка въ какихъ-тѣ суетахъ, глупо улыбаясь, пялилъ глаза, стараясь проникнуть сквозь густую толпу музыкантовъ своихъ да самаго чихателя, стоявшаго еще позади оркестра.

Но Христіану дѣваться некуда, люди съѣхались, ждуть, надо выходить и запѣвать бравурную арію (№ 26) Скрѣпивъ сердце онъ вышелъ, поклонился вмѣстѣ съ поклономъ опять грянулъ, какъ изъ карманнаго пистолета: чхи! такъ, что, по-близости публики этимъ ударомъ нагналъ страхъ на первые ряды кресель. Харитонъ Волковъ, желая заглушить эти неумѣстныя междометія и вывести артиста изъ томительнаго положенія, поднялъ волшебный жезлъ свой, оркестръ опять ударилъ въ смычки и коротенькое вступленіе въ арію было кончено прежде чѣмъ пѣвецъ успѣлъ выхватить снова платокъ изъ кармана. Чхи—и—чхи,—чхи—только и слышало собравшееся общество, какъ-будто въ этихъ носовыхъ и гортанныхъ звукахъ заключалась вся арія несчастнаго пѣвца и будто городъ собрался только послушать, какъ онъ мастерски чихаетъ.

«Это однако же ни на что не похоже,» сказалъ губернаторъ сидѣвшему за нимъ Прибауткѣ; а Прибаутка ни живъ и ни мертвъ, и самъ не зналъ какое прибрать извиненіе и оправданіе, и проклиналъ всю затѣю, ко-

что-нибудь не доброе, о чемъ порядочные люди въ благородномъ домѣ не говорятъ. Что же Христіанъ мой теперь дѣлаетъ? Стыдно, въ самомъ дѣлѣ, что я не видалъ его о сю пору.... А за что на него сердиться? пойду къ нему, размыкаемъ вмѣстѣ горе свое.

Вотъ что привело Волкова къ Віольдамуру; добрый отъ природы, хоть и горяченекъ и скоръ и легокъ—и онъ хотѣлъ подать другу своему дружескую руку—и пришелъ не впопадъ, какъ незваный Татаринъ.

Мы видѣли въ какомъ разстройствѣ былъ Віольдамуръ: онъ кинулся отъ окна опять къ дивану, уналъ ничкомъ, закрывъ лицо руками; потомъ вдругъ вскочилъ и сталъ поспѣшно одѣваться. Въ это время вошелъ Волковъ. Онъ не добился ни одного толковаго слова, ни отвѣту, ни привѣту. Блѣдное, разстроенное лицо, дикій взглядъ, отрывистые отвѣты или упорное молчаніе, отчаянная суета и торопливость во время одѣванья—вотъ все, что видѣлъ и слышалъ Волковъ. Онъ остановился наконецъ среди комнаты, сложилъ руки на груди и глядѣлъ молча на Віольдамура, думая про себя: онъ помѣшался. Христіанъ выбѣжалъ изъ комнаты, не удостоивъ друга своего даже взгляду. Ему было не до него.

Харитонъ вызвалъ Семена и сталъ его спрашивать; но кромя разсказа о вечерней попойкѣ, о творогѣ съ мѣломъ и о табачномъ сокѣ, не могъ вывѣдать ничего. Семень занесъ—было еще кое-какую дичь, но Харитонъ вышелъ, не дослушавъ Семена, и пошелъ за другомъ своимъ, узнать что съ нимъ и куда онъ идетъ.

Віольдамуръ побѣжалъ, какъ безумный, вслѣдъ за увлекавшимъ его магнитомъ, закутавшись въ плащъ и воображая, какъ двухлѣтній ребенокъ, что его никто не узнаетъ. Эта была одна изъ тѣхъ минутъ въ жизни человѣка, гдѣ онъ выше—или ниже, не знаемъ какъ сказать—всякаго вліянія разсудка и здраваго смыслу;

онъ увлекается однимъ безотчетливымъ чувствомъ, какъ рокомъ и нѣтъ безразсудства, нѣтъ дурачества, котораго бы онъ не сдѣлалъ; нѣтъ жертвы, которой бы онъ не принесъ, для достиженія самой ничтожной и часто безмысленной цѣли.

Віольдамуръ остановился передъ тѣмъ же крыльцомъ, куда, судя по послѣднему отпазу, входъ ему былъ запрещенъ; съ отчаяннымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на крыльцо и на занертую дверь, на ручку железколытика, которая была тутъ придѣлана для всамаго, только не для него. Ему нѣтъ входу въ эти заповѣдныя покои, подъ эту угрюмую кровлю, которая казалась ему прежде веселою, привѣтливою, отличаясь для глазъ его изъ-дали между другими кровлями какими-то магическимъ свѣтомъ. Віольдамуръ подумалъ еще съ минуту—взоръ его упалъ на окно передней, гдѣ стояла шляпа провожатаго Настеньки, въ родство котораго съ нею Христіанъ такъ плохо ввѣрилъ—Аршеть первый взбѣжалъ на знакомое ему крыльцо, поглядывалъ лукаво на барина своего, махая хвостомъ, потомъ сѣлъ на корточки у самыхъ дверей, во ожиданіи, что ихъ отворять.... и Віольдамуръ нослѣдовалъ за нимъ, самъ не зная для чего (№ 39); сердце у него начало стучать вслухъ, дыханіе занялось: онъ пригнулся, опустилъ бережно шляпу свою на полъ, съ жадностію приложилъ ухо къ дверямъ, сталъ приглядываться въ замочную скважину и досадуя на ключъ, который воткнутъ былъ снутри, въ забытій шевелилъ и перебиралъ пальцами по воздуху, желая устранить досаждавшее ему препятствіе...

Между-тѣмъ двоюродный братъ, котораго родословную разбирать не станемъ, бесѣдовалъ, развалившись на креслахъ, съ хлыстомъ въ рукахъ, такимъ образомъ:

— Нѣтъ, сестрица, вы пожалуйста не слушайте моего любезнаго дядюшки, а вашего батюшки: онъ человекъ служебный, дѣловой, принимаетъ для вѣсту

вслухъ людей въ домъ, и думаетъ, что такъ можно поступать и въ другихъ отношеніяхъ; итъ, бросьте окончательно этого булочника, Христіаньча; недовко съ нимъ возиться. Онъ теперь такъ упалъ въ общемъ мнѣніи...—Не безпокойтесь, братецъ, уговаривать меня; я его ненавижу. Приторный, ахъ какой приторный, и какой дерзкой, вы не повѣрите! Притомъ онъ себя уранилъ въ общемъ мнѣніи, его разоблачили и всѣ разочарованы; вся игра его одно шарлатанство; онъ пылъ въ глаза пускаетъ, больше ничего; прѣхалъ изъ столицы и воображалъ, что можетъ дурачить всѣхъ, сколько ему угодно. Вотъ, на примѣръ, посмотрите, этотъ пассажъ.... она подошла къ фортепіано, стала объяснять братцу въ немъ именно состояло шарлатанство Віольдамура; братецъ старался пособить ей вышутаться изъ этого непосильнаго предпріятія; вышла мать, которая одѣвалась всегда, по заведенному порядку, двумя насами позже дочери, вышла также въ разговоръ, подтвердила положительное приказаніе не знаться больше съ этимъ скоморохомъ и не слушаться Ивана Онуфріевича, который полагалъ, что итъ еще достаточныхъ причинъ для преданія Віольдамура анафемѣ. Братецъ просилъ сестрицу снѣтъ предестиній романсъ: «О поколику мнѣ кручина!»—и сталъ ей вѣрить не своимъ голосомъ, то подымаясь выше лѣсу стоячаго—для чего, въ помощь, упирался обѣими руками на спинку стула и становился на дыбы; то ниже облака хлячаго, пригибая голову на бокъ и стараясь всѣми силами выжать изъ беззвучной плавки своей что-нибудь похожее на басъ. Если усилія его и были тщетны въ отношеніи музыкальномъ, то по крайней-мѣрѣ въ другомъ смыслѣ не остались безъ послѣдствій; бѣдный Віольдамуръ и такъ уже стоялъ какъ на жаровнѣ—ревность и нетерпѣніе сѣмьдла его—вдругъ слышитъ онъ два голоса, крикливый и фальшивый мужской, и вѣжнѣй, ему давно знакомый жецъ.

скій, отъ котораго задрожали въ немъ всѣ жилки.... Черезъ минуту общая тишина—невнятный говоръ едва только доходилъ до слуха его. Тутъ какая-то небольшая ссора лакеевъ въ передней за картами заглушила воее долетавшіе до него звуки.—Съ отчаяньемъ приложилъ Христіанъ еще разъ глазъ свой къ замочной скважинѣ, надѣясь всё-еще проникнуть въ какую-нибудь щелочку подъ бородкой ключа—какъ положеніе внезапно измѣнилось, самымъ жестокимъ и неожиданнымъ образомъ. Братецъ, поцѣловавши ручку сестрицы, раскламляя, скорыми шагами отправился въ переднюю, на-ходу всё-еще прощался и повторялъ обещанія свои навѣдаться опять утромъ, и въ ту минуту какъ Христіанъ жадно вслушивался въ громкій разговоръ этотъ и въ романсъ, который братецъ снова затянулъ: рѣшительная рука пѣвчаго съ такою силою толкнула и растворила дверь, что мѣдная ручка замка расняюцила и, такъ сказать, уничтожила несъ несчастнаго соглядата (№ 31). Онъ перекувырнулся задомъ и даже въ этомъ отчаянномъ положеніи удержался съ трудомъ только, упершись рукою о верхнюю ступеню крыльца.

Въ первую минуту братецъ испугался—было немного, увидѣвъ передъ собою челоуька лежащаго наивничъ, съ окровавленнымъ лицомъ, —потомъ ему сдѣлалось очень смѣшно, и только Аршетъ, который ворчалъ, лаялъ и кидался на обидчика своего барина, заставилъ брата пріосаниться нѣсколько и отерочивъ смѣхъ свой, начать перебранку съ собакой.—Извините, Бога ради, Христіанъ Христіановичъ, началъ онъ, и потомъ продолжалъ: — кушь, Аршетъ — Аршетъ! Тубо, тубо! — Извините, ради Бога, я никакъ не могъ полагать, что вы здѣсь, и въ самую эту минуту.... Аршетъ! нси! о, добрый мой Аршетъ, что ты: не узналъ меня? — Христіанъ Христіановичъ! встаньте, позволете, я помогу вамъ.... Васья, поставь корзину съ су-

харями, дуракъ: помоги Христіану Христіановичу — сказалъ онъ казачкѣ Настеньки, которой подошелъ и глядѣлъ разинувъ ротъ. Полно, Аршетъ, что ты: взбѣ-
слся, что ли? Воля ваша, онъ укуситъ меня, не дастъ
мнѣ приступиться къ вамъ.....

Между-тѣмъ люди Травянкиныхъ сошлись, Віольда-
муръ опомнился и всталъ. Настенька, услышавъ ка-
кую-то суматоху, взглянула-было въ дверь и въ ту же
минуту съ ужасомъ отступила;—опомнившись, Хри-
стіанъ принужденъ былъ итти въ людскую Травянки-
ныхъ, на дворъ, и омыться тамъ — а потомъ зажавъ
носъ платкомъ кое-какъ, пошелъ домой. Ударъ при-
шелся такъ ловко, что кровь долго еще нельзя было
остановить и все лицо раздуло. Сенька предлагалъ ба-
рину своему нѣсколько прекрасныхъ средствъ, и меж-
ду прочимъ приложить жеванной травы деревьевъ или
кашка; рассказывалъ также о знахарѣ, который съ-разу
заговаривалъ всякую кровь, и жильную и черную.

Провозившись весь день съ носомъ, Христіанъ къ
ужасу своему видѣлъ, что онъ пухъ всё болѣе, увле-
кал за собою въ одинъ огромный волдырь почти все
лицо. Не столько боль, сколько досада и стыдъ сдѣ-
латься отнынѣ посмѣшищемъ цѣлаго Сумбура—отъ ко-
торого подобный случай никакъ не могъ утаиться—
приводилъ Христіана въ отчаяніе. Онъ послалъ за
другомъ своимъ, и Волковъ пришелъ;—взаимныя от-
ношенія ихъ, какъ мы видѣли, начинали путаться и
во всякомъ случаѣ первое объясненіе было бы томи-
тельно, вѣроятно для обоихъ—и потому, если во вся-
комъ худъ искать добро, то разбитый носъ Христіана
не остался безъ полезнымъ послѣдствій; жалкое по-
ложене, въ какомъ Волковъ нашелъ друга своего,
устранило всякое объясненіе о прошедшемъ, и добро-
душный Харитонъ сейчасъ же послалъ за докторомъ.
Этотъ прописалъ рецептъ на полулистѣ, велѣлъ по-

слать за пивками, обнималъ быть черезъ часъ и сдержалъ слово.

Вотъ онъ—(№ 32) сумбурскій эскулапъ и строгій дѣтятикъ, какъ показываетъ самая наружность его: ни спины, ни груди, ни живота—только фракъ на шпиковатыхъ панталонахъ, костлявыя руки, маленькая плѣшивая головка, шляпа съ низенькою тульей и суковатая палка;—вотъ вамъ весь сумбурскій докторъ. «Безъ строгой діеты ни шагу»—была любимая поговорка его—«заливай огонь сколько хочешь, но подливай въ то же время масла, всё будетъ горѣть». Только чернѣй кофе и хорошее венгерское вино позволялъ онъ пить во всѣхъ болѣзняхъ, потому что самъ до того и другаго былъ большой охотникъ. Сюда, говорить онъ: на переносе, да на самый кончикъ носу,—еще по пивочкѣ.... и двое мальчишекъ изъ циркульной стараются усердно, привѣшиваютъ Христіану въ запуски милловидныя серѣжки свои къ новорожденному набалдашнику; между-тѣмъ какъ бѣдный Христіанъ морщится, и щурится, Аршетъ съ недоувѣрчивостію обнюхиваетъ банку съ пивками, а огромный запасъ лекарствъ въ стклянкахъ всѣхъ размѣровъ, ожидаетъ смиренно очереди своей, которая наступитъ, какъ полагать должно, послѣ пивокъ.

Положимъ, что докторъ спасъ жизнь раненному, не менѣе того однако же, Христіанъ просидѣлъ дома недѣли двѣ. Впродолженіи этого времени Волковъ не покидалъ его, и раздѣлавшись окончательно съ Прибауткой, котораго громкія затѣи лопнули вмѣстѣ съ надеждой быть предводителемъ, Харитонъ проводилъ большую часть дня у друга своего, и тутъ они судили, рядили, горевали и придумывали что дѣлать,—вмѣстѣ. Волковъ намѣренъ былъ вхатъ домой, въ Петербургъ, а Виольдамуръ удерживалъ его, всѣми силами уговаривалъ, потому что не зналъ куда дѣваться и безъ Волкова остался бы въ самомъ жалкомъ одиночествѣ.

Волковъ рѣшился остаться еще на-время и оглянуться, не найдетъ ли сподручное мѣсто, а между-тѣмъ ожидать отвѣта отъ отца.

Какъ Волковъ, такъ и Вольдамуръ похождениями своими были невольно наведены на болѣе дѣльное размышленіе о себѣ и о будущности своей. Волкову впрямь нечѣмъ было себя утѣшить; отставку свою принимая онъ, по справедливости, случаю и причудамъ вадорнаго человѣка; но онъ усердно старался направить друга своего на путь истины, представляя ему со всюю откровенностію картину безпутной его жизни. Христіанъ, правда, морщился при этомъ немножко, какъ отъ шпавонъ, но слушалъ, сидя съ распухшимъ и перевязаннымъ лицомъ, и съ трудомъ только давая малословные отвѣты. Онъ опомнился при нынѣшнемъ несчастіи положеніи своемъ, повинился въ дурачествахъ своихъ, навинялся молодостію, пылкію, неограниченною любовью къ своему искусству; обѣщалъ посвятить себя ему еще исключительно прежняго, искать въ немъ единственное утѣшеніе, но быть умнѣе, не связываться съ людьми. И потому, когда строжайшій дѣтетикъ предписалъ ему наконецъ, уединенныя прогулки, для окончательнаго излеченія контузіи, то Христіанъ, какъ послушный больной, отправлялся ежедневно въ назначенный часъ, когда по часамъ надвинувъ шляпу на глава, и не смотря ни на кого (№ 33), потомъ садился въ лѣсокъ, на оврагъ, который въ воображеніи своемъ пересоздавалъ въ хрустальный ручей и уносился мысленно за звуками гитары или кларнета; но чудакомъ вздумалъ во время прогулокъ этихъ навьючивать инструментъ на своего Аршета, обращая тѣмъ еще болѣе вниманія на себя по улицамъ Сумбура, и становясь типичнымъ образомъ потыничкомъ цѣлаго города. Я сравниваю уже общество этого города со стаей благородныхъ птицъ, которая, какъ извѣстно, по природѣ

своей, грѣха на душу не беретъ, на живность не кидается; — но зато если кто свалится, то охотно выклеываетъ глаза и насыщается плотію погибшаго. Вотъ какая участь угрожала бѣдному Христіану.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было жалкое. Ннзринутый внезапно горькою существенностію съ созданнаго воображеніемъ седьмаго неба, Христіанъ очутился въ преисподней, самъ не понимая какимъ образомъ. Всѣ сладкія грезы его улетѣли, осталась одна насмѣшка, презрѣніе и нужда; — наслѣдіе все было прожито, а нажито вновь ничего, кромѣ-того, что всякій наживалъ въ Сумбурѣ: взаимныя долговъ и начетовъ. Разница была только та, что Христіанъ долженъ былъ портному, лавочникамъ и хозяину квартиры, а, слѣдовательно, едва-ли могъ отдѣлаться безъ уплаты—тогда какъ ему задолжали ученики и ученицы, которыхъ папеньки и маменьки кончили всѣ расчеты отказомъ учителю, на котораго внезапно прошла мода. Ни въ чемъ не зная мѣры, Христіанъ показалъ въ Сумбурѣ сверхъ-того расположеніе къ музыкѣ особеннаго роду, извѣстной подъ названіемъ стеклянной; съ вечеровъ и пріятельскихъ пиршествъ его нерѣдко привозилъ домой чужой кучеръ, стучалъ, по сумбурскому обычаю, кнутовищемъ въ ставень и кричалъ: «Семень! а Семень! поди, возьми барина своего....» или же его укладывали тамъ, гдѣ у него отнимались языкъ и ноги. Въ Сумбурѣ это не только прощалось многимъ, если они умѣли заслужить имя *добраго малаго*—но даже нѣкоторымъ служило если не въ похвалу, то въ похвальбу и особенную славу; Христіану же это поставлено было въ большой порокъ, и между множествомъ почетныхъ прозваній, которыя въ короткое время Сумбурцы успѣли надавать Віольдамуру, числилось также прозваніе *сула*. Словомъ, бѣдный Христіанъ внезапно увидѣлъ себя отчужденнымъ отъ общества, вообразилъ, что и

не нуждается въ немъ, а можетъ отплатить ему презрѣніемъ, включивъ въ общество это также невѣрную свою, Настеньку Травянкину—и затѣмъ посвятить себя исключительно своему искуству. Чувствуя однако же, что въ благомъ намѣреніи этомъ какъ-то мало смысла, Христіанъ утѣшалъ себя тѣмъ, что этия же путемъ, то есть, музыкой, которой никто не услышитъ, онъ пріобрѣтетъ что-нибудь, и получивъ плату за прежніе уроки, раздѣлается съ должниками и тогда уже распростиется съ Сумбуромъ. Волковъ соболѣновалъ о другѣ своемъ, но почти не видѣлъ средства помочь ему; при всей пылкости Харитона, въ немъ было нѣсколько болѣе благоразумія и онъ понималъ, что Христіанъ ведетъ себя ужасно бессмысленно—и понять это было, конечно, не мудрено.

Въ этомъ безтолковомъ поведеніи героя нашего, между прочимъ убѣждаетъ насъ и взглядъ на то, что онъ теперь дѣлаетъ. Механическія затрудненія игры его одолѣли; терпѣніе лопнуло, отчаяніе овладѣло художникомъ. Давно уже Христіанъ утверждалъ, что музыка умышленно затруднена цеховыми и присяжными музыкантами; что генераль-басъ, контра-пунктъ, различныя ключи и вся теорія музыки — нелѣпая выдумка; что все это ни къ чему не ведетъ, изобрѣтено съ лукавою цѣлію запутать и затруднить изученіе искусства для всосвященныхъ, служить, такъ сказать, однимъ только масонскимъ, условнымъ знакомъ между цеховыми мастерами, которые и сами тутъ ничего не понимаютъ, кромѣ ханжеской, своекорыстной дѣли, сдѣлать цехъ свой недоступнымъ для другихъ. Разсуждая тѣмъ же путемъ, Христіанъ утверждалъ также, что наружная форма музыкальныхъ инструментовъ слишкомъ затѣлива, перехитрена, и что по этой причинѣ инструменты съ херонимъ тономъ такъ дороги и рѣдки. Двѣ скрипки, которыя по наружности почти не отличаются другъ отъ друга, стоятъ — одна сто, другая тысячу рублей;

отчего? оттого что одна вышла на-удачу, отавшюю, другая напротивъ, по той же причинѣ, весьма плохую. (№ 34) Въ принадлежъ такой ненависти и въ духъ преобразователя, Христіанъ, разсвирывивъ, разбилъ въ-дробь виолончель свой; съ которымъ не могъ сладить; возманившись сдѣлать виолончель и скрипку своего изобрѣтенія и между прочимъ прибавить на нихъ и пугую струну, чтобы не мучился безмолвней шмыкатурой. Бѣдный Аршетъ, глядя со страхомъ на разъяреннаго барина своего, который безжалостно молотилъ виолончелью въ-лицо—какъ тараномъ въ стѣну—Аршетка спрятався за шкрякъ, и продолжалъ съ беспомощнымъ и недоувѣренностію коситься на барина—въ которомъ онъ уже не узнавалъ болѣе прежняго Христіанки.

Несмотря на дружбу свою съ Волковичемъ, Христіанъ однако же въ подобныхъ предпріятіяхъ тайно нѣсколько отъ него—и не отпуская его изъ Сумбура, невалъ и чуждался его въ одно и то же время. Съ другой стороны, безусловное уваженію Волкова къ другу своему нечесто: онъ видѣлъ въ немъ уже весьма обыкновеннаго чловѣка съ большими недостатками, любилъ его, но сомнѣвался, выйдетъ ли изъ него когда-нибудь нутное. Онъ давно уже пересталъ поддѣкивать ему оливо, и часто спорилъ, доказывая, что другъ его несетъ чепуку. Поэтому бакалавръ сумбурскій, сумаошадшій профессоръ нѣсколькихъ семинарій, былъ иногда гораздо снѣдрутнѣе для Христіана и они нерѣдко просиживали вѣсть цѣлыя ночи за весьма учеными бесѣдами. Христіанъ изложилъ ему однажды убѣдительно и прасморачиво мысли свои о теоріи музыки и о постройкѣ музыкальных орудій, пускаясь въ желныя сужденія объ акустикѣ; и бакалавръ поддериалъ новаго друга своего съ большимъ жаромъ, заговорилъ такъ красно, съ такою необъятною ученостію, что Христіанъ сдѣлалъ развѣсивъ уши, разинувъ ротъ и только кивалъ головою, въ знакъ своего согласія.

— Один только древніе Греки и Римляне понимали истинную силу музыки—сказалъ бакалавръ: они приписывали изобретеніе ея богамъ. Гораций говоритъ въ тридцать первой одѣ, посвященной лирѣ: *O decem Phœbi, ... o laborum dulce lenimen, mihi siquæ salve, rite vocanti...* И кринны сельскіе воспѣваютъ величественно благодѣяніе Создателя; почему, если подлежащее двойственному числа, то и сказуемое должно быть въ томъ же числѣ. Гдѣ музыка? музыка всюду: одиночная, двойственная, тройственная, множественная. *Quid est logica? Ratio quid?—Mena sana?* Участъ всякаго изъ насъ привязана къ глыбѣ земли—душа воспринимаетъ, ликуетъ, поетъ и рукоплещетъ; смиряйся въ возжелѣніяхъ своихъ, углубись въ себя и пой, пой сердцемъ, какъ поетъ нѣтухъ; исторія древняя, исторія средняя, исторія новая, исторія новейшая—а что? опять сначала, опять древняя, времена бабьёлюбивыя, доисторическія; возьмите скрипку, развѣ она не говоритъ? право говоритъ, и чисто, что хочешь, тебѣ и скажетъ—только тихонько веди смычкомъ, чуть-чуть, а то и закричитъ: ты дуракъ, ты дуракъ, и все мы дураки. Географія безумствуетъ, это очевидно; Катувъ вторую пѣснь свою сочинилъ на воробья и его выхваляетъ; ясное доказательство, что встарину и воробьи пѣвали по-соловьиному; а Цинтія, о которой Проперцій говоритъ въ первой элегій своей: она явнымъ образомъ чиррикала хуже воробья. Ювеналь когда жилъ? а вѣдь онъ уже смѣялся надъ нами; онъ первую сатиру свою начинаетъ словами: *«Semper ego auditor tantum?—вѣчно ль я буду аудиторомъ, то есть, безъ произведенія въ чины или званія;—Ювеналь тоже безумствуетъ, онъ музыкантъ созерцательный, какъ Ассиріине, Мидяне, Вавилоняне, Халдеи, Іудеи, Евреи—все злоды!*

Речь бакалавра, сказанная съ такою твердостью, самоуверенностію и съ такимъ жаромъ, убѣждая Кристи-

она еще болѣе въ необходимости преобразовать всю теорію и практику музыки, применивъ къ тому новые законы акустики, которые Віольдамуръ только-что собирался открыть. Относительно знаній вообще, наукъ, Віольдамуръ никогда не выходилъ изъ ребячества. Не получивъ надлежащаго образованія, не поучившись хорошенько тому, что люди знали до него, онъ считалъ все то, что самъ видѣлъ или слышалъ впервые, новостью, и потому изобрѣтеніямъ его на этомъ поприщѣ не было конца. Вамъ, можетъ-быть, случалось слышать, что у насъ одинъ почтенный мужъ посадилъ какое-то зерно въ землю, наблюдалъ съ любопытствомъ какимъ образомъ оно раздвояется и пускаетъ ростокъ, и считая это новымъ открытіемъ, напечаталъ описаніе, ничтожное, по недостатку научныхъ познаній въ ботаникѣ—и приложилъ рисунокъ, не вѣрный, по той же причинѣ.

Столы и полъ въ комнатахъ Христіана покрылись чертежами новаго роду скрипокъ, виолончелей и смычковъ; нѣтъ той безсмыслицы, которую бы Христіанъ не придумывалъ для усовершенствованія инструментовъ и облегченія игры, а между-тѣмъ, когда порой любовишка и отчаянье били ему въ голову, какъ смѣсь шипучаго шампанскаго и пригорѣлой сивухи, то онъ, для успокоенія души своей и примиренія двухъ враждебныхъ началъ, прибѣгалъ къ бутылкѣ сумбурской мадеры, въ которую сливались поддонки и остатки всѣхъ возможныхъ винъ, и разнородная смѣсь эта доставляла Христіану хотя то утѣшеніе, что онъ на-время забывался.

Въ Сумбурѣ жилъ какой-то злополучный фортепьянный настройщикъ, обратившійся исподволь въ такъ-называемаго фортепьяннаго мастера. Это былъ Нѣмецъ, сосланный, по одному несчастному случаю на поселеніе, возвращенный наконецъ какимъ-то ходатайствомъ изъ ссылки, но съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу,

почему и поселился въ Сум буръ. Краусмагенъ никому не хвалился похожденіями своими, которыя рассказывались другими различнымъ образомъ, но сущность состояла въ томъ, что онъ дозволилъ себѣ недопозволенную самохранную защиту, противъ своевольнаго, хотя и шивознаго служителя порядковъ, какъ увѣрили, закоренялаго ненавистника Нвмцовъ. — Краусмагенъ о сѹ пору, а тому прошло уже много времени, полагалъ, что онъ былъ правъ, и утѣшался этимъ, посѣдѣвъ на чужбинѣ, гдѣ настраивалъ и чинилъ фортеціано и давалъ иногда уроки въ музыкѣ. Христіанъ уговорилъ Краусмагена сдѣлать какую-то угловатую скрипку, своего изобрѣтенія, другую кузовкомъ, съ широкой плтвой, смычокъ съ крючковатымъ носкомъ на пружинкѣ; но не довольствуясь этимъ, требовалъ теперь, чтобы Краусмагенъ передвѣлалъ старый рояль, по указанію Христіана, на десяти-октавный. Десять октавъ! воображите какая роскошь! Глухіе звуки крайнихъ октавъ, конечно, не могли быть отличены одинъ отъ другаго и Краусмагенъ предсказывалъ и доказывалъ же это Христіану напередъ; но тотъ, помышлявшійся разъ на такомъ изобрѣтеніи, отъ котораго ожидалъ пересворота во всей музыкѣ, не давалъ Краусмагену покоя, сидѣлъ у него день и ночь на шеѣ и настоялъ наконецъ на своемъ.

Вы видите одинъ изъ первыхъ опытовъ Христіана на знаменитомъ роялѣ (№ 35). Художникъ нангъ катится передъ инструментомъ на рельсахъ, какъ-будто отправляется въ Царское Село, а ноты, само собой разумится, возить съ собою, иначе не по чемъ было бы играть; для этого привѣсилъ онъ ихъ на дугѣ къ головѣ своей. Упряжка эта очень замысловата и зрители и слушатели ей удивляются, разинувъ ротъ, разинувъ уши. Харитонъ Волковъ, какъ видите, принадлежать къ первому разряду, то есть, слушаетъ и удивляется разинувъ ротъ; самоучитель Французъ на-

противъ и Аршетъ ко второму: они слушаютъ развѣсивъ уши. Господинъ Неизвѣстный, по благообразію маленькихъ ушей своихъ, не въ состояніи измѣнить ихъ положенія, а заткнувъ ротъ, по обыкновенію своему, сигаркой, по-неволѣ подтянулъ и губы; четвертый олушатель, знакомый намъ уже по лицу, если и не по прозванію, развѣсилъ напротивъ, вмѣсто ушей; губы свои, и надивившись вдоволь, никакъ собираетъ ея вздременуть.

Христіанъ Христіановичъ не забылъ вырвать на бляхъ, прибитой къ передней доскѣ рояля, имя свое. Не знаю къ чему предосторожность эта могла слушаться въ Сумбуръ, гдѣ и безъ того великій зналъ, что Краусмагенъ работаетъ для *Суслы*, рояль вдвое шире обыкновеннаго—и этимъ свѣдѣніемъ добрые мои Сумбурцы удовольствовались; они напередъ знали, какъ люди прорзорливые, что изъ всего этого выйдетъ одна только потѣха, и узнали не потому, чтобы понимали дѣло, а потому что Христіанъ поналъ равъ къ нимъ на зубокъ, а соскочить ему въ Сумбуръ не дадутъ. Сумбурцы мои не измѣняли никогда мнѣнія своего о немъ такъ, если только мнѣніе это было дурное; въ противномъ случаѣ оно мѣнялось при первомъ слухѣ, какъ Христіанъ испыталъ это самъ надъ собою. Сумбурцы всѣ, отъ мала до велика, знали впрочемъ еще болѣе подробностей объ этомъ изобрѣтеніи, болѣе чѣмъ можно было вычитать на вывѣской бляхъ агглюманъ въ какомъ-либо другомъ примѣтѣ: они знали уже и то, что Христіанъ кутитъ не въ свою голову, что за уголокъ скринки отдалъ Нямму три кларнета и сюртукъ, что упустилъ бѣднаго Краусмагена переѣзжать рояль въ долгъ, уверивъ его разными доводами, что непременно вексоръ получитъ деньги и расплатится. И такъ, вошь чему по-крайней-мѣрѣ Христіанъ научился въ Сумбуръ: надувать людей; ему оборотъ этотъ такъ понравился, что онъ, по примѣру достойнѣйшихъ

лицу этого города, метался туда и сюда къ бывшимъ
пріятелямъ своимъ, желая занять сколько-нибудь на-
личными деньгами; но Сумбурцамъ показалось это
смысленнымъ, въ чемъ и мы на этотъ разъ должны съ ни-
ми согласиться; — а тѣмъ, которые сами задолжали
Христіану по дружбѣ и по службѣ, то есть, брали у
него въ бывалыя времена, по пяти и по десяти руб-
лей займы, или же проиграли ему сотенку въ кар-
ты и задолжали за уроки, эти люди, гдѣ-то, нахо-
дясь напоминаніе Христіана раздѣлялись съ нимъ, про-
сто непринципнымъ и рассказывали объ этомъ другъ
другу смѣючись, какъ о новомъ доказательствѣ, что
Христіанъ всё-еще въ бѣдѣ горячкѣ. Такимъ образомъ
Христіанъ поставленъ былъ частію самъ собою, ча-
стію людьми въ довольно неприятное положеніе; не-
состоятельность его, огласившаяся довольно скоро,
привлекла цѣлый рой заимодавцевъ всякаго разбору
(№ 36), а Христіану не оставалось ничего какъ сто-
ять передъ ними кончивая плечами, разводя руками
и приговаривая разными невнятные рчи. Новозо-
бритая сиринка подъ мышкой и смѣчекъ, переко-
лащій во время разговора изъ рукъ въ руку; пока-
зывали сильное омушечіе, въ которое бѣдный и бо-
родковій гонимъ поставленъ былъ: мажальными требо-
ваніями различинная. Вспреди всѣхъ довольно ем-
ко наступалъ человекъ, надъ лавкой котораго была яв-
ственная надпись: «овощная, мыльная и фруктовая
лавка, бакалейный товаръ и свѣчи». Этотъ человекъ,
виднво, держитъ конуда еще тѣло свое въ до-
вольно почитальности положеніи, но бородой метра-
пшавъ самымъ неприятнымъ образомъ и рчи испу-
скаетъ довольно грубыя: зина, по примачкѣ, кланяет-
ся, но борода грубинитъ. Увѣряя, что въ убытокъ
торговать нельзя, и съмыаясь въ этомъ на плотнаго
Федулова, у котораго Христіанъ собиралъ сукно и
другой аршинный товаръ, передою бородать едлами

не даетъ бѣдному Христіану острастку, обладавшая
его, что-де «на вашего брата можно еще найти судъ,
не больно ужъ вы-де большой человекъ; коли такіе
станутъ обижать нашего брата, такъ это хоть въ зем-
лю ложись», изъ чего вы и можете заключить, что хо-
зяинъ бакалейной и свѣчной лавки есть коренной Сум-
бурецъ, который полагаетъ, что большому человеку
можно и не платить долговъ своихъ, тогда какъ это
есть непреминная обязанность маленькаго человека.
Федуловъ поддакиваетъ,—но самъ мало пускается въ
обстоятельный разговоръ, изъ опасенія прикусить се-
бѣ языкъ, потому что Федуловъ нашъ занка. Онъ въ
разговоръ особеннымъ образомъ прицеливался язы-
комъ, почему въ Сумбуръ и была постоянно въ оборо-
тѣ острота, что Федуловъ жалеть товаръ отдава-
емый покупателю и съ трудомъ только съ добромъ
своимъ расстаётся. Если Федуловъ, по обычаю своему,
щелкалъ языкомъ отпуская товаръ на Христіана, то
вѣщее его не обмануло; было о чемъ жалеть; едва-ли Фе-
дулову не придется, также по давнишнему обычаю его,
разложить товаръ этотъ на другихъ, болѣе исправныхъ
плательщиковъ, потому что опять-таки въ убытокъ
торговать нельзя, и если одинъ не платитъ, то надо
выручить деньги съ другаго. О салонницѣ, которая
выходитъ въ дверь, потерявъ видно всякую надежду
на удовлетвореніе, вѣроятно довольно скромныхъ тре-
бованій своихъ, говорить не станемъ; не понимаешь,
какіе у нея могутъ быть съ нимъ счеты, если это не
швей или не прачка; одна изъ нихъ раба, другая
курносая, а какъ тутъ лица не видать, то и нельзя
рѣшить сомнѣнія. Но четвертый иступъ-наступ-
никъ или левъ-обидчикъ заслуживаетъ болѣе внима-
нія, потому что безнадежная молчаливость его и горь-
кое отчаяніе, выражающіеся въ стиснутыхъ зубахъ,
вызываетъ наше состраданіе, хотя глядя на него беретъ
смѣхъ и горе. Это Краусмагенъ, знаменитый настрой-

шакъ, работавшій столько времени въ потъ лица своего даромъ и лишенный надежды получить бѣдную плату за десяти-октавный рояль. Краусмагенъ, по-видимому, припоминалъ въ эту минуту всѣ несчастія юдольной жизни своей, начиная отъ самохранной обороны противу знаменитаго ненавистника Нѣмцевъ, и до настоящаго приключенія; смиряясь передъ судьбой, онъ оставилъ остойчивые, оловянные глаза въ свободный промежутокъ между зайкой и краснобаемъ, и покоряясь участи своей ожидаетъ только когда тотъ и другой выйдутъ съ пустыми руками, чтобы и самому въ грустномъ молчаніи за ними послѣдовать. Не знаю, былъ ли Краусмагенъ когда-нибудь забіякой и заслужилъ ли этимъ участь свою—но, теперь по-крайней-мѣрь, онъ, по наружности, болѣе походить на мокрую курицу, чѣмъ на драчливаго пѣтуха.

Вотъ въ какомъ тревожномъ положеніи былъ Христіанъ нашъ, когда наконецъ Волковъ получилъ положительное письмо отъ отца, который призывалъ его немедленно въ Петербургъ. Больно задумался Христіанъ, когда другъ его пришелъ съ этою вѣстью, и не зналъ какъ быть и что дѣлать. Сумбуръ приводилъ его въ отчаянье: онъ бы радъ вхатъ съ другомъ своимъ куда угодно, и уговорилъ-было его взять сироту опять съ собою, но должники обложили его путами и веригами, не отпускали изъ города, грозили тюремой; и если угроза эта въ сущности не была слишкомъ опасна, потому что едва-ли кто-нибудь изъ нихъ рѣшился бы внести не за что, ни про что, кормовыя деньги, не менѣе того однако же Віольдамуръ былъ уже обязанъ подпиской не выѣзжать изъ города до уплаты своихъ долговъ. Дрожащею рукою подписывалъ Христіанушка жестокій приговоръ свой жить въ Сумбурѣ посмѣшищемъ для празднаго общества, котораго уваженіе утратилъ онъ невозвратно и глядѣть не смигивая, голодной смерти въ глаза. Пламенная дружба

Волкова нѣсколько остыла, это правда; но онъ душевно соболъзновалъ объ участи товарища и теперь, когда настала часъ бѣдственной разлуки, подумалъ: «ну что однако же, если тутъ дѣйствительно гибнетъ непризнанное, не оцѣненное слѣпою толпой дарованіе—что, если будущій историкъ, Виольдамура упрекнетъ Харитона Волкова, въ глазахъ многихъ безчувственныхъ, въ томъ, что онъ съ расчетливою холодностію покинулъ друга и собрата своего въ нуждѣ и въ бѣдѣ, и спокойно уѣхалъ въ столицу?»—Воспламенившись этимъ, Волковъ едва-было не предложилъ бумажникъ свой къ услугамъ друга, который и прежде неоднократно прибѣгалъ къ этой помощи, но рассчитавъ на-скоро свою наличную казну, увидѣлъ, что это было бы слишкомъ безразсудно, и что они могли бы съѣсть, вслѣдствіе этого, оба въ Сумбуръ, а старикъ отецъ не сказалъ бы сыну своему спасибо за такое распоряженіе. Обдумавъ все это и объяснивъ по возможности Христіану, который однако же очень худо понималъ это дѣло—Волковъ сдѣлалъ вотъ что: онъ успокоилъ, сколько могъ, самыхъ назойливыхъ займодавцевъ Виольдамура,—хозяина дома, Федулова и бакалейщика, обѣщавъ имъ скорую помощь; оставилъ въ-тихомолку Христіану немножко денежокъ, посоветовавъ убѣдительно держать ихъ втайнѣ и расходовать только въ самой крайности; и наконецъ, обѣщалъ упросить отца, чтобы онъ выкупилъ Христіана изъ петли и вызвалъ его въ столицу. Затѣмъ Харитонъ обнялъ друга, со слезой на глазахъ—сѣлъ въ тележку, которая мѣрно прихрамывала за каждымъ оборотомъ криваго задняго колеса, и пошелъ опять рассчитывать съ рыжими содержателями постоянныхъ дворовъ, съ дюжими сожителями ихъ, съ извозчикомъ, который на каждомъ рѣздыхъ приходилъ просить то на овесъ, то на сѣно—и отстаивать пожитки свои отъ немилосердыхъ, острыхъ шуповъ винныхъ досмотрщиковъ,

которыя безъ всякихъ околичностей прошиваютъ шу-
нами этими каждую тельгу насквозь, и прошили мнѣ
такимъ образомъ толстый французскій словарь. Точно
будто бы у нихъ въ рукахъ не простой заостренный
железный пруть, который протыкаетъ все что ни
встрѣтитъ на пути, а какой-нибудь магическій жезлъ
дѣйствующій на одно только корчемное вино!

Христіанъ дотого былъ огорченъ отъѣздомъ един-
ственнаго въ Сумбурѣ человѣка, съ которымъ могъ еще
выболтать задушевное слово, человѣка, въ которомъ
онъ всё-таки еще находилъ какую-нибудь подпору,
что плакалъ горько. Онъ хотѣлъ-было проводить его,
но ему совѣстно было дойти съ Волковымъ до покину-
той заставы, гдѣ обыкновенно бѣлый козелъ занималъ
въ осиротѣвшей будкѣ мѣсто часоваго, и не смѣлъ
перешагнуть съ другомъ этотъ завѣтный порогъ, что-
бы непріятелямъ его, или блюстителямъ порядка, не
вздумалось его остановить, изъ опасенія, чтобы онъ не
уехалъ изъ Сумбура. Въ нерѣшимости этой Христіанъ
вышелъ-было на крыльцо, но увидѣвъ, что и тутъ
уже борода окаяннаго бакалейщика торчитъ изъ-за уг-
ла по одну сторону, а брюхо Федулова по другую,—
онъ простился съ Волковымъ въ комнатѣ, проводилъ его
до повозки, пожалъ ему руку, посмотрѣлъ на него умо-
ляющимъ окомъ—и воротился домой.

Дома Христіанъ Христіановичъ походилъ скорыми
шагами по комнатѣ, взглянулъ на рояль и отвернулся—
легъ въ растяжку на диванъ, закинувъ обѣ руки за
голову; потомъ встолчалъ и опять сталъ ходить, взялъ
было кларнетъ, и опять положилъ; взялъ скрипку
свою и смычокъ, побрянчалъ пальцами немножко, опять
повѣсилъ скрипку, опять походилъ и, наконецъ по-
звалъ заспаннаго Сеньку. Сенька вошелъ и глядѣлъ,
приподнявъ усильно губы и брови, похлопывая въка-
ми, какъ человѣкъ, которому пришлось стоять и смо-
трѣть, Богъ вѣсть куда и къ чему, которому все на

следъ надождо, крокъ своего запечья. Христіанъ велѣлъ ему подать сахаръ, чайникъ, принести бутылку, рому изъ погреба, за наличныя деньги и повторилъ приказаніе свое громкимъ голосомъ дважды, потому что Семень, будучи нечаянно потревоженъ, худо понималъ съ перваго разу то, что ему говорили. Семень пошелъ, пробормотавъ: «вотъ это такъ; что дѣло то дѣло». Когда приказаніе было исполнено, то Христіанъ рассчитался съ Семеномъ, заплативъ ему, что следовало и немедленно отпустилъ. Получивъ наличныя денежки, Сенька нисколько не удивлялся отказу, не заботился о томъ гдѣ пристроится и куда пойдетъ: онъ сообразилъ только, на первый случай, что погулять можно ухорьски, и вышелъ. Христіанъ отпустилъ Семена для необходимаго сокращенія расходовъ; а прочее было сдѣлано какъ ддятого, чтобы на прощанье воспользоваться еще разъ услугами его, такъ и ддятого, чтобы забыть на время горе.

И вотъ онъ сидитъ передъ вами (№ 37), въ живописномъ положеніи, съ геройскою рвшимостію позабыть горе свое и кружину, во что бы ни стало. Прелюдія гитары навела его, правда, на какую-то не утѣшительную по наружности задумчивость, но зато другая подруга, подъ правымъ локтемъ, если еще и не утѣшила, то по-крайней-мѣрѣ согрѣла, и платокъ съ шем сорванъ. Видно грустная мысль какимъ-то оборотномъ перебѣжала бѣдному Христіану дорогу, когда онъ, спустивъ гитару свою, съ такимъ отчаяніемъ сорвалъ съ себя платокъ, протянулъ лѣвую ногу и кинулся локтемъ на столикъ, на которомъ салфетка сблалась въ комокъ, а стаканъ, судя по бутылкѣ, много разъ уже опорожненный, полетѣлъ на подъ, и напугалъ покоившагося подъ столомъ Аршета. Аршетъ вскоцилъ и нюхаетъ, что Богъ послалъ, но обманутый въ надеждѣ пятится задомъ, не зная, лечь ли опять или вскоцитъ на окно и посмотреть на прохожихъ. Христі-

агь шичего не видить, не слышить; по-крайней-мѣрѣ все это не стоить для него ни какого вниманія;—онъ думаетъ думу крѣпкую, а между-тѣмъ, я полагаю, мальчики ходять у него въ глазахъ; хмѣль, сонъ и явь путаются въ разстроенной головѣ, какъ кинутыя въ груду бумажныя вырѣзки для китайскихъ тѣней, гдѣ нитка цѣпляется за нитку, проволока за проволоку, носъ за носу, рука за ногу. Великолѣпная будущность, громкая слава на весь крещеный мѣръ—и нищенская сума; честный отъѣздъ изъ Сумбура, отверзтыя объятія въ Петербургъ—и городской острогъ сумбурскій,—куча прославленныхъ въ цѣлой Европѣ музыкальныхъ твореній, новыхъ, небывалыхъ, гениальныхъ; цѣлый рядъ улучшенныхъ тѣмъ же художникомъ инструментовъ; раскрытыя тайны истинной мусики, искажаемой досель лже-вророками своими—и немощная ничтожность, богалыня, сумасшедшій домъ, безвременная смерть;—все это являлось и смѣнялось поочередно въ головѣ Христіана быстрѣе молніи, и лицо его то рдѣло, глаза сверкали огнемъ предприимчивой рѣшимости, то потухли внезапно, щеки остывали, и холодъ бѣгло пробирался изъ глубины груди до самыхъ ногтей, не только до перстовъ, и шевелилъ включенные на головѣ волосы, перебирая ихъ по одному, въ самомъ корнѣ ихъ, и подергивая всю поверхность тѣла гусиной шкуркой. Наконецъ огонь, купленный изъ мыльной и бакалейной лавки за наличныя деньги, взялъ верхъ, низложилъ всѣхъ супостатовъ, и торжествующій Христіанъ, обнимаясь съ вѣрнымъ Аршетомъ, отъ умиленія и радости едва дотачился ползкомъ до кровати своей, въ которой видѣлъ какой-то великолѣпный помостъ, и чуть только не тронъ королевскій; свалившись головою въ ноги, а ногами къ изголовью, онъ блаженствовалъ въ какомъ-то баснословномъ царствѣ; высоко лежащія передъ нимъ на подушкахъ ноги, придавали тѣлу его необычайную легкость, летучесть. Христіанъ

забылся и уснулъ въ ту самую минуту, когда миллионы людей его окружали и возносили на рукахъ своихъ къ небесамъ, между-тѣмъ какъ оглушительные клещи, говоръ и шумное торжество лишали его самого всякой возможности объясниться съ поклонниками своими, отблагодарить ихъ, хоть однимъ словомъ, показать свою признательность; поэтому Христіанъ Христіановичъ засыпая кивалъ только слегка головой и пошевеливалъ пальцами, желая хотя этимъ движеніемъ обнаружить свои признательныя чувства.

Съ этого роковаго дня Христіанъ, оставшись одинъ въ лѣсу людей ему чуждыхъ, одинокимъ, даже въ двухъ покойчикахъ своихъ, потому что уволилъ Сеньку, за преобразованиемъ своего домашняго управления—Христіанъ началъ дичать всё болѣе—и пить, во ожиданіи помощи Волкова, съ отчаянною рѣшимостію. Между тѣмъ однако же самоувѣренность не упала и мысль, на которой онъ почти помѣшался, то есть, нанести всей нынѣшней музыкѣ рѣшительный ударъ однимъ гениальнымъ твореніемъ и, такимъ образомъ, исхитить лавровый вѣнецъ изъ рукъ завистливыхъ враговъ и безсмысленныхъ толковниковъ, — мысль эта развивалась со дня на день съ болѣею силою, овладѣла наконецъ художникомъ нашимъ вовсе и подъ наитіемъ вдохновенія ея приступилъ онъ, какъ изступленный, къ исполненію своего намѣренія. Христіанъ видѣлъ во снѣ и на яву могучіе звуки, которые должны были въ дивномъ и неслыханномъ доселѣ сочетаніи своемъ, изумить весь міръ: звуки эти отзывались въ душѣ его поминальной симфоніей, передъ которою Моцартово *Реквиемъ* должно было разрушиться въ своемъ ничтожествѣ.

Надобно теперь припомнить, что Христіанъ былъ постоялецъ гробовщика, Рускаго, но женатаго на доброй Нѣмкѣ; она-то заступалась за постояльца и земляка своего, околько могла, передъ мужемъ, и ея покрови-

тельству Христіанъ обязанъ былъ, что его досель еще не выгнали на улицу, что даже потихоньку кормили—особенно въ последнее время, когда бѣдняку ничего не оставалось, какъ жить Христа-ради. Въ самое это время, когда онъ собирался разродиться своимъ «заупокоемъ», скончался въ Сумбуръ прокуроръ, съ знаменитой тѣщей котораго мы имѣли честь познакомиться на бѣдственной памяти концертъ Христіана Христіановича. Кончина прокурора—дѣло довольно важное; готовились приличные похороны; тѣща проклинала, при растворенныхъ окнахъ, покойника, за то, что онъ оставилъ послѣ себя вдову и пятеро сиротъ; называла его извергомъ, злостно скончавшимся, нечувствительнымъ варваромъ. Народъ стапывалъ пороги, глядѣлъ, крестился, вздыхалъ, уходилъ — и толпа смѣнялась толпой. Пятеро взятыхъ на прокатъ поваровъ возились круглые сутки на кухнѣ; услужливыя поминальщицы-женщины, которыя ни за что на свѣтѣ не упускаютъ ни однихъ похоронъ, суетились по дому въ черныхъ платьяхъ и платкахъ, которыми онъ разъ навсегда обзавелся, въ надеждѣ проводить сорокъ покойниковъ и заслужить этимъ царство небесное; учитель или бакалавръ всѣхъ на свѣтѣ наукъ, пользуясь свободнымъ доступомъ въ домъ покойника черни, нищихъ, калѣкъ, юродивыхъ—расхаживалъ по комнатамъ, какъ по каюкамъ, и несъ, не запинаясь, страшную чепуху, которую народъ слушалъ съ умиленіемъ; словомъ, въ домъ покойника все было въ своемъ порядкѣ, а гробовщикъ, хозяинъ Христіана, выставилъ уже оконченный гробъ въ сѣни и побѣжалъ нанять пару солдатъ, чтобы отнести его куда слѣдуетъ.

Въ этотъ промежутокъ времени, Христіанъ возвращался съ уединенной прогулки, на которой не видалъ, ни красотъ сумбурской природы, ни встрѣчныхъ людей, а былъ занятъ однимъ только—созданіемъ своимъ. Заупокой бродило у него въ головѣ и дотога овладѣ-

ло воображеніемъ его, что онъ шатался какъ неустойчивый, какъ изступленный, и только собирався приступить съ вечера къ работѣ и просидѣть всю ночь. Прокурорскій гробъ съ принадлежностію попадаетъ ему на глаза при входѣ въ сѣни: Христіанъ внезапно схватываетъ его и уноситъ въ свою комнату, въ которую дверь шла изъ этихъ же сѣней. Полу-помѣшанный другъ нашъ обрадовался находкѣ этой, какъ кладу, и былъ не въ состояніи размыслить что онъ дѣлаетъ. Дверь спутри немедленно заперта была на ключъ и на задвижку, окна завѣшаны, гробъ поставленъ среди комнаты на два стула (№ 38), свѣча приткнута на гвоздь, вбитый въ стѣну, старинныя, маленькія клавикорды, взятые незадолго передъ тѣмъ у доброй хозяйки-гробовщицы, и заступившія мѣсто пышнаго десяти-октавнаго рояля,—поставлены верхомъ поперегъ прокурорскаго гроба, затѣмъ Христіанъ сѣлъ въ него, и работа закипѣла. Къ довершенію картины, самъ Христіанъ Христіановичъ надѣлъ на себя взятый вмѣстѣ съ гробомъ погребальный плащъ и широкополую шляпу; бутылка явилась на клавикордахъ, и какъ тутъ некогда было думать о пуншѣ, то неприхотливый сочинитель удовольствовался и голымъ ямайскимъ ромомъ Ямайскимъ говорю я потому, что всякую вещь надобно назвать своимъ именемъ: а на ярлыкѣ напечатано было такъ; хотя этотъ *ямайскій* былъ природный русакъ и путешествовалъ, какъ многіе странники, не перешагнувъ роднаго порога. Бѣдный Аршетъ, понимая третьей головой своей лучше барина своего какъ мало и всемъ этомъ толку, предчувствуя можетъ-быть бѣду которую, какъ многіе увѣряютъ, собаки предчувствуютъ умбютъ—въ первый разъ исчезъ съ картины и шей и, вѣроятно, заползъ куда-нибудь въ темный уголъ. Излишнимъ считаемъ объяснять, что Христіанъ сдѣлалъ всѣ приуготовленія эти, надѣясь болѣе настроить свое воображеніе. Онъ сидѣлъ или лежалъ въ гр

бу, чувствовалъ все, что долженъ бы чувствовать покойникъ, если бы онъ былъ живъ, и потому съ большою силою могъ передать въ звукахъ и созвучіяхъ эти чувства. Здѣсь остается замѣтить только два обстоятельства: во-первыхъ, что Христіанъ, укладываясь въ диванку, не забылъ запастись фаготомъ, какъ инструментомъ, господствующимъ въ знаменитомъ твореніи Моцарта, хотя отнюдь не хотѣлъ подражать ему; во-вторыхъ, что небо надъ Христіаномъ заволакиваетъ уже молніеносными тучами: огромная завѣсъ, которая должна содержать въ тайнѣ гениальное предпріятіе Христіана, уже дымится, отъ неосторожно подставленной свѣчи; но самобытный сочинитель *заулокъ* ничего не замѣчаетъ, и оглушенный внутреннею музыкой души своей, вдохновенно донисываетъ четвертую строчку вступленія. Не думайте, чтобы Христіанъ достигъ теперь высшей степени суверенитета: вы, къ сожалѣнію, видите только цвѣточки, а ягоды будутъ впереди. Христіанъ пошелъ гадать путемъ, гдѣ люди съ половины дороги не возвращаются.

Но оставимъ восторженнаго, изступленнаго сочинителя и обратимся къ покойному прокурору, котораго любимый анекдотъ, затверженный Сумбурцами давно изустъ, былъ тотъ, какъ ему однажды досталось вполочевать на полу, по поводу того, что кровать среди бѣлаго дня пропала безъ-вѣсти; ее вынесли для очистки, на дворъ, а со двора, какой-то промышленникъ съелъ ее прямо на рынокъ. И такъ, вотъ участь бѣднаго прокурора: за-живо у него украли кровать, и онъ принужденъ былъ переночевать на полу; но какъ быть теперь, когда у него украли грѣбъ, а пора пришла такая, что ему безъ гроба жить нельзя?.... Гробовщикъ, приведши людей, крайне изумился, когда гробъ не оказалось въ сѣняхъ, куда онъ его поставилъ; вошедши въ комнату, онъ сталъ съ неудоволь-

отвѣтъ выговаривать Катеринѣ своей, что она провадила такой безпорядокъ, и спрашивала, куда она дѣвала гробъ. Недоумнннн и объясненія кончались тѣмъ, что гроба нѣтъ; и необычайное приключеніе это было причиною большой тревоги. Городничій, истранный въ бѣстоу у одного изъ совѣтниковъ, конечно не потрвожился по этому поводу и не пошелъ развѣсдывать такую странную покраку; не менѣе того однако же, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ домахъ, много было разговору и смѣху о томъ, что у прокурера украли гробъ. «Вотъ, что называется отомстить чувствительно» — сказалъ со вздохомъ одинъ изъ гостей, «украсть гробъ у покойника — это еще хуже, чѣмъ отнять у нищаго суму! — Бѣдная Акулина Ивановна, сказала другая, какъ это должно быть ей при-скорбно! — Отчего же такъ? спросилъ третій: вѣдь она же не за два гроба заплатитъ, а за одинъ; сдѣлаютъ другой, а этотъ мастеръ ищи себя на томъ, за чѣмъ пропалъ. — Да онъ какимъ бархатомъ былъ обить? — спросилъ острякъ. — Малиновымъ, отвѣчалъ кто-то: «ну, такъ по малиновой дорожкѣ побѣжалъ!» — и громкій хохотъ привѣтствовалъ эту сумбурекую остроу.

Если пропажа прокурорскаго гроба не подняла городничаго на ноги и не отозвала его отъ зеленаго сукина, то вслѣдъ за тѣмъ, черезъ запыхавшагося соседа, вбѣжавшаго опроретью въ домъ, передъ которымъ стояли городническія дрожки, получено было другое извѣстіе, которое заставило городничаго бросить изъ рукъ шилокъ, съ восклицаніемъ: «ни днемъ ни ночью не дадутъ покою: чтобы имъ всѣмъ погорѣть!» — и нехотя отираился на мѣсто происшествія (№ 39). Домъ гробовщика, или вѣрнѣе Клячева, горѣлъ. Если угодно взглянуть на пожаръ этотъ и на все, что тутъ дѣлается, то загадка будетъ вамъ разгадана; Христіанъ Христіановичъ; котораго задушилъ было дымъ въ комна-

тъ, отъ подожженной занавѣски, и который масломъ выломалъ дверь, мечется въ погребальномъ нарядѣ свѣтъ на улицу, и жадно дышитъ свѣжимъ воздухомъ; испуганный Артегъ, унавишая навзничь гробовая крышка и скатившійся съ нее черепъ—все это уже по себѣ достаточно объясняетъ дѣло. Тутъ же вы видите гробоваго мастера, спасающаго остальные, занасные гробы свои; такъ всякой думаетъ о своемъ добрѣ — и если никто изъ читателей Сумбура не далъ бы гробовщику за весь запасъ этотъ ни одного ломаннаго гроба, то гробовщикъ не менѣе того былъ увѣренъ, что каждый въ свою очередь, заплатитъ сполна что слѣдуетъ за свою будку, которую мастеръ нашъ, чтобы не путать людей, называлъ обыкновенно въ разговорѣ «деревяннымъ тулупомъ».

Въ отдаленіи видите вы и пожарную команду, которая на этотъ разъ является съ чрезвычайною исправностію—и каланчу, съ пожарнымъ знакомъ—и сосѣда, вышедшаго съ помеломъ отстанвать свой уголъ, и бабу съ груднымъ ребенкомъ, которая вышла посмотреть «какъ горитъ гробовщикъ»—и, наконецъ, пару уличныхъ мальчишекъ, которые любятъ, зѣвая на пожарную команду и жмутся къ углу, чтобы ихъ не раздавили.

Но Христіанъ нашъ, бѣдный, въ какомъ онъ положеніи? Босой, полу-нагой, въ погребальномъ плащѣ и шляпѣ, растерзанный бѣдствіемъ, восторженный до неистовства будущимъ созданіемъ своимъ, пробужденный внезапнымъ испугомъ, когда пламя объяло уже весь потолокъ, и, наконецъ,—разгоряченный и разстрошенный ямайскою подругой; все это вмѣстѣ обратило бѣднаго Христіана въ совершенное подобіе бакалавра, лишившаго временно человеческого разсудка; сбѣжавшійся на пожаръ народъ, видя челоуѣка въ такой необычайной одеждѣ, который всё-еще метался какъ угорьный, воображалъ что онъ горитъ, считъ его антихристомъ и

любыми поджигателямъ; а когда Христіанъ тарахнулъ въ порывѣ отчаянія, линулся въ объятіи пламени въ домъ, умоляя всѣхъ о спасеніи его партитуры—то, не зная такой женщины въ Сумбуръ и неименная чаго онъ хочетъ, его выхватили изъ огня за шолы черной хламиды и передали въ руки охранительной власти. Христіанъ упалъ въ совершенномъ изнеможеніи и гореловой, которому онъ отдавъ былъ на руки, стерегъ его въ продолженіи пожара, точно какъ земскій караулъ стережетъ неприкосновенное до полицейскаго свидѣтельства мертвое тѣло, то есть, Христіанъ лежалъ на землѣ безъ чувства, а гореловой сидѣлъ подле и звалъ по сторонамъ, покрикивая: понми прочь! чего не видали? Не подходить!

Вслѣдъ за концомъ пожара, который вскорѣ былъ потушенъ и большой бѣды не надѣлалъ, городничій сталъ отдавать частному приказаніе о «произведеніи слѣдствія;» какъ—вдругъ несчастный гробовщикъ являлся ему въ ноги, съ горькой жалобой на своего постояльца, который денегъ не платитъ, ночью музыка всѣхъ выживаетъ изъ дому, воруетъ заказанные къ сроку гробы, какъ доказываетъ уцѣлѣвшая еще крышка прокурорскаго тулуна, и, наконецъ поджигаетъ домъ! Доводовъ этихъ было бы, конечно, достаточно, чтобы взять Христіана, до времени, подъ стражу, но одинъ взглядъ на положеніе его и недавно показывалъ необходимость подобной мѣры. Пришедши нѣсколько въ себя, онъ сидѣлъ на землѣ съ дикимъ, разстроеннымъ лицомъ, ревелъ по временамъ и завывалъ, а потомъ писалъ на песокѣ пальцемъ крючки и хвостики съ круглыми головками. На всѣ вопросы и допросы, онъ отвѣчалъ отрывками изъ своего заупокою, утѣшалъ предстоящихъ тѣмъ, что помнить все вступленіе наизусть и наизнотъ его слѣва, а между-тѣмъ отмахивался руками отъ какихъ-то докучливыхъ видѣній.

— А чортки! показались — сказали городничий; знаешь ли уже с подобными случаями: ну, так велит его в больницу Приказа.

Городовой и пожарный взяли Христиана под руки и повели его (№ 40). Отец переставлял ноги, как послушное, но глупое дитя, обняв одной рукой городского и вешая на немъ всюю тяжестью своею; хладная влочилась сзади по землѣ, вѣрный Архетъ не отставалъ; встречные уличные мальчишки съ любопытствомъ заглядывали вперёдъ и заглядывали арестанту в глаза, а двое изъ нихъ проводили Христиана до каменныхъ воротъ больницы, лежавшей за городомъ; это были именно какой-то найденышъ, знаменитый игрокъ в карты, котораго ищичество содержало, какъ богородице дѣло, на свой счетъ, чтобы потомъ отдать въ счетъ въ рекруты — и кантонистъ, состоящій на пропитаніи родителей, и представляющійся намъ въ вышней пушечной аммуниціи своего отставнаго отца. Затѣмъ, выйдя изъ больницы за неказистый обликъ пожарнаго служиваго; отецъ, какъ и весь товарищи его, выбранъ изъ числа *испособныхъ* баталіона внутренней стражи; потому и рожа у него самая *испособная*.

И такъ, между тѣмъ какъ Христонъ Волковъ, вѣроятно, давно уже прибылъ благополучно въ отчий домъ наслаждался всеми удобствами домашней и столничной жизни — вотъ какая участь постигла друга его, Христиана Вильданаура!

Съ вечера же безноконца Христиана въ больницу, а утромъ въ приемной до утра, но зато утромъ обмыли, одели и сдали на руки фельдшеру горячечной палаты — а вскорѣ собралось и господа ординаторы, аптекарь, вновь устроенная на счетъ завѣщанной денегъ богатыхъ кунцомъ суммы, была, какъ полагали, въ весьма хорошемъ положеніи, въ чемъ читателя наши могутъ наглядно убедиться. (№ 41). Воспользовавшись рѣдкимъ, но тѣмъ болѣе приятнымъ

являющійся этимъ, сочинитель картины не хотѣлъ представить читателю печальный видъ обыкновенной городской больницы, а выставилъ ту, о которой мы теперь поговоримъ, въ настоящемъ ея видѣ. Христіанъ, который лежитъ передъ нами закружившись, отвернулся отъ фельдшера и явнымъ образомъ несетъ безсвязную чепуху, бредитъ; а какого рода бредъ и горячка его одѣлали—это также ясно обозначено на доскѣ, у изголовья Христіана, хотя фельдшеръ нашъ, не природный латинянинъ, привѣсилъ какой-то крючокъ къ послѣднему слову, вмѣсто обыкновеннаго латинскаго *s. Delirium tremens*—называется по-русски бѣлая горячка, или, еще яснѣе, горячка съ перекою. Въ Сумбуръ говаривали въ такихъ случаяхъ просто: «онъ допился до чертиковъ»—выраженіе вполнѣ основательное, потому, что больной въ больницѣ этой всегда почти видитъ безобразныхъ звѣрковъ и чертенятъ, которые отовсюду его окружаютъ, преслѣдуютъ, гдзуютъ подъ одеяло, прыгаютъ по полу и садятся ему на носъ. Вотъ до какихъ свѣтлыхъ видѣній дожилъ Христіанъ Христіановичъ,—вотъ какія невинныя мечты его теперь занимаютъ!

Окружающіе его врачи, какъ видно, принадлежатъ къ тремъ различнымъ школамъ, и не заботясь другъ о другѣ, занимаются каждый своимъ предметомъ. Въ серединѣ влотноый аллонатъ, который рассматриваетъ и обнюхиваетъ снадоблицу довольно приличныхъ такому важному случаю размѣровъ; надобно полагать, что если выпьешь ее, то средство не останется безъ какого-нибудь дѣйствія; кострюля, въ которой варяши мяшаницу эту, почернѣла, а цѣдилка сгорѣла, потому что туда положено было, на всякій случай, для болѣшей увѣренности въ дѣйствіи, всякой всячины. Докторъ надвѣлся сдѣлать этимъ вредное безвреднымъ: и усилить дѣйствіе полезнаго. При всемъ томъ маленькое сомнѣніе смущаетъ почтеннаго доктора: онъ зоветъ и

онъ кажется, что микстура какъ-то слаба, рванцамъ микстуръ, и нашатыремъ также, и горькими травами, и смолками, и кислыми, и солеными—но всё какъ-будто не чего-то недостаетъ. Насупротивъ его сидитъ человекъ, болѣе доверчивый къ силамъ природы, человекъ, который полагаетъ, что великанскою бутылкою томарища его можно исцѣлить или уморить цѣлую армию; человекъ, однимъ словомъ, поставившій четыре тыщочки на ладонь, и рассматривающій ихъ въ микроскопъ. Кажется, они выставили снаряды свои на до другъ другу и во всякомъ случаѣ меньше занимаются больнымъ, чѣмъ этими плохими игрушками. Но чтобы спасти Христіана отъ такихъ крайностей, то безконечно малаго и безконечно великаго, явился старшій врачъ больницы и прописываетъ великую сонназмѣрную: два ушата воды и пол-пуда льду. Старшій врачъ отчаянный идропать; у него вода отнимать за все, дай Богъ только, чтобы онъ самъ за не могъ въ свое время дать отвѣтъ. А если справедливо, что господа эти, всякій своимъ путемъ, дѣйствительно достигаютъ до одной и той же цѣли—то наконецъ признаться, что природа или безконечно услужлива, или же непоколебима на пути своемъ, и вопреки всѣхъ противодѣйствій, достигаетъ потребности своей, всюду, гдѣ это по законамъ ея возможно. Лель, кровопусканія и мушки съ принадлежностію, и микстуръ опій—сдѣлали свое дѣло, какъ по-крайней-мѣрѣ врачи наши полагали—и Христіанъ началъ оправдываться. Не станемъ спорить о томъ, сколько средства принесли вреда или пользы и лучше ли, хуже ли или бы теперь больному, если бы его просто оставили въ покоѣ, но скажемъ только, что продолжительное пользованіе въ больницу Приказа, строгая діета, наконецъ, сотоварищество двухъ сосѣдей по кроваткѣ, давившихся также до чортиковъ, привело выходящаго въ совершенное отчаяніе. Вышедши

утромъ на зарь изъ палаты своей въ корридоръ, Христіанъ вдругъ услышалъ знакомый ему лай и визгъ—вся душа въ немъ запрыгала и опретью бросился онъ къ круглому оконцу, сдѣланному для очистки воздуха. Арпетъ топилъ; голодный, взвивался на дыбы передъ окномъ, вертелъ хвостомъ; визгъ и лай отъ радости и умиленія. У Христиньки слезы навернулись на глазахъ—онъ вспомнилъ въ одну минуту все прошлое—родину, отчий домъ, благополучные дни въ Малой Волотной—тоска по родинѣ одолевала его въ высшей степени и онъ, ни о чемъ болѣе не размышляя (№ 42), кинулъ въ окно чубарое байковое одвяло, которое было у него въ походѣ этомъ на плечахъ—и самъ вслѣдъ за нимъ осторожно спустился изъ окна. Вылазка эта требовала въ которой ловкости и смѣлости, потому что тѣсное окно было довольно высоко отъ земли и Христіану пришлось спускаться изъ него задомъ безъ оглядки,—но все это совершилось благополучно и только послѣ долгихъ объятій съ единственнымъ другомъ своимъ, Христіанъ осмотрѣвшись хорошенько увидѣлъ, что онъ попалъ не на улицу, а на дворъ, обнесенный превысокимъ заборомъ; и что у калитки сидѣлъ сторожъ. Сердце Христіана замерло: сидя на корточкахъ, онъ сталъ жаться въ уголь отъ страху, но по-лешнему разсмотрѣлъ, что добрый сторожъ также сидитъ прижавшись къ углу, обнявъ свою сторожевую дубинку и уткнувъ носъ въ колыя. Положеніе это Христіану показалось подозрительнымъ, онъ сталъ всматриваться по-смыслу и убѣдился, что сторожъ спалъ богатырскимъ сномъ. Такъ-то смирыхъ и спокойныхъ Сумбурицевъ снаружи города оберегали козлы, поселившіеся въ упраздненныхъ будкахъ—снутри сонные сторожа, и городъ, благодаря Бога, все-еще благополучно стоялъ на своемъ мѣстѣ. Христіанъ съ Арпетомъ спокойно прошли мимо караула:—чистое поле и свобода показались имъ раемъ. Арпетъ, по обычаю своему,

пошелъ ходить на кругахъ около своего барина, а этотъ, вышедъ изъ душной больницы, послѣ тяжелой болѣзни, на свѣжій воздухъ, гонялся какъ школьникъ за Аршетомъ, не заботясь о томъ, что былъ безъ обуви, что потерялъ туфли свои во время вылазки, что у него на головѣ колпакъ, а на плечахъ чубарое шерстяное одѣяло. Въ этомъ нарядѣ Готтентотовъ Христіанъ прошелъ по всему городу; но какъ было еще очень рано, то онъ и не встрѣтилъ никого, кромѣ артели плотниковъ, шедшихъ на работу.

Христіанъ нашелъ жилье свое въ жалкомъ положеніи: окна выбиты, дверь выломана, все обгорѣло, и разные обломки на полу. Съ отчаяньемъ смотрѣлъ онъ на разстройство этого послѣдняго убѣжища своего и трагически сложивъ руки, выставивъ ногу, оглядывалъ нагя стѣны; потомъ схватилъ съ головы, колпакъ, бросилъ его на полъ, окинулъ мантию свою дикимъ взглядомъ, между-тѣмъ какъ услужливый Аршетъ, желая показать, что онъ не позабылъ еще всѣхъ штукъ своихъ, кинулся опрометью, подхватилъ колпакъ въ зубы и кобенясь какъ пристыжная, подскокчелъ къ своему господину, всталъ на дыбы и подалъ ему поноску. Христіанъ опять кинулъ колпакъ, сказавъ: тубо—и Аршетъ, поджавъ хвостъ, прилегъ. Въ эту минуту шорохъ послышался въ сѣняхъ. Христіанъ взглянулъ и увидѣлъ добрую свою хозяйку. Она обрадовалась ему почти какъ сыну и узнавъ послѣ многихъ восклицаній, что Христіанушка голодалъ три недѣли, побѣжала и въ самомъ скоромъ времени поставила ему на столъ прекрасный завтракъ. (№ 43.) Христіанъ принялся ѣсть, какъ работникъ на хозяйскихъ харчѣхъ, пригласивъ съ собою за столъ Аршета, и очинялъ все съ такою поспѣшностію, что добрая Катерина едва поспѣвала поставкой новаго продовольствія.

Но минуты наслажденія вообще коротки на свѣтѣ,

а тамъ болѣе если спѣшимъ вкусить ихъ съ такою жадностію, какъ теперь Христіанъ. Въ полчаса онъ явился и вышелъ до-сыта—и сталъ по-неволѣ размышлять о томъ, что же наконецъ теперь начать и куда дѣваться. Хозяйка обрадовала его вѣстію, что часть достоинства его была спасена отъ пожару — и Христіанъ могъ на первый случай какъ-нибудь одѣться. Сидѣть нагимъ, въ погорѣлой каморкѣ, обернувшись въ большичное одѣяло,—и не знать чѣмъ прикрыть наготу свою и гдѣ взять кусокъ черстваго хлѣба для утоленія голоду—предвидѣть, что вскорѣ тебя, вѣроятно, выгонятъ даже изъ этой погорѣлой каморки—это плохо, очень плохо; въ такомъ положеніи какой-нибудь сюртукъ и пара сапоговъ вещи драгоценныя,— не менѣе того однако же онъ не спасаютъ ни отъ голоду, ни отъ долговъ, ни отъ скитальческой жизни подъ заборами, ни даже отъ тюрьмы. Тюрьма впрочемъ, которая всегда казалась такою страшною Христіану, едва-едва теперь, послѣ здраваго размышленія, почти цѣлѣю его желаній; онъ не видѣлъ никакого пристанища, ни средства избавиться отъ положенія, которое было для него нестерпимо.

Бѣдный и бестолковый Христіанъ! сколько еще суждено тебѣ испытать переворотовъ, сколько надѣлать глупостей,—и между прочимъ, сколько на слѣдующій же день внезапныхъ ощущеній радости, боли и отчаянія!

Во-первыхъ, Христіана посадили-было въ Каменный Мышонокъ, какъ бѣглеца изъ больницы, который увесъ сверхъ-того на себя бѣлье и одѣяло. Но изрощать, довольный своимъ успѣшнымъ леченіемъ, простила новинившагося передъ нимъ бродягу. Возвращаясь съ этой проходки—Христіанъ встрѣтилъ въ домѣ гробовщика такую радостную вѣсть, отъ которой чуть снова не кинуло его въ бѣлую горячку, къ которой Христіанъ по сложенію своему, имѣлъ большую на-

клятвою: почталіонъ принесъ повѣстку!—О, это безъ-
сомнѣнія добрый, благородный другъ, Харитонъ Вол-
ковъ, который составляетъ предѣль страданіямъ бѣ-
дняка, выкупаетъ его и даетъ ему средства немедлен-
но возвратиться въ столицу! Не станемъ однако же
говорить о золотыхъ, восхищенныхъ грезахъ Христи-
ана, который воображалъ, что скачетъ уже по почто-
вому тракту, когда пустился бѣжать съ такою поспѣ-
шностію на почту, что хозяинъ его, гробовщикъ, ед-
ва могъ за нимъ угоняться. Осторожный гробовщикъ
не хотѣлъ упустить вѣрнаго случая получить должокъ
съ постояльца, и потому, поздравивъ его такимъ въж-
ливымъ образомъ, какъ давно съ нимъ не говорилъ,
схватилъ въ ту же минуту шляпу и просилъ позволе-
нія проводить милостивца на почту. Но увы! повѣстку
Христиану прислали, а денегъ ему не выдавали;
уже Федулъ и заика, которые оба въ убытокъ тор-
говать не намѣрены, предупредили и гробовщика и са-
мого Христиана, успѣли исходатайствовать запреще-
ніе на присланное движимое имущество Христиана.
Посылку раздѣлили на заемодавцевъ и бѣдному Хри-
стиану по усамъ текло, а въ ротъ не попало, и даже
долги далеко не все еще были уплачены. Харитонъ
писалъ, что отецъ его, какъ человекъ небогатый,
при всемъ желаніи своемъ не можетъ выслать болѣе;
не упоминалъ о старожъ долгахъ Христиана,—извинился,
надѣялся, что Христианъ приметъ и этотъ малый даръ
дружбы и распорядится хозяйственнымъ образомъ,
обрадуетъ ихъ скорымъ прїездомъ, и прочее. Когда
бѣдный Христианъ сидѣлъ повѣсивъ носъ надъ этимъ
письмомъ и горько плакалъ—то передъ нимъ внезапно
предсталъ, ухмыляясь, человекъ, высокій, сухой, и
кивая привѣтливо головой поздравлялъ съ прїятными
новостями, надѣясь теперь на уплату долга... это
былъ Краусмагенъ, до котораго теперь только дошла
вѣсть о прибывшихъ изъ столицы богатствахъ Хри-

стіана, и который былъ горько разочарованъ въ своей тщетной надеждѣ. Видно Федулъ и завка жили съ почтмейстеромъ въ болѣе тѣсныхъ связяхъ, чѣмъ фортопіанный настройщикъ!

Христіанъ скорбѣлъ о новомъ ударѣ; при всемъ томъ однако же, онъ выигралъ черезъ посылку эту не мало и обязанъ былъ Волкову за временное свое спасеніе: полученіе изъ столицы денегъ придавало въ Сумбуръ много вѣсу получателю; довѣріе къ нему въ такихъ случаяхъ всегда подымалось на нѣсколько процентовъ; а какъ гробовщикъ получилъ часть долгу, то согласился оставить еще у себя въ домъ Христіана, до полученія имъ вторичной подмоги, а прочіе займодавцы стали менѣе тѣснить бѣдняка, полагая, что онъ еще не вовсе несостоятеленъ.

Увидѣвъ, что дѣлать тутъ больше нечего, Христіанъ, пожавъ плечами, принужденъ былъ удовольствоваться и этою временною льготою, хотя не зналъ какъ выпутаться изъ мотни, въ которую влѣзъ. Со скуки и отчаянья онъ пошелъ пройтись въ сумбурскій знаменитый садъ и долго ходилъ тамъ по гладенькимъ дорожкамъ, придумывая какъ бы найти такой же ровный и гладкій путь изъ бездны, въ которую, какъ онъ полагалъ, судьба его повергла. Но пути жизни, даже самой счастливой и безмятежной, не говоря уже о жизни нашего героя, далеко не такъ убиты и усыпаны, какъ дорожки сумбурскаго сада, которымъ щеголялъ городъ и на который голова, въ угоду публики, отпускалъ значительныя городскія деньги. На пути жизни безпрестанно встрѣчаются пни и кочки, безконечно разнородные, но всё-таки это кочки. Одну изъ такихъ кочекъ встрѣтилъ и Христіанъ во время прогулки своей, встрѣтилъ не только на пути жизни, но и на гладенькой дорожкѣ сумбурскаго сада, вѣроятно, именно на той точкѣ, гдѣ путь

жизни его и дорожки этого сада сходились. Объяснимся.

Я упомянулъ уже о сумбурскихъ поминальщицахъ, или могильщицахъ, которыя держать у себя постоянно черное платье и накалываютъ черный чепецъ каждый разъ, когда ожидаютъ чьей-либо въ городѣ кончины, которыя не упускаютъ ни однихъ похоронъ и услужливо являются распорядиться въ это время хозяйствомъ, едва только человекъ испуститъ дыханіе свое и въ домъ, по сумбурскому обычаю, начнется плачь при открытыхъ дверяхъ и окнахъ: я бы могъ вамъ рассказать также кое-что о всеобщихъ распорядительницахъ на свадьбахъ, и замѣтить, что большая часть зловѣщихъ этихъ вѣрствъ держали веселый подборъ платья, снаряжаясь то въ черное, то въ цвѣтное, смотря по тому, смерть ли съ кѣмъ въ городѣ приключилась, или свадьба, и каркали то на тотъ, то на другой ладъ; но оставивъ все это, обратимся теперь къ третьему разряду Сумбурокъ, разряду, который впрочемъ нерѣдко перемѣшивался съ однимъ изъ первыхъ и состоялъ изъ свахъ. Вдовы, называвшія себя сиротами, преимущественно служили вольноопредѣляющимися въ этомъ полку, который дѣйствовалъ всегда только разсыпнымъ строемъ,—а нѣкоторыя почтенныя замужнія женщины приписывались къ нему по долгу и обязанности службы своей, постоянно отыскивая невестъ и жениховъ для своихъ подчиненныхъ или для начальства. И вотъ какую кочку встрѣтилъ Христіанъ нашъ въ саду, Степаниду Павловну, которую вы, конечно, знаете, или по крайней-мѣрѣ слышали объ ней, потому что ее знаютъ все, и не только въ Сумбурѣ, а гораздо далѣе; спросите хоть въ Нижнемъ, такъ услышите, что и тамъ ее знаютъ. Въ Нижней она ѣздитъ постоянно на ярмарку, потому что тамъ, какъ говорить, схоронила мужа своего; и тамъ она, отслуживъ по немъ память,

успиваетъ каждагодно угождать многимъ господамъ, устроивъ будущую ихъ судьбу. Она такъ знаетъ свое дѣло, что прѣвхавъ въ чужой городъ, къ чужимъ людямъ, не меньше того тотчасъ же нускается въ свое ремесло и большаю частію довольно успешно. Въ сутки узнаетъ она все, что ей о комъ знать нужно; потѣмъ смѣло, хотя и очень осторожно и таинственно, приступаетъ къ избранному ею предмету, обольщаетъ его намеками на страстную любовь дѣвицы, которой онъ, можетъ-быть, досель и не видалъ, или не замѣтилъ—и если не встрѣтитъ положительнаго отпора со стороны жениха, то является подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ въ домъ невесты, выставляетъ какъ улитка щупальца свои и вертитъ дѣломъ, смотря по обстоятельствамъ. После этого объясненія, немудрено вамъ покажется, что она въ цѣломъ Сумбуръ управляла подобными дѣлами совершенно какъ дома въ своей семьѣ, и что поэтому тамъ привыкли говорить: Степанида Павловна выдаетъ такую-то за такого-то, не упоминая вовсе о родителяхъ жениха или невесты, а называя прямо главнѣйшее дѣйствующее при этомъ лицо.

Степанида Павловна перешла сперва Христіану Христіановичу дорогу; на это были у нее свои причины, а потѣмъ, какъ-будто вдругъ узнала его, очень ему обрадовалась, много спрашивала о здоровьи и обстоятельствахъ его, а онъ съ-проста не могъ надивиться, нарадоваться этому небывалому участию женщины, которую встрѣчалъ когда-то въ нѣкоторыхъ домахъ, и самъ пустился въ откровенныя объясненія.

— А есть одна особа—такъ продолжала она (№ 44), есть одна особа, Христіанъ Христіановичъ, которая очень вами интересуется; очень и много объ васъ спрашиваетъ, право; особа почтенная, молодая, павой ходить, очами поводить, а ни на кого кромъ васъ и глядѣть не хочетъ. Что за красавица, что за разумни-

ца, санидочка, хозяйка, распорядокъ знаетъ; и такіе и бегъ нозолеты, стало бы и на двоихъ, не только на одну! И ужъ мало ли за нею ухаживаютъ—мало ли вотъ хотя и меня спрашиваютъ: матушка Степанида Павловна, ручки, ножки, говорятъ, разцалую тебѣ—вотъ ей Богу, не дай Господи съ мѣста сойти, говорятъ—только покриви, говорятъ, за насъ душой— а: жѣтъ, сударики мои, ужъ скажете ли жѣтъ мѣтъ ютъ Христіанъ Христіановичъ привѣтъ да отвѣтъ, такъ это кавалеръ отборный, пригожій, для него, говорю, постараться можно — а вы что, съ вами что нѣтъ? много васъ тутъ!....

Все это проговорила Степанида Павловна такимъ осторожнымъ, двуязычнымъ голосомъ, что могла, по обстоятельствамъ, сдѣлать изъ словъ своихъ все что угодно; приступъ былъ по-видимому рѣшительный и шлъ прямо къ дѣлу;—но если бы Христіанъ не подался нисколько, то она повернула бы слова свои въ шутку и увѣрила бы его, что ему-де такихъ не вѣсть и во снѣ не видать; но какъ Громобой нашъ, подперши бороду локтемъ отъ изумленія призадумался, то Степанида не медля ни минуты напустила на него всю стаю гончихъ своихъ, приударивъ языкомъ во все лады и на все напѣвы. Зная слабѣйшую сторону Христіана, послѣ неограниченнаго самолюбія его, то есть, крайность, въ которой онъ теперь находился, она прямо перешла къ тому, что особа, въ которой столько добродѣтелей, завтра же выручитъ своего возлюбленнаго изъ бѣды, ушлатитъ все долги его и одѣнетъ рубашку ровно куколку вынужденную, и будете вы съ моею сударушкой жить да поживать, добра наживать— а ты, красавецъ, тогда и меня сироту безприютную не забудешь, вѣкъ ставешь помнить и благодарить, Бога за меня молить.

Христіанъ, скорчивъ такую рожу, будто ему прищипъ лѣтъ въ петлю — еще-таки призадумался, не

зная что дѣлать, при такомъ неожиданномъ приключеніи. Они остановились подъ деревомъ; умный Аршетъ присѣлъ подлѣ, прислушиваясь, и въ ожиданіи отвѣта вытянулъ хвостъ по землѣ и вытянулъ впередъ шею, не сводя глазъ со своего барина; Аршетъ не обращалъ никакого вниманія на выставленную у дороги позади его черную доску и грозную надпись, которая строго запрещала ему входъ въ эти Елисейскія Поля, устроенныя заботливымъ начальствомъ собственно для людей; плотная барыня, прохаживавшаяся въ отдаленіи съ мѣшкомъ и съ огромнымъ зонтикомъ, по-видимому одного мнѣнія съ Аршетомъ и привела съ собою цѣлую тройку подружекъ, родственныхъ Аршету племянъ; одинъ у нея пудель стриженный, другой нестриженный, а третій какой-то головакъ, въ родѣ бульдога. Еще по-дальше видите вы знаменитый храмъ, выстроенный на мѣстѣ пруда, гдѣ потонулъ цѣлый мужикъ. Сумбурскій помѣщикъ, не часто прѣзжающій въ городъ, обошелъ садъ, посмотрѣть: все ли еще стоитъ на своемъ мѣстѣ; остановившись передъ храмомъ, надъ которымъ висится солнце съ расписаннымъ человѣческимъ лицомъ, помѣщикъ нашъ любитъ крылатымъ трубачомъ, для котораго по-видимому собственно храмъ этотъ построенъ, потому что трубачъ со столбомъ своимъ занимаетъ все мѣсто внутри храма, такъ, что, тутъ живому человѣку некуда приступить. Но обратимся къ нашему Христіану: онъ всё-еще стоитъ въ раздумьи, Степанида продолжаетъ нашептывать ему сладкія рѣчи, а онъ слушаетъ, и, наконецъ, увлеченный новостію своего положенія и неожиданною помощію, ударилъ по рукамъ.

Кто же такова невеста его и откуда она вдругъ появилась? какимъ образомъ влюбилась въ несчастнаго Христіана?

Невеста эта молодая вдова Ахтимьева, которую называли обыкновенно въ Сумбурѣ просто ахти-ми!

Она возмущена не совсемъ дурнаго имѣнья; но слухи насчетъ смерти мужа ея неслись самыя зазорныя. Дѣло было темное. Мужа схоронила она лѣтъ тому шесть, и продолженіи этого времени вдовушка наша вела себя не такъ, чтобы заставить Сумбурцевъ — этихъ строгихъ цѣнителей нравственности — позабыть прошлое, а напротивъ, напоминала о себѣ почти ежедневно въ разговорѣ временникъ Сумбура. Христіанъ, правда, и самъ слыживалъ прежде кое-что про агу ахти-миѣ, но, конечно, и во снѣ не видалъ, чтобы она сдѣлалась ему столь близкою. Какъ утопленникъ, Христіанъ ухватился кнѣже въ отчаяньи за соломенку — и читатель, конечно, предвидитъ, что это послѣднее усиліе его не спасетъ. Голова, разстроенная бѣлой горячкой, сердце измученное неудачами и бѣдствіемъ всякого рода, отчаянное положеніе, изъ котораго не было никакихъ средствъ вынутаться — всё это вмѣстѣ заставило Христіана проглотить пилюлю, которая сверхъ того еще была вызолочена грубою, но удачною лестью.

На другой же день Христіану назначено было свиданіе съ невестой, потому что дѣло было спѣшное, съ обѣихъ сторонъ; ему грозили тюрьмой, а у ней — былъ свой, домашній спѣхъ. Христіанъ, рѣшившись на такое спасительное дѣло, по-видимому ожилъ, повеселѣлъ, старался расписать будущность свою по возможности веселыми красками и явившись къ невестѣ (№ 45), отъ нетерпѣнія и любопытства полчаса раньше назначеннаго, надѣлалъ-было большой тревоги. Ахтимиева, какъ прїезжая, занимала въ Сумбурѣ одну только небольшую комнату, и по тѣснотѣ помѣщенія не любила принимать посѣтителей иначе, какъ по одиночкѣ. Вотъ почему Христіанъ внезапнымъ и преждевременнымъ приходомъ озадачилъ такъ невесту свою, которая спѣшитъ ударить по рукамъ, — чтобы его скорѣе ослѣпить и задобрить; бѣдный Христіанъ прешеловко принимаетъ руку ея, глядитъ ка-

клямъ-то дурачкомъ, улыбается съ какою-то шведскою ужимкой. Степанида Павловна также пришла заблаговременно, принарядившись очень молодежливо, но никому не помъшала, а напротивъ, много снособствовала къ тому, чтобы скрыть замъшательство хозяйки и не показать расплоха; вотъ почему она и стоитъ съ прелунавнымъ взглядомъ за стуломъ невесты, какъ-будто прикрывая или загораживая собою что-нибудь, какъ кажется за нею нтъ ничего — а Христианъ угаивал неподвижные глаза свои какъ шуна, яря, прямо передъ себя, и ничего не видитъ, не замъчаетъ. Будете благонадежны, въ свое время замътитъ.

Виольдамуръ истинно не успъвъ ошоминиться, полагаъ, что онъ все-еще думаетъ, ръшиться ли ему или нтъ, размышляя, что начать, если отказался — какъ былъ уже обвинчалъ и внезапно сдъался отцомъ большаго семейства. Пышной свадьбы Христианъ не ждалъ и не желалъ, а потому и былъ доволенъ предложениемъ невесты, чтобы уехать, не говоря никому ни слова, изъ Сумбура, обвинчался въ осъднемъ селъ на половине пути и проехать прямо въ Марушино, въ помъстье невесты. Долги Христиана были уплачены, разръшеніе на выездъ получено; и такъ чета наша собралась не медля въ дорогу и поехала. При укладкѣ и другихъ распоряженіяхъ много помогалъ какой-то близкій родственникъ невесты, отставной штабсъ-ротмистръ. Онъ же, какъ родной, ѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ невестой, а Христианъ, для приличія, особо, со свахой. Степанида Павловна во всю дорогу утвшала его будущимъ благополучіемъ. Черезъ нъсколько часовъ пріехали въ село, гдѣ къ удивленію жениха все уже было готово и чету нашу обвнчали. Христианъ самъ не могъ постигнуть, какъ это сдъалось и что съ нимъ стало — и правду сказать, не въ лицу какъ-то ему было званіе женатаго человека и не пристало, какъ коровъ сдло. Изъ вечера пріехали въ

Марушкино—и Христіанъ увидѣлъ нѣсколько запущенный господскій домикъ и другія хозяйственныя постройки, которыхъ хозяиномъ назваться было ему довольно пріятно. Въ первый разъ, послѣ бѣдствій, музыка пришла ему опять въ голову и онъ вообразилъ, что теперь исполнятся всѣ золотыя грезы его, осуществятся всѣ мечты; теперь, когда онъ будетъ жить беззаботнымъ помѣщикомъ, посвящая себя вполне своему искусству. Христіанъ зналъ, что у супруги его есть дѣти отъ перваго мужа, съ которымъ она впрочемъ жила очень короткое время—но не позаботился даже или, лучше сказать, не умѣлъ спросить сколько ихъ, а слышалъ только, что они остались въ деревнѣ. Вшедши подъ руку съ супругой въ комнаты, между-тѣмъ какъ братецъ несъ шаль ея и шляпку—бѣдный Христіанъ собственными глазами своими убѣдился, что и то и другое было въ точности справедливо; шестеро ребятъ обоего полу, всѣхъ возрастовъ, начиная отъ десяти лѣтъ до девяти мѣсяцевъ—разсчитывайте тутъ какъ хотите—встрѣтили маменьку, которая не умѣла еще переключать ихъ, представляя поочередно напенькѣ, какъ Христіаномъ внезапно овладѣло какое-то ужасное чувство. Онъ остолебенѣлъ отъ ужаса, и въ страшномъ волненіи, спросилъ: «Какъ, всѣ, это всѣ ваши? (№ 46.)—Да, всѣ—отвѣчала она—и морщины начинали сбѣгаться на ясномъ челѣ ея—всѣ; что же, вы, что ли ихъ кормить будете? о чемъ вы беспокоитесь?». . . . Бѣдный Христіанъ всѣ-еще не могъ опомниться; онъ схватилъ себя въ отчаянныя за голову и вытаращивъ глаза, началъ спрашивать, указывая на всѣхъ поочередно: «и этотъ, и эта, и этотъ.... всѣ ваши?» Кормилница показала въ дверяхъ, и вынесла послѣдняго, шестаго; больше видно не было. Аршетъ смотрѣлъ какими-то дуракомъ на полную избу ребятъ и мотая ушами, будто хотѣлъ стряхнуть муху, прятался за своего господина. Явленіе это кончилось тѣмъ, что

супруга скрылась въ свои комнаты, хлопнула за собою дверью—а Христианъ остался въ залъ. Можете собѣ представить, какимъ онъ дуракомъ расхаживаетъ изъ угла въ уголъ, между-тѣмъ какъ дворня суетилась около него, пробѣгая взадъ и впередъ, то къ барынь, то отъ барыни—не обращая никакого вниманія на новаго хозяина; но временамъ только, когда быготня утихала, такъ называемый человекъ высовывалъ осторожно голову свою изъ передней и рассматривалъ привѣжаго.

Прошло часа полтора; хозяйка не показывается, братна не видать, Степаниды Павловны даже и не слышно. Смерклося; въ покои барыни давно пронесли самоваръ съ принадлежностію—а наконецъ и свѣчи, при чемъ Христианъ былъ простымъ зрителемъ, и видѣлъ только какъ мальчикъ пролетѣлъ мимо его мимоходомъ и съѣхавшись въ дверяхъ нечаянно съ дѣвкою, которая насунулась изъ-за угла, ударилъ ее огромнымъ мѣднымъ шандаломъ въ лобъ, такъ, что подсвѣчникъ покотился, а салная свѣча свайкой уткнулась въ полъ; дѣвка посчиталась съ мальчикомъ за это, вовсе не стѣсняясь присутствіемъ хозяина-гостя, двери опять затворились, и все стихло. Виольдамуръ рѣшительно не зналъ, чтó дѣлать и какъ къ чему-нибудь приступить. Положеніе его было такъ страшно, такъ ново для него, что онъ не умѣлъ въ немъ найтись. «Нельзя же мнѣ вѣкъ сидѣть въ этомъ глупомъ положеніи, думаетъ онъ—невѣроятно даже, чтобы мнѣ пришлось ночевать здѣсь какъ на почтовой станціи»—а между-тѣмъ онъ и не понималъ, какая тутъ можетъ быть развязка и чѣмъ все это можетъ кончиться. Не хотѣлъ онъ идти къ дражайшей половинѣ своей: онъ не привыкъ еще къ мысли, что онъ дѣйствительно женатый человекъ и что жена его тутъ, черезъ двѣ комнаты отъ него;—онъ, по чувству, смотрѣлъ на все чтó его окружало,

какъ на чужбину; сватовство и женитьба казались ему какимъ-то несвязнымъ, бессмысленнымъ сномъ— онъ упалъ въ изнеможеніи на диванъ, закрылъ глаза, въ ушахъ у него зазвенѣло и несвязные образы летали вокругъ него въ потьмахъ. Вдругъ въ глазахъ его посѣпались искры, его обдало свѣтомъ и знакомые чертенята потянулись передъ нимъ вереницей, одинъ гаже и страннѣе другаго. Бѣдняку показалось, что онъ въ бѣлой горячкѣ и сидитъ еще въ больницѣ, подъ чубарымъ одѣломъ, гдѣ каждая картина рисовалась въ глазахъ его исковерканнымъ чортикомъ новаго склада и строю— Христіанъ вскочилъ въ бѣшенствѣ, срывая платокъ съ шеи—и передъ нимъ стояла, сладко улыбаясь, Степанида Павловна, со свѣчою въ рукахъ.—Что же вы это, Христіанъ Христіановичъ, видно устали съ дороги, присѣли-себѣ въ уголокъ, —развѣ такъ молодые дѣлаютъ на новосельи? Пойдемте, батюшка, да положите съ супругою—то по поклону передъ образомъ, помолитесь Господу Богу, да и милости просимъ: не чужой же вы тутъ человѣкъ, слава Богу, домой чай пріѣхали, а не въ гости.... смотрите-ка, гдѣ домикъ хоть куда, не обманула я васъ, батюшка, не бойтесь, а завтра и ѹхожи посмѣтрите, полюбуетесь, и деревеньку обойдете, и поля объѣдете.... Что же вы такъ не.... не весело смѣтрите?

Вольдамуръ ничего не слышалъ, а видѣлъ только, глядя прямо въ глаза Степаниды Павловны, старыхъ враговъ своихъ, чертей разнаго покрою, которые дразили его страшными и омерзительными ужимками. Отъ этого лицо его приняло такое страшное выраженіе, что Степанида, хоть она была и не робкаго десятка, перекрестилась наконецъ и отступая задомъ, вышла тою же дорогою, которой вошла, и унесла съ собою свѣчу. Хозяинъ остался опять въ потемкахъ, но всё-еще стоялъ, какъ на сторожѣ противъ непріятеля, вытянувшись, стиснувъ кулаки, протянувъ шею,

и поворачивая голову медленно то въ ту, то въ другую сторону. Немного погодя двери въ залу приотворились изъ гостиницы плотно и замокъ щелкнулъ, а изъ передней вскорѣ затѣмъ вошелъ человекъ со свѣчай, потомъ другой съ часомъ, тамъ третій съ однимъ приборомъ; накрыли въ залѣ столикъ и подали ужинать; между-тѣмъ дѣвка едва не увязла въ дверяхъ съ огромной периной, какъ съ возомъ сына, протаскала ее однако же и понесла въ кабинетъ, гдѣ принялась взбивать ее и стлать постель. Долгое время все это ходило вокругъ Христіана какъ китайскія тѣни, наконецъ вопросъ человека: «кушать будете-съ?» пробудилъ его нѣсколько; онъ пронесся по комнатамъ, выпелъ освѣжиться на воздухъ, услышалъ тамъ отрывокъ разговора между дворовыми людьми, въ положеніи его вовсе не утѣшительный, воротился въ комнаты, заперся въ кабинетъ и кинулся, накрывъ лицо руками, на одинокую постель.

Утромъ Вюльдамуръ проснулся отъ стука у дверей кабинета; онъ вскочилъ и сталъ оглядываться, чтобы опознаться, гдѣ и что онъ—передъ нимъ диванъ, на которомъ постлана постель; подъ окномъ столъ, пара старыхъ стульевъ, дѣлая стѣна уставлена книгами на полкахъ, надъ диваномъ мужской портретъ, изображавшій, какъ казалось, покойнаго хозяина; и все это покрыто густою пылью и паутиной. Между-тѣмъ кто-то нетерпеливо ломится въ запертую дверь; Христіанъ отпираетъ—входитъ довольно ошпанннй мальчъ, и на вопросъ: что нужно? отвѣчаетъ спокойно, проходя въ уголъ къ окну: «да баринъ трубку спрашиваетъ, гнѣвается, что долго не подаешь, а тутъ вы изволили запереться». Лакей взялъ трубку и ушелъ. Вскорѣ пришелъ другой и подалъ Христіану чашку чаю.

Слово, «баринъ» ошеломило Вюльдамуръ какъ обухомъ. Баринъ, подумалъ онъ, и простосиля нашъ теперь только сталъ догадываться, что самому ему,

конечно, въ домъ этомъ бариномъ не бывать и что нынѣшнее похожденіе его не иное что, какъ подготовленная самага дурнаго разбору шутка. Христіанъ разсвирѣялъ; онъ былъ въ состояніи снести въ эту минуту съ лица земли весь домъ и всю деревню супруга своей и не помня себя, съ проклятіями кинулся въ другіе покои. Двери въ гостиную разлетѣлись въ дребезги;—пробѣжавъ въ одну секунду еще одну комнату, Віольдамуръ засталъ все новое семейство свое за утреннимъ чаемъ. Супруга ахнула взглянувъ на изступленнаго мужа своего и кинулась подъ защиту брата; дѣти съ визгомъ разсыпались во все концы, а ротмистръ всталъ; а какъ лютой Христіанъ самъ первый пошелъ на него въ отчаянную атаку, то приземистый, широкоплечій братецъ вышвырнулъ жиденькаго Нѣмца въ одинъ толчекъ изъ комнаты, приперъ дверь и заступилъ ее ногою. Между-тѣмъ люди сбѣжались, и штабсъ-ротмистръ, ухвативъ трость покойнаго перваго супруга сестрицы своей, вышелъ разчѣстаться со вторымъ супругомъ ея, позвавъ еще съ собою двухъ человекъ. Христіана выпроводили, или вытолкали на крыльцо, велѣли въ ту же минуту закладывать бричку, а штабсъ-ротмистръ остался съ дубиной на часахъ при изгнанникѣ (№ 47); между тѣмъ насынки его показывали ему изъ-за дядюшкинышки, а уснокоенная супруга съ удовольствіемъ поглядывала на сцену эту въ окно. Вскорѣ выкинули Віольдамуру узелъ вещей его и шляпу, которую Архистъ немедленно подхватилъ въ зубы—упросили гости-хозяйина съѣсть въ бричку и повезли. Бѣшеная минута прошла для Христіана, онъ остылъ и дрожалъ только всѣмъ тѣломъ. Растянувшись въ изнеможеніи на мягкомъ снѣгѣ, покрытомъ ковромъ, пролежалъ онъ нѣсколько часовъ почти безъ чувствъ.

Наконецъ бричка остановилась, кучеръ слѣзъ съ козла и остался караулить Христіана, а дворовый

человѣкъ, сидѣвшій также на козлахъ, хлопоталъ о наемкѣ смѣнныхъ лошадей: распоряженіе чрезвычайное, которое показывало, что Віольдамура хотѣли доставить куда-то не теряя времени, не кормя лошадей. Христіанъ приподнялъ голову, глядѣлъ, припоминалъ, — церковь какъ-будто знакомая, а гдѣ и когда видѣлъ ее, не упомнить. Въ это время крестьяне, подошедшіе къ бричкѣ, глядѣли съ любопытствомъ на провѣзгаго, и также, по-видимому, его узнавали. — Вѣдь это молодой, сказалъ одинъ кучеру, что вчера у насъ съ барыней вашей вѣнчался? — Онъ. — Что жъ такъ онъ не успѣлъ прѣхать домой, опять ѣдетъ? — У насъ, братъ, такъ, отвѣчалъ кучеръ, собирая возжи и ударивъ лошадь ни за что ни про что кулакомъ по зубамъ: — у насъ все такъ, привеземъ, да и отвеземъ. Лихъ больно, не годится намъ такой, буянить сталъ, съ баринномъ въ драку полѣзъ-было — вотъ и прокатимъ его домой, коли домъ есть свой, да и свалимъ, а нето высадимъ гдѣ у забора....

Христіанъ опять уже лежалъ спокойно навзничъ и отъ солнца накрылъ глаза чернымъ шейнымъ платкомъ. Онъ слышалъ все это, глядѣлъ сквозь платокъ, какъ сквозь сито, на яркое солнце и между свѣтлыми искорками опять стали плясать у него передъ глазами чертенята. Кучеръ супруги его, держа лошадей своихъ въ поводу, подошелъ сбоку къ бричкѣ и спросилъ: — Что жъ, баринъ, на водку будетъ, что ли? Вишь, продолжалъ онъ отходя всторону, спитъ не бойсь.... Потомъ, закричалъ на лошадь, которая шла очень спокойно, ткнулъ ее дугой въ морду, спросилъ, когда-та отшатнулась: «но, чего испужалась, не видала что ли дуги?» и отправился дальше; ямникъ съ другимъ провожатымъ сѣли на козлы и бричка покатилась.

Прошло еще нѣсколько часовъ и бричка опять остановилась; лакей обернулся и спросилъ: — А куда прика-

жете вхати? Віольдамуръ привсталъ, чтобы осмо-
триться и узнать о чемъ его спрашиваютъ—видитъ во-
кругъ себя чистое поле, выгонъ, передъ собою какъ-буд-
то знакомыя кровли, а подлѣ сбоку одинокую будку и
въ ней бѣлаго козла, съ которымъ ямщикъ здоровался,
снимая шляпу и называя его Василюмъ Васильевичемъ.
Віольдамуръ догадался, что его привезли въ Сумбуръ,
вышелъ изъ брички, не говоря ни слова, и пошелъ
пешкомъ, не зная и не думая о томъ куда онъ идетъ.

Слѣдить ли намъ теперь, на этомъ послѣднемъ пу-
ти отчаянія за невозвратно погибшимъ Віольдаму-
ромъ? Томительное однообразіе этого пути, нисходя-
щаго прямою дорогою къ пропасти, въ которой мы
должны увидѣть бѣднаго Христіана, заставляетъ насъ
уклониться отъ этой тяжелой обязанности. Подлѣ пред-
логаго, что не желаемъ утомить писателя рядомъ не-
чальныхъ и возмущающихъ душу картинъ, мы бро-
симъ только сострадательный взглядъ на ту, которая
представляетъ намъ жалкаго героя повѣсти нашей на
послѣдней и низшей степени челоуѣчества (№ 48).
Все убито въ немъ, кромѣ однихъ только остатковъ
животной жизни и самая душа безъ вѣдома хозяина
подвигаетъ еще кое-какъ ржавыя колеса разруша-
ющагося снаряда. Каждый членъ и каждая мышца
тяготеетъ долу, утративъ самостоятельную жизнь и
жизненное напряженіе; одна только лѣвая нога удер-
живается въ своемъ положеніи своей силой и пока-
зываетъ, что передъ нами сидитъ, вѣроятно, еще живой
челоуѣкъ; правая вся отвалилась и лежитъ на землѣ;
одна рука покоится на Аршетъ, другая уперлась на
колено и въ свою очередь слабо поддерѣживаетъ голо-
ву, которую плеча не могутъ уже снести и потому пред-
оставили законамъ тяготѣнія неодушевленныхъ тѣлъ.
Печальная картина поздней осени окружаетъ помъ-
шанца; развалившійся тынъ послѣдній его приютъ;
лохмотья покрываютъ наготу—омерзительное утѣшеніе

многихъ несчастныхъ земляковъ нашихъ лежитъ подлѣ боку—но и это утѣшеніе пришло уже къ концу; словомъ, все кончено. Одинъ Арпетъ можетъ еще возбудить въ насъ какое-нибудь благородное чувство; неразумная тварь, которая съ участіемъ положила лапу на своего господина и глядитъ ему въ глаза; въ эту минуту, конечно, гораздо выше того, кому она служила десять лѣтъ съ такою неизмѣнною вѣрностью, стараясь отблагодарить за каждый кусокъ хлѣба посильными своими услугами.

И такъ вотъ въ такомъ положеніи теперь передъ нами Христіанъ Віольдамуръ, за которымъ мы слѣдили со дня рожденія его, познакомившись съ добрыми старичками, родителями его, съ Акулиной и большой ея лежкой, съ глухими дядей, кухаркой его, съ Иваномъ Ивановичемъ—и мимоходомъ еще со многими другими людьми. Кто ожидалъ прочесть романъ, тотъ ошибся и будетъ сътовать; это рядъ готовыхъ картинъ, на которыхъ провели мы зрителей съ объяснительной статьей въ рукахъ. Можеть-быть нѣмне, дошедши до той картины, о которой мы сейчасъ говорили, усомнится, стоить ли предметъ этотъ развѣ и карандаша и стоить ли онъ вниманія такихъ образованныхъ и благовоспитанныхъ читателей.... отвѣтъ на это могъ бы быть очень обширенъ; но мы постараемся сократить его въ нѣсколько строкъ. Строгіе критики и судьи наши, которые боялись мовелѣй, и потому никогда почти сами не берутъ въ руки теноръ или рубанокъ, а прогуливаются только со складнымъ эршичникомъ—присяжные судьи наши говорятъ, что между измышленнымъ и нравственнымъ нѣтъ ничего общаго; что цѣль измышленнаго стоитъ сама по себѣ, а нравственнаго сама по себѣ. И потому если большая часть французскихъ романовъ новой школы безнравственны, то есть, оставляютъ на дунѣ такое впечатлѣніе, отъ котораго читатель старается какъ-нибудь отдѣлаться,

забыть его, потому что оно оскорбляетъ въ сознательной глубинѣ нравственное чувство, выставая его ничтожной химерой, тогда какъ развратъ и пороки—какъ у Решетникова водовиль—у романтистовъ этикъ есть вещь, а прочее все гиль, если гонорю это такъ, и писатели какъ сами иногда вынуждены бывають въ томъ сознаться,—то они отвѣчаютъ: какая нужда, произведение всё—таки изящно, и его должно читать, удивляться ему и вѣщать лаврами творца его.

Съ этой точки зрѣнія мы однако же не любимъ смотрѣть на предметы; лучше станемъ туда, гдѣ можно собрать около себя все что есть въ душѣ святаго, нравственно-изящнаго и истиннаго: тогда мы сдѣлаемся также несоизмерительнѣе къ человечеству, не столь безразличными по баловству и прихоти—тогда при взглядѣ на Христіана Виольдамура, даже и въ настоящемъ его положеніи, онъ возбудитъ въ насъ не одно только отвращеніе, но и нѣкоторыя другія, болѣе христіанскія чувства. Есть народы, гдѣ цѣлыя поколѣнія увладають прежде времени отъ непостижимой для насъ страсти—отъ куренія или поглощенія опиѣ; есть народы, охотно бующіе въ шумныхъ сборищахъ, опившись хмелемъ винограда—и еще такіе, которые увлекаются судьбой, опасные виномъ хлѣбнымъ; пьютъ съ горя, съ радости, пьютъ просто потому, что есть на что выпить—пьютъ или не на что выпить—и, наконецъ, пьютъ запоемъ и пьютъ до белой горячки. Вы видите, что мы не выставимъ вамъ на показъ какого-нибудь изверга, созданнаго природой не въ примѣръ другимъ;—напротивъ, это человекъ самый обиходный и пороки его принадлежатъ не лицу, а человечеству, или по крайней мѣрѣ народу.

Но насъ ждетъ картина еще грустиве этой, и, кажется, изящиве по смыслу (№ 49). Чистое поле, все пусто,—тычinka, камень, сосенка, столбовая дордга—и Архистъ несется во весь духъ. Куда, за тьмъ, и гдѣ же ба-

ринь его? Аршетъ ищетъ барина своего—вотъ все, что должно подписать подъ этой картиной: другихъ толкований не нужно. Аршетъ въ чистомъ полѣ ищетъ своего господина, и чутье ведетъ вѣрную собаку всё прямо, по печальной дорогѣ, на поворотѣ которой виднѣтъ изъ-дали указательный столбъ. Кто заботится о пропавшемъ безъ вѣсти Христіанѣ, кто его ищетъ, кто сочувствуетъ ему, или праху его? Кто изъ жителей Сумбура, вспомнивъ, что былъ въ городѣ человекъ, котораго въ быдое время на перехватъ зазывали въ гостинныя—кто спроситъ теперь: гдѣ онъ и что съ нимъ, и кто поидетъ его искать? Аршетъ, одинъ Аршетъ, и больше никто; и тотъ дѣлаетъ это, какъ надобно полагать, только по глупости и бессмысленности своей, какъ неразумная тварь; иначе и ему бы до Христіана не было теперь никакой нужды.

Была поздняя осень—настала зима; повалилъ снѣгъ хлопьями, а у жителей Сумбура дымъ изъ трубъ: въ городѣ стали топить печи, готовить сани и забирать въ долгъ шубы, кто у бакалейщика, кто у заики. Готовилось нѣсколько баловъ; новый прѣдводитель, который ходилъ съ непривычки въ званіи своемъ какъ въ чужомъ кафтанѣ, также разсудилъ попировать и пригласить дворянство и чиновниковъ; у кого были пса-ри и псы, тотъ съдлалъ коней и выѣзжалъ на порѣшу. Между-тѣмъ этотъ же снѣгъ засыпалъ на поворотѣ большой дорогѣ, неподалеку столба, свѣжую могилу и подлѣ нея мертвую собаку. Когда морозный сѣверякъ со свистомъ налегалъ на окружныя поляны и вѣковая сосна, по сю сторону дорогѣ, противъ могилы, вряхтѣла—то ни Аршетъ, ни баринъ его уже не зябли, а вѣтеръ вздымалъ только по временамъ темно-бурую шерсть вѣрной собаки.

Изъ умныхъ людей, которые, то есть, были въ своемъ умѣ, никто въ Сумбурѣ не вспоминалъ Христіана: это мы уже сказали; но сумасшедшій бакалавръ поставилъ

на могилѣ самодѣльный крестъ.—Віольдамура нашли уже остывшаго, подъ тыномъ, и потому, по обычаю, закопали просто на дорогѣ—да сверхъ-того безумный приходилъ иногда, когда ему чудилось, что былъ поведѣльникъ, среда или пятница, читать надъ одинокой могилой псалтырь.

Харитонъ Волковъ, написавъ послѣ долгаго молчанія другу своему письмо, со многими вопросами о жизни его и со столичными новостями, получилъ его обратно, съ надписью, на немъ: *за смертью получателя*. Акулина долго перемогалась отъ старости своей, но, наконецъ, уѣхала въ деревню на родину умирать, потому, какъ она объяснялась, что тамъ жить дешевле. Иванъ Ивановичъ здравствуетъ еще, обзавелся новой пуховой шляпой, и охотно рассказываетъ выигранное дѣло Віольдамура, со всеми проеками своими и хитростями,—а потомъ прибавляетъ: «онъ малый былъ хоть-куда, и на скрыпкѣ игралъ славно и на чешѣ уютно; не знаю теперь что дѣлаетъ, а ему ужъ годовъ двадцать пять видно будетъ.»

В. ЛУГАНСКИЙ.

=

РУССКІЙ МОРЯКЪ.

=

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЛѢДЬ.

=

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛЮДИ.

ГЕНЕРАЛЪ***, начальникъ кибурн- скаго дивизиона.	ЛОЗВИНСКІЙ } морское офицерство.
АДЪЮТАНТЪ генерала ***.	ВАДОЛЬСКОЙ } морское офицерство.
ШАРКОВЪ, майоръ пѣхотнаго полка.	УРЯДНИКЪ матросовъ.
САКЕНЪ, капитанъ-лейтенантъ, по- мандиръ дуббелъ-шлюпки.	МАКАРЪ, старшій матросъ.
ВАРВАРА ГРИГОРЬЕВНА, жена его.	ЯКОВЪ ГУРАИЧЪ ОУЧАИЧЪ, коммисаръ.
СЕРЕЖА, сынъ его.	Пѣхотные и кавалерійскіе офицеры, солдаты разныхъ полковъ, матросы.

Дѣйствіе происходитъ на Кибурнской Косѣ, близь Очакова и Херсона, въ 1788 году.

=

Комната въ квартирѣ Сакена.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

МАКАРЪ, одинъ.

Капитанъ не возвращается. Вотъ ужъ, подлинно сказать, морякъ: ему душно въ горницы — хоть по морскому берегу пройдетъ: такъ на душъ будто отраднѣе станетъ, веселѣе, какъ послушаетъ сказку волны морской, либо прислушается къ пѣснѣ знакомаго вѣтру.... Оно, конечно, въ разсудокъ надобно принимать, что

и земля Божіе созданіе, и на земль хорошо, а всё-таки на морь-то лучше... во-первыхъ, просторіе: куда хочешь махни — гуляй душа! Въдь и подводные-то камни подлѣ земли только торчатъ, а въ раздѣльномъ морь нѣтъ ни сучка, ни задоринки... а во-вторыхъ, у нашего брата, моряка, душа на распашку, и у насъ не говорятъ: своя рубашка къ тѣлу ближе, а твое, мое, все наше.... Хе! за что я и моего капитана люблю... нѣтъ! ужъ такихъ людей на земль не найдешь, а зато есть на земль люди... они, какъ-бы сказать, вотъ такъ — не то что мухоморъ, не то что крапива, а между ними середка на половинѣ... Да вотъ одинъ изъ такихъ народцовъ на лицо является: не угодно ли полюбоваться?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

МАКАРЪ И ЯКОВЪ ВУРЧАТЬ ОТЧЕТНИЪ.

ОТЧЕТНИЪ.

Здорово, Макарушка!

МАКАРЪ.

Здравія желаемъ вашему благородію!

ОТЧЕТНИЪ.

Подымай выше, любезный... Хе, хе, хе!

МАКАРЪ.

Будто вамъ будетъ лучше, когда васъ по-выше поднимутъ?

ОТЧЕТНИЪ.

Да, ужъ подняли, любезный, то есть, понимаешь — высоко... благородіе... Сейчасъ ассессорскій рангъ объявленъ... призвали къ генералу и его превосходительство самъ соизволилъ мнѣ сказать, что я повѣщенъ—тѣу! повышенъ въ оберъ-коммисары осьмага

класса.... Хе, хе, хе! вѣдь это значить родивей дворянинъ, то есть, потомственный....

МАКАРЪ.

Честъ имѣемъ поздравить, ваше благородіе!

ОТЧЕТИНЪ.

Высоко...

МАКАРЪ.

Да еще привыкнуть не могу—память у меня такая, что если магарыча не закрѣпите, такъ и никогда не вытвержу...

ОТЧЕТИНЪ.

На водку? Изволь, любезный, изволь... *(Опускает руки въ карманы.)*

МАКАРЪ, всторону.

Видно обрадовался—на водку даетъ! Да, это на матицъ зарубить надобно... *(Отчетникъ вынимаетъ изъ кармана табакерку, и нюхаетъ табакъ...)* Э, э! нѣтъ! видно у коллежскаго ассессора привычка осталась прежняя: самому брать, а другому не давать....

ОТЧЕТИНЪ.

Потомственный! Теперь можно и всторону изъ комиссарства... оно, такъ—тепло... Да отчеты, отчеты проклятые... теперь куда-нибудь по-дальше, въ уголокъ, хоть въ наше благословенное Пошехонье—воеводскимъ товарищемъ, да устроить себя хиборужку... А те тутъ — море бурное, и вѣтры—то не свой братъ: повдешь, вотъ хоть изъ Кинбурна въ Херсонъ—дунеть на тебя какая-нибудь дрянь: бултыхъ и поминай, какъ звали... Нѣтъ! блаженъ кто дослужился до ассессоровъ, успѣлъ запасти что-нибудь на старость, и сказалъ *прости честолюбію*.... Пусть другіе влачатся по тревоженію морской бездны и мірской суеты!

МАКАРЪ.

Вотъ ужъ вы, Яковъ Гурьячъ, теперь и о деревняхъ

и о воеводствѣ думаете, а помните, какъ бывало въ Архангельскѣ...

ОТЧЕТИНЪ.

Ну, ну... ну, что въ Архангельскѣ?

МАКАРЪ.

Батюшку-то вашего весь Архангельскъ зналъ....

ОТЧЕТИНЪ.

Да, онъ былъ человекъ довольно извѣстный...

МАКАРЪ.

Какіе онъ пироги пекалъ! бывало и вы кричите: «пироги горячіе!»

ОТЧЕТИНЪ.

Ну, ну! ни.... пироги! а знаешь ли ты, любезный, что иное не надобно всегда помнить.... Вотъ, напримеръ, какъ я тебѣ въ Херсонѣ на водку далъ.... помнишь, третьяго года....

МАКАРЪ.

Какъ же, помню, вамъ хотѣли, кажется, немножко этакъ... ребры пощупать... а я за васъ заступился...

ОТЧЕТИНЪ.

У тебя память только на глупости.. пощупать ребры! пироги!... Мало ли кто чѣмъ торгуешь, да люди-то ѣдятъ пироги съ грибами, а держатъ языкъ за зубами....

МАКАРЪ.

Власть ваша, а мы, люди простые, что думаемъ, то и говоримъ...

ОТЧЕТИНЪ.

И очень глупо дѣлаете... что мыслишь, слышишь, знаешь, видишь—молчи, не твое дѣло, ибо такъ и законъ велитъ — не осуждать ближняго... А кромѣ-того, и въ кулекъ попасться можешь за длинный язычокъ... Да, ты тупъ! Гдѣ тебѣ политику понимать!....

ДВУХЪ ТРЕНІИ.

ТЪЖЕ И МАРКОВЪ.

МАРКОВЪ.

Что, Макаръ? Капитанъ дома?

МАКАРЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

МАРКОВЪ.

Ну, тѣмъ лучше.—Поди-ка тамъ, того, ящички, да коробки: вели ихъ пронести по-скорѣе вотъ въ эту комнату.... Да, тамъ еще ждетъ гостя..., скажи, что она можетъ прійти сюда...

МАКАРЪ.

Слушаю, ваше высокоблагородіе!

(Уходитъ.)

ОТЧЕТНИЪ.

Вашему высокоблагородію честь имѣемъ свидѣтельствовать глубочайшее почтеніе.

МАРКОВЪ.

А, Яковъ Гурьичъ! Вы какъ здѣсь? *(Всторону.)* За тѣмъ чортъ принесъ сюда эту комиссаріатскую крысу!

ОТЧЕТНИЪ.

Шелъ и зашелъ. Какъ здоровье ваше?

МАРКОВЪ.

Кто у солдата о здоровьи спрашиваетъ? Солдатъ всегда долженъ быть здоровъ. Вотъ иное дѣло вы, народъ статскій, сухопарый, заботъ, у васъ много: вамъ безъ хворости, да безъ латинской кухни прожить нельзя... а нашъ генералъ и въ вахтъ-парадъ своимъ написалъ: «бойся богадѣльни, нѣмецкія лекарства тухлыя, вонючія—къ нимъ русской солдатъ не привыкъ—у насъ есть въ артеляхъ свои лекарства: кашка, корешокъ, травка—муравка!».... Ну, что вотъ васъ на одну руку трехъ мало... А! *(Вертитъ его.)*

ОТЧЕТНИЙ.

О, о! господаиъ маіоръ! Я, впрочемъ, на здоровье по-
жаловаться не могу—цью и эмъ славно...

МАРКОВЪ, всторону.

Чужое.

ОТЧЕТНИЙ.

Сплю хорошо....

МАРКОВЪ.

И спите? неужели?

ОТЧЕТНИЙ.

То есть, что вы разумеете...

МАРКОВЪ.

Ничего. Вотъ нашъ братъ, солдатъ, совѣсть подъ
голову подложилъ, иногда и подушки нѣтъ — хранишь
себя, а у васъ вѣдь иногда подушка мягкая, а подъ
головой вертится, и колеть, какъ ѣжъ!

ОТЧЕТНИЙ.

Ну, въ *нашемъ* съ вами рангъ не то, что тамъ оберъ-
сержантъ какой-нибудь...

МАРКОВЪ.

Въ какомъ рангъ?

ОТЧЕТНИЙ.

Будто вы ничего не слышали?

МАРКОВЪ.

Въ Очаковъ что-то палили...

ОТЧЕТНИЙ.

Пускай ихъ палить!

МАРКОВЪ.

Говорятъ, нашъ Воиновичъ отправился бить Тур-
ковъ...

ОТЧЕТНИЙ.

Да, помилуйте! неужели вы кромъ битвы, да паль-
бы ничего не знаете...

МАРКОВЪ.

А что же мнѣ еще знать? Пушкина—мать, ружье—сынъ,
сабля—сестра, пуля—невѣста, а остальное не наше дѣло!

ОТЧЕТНИНЪ.

Неужели васъ не порадуетъ, примѣрно, повышеніе вашего добраго пріятеля—награда исправнаго чиновника за вѣрную службу... Я получилъ рангъ маіорскій!

МАРКОВЪ.

Вы?

ОТЧЕТНИНЪ.

Да, ассессорскій рангъ, что по табели о рангахъ значтъ осьмой классъ, высокоблагородіе, равный сухопутной службѣ маіору, по морской капитанъ-лейтенанту, по горной оберъ-гиттенфервальтеру, по предворной постельничему.....

МАРКОВЪ.

Право? Такъ вы—маіоръ?

ОТЧЕТНИНЪ.

Будто вы табели о рангахъ не знаете!

МАРКОВЪ.

У насъ своя табель о рангахъ: лихой рубака—прапорщикъ, разлихой молодецъ — поручикъ, храбрый удалецъ—капитанъ, безстрашный, чортъ возьми—маіоръ, герой—полковникъ...

ОТЧЕТНИНЪ.

Вы всё этакъ миеологически говорите... Вотъ и вашъ генералъ—умный человекъ, а....

МАРКОВЪ.

Мы не только миеологически говоримъ, да миеологически и дѣлаемъ: съ семнадцатю тысячами разбили подъ Кагуломъ сто осемьдесятъ; приплыли къ Царьграду, и сожгли флотъ турецкій въ глазахъ султана. Румянцовъ переходилъ за Дунай, а посмотрите, шлі не мы, такъ дѣти наши перейдутъ за Балканы, и поднишутъ миръ—ужь навѣрное въ Адрианополь.... вѣдь разумвется, въ Царьградѣ нежданныхъ гостей дожидаться не стануть, а пришлютъ съ повинной головой — батюшка! Не ходи! Саламалыкъ! бери что хочешь!

ОТЧЕТИНЪ.

Все это очень похвально, и даже полезно, потому что чѣмъ дальше походъ, тѣмъ больше понадобится воловъ, хлѣба, аммуниціи, что весьма поощряетъ къ службѣ управляющихъ комиссаріатскою частью...

МАРКОВЪ.

Ну, я не советую вамъ быть смотрителемъ за волами и хлѣбомъ при нашемъ генералѣ...

ОТЧЕТИНЪ.

Да, да! онъ, знаете, право... такой...

МАРКОВЪ.

Что? какой? Не спрашиваетъ числа непріятелей, и требуетъ, чтобы солдатъ былъ у него сытъ и одѣтъ...

ОТЧЕТИНЪ.

Прекрасно, да вѣдь онъ никакихъ резоновъ не принимаетъ... ну, разсудите милостиво: требуетъ теперь провіантъ, когда по отчетамъ его крысы съѣли... въ этой проклятой турецкой землѣ такая бездна крысъ, и такія большія и жадныя... теперь, когда я пришелъ благодарить его за чинъ, онъ мнѣ на-прямикъ сказалъ: «Помилуй Богъ! помилуй Богъ! чинъ вы получили не отъ меня, а я прошу васъ отсюда убираться, а нето я васъ почию по-свѣдому».... Вовсе политичнаго обхожденія не знаетъ....

МАРКОВЪ.

Ха, ха, ха! Ну, что же вы?

ОТЧЕТИНЪ.

Намъ противъ большаго человека спорить не приходится—сморчалъ, согнулся, да вотъ и пришелъ къ капитану: не побѣдетъ ли онъ въ Херсонѣ?... Ужъ это мнѣ море—терпѣть его не могу, да вѣдь видите куда насъ завели: съ одной стороны Татары, съ другой бездна морская... ужъ если бы не желалъ добыть рангъ—давно бы убрался отсюда... не люблю ни Татаръ, ни моря, а отъ проклятыхъ пушекъ....

МАРКОВЪ.

Принимаетъ васъ пушечная лихорадка?

(Макаръ несетъ коробки.)

ОТЧЕТНИЙ.

Это что за коробки?

МАРКОВЪ.

Не тая, какія будутъ вамъ носить съ задняго крыльца, когда вы воеводой сдѣлаетесь... Это коробки съ порокомъ, отъ котораго вспыхиваетъ веселье въ бесѣдѣ друзей—просто, дюжина бутылокъ вина, которую мы хотимъ распить съ капитаномъ и его друзьями...

ОТЧЕТНИЙ, лукаво.

Да, съ вами, кажется, и не только друзья будутъ... Охъ, вы господа военные! и Турковъ бить, м... шуры, муры....

МАРКОВЪ.

Право? вотъ вы всё по себѣ судите—вѣдь мы знаемъ ваши херсонскія шапки...

ОТЧЕТНИЙ.

Право, вадерь! Да и то сказать — я человекъ холостой, а капитанъ... кажется, у него супруга такая красавица, что ужъ ему на сторонку смахивать грѣхъ...

МАРКОВЪ.

Онъ и не смахиваетъ, а если хотите узнать, кто у насъ гостя будетъ—рекомендую...

ЛЮБЕННИ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ГОСПОЖА САКЕНЪ, СЪ СЫНОВЪ.

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Его нѣтъ? какъ хорошо удается нашъ скверинъ!

МАРКОВЪ.

Превосходно! Онъ и не поминтъ о своихъ изощреняхъ, и вдругъ увидитъ столько добрыхъ гостей!

ОТЧЕТНИЙ.

Какъ, матушка, Варвара Григорьевна—вы сюда по-жаловали, въ это гибельное гнѣздо ужасовъ и страху смертнаго, гдѣ всѣмъ намъ ежемгновенно угрожаетъ сила мусульманская....

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Мнѣ до нея немного надобности...

ОТЧЕТНИЙ.

Да, какъ же вы сюда-то попали?

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Далеко ли тутъ изъ Херсона — съѣла въ лодку и перолашла....

ОТЧЕТНИЙ.

Вы? въ утлой ладѣ! Вы, такого деликатнаго сложѣ-нiя дама!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Что жъ тутъ за опасность? Очаковскiй лиманъ то же озеро, а я привыкла къ бурямъ на океанѣ... вѣдь я не-разъ гуляла съ мужемъ и не по такому морю, и съ бу-рями знакома. Женѣ моряка моря бояться!

ОТЧЕТНИЙ.

Конечно, сердечная привязанность къ супругу—ис-тинно трогательно, а всё-таки... Да, что жъ это вы за сюрпризъ супругу вашему готовите?

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Онъ сегодня именинникъ, и мы по-тихоньку отъ не-го согласились къ нему собраться—онъ меня вовсе не ожидалъ, а я ему и сынишку нашего привезла...

ОТЧЕТНИЙ.

Эте вамъ Серѣжа? ахъ, какой большой выросъ! ужъ, карне, морякъ будетъ... Что, душенька, чѣмъ ты хо-тѣшь быть?

СЫНЪ, смѣло.

Адмираломъ!

ОТЧЕТНИНЪ.

Э, э! душенька! да вѣдь адмираломъ-то быть не легко!

СЫНЪ.

Нѣтъ! легко. Надобно только бить Турковъ хорошенько, такъ и адмиралъ будешь, а ужъ я этимъ усачамъ спуску не дамъ: султана въ пазвиъ возьму, и притащу его, вотъ этакъ за бороду! ну, ну! султанъ, ступай, кланяйся русской царицѣ!

МАРКОВЪ, обнимая его.

Лихой Серѣжа! Люблю — весь въ отца! Но, Варвара Григорьевна, спрячьтесь же покаместъ, да распорядитесь тамъ, знаете.... вѣдь вы у насъ хозяйка....

ГОСНОЖА САКЕНЪ.

Хорошо, хорошо! Пойдемъ, Серѣжа!

(Идутъ.)

ОТЧЕТНИНЪ.

Такъ ужъ и мнѣ позвольте участвовать въ дружеской бесѣдѣ.... я такъ люблю капитана....

МАРКОВЪ.

Милости просимъ—за чашей пунша и вы храбры, какъ военный, а въ походъ и собака товарищъ....

(Идетъ.)

ОТЧЕТНИНЪ, одинъ.

То есть, есть ли тутъ умъ и толкъ, у этихъ морскихъ военныхъ? Страхи смертные.—Турки, Татары, Крымъ, Очаковъ, море, буря, а они гулять собираются—последнюю копейку ребромъ ставятъ, и супруга капитана черезъ морскія волны ѣдетъ поздравить мужа съ днемъ ангела, и еще этакого младенца везетъ... а кто знаетъ, можетъ завтра повяжутся Турки, и—поминай, какъ звали, ишевшинака и гостей.... А всё-таки я заверну сюда послѣ: выпить на чужой счетъ никогда не худо, а у этихъ моряковъ вино и коньякъ всегда пречудныя.... Кстати, не подпишетъ ли онъ и квитанціи... цедь ве-

свою руку.... боюсь я только.... у! вѣдь онъ такой....
да увидимъ...

(Уходитъ.)

—
ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЛОЗВИНСКІЙ, ВАДВОЛЬСКОЙ, МАРКОВЪ.

ЛОЗВИНСКІЙ.

Маіоръ, маіоръ! гдѣ вы? Капитанъ идетъ!

МАРКОВЪ.

Идетъ? Ну, такъ въ засаду, сюда, подъ команду
къ Варварѣ Григорьевнѣ: она теперь шефъ нашъ!
Маршъ! маршъ!

(Уходятъ.)

—
ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

САКЕНЪ, входитъ.

Можно ли было ожидать? Русскій линейный ко-
рабль!... О, это нестерпимо! (Съ досадою кидаетъ шляпу
на столъ.) Непредвидѣнные обстоятельства.... Против-
ный вѣтеръ.... будто обстоятельства, либо вѣтеръ мо-
гутъ оправдать трусость? Будто честность, храбрость,
исполненіе долга зависятъ отъ обстоятельствъ.... Пу-
слий такъ думаетъ и говоритъ наемникъ, который слу-
житъ изъ нѣсколькихъ рублей! У истиннаго Русскаго
храбрость, какъ вѣра! Богъ сказалъ, что если съ вѣрою
мы скажемъ горь — «иди!» она пойдетъ! Если Ру-
скій скажетъ толпѣ враговъ: «разсыпья!» она раз-
сыплется какъ волна о гранитный берегъ, какъ пыль
въ пустынь.... О, Боже! Русскій флагъ въ рукахъ му-
сульманъ!... Проклятіе тебѣ, малодушный! позоръ отъ
современниковъ и потомства—вычеркните, вычеркни-
те имя его изъ списка русскихъ моряковъ: онъ не мо-
рякъ— не русскій морякъ!

(Бросается на стулъ.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

САКЕНЪ И МАРКОВЪ.

МАРКОВЪ.

Что съ нимъ сдѣлалось? Здравствуй, Сакенъ!

САКЕНЪ.

Здравствуй!

МАРКОВЪ.

Что ты такой печальный?

САКЕНЪ.

Печальный? Ха, ха, ха! только печальный? Вотъ я не зналъ за собой дарованія скрывать свои чувства: кажусь только печальнымъ, когда злость, ярость, бѣшенство разрываютъ грудь мою....

МАРКОВЪ.

Да что такое сдѣлалось? Развѣ неприятности по службѣ?...

САКЕНЪ.

Развѣ когда непріятель у насъ на носу, когда мы готовы ежеминутно съ нимъ схватиться, могутъ быть *непріятности по службѣ*? Это занятіе отъ нечего дѣлать: ремесло гарнизонное, парадное....

МАРКОВЪ.

Такъ развѣ ты боишься, что непріятель скоро къ намъ пожалуетъ...

САКЕНЪ.

Что?

МАРКОВЪ.

Этакая вснышка! я хотѣлъ сказать, боишься, что не скоро пожалуетъ.

САКЕНЪ.

Ну, чортъ съ нимъ: нейдутъ, такъ гдѣ же ихъ взять, а придутъ — разобьемъ, и дѣлу конецъ!

МАРКОВЪ.

Разумѣется. Но у тебя что-нибудь, да есть... Ты вѣдь себя.... Я боюсь....

САКЕНЪ.

Ты хочешь знать — слушай, слушай, но напередъ я долженъ сказать тебѣ, что буду пересказывать не пустыя сказки, а былъ... былъ!.. Я сейчасъ былъ у нашего генерала, спросить, скоро ли отправить онъ меня въ Херсонъ? Онъ мнѣ сказалъ, что получилъ извѣстie объ Воиновичѣ. Севастопольскій флотъ нашъ выходилъ въ море.... слушай—встрѣтилъ капудана-пашу у острова Феодосiи, обмѣнялся съ нимъ дюжиною выстрѣловъ, и ушелъ въ Севастополь. Воиновичъ пишетъ, что его компанiя кончилась — вѣтеръ не благоприятствуетъ, корабли повредило.... Чортъ его знаетъ что такое онъ пишетъ.... Слушай — да ты не повѣришь, ты не повѣришь.... одинъ русскій линейный корабль отсталъ отъ флота; его унесло къ Царьградскому Пролу — Турки окружили его.... и онъ сдался безъ битвы! Ради Бога, не говори никому, а если будешь говорить, скажи такъ, чтобы никто не слышалъ — вѣтъ! говори, кричи громко, что ты отъ меня слышалъ—всѣ знаютъ, что я никогда не лгу, и почтутъ рассказъ твой за сказку, за шутку.... за глупую шутку!

МАРКОВЪ.

Мой другъ! твоѣ извѣстie прискорбно, но однако жъ....

САКЕНЪ.

Да ты разслушалъ ли, что я тебѣ говорилъ?

МАРКОВЪ.

Разслушалъ, кажется. Нашъ корабль...

САКЕНЪ.

Не повторяй, не повторяй! Если ты слышалъ, я грудь твою не разрывается, сердце не трещитъ, не каплетъ кровь — Марковъ! если бы я не зналъ тебя, не видалъ тебя въ битвахъ, не считалъ твою рать...

МАРКОВЪ.

Такъ усомнился бы въ томъ, что я не трусь? У

насъ, братецъ, разныя понятія о мужествѣ. Мое мужество — исполненіе долга. Поставили — стой, велѣли идти впередъ — иди, велѣли остановиться — остановись, велѣли умирать — умри.

САКЕНЪ.

Ты не годился бы въ моряки! Нѣтъ, не таково должно быть мужество моряка — буря съ трескучими громами, огонь, который жжетъ и прожигаетъ грудь его, и охлаждается только волнами моря — вотъ храбрость моряка! Нѣтъ! не понять вамъ, сухопутнымъ, ни той радости, съ какою бросаемся мы въ борьбу съ неукротимымъ океаномъ, другомъ, врагомъ — демономъ нашимъ; не понять, что только на раздольи моря широко и полно дышетъ морякъ, стоитъ на влажной могилѣ своей, и вызываетъ на бой огонь и море, врага и смерть! буря на морь, битва на морь.... О, если гдѣ гордо смотритъ человекъ на всю природу, если гдѣ онъ сознаетъ свое величіе, свою мощь, свою силу — на морь, на волнахъ его сознаетъ онъ ихъ, перелетая вихремъ отъ вѣчныхъ льдовъ полюса къ знойному экватору... Подъ нимъ сгараютъ пространство, передъ нимъ исчезаетъ время, у ногъ его ложится смиренно дикое чудовище, океанъ, и орелъ уступаетъ ему полетъ свой: онъ видитъ что не ему тягаться съ морякомъ....

ШАРКОВЪ.

Другъ! Такія чувства источникъ дѣлъ благородныхъ.... Но не отнимай, братъ, славы и у насъ сухопутныхъ... Бьется и у насъ сильно сердечко, какъ загремитъ ура, какъ начнутъ жужжать свинцухи, и загудятъ чугунные яблоки, земля дрогнетъ, солнца не видно, и развѣ въ штыкъ свой поглядишься, если захочешь усъ закрутить....

САКЕНЪ.

Да нѣтъ у васъ вотъ этого, что, говорятъ, чувствуетъ

поэтъ, когда творитъ онъ свои безсмертныя созданія — да что поэтъ! — онъ мечтаетъ, а морякъ осуществляетъ свою мечту.... Посмотри на него, на этого гордый корабль, съ его угрюмыми черными ребрами, съ его бѣлыми парусами, когда соколомъ идетъ онъ по морю, и буравитъ волны, и долго оставляетъ слѣдомъ сердитую пѣну. Налетѣла буря, завылъ ураганъ — здорово пріятель — помѣряемся! Крути, море, рой бездны, станови гору на гору: не переломить тебѣ железной воли моряка — умаешься, замолчишь! Вотъ и непріятель — битва, битва — сошлись: бортъ вспыхнулъ, горитъ огнемъ, сошлись, сцѣпились; на двухъ аршиннахъ рѣшается жизнь и смерть: бейся, не уступай ни врагу, ни морю.... О, если бы ты былъ съ нами подъ Чесмой, если бы ты видѣлъ нашего Круза, въ ту минуту, когда онъ взорванный на воздухъ, спасся дивнымъ Провидѣніемъ, и извлеченный изъ бездны моря, явился среди насъ... О, надъ головой его горѣлъ тогда свѣтлый вѣнецъ безсмертія.... Если бы ты былъ съ нами, когда неопалимый Ильинъ возилъ брандеръ свой въ ребра турецкаго корабля — и казалось, море загорѣлось, казалось, адъ отозвался своимъ хохотомъ на вопль Турковъ... Если бы ты видѣлъ Грейга: благоговѣй при имени его, видѣлъ когда Грейгъ вручилъ адмиралу тѣ флаги, которые Царица русская благоговѣйно положила на гробницѣ Петра Великаго, положила, и сказала: «Твоя отъ твоихъ!» если бъ ты видѣлъ: ты понялъ бы тогда, что жить моряка, что называетъ онъ битвой и славой: вѣдь для Русскаго это одно и то же....

МАРКОВЪ.

Да, да! Ты правъ....

САКЕНЪ.

Но ты поймешь теперь, и то, что когда генералъ говорилъ со мною, я..... не могъ удержать слезъ; онъ

брызнули невольно: ихъ выдавило сердечное горе, ласканы бѣжалъ онъ... и горе вамъ, Оттоманы, если мы сойдемъ съ вами.... еще и мы успѣемъ съ вами разсчитаться, а Грейги и Крузы не умрутъ въ нашихъ дѣлахъ... Великія, святыя воспоминанія Хюса и Чесмы! не забудутъ васъ потомки наши!

МАРКОВЪ.

Успокойся, другъ, успокойся: что было, того не воротить, а кто можетъ ручаться за всегдашнюю побѣду...

САКЕНЪ.

Развѣ я о побѣдѣ говорилъ тебѣ?

МАРКОВЪ.

Могутъ быть случаи, когда и храбрый, — когда ты самъ не поручился бы за побѣду....

САКЕНЪ.

Побѣда въ рукъ побѣдоносца — Бога, но человеку принадлежитъ то, что стоитъ побѣды! Что говоришь ты мнѣ о побѣдахъ—будь я тамъ, и меня вътерь могъ увлечь въ когти враговъ—могъ, но:...

МАРКОВЪ.

Что же сдѣлалъ бы ты?

САКЕНЪ.

Что? *(Спокойно.)* Когда придется мнѣ дѣлать, тогда ты узнаешь, услышишь, а для чего напередъ говорить!

(Онъ садится на стулъ.)

МАРКОВЪ, смѣясь.

Вѣдь, право, смотря на него, подумаешь, что это престрашный забіяка, что у него вовсе сердца нѣтъ, что онъ только и думаетъ, какъ бы подраться съ усатыми Турками, а онъ такой хныкунъ, что чуть прихворни его Варвара Григорьевна, такъ онъ и ночи напролетъ спать не будетъ...

САКЕНЪ, вскакивая.

Что ты говоришь! Развѣ что-нибудь слышно о моей Веринькѣ? здорова ли она? здоровъ ли мой Серёжа?

—

ЯВЛЕНИЕ ОСЪМНОЕ.

Та же, госпожа САКЕНЪ и СЕРЁЖА ВЫХОДЯТЪ ИЗЪ ДРУГИХЪ ДВЕРЕЙ.

МАРКОВЪ.

Ну, что—тебѣ-то что до нихъ!

САКЕНЪ.

О, ради Бога, мой другъ! если ты что-нибудь знаешь—скажи, не мучь! неизвестность страшнѣе всякой бѣды....

МАРКОВЪ.

Ну, я увѣрю тебя честнымъ словомъ, что они живы, здоровы и веселы.

САКЕНЪ.

Слава Богу! Какъ ты испугалъ меня!

МАРКОВЪ.

Ну, какой же ты морякъ, когда пугаешься, если у жены твоей голова заболѣла...

САКЕНЪ.

О, ты и здѣсь ничего не понимаешь—ты никогда не любишь: ты не можешь любить, какъ морякъ любить! ты не поймешь ни одной изъ твоихъ страстей, какія тревожатъ его! На англійскомъ кораблѣ плавалъ я въ Исландію. Тамъ есть ледяная гора, а внутри ея—огонь! Въ Швеціи видѣлъ я гору, покрытую снѣгомъ, а она горитъ—эта гора! Счастье любви для моряка не сухопутная привычка къ счастью: она молнія не себе-самъ! Каждая разлука моряка—разлука на-смерть; зато ты и любишь на жизнь и смерть! Если бы ты видѣлъ жену моряка, когда она съ нимъ на кораблѣ! Она тогда выше женщины обыкновенной: она ангель-кра-

нитель его!—жизнь, смерть, любовь—все сливается въ какое-то очарованіе, какое-то трепетное ожиданіе ежеминутной гибели, котораго нельзя промѣнять ни на какое прочное блаженство земное... Моя Варенька была однажды со мной, когда мы плыли изъ Архангельска въ Кронштадтъ.... Штормъ, какого ни прежде, ни послѣ я не видывалъ... а она, мой другъ! она въ эту минуту...

ГОСПОЖА САКЕНЪ, бросается къ нему.

Болтунъ несносный! тебѣ надобно все рассказывать!

САКЕНЪ.

Милый другъ! ты здѣсь?

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Какъ видишь!

САКЕНЪ.

Вижу, но не понимаю!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

А какой сегодня день?

САКЕНЪ.

День? Счастливый, если ты со мной!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Вотъ, Федоръ Ивановичъ, поучитесь у моего мужа, когда женитесь, любить жену: у насъ сынъ почти гардемаринъ, а онъ не научился говорить мнѣ комплименты!

СЫНЪ.

Что жъ вы, папенька? Этакъ-то вы мнѣ рады? И не видите меня!

САКЕНЪ.

Серёжа!

МАРКОВЪ.

Сударыня, Варвара Григорьевна, обратите его: такой пришелъ сердитый—чуть меня не прибилъ: видю, я ему Туркомъ показался.—Этакой Турокъ!

САКЕНЪ.

Виновать, виновать! Но, право, я всё-еще не понимаю... ты здѣсь?

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

И не одна.

САКЕНЪ.

А кто же еще съ тобой?

МАРКОВЪ.

То есть, онъ меня-то при васъ нулемъ считаетъ... такъ выходите же весь народъ—Ура! имянниннику!

—
ДВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ПРЕЖНИЕ, ЛОЗВИНСКІЙ, ВАДВОЛЬСКОЙ, И ДРУГІЕ ОФИЦЕРЫ.

ВСЪ.

Ура! имянниннику!

САКЕНЪ.

Ахъ! я и забылъ-было... благодарю, благодарю... Дорогие гости! *(Онъ цѣлуетъ ихъ и жметъ руки.)*

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Видишь, какой сюрпризъ мы тебѣ приготовили! Провожать меня изъ Херсона согласились добрые товарищи....

ВАДВОЛЬСКОЙ.

Мы хотѣли провести съ вами вечеръ.

САКЕНЪ, жонъ.

И вѣрно, всё твои затви!

МАРКОВЪ.

Ахъ нѣтъ, прошу извинить — затви мои! Хотѣлось гульнуть съ тобой....

САКЕНЪ.

Ну, дорогие гости, прошу садиться. Да, только есть

ли на чемъ—хозяйство у меня бивачное. Макарь! Если бы я зналъ....

МАРКОВЪ.

Если я затываю сюрпризъ, такъ неужели не думаю о томъ, чтобы онъ былъ полный? Все занасено! Эй! господа, за работу: столъ, чашки,—вина, трубокъ—чайникъ!

(*Всѣ бѣгутъ, выносятъ столы, чашу, чайникъ, складываютъ стулья.*)

МАРКОВЪ.

Кому не на чемъ съестъ, разстилай плащъ и садись на полу! Сюда, сюда—къ сторонкѣ: тутъ надобно очистить мѣсто.

САКЕНЪ.

Кому?

МАРКОВЪ.

А вотъ увидишь: ваше дѣло сторона! Вы, государь, мяннинникъ, а мы васъ угощаемъ.... Полноте, Варвара Григорьевна, амурится-то, а извольте готовить добрый пуншъ: битва будетъ сильная! (*Вынимаетъ бутылки.*) Вотъ пушки! (*Вынимаетъ лимоны.*) Вотъ ядра, а тутъ—порохъ, то есть, сахаръ...

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Съ удовольствіемъ!

МАРКОВЪ.

Да, знаете, матушка, то есть, морскаго пуншику приготовьте: вѣдь мы, сухопутные, отъ него съ ногъ не свалимся, а немножко, этакъ, по-куражнѣе... Гулай душа!

САКЕНЪ.

Еще разъ—благодарю, благодарю! Господа! Оружіе прочь! (*Снимаетъ саблю.*)

СЕРЖА, беретъ ее.

Ну, нашенъ, какая у тебя сабля: мнѣ и не под-

нять... Дай-ка мнѣ — я изъ нея корабль себѣ сдѣлаю!
(*Садится на себѣ верхолю.*) Ну! держи румбъ! Остъ-
зойдъ-вѣсть!

(*Сакенъ и жена его любятъ сынолю. Всѣ располага-
ются, кто какъ можетъ, закуриваютъ трубки.*)

САКЕНЪ.

Милое дитя!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Если бы ты зналъ, какъ онъ тебя любитъ; только
такой шалуни! Теперь мы вхали сюда: чуть не вы-
палъ изъ шляпки....

САКЕНЪ.

Ничего — не утонетъ, а вѣдь надобно же моряку
окреститься въ морѣ!

МАРКОВЪ, ставитъ бутылку.

Господа! Фордевиндъ, бейдевиндъ — стаксели на
ворстенъгу!....

(*Морьки хохочутъ.*)

МАРКОВЪ.

А развѣ не такъ? Ну, вѣдь это у насъ самоучинна....
Вотъ наше дѣло, если бы командовать: «По три на лѣ-
во, завязай — маршъ! Руби Туркамъ головы!»

(*Бьютъ горло бутылки и наливаютъ въ стаканы.*)

Ура! мянниннику, съ супругой, съ сыномъ, съ ола-
вой, съ честью, и прочее, и прочее.

ВСѢ.

Ура!

МАРКОВЪ.

Здоровье русскихъ моряковъ!

ВСѢ.

Ура!

САКЕНЪ.

Здоровье русскихъ солдатъ! — Флотъ русскій обид-
наетъ русское войско!

(*Обнимаетъ Маркова.*)

МАРКОВЪ.

Именно такъ. Они должны быть дружны. Русскій флотъ надобенъ русской Царицѣ, какъ надобно ей войско.

САКЕНЪ.

Здоровье Царицы, которая пожаловала намъ генералъ-адмираломъ своего сына! Если двѣ царскія будутъ у насъ генералъ-адмиралами—русское ура! далеко раздастся по океану!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ОТЧЕТНИЪ.

ОТЧЕТНИЪ, входитъ горделиво.

Миръ честной компаніи!

САКЕНЪ.

Ба! Любезный комиссаръ! Садитесь!

ОТЧЕТНИЪ.

Позвольте....

САКЕНЪ.

Нечего позволять: садитесь — шляпу и шагу прочь!

ОТЧЕТНИЪ.

Но мнѣ должно....

МАРКОВЪ.

Шагу прочь: вѣдь мы и безъ того знаемъ, что вы человекъ храбрый, и что шага ваша не какъ у другихъ: всякая храбрость, которую цѣпляютъ на холодную трусость!

ОТЧЕТНИЪ.

Ну, въ такомъ пріятномъ обществѣ....

(Снимаетъ шагу.)

МАРКОВЪ, беретъ его шпагу и качаетъ на рукѣ.

Экая дурища! Какая толстая: набѣдась турецкаго маса!

(Общій хохотъ.)

ОТЧЕТНИНЪ.

Господинъ маіоръ!

САКЕНЪ.

Есть за что сердиться! Берите-ка стаканъ!

ОТЧЕТНИНЪ.

Прежде позвольте мнѣ....

САКЕНЪ.

Да, что вы часто за боковой карманъ хватаетесь? Что у васъ тамъ такое?

ОТЧЕТНИНЪ.

Дѣла измучили! Вотъ, господа, вы, напримѣръ, конечно, подеретесь тамъ съ Турками, со Шведами что ли.... Ну, и на отдыхъ; а нашему брату тутъ-то и работа....

МАРКОВЪ.

Вѣдь не даромъ за те....

ОТЧЕТНИНЪ.

Можете ли сомнѣваться..... думать, чтобы..... красть....

САКЕНЪ.

Избави Богъ, да и кто говорить: красть? но я слышалъ, будто у васъ, Яковъ Гурничъ, всё на рукахъ такія дѣла, которыя похожи на комъ масла: вы только перекатите ихъ на рукахъ: комъ дѣлъ, а на пальцахъ масла останется столько, что можно олады изжарить....

(Общій хохотъ.)

ОТЧЕТНИНЪ.

Клеветы! Развѣ какіе невинные, безгрѣшные доходы.... Люди такъ злорѣчивы....

САКЕНЪ.

Да, вотъ еще, растолкуйте мнѣ, что́ это такое: *безгрѣшные доходы*? Никакъ не могу понять! Говорятъ: *мѣсто прекрасное!* У насъ то мѣсто прекрасное, гдѣ больше летаетъ пуль и ядеръ, а у васъ говорятъ: прекрасное, о такомъ мѣстѣ, гдѣ жалованья грошъ, а безгрѣшныхъ доходовъ рубль....

(Общій смѣхъ.)

ОТЧЕТНИЪ.

Извините, капитанъ—я я очень радъ, что засталъ васъ въ веселомъ расположеніи духа, но я пришелъ къ вамъ съ приказомъ генерала....

САКЕНЪ.

Ну, что́ жъ—милости просимъ! Тамъ генералъ съ вами находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ!....

ОТЧЕТНИЪ, гордо.

Я сейчасъ имѣлъ честь получить собственноручное письмо его—приказъ, который посланецъ генерала подтвердилъ мнѣ передать вамъ, съ словеснымъ приказаніемъ, чтобы вы его непременно исполнили. (*Вынимаетъ письмо.*) «Храброму капитану-лейтенанту Сакену, передать черезъ оберъ-коммиссара Отчетника, къ немедленному исполненію».

САКЕНЪ.

Названія, *храбрый*, отъ нашего генерала я еще не заслужилъ: это подарокъ мнѣ въ именины, а «къ немедленному исполненію»—повтореніе не нужно: начальнику *приказать*, значить подчиненному *исполнить*, видно, дѣло очень нужное. Федоръ Ивановичъ, прочти!

ОТЧЕТНИЪ.

Но, можетъ-быть....

САКЕНЪ.

Но вѣдь тутъ нѣтъ: *по секрету?* Читай!

ОТЧЕТНИНЪ, беретъ стакашъ.

Какъ угодно!

МАРКОВЪ, читаетъ.

«Предписываю капитанъ-лейтенанту Сакену изба-
вить меня отъ вручителя письма сего, отъявленнаго
плута и мошенника»....

ОТЧЕТНИНЪ.

Какъ? Чтò такое?

(*Поперхнулся и кашляетъ, еслъ захохочетъ.*)

САКЕНЪ.

Только?

МАРКОВЪ.

Нѣтъ! «отъявленнаго плута и мошенника»....

ОТЧЕТНИНЪ.

Помилуйте! Для чего же повторять!

МАРКОВЪ.

«И при первой оказіи отправить его въ Харосенъ, къ
надобнымъ ему. Въ Кинбурнѣ нѣтъ мѣста такимъ лю-
дямъ, которые откармливаютъ крысъ, и морятъ седе-
дать!»

САКЕНЪ.

Признаюсь, лестное вамъ препорученіе ко мнѣ отъ
генерала!.... Здоровье нашего генерала, который
такъ же рубить правду-матку, какъ Турковъ!

ВСЪ.

Ура!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

За это ужъ и я вышью—здоровье Якова Гурьича!

ОТЧЕТНИНЪ.

Покорнѣйше благодарю!

МАРКОВЪ.

Да, господа, за его здоровье надобно вышить! Отъ
стаканъ поминесій не поддоровится....

(*Общій смѣхъ.*)

ОТЧЕТНИНЪ, всторону.

Толкуйте себя.... Далеко увидите вы съ лестными порученіями, въ родъ такихъ: «рекомендую вамъ лобъ подъ пулю, взять батарею,» а тутъ генералу я не нравлюсь, такъ поправлюсь камердинеру генеральскому, а не всё ли равно? Хоть бы песокъ, только бы солилъ.... Надобно подладиться къ этимъ уродамъ, и избавиться отъ собственноручныхъ порученій такого буки, какъ здѣшній генералъ....

(Вмѣшивается въ общество, пьетъ и куритъ.)

САКЕНЪ.

Именно, жизнь военнаго человека хороша тѣмъ, что радость и счастье богато награждаютъ его за трудъ и опасность. Знаете ли, господа, что сегодня, одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни... и тѣмъ счастливейше, чѣмъ неожиданнѣе. Я былъ грустенъ... Ну, были причины... А теперь я такъ веселъ, какъ давно не бывало... Добрая жена, которая ситшила подарить мнѣ минуту наслажденія... Сынъ—славный мальчишка... Сознаніе, что друзья помнятъ обо мнѣ...

МАРКОВЪ.

Мы все можемъ быть увѣрены, что о каждомъ изъ насъ вспомнятъ тѣ, кто останется.... Плакать не надо, а вѣдь обо мнѣ скажете, господа: «Марковъ! былъ честный майоръ, и славно умеръ?» Разумѣется, я постараюсь умереть не въ госпитали, и не въ гарнизонъ... *(Офицеры изъявляютъ ему участіе.)* Спасибо, спасибо! Не помяните лихомъ! Тѣбу дрянъ этакимъ что тутъ, у меня на усу? а! видно, забылъ вино утереть...

САКЕНЪ, задумчиво.

Да, добрые товарища! Какъ странно, что жизнь никакъ не познаетъ смерти... Вотъ все мы здѣсь, полны жизнью, веселы, беззаботны, а кто знаетъ; можетъ-быть, на члѣ котораго-нибудь изъ насъ уже

отмѣчена смерть завтрашій день? Благословимъ отмѣченнаго рукою судьбы.... Миръ ему....

(Общее умышле.)

ОТЧЕТНЪ.

О, о, хо, хо! Истинно, господа, не даромъ говорится, что человѣку должно помышлять о послѣднемъ часѣ, горькомъ часѣ, когда разстанешься съ прелестью міра, съ безумною суетою, съ гордыми помышлениями.... Собираетъ, и—не вѣсть кому собираетъ! О люте будетъ! не утѣшать тебя ни деньги, ни чины... О, о, хо, хо!

(Всѣ хохочутъ.)

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Спасибо Якову Гурьевичу! Въ самомъ дѣлѣ, что съ вами, господа? Развѣ такъ вирують у имляинника? Большой штрафъ съ того, кто заговорить о печальномъ! Неужели я, женщина, должна учить военныхъ и моряковъ, какъ имъ гулять?

МАРКОВЪ.

Гулять! именно! А безъ того и вино не пьяно, и веселье не весело. Хотите ли: я знаю такой секретъ, что вотъ если у кого у васъ въ сердцѣ кручина, стѣбитъ только мнѣ хлопнуть рукой—кручина убѣжитъ къ чорту, и отъ радости косточки зашевелиятся и жилки затрепещутъ!

ВСѢ.

Ну, ну, посмотримъ—хоромъ!

МАРКОВЪ, важно.

Выходи ты сюда, старая колдунья, ты, которая искони потышала русскую землю, выходи, соловей разбойникъ! Разъ, два, три!

(За сценой раздается тихая русская пѣсня: «Ужъ какъ палъ туманъ!»)

САКЕНЪ.

Русская пѣсня! Да, братъ, ты ничего лучше придумать не могъ... въ русской пѣснѣ и радость и горе; уныла, а веселить, весела, а съ грустью разстаться жаль.... Русская пѣсня на чужбинѣ, словно ласточка съ родимой кровли....

(Быстрый переходъ пѣсни: «Жги! жги! говори!» Двери растворяются—влетаютъ два матроса плясуны, и за ними хоръ матросовъ. Кончивъ пѣсню, они вытягиваются широко, и кричатъ: «Здравія желаемъ вашему высокоблагородію!»

САКЕНЪ.

Спасибо, спасибо, ребята! Вотъ вамъ на водку! *(Подаетъ кошелекъ.)* Только, смотри, пьяному ни одному не быть!

(Матросы идутъ. Слышится пушечный выстрѣлъ.)

ОТЧЕТИНЪ.

Ахти! у, у!

(Дрожитъ.)

САКЕНЪ.

Это что такое?

МАРКОВЪ.

Да, видно, старые знакомые—какіе-нибудь Татарчины, либо Завороничи... Да, знаешь, мошенники; ужъ мы знаемъ вашу дрянную уловку, и не выходимъ на васъ, а вышлемъ десятка два казаковъ, и — расчетъ конченъ!

САКЕНЪ.

Нѣтъ! Слышишь? Пальба!

(Отдаленные выстрѣлы.)

МАРКОВЪ.

Такъ, вѣрно, опять, въ Очаковъ! Скоро ли придетъ свѣтлѣйшій, да выгонитъ этихъ пушкарей! Надобно!

(Два близкіе выстрѣла.)

ДВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тъ же и макаръ.

МАКАРЪ.

Господинъ капитанъ! васъ спрашиваютъ!

САКЕНЪ.

Кто?

МАКАРЪ.

Не можемъ знать-съ.

САКЕНЪ.

Сейчасъ.

СЕРЁЖА, звѣдя.

Папенька! ты куда же?

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Мой другъ! что это значитъ?

САКЕНЪ, весело.

Вѣрно, какое-нибудь порученіе отъ генерала.... Серёжа дремлетъ—поди, уложи его: я сейчасъ возвращусь....

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Не замѣшкайся же, а я похлопочу объ ужинѣ.... чѣмъ Богъ послалъ: добрые друзья не взъишутъ.... Пойдемъ, Серёжа!

(Она и Серёжа уходятъ.)

САКЕНЪ, отводитъ Маркова.

Давнишнее известіе—это не даромъ!

МАРКОВЪ, тихо.

Я то же думаю.

САКЕНЪ, тихо.

Только не говори женѣ...

(Уходитъ.)

ОТЧЕТНИЪ.

Какова земляца окаянная! Только ты подумаешь рюмку въ рунѣ вѣять, такъ, того и смотри, что и съ

руками у тебя оторветъ ее... О благословенное Пошехонье!

(Офицеры окружаютъ Маркова и говорятъ тихо).

—

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И УРЯДНИКЪ.

УРЯДНИКЪ.

Ваше благородіе! Капитанъ васъ требуетъ на шлюбу!

ВАДВОЛЬСКОЙ И ЛОВВИНСКІЙ.

Развѣ онъ тамъ?

УРЯДНИКЪ.

Требуютъ шлюпку.

ОТЧЕТНИЙ.

Такъ и я съ вами, господа!

ЛОВВИНСКІЙ.

Пойдемте!

(Уходятъ. Отчетный и другіе спѣшатъ за ними.)

МАРКОВЪ, одинъ.

Что тамъ за кутерьма случалась? Ну-ка, товарищъ, *(подвязываетъ саблю)* — поплетемся и мы, а прежде — допить остатокъ: покидать кусковъ на тарелкѣ, и остатковъ въ бутылкѣ не должно: невѣста будетъ рябая, а мнѣ еще, можетъ-быть, придется подъ звать вънецъ; не хочу рябой невѣсты!

(Пѣсть.)

—

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

МАРКОВЪ И САКЕНЪ, блѣднѣе, но спокойнѣе.

САКЕНЪ.

Марковъ! я завернулъ съ тобой проститься.

МАРКОВЪ.

Какъ проститься? Куда ты ѡдешь?

САКЕНЪ.

Въ Херсонъ—или въ Очаковъ—не знаю, но ѡду сію минуту.

МАРКОВЪ.

Съ нами крестная сила! Чтò это значить?

САКЕНЪ.

Весь турецкій флотъ вошелъ въ очаковскій лиманъ, и идетъ на Херсонъ. Генералъ посылаетъ меня извѣстить принца Нассау-Зигена и Джонеса, велеть имъ приготовиться къ бою, и немедленно нападать. Если Турки застанутъ ихъ въ расплохъ, въ гавани: все можетъ погибнуть; я ѡду: минуты дороговъ.... постарайся, братъ, успокой жену мою; скажи, что я посланъ.... Скажи чтò-нибудь.... Бѣдная! она начала пиръ веселыми мясиннами, и кончить, можетъ—быть—не мясиннымъ пиромъ!

МАРКОВЪ.

Но съ чего ты берешь?

САКЕНЪ.

Ввторъ переходить съ одного румба на другой—если часть времени простоятъ теперешній вторъ, я уйду отъ Турковъ: не имъ догонять меня.... Но какъ ручаться, что вторъ не понесетъ меня прямо въ Очаковъ....

МАРКОВЪ.

Чтò ты говоришь! Какое неожиданное обстоятельство....

САКЕНЪ, улыбаясь.

Вотъ, кстати, и здѣсь вмѣшалось неожиданное обстоятельство.... Давеча ты спрашивалъ, чтò сталъ бы я дѣлать въ такомъ случаѣ—теперь я могу сказать тебѣ мой отвѣтъ, могу, потому что въ глазахъ твоихъ превращу мои слова въ дѣло: я — исполню мой долгъ —

да, исполню, и ни тысячи бурь и громовъ, ни флоты Турковъ—ни самый адъ не воспрепятствуютъ мнѣ исполнить его.

МАРКОВЪ.

Ты....

САКЕНЪ.

Если мнѣ нельзя будетъ идти въ Херсонъ—я пойду прямо въ Очаковъ! Положеніе мое будетъ.... опасно, но славно будетъ оно.... Если Турки атакуютъ меня двумя судами — я возьму ихъ; съ тремя — буду драться; отъ четырехъ — не побѣгу.... Но, если нападетъ больше—тогда, прощай, братъ, Федоръ Ивановичъ: мы не увидимся болѣе—тогда порадуйся за меня!

—
ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ ГОСПОЖА И САКЕНЪ.

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Ты ужъ возвратился?

САКЕНЪ.

Нѣтъ! еще и не ходилъ....

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Такъ, иди же и возвращайся скорѣе....

САКЕНЪ.

Тотчасъ.... (Онъ колеблется—ему хотѣлось бы проститься съ ней.) А Серёжа спитъ?

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Уснулъ.

САКЕНЪ, едва удерживаясь.

Благослови его за меня.... Поцѣлуй его за меня!
(Онъ цѣлуетъ ее и бѣжитъ. Марковъ слѣдуетъ за ними.)

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

А вы, куда, Федоръ Ивановичъ? Побудьте со мной!

МАРКОВЪ.

Нѣтъ, покорно благодарю.... Останься съ ней: а какъ она услышитъ.... Нѣтъ, покорно благодарю....

(Уходитъ.)

ГОСПОЖА САКЕНЪ, одна.

Премилый и предобрый, а чудакъ, какихъ мало — не боится Турковъ, а боится женщинъ.... Но куда все они разбѣжались!....

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ГОСПОЖА САКЕНЪ и МАКАРЪ, со всѣмъ готовымъ къ выходу.

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Что это значитъ? Ты куда?

МАКАРЪ.

На шлюпъ-съ, къ его высокоблагородію.

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Какъ! на шлюпъ? За чѣмъ?

МАКАРЪ.

Шлюпъ сейчасъ отваливается.

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Ты цѣль!

МАКАРЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Турецкій флотъ пришелъ въ лиманъ, и его высокоблагородію приказано сейчасъ вѣхать въ Херсонъ, сквезь турецкіе корабли. А гдѣ онъ, тамъ и Макаръ: ужь я заклеялся съ нимъ жить и умереть!

(Уходитъ.)

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Постой—скажи мнѣ....

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ГОСПОЖА САКЕНЪ И ОТЧЕТНИЪ.

ОТЧЕТНИЪ, вбѣгая.

Ну, братъ Яша, попался-было ты... Ахти, Господи, Боже мой! Благодарю Тебя, сохранившаго меня здрава и невредима для блага и пользы отечества! Охъ! проклятые головорѣзы! что они затѣяли!... Повзжай я съ ними.... А я съ-дуру еще самъ напрашивался.... Хорошъ Херсонъ....

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Яковъ Гурьичъ!

ОТЧЕТНИЪ, испугавшись.

Ай! Ваше превосходительство! помиловосердитесь! истинно вѣхать не могу съ господиномъ капитаномъ—ни долгъ службы, ни инструкция не обязываютъ меня сражаться съ Турками.... Воля вашего превосходительства! не могу! Прикажите связать и тащить и въ такомъ случаѣ я пошлю рапортъ.... и ваше превосходительство изволите отвѣтствовать за мою жизнь.

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Въ умѣ ли вы, Яковъ Гурьичъ? что такое вы говорите?

ОТЧЕТНИЪ.

Да, будто это вы—вы, матушка Варвара Григорьевна! Съ виду, какъ-будто она!.. Матушка! будьте вы моею защитницею: уговорите вашего супруга!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Въ чемъ уговорить?

ОТЧЕТНИЪ.

Въ томъ, матушка, чтобы онъ не бралъ меня съ собою въ Херсонъ. Генералъ приказалъ, но тогда было обстоятельство, а теперь открылся такой казусъ—часто одна маленькая бумажка измѣняетъ ходъ огромнаго дѣла: уже я, матушка, вамъ благодаренъ буду....

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Будешь ли ты говорить по-человѣчески?...

ОТЧЕТНИЪ.

Да я, кажется, и то, по-человѣчески говорю....

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Куда ѣдетъ мой мужъ? Какой флотъ турецкій явился передъ Кинбурномъ? Что мнѣ говорилъ тутъ, Макаръ?... Гдѣ мужъ мой?

ОТЧЕТНИЪ.

Такъ вы еще ничего знать не изволите? явился турецкій флотъ, сто, ливствн кораблей—нѣтъ! больше. И вашему супругу вѣрно идти и призвать сюда нашъ русскій флотъ—онъ сейчасъ отправляется, если ужъ не увхалъ.... (*Всторону.*) Охъ! Если бы ужъ унесла его нелегкая....

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Такъ, что жъ тутъ за бѣда!

ОТЧЕТНИЪ.

Какъ, что за бѣда? да вѣдь по всему океану очаковскому тысячи кораблей турецкихъ, и на каждомъ по тысячъ пушекъ: такъ отъ вашего супруга щепочки не останется....

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Боже мой!

ОТЧЕТНИЪ.

Каково же мнѣ-то подвергать жизнь мою опасности!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

И онъ мнѣ ничего не сказалъ.... И онъ думалъ, что я расстанусь съ нимъ.... могъ думать, что я переживу его!

ОТЧЕТНИЪ, всторону.

Ужъ не собирается ли и она воевать?

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Онъ не сказалъ мнѣ — прости! безчеловѣчный! Онъ

не благословилъ сына своего: онъ думалъ только о своей славѣ — а я, а сынъ... а любовь моя!.. О! туда, туда... я умолю его—я украюсь тихонько—я не разлучусь съ нимъ... онъ не отвергнетъ слезъ моихъ; вѣдь я одной милости буду просить у него: умереть съ нимъ!

(Уходитъ поспѣшно.)

ОТЧЕТНИКЪ.

Да неужели въ самомъ дѣлѣ она побѣжитъ къ жему на корабль? Во-первыхъ, и по регламенту женскаго пола особъ въ походѣ на корабль допускать не вѣжливо... Для чего я не дама—тогда въ силу морскаго регламента могъ бы я отказаться отъ проклятой повздки.... (Слышимо выстрѣлъ.) АИ!

(Убѣгаетъ.)

=

Морской песчаный берегъ. Холмы пѣску закрываютъ море, котораго видно только часть у пристани; у каретульи часовой. Отрядъ солдатъ маршируетъ черезъ сцену, у пристани видна шлюпка; урядникъ, матросы и солдаты.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ГОСПОЖА САКЕНЪ, задыхаясь.

Шлюпка еще здѣсь.... (Бросается къ ней.)

УРЯДНИКЪ, останавливается.

Ваше высокоблагородіе! нельзя!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Я жена твоего капитана!

УРЯДНИКЪ.

Не приказано!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Ты не удержишь меня!

ЧАСОВОЙ, прицѣливаясь въ нея ружьемъ.

Прочь! убью!

ГОСПОЖА САКЕНЪ, съ трепетомъ удаляясь.

Будьте милосерды! я умоляю васъ—спрячьте меня: онъ позволить.... онъ поблагодарить васъ.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ, САКЕНЪ И МАРКОВЪ.

САКЕНЪ.

Съ благословеніемъ героя—я непобѣдимъ! О, скорѣй, скорѣй на волны! Вѣтеръ благопріятствуетъ.—(Увидя жену.) Боже! За чѣмъ ты здѣсь?

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Я вду съ тобою!

САКЕНЪ.

Этого нельзя.

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Не боишься ли ты, что я оробѣю....

САКЕНЪ.

Нельзя!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Ради Бога! я буду молиться, когда начнется бой—я перевяжу твои раны, если ты будешь раненъ.... Нельзя? такъ ничтѣ не удержитъ меня, безчеловѣчный св-вругъ, безжалостный отецъ! Если твои солдаты не пустятъ меня—я брошусь въ море, поплыву за твоею шлюпкою, ухватюсь за нее: вели обрубить мнѣ руки, которыми я ухватюсь,... Мой другъ! ради Бога! (надвигая на колѣни) — ради Бога! вѣдь всё-равно: я не переживу тебя!

САКЕНЪ.

Последнее испытаніе — тяжкое испытаніе! Мой другъ! я хотѣлъ скрыть отъ тебя отъѣздъ мой—теперь ты все знаешь! Прощай!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Не отпущу тебя! Ты мой!

САКЕНЪ.

Нѣтъ, теперь я ни твой и ни чей: я Божій! Не по-
вращай свѣтлой минуты бытія моего! Взоры отечества,
взоры потомства устремлены на меня...

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

А я, я, безчеловѣчный?

САКЕНЪ.

О, если бы я могъ сказать тебѣ, какъ ты мнѣ дра-
гоцѣнна, какъ тяжело каждая слеза твоя падаетъ на
мое сердце!... Прощай!... Шлюпку!

УРЯДИКЪ.

Есть!

(Шлюпка готова.)

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Такъ смотри, какъ въ твоихъ глазахъ поглотятъ ме-
ня волны: онъ жадоcтaвивѣе тебѣ!

—

ДВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И СЕРЕЖА.

СЕРЁЖА, бѣжитъ къ матери.

Маменька! ты меня одного оставила: мнѣ страшно!

ГОСПОЖА САКЕНЪ, судорожно сжимаетъ
сына въ объятіяхъ. Въ безпамятствѣ.

Нѣтъ! я останусь съ нимъ! Онъ будетъ со мной...
Ты возвратишься.... Мы будемъ счастливы....

(Она садится на холмикъ.)

САКЕНЪ.

Зачти мнѣ, Боже, эту минуту: вѣдь я человѣкъ!
Нѣтъ! нѣтъ! Русскій—морякъ—долгъ, честь!

(Онъ жметъ руку Маркову и слышитъ въ шлюпку. Слыш-
на команда: «Отваливай! весла на воду!» — Голосъ Сакен-
на: Ура! съ нами Богъ! — Кликъ Ура!)

—

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ.

МАРКОВЪ НА ХОДѢ, ГОСПОЖА САКЕНЪ И СЕРЁЖА ВНЕРКАМЪ СЦЕНЫ.

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Слышишь: шлюпка поплыла, да отецъ твой не по-
вхалъ на ней: онъ остался съ нами....

МАРКОВЪ.

Шлюпъ разбилъ паруса.... какъ крылья были....
Ахъ! если бъ вътеръ.... Полетѣлъ.... Ну, счастливый
вуть.... Гонятся.... Куда имъ!... Онъ летитъ стрѣлой!
еще... еще... третій... А, разбойники!

(Выстрѣлы.)

Браво! какъ онъ ихъ шарахнулъ....

ГОСПОЖА САКЕНЪ, вздрагивая при выстрѣлѣ.

Великій Боже!

СЕРЁЖА, при выстрѣлѣ бѣжитъ къ Маркову.

Вѣдь это папенька въ Турковъ стрѣляетъ! Покажи
мнѣ, гдѣ онъ?

(Выстрѣлы.)

МАРКОВЪ.

Смотри, вонъ онъ! Смотри, дитя, и учишь! Мачты
какъ не бывало! (Выстрѣлы усиливаются.) Боже мой!
Онъ остановился—перемѣняетъ паруса—видно, вътеръ
перешелъ—опять... Они окружаютъ его.... Уходитъ!...

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОЕ.

ТѢ ЖЕ, ГЕНЕРАЛЪ, ОФИЦЕРЫ, СОЛДАТЫ, БѢГУТЪ НА БЕРЕГЪ.

ГЕНЕРАЛЪ.

О! онъ не уступитъ, не уступитъ... Смотрите! Каковъ
молодецъ!

СЕРЁЖА, бѣжитъ къ матери.

Ахъ! маменька! что ты не посмотришь, какъ папенька
бьетъ Турковъ!... Поди, поди, посмотри! Тамъ и ге-
нералъ!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Какой генералъ? не тотъ ли, что послалъ отца твоего на смерть?

ГЕНЕРАЛЪ.

Четыре корабля! подлые трусы.... Сакенъ! благодарю тебя Богъ.... Что ты плачешь, маіоръ?

МАРКОВЪ.

Ваше превосходительство! Онъ бесполезно погибнетъ!

ГЕНЕРАЛЪ.

Безполезно! кто смѣетъ сказать: бесполезно? Изъ его погибели возрастетъ божественіе ему и слава Россіи! Безполезно! Если бъ я не зналъ тебя, маіоръ: ты дорого расплатился бы со мною... за то ты будешь командовать первыми охотниками!

(Выступилъ усиливается.)

АДЪЮТАНТЪ.

Ничего не видно!

ГЕНЕРАЛЪ.

Видна только честь Сакена! Что это? Огонь—корабль горитъ!

(Страшный взрывъ. Горизонтъ освѣщается огнемъ.)

МАРКОВЪ, въ отчаяніи.

Боже! Мой другъ погибъ!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Погибъ? Кто погибъ?

СЕРЁЖА.

Ахъ! маменька!

ГЕНЕРАЛЪ, идетъ съ холма, всѣ слѣдуютъ за нимъ.

Господа! Благословите Бога! вы видѣли подвигъ, которому едва повѣрять потомство! *(Снимаетъ шляпу. Всѣ слѣдуютъ его примѣру.)* Вѣчная память тебѣ, Сакенъ!

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Онъ возвратился, говорите вамъ? Гдѣ же онъ? Сынъ мой! Лашенъка прѣехалъ! Пригладь голову... встрѣтите его!

ГЕНЕРАЛЪ.

Кто эта дама? Кто, этотъ мальчикъ?

МАРКОВЪ.

Это жена, сынъ Сакена!

АДЪЮТАНТЪ, на холмѣ.

Ваше превосходительство! Сюда плыветъ шлюпка: на ней русской флагъ!

ГЕНЕРАЛЪ.

Что ты говоришь? Да, да, шлюпка съ русскимъ флагомъ.... Плыветъ сюда.... Турки не смѣютъ гнаться за ней... Приветствовать его пушками и выходомъ!

(Съ крѣпости пальба, барабанный бой.)

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же, дозвнискій, и нѣсколько матросовъ.

ДОЗВНИСКИЙ, безъ шляпы и сабли, едва идетъ держа въ рукѣ флагъ. Его поддерживаютъ матросы, все окружаютъ его).

Генералъ! Честь имѣю донести... капитанъ Сакенъ умеръ смертью героя: онъ взорвалъ свой шлюпъ, вмѣстѣ съ турецкимъ кораблемъ.... прежде взрыву онъ всадилъ нѣсколько человекъ въ шлюпку, и отдалъ ей флагъ. По его приказанію, я приношу вамъ флагъ шлюпа его—и мой долгъ исполненъ....

(Онъ падаетъ и умираетъ, осыпаясь флагомъ.)

ГОСПОЖА САКЕНЪ.

Какъ весело встрѣтимъ его! весело, радостно... Ты, мамъ, тише! онъ зоветъ, зоветъ меня....

(Она тихо склоняется въ безчувствіи.)

МАРКОВЪ.

Умерла? Бѣдный сирота! *(Обнимаетъ Серѣжу.)*

ГЕНЕРАЛЪ.

Въ такія ли минуты допустить горестныя чувства?
Сынъ героя—не сирота въ русскомъ царствѣ. Мы все
родня ему: онъ сынъ русскаго флота! Сакенъ не умеръ,
не умереть, доколѣ русской флагъ будетъ взятъ на
волнахъ моря!

(Хоръ. Пѣснь русскому флану. Занавѣсъ опускается).

=

ПѢСНЬ

РУССКОМУ ФЛАГУ.

ХОРЪ.

Слава русскому флагу!
Честь тебѣ, русскій нашъ флагъ!

Ты созданъ былъ Петра руками;
Имъ осѣненъ святымъ крестомъ;
Ты въ буряхъ окрещенъ громами —
На честь благословленъ Петромъ!

ХОРЪ.

Слава, и прочее.

Тебя узнали Турки, Шведы,
Ты всюду вѣдалъ, русскій флагъ,
И подъ Чесмой, въ огнѣ победы
Тебя видалъ Архипелагъ!

ХОРЪ.

Слава, и прочее.

Орелъ, могучими крылами,
Во имя Бога и Царя,
Перенесетъ тебя съ громами —
И за вѣка, и за моря!

ХОРЪ.

Слава русскому флагу
Честь тебѣ, русскій нашъ флагъ!

=

Н. ПОЛЕВОЙ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСХОДЪ И ЗАКАТЪ.

=
РОМАНЪ БОЛЬВЕРА.

=
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Въ октябрьскій день, послѣ обѣда, въ одной деревушкѣ валлійскаго графства, на постояломъ дворѣ, остановился какой-то пріѣзжій, который тотчасъ же послалъ просить къ себѣ мѣстнаго викарія, мистера Калеба Прайса. Викарій явился и узналъ въ пріѣзжемъ стараго своего университетскаго товарища, съ которымъ, впрочемъ, у него не было ничего общаго, кромѣ латинскихъ учебниковъ и воспоминаній школьной жизни, потому что пріѣзжій, сэръ Филиппъ Бофоръ, былъ дворянинъ и богачъ, а онъ, мистеръ Калебъ Прайсъ,—бѣднякъ безъ роду и племени, который по окончаніи университетскаго курса получилъ самое плохое мѣсто, какое только можетъ получить человѣкъ безъ протекціи, и съ горемъ по-поламъ поддерживалъ

свое одинокое существованіе скуднымъ доходомъ съ деревенскаго прихода.

— У меня до васъ дѣло, мистеръ Прайсъ, сказалъ пріѣзжій послѣ взаимныхъ привѣтствій: я хочу жениться и вы должны обвѣнчать меня.

— Гм! возразилъ викарій съ важностью: женитьба дѣло серьезное, и для вашего вѣнчанія здѣсь мѣсто довольно странное!

— Согласенъ. Но и вы должны будете согласиться, когда выслушаете меня. Вы знаете, что дядя мой—полный властелинъ своего огромнаго имѣнія. Если онъ узнаетъ, что я женюсь противъ его согласія, онъ можетъ разсердиться, лишитъ меня наслѣдства и все отдать брату. А я между-тѣмъ непремѣнно хочу жениться и притомъ совершенно противъ его желанія, на дочери ремесленника, на дѣвушкѣ, какой не съищете во всемъ свѣтѣ. Мы обвѣнчаемся какъ-можно секретно. Если это будетъ обдѣлано здѣсь, въ вашей маленькой церкви, то, конечно, этого никто не узнаетъ.

— Да вѣдь вы не имѣете позволенія жениться?

— Нѣтъ; моя невѣста тоже еще не совершеннолѣтняя, и мы даже отъ ея отца скрываемъ нашъ бракъ. Здѣсь, въ деревенской церкви, вы можете потише про-бормотать окличку, такъ, что никто изъ вашихъ прихожанъ не обратитъ вниманія на имена. Я для этого останусь здѣсь на мѣсяцъ. Потомъ пріѣдетъ моя невѣста, мы въ тотъ же день обвѣнчаемся и дѣло кончено.

— Но, сэръ Филиппъ, любезный другъ и товарищъ, подумайте, на что вы рѣшаетесь!

— Я уже все обдумалъ и нахожу, что все будетъ прекрасно. Намъ нужно двухъ свидѣтелей. Мой слуга будетъ однимъ, другаго пріискать предоставляю вамъ, только помните такого, чтобъ былъ глупъ, тупъ и старъ до-нельзя, — какого-нибудь допотопнаго, если можно.

— Но....

— Я ненавижу весь *но*. Если бѣ мнѣ пришлось создавать языкъ, я ни за что не потерпѣлъ бы въ немъ такого негоднаго слова. Дѣло рѣшено. У васъ тутъ плохое мѣсто, мистеръ Калебъ. Въ помѣстьѣ моего дяди богатый приходъ; тамошній викарій, — онъ же и приходскій учитель, — очень старъ. Когда я получу наследство, это мѣсто будетъ ваше; мы будемъ соседями и тогда вы тоже поищете себѣ доброй хозяйки. Одному вѣдь жить скучно. Расскажите-ка мнѣ про ваше житье-бытье, съ-тѣхъ-поръ какъ мы разстались въ университетъ.

Мѣсяцъ спустя, сэръ Филиппъ Бофоръ и миссъ Катерина Мортонъ были обвиняемы и увѣхали. Одинъ изъ свидѣтелей, слуга сэра Филиппа, получилъ пять сотъ фунтовъ стерлинговъ награды и отправился въ Остъ-Индію, наживать больше. Другой, старый и совершенно глухой церковный сторожъ, вскорѣ умеръ.

Три года спустя, сэръ Филиппъ писалъ къ мистеру Прайсу, что можетъ наконецъ исполнить свое обещаніе и доставить ему хорошее, доходное мѣсто, но еще не у себя, а у одного изъ своихъ пріятелей. О себѣ онъ говорилъ только то, что совершенно счастливъ и безъ большаго нетерпѣнія ждетъ наследства, да между прочимъ просилъ доставить, на случай надобности, свидѣтельство о бракѣ.

Это письмо застало мистера Прайса на смертномъ одрѣ. Предложеніе мѣста, конечно, не могло быть принято. Свидѣтельство; по просьбѣ больнаго, выправилъ и отослалъ по адресу мистеръ Джонсъ, викарій соседняго прихода, по-временамъ навѣщавшій товарища. Когда дѣлали выписку, церковная книга была принесена на квартиру викарія и тамъ осталась. По смерти мистера Калеба Прайса мѣсто его около полугоду оставалось не занятымъ и въ опустѣвшемъ, бѣдномъ жилищѣ его деревенскіе ребятившки играли въ прятки и, разумеется,

расторжили и разбросали весь старый хламъ, котораго некому было получать въ наследство. Между прочимъ шалуны нашли церковную книгу и, смотря на нея со стороны чисто матеріальной, употребили на выдѣлку бумажныхъ змѣевъ.

— Отчего это папенька такъ долго не ѣдетъ?

— Милый Филиппъ, его задержали дѣла, но онъ скоро будетъ здѣсь.... можетъ-быть, сегодня же.

— Мнѣ хочется, чтобы онъ по-скорѣе увидѣлъ мои успѣхи.

— Какіе же это успѣхи, Филиппъ? спросила мать съ улыбкой: ужъ вѣрно, не въ латыни: я ни разу не видѣла тебя за книгой, съ-тѣхъ-поръ какъ ты принудилъ меня отказать бѣдному Тодду.

— Бѣдный! что за бѣдный? Онъ, просто, глупъ какъ столбъ и гнуситъ такъ скверно: гдѣ жъ ему знать по-латыни!

— Я думаю, что ты едва-ли когда-нибудь будешь знать столько, сколько онъ знаетъ, если отецъ не согласится послать тебя въ училище.

— Что жъ, я охотно поѣду въ Итонъ. Папенька говоритъ, что это единственная школа, которую можно посѣщать джентльмену.

— Филиппъ, ты очень гордъ!

— Гордъ? Ты часто называешь меня гордымъ, маменька, а потомъ всё-таки цѣлуешь. Цѣлуй же и теперь.

Дама привлекла сына къ себѣ на грудь, расправила пышныя, темныя его кудри и вѣжно поцѣловала сына въ лобъ, но взоръ ея отуманился грустью и, она, не замѣчая, что ее слушаютъ, проговорила со вздохомъ:

— Не дай Богъ, чтобы моя уступчивость и преданность отцу повредила когда-нибудь дѣтямъ.

Мальчикъ нахмурился, но ничего не сказалъ. Въ это

время вбѣжалъ другой мальчикъ, и взоръ матери, обратившись къ меньшому сыну, опять прояснился.

— Маменька, маменька! вотъ письмо къ тебѣ! Я взялъ его у Джона.

Дама вскрикнула отъ радости и схватила письмо. Между-тѣмъ какъ она читала, младшій сынъ присѣлъ у ея ногъ и смотрѣлъ въ глаза матери, а старшій стоялъ всторонѣ опершись на свое ружье. Лицо его было задумчиво, даже мрачно.

Эти мальчики составляли рѣзкую противоположность другъ съ другомъ. Большому было лѣтъ пятнадцать, но онъ казался гораздо старше не только по росту, но и по повелительному, гордому выраженію смуглаго лица, осыпшеннаго густыми, черными какъ смоль кудрями. Изящный темно-зеленый охотничій нарядъ, живописно надѣтая фуражка съ золотою кистью, и ружье, показывая наклонность къ опасной забавѣ, придавали ему еще болѣе мужественнаго характера. Меньшой былъ по девятому году; его мягкія русыя кудри, нѣжный, но здоровый румянецъ полныхъ щекъ, большіе голубые глаза, подвижныя и почти женскія черты составляли живой идеалъ истинно дѣтской красоты. Во всѣхъ частяхъ его наряда, отъ изящно вышитаго воротничка до красивыхъ сапожковъ, замѣтна была мелочная, изысканная заботливость матери, которой любимое дитя служить игрушкой для препровожденія времени. Оба мальчика имѣли видъ существъ, которыхъ судьба бережно выводитъ на поприще жизни, окруженныхъ и избалованныхъ всѣми выгодами богатства и знатности, какъ-будто на землѣ нѣтъ терній для ихъ ногъ, и подъ небесами нѣтъ вѣтру, который бы могъ слишкомъ сурово коснуться ихъ молодыхъ щекъ. Мать ихъ нѣкогда была красавицей и хотя уже утратила первый цвѣтъ юности, однако жъ еще обладала прелестями, способными зажечь новую любовь, — что, конечно, легче, чѣмъ поддержать старую.

Оба мальчика, не походившіе другъ на друга, имѣли сходство съ матерью: у нея были всѣ черты младшаго и, вѣроятно, каждый, кто видѣлъ ее въ дѣвушкахъ, узналъ бы въ этомъ мальчикѣ живое подобіе матери. Теперь однако жъ,—особенно въ молчаніи или задумчивости,—она имѣла выраженіе старшаго: нѣкогда румяныя и полныя щеки были блѣдны; особенный изгибъ линіи рта и высокій лобъ были запечатлѣны нѣкоторою горделивостью и важностью, приобретенными опытомъ и годами. Кто могъ бы наблюдать за нею въ часы уединенія, тотъ замѣтилъ бы, что эта гордость была не чужда стыда и что задумчивая важность была тѣнь страстей, опасеній и скорби.

Но теперь, когда она читала столь знакомый и милый почеркъ, читала глазами, въ которыхъ свѣтилось ея сердце, на лицѣ выражались только радость и торжество; глаза сіяли, грудь быстро воздымалась; она въ восхищеніи нѣсколько разъ поцѣловала письмо. Потомъ, встрѣтивъ вопросительный, важный взглядъ старшаго сына, она обвила руками его шею и заплакала.

— Что такое, маменька, милая маменька? поспѣшно спросилъ младшій сынъ, тѣсняясь между матерью и братомъ.

— Твой отецъ пріѣдетъ, сегодня.... сейчасъ.... и ты.... ты.... дитя мое.... Филиппъ!...

Рыданія заглушили ея рѣчь. Письмо, которое произвело такое впечатлѣніе, было слѣдующаго содержанія:

«Милая Катя, послѣднее письмо мое уже приготовило тебя къ извѣстію, которое я теперь сообщая. Моего бѣднаго дяди не стало. Хотя я въ послѣдніе годы мало видѣлся съ нимъ, однако жъ смерть его поразила меня довольно сильно. Впрочемъ, утѣшаюсь тѣмъ, что теперь не крайней мѣрѣ ничто мнѣ не мѣшаетъ отдать тебѣ полную справедливость. Я единственный наследникъ огромнаго имѣнія. Я могу теперь предложить тебѣ, дорогая моя Катя, хотя позд-

нее, однако же полное вознагражденіе за все, что ты претерпѣла за меня, — святое свидѣтельство въ твоёмъ ангельскомъ терпѣніи, посюжетвѣ, безукоризненной любви и преданности. Я могу отдать нашимъ дѣтямъ принадлежащія имъ права. Поцѣлуй ихъ. Катя! поцѣлуй ихъ отъ меня тысячу разъ. Я пишу второпяхъ. Похороны только-что кончены, и пишу только для того, чтобы увѣдомить тебя о моемъ прѣздѣ. Я буду уже близко, когда твои глаза будутъ пробѣгать по этимъ строчкамъ.... твои милые глаза, которые, посмотря на всѣ слезы, пролитыя изъ-за моихъ глупостей, никогда не утрачивали выраженія доброты и любви.

Твой какъ и всегда, Филиппъ Бофоръ.»

Филиппъ Бофоръ былъ человекъ, какихъ много въ его кругу, — добрый, великодушный, легкомысленный и беспечный, съ несравненно лучшими чувствами нежели правилами. Отъ отца Филиппъ имѣлъ очень небольшое наследство, котораго три четверти были уже въ рукахъ жидовъ и ростовщиковъ, прежде нежели онъ дожилъ до двадцати пяти лѣтъ. Но онъ ожидалъ большаго богатства и получалъ покуда очень хорошее содержаніе отъ дяди, стараго холостяка, который изъ придворнаго куртизана сдѣлался мизантропомъ, холоднымъ, хитрымъ, проицательнымъ, злымъ и властолюбивымъ. Этотъ дядя зналъ, что Филиппъ увезъ дочь ремесленника и жилъ съ нею въ своемъ имѣніи, гдѣ, какъ любитель охоты, проводилъ большую часть года. Старикъ за это не сердился на племянника; онъ даже былъ очень доволенъ, когда увидѣлъ, что, подъ вліяніемъ своей подруги, молодой человекъ бросилъ игру, мотовство, всѣ модные пороки своего возраста и своего общества и изъ разгульнаго повѣсы сдѣлался человекомъ солиднымъ, степеннымъ. Но жениться на бѣдной мѣщанкѣ, старикъ ни за что бы ему не позволилъ и потому законность ихъ союза осталась для него тайною, какъ была и для всѣхъ въ обществѣ. «Если, говори-валъ онъ, мрачно взглядывая на Филиппа, если джентль-

меня вздумаетъ опозорить своихъ предковъ введеніемъ въ семью такой жены, которую родная сестра его не можетъ не краснѣя принять у себя въ домъ, то пусть онъ лучше самъ сойдетъ въ ея классъ. Если бъ у меня былъ сынъ, который бы рѣшился вступить въ такой бракъ, я скорѣе отдалъ бы имъніе своему лакею, чѣмъ ему. Ты понимаешь меня, Филиппъ?»

Филиппъ понималъ очень хорошо. Онъ любилъ жену, любилъ страстно, но отказаться отъ имънія не могъ и не хотѣлъ. Катерина, изъ любви къ нему и къ дѣтямъ, переносила стыдъ, страдала тайно, но терпѣливо ждала и надѣялась на лучшую пору. Въ послѣднее время однако жъ эти надежды стали нѣсколько сомнительными. Катерину тревожило безпокойство и опасеніе за будущность дѣтей, потому что богатство, изъ-за котораго она и дѣти тоже столько лѣтъ носили передъ лицомъ общества постыдное имя, это богатство могло достаться другому. Меньшой братъ Филиппа, Робертъ Бофоръ, совершенная противоположность его, человекъ пронырливый, честолюбивый, съ улыбкою на лицѣ и со льдомъ въ сердцѣ, былъ въ послѣднее время неотходно около дяди, и, казалось, успѣлъ вкратѣ къ нему въ довѣренность и пріобрѣсть его благосклонность. Но когда старикъ опасно захворалъ, Филиппъ былъ призванъ къ его одру. Робертъ былъ тутъ же. За часъ до смерти, старикъ оборотился въ постель и, взглянувъ на того и на другаго племянника, сказалъ:

— Филиппъ, ты повѣса, но джентльменъ, а ты, Робертъ, осторожный, трезвый, очень порядочный человекъ. Жаль, что ты не купецъ: ты нажилъ бы себѣ состояніе. Наслѣдства ты не получишь, хотя и ожидаешь.... я вижу тебя насквозь! Филиппъ, берегись брата. Теперь пошлите мнѣ священника.

Старикъ умеръ; духовную вскрыли и Филиппъ получилъ въ наслѣдство двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, а Робертъ — брилліантовый

перстень, золотые часы съ репетиціей, пять тысячъ фунтовъ деньгами и рѣдкую коллекцію змѣй въ спиртовыхъ стеклянкахъ.

— Вотъ, Робертъ, вотъ мои новыя конюшни! Клянись Юпитеромъ, лучше ихъ не найдешь во всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствахъ.

— Да, великолѣпное зданіе. А это вашъ домъ?

— Да; не правда ли, хорошъ? Это ужъ построено по распоряженію Кати. Ея вкусу и умѣнью я обязанъ всеми удобствами и всемъ изяществомъ этого дому. Милая Катя! Ахъ, братецъ, вы не знаете, какая это чудесная женщина!

Разговоръ этотъ происходилъ между двумя братьями Бофоръ, въ бричку, которая въ это время подѣвляла къ Филипповой дачѣ Фернсидъ-Коттеджъ. Съ ними сидѣлъ семнадцати-лѣтній сынъ Роберта, Артуръ Бофоръ.

— Чьи это мальчики, дядюшка, тамъ, на лугу?

— Это мои дѣти, Артуръ.

— А! я не зналъ, что вы женаты, дядюшка! сказалъ Артуръ и высунулся изъ экипажа, чтобы лучше рассмотреть мальчиковъ, которые спѣшили встрѣтить отца.

Робертъ горько улыбулся при замѣчаніи сына; Филиппъ вспыхнулъ. Карета остановилась; Филиппъ выскочилъ и черезъ минуту былъ уже въ объятіяхъ Катерины. Дѣти ухватились за его руки и меньшей въ нетерпѣніи почти кричалъ:—Папенька, папенька, ты не видишь своего Сиднея?

Робертъ Бофоръ положилъ руку на плечо сына и остановился въ отдаленіи.

— Артуръ, сказалъ онъ глухимъ шопотомъ: эти дѣти—позоръ нашего семейства; это похитители твоего

наследства; это незаконнорожденные!.... И они будут его наследниками!

Артуръ не отвѣчалъ, но улыбка, съ которою онъ дотошъ смотрѣлъ на своихъ родственниковъ, исчезла.

— Катя, сказалъ сэръ Филиппъ, взявъ меньшаго сына на руки и указывая на Роберта: это мой братъ, а вотъ мой племянникъ. Ты имъ рада, не правда ль?

Робертъ принужденно поклонился и пробормоталъ какую-то невнятную любезность. Общество отъправилось въ покои. Артуръ и молодой Филиппъ остались позади.

— Вы охотитесь? спросилъ Артуръ, увидявъ ружье у двоюроднаго брата.

— Какъ же! Нынѣшней осенью я надѣюсь настрѣлять не меньше папеньки. А онъ лихой охотникъ. Только ружье-то это одноствольное.... старомодная хлопушка. Папенька купитъ мнѣ другое, новое. Я самъ теперь не могу купить.

— Конечно, сказалъ Артуръ съ улыбкой.

Филиппъ вспыхнулъ и перебилъ съ живостью:

— О! нѣтъ, вы меня не поняли! я и самъ купилъ бы себѣ ружье, если бъ не заплатилъ на-дняхъ тридцать гиней за пару лягавыхъ. Чудо-собаки! Ручаюсь, что вы не видавали подобныхъ.

— Тридцать гиней? О-го! воскликнулъ Артуръ съ простодушнымъ изумленіемъ: да сколько же вамъ лѣтъ?

— Ровно пятнадцать. Эй! Джонъ! Джонъ Гринъ! повелительно вскричалъ молодой человекъ проходившему мимо садовнику: смотри, чтобы завтра утромъ неволь былъ приготовленъ на томъ берегу озера, да чтобы въ девять часовъ была готова палатка. Поставить ее подъ липами, да хорошенько, не такъ, какъ въ прошлый разъ. Тебѣ всё двадцать разъ надо толковать, пока ты поймешь.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ садовникъ съ раболѣпнымъ поклономъ.

— Вашъ папенька держитъ лошадей для охоты? спросилъ Филиппъ.

— Нѣтъ.

— Отчего же?

— Оттого что онъ не довольно богатъ для такой роскоши.

— Ахъ, какъ жаль! Но пріѣзжайте только къ намъ, и мы вамъ дадимъ любого коня. У насъ конюшня большая.

Артуръ вспыхнулъ и его отъ природы откровенное и скромное обращеніе, стало гордымъ и принужденнымъ. Филиппъ выпучилъ на него глаза и обидѣлся, самъ не зная за что. Съ этой минуты онъ возненавидѣлъ своего двоюроднаго брата.

Послѣ обѣда сэръ Филиппъ и Робертъ Бофоръ сидѣли за столомъ и пили.

— Да, говорилъ Филиппъ, въ этомъ отношеніи я, дѣйствительно, ждалъ дядюшкиной смерти. Вы видѣли Катерину, но вы не знаете и половины ея добрыхъ качествъ. Она была бы украшеніемъ всякаго званія и всякаго общества.

— Я не сомнѣваюсь въ достоинствахъ мистриссъ Мортонъ и уважаю вашу привязанность къ ней. Но.... вамъ, братецъ, не должно бы забывать, что она подъ именемъ мистриссъ Бофоръ такъ же мало будетъ принята въ обществѣ какъ и подъ именемъ мистриссъ Мортонъ.

— Но я вамъ говорю, что я и теперь уже дѣйствительно обвинчанъ съ нею. Она ни подъ какимъ другимъ видомъ не оставила бы своей родины. Мы встрѣтились въ самый день ея побѣга.

— Любезный братецъ, возразилъ Робертъ съ насмѣшливою улыбкой невѣрія: вамъ, конечно, должно такъ говорить. Всякій на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы

точно такъ же. Но я знаю, что дядюшка всячески старался узнать достоверно, справедливъ ли былъ слухъ о вашемъ тайномъ бракѣ.

— И вы, Робертъ, помогли ему въ этихъ розыскахъ?... а?

Робертъ покраснѣлъ.

— Ха, ха, ха! я знаю, что вы помогли! продолжалъ Филиппъ: вы знали, что такое открытіе погубило бы меня во мнѣніи старика. Но я провелъ васъ обоихъ.... ха, ха, ха! Мы обвинялись такъ тайно, что теперь даже самой Катеринѣ безъ моего согласія трудно было бы доказать нашъ бракъ. Пасторъ, который вѣнчалъ насъ, умеръ; изъ свидѣтелей одинъ тоже умеръ, другой пропалъ безъ-вѣсти; даже церковная книга случайно уничтожена. Но у меня есть достоверный актъ и я докажу законность нашего брака, я восстановлю чистоту имени моей бѣдной Катерины и вознагражу ее за все ея самопожертвованіе.

— Ну, братецъ, мнѣ не слѣдъ противорѣчить вамъ. Однако жъ всё-таки это странная исторія: пасторъ умеръ, свидѣтелей нѣтъ, церковной книги нѣтъ!.... Вы умно дѣлаете, утверждая, что бракъ вашъ уже существовалъ законнымъ образомъ, когда хотите теперь гласно подтвердить его законность. Но.... всё-таки.... повѣрьте мнѣ, Филиппъ.... свѣтъ....

— Чтò мнѣ до свѣта! Мы вовсе не намѣрены ѣздить на балы и рауты и давать знатнымъ людямъ обѣды. Мы будемъ жить почти такъ же какъ и до-сихъ-поръ. Я только заведу себѣ яхту, да Филиппу найму лучшихъ учителей. Филиппу хочется въ Итонъ, но я знаю, чтò такое Итонъ. Бѣдный Филиппъ! Его, пожалуй, могутъ оскорбить, если люди тамъ такіе же скептики какъ и у васъ, въ вашемъ обществѣ. Старые мои друзья, я думаю, будутъ не меньше прежняго учтивы теперь, когда у меня двадцать тысячъ фунтовъ дохода. Чтò же касается до общества дамъ, то, между на-

ни будь сказано, я вовсе не желаю знать ни одной дамы, кромѣ моей Кати.

— Ну, вы лучшей судья въ своемъ дѣлѣ. По-крайней-мѣрѣ я надѣюсь, вы не примете моихъ замѣчаній въ худую сторону?

— Нѣтъ, любезный Робертъ, нѣтъ. Я вполне чувствую вашу ласку и умѣю оцѣнить ее. Довольно и того, что вы, человекъ такой аккуратный, такихъ строгихъ правилъ, пріѣхали сюда, оказать моей Катѣ уваженіе (сэръ Робертъ безпокойно завертѣлся на креслахъ).... даже тогда, когда еще не знали, что она законная моя жена, и, право, я не осуждаю васъ за то, что вы прежде никогда не дѣлали этого, не осуждаю и за то, что вы старались пріобрѣсть любовь дядюшки.

Робертъ еще безпокойнѣе началъ переминаясь и откашливался, какъ-будто хотѣлъ что сказать. Филиппъ, не обращая на него вниманія, выпилъ стаканъ вина и продолжалъ:

— Ваши угожденія старику, какъ видно, ни къ чему не послужили. Но мы постараемся уладить дѣло такъ, чтобы никому не было обидно. Вы съ женниного шивнія получаете, кажется, двѣ тысячи фунтовъ доходу?

— Полторы, Филиппъ, только полторы, а воспитаніе Артура стѣитъ дорого. Съ будущаго году онъ поступаетъ въ училище. Онъ, право, очень умный мальчикъ.... подаетъ большія надежды.

— Да, и я надѣюсь. Онъ славный малый. Мой Филиппъ многому можетъ научиться отъ него.... Филиппъ мой отчаянный дѣнтяй, но чертовски уменъ, остеръ какъ иголка! Посмотрѣли бы вы, какъ онъ сидитъ на конѣ.... Но возвратимся къ Артуру. О воспитаніи его не заботьтесь: это мое дѣло. Мы пошлемъ его въ Кристь-Чорчъ, а потомъ посадимъ въ парламентъ. А вамъ самцѣмъ.... Я продамъ лондонскій домъ и вырученныя деньги отдаю вамъ. Сверхъ-того вы получите

отъ меня полторы тысячи фунтовъ годового дохода, которыя вмѣстѣ съ вашими полутора тысячами составятъ три. Это дѣло конченное. Молчите. Братья должны поступать по-братски. Пойдемте въ садъ, къ нашимъ дѣтямъ.

Они вышли.

— Вы такъ блѣдны, Робертъ! Это у васъ, столичныхъ жителей, общая черта. Чтò касается до меня, я крѣпокъ какъ лошадь и чувствую себя гораздо здоровѣе чѣмъ тогда, когда принадлежалъ къ числу вашихъ повѣсь, которые цѣлый день топчутъ лондонскую мостовую. Клянусь Юпитеромъ! я ни разу не хворалъ, исключая нѣсколькихъ ушибовъ, когда падалъ съ лошади. Я такъ здоровъ, какъ-будто про меня и смерти нѣтъ. Оттого я никогда и не думалъ дѣлать завѣщанія.

— Такъ вы не дѣлали завѣщанія?

— До-сихъ-поръ нѣтъ. Да и не стоило дѣлать: нечего было отказывать. Но теперь, получивъ такое имѣнiе, пора подумать о вдовствѣ моей Кати. Клянусь Юпитеромъ! кстати вспомнилъ. Я завтра же поговорю съ адвокатомъ. А теперь не хотите ли посмотреть мою конюшню? Чудо, какія лошади!

— Посмотрите, какъ рыжая Бетти разтолстѣла, сэръ! говорилъ конюхъ выводя лошадей: зато ужъ мистеръ Филиппъ и манежить ее, нечего сказать! Мистеръ Филиппъ скоро будетъ ѣздокъ не хуже васъ, сэръ.

— Такъ и надо, Томъ, такъ и надо. Онъ будетъ лучше меня ѣздить, потому что никогда, вѣжется, и потолстѣетъ такъ какъ я. Освѣдай же ему рыжую Бетти. Ну, а мнѣ бы на какой повѣхать? А! вотъ мой старый прiятель, Поппетъ!

— Не знаю, чтò сдѣлалось съ Поппетомъ, сэръ! Вѣсть, какъ надобно, и становится упрямымъ. Вчера хотѣлъ пустить его черезъ барьеръ.... ни за чтò!

— Чтò жъ ты мнѣ не сказалъ, Томъ? вскричалъ мо

лодой Филиппъ: я бы его ужъ заставилъ скакнуть черезъ шесть барріеровъ, не только черезъ одинъ.

— Сохрани Богъ, мистеръ Филиппъ! вѣдь я знаю, что вы горячи. А случилось бы что-нибудь, такъ тогда что?

— Правда, правда, мой другъ, прибавилъ отецъ: Поппетъ не привыкъ къ другимъ съдокамъ кромъ меня. Осъдай его, Томъ. Ну, а вы, братецъ, поведете съ нами?

— Нѣтъ, я съ Артуромъ долженъ вхать сегодня въ городъ. Я уже велѣлъ заложить.

— Ну, какъ хотите.

Сэръ Филиппъ свѣлъ на своего любимаго коня и нѣсколько разъ объѣхалъ дворъ рысью.

— Что ты, Томъ! видишь, какъ мой Поппетъ послушенъ? Отвори ворота; мы проскачемъ по аллеѣ, а тамъ черезъ барріеры.... а, Филиппъ?

— Ъдемъ, пашенька.

Ворота отворили, конюхи стояли и съ любопытствомъ выжидали сначка. Робертъ и Артуръ также остались посмотреть. Всядники были прекрасны. Одинъ— ловкій, легкій, вымакій, на стройней, ретивой лошади; во-видимому столько же горячей и гордой, какъ и юный всадникъ, подлѣ которымъ она извивалась змѣей; другой—Геркулесъ, также на сильномъ, здоровомъ конѣ, которымъ управлялъ съ ловкостью мастера во великомъ атлетическомъ искусствѣ, изящный и благородный въ посадкѣ и во всѣхъ движеніяхъ, — настоящій кавалеристъ, настоящій рыцарь.

— Ахъ, какъ хорошъ дялюшка на конѣ! вскричалъ съ невольнымъ удивленіемъ Артуръ.

— Да, здоровъ, удивительно здоровъ! возразилъ блѣдный отецъ съ тайнымъ вздохомъ.

— Филиппъ, сказалъ мистеръ Бофоръ, галопируя вдоль аллеи: я думаю, барріеръ слишкомъ высокъ для

тебя. Я пушу Поппета черезъ него, а для тебя велимъ отворить.

— О! папенька, вы не знаете, какъ я нынче скачу!

И отдавъ поводья, пришпоривъ рыжую, молодой всадникъ поскакалъ впередъ и махнулъ черезъ довольно высокій барьеръ съ такою легкостью, что у отца невольно вырвалось громкое «браво!»

— Ну, Поппетъ, теперь ты! сказалъ сэръ Филиппъ, пришпоривая своего коня.

Конь доскакалъ до барьеру, захрапѣлъ и поворотилъ назадъ.

— Фи! Поппетъ! фи! старый хрычъ! воскликнулъ опытный наездникъ, перекинувъ коня опять къ барьеру. Лошадь замотала головой, какъ-будто хотѣла сдѣлать возраженіе, но сильно всаженные въ бока шпоры показали ей, что господину не угодно слушать никакихъ доводовъ. Поппетъ пустился впередъ, скакнулъ, задѣлъ задними копытами за верхнюю перекладину барьера и рухнулъ. Съдокъ черезъ голову полетѣлъ на нѣсколько шаговъ дальше. Конь тотчасъ всталъ; всадникъ не вставалъ. Молодой Бюфортъ съ безпокойствомъ и страхомъ соскочилъ съ лошади. Сэръ Филиппъ не шевелился; кровь полилась ручьями изъ герла, когда голова его грузно упала на грудь сына. Конюхи видѣли паденіе изъ-дали, прибѣжали и взяли упавшаго изъ слабыхъ рукъ мальчика. Старшій конюхъ осмотрѣлъ его глазами человека опытнаго въ подобныхъ случаяхъ.

— Братецъ, гдѣ у васъ ушибъ, говорите? вскричалъ Робертъ Бюфортъ.

— Онъ уже ничего не скажетъ: онъ сломилъ шюю! возразилъ Томъ, и залился слезами.

— Пошлите за докторомъ! продолжалъ Робертъ: Артуръ, оставь! не садись на эту проклятую лошадь.

Но Артуръ не слушалъ. Онъ уже сидѣлъ на конѣ, который былъ причиною смерти своего господина.

— Гдѣ живетъ докторъ?

— Прямо этой дорожкой, въ городъ.... мили двѣ будутъ.... всякой знаетъ домъ мистера Повиса. Благослови васъ Богъ! сказалъ конюхъ.

— Поднимите его.... бережно.... и снесите домой, сказалъ сэръ Робертъ конюхамъ: бѣдный мой братъ! дорожкой мой братъ!

Слова его были прерваны крикомъ,—однимъ проницательнымъ, раздражающимъ крикомъ, — и молодой Филиппъ безъ чувствъ упалъ на землю.

Никто теперь уже не беспокоился объ немъ, никто и не поглядывалъ на осиротѣвшаго незаконнорожденнаго.

— Тихе, тихе, говорилъ сэръ Робертъ, провожая слугъ, которые несли тѣло; потомъ блѣдныя щеки его покраснѣли и онъ прибавилъ: онъ не слышалъ завѣщанія, онъ никогда не дѣлалъ завѣщанія!

Три дня спустя, въ залѣ стоялъ открытый гробъ, съ тѣломъ сэръ Филиппа. На полу, передъ нимъ, лежала, безъ слезъ, безъ голоса, несчастная Катерина и подлѣ нея Сидней, который былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы вполне понять свою потерю. Филиппъ стоялъ подлѣ гроба, молча уставивъ неподвижные глаза на мертвое лицо, которое для него никогда не выражало ни гнѣву ни досады, которое всегда смотрѣло на него съ любовью, а теперь было холодно, безстрастно. Подлѣ, въ кабинетѣ покойнаго, сидѣлъ сэръ Робертъ Бозоръ, законный его наследникъ, блѣдный, желтый, сгорбленный. Только глаза его сверкали и руки судорожно суетились, между бумагами разбросанными на старомодной конторкѣ и въ выдвинутыхъ ящичкахъ. Онъ былъ одинъ. Сына онъ на другой же день послѣ несчастнаго приключенія послалъ въ Лондонъ съ письмомъ къ женѣ, которую извѣщалъ о счастливой переменѣ своихъ обстоятельствъ и просилъ съ экстра-почтою прислать адвоката.

Въ дверяхъ послышался стукъ; вошелъ адвокатъ.

— Сэръ, гробовщикъ пришелъ; и мистеръ Гревсъ приказалъ звонить въ колокола; въ три часа онъ хочетъ отпѣвать.

— Я очень обязанъ вамъ, Блаквелъ, что вы принялъ на себя эту печальную заботу. Бѣдный мой братъ!.... Такъ неожиданно!.... Такъ вы думаете сегодня хоронить?

— Да, конечно: погода прекрасная, отвѣчалъ адвокатъ обтирая лобъ.

Раздался звонокъ. Въ кабинетъ молчали.

— Да, это былъ бы убійственный ударъ для мистриссъ Мортонъ, если бъ она была его женой, замѣтилъ черезъ нѣсколько времени мистеръ Блаквелъ: но этого роду женщины, конечно, ничего не чувствуютъ. Счастье еще для вашего семейства, сэръ, что это случилось прежде нежели сэръ Филиппъ успѣлъ жениться на ней.

— Да, это большое счастье, Блаквелъ. Вы ведете приготовить лошадей? Я тотчасъ же послѣ похоронъ намѣренъ ѣхать.

— А что дѣлать съ дачей?

— Продать, разумѣется, продать.

— А мистриссъ Мортонъ и ея дѣти?

— Гмъ! мы подумаемъ объ нихъ. Она была дочь ремесленника. Я полагаю, надобно будетъ обезпечить ее прилично званію. А? какъ вы думаете?

— Да, конечно; больше и требовать отъ васъ не могутъ. Этого слишкомъ довольно. Вѣдь это не то, что жена: совсемъ другое дѣло.

— Конечно, совсемъ другое дѣло. Позвоните-ка, чтобъ принесли свѣчу. Мы запечатаемъ эти ящики.... Да я охотно съѣлъ бы котлетку.... Бѣдный мой братъ!

Погребеніе кончилось; заираженный акидажъ стоялъ у подъѣзду. Сэръ Робертъ слегка поклонился вдовѣ и сказалъ:

— Черезъ нѣсколько дней я вамъ напишу, мистриссъ

Мортонъ, и вы увидите, что я васъ не забуду. Домъ этотъ будетъ проданъ, но мы васъ не торопимъ. Прощайте, мистриссъ; прощайте, дѣти.

Онъ потрепалъ племянниковъ по плечу. Филиппъ топнулъ ногой и взглянулъ на дядю мрачно и надменно.

— Въ этомъ мальчикъ проку не будетъ, пробормоталъ тотъ про себя.

— Утѣшите чѣмъ-нибудь маменьку, дядюшка! сказалъ Сидней простодушно и съ умоляющимъ видомъ положивъ свою руку въ руку богача.

Сэръ Робертъ сухо крикнулъ и сѣлъ въ братнину коляску. Адвокатъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, и коляска покатилась.

Недѣлю спустя, Филиппъ пошелъ въ оранжерею, выбрать плодовъ для матери, которая по смерти мужа почти вовсе не дотрогивалась до пищи. Она исхудала какъ тѣнь; волосы ея посѣдѣли. Она, наконецъ, могла плакать; зато ужъ и не осушала глазъ. Филиппъ, направивъ нѣсколько кистей винограду, положилъ въ корзину и хотѣлъ взять еще абрикось, который казался ему поспѣлѣе другихъ, какъ-вдругъ кто-то съ силою схватилъ его за руку и раздавался грубый голосъ садовника Джона.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Не тронь!

— Ты съ ума сошелъ, болванъ! вскричалъ молодой человекъ съ гнѣвомъ и негодованіемъ.

— Полно, братъ, куражиться, баринъ! Завтра пріѣдетъ господа, смотрѣть дачу, и я не хочу, чтобы оранжерея была обобрана вашею братьей. Вотъ, что я хотѣлъ сказать, мистеръ Филиппъ.

Молодой человекъ поблѣднѣлъ, но молчалъ. Садовникъ былъ радъ, что могъ выместить прежнія обиды, и продолжалъ:

— Что такъ презрительно смотришь, мистеръ Филиппъ? Ты вовсе не такой большой баринъ, какъ во-

ображалъ. Что ты такое? Ничего. Такъ убирайся же по-добру, по-здорову: мнѣ пора запирать двери.

Съ этимъ словомъ онъ грубо взялъ молодого чело-вѣка за плечо, но вспыльчивый, раздражительный и властолюбивый Филиппъ былъ силенъ, не по-лѣтамъ, и безстрашенъ какъ левъ. Онъ схватилъ лейку и такъ ударилъ ею садовника въ голову, что тотъ какъ снопъ опрокинулся на парники и въ дребезги расшибъ рамы и стекла. Филиппъ спокойно снялъ спорный абрикосъ, положилъ къ винограду, въ корзинку, и пошелъ. Садовникъ не почелъ нужнымъ преслѣдовать его.

Для мальчика, который, въ обыкновенныхъ обстоя-тельствахъ, прошелъ свой путь черезъ богатую поб-ранками дѣтскую, среди семейныхъ раздоровъ, или по-бывалъ въ большой школѣ, для такого мальчика это приключеніе ничего бы не значило и не оставило бы по себѣ ничего такого, что слишкомъ потрясло бы нер-вы или встревожило бы душу по минованіи первой вспышки. Но для Филиппа Бофора этотъ случай былъ эпохою въ жизни. Это было первое нанесенное ему оскорбленіе; это было посвященіе его на перемѣнную, безрадостную и ужасную жизнь, на которую отнынѣ было осуждено это избалованное дитя тщеславія и лю-бви. Его самолюбіе въ первый разъ было жестоко уяз-влено. Онъ вошелъ въ комнату и вдругъ почувствовалъ себя нездоровымъ; колѣна его дрожали; онъ поставилъ корзинку на столъ, закрылъ лицо руками и заплакалъ. Эти слезы были не дѣтскія, не тѣ, которыя такъ же скоро исчезаютъ, какъ скоро являются: это были жгу-чія, тяжелыя слезы гордаго мужчины, мучительно вы-жатыя изъ сердца вмѣстѣ съ кровью. Онъ, конечно, несмотря на всѣ предосторожности, имѣлъ уже нѣко-торое смутное понятіе объ особенностяхъ своего поло-женія, но до того это еще его не беспокоило, пото-му что онъ не испытывалъ ни какой неприятности. Те-перь онъ началъ заглядывать въ будущее и имъ овла-

дѣло сомнѣніе, неясное опасеніе; онъ вдругъ понялъ, какой опоры, какой защиты лишился въ отцѣ, и содрогнулся. Послышался звонокъ. Филиппъ поднялъ голову. Это былъ почтальонъ съ письмомъ. Филиппъ поспѣшно всталъ и, отворачивая лицо, на которомъ еще не обсохли слезы, принялъ письмо, потомъ взялъ корзину съ плодами и пошелъ въ комнату матери.

Ставни были притворены. О, какъ насмѣшлива улыбка счастливаго солнца, когда оно озаряетъ несчастныхъ! Катерина сидѣла въ отдаленномъ углу, безчувственно, неподвижно устремивъ влажные глаза въ пустоту; весь видъ ея представлялъ олицетвореніе безутышной скорби. Сидней сидѣлъ у ногъ ея и пледъ вънокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Маменька! маменька! шепталъ Филиппъ, обвивъ руками ея шею: взгляни же, взгляни на меня. Сердце мое разрывается, когда я вижу тебя въ такомъ положеніи. Отвѣдай этихъ плодовъ. Ты тоже умрешь, если будешь продолжать такъ.... Что жъ тогда станется съ нами, съ Сиднеемъ?

Катерина обратила на него неопредѣленный взоръ и пыталась улыбнуться.

— Вотъ письмо, маменька. Можетъ-быть, добрыя вѣсти. Прикажешь распечатать?

Катерина взяла письмо. Какая разница между этимъ письмомъ и тѣмъ, которое, нѣсколько дней тому назадъ, подаль ей Сидней! Адрессъ былъ руки Роберта Бофора. Катерина содрогнулась и положила письмо. Вдругъ, въ первый разъ, какъ молнія промелькнуло въ душѣ несчастной женщины сознаніе настоящаго ея положенія и страхъ за будущее. Что будетъ съ ея дѣтьми? что съ нею самой? Какъ ни святъ былъ ея союзъ съ покойнымъ, а передъ закономъ она едва-ли найдетъ право. Отъ воли Роберта Бофора могла зависѣть участь трехъ существъ. Дыханіе спиралось въ ея груди. Она взяла письмо и поспѣшно пробѣжала его. Вотъ оно.

«Мистриссъ Мортонъ! Такъ какъ бѣдный братъ мой оставилъ васъ, не сдѣлавъ никакого распоряженія, то понятно, что вы должны быть озабочены будущностью вашихъ дѣтей и вашею собственною. Поэтому я рѣшился какъ-можно скорѣе, — какъ только позволяютъ приличія, — уведомить васъ о моихъ намѣреніяхъ насчетъ васъ. Не нужно говорить, что, строго разсудивъ, вы не можете имѣть ни какихъ притязаній ни претензій на родственниковъ покойнаго. Я не стану также оскорблять вашихъ чувствъ нравственными замѣчаніями, которыя и безъ того, вѣроятно, представлялись вамъ самимъ. Не указывая болѣе на ваши отношенія къ моему брату, я, однако жъ, беру смѣлость замѣтить, что эти отношенія были не малымъ поводомъ къ отчужденію его отъ нашего семейства, и при совѣщаніи съ нашими родственниками объ обезпеченіи судьбы дѣтей вашихъ я нашелъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ уважительныхъ сомнѣній, наши родные къ вамъ чувствуютъ очень понятную и простительную неприязнь. Изъ уваженія однако жъ къ моему бѣдному брату (хотя я въ послѣдніе годы очень рѣдко видѣлся въ немъ), я готовъ подавить чувства, которыя, какъ вы легко поймете, долженъ раздѣлять съ моимъ семействомъ. Вы теперь, вѣроятно, рѣшитесь жить у своихъ родственниковъ. Чтобы вы, однако жъ, не были имъ въ тягость, я назначаю вамъ ежегодно по сту фунтовъ, которые можете получать по третямъ, или какъ вамъ лучше. Вы можете также взять себѣ изъ серебряной посуды и бѣдья, что понадобится, по прилагаемому при письмѣ моемъ списку. Что же касается до вашихъ сыновей, то я готовъ отдать ихъ въ школу, а потомъ они могутъ выучиться какому-нибудь приличному ремеслу, которое вы лучше всего можете избрать имъ по совѣту вашихъ родственниковъ. Если ваши дѣти поведутъ себя хорошо, то всегда могутъ надѣяться на мое покровительство. Я не намѣренъ торопить и гнать васъ, но вѣроятно, вамъ самимъ будетъ прискорбно жить долѣе нежели сколько необходимо нужно намѣстѣ, съ которымъ сопряжено для васъ столько неприятнаго. И такъ какъ домъ продается, то вамъ, конечно, неприятны будутъ посѣщенія покупателей, да притомъ ва-

ше продолжительное присутствіе было бы даже помѣхою продажѣ. На первыя издержки по случаю переѣздки посылаю вамъ вексель во сто фунтовъ стерлинговъ и прошу увѣдомить, куда потомъ должно будетъ послать деньги за первую треть. Насчетъ отпуска слугъ и прочихъ распоряженій по дому, я уже далъ порученіе мистеру Блаквелю, такъ, что вамъ не будетъ ни какого безпокойства.

Честъ имѣю быть вашимъ, милостивая государыня, покорнѣйшимъ слугой

Робертъ Бофоръ.

Письмо выпало изъ рукъ Катерины. Скорбь ея превратилась въ отвращеніе и негодованіе.

— Заносчивый негодяй! вскричала она съ пламеньющимъ взоромъ: это онъ смѣетъ говорить мнѣ... мнѣ! жень, законной жень его брата! матери его родныхъ племянниковъ!

— Скажи это еще разъ, маменька, еще разъ! вскричалъ Филиппъ: ты жена, законная жена!

— Клянусь, это правда! отвѣчала Катерина торжественно: я скрывала эту тайну ради твоего отца. Теперь, ради васъ, истина должна открыться.

— Слава Богу! слава Богу! шепталъ Филиппъ обнимая брата: на нашемъ имени нѣтъ пятна, Сидней!

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ радостью и гордостью, мать вдругъ почувствовала все, что подозрѣвалъ и таилъ про себя ея сынъ. Она чувствовала, что подъ его вспыльчивымъ и упрямымъ нравомъ таилось нѣжное и великодушное снисхожденіе къ ней. Даже недостатки Филиппа могли родиться отъ двусмысленнаго его положенія. Въ сердце ея проникло горькое раскаяніе въ томъ, что она, для выгодъ отца, такъ долго жертвовала дѣтьми. Затѣмъ послѣдовалъ страхъ, ужасный страхъ, мучительнѣе самаго раскаянія. Гдѣ доказательства? Она знала, что есть свидѣтельство о бракѣ, но гдѣ оно? Объ этомъ она никогда не спрашивала мужа; а теперь спросить было поздно. Другой никто

не зналъ. Она застонала и закрыла глаза, какъ-будто для того, чтобъ не видѣть будущаго. Потомъ она вдругъ вскочила, бросилась изъ комнаты и побѣжала прямо въ кабинетъ мужа. Положивъ руку на замокъ, она затрепетала и остановилась. Но забота о живыхъ въ эту минуту была сильнѣе скорби по умершемъ. Она вошла и твердыми шагами приблизилась къ конторкѣ. Конторка была заперта и запечатана печатью Роберта Бюффа. На всѣхъ шкафахъ, на всѣхъ ящикахъ та же печать напоминала о правахъ болѣе дѣйствительныхъ. Но Катерину это не остановило. Она оборотилась, увидѣла Филиппа и молча указала на конторку. Мальчикъ понялъ ее и ушелъ. Черезъ минуту онъ воротился съ долотомъ и сломалъ замокъ. Торопливо, съ трепетомъ, перерыла Катерина все бумаги, развертывала письмо за письмомъ, листъ за листомъ. Тщетно! Ни свидѣтельства, ни завѣщанія не было. Одного слова достаточно было, чтобы объяснить Филиппу, чего мать его искала, и онъ принялся обыскивать еще внимательно, еще отчетливѣе. Все шкафы, все ящики, всякое мѣсто, гдѣ могли быть бумаги, въ кабинетѣ и во всемъ домѣ, было осмотрѣно и все напрасно.

Три часа спустя они были въ той же комнатѣ, гдѣ Филиппъ подалъ матери письмо. Катерина сидѣла молча, безъ слезъ, но блѣдная какъ смерть, отъ скорби и отчаянiя.

— Маменька, позволишь тебѣ прочесть это письмо? спросилъ Филиппъ.

— Читай, и рѣши за всѣхъ насъ, Филиппъ, отвѣчала мать.

Она молча смотрѣла на сына, покуда онъ читалъ. Филиппъ чувствовалъ этотъ взоръ и подавалъ подлившуюся въ груди его бурю. Дочитавъ, онъ обратилъ черные, пылающіе глаза свои на мать.

— Маменька, докажемъ ли мы свои права или нѣтъ, во всякомъ случаѣ ты откажешься отъ милостыни это-

го чловѣка. Я молодъ... я мальчикъ, но я здоровъ и силенъ. Я буду день и ночь работать для тебя. У меня станутъ силы на это.... я это чувствую. Лучше пере-нести всѣ возможныя бѣдствія, чѣмъ зѣсть его хлѣбъ!

— Филиппъ!... Филиппъ! ты истинно мой сынъ! ты сынъ Филиппа Бофора! И ты не упрекаешь свою мать, что она, по слабости, забыла свой долгъ, скрывала законность твоихъ правъ до-тѣхъ-поръ пока стало уже поздно доказывать ихъ? О! упрекай меня, упрекай меня! мнѣ будетъ легче. Нѣтъ, не цѣлуй меня: я не вынесу этого! Дитя мое..... Боже мой!.... если намъ не удастся доказать!.... Понимаешь ли ты, что я тогда буду въ глазахъ свѣта и что будете вы оба?

— Да, я понимаю, сказалъ Филиппъ съ твердостью, и сталъ на колѣни передъ матерью: но пусть! пусть другіе называютъ тебя, какъ хотятъ. Ты мать, а я твой сынъ. Ты передъ Богомъ жена моего отца, а я его наследникъ.

Катерина склонила голову и рыдая упала въ объятія сына. Сидней подошелъ и прижалъ уста свои къ ея холодной щекѣ.

— Маменька! маменька, не плачь! говорилъ ребенокъ.

— О, Сидней! Сидней!..., какъ онъ похожъ на отца! Посмотри на него, Филиппъ! Сдвемъ ли вы отказаться отъ предлагаемой милостыни? И ему тоже быть нищимъ?

— Никогда мы не будемъ нищими! Законные сыновья Бофора не на то созданы, чтобъ вымаливать милостыню! возразилъ Филиппъ съ гордостью, которая показывала, что онъ еще не прошелъ школы бѣдствія.

Серъ Робертъ Бофоръ въ свѣтъ почитался чловѣкомъ очень почтеннымъ. Онъ никогда не игралъ, не платилъ долговъ. Онъ былъ добрый мужъ, попечитель-

ный отецъ, пріятный собесѣдъ, довольно благотворителенъ къ бѣднымъ. Онъ былъ честенъ и порядоченъ во всехъ своихъ дѣлахъ и объ немъ знали, что онъ въ некоторыхъ обстоятельствахъ жизни поступилъ даже очень благородно. Сэръ Робертъ вообще старался во всемъ поступать такъ, чтобы люди не осудили. Другого правила у него не было. Его религія — приличіе; его честь — мнѣніе свѣта; сердце — солнечные часы, которыхъ солнце — общество. Когда глаза публики были обращены на эти часы, они соответствовали всему, что только можно требовать отъ порядочнаго сердца; когда же глаза отворачивались, часы ничего не показывали и становились чугуною доскою, и только. Справедливость требуетъ замѣтить, что Робертъ Бофоръ рѣшительно не вѣрилъ въ законность союза своего брата. Онъ считалъ все это сказкою, придуманною Филиппомъ для того, чтобы подкрѣпить свое намѣреніе болѣе уважительными доводами. Признаніе Филиппа, что на этотъ бракъ не существуетъ ни какихъ доказательствъ, кромѣ одного свидѣтельства, — котораго Робертъ не нашелъ, — дѣлала это невіріе очень естественнымъ. Поэтому онъ и не считалъ себя обязаннымъ уважать и щадить женщину, черезъ которую чуть-чуть не лишился богатаго наслѣдства, женщину, которая даже не носила имени его брата, и которой никто не зналъ. Если бъ Катерина была мистриссъ Бофоръ и ея дѣти законныя дѣти Филиппа, то Робертъ, — предполагая даже, что взаимныя отношенія ихъ касательно имѣнія были бы тѣ же самыя, — поступилъ бы съ осмотрительнымъ и добросовѣтнымъ великодушіемъ. Свѣтъ сказалъ бы: «Благороднѣе сэра Роберта Бофора невозможно поступить». Если бъ мистриссъ Мортонъ была хоть разведенная жена изъ какой-нибудь знатной или именитой фамиліи и жила бы такъ же съ Филиппомъ, сэръ Робертъ и тутъ распорядился бы иначе: онъ не допустилъ бы, чтобы родственники ея мог-

ли сказать, «сэръ Робертъ Бофоръ мелочной человекъ.» Но при настоящемъ положеніи дѣлъ онъ видѣлъ, что нивніе свѣта, — если свѣтъ сочтетъ это дѣло достойнымъ своего суда, — во всякомъ случаѣ будетъ на его сторонѣ. Хитрая женщина.... низкаго происхожденія и, разумѣется, низкаго воспитанія.... которая старалась оболъстить и вовлечь своего богатаго любовника въ неразрывный союзъ.... чего такая женщина могла ожидать отъ человека, которому хотѣла повредить..... отъ законнаго наследника? Не довольно ли великодушно съ его стороны, если онъ хоть что-нибудь сдѣлаетъ? если онъ заботится о дѣтяхъ и пристроитъ ихъ сообразно съ званіемъ матери? Неужели этого не довольно? Его совѣсть говорила ему, что онъ исполнилъ долгъ, что онъ поступилъ не необдуманно, не безразсудно, но какъ должно. Онъ былъ увѣренъ, что свѣтъ именно такъ рѣшитъ, если узнаетъ, въ чемъ дѣло. Вѣдь онъ ни къ чему не обязанъ! И потому онъ былъ вовсе не приготовленъ къ короткому, гордому, но умѣренному отвѣту Катерины на его письмо, къ отвѣту, которымъ она рѣшительно отказывалась отъ его предложеній, твердо настаивала на законности своихъ правъ и представляла себѣ отыскивать ихъ судебнымъ порядкомъ. Отвѣтъ этотъ былъ подписанъ: Катерина *Бофоръ*! Сэръ Робертъ надписалъ на этомъ письмѣ «Дерзкій отвѣтъ мистриссъ Мортонъ; 14 сентября,» положилъ въ столъ и былъ очень доволенъ, что имѣлъ право совершенно забыть о существованіи той, которая написала его, пока ему не напомнилъ объ ней адвокатъ его, мистеръ Блэквелъ, уведомивъ, что Катерина подала жалобу въ судъ. Сэръ Робертъ поблѣднѣлъ, но Блэквелъ успокоилъ его.

— Вамъ, сэръ, опасаться рѣшительно нечего. Это только попытка вынудить денегъ. Они ничего не сдѣлаютъ.

Дѣло, дѣйствительно, было даже больше нежели сомнительно. Они въ самомъ дѣлѣ ничего не сдѣлали и

Катерина этимъ процессомъ только пуще опозорила передъ глазами свѣта и себя и дѣтей. Сэръ Робертъ Бофоръ спокойно вступилъ въ полное обладаніе богатымъ имѣніемъ.

Между-тѣмъ Катерина съ дѣвяти поселилась въ отдаленномъ предмѣстіи Лондона, въ мрачной и холодной наемной квартирѣ. Послѣ несчастнаго процесса и по распродажѣ брилліантовъ и золотыхъ вещей, которыхъ наследники не имѣли права отнять, у нея осталась сумма, которою она, при величайшей бережливости, могла жить года два порядочно. Между-тѣмъ она придумывала планъ для будущаго и надѣялась притомъ на помощь своихъ родственниковъ, но всё-таки съ трудомъ рѣшалась просить этой помощи. Пока былъ живъ отецъ, она вела съ нимъ переписку, но никогда не открывала ему тайны своего брака, хотя писала не такъ, какъ женщина, чувствующая за собою вину. Отецъ, человѣкъ не очень хорошихъ правилъ, сначала посердился, но потомъ мало беспокоился о настоящихъ отношеніяхъ своей дочери къ сэру Филиппу Бофору: онъ былъ доволенъ тѣмъ, что она жила свободно и могла даже помогать ему; притомъ же онъ надѣялся, что Бофоръ всё-таки современемъ возведетъ Катерину въ достоинство законной жены и леди. Но когда отецъ умеръ, связь Катерины съ семействомъ была расторгнута. Братъ ея, Рожеръ Мортонъ, былъ человѣкъ порядочный, честный, но немножко грубый. Въ единственномъ письмѣ, которое Катерина получила отъ него, съ извѣстіемъ о смерти отца, онъ сухо высказалъ ей на-прямки, что не можетъ одобрить ея образа жизни и что не намѣренъ имѣть никакихъ сношеній съ нею, если она не рѣшится разойтись съ Бофоромъ. Если же она рѣшится на это и чистосердечно раскается, то онъ всегда готовъ быть ей добрымъ и вѣрнымъ братомъ.

Хотя въ то время это письмо очень оскорбило Кате-

рину, однако жъ, соображая причины, она не могла сердиться на брата, и теперь, угнетенная бѣдствіемъ, рѣшилась просить у него помощи по-крайней-мѣрѣ для дѣтей, но рѣшилась уже черезъ годъ по смерти мужа, когда большая часть ея имущества была прожита и другаго средства не предвидѣлось, а она сама, изнуренная печалью и болѣзнию, уже чувствовала, что ей не долго остается жить. Съ шестнадцатаго году своего, когда вступила хозяйкою въ домъ Бофора, она жила не роскошно, но въ довольствѣ, посреди котораго не привыкла даже къ бережливости, не только къ лишеніямъ. При всемъ томъ, по своему характеру, она сама перенесла бы голодъ и всякую нужду безропотно; но дѣтей..... его дѣтей!... привыкшихъ къ исполненію своихъ малѣйшихъ желаній, она не могла лишиться никакого удобства. Филиппъ былъ уже разсудителенъ и скроменъ, такъ какъ по-видимому нельзя было бы ожидать отъ него, судя по его прежнему легкомыслію и своенравію. Но Сидней.... кто же могъ требовать разсудительности отъ ребенка, который не понималъ, что значитъ перемѣна обстоятельствъ и не зналъ цѣны деньгамъ? Начнетъ онъ, бывало, скучать: Катерина украдкою пойдетъ со двора и воротится съ узломъ игрушекъ, на которыя истратитъ доходъ цѣлой недѣли; поблѣднѣетъ онъ немножко, пожалуется на малѣйшее нездоровье, она тотчасъ шлетъ за докторомъ. А собственная ея болѣзнь, пренебреженная и оставленная безъ вниманія, между-тѣмъ переросла предѣлъ врачевнаго искусства. Горе, заботы, страхъ, тягостныя воспоминанія и опасеніе за будущее, въ которомъ грозилъ голодъ, быстро изнуряли ее. У нея не доставало силы на то, чтобы работать или служить, если бъ она даже и хотѣла. И кто далъ бы работы, кто принялъ бы въ службу опозоренную и всеми оставленную женщину? Известно, какъ люди строги къ грѣхамъ другихъ, когда имѣютъ возможность хорошо скрыть свои собственные.

Отвѣтъ мистера Рожера Мортюна на просьбу Катерины, былъ слѣдующаго содержанія:

«Любезная Катерина!

« Я получилъ твое письмо отъ четырнадцатаго числа и отвѣчаю съ первою почтой. Меня очень опечалило извѣстiе о твоёмъ несчастiи, но что ты ни говори, а я не могу считать покойнаго сэра Филппа Бофора добросовѣстнымъ человѣкомъ, когда онъ забылъ сдѣлать завѣщанiе и оставилъ своихъ дѣтей безъ помощи и пристанища. Все, что ты толкуешь о намѣренiяхъ, которыя онъ имѣлъ, очень хорошо, но вкусъ каравая узнаешь только когда его отвѣдаешь. У меня у самого семейство, дѣти, которыхъ я кормлю честными трудами: мнѣ трудно будетъ содержать дѣтей богатаго джентльмена. Что же касается до твоей исторiи тайнаго брака, то она можетъ-быть достовѣрна, а можетъ-быть и нѣтъ. Вѣроятно, этотъ господинъ обманулъ тебя, потому что вѣнчанiе это не могло быть дѣйствительное. И такъ какъ ты говоришь, что законъ уже рѣшилъ этотъ вопросъ, то чѣмъ меньше будешь говорить объ немъ, тѣмъ лучше. Всѣ-равно, люди не обязаны вѣрить тому, чего нельзя доказать. Если бъ даже и правда была, что ты говоришь, то всё-таки ты заслуживаешь болѣе порицанiя нежели состраданiя: зачѣмъ ты столько лѣтъ молчала и наносила стыдъ всему нашему семейству? Я увѣренъ, что моя жена этого не сдѣлала бы, ни даже ради самаго богатаго и красиваго джентльмена въ цѣломъ свѣтѣ. Впрочемъ, я не хочу оскорблять твоего чувства и, право, готовъ сдѣлать все, что можно и прилично. Ты, конечно, не можешь ожидать, чтобы я пригласилъ тебя въ свой домъ. Моя жена, ты знаешь, женщина очень набожная и ни за что этого не потерпитъ. Притомъ это повредило бы и мнѣ, то есть, моему кредиту: здѣсь въ городѣ есть нѣкоторыя пожилыя дѣвицы, изъ порядочныхъ семействъ, которыя забираютъ у меня много фланели, для бѣдныхъ, и которыя очень щекотливы насчетъ подобныхъ вещей. Въ нашемъ городѣ вообще очень строго наблюдаютъ за нравственностью и сборы на церковь бываютъ часто очень большiе... Не то чтобы я сѣтовалъ на это, нѣтъ: я, нрав-

да, очень либераленъ, но долженъ уважать мѣстные обы-
 чая, особенно потому, что деканъ — одинъ изъ главныхъ
 мовъ покушниковъ. Посылаю тебѣ десять фунтовъ стер-
 ллинговъ. Когда истратишь ихъ, напиши ко мнѣ, и я по-
 смотрю, что можно будетъ сдѣлать. Ты пишешь, что ты
 очень бѣдна. Жаль мнѣ тебя, но ты должна ободриться
 и поправиться сама какъ-нибудь. Возьмишь хоть за шитье.
 И, право, я совѣтую тебѣ обратиться къ сару Роберту
 Бофору, онъ, вѣрно, согласится дать тебѣ въ годъ фунтовъ
 сорокъ или пятьдесятъ, если ты попросишь его какъ дол-
 жно и прилично въ твоихъ обстоятельствахъ. Что же ка-
 сается до твоихъ дѣтей... бѣдные сироты!... прискорбно
 думать, что они наказаны не за свою вину. Моя жена, хотя
 строгая, однако жъ добрая женщина. Она согласится съ
 моими намѣреніями. Ты пишешь, что старшему шестнад-
 цать лѣтъ и что онъ имѣетъ довольно хорошаго познанія. Я
 могу доставить ему очень хорошее мѣсто. Братъ моей же-
 ны, мистеръ Христофоръ Плаквитъ, книгопродавецъ-на-
 датель въ Р***, издаетъ газету и такъ любезенъ, что присы-
 лаетъ мнѣ ее ежедневно. Хотя эта газета не нашего граф-
 ства, однако жъ въ ней попадаются иногда очень благоразум-
 ныя мнѣнія, и даже лондонскія газеты очень часто цитиру-
 ютъ изъ нея. Мистеръ Плаквитъ долженъ мнѣ небольшую
 сумму, которую я одолжилъ ему, когда онъ началъ издавать
 свою газету. Онъ уже нѣсколько разъ вмѣсто уплаты предла-
 галъ мнѣ долю въ газетѣ, но я не люблю ввязываться въ дѣ-
 ла, которыхъ не понимаю, и потому не воспользовался пред-
 ложеніемъ. Нынче же мистеръ Плаквитъ писалъ мнѣ, что
 имѣетъ надобность въ мальчикѣ и вызывался взять въ
 ученье моего старшаго сына, но мнѣ онъ будетъ нуженъ.
 Я пишу къ Плаквиту съ этою же почтой, и если твой сынъ
 поѣдетъ туда... на имперіалѣ не дорого стѣитъ... я не сом-
 нѣваюсь, онъ тотчасъ же будетъ принятъ. Вмѣсто платы
 за ученье, мистеръ Плаквитъ зачтетъ долгъ и тебѣ не нуж-
 но будетъ платить. Это дѣло конченное. А меньшаго тво-
 его мальчика я возьму къ себѣ и, когда подрастетъ, приучу
 къ торговлѣ. Онъ будетъ у меня наравнѣ съ моими ребя-
 тами. Мистриссъ Мортонъ будетъ заботиться объ его оп-
 ратности и доброй нравственности. Я полагаю... это мис-

риссъ Мортонъ поручаетъ мнѣ написать... я полагаю, что она и корь у него уже были; прошу однако жъ увѣдомить объ этомъ. Ну, вотъ и этотъ прнстроень. Теперь у тебя будетъ двумя животами меньше и тебѣ останется забота только о самой себѣ, что, я полагаю, не мало облегчитъ и утѣшитъ тебя. Не забудь написать къ сэру Роберту Бофору, и если онъ ничего не сдѣлаетъ для тебя, то, значить, онъ не такой джентльменъ, какимъ я считалъ его. Но ты мнѣ родная сестра и съ-голоду не померешь. Хотя я не считаю приличнымъ дѣловому человѣку поспрять неблагонрнстойные поступки, однако жъ все-таки держусь мнѣнія, что если на кого пришла невзгода, такъ лучше подать золотникъ помощи, чѣмъ фунтъ увѣщаній. Моя же на иначе разсуждаетъ: ей очень хочется прочесть тебѣ рацию. Но не вѣмъ же быть такими строгими. Увѣдомь меня, когда твой мальчишка прїѣдетъ, да и объ оспѣ и кори тоже, и о томъ, улажено ли дѣло съ мистеромъ Плакситомъ. Въ надеждѣ, что ты теперь утѣшена, остаюсь вѣрнымъ и любящимъ тебя братомъ.

Рожеръ Мортонъ.

P. S. Мистриссъ Мортонъ говоритъ, что она заступитъ твоему ребенку мѣсто матери и проситъ, чтобы ты до отсылки къ намъ вычинила его бѣлье.

Прочитавъ это посланіе, Катерина обратила взоръ на Филиппа. Онъ тихо стоялъ всторонѣ и наблюдалъ лицо матери, которое во время чтенія горѣло отъ стыда и скорби. Филиппъ былъ теперь уже не тотъ хорошенькій, щегольски одѣтый баричъ, какимъ мы видѣли его въ первый разъ. Онъ выросъ изъ изношеннаго траурнаго платья: длинныя волосы безпорядочно упали на блѣдныя, впалыя щеки; черныя блестящія глаза получили мрачное выраженіе. Никогда бѣдность не обнаруживается рвче, чѣмъ въ чертахъ и въ осанкѣ гордаго молодого человѣка. Очевидно было, что Филиппъ больше терпитъ свое состояніе, нежели покоряется ему: несмотря на занятнаниую и протертую одежду, онъ въ обращеніи своемъ сохранилъ строптивую ве-

личавость и повелительный тонъ со всеми, кромѣ матери, которую берегъ и лелѣялъ съ рѣдкою нѣжностью и предусмотрительностью.

— Ну, что, маменька? что пишетъ твой братъ? спросилъ онъ съ странною смѣсью мрачности во взоръ и нѣжности въ голосъ.

— Ты прежде рѣшалъ за насъ, рѣшай и теперь. Но я знаю, ты никогда...

— Погоди: дай мнѣ самому прочесть.

Катерина была отъ природы женщина умная и сильная духомъ, но болѣзнь и горе удручили ее, и она обращалась за совѣтомъ къ Филиппу, хотя ему былъ еще только семнадцатый годъ. Въ природѣ женщины, — особенно въ пору безпокойства и страха, — есть что-то такое, что заставляетъ ее искать защиты и покоряться другой волѣ, чьей бы то ни было. Катерина отдала Филиппу письмо, а сама тихо съѣла подлѣ Сиднея.

• Намѣренія твоего брата хороши, сказалъ Филиппъ, прочитавъ письмо.

— Да; но что въ томъ пользы? Я не могу.... нѣтъ, нѣтъ! я не могу разстаться съ Сиднеемъ, вскричала Катерина, и заплакала.

— Нѣтъ, милая маменька! Это въ самомъ дѣлѣ было бы ужасно. Но книгопродавецъ... Плаксивить... Можетъ-быть, я буду въ состояніи содержать васъ обоихъ.

— Ахъ! неужто ты думаешь итти служить мальчишкѣ въ книжной лавкѣ, Филиппъ? Ты, съ твоими привычками, съ твоимъ воспитаніемъ? Ты? такой гордый?

— Маменька! для тебя я готовъ улицы мести! Для тебя я пойду къ дядѣ Бофору, со шляпою въ рукѣ, просить подаванія. Я не гордъ, маменька. Я хотѣлъ бы быть честнымъ, если можно. Но когда я вижу твои страданія, твои слезы, тогда... злой духъ овладѣваетъ мной.... я часто содрогаюсь; я готовъ совершить преступленіе.... какое, самъ не знаю.

— Филиппъ! мой милый Филиппъ, подойди сюда... сынъ мой, моя надежда! не говори такихъ страшныхъ рвчей: ты пугаешь меня!

И сердце матери излилось всею нѣжностью прежнихъ счастливыхъ дней. Она обвила руками шею сына и, утѣшая, цѣловала его. Онъ приложилъ пылающую голову къ ея груди и крѣпко прижался, по привычкѣ, какъ бывало во время бурныхъ пароксизмовъ неукротимыхъ и своенравныхъ страстей своего дѣтства. Въ этомъ положеніи они пребыли нѣсколько минутъ. Уста ихъ безмолвовали; говорили только сердца, одно отъ другаго заимствуя подкрѣпленіе и силу. Наконецъ Филиппъ поднялся съ спокойною улыбкой.

— Прощай, маменька! я тотчасъ отправлюсь къ Плакситу.

— Но у тебя нѣтъ денегъ на поѣздку. Возьми, вотъ.

Она подала ему кошелекъ, изъ котораго Филиппъ неохотно взялъ нѣсколько шиллинговъ.

Подъ-вечеръ онъ былъ на назначенномъ мѣстѣ. Мистеръ Христофоръ Плакситъ былъ приземистый и одутловатый мужчина, въ темно-коричневыхъ брюкахъ со стиблетами, въ черномъ сюртукѣ и въ такомъ же жилетѣ, на которомъ красовалась длинная толстая часовая цѣпочка съ огромною связкою печатей, ключей и старомодныхъ траурныхъ колець; лицо у него было блѣдное и, такъ сказать, губчатое; темные волосы подстрижены подъ гребенку. Книгопродавецъ-издатель былъ чрезвычайно занятъ тѣмъ, что походилъ нѣсколько на Наполеона и старался поддѣлаться подъ рѣшительный, отрывистый тонъ и повелительныя манеры, которыя казались ему главными чертами характера его прототипа.

— Такъ вы тотъ самый молодой человекъ, котораго рекомендовалъ мнѣ мистеръ Рожеръ Мортонъ? сказалъ мистеръ Плакситъ, вытаращивъ на Филиппа глаза, съ явнымъ намѣреніемъ усилить ихъ пронизательность.

Между-тѣмъ онъ вытащилъ изъ кармана свой бумажникъ и перебиралъ въ немъ бумаги.

— Вотъ, кажется, его письмо, продолжалъ онъ..... нтъ; это сэръ Томасъ Чемпердоунъ проситъ прислать пятьдесятъ экземпляровъ газеты, въ которой напечатана его послѣдняя рѣчь въ собраніи депутатовъ нашего графства.... Сколько вамъ лѣтъ.... шестнадцать, говорить?... На видъ вы гораздо старше.... И это не оно... и это нтъ.... а, вотъ оно!... Садитесь. Да; мистеръ Рожеръ Мортонъ рекомендуетъ васъ.... родственникъ.... несчастныя обстоятельства..... хорошо воспитанъ..... гм! Ну, молодой человекъ, что вы можете сказать въ вашу пользу?... Вы умѣете вести счеты? знаете бухгалтерію?

— Я нѣсколько знаю алгебру, сэръ.

— Алгебру? а-га! Ну, что еще?

— Знаю французскій и латинскій языки.

— Гм!... можетъ пригодиться. Зачѣмъ у васъ велосипе такіе длинныя? Посмотрите, какіе у меня.... Какъ васъ зовутъ?

— Филиппъ Мортонъ.

— Мистеръ Филиппъ Мортонъ, у васъ очень умное лицо. Я знатокъ въ фizioноміяхъ. Вамъ извѣстны условія?... Очень выгодныя для васъ... Безъ платы за ученье... Это я съ Рожеромъ покончу. Я вамъ даю столъ и постель.... Бѣлье ваше собственное. Порядочное поведеніе.... Срокъ ученья — пять лѣтъ. Срокъ мнѣть, вы можете завестись сами, только не здѣсь. Когда вы можете прійти совсѣмъ? Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Я во всемъ люблю поступать скоро и рѣшительно. Это мой характеръ... Вы читали біографію Наполеона? Видѣли его портретъ?..... Вотъ, взгляните на этотъ бюстъ, что стоитъ тамъ, на шкафу. Посмотрите хорошенько! Не находите ли вы какого-нибудь сходства?... а?

— Сходства, сэръ? я не видалъ самого Наполеона, и потому не могу судить о сходствѣ его бюста.

— Я знаю, что вы не видали. Нѣтъ, нѣтъ! оглянитесь здѣсь, въ комнату. Кого напоминаетъ вамъ этотъ бюстъ? Кто на него похожъ?

Тутъ мистеръ Плаксвигъ сталъ въ позицію, заложилъ руку за жилетъ и устремилъ задумчивый взоръ на чайный столъ.

— Теперь представьте себѣ, продолжалъ онъ: что мы на островъ Святой Елены; этотъ столъ—океанъ. Ну, теперь, на кого походить этотъ бюстъ, мистеръ Мортонъ?

— Кажется, на васъ, сэръ.

— А! вотъ то-то и есть! Это всякому въ глаза бросается. А узнаете меня по-короче, такъ найдете столько же сходствъ нравственныхъ.... Прямя... отчетливъ... смѣль.... скорь.... рвшителенъ!.... Такъ послѣ завтра вы прїѣдете совсѣмъ, мистеръ Филиппъ?

— Да, я готовъ. Жалованье вы назначите мнѣ? Хотѣю сколько-нибудь, чтобы я могъ посылать матери.

— Жалованье? въ шестнадцать лѣтъ? сверхъ квартиры и стола? за что? Ученики никогда не получаютъ жалованья. Вы будете пользоваться всеми удобствами....

— Дайте мнѣ меньше удобствъ, чтобы я могъ больше доставить матери. Назначьте мнѣ немножко деньгами... сколько-нибудь.... и вычтите со стола.... Мнѣ не много нужно: я сытъ однимъ обѣдомъ.

— Гмъ!

Мистеръ Плаксвигъ взялъ изъ жилетнаго кармана большую щепотку табаку, пошюхалъ, шелкнулъ пальцами, заложилъ руку по-наполеоновски и задумался. Потомъ устремивъ опять глаза на Филиппа, продолжалъ:

— Хорошо, молодой человекъ; вотъ мы что сдѣлаемъ. Вы прїѣдите ко мнѣ на испытаніе: мы увидимъ,

какъ поладимъ. На это время я буду давать вамъ по пяти шиллинговъ въ недѣлю, а потомъ уже условимся окончательно. Довольны ли вы?

— Покорно васъ благодарю.

Черезъ нѣсколько минутъ Филиппъ уже возвращался въ Лондонъ на имперіаль омнибуса.

— Какой теплый вечеръ! сказалъ подлѣ него пассажиръ, пустивъ ему прямо въ глаза цѣлый столбъ табачнаго дыму.

— Да, очень теплый. Сдѣлайте одолженіе, курите въ лицо другому вашему сосѣду, отвѣчалъ Филиппъ отрывисто.

— А-га! возразилъ пассажиръ съ громкимъ смѣхомъ: вы еще не любите табаку? Но погодите, полюбите, когда проживете съ мое, отвѣдаете заботы и нужды. Трубка!... о, это великая и благодѣтельная, утѣшительница! Честнымъ дыханіемъ своимъ она разгоняетъ дьяволовъ. Отъ нея зрѣетъ мозгъ, раскрывается сердце. Человѣкъ, который курить, мыслить какъ мудрецъ и поступаетъ какъ Самаритянинъ.

Пробужденный отъ своей думы этою неожиданною декламациею, Филиппъ быстро оборотился къ своему сосѣду и увидѣлъ любаго, широкоплечаго, рослаго мужчину, въ синемъ сюртукѣ, застегнутомъ до-верху, и въ соломенной шляпѣ, надвтой на бекрень, что придавало нѣсколько безпечный видъ красивому, мужественному лицу, которое, несмотря на улыбку, носило на себѣ печать твердаго и рѣшительнаго характера. Въ свѣтлыхъ, пронизательныхъ глазахъ, въ густыхъ бровяхъ, въ рѣзкихъ линіяхъ на лбу и въ быстрой подвижности всѣхъ мускуловъ лица, выражались кипучія страсти и вмѣстѣ сила, способная обуздывать ихъ, энергія и острый умъ. Филиппъ долго и внимательно смотрѣлъ на сосѣда; сосѣдъ отвѣчалъ тѣмъ же.

— Что вы обо мнѣ думаете, сэръ? спросилъ пассажиръ, снова раскуривая трубку.

— Въ васъ есть что-то странное.

— Странное? Да, это замѣчаютъ многіе. Вы не такъ легко разгадаете меня, какъ я васъ. Сказать ли вамъ характеръ и вашу судьбу? Вы джентльменъ или что-нибудь въ этомъ родѣ: это я слышу по тону вашихъ рѣчей. Вы бѣдны, чертовски бѣдны: это я вижу по дырѣ на вашемъ рукавѣ. Вы горды, пылки, недовольны и несчастны: все это я вижу по вашему лицу. Я заговорилъ съ вами именно затѣмъ, что замѣтилъ это. Я добровольно никогда не нищу знакомства съ счастливыми.

— И не удивительно: если вы знаете всѣхъ несчастныхъ, то у васъ уже должно быть огромное знакомство! замѣтилъ Филиппъ.

— Вы остры не по лѣтамъ! А чѣмъ вы занимаетесь?

— Покуда ничѣмъ, покрашивъ отвѣчалъ Филиппъ съ легкимъ вздохомъ.

— Гмъ!... жаль. Я и самъ теперь безъ дѣла. Ищу. Советую и вамъ поискать.

Курьальщикъ замолчалъ и занялся своею трубкой. Филиппъ тоже не былъ расположенъ говорить. Онъ погружился въ раздумье о своемъ положеніи, о настоящемъ и будущемъ, а omnibusъ между-тѣмъ катился по пыльной дорогѣ. Однообразный стукъ колесъ и качка воздушнаго сѣдалища убаюкали утомленнаго юношу. Онъ склонилъ голову на грудь, потомъ, инстинктивно, ища какой-нибудь опоры, сначала слегка прилежнился, потомъ совсѣмъ повалился на плечо своего дюжого соседа. Тотъ выпустилъ трубку изо-рта и, оттолкнувъ его, закричалъ съ нетерпѣніемъ:

— Эй! баринъ! я вѣдь не для того заплатилъ свои деньги за мѣсто, чтобъ служить вамъ подушкой.

Филиппъ вскочилъ и непременно увалъ бы внизъ на дорогу, если бъ соседъ не схватилъ его рукою, которая могла бы порядочный дубъ остановить въ ладони.

— Проснитесь! Вы могли бы расшибиться.

Филиппъ въ полу-снѣ пробормоталъ что-то невнятное и обратилъ черные свои глаза на сосѣда съ такимъ невольнымъ, но печальнымъ и глубокимъ упрекомъ, что тотъ былъ тронутъ и почувствовалъ какъ-бы стыдъ. Прежде нежели онъ успѣлъ сказать что-нибудь въ извиненіе своей суровости, Филиппъ опять уснулъ, прилонясь уже къ стоявшему позади его сундуку. Опасная была опора: при малѣйшемъ ухабѣ на дорогѣ, онъ могъ бы свалиться вмѣстѣ съ сундукомъ.

— Бѣдной мальчикъ! Какъ онъ блѣденъ! бормоталъ сосѣдъ выколотивъ и положивъ въ карманъ трубку: можетъ-быть, дымъ для него былъ слишкомъ крепокъ.... онъ; кажется, слабъ и хворъ.

И онъ взялъ его за длинные, тонкіе пальцы.

— Щеки его впали.... можетъ-быть отъ недостатка пищи. Фу! какъ я тѣлуповалъ!... Тихе, кучеръ! не болтай такъ громко, чортъ тебя возьми!... Онъ, право, упадетъ, прибавилъ незнакомецъ, обхвативъ мальчика поперекъ и уложивъ его голову у себя на груди: бѣдный! онъ улыбается.... можетъ-быть видитъ во снѣ бабочекъ, за которыми бѣгалъ въ дѣтствѣ. Эти дни не воротятся.... никогда.... никогда! Какой холодный вѣтеръ подулъ!... Онъ можетъ простудиться.

Незнакомецъ разстегнулъ сертукъ и съ нежною заботливостью женщины укрылъ спицаго своими полами, предоставивъ собственную обнаженную грудь вліянію суроваго вѣтру. Такъ безродный сирота, забывъ настоящее, въ сонныхъ видѣніяхъ уносился, быть-можетъ, въ иной, лучшій міръ и на мгновенье наслаждался счастіемъ, между-тѣмъ какъ изголовьемъ ему служила грудь, тревожимая дикою, страшною борьбой съ жизнью и грѣхомъ.

Филиппъ пробудился отъ своего счастливаго сна при мерцашіи фонарей, при стукѣ повозокъ и фуръ, среди толкотни, припу, дымной, суетливой жизни и нестрой-

наго шуму лондонскихъ улицъ. Онъ смутно припоминалъ, оглядываясь и увидя чужіе глаза, устремленные на него съ заботливостью и лаской.

— Вы хорошо спали? спросилъ пассажиръ съ улыбкой.

— И вы позволили мнѣ такъ затрудить васъ? сказалъ Филиппъ съ такою благодарностью въ тонѣ и во взорѣ, какой не показывалъ отъ-роду, быть-можетъ, ни кому кромѣ своихъ родителей.

— Вы, вѣрно, не много видѣли ласкъ, когда такъ высоко цѣните это?

— Нѣтъ, нѣкогда всѣ люди были со мною ласковы и добры. Но тогда я не умѣлъ цѣнить этого.

Тутъ omnibusъ со стукомъ въѣхалъ подъ темный сводъ воротъ постоялаго двора.

— Берегите свое здоровье: оно, кажется, плохо, сказалъ незнакомецъ, въ потьмахъ положивъ суверенъ въ руку Филиппа.

— Благодарю васъ отъ всего сердца, но... мнѣ не нужно денегъ. Въ мои лѣта стыдно принимать милостыни. Но если бъ вы могли доставить мнѣ какое-нибудь мѣсто, я принялъ бы съ радостью. То, которое мнѣ предлагаютъ, очень не выгодно, бѣдно. У меня, дома, мать и малолѣтній братъ.... Я объ нихъ долженъ заботиться.

— Мѣсто? Да, я знаю мѣсто, да только вамъ надобно будетъ обратиться не ко мнѣ, чтобы получить его. Мы, вѣроятно, уже не увидимся. Примите то, которое вамъ предлагаютъ, какъ оно ни плохо. Остерегайтесь вреда и стыда. Прощайте.

Съ этими словами незнакомецъ сошелъ съ имперіала и, указавъ кучеру, куда отнести чемоданъ, пошелъ навстрѣчу тремъ порядочно одѣтымъ мужчинамъ, которые дружески пожали ему руку и привѣтствовали его, казалось, съ радостью.

— У него по-крайней-мѣрѣ есть друзья! тихо про-

говорилъ Филиппъ со вздохомъ, и пошелъ домой по темной и пустой улицѣ.

Черезъ недѣлю началось его испытаніе у мистера Плаксивита. Болѣзнь Катерины въ это время дотогу усилилась, что она рѣшилась посовѣтоваться съ докторомъ, чтобы сколько возможно опредѣленнѣе узнать свою судьбу. Отвѣтъ оракула сначала былъ двусмысленъ, но когда Катерина съ твердостью сказала, что нѣтъ обязанности и что отъ откровеннаго отвѣту его будутъ зависеть распоряженія ея насчетъ сиротъ, чтобы они не остались безъ хлѣба и пристанища, когда она умретъ, докторъ пристально взглянулъ ей въ лицо, прочелъ на немъ спокойную рѣшимость и отвѣчалъ откровенно:

— Такъ не теряйте времени, мистриссъ: распорядитесь. Жизнь вообще не вѣрна, а ваша въ-особенности. Вы, можетъ-быть, проживете еще долго, но организмъ вашъ разстроенъ. Я опасуюсь, что у васъ водяная въ груди. Полноте, мистриссъ.... я не возьму платы. Завтра я опять побываю у васъ.

Докторъ обратился къ Сиднею.

— А мой сынъ, докторъ? заботливо спросила мать совсѣмъ забывая себѣ самой произнесенный приговоръ: онъ такъ блѣденъ!

— Все нѣтъ, сударыня. Видите какой онъ молодецъ! сказалъ докторъ, потрепавъ Сиднея по плечу, и вышелъ.

— Бѣдное, бѣдное дитя мое! шептала мать: я теперь уже не смѣю думать о себѣ.

Она отерла слезу и задумалась. Видя близкую смерть передъ глазами, могла ли она рѣшиться отвергнуть предложеніе брата? предложеніе, которымъ по-крайней-мѣрѣ обезпечивалось сиротъ пристанище? Если она умретъ, не расторгнется ли связь между дядей и племянникомъ? Прійметъ ли тогда Рожеръ бѣднаго мальчика такъ же ласково, какъ теперь, когда она са-

ма можетъ попросить за него, когда она своими руками передать ему дорогій залогъ любви? Она обдумала и рѣшилась, и въ этой рѣшимости сосредоточилась вся сила самопожертвованія материнской любви. Она рѣшилась отдать своего послѣдняго сына, всю свою радость, все свое утѣшеніе; она хотѣла умереть одна.... одна!

Было то время года, когда на лицѣ Лондона играетъ самая пріятная улыбка; когда лавки и магазины украшены всеми предметами роскоши и наполнены суетливыми покупателями; когда весь городъ живетъ поспѣшнѣе и все въ немъ движется быстрѣе; когда улицы наполнены скачущими экипажами и пестрыми толпами правдивыхъ искателей развлеченія; когда высшій классъ расточаетъ, средній пріобрѣтаетъ; когда балльная зала становится торжищемъ красоты, а клубъ — школой злословія; когда игорные «ады» развѣаютъ свои пасти алкая новыхъ жертвъ, и краснобаи и скорморохи, какъ мухи, кружатся, жужжатъ и отъѣдаются около кожи благосклонной публики. Стереотипною фразой говоря, былъ «лондонскій сезонъ». Погода была ясная, жаркая. Четверо шегольски одѣтыхъ молодыхъ людей, верхами, весело болтая и сивясь, вѣхали въ предмѣстье, о которомъ мы уже упоминали. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей былъ Артуръ Бофоръ.

— Чудо, что за конь! говорилъ сэръ Гарри Денверсъ, любующь на лошадь Артура.

— Да, возразилъ тотъ, мой конюшій знатокъ, и много видывалъ, а говоритъ, что онъ никогда еще не саживалъ на такомъ лихомъ конѣ. Онъ уже выигралъ нѣсколько призовъ. Онъ принадлежалъ какому-то купцу, который страстно любилъ охоту и скачку, да теперь промотался. Меня подзадорило объявленіе. Дорого далъ, но не раскаяваюсь.

— Чудесная погода для прогулки!.... А куда мы отправимся потомъ?

— Разумѣется, ко мнѣ обѣдать! возразилъ Артуръ.

— А потомъ съиграемъ по-маленькой, прибавилъ мистеръ Марсденъ, красивый брюнетъ, который недавно пріѣхалъ изъ Оксфорда, но уже пріобрѣлъ известность на скачкахъ и храбро подвизался на зеленыхъ поляхъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ Артуръ, и заставилъ своего дорогого коня двѣять курбеты.

Молодые люди, весь рядомъ, пустились малымъ галопомъ и, продолжая болтать, не замѣтили что черезъ улицу шелъ полу-слѣпой слабый старикъ, который палкою ошупывалъ дорогу и, слышавъ конскій топотъ, вдругъ оторопѣлъ и остановился. Почувствовавъ, что лошадь за что-то задѣла и услышавъ крикъ, мистеръ Марсденъ оглянулся внизъ.

— Чортъ бы побралъ этихъ стариковъ! вездѣ они лѣзутъ! вскричалъ онъ съ досадою и поѣхалъ дальше.

Но другіе, которые были по-моложе и, полируясь въ свѣтъ, не совсѣмъ еще окаменѣли, остановились. Артуръ соскочилъ съ коня и поспѣшилъ поднять старика. Тотъ, хотя не опасно, однако жъ до крови расшибъ лобъ и жаловался на боль въ боку.

— Обойдитесь на меня; я сведу васъ домой. Гдѣ вы живете?

— Вотъ тутъ.... нѣсколько шаговъ.... Будь со мною собака моя, этого не случилось бы... Оставьте, сэръ... Ничего. Бѣдный старикъ.... Ахъ, нѣтъ моей собаки!

— Я догоню васъ, поѣзжайте, сказалъ Артуръ своимъ пріятелямъ: я только провожу бѣднаго старика домой и пошлю за докторомъ.

— Не нужно, сэръ, не нужно.... дойду и самъ.... благодарю.... не нужно, твердилъ старикъ.

Но Артуръ видѣлъ, что онъ едва держится на ногахъ и, не обращая вниманія на отказъ, ввелъ его подлѣ

руку и повелъ въ указанный домъ, а слугу послалъ за докторомъ. Товарищи Артура бросили старику по золотой монетъ и повхали къ мистеру Марсдену, который въ отдаленіи также остановился и съ нетерпѣніемъ поджидалъ ихъ. Артуръ, несмотря на воркотню угрюмаго старика, дождался доктора и, удостоверившись, что нѣтъ ни какой опасности, передалъ его попеченіямъ старой домоправительницы, которой вручилъ нѣсколько денегъ; потомъ вышелъ вмѣстѣ съ эскулапомъ. На порогъ ихъ встрѣтила запыхавшаяся служанка.

— Мистеръ Перкинсъ! по-скорѣе, пожалуйста!.... Бѣдная дама, что живетъ у насъ.... мистриссъ Мортонъ.... очень трудна.... проситъ васъ.

— Иду, иду, сейчасъ.

— Мистриссъ Мортонъ? какая это мистриссъ Мортонъ? поспѣшно спросилъ Артуръ, схвативъ доктора за руку.

— Отчаянно больная, при смерти.

— Есть у нея дѣти? сыновья?

— Есть, двое. Оба по бѣдности отданы къ чужимъ людямъ. Она очень скучаетъ по нихъ. Оттого и болѣзнь неизлечима.

— Боже мой! это должно быть она!.... больная.... умирающая.... можетъ-быть, оставленная! вскричалъ Артуръ съ неподдѣльнымъ чувствомъ; докторъ, я пойду съ вами. Я, кажется, знаю эту даму.... можетъ-быть я даже ея родственникъ.

— Вы? Очень радъ. Пойдемте.

Катерина сама ѣздила къ брату и, не безъ страданій, не безъ слезъ, сдала съ рукъ на руки своего милаго Сиднея. Въ минуту разлуки она почти на колыняхъ вымаливала у Рожера позволенія остаться тамъ же, въ городѣ: она желала хоть только дышать однимъ возду-

хоть съ сыномъ, желала видѣть его хоть изрѣдка, изъ-дали. Но мистеръ Рожеръ Мортонъ не смѣлъ согласиться на это, чтобы не возстановить противъ себя своей добродѣтельной супруги, ея кумушекъ, и щекотливыхъ покупательницъ фланели. Мистриссъ Мортонъ не согласилась даже видѣться съ Катериной. При одной мысли о томъ, что будетъ, если Катерина останется у нихъ въ городѣ, мистеръ Рожеръ уже видѣлъ себя въ-конецъ разореннымъ и погубленнымъ. Катерина принуждена была отправиться назадъ въ Лондонъ. Легко себѣ представить, что эта разлука и безпокойство, душевная тревога и тряска въ дорогѣ, сильно ускорили успѣхъ ея болѣзни. Когда бѣдная мать оглянулась кругомъ въ уединенномъ, мертвенно-тихомъ, безотрадномъ жилищѣ, въ которомъ уже не было ея Сиднея, ей показалось, что теперь переломилась послѣдняя тростинка, на которую она опиралась и что земное поприще ея совершенно. Она не была еще обречена на крайнюю нищету, на ту нищету, что скрежететь и гложеть собственныя руки, на нищету, что въ рубищахъ вздыхаетъ съ-голоду: у нея еще оставалась почти половина той небольшой суммы, которую выручила отъ продажи колецъ и ожерельевъ. Кромѣ-того, братъ на разставаньи далъ ей двадцать фунтовъ и обѣщалъ каждые полгода посылать по стольку же. Такимъ образомъ она могла доставить себѣ необходимыя жизненные потребности. Но у нея родилась новая страсть, —скупость! Она каждую истраченную копѣйку считала отнятою у дѣтей, для которыхъ копила и прятала сколько могла. Ей казалось, что не стѣбитъ труда поддерживать мерцаніе почти погасшей уже лампы, которая всё-таки скоро будетъ сломана и брошена въ большую кладовую смерти. Она охотно наняла бы себѣ квартиру еще по-меньше и по-хуже, но служанка въ томъ домѣ такъ любила Сиднея, была всегда такъ ласкова къ нему.... Мать не могла разстаться съ знако-

мымъ лицомъ, на которомъ воображала видѣть отраженіе своего дитяти, и потому она переселилась въ самый верхній этажъ: тамъ было по-дешевле. Со дня на день вѣки ея тяжельши подъ туманомъ послѣдняго сна. Добрый докторъ постоянно навѣщалъ ее и никогда не принималъ платы. Замѣтивъ, что конецъ несчастной близокъ, онъ желалъ доставить ей свиданіе хоть съ однимъ изъ сыновей, чтобы облегчить страданія послѣднихъ минутъ, и, узнавъ адресъ, написалъ къ Филиппу за день до приключенія, которое свело его съ Артуромъ.

Вошедши въ комнату больной, Артуръ почувствовалъ на душѣ своей всю тяжесть раскаянія, которое, по праву, слѣдовало понести его отцу. Какой контрастъ представляла эта мрачная, бѣдно меблированная и неудобная комната съ великолѣпнымъ жилищемъ, въ которомъ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ мать дѣтей Филиппа Бофора, въ цвѣтъ здоровья и надеждъ! Артуръ стоялъ молча, въ отдаленіи, пока докторъ дѣлалъ свои распоряженія. Когда тотъ кончилъ и вышелъ, онъ пошелъ къ постели. Катерина была очень слаба, жестоко страдала физически, и лежала въ полу-забытій. Она обратила мерцающій взглядъ на молодого человека и не узнавала его.

— Вы не помните меня? спросилъ онъ голосомъ, заглушеннымъ слезами: я—Артуръ, Артуръ Бофоръ.

Катерина не отвѣчала.

— Боже мой! въ какомъ положеніи я нахожу васъ! Я полагалъ, что вы у своихъ друзей, съ своими дѣтьми.... обезпечены, какъ должно, какъ обязанъ былъ обезпечить васъ мой отецъ. Онъ увѣрялъ меня, что слѣлалъ все, что было можно.

Отвѣту не было.

Тутъ молодой человекъ, отъ природы великодушный и сострадательный, совершенно увлеченный своими чувствованіями, забылъ про слабость Катерины и

съ жаромъ осыпалъ ее вопросами, себя и своего отца увреками, жалобами. На все это Катерина сначала мало обращала вниманія, но частыя повторенія именъ ея дѣтей затронули струну, которая въ сердцѣ женщины сохраняетъ еще чувствительность и тогда, когда всѣ другія уже давно порваны. Она приподнялась на постели и пристально посмотрѣла на гостя.

— Вашъ отецъ не похожъ на моего Филиппа, сказала она тихо: можетъ-быть, вы добрѣе вашего отца, но мнѣ уже не нужно ни чьей помощи.... Но дѣти мои.... дѣти мои!.... Завтра у нихъ уже не будетъ матери. Законъ на вашей сторонѣ, но справедливости нѣтъ. Вы будете богаты и сильны. Будете ли вы другомъ моимъ дѣтямъ?

— Во всю жизнь мою! Клянусь Богомъ! вскричалъ Артуръ, упавъ на колѣни передъ постелью больной.

Не нужно разсказывать, что еще происходило между ними: это были прерывчатые повторенія той же просьбы и того же отвѣта. Въ голосъ и въ лицъ Артура было столько истиннаго чувства, что Катеринѣ казалось, будто ангелъ-утѣшитель посвятилъ ее. Поздно вечеромъ докторъ опять пришелъ навѣстить больную. Она, приклонивъ голову на грудь молодого друга, съ светлою, счастливою улыбкой смотрѣла ему въ глаза.

Филиппъ жилъ на новомъ мѣстѣ уже шестую недѣлю, съ истеченіемъ которой кончался срокъ его испытанію. Онъ съ мрачною, непобѣдимой тоской исполнялъ обязанности новаго своего званія, но никогда не обнаруживалъ этого отвращенія и не ропталъ. Онъ, казалось, навсегда оставилъ неукротимое свое нравіе и властолюбивый характеръ, отличавшіе его въ дѣтствѣ, но зато почти вовсе ничего не говорилъ и никогда не улыбался. Казалось, вмѣстѣ съ недостатками остави-

ла его и душа: онъ дѣлалъ все, что приказывали, съ спокойною, равнодушною правильностью машины. По вечерамъ, когда запиралась лавка, онъ, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ семейному кругу хозяина въ жилыхъ покояхъ, выходилъ за городъ и возвращался уже тогда, когда всѣ спали. Отъ матери онъ еженедѣльно получалъ вѣсти и только въ то утро, когда ожидалъ письма, становился безпокойнымъ. При входѣ почталіона онъ блѣднѣлъ; руки его дрожали. По прочтеніи письма онъ опять успокоивался, потому что мать съ намѣреніемъ тщательно скрывала отъ него настоящее состояніе своего здоровья. Она писала ему утѣшительно и весело, просила его сохранять твердость и спокойствіе, и радовалась, что онъ не ропщетъ. Письма бѣднаго молодого человѣка были не менѣе притворны.

Мистеръ Плаксвиль вообще былъ доволенъ трудолюбіемъ и исправностью своего новаго ученика, но досадовалъ на его угрюмость. Мистриссъ Плаксвиль, женщина впрочемъ вовсе не злая, просто ненавидѣла «молчаливаго цыгана»,—какъ прозвалъ его мистеръ Плиммингъ, бухгалтеръ и помощникъ книгопродавца-издателя; она ненавидѣла его за то, что онъ никогда не принималъ участія въ семейныхъ забавахъ, не игралъ съ ея дѣтьми, ни разу не сказалъ ей ничего любезнаго, не ласкалъ ея котенка, и вообще не прибавлялъ ровно ничего къ удовольствіямъ и пріятному препровожденію времени въ ея домъ. Она полагала, что угрюмый Филиппъ долженъ быть очень злой, негодный человѣкъ, и часто, нечаянно встрѣчаясь съ нимъ, даже содрогалась какъ при видѣ разбойника.

Однажды Филиппъ былъ посланъ за нѣсколькими милями, къ какому-то ученому джентльмену, съ новыми книгами, и воротился уже подъ-вечеръ. Мистеръ и мистриссъ Плаксвиль были въ лавкѣ, когда онъ вошелъ. Они только-что разсуждали объ немъ.

— Я его терпѣть не могу! кричала мистриссъ Плаксвить: если ты пріймешь его совсѣмъ, а одного часу не проживу спокойно. Я увѣрена, что ученикъ, которъй на прошедшей недѣль, въ Четемъ, перерывалъ горло своему мастеру, какъ двѣ капли воды похожъ на этого цыгана!

— Ба! вздоръ! возразилъ мистеръ Плаксвить, запуская два пальца въ жилетный карманъ, за табакомъ: я въ молодости тоже былъ молчаливъ. Всѣ мыслящіе люди таковы. Вспомни только Наполеона: онъ былъ точно таковъ же. Но, что правда, то правда; мнѣ самому Филиппъ не нравится, несмотря на его расторопность и неправность.

— А какъ онъ жаденъ къ деньгамъ! замѣтила мистриссъ Плаксвить: вообрази! не хотѣлъ купить себѣ сапоговъ, а ходилъ уже почти безъ подметокъ. Срамъ! И если бъ ты посмотрѣлъ какой взглядъ онъ бросилъ на мистера Плимминга, когда тотъ сталъ подшучивать надъ его скупостью.... ужасъ! Я чуть не упала въ обморокъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ Филиппа.

— Вотъ письмо къ вамъ, Филиппъ, сказалъ мистеръ Плаксвить: вы мнѣ потомъ отдадите за почталіона.

Филиппъ поспѣшно схватилъ письмо и затрепеталъ. Почеркъ былъ чужой. Дыханіе его спиралось, когда онъ ломалъ печать. Письмо было отъ доктора. Мать его трудно была больна.... умирала.... быть-можетъ не имѣла самыхъ необходимыхъ пособій. Безпокойство и страхъ Филиппа превратились въ отчаяніе. Онъ произительно вскрикнулъ и бросился къ Плаксвиту.

— Сэръ, сэръ! мать моя умираетъ!... Она бѣдна.... бѣдна!... она умираетъ можетъ-быть съ-голоду!... Денегъ! денегъ!.... одолжите мнѣ денегъ!... Десять фунтовъ... — пять! Я цѣлую жизнь проработаю даромъ, только дайте мнѣ теперь денегъ.

— Штуки, штуки! сказала мистриссъ Плаксвигъ, толкая мужа локтемъ: я говорила, что это такъ будетъ. А погоди еще, въ другой разъ просто за горло схватить.... Смотри и теперь, нѣтъ ли у него ножа!

Филиппъ не слыхалъ или не разслышалъ этой рѣчи. Онъ стоялъ прямо передъ своимъ хозяиномъ, сложивъ опущенныя руки, и дикое нетерпѣніе горѣло въ его глазахъ. Мистеръ Плаксвигъ оторопѣлъ.

— Слышите ли вы? человекъ ли вы? кричалъ Филиппъ, и душевная тревога вдругъ обнаружила всю пылкость его характера: я вамъ говорю, что мать моя умираетъ.... я долженъ ѣхать къ ней. Неужто мнѣ ѣхать съ пустыми руками? Дайте мнѣ денегъ!

Мистеръ Плаксвигъ былъ человекъ не жестокосердый, но раздражительный и сверхъ-того любилъ формальности. Его разсердилъ тонъ, который позволялъ себѣ ученикъ съ хозяиномъ, и притомъ въ присутствіи жены. Такой примѣръ казался Наполеону-книгопродавцу очень опаснымъ, хотя онъ давно уже блаженствовалъ подъ женнинымъ каблукомъ.

— Молодой человекъ, вы забываетесь! сказалъ Плаксвигъ пріосанившись.

— Забываюсь? Но, сэръ, если мать моя нуждается въ самомъ необходимомъ.... если она умираетъ съ голоду?

— Пустяки! Мистеръ Мортонъ пишетъ мнѣ, что онъ заботится о вашей матери. Не такъ ли, Ганна?

— Да, конечно. Что вы такъ таращите глаза на меня? Я этого не люблю, я этого терпѣть не могу. Слышите? кровь моя стынетъ, когда я смотрю на васъ.

— Одолжите мнѣ только пять фунтовъ, мистеръ Плаксвигъ: только пять фунтовъ!

— Ни пяти шиллинговъ! Въ такомъ тонѣ говорить со мной!... Развѣ я вашъ слуга, что ли? Извольте запереть лавку и лечь спать. Завтра, если библіотека сэръ Томаса будетъ въ порядкѣ, я васъ отпущу. А се-

годня нельзя. Можетъ-быть еще, что все это вздоръ, ложь. Не такъ ли, Ганна?

— Разумъется. Посоветуйся съ мистеръ Плиммингомъ. Пойдемъ, пойдемъ, мой другъ. Видишь какимъ онъ звѣремъ смотритъ.

Мистриссъ Плаксвитъ почти убѣжала. Супругъ, заложивъ руки на спину и закинувъ голову, намѣревался послѣдовать за нею. Филиппъ, который послѣднія минуты стоялъ блѣдный, недвижный какъ мраморная статуя, вдругъ оборотился и, въ отчаяннѣ, больше съ бѣшенствомъ чѣмъ мольбой, схватилъ своего хозяина за плечо и вскричалъ:

— Я оставляю васъ.... не заставляйте же меня оставить васъ съ проклятиемъ! Умоляю васъ, умилосердитесь!

Мистеръ Плаксвитъ остановился. Если бъ Филиппъ хоть не много по-скромнѣе попросилъ, все могло бы кончиться хорошо. Но съ дѣтства привыкшій повелѣвать, ослѣпленный отчаяннѣмъ, презиралъ того, кого умолялъ, онъ не могъ обуздать своихъ страстей и самъ испортилъ свое дѣло. Взбѣшенный молчаннѣмъ Плаксвита и не догадываясь, что самое это молчаннѣ могло уже быть добрымъ знакомъ, Филиппъ вдругъ такъ началъ трясти маленькаго человѣка, что тотъ чуть не свалился съ ногъ.

— Вы!... вы на пять лѣтъ покупаете мои кости и мою кровь.... душу и тѣло.... вы за свою жалкую плату на пять лѣтъ дѣлаете меня своимъ рабомъ, и отказываете моей матери въ кускъ хлѣба передъ смертью!

Дрожа отъ гнѣву, а можетъ-быть и отъ страху, мистеръ Плаксвитъ вырвался изъ рукъ Филиппа, выбѣжалъ изъ лавки и захлопнулъ за собою дверь.

— Нынче же вечеромъ извольте просить извиненнѣ въ этихъ дерзостяхъ, кричалъ онъ за дверью: нето я завтра утромъ просто прогоню васъ! Громъ и молннѣ! вотъ новая мода обращаться съ хозяевами! Я не вѣрю

ни одному вашему слову о матери. Все пустяки, вздорь!

Оставшись одинъ, Филиппъ нѣсколько минутъ боролся со своимъ гнѣвомъ и отчаяніемъ, потомъ схватилъ шляпу, надѣлъ и поворотился къ двери. Тутъ взоръ его упалъ на вырубку. Она была не заперта и блескъ денегъ, эта убійственная улыбка дьявола искусителя, остановила его. Память, разумъ, совѣсть,—все въ эту минуту смѣшалось у него. Онъ робко окинулъ взглядомъ темную лавку.... запустилъ руку въ ящикъ.... схватилъ, самъ не зная что, серебро или золото, — что сверху было,—и громко, страшно захохоталъ. Филиппъ самъ испугался этого хохоту: онъ казался ему чѣмъ-то чужимъ. Несчастнѣй поблѣднѣлъ какъ мертвецъ; ноги подкосились, волоса поднялись дыбомъ: ему представилось, будто дьяволъ неистово вопіеть отъ радости надъ новою падешею душой.

— Нѣтъ.... нѣтъ.... шепталъ онъ задыхаясь: нѣтъ, маменька.... ни даже для тебя я не сдѣлаю этого!

Онъ бросилъ деньги на полъ и какъ безумный выбѣжалъ изъ дому.

Въ тотъ же вечеръ, поздно, сэръ Робертъ Бофоръ воротился съ дачи домой и нашелъ жену въ большомъ безпокойствѣ о сынѣ, который съ утра уѣхалъ и не возвращался. Артуръ прислалъ домой слугу съ лошадьми и съ запиской, торопливо написанною карандашомъ на вырванномъ изъ бумажника листкѣ.

«Не ждите меня къ обѣду, писалъ онъ: я, можетъ быть, весь вечеръ не буду дома. Мнѣ встрѣтилось печальное приключеніе. Вы одобрите мои поступки, когда увидите».

Эта записка изумила сэра Роберта. Но онъ былъ голоденъ и потому мало обращалъ вниманія на опасенія и догадки жены, покуда не удовлетворилъ ближайшей потребности. Потомъ онъ призвалъ жокея и узналъ, что Артуръ, послѣ приключенія со старикомъ, пошелъ съ докторомъ въ домъ какого-то чулочника,

въ предмѣстїи. Это казалось довольно страннымъ и таинственнымъ. Часъ за часомъ проходилъ; Артуръ не возвращался, и сэръ Робертъ Бофоръ мало-по-малу самъ заразился безпокойствомъ. Ровно въ полночь онъ приказалъ заложить карету и, взявъ жокея въ проводники, поѣхалъ по его указанію. Экипажъ былъ легокъ и удобенъ, лошади рьяныя. Быстро, но спокойно катился богачъ. Онъ хоть бы сколько-нибудь предчувствовалъ настоящую причину отсутствія Артура: онъ передумалъ много о разныхъ свѣтахъ лондонскихъ плутовъ, о хитрыхъ женщинахъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; онъ полагалъ, что «приключеніе» тутъ значитъ любовь, а «печальное»—деньги. Артуръ же былъ молодъ, великодушенъ, и сердце и карманъ его—открыты для обмана. Такіе случаи однако жъ не столько пугаютъ отца, особенно если онъ человѣкъ свѣтскій, сколько мнительную и боязливую мать. Сэръ Робертъ больше съ любопытствомъ, нежели съ безпокойствомъ прїѣхалъ къ назначенному дому.

Несмотря на позднюю пору, дверь была не заперта. Это показалось сэру Роберту подозрительнымъ. Онъ осторожно вошелъ. Свѣча, поставленная на стулъ, въ узкомъ корридорѣ, бросала тусклый свѣтъ на лѣстницу, на поворотъ теряющуюся въ густомъ мракѣ за угломъ стѣны. Робертъ Бофоръ въ нерѣшимости остановился и не зналъ, идти ли ему впередъ или назадъ, постучать или кликнуть. Тутъ наверху лѣстницы слышались шаги и скоро онъ, къ великой радости своей, узналъ сына. Артуръ, однако жъ, по-видимому не замѣчалъ отца и хотѣлъ пройти мимо. Тотъ остановилъ его.

— Чтò все это значитъ? гдѣ ты? Если бъ ты зналъ, какъ встревожилъ насъ!

Артуръ взглянулъ на отца съ печальнымъ упрекомъ.

— Батюшка! сказалъ онъ важнымъ, почти повелѣ-

тельнымъ тономъ: пойдите, я вамъ покажу, гдѣ я былъ, пойдите!

Онъ поворотился и пошелъ опять на лѣстницу. Робертъ Бофоръ, изумленный, машинально послѣдовалъ за нимъ. Во второмъ этажѣ еще одна забытая свѣча, съ нагорѣвшею свѣтильной, проливала тусклый свѣтъ сквозь отворенную дверь небольшой комнаты, въ которой Бофоръ мимоходомъ замѣтилъ двухъ женщинъ. Одна изъ нихъ, добрая служанка, сидѣла на стулѣ и горько плакала; другая, наемная сидѣлка, въ первый и послѣдній день службы, снимала съ шеи грязный платокъ и готовилась «прикурнуть». Она обратила къ проходящимъ свое пустое, равнодушное лицо, сдѣлала прискорбную мину и заперла дверь.

— Говори же, Артуръ, гдѣ мы? повторилъ сэръ Робертъ.

Артуръ взялъ отца за руку, повелъ его въ комнату направо; взялъ свѣчу, поставилъ на столикъ подлѣ постели и сказалъ:

— Здѣсь, батюшка.... въ присутствіи смерти.

Робертъ Бофоръ бросилъ бѣглый, робкій взглядъ на блѣдное, осунувшееся, но спокойное лицо мертвой, и узналъ черты оставленной, пренебреженной, никогда столько любимой, обожаемой Катерины.

— Да! она.... та, которую братъ вашъ столько любилъ.... мать его дѣтей.... она умерла въ этой грязной комнатѣ, въ разлукѣ съ сыновьями, въ горь.... умерла отъ разбитого сердца! Справедливо ли это, батюшка? Вамъ не въ чѣмъ раскаяваться?

Съ ужасомъ, съ страшными угрызениями совѣсти свѣтскій человекъ упалъ на стулъ подлѣ постели и закрылъ лицо руками.

— Да! продолжалъ Артуръ съ горечью: да! мы, его ближайшіе родственники.... мы, получивъ его богатства, остались равнодушными къ самому дорогому для него существу, къ женѣ, которую онъ такъ лю-

былъ, и къ дѣтямъ его, къ дѣтямъ, которые теперь выброшены въ свѣтъ опозоренные и нищие, безъ имени и безъ хлѣба! Да, батюшка, плачьте, плачьте, и впередъ не забудьте поправить своей ошибки. Я поклялся покойницѣ быть другомъ ея дѣтей. Вы можете, вы должны помочь мнѣ сдержать эту клятву.... поклянитесь тоже, и Богъ да не покараетъ насъ за тѣ страданія, которыя перенесены на этомъ ложѣ!

— Я не зналъ.... я.... я....

— Но вы должны были знать, перебилъ Артуръ съ прискорбіемъ: ахъ, батюшка, не ожесточайте своего сердца лживыми извиненіями. Покойница и теперь еще говоритъ съ вами, вручаетъ дѣтей своихъ вашему попеченію. Мое дѣло здѣсь кончено; ваше начинается. Не забудьте этого часу!

Съ этими словами молодой человѣкъ повернулся и поспѣшно вышелъ. Когда взоръ его упалъ на богатый экипажъ и либрешъ отца, онъ застоналъ: эти свидѣтельства богатства и великолѣпія казались ему насмѣшкою надъ умершею. Артуръ отворотился и пошелъ далѣе, не замѣтивъ пробѣжавшаго въ эту минуту мимо его человѣка, блѣднаго, растрепаннаго, задыхавшагося, который бросился прямо въ ту дверь, изъ которой онъ вышелъ. Съ мрачною думой въ головѣ, со скорбію въ сердцѣ, одинъ, пышкомъ, въ такую позцію пору, въ пустынномъ предмѣстіи, богатый наследникъ Бофора отъискивалъ своего великолѣпнаго дома. Со страхомъ и надеждой, въ безпамятствѣ, бѣжалъ безпріютный сирота къ смертному одру своей матери.

Робертъ Бофоръ, оглушенный новостью своего положенія, сначала не замѣтилъ, что остался одинъ. Потомъ, ужаснувшись мгновенно наставшей тишины, онъ содрогнулся, и взглянулъ еще разъ на безмолвное и безмятежное лицо покойницы. Онъ оглянулся въ мрачной момнать, ища Артура, кликнулъ его по имени.... Отвѣту не было. Суевѣрный страхъ овладѣлъ честнымъ

человѣкомъ; онъ затрепеталъ, опять опустился на стулъ, опять закрылъ лицо и, — быть-можетъ, въ первый разъ послѣ поры дѣтства, — шепталъ несвязныя слова раскаянія и молитвы. Отъ этого углубленія въ самого себя, онъ былъ пробужденъ тяжкимъ стономъ. Голосъ, казалось, раздавался отъ постели. Не обманывалъ ли его слухъ? или мертвая въ самомъ дѣлѣ стонетъ? Робертъ въ ужасѣ вскочилъ и увидѣлъ прямо противъ себя блѣдное, худое лицо Филиппа Мортонна, на которомъ цвѣтъ юности и свѣжести замѣнили ужасная сила и дикое выраженіе преждевременныхъ страстей, бѣшенства, скорби, ненависти и отчаянія. Ужасно видѣть на лицѣ юноши ту бурю, которой бы слѣдовало посѣщать только сердце твердаго и зрѣлаго мужчины.

— Она умерла!... умерла на вашихъ глазахъ? вскричалъ Филиппъ, дико устремивъ глаза на встревоженнаго дядю: она умерла съ горя, быть-можетъ, съ голоду... и вы пришли полюбоваться на свое достойное дѣло?

— Право, отвѣчалъ Бофоръ умоляющимъ голосомъ: право, я сейчасъ только пришелъ; я не зналъ, что она больна, что она нуждается... клянусь честью! Все это... все это недоразумѣніе; я... я... я пришелъ... я искалъ здѣсь не ея...

— А! такъ вы не затѣмъ пришли, чтобы подать ей помощь? сказалъ Филиппъ спокойно: вы не слыхали объ ея страданіяхъ и нуждѣ, и не спѣшили сюда, въ надеждѣ, что еще не поздно, чтобы спасти ее? Вы этого не сдѣлали? Да какъ же я могъ и ожидать этого отъ васъ?

— Вы изволили кликать, сударь? спросилъ плаксивый голосъ, и служанка просунула голову въ полуотворенную дверь.

— Да, да, вы можете войти! сказалъ Бофоръ трепеща отъ страху.

Но Филиппъ подбѣжалъ къ двери и взглянувъ на служанку, сказалъ:

— Она чужая! посмотрите, она чужая! и она плачетъ. Ступай, ступай: здѣсь сынъ уже занялъ свое мѣсто подлѣ матери, прибавилъ онъ вывода ея и запираетъ дверь на задвижку.

Онъ подошелъ опять къ постелѣ, взглянулъ на мертвое лицо матери, залился слезами, упалъ на колѣни, поднялъ ея тяжелую руку и осыпалъ горячими поцѣлуями.

— Маменька, мамепька! не оставляй меня! пробудись! улыбнись хоть еще разъ твоему сыну! Я могъ бы принести тебѣ и денегъ, но тогда не могъ бы уже просить твоего благословенія.... а теперь прошу, благослови меня!

— Если бы я зналъ.... если бы вы только написали.... но мои предложенія были отвергнуты, и....

— Предложенія? такія предложенія, какъ дѣлають наемницъ.... Ей! ей, для когò отецъ мой отдалъ бы всю кровь изъ своего сердца.... женѣ моего отца вы дѣлали предложенія?... какія?

Онъ всталъ, скрестилъ руки на груди и съ дикою рѣшимостью подступивъ къ Бофору сказалъ:

— Послушайте! вы захватили богатство, которое я отъ колыбели привыкъ считать своимъ наслѣдіемъ, а этими руками своими добывалъ себѣ насущный хлѣбъ и никогда не жаловался, кромѣ какъ въ сердце, въ душѣ своей. Я никогда не ненавидѣлъ, никогда не проклиналъ васъ.... хотя вы и грабитель.... да, грабитель! Потому что хотя бы тутъ и не было брака, кромѣ брака передъ Богомъ, то всё-таки ни отецъ мой, ни законы природы, ни Богъ, ни что не давало вамъ права захватить себѣ все, попрутъ священныя узы любви и крови и отнять у вдовы и сиротъ все, до послѣдняго куска хлѣба! Хотя бы церковь и не давала своего благословенія, однако жъ Филиппъ Бофоръ тѣмъ не менѣе

мой отецъ. А вы, грабитель вдовъ и сиротъ, презирающій человѣческую любовь! хотя законъ и защищаетъ васъ, хотя люди и называютъ васъ честнымъ, однако жъ вы тѣмъ не менѣе разбойникъ! Но я и за то еще не ненавиждъ васъ. Теперь же, передъ лицомъ моей мертвой матери, умершей въ разлукъ съ дѣтьми, теперь я проклинаю васъ! Вы можете спокойно оставить эту комнату, можете не опасаться моей ненависти и мести, но не обольщайтесь этимъ! Проклатіе ограбленной вдовы и притѣсненныхъ сиротъ, повсюду послѣдуетъ за вами! ляжетъ на васъ и на всѣхъ вашихъ.... оно всосется въ ваше сердце и будетъ глотать его среди всей вашей роскоши.... оно прильнетъ и къ наслѣдію вашего сына! Прійдетъ часъ, вы увидите еще одну смертную постель и подлѣ, грозную тѣнью той, которая теперь покоится здѣсь такъ мирно, а тамъ будетъ требовать возмездія! Проклатіе! проклатіе тебя! И этихъ словъ ты никогда не позабудешь!... Пройдутъ годы, а эти слова всё будутъ звучать въ ушахъ твоихъ и будутъ леденить мозгъ въ костяхъ твоихъ! Ступай теперь, братъ отца моего! ступай прочь отъ праху моей матери! ступай въ свой пышный домъ!

Онъ отворилъ дверь и указалъ на лѣстницу. Бюфоръ, не говоря ни слова, всталъ и вышелъ. Сходя съ лѣстницы онъ слышалъ, какъ запиралась и замыкалась дверь, но не слышалъ глубокихъ стонотъ и рыданія, которыми послѣ взрывовъ бѣшенства и метельности, разразилось сокрушенное сердце безутышнаго сироты.

Возвращаясь домой, Робертъ Бюфоръ терзался претными опасеніями. Онъ какъ-будто предчувствовалъ, что проклатія Филиппа должны подѣйствовать и дѣйствуютъ не на него, а на сына. Онъ трепеталъ при мысли, что Артуръ можетъ встрѣтиться съ этимъ страшнымъ, дикимъ, озлобленнымъ бродягой, можетъ встрѣ-

тяться на другой же день и застать его въ первомъ пылу страстей. Жена, съ которой Робертъ совѣтовался, также была согласна съ нимъ въ мнѣнїи, что надобно употребить всю силу убѣжденія, всю родительскую власть, чтобы предупредить такую встрѣчу. Между-тѣмъ Артуръ всё-еще не возвращался. Новый страхъ овладалъ родителями. Начинадо свѣтать, а его всё-еще не было. Наконецъ, часовъ около пяти, услышали сильный стукъ въ дверь. Бофоръ самъ пошелъ посмотреть и въ снѣгахъ встрѣтилъ двухъ незнакомцевъ, которые несли Артура, привезеннаго въ наемной каретѣ, блѣднаго, окровавленнаго и безчувственнаго. Первою мыслью Роберта было, что Филиппъ убилъ его сына. Онъ вскрикнулъ и упалъ тутъ же.

— Не пугайтесь, сэръ! сказалъ одинъ изъ помогавшихъ, по-видимому, ремесленникъ: я не думаю, чтобы онъ былъ опасно раненъ. Карета, изволите видѣть.... его милость шелъ черезъ улицу, а карета и навхала на него.... Но колесами ничего не задѣло.... только лошадь наступила.... голову онъ разшибъ о камни. Счастье еще.... милость Божья.... что не попалъ подъ колеса: по головѣ прокатилось бы, такъ тутъ бы ему и конецъ!

— Истинно, милость Божья! прибавилъ другой.

— Бѣгите за Эстли-Куперомъ.... за Броди.... Боже мой! онъ умретъ!... Скорѣй, скорѣй! кричалъ Бофоръ, оправившись отъ перваго испугу, между-тѣмъ какъ сбѣжавшіеся люди несли Артура въ комнаты.

Одинъ изъ ремесленниковъ намекнулъ, что безъ нихъ молодой баринъ остался бы на улицѣ безъ помощи, и что они сдѣлали большой кругъ, вовсе не по дорогѣ. Этотъ намекъ окончателно привелъ Бофора въ себя: онъ далъ имъ горсть денегъ не считая, и они ушли.

Казалось, проклятіе уже подѣйствовало. Приключеніе, подобное тому, которое навело Артура на слѣдъ Катерины, втеченіи двадцати-четырехъ часовъ сложи-

до въ постель и его самого. Горе, о которомъ Робертъ Бофоръ не думалъ, когда оно было у другихъ, теперь посвятило собственный его домъ. Въ ту же ночь, когда умерла Катерина, среди нищеты и лишеній, на рукахъ чужаго человѣка, принесшаго запоздалыя утѣшенія, въ ту же ночь боролся со смертію и богатый наследникъ отнятаго у нея имѣнія, съ тою разницею, что тутъ было призвано на помощь все, что только можетъ спасти отъ смерти: искусство, попеченія, удобства, ласки, участіе, все, чего не было тамъ.

Положеніе Артура дѣйствительно было довольно опасно. У него было переломлено одно ребро и сверхъ того нѣсколько ранъ на голову. Мѣсто безпамятства заступила горячка съ бредомъ. Нѣсколько дней страшились за его жизнь. Родителей его утѣшало только то, что эта болѣзнь по-крайней-мѣрѣ препятствовала Артуру встрѣтиться съ Филиппомъ. Покуда сынъ былъ въ опасности, Робертъ Бофоръ съ живымъ раскаяніемъ думалъ о положеніи Мортоновъ; страхъ за Артура возбуждалъ и состраданіе его къ сиротамъ. Въ то же утро, когда случилось несчастіе съ Артуромъ, онъ призвалъ мистера Блэквела и поручилъ ему позаботиться о приличномъ погребеніи Катерины и переговорить съ Филиппомъ, увѣрить его въ добромъ, дружественномъ расположеніи къ нему сэра Роберта Бофора и въ томъ, что сэръ Робертъ намѣренъ дать ему средства къ продолженію образованія и поддержать его на пути, какой онъ выберетъ себѣ: онъ поручилъ адвокату употребить при переговорахъ всю свою осторожность и весь тактъ, чтобы не оскорбить гордаго и раздражительнаго юношу. Но у мистера Блэквела вовсе не было тактѣ. Онъ пришелъ въ домъ скорби, насильно навязался Филиппу и съ первыхъ же словъ, начавъ превозносить великодушіе и благородство сэра Роберта, подмѣшивая все это увѣщаніями къ благодарности и приличному поведенію, дотого озлобилъ Филиппа, что радъ былъ потомъ, когда успѣлъ

убраться по-добру по-здорову. Онъ однако жъ, не упустилъ исполнить формальной части даннаго себѣ порученія, и тотчасъ же сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для похоронъ. Послѣ этого, думалъ онъ, Филиппъ будетъ спокойнѣе и способнѣе разсуждать. Такъ онъ донесъ и своему довѣрителю, и совѣсть сэра Роберта Бофера была успокоена.

Глухое, мрачное, сырое было утро, когда останки Катерины Мортонъ предавались землѣ. Въ распоряженія по этому случаю Филиппъ вовсе не мѣшался. Онъ и не спрашивалъ, откуда явилось все это великолѣпіе, обитая трауромъ кареты, дроги съ баядахиномъ и перьями, множество слугъ въ богатыхъ ливреяхъ, факелы и фелеръ. Онъ, исключая стычки съ Блаквелемъ, все время былъ погруженъ въ состояніе безчувственности, которое постороннимъ казалось больше равнодушіемъ чѣмъ скорбію.

Воротившись съ кладбища, Филиппъ принялся пересматривать оставшіяся послѣ матери бумаги. Это были большею частію письма его отца, которыхъ Филиппъ не могъ читать, потому что все въ нихъ дышало счастіемъ и любовью, давно уже погибшими. Онъ сжегъ ихъ. Наконецъ ему попалось письмо руки матери, съ числомъ за два дня до ея смерти.

«Милый Филиппъ, писала она, когда ты станешь читать это, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ты и бѣдный Сидней, оба вы будете тогда безъ отца и безъ матери, безъ имущества и безъ имени. Но Богъ правосуднѣе людей, и на Бога я возлагаю свою надежду за васъ. Ты, Филиппъ, уже вышелъ изъ дѣтскаго возрасту; ты, кажется, созданъ довольно сильнымъ, для того, чтобы успѣшно бороться со свѣтомъ. Берегись только своихъ страстей и ты, вѣрно, одолѣешь всѣ препятствія, какія тебѣ противопоставитъ жизнь. Въ послѣднее время ты такъ укрощалъ эти страсти, такъ одолевалъ гордость и своеправіе свое, что я уже опасалась за твое будущее гораздо меньше нежели тогда, когда оно пред-

ставлялось намъ блестящимъ. Прости мнѣ, мой милый, что я скрыла отъ тебя настоящее состояніе моего здоровья и тѣмъ, можетъ быть, не дала тебѣ приготовиться къ вѣсти о моей смерти. Не плачь, не печалься слишкомъ долго обо мнѣ. Для меня смерть—истинное освобожденіе отъ оковъ, отъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданій, которыми, какъ я надѣюсь, искуплены заблужденія и ошибки прежней, болѣе счастливой поры. Я не хорошо сдѣлала, что позволила утратить мой бракъ съ твоимъ отцомъ и тѣмъ разрушила всѣ надежды тѣхъ, которые имѣли столько же права на мою любовь, сколько и онъ. Филиппъ! берегись перваго шагу къ подлогу и обману, берегись также страстей, которыя приносятъ свои плоды, долго, долго потѣмъ, послѣ молодой зелени и пышныхъ цвѣтовъ.

«Повторяю просьбу мою: не плачь, не печалься обо мнѣ, но укрѣпись сердцемъ и ободрись духомъ, чтобы ты могъ принять обязанность, которую я теперь возлагаю на тебя,—заботу о Сидней, о твоёмъ братѣ. Онъ такъ слабъ, такъ нѣженъ! онъ только и жилъ, что мною, а теперь мы разлучены въ первый и въ послѣдній разъ. Онъ у чужихъ людей!.. Филиппъ, Филиппъ, не оставь его, ради любви твоей ко мнѣ, къ твоей матери. Будь ему не только братомъ, будь ему отцомъ. Противопоставь свое твердое сердце свѣту, чтобы защитить отъ его злобы это слабое дитя. У него нѣтъ твоихъ талантовъ, нѣтъ твоей силы характера. Безъ тебя онъ пропадетъ. Живи, трудись, добудь себѣ мѣсто въ свѣтѣ столько же ради его, сколько ради самого себя. Если бъ ты зналъ, если бъ ты чувствовалъ, какъ я утѣшена и успокоена насчетъ его моею надеждою на тебя, ты, читая это, напитался бы новымъ духомъ, моимъ духомъ материнской любви, предусмотрительности и бдительности. Когда меня не будетъ, береги, утѣшай его. Къ счастью, онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы исполнѣ понимать цѣну своей потери. Не допусти, чтобы онъ впоследствии подумалъ обо мнѣ дурно; онъ еще молодъ: злые люди могутъ отравить его сердце и возстановить противъ меня легче чѣмъ твое. Подумай, что онъ, если будетъ несчастенъ, можетъ позабыть, какъ я его любила, можетъ проклясть тѣхъ, которые дали ему

жизнь. Обдумай все это хорошенько, мой милый Филиппъ, и не забудь просьбу твоей матери.

«Тамъ, гдѣ это письмо, ты найдешь и ключъ отъ ящика, въ столѣ, въ которомъ я хранила сбереженные деньги. Ты увидишь, что я умерла не въ нищетѣ. Возьми, что тамъ есть. Я знаю, тебѣ будетъ нужно, и брату твоему тоже. Посмотри за Сиднеемъ, и разсуди, что то, чего ты можешь-быть и не почувствовалъ бы, можетъ подавить его, слабого ребенка. Онъ еще такъ малъ! Если его заставить работать черезъ силу или станутъ обходиться съ нимъ дурно, возьми его лучше къ себѣ или найди ему другое мѣсто за эти деньги. Да сохранитъ Богъ васъ обонкъ! Вы теперъ сироты. Онъ отецъ сиротъ и вы должны упоовать на Него».

Прочитавъ это письмо, Филиппъ преклонилъ колѣни и молился. Оправившись и ободрившись, онъ отперъ указанный ящикъ и былъ изумленъ и тронутъ, увидѣвъ, что мать сберегла болѣе ста фунтовъ. Сколько лишениій она должна была перенести, чтобы сохранить эту небольшую сумму! Уничтоживъ остальные, ненужныя бумаги, взявъ только послѣднее письмо матери, деньги и нѣкоторыя бездѣлки, онъ вышелъ. Въ дверяхъ встрѣтила его служанка, которая ходила за его матерью. Онъ далъ ей двѣ гинеи и подарилъ оставшіяся послѣ покойницы платья.

— Теперь... теперь, сказалъ онъ плачущей дѣвушкѣ: я могу, чего прежде не могъ... я могу спросить васъ, какъ умерла моя бѣдная мать? Много она страдала?

— Она скончалась какъ праведница, сэръ, отвѣчала дѣвушка отирая глаза: тотъ молодой баринъ цѣлый день пробылъ у нея и она при немъ была гораздо спокойнѣе.

— Баринъ? какой баринъ? не тотъ, котораго я засталъ?

— Нѣтъ, другой, молодой. Онъ пришелъ съ утра и цѣлый день оставался здѣсь. Онъ называлъ себя ея родственникомъ. Онъ много говорилъ съ нею, утѣшалъ

ее. Подъ-вечеръ она заснула у него на рукахъ, а проснувшись, такъ улыбнулась ему... Никогда не забуду я этой улыбки!... Я стояла вотъ тутъ; такъ стоялъ докторъ, который только-что вошелъ, а такъ сидѣлъ молодой джентльменъ, подлѣ постели, и поддерживалъ барыню на рукъ. Она взглянула на него, потомъ на насъ съ докторомъ, но ничего не сказала. Молодой джентльменъ спросилъ ее, какъ она себя чувствуетъ, а она схватила его руки, поцѣловала, и сказала: «Вы не забудете ихъ?» — «Никогда! никогда!» отвѣчалъ онъ. Не знаю, что это значить.

— Хорошо, хорошо... что жъ дальше?

— Потомъ она опять опустила голову къ нему на грудь и казалась такою счастливою! А когда докторъ подошелъ, чтобы дать ей лекарства, она уже скончалась.

— И чужой человекъ занялъ мое мѣсто?... Но все-равно! Да благословить его Богъ! кто это былъ? какъ его зовутъ?

— Не знаю: онъ не сказывалъ. Онъ оставался еще долго послѣ доктора и горько плакалъ... больше, вась сэръ.

— Да?

— Другой джентльменъ пришелъ въ ту самую пору, когда онъ хотѣлъ уйти и они тутъ разговаривали довольно громко, какъ-будто ссорились... такъ же какъ и вы съ нимъ. Но молодой джентльменъ скоро ушелъ... тутъ пришли вы.

— И вы не знаете, кто онъ?

— Нѣтъ, сэръ. Вотъ, мистриссъ Гревсъ, можетъ-быть, знаетъ, отвѣчала дѣвушка, указывая на входившую въ это время хозяйку дома.

Та тоже ничего не знала.

— Если онъ еще разъ прійдетъ, отдайте ему записку, которую я сейчасъ напишу, сказалъ Филиппъ; взялъ листъ бумаги и на-скоро написалъ слѣдующее:

«Я не могу догадаться, кто вы. Здѣсь говорятъ, что вы выдавали себя за нашего родственника. Это, вѣроятно, недоразумѣніе. Я не думаю, чтобы у моей матери были такіе добрые родственники. Но кто бы вы ни были, всёравно! Вы утѣшали мать мою въ послѣднія минуты ея жизни; она умерла въ вашихъ объятіяхъ. Я благословляю васъ. Если мы когда-нибудь встрѣтимся и я буду въ состояніи служить кому-нибудь, то моя кровь, моя жизнь, моя душа въ полномъ и безусловномъ вашемъ распоряженіи. Если вы дѣйствительно ея родственникъ, то поручаю вамъ моего брата. Онъ въ Н^{***}, у мистера Рожера Мортонна. Если вы для него можете сдѣлать что-нибудь доброе, то тѣмъ моей матери будетъ вашимъ ангеломъ-хранителемъ. Я иду самъ прокладывать себѣ дорогу въ свѣтъ. Мнѣ всякая мысль о подаваніи и помощи отъ другихъ такъ противна, что я, кажется, и васъ не могъ бы благодарить текъ искренно, какъ благодарю теперь, если бъ ваши благодѣанія въ отношеніи ко мнѣ могли распространиться даже гробовой доски моей матери.

Филиппъ Мортонъ.»

Онъ запечаталъ письмо и отдалъ безъ надписи.

— А вотъ карточка того господина, что распоряжался похоронами, сказала хозяйка: онъ велѣлъ вамъ отдать и просилъ, чтобы вы пожаловали къ нему: ему нужно поговорить съ вами.

Филиппъ взялъ поданную карточку. На ней было: «Мистеръ Джоржъ Блаквель. Линкольнс-Иннъ». Брови Филиппа нахмурились; онъ уронилъ ее и съ равнодушнымъ презрѣніемъ отшвырнулъ ногой; потомъ взялъ шляпу, узелокъ, поклонился хозяйкѣ и пошелъ.

— Что вы прикажете сказать этому господину? спросила мистриссъ Гревсъ.

— Пусть онъ скажетъ тому, кто послалъ его, чтобы не забылъ послѣдняго нашего свиданія! отвѣчалъ Филиппъ, оборотившись на порогъ, и исчезъ.

Филиппъ пошелъ на кладбище. Оно было близко; ворота были отворены. Солнце, подъ-вечеръ, разсѣявъ

загораживавшія его во весь день тучи, бросало послѣдніе свои багровые лучи на мирную обитель мертвыхъ.

— Маменька! маменька! рыдая говорилъ сирота, упавъ на свѣжую могилу: я пришелъ повторить здѣсь клятву, что исполню долгъ, который ты завѣщала мнѣ, твоему несчастному сыну!... О! есть ли на свѣтъ человекъ, несчастнѣе меня?

Въ это время близко подлѣ него раздался пронзительный, трепещущій, болезненный голосъ слабого, но, какъ казалось, сильно разгнѣваннаго старика:

— Прочь, прочь отъ меня, негодяй! будь ты проклятъ!

Филиппъ содрогнулся и поднялъ голову, какъ-будто бы эти слова были обращены къ нему и раздавались изъ могилы. Но, приподнявшись и дико озираясь, онъ изъ-за высокаго надгробнаго камня, въ некоторомъ отдаленіи увидѣлъ двухъ человекъ. Одинъ, съдой старикъ, сидѣлъ на дерновой могилѣ, другой, рослый, видный мужчина, стоялъ передъ нимъ почтительно, даже съ умоляющимъ видомъ. Старикъ протянулъ обѣ руки, какъ-будто провожая страшныя слова свои, для большей силы, такимъ же страшнымъ движеніемъ, и въ то же время раздался дикій вой собаки, которая лежала свернувшись у ногъ старика, а тутъ вскочила, услышавъ крикъ хозяина, и, вѣроятно, предполагая опасность.

— Батюшка! батюшка! говорилъ умоляющій съ упрекомъ: даже ваша собака содрогается отъ этого проклятiя!

— Кушъ, Трай! кушъ!... Да! что ты оставилъ мнѣ на свѣтъ кромѣ этой собаки? Ты сдѣлалъ то, что мнѣ противно смотреть на людей, потому что черезъ тебя мнѣ противно мое собственное имя! Ты покрылъ меня стыдомъ, позоромъ!... твои преступленія легли на мою сѣдую голову!

— Мы столько лѣтъ уже не видались... быть-можетъ

больше не увидимся... Неужто намъ такъ разстаться?

— Такъ? а-га! пронзительно закричалъ старикъ съ язвительною насмѣшкой: я вижу, ты пришелъ за деньгами!

При этихъ словахъ сынъ встрепенулся, какъ-будто его ужалила змѣя. Онъ выпрямился во весь ростъ, скрестилъ руки на груди и сказалъ:

— Батюшка, вы напрасно обижаете меня. Болѣе двадцати лѣтъ я самъ содержалъ себя... чѣмъ бы то ни было, всё-равно... и никогда не просилъ вашей помощи. Теперь я почувствовалъ раскаяніе, что довелъ до того, что вы отвергли меня... Я слышалъ, что вы слабы, почти слѣпы; я думалъ, вамъ можетъ пригодиться помощь даже вашего негоднаго сына, и пришелъ служить вамъ. Но вы и теперь отвергаете меня!... О, батюшка! возьмите назадъ свое проклятіе! На моей головѣ довольно ихъ и безъ вашего... Нѣтъ? Ну, пусть! пусть хоть сынъ благословитъ отца, который проклинаетъ его. Богъ съ вами. Прощайте.

Договоривъ послѣднія слова голосомъ, трепетавшимъ отъ внутренняго волненія, незнакомецъ отворотился и поспѣшно ушелъ. Тутъ Филиппъ узналъ въ немъ того пассажира, на груди котораго онъ спалъ въ ту ночь, когда въ первый разъ ѣздилъ искать мѣста и хлѣба.

Старикъ не видѣлъ, когда ушелъ его сынъ, но услышавъ шаги удалявшагося, онъ вдругъ перемѣнился въ лицѣ и опять простеръ руки, только уже не такъ, какъ въ первый разъ.

— Вилліамъ! сказалъ онъ кротко, и слезы покатались по его морщинистому лицу: Вилліамъ!... сынъ мой!

Но сынъ былъ уже далеко. Старикъ прислушивался. Отвѣту не было.

— Онъ оставилъ меня!... бѣдный Вилліамъ!... Мы никогда уже не увидимся!

Старикъ упалъ на могилу, безмолвный, неподвиж-

*

ный. Собака подползла и стала лизать его окостенѣвшую руку. Филиппъ съ минуту простоялъ задумчиво, въ молчаніи. Ему представилось, словно добрый геній указалъ отвѣтъ на его отчаянный вопль: на свѣтъ былъ еще человекъ несчастіе его: проклятый сынъ въ эту минуту, вѣрно, позавидовалъ бы ограбленному и оставленному сиротѣ.

Стемѣло; первая звѣзда заискрилась на синемъ небѣ, когда Филиппъ вышелъ съ кладбища, примиренный съ судьбою и съ будущностью, спокойный, твердый, возвышенный надъ собственными страстями. Онъ по близости кладбища зашелъ къ каменщику, заказалъ простую плиту для могилы матери и заплатилъ всѣ деньги впередъ. Вышедши отъ каменщика, онъ остановился на перекресткѣ и раздумывалъ, тотчасъ ли ему отправиться отыскивать Сиднея, или на эту ночь остаться еще въ городѣ, какъ-вдругъ, на другомъ концѣ улицы, замѣтилъ трехъ человекъ, которые въ то же время увидѣли его.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! держите его!

Филиппъ услышалъ эти слова и узналъ мистера Плаксвита и его бухгалтера, Плимминга. Третій съ ними былъ человекъ довольно подозрительной наружности, похожій на съищика. Невыразимое чувство страху, бѣшенства и отвращенія овладѣло молодымъ человекомъ, и въ то же время какой-то оборванный бродяга шепнулъ ему на-ухо:

— Утекай, утекай, дружище! вѣдь это собака изъ Боу-Стрита!

Въ душѣ Филиппа какъ молнія сверкнуло воспоминаніе о деньгахъ, которыя онъ схватилъ и, правда, бросилъ опять.... Неужто ему, — ему, который все-еще по убѣжденію считалъ себя законнымъ наследникомъ знатнаго и незапятнаннаго имени, — ему бѣжать какъ вору? Какое право на его лицо и свободу имѣлъ этотъ лавочникъ? Эта мысль побуждала его остаться.

Но, съ другой стороны, онъ видѣлъ тутъ представителя правосудія и закона, который ему, какъ обыкновенно всѣмъ несвѣдущимъ въ законахъ, казался естественнымъ врагомъ. Чувство самосохраненія заставило Филиппа бѣжать. Мистеръ Плиммигъ хотѣлъ схватить его за-воротъ, но получилъ такой толчокъ, что полетѣлъ кубаремъ въ канавку, а Филиппъ поворотилъ въ переулокъ и помчался какъ стрѣла. Изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, изворачиваясь и перескакивая черезъ преграды, бѣжалъ онъ запыхавшись, едва переводя духъ, и въ каждой улицѣ, на каждомъ шагу толпа позади его росла: праздные и любопытные, оборванные мальчишки, нищіе, лакеи, форрейторы и поваренки присоединялись къ этой гоньбѣ; Филиппъ бѣжалъ скорѣе и скорѣе и уже далеко опередилъ своихъ преслѣдователей. Между-тѣмъ кличъ: «ловите, держите его!» превратился уже въ вопль: «держите вора». Въ одной отдаленной, уединенной улицѣ, у порогу грязнаго трактира, вдругъ кто-то схватилъ бѣжавшаго. Филиппъ, въ бѣшенствѣ и отчаяніи, изо всѣхъ силъ ударилъ своего злодѣя въ грудь, но тотъ, кажется, и не почувствовалъ удара.

— Легче! сказалъ онъ съ презрѣніемъ: я не шпиомъ. Если ты бѣжишь отъ правосудія, такъ я охотно помогу тебѣ укрыться.

Филиппъ изумился. Голосъ показался ему знакомымъ: это былъ голосъ проклятаго сына.

— Спасите меня!.... Вы меня помните? сказалъ сирота слабо.

— Какъ же, помню. Бѣдный молодой человекъ! Сюда, сюда! за мной.

Незнакомецъ повелъ его въ трактиръ, потомъ узкимъ темнымъ корридормъ, на нѣсколько грязныхъ дворовъ, а оттуда на другую улицу. Тутъ стояли извозничьи кареты.

— Теперь вы спасены. Садитесь скорѣе. Извозчикъ,

пошолъ!.... Куда вѣдно было ѣхать, Филиппъ не слышалъ.

Черезъ три дня послѣ этого приключенія, въ десяти миляхъ отъ того городу, гдѣ жилъ мистеръ Рожеръ Мортонъ, у гостиницы маленькаго мѣстечка остановилась почтовая карета. Изъ нея вышли двое пассажировъ, которые тотчасъ заказали завтракъ и пошли не въ общую столовую, а въ садовую бесѣдку. Одинъ изъ нихъ, высокій, плечистый мужчина, по-видимому былъ Нѣмецъ, странствующій ремесленникъ, въ широкой, коричневой, парусинной блузѣ, до-верху застегнутой и подпоясанной ремнемъ, къ которому была прицѣплена на снуркѣ фарфоровая трубка и кисеть съ табакомъ. Загорѣлое лицо его было осынено длинными, желтыми какъ ленъ волосами, — своими или накладными, трудно рѣшить, — и украшено чудовищными рыжими усами. На узлѣ шейнаго платка торчала великолѣпная огромная мѣдная булавка съ синими, красными и зелеными стеклышками; на носу темно-синіе очки, а за плечами небольшая котомка. Онъ жаловался на глазную боль, говорилъ ломаннымъ англійскимъ языкомъ и съ трудомъ могъ объяснить хозяину гостиницы, что ему нужно черезъ часъ отправиться далѣе. Другой былъ худощавый, блѣдный, но стройный и красивый молодой человекъ, явно не привыкшій къ странной одеждѣ, которую надѣлъ, какъ видно, недавно. На немъ былъ узкій голубой фракъ со свѣтлыми пуговицами, широкій плащъ, картузь съ огромнымъ козырькомъ и большой платокъ, закрывавшій всю нижнюю часть лица. Онъ былъ очень безпокоенъ. По всемъ движеніямъ его было замѣтно, что онъ нарядился такъ, для того чтобы его не узнали.

Когда служанка поставила передъ ними завтракъ и ушла, Нѣмецъ сказалъ своему молодому товарищу очень чисто по-англійски:

— Ну, мистеръ Филиппъ, каково? Не говорилъ ли

я, что мы проведемъ всѣхъ этихъ собакъ-свищниковъ?
— Такъ здѣсь мы разстанемся, Гавтрей? сказалъ умы-
ло Филиппъ.

— Да, я желалъ бы, чтобы вы оумались, возра-
зилъ Гавтрей, разбивая яйцо: какъ вы сами, одни-оди-
нохоньки будете пробиваться? Трудно. Безъ меня у
васъ не будетъ той необходимой машины, что, въ слу-
чай нужды, даетъ советъ и что называютъ другомъ.
Я напередъ вижу, чѣмъ это кончится.... Ахъ, чортъ
ихъ возьми!.... какое соленое масло!

— Я вамъ неразъ говорилъ.... будь я одинъ на свѣтъ,
я связалъ бы свою судьбу съ вашею, но.... у меня есть
братъ!

— Да, вотъ то-то и есть! Все идетъ вкривь и вкосъ,
если мы поступаемъ по побужденію своихъ чувствъ.
Это доказываетъ вся жизнь моя.... Я вамъ расскажу
ее когда-нибудь.... Есть братъ!.... Да! Худо, что-ли
ему у дяди и тѣтки? Ужъ вѣрно, сытъ, обутъ, одѣтъ.
Чего жъ больше?.... Да что жъ вы не влите? Я ду-
шаю, вы должны быть голодны, такъ же какъ и я.
Бросьте вы все и всѣхъ; думайте о себѣ и пусть дру-
гіе тоже сами о себѣ думаютъ. Чѣмъ вы можете по-
мочь брату?

— Не знаю, но я долженъ отыскать его: я поклялся.

— Хорошо; такъ подите, повидайтесь съ нимъ и во-
ротитесь ко мнѣ: я, пожалуй, сутки подожду васъ
здѣсь.

— Но скажите же мнѣ напередъ, сказалъ Филиппъ
серіозно, уставивъ внимательный взглядъ на собесѣд-
ника: скажите мнѣ.... да, я долженъ спросить васъ
объ этомъ откровенно.... вамъ такъ хочется связать
мою судьбу съ вашею.... скажите же мнѣ, кто вы?

— А что вы обо мнѣ думаете? сухо спросилъ тотъ,
посмотрѣвъ на Филиппа во весь глаза.

— Я боюсь подуматъ что-нибудь, чѣмъ бы могъ
оскорбить васъ.... но.... страшное мѣсто, куда вы от-

везли меня третьего дня, лица, которых я тамъ видѣлъ....

— Что жъ? они, кажется, были порядочно одѣты и чень вѣжливы съ вами.

— Да; но.... вообще, ихъ разговоры.... Впрочемъ, я не имѣю права судить объ нихъ по наружности.... Притомъ же, вовсе не это возбудило мое подозрѣнiе....

— А что же такое?

— Вашъ нарядъ.... ваша скрытность....

— А вы сами развѣ не скрываетесь? Ха, ха, ха! Вотъ свѣтъ, вотъ люди! Вы бѣжите отъ опасности, укрываетесь отъ преслѣдованiя, и между-тѣмъ считаете себя невиновнымъ. Я дѣлаю то же самое, и вы подозреваете во мнѣ мошенника, быть-можетъ, даже убiйцу! Я вамъ скажу, кто я. Я сынъ фортуны, искатель приключенiй: я живу своимъ умомъ, какъ живутъ поэты, адвокаты и всѣ шарлатаны на свѣтѣ. Я шарлатанъ; я хамелеонъ. Всякой человѣкъ на свѣтѣ играетъ свои роли. Я играю всякую роль, за какую только великiй директоръ театра, господинъ Маммонъ, обѣщаетъ мнѣ порядочное содержанiе. Довольны ли вы?

— Можетъ-быть, я лучше пойму васъ, когда по-больше узнаю театръ, о которомъ вы говорите, печально отвѣчалъ молодой человѣкъ: мнѣ странно только то, что изъ всѣхъ людей на свѣтѣ именно вы были ко мнѣ ласковы и подавали мнѣ помощь въ нуждѣ.

— Что жъ тутъ страннаго? Спросите нищаго, кто его коршитъ? Знатная леди, развѣзжающая въ каретѣ съ гербами? раздушенный франтъ въ желтыхъ перчаткахъ? Какъ бы не такъ!.... тѣ, которые сами чуть не ходять съ сумою по-миру. У васъ не было друзей, и васъ укрывъ человѣкъ, которому весь свѣтъ—врагъ. Таковъ ужъ порядокъ на свѣтѣ. Позшьте, пока есть что поѣсть. Черезъ годъ, въ этотъ день, у васъ, можетъ-быть, не будетъ такого ростбифа,

Философствуя такимъ образомъ, мистеръ Гавтрей кончилъ завтракъ почти одинъ.

— Пора! сказалъ онъ посмотрѣвъ на часы: мнѣ надобно поспѣть, чтобы не ушли корабли. Я ѣду теперь въ Остенде или въ Роттердамъ, а оттуда отправлюсь въ Парижъ. Моя миленькая Фанни, я думаю, ужъ такъ выросла, что не узнаешь. Да, вы не знаете моей Фанни! Чудо будетъ невѣста: погодите только лѣтъ пять. Ну, не робѣйте. Мы еще увидимся, надѣюсь. Да смотрите, не забудьте того мѣста, которое называете страннымъ. Найдете вы его опять, если понадобится?

— Едва-ли.... не думаю.

— Ну, такъ вотъ адресъ. Если я вамъ понадобится, ступайте только туда и спросите мистера Грегга.... старикъ, съ бельмомъ на лѣвомъ глазу.... пожмите ему руку, вотъ такъ.... замѣйте себѣ это.... указательнымъ пальцемъ прижмите вотъ здѣсь.... такъ, такъ.... Скажите «Блатеръ».... больше ничего, такъ только «Блатеръ».... погодите, я вамъ запишу это. Потомъ спросите у него адресъ Вилліама Гавтрея: онъ вамъ скажетъ и дастъ денегъ на дорогу, если будетъ нужно, и еще добрый совѣтъ на придачу: онъ старикъ умный. Я всегда буду радъ видѣть васъ. Ну, прощайте же. Не робѣйте.... Вотъ, лошадей ужъ запрягли. Прощайте.

Мистеръ Гавтрей дружески пожалъ Филиппу руку и пошелъ садиться въ почтовую карету, бормоча про себя: «Деньги, которыя я на него истрочу не пропадутъ: онъ будетъ моимъ. А право, онъ мнѣ очень полюбился. Жаль мнѣ его, бѣднягу.»

Едва эта карета отправилась, какъ уже подъѣхала другая, для смѣны лошадей. Увидѣвъ, по надписи, что эта идетъ именно туда, куда ему нужно, Филиппъ тотчасъ же занялъ четвертое, порожнее, мѣсто. Онъ завернулся въ плащъ и прижался въ уголь, стараясь

сколько можно избегать любопытныхъ взглядовъ, а самъ между-тѣмъ украдкою изъ-подъ козырька высматривалъ своихъ сосѣдей. Подлѣ него сидѣла какая-то молодая женщина въ соломенной шляпкѣ и въ салопѣ на желтой подкладкѣ. Противъ нея — господинъ, съ огромными черными бакенбардами, въ гороховомъ жуптукѣ, въ грязныхъ перчаткахъ и съ лорнетомъ. Этотъ франтъ на-пропалую строилъ красавицѣ куры и отпугивалъ комплименты. Прямо противъ Филиппа сидѣлъ порядочно и скромно одѣтый человекъ среднихъ лѣтъ, очень блѣдный, важный и задумчивый. Когда карета тронулась, онъ вынулъ изъ кармана маленькую коробочку, положилъ въ ротъ кусочекъ арабской камеди, потомъ принялся читать книгу. Но сосѣдъ его такъ щедро сыпалъ любезности, до того заставлялъ хохотать красавицу, что величайшему флегматику не было бы ни какой возможности читать подлѣ нихъ. Блѣдный джентльменъ съ досадой захлопнулъ книгу и откинулся назадъ. Въ это время глаза его встрѣтились глазами Филиппа, который, по разсыянности или от жару, распустилъ полы плаща и снялъ картузь.

— Вы ѣдете въ П***, сэръ? въживо спросилъ блѣдный джентльменъ, пристально взглянувъ на Филиппа.

— Да, отвѣчалъ Филиппъ вздрогнувъ и покраснѣвъ.

— Вы впервые разъ туда ѣдете?

— Да! отвѣчалъ Филиппъ тономъ, который выказывалъ изумленіе и неудовольствіе.

— Извините, сказалъ джентльменъ, но ваше лицо напоминаетъ мнѣ.... одно.... одно.... семейство, котораго я знавалъ въ этомъ городѣ. Вы, можетъ-быть, знаете Мортоновъ?

Человѣку въ положеніи Филиппа, за которымъ, какъ онъ полагае, по пятамъ слѣдовали блюстители правосудія, по-неволѣ все должно было казаться подозрительнымъ. Гавтрэй, изъ своихъ видовъ, съ намѣреніемъ

емъ преувеличилъ вѣроятность опасности. Поэтому Филиппъ отвѣчалъ очень сухо: «Я никого тамъ не знаю», и завернулся въ плащъ, какъ-будто для того, чтобы уснуть. Онъ не зналъ, что этимъ отвѣтомъ прибавлялъ еще одну преграду къ тѣмъ, которыми ему суждено было самому себя заваливать дорогу жизни. Джентльменъ вздохнулъ и уже ни слова не сказалъ во всю дорогу.

Прибывъ въ Н^{...} , Филиппъ разспросилъ, гдѣ найти мистера Мортонна и пошелъ указаннымъ путемъ, по узкой улицѣ, загороженной съ обоихъ концовъ, въ знакъ того, что она назначена только для пѣшеходовъ. Въ эту пору, — ровно въ полдень, въ зной, — въ городкѣ все было тихо: обыватели всѣ сидѣли дома и Филиппъ не встрѣтилъ ни души. Онъ уже подходилъ къ перекрестку главной улицы, на углу которой красовалась вывѣска магазина съ почтеннымъ именемъ мистера Рожера Мортонна, какъ-вдругъ услышалъ горькій плачь, рыданіе, какъ-будто знакомаго голосу. Сердце Филиппа вздрогнуло и сжалось. Онъ, дѣйствительно, узналъ голосъ своего брата, Сиднея, но искаженный чуждыми, непривычными тонами страданія. Бѣдный мальчикъ сидѣлъ у порогу чужаго дому и, закрывъ лицо руками, заливался слезами. Филиппъ подошелъ и взялъ его за плечо.

— О! оставьте меня!.... сдѣлайте милость, оставьте меня!.... Право, я никогда не буду.... никогда не буду лгать!

— Сидней! сказалъ Филиппъ.

Мальчикъ вскочилъ, вскрикнулъ и упалъ на грудь брата.

— Филиппъ! милый Филиппъ! ты пришелъ взять меня назадъ, отвести къ маменькѣ? Ахъ! я буду такъ тѣхъ, такъ смиренъ.... я никогда не опечалю маменьки шалостями.... никогда! никогда! Ахъ, я былъ очень несчастливъ!

— Садись, рассказывай, что они с тобой сделали? сказалъ Филиппъ, съ трудомъ преодолевая волненіе, которое произвело въ немъ воспоминаніе о матери.

Такъ сидѣли они оба, сироты, на чужой сторонѣ, у порога чужаго дому. Одинъ слушалъ, другой рассказывалъ, съ простительными, конечно, преувеличеніями, о своихъ дѣтскихъ страданіяхъ у неласковой тѣтки. Мистриссъ Мортонъ дѣйствительно была очень неласкова до Сиднея: строго добродѣтельная и набожная женщина ненавидѣла отъ души, непрерывно гнала и всячески преслѣдовала сироту-пріемыша, во-первыхъ, за то, что онъ не имѣлъ законнаго права быть на свѣтѣ; во-вторыхъ, за то, что онъ принятъ въ домъ почти безъ ея согласія; въ-третьихъ, за то, что онъ былъ гораздо красивѣе и скромнѣе ея ребятишекъ; въ-четвертыхъ, въ-пятыхъ и въ-десятыхъ, просто за то, что она его терпѣть не могла. Утромъ того самаго дня онъ потерпѣлъ жестокія побои за чужую шалость. Собственный сынъ Мортонна, Томъ, ровесникъ Сиднею, шаловливый и хитрый мальчишка, будучи одинъ съ пріемышемъ въ комнату, утащилъ у матери и съѣлъ сахарную булку, назначенную на завтракъ отцу, а Сиднею наказалъ сказать, что съѣла кошка, и, пригрозивъ, въ случаѣ изобличенія побоями, самъ ушелъ. Хватились булки и первый допросъ сдѣланъ Сиднею. Тотъ, со страху, показалъ на кошку. Справились, кошка заперта въ чуланъ и не могла попасть въ комнату. Онъ признался въ подлогѣ и показалъ на Тома. Еще хуже. Мистриссъ Мортонъ взбѣленилась за такую дерзость: безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій отстегала его хлыстомъ и вытолкала на дворъ, разумѣется не съ тѣмъ, чтобы совершенно выгнать изъ дому, но такъ, съ глазъ долой. Мистера Рожера, который обыкновенно защищалъ своего пріемыша, на ту пору не случилось дома. Бѣдный мальчикъ побрелъ, куда глаза глядятъ, и свѣтъ наконецъ тамъ, гдѣ нащелъ его братъ.

— Мы теперь поведемъ домой, къ маменькѣ? спросилъ Сидней, кончивъ разсказъ.

Филиппъ вздохнулъ.

— Слушай, милый братъ мой, сказалъ онъ, подумавъ: мы не можемъ ѣхать къ маменькѣ. Я послѣ скажу тебѣ, отчего.... Мы одни на свѣтѣ, Сидней.... одни! Если ты хочешь идти со мною, такъ поидемъ.... дай Богъ тебѣ силы. Намъ много горя прійдется потерпѣть.... мы принуждены будемъ трудиться, работать, а ты часто, можетъ-быть, будешь переносить голодь и холодъ.... часто, очень часто, Сидней! Но ты знаешь, что я никогда волею не обижалъ тебя, Сидней. Я и теперь даю слово, что скорѣе позволю вырвать себѣ языкъ, чѣмъ оскорблю тебя хоть однимъ грубымъ словомъ. Вотъ все, что я могу обещать тебѣ. Обдумай хорошенько, и если ты хочешь оставить своихъ благодѣтелей....

— Хороши благодѣтели! сказалъ Сидней, взглянувъ на рубецъ отъ хлыста на своей рукѣ: о! возьми.... возьми меня съ собой, Филиппъ! Я умру.... я, право, умру, если останусь здѣсь.

— Таше!.... кто-то идетъ, сказалъ Филиппъ.

Въ это время мимо ихъ, по другую сторону улицы, проходилъ блѣдный, задумчивый господинъ, тотъ самый который ѣхалъ въ одной каретѣ съ Филиппомъ. Онъ взглянулъ на мальчиковъ, оглянулся еще разъ, но ничего не сказалъ и прошелъ.

— Такъ рѣшено, сказалъ Филиппъ съ твердостью: поидемъ тотчасъ же со мною. Ты уже не воротишься къ этой тѣткѣ. Поидемъ скорѣе: намъ до завтрашняго утра надобно далеко уйти.

Они вышли за городъ тою же дорѣгой, которою Филиппъ пришелъ.

Между-тѣмъ блѣдный господинъ вошелъ въ лавку мистера Рожера Мортонна.

— Боже мой! мистеръ Спенсеръ! вы ли это? вскри-

чалъ мистеръ Мортонъ, узнавъ стараго знакома: сколько лѣтъ сколько зимъ мы съ вами не видались! Оч радъ, что вижу васъ. Какими это судьбами? По дѣлу?

— Да, по дѣламъ, мистеръ Мортонъ.

— Садитесь. Что это вы въ трауръ?

— Это по вашей сестрѣ, мистеръ Мортонъ.... Я когда не могъ позабыть объ ней, никогда не переста валъ любить ея.... никогда.

— По моей сестрѣ? Ахъ, Боже мой! она умерла? Какая Катерина!.... А я ничего не зналъ! Когда же умерла?

— Завтра будетъ недѣля.... и.... и.... я подозрѣвалъ, что въ бѣдности, съ волненіемъ прибавилъ. Спенсеръ я недавно воротился изъ продолжительнаго путешествія и случайно, перебирая старыя газеты, прочиталъ извѣстіе объ ея процессѣ съ Бофорами. Я рѣшился отыскать ее и обратился съ разспросами къ адвокату, который велъ ея дѣло. Нашелъ домъ, гдѣ она жила уже поздно: я пришелъ на третій день послѣ смерти ея. Тутъ я рѣшился отыскать васъ, чтобы узнать не нужно ли въ чемъ помочь дѣтямъ бѣдной Катерины. Сколько ихъ осталось? Двое, кажется?

— Двое, мистеръ Спенсеръ. Старшій, Филиппъ, хорошо пристроенъ.... въ Р***; меньшей у меня. Миссисъ Мортонъ замѣняетъ ему мать.... то есть, она очень попечительна объ немъ. Ахъ, бѣдная, бѣдная сестра моя!

— Онъ похожъ на мать?

— Очень! вылитая Катерина.... когда она была здорова.

— Который ему годъ?

— Десятый, кажется: я не знаю навѣрное. Онъ гораздо моложе Филиппа.... Такъ она умерла!

— Мистеръ Мортонъ, я старый холостякъ, съ мистеръ Спенсеръ съ горькою улыбкой: часть имѣнія, правда, уже завѣщана родственникамъ.

остальное мое, и я не истрачиваю своихъ доходовъ. Старшій сынъ Катерины, вѣроятно, уже въ такихъ лѣтахъ, что самъ найдетъ себѣ хлѣбъ. Но младшій.... Быть-можетъ, у насъ у самихъ семейство и вы можете уступать его мнѣ?

Мистеръ Мортонъ подумалъ и подтянулъ штаны.

— Гмъ! это очень великодушно съ вашей стороны, мистеръ Спенсеръ. Мы подумаемъ. Мальчика теперь изъ дома.... гулять отпустили. Не угодно ли съ нами откушать, мистеръ Спенсеръ? За-просто, чѣмъ Богъ послалъ. Не осудите... Ахъ, Боже мой! такъ она умерла! Чтò бы ей тогда выйти за васъ, мистеръ Спенсеръ.... она была бы счастлива и жила бы, да жила!

— Я употребилъ бы всѣ свои силы, чтобы сдѣлать ее счастливою, мистеръ Мортонъ. Но, вѣрно, ужъ такъ Богу угодно было, сказалъ мистеръ Спенсеръ отвернувшись къ окну, чтобы скрыть навернувшіеся у него слезы.

Отбѣдали. Пробило два часа, а Сидней не возвращался. Посылали искать его; не нашли. Мистеръ Мортонъ встревожился, но супруга его была убѣждена, что мальчикъ только изъ упрямства скрылся гдѣ-нибудь, и что онъ воротится когда проголодается. Но пробило пять, шесть, семь часовъ, а Сиднея всё-таки не было. Тутъ ужъ и мистрисъ Мортонъ согласилась, что пора принять мѣры, и все семейство, со слугами и служанками, отправилось на развѣдки. Въ десять часовъ они опять собрались и принесли только извѣстіе, что мальчика, по описанію, похожаго на Сиднея, видѣли съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ сначала въ городѣ, а потомъ на дорогѣ къ мануфактурнымъ областямъ. Это, хоть не много, однако жъ успокоило мистера Мортонна: теперь его по-крайней-мѣрѣ не терзало ужасное опасеніе, что Сидней, быть-можетъ, утопился. Описаніе молодого человѣка разительнò согласовалось съ наружностью того, котораго мистеръ Спен-

серъ видѣлъ дорогою въ каретѣ, в котораго еще разъ встрѣтилъ на улицѣ съ бѣлокурымъ мальчикомъ. Онъ не сомнѣвался, что это былъ тотъ самый, и такимъ образомъ загадка разгадалась: Сидней убѣжалъ съ братомъ. Настала ночь и преслѣдованіе отложили до утра. Утромъ съ почты принесли мистеру Мортону два письма. Одно изъ нихъ было отъ Артура Бофора, другое отъ Плаксвита.

«Тяжкая болѣзнь препятствовала мнѣ написать къ вамъ раньше, писалъ Артуръ: я и теперь едва держу перо. Но какъ-скоро здоровье мое поправится, я буду у васъ въ Н^{***}. Мать Сиднея на смертномъ одрѣ торжественно возложила на меня обязанность заботиться о вѣренномъ вамъ ребенкѣ. Я поставляю себѣ священнымъ долгомъ составить его счастье и спѣшу просить васъ о предоставленіи его мнѣ. Не можете ли вы также сказать мнѣ, что стало со старшимъ, съ бѣднымъ Филиппомъ, который такъ безвинно пострадалъ? Нашъ адвокатъ видѣлся съ мистеромъ Плаксвитомъ и узналъ все дѣло. Куда онъ пропалъ? Всѣ наши поиски были напрасны. Самъ я, къ сожалѣнію, былъ боленъ и не могъ ничего сдѣлать. Можетъ-быть, онъ укрылся у васъ, какъ у своего дяди. Если это такъ, то увѣрьте его, что ему нечего опасаться правосудія, что его невинность вполне доказана, и что мой отецъ и я, мы оба заклинаемъ его принять нашу любовь и дружбу. На-дняхъ надѣюсь быть у васъ. Вашъ, и прочая.

Артуръ Бофоръ.»

«Любезный Мортонъ, писалъ Плаксвиту: случилась не-пріятная исторія. Не моя вина. Мнѣ очень досадно. Вашъ родственникъ, Филиппъ,—какъ я вамъ говорилъ,—парень очень пригодный, хотя странный и nereкомендательный въ обращеніи,—можетъ-быть, по недостатку лучшаго воспитанія.... Бѣдняга! Мистриссъ Плаксвиту, какъ вы знаете, женщина благовоспитанная и любитъ строгое соблюденіе приличій... Женщины обыкновенно больше смотрятъ на наружность.... Она никогда не могла полюбить его. Но къ дѣлу. Однажды вечеромъ онъ сталъ просить у меня денегъ, для матери, которая будто бы была больна, и про-

силъ самымъ безстыднымъ, даже, можно сказать, дерзкимъ образомъ. Это было въ моей лавкѣ, въ присутствіи моей жены и мистера Плимминга. Я былъ принужденъ приличнымъ образомъ отказать и дать за это молодому человеку выговоръ. Я вышелъ изъ лавки. Когда я воротился туда, его уже не было, а на полу лежали разбросанныя деньги, — четырнадцать шиллинговъ и двѣ гинеи, кажется, или около этого. Мистриссъ Плаксвигъ и мистеръ Плиммингъ ужасно перепугались: имъ казалось яснымъ, что я обираденъ и что мы всё будемъ зарѣзаны. Мистеръ Плиммингъ ту ночь спалъ въбѣгу и мы заняли собаку у миссиса Джонсона. Но ничего не случилось. Я не думаю, что я обираденъ: когда мы сосчитали деньги въ выпучьѣ, оказалось, что все цѣло. Я знаю человѣческую природу. Онъ хотѣлъ взять денегъ, но испугался. Это ясно. Но я, естественно, былъ очень разсерженъ. Я думалъ, онъ воротится; хотѣлъ порядкомъ побранить его; подождалъ нѣсколько дней; ничего не узналъ; сталъ безпокоиться, послушался совѣта мистриссъ Плаксвигъ, взялъ съ собою мистера Плимминга, поѣхалъ въ Лондонъ, нанялъ тамъ същика изъ Боу-Стрита, для розысковъ.... Это мнѣ стоило фунта стерлинговъ съ шиллингомъ, да еще пришлось поднести два стакана вина.... Бѣдная мистриссъ Мортонъ была только-что похоронена. Я ужаснулся. Вдругъ мы увидѣли мальчишку-то на улицѣ. Мистеръ Плиммингъ, какъ другъ, ласково подошелъ къ нему, но тотъ его ударилъ такъ, что ужалъ: съ ногъ сшибъ, разбивъ руку. Мы заплатили два шиллинга шесть пенсовъ за перевязки. Филиппъ убѣжалъ. Мы за нимъ. Не догнали. Такъ и ушелъ. Я принужденъ былъ воротиться домой ни съ чѣмъ. На другой день былъ у меня адвокатъ сэра Роберта Бофора, мистеръ Джоржъ Блаквель, — настоящій джентльменъ. Сэръ Робертъ желаетъ сдѣлать для него все, что можетъ впустить благодушная щедрость. Если я могу чѣмъ служить, очень радъ. Я, дѣйствительно, очень обезпокоенъ насчетъ вашего родственника. Съ женою мы уже поссорились изъ-за него. Но это ничего. Считаю долгомъ извѣстить васъ объ этомъ. Совершенно вамъ преданный

К. Плаксвигъ.

«P. S. Распечатываю письмо, чтобы уведомить вас, что сейчас былъ у насъ чиновникъ изъ Боу-Стрита. Онъ узналъ, что вашего родственника видѣли въ обществѣ человека очень подозрительнаго. Полагаютъ, что онъ уѣхалъ изъ Лондона. Полицейскій чиновникъ намѣренъ преслѣдовать. Дорого будетъ стоить. Рѣшайте сами, что намъ дѣлать.»

Мистеръ Спенсеръ почти вовсе не слушалъ чтенія втораго письма, но при первомъ его мучила ревматизмъ. Онъ хотѣлъ однимъ быть покровителемъ дѣтей Катаринъ. На первый случай однако жъ, къ управленію и распоряженію пенсинами, онъ былъ совершенно негоденъ и неспособенъ. Онъ былъ человекъ съ нѣжными сердцемъ и съ слабою головою; мечтатель, который провелъ всю жизнь въ воздыханіяхъ о счастіи и въ поэтическихъ грезахъ, всю жизнь возился съ своею несчастною любовью. Грудной ребенокъ не могъ быть безъ помощи добраго мистера Спенсера. Поэтому всѣ хлопоты по розыскамъ пали на Мортона, который и распорядился съ свойственнымъ себѣ расторопствомъ. На тотъ же день разсѣлъ объявленія, подмнилъ на почтеницію и отправилъ мистера Спенсера съ адвокатомъ въ мануфактурную область.

Тѣмъ временемъ однако жъ братья ушли уже далеко и Тотъ, который питаетъ птицъ небесныхъ, облегчалъ и уравнивалъ имъ путь. Филиппъ сообщилъ брату печальную вѣсть о смерти матери и Сидней горько заплакалъ. Но что знаютъ дѣти о смерти? Ихъ слезы и могилахъ высыхаютъ скорѣе росы. Въ первый вечеръ побѣга, подъ открытымъ небомъ, Филиппъ, обнявъ брата, открылъ ему, что она оба теперь круглыя сироты. Воздухъ благоухалъ, на частомъ небѣ великолѣпные сіяли звезды, вкругомъ простирались необорымыя поля золотистой ржи и ни одинъ листъ не колебался на кленѣ, подъ которымъ они сидѣли. Природа какъ-будто сострадавъ къ скорби юныхъ сиротъ, съ у-

лыбкою говорила имъ: «Не плачьте по мертвой! Я, бессмертная, буду вашей матерью.»

Когда мальчиковъ сталъ клонить сонъ, они нашли себѣ ночлеги въ стогъ сѣнъ, душистаго сѣна. Наутро ихъ разбудило пѣніе и щебетаніе птицъ и они встали бодрые, веселые, потому что чувствовали себя совершенно свободными. Несмотря на сиротство, потери, печальное прошедшее и сомнительную будущность, они были счастливы, — счастливы своею юностью, своею волею, избавленіемъ отъ притѣснителей, своею любовью, окружающею природою и даже своимъ необыкновеннымъ положеніемъ. Иногда они встрѣчали жнецовъ, отдыхавшихъ на полѣ за завтракомъ или обѣдомъ, и раздѣляли ихъ грубую трапезу съ охотою юности и голода. Иногда, по ночамъ, видывали и огни цыганскихъ таборовъ, которыхъ однако жъ тщателью избѣгали, съ тайнымъ трепетомъ припоминая всѣ ужасы нянюшкиныхъ сказокъ объ этомъ народѣ. Съ такою же осторожностью обходили они города и большія дороги, останавливаясь только въ деревняхъ и на самыхъ простыхъ постоялыхъ дворахъ, которые избирали судя по лицу и по голосу хозяина или хозяйки. Разъ только, на другой день странствованія, зашли они въ небольшой городокъ, гдѣ Филиппъ купилъ себѣ и брату сѣнъ и простыхъ платьевъ, чтобы лучше избѣгать подозрѣнія. Такъ шли они нѣсколько дней по направленію, противоположному мануфактурнымъ областямъ, куда обратились главныя силы ихъ преслѣдователей. Наконецъ Филиппъ и Сидней очутились посерединѣ другаго графства, въ сосѣдствѣ одного изъ важнѣйшихъ городовъ Англіи. Тутъ Филиппъ рѣшился остановиться и серьезно подумать о планѣ жизни. Онъ былъ бережливъ до скупости, потому что смотрѣлъ на завѣщанную матерью маленькую сумму какъ на имѣніе Сиднея, которое надлежало не тратить, а увеличивать какъ ядро будущаго богатства.

Втеченіи послѣднихъ недѣль характеръ его пріобрѣлъ большую зрѣлость. Онъ былъ уже не мальчикъ, а мужчина: онъ принялъ на себя попеченіе о жизни другаго существа. Филиппъ рѣшился итти въ городъ, искать мѣста, для пропитанія себя и брата. Сиднею жаль было разстаться съ кочевой жизнью, которую уже полюбилъ, но онъ долженъ былъ согласиться, что не вѣчно же будетъ лѣто и что зимою поля будутъ вовсе не такъ привлекательны, какъ въ августъ. Оставивъ Сиднея въ простой гостинницѣ, въ предмѣстіи, Филиппъ на-удачу бродилъ цѣлый день погороду и наткнулся, наконецъ, на справочную контору, для присканія мѣстъ и служителей. Тамъ первый вопросъ—какое желаешь мѣсто, а второй—есть ли аттестаты? На первый Филиппъ отвѣчалъ: дайте какое-нибудь, всё-равно, а на второй, разумѣется, принужденъ былъ дать отвѣтъ отрицательный. Факторъ пожалъ плечами и велѣлъ надѣяться на-дняхъ. Это было не очень утѣшительно и Филиппъ уже немножко разочаровался въ своихъ надеждахъ, но онъ былъ молодъ, рѣшительнъ и твердо надѣялся на свои силы. На обратномъ пути въ гостинницу, къ Сиднею, онъ проходилъ мимо двора одного барышника, торговавшего лошадьми, и, по старинному пристрастію къ этимъ животнымъ, остановился посмотреть, какъ бился конюхъ, объѣзжая передъ двумя покупщиками молодаго горячаго жеребца.

— Слѣзай скорѣй, болванъ! кричалъ барышникъ своему работнику: ты не умѣешь управиться съ нимъ. Это овечка, сэръ, продолжалъ онъ, обращаясь къ покупщику, право, овечка, если только съдокъ по немъ. Но у меня теперь во всей конюшнѣ нѣтъ такого вѣдока, съ-тѣхъ-поръ какъ умеръ Вилль. Слѣзай, говорятъ тебѣ, уродъ!

Но сказать это было легче нежели исполнить. Жеребецъ билъ копытами и становился на дыбы, такъ, что конюхъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ и того и смотрѣлъ,

что полетитъ кувыркомъ. Другіе конюхи поспѣшили на помощь товарищу и успѣли поставить его на землю, между-тѣмъ какъ конь, храпя и тряся гривой какъ-будто съ гордостью спрашивалъ: «много ли васъ?»

Филиппу показалось, что этотъ конь старинный знакомецъ. Сердце его забилось отъ радости и сжалось отъ тоски. Онъ подошелъ ближе и по бѣлому пятнышку на лѣвомъ глазомъ узналъ своего собственного жеребца, своего воспитанника, котораго любилъ и холмилъ, кормилъ ежедневно изъ своихъ рукъ, который бѣгалъ и нимъ какъ собака, на которомъ онъ ѣздилъ безъ сѣдла и безъ поводьевъ: это былъ тотъ самый конь, на которомъ онъ въ послѣдній роковой разъ скакалъ черезъ барьеръ. Филиппъ подошелъ еще ближе, потрепалъ жеребца по шеѣ и, щелкнувъ языкомъ, шепнулъ: «Белли! Белли!» Жеребецъ быстро обернулся и весело заржалъ.

— Если позволите, я попытаюсь скакнуть на немъ черезъ тотъ барьеръ, сказалъ Филиппъ барышнику.

— Вотъ молодецъ! вскричалъ обрадованный торговецъ: попытайся, попытайся, дружокъ. Я знаю, конь лхой. Только бы былъ вздокъ ему въ пору.

Покупщики сомнительно переглянулись.

— Позвольте мнѣ напередъ покормить его хлѣбомъ, сказалъ Филиппъ.

Торговецъ тотчасъ послалъ конюха за хлѣбомъ. Между-тѣмъ лошадь, при ласкахъ Филиппа, продолжала обнаруживать знаки радости, а когда она стала есть хлѣбъ изъ рукъ молодаго человека, зрители такъ изумились и восхитились, какъ-будто были свидѣтелями одного изъ самыхъ смѣлыхъ подвиговъ Фанъ-Амбурга. Покормивъ и всё трепля и лаская лошадь, Филиппъ медленно, осторожно съѣлъ. Животное съмладо скачекъ, въ пол-двора, скачекъ, отъ котораго хозяинъ, покупатели и вся дворня брызнули врознь, какъ вода отъ удара; потомъ начало выдѣлывать свои манев-

ры одинъ за другимъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою легкостью, какъ-будто бы было дресировано, чтобы носить какую-нибудь молодую леди. Когда же все это было увѣнчано тремя мастерскими скачками черезъ барьеръ и когда Филиппъ слѣзъ и, отдавъ конюху поводья, съ торжествующимъ видомъ подошелъ къ хозяину, тотъ потрепалъ его по плечу и сказалъ также торжественно:

— Сэръ! вы настоящій вздокъ! Я горжусь тѣмъ, что вижу васъ у себя.

Покупщики подошли къ лошади, еще разъ осмотрѣли ее съ ногъ до головы, ощупали, гдѣ нужно, и заключили торгъ, который безъ вмѣшательства Филиппа не состоялся бы. Когда лошадь поведи со двора, хозяинъ, мистеръ Стубморъ, обратился къ Филиппу, который, прислонясь къ стѣнѣ, печально смотрѣлъ вслѣдъ любимому животному.

— Сэръ, безъ васъ мнѣ не продать бы этой лошади. Чѣмъ я могу служить вамъ? Не угодно ли вамъ принять пару золотыхъ барашковъ.

— Благодарю васъ; я прійму эти деньги только въ такомъ случаѣ, если вы дадите мнѣ у себя мѣсто. Я могу быть полезнымъ вашему заведенію. Я выросъ на конѣ.

— Это видно! это видно! А эта лошадь васъ знаетъ, это ясно? Она у меня отъ стариннаго моего покупателя, сэра Филиппа Бофора.... мастеръ былъ вздѣтъ!.... Вы не тамъ ли ее видѣли? Вы бывали въ его конюшнѣ?

— Я очень хорошо зналъ сэра Филиппа.

— Вотъ что! Да, лучшаго человека вамъ не знавать. Славный былъ человекъ. Ну, я охотно прійму васъ: мнѣ нужно надзирателя за конюшней. Какъ ваше имя?

— Филиппъ.

— Филиппъ? Хорошо, мистеръ Филиппъ, приходите завтра.... или хотите здѣсь ночевать?

— Нѣтъ; у меня на рукахъ малолѣтній братъ, котораго я не хочу водить въ конюшню.... онъ слышитъ малъ. Я буду ходить сюда рано по утрамъ и оставаться до вечера.

— Ну, какъ хотите. Завтра заключимъ условіе. Прощайте.

На другой день Филиппъ вступилъ въ свою новую должность. Это положеніе, по прежнимъ привычкамъ и по пристрастію къ лошадямъ, было Филиппу очень пріятно, а мистеръ Стубморъ полюбилъ его какъ членъ по этой части знающаго и полезнаго. Прошло нѣсколько недель. Филиппъ въ этомъ скромномъ положеніи, можетъ-быть, окончилъ бы свою жизнь, если бы не испыталъ новыхъ нападеній своихъ преслѣдователей, изъ-за брата. Сидней былъ для него все. Изъ любви къ нему онъ отказался отъ ласковаго, дружескаго приглашенія Гавтрея; для него онъ работалъ и трудился, для него сберегалъ то, что добывалъ, и надеялся въ непродолжительномъ времени накопить столько, чтобы доставить ему средства выйти въ люди, стать выше того ремесла, къ которому былъ осужденъ самъ. Онъ держалъ его дома для того, чтобы не вводить въ грубое, необразованное общество конюховъ, чтобы предохранить отъ всего нечистаго и низкаго, до-тѣхъ-поръ пока Сидней самъ будетъ столько разуменъ, чтобы различать вредъ отъ пользы. Но Сидней не могъ даже понять, для чего эти предосторожности, и скучалъ, изнывалъ отъ нетерпѣнія въ своемъ заключеніи. Еще на рукахъ баловницы-матери въ немъ зародилось себялюбіе, обыкновенная принадлежность характера всѣхъ дѣтей-любимцевъ. Филиппъ замѣнилъ ему мать во всѣхъ отношеніяхъ,—и въ баловствѣ тоже,—и эта страсть развилась у Сиднея до того, что онъ не зналъ предѣловъ своимъ прихотямъ и нередко легкомысленно и неразумительно возставалъ противъ того, кто для него безъ малѣйшихъ жалобъ перено-

силъ труды и лишенія. Филиппъ думалъ доставить ему, если не большую пользу, то по-крайней-мѣрѣ развлеченіе отъ скуки, отдавъ въ приходскую школу; но Сидней на третій день пришелъ домой съ подбитымъ глазомъ и объявилъ, что больше не пойдетъ. Оставаясь дома одинъ, онъ тосковалъ и жаловался.

— Если бъ я зналъ, сказалъ онъ однажды: что ты будешь держать меня въ такомъ заключеніи, я не ушелъ бы отъ мистриссъ Мортонъ. Тамъ по-крайней-мѣрѣ было съ кѣмъ играть и гулять.

Этотъ упрекъ уязвилъ Филиппа въ сердце. «Такъ я отнялъ у него вѣрное и спокойное убѣжище! думалъ онъ: я лишилъ его обезпеченной, быть-можетъ, счастливой будущности, и онъ справедливо укоряетъ меня!» У него навернулись слезы.

— Прости мнѣ, Сидней! сказалъ онъ отворотившись.

Увидѣвъ, что братъ опечаленъ, Сидней, обыкновенно вкрадчивый и ласковый, вскочилъ, бросился къ нему на шею, расцѣловалъ его, просилъ извиненія и разбранилъ себя за безразсудство. Но слово было вымолвлено, и оно глубоко запало въ душу Филиппа. Онъ страстно, ревниво любилъ своего брата и не могъ равнодушно перенести такого упреку. Въ томъ возрастѣ, когда еще не развивается любовь обыкновенная, мальчишки, какъ и дѣвушки, обыкновенно бываютъ страстны въ дружбѣ: опиточно такъ же ревнуютъ, какъ любовники. Филиппъ боялся, чтобы кто-нибудь не отбилъ у него Сиднея, не отнялъ, не увезъ его, и какъ-будто предчувствовалъ, что это случится. Часто, по ночамъ, онъ со сна вскакивалъ, чтобы посмотреть, тутъ ли Сидней. По утрамъ онъ уходилъ изъ дому съ мрачными опасеніями, по вечерамъ возвращался со страхомъ. Между тѣмъ нравъ его, противъ Сиднея кроткій и ласковый, противъ другихъ становился болѣе и болѣе крутымъ и отталкивающимъ. Онъ въ шумномъ заведеніи мистера Стубмора возвысился на степень начальника и повелѣ-

тѣмъ, а ранняя привычка господствовать, въ какой бы то ни было сферѣ, легко дѣлаетъ людей деспотами.

Однажды утромъ мистеръ Стубморъ призвалъ Филиппа въ свою пріемную комнату. Тамъ былъ какой-то джентльменъ. Онъ важно стоялъ посерединѣ комнаты, опустивъ одну руку въ карманъ, а другою постепенно хлыстомъ по своему сапогу. Филиппу это лицо показалось знакомымъ. Вглядѣвшись, онъ узналъ одного изъ видныхъ въ томъ подозрительномъ мѣстѣ, куда Гавтрей завелъ его, когда спасъ отъ преслѣдованія Шлаквита. Филиппъ покраснѣлъ.

— Мистеръ Филиппъ, покажите его милости, капитану Смиту, гнѣдую кобылу. Она красавица въ обручъ, не правда ли? Его милости нужна парная лошадь къ экипажу.

— Надобно, чтобы шагъ былъ широкій, сказалъ джентльменъ, оборачиваясь на каблукъ.

Онъ, какъ видно, тоже узналъ Филиппа, и какъ-то странно прищурилъ глаза. Филиппъ еще болѣе смутился и поспѣшилъ исполнить, что сказано, чтобы только скорее уйти. Онъ приказалъ конюхамъ вывести лошадь на дворъ. Хозяинъ и покупательъ тоже вышли и окончили торгъ.

— Славный человекъ этотъ капитанъ Смитъ! сказалъ Стубморъ Филиппу, когда тотъ ушелъ съ конюхомъ и съ лошадью: настоящий джентльменъ: почти вовсе не торгуется. Я не зналъ, что вы уже были управителемъ на конюшнѣ. Капитанъ Смитъ говоритъ, что вы были правою рукой у мистера Эльмора, въ Лондонѣ. Вы нѣсколько разъ уже услуживали ему. Онъ очень хвалитъ васъ.... Славный человекъ! настоящий джентльменъ.... Да! какъ бы не забыть.... пожалуйста, поѣзжайте поскорѣе къ сэру Джону, съ лошадьми, которыхъ онъ торговалъ. Онъ просилъ приехать по-раньше сегодня.

Филиппъ понялъ только последнее. Его тревожили подозрѣнія, которыхъ онъ не смѣлъ открыть, чтобы не

показать, где и какъ они родились. Притомъ онъ вовсе не зналъ много изъ тѣхъ, которые ему казались тогда подозрительными, видѣлъ ихъ только одинъ разъ и не могъ сказать ничего опредѣленнаго даже о Гавтреэ, съ которымъ провелъ четыре дня. Последняго онъ не смѣлъ порочить еще и потому, что не видавъ отъ него ничего кромѣ добра и ласки. Занятый этими мыслями, Филиппъ ничего не возразилъ хозяину и отправился тотчасъ же исполнять порученіе. Бѣхачъ ему надлежало довольно далеко и онъ возвратился уже подъ-вечеръ. По дорогѣ, на возвратномъ пути его подстерегли два чедовѣка.

— Это онъ! это онъ! говорилъ одинъ.

— Ну, слава Богу, нашли! сказалъ другой.

— Но что это! Посмотрите, съ кѣмъ онъ говоритъ?!

Въ это время Филиппа остановилъ капитанъ Смита, два гнѣдой кобылы.

— Спасибо вамъ, сэръ... не знаю, какъ васъ зовутъ... много обязанъ. Въ другой разъ и я васъ отслужу. Чего, вы думаете, стоитъ эта кобыла?... если не купить, а продать?

— Гиней шестьдесятъ.

— Ну, это добрый барышъ. Еще разъ спасибо за скромность. Этотъ старый чортъ не повѣрилъ бы мнѣ на вексель, если бъ не услужили мнѣ вы, да Эльморъ... Ха, ха, ха! Если онъ догадается, да станетъ прижимать васъ, такъ приходите только ко мнѣ. Я два еще проживу въ гостиницѣ Звѣзды. Мнѣ нуженъ такой ловкій малый, какъ вы, и вы будете получать хорошіе проценты. Я не шипимора какой-нибудь: я живу на большой ногъ: это моя манера.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, какъ вы живете, возразилъ Филиппъ, нахмуривъ брови: я васъ не знаю.

— Какъ! а у старика Грегга, къ которому вы приходили съ лихимъ Биллемъ Гавтреемъ? Развѣ забыли?

Напрасно. Зачѣмъ забывать такихъ знакомцевъ, которые въ добрый часъ очень могутъ пригодиться!

— Мнѣ вашего знакомства не нужно. Я прежде полагалъ, а теперь убѣжденъ, что оно не можетъ принести мнѣ чести. Я откровенно объявляю вамъ, что предупреждаю на вашъ счетъ и хозяина.

— О! неужели? Въ такомъ случаѣ, смотрите, чтобы вы самимъ не попасть, насмѣшливо сказавъ каки-либо, и пришипорилъ кобылу.

Филиппъ поѣхалъ домой. Незнакомцы изъ-дали поглядывали за нимъ.

— Что жъ это за человекъ, съ которымъ онъ говорилъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Это одинъ изъ самыхъ отъявленныхъ мошенниковъ, отвѣчалъ другой.

Первый покачалъ головой и не отвѣчалъ.

Филиппъ, пришедши на конюшню, узналъ, что мистеръ Стубморъ уѣхалъ со двора и воротится не раньше завтрашняго дня. Предупрежденіе насчетъ капитала надобно было отложить. Филиппъ пошелъ на свою квартиру, раздумывая, какъ лучше сказать то, что нужно, чтобы притомъ не сказать чего-нибудь такого, что было бы не выгодно самому. На углу улицы, въ которой находилась квартира, къ Филиппу подошелъ одинъ изъ подстерегавшихъ его.

— Добрый вечеръ, мистеръ Филиппъ Мортона! скажите онъ съ низкимъ поклономъ: очень радъ, что наконецъ вижу васъ. Вы, конечно, еще помните меня?... Джоржъ Блаквель, адвокатъ.

— Что вамъ нужно? грубо спросилъ Филиппъ.

— Ну, ну, не горячитесь, почтеннѣйшій, не горячи-
Я пришелъ по порученію моихъ клиентовъ, господъ Воксоровъ, старшаго и младшаго. Мнѣ стоило бы хлопотъ отыскать васъ. Вишь, какой вы хитрый! Ха, ха, ха! Ну, мы вашу исторію съ Плаксиви-

томъ покончили благополучно.... а могло быть худо. Теперь, я надѣюсь, вы будете....

— Что вамъ нужно отъ меня, спрашиваю я васъ?

— Не торопитесь, не торопитесь. Въ дѣлахъ серьезныхъ торопиться не слѣдуетъ. Не лучше ли намъ зайти куда-нибудь въ гостиницу, да выпить стаканъ вина. Мы скоро поладимъ, я думаю.

— Говорите коротко и ясно, что вамъ нужно, или убирайтесь къ чорту! закричалъ Филиппъ съ гнѣвомъ.

Адвокатъ отскочилъ на шагъ, робко оглянулся и испѣшно приступилъ къ дѣлу.

— Мое порученіе.... сэръ Артуръ Бофоръ принимаетъ живѣйшее участіе въ вашей судьбѣ.... онъ устроилъ этотъ поискъ. Онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что почтетъ себя чрезвычайно счастливымъ.... да, счастливымъ, если ему удастся услужить вамъ.... и если вы хотите видѣться съ нимъ.... онъ въ городѣ.... Вы, конечно, будете обворожены.... Удивительно любезный молодой человѣкъ....

— Скажите ему, перебилъ Филиппъ, что я не приму ни благодаренія, ни помощи, ни отъ отца, ни отъ сестры, ни отъ какого члена семейства, на которомъ лежитъ грѣхомъ смерть матери и проклетіе сиротъ. Я съ ними не хочу имѣть ни какого сношенія. Если жъ они навяжутся мнѣ насильно, то пусть не пеняютъ! Я добываю себѣ хлѣбъ какъ хочу. Они мнѣ не нужны. Скажите имъ это. Убирайтесь!

Филиппъ толкнулъ адвоката всторону и пошелъ далѣе. Блаквелъ, смущенный, сбитый съ ногъ и съ толку, воротился къ своему спутнику.

— Ахъ, какъ это мило, Филиппъ, что ты пришелъ сегодня по-раньше! вскричалъ Сидней, захлопавъ въ ладоши и бросившись навстрѣчу брату, когда тотъ вошелъ въ свою комнату: мнѣ было такъ скучно! Будемъ играть?

— Пожалуй. Въ какую же игру? отвѣчалъ Филиппъ съ ласковою улыбкой.

— Пойдемъ въ садъ; будемъ играть въ прятки.

— Не холодно ли будетъ тебѣ въ саду?

— Ну, такъ! у тебя всегда отговорки! Я вижу, тебѣ не хочется. Хорошо, я не стану беспокоить тебя.

Сидней сѣлъ къ окну и надулся.

— Бѣдный Сидней! я знаю, тебѣ скучно у меня. Да, пойдемъ играть. Но надѣнь этотъ платокъ.

Филиппъ снялъ съ шеи платокъ и окуталъ имъ брата. Сидней пересталъ дуться. Они вышли въ садъ и пробѣжали тамъ до темной ночи. Однажды, тихонько обходя кустъ, чтобы избѣжать рукъ Сиднея, Филиппъ нечаянно взглянулъ всторону и замѣтилъ темную фигуру человека, который подсматривалъ за играющими черезъ ивовый заборъ со стороны улицы. Филиппъ содрогнулся. Бѣфоры, съ мыслью о которыхъ въ воображеніи его соединялись все роды предзнаменованій зла и несчастія, Бѣфоры и тутъ не давали ему покою: подсматривали своего шпиона! Онъ остановился, выпрямился во весь ростъ и, между-тѣмъ какъ Сидней съ хохотомъ бѣжалъ, чтобы схватить его, закричалъ на незнакомаго повелительно:

— Чего ты зываешь? что ты подсматриваешь за нами? Незнакомецъ пробормоталъ что-то и исчезъ.

— Ужъ не воръ ли это? проговорилъ испуганный Сидней съ трепетомъ.

Филиппъ не отвѣчалъ. Онъ повелъ брата въ комнату и тамъ, при тускломъ свѣтѣ одной свѣчи, надобно было видѣть, съ какою трогательною нежностью, съ какимъ терпѣніемъ онъ подавался на все рѣзвыя прихоти своего воспитанника, какъ онъ то строилъ карточные домики, то рассказывалъ волшебныя и богатырскія сказки, лучшія, какія слыхивалъ или какія могъ самъ изобрѣсть. Когда, наконецъ, Сидней сталъ до-

житься спать, Филиппъ, помогая ему раздвигаться, спросилъ:

— Теперь тебѣ скучно, Сидней?

— Нѣтъ; когда ты со мною, я не скучаю. Но это случается такъ рѣдко!

— Ты не читаешь книгъ, которыя я купилъ тебѣ?

— Иногда читаю... но нельзя же все время читать!

— Ахъ, Сидней! если мы, можетъ-быть, разстанемся, ты перестанешь любить меня?

— Не говори этого, Филиппъ! Вѣдь мы никогда не разстанемся.

Филиппъ вздохнулъ и отворотился. Что-то шептало ему, что опасность близка. Егда и безъ того уже давно занимала мысль, что нельзя же Сиднею вырастить такъ между четырехъ стѣнъ, безъ всякаго воспитанія и образованія.

Между-тѣмъ какъ Филиппъ раздумывалъ о своемъ ствадѣ ирилично исполнить данное матерью слово, Сидней покоился своимъ безпечной юности, въ душной комнатницѣ города сидѣли три человека: Артуръ Босеръ, Спенсеръ и мистеръ Блэквель.

— Такъ онъ отвергаетъ все наши предложенія? спросилъ Артуръ.

— Съ презрѣніемъ, котораго я не смѣю говорить вамъ, возразилъ адвокатъ: это, очевидно, человекъ совершенно безправственный и до крайности развращенный. Да какъ же и быть иначе: онъ вѣдь служитъ конюшомъ у барышника! Онъ, кажется, и при отцѣ все жилъ въ конюшнѣ. Дурное общество скоро портитъ человека. Мистеръ Шарпъ говоритъ, что человекъ, съ которымъ мы видѣли его на дорогѣ, самый низкій мошенникъ. Вы можете быть увѣрены, сэръ Артуръ, это человекъ несправимый. Все, что мы можемъ сдѣлать, это—спасти его брата.

— О! это слишкомъ страшная мысль! воскликнулъ Артуръ отворачиваясь.

— Конечно, страшная, прибавилъ Спенсеръ: правдо, я не зналъ бы, что дѣлать съ такимъ человѣкомъ. Но бѣдное дитя.... увезти его, значить сдѣлать богоугодное дѣло.

— Гдѣ мистеръ Шарпъ? спросилъ Артуръ.

— Онъ пошелъ вслѣдъ за Филиппомъ, чтобы выве-
дѣть, гдѣ онъ живетъ и у него ли братъ.... Да вотъ онъ!

— Нашелъ! нашелъ, сэръ! сказалъ Шарпъ входя и
отирая потъ со лба: этакой онъ строптивый. Я того и
глядѣлъ, что онъ пуститъ мнѣ камень въ лобъ. Но
нашъ братъ ужъ привыкъ къ этому.

— Ребенокъ у него? спросилъ Спенсеръ.

— У него.

— Что, это скромный, смиренный мальчикъ? продол-
жалъ мечтательный обитатель озеръ.

— Смирный? помилуйте! Я въ жизнь свою не ви-
дывалъ такого рываго крикуна! Ужъ они бѣсились,
бѣсились тамъ, въ саду, словно дикіе звѣри въ клеткѣ.
Ужась!

— Ахъ, Боже мой, простоналъ мистеръ Спенсеръ: онъ
изъ этого бѣднаго ребенка сдѣлаетъ такого же негодяя
какъ самъ!

— Что намъ дѣлать, мистеръ Блаквелъ? спросилъ
Шарпъ, хватаясь за стаканъ вина.

— Я думаю, вамъ завтра утромъ сходить къ консте-
блю барышнику и освѣдомиться, давно ли Филиппъ во-
лится съ тѣмъ мошенникомъ. Можетъ-быть Стубморъ
имѣетъ нѣкоторое вліяніе на него, и, если, не называя
его по имени....

— Да, да, не говорите имени, прибавилъ Артуръ.

— Вы можете его попросить, чтобы посоветовалъ
каждому человѣку послѣдовать совѣтамъ родствен-
никовъ.

— Непонимаю, понимаю, сказалъ мистеръ Шарпъ.

— А я самъ завтра поговорю съ Филиппомъ, сказалъ
Артуръ: я упрошу его. Меня онъ послушается.

На-утро мистеръ Шарпъ явился къ барышнику.

— Мистеръ Стубморъ, кажется?

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ.

Мистеръ Шарпъ съ таинственною миной заверъ стеклянную дверь и, приподнявъ за кончикъ зеленую занавѣску, кивнулъ изумленному хозяину, чтобы тотъ приблизился.

— Видите вы этого молодого человѣка, въ бархатной курткѣ? Онъ у васъ служить?

— Да; онъ у меня правая рука.

— Ну, такъ я вамъ скажу.... вы однако жъ не безпокойтесь.... его ищутъ родственники. Онъ пошелъ по дурной дорогѣ, и мы требуемъ, чтобы вы дали ему добрый совѣтъ.

— Ва! я знаю, что онъ убѣжалъ отъ своихъ родственниковъ; я знаю также, что онъ дѣльный, прекрасный малый. Онъ останется у меня столько времени, сколько его душѣ угодно, и его преслѣдователи у меня выторгуютъ себѣ развѣ только добрую купель въ лошадиномъ пруду.

— Вы—отецъ? у васъ есть дѣти, мистеръ Стубморъ? сказалъ Шарпъ, запустивъ руки въ карманы, и принявъ важный видъ.

— Вздоръ! что вы мнѣ тутъ толкуете, я и слушать не хочу. Я вамъ объявляю, что не разстанусь съ Филиппомъ и не намѣренъ гнать его отъ себя.

— Мистеръ Стубморъ, вы человѣкъ разсудительный; скажите сами, что вы знаете объ этомъ негодяѣ? Былъ у него какой-нибудь аттестатъ?

— А вамъ какое дѣло?

— Мнѣ никакого, да вамъ—то есть дѣло, мистеръ Стубморъ; Филиппъ, видите ли: парень разгульной. Если онъ воротится къ родственникамъ, они могутъ исправить его, а у васъ надъ нимъ нѣтъ ни какой команды, онъ и пошаливаетъ. Знаете ли вы того джентльмена съ

густыми бакенбардами, что вчера купилъ у васъ лошадь?

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ Стубморъ поблѣднѣвъ.

— Заплатилъ ли онъ вамъ за лошадь?

— Заплатилъ.... далъ вексель на Кутса.

— И вы приняли? Этакая простота! этакая простота!

Мистеръ Шарпъ расхохотался съ восхищеніемъ, какое люди обыкновенно чувствуютъ, когда видятъ что кто-нибудь надулъ ближняго. Мистеръ Стубморъ видимо смутился.

— Что это значитъ? растолкуйте! Вы полагаете, что меня обманули?

— Ахъ, ты, Боже ты мой, Господи! что это за простота! какъ же онъ назвался вамъ?

— Да вотъ его вексель.... капитанъ Джоржъ-Фредерикъ де Бургъ-Смитъ. Осемьдесятъ гиней.

— Закурите трубку этимъ векселемъ, мистеръ Стубморъ, закурите трубку: онъ не стоитъ и пол-пенса!

— Да вы-то кто же такой, чортъ возьми? закричалъ Стубморъ, въ-сердцахъ на самого себя и на своего гостя.

— Я? чиновникъ изъ Боу-Стрита; имя мое Джонъ Шарпъ.

— Стубморъ чуть не свалился съ ногъ. Глаза его помутились, зубы застучали.

— Да, сударь, этотъ капитанъ Смитъ — не кто иной, какъ Дешингъ Джерри, отъявленный мошенникъ, воръ и каторжникъ. Я нарочно пришелъ, чтобы предупредить васъ. Я знаю, что вы человекъ порядочный, мистеръ Стубморъ.

— Я всегда старался поддерживать это мнѣніе о себѣ, сказалъ совершенно смущенный барышникъ.

— У васъ есть семейство?

— Есть: жена и трое дѣтей, отвѣчалъ Стубморъ плаксиво.

— Ну, вы не потерпите убытку, если это отъ меня

Т. LXII. — Отд. II.

будет зависеть. Молодой человекъ, за которымъ мы гоняемся, изволите видѣть, знается съ этимъ капитаномъ Смитомъ... Ха, ха, ха! чуете теперь?... а?

— Капитанъ Смитъ говорилъ, что знаетъ его... этакая бестія! Это-то меня и обмануло!

— Ну, мы этого молодца теперь не можемъ прижать слишкомъ больно: у него, видите ли, значные покровители есть. Но вы скажите ему, чтобы онъ воротился къ своимъ родственникамъ; скажите, что ему все будетъ прощено; дайте ему добрый, христіанскій, отеческій совѣтъ, мистеръ Стубморъ; посоветуйте ему исправиться, скажите, что вы не можете и не хотите его держать, и онъ по-неволѣ долженъ будетъ прійти къ намъ... Вѣдь вы не станете держать его послѣ такой продѣлки?

— Держать? его? Я радъ, если отдѣлаюсь безъ убытку! Пойти скорѣй, посмотреть, тутъ ли этотъ проклятый капитанъ.

— Едва-ли. Я думаю, онъ ужъ давнымъ-давно улизнулъ, замѣтилъ Шарпъ: ушелъ, радуясь, что ловко обдѣлалъ дѣло.

Мистеръ Стубморъ схватилъ шляпу и сломя голову побѣжалъ въ гостинницу, гдѣ останавливался капитанъ Смитъ. Тамъ ему сказали, что капитанъ тотчасъ по возвращеніи отъ него уѣхалъ, оставивъ хозяину гостинницы за постой и столъ также вексель на имя Кутса. Стубморъ побѣжалъ домой, задыхаясь отъ досады и стыда.

— Мальчишка, котораго я принялъ въ свой домъ, какъ сына! и онъ помогъ надуть меня! Не деньги... что мнѣ въ этихъ деньгахъ!... нѣтъ, эта подлость меня бѣситъ! ворчалъ Стубморъ входя въ конюшню.

Тутъ онъ наткнулся на Филиппа.

— Я хотѣлъ поговорить съ вами, мистеръ Стубморъ, сказалъ Филиппъ: я хотѣлъ предупредить васъ насчетъ капитана Смита.

— О! неужели? Тогда, какъ его ужъ и слѣдъ простыль? Послушайте, мистеръ Филиппъ, ваши друзья ищутъ васъ... Я не хочу ничего говорить противъ васъ... но послушайте моего совѣту, воротитесь къ нимъ. Я умываю руки. Вотъ ваше жалованье за эту недѣлю. Прошу васъ объ одномъ: не показывайтесь больше въ моемъ домъ. Прощайте.

Филиппъ уронилъ поданныя деньги.

— Мои друзья... мои друзья были у васъ? въ самомъ дѣлѣ? Я такъ и думалъ... Очень благодаренъ имъ за это. Такъ вы хотите избавиться отъ меня? Ну... вы были ласковы, очень ласковы до меня, такъ разстанемтесь такъ же ласково, какъ жили, сказалъ Филиппъ, подавая хозяину руку.

Стубморъ смягчился. Онъ слегка прикоснулся къ поданной рукѣ и на минуту поколебался, но вексель капитана Смита, въ восемьдесятъ гиней, какъ привидѣніе мелькнулъ передъ его глазами, и онъ быстро повернулся на каблукъ, сказавъ:

— Не ходите по слѣдамъ капитана Смита: онъ идетъ на висѣлицу. Исправьтесь и покоритесь вашимъ добрымъ родственникамъ, которые сокрушаются по васъ.

— Такъ мои родственники вамъ сказали?...

— Да, да, они мнѣ все сказали, и... я уже довольно добръ, что не отдалъ васъ въ руки полиціи. Но если ваши родственники люди благородные, они, можетъ-быть, посеребрятъ мнѣ этотъ вексель.

Последнія слова были сказаны на воздухъ. Филиппъ убѣжалъ со двора.

Сердце громко билось, кровь кипѣла, каждый нервъ трепеталъ отъ гнѣву у несчастнаго гордаго юноши, когда онъ шелъ по оживленнымъ, веселымъ улицамъ. Такъ они и тутъ успѣли разстроить его жизнь, эти проклятые Бофоры! они и тутъ окружили его какъ загнаннаго звѣря коварными сѣтями своего ненавистнаго милосердія! Они отнимаютъ у него кровь надъ головой,

хлѣбъ у рта, чтобы онъ принужденъ былъ ползати у ногъ ихъ вымаливая подавнiя! «Но они не переломаютъ меня, они своею лестью не выкупятъ у меня моего проклятiя. Итъ, итъ, несчастная мать моя, я поклялся надъ твоимъ прахомъ, что этого не будетъ!»

Говоря это, онъ скорыми шагами шелъ черезъ поросшую травой пустошь, за которою находилась его квартира. Тутъ кто-то окликнулъ его и положилъ ему руку на плечо. Онъ оборотился. Передъ нимъ стоялъ Артуръ Бофоръ. Филиппъ не тотчасъ узналъ своего двоюроднаго брата, котораго лѣта и болѣзнь очень измѣнили съ тѣхъ-поръ какъ они видѣлись въ первый и послѣднiй разъ. Контрастъ между этими двумя молодыми людьми былъ разительный. На Филиппъ была грубая одежда, приличная его ремеслу, широкая черная бархатная куртка, лосинные штаны, неуклюжие сапоги съ толстыми подошвами, небрежно повязанный простой платокъ на шею и шляпа съ широкими полями, надвинутая на нахмуренныя брови; изъ-подъ нея въ безпорядкѣ рассыпались по плечамъ длинныя, черныя какъ смоль волосы. Онъ былъ именно въ томъ возрастѣ, когда наружность юноши съ рѣзкою физиономiей и здоровымъ тѣлосложенiемъ является самою невыгодною, — когда жилистые мускулы еще не довольно округлены, не развиты, когда черты, потерявъ мягкость и связность отрочества, не получили еще того постоянства и колориту, которые отличаютъ красивое, мужественное лицо. Таковъ былъ Филиппъ Мортонъ. Артуръ Бофоръ, всегда изящно одѣтый и стройный, казался еще изящнѣе по женской изящности, какую сообщила ему болѣзненная блѣдность.

— Филиппъ! сказалъ Артуръ слабымъ голосомъ, — говорять, вы не хотите принять ни какой ласки отъ меня: правда ли это?... Ахъ, если бы вы знали, какъ мы васъ искали!

— Если бъ я зналъ! Га! развѣ я не знаю? вскричалъ

Филиппъ съ негодованіемъ: да какъ вы осмѣлились искать и травить меня какъ звѣря? По какому праву вы съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуете меня и мое несчастіе всюду, куда я ни преклоню голову?

— Ваша бѣдная мать....

— Моя мать! Не смѣйте говорить объ ней! поблѣднѣвъ закричалъ Филиппъ, и губы его дрожали: не болтайте о милосердіи, о попеченіи и помощи, которую могъ бы оказать ей и ея дѣтямъ кто-нибудь изъ Бофоровъ! Я не принимаю этой помощи.... я не вѣрю ей! О! конечно! вы теперь преслѣдуете меня вашею лживою лаской, потому что вашъ отецъ.... вашъ тщеславный, безчувственный, бездушный отецъ....

— Стой! сказалъ Артуръ такимъ тономъ, который поразилъ бурное сердце Филиппа: это мой отецъ, о которомъ вы говорите. Вы должны уважать чувстваванія сына!

— Нѣтъ.... нѣтъ.... нѣтъ! я не хочу ни почитать, ни уважать никого изъ вашего роду. Я вамъ говорю, вашъ отецъ боится меня. Мои послѣднія слова еще звучать въ его ушахъ. Мои страданія, мои несчастія.... Артуръ Бофоръ! когда вы будете далеко отъ меня, я постараюсь забыть объ нихъ.... въ вашемъ ненавистномъ присутствіи они давятъ, задушаютъ меня....

Онъ остановился, задыхаясь отъ внутренняго волненія, но тотчасъ же опять продолжалъ съ тѣмъ же жаромъ:

— Если бъ тамъ, гдѣ это дерево, стояла висѣлица, и одно только прикосновеніе къ вашей рукѣ могло спасти меня отъ нея, я отвергъ бы вашу помощь. Помощь! Развѣ Бофоръ отдастъ мнѣ мое право рожденія и матери моей ея чистое имя? Ха-ха! лицемѣръ! прочь съ моей дороги! У тебя мое имѣніе, мое имя, мои права; у меня только бѣдность, ненависть и презрѣніе. Я клянусь, еще разъ клянусь, вы у меня не выкупите ихъ!

— Но выслушайте же меня, Филиппъ! выслушайте того, который стоялъ у смертнаго одра....

Слова, которыя спасли бы несчастнаго отъ мрачныхъ демоновъ, тѣснившихся въ сердце его, замерли на трепещущихъ устахъ молодаго покровителя. Ослепленный, обезумѣвшій дотога, что не походилъ на челоузка, Филиппъ грубо толкнулъ слабаго, больнаго Артура такъ, что тотъ упалъ къ его ногамъ. Филиппъ остановился, со сжатыми кулаками, съ злобною улыбкой посмотрѣлъ на лежащаго.... перескочилъ черезъ него и побѣжалъ домой.

Дома Филиппъ нашелъ Сиднея въ такомъ веселомъ расположеніи духа, котораго, по рѣдкости, не могъ не замѣтить, какъ ни былъ взволнованъ самъ.

— Отчего это ты такъ веселъ?

Мальчикъ улыбнулся.

— Ахъ, это тайна.... Не вѣдьли сказывать тебѣ. Но я увѣренъ, что ты вовсе не такой злой, какъ онъ говорить.

— Онъ?... кто?

— Не сердись, Филиппъ!.... Ты пугаешь меня.

— А ты терзаешь меня. Кто могъ очернить брата перелъ братомъ?

— О! онъ не чернилъ: онъ только говорилъ.... съ добрымъ намѣреніемъ.... Здѣсь былъ господинъ.... такой милый, добрый.... онъ громко зацѣдалъ, когда увидѣлъ меня. Онъ сказалъ, что зналъ мою маманку и обшчалъ взять меня съ собой.... купить мнѣ хорошенькую лошадку, и новыя платья, и все, все! Онъ скоро обшчалъ прійти опять.

— Онъ сказалъ, что и меня тоже возьметъ, Сидней? спросилъ Филиппъ садясь.

Сидней печально склонилъ голову.

— Нѣтъ, братецъ.... онъ сказалъ, что ты пойдешь.... что ты злой... что ты водишься съ дурными юдыми и что ты держишь меня здѣсь въ-запорти, для-

того, чтобы никто не могъ сдѣлать мнѣ добра.... Но я ему сказалъ, что не вѣрю этому.... да, право! я ему сказалъ это!

И Сидней пытался отвести руки брата, которыми тотъ закрылъ себѣ лицо. Филиппъ вскочилъ и скорыми шагами сталъ ходить изъ угла въ уголъ. «Еще одинъ подосланный отъ Бофоровъ! думалъ онъ: быть-можетъ, адвокатъ. Они хотятъ отнять его у меня!.... отнять последнее, что я люблю. Этому не бывать!»

— Сидней, сказалъ онъ громко: мы должны уйти отсюда, сегодня.... сейчасъ.... да! сію минуту.

— Какъ! уйти? а этотъ добрый господинъ?....

— Будь онъ проклятъ! Идемъ. Не реви по-пусту. Ты долженъ идти.

Эти слова были сказаны съ такою суровостью, какой Сидней никогда еще не видывалъ отъ брата. Филиппъ пошелъ разсчитываться съ хозяйкою и укладывать своей бѣдный скарбъ. Черезъ часъ братья были уже за городомъ.

Они цѣлый день шли полями и проселками, пуще прежняго избѣгая всякаго жилья. Къ-вечеру однако жъ, когда небо заволокло тучами, началъ накрапывать дождь и вдали послышался громъ. Филиппъ и самъ сталъ посматривать, гдѣ бы пріютиться; но кругомъ все было пусто. Сидней, измученный, началъ плакать и объявилъ, что не можетъ идти далѣе. Между-тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Филиппъ увѣщевалъ и упрасивалъ брата поспѣшить, обнадеживая близкимъ отдыхомъ.

— Это жестоко, Филиппъ, говорилъ Сидней всхлипывая: к чему ты заставляешь меня тащиться, въ такую темень и въ такую погоду, Богъ знаетъ, куда? Я сожалею, что пошелъ съ тобой.

Въ это время яркая молнія, осветила блѣдное лицо Сиднея, выражавшее упрекъ, сожалѣніе и страхъ. Филиппъ инстинктивно бросился загородить его собою и защитить отъ страшнаго, неотразимаго небеснаго огня.

Послѣ этого испугу, Сидней нѣсколько времени шелъ безъ роцоту. Но гроза подходила ближе и ближе; мракъ сгущался, молнія чаще и чаще обливала кровавымъ блескомъ небо и землю. Полилъ проливной дождь, который, казалось, грозился затопить всю вселенную. Тутъ уже и твердое сердце Филиппа заныло. Онъ снялъ съ себя шейный платокъ, куртку, жилетъ и все надѣлъ на Сиднея, чтобы заштитить его отъ погоды. Онъ уже не прерывалъ его жалобъ, напротивъ, радовался, когда слышалъ хоть стонъ, хоть плачь, лишь бы слышать голосъ брата. Но этотъ голосъ становился все слабѣе и слабѣе, и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ. Только громъ гремѣлъ въ поднебесьи и ливень хлесталъ землю. Сидней тяжелѣе и тяжелѣе наваливался на подерживавшую его руку.

— Ради Бога, говори!... говори, Сидней! ~~Скажи хоть слово!~~... Я понесу тебя на плечахъ!

— Я умру, кажется, проговорилъ Сидней, едва внятно: я такъ усталъ.... я не могу дальше идти.... я здѣсь лягу.....

И онъ повалился на дымящуюся траву подлѣ дороги. Въ это время дождь по-маленьку переставалъ; громъ слышался отдаленнѣе, облака начинали разсѣиваться и сѣрый полу-свѣтъ замѣнилъ сплошную тьму. Филиппъ, стоя на коленяхъ, поддерживалъ брата и съ мольбою обращалъ взоръ къ удалявшейся грозѣ небесной. Одинокая звезда выглянула на мгновенье изъ-за тянувшихся тучъ, и опять исчезла. Но вотъ, вдали, мелькнулъ огонекъ... вотъ опять... на одномъ и томъ же мѣстѣ. Это жилье; тамъ есть люди! Филиппъ ожилъ: онъ обрадовался людямъ, несмотря на то, что бѣжалъ отъ нихъ.

— Встань, Сидней! соберись съ духомъ.... еще одно усиліе, и мы тамъ... видишь, какъ близко! говорилъ онъ, указывая на огонь.

— Невозможно!... я не могу... возразилъ Сидней.

Молнія осветила его лицо. Оно было искажено: казалось, смертный потъ выступилъ на немъ. Что было дѣлать Филиппу? Остаться тутъ, чтобы видѣть, какъ братъ умретъ? Оставить его одного на дорогѣ и бѣжать за помощью къ тому огоньку? Последнее казалось ему еще страшнѣе. Вотъ, послышались шаги по дорогѣ. Филиппъ притаилъ дыханіе. Шаги приближались; показалось неопредѣленное очертаніе чловѣка. Филиппъ громко кликнулъ.

— Что такое? откликнулся голосъ, который показался Филиппу знакомымъ. Онъ бросился на встрѣчу и, взглянувъ путнику въ лицо, узналъ капитана Смита. Капитанъ, еще больше привычный къ темнотѣ, заговорилъ первый.

— Какъ! это вы, почтеннѣйшій! какими судьбами?

— Га! это вы?... я здѣсь по вашей милости.... Но не въ томъ дѣло... Богъ вамъ судья!... Мой братъ.... ребенокъ.... лежитъ здѣсь... я боюсь, умереть отъ холоду и утомленія... будьте милосерды, останьтесь съ нимъ на минуту, пока я сбѣгаю туда, къ тому огоньку... у меня есть деньги... я вамъ буду благодаренъ!...

— Непріятная работа, стоять теперь на дорогѣ... но, такъ и быть! Гдѣ мальчикъ?

— Здѣсь, здѣсь! Поднимите его... вотъ такъ: Дай Богъ вамъ здоровья.... я сейчасъ вернусь... сію-минуту.

Филиппъ сломя голову побѣжалъ черезъ поле, черезъ кустарники и гнилыя болота, прямо на свѣтъ огонька, какъ пловецъ пробивается къ берегу. Капитанъ былъ хоть и негодяй, однако жъ не совершенно безчувственный. Если опасность угрожаетъ жизни невиннаго ребенка, то сердце забьется даже у мошенника. Опъ, правда, проворчалъ нѣсколько проклятій, однако жъ держалъ мальчика на колыняхъ и, вынувъ дорожную фляжку, влилъ ему въ горло нѣсколько капель водки. Это оживило Сиднея; онъ, открылъ глаза и сказалъ:

— Я думаю, я могу теперь идти, Филиппъ.

Въ это время той же дорогой двѣ жалкія почтовые клячи медленно тащили по грязн двухъ путешественниковъ, въ бричку.

— Этакая ночь! вскричалъ одинъ изъ нихъ,

— Прескверная, сэръ! отозвался другой; а станція какая убійственная, — осьмнадцать миль! Это несносно..... Но зато мы теперь непременно захватимъ ихъ, если они пошли этою дорогою.

— Меня пугаетъ старшій-то братъ: право, пугаетъ мистеръ Шарпъ. Онъ такимъ разбойникомъ смотритъ, что ужасъ!

— Да, водится съ Дешингомъ Джерри, такъ чего ужъ тутъ путнаго ждать?

— Не говорите, мистеръ Шарпъ, не говорите: нѣтъ страшно.

Тутъ раздался громкій окликъ.

— Ахъ, Боже мой! ужъ не разбойники ли? вскричалъ мистеръ Спенсеръ, затрепетавъ.

— Ни печемъ, сэръ! у меня хлопушки съ собой, спокойно отвѣчалъ Шарпъ: кто тутъ?

Экипажъ остановился; кто-то подошелъ къ дверцамъ.

— Извините, сэръ, сказалъ незнакомецъ: но у меня тутъ бѣдный мальчикъ, больной, слабый такой, что съ днѣмъ не дойдешь до ближайшаго городу, если вы не будете такъ добры, что возьмете его съ собой.

— Бѣдный мальчикъ?... гдѣ? спросилъ Спенсеръ высовывая голову черезъ плечо Шарпа.

Тотъ ущипнулъ его и шепнулъ:

— Это Дешингъ Джерри. Я выйду.

Онъ выскочилъ изъ экипажа и черезъ минуту явился съ Сиднеемъ на рукахъ.

— Не онъ ли это? шепнулъ Шарпъ Спенсеру, освѣщая своимъ фонаремъ лицо мальчика.

— Онъ! онъ! Слава Богу!

— Такъ вы потрудитесь оставить его въ Королевскомъ Гербѣ? Часа черезъ два и мы тамъ будемъ, сказалъ капитанъ.

— Мы? кто, мы? спросилъ Шарпъ.

— Да я и братъ этого мальчика.

— А! ну, милости просимъ, насмѣшливо отвѣчалъ Шарпъ, поднявъ фонарь къ лицу капитана: пожалуйте; мы, кажется, старые знакомцы. Я ничего къ не желаю, какъ видѣть васъ у себя. Досвиданія... Доскажи своему пріятелю, чтобы онъ этого мальчика оставилъ въ покоѣ, нѣто мы ему самому такъ напомнимъ, что не съѣсть. Убирайся, Джерри, пока цѣль.

Шарпъ захлопнулъ двери и приказалъ почтальону убраться какъ-можно скорѣе.

Десять минутъ спустя, воротился Филиппъ съ двоимъ посыльными, съ носилками, фонаремъ и двумя едлами. Мѣсто, гдѣ онъ оставилъ Сиднея, было пусто. Онъ, въ безпокойствѣ, громко закричалъ. Капитанъ выскочилъ на разстояніи двухъ сотъ шаговъ. Филиппъ побѣжалъ туда.

— Гдѣ мой братъ?

— Уехалъ въ почтовой коляскѣ. Чортъ меня возьми, не я тутъ что-нибудь понимаю!

И капитанъ сообщилъ Филиппу сбивчивый рассказъ о томъ, что случилось.

— Братъ! мой братъ! такъ они всё-таки вырвали тебѣ изъ моихъ объятій! вскричалъ Филиппъ, и упалъ въ обморокъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого происшествія, вечеромъ, увидѣнъ оборванный и растрепанный молодой человекъ выскочилъ у дверей мистера Роберта Бофора. Швейцаръ медленно подошелъ.

— Дома вашъ баринъ? Мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

— Нельзя.... баринъ въ такую пору не принимаетъ,

особенно вашу братью, отвѣчалъ швейцаръ съ презрѣніемъ взглянувъ на оборваннаго гостя.

— Онъ прійметъ.... онъ долженъ принять меня, возразилъ молодой человекъ и, когда швейцаръ загородилъ дорогу, онъ желѣзною рукой схватилъ его за воротъ, бросилъ черезъ порогъ и пошелъ черезъ великолѣпныя сѣни въ покои.

— Стой! стой! Джемсъ! Джонъ! сюда! кричалъ швейцаръ поднимаясь.

Мистриссъ Бофоръ ожидала возвращенія своего супруга изъ клуба. Услышавъ шумъ въ передней, она вышла изъ своей комнаты и въ залъ встрѣтила незнакомаго гостя.

— Чтѣ вамъ нужно? кто вы? спросила она.

— Я—Филиппъ Мортонъ. Кто вы?

— Моего мужа.... сказала она отступая со страхомъ моего мужа нѣтъ дома.

— А! такъ вы—мистриссъ Бофоръ? Хорошо. Вы меня поймете. Я ищу своего брата. Его подлымъ образомъ похитили у меня. Скажите, гдѣ онъ, и я все прещу. Возвратите мнѣ его, и я стану благословлять васъ и всѣхъ вашихъ!

Филиппъ сталъ на колѣни и ухватился за подолъ ея платья.

— Я ничего не знаю о вашемъ братѣ, мистеръ Мортонъ, отвѣчала мистриссъ Бофоръ съ безпокойствомъ: Артуръ, котораго мы ждемъ со дня на день, пишетъ намъ, что всѣ поиски были тщетны.

— А! такъ вы искали же? вскричалъ Мортонъ вставъ и сжимая кулаки: такъ кто же кромѣ васъ разлучилъ брата съ братомъ? Отвѣчайте мнѣ, гдѣ онъ? Не увертывайтесь, мистриссъ! Я въ отчаянномъ расположеніи духа!

Мистриссъ Бофоръ, какъ свѣтская женщина, вполне обладала тою холодною и ровною характера, которыя обыкновенно замѣняютъ храбрость, однако жъ

она была до-крайности испугана тономъ и видомъ суроваго гостя. Она протянула руку къ колокольчику, но Мортонъ схватилъ ее и, крѣпко сжавъ, съ иррациональнымъ выраженіемъ, сверкая глазами, сказалъ:

— Вы не сойдете съ мѣста, покуда не скажете, гдѣ мой братъ. Вы отвергаете мою благодарность, мое благословеніе? Берегитесь! Еще разъ спрашиваю васъ, гдѣ мой братъ?

Въ эту минуту растворилась дверь и вошелъ Робертъ Бофоръ. Леди съ радостнымъ крикомъ вырвалась изъ рукъ Филиппа и бросилась къ мужу.

— Спасите меня отъ этого разбойника! вскричала она съ судорожнымъ рыданіемъ.

Бофоръ, получившій отъ Блаквеля извѣстіе о закоснѣлой негодности Филиппа, его подозрительномъ знакомствѣ и несправимости характера, былъ до крайности взбѣшенъ этою сценой.

— Безсовѣстный негодяй! вскричалъ онъ, подступивъ къ Филиппу: какъ ты смѣешь входить въ этотъ домъ, послѣ того какъ отвергъ съ такою грубостью все мои предложенія, все мои милости, и захотѣлъ лучше погрязнуть въ своихъ порочныхъ привычкахъ? Вонъ! или я пошлю за полиціей!

— Послушайте, сказалъ Филиппъ подавляя бѣшенство, которое трясло его какъ въ лихорадкѣ: мнѣ дѣлать до вашихъ угрозъ; я не слушаю вашей брани. Вашъ сынъ или вы украли моего брата. Скажите только, гдѣ онъ, дайте мнѣ увидѣть его. Не гоните меня, не сказавъ хоть одного слова правосуднаго и сострадательнаго. Я умоляю васъ.... на колѣняхъ умоляю васъ.... да! я, я умоляю, васъ, Роберта Бофора, будьте милосерды къ сыну вашего брата. Гдѣ Сидней?

Робертъ Бофоръ, какъ и все трусы и люди съ низкими образомъ мыслей, еще пуще разсердился, когда увидѣлъ смиреніе умоляющаго.

— Вонъ! вонъ! Я ничего не знаю о твоёмъ братѣ....

И если все это не мошенничество какое-нибудь.... то я очень радъ, что этот мальчикъ, избавленъ отъ пагубнаго общества такого негодяя, какъ ты.

— Я еще лежу у вашихъ ногъ.... еще разъ.... еще одинъ разъ обнимаю ихъ съ мольбой... заберите васъ, скажите мнѣ правду!

Еще пуще овлбленный Робертъ занесъ руку, чтобы ударить Филиппа.

— Не бейте его, папенька! отдайте ему брата.... попросить! вскричалъ дѣтскій голодъ, и рука Роберта опустилась.

Это была малолѣтная дочь Бофора, которая при своемъ прибытіи отца, ни къмъ не замѣченная, вошла со страхомъ видѣла всю эту сцену изъ-дали, а тѣмъ бросилась къ стоявшему на колыняхъ и загородила своею крошечною ручкой. Слезы катились по ея щекамъ. Филиппъ, въ смущеніи взглянулъ на нея и показалась ему ангеломъ-хранителемъ его.

— Слышите! слышите! сказалъ онъ: о! ради ея, дайте мнѣ брата, не разлучайте сиротъ!

— Возьмите ее, миледи! вскричалъ Бофоръ съ восторгомъ. А вы..... извольте идти вонъ изъ моего дома. Если вы въ состояніи приблизиться ко мнѣ въ такомъ видѣ, я исполню свое обещаніе и дамъ вамъ средства честно жить на свѣтъ, если жъ нѣтъ, то лучше не показывайтесь мнѣ на глаза.

Филиппъ всталъ. Леди Бофоръ вывела дочь и пользовалась этимъ случаемъ, чтобы позвать дѣвушку.

— Пойдете вы? или хотите, чтобы она васъ провожала? вскричалъ Бофоръ еще болѣе ободравшись, когда увидѣлъ въ передней собравшуюся дворню.

— Довольно, сэръ Робертъ Бофоръ, сказалъ Филиппъ съ спокойствіемъ и достоинствомъ: мой отецъ, мои глаза покойныхъ еще наблюдаютъ за жизнью...

отецъ видалъ и слышалъ васъ. Настанетъ день правосудія, настанетъ! Прочь, рабы!

Онъ замahнулся и слуги съ трепетомъ отшатнулись врознь. Филиппъ мѣрными шагами вышелъ изъ него-степримнаго дому. На улицъ онъ остановился и еще разъ оглянулся. Темные, впалые глаза его, просвѣчившіеся сквозь разсыпанные по лбу длинные черные волосы, блестяли почти сверхъчеловѣческимъ грознымъ выраженіемъ. Это выраженіе было еще усилено хладнокровнымъ спокойствіемъ и непоколебимымъ величіемъ, которое не покидало Филиппа даже въ лохмотьяхъ, какъ не покидаетъ всякаго чловѣка съ твердою волей и глубокимъ чувствомъ справедливости. Исхудавшее тѣло, рѣзкія, но благородныя черты, иссушенная, безцвѣтная юность, простертая рука и безмолвное негодованіе,—все придавало ему грозный, таинственный видъ чловѣка, которому страданія и несправедливость людей сообщили силу сверхъестественную: онъ какъ-будто направлялъ своимъ взглядомъ руку неутомимой и безстрастной судьбы на этотъ домъ. Постоявъ съ-минуту, онъ медленно повернулся и пошелъ въ одну изъ отдаленныхъ и грязныхъ частей гигантскаго города, и тамъ въ узкой, мрачной улицѣ, у лавки тряпичника и рестовщика остановился. Оборванный мальчишка отперъ дверь; Филиппъ, по неопытной лѣстницѣ пошелъ во второй этажъ, гдѣ, въ маленькой, такой же неопытной каморкѣ, нашелъ капитана Смита, за столомъ, играющаго въ одиночку въ карты.

— Ну, что новаго о вашемъ братѣ, Белли-Филь?

— Ничего. Они ни въ чемъ не признаются.

— Такъ вы теперь отрекаетесь?

— Никогда! Теперь я полагаюсь на васъ.

— Ну, вѣдь я говорилъ, что безъ меня ничего не случится! А я обдѣваю.... я обдѣваю для васъ то, что не легко сдѣлать бы для самого себя. Я вамъ говорилъ, что знаю эту боу-стритскую собаку, что сидѣлъ

въ коляскѣ. Я отыщу его.... Богу навѣстно, что это не трудно.... но вотъ что трудно: вывѣдать что-нибудь у него. Однако жъ, если вы хорошо заплатите, будутъ вѣсти.

— Я отдамъ вамъ все, что у меня есть, если вы отыщете мнѣ брата. Вотъ, у меня сто фунтовъ.... это его деньги. Безъ него они мнѣ не нужны. Вотъ, возьмите пятьдесятъ, и когда....

— Хорошо, хорошо; дѣло конченное, сказалъ капитанъ, положивъ деньги въ карманъ.

Онъ исполнилъ свое обѣщаніе, видѣлся съ Шарпомъ и за десять гиней черезъ нѣсколько дней досталъ черезъ него письмо отъ Сиднея, которое и отнесъ къ Филиппу. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Любезный братецъ, Филиппъ! Я слышу, ты желаешь знать, какъ я живу, и затѣмъ я пишу тебѣ это письмо. Увѣряю тебя, что я пишу совершенно изъ своей головы. Мнѣ здѣсь очень хорошо; я очень счастливъ, гораздо счастливѣе, нежели былъ когда-либо съ-тѣхъ-поръ какъ умерла маменька. Поэтому прошу тебя, не безпокойся больше обо мнѣ и не ищи, не найди меня, ради Бога, потому что я ни за что не пойду съ тобой. Мнѣ здѣсь гораздо лучше. Я желаю, чтобы ты сталъ добрымъ человѣкомъ и оставилъ бы своихъ дурныхъ товарищей. Право, мнѣ страшно, когда подумаю, что люди говорятъ, и что было бы со мной, если бъ я остался у тебя. Мистеръ.... (имя было тщательно выскоблено), тотъ джентльменъ, у котораго я живу, говоритъ, что онъ будетъ и твоимъ другомъ, если ты поведешь себя хорошо. Онъ совѣтуетъ тебѣ идти къ Артуру Бофору и просить извиненія за прошедшія непріятности. Онъ говоритъ, что Артуръ очень добръ и, навѣрное, проститъ тебя. Посылаю тебѣ при этомъ письмѣ двадцать фунтовъ стерлинговъ. Добрый джентльменъ говоритъ, что онъ послалъ бы больше, но боится, что ты будешь вести себя легкомысленно, если получишь слишкомъ много денегъ. Я хожу каждое воскресенье въ церковь и молю Бога, чтобы онъ открылъ тебѣ глаза. У меня есть хорошенькая лошадка.... чудо, какая

хорошенькая! Но покуда довольно. Твой любящій тебя братъ,

Сидней Мортонъ.

«P. S. Сдѣлай милость, не отыскивай меня. Ты знаешь, я чуть не умеръ на большой дорогѣ, и умеръ бы, если бъ не этотъ добрый джентльменъ».

Вотъ все что онъ получилъ въ награду за все свои страданія, за всю свою любовь! Это письмо, по всему видимому, было не диктованное: оно было писано со всеми ребяческими ошибками и каракулями. Каждая буква змѣйнымъ жаломъ впивалась въ сердце Филиппа и оставила тамъ пожирающій ядъ.

— Ну, съ этимъ у меня дѣло кончено.... навсегда! сказалъ Филиппъ отервъ горькія слезы: я уже не потревожу его; не стану разгадывать этой тайны. Пусть такъ.... онъ счастливъ! Хорошо.... хорошо.... А я.... я никогда уже не позабочусь о комъ-нибудь изъ людей.

Онъ закрылъ лицо руками и замолкъ. Когда же всталъ, ему казалось, будто сердце его превратилось въ камень; казалось, будто даже сознание улетѣло на крыльяхъ исчезнувшей любви.

==

ВОСХОДЪ И ЗАКАТЪ.

=

РОМАНЪ БОЛЬВЕРА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

—

— Бѣдный молодой человѣкъ! ваша исторія занимаетъ меня: случаи и обстоятельства истинно романтическіе, но нравоученіе—практическое, старинное, вѣчное: это—жизнь, батюшка, жизнь, то есть, такая штука, которой ни отъ кого не переймешь и никому не передашь, а поживи самъ, такъ и узнаешь ее. Бѣдность сама по себѣ еще не великая бѣда, то есть, когда она не доводитъ до голодной смерти. Но бѣдность и страсть вмѣстѣ, бѣдность и чувство, бѣдность и гордость.... бѣдность не родовая, не наследственная, а *благопріобрѣтенная*, отъ несчастія.... когда человѣкъ, который согналъ тебя съ уютнаго кресла, съ каждымъ своимъ движеніемъ, усаживаясь удобнѣе, даетъ тебѣ пинка.... га! въ этомъ нѣтъ ничего романческаго: это горькая сущность, это будничная жизнь!

Такъ, въ порядочно убранный квартирѣ, на одной изъ многочислѣннѣйшихъ улицъ Парижа, говорилъ Фит. LXII. — Отд. II.

лищу Мортону мистеръ Ло или, лучше сказать, Виллиамъ Гавтрей, потому что имя Ло на ту пору было у него принятое: подъ этою фирмою аферистъ содержалъ нѣчто въ родѣ клуба и вмѣстѣ нѣчто въ родѣ брачной конторы.

— Ну, дальше! продолжалъ Гавтрей: такъ, получивши письмо отъ брата, вы и отдались въ руки этому мошеннику Смиуту?

— Нѣтъ; я отдалъ ему свои деньги, но души не отдавалъ. Я ушелъ отъ него съ нѣсколькими шиллингами, которые онъ самъ бросилъ мнѣ. Я пошелъ, куда глаза глядятъ; выбрался изъ городу въ поле. Настала ночь, взошла луна; я очутился на большой дорогѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона. Вдругъ, на краю рва, подъ кустомъ, я увидѣлъ нѣчто похожее на трупъ. Это былъ старикъ нищій, до крайности оборванный и изнуренный голодомъ и болѣзью. Онъ легъ съ тѣмъ, чтобы умереть. Я подвинулся съ нимъ чѣмъ могъ, и отвелъ его на ближайшій постоялый дворъ. Входя въ комнату онъ оборотился и благословилъ меня.... Какъ вы думаете! въ эту минуту у меня какъ-будто камень свалился съ груди. «Такъ и я еще могу помогать другимъ! сказалъ я самъ себѣ: я еще въ лучшемъ положеніи нежели этотъ старикъ: я молодъ и здоровъ.» При этихъ мысляхъ ноги и руки мои, которыя-было ослабѣли, вдругъ какъ-будто переродились, стали легки и сильны; непонятная живость овладѣла мной. Я весело шелъ, почти бѣжалъ по безлюдной дорогѣ при свѣтѣ луны. Мнѣ казалось въ эту ночь, что въ самомъ большомъ домѣ, въ самыхъ великолѣпныхъ палатахъ мнѣ мало будетъ простору. И когда, наконецъ, утомившись, я забрелъ въ лѣсъ и прилегъ, чтобы уснуть, то еще разъ повторилъ про себя: «вѣдь я молодъ и здоровъ!» Но на утро, проснувшись, я протянулъ руки и хватился брата.... Дня черезъ три я нашелъ пристанище у одного фермера, но черезъ нѣсколько не-

дль мы поссорились: ему разъ вздумалось поколотить меня.... Работать я могъ, а быть рабомъ—нѣтъ. Когда мы разстались, наступила зима.... о, какая зима! Тутъ-то я узналъ, что значитъ сиротство.... Какъ я тутъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ,—если можно назвать это жизнью,—вамъ было бы неприятно слушать, а мнѣ унижительно рассказывать. Наконецъ я опять попалъ въ Лондонъ и однажды вечеромъ рѣшился.... мнѣ ничего больше не оставалось: я два дня куска въ ротъ не бралъ.... я рѣшился идти къ вамъ.

— Отчего жъ вы раньше объ этомъ не подумали?

— Оттого, отвѣчалъ Филиппъ покраснѣвъ: оттого; что я трепеталъ при мысли о томъ, какую власть надъ собою и своею будущностью дамъ этимъ человеку, котораго какъ благодѣтеля своего благословляю, но какъ руководителя долженъ остерегаться.

— А! воскликнулъ Гавтрей съ выраженіемъ, въ которомъ была смѣсь насмѣшки и состраданія: стало-быть голодъ всё-таки показался вамъ по-страшнѣе меня?

— Да, можетъ-быть, поводомъ былъ голодъ, а можетъ-быть и мысли, которыя голодъ порождаетъ. Два дня у меня куска во рту не было. Я стоялъ на мосту, откуда съ одной стороны видѣлъ дворецъ епископа, съ другой соборъ, гдѣ схоронены знаменитые люди, о которыхъ я читалъ въ исторіи. Вечеръ былъ холодный, морозный; въ темной водѣ рѣки, мерцаая, отражались звѣзды и огни освѣщенныхъ набережныхъ. Уставъ до изнеможенія, я прислонился къ периламъ. Подлѣ меня какой-то калѣка протягивалъ къ проходящимъ грязную и тощую руку. Я позавидовалъ ему: у него было свое ремесло; онъ привыкъ къ нему, быть-можетъ, былъ къ нему воспитанъ и приученъ съ дѣтства; онъ не зналъ стыда. Вдругъ.... самъ не знаю, какъ это случилось.... я обернулся, также протянулъ руку къ первому прохожему и самъ испугался рѣзкаго

тону своего голоса, когда вскричалъ: «Будьте милосерды!»

Гавтрей, подкинувъ полъно въ догаравшій огонь камна, весело окинулъ взглядомъ удобную комнату и потеръ руки. Филиппъ продолжалъ:—Мнѣ отвѣчали: «Не стыдно ли тебѣ, молодой человекъ! Меня забираетъ охота отдать тебя въ полицію!» Я поднялъ глаза и увидѣлъ ливрею, которую нѣкогда носили слуги моего отца. Я просилъ милостыни у лакея Роберта Бофора! Я ничего не сказалъ. Холопъ пошелъ своей дорогой, ступая на цыпочкахъ, чтобы не загрязнить сапоговъ. Тутъ мною овладѣли мысли такіа черныя, что, казалось, они тушили звѣзды на небѣ.... мысли, которыя я подавлялъ прежде, но за которыя ухватился теперь съ неистовою радостью.... Тутъ я вспомнилъ про васъ. Я сберегъ адресъ, который вы мнѣ дали и пошелъ прямо въ тотъ домъ. Вашъ пріятель, когда я назвалъ васъ, принялъ меня ласково, безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, накормилъ меня, почти насильно одѣлъ и далъ денегъ, доставилъ мнѣ паспортъ, вручилъ вашъ адресъ.... и вотъ я здѣсь. Гавтрей! я знаю свѣтъ только съ черной его стороны. Я не знаю, что долженъ думать о васъ.... но вы одни были ласковы до меня, и я обращаюсь теперь больше къ вашей ласкѣ нежели къ помощи.... вы были такъ добры.... принимали во мнѣ такое участіе.... однако жъ....

— Однако жъ вамъ хочется узнать меня по-короче. Право, душа моя, я теперь не могу дать вамъ удовлетворительнаго объясненія. Признаться откровенно, я и самъ думаю, что живу не совсѣмъ въ предѣлахъ законовъ. Но я не бездѣльникъ! Я никогда не грабилъ своего друга и не называлъ этого игрою!... Я никогда не убивалъ друга и не называлъ этого честью!... Я никогда не соблазнялъ жены моего друга и не называлъ этого любезностью или шалостью....

Помолчавъ, Гавтрей, продолжалъ весело:—Я ратую

со счастьемъ, вотъ и все! Я не мошенникъ, какъ вы, кажется, подозрѣваете, и вовсе не разбойникъ. Я только.... какъ я и прежде говорилъ вамъ.... я только шарлатанъ, какъ и всякой, кто старается добиться до знатности и богатства. И мнѣ ласка нужна столько же, сколько вамъ. Мой хлѣбъ и мой стаканъ—къ вашимъ услугамъ. Я постараюсь предохранить васъ даже отъ той грязи, которая по временамъ прилипаетъ ко мнѣ. Съ другой стороны, мой другъ, молодость не имѣетъ права ценсоровать. Вы должны смотрѣть на меня, такъ, какъ должно смотрѣть на свѣтъ вообще, —не слишкомъ разборчиво, не слишкомъ брезгливо. Вышнее мое занятіе приноситъ мнѣ порядочный доходъ: я начинаю копить. Истинное мое имя, какъ и прежняя жизнь, вовсе неизвѣстны, и здѣсь никто не подозрѣваетъ меня ни въ чемъ дурномъ. Впрочемъ, признайтесь, что моя маска хороша! Не правда ли, но этотъ лысый лобъ придаетъ мнѣ отъѣнное выраженіе добросердечія.... а? Конечно, продолжалъ Гавриилъ нѣсколько серьезнѣе: если бъ я видѣлъ, что вы можете выйти въ люди лучшею дорогою, нежели та, по которой я теперь, я сказалъ бы вамъ, что можетъ быть старый кутила молодому человѣку, что можетъ по-крайней-мѣрѣ долженъ бы сказать бывалый отецъ неопытному сыну, то есть, коли я не святой, то это еще не причина тебѣ быть грѣховодникомъ. Однимъ словомъ, если бъ у васъ было въ виду порядочное средство къ существованію, вы могли бы имѣть средство по-лучше меня. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ я,—даю честное слово,—право, не вижу у васъ ничего лучшаго. Ну, что вы теперь скажете? Отчетливо и ясно, жизнь моя—жизнь большого школьника, который за удалыя потѣхи попадаетъ въ тиски и старается выпутаться изъ нихъ, какъ умѣетъ. Хотѣю попытать счастья со мной, очень радъ, а нѣтъ, такъ я милости вашей.

Гавтрей говорилъ съ такою откровенностью, и такъ кимъ простодушiемъ, что гость его видимо успокоился. Филиппъ съ довѣрiемъ и благодарностью подавъ Гавтрею руку; тотъ крѣпко пожалъ ее, потомъ не говоря ни слова, отвелъ молодого человѣка въ небольшую комнату и сняту съ диваномъ, и они разстались на ночь.

Новая жизнь въ которую вступилъ Филиппъ Мортонъ, была такъ странна, такъ необыкновенна и замѣтельна, что по молодости своей, естественно ясно видѣлъ, чѣмъ она опасна. Вилліамъ Гавтрей принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, кажется на то рождены, чтобы господствовать надъ другими и всѣхъ очаровывать всюду, куда ни заброситъ ихъ судьба. Его необыкновенная сила и несокрушимое здоровье сами по себѣ внушали почтеніе. Онъ отъ природы обладалъ веселымъ нравомъ, изъ-подъ котораго однако жъ по временамъ проглядывали насмѣшка и дѣловитость. Очевидно было, что онъ получилъ хорошее воспитаніе, потому что, въ случаѣ нужды, умѣлъ притвориться своему обращенію все изящество человѣка, которое знакомаго съ высшимъ обществомъ. Филиппъ въ первой минутѣ когда познакомился съ нимъ на имперіалѣ омнибуса, почувствовалъ къ нему влеченіе. Его разговоръ, который онъ потомъ подслушалъ на кладбищѣ, услуга, которую Гавтрей оказалъ ему, спасая его отъ преслѣдованій полиціи; время, которое они провели вмѣстѣ, до разлуки на постояломъ дворѣ; его проницательная доброта, услужливость и гостепрiимство, все это воспламенило воображеніе молодого человека и привязало къ тому, который уже имѣлъ столько благодарности на его благодарности. Однимъ словомъ, Мортонъ былъ очарованъ: Гавтрей былъ единственный другъ, котораго онъ нашелъ досель. Еще во время прежнихъ свиданій, которыхъ мы не сочли нужнымъ описывать, Филиппъ и Гавтрей, лица изумляли, почти ужасали, мрачныя думы, которыми глѣдывавшіа иногда сквозь шутки Гавтрея. Эта же

ность зависѣла не отъ характера, но была слѣдствіемъ извѣданной жизни. Его взглядъ на вещи и людей, какъ обыкновенно у тѣхъ, кто имѣетъ основаніе спориться со свѣтомъ,—былъ печальный, отчаянный, а собственный опытъ Мортонъ былъ таковъ, что эти мнѣнія производили на него впечатлѣніе несравненно болѣе сильное, нежели произведи бы на счастливца. Однако жъ, при послѣдней встрѣчѣ Гавтрей вообще былъ гораздо веселѣе и Мортонъ подъ его гостеприимною кровлей скоро опять воротилъ часть своей природной живости. Гавтрей былъ пріятный собесѣдникъ; общество у него было хотя не избранное, однако жъ веселое. Мы уже упомянули о ремеслѣ Гавтрея. Исчерпавши источники доходовъ въ Англии, онъ отправился въ Парижъ добывать хлѣбъ остроуміемъ. Тамъ, подъ фирмою «Мистеръ Ло, Англичанинъ, и К^о», онъ завелъ «брачную контору» или справочное мѣсто для зажиточныхъ жениховъ и невестъ, и велъ «дѣла» довольно искусно. Чтобы желающимъ носить брачныя узы облегчить достиженіе вожделѣнной цѣли, мистеръ Ло устроилъ у себя родъ клуба и давалъ вечера, обѣды,—разумѣется, за деньги,—и женихи и невесты чаще были ему очень благодарны, если не за женъ и мужей, такъ по-крайней-мѣрѣ за вечера и обѣды. Однимъ словомъ, у мистера Ло было очень весело. Въ свободные дни Гавтрей любилъ посѣщать кофейни и театры, и бралъ съ собою Мортонъ. Освѣженный этою перемѣною образа жизни, Филиппъ даже по наружности оправился и приобрѣлъ прежнюю силу и цвѣтъ, какъ растеніе, перенесенное изъ душливой атмосферы и съ дурной почвы въ хорошую теплицу. Если въ наружности его и оставалось еще нѣсколько суровости, то она была уже по-крайней-мѣрѣ не дикая, она даже шла къ характеру его смуглаго, выразительнаго лица. Онъ можетъ-быть не совсѣмъ еще утратилъ свою тигровую раздражительность и цѣдкость, зато и въ мягкомъ ко-

лорить и въ мускулистой стройности членовъ его начинала появляться красота и гибкость тигра.

Однажды, вечеромъ, Гавтрей сидѣлъ въ комнатѣ у Мортонна и, по обыкновенію, толковалъ о жизни и людяхъ съ тою странною смѣсью веселости и чувства, плутовства и здравыхъ сужденій, въ которой заключалась опасная прелесть его бесѣды.

— Гавтрей! сказалъ наконецъ Филиппъ, взявъ его за руку: въ васъ такъ много изумительнаго для меня, такъ много, по-моему, вовсе не сообразнаго съ нынѣшними вашими занятіями и образомъ жизни, что я очень желалъ бы узнать что-нибудь о вашей прежней жизни,—если только эта просьба не покажется вамъ нескромною. Мнѣ пріятно было бы сравнить вашу жизнь съ моею. Когда доживу до вашихъ лѣтъ, я оглянусь и посмотрю, чѣмъ обязанъ вашему примѣру.

— Вамъ хочется знать мою прежнюю жизнь? Пожалуй, я расскажу, и это, дѣйствительно, можетъ принести вамъ пользу: можетъ-быть, заставитъ васъ предостерегаться двухъ опасныхъ для молодости сътей,—любви и дружбы.

Потомъ, приготовивъ себѣ стаканъ пуншу, по-кричѣ обыкновеннаго, Гавтрей началъ рассказывать «Исторію негодая».

— Мой дѣдъ торговалъ тростями и зонтиками, въ маленькомъ переулкѣ подлѣ биржи. Онъ былъ человекъ геніальный, то есть, спекулянтъ большой руки. Накопивши небольшую сумму, онъ отдалъ ихъ взаимы за двадцать процентовъ, какому-то бѣдняку, которому деньги были нужны до-зарѣзу, и такими операціями, мало-по-малу составилъ себѣ капиталаецъ въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Тутъ онъ приникалъ себѣ невѣсту. Эта невѣста, дочь купца, у котораго на набережной была лавка съ ситцами и выбойками, должна была получить три тысячи двѣсти двадцать фунтовъ въ наследство отъ тѣтки. Дѣдушка,—ему было тогда

лтъ сорокъ, — влюбился въ нея по-уши и подружился съ ея отцемъ, сообщалъ ему тайны самыхъ выгодныхъ оборотовъ, потомъ далъ займы на неопредѣленный срокъ, семь сотъ фунтовъ, почти даромъ, — за половину того, что бралъ съ другихъ, — и потребовалъ уплаты въ такую пору, когда бумажныя ткани вовсе не продавались. Лавочникъ, вмѣсто денегъ, отдалъ пріятелю дочь, и такимъ образомъ дѣдушка получилъ двѣ тысячи пятьсотъ двадцать фунтовъ барыша, не считая жены. Ни капиталъ, ни жена не были безплодны: капиталъ быстро возрасталъ, жена родила двухъ сыновей. Подъ старость дѣдушкой овладѣлъ бѣсъ честолюбія: онъ захотѣлъ изъ своихъ ребятъ сдѣлать джентльменовъ и отправилъ одного въ коллегію, а другаго отдалъ въ военную службу за границу. Обоемъ имъ по смерти своей онъ оставилъ по десяти тысячъ фунтовъ. Мой отецъ былъ ученый, человекъ весьма строгихъ правилъ, пользовался хорошею репутаціей и чрезвычайно дорожилъ мнѣніемъ свѣта. Онъ женился рано и прилично. Я — единственный плодъ этого брака. Когда мнѣ было лтъ четырнадцать, въ нашемъ домѣ, не знаю какъ, явился щедушный старичишка, Французикъ, который въ своемъ отечествѣ подвергся гоненію какъ философъ. Онъ напичкалъ мнѣ голову разными странными бреднями, которыя болѣе или менѣе прочно утвердились въ ней. На осьмнадцатомъ году меня послали въ кембриджскую коллегію. Отецъ могъ бы опредѣлить меня туда пансіонеромъ, но не захотѣлъ, поспешилъ, и сдѣлалъ меня фамулусомъ. Тутъ я впервые на опытъ узналъ неравенство состояній, о которомъ натолковалъ мнѣ Французикъ. Фамулусъ!... почти то же, что собака. Но я былъ молодъ, здоровъ, силенъ и веселъ; въ мнѣнці у меня было больше жизни, чѣмъ у большей части пенсіонеровъ во всемъ тѣлѣ: этихъ худенькихъ, жиденькихъ молодчиковъ можно было почесть за коллекцію тросточекъ моего дѣдушки. Молодые люди

вообще, какъ и дикари, — высоко цѣнить физическія пре-
восходства. Геройскіе подвиги моей силы и ловкости —
побѣды въ кулачныхъ бояхъ, прыжки черезъ заборы,
гоньба на лодкахъ, — значатся въ лѣтописяхъ сенъ-
джонской кембриджской коллегіи. Эти преимущества
давали мнѣ значительный вѣсъ, и я не могъ не прези-
рать сухопарыхъ богачей, изъ которыхъ любого могъ
бы сбить съ ногъ однимъ толчкомъ. При всемъ томъ
однако жъ, между мной и ими была непреодолимая пре-
града: фамулусъ любимцамъ счастія не товарищъ.
Только одинъ изъ нихъ, молодой человекъ знатнаго
роду, годомъ по-моложе меня, наследникъ огромнаго
имѣнія, обращался со мною не такъ надменно какъ
другіе. Быть-можетъ именно знатность эта дѣлала его
равнодушнымъ къ мелочнымъ условіямъ аристократи-
ческихъ приличій. Онъ былъ первый сорванецъ во
всемъ университетѣ, отчаянный сокрушитель фонарей,
оконницъ и мужицкихъ зубовъ, — словомъ, воплощен-
ный бѣсъ; не ученъ, но уменъ, смѣливъ; малъ ро-
стомъ и тонокъ, но мужественъ какъ левъ. Однород-
ныя склонности сдѣлали насъ друзьями; я любилъ его
какъ брата, больше, — я любилъ его какъ собака лю-
бить своего господина. Во всѣхъ нашихъ походахъ
я прикрывалъ его своею грудью. Ему стоило бы
только сказать: «Скачи въ воду!» и я готовъ былъ ска-
кнуть. Я любилъ его, какъ гордый человекъ любитъ
того, кто стоитъ между имъ и презрѣніемъ, какъ чело-
векъ съ чувствомъ любитъ того, кто стоитъ между
имъ и уединеніемъ. Но... чего долго толковать....
Этотъ молодой человекъ, однажды ночью, совершилъ
страшное преступленіе противъ дисциплины. Одинъ
изъ университетскихъ гудерцѣровъ, человекъ почтен-
ныхъ лѣтъ и таковой же репутаціи, брелъ домой изъ
гостей. Пріятель мой, и другой такой же удалецъ,
вдвоемъ, напали на бѣдняка, завязали ему глаза, свя-
зали руки, отвели обратно къ дому одной старой дѣвы

къ которой онъ питалъ дружбу, прицѣпили несчастнаго длинною его косою къ дверной щеколдѣ, и оставили тамъ. Можно себя представить, какую тревогу поднялъ онъ, стараясь освободиться. Всѣ сосѣди сбѣжались; явилась полиція; стала преслѣдовать виновныхъ, которые имѣли неосторожность остановиться по-близости, чтобы потѣшиться своею продѣлкой. Ночь была темная: они благополучно добрались до коллегіума, но ихъ преслѣдовали по пятамъ до самыхъ воротъ. Вслѣдствіе этой шутки меня выгнали изъ училища.

— Какъ! Да вѣдь вы не были съ нами?

— Нѣтъ. Но на меня пало подозрѣніе и меня обвинили. Я могъ бы оправдаться, измѣнивъ тайнѣ. Но отецъ моего друга былъ строгій, гордый вельможа, а другъ мой боялся его пуще смерти, — это былъ единственный человекъ, котораго онъ боялся. Коротко сказать, я почелъ себя счастливымъ, что могъ доказать ему мою дружбу. На прощаньи онъ съ жаромъ пожалъ мнѣ руку и обѣщалъ никогда не забывать моего великодушнаго самопожертвованія. Я, покрытый стыдомъ, отправился домой. Не стану описывать какъ встрѣтилъ меня отецъ. Я думаю, онъ съ той минуты пересталъ любить меня. Вскорѣ потомъ воротился изъ-за границы мой дядя, капитанъ Джоржъ Гавтрей. Онъ очень подлюбилъ меня; я оставилъ домъ отцовскій, въ которомъ не было мнѣ житья, и переселился къ нему. Джоржъ Гавтрей въ молодости былъ красивый мужчина и мотъ. Онъ спустилъ имѣніе и жилъ теперь своимъ умомъ, — картежною игрой. Его пріятное обращеніе и веселый нравъ очаровали меня. Онъ хорошо зналъ свѣтъ и, какъ всѣ игроки, сорилъ деньгами, когда счастье улыбалось ему, а это, надобно признаться, было довольно постоянно у человека не слишкомъ разборчиваго на средства. Хотя его и подозрѣвали въ продѣлкахъ, однако жъ никогда не могли изобличить. Мы жили въ прекрасной квартирѣ, водили дружбу

съ людьми всѣхъ сословіи и наслаждались жизнью какъ—нельзя лучше. Я соскочилъ съ себя школьную ржавчину и полюбилъ мотовство. Не знаю, отчего, но въ новой моей жизни всѣ обращались со мною ласково.... правда, то были всё негодяи, а я обладалъ живымъ нравомъ, съ которымъ вездѣ найдешь хорошій пріемъ. Я былъ плуть, но плуть—весельчакъ, а этотъ нравъ вездѣ самый милый. Доселѣ я еще не былъ безчестнымъ, но я вокругъ себя безпрестанно видѣлъ безчестность и обманъ, и это наконецъ показалось мнѣ очень пріятнымъ и забавнымъ средствомъ добывать деньги. Тутъ я опять сошелся съ моимъ школьнымъ пріателемъ. Онъ былъ въ Лондонѣ такимъ же бѣшенымъ какъ и въ Кембриджѣ, съ тою разницею, что изъ повѣсы сталъ подлецомъ, хотя ему было не болѣе двадцати лѣтъ.

Гавтрей остановился и мрачно насушилъ брови.

— Этотъ молодой человекъ обладалъ большими природными способностями,—быстрымъ соображеніемъ, смѣтливостью и ловкостью. Онъ скоро подружился съ моимъ дядей и выучился у него владѣть костью и картами. За уроки онъ заплатилъ тысячу фунтовъ.

— Какъ! онъ взялся за ремесло картежника? Вы говорили, что онъ богатъ?

— Отецъ его былъ очень богатъ и давалъ ему ежегодно большую сумму, но онъ страшно моталъ. Притомъ, богачи столько же любятъ прибыль какъ и бѣдняки. Извиненіемъ можетъ ему служить только то, что извиняетъ всѣ пороки вообще,—себялюбіе. Молодой знатный богачъ вошелъ въ моду и умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ: онъ обиралъ баричей, которые искали его знакомства. Я неразъ видывалъ обманы моего дяди, но никогда не слѣдовалъ его примѣру. Но когда увидѣлъ, что молодой человекъ лучшаго тону, богатый, знатный, дѣлаетъ то же самое и принимаетъ это въ шутку, а между-тѣмъ окруженъ поклонниками, лѣсте-

цами, и никто его не подозреваетъ, потому что въ его знакомствѣ и родствѣ заключалась половина перетва, — тогда искушеніе стало сильно; однако жъ я еще крѣпился. Между-тѣмъ отецъ мой всегда говаривалъ, что я рожденъ быть негодяемъ и не уйду отъ своего назначенія. А тутъ вдругъ подвернулась любовь.... Вы еще не знаете, что это такое... Тѣмъ лучше для васъ. Дѣвушка была хороша и я думалъ, что она любитъ меня. Оно, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ такъ было, но я, какъ говорила ея родня, былъ слишкомъ бѣденъ для женитьбы. Между-тѣмъ я однако жъ, ухаживалъ за нею. Моя любовь, мое желаніе сдѣлаться достойнымъ милой, лучше желѣзныхъ цѣпей удерживали меня отъ соблазнительнаго примѣру пріятеля. Но я былъ такъ глупъ, что говорилъ съ нимъ о Мери и даже ввелъ его въ домъ отца ея. Конецъ концовъ... онъ обольстилъ ее. (Гавтрей остановился, чтобъ перевести духъ.) Я узналъ... вызвалъ подлеца на дуэль... онъ съ надменною насмѣшкой отказался драться съ безроднымъ бѣднякомъ. Я сшибъ его съ ногъ оплеухой и тогда мы стрѣлялись. Я получилъ удовлетвореніе пулею въ бокъ, а онъ... продолжалъ Гавтрей съ злобнымъ хохотомъ.... онъ сталъ козѣнкою на всю жизнь. Оправившись, я узналъ, что врагъ мой, во время своей и моей болѣзни, окруженный толпою друзей и утѣшителей, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы погубить мое доброе имя. Онъ, обманщикъ, шулеръ, взвалилъ на меня свои собственные преступленія, и двусмысленное поведеніе моего дяди ручалось за истину его показаній. Когда я выздоровѣлъ, то нашелъ, что продѣлки дядюшки были всѣ открыты его высокороднымъ питомцемъ; онъ былъ изобличенъ какъ безчестный вгрокъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ обвиненъ и я. Мое имя, моя любовь, прошедшее и будущее погибла. Тутъ-то, Филиппъ, я вступилъ на попривше, по которому иду съ-тѣхъ-поръ въ качествѣ предводителя удальцовъ и негодяевъ, подъ тысячами

различныхъ именъ и масокъ; тутъ-то я началъ промышлять. Общество отвергло, изгнало меня, когда я былъ невиненъ.... Но, клянусь Богомъ! я съ-тѣхъ-поръ порядкомъ выместилъ свою обиду на этомъ обществѣ! Ха, ха, ха!

Этотъ хохотъ Гавтрея заключалъ въ себѣ нравственно заразительную отраву. Въ глухихъ звукахъ его отзывался родъ торжества. Это былъ не дикій, судорожный хохотъ отчаянія, но какая-то адская веселость.

— Но вашъ отецъ...

— Отецъ!... перебилъ Гавтрей: однажды, искренно раскаявшись, я просилъ у него небольшой суммы, которая бы дала мнѣ возможность приняться за какое-нибудь скромное ремесло, чтобы честнымъ образомъ прокормиться... Онъ отказалъ. Мое раскаяніе не помогло, и я ожесточился. Мнѣ данъ былъ поводъ продолжать начатую жизнь, а совѣсть всегда хватается за извиняющій поводъ, какъ утопающій за соломинку. Мнѣ жестокой отецъ отказалъ, а между-тѣмъ онъ же, — осторожный, расчетливый, строго нравственный человекъ, — вскорѣ потомъ поддался на продѣлку мошенника, совершенно ему чуждаго, и пустился въ спекуляцію, которая обещала ему пятьдесятъ процентовъ барыша. Онъ пустилъ въ жидовскій оборотъ столько, что достало бы на спасеніе сотни мнѣ подобныхъ отъ погибели, и потерялъ все, — почти все свое имѣніе. Но онъ еще живъ и наслаждается своего роду радостями. Онъ уже не можетъ промышлять, но можетъ еще копить. Онъ не заботился о томъ, что я могъ умереть съ голоду, потому что самъ находитъ счастье въ голодѣ, ради денегъ.

— А вашъ пріятель и та бѣдная дѣвушка, что стало съ ними? спросилъ Филиппъ, когда Гавтрей умолкъ.

— Мой пріятель сталъ знатнымъ бариномъ; онъ получилъ въ наслѣдство отцовское перство и огромные доходы. Онъ живъ и теперь. А бѣдная дѣвушка!...

Гмъ! пожалуй, и объ ней расскажу. Много всякаго рассказываютъ о жертвахъ оболъщенія, умирающихъ въ рабочихъ домахъ и помойныхъ ямахъ, въ раскаяніи, съ сокрушеннымъ сердцемъ, до крайности оборванныхъ и сентиментальныхъ.... Можетъ-быть, часто случается. Но это еще не велика бѣда. Гораздо хуже, по-мѣду, когда эта прекрасная, невинная, легковѣрная жертва обмана, въ свою очередь, тоже становится обманщицей; когда она съ дыханіемъ, которое впила, вопьетъ и заразу порока; когда она созрѣетъ и сгниетъ въ разсуданномъ и разчесанномъ промыслѣ; когда она, въ свою очередь, губитъ неопытную молодость лукавыми улыбками и длинными счетами, и когда... что въ десять разъ хуже!.. когда у нея есть дѣти, дочери, которыя воспитываются для такихъ же гнусностей! Вотъ, чѣмъ стала Мери. Лучше бы ей умереть въ госпиталь! Любownikъ осквернилъ ея сердце своимъ заразительнымъ дыханіемъ. Онъ нашелъ ей другаго любовника, когда она надоблаемусамому. Когда ей минуло тридцать шесть лѣтъ, я встрѣтилъ ее въ Парижѣ, съ шестнадцати-лѣтнею дочерью. У меня тогда была куча денегъ, я посѣщаль гостинныя и игралъ роль знатнаго джентльмена. Она сначала не узнала меня и искала моего знакомства.... Да, было время, батюшка! я не совсѣмъ такая подлая собака, за какую можно принять меня теперь. Я живалъ очень порядочно. Въ Парижѣ... о, вы Парижа еще не знаете! Чудо, какое тутъ броженіе въ обществѣ: такъ вотъ и ходить, и за-частую дрожжи поднимаются на самый верхъ. Парижъ—лучшая атмосфера для искателей приключеній и шарлатановъ. Новыя лица, новые люди здѣсь такъ обыкновенны, что не возбуждаютъ докучнаго любопытства; притомъ, здѣсь каждый день можно видѣть, какъ огромныя состоянія наживаются въ сутки и проживаются въ мѣсяцъ. У меня тогда были деньги, доброе здоровье и веселый нравъ; я былъ хорошо принятъ въ тѣхъ обществахъ, какія есть

во всѣхъ большихъ городахъ, а особенно во Франціи, и гдѣ удовольствіе служить цементомъ, связывающимъ самыя разнородныя вещества. Тутъ встрѣтилъ я Мери и ея дочь,—отъ моего пріятеля,—дочь была еще невинна, но, чортъ побери! въ какой заразной атмосферѣ! Мери и я, мы знали тайны другъ друга и хранили ихъ. Она считала меня болѣе подлымъ негодяемъ нежели я былъ въ самомъ дѣлѣ и открыла мнѣ свое намѣреніе продать дочь одному богатому Англичанину. Съ другой стороны, бѣдная дѣвушка призналась мнѣ въ своемъ отвращеніи отъ спенъ, которыхъ она была свидѣтельницею, и отъ свѣтей, которыми ее окружали. Что, вы думаете, предохранило ее отъ опасности?—Ручаюсь, не отгадаете. Во-первыхъ, если дурной примѣръ часто соблазняетъ, то онъ же часто и пугаетъ, а во-вторыхъ, она любила. Дѣвушка, которая любить мужчину чистымъ сердцемъ, обладаетъ талисманомъ, несокрушимымъ ни какими обольщеніями развратниковъ. Она любила молодаго Итальянца, художника, который довольно часто бывалъ у нихъ въ домъ. Итакъ мнѣ пришлось выбирать, или мать или дочь. Я вступился за послѣднюю.

Филиппъ схватилъ руку Гавтрея и съ жаромъ пожалъ ее. Негодяй продолжалъ.

— Я любилъ эту дѣвушку пламеннѣе чѣмъ когда-либо любилъ ея мать, хотя совсѣмъ въ иномъ родѣ. Она была тѣмъ, что я нѣкогда находилъ въ матери, да только еще прекраснѣе, еще милѣе, съ сердцемъ столь же полнымъ любви, сколько сердце матери было полно тщеславія. Я полюбилъ ее какъ свою дочь, увезъ отъ матери, скрылъ, потомъ отдалъ замужъ за того, кого она любила; я устроилъ ихъ свадьбу, и послѣ того не видалъ молодыхъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Отчего же?

— Оттого, что я провелъ ихъ въ тюрьмѣ. Молодые люди не могли жить воздухомъ, я отдалъ имъ все, что

у меня было, и, чтобы сдѣлать еще больше, я сдѣлалъ шутку, которая не понравилась полиціи. Меня схватили. Но у меня много пріятелей. Помощію множества не слишкомъ совѣстливыхъ свидѣтелей, я отбѣлался. Вышедши на волю, я не рѣшался посѣщать своихъ любушцевъ, потому что былъ оборванъ, и ни за что въ міръ не хотѣлъ навѣсти на нихъ какую-нибудь тѣнь, а замной еще присматривали жрецы Ѡемиды. Я отправился въ Лондонъ, чтобы немножко провѣтрить свою репутацию. Когда я воротился, бѣдный Италіанецъ былъ уже въ могилѣ, — отъ усиленныхъ занятій онъ схватилъ чахотку, — а Фанни — вдова съ однимъ ребенкомъ на рукахъ, съ другимъ на походѣ. Мать то же время отыскала ее и ухаживала за нею со своими саваннинскими ласками. Но Богъ умилосердился и отнялъ ее у насъ обоихъ. Родивъ дочь, она умерла и послѣдніе слова ея были обращены ко мнѣ: меня, шарлатана, сегодня, умирающая умоляла защитить ея ребенка отъ когтей собственной ея матери! Я дѣлалъ, что могъ, для обоихъ дѣтей, но мальчикъ исчахъ такъ же какъ отецъ, а дѣвочка здѣсь; я покажу вамъ ее. Бѣдная Фанни!... Если дьяволъ допустить, я для нея еще могу когда-нибудь перемѣню образъ жизни, но для нея же мнѣ нужно зерна на мельницу. Конецъ исторіи. Я не смѣю рассказывать вамъ обо всѣхъ моихъ приключеніяхъ, обо всѣхъ роляхъ, какія игралъ въ жизни. Я никогда не бывалъ убійцей, разбойникомъ, грабителемъ или тѣмъ, что законъ называетъ воромъ. Я могу только сказать, какъ и прежде говорилъ, что живу своимъ остроуміемъ, которое приноситъ мнѣ довольно выгодную прибыль. Я былъ актеромъ, ростовщикомъ, докторомъ, профессоромъ животнаго магнетизма... Магнетизмъ приносилъ чудесный доходъ, пока онъ былъ въ модѣ. А вѣсь, опять войдетъ. Я былъ стряпчанинъ, повѣреннымъ въ дѣлахъ; я торговалъ рѣдкостями и фарфоромъ, содержалъ трактиръ, начиналъ изда-

вать газету, видѣлъ почти весь города Европы и познакомился со многими тюрьмами. Но человекъ, у котораго довольно мозгу, всегда падаетъ на ноги, какъ кошка.

— А вашъ отецъ? спросилъ Филиппъ, и потомъ рассказалъ Гавтрею о сценѣ свиданія, которой былъ свидѣтелемъ кладбищъ.

— Ну, сказалъ Гавтрей, слегка покраснѣвъ: такъ я вамъ скажу, что, хотя я приписываю жестокосердію и скупости отца большую часть моихъ заблужденій, однако жъ всегда чувствовалъ къ нему родъ любви. Во время пребыванія въ Лондонѣ я случайно узналъ, что онъ начинаетъ слѣпнуть и живетъ съ хитрою старою бабой, домоправительницей, которая легко можетъ отправить его на покой въ ту же ночь, когда выманитъ у него завѣщаніе въ свою пользу. Я отыскалъ его... но... вѣдь вы говорите, что слышали, что между нами происходило.

— Да; и я слышалъ такъ же, какъ онъ кликалъ васъ, умолялъ воротиться, когда уже было поздно. Я видѣлъ слезы на его щекахъ.

— Видѣли?... поклянетесь ли вы въ этомъ? съ жаромъ вскричалъ Гавтрей; потомъ, приложивъ руку ко лбу, задумался.

— Если со мной случится что-нибудь человѣческое, Филиппъ, сказалъ онъ потомъ, можетъ-быть, старикъ и будетъ отцомъ моей Фанни; можетъ-быть, онъ полюбитъ ее и она вознаградитъ ему горе, которое я причинилъ.... Кстати, я дамъ вамъ его адресъ.... не забудьте его.... Вотъ онъ. Ну, теперь пора спать.

На другой день послѣ этого разговору, мистеръ Барни, компаньонъ мистера Ло или Гавтрея, ввелъ въ контору богато одѣтую даму. Филиппъ сидѣлъ у окна и читалъ «Кандида». Дама смутилась, увидѣвъ, что ми-

стеръ Ло не одинъ. Она отступила, еще плотнѣе прикрыла лицо воалью и сказала по-французски:

— Извините; я желаю поговорить съ мосьё Ло наединѣ.

Филиппъ всталъ, чтобы выйти. Дама, взглянувъ въ него глазами, которые блистали и сквозь двойную воаль, прибавила:

— Но, можетъ-быть, этотъ молодой человекъ не похваляетъ, если онъ скромнѣе.

— Это олицетворенная скромность... мой приемышъ... вы можете довѣрить ему, что угодно... клянусь честью.

— Онъ очень молодъ! сказала дама съ тономъ невольнаго состраданія, разстегивая воротникъ салопя.

— Тѣмъ лучше ему понятны бѣдствія безбрачной жизни, возразилъ Ло съ улыбкой.

Дама откинула воаль и обнаружила прекрасное лицо и улыбающійся прелестный ротикъ.

— Вамъ, сказала она обращаясь къ Мортону, кажется, болѣе свойственно быть посетителемъ этого храма, нежели его жрецомъ. Но, мистеръ Ло, объяснися, чтобы не было недоразумѣній: я пришла сюда не съ тѣмъ, чтобы заключить союзъ, но съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать затѣянному. Я слышала, что виконтъ де-Водемонъ находился въ числѣ вашихъ кліентовъ. Я принадлежу къ семейству виконта. Для всѣхъ насъ очень важно, и необходимо предупредить, чтобы онъ не вступилъ въ такой странный и, извините рѣзкое выраженіе, неприличный бракъ, каковъ всегда долженъ быть союзъ, заключенный черезъ посредство публичной конторы.

— Увѣрю васъ, возразилъ мистеръ Ло съ достоинствомъ: мы употребили всѣ средства....

— Боже мой! перебила дама съ нетерпѣніемъ: избавьте меня отъ похвалъ вашему заведенію. Я не сомнѣваюсь, что оно очень почтенно и чрезвычайно полезно лавочникамъ и гризеткамъ. Но виконтъ—хорошей фа-

идиці, имѣть связи.... Однимъ словомъ, его предпріятіе сумасбродно. Не знаю, какой награды ждетъ мистеръ Ло, но, если онъ успѣетъ отвѣчь виконта и расторгнуть начатое дѣло, эта награда, какова бы она ни была, будетъ удвоена. Вы меня понимаете?

— Какъ-нельзя лучше. Впрочемъ, будьте увѣрены, меня склоняетъ не это предложеніе, а единственно желаніе услужить такой прекрасной дамѣ.

— Такъ рѣшено? сказала дама равнодушно и опять взглянула на Филиппа съ любопытствомъ знатока, неожиданно нашедшаго дорогую картину въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ея нельзя было подозрѣвать.

— Если вамъ угодно захватить дня черезъ два, я пришлю вамъ свой планъ, сказалъ мистеръ Ло.

— Хорошо, я заведу.

Она вышла, слегка кивнувъ головой, не хозяину, а его названному сыну. Филиппъ почувствовалъ странное, непонятное движеніе въ сердцѣ и слегка покраснѣлъ.

— Ха, ха, ха! это не первый разъ, что родственники жениховъ и невѣсть платятъ мнѣ деньги за то, что бы я разорвалъ узы, которыя самъ же связалъ! вскричалъ Гавтрей: клянусь честью! кто могъ бы заставить контору для расторженія браковъ, тотъ въ одинъ годъ сталъ бы Крезомъ. Ну, ладно; это кстати: а безъ того не могъ рѣшиться, за кого выдать мадамъ зель де-Курвиль, за виконта или за лавочника Гупиля. Теперь это покончу. А васъ, мистеръ Мортонъ, кажется, можно поздравить съ успѣхомъ?

— Что за вздоръ! сказалъ Филиппъ вспыхнувъ.

Нѣсколько дней спустя, Гавтрей собрался идти съ двора и пригласилъ съ собою Филиппа.

— Вы желали видѣть мою Фанни, сказалъ онъ: пойдете теперь. Сегодня ея рожденіе; ей шесть лѣтъ. Отнесемъ ей игрушки, которыя я приготовилъ еще вчера

а потомъ, вечеромъ отправимся на свадьбу мосѣ Гупи-
ля и надмоазель Адели де-Курвиль.

Они пошли.

— Бѣдная Фанни! дорогою сказалъ со вздохомъ Гав-
трей: она премиленькая дѣвочка, но.... я боюсь, у нея,
кажется здѣсь не совсѣмъ ладно.

Гавтрей приложилъ палець ко лбу.

— Отчего?

— Да она какъ-будто немножко разстроена; подъ-часъ
она говоритъ такія умныя рѣчи, что и большому не
удастся сказать, а въ иное время опять какъ-будто со-
всѣмъ оглупѣеть, или совсѣмъ молчить, или говорить
такія странности, что ничего не разберешь. Особенно
она какъ-будто помѣшана на томъ, что если кто ухо-
дитъ отъ нея, тотъ умираетъ, а воротится, такъ это
она называетъ всталъ изъ гроба. Впрочемъ, можетъ-
быть она еще поправится. Меня больше всего беспоко-
итъ ея будущая участь вообще: боюсь, чтобы съ нею
не случилось того, что угрожало ея матери.

— Какъ, развѣ ея родственница старается овладѣть
ею?

— Родственница? Нѣтъ, та умерла два года тому на-
задъ.... Бѣдная Мери!.... я.... Ну, да это глупость.
Фанни теперь въ монастырь. Всѣ до нея очень ласко-
вы, но зато я и плачѣю хорошо. А что будетъ, когда
меня не станетъ и плата прекратится? Что съ нею бу-
детъ тогда.... если мой отецъ....

— Но вѣдь теперь вы составляете себѣ состояніе?

— Да, хорошо, если все такъ пойдетъ какъ теперь.
Но я нахожусь въ постоянной тревогѣ: полиція въ этомъ
проклятомъ городѣ пронырливѣе чорта.

— Но, скажите, зачѣмъ же вы не возьмете свою вос-
питанницу къ себѣ въ домъ, когда вы ее такъ любите?
Она была бы вамъ утѣхою и радостью.

— Мѣсто ли здѣсь ребенку, дѣвочкѣ? воскликнулъ
Гавтрей, нетерпѣливо топнувъ: я съ ума сошелъ бы,

если бъ воровскіе глаза этого подлеца, этой выжигни въ мерзостей, остановились хоть на секунду на моей Фанни!

— Вы говорите о Бирни? Но зачѣмъ же вы терпите его у себя?

— Проживете съ мое, такъ узнаете, зачѣмъ мы терпимъ тѣхъ, кого боимся, зачѣмъ стараемся подружиться съ тѣмъ, кто иначе былъ бы смертельнымъ нашимъ врагомъ. Нѣтъ, нѣтъ!... ничто не освободитъ меня отъ этого мерзавца, кромѣ смерти!... Но.... я не могу убить человѣка, который вѣсть мой хлѣбъ.... Да, мой другъ, есть узы по-крѣпче любви, такія, которыя сковываютъ людей между собою какъ каторжниковъ на галерахъ. Тотъ, кто можетъ довести тебя до вислицы: надѣваетъ тебѣ веревку на шею и водить за собой какъ собаку.

Дрожь проняла молодаго слушателя: онъ ужаснулся мрачныхъ тайнъ, которыя могли привязать твердую волю и рѣшительный характеръ Вилліама Гавтрея къ человѣку, котораго онъ ненавидѣлъ и презиралъ.

— Но, прочь думы и заботы! вдругъ вскричалъ Гаврей: притомъ, если разсудить, Бирни малой полезный и такъ же малосмѣетъ пикнуть противъ меня, какъ и я противъ него. Но прошу васъ объ одномъ: никогда не упоминайте при немъ, о моей Фанни. Мои тайны съ нимъ не такого рода. Онъ, конечно, не можетъ сдѣлать ей вреда... по-крайней-мѣрѣ я не предвижу... но нельзя быть спокойнымъ насчетъ своего ягненка, если хоть разъ подвелъ его къ мяснику.

Тутъ они подошли къ монастырю. Описывать этого свиданія мы не станемъ, хотя оно было довольно трогательно. Вечеромъ герои наши отправились на свадьбу, которую мосѣ Гупиль, довольно богатый лавочникъ, человѣкъ много уважаемый въ своемъ околдкѣ, справлялъ съ надлежащимъ великолѣпіемъ въ рестораціи. Описаніе этой свадьбы также считаемъ лишнимъ.

Мимоходомъ замѣтимъ только, чѣмъ она кончилась. Въ самый развалъ бала, въ танцевальную залу вдругъ входитъ полицейскій чиновникъ мосьё Фаваръ, съ какимъ-то господиномъ не слишкомъ пріятной наружности, который при всей честной компаніи, во всеуслышаніе, объявилъ, что има ему Жакъ Комартенъ, а рещею лакейское, и что онъ пришелъ за своею женой, мадамъ Розаліей Комартенъ, которая жила съ нимъ въ одномъ домѣ, въ горничныхъ, и, вышедши за него, Комартена, замужъ, вела себя не очень пристойно, заслуживала и сполна получала побои, которыя онъ, мужъ, имѣя чувствительное сердце, могъ отпустить не иначе какъ подъ пьяную руку; несмотря на это однако жъ она, мадамъ Комартенъ, однажды ночью воспользовалась безчувственнымъ состояніемъ супруга, обобрала его, захватила всѣ деньги, три тысячи франковъ, которые онъ приобрѣлъ честными трудами около господъ, и тайно ушла изъ Гавра въ Парижъ, гдѣ изволила назваться дѣвицею, дворянкою, баронессою Аделью де-Курвиль, подъ каковымъ титуломъ намѣревается выйти за мосьё Гупиля при жизни перваго законнаго мужа, чему и надлежитъ воспрепятствовать. Можно себя представить, какой эффектъ произвела эта новость. Къ чести мистера Ло надобно сказать, что онъ ничего этого не зналъ. Онъ только въ видѣ вознагражденія за хлопоты, взялъ съ мадмоазель де-Курвиль пятьсотъ франковъ впередъ, да столько же съ мосьё Гупиля въ день свадьбы, следовательно, онъ былъ чистъ. Несмотря на свою честоту, онъ однако же рѣшился выхвать изъ Парижа, потому что эта исторія могла надѣлать много шума и потому, что мосьё Фаваръ, полицейскій чиновникъ, какъ-то странно посмотрѣлъ на него и далъ замѣтить, что знаетъ молодца. Содержатели брачной конторы въ ту же ночь исчезли. Нѣсколько времени спустя, мы встрѣчаемъ ихъ въ Туръ, на берегахъ Лоары. Мортонъ слыветъ за бога-

таго наследника, Гавтрей за его воспитателя, аббата, и играетъ свою роль превосходно, — шпигуетъ свои рѣчи латинскими цитатами, носитъ широкополую шляпу, короткіе штаны, и играетъ въ вистъ какъ педантъ-викарій. Этимъ искусствомъ онъ сначала приобрѣталъ столько, что вся компанія могла жить довольно порядочно. Но наконецъ его необыкновенное счастье возбудило подозрѣніе, и надобно было убираться подалѣе. Повхали въ Миланъ, но и тамъ не повезло: въ аристократическомъ кругу трудно было удержаться, а мѣщанскій былъ очень скученъ и расчетливъ. Наконецъ непріятная встрѣча съ однимъ старымъ знакомцемъ принудила Гавтрея уѣхать и оттуда.

Однажды утромъ три пѣшехода, въ сильно поношенныхъ, истертыхъ платьяхъ, вошли въ Парижъ Сенъ-Денискими воротами. Двое шли рядомъ, третій на нѣсколько шаговъ впереди. Онъ, изподлобья поглядывая на всѣ стороны, не слышными, эластическими шагами крался какъ кошка. Слѣдовавшіе за нимъ, одинъ пожилой, дюжій мужчина, задумчивый, опираясь на трость шелъ молча и смотрѣлъ въ землю; другой, молодой, стройный, но печальный, съ выраженіемъ душевныхъ страданій на лицѣ, смотрѣлъ впередъ, но, казалось, ничего не видѣлъ.

— Филиппъ! сказалъ пожилой на поворотѣ первой улицы; мнѣ что-то кажется, будто я вхожу въ свою могилу.

— Ба! вы уже давно хандрите, Гавтрей.

— Да.... оттого, что я думалъ о блѣдой Фанни.... оттого, что этотъ Бирни приступаетъ ко мнѣ съ своими ужасными искушеніями.

— Бирни!... Я ненавижу этого человѣка. Неужто мы не избавимся отъ него?

— Нельзя; не могу. Тише, онъ услышитъ. Какое не-

счастіе... изъ одного въ другое такъ и падаешь. Теперь нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ!... Здѣсь помойшая яма, тамъ тюрьма!... Мы наконецъ въ его рукахъ!

— Въ его рукахъ? Что это значитъ?

— Э! послушай Бирни! вскричалъ Гавтрей, не обращая вниманія на вопросъ Филиппа: остановимся гдѣ-нибудь, позавтракать. Я чертовски усталъ.

— Ты забываешь, что у насъ нѣтъ денегъ.... пока не съдадимъ, холодно отвѣчалъ Бирни: пойдѣмъ къ слесарю; онъ намъ дастъ займы.

—

Можно замѣтить, что есть нѣкоторые года, когда въ цивилизованныхъ земляхъ бываютъ въ ходу по преимуществу известнаго рода преступленія, которыя потомъ смѣняются другими. На нихъ также бываетъ мода, какъ и на покрой платья. То въ модѣ грабежи съ зажигательствомъ, то отравленія, то самоубійства, то мальчишки колятъ другъ друга перочинными ножами. Почти каждому году свойственно какое-нибудь особенное преступленіе; это родъ однолѣтняго растенія, которое вдругъ разрастается и вдругъ исчезаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти эпидеміи имѣютъ близкое отношеніе къ книгопечатанію. Какой-нибудь газетѣ стѣтъ сообщить извѣстіе о необыкновенной модности, привлекательной новости, и въ-мигъ найдется множество испорченныхъ умовъ, которые вопьются въ него какъ пѣвки, станутъ носиться съ нимъ, передумывать, совершенствовать; идея растетъ, множится, становится чудовищною мѣноманіей и вдругъ одно гнусное зерно, посеянное свинцовыми литерами, даетъ зловредные плоды стерпцею. Если же, къ несчастію, случится, что обнаруженное преступленіе осталось ненаказаннымъ, то плодотворность его становится чудовищною.

Незадолго до того времени, которое мы описываемъ, въ Парижѣ былъ открытъ и осужденъ фальшивый мо-

нетчикъ. Едва этотъ случай сдѣлался известнымъ, едва преступникъ приобрѣлъ своего роду знаменитость, какъ уже и слѣдствія обнаружилась въ размноженіи фальшивыхъ монетъ, и промышленность эта вошла въ моду. Полиція также не дремала; она развѣдала, что съ особеннымъ успѣхомъ трудится одна шайка, которой произведенія дѣлались такъ искусно, что публика безсознательно иногда предпочитала ея монеты настоящимъ. Мосѣ Фаваръ, знаменитый сѣищикъ, самъ прежде бывшій фальшивымъ монетчикомъ, былъ въ главѣ слѣдственной комиссіи. Онъ былъ человекъ неутомимый, проникательный и обладалъ мужествомъ, которое болѣе обыкновенно нежели многіе вообще думаютъ. Очень заблуждаются тѣ, которые полагаютъ, что мужество значитъ мужество во всемъ. Заставьте героя моряка скакнуть на конь черезъ высокій барьеръ,—онъ поблѣднѣетъ; поставьте охотника, который одинъ ходитъ на медвѣдя, на горахъ передъ бездонною расщелиною, черезъ которую Альпіецъ скачетъ смѣясь,—и онъ струситъ пуше дѣвочки. Люди мужественны въ опасностяхъ, съ которыми они сроднились въ воображеніи или по навыку. Такъ и мосѣ Фаваръ, былъ отменно храбръ, гдѣ нужно было изобличить, озадачить вора или мошенника: онъ однимъ взглядомъ заставлялъ ихъ трепетать, а между-тѣмъ всему городу известно было, что того же мосѣ Фавара жена перѣкакосбрасывала съ лѣстницы и что онъ же, въ бытность свою въ военной службѣ, дезертировалъ наканунѣ перваго сраженія. Это-то и есть, какъ говорятъ моралисты, беспослѣдовательность человѣческаго характера.

Мосѣ Фаваръ поклялся, что откроетъ фальшивыхъ монетчиковъ, а онъ не зналъ неудачи. Однажды онъ пришелъ къ своему начальнику съ такимъ гордымъ и торжественнымъ видомъ, что тотъ сказалъ:

— Вы вѣрно нашли молодцовъ?

— Почти-что нашелъ: нынче ночью я буду у нихъ въ гостяхъ.

— Bravo! Сколько же человекъ вы возьмете съ собой?

— Отъ двѣнадцати до двадцати. Мнѣ нужно только обставить домъ карауломъ, а войду я одинъ. Только условіе. Одинъ изъ участниковъ преступленія хочетъ ввести меня въ честную компанію, но не смѣетъ открыто сыграть роль предателя: боится за свою голову. Я ему обѣщалъ совершенное прощеніе и двадцать тысячъ франковъ награды. Сегодня я ихъ навѣщу, поосмотрюсь, а завтра и заберу весь улей и съ медомъ.

— Фальшивые монетчики народъ отчаянный. Советую вамъ быть осторожнымъ.

— Помилуйте! я наизусть знаю всѣ ихъ обычаи.

Около того же времени, когда происходилъ этотъ разговоръ, въ другомъ концѣ города, въ небольшой комнатѣ пятого этажа сидѣли Мортонъ и Гавтрей. Нѣсколько недѣль уже прошло со времени ихъ послѣдняго прихода въ Парижъ. Гавтрей былъ хорошо, даже щеголевато одѣтъ и чистенько выбритъ; Мортонъ въ томъ же изношенномъ и мѣстами продранномъ платьѣ, въ которомъ совершилъ послѣднее путешествіе. Они сидѣли у окна. Бросивъ взглядъ черезъ узенькую улицу въ окно противоположнаго дома, Гавтрей пробормоталъ съ досадой:

— Не понимаю, куда ушелъ Бирни и отчего его нѣтъ до-сихъ-поръ? Мнѣ поведение этого человека становится подозрительнымъ.

— Неужели вы думаете, что онъ обкрадетъ васъ?

— Можетъ-быть, еще хуже. Несмотря на угрозы полиціи, я опять въ Парижъ. Онъ можетъ предать меня.

— Зачѣмъ же вы позволяете ему жить отдѣльно?

— За тѣмъ, что живя въ двухъ противоположныхъ домахъ, мы, въ случаѣ нужды, имѣемъ два выхода.

Стоить перекинуть веревочную лѣстницу изъ одного окна въ другое и онъ у насъ, или мы у него.

— Но къ чему же такія предосторожности? Вы нынче многое отъ меня скрываете.... Вы меня обманываете. Что вы сдѣлали? чѣмъ вы нынче занимаетесь?..... Вы молчите. Послушайте, Гавтрей, я привязалъ свою судьбу къ вашей; я даже отказался отъ надежды..... По временамъ я съ ума схожу когда оглядываюсь назадъ..... а вы всё-таки не доверяете мнѣ! Со времени возвращенія въ Парижъ, вы по цѣлымъ ночамъ, часто и по днямъ не бываете дома; вы задумчивы, мрачны..... однако жъ нынѣшнее ремесло ваше, кажется, даетъ хорешій доходъ.

— Вы видите, что я получилъ славный доходъ, сказалъ Гавтрей тихо и ласково: а всё-таки отказываетесь принять хоть столько денегъ, чтобы смѣнить это рубище!

— Потому что я не знаю, какъ эти деньги приобрѣтены; я не могу принять того, что.....

Онъ не договорилъ и началъ снова:

— Да, ваше занятіе, кажется, выгодно. Вчера еще Бирни давалъ мнѣ пятьдесятъ наполеондоровъ, которые, какъ онъ говорилъ, вы желали размѣнять на серебро.

— Давалъ?.... ахъ, онъ мошен..... И вы размѣняли?

— Не знаю, почему, но я отказался.

— Это хорошо, Филиппъ. Не дѣлайте ничего, что скажетъ вамъ Бирни.

— Будьте откровенны со мною, вы запутались въ ужасное дѣло.... быть можетъ, въ кровавое преступленіе..... Я уже не ребенокъ; у меня есть воля. Я не позволю себя безответно и слѣпо вовлечь въ погибель. Если уже итти мнѣ далѣе по этому пути, такъ итти по доброй волѣ. Откройте мнѣ сегодня же, или мы завтра разстанемся.

— Успокойтесь, Филиппъ. Есть тайны, которыхъ лучше не знать.

— Всё-равно! Я рѣшился; я хочу знать все.

— Если такъ, хорошо, сказалъ Гавтрей подумавъ: мнѣ самому нуженъ повѣренный. Вы мужественны; не содрогнетесь. Вы хотите знать мое ремесло.... Хотите нынче ночью быть свидѣтелемъ?

— Я готовъ. Нынче ночью.

Тутъ послышались шаги на лестницѣ... стукъ въ дверь.... Вошелъ Бирни. Онъ отвелъ Гавтрея къ сторонѣ и, по обыкновенію, шептался съ нимъ нѣсколько минутъ. Гавтрей кивнулъ головой и потомъ сказалъ вслухъ:

— Завтра мы будемъ говорить безъ утайки при мнѣ молодомъ другъ. Въ эту ночь онъ прійдетъ къ намъ.

— Въ эту ночь? Хорошо, сказалъ Бирни съ обыкновенною своею холодною, насмѣшливою улыбкой: онъ долженъ произнести клятву и вы жизнью отвѣчаете за его честность.

— Да; таковъ законъ.

— Ну, до свиданія.

Бирни ушелъ.

— Желалъ бы я знать, сказалъ Гавтрей сквозь зубы: удастся ли мнѣ когда-нибудь взять порядочную пулю въ голову этого негодая? Ха, ха, ха!

И отъ хохота его задрожали стѣны.

Мордохъ пристально взглянулъ на Гавтрея. Тотъ опустился въ кресла и уставилъ неподвижный, бессмысленный взоръ на противоположную стѣну. Беззаботное, безнечное, веселое выраженіе, обыкновенно отличающее черты этого человека, съ нѣкотораго времени уступило мѣсто безпокойству, робости, а подчасъ отчаянной дерзости. Онъ походилъ на хищнаго звѣря, который забавлялся гоньбою за избранною жертвою; понаслыскѣ были свежи, мышцы крапи, драки далеко; но

отъ страху и бѣшенства приходитъ въ отчаяніе, когда день склоняется къ ночи и стадо свирѣпыхъ псовъ преслѣдуетъ по пятамъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ наконецъ съ ребяческою улыбкой дряхлаго старика: мнѣ кажется, жизнь моя была ошибкой, промахомъ. У меня были таланты.... вы не повѣрите.... но когда-то я былъ не дуракъ и не подлець. Странно! неправда ли?.... Подайте-ка вина!

Мортонъ съ легкимъ содроганіемъ отворотился и вышелъ.

Онъ машинально бродилъ изъ улицы въ улицу и очутился на набережной Сены. Она была оживлена гуляющими и за дѣломъ идущими; богатые экипажи съ грохотомъ катились по мостовой; бѣлые дома, ярко освѣщенные весеннимъ солнцемъ, весело глядѣлись въ рѣку, отражавшую голубое небо и усѣянную лодками и пестро раскрашенными купальнями, — все кругомъ было свѣтло, ясно, только въ сердцѣ бѣднаго сироты-изгнанника господствовалъ мракъ: для него солнце давно уже закатилось, и не было надеждъ на восходъ. Онъ остановился у великолѣпнаго мосту, украшеннаго статуями знаменитыхъ людей, прославленныхъ по смерти за то, что они при жизни были любимцами счастья. Филиппъ невольно вспомнилъ тотъ роковой вечеръ, когда, въ отчаяніи, мучимый голодомъ, просилъ милостыни у наемнаго слуги своего дяди; въ немъ пробудились всѣ тѣ чувства, всѣ тѣ мрачныя мысли, которыя тогда обуревали его душу и заставили рѣшиться искать помощи у теперешняго покровителя. Эти мѣста въ обоихъ городахъ имѣли для него много общаго: тамъ его отчаяніе достигло высшей степени; тамъ онъ дерзнулъ забыть Провидѣніе Божіе и взялъ свою судьбу въ собственныя руки; на первомъ мосту онъ рѣшился вступить на новое для себя поприще, на второмъ въ отчаяніи и ужасѣ усматривалъ, къ какому

концу ведетъ этотъ путь. Тутъ онъ былъ такъ же бѣденъ, такъ же оборванъ, но голову держалъ уже не такъ высоко, и смотрѣлъ не такъ свободно и безстрашно: его совѣсть и честь были уже не столь безукоризненны. Каменные арки обонхъ местовъ и катящіяся подъ ними волны приняли для него особое, мистическое значеніе: это были мосты черезъ рѣки его жизни.

Погруженный въ такія думы, онъ простоялъ долго, и наконецъ потерялъ нить собственныхъ мыслей. Онъ опомнился, когда близко подлѣ него остановились двое прохожихъ.

— Что жъ вы стали? Мы опоздаемъ, сказалъ одинъ другому.

— Ничего, другъ мой, отвѣчалъ тотъ: я никогда не прохожу мимо этого мѣста, не вспомнивъ той поры, когда я стоялъ здѣсь безъ гроша въ карманъ, безъ надежды на завтра, въ отчаяніи, съ дерзновенною мыслью о самоубійствѣ.

— Какъ! вы? такой богачъ, такой счастливецъ? Какъ же это случилось? Счастливая переменна обстоятельство? Богатое наслѣдство?

— Нѣтъ, не богатое наслѣдство, а время, вѣра и дѣятельность,—три генія хранителя, которыхъ Богъ далъ бѣднымъ.

Прохожіе удалились. Мортону показалось, будто тотъ, который отвѣчалъ на вопросъ, произносилъ послѣднія слова, значительно взглянулъ на него, и онъ повторилъ эти слова: они проникли ему прямо въ сердце; они казались ему счастливымъ предзнаменованіемъ свыше. Быстро, какъ-бы волшебствомъ, смуты въ душѣ его утихли; онъ снова вдохновился мужествомъ и рѣшимостью, и бодро, скорыми шагами пошелъ назадъ. Прошедши нѣсколько улицъ, онъ встрѣтился съ Гавтреемъ.

— А! вотъ кстати встрѣтились. Въ эту ночь вамъ предстоитъ выдержать нешуточное испытаніе. Пустой

желудокъ ослабляетъ нервы. Поидите-ка, пообедаемъ вмѣстѣ..... поидите!..... Поидите, говорятъ вамъ. Нельзя же не пообедавши!

Гавтрей, несмотря на сопротивленіе, взялъ Мортонъ подъ руку и потащилъ съ собою, но, не сдѣлавъ трехъ шаговъ, остановился. Мортонъ почувствовалъ, какъ сильная, тяжелая рука его покровителя задрожала, словно листъ. Онъ взглянулъ на него и потомъ, по направленію его взора, на двухъ человѣкъ, которые, въ нѣсколькихъ шагахъ, внимательно вглядывались въ нихъ.

— Вотъ мой дѣмонъ мой, пробормоталъ Гавтрей, заскрежетавъ зубами.

— И мой! сказалъ Мортонъ.

Младшій изъ наблюдателей пошелъ—было навстрѣчу Филиппу, но тотъ, который былъ по-старше, остановилъ его, шепнувъ на ухо:

— Что вы дѣлаете? Вы знаете этого молодого челевѣка?

— Онъ мнѣ двоюродный братъ; онъ побочный сынъ Филиппа Бофора.

— Это онъ? Ну, такъ избѣгайте встрѣчи съ нимъ. Откажитесь отъ него навсегда: съ нимъ самый опасный мошенникъ во всей Европѣ!

Лордъ Лилльбурнъ не успѣлъ кончить предостереженія своему шурина Артуру Бофору, какъ Гавтрей подступилъ къ нему и, уставивъ глаза въ глаза, сказалъ глухимъ, злобѣщимъ голосомъ:

— Милордъ! есть адъ, право, есть! Я иду нить за пріятную встрѣчу тамъ съ вами!

Съ этимъ словомъ онъ насмѣшливо поклонился и исчезъ въ галереяхъ Палѣ-Рояля.

— Вотъ, я опять упустилъ Филиппа! сказалъ Артуръ съ упрекомъ самому себѣ: какъ же я исполняю свою клятву?

— Поидите, Артуръ, сказалъ Лилльбурнъ: насъ ждутъ.

Что жъ касается до этого негоднаго молодаго человека... Будьте уврены, онъ совершенно погибъ душой и тѣломъ. Забудьте объ немъ.

— Но онъ мнѣ братъ!

— Ба! вздоръ! съ побочными дѣтьми нѣтъ родства. Ктому жъ, онъ скоро отъищеть васъ, не безпокойтесь. Такіе оборванные претенденты не долго гордятся просить милостыни.

— Неужто вы въ самомъ дѣлѣ думаете?....

— Положитесь на мое знаніе свѣта. Пойдемте.

Было около полуночи. На перекресткѣ той улицы, гдѣ жилъ Гавтрей, стояли четыре человека и о чемъ-то таинственно разговаривали. Въ томъ домѣ, противъ котораго они стояли, раздавалась балльная музыка.

— Мосѣ Фаваръ, говорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ самому малорослому и худенькому: вы не забыли условія? Двадцать тысячъ франковъ и совершенное прощеніе.

— Помню, помню. Сказано: такъ дѣло и кончено. Но, признаюсь, мнѣ хотѣлось бы имѣть своихъ людей по-ближе, при себѣ. Я не трусливъ, да это шутка-то опасная.

— Вы впередъ знали опасность и согласились. Вы увидите со мною одни, или вовсе не увидите. Мои товарищи поклялись убить того, кто измѣнитъ имъ, хоть однимъ словомъ. Я ни за двадцать разъ двадцать тысячъ не хочу, чтобы они стали подозрѣвать меня: я не прожилъ бы одной минуты безопасно. Если вы теперь уврены, что васъ не узнаютъ подъ этою маскою, такъ и опасности нѣтъ никакой. Вы увидите ихъ за работой, можете потомъ узнать ихъ лица, узнаете мѣсто, а тамъ, какъ хотите, такъ и начинайте слѣдствіе. Я между-тѣмъ успѣю вывхать изъ Франціи.

— Хорошо, хорошо; быть такъ.

— Еще одно. Забудьте себя, что начальника, того, что живете въ томъ домѣ, вы должны захватить именно дома, спящаго, если хотите взять его живьемъ. Пока онъ бодръ и вооруженъ, онъ ни за что не дастся въ руки какой бы ни то было силѣ.

— Понимаю.... Жильберъ! сказалъ Фаваръ обращаясь къ одному изъ своихъ провожатыхъ: возьмите трехъ человекъ съ собою и исполните, какъ я вамъ сказалъ. Дворникъ впуститъ васъ: это уже условлено. Только осторожно; смотрите, безъ шуму. Если я до четырехъ часовъ не ворочусь, не ждите меня; дѣлайте свое дѣло. Осмотрите пистолеты.... да есть ли порохъ? Схватите живьемъ; въ крайнемъ случаѣ—мертваго. Ну, съ Богомъ.... А вы, сказалъ онъ другому, идите со мной и поставьте нашихъ людей въ некоторомъ разстояніи отъ дому, но такъ, чтобы они могли явиться по первому знаку. Сами встаньте у дверей погреба и ждите свѣтка; раньше не входите. Пойдемте.

Пришли. Дверь большаго, неблаговиднаго дому была только притворена. Они тихонько вошли, безпрепятственно миновали дворъ и спустились въ подвалъ. Тутъ одинъ изъ нихъ остался, какъ было сказано. Вожатый мосье Фавара отперъ дверь погреба, вынулъ изъ-подъ плаща воровской фонарь и освѣтилъ черные своды, подъ которыми лежало нѣсколько бочекъ. Онъ отвѣсилъ одну изъ нихъ, поднялъ люкъ и скрытую подъ нимъ лѣстницу.

— Войдите! сказалъ онъ, и оба исчезли въ подземельи.

Фальшивые монетчики работали во всѣ руки. Видимъ Гавтрей сидѣлъ за бюро и вносилъ счета въ большую книгу. Всторонѣ, одинъ, у длиннаго стола, сидѣлъ Филиппъ Мортонъ. Дѣйствительность превзошла самое черное его подозрѣніе. Онъ согласился дать клятву, что никому никогда не откроетъ того, что

туть увидать, и, когда его введи, когда повязка съ глазъ была снята, онъ долго не могъ еще вполнѣ понять преступной дѣятельности этихъ страшныхъ людей, между которыми высилась огромная фигура его покровителя. Когда истина мало-по-малу прояснилась передъ нимъ, онъ содрогнулся и отскочилъ отъ Гавтрея. Съ глубокимъ состраданіемъ къ уничиженію своего друга и съ отвращеніемъ отъ его преступнаго ремесла, онъ опустился на стулъ и чувствовалъ, что послѣдняя связь между нимъ и Гавтреемъ разорвана, что завтра онъ опять будетъ стоять одинокимъ сиротой на свѣтъ. Отъ времени до времени, когда грубыя шутки и отвратительныя проклятiя, оглашавшія черныя своды, долетали до его слуха, Филиппъ съ такою гордостью, съ такимъ презрѣніемъ окидывалъ взглядомъ грязныя группы окружающихъ, что Гавтрей трепеталъ за его жизнь. Но Филиппъ молчалъ. Онъ удерживалъ огненную рѣчь негодованiя, которою готова была разразиться всё-еще гордая и безпорочная его душа: его удерживалъ не страхъ: онъ только не хотѣлъ умереть отъ такихъ подлыхъ рукъ. Всѣ присутствующіе были вооружены пистолетами и ножами; только Мортонъ оставилъ на столѣ тѣ, которые ему даны были.

— Ну, поздравляю, товарищи! дѣло идетъ какъ-нельзя лучше, сказалъ Гавтрей, закрывая книгу: еще мѣсяца два, три, и съ насъ будетъ довольно; можемъ отправиться на покой, наслаждаться жизнью. А гдѣ Бирни?

— Онъ ничего не говорилъ вамъ, капитанъ? спросилъ одинъ изъ работниковъ; онъ нашелъ искуснѣйшаго парня во всей Франціи, того самаго, что помогалъ Бушару дѣлать пятифранковики. Бирни обѣщалъ привести его сегодня.

— Да.... помню, онъ говорилъ сегодня утромъ, возразилъ Гавтрей: этакая западня этотъ Бирни!

— Да, ужъ нечего сказать! лучше его никто не съ-умѣетъ замануть! Вѣдь онъ же поймалъ и вась-капитанъ, — лучшую голову для нашихъ рукъ, чортъ возьми!

— Лѣстецъ! сказалъ Гавтрей, отойдя отъ бюро къ столу и наливъ большой стаканъ вина: ваше здорovie, госнода!

Тутъ отворилась дверь и вошелъ Бирни.

— Гдѣ жъ ваша добыча, почтеннѣйшій? спросилъ Гавтрей: мы чеканимъ только деньги, а вы по-искусиве насъ, вы чеканите людей, клеймите ихъ своимъ гербовымъ клеймомъ и пускаете въ оборотъ.... къ чертамъ.

Работники захохотали. Бирни не обратилъ вниманія на злую выходку и только бросилъ презрительный взглядъ изъ-подлобья на своего товарища.

— Вы спрашиваете о знаменитомъ монетчикъ, Жакъ Жиромонъ? Онъ за дверьми. Вамъ извѣстно правило: я не могу ввести его безъ позволенія.

— Позволимъ, позволимъ! Не такъ ли, госнода? сказалъ Гавтрей.

— Да, да! разумѣется! закричали всѣ въ голосъ: онъ знаетъ клятву и наказаніе?

— Знаетъ, сказалъ Бирни и вышелъ.

Черезъ минуту онъ воротился съ малорослымъ, худенькимъ человѣчкомъ, въ грязной блузѣ, съ огромными сѣдовато-рыжими бакенбардами и усами, нечесанными волосами такого же цвѣту и чернымъ пластыремъ на лѣвомъ глазу, что еще увеличивало непріятность его фязіономіи.

— Чортъ возьми! вскричалъ Гавтрей: да вы, мосьё Жиромонъ, настоящій подземный ковачъ! вы больше походите на Вулкана, нежели на Адониса.

— Не знаю я, кто таковъ былъ Вулканъ, но знаю, какъ дѣлаются пятифранковики, отрывисто отвѣчалъ миимый Жиромонъ.

— Вы бѣдны?

— Голъ какъ соколъ, то есть, какъ общипанный соколъ: потому что на мнѣ и перьевъ нѣтъ.

Монетки захохотали.

— А кто ручается за вашу вѣрность?

— Я! сказалъ Бирни.

— Ну, пусть его произнесетъ клятву.

Четыре работника схватили гостя и вынесли въ другое отдѣленіе подземелья. Черезъ нѣсколько минутъ они воротились.

— Онъ далъ клятву и знаетъ, чѣмъ будетъ наказанъ въ случаѣ измѣны.

— Смерть тебѣ, твоей женѣ, твоимъ дѣтямъ и внукамъ.

— Дѣтей у меня нѣтъ, стало-быть и внуковъ не будетъ. Что жъ касается до жены, капитанъ, то это больше похоже на подкупъ чѣмъ на угрозу, когда вы говорите мнѣ объ ея смерти.

— Громъ и молнія! да вы истинное сокровище для нашего общества, почтеннѣйшій! сказалъ Гавтрей; между-тѣмъ какъ дикая толпа одобряла выходку гостя новыми неистовыми кликами.

— Ну, выпьемте же за общее здоровье.

Монетки оставили работу и, обступивъ гостя, начали спрашивать его о разныхъ разностяхъ, чтобы удостовѣриться въ его знаніи дѣла; онъ отвѣчалъ очень удовлетворительно, какъ мастеръ, и въ свою очередь спрашивалъ ихъ, рассматривалъ работу. Гавтрей между-тѣмъ внимательно слѣдилъ за нимъ. Бирни замѣтилъ это и хотѣлъ-было подойти къ новоприятному товарищу, но Гавтрей положилъ ему на плечо руку и шепнулъ:

— Ни слова съ твоимъ пріятелемъ, пока я не позволю.

Съ этимъ словомъ онъ коснулся своихъ пистоле-

говъ. Бирни нѣсколько поблѣднѣлъ, но отвѣчалъ съ обыкновенною своею холодною улыбкой....

— Подозрѣніе! Ну, тѣмъ лучше.

Онъ сѣлъ за столъ и закурилъ трубку.

— Вина! закричалъ Гавтрей.

Вина подали и всѣ услылись: Гавтрей рядомъ съ гостемъ на верхнемъ концѣ; Бирни черезъ нѣсколько человѣкъ ниже; Мортонъ остался на своемъ мѣстѣ, на нижнемъ концѣ. Отчаянные люди во всякую пору склонны къ веселью. Скоро монетчики зашировали, начали разговаривать и хохотать одинъ другаго громче. Только Бирни и Мортонъ молчали, казались чужими въ этомъ шумномъ кругу. Оба наблюдали, хотя съ разными намѣреніями, однако жъ съ одинаковымъ вниманіемъ; оба почти не сводили глазъ съ Гавтрея, который, казалось, былъ совершенно занятъ гостемъ.

— Мнѣ немножко странно, сказалъ наконецъ Гавтрей такъ, чтобы всѣ могли слышать: какъ такого искуснаго монетчика, каковъ мосьё Жиромонъ, никто здѣсь не знаетъ кромѣ Бирни!

— Вообще не странно, возразилъ Жиромонъ: насъ всего трое работало съ Бушаромъ. Самъ Бушаръ казеннѣ, двое помощниковъ на галерахъ, стало-быть, кому же меня знать? Наша компанія была маленькая. Всякая вещь имѣетъ свое начало.

— Справедливо. Пейте же, почтеннѣйшій.

Стаканы застучали.

— Съ вами, кажется, случилось несчастіе, мосьё Жиромонъ, продолжалъ Гавтрей: какъ это вы лишились глазу?

— Да при послѣдней встрѣчѣ съ служителями правосудія, когда захватили Бушара. Такая ужъ игра: не мудрено проиграть и больше глазу.

— Справедливо. Выпьемъ-те, мосьё Жиромонъ. Да на васъ, кажется, парикъ, почтеннѣйшій? Судя по

рвсницамъ, природные волосы ваши должны быть гораздо болѣе пріятнаго цвѣту?

— Намъ важна не красота, капитанъ, а безопасность, — чтобы не узнали. Полиція здѣсь дьявольски быстроглазая.

— Справедливо. Ваше здоровье, мосьё Жиромонъ.... А когда мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ?

— Никогда, кажется.

— Неправда. Пейте же, мосьё Фаварь!

При этомъ имени собесѣдники въ смятеніи и ужасѣ вскочили съ мѣстъ; полицейскій чиновникъ забылъ роль свою, также вскочилъ и сунулъ-было руку въ карманъ.

— Стой! нѣзна! громовымъ голосомъ закричалъ Гавтрей, и схватилъ несчастнаго за горло.

Со всѣхъ сторонъ засверкали ножи и глаза. Колоссальный атаманъ фальшивыхъ монетчиковъ вытянулся, поднявъ надъ головами въ могучихъ рукахъ своихъ судорожно скорченнаго гостя. Раздался одинъ предсмертный стонъ, и толстый дубовый столъ затрепещалъ подъ ударомъ рухнувшаго на него трупя; черепки разбитыхъ стакановъ и бутылокъ со звономъ брызнули во всѣ стороны. Все это было дѣломъ одной секунды. Гавтрей вскочилъ на столъ и роковой взглядъ его изъ-подъ грозно насупившихся бровей искалъ въ толпѣ трепещущаго предателя. Бирни бѣжалъ къ потаенной двери. Лицо его, сѣрое, помертвѣвшее, совершенно перевернутое назадъ, черезъ плечи, не походило на человѣческое.

— Дьяволъ! заревѣлъ Гавтрей своимъ ужаснымъ голосомъ, который еще страшнѣе повторился эхомъ подъ землей: я развѣ на то отдалъ тебѣ свою душу, чтобы ты продалъ другимъ мою жизнь? Смотрите, люди! вотъ какъ кончается мое рабство и всѣ наши тайны!

Пистолетный выстрѣлъ поглотилъ послѣднее слово. Измѣнникъ, съ однимъ стономъ, съ пробитою голо-

вой, повалился наземь. Наступила гробовая тишина, продолженіи которой только дымъ медленно катился клубами по чернымъ сводамъ.

Мортонъ, невольно вскочившій вмѣствъ съ другими, упалъ назадъ на стулъ и закрылъ лицо руками. Преступный покровитель его былъ заклеименъ послѣднею печатью отверженія, убійствомъ; послѣдняя волна ужасной, таинственной судьбы выбросила его душу на тотъ берегъ, откуда уже нѣтъ возврата. Послѣдняя надежда на примиреніе съ людьми и свѣтомъ залита кровью.

— Друзья, я васъ спасъ! сказалъ Гавтрей глядя на трупъ второй своей жертвы и засовывая пистолеть въ поясъ: я не содрогнулся отъ взгляду этого челоуѣка, прибавилъ онъ, съ презрѣніемъ толкнувъ ногою тѣло съищика; я узналъ его, лишь-только онъ вошелъ; я узналъ его съ перваго взгляду, сквозь маску, какъ она въ замысловата. Оботрите его лицо; посмотрите: она уже никого не испугаетъ.

Фальшивые монетчики, еще не оправившіеся отъ ужасу, столпились и внимательно разсматривали мертваго. Гавтрей остановилъ ихъ, замѣтивъ свистокъ, вывалившійся изъ кармана блузы.

— Вы спасены, товарищи, но только на часъ, сказалъ онъ: это дѣло не совсемъ тайное. Смотрите, онъ ждалъ помощи, по данному знаку. Полиція знаетъ, гдѣ отыскивать своего брата. Забирайте, что нужно; остальное въ землю, и спасайся, кто можетъ. Въ врознь!

Потомъ Мортонъ, не открывая глазъ, слышалъ слышанный шумъ шаговъ, восклицаній, звонъ денегъ, скрипъ дверей, глухіе удары. Наконецъ все смолкло. Сильная рука отвела его руки.

— Вотъ первая игра, гдѣ вы видите на ставкѣ жизни противъ жизни, сказалъ Гавтрей, котораго голосъ показался Филиппу страшно измѣненнымъ: полноте ду-

мать объ этомъ.... Что жъ вы бы сказали, когда бы увидѣли настоящее сраженіе?.... Пойдемте домой. Гыла уже убраны.

Мортонъ съ содроганіемъ оглянулся въ подземельѣ. Ихъ было только двое, онъ, да Гавтрей. Онъ взглянулъ на мѣста, гдѣ лежали убитые. Ихъ уже не было; не оставалось ни какого слѣда преступленія, ни одной капли крови.

— Пойдемте; возьмите свой ножъ, продолжалъ Гавтрей, идя къ двери съ фонаремъ, который тускло освѣщалъ небольшое пространство.

Мортонъ всталъ, машинально взялъ оружіе и последовалъ за ужаснымъ путеводителемъ, молча, безсознательно, какъ душа слѣдуетъ за видѣніемъ въ обители сна.

Пробравшись по темнымъ, извилистымъ переходамъ черезъ цѣлый рядъ подвадовъ, противоположный тѣмъ, черезъ которые вошелъ несчастный Фаваръ, они вышли на узкую, полу-разрушенную лѣстницу въ томъ домѣ, гдѣ жили сами и безпрепятственно достигли своей квартиры. Гавтрей поставилъ фонарь на столъ и молча съѣлъ. Мортонъ, опять оправившись и принявъ уже твердое рѣшеніе, также безмолвно смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ:

— Гавтрей!

— Я просилъ васъ не называть меня этимъ именемъ, возразилъ тотъ.

— Всѣ-равно. На этомъ имени у васъ меньше лежитъ преступленій и потому я предпочитаю его другимъ вашимъ именамъ. Впрочемъ, я вообще уже въ послѣдній разъ называю васъ по имени. Я хотѣлъ видѣть, какими средствами живетъ человекъ, которому я вѣрилъ свою судьбу. Я видѣлъ это и нашъ союзъ разорванъ навсегда.... Не прерывайте меня. Не мое дѣло судить ваши поступки. Я ѣлъ вашъ хлѣбъ, пилъ изъ вашего стакана. Слѣпо довѣряя вамъ, полагая, что вы не за-

пятнаны по-крайней-мѣрѣ тѣми ужасными преступленіями, для которыхъ нѣтъ искупленія въ этой жизни, — съ совѣстью, заглушенной нуждой и страданіемъ, съ душою, оштытвшею отъ отчаянія, я предался чловѣку, который повелъ меня на подозрительный и нечестный путь жизни; но, по моему мнѣнію, еще не запятанный дѣйствительнымъ преступленіемъ. Я проснулся на краю бездны и останавливаюсь, пока еще есть время; мы разстанемся, и навсегда.

Гавтрей захохоталъ и произнесъ нѣсколько проклятій.

— Разстаться! намъ разстаться? чтобы я отпустилъ на бѣлый свѣтъ еще предателя! Разстаться! послѣ того какъ вы видѣли дѣло, за которое однимъ словомъ можно довести меня до гильотины? Нѣтъ! никогда! По-крайней-мѣрѣ живые мы не разстанемся.

— Разстанемся, возразилъ Мортонъ съ твердостью, скрестивъ руки на груди: мы разстанемся; мы должны разстаться. Не смотрите на меня такъ дико: я не трусливъ васъ. Черезъ минуту меня не будетъ.

— А! такъ-то? сказалъ Гавтрей, оглянувшись, въ комнату, въ которой было двое дверей.

Онъ подошелъ къ тѣмъ, что были по-ближе, заперъ ихъ на замѣкъ, положилъ ключъ въ карманъ, потомъ задвинувъ другія тяжелымъ желѣзнымъ засовомъ, заслонилъ ихъ собственнымъ тѣломъ, и опять захохоталъ.

— Ха, ха, ха! рабъ и глупецъ! Ты думаешь уйти? Нѣтъ! однажды мой, такъ и навсегда мой!

— Еще разъ повторяю, не воображайте, что вамъ удастся запугать меня, сказалъ Мортонъ, смѣло взявъ великана за плечо.

Это озадачило Гавтрея. Онъ пристально посмотрѣлъ на храбреца, у котораго едва начиналъ пробиваться пушокъ на мѣстѣ будущихъ усомъ.

— Дитя! отстань! Не буди снова демона во мнѣ. Я могу размозжить тебя однимъ ударомъ.

— Моя душа укрѣпляетъ тѣло мое и, притомъ, у меня есть оружіе, возразилъ Мортонъ, взявшись за рукоятку ножа: ни вы не должны обижать меня, ни я васъ. Несмотря на то, что вы обрызганы кровью, я всё-таки еще люблю васъ: вы дали мнѣ пристанище и хлѣбъ. Но не вините меня, если я теперь пытаюсь спасти свою душу, пока еще есть время.... Неужто вы хотите, чтобы мать моя напрасно благословляла меня на смертномъ одрѣ?

Гавтрей отступилъ и Мортонъ въ сильномъ волненіи схватилъ его за руку.

— О! послушайте, послушайте меня! вскричалъ онъ: оставьте этотъ ужасный путь! Вы были предательски увлечены на него человекомъ, который теперь уже не можетъ ни обмануть ни испугать васъ. Оставьте этотъ путь и я не оставлю васъ никогда! Ради ея.... ради вашей Фанни.... остановитесь какъ я, покуда бездна не поглотила насъ. Убѣжимъ, далеко, въ Новый Свѣтъ, всюду, гдѣ твердая душа и сильныя руки могутъ честно пропитать насъ. Возьмите свою сироту съ собою; мы оба станемъ работать для нея. Гавтрей, послушайте меня! Это не мой голосъ, это голосъ вашего ангела говорить съ вами.

Гавтрей прислонился къ стѣнѣ; грудь его сильно волновалась.

— Мортонъ, сказалъ онъ глухимъ, трепещущимъ голосомъ: ступайте.... ступайте! предоставьте меня моей судьбѣ. Я погрѣшилъ, ужасно погрѣшилъ противъ васъ.... Мнѣ казалось такъ сладостно имѣть друга.... Въ вашей молодости, въ вашемъ характерѣ есть много такого, что привлекало меня къ вамъ.... я не могъ вынести мысли о разлукѣ съ вами и не рѣшался показать вамъ что я такое. Я обманывалъ васъ насчетъ прежнихъ моихъ поступковъ. Это было дурно. Но я поклялся

ся въ собственной душѣ, не подвергать васъ ни какой опасности и предохранить отъ всякой нечистоты, запятнавшей меня. Я свято исполнялъ эту клятву до нынѣшней ночи, когда, увидѣвъ, что вы начинаете удаляться, хотѣлъ запутать васъ въ свои преступныя сѣти, чтобы навсегда удержать при себѣ. Я наказанъ, и по-дѣломъ. Ступайте! повторяю вамъ, предоставьте меня моей судьбѣ, которая съ каждымъ днемъ становится грознѣе. Вы еще ребенокъ; я уже не молодъ. Привычка—вторая натура.... Правда, и я могъ бы еще воротиться, могъ бы раскаяться.... Но.... могу ли я успокоиться, могу ли я оглянуться на прошедшее?.... Денно и ночью будутъ терзать меня воспоминанія, призраки дѣлъ, за которыя придется отвѣчать на судъ....

— Не умножайте числа этихъ призраковъ! Пойдемте.... уберемъ, теперь же.... сейчас!

Гавтрей молчалъ и очевидно боролся съ нервышностью. Вдругъ послышались шаги на лѣстницѣ. Онъ встрепенулся какъ застигнутый въ-расплохъ кабанъ, и сталъ прислушиваться.

— Чу! идуть!.... это они!

Въ эту минуту ключъ извнѣ повернулся въ замкѣ; дверь затрещала отъ напору.

— Шутись!.... Эту задвижку не скоро сломишь.... Сюда! шепнулъ Гавтрей, тихонько прокрадываясь къ другой двери и осторожно отворивъ ее.

— Сдайся! ты мой арестантъ! вскричалъ человекъ вскочившій черезъ отверзтіе.

— Никогда! возразилъ Гавтрей, выбросивъ его и хлопнувъ дверь, хотя этому всѣми силами старались воспротивиться нѣсколько человекъ.

— Го! го! кто это хочетъ отворить кѣтку тигра?

За обѣими дверьми послышались голоса: «Именемъ короля, отвори! или не жди пощады!»

— Стъ!.... еще есть дорога, шепнулъ Гавтрей: окно.... канать!

Мортонъ отворилъ окно; Гавтрей размоталъ канатъ. Начиная свѣтать, но весь городъ еще спалъ; улицы были пусты. Обѣ двери дрожали и трещали отъ усилившихся преслѣдователей. Послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ попытокъ, Гавтрей перекинулъ канатъ на противоположнаго дому; крюкъ зацѣпился и опасная дорога была готова.

— Ползайте!.... скорѣй, скорѣй! шепталъ Гавтрей: ловки.... оно опаснѣе кажетъ нежели есть.... только держитесь крѣпче.... Зажмурьтесь.... Переберетесь.... это комната Бирни.... дверь направо.... по лѣвѣ внизъ и изъ дому вонъ.... вы спасены.

— Ступайте вы впередъ, возразилъ Мортонъ въ томъ тонѣ: вамъ нужно больше времени, чтобы перебраться. Я покуда постерегу двери.

— Вы съума сошли! Гдѣ вамъ?.... что значитъ ваша опасность противъ моей? Двадцать человекъ не отворятъ этихъ дверей, если я прислонюсь къ нимъ. Скорѣй! вы оба погибли.... Вы на той сторонѣ поддерживаете канатъ: онъ для моей тяжести, можетъ-быть не только хорошо прикрѣпленъ. Стойте!.... еще слово. Если вы спасетесь, а я погибну.... Фанни.... отецъ.... онъ возьметъ ее.... не забудьте!.... Благодарю васъ за дружбу.... простите мнѣ все!.... ступайте скорѣй.... вотъ такъ!

Мортонъ не безъ трепету поползъ по ужасному мосту, который качался и скрипѣлъ подъ его тяжестью. Упираясь руками и ногами, стиснувъ зубы, закрывъ ротъ и удерживая дыханіе онъ перебрался и счастливымъ образомъ достигъ окна. Тутъ, вздохнувъ свободнѣе, онъ нагнулся, чтобы разсмотрѣть, что дѣлается въ порядкѣ противоположной квартиры. Гавтрей все-еще висѣлъ въ двери. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Они отскочили съ восторгомъ. Гавтрей пошатнулся впередъ и бользненно вскрикнулъ. Еще секунда.... онъ выскочилъ изъ окна, ухватился за канатъ и повисъ

надъ пропастью. Мортонъ сталъ на окнѣ на колѣни и судорожно ухватился за крюкъ. Глаза, отъ страха налившіеся кровью, неподвижно уставились на грузную массу, висѣвшую на слабомъ канатѣ, который ежеминутно могъ порваться.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! закричали голоса напротивъ. Мортонъ взглянулъ туда. Все окно было заслонено темными фигурами съищиковъ. Двери не выдержали: они вломились. Гавтрей, чувствуя гибель, открылъ глаза и неподвижно оставилъ ихъ на преслѣдователей. Одинъ изъ съищиковъ поднялъ пистолетъ и осторожно прицѣлился. Гавтрей не дрогнулъ. Изъ раны въ боку черная кровь тяжелыми каплями медленно падала на мостовую. Даже съищики содрогнулись, увидѣвъ свою жертву въ такомъ положеніи: волосы несчастнаго стояли дыбомъ, лицо было покрыто смертною блѣдностью, дикіе, неподвижные глаза на выкатъ, губы судорожно сдвинуты со стиснутыхъ зубовъ. Рука полицейскаго задрожала при второмъ выстрѣлѣ: пуля попала въ раму окна, гдѣ стоялъ Мортонъ. Непредѣленный, дикій гортанный звукъ, полу-насмѣшливый, полу-злбный вырвался изъ груди Гавтрея. Онъ быстро подвигался.... Оставалось еще раза два передвинуть руки.

— Вы спасены! вскричалъ Мортонъ.

Но въ то же мгновеніе изъ роковаго окна раздался залпъ и вслѣдъ за тѣмъ стонъ или, лучше сказать, вой бѣшенства, отчаянія и смертельнаго ужасу, отъ котораго затрепетала бы самая твердая душа. Мортонъ вскочилъ и взглянулъ внизъ. Тамъ, глубоко, на мостовой лежала темная, безобразная, неподвижная груда. Могучій человекъ, исполненный страстей и легкомыслія, гигантъ, который игралъ жизнью и душой какъ ребенокъ куклами, сталъ тѣмъ, тѣмъ становится и богачъ и нищій, когда изъ праху исходитъ дыханіе Божіе — тѣмъ навсегда и навѣкъ остались бы всякое величіе и

геній, все высокое и прекрасное, если бы не было Бога.

— Тамъ еще одинъ! закричали полицейскіе: пали!

— Бѣдный Гавтрей! пробормоталъ Мортонъ, я исполню твою послѣднюю просьбу.

И, не обративъ вниманія на пули, просвистѣвшія мимо ушей его, онъ исчезъ за стѣною.

Читатели помнятъ, что въ то время, когда Бирни условливался съ Фаваромъ объ открытіи убжища фальшивыхъ монетчиковъ, въ одномъ изъ домовъ той улицы, гдѣ они стояли, слышалась музыка. Это было въ томъ, гдѣ жилъ Бирни, напротивъ Гавтрея, и именно у госпожи де-Мервиль, той молодой дамы, которая однажды посѣтила брачную контору мистера Ло, по поводу сватовства виконта де-Водемона. Гости только-что разѣхались. Слуги тушили лампы и свѣчи, свѣтъ которыхъ и безъ того тускнѣлъ передъ проникавшимъ сквозь сторы разсвѣтомъ дня. Мадамъ де-Мервиль сидѣла въ своемъ будуарѣ, одна, въ задумчивости, утомленнѣ, склонивъ голову на руку, у письменнаго стола, на которомъ между цвѣточными вазами и разными изящными бездѣлками лежало нѣсколько книгъ и исписанная тетрадь. Наружность ея отличалась тою выразительною прелестью, которую романисты, за недостаткомъ лучшаго прилагательнаго, обыкновенно называютъ классическою, или античною. Этимъ уже довольно сказано. Предоставляемъ читателямъ дополнить портретъ по благоусмотрѣнію. Замѣтимъ только, что госпожѣ де-Мервиль въ ту пору минулъ ровно годъ вдовства, что она обладала голубыми глазами, порядочнымъ состояніемъ и малою-толкнуою мечтательности, и что она пописывала стихи и повѣсти, но только не для печати, а такъ, для своихъ собственныхъ литературныхъ вечеровъ, которые обыкновенно оканчивались самою пріятною критикою, — танцами. Такъ было и въ тотъ вечеръ, который мы описываемъ. Мадамъ де-Мер-

вила, по обычаю всѣхъ мечтательницъ и мечтателей, вела записки своимъ ощущеніямъ, и только-что положила перо, дописавъ исторію послѣдняго вечера, какъ раздалась трескотня пистолетныхъ выстрѣловъ. Она перепугалась до-смерти; люди побѣжали на улицу, узнать причину тревоги.

Между-тѣмъ Мортонъ искалъ выхода изъ комнаты Бирни, который предвидѣлъ, какую дорогую будутъ искать спасенія его друзья, и распорядился очень остроумно, оставивъ окно настежь, но замкнувъ двери, такъ, что бѣглець попалъ въ западню. Оглянувшись назадъ въ окно, онъ увидѣлъ, что одинъ изъ полицейскихъ пытался пуститься вслѣдъ тою же дорогой, по канату. Несчастный задрожалъ, но только на мгновение. Видя неминуемую гибель, если его догонять, онъ выпрямился, расправилъ члены и ухватился за ножъ. Глаза засверкали, ноздри вздулись. Онъ хотѣлъ дожидаться преслѣдователей. Но вдругъ ему мелькнула счастливая мысль. Онъ подкрался къ окну и ловкимъ взмахомъ отрѣзалъ крюкъ прежде нежели същикъ рѣшился влѣзть на страшный Чортовъ Мостъ. Потомъ, тѣмъ же ножомъ, Мортонъ разломалъ плохой замкъ въ дверяхъ и счастливо вышелъ на лѣстницу. Спустившись до втораго этажа, онъ услышалъ внизу шумъ встревоженныхъ людей и бросился всторону, попалъ въ людскіе покои, оттуда въ корридоръ и на другую лѣстницу. Тутъ опять снизу послышались голоса. Ему ничего больше не оставалось, какъ броситься въ первую попавшуюся дверь. Онъ вбѣжалъ какъ сумасшедшій, миновалъ нѣсколько богато убранныхъ комнатъ и, въ будоарѣ, сталъ лицомъ къ лицу передъ мадамъ де-Мервиль. Беспорядочно одѣтый, съ непокрытою, растрепанною головой, дико сверкающими глазами и съ отчаяніемъ и строптивостью во всѣхъ чертахъ благороднаго, но блѣднаго лица, онъ былъ страшенъ и прекрасенъ какъ юный гладиаторъ, гото-

вый отдать свою жизнь не иначе какъ за десять другихъ жизней. Неожиданно встрѣтивъ прекрасную женщину, онъ оробѣлъ какъ ребенокъ.

— Кто вы? чего вы здѣсь ищете? въ испугъ вскричала мадамъ де-Мервиль, протягивая трепещущую руку къ колокольчику.

— Я ищу своей жизни! сказалъ Мортонъ схвативъ ее за эту руку: меня преслѣдуютъ! Ради Бога, умилосердитесь! Я невиненъ. Спасите меня!

Онъ опустилъ руку и съ умоляющимъ видомъ взглянулъ ей въ лицо.

— А!.... это вы? вскричалъ онъ, узнавъ ее и отскочивъ на шагъ: Простите!.... я не зналъ....

И она его узнала. Время, обстоятельства, положеніе, его умоляющій и частію живописный видъ, — все это сильно подѣйствовало на воображеніе молодой женщины, у которой сострадательность была не послѣднею добродѣтелью.

— Бѣдный молодой человекъ! сказала она съ чувствомъ.

Въ эту минуту послышался шумъ и голоса въ передней.

— Ст!.... тише! Войдите сюда. Вы спасены.

Она приподняла занавѣсъ алькова, поспѣшно толкнула туда бѣглеца, закрыла и по-прежнему спокойно усѣлась за письменный столъ.

Вошелъ слуга въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ.

— Извините, сударыня, сказалъ одинъ изъ нихъ: мы ловимъ мошенника. Онъ долженъ быть въ этомъ домъ, потому что ушелъ сюда черезъ чердакъ. Позовите намъ повскать.

— Ищите, ищите. Посмотрите въ другихъ покояхъ. Изъ этой комнаты я не выходила.

— Справедливо, сударыня. Здѣсь ему нельзя быть. Просимъ извиненія.

Полицейскіе вышли и обшарили весь домъ, весь уголъ, гдѣ бѣглеца не было. Слуга остался, чтобы доложить о томъ, что видѣлъ на улицѣ. Вдругъ, замѣтивъ, что занавѣсъ алькова шевелится, онъ вскрикнулъ и бросился туда. Мадамъ де-Мервиль вскочила и остановила его. Она не сказала ни слова, но трепетала всѣмъ тѣломъ и щеки ея побѣлѣли какъ мраморъ.

— Сударыня, тутъ кто-то есть! сказалъ смущенный слуга.

— Да.... есть.... молчи!

Слуга не могъ себя представить, чтобы тутъ скрывался преслѣдуемый мошенникъ. Въ умъ его мелькнуло подозрѣніе совсѣмъ инаго роду. Но и это изумило его. Какъ! въ будоаръ госпожи де-Мервиль, этой чистой, безпорочной, гордой женщины, скрывается мужчина!

Мадамъ де-Мервиль съ одного взгляду поняла его мысль. Глаза ея засверкали, лицо вспыхнуло. Но великодушіе не дало воли негодованію. Дрожащія губы стиснулись, чтобы не выпустить готоваго слова. Могла ли она довѣрить ему истину? могла ли она положиться на его скромность? Страхъ и сомнѣніе волновали ее. Малѣйшая неосторожность могла погубить человека, котораго она взялась спасти не только отъ смерти, но можетъ-быть и отъ преступной жизни. Она поблѣднѣла; на глазахъ навернулись слезы.

— Я всегда была ласкова до тебя, Франсоа! Ни слова объ этомъ!

— Сударыня, будьте увѣрены.... положитесь на мою скромность, отвѣчалъ слуга кланяясь, чтобы скрыть улыбку.

— Ступай отсюда, продолжала мадамъ де-Мервиль подавая ему кошелекъ съ деньгами.

Слуга еще почтительнѣе поклонился и вышелъ.

Оставшись одна, молодая женщина, въ изнеможениі послѣ сильнаго потрясенія, упала на стулъ и залилась

слезами. Ее испугалъ и привелъ въ себя тихій голосъ: передъ нею стоялъ на козвняхъ молодой человекъ.

— Ступайте! ступайте! сказала она: я сдѣлала для васъ все, что могла.... Вы слышали?.... И кто еще? мой лакей!... Я спасла васъ съ опасностію собственнаго добраго имени....

— Съ опасностію вашего добраго имени? съ изумленіемъ повторилъ Мортонъ.

Мадамъ де-Мервиль не разсудила, что взгляды, а не слова слуги уязвили ее самолюбіе.

— Съ опасностію вашего добраго имени! повторилъ молодой человекъ.

И оглянувшись въ комнату, посмотрѣвъ на занавѣсъ, гдѣ скрывался у молодой женщины, вокругъ которой все дышало чистотою и цѣломудріемъ, въ святилищѣ, которое могло быть осквернено однимъ дыханіемъ чуждаго человека, Мортонъ понялъ смыслъ этихъ словъ.

— А!.... вашъ лакей подозрѣваетъ... Нѣтъ, сударыня! нѣтъ! я не допущу, чтобы вы для меня припесли чужую жертву.... Эй, вы! я тотъ, котораго вы ищете! кричалъ онъ и пошелъ къ двери.

Этотъ отвѣтъ еще пуше поразилъ госпожу де-Мервиль. Она вскочила и схватила Филиппа за руку.

— Ради Бога!.... что вы дѣлаете? Вы думаете, что когда-либо могу быть спокойна и счастлива, если вы погибнете, потому что напрасно вѣрили мнѣ свою судьбу? Успокойтесь. Я не помнила себя.... мнѣ не трудно будетъ уничтожить подозрѣніе слуги.... вполнѣ въ безопасности.... когда вы будете въ безопасности. Сперва должно спасти васъ. Вѣдь вы невинны, неправда ли?

— О! клянусь вамъ!.... я несчастенъ, бѣденъ.... я возбуждался и стыжусь этихъ заблужденій, но я не поступилъ! Благослови васъ Богъ, за то что вы вступились за меня, сказалъ Мортонъ, почтительно поцѣловалъ руку, которая всё-еще лежала на его рукъ: я всю жизнь не забуду васъ, продолжалъ онъ съ чув-

ствомъ: вы не только спасли мнѣ жизнь, но заставили меня полюбить ее.... Вы.... вы.... о комъ я такъ много мечталъ.... почти ежедневно, послѣ того какъ увидалъ васъ.... когда вы приходили къ намъ.... Воспоминаніе о васъ я сохраню на всегда.... на всегда....

У него не достало голоса, потому что сердце было слишкомъ полно. Но это молчаніе высказало мадамъ де-Мервиль больше нежели цѣлый томъ краснорѣчія.

— Кто вы? откуда? спросила она помолчавъ.

— Изгнанникъ, сирота.... безъ роду и безъ имени.

Простите!

— Нѣтъ, погодите! Еще опасно. Погодите, пока улягутся мои слуги. Сядьте.... Куда же вы хотите теперь идти?

— Не знаю.

— У васъ нѣтъ друзей?

— Никого.

— А родина?

— Нѣтъ.

— Боже мой! а полиція здѣсь такъ строга! воскликнула хозяйка ломая руки: что же намъ дѣлать теперь? Какъ вы спасетесь? Выйдетъ, что я напрасно спасла васъ.... на минуту!.... Васъ найдутъ и вы погибли!.... Да въ чемъ же они обвиняютъ васъ?.... неужто въ....

Она не могла выговорить ужасныхъ словъ «кража» или «убійство».

— Не знаю, отвѣчалъ Мортонъ, приложивъ руку ко лбу: я ни въ чемъ не виноватъ.... я только былъ другимъ человѣкомъ.... единственнымъ изъ людей, который принималъ во мнѣ участіе, былъ моимъ покровителемъ.... они его убили.

— Въ другой разъ вы расскажете мнѣ все.

— Въ другой разъ? съ живостью воскликнулъ Филиппъ: вы позволите мнѣ увидѣть васъ въ другой разъ?

Мадамъ де-Мервиль покраснѣла, услышавъ радо-

стный голосъ и встрѣтивъ сверкающій взоръ молодого чловѣка.

— Да, да, сказала она; но дайте мнѣ подумать. Успокойтесь. Посидите.... А! счастливая мысль!

Она схватила перо, поспѣшно написала нѣсколько строкъ, запечатала и отдала Мортону.

— Отнесите эту записку по адресу, къ мадамъ Дюфуръ. Она дастъ вамъ безопасное убѣжище. Это женщина, на которую я могу положиться. Она была моею нянькой и теперь живетъ пенсіонеромъ, который получаетъ отъ меня. Ступайте теперь. Прощайте.... Погодите!... все ли смирно? Я посмотрю, нѣтъ ли кого на лѣстницѣ.... Нѣтъ. На дворъ никого, и ворота уже отперты. Спѣшите. Сохрани васъ Господь. Прощайте.

—

Если вы когда-нибудь разсматривали черезъ микроскопъ чудовищъ, которыми наполнена капля воды, то это, конечно, на первыхъ порахъ не мало изумляло васъ: до-тѣхъ-поръ вы и не воображали, что могутъ существовать такія страшныя существа; узнавъ ихъ, вы чувствовали отвращеніе отъ свѣтлой стихіи, которую дотолъ почитали такою чистою, вы даже намѣревались впередъ вовсе не пить воды. Но на другой же день вы забывали безобразную жизнь, которая въ несмѣтныхъ видахъ копошилась передъ вами въ чреватой каплѣ; побуждаемые жаждою, вы не содрогались передъ лживымъ кристалломъ, хотя мириады ужасныхъ невидимокъ толпятся, толкаются, поглощаются и насыщаются другъ другомъ въ жидкости, которую вы такъ спокойно пьете. То же самое находимъ мы и въ той древней стихіи, что зовется жизнію. Завернутые въ свое мягкое и гладкое довольство, потягиваясь на покойномъ ложѣ ни чѣмъ не отягченной совѣсти, вы, взглянувъ быть-можетъ впервые черезъ стекло познанія на одинъ изъ страшныхъ шариковъ

волнующейся вокругъ васъ, все наполняющей и все орошающей воды, приходили въ изумленіе и ужасъ. «Возможно ли, чтобы существовали такія вещи? восклицали вы про себя: я никогда и во снѣ не видалъ ничего подобнаго! Я полагалъ, что чѣмъ я не вижу, того и нѣтъ въ дѣйствительности. Я замѣчу себѣ этотъ ужасный опытъ». На другой день опытъ забыть.

Химикъ можетъ проѣздить, перегнать, очистить водяной шарикъ. Нельзя ли и жизнь очистить знаніемъ?

Но обратимся къ поверхности, которая въ цѣломъ, обыкновенному глазу всегда является пріятною и привлекательною. Оно такъ и должно быть. Иначе кто же бы могъ жить сообразно назначенію природы и Творца, если бъ мы безъ микроскопа могли видѣть все содержаніе каждой росинки, дрожащей на розовомъ листкѣ; и каждой капли, свѣтящейся подѣ лучемъ солнца?

Прошло десять лѣтъ съ той ночи, когда погибъ Вадіамъ Гавтрей.

Осенью, за годъ до той поры, съ которой снова начинается нашъ рассказъ, одна знатная дама съ восемнадцатилѣтнею дочерью посѣтила знаменитыя Озера чѣ въ Нортонберлендѣ, въ сѣверной Англии, и поселилась на живописныхъ гористыхъ берегахъ Виннидскаго Моря. Очарованная прелестью мѣстоположенія она оставалась тамъ и на зиму. Мужъ, человекъ деловой, занятый, посѣщалъ ее лишь изрѣдка и то недолго: онъ не находилъ ничего привлекательнаго въ озерахъ, горахъ и рощахъ, которыя не приносили ей никакого доходу.

Мать, мистриссъ Бофоръ, и дочь ея, Камилла, въ первый же мѣсяцъ по прибытіи, случайно, во время танья по озеру, пріобрѣли новое знакомство, которое осталось безъ послѣдствій. Это былъ молодой человекъ, по имени Чарльзъ Спенсеръ. Вся жизнь его безтежко протекла на Озерахъ, въ кругу скромнаго и

браго семейства, котораго онъ былъ идоломъ. Онъ обладалъ очень образованнымъ умомъ, изящнымъ вкусомъ, чувствительнымъ и кроткимъ сердцемъ и пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ. Съ дѣтства не покидавшій своего мирнаго пріюта, онъ зналъ свѣтъ и людей только по книгамъ,—изъ стиховъ и романовъ. Родственники, у которыхъ онъ жилъ, дядя, старый холостякъ и двѣ тѣтки, пожилыя дѣвки, показались столько же неопытными и простодушными, какъ и ихъ воспитанникъ. Это была семья, которую богатые сосѣди уважали за образованность и благородный нравъ, а бѣдные любили за благодѣянія и ласки. Молодой Спенсеръ, племянникъ, былъ назначенъ наследникомъ всего имѣнія, довольно значительнаго.

Съ первой встрѣчи молодой человекъ какъ-будто старался уклониться отъ знакомства. Услыхавъ имя дамъ, онъ измѣнился въ лицѣ и смутился. Но обстоятельства сводили ихъ довольно часто; онъ съ перваго взгляду очень понравился мистриссъ Бюфоръ и отъ приглашеній невозможно было отдѣлаться, не погрѣшивъ противъ законовъ вѣжливости. Потомъ, мало-помалу, застычивость или недоувѣрчивость его была совершенно побѣждена красотою и добрымъ, кроткимъ характеромъ младшей дамы. Кончилось тѣмъ, что молодые люди стали проводить цѣлые дни на прогулкахъ вмѣстѣ, и Чарльзъ Спенсеръ совершенно поддался очарованію, которымъ безсознательно опутала его Камилла.

Однажды вечеромъ оба Спенсера прохаживались взадъ и впередъ по стриженной аллеѣ, которая вела къ ихъ дому. Молодой человекъ былъ встревоженъ, очевидно боролся самъ съ собой, хотѣлъ на что-то рѣшиться и не могъ.

— Дядюшка! сказалъ онъ наконецъ, преодолевъ себя: мнѣ нужно поговорить съ вами.

— Что такое, душа моя? говори.

— Дядюшка, ваши предостереженія были напрасны! Я люблю эту двушку.... люблю дочь высокомерных Божоровъ!... люблю ее пуше жизни своей!

— Бѣдняжка! сказала дядя, нѣжно обнявъ одной рукой его шею: не думай, чтобы я былъ въ состоянн бранить тебя: я знаю, что значитъ безнадежная любовь.

— Безнадежная!... отчего же безнадежная? вскричалъ молодой человекъ съ запальчивостью, въ которой выразалось столько же душевной муки, сколько и строптивости: вѣдь она можетъ полюбить.... она полюбить меня!

И въ первый разъ въ жизни гордое сознаніе своихъ рѣдкихъ личныхъ достоинствъ высказалось въ воспаленныхъ глазахъ и въ выпрямившейся осанкѣ молодого человека.

— Вѣдь говорятъ же, что природа не обидѣла меня продолжалъ онъ скромнѣе: и кто у меня соперникъ здѣсь?... Притомъ, она молода, а любовь.... (тутъ голосъ его затихъ и звучалъ какъ самыя нѣжные тоны флейты), любовь заразительна!

— Я не сомнѣваюсь, что она полюбитъ тебя.... вскрой, кто знаетъ, любить тебя, другъ мой. Но.... но.... ея родители.... согласятся ли они?

— Да отчего же нѣтъ? отчего же имъ не согласиться? вскричалъ молодой человекъ съ жаромъ, упорно стараясь, по свойству всѣхъ людей обуреваемыхъ страстью, опровергнуть и оспорить у другаго всѣ тѣ сомнѣнія, которыя терзали его самого: отчего же имъ не согласиться? Развѣ во мнѣ не такая же благородная кровь, какъ и въ нихъ? Вѣдь я изъ ихъ же роду, и сынъ по старшей линіи! Вѣдь я съ рожденія былъ окруженъ богатствомъ и блестящими надеждами и моя мать, бедная мать.... она до самой кончины защищала законность моихъ правъ и свою честь? Только случай и неправосудіе людей могли насъ лишить нашего

достоянія.... Но развѣ оттого я имѣю меньше правъ? И теперь.... развѣ я ищу милости? Не я ли, напротивъ, оказываю снисхожденіе, когда забываю несправедливости и огорченія, которыя претерпѣлъ? Нѣ я ли предлагаю имъ миръ и забвеніе всего прошлаго?

Молодой человѣкъ никогда еще не говорилъ въ этомъ тонѣ; онъ никогда не подавалъ виду, что смотритъ на исторію своего рожденія съ чувствомъ ожесточенія, съ воспоминаніемъ претерпѣнной несправедливости. Этотъ тонъ былъ совершенно противоположенъ обыкновенному его спокойствію и довольству. Дядя изумился, и не зналъ, что отвѣчать.

— Если ты такъ чувствуешь.... и это очень естественно, сказалъ онъ подумавъ: то тѣмъ болѣе ты долженъ стараться побѣдить эту несчастную страсть.

— Я хотѣлъ побѣдить ее, дядюшка! прискорбно возразилъ племянникъ: я боролся долго, но напрасно! Я вижу, что не могу успѣть въ этомъ и потому хочу побѣдить препятствія, каковы бы они ни были! Если Бофорамъ помѣшаетъ мое происхожденіе, мое истинное имя.... ну, такъ я никогда не открою, не назову ихъ. Чего жъ больше? Развѣ Чарльзъ Спенсеръ не можетъ жениться на Камиллѣ Бофоръ?

— Да, да; правда. Истиннаго имени ты не долженъ, не можешь открывать.... никогда. Поведеніе твоего брата такъ озлобило сэръ Роберта, что онъ и слышать бы не хотѣлъ о твоёмъ сватовствѣ.

Молодой человѣкъ тяжело вздохнулъ и одной рукой закрылъ глаза, а другою судорожно схватилъ за руку дядю, какъ-бы стараясь остановить его, чтобы тотъ не продолжалъ говорить. Но старикъ не догадался и, занятый своею мыслію, немилосердо продолжалъ расправлять затронутую рану, напоминая ему всѣ подробности слуховъ о жизни и дружбѣ Филиппа Мортонна съ Гавтреемъ, котораго поимка въ дѣланіи фальшивой монеты и смерть были перепечатаны во всѣхъ

газетахъ. Хотя Филиппъ не былъ тамъ названъ по имени, а только описанъ по примѣтамъ, однако жъ лордъ Лилльбурнъ, видѣвшій его при встрѣчѣ въ Палэ-рояль, озаботился объ устраненіи недоразумѣній, не печатно, но не менѣе дѣйствительно, такъ, что вѣсти дошли и до Спенсеровъ.

— Спрашиваю теперь, заключилъ старикъ: хочешь ли ты сложить эту маску, которая навсегда обезпечиваетъ твое существованіе и укрываетъ тебя отъ позору, которымъ, рано ли поздно ли, покроетъ свое имя Филиппъ, если онъ еще живъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ молодой человекъ, съ трудомъ произнося слова блѣдными, трепещущими устами: ужасно! ужасно смотреть и на прошлое и на будущность его! Но.... потомъ.... потомъ мы уже ничего не слыхали объ немъ..... никто не знаетъ, что съ нимъ стало..... можетъ-быть..... можетъ-быть онъ умеръ?

И Чарльзъ Спенсеръ вздохнулъ свободнѣе. Нужно ли говорить, что это былъ не кто иное какъ Сидней, котораго сентиментальный Спенсеръ, изъ любви къ Катеринѣ, похитилъ на дорогѣ у Филиппа и утаилъ отъ Бофоровъ, а между-тѣмъ коварно помогалъ имъ искать несчастнаго ребенка? Сэръ Робертъ, впрочемъ, не очень и хлопоталъ. Онъ можетъ-быть и подозревалъ уловку Спенсера, но молчалъ и былъ душевно радъ, что имѣетъ законный поводъ забыть о племянникѣ. Только Артуръ нѣсколько времени продолжалъ поиски и не успѣлъ, потому что Спенсеръ самъ пропасть изъ Лондона и изъ родовой провинціи, купилъ себѣ мызу на Озерахъ и жилъ тамъ безвыгодно со своими сестрами и воспитанникомъ, въ которомъ души не слышалъ.

«Можетъ-быть онъ умеръ!» Эта мысль облегчала мнимаго племянника. Блѣдный Филиппъ! Родной, кровный братъ находилъ утѣшеніе, радость въ предложеніи смерти, быть-можетъ насильственной, но-

стыдной смерти того, съ кѣмъ раздѣлялъ сиротство!

Спенсеръ сомнительно покачалъ головой и ничего не отвѣчалъ. Молодой человекъ тяжело вздохнулъ и пошелъ на нѣсколько шаговъ впередъ отъ своего благодѣтеля; потомъ обернулся, обождаль и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ:

— Вы правы, дядюшка: мнѣ нельзя снять этой маски, нельзя сложить этого имени, которое теперь ношу. Да и на что? Развѣ имя Спенсера не довольно уважаемо? Развѣ въ качествѣ вашего племянника я не могу искать руки дочери Бофора?

— Правда, правда, мой другъ. Ты довольно богатый наследникъ, притомъ дворянинъ. Я купилъ себѣ дворянство для тебя. Но всё-таки известно, что я прибрывъ богатство торговлей, былъ промышленникомъ... А Бофоры горды.... очень горды.... Однако жъ попытаемъ, попытаемъ! прибавилъ онъ поспѣшно, видя, что молодой человекъ опять начиналъ приходить въ отчаяніе: а теперь пойдемъ-ка домой. Пора спать. Завтра обдумаемъ, что дѣлать. Утро вечера мудренѣе.

Въ тотъ же вечеръ, въ Лондонъ, у лорда Лилъбурна были гости,—большею частію молодежь и старые холостяки,—между прочимъ трое или четверо знатныхъ Французовъ, изъ тѣхъ, которые послѣдовали въ Англію за несчастнымъ, изгнаннымъ Карломъ Десятымъ. Ихъ угрюмыя, печальныя и вмѣстѣ гордыя лица, кверху зачесанныя усы и большія бороды сначала составляли рѣзкую противоположность гладкимъ, веселымъ Англичанамъ. Но лордъ Лилъбурнъ, который любилъ французское общество и, въ случаѣ нужды, умѣлъ быть очень вѣжливымъ и пріятнымъ, скоро занялъ и развлекъ гостей, и наконецъ ощущенія высокой игры совсѣмъ сравняли различія. Начиная свѣтать, когда съли ужинать.

— Вы сегодня были очень счастливы, милорд! сказалъ съ завистливымъ поздравительнымъ тономъ одинъ изъ проигравшихся Французовъ.

— О! милордъ удивительно тонкій игрокъ! весело сказалъ другой, который выигралъ, потому что ему случилось быть партнеромъ лорда.

— Помилуйте, виконтъ! Безъ васъ я проигралъ бы, отвѣчалъ Лильбурнъ, и заговорилъ о другомъ.

Онъ спросилъ одного изъ гостей, почему его не познакомили еще съ однимъ французскимъ офицеромъ, который былъ извѣстенъ своими отличіями.

— Вы говорите о де-Водемонъ? Бѣдняжка! Жаль его! сказалъ одинъ изъ Французовъ, среднихъ лѣтъ по-угрюмъе другихъ.

— Отчего же онъ бѣдняжка, мосьё де-Ланкуръ спросилъ Лильбурнъ.

— Да онъ такъ быстро шелъ до революціи, былъ храбрѣйшимъ офицеромъ во всей арміи, а теперь карьера его кончилась въ самую лучшую пору.

— Догонить, когда воротятся Бурбоны! сказалъ другой эмигрантъ, закутивъ усь.

— Мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ нимъ, сказалъ хозяинъ: де-Водемонъ.... хорошее имя. Вы можете онъ играетъ въ вистъ.

— Имя-то хорошее, замѣтилъ другой Французъ, мнѣ кажется, права-то у него на это имя не самыя лучшія.

— Какъ такъ?

— Да это цѣлая исторія.

— Можно узнать?

— Пожалуй. Не секретъ. Въ Парижѣ жилъ некогда виконтъ де-Водемонъ, изъ порядочной фамиліи, бѣднякъ и притомъ страшный кутила, мотъ. Онъ могъ имѣніе двухъ женъ. Будучи уже старъ и убогъ, ренъ собою, схоронивъ двухъ женъ, — что обыкновенно пугаетъ невѣсть, — онъ не находилъ себѣ приличнаго

ной партіи въ своемъ кругу и обратился съ сватовствомъ въ мѣщанскій классъ. Родня его непрерывно была въ страхъ отъ неровнаго брака, который могъ бы всю ее подвергнуть насмѣшкамъ. Между прочимъ въ числѣ родственниковъ была одна мадамъ де-Мервиль, о которой вы, быть-можетъ, слышали?

— Мадамъ де-Мервиль? Ахъ, да! красавица?

— Да, она была очень хороша собой. Мадамъ де-Мервиль неразъ выкупала влюбчиваго виконта изъ брачнаго плѣну своими деньгами. Виконтъ съ тѣмъ и умеръ, что не успѣлъ жениться въ третій разъ. И вдругъ въ кругу мадамъ де-Мервиль явился молодой человекъ, красивый юноша, который былъ формально представленъ обществу какъ ея кузень и сынъ виконта де-Водемона, отъ втораго брака, рожденный и воспитанный въ Англии. Пронеслись-было невыгодные слухи....

— Мосё де-Шапель, сказалъ де-Ліанкуръ, перебивая рассказчика: эти слухи, какъ вамъ известно, были такого рода, что всякой благородный человекъ клеймилъ ихъ презрѣніемъ. Они вышли изъ грязнаго источника, — черезъ негоднаго пьяницу-лакея, который раструбилъ, будто молодой человекъ съ самаго прибытія, съ первой же ночи, уже былъ любовникомъ госпожи де-Мервиль. Можно ли повѣрять такой нелѣпости? Я ручаюсь, что это чистая ложь. Несмотря на то однако жъ, она была причиною, что Евгенія де-Мервиль, женщина гордая и благородная, дѣйствительно рѣшилась выйти замужъ за этого кузена.

— Такъ онъ женатъ? спросилъ лордъ Лильбурнъ.

— Нѣтъ; не суждено было, продолжалъ Ліанкуръ печально: Водемонъ, по чувству, которое показываетъ благородный характеръ и которое я уважаю, не хотѣлъ принять страстно любимой и уважаемой женщины, пока не приобрететъ самъ какого-нибудь отличія, которое бы дало ему право на то. Онъ вступилъ въ

военную службу, въ мой полкъ и я горжусь его дружкой. Между-тѣмъ мадамъ де-Мервиль умерла.... ея, эту прекрасную, добрую женщину, погубило челоуѣколюбіе и усердіе, съ которымъ она помогала всѣмъ несчастнымъ. Въ домъ, гдѣ она жила, гдѣ-то на чердакъ, лежала больная бѣдная женщина. Евгенія узнала о ея бѣдственномъ положеніи и съ обыкновеннымъ своимъ самоотверженіемъ поспѣшила подать помощь, навѣщала несчастную по нѣскольку разъ въ день. Слѣдствіемъ было то, что она сама заразилась гнилою горячкой.

— Урокъ! замѣтилъ лордъ Лилльбурнъ: никогда не должно легкомысленно подвергать жизнь свою опасности, чтобы пощеголять добрымъ сердцемъ.

Французъ съ презрѣніемъ взглянулъ на хозяина и закусилъ губу.

— Но отчего же сомнѣвались въ происхожденіи лодаго Водемона? продолжалъ Лилльбурнъ: развѣ отъ того, что онъ поздно явился? Но, по-мѣтому, очень естественно, что отецъ не хотѣлъ показывать людямъ большаго сына, когда самъ задумывалъ жениться. И чѣмъ же основывались эти сомнѣнія?

— На томъ, сказалъ де-Шапель, что молодой челоуѣкъ отказался отъ юридическаго утвержденія въ своихъ правахъ и отъ требованія правъ гражданства въ отечествѣ отца. По смерти госпожи де-Мервиль оставилъ Францію и перешелъ служить въ Индію.

— Но, можетъ-быть, онъ былъ бѣденъ такъ же какъ и отецъ, такъ стояло ли и хлопотать о законныхъ правахъ! Отецъ дѣло хорошее, отечество тоже, только тогда когда есть деньги. Если же отецъ ничего не даетъ, такъ и отечество слѣдуетъ его признать за чуждаго. Это въ порядкѣ вещей.

— Милордъ, возразилъ Ланкуръ, мось де-Шапель забылъ рассказать, что мадамъ де-Мервиль отказалась отъ своего имѣнія, и что онъ, молодой Водемонъ все свое имѣніе, и что онъ, сво-

жившись отъ скорби о потерѣ нѣжно и страстно любимой женщины, созвалъ ея родственниковъ, объявилъ, что память ея слишкомъ дорога ему, для того, чтобъ онъ могъ утѣшиться богатствомъ, и роздалъ имъ наследство, а себѣ оставилъ только малую часть, съ которою отправился въ Индію добывать себѣ имя и положеніе въ свѣтъ личною храбростію и заслугами. Мосьё де-Шапель вспомнилъ о ничтожномъ скандалѣ, но забылъ о благородномъ поступкѣ.

— Помилуйте, да вы не дали мнѣ досказать! возразилъ тотъ: я уважаю мосьё де-Водемона не меньше васъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи, продолжалъ онъ обращаясь къ хозяину: Водемонъ воротился и получилъ мѣсто при дворѣ и въ гвардіи короля Карла Десятаго. И, не будь этихъ трехъ дней, онъ далеко бы ушелъ. Но вотъ онъ въ Лондонѣ, какъ и мы.

— Да только, вѣроятно, съ пустыми карманами, потому что не могъ застаться подобно вамъ? замѣтилъ Лильбурнъ.

— Нѣтъ; кажется, онъ въ Индіи не только сохранилъ, но даже значительно умножилъ капиталъ, который предоставилъ себѣ изъ наследства послѣ мадамъ де-Мервиль.

— А что, онъ играетъ въ вистъ? спросилъ опять Лильбурнъ: слѣдовало бы. Вы до крайности возбудили мое любопытство. Надѣюсь, вы познакомите меня съ вашимъ другомъ, мосьё де-Ліанкуръ?

Вскорѣ потомъ гости разъѣхались.

Вечеромъ другаго дня, въ отдаленномъ предмѣстіи, по кривой пустынной улицѣ, которая вела мимо кладбища на большую дорогу, поспѣшно шла молодая дѣвушка, вполголоса напѣвая про себя веселую пѣсню на унылый голосъ. На углу переулка, въ который

она хотѣла поворотить, вдругъ остановилъ ее чело-
вѣкъ, по-видимому стоявшій на-сторожѣ.

— Ахъ, миссъ! это мѣсто такъ пусто и совсѣмъ не-
прилично такой красавицѣ, которой бы никогда не
слѣдовало быть одной. Да вамъ бы и пѣшкомъ хо-
дить не годилось.

Дѣвушка остановилась и во весь глаза, но безъ стра-
ху, взглянула на него.

— Подите прочь! я васъ не знаю! сказала она пове-
лительно.

— Можетъ-быть. Но меня послалъ, переговорить съ
вами, одинъ джентльменъ, который хорошо знаетъ
васъ, любитъ васъ до безумія и не можетъ выносить
мысли, что вы ходите пѣшкомъ, въ такомъ бѣдней-
комъ платьицѣ. Онъ хочетъ подарить вамъ кроткую
лошадей, нарядовъ, брилліантовъ. Вотъ онъ прислалъ
вамъ покуда денегъ. Посмотрите какой тяжелый
шелекъ: все золото!

Дѣвушка оторопѣла.

— Подите прочь! оставьте меня въ покоѣ! закричала
она вдругъ со страхомъ и пустилась бѣжать.

Но искуситель скоро догналъ ее и схватилъ
платье.

— Стойте! вы должны идти со мной.... вы должны
вскричалъ онъ повелительно, опустивъ сорвавшійся
шейный платокъ и обхвативъ дѣвушку поперегъ ста-
на.

— Пустите меня! пустите! умоляющимъ голосомъ
кричала испуганная бѣдняжка, прослезившись и сло-
живъ руки: пустите меня! бѣдная Фанни вѣдь дура-
ка! Никто не обижаетъ бѣдной Фанни!

— Васъ никто не обидитъ: напротивъ, вамъ хотѣю
сдѣлать добро. Вы не знаете, отъ чего отказываетесь.
Пойдемте.

Онъ попытался—было увлечь ее силой, но она

мольбы перешла къ негодованію и съ пронзительнымъ визгомъ закричала:

— Нѣтъ! нѣтъ, не хочу!...

— А! коли такъ, то понесутъ, возразилъ преслѣдователь и, оглянувшись напередъ, не видя ли кто, вдругъ ловко и быстро накинулъ дѣвущкѣ большой платокъ на голову, зажалъ ротъ, поднялъ ее и потащилъ ближайшимъ путемъ, черезъ кладбище, на большую дорогу.

Дѣвушка отчаянно билась руками и ногами, и наконецъ ей удалось освободить ротъ. Снова раздался пронзительный крикъ.

И въ то же мгновеніе громовый голосъ закричалъ: «Кто тутъ?» и рослая фигура поднялась изъ тѣней церкви какъ-бы изъ могилы. Еще мгновеніе и сильная рука схватила хищника за-воротъ.

— Что это значитъ? Оставь ее, негодяй!

Тотъ, дрожа отъ суевѣрнаго страху, храпя отъ удушья, повновался и опустилъ добычу. Она упала къ ногамъ избавителя.

— Защитите меня! молила она рыдая: я бѣдная дѣвушка, а дѣдушка мой слѣпъ.

Незнакомецъ наклонился, чтобы поднять ее. Хищникъ воспользовался случаемъ и убѣжалъ.

— Бѣдняжка! сказалъ незнакомецъ съ нѣжнымъ участіемъ: не бойся, я не дамъ тебя въ обиду. Гдѣ ты живешь? Я провожу тебя.

— Ахъ, какъ вы добры! Благодарю васъ. Пожалуйте, проводите!

И она доверчиво схватила его руку, какъ ребенокъ хватается за руку матери или няньки. Они пошли.

— Вы знаете этого человѣка? Куда онъ тащилъ васъ?

— Нѣтъ, я не знаю его, не знаю, зачѣмъ онъ попалъ на меня, но онъ, кажется, хотѣлъ сдѣлать мнѣ зло.... не говорите объ немъ: мнѣ дурно, когда я вспомню.

Последнія слова она сказала по-французски и приложила руку ко лбу. Французскій выговоръ ея былъ такъ чистъ, что незнакомецъ съ любопытствомъ сталъ вглядываться въ нее.

— Вы хорошо говорите по-французски!

— Я? Ахъ, нѣтъ; я почти совсѣмъ забыла.... только, когда мнѣ бываетъ или очень весело или очень грустно, тогда я вспоминаю многія слова. Теперь я счастлива. Мнѣ нравится вашъ голосъ; вы мнѣ нравитесь.... ахъ! я потеряла корзинку!

— Ну, я достану вамъ другую.

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдите, поищемъ. Какъ вы добры.... Ахъ, вотъ она!

Она побѣжала впередъ, схватила корзинку, поцѣловала ее и начала говорить съ нею. Незнакомецъ улыбнулся.

— Вѣрно, вамъ дорога не эта простая корзинка, а тотъ, кто подарилъ ее, не такъ ли?

— Не знаю. Но она у меня давно: она привезена со мною изъ Франціи и была тогда наполнена игрушками, которыхъ уже нѣтъ, которыхъ я, глупая, не умѣла сберечь!

— Который вамъ годъ?

— Не знаю.

— Бѣдненькая! сказалъ незнакомецъ съ глубокимъ состраданіемъ: ваша маменька напрасно отпускаетъ васъ со двора въ такую пору.

— Маменька?... маменька! повторила дѣвушка съ изумленіемъ.

— У васъ нѣтъ маменьки?

— Нѣтъ. У меня есть только дѣдушка, съ которымъ мы живемъ вотъ тутъ, недалеко. Былъ отецъ, да тотъ давно умеръ, очень давно. Я долго плакала объ немъ. Потомъ былъ у меня братъ, но тоже не долго: онъ привезъ меня изъ Франціи, сюда, и отдалъ дѣдушкѣ, и самъ ушелъ. Можетъ-быть, и онъ тоже умеръ. Я преж-

да думала, что всѣ умираютъ, кто уходитъ отъ меня. Это неправда, но я всё-таки думаю, что братъ мой умеръ. Онъ велѣлъ мнѣ посыпать цвѣтами одну могилу на этомъ кладбищѣ. Я исполняю его приказаніе и каждый день хожу сюда, лѣтомъ приношу свѣжіе цвѣты, а зимой кладу на могилу свѣжій ельничекъ. Я думала, что отъ этого, можетъ-быть, воскреснутъ мой отецъ и братъ.

Незнакомецъ съ сильнымъ волненіемъ слушалъ эту разсказъ. «Возможно ли? говорилъ онъ про себя: да, это она!... это она!»

— Васъ зовутъ Фанни? спросилъ онъ наконецъ.

— Да; меня всѣ знаютъ здѣсь.

— Куда же вы теперь ходили. Что у васъ было въ корзинкѣ? Неужто вы теперь носили цвѣты на могилу?

— Нѣтъ; теперь я относила шитье, работу. У дѣдушки прежде было много денегъ, но теперь онъ бѣденъ, и я достаю денегъ на обѣдъ. Въ той улицѣ живетъ одна магазинщица, которая всегда даетъ мнѣ работу. Дѣдушка, я думаю, ужъ соскучился дожидаясь меня.... Но вотъ мы и пришли: вотъ нашъ домъ.

Она отворила маленькую дверь и незнакомецъ, наклонившись, вошелъ въ небольшую комнату, тускло освѣщенную одною нагорѣвшею свѣтой. Въ углу, въ ветхихъ креслахъ, сидѣлъ слѣпой старикъ. Дѣвушка подбѣжала къ нему, обняла, поцѣловала въ добъ и сказала:

— Дѣдушка, дѣдушка! я привела тебя гостя, котораго ты долженъ полюбить. Онъ былъ такъ добръ и ласковъ до твоей Фанни.

— Кто же это? спросилъ старикъ.

— Я былъ другомъ вашего погибшаго сына. Я тотъ, который, десять лѣтъ тому назадъ, привелъ и отдалъ вамъ Фанни,—последнее порученіе вашего сына. Вы благословили его и меня; вы обѣщали быть отцомъ маленькой Фанни.

Старикъ медленно поднялся и, дрожа весть тѣломъ, протрянулъ руки.

— Подойдите, подойдите, ко мнѣ... дайте мнѣ вашу руку... я васъ не вижу, но Фанни много говоритъ о васъ; она молится за васъ. Фанни добрая дѣвушка: она была мнѣ ангеломъ-утѣшителемъ.

Гость подошелъ къ старику. Тотъ взялъ его руку и, бормоча что-то, искалъ другою его головы. Фанни, блѣдная какъ смерть, съ открытымъ ртомъ, съ мучительнымъ напряженіемъ вниманія вглядывалась въ смуглыя, выразительныя черты гостя, потомъ, мало-по-малу приблизившись, также стала ощущивать его лицо и руки.

— Братъ! сказала она наконецъ робко и съ сомнѣніемъ: братъ! Я думала, я никогда не забуду тебя. Но ты не похожъ на моего брата! Ты гораздо старше. Ты... нѣтъ, нѣтъ! ты не братъ мой!

— Я очень перемѣнился, Фанни, и ты тоже, сказалъ Филиппъ съ улыбкою, и эта улыбка,—пріятная, нѣжная, сострадательная,—совершенно измѣнила выраженіе его лица, обыкновенно всегда суроваго и гордаго.

— Да! теперь я узнаю тебя! вскричала Фанни въ восторгъ: ты пришелъ ко мнѣ изъ той могилы? Мои цѣвѣты воротили тебя?... Ну, вотъ, вѣдь я правду говорила! Я знала, что ты воротишься. Братъ, мой милый братъ!

Она бросилась къ нему на шею и зарыдала:

— Но что же это значить, мистеръ Симонъ, спросилъ Филиппъ по нѣкоторомъ молчаніи: Фанни говоритъ мнѣ, что она должна работать, чтобы прокормить васъ? Развѣ вы такъ бѣдны? Вѣдь я оставилъ вамъ денегъ... наследство послѣ вашего сына.

— На вѣхъ моихъ деньгахъ лежало проклятіе, мрачно сказалъ старикъ: меня обокрали. А вы, молодой человекъ... что съ вами было, хорошо ли вы жили?

— Я всё такъ же одинокъ, безъ друзей и родныхъ, какъ и прежде. Но, слава Богу, я не нищій.

— Ни родныхъ, ни друзей! повторилъ старикъ: ни отца, ни брата; ни жены, ни сестры!

— Никого. Никто не заботится, никто не думаетъ обо мнѣ.

— Не говори этого, братецъ! сказала Фанни, тихо пожавъ его руку: Фанни никогда не переставала думать о тебѣ. Останься у насъ; мы будемъ ухаживать за тобой; мы будемъ заботиться о тебѣ, любить тебя. Фанни можетъ работать и на тронхъ!

— Слышите? И ее называютъ дурочкой! преворчалъ старикъ съ презрительною улыбкой.

— Милая Фанни! Да, я останусь у васъ; ты будешь мнѣ сестрой! Мы оба сироты... Сестра моя! съ сильнымъ волненіемъ вскричалъ Филиппъ и, обнявъ ее, напечатлывалъ на лбу нѣжный, чистый, истинно братскій поцѣлуй. Слезы ихъ смѣшались.

— Что вы скажете, мистеръ Симонъ? продолжалъ онъ, взявъ старика за руку: въ самомъ дѣлѣ я переѣду въ вашъ домъ. Мое имя Филиппъ де-Водемонъ, полковникъ французской службы. У меня есть чѣмъ жить; я могу помогать вамъ. Вообще я вамъ не буду въ тягость: мнѣ нужно будетъ часто отлучаться. Но мнѣ дорого это кладбище: я хочу имѣть пристанище по близости его.

— Да, да, останьтесь у насъ! и помогите намъ, если можете. Ближе кладбища жить хорошо: по-дальше отъ людей,—вѣрнѣе.

— Такъ я завтра приѣду. Теперь мнѣ надобно назадъ въ городъ.

— Ты опять уходишь? Такъ скоро? нѣжно спросила Фанни: но, пожалуйста, воротись непременно завтра. Ты всё-таки умираешь для Фанни, когда уходишь!

— Непременно, непременно воречусь. Но бойся, а не разстанусь съ тобою до дѣйствительной смерти.

Дня через два лордъ Лилъбурнъ опять принималъ гостей и между ними былъ полковникъ де-Водемонъ, въ которомъ мы уже узнали Филиппа Мортонъ. Лилъбурнъ любилъ изучать характеры, и въ-особенности характеры такихъ людей, которымъ приходилось бороться со свѣтомъ и счастиемъ. Не имѣя самаго никакого честолюбія, онъ любилъ однако жъ наблюдать безпокойство, огорченія, страданія и борьбу тѣхъ, кто бился съ судьбой, чтобы чѣмъ-нибудь сдѣлаться или что-нибудь нажить. Будучи очень богатъ, онъ и въ игрѣ не столько любилъ самый выигрышъ, сколько наслаждался душевными волненіями и часто страданіями проигрывающихъ. Мажанди, во время своихъ физиологическихкихъ опытовъ, увлеченный интересомъ науки, не можетъ быть безчувственнымъ къ страданіямъ терзаемой собаки и спокойнѣе лорда Лилъбурна, анализирующаго человѣческія страсти въ разоренной жертвѣ его искусства. Онъ душевно желалъ обмануть Водемона, разорить человека, который осмѣливался быть великодушнѣе другихъ, загородить дорогу отважному искателю приключеній и насладиться муками колесованнаго фортуной,—и все это, разумется, безъ малѣйшей ненависти къ человеку, котораго онъ выдѣлъ въ первый разъ.

Когда стали готовить карточные столы, Лилъбурнъ отвелъ Водемона къ сторонѣ и сказалъ:

— Вы никогда не играете, стало-быть и не нужно предупреждать васъ насчетъ лорда Лилъбурна: онъ удивительный игрокъ.

— Ничего, я всё-таки буду играть. Мнѣ нужно сблизиться съ нимъ, по поводу, котораго теперь не могу вамъ открыть. Я могу немножко проиграть и надеюсь черезъ это выиграть въ другомъ отношеніи, для одной дорогой мнѣ особы. Впрочемъ, я его знаю хорошо, хотя онъ меня и не знаетъ.

Съ этимъ словомъ онъ подошелъ къ группѣ лорда

Дальбурна и взялъ предложенную карту. За ужиномъ Водомонъ говорилъ больше обыкновеннаго и преимущественно съ хозяйномъ. Они такъ занялись одинъ другимъ, что все гости уже разъехались, развѣло, а беседа ихъ всё-еще длилась.

— Вотъ, какъ я засидѣлся у васъ! сказалъ Водомонъ, оглядываясь въ опустѣвшей залѣ.

— Это лучший комплиментъ, какой вы могли мнѣ сдѣлать. Въ другой разъ мы можемъ оживить свой tête-à-tête партією экартѣ, хотя мнѣ удивляетъ, что вы, мосье де-Водомонъ, въ ваши лѣта и съ вашею наружностью, любите игру. Вамъ бы не въ картахъ надобно искать червонной масти. Неужто вамъ уже прискучилъ прекрасный полъ?

— А вы еще такъ же преданы ему, по-прежнему?

— Нѣтъ, не по-прежнему: у всякаго возраста свой обычай: въ ваши лѣта я волочился, нынче покупаю, и гораздо лучше: меньше требуетъ времени.

— Дѣтей у васъ, кажется, не было, милордъ? Вы не жаль-быть иногда чувствуете этотъ недостатокъ?

— Если бъ я считалъ это недостаткомъ, то могъ бы во всякое время пополнить его цѣлыми дюжинами. Другія дамы въ этомъ отношеніи были гораздо тароватѣ покойной леди Дальбурнъ, вѣчная ей память.

— Но, возразилъ Водомонъ, пристально глядя козляну въ глаза: если бъ вы были увѣрены, что вы действительно отецъ и даже дѣдъ милаго, прекраснаго существа, которое нуждается въ вашей помощи и попеченіяхъ? Развѣ вы не пожелали бы, чтобы оно, хотя и незаконное, вознаградило вамъ недостатокъ дѣтской любви и преданности?

— Дѣтской любви и преданности, mon cher!..... нуждается въ моей помощи и попеченіяхъ? Ба! другими словами, не хочу ли я дать квартиру и столъ какому-нибудь бродягѣ, который сдѣлаетъ мнѣ милость, назовется сыномъ лорда Дальбуерна?

— Но если бы вы были убеждены, что это ваше дитя, ваша дочь..... званіе, которое тѣмъ больше имѣетъ правъ на помощь, тѣмъ оно нѣжнѣе и слабѣе.

— Любезнѣйшій мосѣ де-Водемонъ, вы, безъ сомнѣнія, человекъ образованный, свѣтскій, и следовательно, должны знать порядокъ въ свѣтъ. Если и тѣ дѣти, которыхъ навязываетъ намъ законъ, даютъ разъ изъ десяти составляютъ несносную тягость, то посудите, можно ли чувствовать охоту быть отцомъ такихъ, отъ которыхъ законъ позволяетъ отрекаться! Незаконнорожденные дѣти—парин на свѣтъ, а я принадлежу къ сектѣ браминовъ.

— Но.... извините, что я продолжаю этотъ разговоръ: быть-можетъ, я изъ вашего разсужденія хочу извлечь руководство для собственнаго употребленія... Положимъ, что нѣкто любилъ дѣвушку, сдѣлавъ ее несчастною; положимъ, что онъ видитъ въ ребенкѣ ея существо, которое безъ его помощи было бы предоставлено гибели и позору, обыкновенной участи паріевъ.... именно паріевъ: это очень вѣрное опредѣленіе.... существо, которое, при небольшомъ пособіи, можетъ современемъ сдѣлаться его подругой, утѣшительницей, попечительницей во время болѣзни.....

— Э! полноте, полноте! перебилъ лордъ Анльбургъ съ нетерпѣніемъ: я не понимаю, какимъ образомъ вы могли заговорить о подобныхъ вещахъ! Но если вы действительно хотите знать мое мнѣніе объ этомъ, въ отношеніи къ случаю въ практической жизни, то извольте, мосѣ де-Водемонъ, я вамъ скажу его. Никто основательнѣе меня не изучалъ искусства быть счастливымъ, и я вамъ открою эту великую тайну; имѣйте какъ можно меньше связей, не принимайте на себя никакихъ обязательствъ. Попечительница? Ба! задоръ! Вы и я, мы можемъ въ случаѣ нужды, нанять по-надѣльно сидѣлокъ, которыя будутъ гораздо лучше и исправнѣе какого-нибудь ребенка. Утѣшительница!..

Человѣкъ съ умомъ не нуждается въ утѣшеніяхъ. Вообще, откуда есть деньги, да хоть немножко сносное здоровье, откуда мы можемъ не заботиться ни о комъ на свѣтѣ,—и горя никакого быть не можетъ. Если вы любите другихъ, то и терпите не одно свое; ихъ здоровье, ихъ обстоятельства независимо отъ васъ мѣняются и вамъ, ни за что ни про что, достается на чужомъ пару похмѣлье. Никогда не живите одиноко, не чувствуйте одинъ! Вы считаете это не человѣколюбивымъ? Можетъ-быть, оно и такъ. Но я не лицемеръ: я никогда не стараюсь казаться чѣмъ-нибудь инымъ, я всегда кажусь тѣмъ, что я есть—Джономъ Лилъбурномъ.

Покуда лордъ говорилъ это, Водемонъ, прислонясь къ двери, внимательно смотрѣлъ на него съ странною смѣсью любопытства и отвращенія.—«И Джонъ Лилъбурнъ—лордъ, перъ, знатный, почтенный человѣкъ, а Вилліамъ Гавтрей былъ мошенникъ! думалъ онъ про себя: вы, милордъ, не скрываете вашего сердца, потому что знатность и богатство не имѣютъ нужды въ лицемеріи; Гавтрей былъ преступникъ, а вы—лицетворенный порокъ. Гавтрей погрѣшилъ противъ закона; вы поступаете подло на законномъ основаніи.... И преступникъ спасъ отъ пороку и нищеты вашу кровь, вашу внучку, отъ которой вы, почтенный, знатный человѣкъ, отрекаетесь! Кто же изъ васъ на томъ свѣтѣ будетъ сочтенъ болѣе почтеннымъ человѣкомъ?.. Нѣтъ, бѣдная Фанни! Я вижу, я ошибся. Если бы онъ теперь и захотѣлъ признать, я не отдамъ тебя такому холодному эгоисту. Слѣпой нищей всё-таки лучше барина безъ сердца.»

— Ну, милордъ, сказалъ онъ, опомнившись отъ мечтанія: признаюсь, я нахожу вашу философію самою благоразумною, для васъ. Для бѣдняка она не годится: бѣдняки имѣютъ пужду въ любви другихъ.

— Да, да! конечно, бѣдняки—другое дѣло! сказалъ лордъ Лилльбурнъ съ откровенностью покровителя.

— Признаюсь также, продолжалъ Водемонъ, что я съ удовольствіемъ проигралъ свои деньги, получивъ такой прекрасный урокъ въ бесѣдѣ съ вами.

— Вы очень любезны. Пріѣзжайте въ четвергъ, на реванжъ.... Да! кстати. Недѣлю черезъ дѣю я приглашаю всѣхъ моихъ пріятелей на дачу, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона. Сдѣлайте одолженіе, не останьте и вы. Мы устроимъ тамъ охоту. Вѣдь вы, говорятъ, отличный стрѣлокъ, а у меня въ Фернсидѣ паркъ порядочный, дичи пропасть.

— Въ Фернсидѣ?

— Да. Вамъ знакомо это имя?

— Да... я, кажется, слышалъ объ немъ. Вы, милордъ, купили эту дачу или она по наследству вамъ досталась?

— Купилъ у тестя, сэръ Роберта Бофора. Она принадлежала его брату, доброму малому, кутиль, который сломилъ себя шею, перескочивъ черезъ высокія ворота. Другъ мой Робертъ, въ тотъ же день, теми же самыми воротами, вступилъ въ прежнее владѣніе. Если хотите, я васъ познакомлю. Онъ прекрасный человекъ и живетъ открыто.

— Очень радъ.... весьма пріятно.

Они разстались.

И такъ Филиппу опять предстояла встрѣча съ ненавистными Бофорами. Но теперь онъ уже не убѣгалъ, а желалъ и искалъ этой встрѣчи. Онъ съ самаго дня возвращенія въ Англію усердно принялся отыскивать Сиднея, былъ и у брата своей матери, развѣдывалъ всюду, гдѣ можно было искать слѣдовъ, но ничего не открылъ, кромѣ того, что Бофоры уже давно точно такъ же искали, но тогда ничего не нашли. Были ли ихъ поиски успешнѣе послѣ, объ этомъ Филиппъ Мортонъ ничего не зналъ. Ему оставалось одно средство узнать

что-нибудь о братъ,—сблизиться съ Бофорами. Сэръ Ребертъ дѣйствительно могъ удовлетворить его любопытству: онъ зналъ, гдѣ Сидней. Это мы видимъ изъ письма его къ зятю, лорду Лилльбурну.

«Любезный Лилльбуртъ, вообразите! я неожиданно нашелъ одного изъ своихъ племянниковъ! Вы помните, я вамъ говорилъ, что жена моя, на Озерахъ, познакомилась съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который ищетъ руки моей дочери? Я самъ тоже видѣлъ его какъ-то разъ. Онъ получитъ небольшое, но порядочное наследство отъ дяди. Партія не блистательная, но годится. Чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ больше потребуетъ приданого, а я не могу много отнимать у моего Артура. Молодой человѣкъ на взглядъ мнѣ понравился. Мы съ женою и порѣшили выдать за него Камиллу, когда онъ формально объявитъ свое желаніе, въ которомъ давно уже нѣтъ сомнѣнія. Нынче я опять ѣздилъ туда и видѣлъ его дядю, мистера Спенсера. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я узналъ въ немъ того самаго Спенсера, сентиментальнаго чудака, который столько хлопоталъ, чтобы отъжскать дѣтей Катерины, а въ мнѣмъ племянникъ его—Сидней Мортонъ, котораго онъ похитилъ, усыновилъ и сдѣлалъ своимъ наследникомъ! Я покуда не подавалъ виду, что узналъ ихъ, но искусно вывѣдалъ у старика и не сомнѣваюсь, что это они. Присовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? Я нахожу, что молодой Мортонъ или Спенсеръ, какъ онъ называется,—влюбленъ въ Камиллу до безумія. Онъ, кажется, скромный, порядочный, добронравный молодой человѣкъ.... пишетъ стихи.... впрочемъ, кажется, недалекъ. Онъ уже теперь формально просилъ руки Камиллы. Я потребовалъ года отсрочки, подъ предлогомъ испытанія привязанности молодыхъ людей; мы между-тѣмъ придумаемъ, что дѣлать. Если этотъ молодой человѣкъ останется тѣмъ, что есть, Чарльзомъ Спенсеромъ, который имѣетъ свое независимое состояніе, то я тутъ не вижу большой бѣды. Отдавъ ему Камиллу съ приличными приданымъ, я нѣкоторымъ образомъ исполню свое слово заботиться объ немъ. Притязаній онъ, конечно, ни какихъ не можетъ имѣть. Во всякомъ слу-

чай, дѣло у меня въ рукахъ и отъ меня будетъ зависѣть дать ему оборотъ, смотря по обстоятельствамъ. Безъ вашего совѣту я однако жъ ничего не порѣшу. Я взялъ жену и дочь съ собою. Вслѣдъ за этимъ письмомъ мы прибудемъ въ Лондонъ, а потомъ тотчасъ же отправимся на нѣсколько недѣль въ Бофоръ—Куръ, гдѣ надѣемся видѣть и васъ.

Душевно преданный вамъ *Робертъ Бофоръ*.

— А! вотъ кстати встрѣтились! Я шелъ къ вамъ, сказалъ Фидиппъ, сошедшись на улицѣ съ своимъ другомъ Лянкуромъ.

— А я къ вамъ! возразилъ тотъ: я хотѣлъ узнать, будете ли вы сегодня обѣдать у Лильбурна. Я сейчасъ отъ него. Онъ говорилъ, что просилъ васъ. У него припадокъ подагры и потому онъ приглашаетъ насъ, чтобы самому разсвѣяться. Впрочемъ, сегодня онъ могъ бы удовольствоваться и тѣмъ, что имѣетъ. Подлѣ этого Мефистофеля сидѣла такая милая Гретхенъ, какой я, кажется, еще не видывалъ.

— О! Кто же это?

— Онъ называлъ ее своею племянницей, но мнѣ не вѣрится, чтобы у этого человѣка могла быть такая родственница.

— Вы, кажется, не очень жалуете нашего пріятеля?

— Любезный другъ, между нашими простыми, солдатскими натурами и этими коварными, холодными, себялюбивыми милордами существуетъ естественная антипатія собакъ и кошекъ.

— Но, вѣроятно, это чувствуется только съ нашей стороны. Иначе сталъ ли бы онъ приглашать насъ?

— Что жъ изъ этого, что онъ насъ приглашаетъ? Онъ имѣетъ въ виду свою же пользу, свое развлеченіе, а не наше. Притомъ онъ играетъ и вы съ нимъ играете. Напрасно, Водемонъ.

— Я дѣлаю это съ двойною цѣлью: онъ мнѣ служить мостомъ и я плачу пошлину за проѣздъ. Не нужно будетъ переѣзжать, перестану и платить.

— Но мостъ этотъ опасенъ, а пропасть внизу глубока. Безъ метафоры: онъ можетъ разорить васъ, прежде нежели вы достигнете того, чего вамъ нужно.

— Не беспокойтесь; у меня глаза зорки. Я знаю, сколько могу истратить на него и гдѣ долженъ буду остановиться. Проигрывая ему нѣсколько партій, я просто нанимаю его, какъ нанимаю лакея. Увидѣвъ этого человека въ первый разъ, я хотѣлъ—было тронуть его сердце въ пользу существа, которое имѣетъ право на него. Но это была несбыточная надежда. Потомъ мною овладѣла мрачная, убійственная мысль, — планъ мести! Этотъ Лилъбурнъ.... этотъ подлець, которому свѣтъ поклоняется какъ идолу, — погубилъ душу и тѣло человека, котораго имя этотъ же свѣтъ клеймитъ отверженіемъ и презрѣніемъ. Я хотѣлъ отомстить за погибшаго, хотѣлъ въ его же домъ, при всѣхъ васъ, сорвать личину съ бездѣльника и обманщика!

— Вы изумляете меня! Конечно, мнѣ случалось слышать.... поговариваютъ, что лордъ Лилъбурнъ опасенъ.... Но и искусство въ игрѣ уже опасно. Но обманывать!... Англійскій дворянинъ.... лордъ! Это невѣроятно!

— Вѣроятно или нѣтъ, продолжалъ Водемонъ спокойнѣе: но я уже отказался отъ мщенія, потому что онъ....

— Чтѣ?

— Ну, да на чтѣ вамъ знать, сказалъ Водемонъ уклоняясь, и прибавилъ про себя: онъ дѣдъ Фанни.

— Вы сегодня говорите такъ загадочно, что я не понимаю васъ, Водемонъ!

— Потерпите, любезный Ліанкуръ, потерпите. Скоро, быть-можетъ, я разрѣшу всѣ загадки, изъ которыхъ сложена вся жизнь моя. А теперь не знаете ли вы

хорошаго адвоката, которому бы я могъ поручить весьма важное дѣло? Мнѣ нуженъ человекъ знающій, добросовѣстный и не очень заваленный дѣлами, который бы посвятилъ моему дѣлу все вниманіе, какого оно требуетъ.

— О! этимъ я могу услужить вамъ. Я знаю одного отличнаго человека, которымъ вы непременно останетесь довольны. Вотъ его адресъ. Мистеръ Барлоу, въ Эссексъ-Стритъ.

— Много обязанъ. Такъ мы сегодня увидимся у Лилъбурна?

— Непременно.

Филиппъ тотчасъ же повѣдалъ къ адвокату и дѣйствительно, нашелъ человека благороднаго и умнаго, который, разсмотрѣвъ дѣло въ подробностяхъ, обѣщалъ мало, но принялся за него съ усердіемъ.

Отъ адвоката Водемонъ, по условію, отправился къ лорду Лилъбурну. Бофоры были уже тамъ. Филиппъ невольно повѣдался, когда узналъ въ приближающаго лица мистриссъ Бофоръ черты, которыя онъ впервые видѣлъ въ самую мрачную эпоху своей жизни. Но, ласковое привѣтствіе ея показало, что она не узнаетъ стараго знакомца, такъ же какъ и сэръ Робертъ. При взглядѣ на прекрасное и всё-еще дѣтски нѣжное лицо дѣвушки, которая некогда стояла подлѣ него, сироты, на колыскахъ и молила, чтобы выдали ему брата, въ душѣ Филиппа промелькнуло много воспоминаній, много мыслей мрачныхъ, горькихъ, но и нѣсколько нѣжныхъ, пріятныхъ. Камилла, съ своей стороны, какъ ни была занята Спенсеромъ, невольно заинтересовалась полковникомъ Водемонъ, въ наружности, въ обращеніи, въ голосѣ котораго было много привлекательнаго для женщинъ, особенно, когда онъ напередъ уже слышался о его подвигахъ храбрости въ сраженіяхъ и на охотѣ за тиграми въ Индіи. Именно такое происшествіе, — бой Водемона одинъ на одинъ съ

тигретъ, — было не задолго до его приходу рассказано дамамъ Лянкуронъ. Даже мистриссъ Бофоръ пробудилась отъ обыкновенной своей апатии и смотрѣла на смуглое, гордое и прекрасное лицо Водемона, съ удивленіемъ и страхомъ. Скоро однако жъ прибыли другіе гости и за столомъ Филиппу не пришлось съѣсть близко Бофоретъ. Потомъ онъ подошелъ къ Камиллѣ и изда-лека завелъ разговоръ о предметѣ, который такъ занималъ его, но ничего замѣчательнаго не выведалъ. Камилла не могла бы удовлетворить его любопытства, хотя бы и хотѣла. Но Филиппъ, на первый разъ, былъ доволенъ и тѣмъ, что познакомился. За случаемъ продолжать развѣдки дѣло не стало: онъ тутъ же получилъ приглашеніе на дачу къ сэръ Роберту, въ Бофоръ-Куръ, куда въѣхалъ и лордъ Амьбуртъ, съ болѣею частію своихъ пріятелей, отложивъ посѣщеніе Фернисида до другаго разу.

До отъѣзда на дачу, Водемонъ отправился въ предвѣстіе, навѣстить старика Симена и Фанни. Подошедши къ дому, онъ услышалъ ея пріятный голосъ. Она пѣла простую, но живую пѣсню и Филиппъ, хотя знатокъ въ некускусъ, былъ сильно тронутъ сладостною гармоніей и глубиностью чувства. Онъ остановился подъ окномъ и кивнулъ ее по имени. Фанни, обрадованная, весело выглянула, привѣтствовала брата и побуждала отворить двери.

— О! какъ ты долго не приходишь, братецъ! Я выучила наизусть почти всѣ пѣсни изъ той книги, что ты подарилъ мнѣ. Въ нихъ высказано такъ много такого, что мнѣ самой давно хотѣлось сказать.... да я не успѣла!

Водемонъ улыбнулся, но вяло.

— Какъ странно, продолжала Фанни, въ раздумь: какъ странно, что такъ много можетъ заключаться въ клочки бумаги!.... Въдъ это же не что иное какъ бума-

га, сказала она потрепавъ листъ раскрытой книги: но тутъ есть жизнь!

— Да! сказалъ Водемонъ мрачно, вовсе не вникая въ нежную и глубокую мысль дѣвушки,—она была занята поэзій, а онъ дѣломъ, правами и законами:—да! знаешь ли ты, что отъ простаго клочка бумаги, если я найду его, можетъ зависѣть все мое счастье, богатство, все, что мнѣ мило въ жизни!

— Отъ клочка бумаги? О! какъ бы я желала найти эту бумагу! Водемонъ тяжело вздохнулъ. Фанни робко подошла къ нему.

— Не вздыхай, братецъ! сказала она тихо: мнѣ больно, когда ты вздыхаешь. Ты что-то перемѣнился... ты несчастливъ?

— Нѣтъ, Фанни, нѣтъ! Я ~~никогда~~ былъ очень счастливъ.

— Былъ?... гдѣ же? А?...

Она остановилась. Тонъ ея былъ грустный, упрекающій. Она остановилась и сама не знала, почему. Она не знала, но чувствовала, что сердце ея какъ-будто упало. Она молча пропустила его мимо себя и онъ пошелъ наверхъ, въ свою комнату. Она уныло проводила его глазами. Онъ совершенно противъ обычая оставилъ ее такъ поспѣшно.

На-утро Водемонъ долго не выходилъ. Фанни уже не пѣла: ее не занимали пѣсни, которыя она такъ любила-было: она не успѣла ими выманить у брата ни какой похвалы, ни даже улыбки поощрительной! Она въ бездѣйствіи, въ разсѣяніи сидѣла подлѣ дряхлаго, слѣпаго старика, который съ каждымъ днемъ становился молчаливѣе. Когда вошелъ Филиппъ, она едва оглянулась и прекрасныя губки ея надулись. Онъ не замѣтилъ. Сердце у бѣдной дѣвушки прошло, но на глазахъ навернулись слезы.

Филиппъ дѣйствительно перемѣнился. Лицо его было сурово, пасмурно; обращеніе разсѣянно. Онъ ска-

залъ нѣсколько словъ старику, потомъ сѣлъ къ окну, склонилъ голову на руку и задумался. Черезъ нѣсколько времени пошелъ къ себѣ, наверхъ, и не выходилъ до вечера. Фанни, видя, что онъ вовсе не расположенъ начать разговоръ, нѣсколько разъ украдкою посматривала на его неподвижную фигуру и задумчивое лицо и наконецъ рѣшилась подойти.

— Ты нездоровъ, братецъ? спросила она тихимъ, трепещущимъ голосомъ.

— Здоровъ, моя милая.

— Отчего жъ не говоришь съ твоею Фанни? Не хочешь ли прогуляться? Можетъ-быть, и дѣдушка пойдетъ съ нами.

— Нѣтъ, сегодня я не пойду. А если и пойду, такъ одинъ.

— Куда же? Развѣ ты не хочешь гулять съ Фанни? Я вѣдь ни куда не выходила безъ тебя.... даже на могилу не ходила. Съ цвѣтами я посылала Сару.... но....

Водемонъ вскочилъ. Воспоминаніе о могилѣ пробудило его отъ мечтательности. Фанни, дѣтская привязанность которой прежде радовала и утѣшала его, теперь мѣшала ему; онъ чувствовалъ потребность совершеннаго уединенія, которое составляетъ атмосферу зараждающейся страсти. Онъ пробормоталъ какую-то едва внятную отговорку, ушелъ и не возвращался до полуночи. Фанни не спала, пока не услышала послѣднихъ шаговъ его по лѣстницѣ, послѣдняго шороху въ его комнатѣ, и, когда уснула, грезы ея были безнокйны, мучительны.

Утромъ, отправившись въ городъ, Водемонъ получилъ записку отъ лорда Лильбурна, съ повтореніемъ приглашенія на дачу. Первое чувство Филиппа, по прочтеніи этой записки, было восхищеніе. «Я увижу ее! Я буду подъ одною кровлей съ нею.... Подъ какую же кровлей? Я буду гостемъ тамъ, гдѣ могъ бы быть хозяиномъ!.... буду гостемъ Роберта Бофора!» Эта мысль

встравожила его еще больше, когда онъ вспомнилъ, что собирается повести войну, самую убійственную войну въ жизни общественной, — войну судебную, войну за имя, честь и собственность, — противъ того самаго Роберта Бофора. Могъ ли же онъ пользоваться его гостепрѣимствомъ? «Но какъ же! воскликнулъ онъ, поспѣшно ходя изъ угла въ уголъ; неужто, потому, что я хочу доказать свои законныя права.... неужто потому я долженъ изгнать изъ своихъ мыслей, удалить отъ глазъ такой прекрасный, милый образъ.... ее, которая, будучи ребенкомъ, вмѣстѣ со мною стояла на колыскахъ передъ этимъ жестокимъ человѣкомъ? Развѣ ненависть такая могучая страсть, что не можетъ дать мѣста ни одному лучу любви?.... Любви!.... Какое слово! Мнѣ должно остеречься.» Въ сильномъ волненіи, въ борьбѣ съ самимъ собой, онъ отворилъ окно и жадно вдыхалъ воздухъ. И въ эту минуту.... судьба, видно, хотѣла разомъ покончить его борьбу, побѣдить нерѣшимость.... по улицѣ, на которую выходила его окна, прѣехала открытая карета. Въ ней сидѣли мистрисъ Бофоръ и Камилла. Дамы замѣтили его. Мистрисъ Бофоръ кивнула головой съ обыкновенною своею флегматическою улыбкой. Камилла покраснѣла. Филиппъ, почти не переводя духу, смотрѣлъ вслѣдъ, пока карета не исчезла изъ виду; потомъ затворивъ окно сѣлъ, чтобы собраться съ мыслями. Наконецъ онъ вскочилъ и благородное, торжественное выраженіе оживило его лицо. «Да! воскликнулъ онъ: если я вступлю въ домъ этого человѣка, если я отвѣдаю его хлѣба и вина, то долженъ буду отказаться.... не отъ справедливости и законнаго достоянія.... ни отъ того, чего требуетъ честь и доброе имя моей матери.... но отъ всего, что касается ненависти и мести! Когда я вступлю въ этотъ домъ и если Провидѣніе дастъ мнѣ средства воротить мои права.... тогда пусть она.... невинная.... будетъ ангеломъ хранителемъ стоять на границѣ, гдѣ

правосудіе переходитъ въ нару! Притомъ, развѣ я не обязанъ отыскать брата Сиднея? А этого я могу достигнуть только посредствомъ обличенія съ ними.... И, наконецъ.... Я видѣлъ ее и уже не могу ненавидѣть ее отца.»

Онъ тотчасъ же отправилъ къ Лилльбурну отвѣтъ, въ которомъ принималъ приглашеніе.

Быстрота, съ какою зреетъ любовь, зависитъ не столько отъ времени, протекшаго съ посѣва, сколько отъ свежести почвы. Молодой человекъ, который живетъ обыкновенною свѣтскою жизнью и больше измѣляется нежеланіемъ истощающаго его чувство быстро сменяющимися минутными впечатлѣніями, не въ состояніи понять страсти съ перваго взгляду. Молодость нынѣ только тогда, когда сердце молодо.

Водемонъ прожилъ цѣлый мѣсяць въ Бесоръ-Курѣ. Это житье, — на конѣ, съ ружьемъ въ рукахъ, день на скачку, другой на охоту, — было совершенно по его характеру. Тутъ онъ могъ вполне показать себя. И дѣйствительно, самые опытные охотники, самые искусные наездники съ изумленіемъ пересказывали его неслыханные подвиги почти при каждомъ возвращеніи изъ парка. Въ домъ Водемонъ обыкновенно былъ молчаливъ и очень остороженъ въ обращеніи съ Камиллой, такъ, что никто не замечалъ его чувствованій. А Камилла?... Достоверно не известно, что она чувствовала. Подковникъ кажется, больше осаждалъ, нежели нежеланіи привлекать ее. Она не спрыгивала, что онъ ни интересуется ее. Но если бы кто-нибудь спросилъ, не меньше ли прежняго она любитъ низшаго поэта Спенсера, сердце ея съ негодованіемъ отвергло бы подобныя ей легкомыслия. Пріязнь лорда Лилльбурна къ Водемену скоро охладѣла. Съ-тѣмъ-норъ какъ онъ былъ уже не нуженъ Филиппу, тотъ отказался отъ игры или ограничивался очень незначительными проигрышами. Ипотерявъ надежду разорить пріятеля, лордъ Лилльбурнъ

уже не находилъ въ немъ ничего интереснаго и между ними, уже въ первыя двѣ недѣли пребыванія на дачѣ, родилась принужденность и даже колкость въ обращеніи.

— Мосѣ Водемонъ! вы что-то не такъ храбры въ вѣстѣ какъ на охотѣ, сказалъ однажды лордъ, подошедши къ Филиппу, который стоялъ одинъ у окна.

— Въ полѣ я охотникъ, а въ картахъ—дичь, сухо отвѣчалъ Водемонъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? довольно надменно спросилъ Лильбурнъ.

Водемонъ въ ту минуту былъ въ одномъ изъ тѣхъ непріятныхъ состояній духа, когда чувство несообразнаго положенія, видъ похитителя въ его собственномъ домѣ, въ его низнѣи, и воспоминаніе о претерпѣнныхъ притѣсненіяхъ поглощали болѣе дружелюбныя мысли, внутренняя роковою страстью. Притомъ, тонъ лорда Лильбурна оскорбилъ его и усилилъ и безъ того глубокое отвращеніе.

— Лордъ Лильбурнъ! сказалъ онъ пасмурно: если бъ вы родились бѣднякомъ, вы составили бы себѣ порядочное имѣніе. Вы такъ счастливо играете!

— Какъ мнѣ понимать это, мосѣ Водемонъ?

— Какъ хотите! отвѣчалъ Водемонъ холодно, но съ пламенѣющимъ взоромъ, и отворотился.

Лильбурнъ призадумался. «Гмъ!.... онъ подозрѣваетъ меня!.... Поэтому я не могу привязаться къ нему... Гласность одного подозрѣнія уже опасна.... Надобно венчать другаго.»

На другой день лордъ Лильбурнъ, который не могъ принимать участія въ охотѣ, по причинѣ припадка подагры и боли въ раненомъ боку, потребовалъ пистолетовъ и отправился въ садъ, чтобы для развлеченія стрѣлять въ цѣль. Онъ упражнялся въ этомъ нѣсколько дней сряду, и, когда наивѣвалъ руку, сталъ приглашать и другихъ къ этой потѣхѣ.

— Посмотрите, сэръ Робертъ, какіе я дѣлаю удивительные успѣхи! сказалъ онъ однажды обращаясь къ тестю, въ присутствіи многихъ гостей, и всадивъ трезью пулю къ-ряду въ перчатку прибитую къ дереву: посмотрите! прибавилъ онъ, попавъ въ цѣль въ четвертый разъ и обративъ холодные, блестящіе глаза съ улыбкою на Филиппа: вы, мосьё Водемонъ, говорятъ, искусно стрѣляете изъ ружья. Покажите-ка намъ, какіе вы владѣете пистолетомъ?

— Извольте. Вы цѣлитесь, милордъ, а это ни къ чему не ведетъ въ англійской дуэли. Позвольте.

Онъ подошелъ къ дереву, оторвалъ отъ перчатки одинъ палець, прикрѣпилъ его отдѣльно и, воротившись на мѣсто, мгновенно обернулся и, по-видимому, вовсе не глядя, выстрѣлилъ. Палець упалъ.

Лильбурнъ призадумался.

— Это удивительно! вскричали присутствующіе хоромъ: откуда у васъ такая уловка?... Потому что это не что иное какъ уловка! Какъ можно такъ стрѣлять!

— Я жилъ нѣсколько лѣтъ въ странѣ, гдѣ по необходимости упражнялся ежедневно.... гдѣ искусство владѣть оружіемъ составляетъ необходимую потребность каждаго.... въ странѣ, гдѣ человѣку очень часто приходится бороться съ дикими звѣрями. Въ образованныхъ краяхъ человѣкъ самъ замѣняетъ дикихъ звѣрей, но за нимъ не охотятся. Лордъ Лильбурнъ, прибавилъ онъ съ презрительною улыбкой: вамъ надобно по-больше упражняться.

Но Лильбурнъ не послушался совѣта. Онъ прекратилъ свои утреннія занятія и уже не думалъ о дуэли съ Водемономъ. Воротившись въ покои и ушедши съ тестемъ въ бібліотеку, гдѣ тотъ обыкновенно занимался дѣлами, Лильбурнъ бросился въ кресла передъ каминомъ и съ судорожными порывами сталъ вертѣть щипцами въ огонь.

— Бофоръ! сказалъ онъ наконецъ съ досадою: мнѣ

очень жаль, что я просилъ васъ пригласить этого Водмана. Онъ очень неприятный, грубый человѣкъ.

Боборъ уронила счетную книгу, которою занялся было.

— Дилъбурнъ! Я не видалъ спокойной минуты съ тѣмъ-поръ какъ этотъ человѣкъ живетъ у меня въ домѣ! Такъ какъ онъ вашъ гость, то я ничего не говорю.... однако жъ.... вы не замѣтили.... неужто вы не замѣтили, какъ онъ похожъ на эти старыя семейныя портреты? Чѣмъ больше я смотрю на него, тѣмъ больше мнѣ кажется.... Однимъ словомъ, прибавилъ онъ едва переводя духъ: если бы онъ былъ не Водманъ, если бы исторія его не была такъ известна.... я могъ бы подумать.... могъ бы присягнуть, что подъ моею кровлею сидитъ Филиппъ Мортонъ!

— Га! воскликнулъ Дилъбурнъ въ важностию, которою Боборъ испугался, потому что ждалъ отъ зятя сарказмовъ насчетъ своихъ опасеній: сходство его съ портретами поразило и меня.... и не только меня, даже Марседона, который замѣтилъ и сказалъ это въ присутствіи Водмана. Теперь я вспомнилъ, что Водманъ при этомъ замѣнилъ въ лицѣ и не отвѣчалъ. Стойте! стойте!.... молчите.... дайте мнѣ подумать!.... дайте мнѣ подумать! Этотъ Филиппъ!.... да!.... да!.... я и Артуръ, мы видали его въ Парижѣ.... съ.... съ Гавреемъ!

— Съ Гавреемъ?... Это имя того мошенника, съ которымъ онъ, говорятъ....

— Да!.... да, да!.... теперь я понимаю значеніе тѣхъ взглядовъ.... тѣхъ выраженій, бормоталъ Дилъбурнъ своимъ зубомъ: но, если этотъ человѣкъ действительно Филиппъ Мортонъ, то что же привело его сюда? Чего онъ хочетъ? Не затѣваетъ ли онъ чего? прибавилъ онъ вслухъ.

— Я его сегодня же выгоню изъ дому! вскричалъ онъ Боборъ.

— Нѣтъ, нѣтъ.... только наблюдайте за нимъ. Теперь я догадываюсь.... его привлекаетъ ваша дочь. Вывѣдайте у нея, да только осторожно; скажите, чтобы она не отнимала у него надежды; узнайте, не говорилъ ли онъ съ нею о Мортонгахъ. Га!.... вѣдь онъ говорилъ объ этихъ Мортонгахъ и со мною, но только вообще.... я уже не помню, что это было. Гмъ!.... Это человекъ умный и отважный!.... Наблюдайте за нимъ, стерегите его, говорю я вамъ. Когда воротится Артуръ?

— Онъ всё-еще жалуется на плохое здоровье. Теперь онъ долженъ быть въ Парижъ и скоро можетъ быть здѣсь.... Боже мой! ему ни какъ не должно встрѣчаться съ этимъ человекомъ.

— Дѣлайте, что я вамъ говорю. Старайтесь посредствомъ дочери вывѣдать его намѣренія. Онъ покуда еще ничего не можетъ сдѣлать противъ васъ, однако жъ....

— Такъ вы думаете, что онъ намѣренъ затѣять тяжбу?... Помилуйте! да какъ же это возможно?

— Мало ли что не возможно и становится возможнымъ! Почему вы знаете, какими средствами онъ владеетъ? Остерегитесь! Впрочемъ, если Камилла ему понравилась....

— Какъ! Филиппу Мортону?... этому бродягъ.... этому....

— Вы разсудите, что онъ вѣдь старшій братъ. Вы хотѣли же отдать Камиллу за младшаго, съ тѣмъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ подкупить его и заставить отказаться отъ дальнѣйшихъ притязаній. Ну, подкупите старшаго. Этотъ опаснѣе. Онъ можетъ найти свидѣтелей, которыхъ мать не умѣла отыскать; онъ, можетъ-быть, уже нашелъ ихъ; можетъ-быть, нашелъ акты.... почему знать?... можетъ не только затѣять, но и выиграть тяжбу. Если же онъ полюбитъ Камиллу, то можно будетъ помириться.

У Бофора кровь застыла въ жилахъ.

— Такъ вы думаете, что онъ можетъ выиграть процессъ? проговорилъ онъ съ трепетомъ.

— Старайтесь предупредить эту возможность. Будьте увѣрены, что онъ не даромъ здѣсь. Онъ уменъ и рѣшителенъ, проклятый. Если вы можете погубить эту собаку (Лильбурнъ, забывъ подагру, топнулъ), сдѣлайте это, повѣсьте его! (Тутъ онъ съ болѣзненною гримасой потеръ ушибенную ногу.) Если же не можете.... чортъ возьми! какъ рѣжетъ!.... и если онъ можетъ разорить васъ, такъ пріимите его въ свою семью, сдѣлайте его тайну своею.... Уфъ! не могу больше сидѣть. Пойду, лягу. Ступайте къ Камиллѣ, узнайте, что онъ говорилъ ей.

Бофоръ, до крайности встревоженный, тотчасъ отправился къ Камиллѣ и хотя всячески старался казаться спокойнымъ, однако жъ перепугалъ ее своими разспросами, такъ, что она потомъ не только не могла исполнить отцовскихъ совѣтовъ, — обходиться съ Водемономъ ласковѣе, — но, напротивъ, стала холоднѣе и осторожнѣе, потому что ужаснулась переменъ своихъ чувствъ къ Спенсеру. Сэръ Робертъ не узналъ отъ нея ничего положительнаго, кромѣ-того что между нею и Водемономъ съ самаго начала знакомства, дѣйствительно бывали нѣсколько разъ разговоры о Мортонѣхъ, судьба которыхъ по-видимому занимала его.

Во вторую или третью ночь послѣ этого разговору съ Бофоромъ, Лильбурнъ, при раздѣваньи, сказалъ своему камердинеру:

— Дикманъ! мое здоровье поправилось.

— Въ самомъ дѣлѣ, милордъ! Я никогда не имѣлъ удовольствія видѣть вашу милость такимъ бодрымъ.

— Врешь. Въ прошломъ году я былъ бодрѣе, въ предшедшемъ бодрѣе нежели въ прошломъ, и такъ далѣе, до двадцать-перваго году отъ-роду. Но я говорю не о годахъ, а о недѣляхъ. Сегодня я здоровѣе неже-

ли на прошедшей недѣль. Я уже не чувствую подагры. Я теперь уже цѣлый мѣсяць отдыхалъ. Довольно. Въ мои года время дорого: надо бы пользоваться каждою минутой. Притомъ, ты знаешь, я влюбленъ.

— Влюблены, милордъ? Кажется, вы запретили мнѣ говорить о...

— Болванъ! На кой чортъ было толковать объ этомъ, когда я былъ весь закутанъ въ фланцель! Больной я никогда не бываю влюбленъ. Теперь же я здоровъ, или почти здоровъ. Завтра же ѣдемъ въ Лондонъ, а потомъ въ Фернсидъ. Охоты не будетъ и гостей также никого, кромъ той милашки.... Молчи! Если ты такъ глупъ, что не умѣешь устроить такой бездѣлицы, то я самъ устрою.

На другой день лордъ Дилъбурнъ уѣхалъ. Это было сигналомъ къ отъезду бѣльшей части гостей, потому что они были приглашены лордомъ. Водемонъ также собрался. Сэръ Робертъ, дѣйствуя по плану и совету зятя, упрасивалъ его остаться, осыпалъ ласками, вѣжливостями, такъ, что Водемонъ изумился, но не успѣлъ еще разгадать этой тайны, какъ съ почты принесли нѣсколько писемъ; между прочимъ одно къ сэру Роберту отъ Артура, который извѣщалъ, что вселѣдъ за тѣмъ ѣдетъ самъ, а другое къ Водемону, отъ адвоката. Водемонъ, объявивъ, что его призываетъ въ Лондонъ важное дѣло, тотчасъ же уѣхалъ, несмотря на то, что даже Камилла, — конечно, по тайному приказанію отца, — просила его остаться.

— Миссъ Бозоръ, сказалъ онъ на прощаньи тихимъ, дрожащимъ голосомъ, когда она, просто для того, чтобы сказать что-нибудь, спросила его о причинѣ поспѣшности: позвольте мнѣ покуда умолчать объ этомъ. Послѣ, быть-можетъ, вы узнаете. Я оставляю васъ и, какъ ни странно это кажется, не сожалею объ этомъ, потому что предпринимаю путь, по которому быть-мо-

жетъ скоро ворочусь съ правомъ высказать мысли и чувства, волнующія меня теперь.

Тутъ подошелъ сэръ Робертъ и разговоръ былъ прерванъ. Водемонъ раскланялся и уехалъ, но не прямо въ Лондонъ, а на станцію, на половинѣ дороги, гдѣ ожидалъ его адвокатъ съ извѣстіями о первыхъ поискахъ. Изъ бумагъ перваго процесса онъ увидѣлъ, что просительница, жена сэръ Филиппа Бофора, хотя постоянно настаивала на справедливости своихъ показаній и утверждала, что законный актъ существуетъ, однако жъ признавалась, что никогда сама не видала этого акта и не знаетъ, гдѣ онъ находится, и что она, вполне довѣряя мужу, никогда объ этомъ не спрашивала. Мистеръ Барловъ разсудилъ, что этотъ актъ долженъ быть находится или у какого-нибудь довѣреннаго лица, у какого-нибудь друга покойнаго, или хранится въ домѣ, гдѣ онъ жилъ съ женою. Надобно было узнать, нѣтъ ли въ томъ домѣ какихъ-нибудь потаенныхъ шкафовъ въ стѣнахъ или нѣтъ ли какой-нибудь мебели съ подобными ящиками. Съ этимъ намѣреніемъ мистеръ Барловъ отправился въ Фернсидъ и, подъ видомъ любопытнаго путешественника, за нѣсколько шиллинговъ, данныхъ ключницей, осмотрѣлъ богатую дачу лорда. Онъ развѣдалъ, что павильонъ, въ которомъ находился кабинетъ покойнаго, остался совершенно въ томъ видѣ въ какомъ былъ тогда, и что даже мебель вся тутъ, за исключеніемъ стульевъ и ковровъ, которые перемѣнены недавно. Между прочюю мебелью адвокату бросилось въ глаза старинное бюро, съ великолѣпною рѣзбой голландской работы, точно такое, какое ему самому недавно случилось купить съ публичнаго торгу, и въ которомъ онъ нашелъ нѣсколько потаенныхъ ящиковъ. Съ этой минуты онъ былъ почти убѣжденъ, что актъ долженъ храниться тутъ. Оставалось обдумать, какимъ образомъ завладѣть этимъ бюро, или какъ обыскать его. Для совѣтовъ

этихъ онъ пригласилъ своего кліента. Филиппъ былъ такъ обрадованъ, что почти уже почиталъ дѣло рѣшеннымъ. Онъ самъ вспоминалъ о существованіи бюро и удивлялся, какъ это прежде никому не пришло въ голову поискать тамъ. Адвокатъ спросилъ также, можетъ ли Филиппъ, въ случаѣ нужды, доказать подлинность собственнаго лица. Филиппъ отвѣчалъ, что это очень легко, потому что онъ можетъ напомнить еще живымъ на мызѣ людямъ множество мелочныхъ, но въ подобномъ случаѣ очень важныхъ, обстоятельствъ своего дѣтства. И это было принято въ соображеніе. Наконецъ мистеръ Барловъ объявилъ, что хочетъ самъ съѣздить въ Валлисъ, въ то мѣстечко, гдѣ, по показанію Катерины, она была вѣнчана, съ тѣмъ, чтобы лично удостовѣриться нѣтъ ли какихъ живыхъ свидѣтелей. Съ этимъ они разстались. Адвокатъ уѣхалъ. Филиппъ также сѣлся въ карету, когда на станціи остановился запряженный четверкою дормезъ, въ которомъ лежалъ на подушкахъ и закрытый двумя теплыми плащами молодой человекъ, худой, блѣднѣй, изнуренный продолжительною болѣзнью. Пріѣзжій какъ-будто съ завистью обратилъ впалые, мутные глаза на атлетическую, величественную, полную жизни и здоровья фигуру Филиппа, стоявшаго подлѣ скромнаго почтоваго экипажа. Тотъ, напротивъ, взглянулъ на больнаго съ участіемъ и прыгнулъ на свое мѣсто. Лошади тронулись и карета исчезла въ столбъ пыли. Такъ, сами того не зная, еще разъ встрѣтились двоюродные братья, Артуръ и Филиппъ. Кто теперь смотрѣлъ на восходъ, кто на закатъ? У кого въ жизни разсвѣтало утро, у кого наступала ночь?

—

Эти дни и недѣли, которые приносили съ собою столь важныя перемѣны въ судьбѣ Филиппа, не даромъ протекли и для Фанни. Она постоянно была за-

нята мыслью о средствахъ къ образованію себя, чтобы сдѣлаться достойною вниманія брата, чтобы заслужить его одобреніе и заставить его говорить побольше. Она на другой же день по отъездѣ Филиппа, отправилась къ учительницѣ, у которой прежде, по распоряженію брата и завѣщанію отца, брала уроки, но довольно безуспѣшно, вѣроятно, потому, что мудрые воспитатели, проникательные знатоки природы человеческой, съ перваго взгляду признали ее слабоумною и не хотѣли поискать средствъ къ развитію незрѣлаго ума, который однако жъ нерѣдко изумлялъ ихъ неожиданными проблесками, да только не тогда, когда они старались расшевелить его своею книжною ученостію. Теперь у нея самой родилась потребность знанія; она по собственному побужденію начала учиться и стала проводить съ учительницею, недалеко, но довольно женщиной, цѣлые дни, и оказывала изумительные быстрые успѣхи. Она стала гораздо разсудительнѣе, спокойнѣе, перестала ребячиться, но сохранила прелесть невинности. Что пробудило ее дремлющую?....

Однажды вечеромъ, на возвратномъ пути отъ учительницы, она была остановлена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ уже выдержала нападеніе съ помощью неожиданно подоспѣвшаго избавителя.

— Надѣюсь, что вы не будете такъ жестоки ко мнѣ, какъ были къ моему посланному, сказалъ незнакомецъ, схвативъ ее за руку: видите, какъ я люблю васъ, я самъ пришелъ за вами.

Фанни задрожала всѣмъ тѣломъ и отчаянно вскрикнула.

— Тихе, тихе! что вы кричите? Подъемте со мною. Здѣсь моя карета... я и вамъ подарю карету... догнать прислугу. Вы будете знатною дамой.

— Пустите! пустите! кричала Фанни, стараясь вырваться.

— Берегитесь, милордъ! шепнулъ кучеръ съ козелъ кареты, стоявшей за угломъ: кто-то идетъ; не полицейскій ли?...

Услышавъ это, Фанни пуше прежняго закричала: «Помогите!» И въ ту же минуту она была черезъ голову завернута въ плащъ, поднята и посажена въ карету, которая помчалась во всю лошадиную прыть. Похититель съѣлъ подлѣ своей добычи и всячески старался утѣшить ее, успокоивалъ, улепалъ увѣреніями, обещаніями, клятвами, что онъ желаетъ ей только добра, что она не понимаетъ своего счастья, которому позавидовала бы половина дѣвушекъ въ городѣ. На все это Фанни отвѣчала только рыданіями и мольбами выпустить ее. Черезъ часъ карета остановилась у загороднаго дому. Фанни была насильно вытащена изъ кареты и внесена въ комнату. Тутъ, видя, что дѣвушка ничего не хочетъ слушать, похититель сдалъ ее на руки молодой женщины и тайно отдалъ нѣсколько приказаній, а самъ ушелъ.

— Успокойтесь, миссъ! говорила ключница; я васъ увѣряю, вы не будете раскаяваться, что пріѣхали сюда. Лордъ Лилъбурнъ не обидитъ васъ. Онъ ни къ чему не станетъ принуждать васъ противъ вашихъ желаній. Это не въ его характеръ: онъ предобрѣйшій и прекраснѣйшій человекъ. А ужъ какъ богатъ!.... Онъ, просто, не знаетъ, куда деньги дѣвать.

Ключница съ полчаса продолжала говорить въ этомъ тонѣ. Фанни на все отвѣчала только слезами и просьбами выпустить ее на свободу. Принесли роскошный ужинъ. Она его не тронула. Видя, что упросить ключницу невозможно, она съѣла въ кресла и, отъ утомленія, начала дремать. Ей указали особую комнату, въ которую изъ той, гдѣ она сидѣла, вела узенькая деревянная лѣзница. Фанни испугалась и этого предложенія. Насилу ключница уговорила ее, и то тѣмъ только, что въ той комнатѣ она можетъ запереться одна, а сюда;

въ кабинетъ, можетъ во всякое время войти милордъ. Испуганная, измученная дѣвушка ушла въ указанную комнату и дѣйствительно, заперлась на замокъ и задвижку, потомъ подошла къ окну и старалась отворить его, чтобы какъ-нибудь найти возможность къ побѣгу. Но усилія эти были напрасны, тѣмъ больше, что окно было высоко отъ земли и соскочить ни какой возможности. Наконецъ она невольно прилегла на великолѣпную постель и уснула.

На-утро лордъ Лильбурнъ пошелъ въ кабинетъ и, чтобы умилостивить строптивую красавицу, хотѣлъ подарить ей кое-какихъ золотыхъ вещицъ, которыхъ у него всегда былъ порядочный запасъ. Онъ послалъ ключницу наверхъ, къ своей пѣтлицѣ, а самъ отворилъ бюро, чтобы отыскать топазовую брошку, которая, какъ онъ полагалъ, непременно должна осѣлѣть дѣвушку. Онъ забылъ, куда положилъ ее, и долго выдвигалъ ящикъ за ящикомъ по-напрасну. Одно изъ гнѣздъ или отдѣленій бюро было глубже другихъ. Лильбурнъ засунулъ туда руку, обшаривая всѣ углы и наткнулся на что-то острое, металлическое, такъ, что оцарапалъ себѣ палецъ и невольно вскрикнулъ, дернуть руку назадъ. Въ то же время онъ почувствовалъ, что дно отдѣленія подалось впередъ. Онъ вытащилъ досочку и открылъ потаенный ящикъ, котораго прежде не видывалъ. Въ ящикъ лежала какая-то бумага. Онъ развернулъ ее. Это было свидѣтельство о бракосочетаніи Филиппа Бофорасъ Катериною Мортонъ, формально совершенномъ приходскимъ священникомъ Калеболъ Прайсомъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, и по требованію Бофора, выписанное изъ книги, за бѣльнию Прайса, священникомъ другаго прихода, Джоисомъ. Документъ былъ справленъ во всѣхъ формахъ закона. Лордъ Лильбурнъ оторопѣлъ и съ изумленіемъ смотрѣлъ на свою находку. Въ эту самую минуту тихонько, на цыпочкахъ, подошла ключница и сказала:

— Милордъ! она скоро прійдетъ. Она не знаетъ, что вы здѣсь.

— Хорошо, хорошо.... ступай!

Едва ключница успѣла выйти, какъ къ крыльцу съ громомъ подъѣхала карета и въ кабинетъ вбѣжалъ сэръ Робертъ.

Уходя, ключница сказала Фанни, что внизу, въ кабинетъ, никого нѣтъ, для того, чтобы успокоить ее и заставить выйти. Бѣдная дѣвушка всё-еще не теряла надежды выбраться какъ-нибудь на свободу. Она, обождая съ минуту и облегчивъ грудь глубокимъ вздохомъ, начала осторожно спускаться съ лѣстницы. Только-что хотѣла отворить нижнюю дверь, какъ съ противоположной стороны вошелъ Бофоръ. Фанни испугалась и отскочила. Къ этому испугу прибавилось еще изумленіе, когда она вдругъ услышала имя, съ которыми были связаны все ея мысли. Лилъбурнъ, увидѣвъ Бофора, блѣднаго, разстроеннаго, запыхавшагося, догадался, что привести его въ такое положеніе могло только что-нибудь необычайное, и, самъ только-что озадаченный неожиданною находкою, встрѣтилъ тестя восклицаніемъ:

— Что съ вами?.... Варно, вѣсти о Водемонъ.... о Филиппъ? Что случилось? Говорите!

Услышавъ это имя Фанни невольно просунула голову въ дверь, но тотчасъ же отдернула и, держась за ручку, съ сильнымъ напряженіемъ стала прислушиваться.

— Да! да... Водемонъ.... Филиппъ, говорилъ сэръ Робертъ опускаясь въ кресла и отирая потъ со лба: я пришелъ посоветоваться съ вами. Артуръ пріѣхалъ.

— Ну, такъ что жъ?

— Я имѣлъ неосторожность открыть ему свои подозрѣнія насчетъ Водемона и его намѣреній. Артуръ, — больной, раздражительный, — съ ума сошелъ, взбѣнился: хочетъ ото всего отказаться, чтобы не допус-

тить до процесса; хочется, чтобы мы признали Филиппа наследником! Что мне дѣлать? Я хотѣлъ посоветоваться съ сыномъ, а онъ вооружается противъ меня же! Но это не главное. Сегодня я узналъ, что Водемонъ, на прощаньи, сказалъ Камиллѣ нѣсколько словъ такихъ, въ которыхъ заключается явный намекъ, что онъ надѣется доказать свои права, и которыя пугаютъ меня. Отправляясь сюда, я освѣдомлялся о его занятіяхъ и узналъ, что онъ нѣсколько разъ уже совѣтовался съ адвокатомъ Барловомъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Неужто онъ затѣветъ тяжбу? И какимъ образомъ? на какомъ основаніи? Неужто онъ можетъ выиграть ее? Я не хочу поступить ни безчестно, ни низко. Но я убѣжденъ, что брака не было... это не возможно!

— Былъ, Бофоръ, былъ бракъ! сказалъ лордъ Лильбурнъ, почти радуясь мукамъ тестя: вотъ, у меня бумага, за которую Филиппъ Водемонъ отдалъ бы правую руку. Я сейчасъ только нашелъ ее въ этомъ ящикѣ. Отъ этой бумаги, Робертъ... отъ этой бумаги зависить будущая судьба, благосостояніе, богатство, знатность Филиппа Водемона и ваше разореніе.

Бофоръ вскочилъ, взглянулъ на бумагу, уронилъ ее и снова упалъ на стулъ. Лильбурнъ хладнокровно положилъ бумагу въ бюро и, подошедши къ тестю, оказалъ съ улыбкой:

— Бумага эта покуда у меня. Я не уничтожу ее, я не имѣю права уничтожить ее. Но если я отдамъ ее вамъ, вы можете сдѣлать съ нею, что хотите.

— О! Лильбурнъ! пощадите! пощадите!... Я желаю быть честнымъ человекомъ.... я.... я....

Бофоръ зарыдалъ. Лильбурнъ посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, съ насмѣшкой и изумленіемъ.

— Не бойтесь, что я послѣ этого переѣмлю свое мнѣніе о васъ, а другой вѣкъ никто не узнаетъ. Меня не опасайтесь: я самъ имѣю основаніе ненавидѣть и бояться этого Филиппа Водемона. Онъ зналъ человека...

этого злѣйшаго врага.... онъ владѣеть тайною, которая касается моего прошедшаго.... быть-можетъ, и настоящаго.... но я смѣюсь надъ нимъ, покуда онъ безвѣстный, нищій бродяга.... Я затрепеталъ бы, если бы онъ могъ заговорить со мною какъ Филиппъ Бофоръ. Смотрите, какъ я откровененъ съ вами! Слушайте же; примите мой совѣтъ. Возьмите эту бумагу, уничтожьте ее, потеряйте, сдѣлайте, что хотите, лишь бы она не попала въ руки Филиппу. А на него подайте доносъ, докажите, что онъ воръ, мошенникъ, сообщникъ Виллиама Гавтрея, фальшивый монетчикъ. Это доказать не трудно. Онъ будетъ повѣшенъ, и дѣло съ концомъ.... Хотите этого, ну, такъ просто оставьте его: пусть онъ будетъ тѣмъ, что есть, бродящимъ Французомъ, бездомномъ, а эту бумагу всё-таки возьмите, ступайте прочь, потеряйте ее, или скажите мнѣ, что вы никогда не видали, не получали ея. Возьмите, говорятъ, потеряйте, потеряйте ее! Потомъ приходите поговорить со мной объ остальномъ.

Извѣщенія отъ ужаса, пораженный словно громомъ, старый человѣкъ вытаращилъ глаза на спокойное лицо совершенно полнаго злодѣя такъ, какъ, по словамъ финской басни, могъ бы смотрѣть на лукаваго, который предлагалъ ему всѣ мірскія блага и вѣчную побѣду души. До-сихъ-поръ онъ еще не видывалъ бурна въ настоящемъ его свѣтъ. Онъ содрогнулся, увидѣвъ такъ неожиданно всю черноту его сердца. — Я не могу уничтожить.... не могу! пробормоталъ Мартъ: и если бы я рѣшился сдѣлать это.... изъ любви къ Артуру.... не говорите, пожалуйста, о доносахъ.... мести.... я.... я....

— А доходы, которыми вы пользовались, покуда вы были имѣнникомъ? Вѣдь вы должны будете возвратить утраченное. Откуда же вы возьмете? Ихъ не мажешь. Сгниете въ долговой тюрьмѣ. Нѣтъ, не уничтожайте этого документа, нѣтъ!

Бофоръ съ отчаяннымъ напряженіемъ силъ всталъ и подошелъ къ бюро. Фанни притаила дыханіе. Изъ всего разговору она удержала въ умъ только слова Лильбурна: «отъ этой бумаги зависитъ вся судьба Филиппа Водемона!» Судьба Филиппа!... ея Филиппа! Тутъ она вспомнила, что Филиппъ самъ говорилъ: «отъ одного такого клочка бумаги, если бы я нашелъ его, зависитъ все мое соетояніе, мое счастье, все, что мнѣ мило на свѣтъ!» Робертъ Бофоръ открылъ бюро, взявъ бумагу, поспѣшно еще-разъ пробѣжалъ ее глазами, неровными шагами подошелъ къ камину и, отворотясь, бросилъ въ огонь. Въ то же мгновеніе что-то бѣлое, — Бофору показалось, будто это было привидѣніе, — мелькнуло мимо его и схватило бумагу съ горящихъ угольевъ. На пол-мгновенія наступила тишина. Потомъ глухой стонъ ужасу и изумленія вырвался изъ груди Бофора. Лильбурнъ также вскрикнулъ; Фанни захохотала. Она выпрямилась во весь ростъ и обращая блестящій, торжествующій взоръ то на того, то на другаго, прижала бумагу къ груди. Оба слишкомъ оторопѣли, для того чтобъ принять какую-нибудь мѣру. Лильбурнъ первый опомнился и поспѣшилъ къ дѣвушкамъ. Она уклонилась и бросилась къ главной двери. Онъ за нею и схватилъ ее за руку:

— Глупенькая! отдай бумагу!

— Нѣтъ! не отдамъ иначе какъ съ жизнью!

И крикъ Фанни огласилъ весь домъ.

— О! тогда....

И слово замерло на губахъ Лильбурна, потому что въ передней послышались поспѣшные шаги, громкій споръ, борьба, и вдругъ дверь съ трескомъ распахнулась; камердинеръ кувыркомъ полетѣлъ къ ногамъ Лильбурна. На порогъ стоялъ Филиппъ Водемонъ.

Лильбурнъ попятился. Фанни бросилась на шею къ Филиппу.

— На! на! возьми.... возьми! говорила она всовывая

руку бумагу: не отдавай мнѣ.... ради Бога, не смей! Прочти.... посмотри! Не заботься обо мнѣ.

Хотя рука Филиппа инстинктивно сжала драгоценный документъ, однако жъ глаза его видѣли только мнѣ. Ея дѣло въ эту минуту было для него важнѣе всего на свѣтѣ.

— Бездѣльникъ! вскричалъ онъ, приступая къ Лильбу, между-тѣмъ какъ Фанни всё-еще висѣла у него шею: говори! что, она.... она?... говори, поди! ты знаешь, что я хочу сказать! Она дочь твоей собственной дочери.... внука той матери, которую ты приставилъ и развратилъ.... дѣтя женщины, которую спасъ Гавтрей отъ позору! Передъ смертью поручилъ ее мнѣ. Говори же! опоздалъ я, или нѣтъ? Ея рѣчь, голосъ, выраженіе лица Филиппа убѣждали сердца Лильбуерна въ ужасной истинѣ. Онъ содрогнулся. Вѣдь и онъ былъ еще человѣкъ. Однако жъ присутствіе духа этого человѣка, издавна уже привыкшаго къ злоупотребленію, восторжествовало даже надъ совѣстью. Онъ взглянулъ на Бофора.... на камергера.... и остановилъ взоръ на Филиппѣ. Три свѣтила! Быстрота соображенія была отличительною способностью.

— Что жъ, мосьё де-Водемонъ? сказалъ онъ спокойно, если я знаю, если я убѣжденъ, что Фанни моя дочь? Иначе, за чѣмъ же бы ей и быть здѣсь? Помните, мосьё де-Водемонъ: вѣдь я уже старъ!

Филиппъ отъ изумленія отступилъ на шагъ. Правда его была обманута хладнокровною ложью. Онъ взглянулъ на Фанни, которая изъ всего сказаннаго ничего не понимала, потому что всѣ умственные силы ея были заняты опасеніемъ за него.

— Не безпокойся обо мнѣ!... не безпокойся о Фанни! вскричала она: мнѣ не сдѣлали ни какого вреда.... только испугалась. Читай! читай! спасай эту бума-

гу! Помнишь, ты говорилъ о клочкѣ бумаги! Это она! Пойдемъ.... Уйдемъ отсюда!

Филиппъ взглянулъ на бумагу. Ужасная минута для Роберта Бофора.... даже для Лильбурна! Вырвать эту роковую бумагу изъ рукъ Филиппа? Скорѣе можно бы было вырвать добычу изъ когтей тигра. Филиппъ подналя взоръ и остановилъ его на портретъ матери, который всё-еще висѣлъ надъ бюро, по-прежнему. В уста улыбались сыну. Онъ обратился къ Бофору съ волненіемъ, которое было слишкомъ радостно, слишкомъ величественно для низкой мести, для низкаго торжества, и слишкомъ сильно для словъ. Съ минуту длилось молчаніе.

— Взгляните туда, Робертъ Бофоръ! взгляните туда! сказалъ наконецъ Филиппъ, указывая на портретъ: ея имя чисто! Я опять стою подъ кровлею моего отца! Я наследникъ Бофора! Мы съ вами увидимся передъ судилищемъ. Чтò же до васъ, лордъ Лильбурнъ,—я вѣрю вамъ: слишкомъ ужасно было усомниться въ вашихъ намбреніяхъ. Если бы она была оскорблена... я тутъ же, на мѣсть, растерзалъ бы васъ на части.

Лильбурнъ между-тѣмъ успѣлъ совершенно оправиться и, съ видомъ оскорбленнаго, съ наглостью, которая замѣняла у него мужество, поднявъ голову, мѣрными шагами подошелъ—было къ Филиппу.

— Благодарите ее, продолжалъ Филиппъ, понижая голосъ до шопоту: только за родство съ нею я не хочу вести васъ къ позорному столбу, какъ обманщика и вора!... Молчать! бездѣльникъ!... Молчать! ученикъ Джоржа Гавтрея! Я стрѣляюсь только съ честными людьми.

Лильбурнъ поблѣднѣлъ и надменное слово основалось на губахъ его. Филиппъ взялъ Фанни подъ руку и вышелъ.

— Дикманъ! сказалъ лордъ Лильбурнъ послѣ долгаго молчанія: въ другой разъ я спрошу тебя, какъ тебѣ

думалось впустить сюда этого нахала. Теперь по-
дай завтракъ сэръ Роберту Бофору.

Камердинеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на барца
и поспѣшно вышелъ. Бофоръ сидѣлъ неподвижно,
внѣ разбитый параличомъ. Лильбурнъ подошелъ
к нему и, грубо толкнувъ, вскричалъ съ нетерпѣ-
нью:

— Годаемъ! что это такое? Шевелитесь! Нельзя те-
бѣ ни минуты. Я уже обдумалъ, что должно дѣлать.
Эта бумага не стоить соломенки, если священникъ,
дававшій свидѣтельство изъ церковной книги, не
вердитъ подлинности ея личнымъ свидѣтельствомъ.
Онъ еще живъ, такъ повъзжайте къ нему тотчасъ же....
Документъ выставленъ адресъ.... въ Валлисѣ....
Валансское графство.... Онъ простой деревенскій свя-
щенникъ, а вы вѣдь покуда всё-еще сэръ Робертъ Бо-
форъ! Обработайте его хорошенько, онъ дастъ другое
свидѣтельство, и тогда мы можемъ обвинить Филиппа
въ злодѣйствѣ, въ посягательствѣ на чужую собственность.
Въ такомъ случаѣ, вы можете заставить попа познать
это дѣло, такъ, чтобы онъ ни во что не мѣшалъ.
Повъзжайте тотчасъ же, и когда обдѣлаете дѣло съ
сэромъ Джонсомъ, воротитесь и подавайте скорѣе
свидѣтельство. Скорѣе! живѣй! годаемъ! если бъ это было
мое дѣло, мое имѣніе, я кривой булавки не далъ бы
ни одного клочокъ бумаги. Я, можетъ-быть, еще обрадо-
ванъ бы этому случаю, потому что вижу, какимъ об-
разомъ можно употребить противъ нихъ! Повъзжай-

те, нѣтъ! Я не въ состояніи.... хотите вы
это на себя?... Половину моего имѣнія.... все
имѣніе, только спасите....

— Хотите вы! перебилъ Лильбурнъ съ презрѣні-
емъ. У меня богатства столько, сколько мнѣ нужно.
Никто меня не подкупишь. Чтобы я взялъ это
на себя?... я? лордъ Лильбурнъ? Да за кого вы

меня принимаете? Вѣдь это ваше дѣло; вамъ грозитъ гибель и разореніе, а не мнѣ. Я тутъ ничего не теряю.

— А я не могу! я не въ состоявіи! задыхаясь бормоталъ Бофоръ: вѣдь это подкупъ, подлогъ.... можетъ повлечь за собою безчестіе, позоръ.... наказаніе!... Моя репутація.... мое честное имя!... Притомъ мой сынъ.... въ которомъ я надѣялся жить второю жизнью.... мой сынъ противъ меня! Нѣтъ, нѣтъ! пусть они возьмутъ все, все! Пусть возьмутъ! Прощайте.

— Куда же вы?

— Поведу посоветоваться съ Блакведемъ. Потому уведомяю васъ.

Бофоръ, шатаясь, пошелъ къ своей каретѣ.

— Къ стряпчему пошелъ! проворчалъ Лильбургъ сквозь зубы: да! если правовѣдъ поможетъ ему обмануть людей на законномъ основаніи, то онъ не признается, роднаго отца обманетъ! Это будетъ честнымъ образомъ сдѣлано, по справедливости! Гм! можетъ выйти гадкая исторія и для меня.... Документъ здѣсь найденъ.... если дѣвушка можетъ засвидѣтельствовать то, что слышала.... а она вѣрно, слышала.... Она.... моя внучка!... возможно ли?... И Гавтрей укрылъ ее мать.... мою дочь отъ разврата!... Мое чувство къ этой дѣвушкѣ действительно казалось мнѣ чѣмъ-то инымъ противъ обыкновеннаго. Оно было чисто.... да, оно было чисто!... Это было состраданіе, нѣжность. И я никогда не долженъ видѣть ее.... долженъ все это позабыть!... А я старѣю.... дѣтей у меня нѣтъ.... я одинъ!

Онъ остановился почти со стономъ. Но вдругъ черты лица его судорожно исказились подъ выраженіемъ бѣшенства, и онъ закричалъ:

— Эготъ бродяга грозилъ мнѣ и я струсилъ! Что дѣлать? Нечего! Мнѣ можно только обороняться. Я не иг-

раю больше. Я ни на кого не нападаю. Кто жь осмѣлится обвинить лорда Лилльбурна? Но всё-таки Робертъ дуракъ. Нельзя предоставить его самому себѣ. Эй! Дикманъ, карету! Я ѣду въ Лондонъ.

Дня черезъ три Филиппъ получилъ письмо отъ Артура.

«Пишу къ вамъ не опасаясь быть не понятымъ, потому что вижу за глазами всего моего семейства и потому, что единъ только могу не принимать никакого участія въ предстоящемъ спорѣ между вами и моимъ отцомъ. Прежде нежели законъ успѣетъ рѣшить дѣло, я буду въ молчѣ. Я пишу это на смертномъ одрѣ. Филиппъ! вѣдь я... а я, стоялъ у смертнаго одра вашей матери, слышалъ послѣдній вздохъ ея! И этотъ вздохъ сопровождала улыбка, которая осталась на помертвѣвшихъ губахъ, потому что я обѣщавъ быть другомъ и защитникомъ ея дѣтей. Богу извѣстно, какъ усердно старался я исполнить эту торжественную клятву! Самъ чувствуя слабъ и боленъ, я гонялся за вами и братомъ вашимъ съ единственнымъ желаніемъ обнять васъ и сказать: пріймите меня какъ брата! Не стану напоминать вамъ моего обращенія со мной. Оно не для меня оскорбительно. Несмотря на то, я старался спасти по-крайней-мѣрѣ Сидней. Но и тутъ поиски мои остались тщетными. Черезъ нѣсколько времени мы получили отъ невѣстнаго письма, изъ котораго могли заключить, что онъ хорошо пристроенъ и ни въ чемъ не нуждается. Съ вами я только встрѣтился въ Парижѣ. Я видѣлъ, что вы были несчастны. Я хотѣлъ помочь вамъ, но меня не допустили и скрылись. Притомъ, судя по вашему тогдашнему положенію, я принужденъ былъ повѣрить, что вы человекъ глупый. Я и тутъ не покинулъ надежды найти, уговорю, спасти васъ, но всё поиски мои до-сихъ-поръ остались тщетными. Вы спросите, зачѣмъ я говорю вамъ теперь? Вы подумаете, что я хочу просить васъ не считать правъ, въ законности которыхъ вы убѣждены? Нѣтъ! Если право на вашей сторонѣ, то вы обязаны требовать его; вы обязаны сдѣлать это ради имени вашей ма-

тери. Нѣтъ! я говорю вамъ это только для того, чтобы вы, требуя своихъ правъ, удовольствовались правосудіемъ и не искали бы мести; чтобы вы, требуя своей законной собственности, не поступили несправедливо съ другими. Если законъ рѣшитъ дѣло въ вашу пользу, вы можете потребовать истраченныхъ доходовъ, а это доведетъ моихъ родителей и сестру до нищеты и гибели. Такъ можно рѣшить судъ, но не правосудіе; потому что отецъ мой былъ твердо убѣжденъ въ законности своихъ правъ на наследство, которое мы получили. Я слишкомъ мало понимаю законы и судопроизводство, и не знаю, что изъ такого дѣла могутъ сдѣлать клевета и сутяжничество недобросовѣстныхъ адвокатовъ. Желаю, чтобы вы нашли себя въ посредники чловѣка благороднаго, и объ одномъ только прошу: будьте справедливы и не мстите! Прилагаю здѣсь собственноручное ваше письмо, которое я получилъ въ день смерти вашей матери. Предоставляю вамъ самимъ рѣшить, въ какой мѣрѣ оно важно. *Артуръ Бофоръ.*

Вечеромъ того же дня мистриссъ Бофоръ стояла у постели больного сына и наливала на ложку лекарства. Въ это время тихонько отворилась дверь и появилась сэръ Робертъ, ведя за руку высокаго, красиваго мужчину, который однако жъ былъ сильно взволнованъ и какъ-будто падалъ подъ тяжестью. Камилла взглянула на гостя и поблѣднѣла. Гость вырвалъ свою руку у Бофора и невѣрными шагами подошедши къ постели, преклонилъ коленно, схватилъ руку Артура и склонился надъ нею. Онъ молчалъ. Но это молчаніе было выразительнѣе всѣхъ возможныхъ словъ. Грудь его волновалась; все тѣло трепетало. Артуръ тотчасъ угадалъ, кого видитъ передъ собой, и наклонился, чтобы приподнять гостя.

— О! Артуръ, Артуръ! вскричалъ Филиппъ: прости мнѣ! Утѣшитель моей матери.... братъ мой! братъ мой! Прости мнѣ!

Когда онъ приподнялся, Артуръ протянулъ рукъ и

они упали другъ другу въ объятія. Напрасный былъ бы трудъ описывать чувствованія присутствующихъ.

— Такъ ты признаешь меня? ты признаешь меня? восклицалъ Филиппъ: ты принимаешь братство, которое я, ослѣвленный страстями, такъ долго отвергалъ? И вы, Камилла, вы нѣкогда стояли, подъ этою же кровлею, подлѣ меня, на колыняхъ.... и вы узнаете меня теперь?.... О, Артуръ! зачѣмъ ты раньше не показалъ мнѣ этого письма?.... Безумецъ я, зачѣмъ я не хотѣлъ выслушать тебя прежде! Быть-можетъ, я меньше пострадалъ бы.... Но я только страдалъ. Совѣсть моя чиста. Я ношу чужое имя, но не запятналъ его. Ты, Артуръ.... братъ мой, не просить долженъ: ты имѣешь право требовать.... Я умоляю тебя, прости мнѣ.

Сцена эта сильно растрожила больного. Чтобы дать ему отдохнуть, Филиппъ поспѣшилъ выйти въ другую комнату и увлекъ за собою Бофора.

— Сэръ Робертъ, забудемъ прошлое, сказалъ онъ: мы оба, можетъ-быть, нуждаемся въ прощеніи и снисходительности; я нѣкогда жестоко оскорбилъ вашего сына, а теперь готовъ признаться, что не вѣрно судилъ и васъ. Я, правда, не могу отказаться отъ тяжбы.... (Сэръ Робертъ нахмурился.) Я не имѣю права на это. Я здѣсь полномочный представитель чести моего отца и доброго имени матерв.... ихъ долженъ я отстаивать. Въ ту минуту, когда впервые вступилъ въ вашъ домъ, въ надеждѣ отыскать свое право, я твердо рѣшился изгнать изъ души своей всякое чувство, похожее на ненависть и месть. Теперь я хочу сдѣлать больше. Если приговоръ закона будетъ противъ меня, все между нами останется по-прежнему; если же въ мою пользу, то.... слушайте: я оставляю бофорское имѣніе въ вашемъ владѣніи по жизни вашу и вашего сына, а себѣ требую лишь столько, чтобы я могъ помочь брату Сиднею, если онъ еще живъ и, быть-можетъ, нуждается, и чтобы я могъ доставить причинную и безбѣдную

жизни той, которой всѣмъ сердцемъ желаю предложить мою руку. Робертъ Бофоръ, въ этой самой комнатѣ я некогда умолялъ васъ, отдать мнѣ единственное существо, которое я тогда любилъ. Теперь я опять молю васъ.... и теперь вы въ состояніи исполнить мою просьбу. Пусть Артуръ будетъ мнѣ истиннымъ братомъ.... Отдайте мнѣ.... если мои права на наследство отца будутъ признаны законными.... отдайте мнѣ Камиллу, и я не позавидую никому, отъ котораго, для себя собственно, отказываюсь. Когда же оно перейдетъ къ моимъ дѣтямъ, то вѣдь это будутъ дѣти вашей же дочери.

Первымъ побужденіемъ сэръ Роберта было схватить предложенную руку, разразиться ливнемъ восхваленій, отреканий, увѣреній, что онъ желаетъ только справедливости, только правдиваго, и законнаго, что онъ гордится такимъ зятемъ, и такъ далѣе. Но вдругъ ему пришло въ голову, что Филиппъ не могъ бы говорить въ такомъ великодушномъ тонѣ, если бъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что выиграетъ процессъ. Онъ некусо уклонился отъ дальнѣйшихъ объясненій, съ тѣмъ, чтобы прежде посоветоваться съ Лилъбурномъ и съ адвокатомъ. Между-тѣмъ заговорилъ объ опасеніяхъ своихъ насчетъ Артура, о разстроенномъ духѣ всего семейства, и такъ далѣе. Потомъ опять увѣрялъ, что онъ ни за что не станетъ противиться счастью Филиппа и очень радъ помириться на предложенныхъ условіяхъ, если только для этого не нужно будетъ принуждать Камиллу, что онъ также готовъ выдать ее за мосьё де-Водемона съ приличнымъ приданымъ, если и выиграетъ процессъ,—разумѣется, если Камилла сама пожелаетъ.

Какъ ни хитеръ былъ сэръ Робертъ, но Филиппъ разгадалъ его мысль. Какъ часто въ жизни случается, что подойдешь къ кому-нибудь съ величайшей искренностью, въ минуту увлеченія дашь волю благороднымъ

и прекраснымъ чувствамъ, — такимъ чувствамъ великодушнымъ и мечтательнымъ, что сторонній человекъ, глядя на тебя, назоветъ сумасбродомъ, донъ-Кихотомъ, — и вдругъ наткнешься вмѣсто сердца на такую ледяную глыбу, что кровь застынетъ въ жилахъ, и увидишь, что тебя вовсе не поняли, что свинья, которая съ жадностью сожрала бы жолудь, вовсе не знаетъ, что дѣлать съ алмазомъ. Лихорадочная дрожь, которая тогда потрясаетъ нервы, полное, отчаянное отвращеніе, которое тогда мы чувствуемъ ко всему свѣту въ одномъ лицѣ, понятны тѣмъ, кто испытывалъ подобное. Филиппъ молча, съ глубокимъ отвращеніемъ слушалъ Бофора и потомъ сказалъ только:

— Сэръ, во всякомъ случаѣ это такой вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только судомъ. Если судъ рѣшитъ такъ, какъ вы думаете, то ваша очередь будетъ дѣйствовать; если же такъ, какъ я надѣюсь, то очередь будетъ моя. До-тѣхъ-поръ я ничего не стану говорить вамъ ни о вашей дочери, ни о моихъ намѣреніяхъ. Позвольте мнѣ только посѣщать вашего сына. Я бы не желалъ быть удаленнымъ отъ постели его.

— Любезнѣйшій племянникъ! вскричалъ Бофоръ, снова встревоженный: считайте этотъ домъ своимъ собственнымъ.

Племянникъ важно поклонился и вышелъ; дядя чрезвычайно вѣжливо проводилъ его до дверей.

Лордъ Лилъбурнъ и мистеръ Блэквелъ были того же мнѣнія, какъ и сэръ Робертъ Бофоръ, то есть, они полагали, что не надо торопиться; надо обождать, посмотреть, нельзя ли вывернуться. Положили избрать посредниковъ изъ своего же класса, съ тѣмъ, чтобы они рассмотрѣли дѣло прежде начатія процесса и рѣшили, можетъ ли найденный актъ быть признанъ законнымъ. Когда уже не оставалось сомнѣнія въ томъ, какимъ образомъ рѣшать посредники, тогда сэръ Робертъ, черезъ своего адвоката, формально объявилъ,

что онъ нисколько не намѣренъ препятствовать разсмотрѣнію дѣла судебнымъ порядкомъ и утвержденію правъ за тѣмъ кому они принадлежатъ; что онъ, Робертъ Бюфортъ, лишь-только документъ былъ найденъ, первый объявилъ желаніе повѣрить его подлинность и первый радуется, что можетъ отдать должное должному, и такъ далѣе. Онъ предложилъ только, чтобы вопросъ о спорномъ имѣніи былъ разсматриваемъ, не какъ тяжба враждующихъ сторонъ, а какъ любовное соглашеніе. Это предложеніе было охотно принято Филиппомъ и его адвокатомъ.

Между-тѣмъ Артуру становилось всё хуже и хуже, и наконецъ онъ умеръ на рукахъ Филиппа.

Сэръ Робертъ, предвидя неминуемый конецъ дѣла, разсчелъ, что нужно выказать какъ-можно больше великодушія и пріязни, чтобы потомъ имѣть право пользоваться тѣмъ, что ему предложить. Притомъ онъ опасался, чтобы Филиппъ какъ-нибудь не передумалъ, или чтобы не узналъ о предложеніяхъ и надеждахъ своего соперника въ любви, Чарлза Спенсера, то есть, Сиднея, и чтобы дѣло отъ этого не приняло другаго обороту. Сообразивъ все это, онъ торопилъ заключеніемъ брака между Филиппомъ и Камиллой, несмотря на трауръ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы прежде формальнаго начатія процесса избѣжать всякаго скандала и показать публикѣ, что это дѣйствительно не тяжба, а мировая семейная сдѣлка. Филиппъ, влюбленный, страстный, былъ радъ скорѣе увѣриться въ свои счастливыя и, также предвидя рѣшеніе суда, разумѣется, не отказывался. Камилла не смѣла противорѣчить волѣ отца. Положено было вѣнчаться Филиппу полъименемъ Водемона, потому что онъ не хотѣлъ принять своего родоваго имени иначе, какъ законнымъ порядкомъ. И такъ все было порѣшено; день свадьбы назначенъ.

Между-тѣмъ какъ эти происшествія тревожили

волновали семейство Бофоровъ, Сидней продолжалъ свою спокойную, безмятежную поэтическую жизнь на берегахъ прелестнаго озера. Онъ былъ увѣренъ въ неизмѣнности Камиллы, какъ въ своей собственной. Эту увѣренность поддерживали ея письма, которыя были, правда, не лишены принужденности, потому что ценсировались матерью, однако жъ доставляли влюбленному жениху большое наслажденіе и утѣшеніе. Вслѣдствіи онъ сталъ замѣчать, что эти письма были такъ же длинны, но того же содержанія. Камилла какъ-будто начала избѣгать обыкновеннаго предмета бесѣды и меньше говорила о своемъ сердцѣ нежели о гостяхъ, посѣщавшихъ ихъ домъ, и раза два упомянула о мосьѣ де-Водемонъ. Поводу къ ревности не было подано рѣшительно ни какого, но Сиднею, не извѣстно почему, это имя и этотъ человѣкъ показались подозрительными. Онъ началъ беспокоиться, тѣмъ больше, что письма Камиллы стали приходиться рѣже, рѣже, и съ каждымъ разомъ были всё принужденнѣе. Наконецъ онъ получилъ одно, въ большомъ конвертѣ, съ широкою черной каймой и торжественною черною печатью. Оно было отъ сэръ Роберта, который съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщалъ о послѣдовавшей такого-то числа кончинѣ своего сына, о томъ, что теперь дочь его, Камилла, стала единственною наследницею большаго имѣнія, что по этому планы касательно ея замужства по необходимости должны измѣниться, что такому прекрасному и умному человѣку, какъ мистеръ Спенсеръ, нѣтъ ничего легче, какъ найти себѣ другую партію, даже гораздо лучшую; просилъ по этому случаю прекратить всякую дальнѣйшую переписку, до времени болѣе спокойнаго и заключилъ весьма обязательными увѣреніями въ совершенной преданности и всегдашней готовности къ услугамъ. Можно себѣ представить, какой это произвело эффектъ. Но Сидней былъ убѣжденъ, что во

всемъ этомъ нисколько не участвуетъ сердце его милой и въ тотъ же день поскакалъ въ Лондонъ на почтовыхъ.

Привхавъ туда.... Это было вечеромъ.... онъ оставился у самаго дому Бофора, почти сшибъ съ ногъ лакея въ передней, и безъ доклада ворвался въ гостиную. Онъ не замѣтилъ ни хозяина, который вскопчилъ въ испугъ, ни оторопѣвшей жены его, ни чужаго человѣка, который сидѣлъ съ ними за чайнымъ столомъ. Онъ видѣлъ только Камиллу и въ одно мгновение очутился у ея ногъ.

— Камилла! я здѣсь!... Ты знаешь какъ я люблю тебя!... Ты знаешь, что на всемъ свѣтѣ у меня нѣтъ ничего милаго кромѣ тебя! Я здѣсь, съ тѣмъ, чтобы отъ тебя.... отъ тебя одной услышать, действительно ли правда, что ты предпочла мнѣ другаго?

Вбѣжавъ, онъ бросилъ шляпу въ уголъ; прекрасные длинные волосы его, увлажненные снѣгомъ, въ безпорядкѣ разсыпались по лбу; глаза съ напряженіемъ, какъ у ожидающаго приговору, были устремлены на блѣдныя, дрожащія уста Камиллы. Робертъ Бофоръ, зная пылкій нравъ Филиппа и опасаясь бури, съ безпокойствомъ смотрѣлъ на будущаго зятя, въ лицѣ котораго однако жъ не видно было ни гнѣву, ни гордости. Филиппъ всталъ, но стоялъ сгорбившись; колѣни его стбалась; ротъ былъ полу-открытъ, глаза неподвижно остановились на неожиданномъ гостѣ. Вдругъ Камилла, раздѣляя опасеніе отца, также встала и протянувъ руку надъ головою Сиднея, какъ-бы для защиты, съ умоляющимъ видомъ взглянула на Филиппа. Сидней послѣдовалъ глазами по направленію ея глазъ и вскопчилъ.

— Такъ это правда?.... И это тотъ, который предпочтенъ мнѣ? Но если вы.... вы сами, Камилла, собственными своими устами не скажете, что уже не лю-

бите меня, то я не уступаю васъ другому иначе какъ съ жиданію!

Онъ съ мрачнымъ выраженіемъ быстро подступалъ къ Филиппу; тотъ пытался по мѣрѣ приближенія соперника, но не спускалъ съ него глазъ. Характеры обоихъ какъ-будто обмѣнялись. Робкій мечтатель, казалось, сталъ безстрашнымъ солдатомъ; солдатъ какъ-будто робѣлъ, трепеталъ. Сидней своими нагими, тонкими пальчиками смѣло схватилъ мускулистую, твердую руку Филиппа и мрачно, грозно глядя ему въ глаза, проговорилъ глухимъ шопотомъ:

— Слышите?... понимаете вы меня? Я говорю, что никто въ мірѣ не въ состояніи принудить ее къ союзу, которому, я увѣренъ, противится ея сердце! Мои права священныѣ вашихъ. Откажитесь, или возьмите ее вмѣстѣ съ моею жизнью!

Филиппъ, казалось, ничего не слышалъ. Вся чувства его перешли въ зрѣніе. Онъ продолжалъ осматривать говорящаго и, постѣпенно обративъ глаза на руку, которая всё-еще не опускала его руки, вскрикнулъ, схватилъ руку и указалъ на перстень, но не проговорилъ ни слова. Сэръ Робертъ подошелъ и пробормоталъ Сиднею нѣсколько словъ, но Филиппъ сдѣлалъ ему знакъ чтобы онъ молчалъ, и наконецъ съ величайшимъ напряженіемъ спросилъ у Бофора:

— Имя?... имя его?

— Мистеръ Спенсеръ.... мистеръ Чарльзъ Спенсеръ! вскричалъ Бофоръ: выслушайте, выслушайте меня.... я все объясню.... я....

— Молчите! молчите! вскричалъ Филиппъ, и обратился къ Сиднею, положивъ руку ему на плечо, уставя глаза въ глаза, спросилъ: не былоли у васъ когда другаго имени? Вы не.... да!.... да, да!.... это вѣрно.... это такъ! Пойдемте, пойдемте со мной!

Филиппъ насильно увлекъ своего соперника въ другую комнату и заперъ дверь. Комната эта была освѣ-

щена одной свѣчою и трепетнымъ огнемъ камня. Молодые люди, какъ-бы обаянные какими-нибудь чарами, долго смотрѣли другъ на друга молча. Наконецъ Филиппъ, увлеченный неодолимымъ чувствомъ, упалъ на грудь Сидней, судорожно сжалъ его въ объятіяхъ и простоналъ:

— Сидней! Сидней! братъ мой!

— Какъ! вскричалъ Сидней, вырываясь и отступивъ: такъ это ты?.... ты?.... братъ?.... ты, который всегда былъ терніемъ на моемъ пути.... тучею на моемъ небѣ! Ты пришелъ теперь сдѣлать меня несчастнымъ на всю жизнь? Я люблю эту дѣвушку и ты хочешь вырвать ее у меня? Ты, который еще въ дѣтствѣ принудилъ меня терпѣть горе, который.... если бы не вступились добрые люди.... быть-можетъ, сдѣлалъ бы меня негодяемъ, преступникомъ.... покрылъ бы позоромъ...

— Остановись! остановись! закричалъ Филиппъ такимъ пронижительнымъ голосомъ, что онъ впился какъ ножъ въ сердце всѣмъ бывшимъ въ сосѣдней комнатѣ.

Они со страхомъ переглянулись, но никто не осмѣлился помѣшать объясненію. Даже Сидней ужаснулся звука этого голоса. Онъ упалъ на стулъ и, пораженный этими новыми для него страстями, закрылъ лицо руками и зарыдалъ какъ дитя. Филиппъ нѣсколько разъ большими шагами прошелся по комнатѣ, потомъ остановился передъ братомъ и сказалъ съ спокойною холодною неузнаннаго и глубоко уязвленнаго чувства:

— Сидней Бофоръ! выслушай меня. Мать моя, умирая, поручила тебя моему попеченію, моей любви. Въ послѣднихъ строкахъ, написанныхъ ея рукою, она просила меня заботиться меньше о себѣ нежели о тебѣ; быть тебѣ не только братомъ, но отцомъ. Прочитавъ это письмо, я упалъ на колѣни и далъ клятву исполнить завѣщаніе, пожертвовать собой, если этимъ можно будетъ доставить тебѣ состояніе или счастье. И это не

столько для тебя, но ради моей матери, ради нашей оскорбленной, оклеветанной матери, умершей съ разбитымъ, растерзаннымъ сердцемъ.... О, Сидней, Сидней! неужто у тебя вѣтъ слезъ для нея?... Да! ради того, что мать въ последнемъ письмѣ сказала мнѣ: «пусти моя любовь къ нему перейдетъ въ твое сердце»... Вотъ почему, Сидней! вотъ почему, при всемъ томъ, что дѣлалъ для тебя, я воображалъ что вижу улыбающійся мнѣ образъ матери. Позже, быть-можетъ, когда мы поговоримъ о томъ времени, какъ я работалъ для тебя, когда я переносилъ униженіе для того чтобы доставить тебѣ спокойную жизнь, — позже быть-можетъ ты будешь справедливѣе ко мнѣ. Ты оставилъ меня или былъ у меня похищенъ, и я отдалъ все что получилъ въ наследство отъ матери, чтобы только добыть вѣсть о тебѣ. Я получилъ твое письмо.... твое горькое письмо.... и меня уже не тревожило то, что я нищій: я былъ одинокъ. Ты говоришь, что пострадалъ отъ меня... ты? И теперь ты требуешь, чтобы я.... чтобы я.... Боже милосердый! объяснись! Ты любишь Камиллу?... Она любитъ тебя? Говори! говори!.... Какое новое мученье ждетъ меня?

Тутъ Сидней, несмотря на свое болѣе себялюбивое горе, тронутый и пристыженный рвчью и выраженіемъ брата, въ короткихъ словахъ рассказалъ исторію своей любви и наконецъ подалъ письмо Бофора. При всѣхъ усиліяхъ Филиппа сохранить власть надъ собой, душевныя страданія его были такъ сильны, такъ видны, что Сидней чистосердечно раскаялся въ своей опротивѣнности и со слезами бросился къ брату на грудь.

— Братъ! братъ! прости меня! Я вижу, что былъ несправедливъ къ тебѣ. Если она забыла меня.... если она любитъ тебя, женись на ней и будь счастливъ!

Филиппъ обнялъ его, но безъ теплоты, и потомъ отошелъ. Снова началъ онъ ходить въ сильномъ волненіи

по комнатѣ, и отрывистыя слова невольно вырывались изъ трепещущихъ устъ: «Мнѣ сказали, она любитъ мѣня!... Господи, пошли мнѣ силы!... Матушка! матушка! помоги мнѣ исполнить данное слово!... О, зачѣмъ я не умеръ прежде!» Наконецъ онъ остановился, и крупныя капли поту покатались у него со лба.

— Сидней, сказалъ онъ, тутъ есть тайна, которой я не понимаю. Но голова моя теперь разстроена. Если она любитъ тебя.... если.... Возможно ли, чтобы женщина любила двоихъ?... Хорошо.... хорошо. Я пойду, разрешить эту загадку. Подожди меня здѣсь.

Онъ ушелъ въ гостиную и Сидней съ полчаса оставался одинъ. Сквозь стѣну онъ слышалъ неясный говоръ и отличалъ рыданія Камиллы. Подробностей этого разговора между Филиппомъ и Камиллой, происшедшаго сначала наединѣ, потомъ при отцѣ и матери, Филиппъ никогда не открывалъ и Сидней никогда не могъ получить полнаго объясненія отъ Камиллы, которая даже въ поздніе годы вспоминала объ немъ съ сильнымъ волненіемъ. Наконецъ дверь открылась и Филиппъ вошелъ, ведя Камиллу за руку. Лицо его было спокойно; на устахъ улыбка. Во всемъ существѣ его выражалось торжественное величіе. Камилла, закрывъ глаза платкомъ, плакала. Сэръ Робертъ сидѣлъ за ними, недовольный, разстроенный.

— Кончено, Сидней! сказалъ Филиппъ: все кончено. Я уступаю твоимъ первымъ, следовательно, лучшимъ правамъ. Сэръ Робертъ согласенъ отдать ее за тебя. Онъ при удобномъ случаѣ объяснитъ тебѣ, что наше родовое право наконецъ будетъ признано законнымъ, и что нѣтъ уже ни какого пятна на имени, которое мы будемъ носить. Сидней, обними свою невесту.

Оглушенный, восхищенный, не совсѣмъ вѣра своему счастью, Сидней схватилъ и началъ цѣловать руку Камиллы. И когда онъ повлекъ ее къ себѣ на грудь, она оборотилась и, указавъ на Филиппа, сказала:

— О! если вы любите меня такъ, какъ говорите.... смотрите на него, великодушнаго.... благороднаго....

Новыя рыданія заглушили ея слова. Когда же Сидней опять схватилъ ея руку, чтобы осыпать поцѣлуями, она съ истинно женскою, нѣжною проникательностью чувства шепнула:

— О! уважьте.... пощадите его! Посмотрите!

И Сидней, взглянувъ на брата, увидѣлъ, что онъ старался улыбаться, но блѣднѣлъ и трепеталъ; черты лица искажались, какъ у страждущаго подъ пыткой.

— Я исполнилъ свою клятву! сказалъ наконецъ Филиппъ: я отдамъ тебѣ единственное благо въ жизни, которое надѣялся назвать своимъ. Будь счастливъ, Сидней! И я успокоюсь, если Богу угодно будетъ заживить эту рану. Теперь же не удивляйся и не осуждай меня, если я на время оставлю брата, котораго такъ поздно нашелъ. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, вы, сэръ Робертъ, и ты Сидней.... Пусть вѣнчальный обрядъ будетъ исполненъ въ Г—скомъ предмѣстіи, въ деревенской церкви, гдѣ покоится прахъ нашей матери, и отложите свадьбу до окончанія процесса. До того времени я надѣюсь быть въ состояніи подойти опять къ вамъ.... и къ вамъ, Камилла, такъ, какъ прилично брату. Но покуда пусть мое присутствіе не нарушаетъ вашего счастья. Не отыскивайте меня; не освѣдомляйтесь обо мнѣ, пока я самъ не явлюсь, прошу васъ.... Не возражайте! не возражайте! Пощадите меня. Прощайте.

Твердость, которую Филиппъ такъ долго сохранялъ, оставила его, когда онъ вышелъ изъ дому. Онъ чувствовалъ, что духъ его разбитъ и смѣшанъ въ хаосъ. Онъ бѣжалъ машинально, изъ улицы въ улицу, несмотря на темноту и глубокій снѣгъ. Онъ вышелъ изъ городу и остановился не прежде какъ на кладбищѣ, на могилѣ матери. Снѣгъ толстымъ слоемъ лежалъ на могилѣхъ; одѣтыя въ бѣлыя саваны, печальныя ивы сто-

или какъ вышедшія изъ гробовъ привидѣнія. На перилахъ, окружавшихъ могилу Катерины, еще висѣлъ вѣнокъ, сплетенный руками Фанни, но цвѣтовъ было не видно: это былъ вѣнокъ изъ снѣгу. Сквозь промежутки огромныхъ, неподвижныхъ тучъ уныло мерцали двѣ три одинокія звѣзды. Самое спокойствіе этого священнаго мѣста казалось невыразимо печальнымъ. И когда Филиппъ склонился надъ могилою, то въ немъ и въ его все было холодно и темно!

Долго ли оставался тутъ, что чувствовалъ, о чемъ молился, этого онъ и самъ послѣ не могъ припомнить. Къ утру Фанни услышала его шаги на лѣстницѣ и шорохъ въ комнатѣ, надъ ея головой. Потомъ, когда она встала, ее испугали несвязныя, дикія восклицанія и неистовый хохотъ. Горячка бросилась въ голову: онъ былъ въ бреду.

Нѣсколько недѣль Филиппъ былъ въ непрерывной опасности и большую часть времени находился въ безсознательномъ состояніи. Это была первая жестокая болѣзнь его въ жизни, и потому она тѣмъ сильнѣе потрясла его. Но опасность миновала и онъ медленно, постепенно началъ поправляться. Сидней, полагая, что братъ уѣхалъ куда-нибудь, ничего не зналъ объ этомъ. Притомъ Филиппъ настоятельно просилъ, чтобы его не отыскивали. Никого не было у его болѣзненнаго одра, кромѣ наемной сидѣлки, и неподкупнаго сердца единственнаго существа, которому ничего не значили богатство и знатность наследника Бофоръ-Кура. Здѣсь получилъ онъ послѣдній урокъ судьбы, — о суетности тѣхъ человѣческихъ желаній, которыя стремятся къ золоту и могуществу. Сколько лѣтъ сирота-изгнанникъ съ негодованіемъ плакалъ объ отнятыхъ правахъ своихъ! И вотъ, они были возвращены. Но въствѣ съ этимъ разбито сердце и изнурено тѣло! Мало-по-малу начиная приходить въ себя и разсуждать, онъ невольно напалъ на эту мысль. Ему казалось, что онъ

не-даломъ наказанъ за то, что въ молодости съ пренебреженіемъ отвергалъ радости, которыя еще могъ бы пользоваться, которая еще были доступны и скрыты. Развѣ его чудесное здравье ничего не значило? Развѣ ничего не значила бессмертная надежда? Ничего не значило юное сердце, хотя оскорбленное, уязвленное и тяжко испытанное, однако же еще не растерзанное самыми ужасными муками страстей, обманутою, ревнивою любовью? Несмотря на уврѣнность, что, если останется живъ, будетъ обладать огромнымъ вѣнцомъ и анатлымъ именовъ, онъ сожалѣлъ о своемъ прошедшемъ, даже о томъ времени, когда съ оспротвѣвшимъ братомъ своимъ бродилъ по пустыннымъ полямъ и чувствовалъ, какими силами, какою мощью владѣть человѣкъ, когда ему есть кого защищать, есть о комъ заботиться; сожалѣлъ и о той порѣ, когда, утративъ первую свою любовь, первую свою благодѣлицу, Евгенію де-Мериль, онъ смѣло, грудь противъ груди, на чужой сторонѣ боролся съ судьбою за честь и независимость. Въ тяжкой болѣзни, — особенно человѣка непривычнаго, есть нѣчто такое, что имѣетъ часто самое благодѣтельное вліяніе на душу; что посредствомъ насильственнаго и, правда, часто жестокаго потрясенія физическаго организма, освобождаетъ насъ отъ болѣзни нравственной; что заставляетъ насъ чувствовать, что въ самой жизни, въ такой, какою наслаждаются здоровые и крѣпкіе, заключается уже великое благо, неоцѣнимый даръ Божій. И потому мы съ одра болѣзни обыкновенно встаемъ болѣе кроткими, смиренными, болѣе склонными искать такихъ скромныхъ благъ, которыя еще могутъ быть доступны намъ.

Пока Филиппъ былъ счастливъ, кипѣлъ надеждами, Фанни была несчастна. Онъ пламенно, краснорѣчиво благодарилъ ее за это счастье, называлъ благодѣлицей, которая возвратила ему богатство, имя, честь

матери; которое наконец дало ему возможность вернуться, соединить его с тѣмъ, кого онъ любить еще всею на одеть. Фанни рада была его счастію, улыбалась, потому уходила и прикладывала ножи и прощала. Счастливей Филлипп не замечалъ этого: когда же онъ воротился, страдающій, больной, лежалъ въ бѣдственномъ, она совершенно забала о себѣ и посвятила ему исключительно все поощренія, всю свою заботливость, къ какому способна бывающъ женщиною. И когда Филлиппъ оговаривался, первое лицо, которое увидѣлъ она, было ее лицо; первое имя, которое выговорилъ—было ее имя. Начавъ поправляться и переставившись съ постели на диванъ, онъ гораздо охотнѣе прерывающъ слушать, какъ она читала и пѣла съ чувствомъ, котораго не можетъ дать ни какой учитель. И однажды онъ откровенно заговорилъ съ нею, рассказавъ всю свою исторію и послѣднюю жертву. И Фанни, прелыми слезы увидѣла, что онъ уже не принадлежить другой.

Въ этомъ тихомъ, дружественномъ сонителствѣ, постепенно, съ минуты на минуту, наступали тѣ драгоцѣнныя эпохи, которыя означаютъ переборотъ въ чувствахъ. Непырающая благодарность, братская въжность и соединенныя силы состраданія и уваженія, которыя Филлиппъ чувствовалъ къ Фанни, по вѣрѣ выздоровленія его, сливались въ одно еще болѣе въжное чувство. Онъ уже не могъ обманывать себя ничтожностью, горделивымъ мнѣніемъ, будто принялъ пользу свое покровительство слабую, несовершенную душу, существо, обиженное природою; онъ снова началъ замѣчать рядкую красоту этого въжнаго лица, которое, быть-можетъ, стало еще милѣе, когда легкая блѣдность замѣнила прежній пышный цвѣтъ.

Однажды вечеромъ, полагая, что былъ одинъ, онъ погрузился въ глубокое раздумье и, мгновенно пробудившись отъ него, громко сказалъ:

— Истинную ли любовь чувствовалъ д. кн. Кайшала?
 Не была ли это только страсть, безуміе, заблужденіе?

Отвѣтомъ на это восклицаніе была звучь, который обнаруживала вместе и страданіе и радость. Оты-
 взглянувъ... передъ ними стояла Фанни. Только что
 восходящая луна обливала ее серебрянымъ свѣтомъ.
 Она закрыла лицо руками. Филиппъ слышалъ, какъ
 она плакала.

— Фанни! милая Фанни! вскричала она, всмѣхивъ и
 простирая къ ней объятія.

Но Фанни уклонилась и исчезла изъ комнаты какъ
 сонъ.

Филиппъ, еще слабо держась на ногахъ, въ первый
 разъ началъ проказываться по комнатамъ. Какъ проти-
 воположны были въ эту минуту чувства его съ тѣмъ,
 отъ которыхъ онъ въ послѣдній разъ нечаялся въ этой
 же тѣсной комнатѣ! Проглянула бурьянъ; проглянула зима.
 Онъ подошелъ къ окну, отворилъ его, и съ наслажде-
 ніемъ вливалъ весенній, ароматическій воздухъ, освѣ-
 жающій его голову. Все, и тихая ночь, и ясное небо, и
 снова зеленѣющее кладбище, представлялось ему въ
 новомъ, прекраснѣйшемъ видѣ. Воспоминаніе о мате-
 ри сидѣло у него съ мыслью о Фанни.

— Я исполнилъ завѣтъ твой.... Сидней счастливъ!
 шепталъ онъ: благодарн ее!

Долго стоялъ онъ у окна съ веселыми мыслями, съ
 сладостными надеждами, и забывъ объ опасности.

На другой день врачъ нашелъ его опять въ безпа-
 мятствѣ, которое продолжалось вѣсколько дней. На-
 конецъ Филиппъ пробудился, какъ отъ долгаго, тяже-
 лаго сна, оживленный, укрѣпленный, такъ, что чув-
 ствовалъ самъ, что тягостный кризисъ миновался,
 чувствовалъ, что наконецъ пробился къ свѣтлому, озарен-
 ному солнцемъ берегу жизни.

У постели его сидѣлъ Лизинуръ, который долго без-
 покевался объ участи друга и, наконецъ, съ помощью

мистера Барлова, отыскалъ его и раздѣлялъ съ Фанни попеченія объ немъ. Черезъ нѣсколько дней болѣзнь была въ состояннн выйти изъ комнаты и свѣжій воздухъ уже сталъ необходимъ къ совершенному его выздоровленію. Тутъ Ланкуръ, который уже два года канимъ-то нетерпѣннсть, на прогулкѣ завелъ разговоръ, серьезно.

— Любезный другъ, я узналъ теперь всю вашу исторію отъ Барлова, который во время вторичной вашей болѣзни приходилъ нѣсколько разъ и нетерпѣливо желаетъ видѣться съ вами, потому что процессъ вашъ скоро долженъ кончиться. Вамъ надобно оставить этотъ домъ, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Оставить этотъ домъ? Зачѣмъ же? Не здѣсь ли та, которой я обязанъ нѣсколько ннзннемъ, но и жизнью?

— Да! Поэтому-то я и говорю вамъ: удалитесь. Это единственное удовольствіе, которое вы можете дать ей.

— Говорите яснѣе!

— Я вннствъ съ нею сидѣлъ у вашей постели, продолжалъ Ланкуръ: я знаю то, о чемъ вы уже должны догадываться. Даже старая служанка уже осмѣлилась говорить мнѣ объ этомъ. Вы внушили бѣдной дѣвушкѣ такіа чувства, которыа навсегда могутъ нарушить ея спокойствіе.

— А! вскричалъ Филиппъ съ такою радостью, что Ланкуръ нахмурился.

— Доселѣ я считалъ васъ слишкомъ честнымъ, чтобы....

— Такъ вы полагаете, что она любитъ меня? прервалъ его Филиппъ.

— Да; но что жъ изъ этого? Вы, наследникъ знатнаго имени и двадцати тысячъ фунтовъ доходу, можете ли вы жениться на этой бѣдной дѣвушкѣ?

— Я подумаю объ этомъ. Во всякомъ случаѣ я остав-

лю этотъ день, куда, до окончанія процесса. Перестанемъ говорить объ этомъ.

У Филиппа было довольно пронизательности на то, чтобы замѣтить, что Лянкуръ, тронутый красотою, невинностью и сиротствомъ Фанни, не удовольствовался предостереженіемъ друга, но, по праву пошлаго человека, съ благонамѣренною суровостью подалъ добрый советъ и самой Фанни. Она, по-видимому, была рада встрѣчи съ нимъ; глаза ея пухли; обращеніе было принужденно. Филиппъ видѣлъ эту перемену и радовался ей.

Наконецъ онъ уѣхалъ съ Лянкуромъ въ Лондонъ и пробылъ тамъ три недѣли. Тамъ временемъ окончился полюбовный разборъ юридическаго вопроса, и публика была вне себя отъ восхищенія, когда узнала о великодушномъ поступкѣ сэръ Роберта Бофора, который найдя документъ, не только не уничтожилъ его, но тотчасъ же добровольно рѣшился дать ему законную силу и отказаться отъ огромнаго имѣнія, потому что цѣнилъ спокойствіе совѣсти выше всякаго богатства. Нѣкоторые замѣтили мимоходомъ, что и Филдвинъ Бофортъ поступилъ довольно великодушно, согласившись оставить дядѣ владѣніе имѣніемъ по смерти и выговоривъ себѣ на это время только четвертую часть доходовъ. Но это было очень естественно: могъ ли онъ поступить иначе?

Бракъ Сиднея и Камиллы былъ совершенъ въ той церкви гдѣ желалъ Филиппъ. По окончаніи церемоніи Филиппъ взялъ брата за руку и, пока другіе сажались въ экипажи, вывелъ на кладбище, къ могилѣ матери украшенной свѣжими цвѣтами. Старая надпись была стерта съ камня и вмѣсто нея выставлено имя «Катерина Бофортъ».

— Братъ! сказалъ Филиппъ: не забудь этой могилы... не забудь и тогда, когда дѣти будутъ рваться вокругъ тебя. Замѣть, имя это слыжко часомъ

рожденія и смерти!... Это нмѣ посѣчено сегодня, въ день твоей свадьбы. Братъ! эта могла наконецъ истинно соединяетъ насъ снова!

— О, Филиппъ! вскричалъ Сидней, съ глубокимъ чувствомъ схвативъ и сжимая руку, коверчу тотъ ему шею: и чувствую... и чувствую, какъ благороднѣе; какъ великъ ты!... Ты принесъ большаго жертвъ, желалъ и когда-либо былъ въ состояніи вообразить!

— Полно! полно объ этомъ, перебилъ Филиппъ съ улыбкою: я счастливѣе нежели ты думаешь. Ступай; она ждетъ тебя.

— А ты?... оставить тебя?... одного?

— Я не одинъ! отвѣчалъ Филиппъ, указывая на ногу.

— Едва онъ выговорилъ это, какъ у воротъ раздавался звонкій голосъ лорда Лидбурна:

— Мистеръ Сидней Вокеръ! мы васъ ждемъ!

Сидней провелъ рукою по глазамъ, еще разъ схватилъ руку брата и черезъ минуту былъ подлѣ Камиллы.

— Филиппъ, въ раздумьи, простоялъ съ четверть часа; не трогаясь съ мѣста. Наконецъ онъ почувствовалъ, что кто-то тихонько тащитъ его за рукавъ. Онъ обернулся, и увидѣлъ Фанни.

— Ты не хотѣла быть при обрядѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Но я думала, что ты здѣсь одинъ... по-чужденъ.

— И ты не хотѣла даже видѣть платья, которое я подарилъ тебѣ?

— Въ другой разъ надѣву. Слѣженъ ли, ты несчастливъ?

— Несчастливъ, Фанни! Нѣтъ! оглянься, посмотри даже кладбище какъ-будто улыбается. Посмотри на пенгуиний выюрокъ, какъ онъ вьется и ливится по забору; послушай, какъ щебечутъ птички, качаясь на ветвяхъ нвы... Посмотри, какой прекрасный шотландскій пейзажъ!

лень сидить на мопсы! Нытъ! я же несчастливъ! ска-
заль онъ, кѣсно взявъ ее за руки. Фанни! здѣсь я уви-
дѣлъ тебя впервые, по возвращеніи на родину. Я при-
шелъ навѣстить мертвую, и съ тѣхъ-поръ всегда ду-
маю, что духъ моей матери пришелъ меня съ тѣмъ,
чтобы я нашелъ тебя, живую! И ласто потомъ, Фанни,
ты сомнофъ подила следа, когда я слыно и глухо пре-
давался мрачнымъ, печальнымъ думамъ и не видѣлъ
драгоценныхъ сокровищъ, которыя были подлѣ не-
ва! Но такъ было нужно: Испытаніе, которое я вы-
держалъ, сдѣлало меня болѣе благодарнымъ и ну-
чило лучше цѣнить то, что теперь надюсь приобрести.
Эту могилу твою рука ежедневно украшала цвѣтами.
У этой могилы, у этого звена между временемъ и вѣч-
ностью, я спрашиваю тебя: хочешь ли ты навсегда
связать свою судьбу съ моею? Фанни! милая! добрая!
несообщившая! я люблю тебя... люблю наконецъ такъ,
какъ ты должна быть любима! Будь моею женою! Будь
моею навсегда... не только на всю жизнь, но и тогда,
когда эти могилы вскроются и ширь будетъ свернуть
какъ исписанный свитокъ. Понимаешь ты меня?...
Слышишь?... Или я видѣлъ сень... когда... когда...

Онъ остановился. Безотвѣтность дѣвушки поразила
его. Неужто онъ ошибся въ своемъ пламенномъ ввро-
ваніи? Но страхъ его былъ непродолжителенъ. Фанни
отступила, пока онъ говорилъ, и теперь, обвиви ру-
ками сжавъ себѣ виски, едва дыша открытыми уста-
ми, какъ-будто скромный умъ ея дѣйствительно не
могъ, при всемъ напряженіи, объять огромности не-
ожиданнаго счастья, — облитая яркимъ румянцемъ, роб-
ко приближалась и, пристально глядя Филиппу въ
глаза, какъ-будто желая прочесть самую сокровенную
тайну его сердца, спросила такимъ голосомъ, который
ясно показывалъ, что отъ его отвѣта зависить вся ея
судьба:

— Но не состраданію ли это? Вамъ сказывали, что я... Вы великодушны!... вы.... о! не обманывайте меня! Неужто вы еще любите.... неужто вы можете любить съдвную, глупенькую Фанни?

— Клянусь Богомъ, милая, я говорю откровенно! Я пережилъ страсть, которая никогда не была такою сладостною, нѣжною, полною, какъ та, которую теперь чувствую къ тебѣ. О, Фанни! выслушай это истинное признаніе. Ты.... ты.... къ тебѣ было обращено мое сердце прежде нежели я увидѣлъ Камиллу. Въ гордомъ ослѣпленіи я боролся съ этою страстью, и теперь только вполне вижу мое заблужденіе.

Фанни впустила слабый, полу-подавленный крикъ радости. Филиппъ страстно продолжалъ:

— Фанни! очастливи жизнь, которую ты знала. Судьба назначила насъ одного для другаго. Судьба для меня развила и взлелеяла твой разумъ. Судьба для тебя укрѣпила мой строптивый нравъ. Намъ, можетъ-быть, еще много придется перенести въ жизни. Будемъ другъ другу помогать, другъ друга научать и утѣшать!

Говоря это онъ привлекъ ее къ себѣ на грудь. Она трепетала, плакала, но уже не уклонялась отъ его объятій.

В. ДЕРЖКЕРЪ.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОТКРЫТІЯ ЗОЛОТА ВЪ СТАРОМЪ И НОВОМЪ СВѢТѢ.

Золото было мощнымъ двигателемъ во всѣ вѣка и между всѣми народами, которые знали его и умѣли цѣнить по достоинству. Напрасно Смитъ проповѣдывалъ, что «благоразумный законодатель, желающій увеличить народное богатство, долженъ всего менѣе поощрять горную промышленность.» Его мысль совершенно ниспроверглась практическою жизнію народовъ. Ни одна промышленность не развиваетъ въ такой степени народной дѣятельности, не увлекаетъ за собою такъ быстро другія отрасли промышленности, какъ горная; довольно указать на нашу Сибирь, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ ни трудъ, ни произведеніе земледѣльчества не имѣли никакого сбыта, или отдавались за безцѣнокъ, гдѣ пудъ хлѣба стоилъ тридцать копѣекъ ассигнаціями, и работникъ нанимался въ годъ за пятнадцать рублей, и гдѣ открытіе золота такъ быстро развило народную дѣятельность и уже породило собою много фабрикъ и разныхъ промысловъ, вспогательныхъ для горнаго дѣла. Теперь сибирскій земледѣлецъ (а объ этомъ классѣ всего болѣе заботит-

ся политическая экономія), увѣренъ, что его произведенія найдутъ себѣ сбытъ, и по настоящей цѣнѣ, а потому увеличиваетъ свой трудъ. Кромѣ-того, ничто такъ не развиваетъ силы характера и не образуетъ умственныхъ способностей, какъ горный промыслъ, гдѣ человѣкъ находится во всегдашнемъ прикосновеніи съ природою, бѣльшей частью въ борьбѣ съ нею, противопоставляя свои усилія опасностямъ, которыя отсюду являются. Потому-то наши заводскіе крестьяне и мастеровые такъ рѣзко отличаются отъ прочихъ и своимъ довольствомъ и своею отвагой и, наконецъ, извѣстною степенью образованности.

Золото было извѣстно въ глубокой древности. Вотъ что говоритъ Іовъ: «Есть бо серебру мѣсто, отъ онудуже бѣваетъ и мѣсто злату отъ онудуже очищается». Далѣе: «Земля... подъ нею же обратися яко огонь». Этотъ послѣдній стихъ замѣчательнъ: онъ показываетъ: что теорія новыхъ геологовъ о расплавленномъ состояніи земли на известной глубинѣ, была известна древнимъ. Золото, а также мѣдъ и серебро, конечно, предшествовали открытію золота какъ металлы болѣе блестящіе, обольщающіе взоры и болѣе доступные для обработки. При открытіи Америки Европейцами, тамъ вовсе не знали употребленія желѣза.

Геродотъ говоритъ, что Египетъ опрокидывалъ цѣлыя горы для отысканія золота. Рѣки Малой Азии катили золотосодержащій песокъ и Виргилій воспѣвалъ золотоносныя волны одной изъ нихъ. Золото улавливали посредствомъ рукъ, которыя разставляли поперегъ рѣчнаго русла, что и возродило басню о Золотомъ Рунѣ.

Стремленіе нашего вѣка къ добычѣ золота достаточно объясняется тѣми многочисленными нуждами, удовлетвореніе которымъ стало закономъ въ обществѣ людей. Какъ объяснить то явленіе, что люди первобытные, потребности которыхъ были столь ограниченны и малочисленны, что и они воздавали золоту дань не только уваженіемъ, но полу-обожаніемъ? Безъ сомнѣнія, необыкновенная красота золота, въ какой является оно въ самыхъ нѣдрахъ земли, поражала сердца этихъ людей, незараженные корыстью и неуязвленные тщеславіемъ. Плиній, въ XXXIII книгѣ своей Естественной Исторіи, представляетъ намъ свѣдѣ-

тельство до какой степени развитія достигли въ его время понятія о золотѣ. Въ сочиненіи его можно найти весьма быстрыя замѣчанія насчетъ главнѣйшихъ свойствъ этого металла, замѣчанія вполне подтвержденныя и доказанныя многѣмъ опытомъ и наукой. Даже нѣкоторыя подробности касательно извлеченія золота изъ нѣдръ земли, изложены у него довольно отчетливо. Къ несчастію, нѣтъ истины, которой бы не исказило наше безпокойное и блуждающее воображеніе. Человѣкъ, видя кратковременность своего существованія, вѣчный страдалецъ, одержимый недугами, тоской, не перестаетъ питать надежды на продолженіе бытія своего и думать объ услажденіи своего бытія. Онъ ищетъ предмета, на которомъ могла бы упокоиться его трепетная вѣра: мудрено ли же, что со временъ глубокой древности люди искали въ золотѣ, являющемся въ самыхъ разнообразныхъ и прекрасныхъ видахъ, всемогущее цѣлительнаго средства отъ всѣхъ болѣзней, — эликсира жизни?

Эти понятія древнихъ о необыкновенныхъ свойствахъ золота и даже о всемогуществѣ цѣлебныхъ свойствъ его, въ составило предметъ особенной важности въ жизни алхимиковъ, были совершенно забыты въ послѣдствіи. Но въ эпоху болѣе новую, въ вѣкъ алхиміи среднихъ вѣковъ, эти самыя понятія возродились еще съ болѣею силой, чѣмъ когда-либо. Мы видимъ здѣсь длинный рядъ тщетныхъ изысканій и предположеній, странныхъ идей алхиміи, и дивимся, какъ достало силъ человѣческихъ для всѣхъ неудачи и ошибки, неизбежныя при стремленіи къ невозможному. Тогда-то золото подверглось всѣмъ самымъ истязаніямъ алхимиковъ: они думали создать изъ него идеальную красоту и совершенство, хотѣли извлечь изъ него эликсиръ безсмертія и даже начало жизни. Нѣкоторые, впрочемъ весьма не многіе, убѣдившись въ ничтожности своихъ изысканій и вѣрные долги, безуспѣшными трудами, принуждены были сознаться въ невозможности сравнять себя съ силою природы и изъ всѣхъ прежнихъ качествъ оставили за собой только свойство совершенства и неповреждаемости. Они убѣдились въ томъ, что золото противостоитъ

дѣйствию кислотъ, не разлагаясь на составныя части, и можетъ выйти неизмѣннымъ изъ всѣхъ возможныхъ испытаній. Наведенные такимъ образомъ на идеи болѣе здравыя, алхимики всё-еще не могли выйти на совершенно свѣтлую дорогу познанія, и, признавая достоинства золота, они отвергали присутствіе ихъ во всѣхъ прочихъ металлахъ; они не хотѣли видѣть въ природѣ болѣе одного вещества совершеннаго,—это было золото, единственное вещество въ мірѣ, совершенно *оконченное*. Всѣ прочіе металлы старались они приблизить къ золоту — *докончить*, и тѣмъ какъ-бы усилить производительныя средства природы. Алхимики раздѣлялись на множество сектъ, враждебныхъ одна другой; эти секты завидовали успѣхамъ одна другой и старались пересилить одна другую въ степени энтузіазма и фанатизма неслыханныхъ. Общая же ихъ цѣль,—цѣль нелѣпѣйшая и почти невѣроятная—была состязаться сътворяющею силой и найти средство произвести вещество, могущее показать въ нихъ присутствіе всемогущества. Они преслѣдовали, изыскивали эту творящую силу, заключенную, по ихъ мнѣнію, въ такъ названномъ ими философскомъ камнѣ, который служить теперь только эмблемой смѣшнаго и неуспѣшнаго шарлатанства. Серебро, какъ наиболѣе близкое къ золоту — «къ совершенству»—въ ряду прочихъ металловъ «несовершенныхъ», подверглось прежде всего «усовершенствованіямъ». Самые инструменты, употреблявшіеся при этихъ неутомимыхъ опытахъ, согласовались со странностію идей, къ исполненію которыхъ они служили орудіями. Какъ-бы не вопли еще удовлетворенные нелѣпыми своими предположеніями и выдумками, алхимики призвали на помощь къ сокровенной наукѣ своей рядъ отвратительныхъ опытовъ, отъ одного наименованія которыхъ невольно дрогнетъ сердце. Но преимущественно огонь, доведенный до столь высокой температуры, какую только въ состояніи выдержать обыкновенныя горны, былъ главнымъ дѣйствователемъ при ихъ испытаніяхъ. Онъ употреблялся почти непрерывно, въ-особенности при обработкѣ серебра, придавая ему, по мнѣнію алхимиковъ, болшую зрѣлость и сообщая всѣ свойства и даже цвѣтъ золота.

Разсматривая всѣ поступки алхимиковъ, нельзя удержаться отъ невольнаго удивленія при видѣ столь упорнаго заблужденія, которое, несмотря на всю странность основной идеи своей, привело неутомимыхъ преслѣдователей своихъ къ нѣкоторымъ полезнымъ истинамъ. И, можетъ-быть, умы болѣе положительные, не достигли бы тѣхъ результатовъ, къ какимъ незамѣтно пришли по дорогѣ заблужденія, умы чисто фантастическіе и идеально-неутомимые. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣми свѣдѣніями, какія имѣемъ мы теперь о золотѣ и о главнѣйшихъ свойствахъ бѣльшаго числа другихъ металловъ, особенно въ медицинѣ,—мы обязаны алхимикамъ.

Въ нашъ положительный вѣкъ, понятія о золотѣ приняли совершенно другое направленіе. Не желая видѣть въ золотѣ ни всецѣлебнаго вещества, ни эликсира безсмертія, человекъ смотритъ на него, какъ на средство успокоить и усладить физическую жизнь свою, бѣльшею частію тревожную и горькую. Онъ не хочетъ истязать золото для того, чтобъ сдѣлать изъ него, или помощью его, творящую силу, и довольствуется тѣми прекрасными, драгоценными свойствами золота, какими надѣлила его природа, тою магическою силой, какую придали ему сами люди. Человекъ только ищетъ золота, болѣе или менѣе приготавленнаго уже заботливой природой и гдѣ можетъ найти его, туда устремляетъ всѣ свои труды, всѣ свои капиталы,

Америка была еще только-что открыта, владѣніе нѣкоторыми провинціями еще не было обезпечено, какъ Испанцы уже устремились туда, руководимые одною мыслію обогащенія себя золотомъ. Они совершенно оставили всѣ провинціи этого материка, въ которыхъ не видѣли надежды найти золото-содержащихъ рудъ, или въ которыхъ были обмануты надеждою на пріобрѣтеніе золота. Важность острововъ, бывшихъ первыми плодами открытій Испанцевъ, такъ уменьшилась въ ихъ понятіяхъ, когда рудники ихъ были исчерпаны, что бѣльшая часть поселенцевъ покинула эти острова, предоставивъ ихъ произволу другихъ владѣльцевъ, болѣе промышленныхъ. Все бросилось въ Мек-

сику и Перу, гдѣ немалѣримое количество золота и серебра обѣщало неисчерпаемые источники богатства.

Втеченіи многихъ лѣтъ однако, дѣятельность розсысканій была болѣе одушевляема и поддерживаема надеждою нежели успѣхами; наконецъ, въ 1545 году, рудникъ Потози въ Перу былъ случайно открытъ однимъ Индѣйцемъ, который гнался за ланью, отставшею отъ стада. Немного спустя, былъ открытъ другой, но уже менѣе богатый рудникъ Сакатекасъ, въ Новой Испаніи. Съ этого времени начали дѣлать новыя открытія въ обѣихъ колоніяхъ и серебряныя руды находятся здѣсь нынѣ въ такомъ изобиліи, что разработка ихъ, такъ же какъ и нѣкоторыхъ золотоносныхъ рудъ, сдѣлалась главнымъ занятіемъ Испанцевъ и доведена до весьма правильнаго систематическаго виду.

Горы Новаго Свѣта излили свои сокровища въ изобиліи, изумившемъ людей, которые привыкли до-тѣхъ поръ извлекать драгоценные металлы изъ рудъ малочисленныхъ и пубогихъ. Количество золота, добытаго со времени открытія золотыхъ рудниковъ и розсыпей въ испанскихъ колоніяхъ по 1804 годъ, въ продолженіи трехъ сотъ одиннадцати лѣтъ, простиралось, по показанію Гумбольдта до 53,875 пудовъ по цѣнѣ слишкомъ на 2.896,000 рублей. Бразилія дала болѣе 107.750 пудовъ втеченіи этого времени, но бразильскіе рудники процвѣтали только между 1752 и 1761 годами и въ этотъ періодъ времени добывалось изъ нихъ золота до семи сотъ двадцати пудовъ ежегодно; въ послѣдствіи количество золота чрезвычайно понизилось и вся Америка даетъ нынче съ небольшимъ осемь сотъ пудовъ золота. Какъ ни огромна эта сумма, но испанскіе писатели увѣряютъ, что она должна быть гораздо болѣе, взявъ въ соображеніе богатства, влеченныя изъ рудъ, и неточность прежнихъ отчетовъ и показаній по этому предмету. Основываясь на ихъ исчисленияхъ Ustaris говоритъ, что Испанія получила отъ Новаго Свѣта по-крайней-мѣрѣ на пятьдесятъ билліоновъ.

Рудники эти, давшіе столь изумительное количество золота, не составляютъ собственности правительства, но всей націи. Для ободренія частныхъ золотопромышле-

никовъ, всякой открывшій мѣстороженіе золота, получалъ право на добычу его. Ему отмѣривали извѣстное пространство земли и давали определенное число Индѣйцевъ, съ условіемъ начать разработку рудника въ назначенное для того время и уплачивать обыкновенную подать правительству. Только нынче это нѣсколько измѣнилось. Привлеченные легкостью полученія золотonosныхъ участковъ и ободренные нѣсколькими поразительными примѣрами успѣха въ дѣлѣ отысканія золота, не только люди доверчивые и рѣшительные, но даже самые робкіе и недоверчивые, предалися этимъ спекуляціямъ съ ревностью невѣроятною, съ изступленіемъ. Безпрестанно питаемые надеждою, ожидая каждую минуту, что природа откроетъ свои сокровенные источники богатства, они составили изъ своего промысла занятіе, совершенно подобное азартной игрѣ. Подобно ей, поиски эти имѣютъ въ себѣ что-то ослѣпляющее и совершенно объемлющее умъ и показывающее характеръ; здѣсь робкое благоразуміе дѣлается предпринимчивымъ и на все готовымъ, скупость явняется расточительною. Эта приманка, сама по себѣ такъ могущественная, была подкрѣпляема еще происками особеннаго рода людей, извѣстныхъ въ Америкѣ подъ именемъ искателей (chercheurs). Это люди, большею частію вѣрныя, имѣющіе притязаніе на нѣкоторыя свѣдѣнія въ горномъ дѣлѣ; люди вкрадчивые и умѣющіе воспользоваться доверенностью частныхъ промышленниковъ; они-то являлись къ людямъ богатымъ и доверчивымъ, описывали съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ признаки, подававшіе несомнѣнную надежду на открытіе богатой розсыпи, или жилы, въ случаѣ надобности представляли даже образчикъ металла, вновь будто бы отыскавшаго мѣстороженія, и уверяли, что успѣхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, а издержки составятъ сущую бездѣлицу. Вслѣдствіе такихъ пышныхъ обѣщаній и наконецъ, составлялась компанія, каждый членъ которой вносилъ извѣстную сумму; разработка открывалась и всѣ расходы отдавались на руки искателей. Скоро начинались проявляться непредвидѣнныя трудности въ разработкѣ, притокъ воды въ рудникѣ и прочее; а за ними потребность

въ новыхъ суммахъ, но надежда не переставала питать предприимчивыхъ золотопромышленниковъ и дѣятельность поисковъ не уменьшилась. Замѣчено неоднократно, что человѣкъ, однажды увлеченный въ этотъ соблазнительный потокъ, никогда почти не обращается на прежнюю дорогу. Мысли его принимаютъ другое направленіе; имъ овладѣваетъ иной духъ; глаза его безпрестанно видятъ передъ собой груды воображаемыхъ сокровищъ; ничто другое его не занимаетъ; онъ говоритъ, бредитъ, только объ одномъ золотѣ.

Всѣ эти чувства пришлось испытать и намъ, Рускимъ, въ послѣднѣе десятилѣтіе, когда богатые открытія золота въ Сибири увлекли туда дѣятельность чрезвычайно многихъ людей и миліоны капиталовъ. Явились тѣ же золотонискатели, тѣ же соблазнительныя надежды и горькія разочарованія, однимъ словомъ, все что было встарину при открытіи Америки, повторилось въ наше время: въ Сибири человѣкъ не измѣнился.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ добычѣ золота въ Россіи, скажемъ нѣсколько словъ о золотѣ, получаемомъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта, хотя количество его не значительно въ сравненіи съ количествомъ золота Америки и Россіи.

Только Венгрія и Трансильванія даютъ довольно значительное количество золота, именно, около ста пудовъ въ годъ, болѣею частию руднаго и серебристаго; остальная часть Европы едва добываетъ десять пудовъ золота въ годъ. Зато, если бы мы вздумали писать исторію открытія каждаго рудника, то должны были бы написать цѣлыя книги, потому что каждый изъ нихъ, особенно въ Венгріи, имѣетъ свою легенду; открытію рудника всегда предшествуетъ чудо, или явленіе какому-нибудь штейгеру во снѣ Святой Дѣвы, или что-нибудь другое. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о добычѣ золота въ Африкѣ; знаемъ однако о присутствіи его тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мѣсто рожденіе золота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Средней Азии и въ сѣверной части Индіи не подлежитъ сомнѣнію. Въ Китаѣ оно добывается съ давняго времени. Послѣднія открытія золота въ Египтѣ изумительны по своему необык-

новенному богатству; но свѣдѣнія объ нихъ требуютъ подтвержденія.

Переходимъ къ открытію золота на Уралѣ. И здѣсь, какъ вездѣ, рудное золото появилось прежде чѣмъ въ песчаномъ видѣ.

Первое открытіе руднаго золота на Уралѣ сдѣлано въ Екатеринбургскомъ округѣ, въ 1745 году. Оно было случайное и, по справедливости, принадлежитъ крестьянину деревни Шарташа, раскольнику Ерофею Маркову. Вотъ какъ рассказываютъ объ этомъ нѣкоторые сохранившіяся свѣдѣнія и народныя преданія. Крестьянинъ Марковъ, ѣхавшій въ Сарапульское селеніе, по дорогѣ, лежащей вдоль рѣки Пышмы, при поворотѣ съ нея въ поманутое селеніе, въ небольшомъ перелѣскѣ, нашелъ на поверхности земли обломки руднаго кварцу съ видимымъ въ нихъ золотомъ; эти куски кварца представилъ онъ на разсмотрѣніе канцеляріи заводовъ, называя ихъ: «блестящими камешками и плиточками». Быть-можетъ Марковъ не зналъ настоящаго ихъ достоинства, однако жъ принялъ не за обыкновенныя горныя породы, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его дѣйствій.

Канцелярія легко увидѣла свойство этого кварцу, который могъ служить къ открытію настоящаго мѣсторожденія, а потому въ то же время потребовала отъ Маркова указанія мѣста, гдѣ найдены были куски представленныхъ породъ и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ для обозрѣнія мѣстности, такъ и для дальнѣйшихъ розысканій въ окрестности, командировали ассессора Порошина, который, какъ видно изъ донесенія Канцеляріи Государственной Бергъ-Коллегіи отъ 21 сентября 1745 года, ничего не нашелъ; въ шурфахъ его встрѣчались разныхъ видовъ глины и пески съ обломками кварцу; но Порошинъ, можетъ-быть, по неимѣнію средствъ, не сдѣлалъ никакого испытанія этимъ породамъ. Марковъ же, если вѣрить народному сказанію, былъ сужденъ какъ преступникъ, жестоко наказанъ и оставленъ въ подозрѣніи, будто бы за намѣренную утайку настоящаго руднаго мѣсторожденія; о чемъ донесено было Государственной Бергъ-Коллегіи, и въ ожиданіи отъ нея указа, Марковъ все время находился на поручительствѣ.

Государственная Бергъ—Коллегія отъ 11 ноября того жъ года указомъ предписала, съ раскольникомъ Марковымъ строго не поступать, чтобы тѣмъ не воспрепятствовать другимъ на будущее время въ открытіи металловъ; причемъ Маркову велѣно объявить, чтобы онъ старался открыть настоящее мѣсто, за что получить награду.

Вслѣдствіе этого указа, по распоряженію Канцелярій въ мѣстѣ, указанномъ Марковымъ, подъ руководствомъ штейгера Штрауба, при содѣйствіи самого Маркова, производилась развѣдка; занятіе послѣдняго и усиленная дѣятельность нисколько не стремилась за наградою; онъ старался только оправдать себя передъ начальствомъ, дѣйствительно, вскорѣ нашелъ самое мѣстороженіе руднаго золота.

Послѣ-того открыты довольно богатые рудники, извѣстные подъ названіемъ: Ильинскаго, Соймановскаго, Цѣннаго и Ключевскаго, и въ настоящее время образовавшіе уже обширную площадь. Съ 1804 года она раздѣлена на четыре части; каждая часть состоитъ изъ нѣсколькихъ правильныхъ одноверстныхъ квадратовъ; изъ нихъ каждый имѣетъ особенное названіе и составляетъ отдѣльный рудникъ.

Профессоръ Германъ назвалъ березитомъ породу, въ которой заключаются рудныя жилы; въ настоящее же время, по точномъ испытаніи ея свойствъ, она называется протогиномъ. Поверхностные слои почти вездѣ мягки, чѣмъ далѣе опускаются въ глубь, тѣмъ дѣлаются тверже, такъ, что безъ помощи пороху разрабатывать невозможно.

Исторія открытія золотыхъ росышей въ Уральскомъ краѣ сохранилась только въ разсказахъ старыхъ горныхъ офицеровъ и то чрезвычайно различно. Положительно можно сказать только то, что первые знаки песчаного золота открыты въ Нейвинскомъ заводѣ корнета Яковлева, въ 1813 году; но добыча его изъ росышей собственно началась въ 1814 году, въ округѣ Екатеринбургскомъ.

До 1825 года со стороны мѣстнаго начальства Алтайскихъ горныхъ заводовъ сдѣлано было нѣсколько пош-

токъ для розысковъ золотиносныхъ розсыпей, преимущественно въ Эмбевскомъ округѣ; но эти попытки были слабы, неудачны и не соображены съ мѣстностью. Около того же времени одинъ частный человекъ, коммерція совѣтникъ Поповъ, бесполезно тратилъ свой капиталъ, отыскивая золото въ необитаемомъ Березовскомъ округѣ (Тобольской губерніи), въ окрестностяхъ Уральскаго кряжа; но его не поколебали неудачи, встрѣчавшіяся здѣсь повсюду, и онъ перенесъ дѣйствія свои въ окрестности города Томска, гдѣ преимущественно распространена формація песчаника. Идя охоту по избранной имъ стезѣ, онъ утѣшался мыслью, что въ тамошнихъ мѣстахъ ему не предстояло никакого затрудненія ни въ приисканіи рабочихъ людей, ни въ способахъ прокормленія ихъ. Но если его издержки здѣсь были менѣе значительны, то труды такъ же тщетны, и нуженъ былъ его капиталъ и твердость характера, чтобы послѣ трехлѣтнихъ, тщетныхъ поисковъ не отказаться отъ своихъ надеждъ. Наконецъ случай привелъ его въ ту богатую горную область сѣверо-восточнаго Алтая, которая вмѣщаетъ въ себѣ нынѣ золотые промыслы частныхъ лицъ.

Носятся слухи, что въ деревнѣ Бирчикюль, расположенной при подошвѣ помянутыхъ горъ, жилъ крестьянинъ изъ ссыльныхъ, по имени Егоръ Лѣсной, который нерѣдко отлучался въ горы и выносилъ оттуда крупныя зерна самороднаго золота; многіе видѣли въ его бѣдной избѣ старообрядскій образъ покрытый толстою позолотой, будто бы его издѣлія. Какъ бы то ни было, эти слухи заставили Попова немедленно отрядить туда партію и стараться вывѣдать отъ Лѣснаго, откуда беретъ онъ это золото; но всѣ усилія Попова на этотъ разъ остались тщетными. Лѣсной, лицо чрезвычайно занимательное. Онъ былъ родомъ изъ Шарташскаго Монастыря (близъ Екатеринбурга) и началъ длинный рядъ своихъ преступленій воровствомъ и продажей золота на Уралѣ; бѣжавъ изъ каторжной работы, онъ достигъ Бирчикюльскаго озера и поселился на берегу его, завладѣвъ имъ деспотически; туземные и окрестные крестьяне, пріѣзжавшіе сюда на промыселъ рыбы, должны были сначала заплатить ему извѣстную пошли-

ну, иначе подвергались неминуемой бѣдѣ. Люди суевѣрные страшались его, въ твердой увѣренности, что онъ имѣеть сношенія съ «нечистымъ». Можетъ-быть это господство надъ окрестною пустынею заставляло его скрывать тайну мѣстонахожденія самороднаго золота, которое неминуемо должно было привлечь людей, могущихъ разрушить тотъ очарованный кругъ, которымъ онъ очертилъ себя.

Въ 1828 году Поповъ отправился самъ къ Бирчюльскому озеру; но Лѣсной уже не существовалъ: онъ былъ задушенъ. Съ нимъ однако не исчезла тайна, которую такъ настоятельно старался выпытать Поповъ. Лѣсной оставилъ по себѣ воспитанницу, которая при жизни его была неразлучною спутницею его частыхъ путешествій въ горы; она-то, говорятъ, указала изрытыя руками своего воспитателя ямы по рѣкѣ Биричюлю, изъ которыхъ онъ добывалъ золото. Какъ бы то ни было, но въ 1828 году была открыта господиномъ Поповымъ, именно по рѣкѣ Биричюлю, впадающей въ Кію съ правой стороны, первая золотосодержащая розсыпь въ обширномъ округѣ Алтайскихъ горъ, и то несомнѣнно, что этимъ открытіемъ руководилъ случай. Поповъ былъ человѣкъ умный, но совершенно чуждый всѣхъ свѣдѣній по горной части; а люди, употребленные имъ на этотъ предметъ, состояли изъ приказчиковъ его по питейнымъ сборамъ и до того времени никогда не выходили изъ сферы своихъ обычныхъ занятій. Это первое открытіе значительной золотосодержащей розсыпи усилило рвеніе Попова и побудило нѣсколькихъ частныхъ лицъ къ предпріятію, которое не казалось уже болѣе пустою химерою. Но безъ-сомнѣнія, къ дальнѣйшему развитію частнаго золотаго промысла наиболѣе содѣйствовали открытіе и водвореніе въ 1831 году казеннаго золотаго производства въ Алтайскомъ же краѣ. Въ статьѣ, «Частная золотокопная промышленность въ Россіи», помѣщенной въ этомъ же журналѣ, мы говорили объ этомъ важномъ въ горномъ дѣлѣ событіи, а также исчислили количество золота добываемаго ежегодно на Уралѣ и въ Сибири.

Говоря объ исторіи горнаго дѣла въ Сѣверномъ Алтайѣ,

который, какъ и огромная золотоносная полоса, идущая отъ него на востокъ и сѣверо-востокъ, можно назвать вновь открытымъ краемъ, нельзя не упомянуть объ одномъ важномъ событіи. Вступая въ область Алтая лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда золотопромышленники еще не проникли туда, путешественникъ встрѣтилъ бы на рѣчкѣ Каштакѣ, впадающей въ Тюсюль, разбросанные кое-гдѣ шлаки и не примѣтивъ ни какихъ слѣдовъ жилья, тщетно допрашивалъ бы туземныхъ Татаръ и окрестныхъ крестьянъ: откуда явились эти огарки плавильнаго производства? Отысканныя нынѣ въ томскомъ архивѣ бумаги, объяснили загадку: эти шлаки—остатки перваго горнозаводскаго производства въ области Алтайскихъ Горъ, принятаго по повелѣнію Великаго Петра. Невольно благоговѣешь. Куда не залетала мысль Царя-исполина!... Изъ двухъ указовъ (1698 года тридцать-перваго января и 1699 года семнадцатаго ноября), послѣдовавшихъ на имя томскаго воеводы, стольника Андрея Ржевскаго, между прочимъ видно, что горная работа производилась подъ надзоромъ «Гречанина» Александра Левандаки *, который въ 1697 году доставилъ въ Москву двадцать пять золотниковъ «самаго чистаго серебра», и доносилъ, что каждый пудъ проплавленной руды даетъ до четырехъ и болѣе золотниковъ серебра съ частью свинца, но что горныя работы продолжать весьма затруднительно, какъ за притоками воды, такъ и по причинѣ безпрестанныхъ набѣговъ Киргизовъ.—Построили острогъ на лѣвомъ берегу Каштака, и окопали его валомъ, но добыча серебра не увеличилась и, около 1700 года, заводъ былъ оставленъ. По всему видно, что «Гречанинъ» или обманывалъ надежды правительства, или самъ не понималъ дѣла, за которое взялся. Первое вѣроятнѣе. Впослѣдствіи мы видимъ его дѣйствователемъ въ Нерчинскомъ краѣ, гдѣ онъ и скончался.

Съ этого времени, въ продолженіи болѣе ста лѣтъ, никто, кромѣ туземныхъ Татаръ, ходившихъ въ одни онушки непроходимаго лѣсу, не нарушалъ безмолвія этого края.

(*) Такъ названъ онъ въ означенныхъ указахъ, но настоящая его фамилія Левандіани.

Относительная цѣнность золота измѣнялась въ различныхъ эпохи, смотря по большому, или меньшему приливу его. Знаменитый указъ королевы Изабеллы, 1497 года, перемѣнилъ утвержденное до того времени закономъ отношеніе золота къ серебру какъ 1:11,6, поставивъ его цѣнность какъ 1:10,7; но шестнадцатое столѣтіе измѣнило эту пропорцію опять въ числа 1:12. Въ прошедшемъ столѣтіи она колебалась между 1:14 и 1:16. Въ настоящемъ столѣтіи отношеніе золота къ серебру было какъ 1:15,8 (въ 1816 году), какъ 1:15,60 (въ 1818 г.) и, наконецъ, какъ 1:15,899 (въ 1833 году). Такъ было на лондонской биржѣ; въ другихъ мѣстахъ оно подвергалось еще меньшей измѣняемости.

КОВ.

=

ПОСЛѢДНІЯ

ПУТЕШЕСТВІЯ ФРАНЦУЗОВЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Нѣсколько любопытныхъ путешествій вокругъ свѣта во Востокѣ вышло втеченіи двухъ послѣднихъ годовъ Парижѣ. Мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей этого журнала съ ихъ содержаніемъ. Въ числѣ этого роду сочиненій преимущественнаго вниманія заслуживаютъ описанія плаванія вокругъ свѣта, изданныя г-нами Лапласомъ, Рокфёйлемъ, Дю-Петт-Туаромъ, и путешествій по Азій, господъ Ошэ-Эльви и Теруда *.

Всѣ эти путешественники, болѣе или менѣе говорятъ о берегахъ Сенегала, которыя, кажется, останутся долгое время единственнымъ мѣстомъ на западномъ берегу Африки, гдѣ Европейцы могутъ покупать драгоцѣнныя смолы, составляющія довольно важную торговую статью, подавшую въ послѣднее время поводъ къ продолжительнымъ переговорамъ между англійскимъ и французскимъ правительствами и къ безконечнымъ толкамъ

* Campagne de circumnavigation de la frégate l'Artémise, pendant les années 1837, 1838, 1839 et 1840, par *Laplace*, capitaine de vaisseau.
1841.— Voyage autour du monde, par *Camille de Roquefeuil*. Paris, 1841.
— Relations de voyages en Orient, de 1850 à 1838, par *Aucher-Bluy*. Paris, 1841.
— Voyage dans l'Inde, notes recueillies en 1838, 39 et 40, par *Saint-Hubert de Theroulde*. Paris, 1842.

въ газетахъ. Въ числѣ мавританскихъ племенъ, обитающихъ на обширной плоскости, которая вся занята песчаными степями, образующими правый берегъ Сенегала, первое мѣсто занимаютъ Довичи, Бракназы и Трарзы. Земля Довичей идетъ вдоль верхней части рѣки, и представляетъ превосходныя пажити для многочисленныхъ стадъ рогатаго скота и верблюдовъ, извѣстныхъ чрезвычайною легкостію своего бѣгу, качествомъ, необыкновенно важнымъ въ глазахъ этихъ хищническихъ народовъ. Впрочемъ, Довичи — народъ довольно тихій въ сравненіи съ Бракназами и Трарзами; народомъ безпокойнымъ, сильнымъ, воинственнымъ, который обогатился торговлею съ Европейцами. Подобно Бедуинамъ, Бракназы и Трарзы живутъ въ палаткахъ, сражаются верхомъ, искусно владѣютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Продажа камедей, есть отрасль торговли, исключительно принадлежащая марабутамъ или магометанскимъ духовнымъ; но эти Мавры торгуютъ также неграми, которые живутъ на лѣвомъ берегу Сенегала.

Жертвами этой ужасной торговли обыкновенно бываютъ Иолофы, обитатели обширной страны, лежащей близъ устья Сенегала и обитатели Вало, подданные Брака, повелителя огромнаго селенія Подоръ. Пулы, народъ пастушескій и земледѣльческій, исповѣдующій магометанство, занимаетъ земли, которыя касаются владѣній Вало и, слѣдовательно, подвержены нападеніямъ однихъ и тѣхъ же враговъ, однако жъ они рѣдко подвергаются набѣгамъ Бракназовъ и Трарзовъ: зная силу, могущество и храбрость этого народа, они стараются войти съ ними въ дружескія сношенія, чтобы вѣрнѣе покорить себѣ сосѣднія черныя племена. Къ послѣднимъ должно отнести промышленный и мирный народъ, Сарраколетовъ, обитателей страны Галамъ, лежащей при истокахъ Сенегала. Эти негры слишкомъ богаты, земли ихъ слишкомъ плодородны и хорошо воздѣланы; они ведутъ слишкомъ выгодную торговлю съ народами Внутренней Африки, отъ которыхъ ежегодно получаютъ огромныя количества золота и другихъ драгоценныхъ произведеній, и потому, естественно, не могутъ не возбуждать корыстолюбивыхъ желаній въ

дикихъ народахъ, обитающихъ въ странахъ, гдѣ Сенегалъ беретъ свое начало. Страна Галамъ нѣсколько разъ, втеченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, подвергалась набѣгамъ свирѣпыхъ Мавровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Бамбара.

При вліяніи благопріятныхъ обстоятельствъ, городъ Санъ-Луи, построенный на небольшомъ островѣ, образуемомъ рукавами Сенегала, при впаденіи его въ море, сдѣлался нынѣ чрезвычайно важнымъ пунктомъ. Гавань его бываетъ постоянно наполнена значительнымъ числомъ кораблей средней величины. Они привозятъ сюда кораллы, амбру, синее индѣйское полотно, огнестрѣльное оружіе, порохъ, водку, табакъ, и тысячи другихъ предметовъ торговли, въ которыхъ нуждается бѣлое и цвѣтное народонаселеніе факторіи. Взамѣнъ этихъ товаровъ европейскіе купцы берутъ камедь, золотой песокъ, буйволыи кожи, воскъ, которые жители привозятъ изъ различныхъ странъ, орошаемыхъ Сенегаломъ, и другими рѣками, лежащими къ югу отъ Зеленаго Мыса. Вся торговля Санъ-Луи находится въ рукахъ здѣшнихъ туземцевъ, такъ, что даже жители англійской колоніи Святой Маріи, находящейся при устьѣ Гамби, получаютъ черезъ сенегальскихъ Мавровъ большую часть товаровъ, которые перепродаютъ неграмъ.

Санъ-Луи—островъ низменный, узкій, имѣющій не болѣе четырнадцати верстъ въ длину, засушаемый втеченіи шести мѣсяцевъ сильными западными вѣтрами, дѣйствія которыхъ не переноситъ никакая растительность, и другое полгода заливаемый непрерывными дождями. Несмотря на это, островъ Санъ-Луи имѣетъ самое выгодное положеніе для торговой факторіи. Находясь между двумя рукавами Сенегала, онъ съ одной стороны господствуетъ надъ Океаномъ, отъ котораго отдѣленъ только узкою поясою песчаной отмели; съ другой, надъ прочими островами, покрытыми мелкимъ кустарникомъ и болотами. Впрочемъ, островокъ Соръ, находящійся противъ самаго города, начинаетъ заселяться; жители Санъ-Луи выстраиваютъ тамъ дачи, куда убѣгаютъ отъ лѣтнихъ жаровъ.

Съ 1817 года, городъ значительно улучшился, особен-

но на пристани. Здѣсь кипитъ постоянная торговая дѣятельность колоніи. Чернокожіе матросы выгружаютъ и нагружаютъ корабли. Со всѣхъ сторонъ стремятся въ городъ негры, таща съ собою мѣшки, рогожи, клѣтки, наполненныя зелеными попугаями и рѣдкими обезьянами: обыкновеннымъ богатствомъ негра, возвращающагося изъ Гамама. Когда солнце подойдетъ уже близко къ горизонту, то есть, когда лучи его уже не внушаютъ страху бѣлымъ, работники-негры начинаютъ возвращаться въ свои хижины, распѣвая страстные пѣсни, которыя развлекали ихъ во время тягостной дневной работы. Съ наступленіемъ ночи, городъ становится шумнѣе, потому что въ этомъ знойномъ климатѣ и Европейцы и туземные жители какъ-будто воскресаютъ, помѣръ-того какъ темнота замѣняетъ день. Каждый домъ, каждая хижина освѣщены; богатый и бѣдный предаются радости и веселью. Экипажи судовъ, стоящихъ на якорѣ въ гавани, раздѣляютъ эту шумную тревогу: офицеры и матросы стремятся на берегъ, чтобъ воспользоваться минутами свободы, и гуляющіе, какъ муравьи, толпятся около крѣпости. Вдали, сквозь массы зелени, какъ голубая лента, виднѣтся Сенегаль. Со стороны моря перспектива совершенно иная. Въмѣсто частаго лѣсу и долинъ, покрытыхъ густою зеленью, видна только узкая полоса бѣлаго песку, а посреди песчаныхъ бугровъ, безпрерывно наносимыхъ волнами, подобно небольшимъ чернымъ точкамъ, выказываются жалкія хижины деревни Густендара, убѣжища бѣдныхъ рыбаковъ, снабжающихъ городъ рыбою и корабли-лоцманами. Неустрашимые пловцы, они смѣло пускаются въ Океанъ, на своихъ утлыхъ пирѣгахъ, которыхъ бѣлые паруса, разбросанные на поверхности воды, одни нарушаютъ однообразіе безконечной водяной равнины, окаймляющей горизонтъ.

Въ Санъ-Луи находится много богатыхъ поселенцевъ, которые, окружая себя всѣми прихотями комфорта, стараются въ роскоши найти лекарство отъ скуки: здѣсь нѣтъ главнаго элемента общества — французенокъ.

Санъ-Луи совершенно лишенъ зелени, отъ ноября до мая. Климатъ чрезвычайно вреденъ для Европейцевъ, особливо

зимую; въ это время между бѣлыми съ такою силою свирѣпствуютъ дисентеріи, злокачественныя лихорадки, болѣзни печени, что всякая помощь искусства становится напрасною. Въ 1830 году, гнилая горячка истребила почти половину бѣлаго и цвѣтнаго народонаселенія Сантъ-Луи.

Впрочемъ, эти эпидеміи не должно приписывать одному вредоносному климату: развитію этихъ страшныхъ болѣзней много способствуетъ нечистота улицъ и даже домовъ. Испаренія земли свободно проникаютъ въ первые этажи домовъ и дѣлаютъ ихъ болѣе вредными для здоровья, нежели верхніе ярусы, гдѣ воздухъ обращается свободно. Малайцы Великаго Архипелага Азій обыкновенно строятъ свои жилища на сваяхъ и потому живутъ въ совершенной безопасности, на землѣ, заливаемой осенними дождями, и даже на болотахъ.

Несмотря однако жъ на всѣ эти опасности, на всѣ лишения, Европейцы, поселившіеся въ Сенегаль, рѣдко покидаютъ эту негостепримную страну. Надежда скорого, легкаго обогащенія, независимый, покойный образъ жизни, связи, которыя очень легко дѣлаются съ туземными женщинами, и особенно съ привлекательными мулатками, глупо посвященными въ таинства искусства привязывать къ себѣ мужчинъ, обыкновенно удерживаютъ почти всѣхъ Европейцевъ; покуда смерть или болѣзни сдѣлаютъ ихъ неспособными къ возвращенію на родину.

Туземцы точно такъ же очень привязываются къ Сантъ-Луи, и не безъ причины: нигдѣ на африканскомъ материкѣ не пользуются они такою свободою, такимъ привольемъ, такими кроткими законами, какъ въ колоніи. Черное народонаселеніе состоитъ изъ свободныхъ негровъ, или невольниковъ сантъ-луискихъ колонистовъ, которые обращаются съ ними чрезвычайно кротко. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшихъ предразсудковъ относительно цвѣту кожи: мулаты и негры, если они только не рабы, живутъ на равной ногѣ и въ дружескихъ отношеніяхъ съ бѣлыми. Черное народонаселеніе снабжаетъ матросами, извѣстными подъ именемъ «лаптотовъ», экипажи каботажныхъ судовъ, занимающихся торговлею по берегамъ океана и рѣки—двара судаходства, требующія большой смѣлости и вѣрно-

сти. Сверхъ-того изъ нихъ же французское правительство набираетъ полки, для защиты города отъ Мавровъ и прибрежныхъ негровъ.

Эти островитяне высокаго росту, хорошо сложены, сильны, ловки, мастерски владѣютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и несмотря на свой веселый и довольно кроткій нравъ умѣли внушить страхъ къ себѣ чернымъ обитателямъ сосѣднихъ странъ. Въ настоящее время, когда магометанизмъ сдѣлалъ между ними большіе успѣхи, они не съ такою готовностью какъ прежде поднимаютъ оружіе противъ туземныхъ мусульманъ. Марабуты, эти опасные фанатики, вслѣдствіи стараются поселить въ нихъ отвращеніе и ненависть къ Европейцамъ, и, къ несчастію, успѣваютъ въ этомъ.

Ловко пользуясь наклонностію къ предразсудкамъ этого невѣжественнаго народа, марабуты не страшатся для удержанія своей власти, прибѣгать къ желѣзу и яду. Рѣдко, не только одно лицо, но даже цѣлыя семейства, какого бы цвѣту они ни были, осмѣлившіяся сопротивляться марабутамъ, избѣгаютъ наказанія. Они составляютъ настоящее тайное судилище, котораго члены, разсѣянные по острову и по твердой землѣ, всегда готовы привести въ исполненіе его приговоры. Этимъ средствомъ они вооружаютъ брата противъ брата, дѣтей противъ родителей. Тайственность, которою они окружаютъ всѣ свои дѣйствія, ужасъ, который они внушаютъ чернымъ, такъ сильны, такъ глубоки, что правительство еще не успѣло проникнуть въ ихъ общество.

Но, такъ велика счастливая безпечность этихъ бѣдныхъ негровъ, что несмотря на всѣ опасности подобнаго ига, они безропотно покоряются ему. Если голодъ не заставляетъ ихъ работать, они спятъ цѣлый день и большую часть ночи проводятъ въ пляскѣ и забавахъ. Эти шумныя увеселенія происходятъ на просторномъ лугу, окружающемъ ихъ хижины. Старики собираются вокругъ костровъ, которыхъ огонь необходимъ, чтобъ разогрѣть ихъ члены, окостенѣлые отъ холодной росы, которая въ этихъ тропическихъ странахъ падаетъ вскорѣ послѣ захода солнца. Они смотрятъ на толпы мальчишекъ и дѣвочекъ,

которые скачутъ, пляшутъ, и производятъ самыя сладострастныя пантомимы, подъ рѣзкіе звуки тамъ-тама и флейты африканскаго скомороха. Въ дождливое время года, когда въ воздухѣ кружатся необозримые рои мустиковъ, шиски происходятъ въ хижинахъ.

Такія увеселенія показываютъ, что эти негры народъ мирный. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на число свое и скопление на небольшомъ пространствѣ, занимаемомъ островомъ, они безропотно покоряются господству бѣлыхъ. Изгнаніе изъ Санъ-Луи даже считается строгимъ наказаніемъ, котораго онѣ очень боятся: такъ страшно для нихъ возвратиться къ туземцамъ сосѣднихъ странъ. Тамъ жизнь ихъ—рядъ страданій и лишеній. Рабы властителей, которые ихъ грабятъ, отягощаютъ податями, и даже продаютъ въ неволю за лошадей и блестящія бездѣлушки, эти несчастныя созданія находятся въ безпрерывномъ страхѣ за свое имущество и свободу, если впрочемъ они не живутъ въ одной изъ тѣхъ огромныхъ деревень, которыхъ жители довольно многочисленны и храбры, чтобъ противопоставить упорное сопротивленіе своему властителю, когда онъ подъ предлогомъ посѣщенія своихъ владѣній, яляется туда въ сопровожденіи шайки разбойниковъ, грабитъ и обираетъ своихъ подданныхъ.

Въ окрестности Санъ-Луи, находятся нѣсколько такихъ деревень, принадлежащихъ Далилю, королю Кагора. Жители этихъ селеній снабжаютъ колонію скотомъ, домашними птицами, дровами, строевымъ лѣсомъ и даже солью, которую они получаютъ изъ солончаковъ, находящихся въ близости устьевъ Сенегала.

Дустьинные острова, окружающіе Санъ-Луи, покрыты кустами и непроходимыми лѣсами, вертепами львовъ, леопардовъ и леопардовъ. Не проходитъ году, чтобы какой-нибудь неосторожный туземный или европейскій охотникъ сдѣлался жертвою этихъ лютыхъ животныхъ.

Будущей судьбѣ Санъ-Луи угрожаетъ однако жъ опасность, которой не могутъ отвратить никакія человѣческія силы: мы говоримъ о морскомъ пескѣ, который всё болѣе и болѣе заволакиваетъ устье Сенегала, такъ что въ настоящее время онъ имѣетъ не болѣе осьми футовъ глу-

бияны. Суда, нѣсколько бѣльшаго размѣру, принуждены разгружаться въ Горей, если имъ должно вступить въ рѣку. По всему видно, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ Сенегаль будетъ доступенъ только для каботажныхъ судовъ, если, впрочемъ, сама рѣка не рѣшитъ этого важнаго вопросу, проложивъ себѣ новое устье въ Океанъ, что уже случалось нѣсколько разъ, когда во время слишкомъ большихъ приливовъ, пески, мѣшая водамъ Сенегала изливаться въ море, заставляли его прокладывать себѣ новую дорогу.

Торговые обороты Санъ-Луи простираются ежегодно до тринадцати милліоновъ франковъ.

Другое французское поселеніе на западномъ берегу Африки есть Горея, находящаяся на островѣ того же имени. Въ настоящее время оно въ самомъ жалкомъ, самомъ печальномъ положеніи. Причина упадка этой колоніи, какъ и другихъ европейскихъ поселеній на западномъ берегу Африки, есть уничтоженіе торга неграми. Бѣльшая часть селъ на твердой землѣ принадлежитъ Далилю. Между прибрежными неграми особенно замѣчательны негры Барки и Руфиски; это два городка, гдѣ Французы имѣли небольшія копторы, въ то время когда процвѣтала торговля невольниками. Эти негры уступаютъ однако жъ во многомъ неграмъ Тубабъ-Гиляра, мѣстечка, лежащаго на берегу Океана, въ семи миляхъ къ югу отъ Горей. Жители этого городка—подданные короля Баола, сильны, многочисленны и богаты. Они живутъ въ очаровательной долигѣ, окруженной крытыми горами, откуда вытекаетъ небольшая рѣчка, которой вкусныя и чистыя воды впадаютъ въ море, въ глубинѣ небольшой бухты, гдѣ каботажныя суда находятъ вѣрное убѣжище. Чрезвычайно плодородная почва, народонаселеніе трудолюбивое, промышленное, занимающееся земледѣіемъ, любящее бѣлыхъ, привлекло сюда нѣкоторыхъ горейскихъ колонистовъ; изъ нихъ одни начали разводить плантаціи сахарнаго тростника и хлопчатой бумаги; другіе торгуютъ съ туземцами, вымѣнивая у нихъ на европейскіе товары кожи, строевой лѣсъ, пальмовое вино, и особенно просо. Вокругъ этого мѣста живутъ горцы, Ноны, народъ звѣрскій и безпо-

койный. Хищничества сдѣлали ихъ ужасомъ обитателей долины, куда они дѣлають набѣги во время голода, или когда какой-нибудь корабль потерпитъ крушеніе у береговъ. Какъ хищныя птицы бросаются они на разбитое судно, грабятъ грузъ, и умерщвляютъ экипажъ, если онъ осмѣлится сопротивляться.

Очень жаль, что страхъ, внушаемый этимъ дикимъ племенемъ, препятствовалъ донныѣ путешественникамъ удостовѣриться въ справедливости преданія, которое считается въ Горѣ несомнѣннымъ. Говорятъ, будто неподалеку отъ Тубабъ—Гиляра, живетъ племя, имѣющее бѣлую кожу и свѣтло-русые волосы. Ихъ называютъ Laidou. Мужчины высоки ростомъ, и хорошо сложены, женщины красивы, имѣютъ стройный станъ. Они кротки, миролюбивы, но не имѣютъ почти никакихъ сношеній съ сосѣдями, хотя и говорятъ однимъ языкомъ съ ними. Они трудолюбивы, прекрасно обрабатываютъ землю, и вступаютъ въ браки только между собою.

На основаніи условій трактата, заключеннаго Французамъ съ Англіею, въ 1814 году, французскіе купцы не имѣютъ права торговать въ Гамбін далѣе форта Джемсъ, построеннаго на утесѣ, въ равномъ разстояніи отъ обохъ береговъ, около мимоу Альбреды. Сверхъ-того, Англичаше устроили фортъ Святой Маріи, при устьѣ на лѣвомъ берегу Гамбіи. Этотъ фортъ лежитъ на оконечности рѣфа, низкаго и болотистаго, заливаемаго рѣкою во время продолжительныхъ осеннихъ дождей, но которыя тѣмъ не менѣе повелѣваетъ всѣмъ теченіемъ рѣки.

Архипелагъ Зеленаго Мыса—пунктъ чрезвычайно важный для военныхъ кораблей. Острова этого архипелага могутъ снабжать, втеченіи большей части году, экипажи судовъ свѣжею зеленью и плодами,—предметъ драгоценный, котораго вовсе лишена Сенегамбія. Изъ десяти острововъ, составляющихъ архипелагъ Зеленаго Мыса, только одинъ имѣетъ прѣсную воду и хорошія якорныя мѣста. Островъ святаго Антонія, составляющій западную оконечность группы, не имѣетъ ни одного рейда, гдѣ бы каботажныя суда могли безопасно останавливаться и запасаться плодами, овощами, скотомъ, которыми покрыты пло-

дородныя земли, воздѣлываемыя довольно многочисленнымъ народонаселеніемъ; напротивъ того, сосѣдній островъ Сентъ-Винцентъ, котораго берега образуютъ превосходную гавань, вовсе не имѣетъ прѣсной воды и, слѣдовательно, жителей.

Всѣхъ счастливыхъ въ этомъ отношеніи островъ Святаго Николая, гдѣ суда смѣло могутъ бросать якорь въ двухъ бухтахъ, на двухъ противоположныхъ сторонахъ острова. Въ одну изъ нихъ, лежащую къ юго-востоку, изливается ручей, вытекающій изъ окружныхъ горъ. Въ другой, открытый сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ, ни одинъ источникъ не освѣжаетъ бесплодныхъ береговъ; но здѣсь удобно можно получать провизію изъ небольшого городка, во внутренности острова.

Соляной островъ, лежащій болѣе къ востоку, одинъ изъ богатѣйшихъ во всемъ архипелагѣ, не произведеніями земли или растительности, чего онъ вовсе не имѣетъ, а произведеніями соляныхъ болотъ, за которыми приѣзжаютъ корабли всѣхъ странъ, особенно сѣверо-американскіе, несмотря на то, что здѣсь они не находятъ ни гавани, ни защиты отъ вѣтровъ. Когда начинается дурное время года, корабли эти уходятъ въ Боависту, куда они переносятся въ нѣсколько часовъ, и бросаютъ якорь въ гавани, закрытой отъ самыхъ опасныхъ вѣтровъ этой широты; но какъ этотъ островъ мало населенъ, почти бесплоденъ и производитъ очень небольшое количество дурнаго скота, то мореплаватели пристають къ нему только въ крайнемъ случаѣ.

Еще менѣе посѣщается кораблями островъ Майо, лежащій въ пятнадцати миляхъ къ югу отъ Боависты; потому что, не только онъ совершенно бесплоденъ и пустыненъ, не производитъ соли и не имѣетъ хорошихъ якорныхъ мѣстъ, но еще опасенъ для мореходцевъ отмелью, усѣяною подводными камнями, отчего плаваніе около него часто дѣлается гибельнымъ, особенно, когда теченіе, вообще чрезвычайно измѣнчивое въ этихъ мѣстахъ, приметъ сильное направленіе къ югу.

Можетъ-быть, этой причинѣ частію должно приписать сильныя буруны, которые непрерывно бушуютъ около

круглаго Фого. Этотъ островъ имѣетъ форму сахарной головы; вершина его завергается пламя. По причинѣ бурь, приставать къ берегамъ его могутъ только легкія прибрежныя суда островитянъ, прѣзжающихъ на Фога за чрезвычайно вкуснымъ мускатнымъ виномъ, превосходными плодами, овощами, домашними птицами и за рогатымъ скотомъ. Всѣ эти сокровища, жители получаютъ съ небольшихъ фермъ, которыя они, такъ сказать, создали на крутыхъ отлогостяхъ острова. Мореплаватели, проѣзжающіе мимо Фога, не подозрѣваютъ даже существованія этихъ фермъ, скрытыхъ посреди крутыхъ скалъ. Они узнаютъ объ нихъ тогда только, когда увидятъ лодки, на которыхъ островитяне привозятъ къ нимъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, дань своихъ огородовъ и скотныхъ дворовъ.

Если бы Брера, островъ самый южный изъ всей группы, имѣлъ портъ, или даже сносную бухту, то онъ, по своему многочисленному народонаселенію, по качеству и количеству своихъ произведеній, былъ бы безъ сомнѣнія, столицею архипелага. Его рогатый скотъ и домашнія птицы пользуются заслуженною извѣстностію; его плоды считаются превосходнѣе португальскихъ: они зрѣютъ въ плодоносныхъ долинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ высокими обрывистыми горами, такъ что со стороны моря, Брера имѣетъ видъ унылый и печальный, часто обманывавшій путешественниковъ.

Изъ числа описанныхъ нами острововъ, составляющихъ архипелагъ Зеленаго Мыса, ни одинъ не соединяетъ въ себѣ условій хорошей пристани. Одни имѣютъ хорошія якорныя мѣста, но лишены прѣсной воды и съѣстныхъ припасовъ; другіе населены, плодородны, хорошо обработаны, но берега ихъ опасны. Одинъ Сантъ-Яго соединяетъ въ себѣ два эти преимущества. Вотъ почему этотъ островъ всегда былъ мѣстомъ пребыванія правительственныхъ лицъ архипелага, слѣдовательно, обитатели его должны были быть, и въ самомъ дѣлѣ нѣкогда были многочисленнѣе и богаче обитателей прочихъ острововъ. Судя по развалинамъ, покрывающимъ большія пространства, должно полагать, что эта колонія была нѣкогда въ цвѣ-

тущемъ положеніи. Нынче, нѣсколько сотейъ поселенцевъ, бѣльшую частію мулаты, самыя невѣжественныя, самыя беззаботныя созданія въ мірѣ, и нѣсколько тысячъ негровъ-невольниковъ, лѣнивыхъ и развращенныхъ не менѣе господъ своихъ, занимаютъ два города Ribeira-Grande и Porto-Praya. Первый, въ настоящее время не что иное какъ груда развалинъ, а былъ нѣкогда столицей колоніи. Укрѣпленія, которыми онъ былъ тогда окруженъ, множество португальскихъ семействъ, которыя тамъ жили, пронасть монастырей и церквей, дѣлали его достойнымъ этой чести; все это мало-по-малу исчезло. Городскія укрѣпленія были разрушены знаменитымъ французскимъ морякомъ Дюгè-Труэномъ. Съ этого времени торговля стала упадать; лучшая часть народонаселенія покинула Рибейра-Гранде. Духъ раздора, распространившійся въ Португаліи, достигъ и до Сантъ-Яго. Монахи, духовенство, богатѣйшія семейства, угрожаемыя, преслѣдуемыя неграми, возвратились въ Европу. Къ ужаснымъ слѣдствіямъ политическихъ смуть, присоединился наконецъ голодъ, слѣдствіе продолжительныхъ засухъ, которыя втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ истребляли посѣвы. Въ настоящее время земли въ Сантъ-Яго едва обработаны; онѣ производятъ только дурное вино, небольшое количество грубаго сахару; то и другое потребляется жителями колоніи. Внѣшняя торговля состоитъ исключительно въ продажѣ, экипажамъ не многихъ судовъ, останавливающихся въ Порто-Прайя, живности, рогатаго скота и овощей.

Гавань Порто-Прайя усѣяна утесами; корабли не находятъ здѣсь защиты отъ сильныхъ вѣтровъ, дуящихъ съ юга; сильные буруны бушуютъ вокругъ береговъ.

Сантъ-Яго и Порто-Прайя—настоящіе вертепы флибустьеровъ. Они-то обманываютъ мореплавателей и купцовъ, которые нуждаются въ ихъ услугахъ, то провозятъ контрабандою *opchilla*, собираніе которой, португальское правительство отдаетъ на откупъ одному изъ богатѣйшихъ жителей этого края. Главное же занятіе ихъ состоитъ, несмотря на бдительность французскихъ и англійскихъ крей-

серовъ, въ снабженіи невольничьихъ судовъ грузомъ негровъ, за которыми они ѣздятъ въ португальскія конторы въ Шекисоръ, Биссао, Кахео. Первое изъ этихъ мѣстъ лежитъ на вершинахъ Касаманче, а двое другихъ на берегахъ Рио-Хеба и Рио-Гранде, двухъ огромныхъ рѣкъ, которыхъ устья смежны и которыя сообщаются между собою естественными каналами.

=

The first of these was the discovery of gold in California in 1848. This led to a great influx of people to the West, and the discovery of gold in Colorado in 1859. The discovery of gold in California led to the California Gold Rush, which began in 1848 and lasted until 1852. The discovery of gold in Colorado led to the Colorado Gold Rush, which began in 1859 and lasted until 1861.

ПОСЛѢДНІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ФРАНЦУЗОВЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Можетъ-быть, ни одна колонія въ мірѣ не обращала на себя такого вниманія Европейцевъ, какъ городъ Капъ или Капштатъ на Мысѣ Доброй Надежды, а между-тѣмъ немногіе въ Европѣ имѣютъ о немъ правильное понятіе.

Нѣсколько вѣковъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ Хуанъ де Кастро и Васко, де Гама открыли путь въ Восточную Индію вокругъ Мыса Доброй Надежды. Голландцы, захватившіе въ свои руки всѣ португальскія поселенія, лежащія къ востоку отъ Мыса Доброй Надежды, завладѣли наконецъ и этимъ пунктомъ, и учредили на немъ контору, въ 1637 году.

Границы новой колоніи не простирались однако жъ сначала за предѣлы узкой песчаной косы, которую съ северной стороны омываютъ воды Столового Залива, (Table-Bay), на берегу котораго построенъ городъ Капштатъ (Cape-Town), а съ южной Ложный Заливъ (False-Bay). Эта коса соединяетъ твердую землю съ полуостровомъ, котораго одна изъ западныхъ оконечностей составляетъ Мысѣ Буръ. Несмотря на свое гористое положеніе, бесплодность почвы и небольшое пространство, этотъ полуостровъ вполне соответствовалъ видамъ компаніи. Утомленные продолжительнымъ путешествіемъ, мореплаватели находили

здѣсь отдыхъ и свѣжую пищу. На этомъ клочкѣ земли есть двѣ покойныя гавани; въ той или другой корабль могутъ находить хорошее убѣжище отъ сильныхъ вѣтровъ, дуящихъ въ разныя времена года.

Туземцы, обольщенные подарками, съ радостію уступили Европейцамъ небольшое пространство земли, и удалились со своими стадами во внутреннія земли. По мѣрѣ увеличенія народонаселенія бѣлыхъ, увеличились и требованія ихъ. Шайки поселенцевъ вскорѣ захватили пажиты бѣлыхъ Готтентотовъ. Предпріимчивые и жадные, колонисты сначала ограбили стада этихъ дикарей, а потомъ ограбили и ихъ самихъ въ неволю.

Подобныя притѣсненія не могли не возбудить въ туземцахъ сильнаго сопротивленія. Но что могли сдѣлать нестройныя толпы дикихъ первобытныхъ обитателей Малаккской Добрая Надежды, противъ непрерывно возрастающей массы храбрыхъ и свирѣпыхъ эмигрантовъ, которыхъ бѣдность, господствовавшая въ то время въ Голландіи и отъмена пантскаго эдикта во Франціи, заставляли бѣжать въ эту отдаленную страну Земнаго Шара? Къ нимъ присоединялись уволенные въ отставку солдаты и бѣглецы съ разныхъ краевъ всѣхъ націй, которые бросали якорь въ Столовомъ Заливѣ. Туземныя племена были всегда побѣждены, несмотря на храбрость свою, достойную лучшей участи. Каждое поражение увеличивало массу ихъ бѣдствій. Они потеряли свободу, другіе, чтобъ избавиться такой участи, бѣжали въ почти неприступныя горы, находящіяся въ внутреннихъ странахъ. Отсюда, они не перестаютъ и нынѣ вести жестокою войну съ своими притѣснителями.

Съ-тѣхъ-поръ колонія сдѣлала быстрые успѣхи: открывались многіе округа; каждый изъ нихъ, смотря по удобству почвы, сталъ снабжать необходимыми продуктами не только жителей и гарнизонъ города, но даже и живъ многочисленныхъ судовъ, которыя останавливаются въ Столовомъ Заливѣ. Канскій округъ, занимающій стичку берега, между Заливомъ Святой Елены и Голландскимъ Заливомъ, имѣющій не болѣе шести миль въ глубину, даетъ изобильные урожаи плодовъ и овощей. Этимъ канскій округъ обязанъ не столько плодородію почвы, болѣе

частью песчаной и мало орошаемой водами источниковъ, только поощренію, которое оказываетъ земледѣлію прашельство, и близости своей къ центру торговой дѣятельности. Владѣльцы фермъ гораздо трудолюбивѣе и смышленнѣе прочихъ земледѣльцевъ этого края; но фермеры штеленбошскаго и цвилендамскаго округовъ считаются лучшими во всей колоніи.

Хотя Штеленбошъ пересѣкается отъ запада къ востоку цѣпью высокихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, хотя къ востоку онъ прилегаетъ къ безконечной песчаной степи, вѣтви которой вдаются въ самыя лучшія поля, однако въ этотъ округъ, тѣмъ не менѣе производитъ въ изобилии различнаго роду плоды, зерновой хлѣбъ и вино. Самый округъ Цвилендамъ, простирающійся по восточному берегу твердой земли, отъ полуострова Капа до прешельской Земли Кафровъ, почти на сто шестьдесятъ миль, могъ бы составить самъ по себѣ сильное государство, если бы народонаселеніе его было пропорціонально его обширной поверхности. Долины въ горахъ, окружающія море, орошаемыя многочисленными потоками, производятъ большія количества хлѣба, строеваго лѣсу, множество рогатаго скота и прекрасныхъ лошадей. Всѣ произведенія съ величайшею легкостью могутъ быть возимы въ прекрасныя якорныя мѣста, изъ которыхъ мы Алгоа и Моссель во время осени представляютъ и для кораблей большихъ размѣровъ, безопасныя и вѣрныя мѣста отъ ужасныхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Четвертый округъ составляетъ Граафъ-Рейнетъ. Онъ простирается съ западу къ Штеленбошу, съ юга къ Цвилендамъ, отъ котораго отдѣленъ болотистыми, непроходимыми пустынями; къ востоку онъ граничитъ съ Землею Кафровъ, театромъ войнъ и грабительствъ; сѣверную границу его составляетъ обширная степь и гористая страна, населенная многочисленныхъ орды Бошменовъ, народа дикого, свѣрснаго, дѣлающаго непрерывныя набѣги на соседнія долины, оставленныя нынѣ «бурами» (boërs) или голландскими поселянами.

Такая принужденная уступка, тѣмъ болѣе должна быть признана справедливою для буровъ, что главная промышленность

ихъ состояла въ скотоводствѣ; потому что изъ всѣхъ произведеній края, они только рогатый скотъ могли, безъ большихъ потерь и огромныхъ издержекъ, заставить переходить черезъ цѣпи высокихъ горъ, бурные горные потоки, песчанья степи, болота и тысячу другихъ препятствій, встрѣчаемыхъ на пространствѣ пяти сотъ миль, отдаляющихъ Граафъ-Рейнетъ отъ Капа. Кроме-того этотъ округъ совершенно безлѣсный, почти безводный; почва его напитана селитрою, и годится только для скотоводства. Принужденные вѣчно имѣть подъ рукою оружіе, для защиты своего имущества и семействъ отъ набѣговъ свирѣпыхъ Готентотовъ и Кафровъ, эти «буры», потомки скитавшихся солдатъ, и бѣглыхъ матросовъ, съ трудомъ привыкають къ мирному, тихому образу жизни колонистовъ, которыхъ владѣнія не столько отдалены отъ главнаго мѣста поселенія: они болѣею частию народъ буйный, грубый, живущій съ своими семействами въ селеніяхъ, которыя отдѣлены однѣ отъ другихъ огромными пространствами. Жизнь ихъ проходитъ въ ѣдѣ, снѣ, и охотѣ за дикими звѣрями, или въ войнѣ съ Бошменами и Кафрами.

Почти всѣ здѣшніе «буры», ведутъ такой родъ жизни, естественно, исключаящей всякую мысль объ удобствахъ жизни и просвѣщеніи. Жилища здѣшнихъ колонистовъ—жалкія хижины, гдѣ нищета и недостатки спорятъ съ нечистотою. Внутри этихъ хижинъ, на едва выровненной землѣ, покрытой нечистотами, гдѣ гнѣздятся мириады мухъ и другихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, лежатъ постели колонистовъ, состоящія изъ нѣсколькихъ досокъ, покрытыхъ высушенными воловьими кожами, и нѣсколькими бараньими шкурами замѣняющими матрацы. Мѣсто стульевъ занимають табуреты такой же грубой работы. Вместо столовъ и шкафовъ служитъ огромный сундукъ. Наружность этихъ жилищъ столь же отвратительна. Перелъ главною дверью находятся загородки, куда на ночь загоняется скотъ; эти парки стерегутъ ночью стаи собакъ, изъ которыхъ есть такія сильныя, что нападаютъ на львовъ. Ни когда не очищаемые, скотные дворы становятся наконецъ совершенными клоаками, гдѣ, во время осеннихъ

дождей, тонуть въ жидкой грязи сотни телятъ и ягнятъ. Вѣтры, дуящія здѣсь постоянно въ жаркое время года, нѣсколько освѣжаютъ воздухъ; иначе не возможно объяснить почему «буры», живущіе посреди этой нечистоты, пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ, и достигаютъ, въ обихъ полахъ, истинно колоссальнаго росту.

Мнѣ рассказывали въ Капштатѣ, говорить Лапласъ, множество примѣровъ расположенія Голландцевъ къ толстотѣ; между прочимъ объ одной дѣвушкѣ, которой семейство поселилось въ Гаафъ-Рейнетѣ. Двадцати лѣтъ, она была уже такъ толста, что не могла встать съ кровати. Несмотря на эту чудовищную толстоту, прелести ея особы, а, что всего вѣроятнѣе, богатство ея родителей, тронули сердце одного англійскаго офицера, который на ней женился и она была матерью. Впрочемъ она недолго наслаждалась этимъ званіемъ, столь драгоцѣннымъ для женщинъ. Домъ, въ которомъ она жила, былъ зажегъ ночью Кафрами. Всѣ прочіе члены этого семейства успѣли спастись; она одна, не находя достаточно широкаго выхода, сдѣлалась жертвою пламени. Природная безпечность обихъ половъ, изумительныя количества мяса, которыя Голландцы поглощаютъ, кушая по четыре раза въ день, наконецъ всѣ ихъ привычки чрезвычайно способствуютъ развитію этого болѣзненнаго состоянія, особенно у женщинъ.

Для того, чтобы бороться съ тысячами естественныхъ препятствій, коловистамъ необходимы помощники, которыхъ они находятъ въ Готтентотахъ. Эти черные слуги обрабатываютъ землю, пасутъ стада, защищаютъ ихъ отъ нападений хищныхъ Бошменовъ, сопровождаютъ своихъ господъ на охоту, служатъ имъ проводниками черезъ пустынные степи и горные проходы, наконецъ, исполняютъ въ дѣлѣ всѣ трудныя работы.

Эти полезныя существа не имѣютъ недостатку ни въ бодрости духа, ни въ здоровомъ смыслѣ; они нерѣдко показываютъ примѣры преданности и благодарности къ своимъ благодѣтелямъ. Къ несчастію, число «буровъ», добрыхъ и справедливыхъ, очень ограничено; болѣею частью они обращаются съ Готтентотами какъ съ скотами,

то есть, безъ малѣйшаго снисхожденія, несмотря на то, что голландское правительство, болѣе уstraшенное, нежели тронутое быстрымъ уменьшеніемъ числа этого несчастнаго племени, нѣсколько разъ уже издавало законы, защищающіе бѣдняковъ отъ своеволія ихъ притѣснителей. Этими законами запрещено дурно обращаться съ Готтентотами, удерживать ихъ насильно въ услуженіи; каждый Готтентотъ рабъ, достигнувъ двадцати пяти лѣтъ, дѣлается свободнымъ. Но въ колоніяхъ, гдѣ ферма составляетъ настоящій оазисъ посреди пустынь, гдѣ народонаселеніе разбѣяное на огромныхъ пространствахъ, легко можетъ избавиться отъ надзору законной власти, эти правила не наблюдаются никѣмъ. Съ несчастными Готтентотами почти всегда обращаются дурно, кормятъ ихъ худо, почти не одѣваютъ. Только въ 1826 году, когда Англія объявила всѣхъ Готтентотовъ безусловно свободными, состояніе ихъ начало улучшаться.

Нѣсколько сотенъ готтентотскихъ семействъ образовали нынѣ въ Цвиледамѣ и неподалеку отъ Капштата многія села, гдѣ моравскіе братья несмотря на сопротивленіе и даже угрозы «буровъ», успѣли образовать изъ нихъ довольно воздержныхъ и чистоплотныхъ ремесленниковъ.

Вообще Готтентоты не оправдываютъ надеждъ своихъ освободителей: они склонны къ лѣности, пьянству, разврату, нищенству и бродяжничеству. Число дѣтей у нихъ очень мало. Можно смѣло утверждать, что къ концу этого столѣтія племя ихъ совершенно исчезнетъ, и вмѣсто ихъ явится новая порода метисовъ, отъ туземныхъ женщинъ и европейскихъ «буровъ», съ которыми метисы-обоего пола имѣютъ разительное сходство какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Въ этихъ смѣлыхъ, смѣлыхъ, смысленныхъ метисахъ, европейскіе поселенцы находятъ вѣрныхъ союзниковъ противу Кафровъ и Бошменовъ.

Съ перваго взгляду эти слабыя, небольшого росту дикари, которыхъ все оружіе состоитъ въ стрѣлахъ, не кажутся опасными врагами колонистовъ, но когда ихъ побуждаетъ голодъ, страсть къ грабежу и болѣе всего неукротимая

мая ненависть къ бѣлымъ, тогда они въ своихъ набѣгахъ обнаруживаютъ рѣшительность, хитрость и стойкость совершенно дьявольскія.

Къ счастью, эти грабители слишкомъ страшатся «буровъ» и ихъ ружей, и потому рѣдко нападаютъ на ихъ жилища. Они ограничиваются грабежами стадъ, предавая смерти пастуховъ, Готтентотовъ.

Между-тѣмъ эти дикіе народы, если вѣрять многимъ путешественникамъ, у себя дома кротки и гостеприимны. Они сдѣлались жестокими изъ мщенія и хищниками по необходимости. Образъ жизни ихъ самый жалкій; они не имѣютъ постоянныхъ жилищъ; зимою утесы, пещеры, дуплы деревьевъ составляютъ ихъ единственное убѣжище, а шкуры звѣрей всю ихъ одежду. Правда, обыкновеніе покрывать тѣло, ежедневно, толстымъ слоемъ жиру, немало защищаетъ ихъ отъ дѣйствія холоду, но отъ этого они кажутся самыми гадкими, отвратительными созданіями въ мірѣ. Несмотря на свои вкочленныя волосы, кожу, покрытую слоемъ грязи, широкое, плоское лицо, сплюснутый носъ, выдавшіяся скулы, маленькіе, косые глаза, отвислое брюхо, мужчины не столько отвратительны, какъ женщины. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей граціи; фizioномія ихъ носитъ отпечатокъ какого-то скотскаго состоянія; между частями тѣла ихъ нѣтъ ни малѣйшей гармоніи; нѣкоторыя части достигаютъ чудовищнаго развитія. Въ дѣтствѣ Готтентотки не такъ отвратительны, — очень молоденькія дѣвушки даже привлекательны. Но все это разрушается лишеніями и трудами, которымъ обреченъ здѣсь этотъ несчастный полъ. Во время постоянныхъ перекочевокъ семейства, всѣ тяжести несутъ женщины; онѣ же послѣ перехода, когда толпа остановится, идутъ собирать различныхъ гадюкъ и саранчу, которыми исключительно питаются эти жалкія племена, когда отъ продолжительной засухи, засыхаютъ растенія, гибнутъ корни и дичина удаляется изъ сосѣднихъ лѣсовъ. Въ средствахъ, которыя Бошмены употребляютъ для отысканія себѣ пищи, развиваются всѣ способности ихъ ума, или, лучше сказать, инстинкта.

Приготовление стрѣлъ и способъ отравленія ихъ, за-

служиваютъ вниманія наблюдателя. Къ концу легкаго тростника, длиною въ три фута, Бошмены, прикрѣпляютъ посредствомъ нитокъ остріе, сдѣланное изъ дерева и кусочка жельза. Это остріе прикрѣплено очень слабо къ древку, для того чтобъ оно осталось въ ранѣ, если раненый вздумалъ бы вытащить стрѣлу. Отравя, которою напитано остріе и нитки, готовится изъ яду змѣи и соку луковницы, изъ роду *amagullis*; къ этому составу Бошмены прибавляютъ какое-то черное минеральное вещество, находимое въ пещерахъ горъ, посѣщаемыхъ этими дикими племенами.

Подобное оружіе опасно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, особенно въ рукахъ людей одаренныхъ чуднымъ искусствомъ; но, что оно въ сравненіи съ ружьями бѣлыхъ? Отравленные стрѣлы не защитили Бошменовъ отъ ненависти «буровъ», которые ежегодно истребляютъ нѣсколько сотенъ этихъ несчастныхъ, и загнали прочихъ въ глубину лѣсовъ и въ горы, гдѣ они гибнутъ отъ оспы и злокачественныхъ горячекъ.

Истребленіе этого племени, нѣкогда грознаго врага обитателей Штеленбоша и Граафъ-Рейнета, не избавитъ однако жъ поселенцевъ отъ природныхъ враговъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ могущественное и воинственное племя Кафровъ. Сколько Готтентоты слабы духомъ и тѣломъ, столько же Кафры мужественны, дѣятельны и смѣшлены. Высокіе ростомъ, и хорошо сложенные, одаренные превосходно сформированными членами, Кафры имѣютъ черты лица очень правильныя; въ фізіономіи ихъ, нѣсколько гордой, нѣтъ ничего дикаго и злаго. Женщины ихъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходятъ Готтентотокъ. Онѣ гораздо красивѣе лицомъ, граціозны, лучше сложены, очень привѣтливы и обходительны съ чужестранцами; онѣ вообще скромны и кротки. Кафрскія женщины дѣятельны, трудолюбивы, занимаются приготовленіемъ молока и кореньевъ, которые вмѣстѣ съ мясомъ антилопы составляютъ главную пищу этого народа; или плетутъ корзины, которыхъ ткань такъ часта, что въ нихъ можно носить воду. Мужчины охотятся, стерегутъ стада, составляющія ихъ главное богатство; они имѣютъ

всѣ дурныя и хорошія качества народа пастушескаго: гостепріимны, великодушны, воздержны, кротки, но безпокойны, непостоянны, измѣнчивы, такъ что на ихъ обѣщаніе никакъ нельзя положиться. Колдовство играетъ главную роль въ ихъ вѣрованіи: это распространяетъ что-то мрачное и жестокое въ ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Они любятъ войну и грабежи, но не кровожадны; не щадя побѣжденнаго врага, они рѣдко убиваютъ женщинъ и дѣтей.

Со времени своего основанія, колонія сдѣлала исполнскіе успѣхи; народонаселеніе ея увеличилось чрезвычайно. Между-тѣмъ голландско - индійская компанія, вмѣсто того, чтобъ довести это поселеніе до цвѣтущаго состоянія, казалось, употребляла всѣ средства, чтобы замедлить развитіе, которое было противно ея видамъ. Имѣя въ своихъ рукахъ богатѣйшія факторіи въ Азіи, она не обращала вниманія на владѣніе, которое не доставляло ни приностей ни драгоцѣнныхъ металловъ, между-тѣмъ какъ содержаніе его требовало чрезвычайно большихъ издержекъ. Голландское правительство ничего не дѣлало для колонистовъ, которые должны были постоянно бороться съ коммерческими постановленіями, нелѣпыми и стѣснительными. Вывозъ туземныхъ произведеній составлялъ монополію; даже продажу жизненныхъ припасовъ на корабли, стоявшіе на якорѣ въ гавани, могли заниматься только первостепенные чиновники правительства. Правосудіе было продажное; государственные доходы служили для увеличенія частныхъ состояній; чиновники получали ничтожное содержаніе и потому занимались всякого рода мелкою торговлею; небольшой гарнизонъ рѣдко получалъ жалованье: поэтому солдаты были непокорны, дѣлались ростовщиками, или убѣгали къ «бурамъ» и поселяли между ними духъ возмущенія противъ всякой законной власти. Отъ дурнаго состоянія дорогъ, медленности сообщеній и, всего болѣе, отъ безпокойной недѣятельности властей, преступленія оставались не наказанными, законы безмолвствовали, границы были театромъ постоянныхъ стычекъ и грабежей между Карфами и поселенцами.

Въ 1793 году Мысль Добра Надежды поступилъ во владѣніе Англіи. Большіхъ трудовъ стоило лорду Мекерти привести въ порядокъ дѣла колоніи. Съ этого времени для колоніи началась новая эра. До того дѣла ея были въ самомъ жалкомъ положеніи: бѣдность была всеобщая, казна пуста, подати собирались съ величайшимъ трудомъ, при упадкѣ внѣшней торговли, магазины были завалены произведеніями земледѣлія, наконецъ, «буры», зная слабость законовъ, жили въ совершенной анархіи, безнаказанно нападали другъ на друга и вели открытую войну въ черными туземцами. Просвѣщенный англійскій губернаторъ колоніи умѣлъ возстановить спокойствіе, и смирить непокорныхъ «буровъ». Учрежденіе исправительнаго поселенія въ Ботани-Беѣ много способствовало процвѣтанію колоніи; съ другой стороны Южная Африка снабжала Великобританію винами, которыхъ Англичанамъ нельзя было получать изъ Франціи. Столовый Заливъ былъ постоянно покрытъ множествомъ кораблей, купеческихъ и военныхъ, экипажи которыхъ потребляли огромныя количества туземныхъ произведеній.

Миръ 1814 года долженъ былъ, естественнымъ образомъ, оказать неблагоприятное вліяніе на такое цвѣтущее состояніе колоніи: гарнизонъ и флотъ уменьшились, военныя суда перестали приходить, вывозъ винъ въ Англію уменьшился; къ счастью, колонія нашла новыя мѣста для сбыту своихъ произведеній; корабли снова наполняли ея гавани, явились тысячи переселенцевъ, которые заняли мѣста до того пустынные, и тамъ умножили ея народонаселеніе.

Быстрое умноженіе народонаселенія имѣло однако жъ неблагоприятныя послѣдствія. Земли, сколько-нибудь способныя къ обработкѣ, принадлежали уже первоначальнымъ поселенцамъ; для помѣщенія новыхъ, правительство принуждено было заставить кафрскихъ владѣтелей уступить колоніи, волею или неволею, новыя земли. Въ 1818 году губернаторъ, лордъ Сомерсетъ, принудилъ кафрскаго предводителя Гаика уступить себѣ земли, лежащія между рѣками Большой Рыбы и Ксейскаммоу, и образовалъ два новые округа: Албани и Аделанды.

Несмотря на всѣ несчастія, испытанныя жителями древней голландской колоніи, Капштадтъ имѣетъ въ себѣ нѣчто величественное: улицы его широки, обстроены красивыми домами, посерединѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ идутъ каналы, осѣняемые прекрасными деревьями, которыхъ зелень защищаетъ прохожихъ отъ лучей знойнаго тропическаго солнца. Путешественникъ пристаеетъ къ деревянной плотинѣ, осаждаемой тысячами лодокъ, на которыхъ переѣзжаютъ матросы и пассажиры съ кораблей, состоящихъ въ гавани. Море оmyваетъ основанія форта Вилліамсъ. Направо отъ него видно огромное зданіе, гдѣ помѣщаются таможня и другія присутственныя мѣста колоніи. Далѣе, находится обширная четверугольная площадь, обсаженная деревьями. Эта площадь обставлена многими частными и казенными строеніями, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательно зданіе, принадлежавшее нѣкогда голландской компаніи, а нынѣ обращенное въ казарму; на одномъ концѣ этой площади находится огромное зданіе, съ перистилемъ и колоннами. Тутъ помѣщается биржа и публичная библіотека; оно тяжело, некрасиво, и не дѣлаетъ чести ни архитектору, ни городскому управленію. Частные дома почти всѣ носятъ на себѣ печать голландскаго вкуса; весьма не многіе выстроены въ англійскомъ родѣ. Городъ окруженъ цѣпью холмовъ; нѣкоторые изъ нихъ получили особыя названія, напримѣръ, Лыбная Голова, Столовая Гора, и тому подобное. Въ узкихъ долинахъ, между этими холмами разведены сады, гдѣ плодовые деревья осѣняютъ красивые сельскіе домики, англійскихъ поселенцевъ. Со Столовой Горы, сквозь легкий туманъ, обыкновенно покрывающій горизонтъ при юго-восточномъ вѣтрѣ, видѣется островъ Робинъ, гдѣ находится тюрьма каторжниковъ.

Фортъ Вилліамсъ, ключъ Южной Африки, имѣетъ величественный видъ. Стѣны его, между которыми находятся обширные магазины, губернаторскій домъ, казарма, гдѣ можетъ помѣститься до тысячи человекъ, усажены пушками и окружены ровомъ.

Пристань, какъ уже сказано, — деревянная. Съ ранняго утра до поздняго вечера здѣсь господствуетъ изумитель-

ное движеніе людей и вещей. Съ одной стороны всѣхъ возможныхъ родовъ повозки привозятъ сюда путешественниковъ, снѣшавшихъ на корабли, которыхъ поднятые паруса показываютъ, что они готовы къ отплытію, другіе переправляютъ въ городъ вновь прибывшихъ пассажировъ. Далѣе видны телѣги, нагруженныя кипами товаровъ, которые они отвозятъ въ огромное зданіе, занимаемое таможенною; между-тѣмъ какъ другія везутъ на пристань произведенія края, назначенныя къ отправленію въ отдаленныя страны. Посреди всего этого снуютъ негры, которые несутъ на головѣ огромныя корзины, наполненныя провизіею, или гонятъ передъ собою стада барановъ, на суда, ожидающія ихъ въ пристани.

Это живое движеніе прекращается совершенно при наступленіи осени, когда зыбь дѣлаетъ опаснымъ приближеніе къ пристани, которую она даже ломаетъ, когда норывы морскаго вѣтру, или ураганы слишкомъ взволнуютъ море.

Издавна уже Португальцы владычествовали надъ болѣею частию береговъ Индіи, когда, въ царствованіе королевы Елизаветы, взятіе большаго корабля, шедшаго изъ Гоа въ Лиссабонъ, и приведеннаго въ Лондонъ, показало Англичанамъ всю важность восточной торговли. Зрѣлище этихъ сокровищъ возбудило предпримчивый духъ англійскихъ купцовъ, которые, соединясь съ вельможами, составили торговую компанію. Англійская контора, учрежденная въ Суратѣ, сдѣлалась вскорѣ центромъ оборотовъ новой компаніи. Дѣла ея шли превосходно. Желаніе ея распространить свою торговлю на острова Сондскіе и Коромандельскій берегъ встрѣтило однако жъ сопротивленіе со стороны Голландцевъ и Французовъ. Огромныхъ пожертвованій стоило индійской компаніи, овладѣть важными провинціями, которымъ она теперь имѣетъ въ Индіи. Въ концѣ прошедшаго столѣтія она овладѣла Бенгаломъ, котораго столицу составляетъ Калькутта и провинціями, изъ которыхъ состоитъ нынѣшнее президентство Мадрасское.

Калькутта лежитъ на Гугли, одномъ изъ рукавовъ Гангеса Гангесъ, при своемъ устьѣ, раздѣляется на множество ру-

кавовъ. Два главные рукава, окружая прочіе, образуютъ индѣйскую дельту. Берега Гангеса, покрыты вѣчно-зеленѣющими деревьями, между которыми виднѣются пагоды и индѣйскія хижины. Во многихъ мѣстахъ представляются взору рощи кокосовыхъ, пальмовыхъ и банановыхъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ укрывается цѣлая порода людей черныхъ и худыхъ. Небольшія лодки, нагруженныя плодами, окружаютъ прибывающія суда. Въ свободное время мужчины, женщины и дѣти всѣ отправляются на рѣку дѣлать свои омовенія. Вечеромъ слышатся ихъ пѣсни и отдаленныя звуки тамтама, съ которыми смѣшиваются печальныя завыванія шакаловъ. Во время отливу, огромныя кайманы выходятъ изъ воды, чтобы полежать на берегу рѣки, покрытомъ жидкою грязью. Изъ-дали эти животныя кажутся полу-согнившими пнями деревьевъ. Движеніе судовъ, идущихъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, китайскія джонки, съ своими раскрашенными парусами, красивыя загородныя домики, выстроенныя по берегамъ рѣки, придаютъ окрестностямъ Калькутты особенно привлекательный видъ. Это зрѣлище, слѣдующее за печальнымъ однообразіемъ моря, производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, взоръ путешественника поражается непріятнымъ образомъ трупами людей плывущими по рѣкѣ, а обоняніе запахомъ тѣлъ, сожигаемыхъ на берегу. Рѣка выбрасываетъ на берегъ множество труповъ: собаки, ястребы и вороны оспориваютъ другъ у друга эту добычу. Это причиною, что Европейцы никогда не пьютъ воды изъ рѣки. Бѣдные Индѣйцы бросаютъ трупы своихъ въ рѣку; богатые ихъ сожигаютъ. Калькутту называютъ городомъ дворцовъ; и справедливо: дома частныхъ людей великолѣпныя дворцы. Но здѣсь находится также множество полезныхъ зданій: корабельныя верфи, кузницы и мастерскія, гдѣ приготавлиются паровыя машины, крѣпость, великолѣпный дворецъ губернатора, церкви, набережныя, таможня, монетный дворъ, банкъ, коллегіумы, больницы, ратуша, театръ и множество другихъ зданій. Калькутта, безспорно, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ Индіи; къ несчастію, въ ней все ново.

Кровли домовъ плоски, и образуютъ террассы, служащія мѣстомъ для прогулки. Дома туземцевъ имѣютъ дворы,

куда выходятъ «варанги» или открытыя галереи, гдѣ женщины могутъ прогуливаться такъ, что никто изъ чужихъ ихъ не видитъ.

Улицы не соотвѣтствуютъ великолѣпнѣю зданій: онѣ узки; сбоку струится источникъ проточной воды, куда Индѣйцы приходятъ дѣлать свой туалетъ; съ другой находится канава; вода, которая стоитъ въ ней по нѣскольку мѣсяцовъ сряду, распространяетъ отвратительное зловоніе. Объ очищеніи города заботятся журавли, которыхъ англійская полиція взяла подъ свое покровительство. За убійство этихъ птицъ положена пеня. По другую сторону рѣки находится огромный ботаническій садъ. Онъ посѣщается не многими.

Въ зданіи Азіятскаго общества помѣщается музей, кабинетъ естественной исторіи и бібліотека, которые обогащаются съ каждымъ днемъ. Помѣщеніе сдѣлалось нынче уже тѣснымъ: множество статуй и камней съ надписями лежатъ на дворѣ. Это общество, основанное Вилліамомъ Джонсомъ, сдѣлалось центромъ всѣхъ свѣдѣній, относящихся до Азіи.

Въ Калькуттѣ находятся три коллегіума: санскритскій, мусульманскій и англо-индѣйскій. Въ санскритскомъ коллегіумѣ преподаютъ грамматику, реторику, законовѣдѣніе, математику, астрономію. Большая часть стариковъ пандитовъ говоритъ только языкомъ Бенгали; молодые знаютъ и англійскій. Они очень неохотно вступаютъ въ разговоры объ религіи; одинъ изъ нихъ отказался прочесть съ господиномъ Терульдомъ вторую книгу Маду, въ комментаріяхъ которой находится нѣсколько словъ изъ Веда. Многіе Индѣйцы учатся по-англійски, по-индустански и по-персидски.

Общество въ Калькуттѣ многочисленное и веселое. Англичане очень любятъ танцовать.

Индусы строго исполняютъ предписанныя законамъ омовенія. Гугли считается однимъ изъ священнѣйшихъ рукавовъ Гангеса. Туземцы бросаются въ рѣку, во всякой одеждѣ. Новсюду въ городѣ видны изображенія «Сивы» и другихъ божествъ, передъ которыми набожные Индѣйцы падаютъ ницъ. Къ прибывшему въ Калькутту Евро-

пейцу тотчасъ является множество индѣйскихъ слугъ, съ аттестатами отъ Европейцевъ, у которыхъ они будто бы находились въ услуженіи. Эти аттестаты они покупаютъ другъ у друга. Не умѣя читать, они не подозрѣваютъ, что въ нѣкоторыхъ аттестатахъ ихъ называютъ негодьями. Простые матросы и европейскіе слуги нанимаютъ индѣйцевъ. Европейскій лакей, сдѣлавшись баринномъ, получаетъ названіе сагеба, то есть, господина, и прогуливается по городу въ паланкинѣ. Всѣ низшія правительственныя мѣста занимаютъ Индѣйцы, умѣющіе говорятъ по-англійски. Нѣкоторые говорятъ по-французски. Для жизни въ Калькуттѣ нужно знать по-англійски и нѣсколько словъ индустани-урду. Употребительнѣйшій языкъ—бенгали.

Калькутта—городъ въ высочайшей степени промышленный и торговый. Здѣсь путешественникъ находитъ всѣ обряды, празднества и предрасудки брахманской и мусульманской религій. Индѣйцы приглашаютъ Европейцевъ на празднества, которыя совершаются у нихъ въ важныя религіозныя эпохи. Въ Калькуттѣ находятся наиболѣе образованные пандиты и лучшіе преподаватели персидскаго и индустанскаго языковъ.

Жить въ Калькуттѣ чрезвычайно дорого: роскошь тамъ—обязанность, довольно тягостная. Простая квартира стоить шесть рупій, пятнадцать рублей, въ день, или сто рупій въ мѣсяць. Слуга осемь рупій въ мѣсяць; мытье бѣлья около девяти рупей. Экипажъ въ день осемь рупій. Паланкины рѣдко употребляются Европейцами, хотя для того кто къ нимъ привыкъ, это самый покойный и пріятный экипажъ.

Хорошему «мунши» или учителю персидскаго и индустанскаго языка и хорошему пандиту платится отъ двадцати пяти до тридцати рупій въ мѣсяць.

Порядочный человекъ непременно долженъ имѣть цѣлую толпу слугъ: слуга, вытирающій пыль со стола, зоветъ другаго, когда нужно вымести полъ.

Ледъ привозится изъ Америки. Слоновъ и верблюдовъ не пускаютъ въ городъ, потому что ихъ пугаются лошади.

Шандернагоръ, городъ, принадлежащій Французамъ, находится въ шести миляхъ отъ Калькутты. Положеніе

этого города очень возвышенное и здоровое. Домъ губернатора въ жалкомъ состояніи.

Изъ Калькутты въ Аллагабадъ ходять два парохода. Муршедабадъ—городъ мусульманскій; дома жителей—простыя хижины сдѣланныя изъ тростнику и бамбуку. Самое лучшее зданіе, въ европейскомъ вкусѣ — дворецъ набаба, который въ немъ не живетъ. Муршедабадъ былъ прежде мѣстопребываніемъ губернатора и правленія компаніи.

Положеніе Раджмагала и Монгира гористое и покрыто лѣсами. Близъ Монгира находятся скалы Султанъ-янге; на одной изъ нихъ выстроена позолоченная пагода. Скалы въ окрестности Монгира, покрыты изображеніями индѣйскихъ боговъ. Въ Газиपुरѣ и Боксарѣ находятся конскіе заводы компаніи. Бенаресъ—классическій городъ въ Индіи: въ немъ сохранились всѣ преданія. Мусульманскіе памятники въ развалинахъ; индѣйскіе вполнѣ сохранились. «Гаты» или лѣстницы, по которымъ народъ сходитъ къ рѣкѣ, для купанья — великолѣпны. Въ городѣ находится множество храмовъ и пагодъ, двери которыхъ осаждаются толпами факировъ. Тихіе и погруженные въ самихъ себя, они съ жадностію бросаются на деньги, которыя подають имъ. Улицы въ Бенаресѣ очень узки; по нѣкоторымъ идутъ ряды лавокъ, освѣщаемыхъ вечеромъ фонарями; другія — мрачны и грязны. Народонаселеніе кипитъ; со всѣхъ сторонъ слышутся звуки тамтама и пѣсни. По другую сторону Гангеса, въ Рамнаждарѣ, находится дворецъ буенарескаго раджи и недавно построенный индѣйскій храмъ. Въ Бенаресѣ стекается множество богомольцевъ. Богатые индусы даже содержатъ здѣсь браминовъ, которые читають за нихъ молитвы. Въ Бенаресѣ, любитель индѣйской литературы можетъ найти санскритскихъ рукописей, болѣе нежели во всей остальной Индіи. Веды достать очень трудно. Зато здѣсь не дорого продаются Прати-Сакса, или трактатъ объ удареніяхъ Веды, Бхагаватъ-Пурана, Варахи-Санхита, Бхаватъ-Джита съ комментаріями, Парабашенду-Сегара и нѣкоторые трактаты о грамматикѣ. За пятьсотъ новыхъ списковъ въ Бенаресѣ платится рупія, не читая бумаги. Къ несчастію, переписчики не знаютъ ни слова по-санскритски; ихъ

списки исполнены ошибокъ. На древніе списки, исправленные пандитами нѣтъ постоянной цѣны.

Городъ Аллагабадъ находится при слияніи рѣкъ Гангеса и Юмны. Туземцы полагаютъ, будто подъ землею течетъ третья рѣка Сараваѣти. Они считаютъ это мѣсто однимъ изъ священнѣйшихъ. Цѣлыми толпами приходятъ они купаться въ рѣкѣ и брить себѣ бороду; каждый волосокъ упавшій въ воду, доставляетъ тысячи лѣтъ блаженства въ раю. Индѣйская компанія собирала прежде подать съ богомольцевъ: нынѣ эта подать уничтожена, какъ безнравственная. Въ погребахъ, находящихся подъ крѣпостью Аллагабада, стѣны покрыты надписями и изображеніями богини Парвати.

Канпуръ—самый значительный городъ въ Индіи послѣ Аллагабада. Здѣсь расположена на квартирахъ главная часть войскъ компаніи. Въ Канпурѣ есть театръ. Окружности его очень некрасивы, мѣстоположеніе плоское. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Канпура находится мѣсто, которое Индѣйцы считаютъ центромъ земли. Въ октябрѣ здѣсь происходятъ большія празднества.

Змѣи живутъ на дворахъ и даже внутри домовъ. Туземныя женщины дѣлаютъ ихъ ручными. Кобра-капелла, одно изъ самыхъ опасныхъ пресмыкающихся, бываетъ очень признательна къ тѣмъ, которые объ ней заботятся. Змѣи и скорпіоны обыкновенно прячутся около стѣнъ. Змѣи боятся людей, но тѣмъ не менѣе опасны. Ихъ встрѣчаютъ вездѣ: въ поляхъ, на дорогѣ, между развалинами. Движенія кобры-капеллы очень медленны и отъ нея легко уйти. Укушеніе самокъ, даже самымъ ядовитыхъ, не считается опаснымъ.

Область Аллагабадъ составляетъ часть собственно Индустана. Край этотъ очень плодороденъ и почва хорошо обработана около деревень. Вдали отъ деревень находятся «джонглы» или степи. Европейцы не имѣютъ права быть владѣльцами земли. Здѣсь приготовляются большія количества сахару, селитры и опиума. Торговля опиумомъ составляетъ монополію компаніи. Вмѣсто овса, здѣсь кормятъ лошадей горохомъ. Сѣно косится въ джонглахъ. Въ Нижнемъ Бенгалѣ воздѣлываютъ сарациское пшено;

въ аллагабалской области произрастаютъ инжиръ, лимонъ и просо; въ окрестностяхъ Патны сѣютъ картофель и другія европейскія корнеплодные растенія и овощи. Порода лошадей въ Индiи малорослая, но очень сильная; быки и коровы тоже не велики и сѣраго цвѣту. Буйволы считаются священнымъ животнымъ, такъ же какъ быки. Въ деревняхъ имъ за какия деньги нельзя достать говядины. Бараны здѣсь обыкновенно черныя; шерсть ихъ самаго низкаго качества. Въ этой части Индiи конти вовсе не видно верблюдовъ, потому что товары перевозятся водою; зато встрѣчаются слоны, которые въ Индiи считаются признакомъ богатства и важности. Дороги въ Индiи превосходны и содержатся какъ-нельзя лучше. Цѣсправленiе дорогъ производится каторжниками. Путешествовать по Индiи очень легко. Путешественникъ для своихъ услугъ нѣдетъ пароходы, обыкновенныя лодки, путешествiе въ паланкинѣ день и ночь, или дакъ, и, наконецъ, путешествiе въ паланкинѣ или верхомъ съ остановками на ночь. Европейцы рѣдко останавливаются въ каравансерахъ; обыкновенно они везутъ съ собою палатку и весь багажъ. Чаше всего путешествуютъ верхомъ. Путешественника сопровождаютъ большое число слугъ: нужны два человека для лошадей, изъ которыхъ одинъ косить для нея траву; коваръ и сего помощникъ, слуга для надзору за багажомъ, лифтеръ или подметальщикъ, бисти или водоносъ; дхфи—для мытья бѣлья, и фарапъ, который разбиваетъ палатку. Сверхъ-того необходимо имѣть нѣсколько верблюдовъ для паровоза багажу и палатки.

Прода очень не дорога: въ каждой деревнѣ можно найти куръ, рисъ, молоко, яицы и муку.

Видъ страны между Канпурамъ и Агрой совершенно неизмѣстелъ: тутъ не встрѣчаешь ни прелестныхъ долинъ Бенгала, ни покрытыхъ лѣсомъ горъ Раджамала, Маджиръ, и Визанура, ни городовъ и деревень окруженныхъ рощами пальмъ и банановъ: деревни рѣдки, вмѣстѣ домовъ простые землянки. Всюду вески и степи. Первый предметъ, поражающiй путешественника при приближенiи къ Агрѣ, это Таджамагалъ—гробница, воздвигнутая царемъ Джоханамъ одной изъ сѣнокъ жемъ. Она построена

на берегу Юнны. Высокіе минареты ея видны со всѣхъ сторонъ. Гробница Акбера въ Секундрѣ, въ двухъ миляхъ отъ Агры, не такъ красива. Прочія зданія въ Агрѣ—Мотти Моджидль, гробница Этимадъ-аль-Долла, украшенная фантастическими мозаиками и крѣпость, гдѣ помещался дворецъ раджи.

Комнаты во дворцѣ хорошо сохранились. Въ центрѣ крѣпости находится четырехугольный дворъ, посрединѣ котораго стоитъ мечеть изъ бѣлаго мрамору. Въ залу, гдѣ помещалась женская купальня, пускаютъ не многихъ. Она украшена по стѣнамъ небольшими зеркалами, въ которыхъ отражаются граціозныя формы купавшихся курій. Несвѣдѣно, присутствовалъ ли раджа при этомъ увеселеніи. Строго въ этой купальни—нѣмой. Лордъ Декъ, въ 1803 году овладѣлъ этою крѣпостью. Къ несчастію, пушки повредили прекрасныя стѣны и поволоченныя куполы.

Агра, городъ мусульманскій. Въ немъ нѣтъ ни одного индійскаго намятника. На разстояніи одного дня вѣды отъ Агры, находятся Матура и Биндрабандъ, два города, гдѣ лютеиственникъ съ пользою можетъ изунать индійскую литературу и древніе нравы. Матура и Биндрабандъ были театромъ приключеній юнаго Кришны, одного изъ воплощеній Вишну. Здѣсь торжествуются пѣснями и празднествами его любовныя и воинственныя подвиги. Показываютъ мѣсто гдѣ онъ убилъ змѣя; дерево, подлѣ тѣнью котораго онъ игралъ на свирѣли; дерево, въ дуплѣ котораго онъ скрывалъ одежду молочницъ. Эту исторію брамины рассказываютъ такимъ образомъ: Кришна подстерегъ однажды купавшихся молочницъ, вралъ ихъ одежды и скрывалъ въ дуплѣ дерева. Когда несчастныя молочницы стали вносить у него свои платья, онъ потренилъ, чтобы онѣ вынули изъ воды сврстившия руки на груди. Знаменитое дерево это теперь засохло, Голыя вѣтви его увѣшаны различныи пѣтьевъ лентами, изображающими одежды молочницъ.

Гаты въ Биндрабандѣ очень красивы: лицомъ онѣ обряжены къ рѣкѣ. На концахъ ихъ находятся бѣски, осыпанные бадягами. Можетъ-быть, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого множества обещанъ, какъ въ Биндрабандѣ. Бѣжи

наполняютъ улицы, питаюсь на счетъ хлѣбныхъ торговцевъ. Въ рѣкѣ водится множество черепахъ. Жители кормятъ ихъ. Быки, обезьяны, павлины, голуби и пѣтухи считаются священными животными. Индѣйцы вообще не убиваютъ животныхъ.

Кромѣ гатовъ, въ Биндрабандѣ—два храма изъ розоваго камня. Изъ нихъ, построенный греческимъ крестомъ,—любопытнѣйшій памятникъ индѣйской архитектуры. Около храмовъ толпятся факиры. Окрестности Матуры очень песчаны: во время дождей городъ заливается водою.

Вообще окрестности Агры чрезвычайно любопытны. Дигъ, гдѣ находится великолѣпнѣйшій дворецъ въ Индіи; Бхуртпуръ, знаменитый своею крѣпостью. Здѣсь все индѣйское. Брахманическая жизнь представляется тутъ такою, какъ она описана въ Ману и другихъ книгахъ индѣйской поэзіи; но знаніе погбло. Браминны не понимаютъ ни слова въ книгахъ, которыя имъ даютъ для переписки. Они едва умѣютъ читать.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мусульманскихъ городовъ въ Индіи, безъ-сомнѣнія—Фатахпуръ-Сикри. Въ немъ особенно любопытенъ четырехугольный дворъ, съ мечетью, въ которой находятся два мавзолея. Одинъ изъ нихъ воздвигнутъ въ честь какого-то святаго, молитвами котораго одна изъ женъ Акбера слѣлалась беременною. Употребленъ тельнѣйшій языкъ въ Агрѣ—индустани-угру; въ немъ большая часть словъ—персидскіе; въ языкѣ индустанибакха—больше словъ санскритскихъ. Въ агрской области, урожай зависитъ много отъ періодическихъ лѣтнихъ дождей. При засухѣ—голодь. Агрскіе жители высоки ростомъ, сильны, превосходно сложены. Они не такъ смуглы, какъ бенгальскіе Индѣйцы. Носильщики паланкиновъ пробѣгаютъ днемъ, въ самый зной, около пяти миль. Они часто пьютъ воду и съѣдаютъ въ день не болѣе горсти сухаго рису. Немного восторону отъ дороги, ведущей изъ Канпура въ Агру, лежитъ Каножъ, древняя столица сильнаго индѣйскаго государства. Мѣстоположеніе города усѣяно холмиками, покрывающими кирпичи, остатки древняго города. На одной возвышенности находятся четыре-

угольный дворъ, окруженный колоннами, на которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда изображеній. Любопытнѣе барельефъ, изображающій индѣйскій пантеонъ. Городъ грязенъ; развалины не живописны. Онъ лежитъ на небольшомъ возвышеніи, котораго подошва омывается чистыми, прозрачными водами одного изъ рукавовъ Гангеса. Городъ окруженъ густыми рощами и глубокими оврагами, гдѣ прежде находились вертепы воровъ, имѣвшихъ вѣрное убѣжище во владѣніяхъ удскаго короля. Даже и въ настоящее время Канождъ не пользуется, въ этомъ отношеніи хорошою славою.

Въ Канождъ отрываютъ иногда древнія монеты и медали. Видя, что Европейцы дорого ихъ цѣнятъ, брамины стали ихъ поддѣлывать, и предлагаютъ путешественникамъ вмѣстѣ съ розовою водою и вареньями. Брамины такъ добродушно-невѣжественны, что выдаютъ только что выбитыя монеты, еще совершенно блестящія, за самыя древнія. Они очень услужливы, особенно за рупіи.

Въ странѣ, совершенно подчиненной англійской компаніи, гдѣ Англичане находятъ всѣ средства для изслѣдованій края, путешественнику трудно открыть что-нибудь новое. Втеченіи осьми мѣсяцовъ въ году, вся Индія наводняется англійскими инженерами, производящими кадастрацію. Разумѣется, они имѣютъ всѣ удобства открывать малѣйшіе памятники и изучать во всей подробности географію и археологію этой страны. Для ученыхъ изслѣдованій остается только Лагоръ и Кашмиръ.

Изъ-дали городъ Лагоръ представляетъ очаровательное зрѣлище. Безчисленные позолоченные куполы поражаютъ взоръ путешественника. Но внутри, это скопище грязныхъ домовъ и узкихъ переулковъ, посерединѣ которыхъ текутъ ручьи гнилой воды. Городъ окруженъ ровомъ и укрѣпленіями. Невдалекъ находится Анеркали—мѣстопробываніе генераловъ Вентуры и Аллара. На огромной площади производятся военныя ученія и помѣщается лагерь. Увеселительный замокъ генерала Аллара служитъ ему теперь гробницею. Развалины древняго города не имѣютъ въ себѣ ничего величественнаго: грозный видъ ихъ возбуждаетъ отвращеніе. Окрестности печальны.

Лагоръ—главный городъ Пенджаба, не есть столица ни религіи ни торговли. Самый важный городъ въ этомъ отношеніи Амритсиръ, гдѣ производится обширная торговля кашмирскими шалями. Здѣсь они даже дешевле чѣмъ въ самойъ Кашмирѣ.

Самый любопытный памятникъ—священный ирудъ, гдѣ хранится Грантъ; священная книга Сейковъ. Она лежитъ въ небольшомъ павильонѣ, украшенномъ золотымъ куполомъ. Къ павильону ведетъ мостъ, освященный мандеабраммъ. Онъ окруженъ галереями, гдѣ сидятъ амлаи, или жрецы Сейковъ, по наружности, величайшіе негодяи въ свѣтѣ. Они ходятъ въ черной одеждѣ, съ обнаженною саблею въ рукахъ.

Мѣстоположеніе Пенджаба плоское. Во время дождей, рѣки выступаютъ изъ береговъ и заливаютъ всю страну. Во всѣ стороны распространяются обширные, не водвѣданные поля, служащія пажитями для быковъ и буйволовъ. Эти животныя и здѣсь считаются священными. Для личной безопасности, лучше совершить ужаснѣйшее преступленіе, нежели убить одного изъ этихъ скотовъ.

За воровство и грабежи отвѣчаютъ деревенскіе старшины. Ренджитъ-Синъ приказывалъ отрѣзывать носы Дантамъ, вооруженнымъ разбойникамъ. Этотъ родъ наказания часто употребляется въ Пенджабѣ. Преступники высококаго сану откупаются деньгами. Ренджитъ-Синъ рѣдко наказывалъ смертію; но губернаторы и другіе сардари дѣлали въ своихъ провинціяхъ, что хотѣли. Генералъ Куртъ былъ принужденъ однажды позволить своимъ солдатамъ сжечь цѣлое мусульманское семейство, котораго глава убилъ быка.

Пенджабъ могъ бы сдѣлаться государствомъ могущественнымъ, если бы общая опасность могла соединить Сейковъ и Афгановъ. Но эти народы ненавидятъ другъ друга сильнѣе, чѣмъ Англичанъ. Мусульмане враждуютъ и ненавидятъ Сейковъ и Индѣйцевъ. Эти раздоры между націями, соперничество между ихъ начальниками, презрѣніе, питаемое одною кастою къ другой, объясняютъ причину изумительнаго могущества Англичанъ въ Индіи.

Въ Лагорѣ можно найти множество персидскихъ и индѣйскихъ рукописей. Грантъ, священная книга Сеймоновъ писана на языкѣ Пенджаби или Гормуки, который подходитъ больше къ санскритскому, нежели къ персидскому.

Наиболѣе замѣчательныя города въ Пенджабѣ, Визирабадъ и Гузератъ. Первый совершенно перестроенъ генераломъ Аритабилемъ. Главная улица очень красива, и что здѣсь рѣдко, очень чиста. По обѣимъ сторонамъ ея идутъ лавки. Въездъ украшенъ триумфальными воротами. На оконечности города находится огромный садъ, съ нѣсколькими дворцами. Въ пяти миляхъ отъ Визирабада лежитъ Гузератъ. Онъ принадлежитъ раджѣ Деханъ-Сину.

По дорогѣ безпрерывно встрѣчаются сады померанцовыхъ, лавровыхъ и гранатовыхъ деревьевъ и множество колодцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые устроены въ видѣ фонтановъ. Вода, поднимася машинами, падаетъ каскадами въ бассейны. Это болѣею частію памятники благотворительности. Въ этомъ сухомъ и знойномъ климатѣ подобныя устройства—величайшее благодѣяніе.

Въ Гузеронуалѣ находится небольшой дворецъ съ садомъ, который раджа уступилъ факирамъ. Здѣсь хранятся погребальныя урны съ прахомъ отца и матери Ренджитъ-Сина. Индѣйцы и Сейки сожигаютъ тѣла умершихъ.

Въ Индіи простыя женщины отправляютъ самыя трудныя работы. Женщины высшаго класса проводятъ жизнь въ затворничествѣ. Объ нихъ запрещено даже говорить. Несмотря на это, многіе мужья разоряются на туалеты и прихоти своихъ женъ.

Городъ Кашмиръ лежитъ вдоль рѣки Джалумъ. Дома въ немъ деревянные, на каменномъ фундаментѣ. Кровли домовъ покрыты землею, на которой растутъ трава и цвѣты. Изъ-дали городъ и деревни кажутся чрезвычайно живописными. Ничто не можетъ быть очаровательнѣе прогулки вечеромъ, по рѣкѣ. Темнота скрадываетъ грязный видъ города и его обитателей. Надъ городомъ господствуетъ крѣпость, которая изъ-дали имѣетъ грозный видъ. Выше находится дворецъ, превосходно сохранившійся. Неподалеку вѣсело озеро, окруженное горами, и покрытое растеніями

и цвѣтами, но вредное для здоровья. На берегу озера выстроены индѣйскій храмъ, подлѣ котораго возвышается мусульманская мечеть. Мечеть въ развалинахъ, а храмъ сохранился. Здѣсь показываютъ мѣсто, гдѣ, по туземному преданію, Соломонъ повелѣлъ водамъ удалиться. Туземцы говорятъ, будто долина была нѣкогда озеромъ, и вдругъ осушилась. Мусульмане приписываютъ это чудо Соломону; Индѣйцы Касіану, знаменитому мунн. Весьма вѣроятно, что кашмирская долина была озеромъ, котораго воды, прорвавъ берега, залились въ Барамулу, куда мѣсто, занимаемое долиною, сильно смоняется. Кашмиръ считается Индѣйцами священною странюю; мусульмане также очень уважаютъ его. Каждая секта имѣетъ здѣсь своихъ святыхъ и свои легенды. Всѣ древніе религіозные памятники—индѣйскіе.

Новые дворцы могольскихъ влѣстителей хорошо сохранились, особенно сады и дворцы Шахбаза и Нишахлабаза. Сады образуютъ амфитеатры. На каждой террасѣ находится какое-нибудь болѣе или менѣе важное зданіе. Протекающій посреди сада ручей образуетъ каскады, бассейны и фонтаны. Въ бассейнахъ купаются баядерки. Кашмирцы очень любятъ это зрѣлище.

Нельзя представить себѣ, что за отвратительныя созданія встрѣчаются на улицахъ въ этой странѣ, славящейся красотой своихъ женщинъ. Высшаго класса женщинъ не видно; остаются однѣ баядерки; но лучшихъ изъ нихъ вывозятъ въ Лагоръ и другія мѣста Индіи. Баядерки въ одно и то же время музыкантши, танцовщицы и... баядерки. Онѣ пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ. Человѣкъ, который бы не принималъ ихъ къ себѣ, прослылъ бы дурно воспитаннымъ. Пѣніе ихъ пѣжное и меланхолическое, даже, когда выражаетъ любовь и радость. Сначала оно кажется страннымъ, но мало-по-малу къ нему привыкаешь, и наконецъ совершенно увлекаешься. Съ ранней молодости ихъ учатъ притворяться страстными, влюбленными, стыдливыми, ревнивыми. Всѣ эти страсти онѣ выражаютъ такъ естественно, что нѣтъ возможности не обмануться. Жители востока, несмотря на множество женщинъ, которыхъ они содержатъ, часто призываютъ на

свои праздники баядерокъ. Танцы и пѣніе изгнаны изъ воспитанія порядочныхъ женщинъ.

Танцовщицы одѣваются въ женское платье. Ихъ съ молодости приучаютъ подражать женскимъ манерамъ. Они часто составляютъ странствующія труппы, которыя даютъ свои представленія вѣдь открытымъ небомъ.

Въ двухъ миляхъ отъ города, выше по Джелуму, лежитъ Нампуръ. Передъ вѣздомъ въ городъ находится прудъ, на серединѣ котораго выстроены храмъ. Стилемъ своимъ этотъ храмъ отличается отъ прочихъ храмовъ Индіи. Кровля его наклонна, между-тѣмъ какъ во всемъ Кашмирѣ крыши домовъ плоскія. Около пруда лежатъ колонны, остатки мечети, давно уже развалившейся. Въ развалинахъ гнѣздится множество змѣй.

Самый значительный городъ послѣ Кашмира—Исламабадъ. Здѣсь готовится множество шалей и особенно ковры, изъ «нату» особеннаго роду грубой ткани, изъ которой жители дѣлаютъ одежду. Дома деревянные, которыхъ кровли покрыты землею, растеніями и цвѣтами. Въ городѣ протекаютъ нѣсколько источниковъ; два изъ нихъ—сѣрные. Черезъ Джалумъ идетъ деревянный мостъ. Городъ и жители чрезвычайно грязны.

Вся страна между Кашмиромъ и Исламабадомъ—прелестна. Долины, пересѣкаемыя лѣсами, холмами, орошаемыя ручьями чистой воды, восхищаютъ взоръ, утомленный монотонностію видовъ. Въ Индіи справедливо называютъ Кашмиръ раемъ.

Въ двухъ миляхъ отъ Исламабада на плоскомъ возвышеніи находятся великолѣпныя развалины, покрытыя барельефами, изображающими множество тигровъ. Жители увѣряютъ, что эти памятники были воздвигнуты Куру и Панду, двумя фамиліями, которыхъ имена упоминаются въ санскритскихъ эпическихъ поэмахъ. Строеніе было окружено дворомъ. Ворота, превосходной архитектуры, тоже украшены барельефами. Стѣны сложены изъ огромныхъ тесаныхъ камней. Центральная зала очень мала и, вѣроятно, не была назначена для публики.

Къ сѣверо-западу лежитъ Моттонъ, гдѣ находится священный прудъ, окруженный домами, въ которыхъ живутъ

ширы. Въ храмѣ сохраняется Грива. Рыбы этого пруда считаются священными. Въ кашмирской долинѣ кишитъ множество ядовитыхъ змѣй; ужасною ихъ причиняеть смерть въ нѣсколько часовъ. Львы, тигры, медвѣди нападаютъ на стада даже въ деревняхъ. Другая язва Кашмира—это насѣкомыя. Около гора водится особеннаго рода маленькая муха, которая тысячами нападаетъ на людей и животныхъ. Въ малѣйшемъ ручейкѣ—вылетитъ тысяча пиявокъ, изъ которыхъ одна передала ядовита. Кашмирскіе мустии самое неопасное животное. На поляхъ и деревняхъ водится множество ядовитыхъ лицирицъ. Вообще край вреденъ для здоровья. Въ нивныхъ мѣстахъ свирѣдствуютъ злоначественныя лихорадки.

Почва Кашмира очень плодородна. Жатва собирается два раза въ годъ: хлѣбъ въ юнѣ, и рисъ въ октябрѣ. Каждое поле орошается источникомъ. Въ Кашмирѣ привезли всѣ европейскія плодотивыя деревья, исключая оливны. Виноградъ очень вкусенъ; вино же, которое изъ него готовятъ, никуда не годится. Сеяки очень любятъ его. Виноградъ и орѣхи, изъ которыхъ получается масло, составляютъ монополию губернатора. Въ Кашмирѣ растутъ осина, тополи, ива и вязъ. Чинары достигаютъ необычайной толщины. Но нѣтъ ни дубу, ни буку. Жители не любятъ картофелю. Пенька и овесъ считаются дикими растеніями. Ленъ воздѣлывается только для сѣмани, изъ котораго дѣлаютъ масло.

Кашмиръ рай для Индіи, но адъ для несчастныхъ его обитателей. Трудно представить себѣ бѣдность земледѣльцевъ и притѣсненія, которымъ они подвержены. Большая часть изъ нихъ живутъ подданствомъ. Они находятъ выгоднѣе просить милостыню, чѣмъ работать. Языкъ Кашмирцевъ почти санскритскій.

Дели, одинъ изъ городовъ самыхъ богатыхъ археологическими памятниками индійскими и мусульманскими. Кузетъ—высочайшая колопна въ мірѣ. Она выстроена изъ розовыхъ и бѣлыхъ камней, и покрыта арабскими надписями. Властитель Дели называется еще и теперь царемъ царей, но, на самомъ дѣлѣ, онъ покорный вассалъ Коминдіи.

На дорогѣ вдали отъ деревень вербуются удивительныя

хижины. Обитатели ихъ шары. Весь день они сидятъ дома; ночью выходятъ искать пищу между падалью. Ничтѣ не можетъ быть отвратительнѣе этихъ несчастныхъ, грязныхъ и оборванныхъ, которые живутъ среди нечистоты.

При входѣ въ Рио-Джанейрской заливъ находится множество острововъ; самый высокій изъ нихъ — Крутой Островъ; онъ имѣетъ видъ стога сѣна. Берега ихъ очкомъ круты. Въ портѣ Рио-Джанейро дуютъ постоянные вѣтры съ моря и съ земли: съ моря днемъ, съ земли ночью. Приходящіе военные корабли запасаются водою, покупая ее изъ казенныхъ водохранилищъ. Здѣсь можно найти все плоды тропическихъ странъ и часть европейскихъ; привозимыхъ изъ Монте-Видео и съ береговъ Ла-Платы. Рио-Джанейрскій заливъ изобилуетъ рыбою и устрицами.

Входъ въ гавань защищаетъ фортъ Санта-Крусъ. Вдоль берега идетъ рядъ прелестныхъ дачъ. Видны красивыя дома, монастыри, церкви съ высокими колокольнями и, наконецъ, форты. Все это утопаетъ посреди очаровательной растительности, неизвѣстной на сѣверѣ.

Влѣво надъ часовнею «de la Gloria» и надъ укрѣпленіями Вильеганьонъ, взоръ открываетъ монастыри, церкви, пальмовыя деревья, водопроводы и множество домовъ. Видъ очаровательный—это городъ Рио-Джанейро.

Бухта усеяна множествомъ острововъ; тысячи кораблей, шлюпокъ и другихъ судовъ, идущихъ во все стороны, поминутно встрѣчаются съ двумя пароходами, находящимися въ непрерывномъ движеніи. На островѣ «las Cabanas» подъ флагами всехъ европейскихъ государствъ, видны мачты нѣсколькихъ европейскихъ кораблей приписанныхъ въ Рио-Джанейро богатыя произведенія промышленности Староа Свѣту.

На второмъ и третьемъ планѣ видѣются горы, представляющія самыя чудныя и самыя живописныя формы: Между ними особенно отличаются своими острыми вершинами «Oguezes», горы, составляющія часть Кордильеровъ. Впрочемъ онѣ бывають видны только въ ясную погоду.

Поблизости сѣвномъ горы, напоминающія полярныя страны, ихъ вершины, лишенные всякой растительности, составляютъ рѣзкую противоположность съ палищимъ

зюсомъ равнины и превосходно воздѣланными окрестностями города.

Здѣсь взоръ встрѣчаетъ и простую пирогу—первый элементъ мореплаванія, и пароходъ—этотъ вѣнецъ человеческой изобрѣтательности; и едва прикрытаго узкимъ «шага» негра, типъ дикаго первоначальнаго человѣка, столь близко подходящаго къ скотамъ—рядомъ съ бѣлыми Европѣйцемъ, образованнымъ, учтивымъ, съ изящными манерами, одѣтымъ со всею изысканностію роскоши. Какая пропасть отдѣляетъ одного отъ другаго!

Городъ Рио-Джанейро, долгое время называвшійся Санъ-Себастьяномъ, лежитъ на западной сторонѣ залива. Онъ расположенъ на косѣ, вдающейся въ заливъ. Отъ этого онъ пріобрѣтаетъ всѣ выгоды пристани, къ которой почти всюду могутъ приставать суда всѣхъ возможныхъ размѣровъ: преимущество рѣдкое и драгоцѣнное, чрезвычайно облегчающее торговля дѣла.

Видъ города со стороны гавани великолѣпенъ и живописенъ. Къ несчастію, внутренность города далеко не оправдываетъ ожиданій. Въ Рио-Джанейро нѣтъ ничего, что бы поражадо путешественника: ни дворцовъ, ни великолѣпныхъ памятниковъ; самыя замѣчательныя зданія — монастыри и церкви. Городъ, исключая одного квартала, расположенъ неправильно; улицы однако жъ болѣею частію прямыя; дома, маленькіе и низкіе, почти всѣ въ одинъ этажъ, рѣдко въ два. Бразилія сохранила въ своей архитектурѣ воспоминаніе о Португальцахъ, своихъ первыхъ поселенцахъ; арабскій вкусъ встрѣчается всюду.

Число жителей въ Рио-Джанейро простирается до ста тысячъ; народонаселеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ классовъ, отличающихся происхожденіемъ, названіемъ и цвѣтомъ кожи. Этихъ классовъ обыкновенно считается одиннадцать: европейскіе Португальцы; бразильскіе Португальцы; мулаты, происшедшіе отъ бѣлаго и негртанки, метисы, дѣти бѣлаго и индіанки; чистые Индѣйцы; образованные Индѣйцы; дикіе Индѣйцы; африканскіе Негры; Негры, рожденные въ Бразиліи; метисы негртанской и мулатской породы, и метисы негртанской и индѣйской породы.

Подобная смѣсь различныхъ породъ, непрерывно встрѣчаемая на улицахъ, производитъ странное, но вмѣстѣ непріятное впечатлѣніе на зрѣніе, а еще болѣе на обоняніе. Высшіе классы во время зною, остаются дома; они выходятъ прогуляться только вечеромъ. Вечернія прогулки ведутъ свое начало отъ первыхъ поселенцевъ и удержались до нынѣ, несмотря на то, что въ нравахъ и обыкновеніяхъ Бразильцевъ произошла сильная перемѣна, всякой день приближающая ихъ къ Европейцамъ.

Эти прогулки любопытны порядкомъ, въ которомъ онѣ происходятъ. Когда бразильское семейство рѣшилось выйти погулять, всѣ члены его одѣваются извѣстнымъ образомъ. По знаку главы семейства двери открываются. Въ головѣ колонны идетъ кормилица съ груднымъ ребенкомъ; за нею служанка, ведя за руку дитя, отнятое отъ груди; далѣе слѣдуютъ прочіе дѣти, младшія впереди; наконецъ, идутъ въ-рядъ отецъ и мать; за ними иногда слѣдуютъ дѣдъ и бабушка. За господами идутъ въ стройномъ порядкѣ всѣ слуги, даже негрятки. Дамы, на этихъ прогулкахъ одѣваются очень нарядно: вѣрвь и вышитый платокъ — вещи необходимыя. Онѣ обыкновенно гуляютъ простоволосыя; на головѣ или позади ушей носятъ натуральные цвѣты. Платья всегда шелковыя, башмаки атласныя, голова покрыта мантильею, которая виспадаетъ по бокамъ. Эта мантилья должна быть черная кружевная или черная атласная. Нарядъ очень красивый; нѣкоторыя умѣютъ носить его чрезвычайно мило, но только очень молодыя женщины. Привычка не одѣваться цѣлое утро, лежать или сидѣть почти весь день по-турецки, на коврѣ или рогожахъ, располагаетъ ихъ къ тучности и скоро портитъ ихъ талию.

Первоначальныя португальскіе нравы Бразильцевъ измѣнились, обезобразились даже распутною жизнію поселенцевъ и смѣшеніемъ породъ индѣйскихъ и африканскихъ. Этихъ смѣшенныхъ породъ столько, что въ городѣ на одно бѣлое лицо встрѣчается по-крайней-мѣрѣ тридцать цвѣтныхъ.

Бразильское общество, втеченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ сдѣлало огромные успѣхи: оно очевидно сближаетъ

ея съ европейскимъ. Дѣйствіе воспитаніе и образованность сдѣлались всеобщими; вещь рѣдкая дѣтъ двадцать тому назадъ. Императорскій дворець, несмотря на свое громкое названіе, больше похожъ на казарму. Это зданіе вовсе не соответствуетъ своему назначенію. Императорская фамилія обыкновенно живетъ въ Боа-Виста, въ двухъ миляхъ отъ столицы.

Театръ очень на дурень внутри; наружность его не имѣетъ ничего привлекательнаго; фасадъ тяжелый, украшенный только перистиллемъ. Въ немъ даютъ португальскія комедіи, итальянскія оперы и французскіе балеты.

Водопроводъ доставляетъ съ горы Корковадо на площадь «Самюса». Построенный въ простомъ, римскомъ вкусѣ, онъ состоитъ изъ двухъ рядовъ аркадъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ, и производитъ прекрасный эффектъ. Въ городѣ, кромѣ того, есть нѣсколько фонтановъ; самый замѣчательный изъ нихъ пирамидальной формы, находится на дворцовой площади.

Публичный садъ, расположенъ по берегу залива; онъ не великъ, но содержится очень чисто; кромѣ воскресенья, онъ почти всегда бываетъ пустъ.

Музеумъ, находящійся на Campo de Santa Anna, одной изъ красивѣйшихъ площадей въ Рио-Жанейро, не заключаетъ въ себѣ ничего достопримѣчательнаго. Онъ богатъ орнитологическими и минералогическими коллекціями; во всемъ прочемъ онъ бѣденъ. Его посѣщаютъ не многіе, и вообще въ Рио-Жанейро онъ, кажется, — безполезная роскошь.

Академія Художествъ — учрежденіе только что разсвакшующееся. Она имѣетъ очень небольшую коллекцію картинъ, и еще менѣе статуи.

Господствующее вѣроисповѣданіе — католическое; впрочемъ здѣсь есть одна протестантская церковь для иностранцевъ. Церкви и монастыри единственныя зданія, заслуживающія вниманіе путешественника, по своей архитектурѣ и великолѣпію. Во многихъ храмахъ есть статуи святыхъ, въ естественную величину, вылитыя изъ серебра и украшенныя драгоценными каменьями. Въ церквяхъ вовсе не видно мрамору, но зато онѣ украшены превосходною рѣзною работою.

Ріо-Жанейро центръ торговой дѣятельности Бразиліи. Недавно проложенная дорога ведетъ во внутренность страны до провинціи «Минас-Гераз.» На протяженіи этой дороги непрерывно возникаютъ новыя деревни; вновь воздѣлываемыя земли обогащаютъ этотъ край и безъ того уже пользующійся превосходнымъ климатомъ, плодородною почвою и безконечнымъ разнообразіемъ полезныхъ произведеній. Рѣки несутъ золото, драгоценныя камни, алмазы; лѣса изобильно снабжаютъ превосходнымъ строевымъ лѣсомъ. Другая, очень дурная дорога ведетъ изъ Ріо-Жанейро въ Санъ-Сальвадоръ или Багіо, древнюю столицу Бразиліи. Вообще въ Бразиліи дороги очень дурны: верблюдъ, эта водичая дорога пустыни, былъ бы здѣсь животною чрезвычайно полезнымъ.

Мелкая торговля въ Ріо-Жанейро въ рукахъ многочисленнаго класса негровъ и метисовъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ.

Въ сѣверной части Бразиліи лошади очень рѣдки: ихъ пригоняютъ съ береговъ Ла-Платы. Климатъ дѣйствуетъ на нихъ убійственно; въ Ріо-Жанейро лошади—предметъ роскоши.

Природа въ окрестностяхъ этого города самая роскошная, самая разнообразная и прелестная, какую только можно встрѣтить. Исключая дождливаго времени года, которое продолжается не болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, погода тамъ всегда прекрасная.

Отпаденіе Бразиліи, этой обширной и богатой португальской колоніи, отъ своей метрополи, несмотря на многие перевороты, теперь утвердилось окончательно. Оно отличается отъ отпаденія испанскихъ колоній тѣмъ, что Бразилія, въ своемъ императорскомъ домѣ приобрѣла такихъ влѣстителей, которыхъ окружаетъ любовью и почтеніемъ. Это семейство было, кажется, послано самимъ небомъ, чтобъ отвратить отъ Бразиліи ужасы анархіи и обуздать намѣренія второстепенныхъ честолюбцевъ, которые здѣсь, какъ и въ республикахъ Южной Америки, вѣроподобно стали бы оспаривать другъ у друга власть, жертвуя интересамъ края личнымъ выгодамъ. Мудрое законодательство, глубоко обдуманное во время малолѣт-

ства юнаго императора, обѣщаетъ ему и Бразильцамъ, истинное благополучіе, потому что ни одно изъ государствъ въ мірѣ не имѣетъ такихъ обширныхъ средствъ для счастливой будущности.

Чили тянется узкою полосею по берегу Южной Америки, прилегая западною стороною къ Тихому Океану; съ востоку его ограничиваютъ Кордильеры. Площадь, занимаемая этою республикою, простирается до тридцати тысячъ квадратныхъ миль. Эта страна окружена со всѣхъ сторонъ непреодолимыми естественными границами. Андскій Хребетъ, защищающій ее съ востоку, непроходимъ втеченіи большей части года. Юго-западные вѣтры дѣлаютъ невозможнымъ высадку на всемъ пространствѣ морскаго берега, исключая гавани и бухтъ. Атакамская степь охраняетъ ее отъ набѣговъ Перувианцевъ съ сѣверу, а съ югу сосѣди ея—малочисленные и робкіе обитатели Магеллановой Земли. Прибрежье этой страны, пересѣкается тремя цѣпями горъ, параллельными Кордильерамъ. Между этими горами находится множество плодородныхъ долинъ, орошаемыхъ превосходными рѣками и безчисленнымъ множествомъ ручьевъ. Внутренняя часть состоитъ изъ обширныхъ, роскошныхъ равнинъ, пересѣкаемыхъ небольшими холмами и пригорками, придающими новую красоту мѣстоположенію.

Пустынную часть Андскаго Хребта, находящуюся между 24° и 33° южной широты, населяютъ горцы, извѣстные подъ названіемъ Чиквианцевъ, Пегуенхцевъ, Пуальчей, Гуильчьевъ, коренныхъ Патагонцевъ.

Чили, собственно говоря, никогда не была покорена Испанцами: Индѣйцы усмѣшно защищали свою независимость, и сохранили ее до настоящаго времени во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ къ югу отъ рѣки Біо-Біо. Въ этой странѣ обитаютъ три различныя индѣйскія поколѣнія: Аураканцы, Чунчи и Гуильчи. Аураканцы занимаютъ земли, лежащія между рѣками Біо-Біо и Вальдивія. Эта страна состоитъ изъ превосходныхъ равнинъ, орошаемыхъ наилучшими рѣками во всемъ Чили. Вѣрившимся сове-

ицами Аураканцевъ, во время войнъ съ Испанцами, были Гуаичи, горные жители Кордильеревъ. Ныче эти два племени слились въ одинъ народъ. Чунчи, живущие вдоль морскаго берегу, между рѣкою Вальдивиа и архипелагомъ Чилое, народъ храбрый, воинственный, вѣрный союзникъ Аураканцевъ. Гунльчи, обитающіе, частью на равнинахъ, лежащихъ къ востоку отъ Чунчей, частью въ Кордильеревыхъ горахъ, къ югу отъ Пуульчей.

Чили прекраснѣйшая страна, не только въ Америкѣ, но даже въ цѣломъ свѣтѣ: такъ здѣсь хороши климатъ и плодородна почва, производящая всѣ роды зерноваго хлѣба, вино, маюла, пеньку, ленъ и всѣ плоды Европы и частью тропическіе. Жаръ и холодъ никогда не бывають чрезмѣрны. Въ Чили можно сказать, только два времени года: зима и лѣто. Начиная съ половины сентября до половины апрѣля, чистота и ясность воздуха удивительны. Между 24 и 36 градусомъ широты почти не бываетъ дождей. За 36°, гдѣ страна становится лѣсистоею, дожди бывають часто, даже лѣтомъ. Зимой они идутъ почти постоянно, особенно на материкѣ. Въ этихъ мѣстахъ дожди начинають идти съ конца апрѣля и продолжаются до сентября. Чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ рѣже идутъ дожди. Въ Вальпараисо лѣтомъ дождей почти не бываетъ, и они рѣдко идутъ зимою; на пятнадцать и даже двадцать ясныхъ дней едва-ли бываетъ три или четыре дождливыхъ.

Лѣтомъ росы падаютъ necessarily и совершенно замѣняютъ дожди. Въ прибрежныхъ мѣстахъ бывають часто туманы.

До прибытія Испанцевъ, Чилийцы не знали эпидемическихъ или веревчатыхъ болѣзней. Въ ихъ языкѣ не было даже слова для означенія оспы. Въ Чили не знаютъ никакихъ переметливыхъ лихорадокъ; единственная болѣзнь, известная здѣсь, это те, что мы называемъ гонохоромъ. Чилийцы называютъ ее *chavo-longo*. Въ Чили было можно увидѣть горбачаго или хромцаго. Здѣсь не вѣданы ни золотуха, ни проказа. Зато многіе страдаютъ зобомъ, особенно въ Сантъ-Яго и въ мѣстахъ, соседственныхъ съ Кордильерами.

Одно изъ важнѣйшихъ бѣдствій, которому подвержены Чилійцы—это землетрясенія. Этотъ страшный феноменъ повторяется очень часто и въ неопредѣленные эпохи. Землетрясенія обыкновенно предшествуютъ покойное, но тяжелое состоянiе воздуха, возбуждающее особаго рода неопредѣлимое чувство страху въ туземцахъ; въ этомъ отношенiи они обладаютъ чрезвычайно нѣжною чувствительностью; животные еще лучше предчувствуютъ бѣдственную катастрофу; они становятся безпокойными, птицы улетаютъ въ испугъ.

За нѣсколько секундъ до потрясенiя, въ воздухѣ слышится шумъ, похожiй на полетъ птицъ или на трескъ пламени. Передъ сильными ударами и послѣ нихъ обыкновенно чувствуются легкiя потрясенiя.

Замѣчательно, что въ Чили чрезвычайно рѣдко бываютъ грозы. Господинъ Дюнетт-Туаръ втеченіи трехъ лѣтъ, слышалъ громъ только одинъ разъ въ Вальпарайсо, и ни разу въ другихъ мѣстахъ Чили и Перу.

Чилійская провинція Чилое составляетъ архипелагъ, изъ одного большаго и шестидесяти-трехъ малыхъ острововъ. Изъ нихъ обитаемы только тридцать шесть. Народонаселеніе этой провинціи въ 1839 году простиралось до 43,892 душъ. Главный городъ Кастро. Климатъ Чилое нельзя назвать суровымъ: вода заморазаетъ рѣдко, снѣгъ иногда идетъ, но тотчасъ таетъ; климатъ испрѣклетъ только своею сыростью.

Къ сѣверу отъ Чилое находится провинція Вальдивія, съ главнымъ городомъ того же имени. Улицы въ этомъ городѣ, какъ и во всѣхъ испанскихъ городахъ Нового Свѣта, пересѣкаются подъ прямыми углами, но не вымощены. Жители этой страны усѣбно занимаются скотоводствомъ. Въ Вальдивіи вовсе нѣтъ ходячей монеты; серебро очень рѣдко: всѣ дѣла производятся ифномъ; въ малой торговлѣ употребляютъ кусочки кожи съ гербомъ правительства, какъ наши ассигнаціи. Портъ Вальдивія, собственно «Корралъ», лежитъ на правой сторонѣ залива. Онъ защищенъ отъ всѣхъ вѣтровъ, но не просторенъ.

Портъ Вальпарайсо, посѣщается кораблями болѣе про-

чехъ портовъ на этомъ берегу: онъ обязанъ этимъ доро-
гѣ Сантъ-Яго, ведущей въ столицу. Это единственный
путь, по которому товары могутъ удобно быть перемо-
щены во внутренность края. Вся иностранная торговля
производится черезъ этотъ портъ.

Въ торговомъ отношеніи Вальпарайсо одинъ изъ са-
мыхъ важныхъ пунктовъ: онъ есть складочное мѣсто
всей торговли Великаго Океана. Ни одно судно, прихо-
дящее въ Тихое Море, для торговли съ западными бере-
гами Америки и Сандвичевыми островами, Калифорнію,
Мавенною или Новою Голландією, не минуешь этого пор-
та.

Вальпарайсо построено при подножіи горъ, доходящихъ
до самаго залива, который онъ защищаютъ отъ юго-
западныхъ и западныхъ вѣтровъ. Городъ состоитъ изъ
одной улицы и одной площади. Горы окружающія его,
встрѣчаясь другъ съ другомъ образуютъ многія рытвины,
которыя здѣсь называются «quebradas»; на склонахъ ихъ
встрѣчаются небольшіе домики. Сообщенія между этими жи-
лищами производится посредствомъ едва проходимыхъ
троинокъ или по лѣстницамъ.

Домики выдѣлены извѣстью; большая часть изъ нихъ
состоитъ изъ одной комнаты. Эти многочисленныя жи-
лища занимаются дѣлательнымъ и трудолюбивымъ клас-
сомъ работниковъ. Quebradas составляютъ настоящія
предѣла города.

Въ самомъ городѣ наводятся прекрасныя лавки, совѣмъ
возможными товарами. Въ Вальпарайсо есть множество
кунтесскихъ конторъ французскихъ, англійскихъ, амери-
канскихъ, шведскихъ. Число этихъ домовъ довольно ве-
лико, такъ, что каждая нація составляетъ независимыя об-
щества, охраняющія свои національныя нравы, вкусы,
привычки и характеръ.

Общество въ Чили очень образованное и пріятное.
Чилійскія дамы слѣдуютъ французскимъ модамъ, съ боль-
шею точностію, нежели даже многія французскія. Чиліян-
ки вообще высоки ростомъ и стройны; замѣчательны чрез-
вычайною свѣжестью и бѣлизною лица и прекраснѣйшими
глазами; для поддержанія своихъ черныхъ, длинныхъ во-

лось онѣ употребляютъ по два и по три гребня. У молодыхъ Чилинокъ зубы хороши, но у взрослыхъ они портятся отъ употребленія «мате» или настойки парагвайской травы, которую пьютъ всякую. Чилийскія женщины носятъ очень короткія платья, изъ-подъ которыхъ видна прекрасная, тщательно обутая ножка.

Очень недавно еще ни одна порядочная здѣшняя женщина не рѣшилась бы выйти даже на улицу иначе какъ въ атласныхъ башмакахъ. Въ Чили всѣ женщины, на какомъ бы классу онѣ ни принадлежали, непремѣнно должны нѣтъ на плечахъ шаль, на прогулкѣ, дома, на вечерѣ, на балѣ, однимъ словомъ, вездѣ. Онѣ рѣдко снимаютъ шаль даже, когда танцуютъ. Этотъ граціозный нарядъ носится нѣсколько иначе нежели въ Европѣ.

Другое обыкновеніе въ Чили, заимствованное отъ Испанцевъ, состоитъ въ томъ, что всѣ женщины носятъ въ волосахъ нѣтъ. Чилиянки для этого преимущественно употребляютъ жасмины, гвоздику и другіе пушцовато нѣтъ.

Изъ Чили въ Сантъ-Яго путешествуютъ обыкновенно или верхомъ, или въ кабриолетѣ, *bestiocho*. Саратаз или подрядчикъ беретъ на себя отвѣтственность за безопасность путешественника передъ полиціею: онъ, такъ сказать, застраховываетъ его отъ убійцъ; онъ глава конноко, стражъ путника. Саратаз такъ же необходимъ въ Чили, какъ переводчикъ на Востокѣ.

Вотъ какимъ образомъ господинъ Дюпети-Туаръ описываетъ свою поѣздку въ Сантъ-Яго. «Въ пять часовъ поутру явился ко мнѣ саратаз человекъ лѣтъ тридцати, прекрасной наружности, верхомъ на славной лошади, хорошо вооруженный. Мы сѣли въ кабриолетъ и отправились. Лошади шли галопомъ, несмотря на рытвины и на горы. Когда мы поднялись на горы, господствующія надъ городомъ, солнце почти уже сѣло. Городъ, гавань, берега залива, находящіеся подъ ногами нашими, туманные въ полу-прозрачномъ вечернемъ воздухѣ, въ торжественную минуту заката солнца, представляли очаровательную, живописную картину. Вскорѣ на встрѣчу намъ показалось около дюжины или пятнадцати дикихъ лошадей, которые гнались передъ собою мальчикъ. Онъ былъ одѣтъ въ ошиваѣ

рису съ бѣлыми полосками; на головѣ у него была периковая шляпа, похожая на сахарную голову, съ широкими полями. Въ рукѣ онъ держалъ lazzo, длинную, сажень въ двадцать пять веревку, сплетеную изъ ремней, съ петлею на концѣ. Онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и ловкостью владелъ этимъ орудіемъ, столь опаснымъ въ рукахъ диаволовъ или чилийскихъ мужиковъ. Впослѣдствіи я узналъ, что эти лошади назначались на подставу для насъ же. Нашъ саратаз вскорѣ пропалъ изъ виду. Среди глубокаго мрака, который окружалъ насъ, почтальонъ сбился съ пути. Долго мы блуждали на обширной равнинѣ, но наконецъ зашѣвелили огонекъ, который, по словамъ нашего почтальона, былъ разложенъ какимъ-нибудь извозчикомъ. Догадка эта оправдалась: въ самомъ дѣлѣ на разложенномъ огнѣ варился ужинъ для всей семьи извозчика, котораго огромная телега, была въ то же время и жилищемъ его семейства.

«Мы отыскиали дорогу. Вскорѣ явился и саратаз. Въ полночь мы пріѣхали въ деревню, Сава Власа; она лежитъ на половинѣ пути отъ Вальпараисо въ Сантъ-Яго. Послѣ ужина въ трактирѣ, содержимомъ Италіяномъ, намъ отвели для ночлегу, какіе-то крошечные чуланчики, безъ оконъ и печей.

«Отвратительныя постели, тысячи несносныхъ насѣкомыхъ не дали намъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Когда намъ пришлось перемѣнять лошадей, то мальчикъ, о которомъ я говорилъ, искусно накиннулъ свой lazzo на шею одной изъ дикихъ лошадей, и тотчасъ же привелъ ее къ верёвкѣ. Саратаз набросилъ ей на голову свой рандо и немедленно задремалъ въ оглобли. Отпряженные лошади, шовалывшись въ пыли, весело приеоединились къ табуны. Мы быстро спустились съ отлогости горы Сапата въ долину Сакон Сигасабу, и вскорѣ достигли до берегу рѣчки Esbeto de Sigasabu, которую переѣхали въ бродъ. Недалеко отсюда мы встрѣтили огромную повозку, похожую на небольшой домикъ, поставленный на двухъ колесахъ. Она была запряжена быками; съ каждаго боку ея было по чегъре окна; дверь находилась сзади. Въ этомъ чудномъ экипажѣ помещалось нѣсколько молодыхъ людей и дамъ,

которые ѣхали неѣли на двѣ въ Вальпарайсо повеселиться, погулять, покушаться, потанцовать. Этого роду *parties de plaisir* въ большомъ обыкновеніи въ Чили. Для такого путешествія «на долгу», надобно завести съ собой необходимую провизию. Путешественники останавливаются для обѣды или ужина въ какомъ-нибудь живонномъ мѣстѣ, удобно также для пастбища быковъ. Эти мѣста называются у Чилийцевъ «*Alajamientos*», то есть, квартирами странниковъ.

«Въ часъ мы пріѣхали въ Бустамента. Это послѣдняя станція передъ Сантъ-Яго, куда мы прибыли черезъ пять часовъ времени. Городъ Сантъ-Яго столица Чили, построенный при подошвѣ западной отлогости Кордильероу, основанъ въ 1541 году Петромъ Вальдивіа, завоевателемъ этой страны. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу *Rio Mapocho*. Эта неглубокая рѣчка, зимою, во время проливныхъ дождей и лѣтомъ послѣ таянія снѣговъ, превращается въ бурный потокъ, который могъ бы надѣлать вреда городу, если бы онъ не былъ защищенъ плотиною. На этой стѣнѣ, называемой «*Tajama*,» устроено гульбище. Съ плотины видно все теченіе рѣчки, на которой находится каменный мостъ, соединяющій Сантъ-Яго съ предмѣстіемъ «*Cinaba*». Сантъ-Яго выстроенъ правильно; улицы пересѣкаются подъ прямыми углами. Осемьдесятъ квадратовъ, образуемыхъ улицами, длиною въ 65 сажень, застроены домами, у которыхъ обыкновенно съ одной стороны садъ, съ другой дворъ. Въ Сантъ-Яго одна только площадь, занимающая около шести тысячъ квадратныхъ сажень. На эту площадь выходитъ семь улицъ. На сѣверной сторонѣ находится дворецъ президента, *Sabido* и Судная Палата; на западной—соборъ и домъ архіепископа, на южной—краткая галерея, гдѣ помѣщаются магазины. Восточная часть занята кофейнями и *salas de posta*, то есть, гостиницами. На серединѣ площади возвышается прекрасной архитектуры фонтанъ.

Народонаселеніе города съ предмѣстіями простирается до пятидесяти тысячъ душъ. Въ Сантъ-Яго видно очень мало негровъ, и число ихъ уменьшается ежедневно. Рынокъ окруженъ крытыми галереями. Булеваръ Каньяда занимаетъ южную часть города; онъ идетъ отъ востоку къ

заниду. Середина обсажена двумя рядами деревьевъ. Отъ улицъ онъ отдѣленъ небольшою стѣною. На улицахъ, исключая тѣхъ, которыя прилегаютъ къ дворцу президента, замѣтно мало движенія: онѣ вообще кажутся пустыми; чрезвычайная правильность ихъ дѣлаетъ городъ монотоннымъ. Вообще въ Сантъ-Яго мало примѣчательнаго.

Заливъ Каллао изобилуетъ рыбою; особливо небольшою проливъ Боверонъ. Во время прохождения сарделей, онъ постоянно покрытъ безчисленнымъ множествомъ всякаго рода морскихъ птицъ. Заливъ Каллао очень безопасенъ. Мало примѣровъ, чтобы суда подверглись въ немъ крушенію. Эти случаи чрезвычайно рѣдки, и зависятъ отъ особенныхъ обстоятельствъ, такихъ, напримѣръ, какъ землетрясеніе, разрушившее старый городъ Каллао. Во время этой страшной катастрофы, море, отхлынувъ отъ береговъ, оставило сухою большую часть гавани. Наконецъ ринулось со всею яростію на городъ и затопило почти всѣхъ его жителей; суда, которыя въ это время стояли на якорѣ, были брошены на берегъ. Увѣряютъ, что одинъ галіотъ былъ отнесенъ водою за цѣлую милю отъ берегу, въ направленіи къ небольшому мѣстечку Bella Vista. Кажется, что при этомъ несчастіи, земля осѣла, потому что къ юго-западу отъ нынѣшняго городу, при отливѣ видны бывають развалины втораго города. Старый Каллао, который возвышался небольшою какъ на саженъ противъ горизонта высокой воды, былъ окруженъ стѣнами, укрѣпленными бастіонами. Подъ стѣнами находились двѣ индійскія деревни, составлявшія предмѣстя. Въ старомъ Каллао было нѣсколько церквей, дворецъ вице-короля и складочные магазины. Народонаселеніе простиралось до трехъ тысячъ душъ.

Въ нынѣшнемъ Каллао считается до трехъ сотъ домовъ. вдоль его кривыхъ улицъ тянутся домики, выстроенные изъ бамбуку, покрытые составомъ изъ глины и соломы. Всѣ они одноэтажные и выбѣлены известью. Впрочемъ, около порта начинаютъ строиться красивые деревянные и каменные дома. Улицы не вымощены и покрыты пылью очень непріятнаго запаха. Рынокъ хорошо снабженъ необходимыми припасами, которые однако жъ доставляются изъ

Литы. Народонаселеніе Маллао простирается до дванадцати тысячъ чловѣкъ.

Республика Перу, состоящая почти изъ всѣхъ частей древней имперіи Инковъ, занимаетъ огромное пространство; она идетъ отъ рѣки Тумбесъ до рѣки Манара и отъ Амазонской рѣки до границъ Бразиліи. Перувианскіе Штаты занимаютъ пространство въ 45,000 квадратныхъ миль; поверхность Боливіи около 40,000.

Климатъ въ этихъ штатахъ чрезвычайно разнообразенъ; многочисленныя и разнородныя земныя произведенія составляютъ неисчерпаемый источникъ богатства для этого края. Здѣсь воздѣлываютъ табакъ, сахарный тростникъ, клоччатую бумагу, какао, кофе, зерновой хлѣбъ, ячмень, ваниль, корицу, перецъ, рисъ, кешолю, виноградъ, маслины; разводятъ козениль; въ горахъ собираютъ хину. Этотъ благословенный край производитъ воскъ, смолы, камеди, и множество лекарственныхъ растений. Почва, по эту сторону Андозъ, то есть, отъ веря до Кордильерозъ, совершенно безплодна; но причиною песчаного грунту земли и по недостатку воды, эта часть перувианскихъ владѣній, неспособна къ растительности; зато по ту сторону Кордильерозъ растительность чрезвычайно сильна. Многочисленныя стада лошадей и рогатаго скота, литы, вигони и шиниллы составляютъ исключительный источникъ богатства этого края.

Въ Перу находятса множество рудниковъ золотыхъ, серебряныхъ, и другихъ металловъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія въ Перу считалось уже шестьсотъ семьдесятъ золотыхъ рудниковъ, не считая золотомосныхъ россыпей, и ртутныхъ и серебряныхъ рудниковъ. Ртутный рудникъ Хуанкавелика, особенно замѣчательенъ богатствомъ своихъ произведеній. Одинъ Перу, не считая Потози, доставлялъ Испаніи ежегодно до шести милліоновъ піастровъ. Нынче однако жъ драгоценныхъ металловъ добывается не болѣе какъ на четыре милліона.

Народонаселеніе Перу и Боливіи простирается до милліона трехъ сотъ тысячъ душъ. Двѣ трети этой массы составляютъ осѣдлые туземцы, остальная часть состоитъ

изъ потемнозъ Европейцевъ, различныхъ породъ, потемнозъ и. погрешъ.

Въ зимнее время торговля Перу простирается на сумму до семи милліоновъ піастровъ. Болвній потребляетъ ежегодно на два милліона европейскихъ товаровъ, половина которыхъ доставляется черезъ портъ Кембика а другая черезъ портъ Арика. Доходы Болввіи въ обыкновенное время простираются до двухъ милліоновъ піастровъ; доходы южнаго Перу до полутера милліона, а сѣвернаго Перу до милліона семи сотъ тысячъ. Національный долгъ Болввіи не превышаетъ пяти сотъ тысячъ піастровъ. На Перу, напротивъ, лежитъ внѣшній долгъ Англій въ три милліона сто семьдесятъ восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ; національный долгъ, сдѣланный во время испанскаго владычества, доходитъ до десяти милліоновъ піастровъ.

Ворота Лимы прекрасной архитектуры. Къ несчастію, за ними идетъ улица, обстроенная недоконченными, полуразваливающимися домами. Она покрыта толстымъ слоемъ мелкой, воющей пыли. Немного далѣе начинаютъ показываться дома по-красивѣе, но внѣшній видъ улицы освѣтается печальнымъ. Эти дома, болшею частию одноэтажные, почти всегда съ садами; Лима лежитъ въ двухъ миляхъ отъ моря, при входѣ въ глубокую долину, образуемую горами Андокъ, называемою Римапъ, гдѣ течетъ рѣка того же имени. Городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Дворцовая площадь самая большая въ Лимѣ. Въ городѣ семь приходскихъ церквей, и нѣсколько монастырей. Простой народъ въ Лимѣ страстно любитъ божьихъ быковъ; при недостаткѣ этого роду зрѣлищъ пѣтушья божья составляютъ любимую забаву черни. Въ Лимѣ одна только мостъ, каменный, черезъ Римапъ.

Лимскія женщины имѣютъ особеннаго роду костюмъ для прогулки пѣшкомъ; этотъ нарядъ употребляется только въ Лимѣ, Ареквица и Трухильо. Онъ называется *la saya* или *saya y mantó*, и состоитъ изъ двухъ частей: юбки *saya*, охватывающей талию и нисходящей до ступени, и мантильи *mantó*. *Saya* дѣлается изъ шелковой матеріи. Она вся въ складкахъ, съ верху до низу. *Saya* очень узка, и такъ плотно обхватываетъ тѣло, что кажется будто ноги свя-

этимъ. *Maño*, тоже обхватываетъ стволъ, около котораго удерживается снуркомъ. *Maño* имѣетъ камешкомъ, котораго надѣвается на голову и образуетъ некотораго рода вѣшь. *Saya* можетъ быть какаго угодно крѣту: *maño* совершенно черная, шелковая. Женщину въ этомъ нарядѣ трудно узнать: это вѣрно въ родѣ постоянного намерзну. Съ женщиною въ такомъ нарядѣ можетъ говорить, кто захочетъ. Для путешественника этотъ костюмъ кажется чрезвычайно страшнымъ. Англичане и другіе иностранцы успѣли уговорить своихъ жемъ отказываться отъ этой одежды.

Лима, подобно всѣмъ городамъ Перу, Чили, Боливин и всей Южной Америки, подвержена землетрясеніямъ. Они случаются здѣсь во всякое время года; ничто не предвѣщаетъ ихъ. Любопытное зрѣлище видѣть Лиму во время землетрясенія. Улицы, обыкновенно пустыя, въ одно мгновеніе наполняются людьми, часто въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ ихъ застала катастрофа. Одни бросаются на колѣна, бьютъ себя въ грудь, кричатъ *sea cuira*, другіе публично исповѣдуютъ грѣхи свои, между-тѣмъ, какъ мошенники, менѣе пугливые, пользуются всеобщимъ смятеніемъ, проникаютъ въ дома и крадутъ. Это картина чрезвычайно оживленная и разнообразная. Совершенно иное зрѣлище представляетъ Лима взорамъ путешественника въ праздничные дни: въ Лимѣ обычай, что всѣ люди, находящіеся на улицѣ, въ то время, когда звонятъ «*Angelus*» останавливаются и снимаютъ шляпы, при первомъ ударѣ колокола. Обыкновеніе это однако жъ мало-по-малу теряется.

Маркизскіе Острова состоятъ изъ двухъ ливственныхъ группъ. Они названы такъ испанскимъ мореплавателемъ Менданою въ честь маркиза Мендосы, бывшаго, въ 1595 году, вице-королемъ перувианскимъ. Южная группа состоитъ изъ пяти острововъ: острова Магдалены или Огитаона; Христіны или Огитао; Санъ-Педро или Огатаона; Доменика или Огиваоа, и Гуда или Фету-Хугу.

Острова Гудъ, открытые въ 1774 Кукомъ, и Санъ-Педро необитаемы; островъ Магдалены имѣетъ отъ двухъ до

три тысячи жителей; островъ Доминика до шести, а островъ Христины до тысячи жителей.

Сѣверная группа состоитъ изъ шести острововъ: Роа-Цуа, Роа-Гута, Нукагива, Чанала, Массе, и Гергеста. Обитаны только три первые. Нукагива самой большой и наиболее извѣстный островъ во всей группѣ.

Господинъ Дюпети-Туаръ, описывая свое пребываніе на Маркинскихъ Островахъ, говоритъ:

Линь-только «Венера» бросила якорь въ Заливъ Мадри de Dies, несмотря на дурную погоду, король Ютати явился на фрегатъ. Въ обращеніи его не было ничего страннаго; онъ никому не надоѣдалъ, осматривалъ все очень внимательно, и старался всячески не сдѣлать намъ ничего непріятнаго.

«Сначала мнѣ казалось страннѣе видѣть за моимъ столомъ двухъ колоссовъ, (потому что, первый министръ когда не покидалъ своего повелителя) совершенно нагихъ, расписанныхъ съ головы до ногъ, самыми странными, чудовищными узорами. Справедливо говорить, что татуировка скрываетъ наготу; оригинальность рисунка, занимая вниманіе, производитъ эффектъ костюма.

«Слѣдуя древнему обыкновенію полинезийскихъ острововъ, я тотчасъ поѣхалъ съ нимъ имениемъ; съ этой минуты онъ мнѣ ни въ чемъ не отказывалъ. Я сдѣлалъ колонию острова, залива, и сверхъ-того госпожи Ютати, которая на другой день явилась ко мнѣ напомнить, что я былъ Ютати. Я принялъ ее очень вѣжливо, но, разувѣлся, не употребилъ во зло благосклонности добраго короля.

«Король явился къ намъ въ полномъ парадѣ. Волосы его были связаны въ пучокъ, на макушкѣ, прочія части головы были выбриты. На немъ былъ огромный *маро*, шитіа, сдѣланная изъ красной фланели и лежавшая на плечахъ. Королева была одѣта чрезвычайно изысканно: на ней было мериновое зеленое платье, подаренное ей протестантскими миссіонерами и сверху его плащъ изъ *та-ли*. Ноги и руки были голыя и татуированныя. Королю я подарилъ саблю съ вызолоченными ножнами; королевѣ, красную бумажную занавѣску съ окна.

«Дворецъ короля — простая хижина, ошкони́ дощамъ въ длину и двухъ съ половиною въ ширину. Она стоитъ на берегу, и окружена огромными доромьями. На ошкони́-стахъ этого жилища полъ нѣсколько возвышенъ; эти двѣ платформы, кажется, исключительно назначены для короля. Средняя часть хижины раздѣлена въ длину на двѣ равныя части. Полъ боковыхъ частей покрытъ высушенными травами; на нихъ расстилаются рогожи. Въ передней части, полъ ни чѣмъ не покрывъ; тутъ стоятъ деревянные сосуды въ которыхъ хранятся провизія и готовится «роро».

Войдя въ первый разъ въ этотъ странный дворецъ, я нашелъ тамъ королеву, ея дочерей и нѣсколькихъ женщинъ. Онѣ лежали на рогожахъ, закутанныя въ куски таны. На противоположной сторонѣ, на камняхъ сидѣло нѣсколько другихъ женщинъ. Король представилъ меня королевы и своимъ дочерямъ. Онъ поклонился мнѣ діадему изъ нѣтушьяхъ перьевъ. Разговоры происходили черезъ посредство нашего лейбмана Робинсона.

«Король много распространялъ меня о Франціи, ея императорѣ, народонаселеніи, о числѣ кораблей, подобныхъ «Венерѣ». После́ мы пошли прогуляться по деревнѣ; она состояла изъ тридцати хижинъ, разбросанныхъ по берегу. Число жителей этой деревни простиралось до двухъ сотъ, между которыми находилось около дюжины Англичанъ, Испанцевъ и Французовъ.

«Я не замѣтилъ ничего достойнаго вниманія, исключая «вория» или гробницы, въ которой сохраниваются смертные останки одной изъ женъ короля. Этотъ надгробный памятникъ былъ не что иное, какъ простой сарай, открытый съ трехъ сторонъ. Крыша поддерживалась четырьмя столбами, выработанными красною и желтою краскою. Къ этому мѣсту запрещено было подходить; вращеньемъ, отвратительный запахъ и безъ того отнималъ всякую къ тому охоту.

«Хижины выстроены на болѣе или менѣе возвышенныхъ платформахъ изъ высушенной глины. Всѣ онѣ обращены отъ сѣвера къ югу, и открыты съ западной стороны. Нѣкоторыя изъ нихъ окружены стѣною изъ высушен-

вой гнѣвы, вышнкою въ пол-сажени. Онѣ отличаются другъ отъ друга только величиною размѣровъ; вообще наружность ихъ жалкая, и онѣ не работъ и чистотѣ гораздо ниже хижинъ, видѣнныхъ мною на Сандвичевыхъ Островахъ.

«Пирѣги здѣшнія не могутъ выдерживать сравненія съ тѣми же судами другихъ островитянь Полинезій. Онѣ очень грубой работы. Искусство строить ихъ терлется съ каждымъ днемъ. Теперь каждый островъ имѣетъ не нѣскольکو китоловныхъ лодокъ, куленныхъ, или похищенныхъ съ китоловныхъ судовъ, которыя закупаютъ въ этотъ архипелагъ за свѣжою провизією. Полинезскіе островитяне предпочитаютъ эти суда своимъ собственнымъ.

«Цѣновки приготовляемыя жителями Маркизскихъ Острововъ не такъ тонки и не такъ красивы, какъ тѣ, которыя дѣлаются западными островитянами. Ихъ оружіе также не столько хорошо отдѣлано. Зато маркизскіе островитяне мастерски готовятъ свои палицы, шпелы, деревянную утварь, въ которой хранятся провизія, и дѣлаютъ «пюнон». На пирѣги и хижины употребляется клѣбкое дерево. Изъ казуариноваго дерева дѣлаютъ оружіе, а изъ Самбуку сосуды для храненія воды и комосоваго масла. Палицами и тѣпая, называемую тана, ткутъ женщины; мужчины дѣлаютъ омакала, пирѣги и тому подобнае.

«Я замѣтилъ, что молодые люди были мало татуированы. Кажется, что и это обыкновеніе мало-по-малу исчезаетъ. У молоденькихъ дѣвушекъ, довольно красивой наружности, руки и ноги были татуированы».

На Маркизскихъ Островахъ, несмотря на ихъ вулканическое происхожденіе, нѣтъ ни одного дѣйствующаго вулкана. Самыя высокія горы находятся въ серединѣ острова; отъ этихъ главныхъ горъ идутъ вѣтви, распространяющіяся въ различныя стороны и образующія небольшія долины, болѣе или менѣе плодородныя и занимаемыя различными племенами. Эти племена ведутъ другъ съ другомъ вѣчную войну за лучшія земли, за лѣса, произрастающіе клѣбканы и кокосовыя деревьями, за богатый водою ручей. Жителямъ Маркизскихъ Острововъ незнаема никакая форма правле-

кия: каждой племи живетъ независимо одно отъ другаго; для нихъ существуетъ одинъ законъ—право сильного. Единственное отличительное званіе, это «Арики» которое можно перевести словомъ король или начальникъ. Между та-кими «арика» нѣкоторые своимъ мужествомъ, личными достоинствами, успѣхами на войнѣ, приобретаютъ дѣйствительное превосходство; они называются Арики-нуи, то есть, главными начальниками: ихъ бываетъ по нѣскольку въ одной долинѣ. Ни одинъ изъ нихъ, не получаетъ ничего къ ни какой подати. Въ случаяхъ военныхъ, ихъ мѣсто или желаніе уважается прочими. Никакое «табу» или запрещеніе, не произносится безъ ихъ уцалгіа.

Жители Маркизовскихъ Острововъ, кажется, не имѣютъ никакой религіи. Впрочемъ на праздникахъ, нѣкоторые изъ нихъ одѣваются отличными отъ другихъ образами, и сопровождаютъ свои пляски особеннаго роду жестами поводящими на заклинанія. Эти жрецы, волхвы или волшебники, имѣютъ большое вліяніе на народъ. Они-то произносятъ табу, которымъ бывають частныя и общія; если на-то согласенъ прочіе начальники. Табу—единственные законы, которые извѣстны всѣмъ и которыхъ всѣ соблюдаютъ.

Войны между племенами этого Архипелага ведутся безъ всякаго порядка, безъ малѣйшей тактики. Войскъ дѣйствуетъ какъ хочетъ. Если въ дѣлѣ убито пять или шесть человѣкъ, то это число считается значительнымъ. Обыкновенно та сторона, которая потеряла наибольшее число воиновъ, проситъ миру и оставляетъ долину.

Главную пищу жителей Маркизовскихъ Острововъ составляютъ: полон или кланеный плодъ хлѣбнаго дерева, таро, пататы, рыба, кокосы и бананы. Рыбу они ѣдятъ сырую. На всѣхъ островахъ архипелага водятся множество дикихъ овицъ, ихъ берегутъ для большаго празднества и напродажу приходящимъ судамъ. Жители разводятъ куръ.

Самое лучшее блюдо у этихъ островитянъ—жареное человѣчье мясо. Индійское мясо имъ кажется вквашеннымъ. Последнее они ѣдятъ по нуждѣ.

Въ настоящеемъ положеніи Маркизовскіе Острова не представляютъ никакой выгоды для торговли.

Отаити, подобно прочимъ Островамъ Товарищества окруженъ коралловымъ рифомъ, который поднимается только до поверхности Океана. Между нимъ и землею находится каналъ, котораго воды всегда спокойны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ рифъ удаляется отъ берегу и образуетъ хорошія гавани. Такихъ гаваней считается около Отаити двадцать четыре. Надобно замѣтить, что только очень древніе острова окружены коралловыми рифами. Это замѣчаніе важно для классификаціи острововъ въ хронологическомъ порядкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы имѣемъ съ тѣмъ обратимъ вниманіе на степень развитія растительности, то увидимъ, что Черепаховые Острова, гдѣ растительность далеко отстала отъ растительности прочихъ острововъ, очень недавняго происхожденія: около нихъ нѣтъ коралловъ. Маркизскіе Острова, болѣе плодородныя, и слѣдственно болѣе древніе, хотя не окружены коралловымъ поясомъ, имѣютъ однако же нѣкоторыя начала этой формаціи. Сандвичевы Острова, болѣе плодородныя чѣмъ Маркизскіе, имѣютъ нѣкоторыя части коралловаго пояса. Наконецъ Острова Товарищества, самыя плодородныя и самаго древняго происхожденія, рѣшительно всѣ окружены такимъ поясомъ.

Внутренность Отаити занята горами почти недоступными, обитаемыми рогатымъ скотомъ, котораго число ежедневно увеличивается. Народонаселеніе острова расположено по берегу.

Папенти, столица Отаити, лежитъ при подошвѣ самой высокой горы на островѣ. Отаити ни городъ ни деревня—это множество небольшихъ хижинокъ разбросанныхъ безъ всякаго порядку между рощами померанцовыхъ, кокосовыхъ и гуаяновыхъ деревьевъ. Видъ Папенти не представляетъ ничего величественнаго, но красивъ и живописенъ.

Небольшой островокъ, лежащій въ гавани, покрытый красивою зеленью, сквозь которую видна баттарей въ осемь пунсовъ и Отаитскій флотъ—есть резиденція королевы.

Самый красивый домъ въ Папенти принадлежитъ начальнику миссіи; подлѣ него стоитъ большая хижина, служащая въ одно время для помѣщенія школы и храма.

Въ Паленти есть нѣсколько лавокъ, снабженныхъ тканями и другими товарами.

Въ коммерческомъ отношеніи Паленти гораздо ниже нежели Гонолулу на Сандвичевыхъ Островахъ, но онъ гораздо чище и климатъ въ немъ здоровѣе; здѣшніе туземцы имѣютъ красивыя формы тѣла, гораздо живѣе и къ меньшей степени утратили свой первобытный характеръ.

Въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи должно отдать преимущество Отаитянамъ передъ жителями Сандвичевыхъ Острововъ.

Здѣсь оканчиваемъ мы на этотъ разъ свои выписки, но современемъ, можетъ-быть, возвратимся къ этимъ занимательнымъ путешествіямъ.

да болѣе скрывается за берегомъ, растенія начинаютъ рас-
соваться на пылающей тверди, и тогда можно разсмотрѣть
самыя тонкіе стебельки, перепутанные какъ сѣтъ штокъ
въ листочки; когда же оно совсѣмъ скроется, золотыя и
пурпуровыя полосы на водѣ начинаютъ постепенно туск-
нѣть какъ-будто онѣ постепенно тодуть, свѣтъ дня блѣд-
нѣетъ передъ наступающей ночью, и видъ страны дѣлает-
ся еще унылѣе прежняго.

«Вечеромъ на четвертыя сутки мы прибыли въ Сентъ-
Луи и остановились въ большой гостиницѣ, устроенной
наподобіе англійскій больницы. Длинные корридоры, го-
лыя стѣны, окошки надъ дверями въ номера, для свобод-
наго обращенія воздуха; впрочемъ заведеніе содержитя
въ отличномъ порядкѣ, и хозяева доставляютъ путеше-
ственниковъ всѣ возможные удобства.

«Городъ Сентъ-Луи не имѣетъ большихъ достоинствъ.
Во французской части, улицы тѣсны и кривы, но нѣкото-
рые дома обращаютъ на себя вниманіе живописною стран-
ностью своего виду: они выстроены изъ дерева, и передъ
окнами сдѣланы галерен, въ которыя всходятъ съ улицы
по лѣстницамъ. Есть также нѣсколько свѣтлыхъ цырюленъ
и питейныхъ домовъ, а болѣе все старыя и ветхія зданія;
раздѣленные на небольшія квартиры. На нѣкоторыхъ изъ
этихъ старинныхъ строеній съ остроконечными кровлями,
высокими чердаками и длинными слуховыми окнами, до-
сихъ-поръ еще отражается французскій характеръ: бѣд-
ныя, полинялыя, ободранныя, они какъ-будтожима-
ютъ плечами и дѣлаютъ гримасу удивленія, глядя на то,
что называется the American Improvements.

«Эти improvements, въ свою очередь, состоятъ изъ от-
ройныхъ амбаровъ, магазиновъ, лавокъ, общественныхъ
заведеній и другихъ строеній всякаго роду, разставлен-
ныхъ правильно по обширному плану, который безпре-
станно все распространяется. Множество превосходныхъ
домовъ, широкія улицы и украшенные мраморомъ лавки
выступили уже далеко за черту прежняго города, и Сентъ-
Луи, вѣроятно, будетъ современнѣе очень красивъ, хотя
конечно не сравняется никогда въ Синсиннати.

«Римско-католическая религія, введенная первыми Ев-

репейнами, которые здѣсь поселились, до сихъ поръ не гаснетъ господствующею. Между общественными зданіями есть іезуитскій коллегіумъ, госпиталь и женскій монастырь. Сентъ-Луи посылаетъ миссіонеровъ въ разныя земли.

«Мнѣ хотѣлось взглянуть на страну, называемую Луги. Нѣсколько городскихъ обывателей, изъ гостепріимности вызвались доставить мнѣ это удовольствіе, и мы наиздали день, чтобъ пуститься въ Looking-Glas Prairie, «Зеркальный Лугъ», лежащій въ тридцати миляхъ отъ города. Насъ было четырнадцать человекъ, все мужчины: дамы не могли бы для такого тяжелаго путешествія. Въ семь часовъ утра общество собралось на условленномъ мѣстѣ. Подвели паромъ, поставили на него экипажи, съели лошадей, стащили поклажу, состоящую изъ състныхъ пасовъ, платья, и прочая, и переправившись на ту сторону, поѣхали.

«Первый день путешествія былъ... не то, чтобы прокъ; это слово и въ сотую долю не выражаетъ тогдашней температуры воздуха: онъ горѣлъ, онъ пылалъ. Но въ вечеру пошелъ проливной дождь, и всю ночь насъ мочили безъ милосердія. Мнѣ досталось сидѣть въ экипажѣ, въпряженномъ паромъ славныхъ лошадей; однако жъ мы не дали не болѣе двухъ миль въ часъ, потому что надо было тащиться по лужамъ и грязи. Вся занимательность этого путешествія заключалась въ томъ, что мы наблюдали, до какой степени были глубоки лужи. Результаты вышлись очень разнообразныя: иногда грязь была выше колѣнъ, иногда только по ступицу, а иногда колымага совсемъ утонула въ лужу и грязная вода чуть-чуть не текла въ ручей. Между тѣмъ воздухъ оглашался гармоническимъ журчаньемъ лягушекъ, которыя составляютъ немаловажную часть здѣшняго населенія. Порою мы проѣзжали мимо крестовскихъ хижинокъ; но эти хижины были по большей части пусты, оставлены и преданы гниенію, потому что, хотя и шняя почва удивительно плодородна, очень немногіе могутъ существовать въ такомъ убійственномъ климатѣ. На обѣихъ сторонахъ дороги — ежели то, по чему мы не могли назвать «дорогою» — достояніе только одна мушкетеръ»

и въ старинкѣ, плачь и зѣвка, шелкажи овера, столчокъ, путной, воды, цѣкрыгою, красноватую пѣнкой.

и. Какъ въ здѣшнемъ краю есть обывованіе во время путешествія въ самую жаркую пору паить лошадей, то мы становились; для этого на одномъ постояломъ дворѣ, построеномъ среди лѣсу, далеко отъ всякихъ другихъ жилищъ человеческихъ. Бревчатый срубъ съ высокой конконой кровлей, внизу комната, а сверху чердакъ; и все. Хозяиномъ этой гостиницы былъ молодой дѣтѣ, въ пестрой бумажной рубашкѣ и полосатыхъ штанахъ. Двое ребятъ, почти нагихъ, лѣниво лежали на колоде. Когда мы подъѣхали, они и самъ хозяинъ всматривая на насъ глаза съ удивленіемъ, которое, при этомъ, ни мигъ ни мигъ, не дѣлало большой чести.

Когда лошади нанцандъ, до того, что животы ихъ стали почти вдвое больше прижито, мы снова отправились вѣуть, по дальнѣмъ же думать и гряди, по такому же старинку, по болотамъ, въ жару, и не-премину съ производимые крадшьемъ лягушекъ; наконецъ въ шонъ, прѣехали въ селеніе Бельвилль.

Бельвилль есть не что иное какъ кучка деревянныхъ шилокъ, скомканныхъ на тѣсномъ пространствѣ, въ самомъ середнѣмъ кустарника и болота. Многіе изъ нихъ живо раскрашены желтой и красной краской. Многіе по-прежнему, это удивительны; но загадка объяснилась, что, не задолго до нашего прѣзду, здѣсь былъ какой-то странствующій «живописецъ», который, вернувшись путешествовать на счетъ своего таланта.

Изъ Бельвилля, по такимъ же печальнымъ мѣстамъ, такую же музыкой, мы продолжали ѣхать до трѣхъ часовъ послѣднн, на до деревни Ливанъ, гдѣ опять проводились, кормить лошадей. Пока онѣ ѣли, я долго гулялъ. Деревня Ливанъ состоитъ изъ нѣсколькихъ жилищъ, раскиданныхъ вокругъ вершины холма, но зато высоты; онѣ обиты снаружн древесной корой и почти дощатн, цо на боку.

Между тѣмъ, лѣвшннл гостиница показала намъ, что это дѣятннр, въ томъ, по свѣту проводникоръ, рѣше, въ ней дочераль, когда осмотритъ предметъ сво-

люди, который однажды ихъ видѣлъ; но не скажу и того, чтобы человекъ, видѣвшій ихъ однажды, могъ вспоминать объ нихъ съ удовольствіемъ и желать увидѣть ихъ снова.

Мы остановились подлѣ одного уединеннаго домика, который приманилъ насъ къ себѣ тѣмъ, что въ немъ можно достать воды, и тутъ мы отобѣдали на травѣ. Въ низкихъ корзинахъ было много запасовъ: жареная живица, буйволовый языкъ, говядина, хлѣбъ, сыръ, масло, бисквиты, шампанское и хересь, лимоны и сахаръ для пуншу. Съ такими запасами мы, разумѣется, не померли съ голоду, да и бесѣда была не скучна. Въ этотъ дѣль, я рѣдко пиrowалъ съ такимъ удовольствіемъ, и никогда не забуду моихъ дуговыхъ друзей, которые оставили въ душѣ моей вѣчное впечатлѣніе своимъ добродушіемъ, остроуміемъ и любезностью.

Воротившись на ночь въ Ливанъ, мы славно выпалили въ той гостинницѣ, о которой я говорилъ прежде. Еще разъ скажу, что гостинница превосходная, рѣдкость въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее нашли: она не уступитъ любому деревенскому постоялому двору въ Англіи. Между прочимъ, на стѣнахъ главной комнаты, висятъ два чудные портрета, писанные масляными красками и представляющіе самого хозяина и его сына: оба — настоящіе дѣды; такъ, кажется, и хотѣть сорваться съ холста. Полагаю, что они писаны тѣмъ же художникомъ, который раскрасилъ двери и окна въ Белльвиллѣ: я узналъ это, стигль.

Послѣ завтрака мы поѣхали обратно въ Сентъ-Луи, но уже не по прежней дорогѣ. Впрочемъ болота, кустарники, лужи, грязь, хоры лягушекъ, не измѣнили намъ въ этомъ небольшомъ путешествіи. Иногда мы встрѣчали завязшія вагоны, нагруженные тяжелою кладью; одна дошла, колеса праздно лежатъ по сторонамъ купе, который потонулъ въ лужѣ, проводникъ пошелъ искать помощи, а жена его печально сидитъ на возу, кормя мужа и кормя груднаго младенца. Картина грустная, заводящая тяжелыя думы, особенно когда вспоминешь о здѣшнемъ убійственномъ климатѣ!

"Разочарованный въ понятіи своемъ объ америнскихъ Лугахъ, мистеръ Диккинсъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ насладиться тамошними озерами, и съ этою цѣлью отправился изъ Сенъ-Луи черезъ Синсиннати въ маленькій городъ Sandusky, откуда, какъ ему говорили, можно вдоволь насмотрѣться на озеро.

«День, въ который мы выѣхали изъ Сенъ-Луи, нишесть оный, былъ превосходный. Мы сѣли на пароходъ, и черезъ нѣсколько времени приблизились къ старинной французской деревнѣ, которая называется собственно Карондэ, но прозвана въ-насмѣшку Пустыми Карманами, *Vides-Poches*. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ лачугъ и двухъ или трехъ трактировъ, которые вполне оправдываютъ прозваніе деревни, потому что ни въ одномъ изъ нихъ ничего нѣтъ. Отсюда, проѣхавъ еще нѣкоторое разстояніе, мы прибыли наконецъ къ берегу Миссисипи, и вечеромъ увидѣли своего стараго знакомаго пароходъ, на которомъ ѣхали изъ Синсиннати и который теперь снова принялъ насъ въ ту же каюту.

«Плохо было идти вверхъ по этой рѣкѣ, медленно и съ трудомъ преодолевая ея теченіе; но идти внизъ, по такому бѣшеному потоку, въ потемкахъ, было, кажется, еще хуже. Судно пролетало отъ двѣнадцати до пятнадцати миль въ часъ, по лабиринту плавающихъ бревенъ, которыхъ нельзя было ни видѣть ни избѣжать. Всю ночь колокольчикъ звонилъ черезъ каждыя пять минутъ, и послѣ каждаго звонка пароходъ начиналъ ужасно качаться, иногда отъ одного толчка, иногда отъ нѣсколькихъ другъ за другомъ слѣдовавшихъ ударовъ, изъ которыхъ самый слабый, казалось, могъ разрушить въ дребезги его брѣвняй корпусъ, какъ корку пирога. Когда я смотрѣлъ съ палубы въ воду, то мнѣ, во мракѣ, мерещилось, будто мы пробираемся сквозь полчище какихъ-то живыхъ чудовищ: черныя массы ворочались на поверхности; порою одна изъ нихъ поднимала свою страшную голову, когда пароходъ находилъ на ея конецъ; порою мы принуждены были остановиться, прекратить дѣйствіе машины, и дожидаться, пока эти бѣдственные преграды не расплывутся по-немножку, чтобъ дать намъ дорогу.»

«Какъ бы то ни было, утромъ мы приблизились къ *Fort Logy*, называемому Канро, и черезъ нѣсколько минутъ въѣли въ неслыханное удовольствіе видѣть, что ненавидимая Миссисипи сворачиваетъ всторону къ Новому-Орлеану, тогда какъ нашъ дальнѣйшій путь лежалъ прямо, по свѣтлому Огіо. На слѣдующій день мы прибыли въ Синсиннати. Въ этотъ разъ, занимательная столица штата Огіо не могла удержать насъ на долгое время: проведя здѣсь только одни сутки, для отдохновенія, мы отправились въ *Sandusky*. Первый городокъ на этомъ пути былъ Колумбусъ. Онъ лежитъ въ ста двадцати миляхъ отъ Синсиннати, но прекрасное шоссе, проведенное вполнѣ отъ города до города, провозяетъ проѣзжать это разстояніе спокойно и скоро, дѣлая по шести миль въ часъ. Притомъ мы ѣхали по прекрасной странѣ, между отлично обработанными полями, обѣщавшими богатую жатву. Иногда намъ попадались пространныя нивы усаеваго индѣйскаго хлѣба съ толстыми стеблями, которые торчали какъ палки; иногда зеленая пшеница сверкала въ лабиринтѣ древесныхъ шпелъ. Изгороди вокругъ полей не красивы и содержатся не въ исправности, но самыя поля воздѣланы отлично хорошо, такъ что любое изъ нихъ можно перенести въ Кентъ.

«Мы часто останавливались поить лошадей въ трактирахъ, разсыпанныхъ по всей этой дорогѣ. Они болѣею частью очень посредственны. Подѣхавъ къ трактиру, извозчикъ слѣзаетъ съ своего мѣста, наполняетъ ведро и держитъ его у лошадиной морды. Ему почти некому пособить; рѣдко видишь проѣзжаго; подъ навѣсами, сдѣланными для лошадей и повозокъ, всегда пусто и тихо. Иногда, при перемѣнѣ лошадей, мы встрѣчали большое затрудненіе и насилу могли тронуться съ мѣста, потому что здѣсь особеннымъ образомъ обѣзжаютъ молодыхъ лошадей: ихъ ловятъ, привязываютъ къ повозкѣ и погоняютъ безъ всякаго обученія. Впрочемъ, такъ или иначе, мы все-таки уѣзжали отъ каждой станціи и довольно быстро подавались впередъ.

«На нѣкоторыхъ станціяхъ намъ попадались два или три погулявшаго дармоеда, которые расхаживали забунувъ руки въ карманы; или начались растянувшіеся на ступляхъ;

или глядѣли въ окно, или сидѣли на травѣ воздѣ дождя. Эти люди были обыкновенно очень неразговорчивы, ни съ нами ни между собою: они молчали и бессмысленно смотрѣли на повозку и лошадей. Хозяинъ трактира всегда принадлежалъ къ этой праздной компаніи и казалось, что ему меньше всѣхъ нужно хлопотать съ проезжими. Что бы ни случилось, ему нѣтъ дѣла ни до чего: онъ ко всему равнодушенъ и всегда доволенъ собою.

«Частыя перемѣны извозчиковъ не сопровождался перемѣнами въ ихъ наружности и характерѣ: каждый извозчикъ одинаково неопрятенъ, молчаливъ и угрюмъ. Если который и имѣетъ въ себѣ что нибудь пріятное, то вслѣдствіи старается скрыть это. Онъ никогда не говоритъ съ тѣми, кого везетъ; заговорить ли съ нимъ путешественникъ, онъ отвѣчаетъ полу-словами или вовсе не отвѣчаетъ. Онъ никогда не укажетъ вамъ какого-нибудь пріятельнаго предмета, встрѣтившагося на дорогѣ, и самъ какъ-будто не видитъ его: ему, кажется, все наскучило, наскучила и самая жизнь. Онъ немножко занимается только лошадьми, совсѣмъ не думая о повозкѣ: повозка катится, потому что она къ нимъ привязана, а что въ повозкѣ сидите вы, ему до этого нѣтъ ни малѣйшей нужды. Порою, на концѣ переѣзду отъ станціи къ станціи, онъ загибаетъ какую-то нескладную пѣсню, но лицо его не поетъ вмѣстѣ съ нимъ: поетъ только горло, а лицо сохраняетъ прежнее угрюмое выраженіе. Къ этому надо прибавить, что у каждаго извозчика непремѣнно есть во рту та бачная жвачка и что ни одинъ изъ нихъ не употребляетъ носоваго платка: обстоятельства, влекущія за собой очень непріятныя слѣдствія для путешественниковъ въ вѣтрную погоду.

«Мы пріѣхали въ Колумбусъ около семи часовъ утра и остановились здѣсь отдохнуть до слѣдующаго дня. Гостиница, въ которой мы пристали, была превосходная: она построена на-манеръ нѣкоторыхъ итальянскихъ домовъ, съ портикомъ и открытой террасой. Колумбусъ — очень красивый и чистый городъ, увеличивающійся и богатѣющій, какъ всѣ, или почти всѣ, американскіе города. Въ

вонъ находится правительство штата Огіо, и это придаетъ ему особенную важность.

«Какъ на слѣдующій день не отправлялась ни одна изъ почтовыхъ каретъ, то я нанялъ такъ-называемую «акстру», чтобъ добѣхать до маленькаго городка Тиннива, откуда есть желѣзная дорога въ Sandusky. Эта «акстра» была обыкновенная бричка, запряженная въ четыре лошади, точно такая же, въ какой мы прѣѣхали въ Колумбусъ; лошади и извозчики также мѣнялись на каждой станицѣ: разница только въ томъ, что эта бричка была отправлена собственно для насъ. Въ отвращеніе остановокъ за лошадыми и другихъ неурядицъ, распорядители заведенія почтовыхъ каретъ послали съ нами прикащика, или кондуктора, который долженъ былъ сопровождать насъ во всю дорогу, и подъ такимъ охраненіемъ, запасшись притомъ корзиною съ холоднымъ мясомъ, виномъ и плодами, мы весело отправились въ путь, очень довольные тѣмъ, что съ нами нѣтъ никого постороннихъ, и готовые наслаждаться путешествіемъ, хотя бы намъ пришлось ѣхать по самымъ скучнымъ мѣстамъ.

«И, — надо сознаться, — очень хорошо было, что мы находились въ столь счастливомъ расположеніи духа, потому что дорога, по которой насъ довели, была пренесносна, такъ, что если бы мы не рѣшились во что бы ни стало наслаждаться своею поездкой, то навѣрное проклинали бы ее на первомъ шагу. Насъ те бросало въ уголь дождя, то колотило головами объ крышу. Иногда бричка такъ наклонялась на одну сторону, проѣзжая черезъ глубокую лужу, что мы должны были обѣими руками хвататься за противоположную стѣнку, чтобъ не вывалиться въ жидкую грязь; иногда оба колеса вдругъ уходили въ воду, и мы уже думали, что того-глядя уйдемъ туда же за вѣки; а иногда лошади, взобравшись на какой-нибудь крутой бугоръ, тогда-какъ бричка еще сидѣла въ болотѣ, вдругъ отстаивались и начинали мотать головами, какъ-будто хотѣли сказать, что насъ нельзя вывезти. Между-тѣмъ день былъ прекрасный, воздухъ дышалъ ароматами, и, несмотря на всѣ неудобства дороги, мы не теряли веселости, потому что ѣхали къ Цагаръ, откуда

были намѣрены пуститься домой: Въ полдень мы остано-
вились возлѣ одного постоялаго двора, посреди красивой
рошцы, отобѣдали на древесномъ пнѣ, и, отдавъ остат-
ки обѣда хозяйну и его свиньямъ, отправились далѣе.

«Вечеромъ дорога начала становиться все уже и уже,
такъ, что наконецъ мы съ трудомъ пробивались между де-
ревьями, и извошникъ, кажется, только по инстинкту узна-
валъ невидимую тропинку. Зато, намъ нечего было боять-
ся, что онъ заснетъ, потому что колеса то и дѣло стука-
лись объ толстые пни, отчего вся бричка приходила въ
такое движеніе, что нашъ бѣдный возница чуть держался
на козлахъ. Не настояло также опасности и отъ чересъ-
чуръ скорой ѣзды, потому что лошади едва тащили по-
возку по неровной дорогѣ. А еще менѣе можно было пи-
тать опасеніе насчетъ какихъ-нибудь четвероногихъ дѣ-
совыхъ жителей: бричка едва проходила сквозь сѣтяу перепу-
таныхъ сучьевъ, и мы могли быть совершенно увѣре-
ны, что по такому простору за нами не погонятся стадо
слоновъ. Слѣдственно, все обстояло благополучно, и мы
имѣли полное право быть веселыми.

«Древесные пни, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ—
вещь чрезвычайно любопытная. Оптический обманъ, кото-
рый они производятъ, особенно въ потемкахъ, разнобо-
разенъ и удивителенъ до крайности. Иногда намъ мерещит-
ся греческая урна, стоящая посреди поля; иногда—жен-
щина, плачущая надъ гробницею; иногда старый джентль-
менъ въ бѣломъ сюртукѣ съ засунутыми за проемы жиле-
та руками; иногда студентъ, читающій книгу; иногда
согнувшійся негръ; иногда—лошадь, собака, оушка, сол-
датъ, и множество разныхъ другихъ предметовъ, кото-
рыхъ невозможно исчислить. Все это представлялось мнѣ
какъ-бы въ фантазмагоріи, не потому, чтобы я настроилъ
свое воображеніе, ища гармонической формы въ безобраз-
ныхъ фигурахъ, но совершенно противъ воли моей, безъ
всякаго съ моей стороны участія, и, — странное дѣло,
— часто я узнавалъ въ этихъ призракахъ какую-нибудь зна-
комую фигуру, которую замѣтилъ когда-то въ дѣтской
книжкѣ съ картинками и давно забылъ.

«Но скоро сдѣлалось такъ темно, что я не могъ про-

должать этой забавы; и между тѣмъ чаша съ янвутью минутою становилась непроходима; пресеками въ томъ числѣ стали по бричдѣ, и мы должны были спрыгнуть съ нея головы. Ктому же началась гроза; молнія, въ теченіи трехъ часовъ, сверкала почти безпрестанно; свѣтъ ея былъ продолжителенъ; яркъ и синеватъ; громъ трюхоталъ ужасное неволью приходило въ голову, что теперь гораздо пріятнѣе было бы сидѣть въ какомъ-нибудь спокойномъ трактирѣ.

Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу, мы увидѣли свѣтъ, и черезъ нѣсколько минутъ пріѣхали въ индѣйскую деревенку, гдѣ расположились пробить до утра. Тутъ я встрѣтилъ одного интересною человѣка. Между джентльменами, собравшимися къ завтраку, былъ одинъ обширный старичокъ, который невольно обратилъ на себя мое вниманіе. Оказалось, что это невѣрный представитель Обединенныхъ Штатовъ, занимающій дипломатическими переговорами съ Индѣйцами еще недавно заключившій трактатъ, по которому жители здѣшней деревни сблизились, за небольшое число дней, до востановленія, переселились на другое, называемое индѣйцами, мѣсто, къ западу отъ Миссиссипи; за Сентъ-Луи. Онъ много рассказывалъ мнѣ объ ихъ привязанности къ родинѣ, особливо къ кладбищу, гдѣ погребены ихъ родные, и о томъ сожалѣніи, съ которымъ они покидаютъ эту пачивку. Ему случалось быть свидѣтелемъ многихъ подобныхъ переселеній; и всегда, говорилъ онъ, сердце мое разрывалось отъ горести; хотя я зналъ, что Индѣйцы переселяются для собственной своей пользы. Вопросъ: о томъ, переселиться или не переселяться жителямъ здѣшней деревни, былъ рѣшенъ за два или за три дня до нашего пріѣзга, въ жарочно устроенномъ для того балаганѣ изъ древесныхъ вѣтвей; котораго развалины еще лежали передъ нашими гостиницами. Когда повѣренный произнесъ свою рѣчь, всѣ глаза и носы повернулись въ противоположную сторону, и каждый взрослый мужчина объявлялъ свое мнѣніе, но лишь только предложеніе повѣреннаго было одобрено большинствомъ голосовъ, мать одного

звѣдѣ, хотя очень значительная, неслыханно согласилась съ нами и все споры прекратилась.

— «Вослѣдствіемъ я перестъ встрѣчалъ этихъ бѣдныхъ Индейцевъ, вѣдущихъ на маленькихъ шерстяныхъ лошадкахъ. Они очень сходны съ цыганами, и если бы мнѣ случилось встрѣтиться съ ними въ Англіи, то я безъ-сомнѣнія привелъ бы ихъ за это бродячее племя.

— «Дорога отсюда еще хуже той, но некоторой частью всели накануне. Однако жъ кое-какъ, около полудня, мы дотащились до Тис-онна, и къ обѣду прилетѣли оттуда по желѣзной дорогѣ въ Saultusky, гдѣ остановились въ гостиницѣ на самомъ берегу озера Эри.

— «Гостиница была превосходная, хозяинъ внимательно и услужливо до крайности, но въ то же время онъ представлялъ совершенный типъ Северо-Американца, уроженца Новой-Англіи. Онъ безпрестанно вглядывалъ въ нашу кофину на снѣжной шляпы, останавливался и разговаривалъ съ нами безъ церемоній, садился протянувъ ноги на нашу скамью, вытаскивалъ изъ кармана газеты, читалъ ихъ не обращая на насъ вниманія, и это—еще самая малая часть его національныхъ привычекъ; я могъ бы назвать тысячу подобнаго вещей, хотя впрочемъ нечуть не думаю находить непривычнымъ его поведенію и жаловаться на грубость. Конечно, если бы это случилось въ Англіи, было другое; тамъ трактирщикъ, позволяющій себѣ обходиться такими образомъ, съ проѣзжими, не казался бы наглостю; но въ Америкѣ, если онъ хорошо ѣсть карниги, принимаетъ гостепріимно, вы не имѣете права ничего болѣе требовать: во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ—то же, что мы, и если бы я вздумалъ раздѣваться, что мой хозяинъ не хочеть, а можетъ-статья и не увидѣть, сообразоваться въ своихъ поступкахъ съ англійскими нравами и обычаями, это было бы то же самое, какъ если бы я сталъ его обвинять; зачѣмъ онъ не такого высокаго росту, чтобы достигнуть къ гвардію англійской королевы.

— «На другой день пришелъ переходъ, который отправлялся по озеру Эри въ Буффало. Мы отобѣдали и поехали. Тутъ, дорогою, мнѣ случилось подмѣтить еще одну оригинальную черту американскихъ нравовъ. Книжка на-

рожда, этот прекрасный человек сроднился жить, опустился въ каваль-конюшню, расклялся съ пассажирами; сѣлъ къ столу, вышелъ изъ кармана большой порочный кошелекъ, и ну строготь бѣдный столъ съ такими неподдающимися усердіемъ, какъ-будто ему платитъ за это строгое. Между-тѣмъ онъ не успевалъ разговаривать съ пассажирами, принималъ участіе въ шуткахъ, сказывалъ много умнаго и любезнаго; но, говоря, шутя, любезничая, онъ всё строголъ, строголъ безпрестанно, и, когда его повели вперѣхъ, поѣхъ лавною, на которой сѣдѣлъ онъ, осталась огромная куча стружекъ.

«Въ семь часовъ слѣдующаго утра мы пришли къ Буффало; намъ подали завтракъ; но какъ близкое разстояніе Ніагарскаго водопада не позволило намъ съ пріемомъ быть торжественнымъ, то въ десять часовъ мы отправились въ путь.

«День былъ ненастный, холодный, сырой; надъ землею ждали густые туманы; деревья стояли голыя, безъ зелени, потому, что въ здѣшней сѣверной полосѣ наступила уже зима. Каждый разъ, когда мы останавливались мѣнять лошадей, я напрягалъ все свое вниманіе, не услышу ли шума водопада, и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ онъ находится; но долго не видалъ и не слышалъ ничего. Наконецъ мнѣ представились два большія бѣлыя облака, тихо и величественно восходящія къ небу. Это была Ніагара. Проѣхавъ еще нѣкоторое разстояніе, мы услышали грохотъ воды и почувствовали, что земля трясется подъ нами.

«Берегъ, на которомъ мы стояли, былъ крутъ и скользкъ отъ дождя и гололедицы. Не знаю, какими образомъ удалось мнѣ спуститься; только я скоро былъ ужъ внизу, и, съ двумя англійскими офицерами, которые присоединились ко мнѣ дорогою, стоялъ опершись на камень, отлучившись отъ грохотомъ водопада, ослѣпленнымъ брызгами, промоченный до костей водою пылью. Мы были у самаго подножія Ніагары. Передо мной низвергалась ужасная масса воды, летящей съ быстротою молніи, но я не могъ еще составить себѣ понятія ни о видѣ, ни о положеніи, ни о величіи этого явленія. Только тогда, когда мы шли въ

перевозную лодку и начали переправляться поперекъ: восточнейшая рѣка, я замечалъ почувствовалъ, что это таетъ; но я глупъ чувства иде. было еще не полное: величіе сныи казалась: вода, шумъ кружилъ голову, разотривала мрещи. Наконецъ я вскарабкался на такъ-незваскую Столовую Скалу, всталъ внизъ, и увидалъ.... Боже мой, что я увидалъ!.. могущество и величіе зрѣлища открывалось мнѣ до всей полноты: впечатлѣніе, произведенное страшною снечюю, было... кто бы могъ думать!.. было *свокоитоме!* Да, я вдругъ почувствовала необыкновенное спокойствіе духа, кротко вспоминалъ о смерти, и сразу задумался о мирной и счастливой жизни. Ни капли испугу; ни малѣйшаго ужасу:.. Ниагара: порочная дось, ма космъ сердце: образемъ чуждой яростью и ядо: вавечательце: дивого ма: парадитесь, доколь кровь: будетъ: тень: ма: конкъ жилахъ и сердце не перестанетъ биться.

«Какъ далеко и неясно представлялись мнѣ суетныя заботы жизни, впродолженіи десяти дней, которые прошли я въ этихъ волшебныхъ мѣстахъ! Какіе дивные голоса разговаривали со мною посреди грохоту водопада! Какіе свѣтлые лики выглядывали на меня изъ его глубины! Какія обольстительныя надежды возникали въ душѣ моей, когда моя грудь была орошаема его пылью, — утѣши алмазными слезками ангеловъ, летающими надъ всѣмъ окрестнымъ пространствомъ и сверкающими подобно мелкимъ разноцвѣтнымъ звездочкамъ!

«Если бы я съ самаго начала попалъ въ эту часть Канады, то никогда бы отсюда не выхажъ. Мнѣ до смерти не хотѣлось возвращаться на другой берегъ, я зналъ, что тамъ живутъ люди, а съ людьми... какъ можно жить подлѣ Ниагары съ людьми! Ходить съ утра до вечера около водопада; рассматривать его со всѣхъ точекъ зрѣнія; разглядываться на выдающейся скалѣ и смотреть оттуда, какъ вода дичитъ и ярится, падая въ бездну, добоваться свѣту на волной столбѣ; прятаться за камень, за деревъ и сторожить полеты свирѣпыхъ птицъ съ увѣренностью въ своей безопасности; смѣять въ торжественной тишнѣ скалы и вѣять глазами нѣтъ огромность, слѣзати за канаты.

двигаются воды, слушать громовое эхо, имѣть водопадъ безпрестанно передъ своими глазами, видѣть его при ослѣдительномъ блескѣ солнца, при кроткомъ свѣтѣ луны, при уриуровый вечеромъ, синеватый ночью; вотъ все, чѣмъ ограничивались мои желанія! Этого для меня было довольно.

«До сихъ поръ мнѣ чудится, будто я слышу шумъ Ниагары, и вижу пѣнистые влоchia воды, скачущие подо мной на глубинѣ во сто футовъ. Да! я ухалъ; но Ниагара еще живитъ, нешествоуетъ, и будетъ нешествовать и къ нѣмъ вѣчно. Когда солнце бросаетъ на нее луну свою; она непрерывно блескитъ словно золото; когда небо задрнунте облаками; она непрерывно вылетѣла-стемлиной горой, гудубой съ бело-синими туманами; она непрерывно вылетѣла туманомъ изъ влажной пыли. Достигая дна, она непрерывно всегда каметелъ умиряющею; она останавливается: ветръ думаетъ вы; вода уже вытекла вся... все кончилось; все прекратилось... Но нѣтъ! вода-то невидимая сама здруди испучиваетъ воду, поднимаетъ ее, раскидываетъ влоchia нѣтъ, а сверху на нее падаютъ новые массы воды, и тѣ, въ свою очередь, шумател, поднимаютел, разлетаютел кестратими влоchiaми... И это всегда, всегда! Таково дѣло руи Божіихъ!

«Но, прежде нежели я перестану говорить о Ниагарѣ, замѣчу одно обстоятельство, которое мнѣ кажется отъ-вратительнымъ и безъ-сомнѣнія получаетъ этотъ же самый адитетъ отъ всѣхъ чувствительныхъ пошбителей знаменитаго водопада. На Столовой Скалѣ есть хижина, принадлежащая чедовѣку, который промышляетъ тѣмъ, что служить проводникомъ путешественникамъ. Тутъ продаются также и разные вещицы, которыя путешественники покупаютъ себѣ на память своего пошбшенія Ниагары, а на столѣ лежитъ книга, куда они вписываютъ свои имена. Книга этихъ накопилось ужъ множество, и въ комматѣ, гдѣ она хранится, сдѣлана на столѣ надпись: «Путешественникамъ запрещается выписывать замѣчанія и стихи, помѣщенныя въ хранящихся здѣсь книгахъ». Не будь такого предостереженія, я, конечно, не развернулъ

были одной книги, удовольствиявшись нѣсколькими глупыми страницами, нацарапанными на стѣнках и окошкѣх; но теперь мнѣ страхъ захотѣлось узнать, что за сокровища хранитъ съ такимъ необыкновеннымъ стараніемъ: я перевернулъ нѣсколько грязныхъ листовъ, и увидѣлъ эти драгоценности, въ образѣ самыхъ разнородныхъ караулъ, помнишь только выражается человѣческая брѣзгливость. Мнѣ особенно горько было узнать, что на свѣтъ есть люди, которые могутъ находить удовольствіе въ томъ, чтобы поштыть здѣсь свои плоскія и почтотивныя шутки надъ Ниагарой. Можетъ-быть, все что очень ушло, очень забито для свиней, такъ и должно оставаться между свиньями. Выраженіе этихъ мерзостей на англійскомъ языкѣ и часто обидно языку, а те, что еще хранятся на землѣ, принадлежащей къ англійскимъ владѣніямъ, нарушеніемъ достоинства Англіи. Изъ счастья, есть надежда, что все это вконецъ позо-англійски, однако жъ не Англичанами. Въ противномъ случаѣ, я бы умеръ отъ удивленія и досады.

«Шумъ Ниагары совсѣмъ не такъ силенъ, какъ рассказываютъ нѣкоторые путешественники. Но она очень естественно, если принять за расчетъ глубину бассейна. Правда, во все время пока мы жили на Ниагарѣ, погода стояла вѣтреная; однако жъ и въ тихіе промежутки, наприказъ при захожденіи солнца, я никогда не могъ разслушать шума водопада на разстояніи трехъ миль, хотя нѣсколько разъ дѣлалъ опыты».

Распрощавшись съ Ниагарой, господинъ Дикинсъ отправился на пароходѣ къ устью рѣки, носящей то же имя. Здѣсь онъ нашелъ пограничные столбы двухъ государствъ, Великобританіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Караулы такъ близки между собой, что англійскій часовой можетъ слышать пароль, отданный часовому американскому, и американскій слышитъ пароль англійскій. Путешественники пустились отсюда по озеру Онтарио, заслуживающему по своей обширности названіе моря, и скоро прибыли въ городъ Торонто:

Мѣстоположеніе Торонто не представляетъ ничего замѣтельнаго: окрестности его голы и плоски. Но свѣтъ

Вскорѣ остановились мы у заставы и отдали свои паспорта на разсмотрѣніе какому-то чиновнику. Жидъ подошелъ къ коляскѣ и предлагалъ разные товары; всторонѣ происходила сцена совсѣмъ другаго рода: полу-нагая, избитая, встерзанная женщина выбѣжала изъ сосѣдняго двора, гонимая немилосердными побоями и остановилась у заставы, какъ-бы не рѣшаясь что ей дѣлать; отчаяніе ея лилось всесокрушающимъ потокомъ. Бѣдная—дрожала отъ холоду и побоевъ и ни одно человѣческое состраданіе не обратилось къ ней. Вальтеръ-Скоттъ часто сравниваетъ сварливую женщину съ дыравой крышей, съ которой каплетъ дождевая вода. Женщину въ отчаяніи можно сравнить съ ливнемъ, ниспадающимъ прямо съ неба.

— Что это она, несчастная? спросилъ я жидъ.

— Такъ-себѣ, ничего!—Есть сукна англійскія, дорогія шапи, втрое дешевле, чѣмъ въ Россіи.

— Да, что это за женщина?

— Цыганка, отвѣчалъ онъ такимъ тономъ какъ-бы сказалъ собака и продолжалъ свое: ситцы изъ Вѣны, силезскія полотна. Я принесу сюда....

Надобно замѣтить, что Цыгане здѣсь самый уничтоженный классъ какихъ-то существъ; они одни составляютъ крѣпостныхъ людей или, правильнѣе, рабовъ, потому что нельзя иначе назвать ихъ по тому жалкому состоянію въ которомъ они находятся: они отчуждены отъ состраданія человѣческаго и если кто устраиваетъ какое-либо благотѣльное заведеніе, то всегда исключаетъ изъ него Цыганъ.

Мнѣ показалось, что бѣдная Цыганка кинулась-было къ моему экипажу, но въ это время принесли мой паспортъ; бичи захлопали оглушительно и коляска моя понеслась по гадкой мостовой....

Здѣшняя ѣзда на почтовыхъ имѣетъ въ себѣ то общее съ нашей, русской ѣздой, что вы несетесь, что есть силы у лошадей, не разбирая ни кочекъ, ни ухабовъ, рискуя сломать свой экипажъ и даже собственную свою шею, и вдругъ погрузли въ грязь, ни съ мѣста, пока не придутъ на помощь люди или не приведутъ воловъ. Лошадей здѣсь обыкновенно запрягаютъ гусемъ, какъ въ Сибири

зимой, только не по одной, а по двѣ въ рядъ и не меньше двѣнадцати подъ коляску, а въ дурную погоду шестнадцать и двадцать. Ямщики сидятъ верхомъ. Случается такъ, что крайнія къ экипажу лошади сорвутся съ веревокъ, которыми прикрѣплены къ вагѣ, и весь поѣздъ уносится впередъ, оставляя на дорогѣ вашъ экипажъ и не слыша вашихъ отчаянныхъ воплей при общихъ гикахъ и хлопаньи бичей. Тутъ вы должны вооружиться терпѣніемъ и ждать пока ямщики прѣбдутъ на станцію и тогда, конечно, замѣтятъ, что у нихъ недостаетъ экипажа съ сѣдоками. Въ Якутской Области случается нѣчто въ этомъ же родѣ: тамъ, молодья и, слѣдовательно, не совсѣмъ опытные собаки на которыхъ вамъ случится ѣхать, почувавъ въ лѣсу звѣря, несутся на слѣдъ его, не слушая ни криковъ вашихъ, ни побоевъ и вы невольнo попадаете на охоту, если не вывалитесь гдѣ-нибудь изъ низенькихъ саней; тогда по-неволѣ придется ждать пока со станціи не пришлютъ васъ по-братъ, замѣтивъ долгое отсутствіе собакъ.

Несмотря на многочисленность лошадей, запрягаемыхъ въ экипажъ, ѣзда на почтовыхъ лошадяхъ обходится здѣсь не дороже, чѣмъ у насъ въ Россіи и даже нѣсколько дешевле. Но, такъ же какъ и у насъ въ Россіи, вы рискуете умереть съ голоду гдѣ-нибудь на станціи, если будете слишкомъ прихотливы въ выборѣ пиши, я говорю слишкомъ прихотливы, то есть, если не будете довольствоваться здѣшнимъ сыромъ, по виду похожимъ на осколокъ мыты, и по вкусу ни на что не похожимъ, соленнымъ и вообще гадкимъ, да изрѣдка машальгомъ. Путешествіе совершенно безопасно. Съ-тѣхъ-поръ, какъ срыты всѣ турецкія крѣпости по сию сторону Дуная и Турки совершенно отчуждены отъ княжествъ, они очистились и отъ шаекъ бродягъ и отъ чумы. Учрежденіе каринтинной линіи, благодѣтельный памятникъ пребыванія Русскихъ въ здѣшнемъ краѣ, служитъ вѣрнымъ оплотомъ противъ страшнаго бича Востока.

Отъ Яссы до Бухареста около трехъ сотъ пятидесяти верстъ. Мимо эти села, эти городки: они служатъ только продолженіемъ Южной Россіи по характеру природы. Душа народа; его домашнюю жизнь должно изучать, не на боль-

шихъ дорогахъ и не проѣдомъ на почтовыхъ лошадяхъ. Еще не одинъ пудъ соли съѣдимъ мы съ жителями княжествъ.... Но мы остановимся у маленькаго ручья, который называется Рымникъ, ручья вдвойнѣ памятнаго для каждаго Рускаго. Тутъ Суворовъ одержалъ одну изъ своихъ громкихъ побѣдъ, въ ознаменованіе которой наименованъ графомъ Рымникскимъ— и въ этомъ же Рымникѣ упнулъ сынъ его, генералъ-адъютантъ графъ Суворовъ-Рымникскій (Аркадій). Говорятъ, его предостерегали, что вода слишкомъ высока и совѣтовали вернуться и дождаться на станціи пока спадетъ вода, но онъ отвѣчалъ тутъ: «Рымникъ былъ крестнымъ батюшкой нашимъ, такъ вѣрно пощадитъ меня». Но Рымникъ во время разлива—сущій бѣсъ и рветъ и сокрушаетъ все, что ему встрѣтится на пути. Коляска графа была опрокинута на серединѣ рѣки, онъ выскочилъ и пересѣлъ на верховую лошадь, но лошади выбились изъ силъ.... и быстринной унесли далеко графа; едва могли перехватить его тѣло. Какое непостижимое стеченіе обстоятельствъ, какое сочетаніе громкой славы и бѣдствія въ одной и той же семьѣ, у одного и того же незначительнаго мѣста, далеко отъ ея родимаго крова. Рымникъ былъ купелью славы для отца и могилой для сына!

Но вотъ Букарестъ, старшій братъ Яссъ, рѣзко на него похожій и только на него одного; Букарестъ и Яссы—представители общества полу-европейскаго, полу-азіатскаго, но во многомъ отличающагося отъ того и другаго; общество Букареста и Яссъ въ нравственномъ отношеніи то же, что въ политическомъ *sujets mixtes*.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПЧЕЛОВОДСТВО ВЪ РОССІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

У насъ вообще господствуетъ ложное мнѣніе, будто пчеловодствомъ можно съ успѣхомъ заниматься только въ немногихъ мѣстахъ Россіи; напротивъ, не трудно доказать, что пчеловодство не только можетъ существовать почти во всѣхъ областяхъ нашей обширной Имперіи, но что если эта отрасль, промышленности остающаяся нынѣ въ совершенномъ пренебреженіи, будетъ усовершенствована по нынѣшней методѣ, то мы можемъ производить столько меду, что его станетъ не только для домашняго обиходу, но и для снабженія имъ иностранныхъ государствъ, какъ дѣлали наши дѣды, а отчасти даже и отцы. Намъ удалось отыскать и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ множество

Т. ЕХН. — Отд. V. 1

документовъ, изъ которыхъ видно, что нѣкогда у насъ было безчисленное множество роевъ.

Въ русскихъ провинціяхъ, съ незапамятныхъ временъ, славившихся преимущественно удачею домашнего и бортеваго пчеловодства, эта промышленность и нынѣ отлично процвѣтаетъ, но только у однихъ знатоковъ дѣла; а число ихъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время весьма ограничено. Природа и нынѣ не отказывается доставлять намъ источники изобильнаго количества меду и воску; но, къ несчастію, поземельные наши владѣльцы и другія образованныя сословія отказались отъ этого безцѣннаго ея дара. Крестьяне и другіе недостаточные сельскіе жители по-старинному и нынѣ любятъ заниматься пчеловодствомъ; но они не въ состояніи двинуть эту отрасль впередъ, по неимѣнію ни образцовъ усовершенствованнаго ухода за этимъ насѣкомымъ, ни нужныхъ теоретическихъ свѣдѣній.

Если хотите убѣдиться въ томъ, что мы дѣйствительно нѣкогда были очень богаты медомъ, то даже не прибѣгая къ письменнымъ документамъ, обратитесь только къ старикамъ пастухамъ и бортникамъ. Они покажутъ вамъ тѣ урочища на полѣ, на которыхъ изстари было построено по нѣскольку пастѣкъ, набитыхъ ульями, съ пчелами; они повѣдутъ васъ и въ тѣ участки лѣсовъ, гдѣ находилось множество отличныхъ бортей. Нѣкоторые изъ нихъ помнятъ количество сотенъ бочекъ съ медомъ и число пудовъ, которые ежегодно отпускаемы были нашими дѣдами, а отчасти и отцами да грациду. Помните хорошанько; и во многихъ помѣстьяхъ на гумнахъ, въ другихъ хозяйственныхъ строеніяхъ, вы, вѣрно, найдете груды пустыхъ ульевъ, не совсѣмъ еще встлѣвшихъ; и въ-то-го, охотникамъ дозвѣрливой ловли часто встрѣчаютъ въ своихъ лѣсахъ, пустыя бортни, еще не поврежденныя, для частию уже гнилыя: въ нихъ нынѣ уже водятся не полезныя пчелы, но множатся вредныя насѣкомыя и глады. Дѣды и отцы наши, во время охоты строго наблюдали не только за цѣлостію лѣсовъ, но и за благосостояніемъ бортеваго пчеловодства. Этихъ знатоковъ бортники обмѣшивать не смѣли. Если владѣльцы сомнѣвались въ

исправности бортниковъ, то, при себѣ, приказывали молодымъ дворянамъ влѣзать къ бортямъ; а тогдашняя молодежь взбиралась на вершину гладкаго дерева съ такою ловкостію, съ какою гуляютъ по лѣсамъ бурудники (родъ бѣлки). И тогда горе нерадивому бортнику! Наши прадеды строго смотрѣли за своими пчельниками. Во время путешествія въ лѣсныхъ губерніяхъ, вы нерѣдко замѣтите въ селеніяхъ и на пахатной почвѣ, бортисъ пчелами, иногда довольно отдаленныя отъ ничтожнаго, въ настоящее время, лѣсу; и вамъ можетъ быть, и въ голову не придетъ, что эти деревья съ бортями находились встарину, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ, въ самой серединѣ непроходимой дебри. Ихъ не истребила рука человѣка, который любилъ и высоко цѣнилъ сладкую дань пчелъ; онъ основательно рассчиталъ во время приготовления пахатной земли въ лѣсу, что малое мѣсто, занимаемое деревомъ съ бортюю, конечно, доставитъ больше и вѣрной ему прибыли, чѣмъ тогда, когда бы его засѣять пшеницею.

Изъ нашей братьи стариковъ многіе еще въ молодости видывали, какъ иногда сосѣди или даже отцы ихъ въ ихъ же наслѣдственныхъ помѣстьяхъ, продавали по нѣскольку сотъ бочекъ съ медомъ и множества комовъ воску. А нынче ничего нѣтъ.

Страствуя по чужимъ и промышленнымъ государствамъ съ цѣлю открыть образецъ усовершенствованнаго пчеловодства, — мы разсуждали и о торговлѣ пчельными произведеніями, съ тамошними купцами, покупающими и нынѣ ихъ покупающими отъ насъ. Иностранцы старожилы бранили насъ за то, что мы пренебрегли пчелами — нашими благодѣтельницами, удивляясь, что многіе нынѣшніе сельскіе хозяева въ Россіи принялись за нѣкоторыя неизвѣстныя своими результатами отрасли промышленности, которыя не доставляютъ даже средней прибыли, а пренебрегли пчеловодствомъ, вѣрнымъ источникомъ довольства и богатства, испытаннымъ вѣками. Они доказывали намъ фактами, что наши дѣды получали многіе милліоны гульденовъ и талеровъ, отъ ихъ дѣдовъ, за воскъ и медъ. «Вы заставляете, говорили они, другіе народы привыкать

къ сахару, и отвѣкать отъ вашего меду; а вмѣсто воску прибрѣгать къ другимъ искусственнымъ веществамъ, для освѣщенія жилищъ своихъ. Поспѣшите заглядѣть свою вину, пока мы не привыкнемъ къ употребленію произведеній, угрожающихъ вамъ чувствительнымъ убыткомъ. Торговые документы показываютъ, что въ XVI вѣкѣ доставлено было за границу, для продажи, изъ части областей, составляющихъ нынѣ Россійскую Имперію, наибольшее количество меду и воску; но въ XVII столѣтіи оно уменьшилось; въ минувшемъ столѣтіи еще болѣе; однако жъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, наши отцы, а отчасти и мы, ежегодно продавали иностраннымъ купцамъ меду и воску, собранныхъ въ одной Европейской Россіи, на сумму отъ пятидесяти до осмидесяти милліоновъ рублей ассигнаціями. Прочитавъ «Виды государственной внѣшней торговли,» за нѣсколько предъидущихъ лѣтъ и за нынѣшній годъ, вы съ сожалѣніемъ узнаете, что продажа меду почти совсѣмъ прекратилась, и наши торговцы высылаютъ его для заграничнаго употребленія самое ничтожное количество. «Развѣ за границею не нуждаются уже въ медѣ и воскѣ?» Этого быть не можетъ, потому что во многихъ случаяхъ, никакъ нельзя обойтись безъ этихъ произведеній. Вы можете узнать о высокой цѣнѣ, особенно на медъ, въ чужихъ земляхъ, изъ тамошнихъ вѣдомостей сельскимъ произведеніямъ. У насъ, въ настоящее время, осталось весьма мало пчелъ въ-живыхъ; поэтому мы не имѣемъ меду на продажу для иностранной торговли. Цѣна на нашъ воскъ довольно высока; но она еще поднимется, когда израсходуются запасы этого продукта, накопившіеся втеченіи прошлыхъ лѣтъ. Изъ тѣхъ же «Видовъ внѣшней торговли» нашихъ, вы узнаете, что въ Европѣ почти нѣтъ народа, который не былъ бы принужденъ покупать отъ насъ произведеній пчелъ. Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, отъ насъ высланъ былъ за море одинъ лишь воскъ. Жаль, и очень жаль, что мы добровольно отказались отъ прекраснаго барыша, какой издавна доставляла Россіи продажа меду.

Какъ бы то ни было, странно подумать, будто природа дѣятельно пеклась о благосостояніи пчелъ нашихъ дѣдовъ

и отцовъ, а объ нашихъ и забыла. Спросите у нынѣшнихъ искусныхъ пчеловодовъ: доставляютъ ли пчелы и нынѣ, какъ прежде, желаемую прибыль? Откровенные вамъ скажутъ: «Слава Богу! Занятіе этимъ насѣкомымъ вознаграждается изобильно, особенно впродолженіи благодатныхъ годовъ». Тѣ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые держали пчелъ, не требовали отъ господъ своихъ пособія ни втеченіи шести необыкновенно неурожайныхъ годовъ, ни во время сильнаго падежа на домашній скотъ. Состояніе поземельныхъ владѣльцевъ и ихъ крестьянъ постепенно становится хуже, послѣ упадка этой промышленности.

Лѣтъ за сорокъ назадъ, мы, полюбивъ пчелъ по той причинѣ, что онѣ доставляютъ не только хорошую прибыль, но очень пріятное занятіе, впоследствии убѣдились въ томъ, что эту прибыль легко можно и должно не только увеличить, но даже упрочить, посредствомъ введенія въ употребленіе усовершенствованнаго улья, улучшенныхъ способовъ и тріемовъ ухода за пчелами. Не открывъ, желаемаго пчелинаго домика, ни этихъ способовъ на родинѣ, мы надѣялись найти ихъ въ чужихъ земляхъ, обманулись въ своей надеждѣ. Стыдно признаться, но можно сказать правду: германскіе натуралисты напомнили намъ, что пчеловодство доведено было до высокой степени совершенства нашими предками, и мы снова принялись отыскивать въ отечествѣ то, чего не нашли на родинѣ. Впоследствии замѣтивъ, что наши поземельные владѣльцы начали болѣе и болѣе пренебрегать медоносными пчелами, мы всѣми силами старались возродить въ нихъ прежнюю любовь и охоту къ этому насѣкомому: помѣщая въ журналахъ статьи объ этомъ предметѣ, а впоследствии издали полное сочиненіе объ улучшенныхъ способахъ ухода за пчелами. Втеченіи минувшихъ двадцати годовъ, лѣтомъ, мы собирали и испытывали на дѣлѣ различныя о пчеловодствѣ, а зимою составляли отчеты о нашихъ удачныхъ опытахъ, или же писали курсъ науки практическаго пчеловодства». Труды наши не остались безъ пользы: многіе охотно приняли-было за исполненіе нашихъ совѣтовъ и наставленій; но, къ сожа-

лѣнію, нѣкоторые покинули это занятіе, потому что послѣдніе шесть лѣтъ были весьма бѣдственны не только для пчеловодства, но и для многихъ другихъ вѣтвей сельской промышленности. Намъ не случилось слышать отъ старинныхъ пчеловодовъ, ни читать въ книгахъ о такой продолжительной эпохѣ бѣдствія для пчеловодства. Въ эти несчастные шесть лѣтъ хозяева, во многихъ губерніяхъ, спасали пчелъ отъ голода однимъ сахарнымъ пескомъ. Въ такое безпримѣрно бѣдственное время, надобно было бороться съ безчисленными затрудненіями на этомъ поприщѣ; но зато сколько новыхъ идей, новыхъ улучшеній и взглядовъ доставила намъ эта тяжкая практика! Въ природѣ много предметовъ, которые познаются лишь долговременными наблюденіями, труднымъ опытомъ. Въ прибавленіи къ нашему сочиненію о практическомъ пчеловодствѣ, именно въ третьей и четвертой частяхъ, описаны новѣйшія наблюденія и собственные наши опыты по этому предмету. Мы на себѣ испытали, что нужда есть лучшая наставница. Признаемся откровенно, что продолженіе этого сочиненія много выиграло тѣмъ, что въ немъ помѣщены средства и мѣры могущія охранить пчелъ отъ гибели, слѣдствія опытовъ, приобретенныхъ именно при этомъ и даже при безпримѣрномъ бѣдствіи для пчеловодства.

Въ настоящее время, только мы, Рускіе, въ состояніи довести свое пчеловодство до высокой степени благосостоянія. Въ сочиненіяхъ Эренфельса и другихъ писателей, объ этомъ предметѣ, показано, до какого числа можно размножить вынѣ существующіе рои, такъ чтобы ихъ выгодно было содержать въ болѣе части образованныхъ и промышленныхъ европейскихъ государствъ. Между тѣмъ пчеловодствомъ вообще мало занимаются. Французское правительство и нѣкоторыя другія, назначили денежныя награды для пчеловодовъ, отличающихся своей дѣятельностію; несмотря на то, пчеловодство въ этихъ государствахъ въ самомъ незавидномъ положеніи. Исключая Венгрію, мы нигдѣ не видали и не слышали, чтобы поселянинъ имѣлъ тысячу роевъ пчелъ; а у насъ, лѣтъ десять тому назадъ, не трудно было найти простаго мужика, у котораго больше

тысячи роевъ, особенно въ тѣхъ русскихъ областяхъ, которыя издревле славились этого роду промышленностію. Въ нашемъ Курсѣ Пчеловодства показано до какого числа пчельныхъ семей мы легко и съ прибылью могли бы размножить тѣхъ, которыя существуютъ нынче.

Разсмотримъ главнѣйшія свойства и преимущества русскихъ пчелъ передъ иностранными, а потомъ взглянемъ и на удобство нашихъ мѣстностей для пчеловодства.

Старинныя лѣса исчезли, по извѣстнымъ причинамъ, почти во всѣхъ другихъ государствахъ, а съ ними вмѣстѣ прекратилось и тамошнее бортевое пчеловодство—главное основаніе этой промышленности. Далѣе, мы упомянемъ о причинахъ преимущества пчелъ, живущихъ въ бортахъ, и тѣхъ, которыя укрываются втеченіи многихъ вѣковъ въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ естественныхъ бортахъ или въ дуплахъ деревьевъ, передъ тѣми, которыя собраны пастъчниками въ ульяхъ, и помѣщены ими въ пастъкахъ или пчельникахъ, или прикрѣплены къ деревьямъ въ лѣсахъ.

За исключеніемъ одной Саксоніи, мы нигдѣ въ иностранныхъ государствахъ, не находили бортеваго пчеловодства; да и тамъ оно едва дышитъ. По словамъ ученыхъ саксонскихъ любителей пчелъ и всего полезнаго и прекраснаго, существующее въ одной Саксоніи общество пчеловодовъ употребляло всѣ возможные мѣры, чтобы поддержать этотъ памятникъ старины. Но какъ въ саксонскихъ лѣсахъ нѣтъ уже такихъ деревьевъ, въ которыхъ дикіе рои могли бы укрываться въ продолженіи многихъ вѣковъ, отъ глаза надкаго на медъ челоуѣка, то саксонскія бортевыя пчелы, съ давняго времени не подкрѣпляемы сильными и совершенно дикими породами пчелъ, вырождались и теперь уже совсѣмъ не тѣ, какими были исторіи. Въ настоящее время, бортей нѣтъ уже ни во Франціи, ни въ Великобританіи, ни во многихъ иныхъ государствахъ; ничтожное число ихъ, кое-гдѣ находящееся, не можетъ имѣть благотворнаго вліянія на общее иностранное домашнее пчеловодство. Изъ этого видно, что чужеземныя пчелы не могутъ долго существовать по той причинѣ, что дикіхъ породъ невозможно подкрѣпить, за

неимѣніемъ сильныхъ, природныхъ или дикихъ роесъ. Напротивъ того, въ бѣльшей части областей нашего необъятнаго отечества, и нынче еще есть много вѣковѣчныхъ, непроходимыхъ лѣсовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и въ наше время, находится множество не только бортей съ пчелами, но и совершенно дикихъ роесъ, отъ вѣковъ укрывающихся въ дуплахъ. Эти рои, никогда не испытывавъ тягелаго яга человѣческаго, составляютъ нынѣ драгоценнѣйшую рѣдкость и находятся только въ одной Россіи. Стало-быть она одна можетъ и должна поставить свое пчеловодство на высокую степень совершенства.

Люди, не понимающіе ни природы нѣжныхъ пчелъ, ни сущности ухода за ульями и бортами, по своей жадности къ меду, не только безжалостно и притомъ весьма частонучать ихъ дымомъ, но, въ концѣ лѣта, грабятъ ихъ до того, что эти насѣкомья, по недостатку въ кормѣ, втеченіи поздней осени, зимы и ненастной весны, совершенно ослабѣваютъ, и даже отчасти погибаютъ. Но какъ бортнику трудно добраться до борти, выдѣланной во внутренности высокаго и гладкаго дерева, то бортевые рои не такъ часто страдаютъ отъ дыму, грабительства и разнаго роду безпомощства, какъ рои домашніе или помѣщенныя въ ульяхъ на землѣ. Это одно уже показываетъ, что бортевыя пчелы необходимо должны имѣть бѣльшія преимущества передъ домашними. Не говоримъ уже о тѣхъ счастливыхъ пчелахъ, которыя всегда избѣгали и избѣгаютъ знакомства съ ужаснымъ непріателемъ своего блаженства — человѣкомъ. Ни во время странствованія нашего по чужимъ государствамъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, ни при улучшеніи воослѣдствіи пчеловодства въ степныхъ нашихъ губерніяхъ, мы не знали объ этомъ различіи и преимуществѣ дикихъ пчелъ передъ домашними. Но въ 1816 году, прибывъ въ Литву, которая, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій славилась своимъ бортничествомъ, мы не безъ труда узнали о такихъ бортникахъ, которымъ старинныя мастера этого дѣла передали весьма важныя секреты. Эти знатоки скрываютъ свое искусство отъ невѣждъ пчеловодовъ, потому что боятся прослыть колдунами. На разспросы наши, глупцы бортники и пасѣчники въ Литвѣ

перевъ говорили намъ: «Ступай, братко, къ Степану бортнику, брату дѣвола, если самъ хочешь подружиться съ вѣстистымъ». Въ Царствѣ Польскомъ, этого не замѣтно. У насъ на Руси мужичокъ-пчеловодъ не имѣетъ довѣренности ни къ кому и отъ него ничего не узнаешь, если не обласкаешь его, не заплатишь ему за секреты переданные ему дѣдомъ, или отцомъ. Правду сказать, эти-то мнѣшныя колдуны научили и насъ многому и весьма полезному, чего мы напрасно искали и въ чужихъ краяхъ и въ книгахъ. Желая испытать на дѣлѣ преимущество совершенно дикихъ пчельныхъ роевъ передъ домашними и бортевыми, страдавшими, впродолженіи многихъ вѣковъ, отъ мученій и грабежей пѣсѣчниковъ и бортниковъ, не понимающихъ ни свойствъ этого насѣкомаго, ни своей отъ него прибыли, — мы достали рой, вышедшій изъ дупла, находившагося посрединѣ непроходимаго лѣсу. Въ тотъ же самый день собрали другой рой, появившійся изъ улья, находившагося въ пѣсѣкѣ. Эти два роя тотчасъ были помѣщены, одинъ возлѣ другаго въ пчельникѣ. Оба они имѣли то же самое количество пчелъ. На обоихъ пустахъ ульяхъ былъ замѣченъ ихъ вѣсъ. Свѣсивъ осенью оба эти улья, мы, къ удивленію нашему, нашли, что рой-дикарь наносилъ меду двумя пудами съ половиною больше, чѣмъ происходящій отъ домашнихъ, хилыхъ пчелъ: въ первомъ ульѣ медъ вмѣстѣ съ восчаными сотами, вѣсилъ три пуда и двадцать фунтовъ; а въ другомъ оказалось вѣсу—около пуда. Въ лѣсныхъ русскихъ провинціяхъ, пѣсѣчники изъ крестьянъ часто имѣютъ случай покупать у господскихъ бортниковъ и лѣсныхъ сторожей, рои, собранные въ лѣсу, во время ройки; и такимъ образомъ они подкрѣпляютъ хилыхъ домашнихъ пчелъ рѣзвыми бортевыми, или же совершенно дикими. Но въ степныхъ, особенно въ южныхъ, губерніяхъ нашихъ, удивительно обильныхъ сахаристою влагою и сверхъ-того одаренныхъ другими удобствами, пчелы совершенно ослабѣли, отчасти по выше приведеннымъ причинамъ. Степные пчеловоды, подкрѣпивъ своихъ домашнихъ пчелъ сильными, дикими роями, чрезвычайно увеличили бы не только свой доходъ отъ этой промышленности

ности, но была бы въ состояніи и упрочить ее. Они могли бы снабжать медомъ и воскомъ жителей цѣлой Европы. И повѣрьте, что это не пустая фраза. Само собою разумѣется, что сильные рои безвредно переходятъ и тѣмъ заключенія, отъ которыхъ дряхлые погибаютъ—такъ древесный листъ осенью.

Не довѣряя одному, выше описанному опыту, мы его часто и позже повторяли и много слышали объ этомъ и отъ опытныхъ бортниковъ и дѣсиныхъ насѣчниковъ въ Польшѣ и Литвѣ. Пчеловоды, знающіе, по преданію, старинныя способы какъ не только размножить это насѣкомов, но и оберегать приумноженное отъ потери, признавались намъ, что они надѣются на вѣрную прибыль единственно отъ воска, добытыхъ изъ непроходимой дѣсной чащи. Старожилы также узнали изъ многолѣтняго опыта, что пчелы, обитающія въ бортикахъ, выдѣланныхъ на опушкѣ дѣсовъ, менѣе сильны и трудолюбивы, чѣмъ собиравшія въ глубинѣ большаго дѣсу. Въ странѣ, обильной домашними пчелами, рой, за которыми не хорошо смотрѣть, весьма часто уходитъ изъ пчельниковъ и дѣсокъ, а члени рои, въ дѣса и поселяются въ пустыхъ бортикахъ, а иногда и въ удобномъ дуплѣ.

Три года провели мы въ Царствѣ Польскомъ, пятнадцать лѣтъ жили въ различныхъ странахъ Литвы; впрочемъ, долженъ осмыслить лѣтъ бѣдуемъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ—скудныхъ на медъ и хорошую, теплую погоду, не упоминая уже о тѣхъ счастливыхъ лѣтахъ, когда мы посвящали улучшенію пчеловодства на чужбинѣ в родинѣ, весьма благопріятной для пчелъ. Нѣкоторые бортники, имѣющіе своихъ пчелъ въ бортикахъ и въ дѣскахъ, въ дѣсахъ Государственныхъ Имуществъ, получили, въ наслѣдство отъ своихъ предковъ и члени основательныя свѣдѣнія о своемъ занятіи. Они говорятъ, что встарину казна, получая отъ этой промышленности многіе милліоны, старалась имѣть хорошихъ бортниковъ и смотрителей за бортничествомъ.

Въ Пруссіи (въ Польшѣ), изстари жилъ старинный бортниковъ (*Caritaneas mellicidagum*). Этотъ управитель бортническаго пчеловодства имѣлъ право казнить даже своихъ

отданныхъ пчелогубцевъ. Въ части Германіи, Польшѣ и въ Литвѣ желающій быть бортникомъ долженъ былъ держать экзаменъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ прежняго процвѣтанія дѣдовскаго пчеловодства въ нѣкоторыхъ земляхъ, принадлежащихъ нынѣ къ Россійской Имперіи.

Въ 1830 году, мы обозрѣвали украинское пчеловодство. Въ этомъ краю въ употребленіи ульи, которые въ иныхъ мѣстахъ называются бездонками, а въ Малороссіи бучками. Въ лѣсной сторонѣ повсемѣстно находятся одни колыбельные ульи въ пасѣкахъ и на одрахъ. На Украинѣ существуетъ, кое-гдѣ, и бортничество. Одинъ грановскій крестьянинъ просилъ насъ присутствовать при собираніи меда въ своемъ богатомъ пчельникѣ. Въ этомъ пчельникѣ много бездонковъ съ пчелами стояло на *подкопахъ*. Если бездонный улей совершенно наполнился медомъ, а взятки на цвѣтахъ еще продолжается, то пасѣчникъ копаетъ подъ этимъ ульемъ яму; бездонокъ не имѣетъ внизу крошки (дна); поэтому пчелы продолжаютъ строеніе сошны въ яму, называемую, по-здѣшнему, *подкопомъ*. Бѣднѣе пасѣкомое, предназначенное отъ природы жить на привольи, въ дуплѣ, или въ борти, высоко на деревѣ, какъ здѣсь трудиться въ ямѣ — какъ кротъ, или лягушка! Понятно, что трудъ въ сырой ямѣ весьма вреденъ такому нѣжному пасѣкомому, какъ медоносная пчела; понятно и то, что степныя пчелы должны были потратить природную свою силу и рѣзвость. Обращая живѣйшее вниманіе на всѣ приемы и способы, употребляемые во время грановскаго медособиранія, мы были чрезвычайно удивлены тѣмъ, что для поднесенія нѣкоторыхъ ульевъ, должно было употребить двухъ сильныхъ крестьянъ; напротивъ того, иной улей поднималъ и подносилъ одинъ дряхлый старичокъ пасѣчникъ. Оказалось, что въ ульяхъ преимущественно богатыхъ медомъ, собраннымъ втеченіи однихъ лѣтъ, обитали пчелы, купленные владѣльцемъ у старика, года за три назадъ.

Место не позволяетъ подробно описывать всѣхъ опытовъ, сдѣланныхъ нами втеченіи многихъ лѣтъ, для убѣжденія общества другихъ въ преимуществѣ лѣсныхъ пчелъ передъ до-

машинными. При этомъ должно сказать и о томъ, что наши степныя губерніи чрезвычайно благопріятствуютъ не только урожаю на зерновой хлѣбъ, но и произведенію удивительнаго обилія сахаристой жидкости. Мѣстами, на одной квадратной южной и западной степной мили, находили мы по пяти тысячъ ульевъ съ пчелами; и несмотря на то, что эти пчелы были весьма хилыя, большая часть ульевъ была совершенно полнолѣсна. Изъ этого должно заключить, что, если бы въ тѣхъ странахъ развести пчельники изъ отличныхъ породъ, то онѣ по-прежнему славились бы своимъ медовымъ богатствомъ. Въ однихъ южныхъ нашихъ губерніяхъ и въ Южной Сибири, легко можно собирать такое множество меду и воску, что можно было бы удовлетворить не только нашимъ потребностями, но и нуждамъ другихъ европейскихъ государствъ. Средства къ достиженію этой цѣли изложены въ нашемъ сочиненіи о практическомъ пчеловодствѣ.

Изъ всего сказаннаго выше, видно, что источники меду, въ большей части нашего отечества, весьма обильны и, сверхъ-того, что въ настоящее время, въ одной только Россіи имѣются рои превосходной породы; но этого еще недостаточно для процвѣтанія народнаго пчеловодства: надобно, чтобы сверхъ-того мѣстами, въ иностранныхъ державахъ, народонаселеніе увеличилось дотого, что оно препятствовало бы успѣхамъ пчеловодства. Естественныиспытателямъ извѣстно, что это насѣкомое, по своей дикой природѣ, никакъ не можетъ долго ужиться, если его помѣститъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ всегда есть люди. Впродолженіи сорокалѣтняго наблюденія нашего за пчелами, мы часто въсили медъ и воскъ собранный трудящимися на такомъ мѣстѣ, гдѣ весьма рѣдко показываются люди, или другія животныя; и также въ селеніяхъ и мѣстечкахъ, гдѣ рои помѣщены въ садахъ, близъ домовъ своихъ владѣльцовъ; мѣстами также убѣдились мы фактами въ томъ, что первыя пчелы меньше имѣли источниковъ медовой жидкости, чѣмъ обитавшія въ селеніяхъ или мѣстечкахъ; несмотря однако жъ на это преимущество, перевѣсъ меду и воску всегда оказывался у тѣхъ, которыя трудились на безлюдномъ мѣстѣ. Наблюденія Реомюра показываютъ,

что пчелы живутъ въ Парижѣ не такъ долго какъ въ окрестностяхъ этого города. Народонаселеніе въ бѣльшей части необъятной Россіи нескоро увеличится до такой степени, до какой оно уже дошло въ другихъ государствахъ. Наши пчелы еще нѣсколько вѣковъ не могутъ испытывать препятствія съ этой стороны. Собственнымъ выгоды и любовь къ ближнимъ должны сильно поощрять насъ къ размноженію пчелъ — благодѣтельница нашихъ, не только для снабженія нашихъ соотчичей, но и иностранцевъ, медомъ и воскомъ. Различныя, трудныя обстоятельства вскорѣ заставятъ насъ приняться за улучшение этой отрасли промышленности. Въ 1842 году наши земледѣльцы продавали мѣстами четверть ржи по двадцати рублей ассигнаціями, а въ 1843 мѣстами принуждены были сбывать ее по два или по три рубля. Это очень часто случается въ губерніяхъ урожайныхъ на хлѣбъ и сверхъ-того отдаленныхъ отъ судоходныхъ рѣкъ. Безденежье непременно заставитъ тамошнихъ поселянъ имѣть медъ и воскъ, чтобы отъ ихъ продажи получать деньги, необходимо нужныя для поддержанія себя съ семействами.

Ни одна отрасль сельскаго хозяйства не можетъ двинуться впередъ, если люди, долженствующіе заниматься ею, не имѣютъ нужныхъ для этого свѣдѣній, или ежели не чувствуютъ въ себѣ сильнаго къ ней влеченія; наконецъ, если они не имѣютъ отъ природы дарованія научиться уходу за прибыточною промышленностью. Правда, нынче у насъ не знаютъ способовъ размножать пчелъ, а всего болѣе, не умѣютъ охранять отъ гибели въ критическіе годы, роевъ, размножившихся въ продолженіи благодатныхъ лѣтъ. Повѣрьте на-слово человеку опытному, состарѣвшемуся между пчелами, что нельзя не привязаться къ этому насѣкомому, какъ-скоро съ нимъ познакомишься по-ближе; что всѣ мы въ состояніи придумать способы ухода за ними и спасенія ихъ отъ убыли въ самыхъ даже бѣдственныхъ обстоятельствахъ; но, къ сожалѣнію, не многіе изъ насъ объ этомъ думаютъ. Всѣ мы нуждаемся въ примѣрахъ и образчикѣ усовершенствованнаго пчеловодства. Не должно надѣяться на другихъ, но всякій изъ насъ долженъ про себя думать. Повѣрьте, лишь

бы охота была, всякій достаточный Рускій въ состояніи нынѣ сдѣлать для себя образецъ самаго совершеннаго пчеловодства. Мы уже ни въ чемъ не нуждаемся, что отнесется до этого предпріятія, кромѣ чтенія хорошаго наставленія, трудолюбія, предпріимчивости и настойчивости; остальное, вѣрьте намъ, сущая бездѣлица. Если же не вѣрите намъ, то читайте извѣстія о пчелахъ, составленныя вашими предками: они открыли удивительный способъ искусствомъ производить пчелиную матку и обнародовали его въ своемъ законѣ о бортничествѣ въ XV вѣкѣ. За сообщеніе этого секрета Европѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, она готова была воздвигнуть памятникъ Шираху!—Мы часто имѣли случай бесѣдовать съ нашими крестьянами въ лѣсахъ и на степяхъ о пчельномъ дѣлѣ; нѣкоторые изъ нихъ удивляли насъ своею проникательностію и находчивостію въ изобрѣтеніи всего, что можетъ принести пользу этому насѣкомому. Всякій изъ насъ долженъ быть твердо увѣренъ, что въ нашемъ народѣ наиболѣе можно найти людей способныхъ на все. Наши помѣщики пренебрегаютъ этою прекрасною и прибыточною промышленностію, а простолюдины зовутъ даровитыхъ нашихъ пчеловодовъ колдунами. Въ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ, пчеловоды на рукахъ носили бы счастливыхъ мужичковъ, которые у насъ даже стыдятся показаться на глаза сосѣдямъ; они скрываются въ своихъ насѣкахъ, или наблюдаютъ въ лѣсахъ за сотнями своихъ бортей. Анекдоты объ этихъ природныхъ пчеловодахъ, весьма интересны; но въ наше время не для кого ихъ печатать.

Въ другихъ государствахъ, кромѣ необыкновеннаго народонаселенія, для пчелъ или слишкомъ жарко или сыро. Англичане перевозили въ свое отечество отличныя породы роевъ, изъ нашихъ лѣсовъ; но опытъ убѣдилъ ихъ, что это насѣкомое изъ роду тѣхъ, которыхъ акклиматизировать не возможно.

По мнѣнію извѣстнѣйшихъ пчеловодовъ и нашему собственному, эту отрасль невозможно поставить на высокую степень, даже и въ благоприятныхъ для нея мѣстополюженіяхъ, до-тѣхъ-поръ пока не будетъ изобрѣтено улей,

соотвѣтствующій всѣмъ требованіямъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, улей, изобрѣтенный нами, былъ признанъ въ Варшавѣ, тамошнимъ Обществомъ Друзей Наукъ (въ 1828 году), однимъ изъ лучшихъ, этому обществу извѣстныхъ. Съ тѣхъ—поръ мы безпрестанно то повѣряли его доброту, то упрощали устройство этого пчельнаго домика. Но мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе въ другой статьѣ. Втеченіи нынѣшней весны, мы имѣли случай узнать о пчеловодствѣ сибирскомъ отъ тамошняго помѣщика, И. И. Коновалова, который давно уже и съ большимъ успѣхомъ занимается, близъ Красноярска, размноженіемъ пчелъ по нашей методѣ. Въ бѣльшей части этого пространнаго края, весьма благопріятнаго для пчелъ, онѣ приносятъ много меду, который гораздо вкуснѣе даже казанскаго, не говоря уже о воскѣ. Край, обильный медовыми цвѣтами и мало населенный, настоящій рай для пчелъ. Если бы другой, промышленный народъ, пользовался такими удобствами для пчелъ, то мы принуждены бы были покупать у него произведенія этого насѣкомаго. Къ несчастію, въ другихъ государствахъ разныя выдумки, несвойственныя природѣ пчелы, сильно содѣйствуетъ упадку этой отрасли промышленности; да и у насъ кое—гдѣ появляются пчелогубцы. Постараемся же по—мѣрѣ силъ, если не уничтожить, то по—крайней—мѣрѣ ограничить это пагубное нововведеніе.

Н. ВИТВИЦКІЙ.

ПЧЕЛОВОДСТВО ВЪ РОССІИ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Въ первой статьѣ мы изобразили бѣдственное положеніе пчеловодства въ нашемъ отечествѣ; теперь поговоримъ о средствахъ, которыми можно возстановить эту отрасль промышленности, довести ее до первобытнаго цвѣтущаго состоянія.

Само собою разумѣется, что тотъ, кто хочетъ не только размножить пчелъ, но получать отъ нихъ награду за труды свои — прежде всего долженъ развести какъ можно больше цвѣтовъ, кустовъ и деревьевъ тѣхъ сортовъ, на которыхъ пчелы охотно садятся и особенно такихъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ и другую прибыль, напримѣръ: желтѣяница доставляетъ много меду, и кромѣ-того цвѣты ея дорого продаются красильщикамъ. Сахаристый кленъ долго угощаетъ рой на своихъ цвѣтахъ; онъ также даетъ тѣмъ въ садахъ, а позже употребляется на доски, изъ которыхъ дѣлаются, ульи весьма любимые пчелами. Яблонь цвѣтетъ для этого насѣкомаго; она, сверхъ-того, доставляетъ плоды, а состарѣвшись служитъ для столярной работы. Гречиха весьма много доставляетъ не только меду, но крупы и соломы. Есть счастливые края, гдѣ сама природа производитъ множество полезныхъ растений, но въ другихъ

Т. LXII. — Отд. IV.

1/2

мѣстахъ ей надобно помогать засѣваніемъ, поздно осенью, цвѣтушихъ растений. Природа матерински заботясь, чтобы человѣкъ никогда не нуждался въ медѣ, создала въ лѣсахъ, въ помощь пчеламъ, неисчислимые миллионы насѣкомаго, называемаго тлею (arhis, ruscigons). Это насѣкомое производитъ лѣтомъ удивительно много настоящаго меду, образуемаго изъ жидкости, добываемой на листьяхъ дуба и другихъ деревъ; оно обливаетъ этимъ медомъ листья любимыхъ растений и пчелы съ жадностью сносятъ его въ свои кладовыя. Нынѣ одни муравьи лакомятся безцѣннымъ даромъ тли. Впрочемъ, величайше это животное, которое высоко цѣнили это крошечное насѣкомое, которое они звали пчельничкомъ. Во время цвѣтенія липы, чернокленовъ, вереска, какъ-скоро показалась тля, старайтесь приблизить пчелъ къ этимъ настоящимъ источникамъ меду. Дорожите временемъ трудолюбивыхъ труженицъ; не заставляйте ихъ летать далеко, чтобы собирать матеріалы для вашего лакомства. Деревья, о которыхъ мы говоримъ, растутъ въ лѣсахъ: такъ надобно заводить тамъ борти, или прикрѣплять ульи къ деревьямъ, во время той добычи. Часть пчелъ должна обогащаться на цвѣтахъ, находящихся на пахатной почвѣ, а другая часть въ лѣсу. Впродолженіи весны надобно помѣщать ульи на лугахъ и въ лѣсахъ; позже часть переставлять на пахатныя мѣста, особенно на поля засѣяныя. Соломенные ульи, по своей легкости, имѣютъ большое преимущество передъ деревянными. Иногда мало бываетъ меду на цвѣтахъ, извѣстныхъ его обиліемъ; иногда между ними много пустоцвѣту. Надобно замѣчать куда летаетъ это насѣкомое, туда переселять и его. Колодовые ульи весьма трудно перемѣщать; поэтому мы и совѣтуемъ заводить одни легонькіе соломенные, даже и тамъ, гдѣ въ лѣсномъ матеріалѣ нѣтъ недостатку. Пчелиная ботаника познакомитъ любителей пчеловодства съ растениями, нужными для медоносницъ. Лучше не держать этого насѣкомаго, чѣмъ морить его голодомъ. Главное дѣло въ пчеловодствѣ: въ томъ, чтобы доставлять пчеламъ, отъ снѣгу до снѣгу, возможно большее обиліе цвѣтовъ, богатыхъ сахарною жидкостью. Втеченіи благодатныхъ лѣтъ пчелы удаются и деревенской бабѣ, по той причинѣ, что повсюду имѣется для нихъ обиліе прибыли.... Мастеръ дѣла тотъ, у кого

меду вдоволь даже и тогда, когда у неведь пчелы гибнутъ отъ голоду. Мы видывали пчельники и на такихъ бывшихъ мѣстахъ, гдѣ бы негодилось помѣщать медоносницъ; дѣло въ томъ, что ботанисты сдѣлали изъ нихъ рай для своихъ любимницъ—пчелъ.

Въ первой статьѣ мы говорили, какъ необходимо записаться самыми отличными породами пчельныхъ роствъ; и объяснили причины этого совѣта. Отличныя овцеводы дорого получаютъ въ чужихъ краяхъ лучшаа породы овецъ. Ихъ примѣру должны слѣдовать и предприимчивые пчеловоды. Передъ роикю надобно отправить добровольскаго и опытнаго пчеловода въ мѣста, гдѣ процвѣтаетъ бортничество и поручить ему приобрести лучшаа роя, а между тѣмъ приготовить имъ ульи дома или въ мѣду. И эти рои уйдутся у васъ если вы хотя немножко будете объ нихъ заботиться. Надобно только постараться, чтобы они зялою не умерли отъ голоду и холоду. Это такъ легко! А вы будете пчелы насѣкомья признательны, онѣ щедро награждать васъ за ваши труды. Это не то, что омы.

Съ опами хлопотъ много и никогда нѣтъ никакой возможности уберечь ихъ. При томъ овцеводы тратятъ значительныя капиталы въ чужихъ краяхъ на приобретение и доставку овецъ лучшиихъ породъ. Пчеловодамъ, напротивъ, надобно очень немного денегъ для того, чтобы закупить пчелъ въ русскихъ мѣстахъ; сверхъ-того эти деньги остаются въ нашемъ отечествѣ. Бываютъ несчастныя года, когда даже у рачительныхъ и свѣдущихъ хозяевъ погибаетъ множество овецъ, напримѣръ когда нѣсколько лѣтъ сразу неурожай на траву и хлѣбъ. Пчелы никогда не погибаютъ отъ голоду у хозяевъ, у которыхъ есть довольно меду для прокормленія ихъ втеченіи зими. Медъ не портится и по прошествіи многихъ вѣковъ; а сѣно, сѣлома и другая пища для домашнихъ животныхъ, подвергается скорой портѣ. Однимъ словомъ, овцеводъ подвергается большимъ рискамъ, пчеловодъ—никакимъ.

Но всѣ гуслія наши будутъ тщетны, и пчелы не принесутъ вамъ порядочной выгоды, если вы не приготовили для нихъ удобнаго жилища. Теперь у насъ есть улей, соответствующій всѣмъ требованіямъ. Рой, собранный въ такомъ ульѣ, легко приумножаетъ, въ удобное время, чи-

мо своихъ сотрудниковъ, которыя вскорѣ выродились его медомъ, впоследствии отдѣляются, по причинѣ тѣсноты и выходятъ роємъ. Сверхъ-того, пчелы доставляютъ значительную выгоду тогда только, когда онѣ, втеченіи благоприятнаго лѣта, не ронились. Съ ульемъ, о которомъ мы говоримъ, ихъ легко удержать отъ этого. Сверхъ-того нашъ улей имѣетъ и то достоинство, что мы никогда не будемъ принуждены убивать пчелъ.

Чтобы пчелы, во время ройки, вновь собранныя, запасались достаточнымъ количествомъ меду, надобно собирать ихъ въ такіе ульи, гдѣ есть пустые соты, заготовленные ими прошлаго лѣта, а гдѣ сотовъ не осталось, такъ надобно ихъ пригнѣлять. Мы испытали, что пчелы скорѣе соберутъ пудъ меду, чѣмъ приготовить фунтъ воску.

Если у васъ есть сто ульевъ съ пчелами, то въ концѣ лѣта, запаситесь такимъ количествомъ меду, какое нужно для прокормленія ихъ втеченіи трехъ такихъ голодныхъ годовъ, какими были минушіе пять. Овцеводы запаслись бы сѣномъ на десять лѣтъ на случай неурожая на траву, если бъ сѣно не подвергалось скорой перчѣ. Наше пчеловодство почти совсѣмъ пропало, втеченіи нѣсколькихъ предшествовавшихъ голодныхъ годовъ—именно по недостатку въ запасномъ медѣ. Многіе потеряли охоту къ пчеловодству единственно по незнанію способовъ сохраненія пчелъ отъ гибели. Инъе шесть лѣтъ назадъ продавали фунтъ меду по двѣнадцати копѣекъ, а потомъ въ голодные годы принуждены были покупать фунтъ сахарнаго песку по шестидесяти и семидесяти копѣекъ для прокормленія пчелъ, погибавшихъ отъ голоду. Зато у нашихъ дѣдовъ и отцовъ всегда были въ погребахъ бочки съ отличнымъ медомъ, назначеннымъ на этотъ кормъ, втеченіи лѣтъ, скудныхъ сахарною жидкостью. Не тотъ знатокъ пчельнаго дѣла, кто много собираетъ роевъ и много продаетъ бочекъ съ медомъ и комомъ воску, втеченіи благоприятныхъ лѣтъ; но тотъ, кто терзаетъ мало ульевъ и воспроизводитъ такимъ годовъ, каковы были лѣта въ 1834, 1836, 1839, 1840, 1841 и 1842 годахъ.

Къ сожалѣнію, предусмотрительныхъ пчеловодовъ у насъ такъ мало, что пчелъ осталось въ-живыхъ едва

столько сколько необходимо нужно для приплоду, и пчеловодство никогда не бывало на Руси въ такомъ бѣдственномъ положеніи, какъ въ 1842 году.

Въ началѣ осени и позже, надобно чаще заглядывать во всѣ ульи, чтобы убѣдиться: не близъ кровельки ли улья пчелы расположились кучами на зимовку. Въ такомъ случаѣ необходимо оборачивать ульи, вверхъ дномъ. Отчего же? Оттого, что пчелы, съѣвъ медъ, находившійся въ сотахъ подъ кровелькою улья, и оставаясь безъ покрывки, цѣпенѣютъ отъ холоду, и не могутъ уже спуститься на тѣ соты, въ которыхъ еще есть достаточное количество годнаго меда. Весною часто слышишь жалобы на то, что некоторые самыя лучшіе ульи и борти, то есть, самыя богатые пчелами и медомъ, — отпали втеченіи зимы. И никто не понималъ причины этого явленія; а она, какъ видите, очень проста. Можетъ-быть, поэтому-то мы и открыли ее только весною 1842 года, хотя уже сорокъ лѣтъ занимаемся пчеловодствомъ.

Теперь, приступая къ описанію разнаго рода ульевъ, мы позволимъ себѣ спросить нашихъ благосклонныхъ читателей не занимавшихся пчеловодствомъ: знаютъ ли они чтѣ такое улей и чтѣ такое бортъ? какая разница между тѣмъ и другимъ? Врядъ-ли. Дѣло вотъ въ чемъ: улей есть подвижное жилище пчелъ; ульи бываютъ деревянныя и соломённые; ставятся гдѣ вамъ угодно, переносятся съ мѣста на мѣсто. Бортъ—углубленіе, сдѣланное въ стволѣ живомъ деревѣ, для того, чтобы пчелы могли въ немъ помѣститься. Само собою разумѣется, что это жилище неподвижное. Это борти искусственныя, но есть борти и естественныя: дуплы гнилыхъ деревьевъ, разчлѣны въ землѣ, въ скалахъ и тому подобное.

У насъ, да и въ другихъ странахъ, существуетъ обыкновеніе черезъ пять, много шесть лѣтъ по отроевіи, убивать пчелъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ слишкомъ стары: вы напрасно прокормите ихъ цѣлую зиму, а весною онѣ умрутъ. Эта, во всѣхъ отношеніяхъ жестокая неаппость, отожда жизни многимъ милліонамъ невинныхъ, полезныхъ насѣкомыхъ. Дѣ-точно, пяти годовалый рой скоро помретъ; но не отъ того, что эти пчелы слишкомъ стары, а отъ того, что мы

не умѣете съ ними обходиться. Какимъ образомъ, облитая частью, обращаются съ пчелами? Известно, что ни изъ борти, ни изъ улья стариннаго изобрѣтенія невозможно достать ни капли меду, ни золотника воску, безъ употребленія дыма. Пасѣчникъ и бортникъ, приближаясь къ улью, или къ борти, съ этою цѣлью, вооружаются такъ называемыми *курительми*, или сильно дымящеюся головнею. Пчелы упорно защищаютъ свою собственность. Грабители усиливаютъ свои средства: раздуваютъ головню до того, что дымъ выѣстъ съ жаромъ угрожаютъ гибелью жизни этихъ мученицъ. Часто отъ жару головни восчаные соты топятся, воскъ и часть сторѣвшихъ пчелъ падаютъ на дно улья, или борти. Не трудно понять, что при этой суматохѣ весьма легко можетъ погибнуть даже и матка—душа пчельнаго роя. Окуривъ пчелъ, выживъ ихъ изъ улья, ошущью вырѣзываютъ медъ, и притомъ безчеловѣчно душатъ и увѣчатъ множество работницъ, зачѣпившихся за соты. Свѣжій медъ находится всегда въ нижнихъ сотахъ: мы забираемъ его себѣ, а давнишній, окончанный, оставляемъ на кормъ тѣмъ, которыя безъ отдыха трудились надъ собираніемъ его. А этотъ старый медъ для нихъ чрезвычайно вреденъ. Онъ испорченъ дымомъ, испареніями пчелъ, нечистотою, протѣкающимъ отъ того, что пчелы нѣсколько лѣтъ по нему ползали; нѣсколько поколѣній пчелъ въ этихъ сотахъ родились; да и пчелки въ немъ испорчены отъ времени или отъ того, что вы растопили воскъ своимъ куреніемъ. Этого мало: медъ, пролежавъ нѣсколько лѣтъ, дѣлается крупичатымъ; а у пчелъ нѣтъ зубовъ, чтобы грызть эти крупинки. Что же изъ этого выходитъ? Вы оставили своимъ пятигодовалымъ пчеламъ довольно меду, чтобы имъ прокормиться всю зиму; а между-тѣмъ пчелы ваши умерли. Отчего же? Разумѣется, отъ старости. Совсѣмъ нѣтъ: бѣднѣе померли не отъ старости, а просто съ-голоду, потому что вы оставили имъ такой медъ, котораго онѣ не могутъ ѣсть.

Дымъ причиняетъ пчеламъ еще и другой вредъ: портитъ ихъ обоняніе. А это чувство, которое у пчелъ чрезвычайно тонко, необходимо для нихъ. Вылетѣвъ изъ своего гнѣзда, онѣ дѣлаютъ въ воздухѣ кружки, чтобы узнать, посредствомъ обонянія, то мѣсто, иногда въ десяти вер-

страхъ отъ дѣхъ жидля, гдѣ наиболѣе находится сладкой жидкости. Мы часто удивляемся, не находя пчелъ на обильныхъ цвѣтахъ, близъ пасѣкъ, и встрѣчая ихъ потомъ далеко отъ улья на цвѣткахъ, гдѣ онѣ трудятся съ величайшей дѣятельностью и поспѣшностію. По справкѣ въ такихъ случаяхъ всегда оказывалось, что между ближними цвѣтами было всего больше пустоцвѣту. Въ ульяхъ стариннаго фасону нѣтъ никакой возможности вырѣзать верхнихъ слоевъ, устарѣлыхъ, испорченныхъ. Притомъ эти старинные ульи или слишкомъ тѣсны или слишкомъ обширны. И то и другое вредно. Рой, собранный въ ульѣ тѣсноватомъ, особенно въ продолженіи благопріятнаго ему лѣта, или празднуетъ на его поверхности, то есть часть, пчелъ прогуливается безъ работы, потому что внутри или мѣста нѣтъ; или слишкомъ роятся: то и другое весьма вредно и для насъ и для пчелъ. Если работницы ничего не дѣлаютъ во время скоро-проходящаго медособирания, то естественно, что въ концѣ лѣта въ ихъ кладовыхъ окажется меду мало. Если пчелы, живущія въ тѣсноватомъ домикѣ, непомерно роятся, то ни маломушныя рои, ни истощившіяся роеніемъ старыя пчелы, не въ состояніи принести лѣтомъ даже такого количества меду, какое необходимо нужно для собственнаго ихъ пропитанія, въ продолженіи осени, зимы и въ началѣ холодноватой или поздней весны. Съ слишкомъ большимъ ульемъ опять бѣда: вновь собранный рой въ просторномъ ульѣ, весьма неохотно принимается за трудъ. Онѣ какъ-будто пугаются, предвидя невозможность наполнить несоразмѣрную его пустоту сотами и медомъ, и улетаютъ, или, накопивъ лѣтомъ мало запасовъ, зимою погибаютъ въ пустомъ своемъ жилищѣ отъ холоду и голоду. Если же и выдержали зиму, ужинавъ въ своемъ слишкомъ большомъ домѣ, то дѣлаютъ хозяйку другой вредъ: не пускаютъ роенъ и такимъ образомъ производятъ зло за погибшихъ. Этому легко быть пособитъ, если бѣ пчелъ въ благодатное лѣто можно было перегонять изъ тѣсноватыхъ, въ просторные ульи, а въ холодную весну, нечастное лѣто, переводить опять въ ульи небольшого размѣра; но къ несчастію это невозможно: пчелы не скотъ, который перегоняешь куда угодно.

Всѣ эти неудобства старинныхъ ульевъ показали намъ

необходимость или усовершенствовать ихъ, или изобрѣсть совершенно новый улей, который бы не имѣлъ прежнихъ недостатковъ, въ которомъ бы притомъ пчелы не роняли во время лѣта, когда и безъ того имъ дѣла много, а размножались бы свободно и трудились общими силами въ старомъ жилищѣ.

Долго искали мы совершеннаго улья въ нашемъ отечествѣ; ѣздили для этого и въ чужіе края, но нигдѣ не нашли такого, который бы соотвѣтствовалъ нашимъ понятіямъ о дѣлѣ.

Въ большей части Германіи, Франціи и Великобританіи; пчеловоды давно ввели въ свои пчельники, соломенные ульи. Они, конечно, должны быть предпочитаемы деревяннымъ: солома дурной проводникъ теплоты и потому въ соломенныхъ ульяхъ пчеламъ зимою не такъ холодно, лѣтомъ не такъ жарко, какъ въ деревянныхъ. Притомъ, съвѣжая, ржаная солома пахнетъ медомъ; улей, сдѣланный изъ сахаристаго клѣна имѣетъ такойже пріятный запахъ; но соломенный улей у насъ можно купить за пятнадцать копѣекъ серебромъ, а кленовый стоитъ мѣстами до осьмидесяти копѣекъ. Такъ пусть же сахаристый клѣнъ цѣдетъ и доставляетъ медъ, для наполненія соломенныхъ ульевъ. Что касается до прочности, то мы сами видѣли въ Германіи соломенные ульи, которые при хорошемъ присмотрѣ, стояли лѣтъ по сорока. Поэтому мы советуемъ не только въ степныхъ областяхъ, но и въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсами, заводить въ насѣнахъ одни соломенные. Но и соломенный улей далеко не представляетъ всѣхъ условий необходимыхъ для успѣшнаго пчеловодства.

Перечитавъ все что было писано было объ этой отрасли промышленности, объѣздивъ почти всю Европу, мы все-таки не нашли того, чего искали и, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, воротившись на родину, принялись за опыты. Родившись въ тарнопольской области, очень благопріятной для пчеловодства, мы занялись всѣми предметами для сельскаго хозяйства и купили на родинѣ сто отборныхъ ульевъ съ пчелами, для опыта. Въ этой степи, какъ и въ большей части южныхъ и западныхъ губерній русскихъ, въ употребленіи одинъ такъ-называемый

бездонные ульи, по-маллороссійски *бучки*, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ.

Нѣкоторые изъ этихъ ульевъ имѣютъ цилиндрическую форму, а другіе видъ тупаго конуса: сверху узки, а внизу широки, смотря по куску дерева, изъ котораго приготавлиются. Но какъ въ степныхъ странахъ древесный матеріалъ обходится дорого, то о наружности ульевъ разумѣется, никто не заботится. Одинъ бездонокъ длиною въ полтора аршина, другой короче; ширина нѣкоторыхъ сверху отъ трехъ до пяти вершковъ, внизу отъ пяти до осьми, посрединѣ улья сдѣлано отверстіе или *лещикъ* (вылетъ), для выхода и возвращенія пчелъ; онъ имѣетъ слѣдующую форму Δ .

Цилиндрическіе ульи имѣютъ ту же длину, какъ и конусные, а въ діаметрѣ бываютъ отъ четырехъ до осьми вершковъ. Всѣ эти ульи накрываются глиняною чашкою (мискою) или соломенною крышкою (шапкою) и ставятся просто на землю; а подъ ними, въ случаѣ нужды выкапывается ямка, въ которой несчастныя пчелы и работаютъ. Мы уже говорили о неудобствахъ этихъ такъ называемыхъ *подкопокъ*. Рачительные степные хозяева помѣщаютъ пчелъ, въ началѣ весны, въ лѣсу, потому что въ немъ появляются скороспѣлка (*primalia vegis*) и другія рано цвѣтущія растенія, и для того, что въ лѣсу не такъ холодно, какъ въ полѣ. Для пчелы изнуренной капелька свѣжаго меду, въ началѣ весны—жизненный эликсиръ. Гдѣ нѣтъ лѣсовъ, тамъ пчелы опытныхъ хозяевъ веснуютъ на лугахъ. Какъ-скоро сѣно начнутъ косить, пчелъ переносятъ на яровые посѣвы, преимущественно вблизи гречихи. На-зиму бѣдныхъ медоносицъ, какъ преступницъ, сажаютъ въ сырыя и тухлыя ямы, называемыя *омшанниками* (стебниками). Несмотря на это однако жъ, онѣ отлично не только роются, но и сносятъ множество меда.

Возлѣ этихъ бездонковъ мы ставили свѣжіе рои въ тѣхъ изъ иностранныхъ ульевъ, которые, какъ намъ казалось, ближе подходятъ къ природѣ этого насѣкомаго и удобнѣе по хозяйственнымъ видамъ, внимательно наблюдавша успѣхъ пчелъ, трудившихся и въ бездонкахъ, и въ ульяхъ изобрѣтенныхъ Кристофъ, Пальтомъ, Римомъ, Губер-

томъ, Кусдюкомъ, Вильманомъ, Виркенштофомъ, и некоторыми другими.—Мы замѣтили, что тѣ рои, которые обитали въ конусообразныхъ бездонкахъ, значительно сверху внизъ расширенныхъ, не только не оставались пустыми, и не роняли влиплине, но по вѣсу меду и воску мы увидѣли, что въ конусообразныхъ ульяхъ собрано большее количество этихъ произведеній чѣмъ во всѣхъ другихъ. Изъ иностранныхъ ульевъ Губертовъ заслуживаетъ преимущество передъ всѣми прочими, давно и уже изобрѣтенными; однако жъ они для насъ неудобны, по своей многосложности, по дороговизнѣ досокъ, изъ которыхъ строятся, по трудности въ перенесеніи, наконецъ, потому что обитающихъ въ немъ пчелъ принуждены часто мучить и убивать дымомъ. Цѣлью нашихъ многолѣтнихъ трудовъ было, улей самой простой, но соответствующій потребностямъ и пчелъ и ихъ хозяевъ. Словомъ, намъ хотѣлось изобрѣсть улей для крестьянъ, въ твердой увѣренности, что наше отечество можетъ изобилывать медомъ и воскомъ тогда только, когда крестьяне будутъ умѣть ухаживать за медоносницами, и когда введенъ будетъ соломенный улей.

Вотъ почему мы втеченіи двадцати—пяти лѣтъ занимались усовершенствованіемъ обыкновеннаго бездонка. Этого роду ульи находятся только въ части нашего отечества, въ части Греціи и кое-гдѣ въ Азіи; но на югѣ и западѣ Европы, они совсѣмъ не извѣстны. Убѣдившись многолѣтними опытами въ томъ, что не только въ конусообразномъ ульѣ—разумѣется при одинаковомъ достоинствѣ и числѣ пчелъ—бываетъ больше меду и воску, чѣмъ во всѣхъ другихъ, но что при немъ и ходить за пчелами удобнѣе, мы сдѣлали изъ него составной улей, имѣющій видъ колокола.

Пчелы имѣютъ обыкновеніе наполнять весь улей. Поэтому само собою разумѣется, что въ бездонныхъ ульяхъ цилиндрическихъ или квадратныхъ, всѣ соты одинаковой ширины; въ конусообразныхъ, напротивъ того, соты, къ устью, становятся постепенно все шире и шире. Въ верхахъ пчелы часто дѣломъ празднуютъ, или вопреки желанію

пчеловоды зимовые рогатки, въ послѣднихъ этого никогда не бываетъ. Отчего же происходитъ такая разница?

Пчелы въ тѣсноватыхъ ульяхъ не празднуютъ лѣтомъ на ихъ поверхности, до того времени, пока внутренняя вместимость не препятствуетъ имъ удобно заниматься постройкою сотовъ. Но число перезимовавшихъ пчелъ, въ хорошихъ ульяхъ, ежедневно увеличивается съ весны, до осени. Положимъ, что въ началѣ весны работницъ перезимовавшихъ было двѣ тысячи пять сотъ или три тысячи. Это число удобно трудится весною въ тѣсноватомъ и тепломъ ульѣ, въ которомъ есть уже отъ пяти до осьми вощаныхъ сотовъ. Часть пчелъ продолжаетъ строить соты, другая часть приготавливаетъ воскъ, нужный для постройки новыхъ сотовъ, третья вылетаетъ на цвѣтки за добычею; четвертая исполняетъ черныя работы въ жильѣ; другія, имѣютъ поочередно о червячкахъ и снабжаютъ личинки кормомъ; нныя стерегутъ семейное сокровище — медь, наконецъ нѣкоторыя всегда составляютъ стражу правительницы этого государства—пчелиной матки. Можно полагать, что въ этомъ благоустроенномъ обществѣ, которое любитъ подлѣ-часъ и повеселиться, есть также и пѣвцы и тому подобное. Если же выше показанное число пчелъ вскорѣ увеличится до десятка, до пятнадцати тысячъ штукъ, то, разумѣется, что имъ становится тѣсно. Положимъ, что продолженіемъ всякаго изъ осьми сотовъ, занимаются по пяти сотъ мастерицъ, слѣдственно, этимъ дѣломъ занимаются всего только четыре тысячи работницъ. Вылетая за добычею, эти четыре тысячи въ короткое время наполняютъ малое число пустыхъ ячеекъ; а между-тѣмъ значительная часть остальнаго населенія занята личками, положенными маткою на рабочихъ пчелъ. Когда лички въ пчелиной маткѣ сообразны, а пустыхъ колыбелей нѣтъ, она явно страдаетъ отъ тяжести. Этого мало. Такъ какъ соты узки, то излишнее число мастерицъ никакъ не можетъ вринаться въ ихъ производство, несмотря на то, что онѣ, бѣдными, съ прискорбіемъ остаются безъ дѣла въ самое выгодное время; а между-тѣмъ число ихъ, съ наступленіемъ усиливающейся теплоты въ июнѣ, июлѣ и августѣ, вслѣдствіи и обил-

ліе взятка на цвѣткахъ, ежеминутно увеличивается. Духота и тѣснота заставляютъ праздныхъ пчелъ выбираться на наружныя части своего тѣснаго жилища, чтобы подышать свѣжимъ и прохладнымъ воздухомъ. Соты, наполненные и отягощенные медомъ, дотога размягчаются лѣтомъ отъ излишней теплоты, что легко обрушились бы и тяжестью своею задавили производительницъ, если бы каждая изъ нихъ, въ такомъ случаѣ, не высасывала изъ себя частицы меду и не выносила его во внутренности своей наверхъ улья. Часть сотрудиницъ, оставалась внутри жаркаго жилья, безпрерывно помахиваетъ крыльшками и дѣлаетъ вѣтеръ, для уменьшенія опаснаго жару: самый смышленый человекъ не могъ бы ничего умнѣе придумать, при подобномъ стеченіи несчастныхъ обстоятельствъ. Что бы убѣдиться въ томъ, что пчелы въ такихъ случаяхъ дѣйствительно выносятъ медъ на поверхность своего домика, стоитъ только взять пчелу, кочующую на немъ и раздавить ее: изъ нея вытечетъ меду съ большое конопляное зерно. Нѣкоторыя пчелы часто роются, чтобы впредь не испытать такого мученія. А это очень плохо, потому что маломужные рои не въ состояніи запастись даже такимъ количествомъ меду, какое нужно для собственнаго ихъ пропитанія зимою, — и бѣдняжки погибаютъ. Изроившіяся, перезимовавшія улей испытываютъ участь ничтожныхъ роевъ, вышедшихъ изъ него втеченіи одного лѣта. Если пчелы, обитающія въ тѣсноватыхъ ульяхъ, не роняли въ продолженіи лѣта, то они не доставляютъ своему хозяину почти никакой прибыли, потому что большая часть, наполнивъ свои шубырки медомъ, забраннымъ изъ сотовъ, не въ состояніи уже собирать съ цвѣтовъ свѣжей, сладкой жидкости; а тѣмъ, которые остались въ ульѣ для охлажденія сотовъ, тоже некогда за нимъ легѣтъ; да если бы и дозволяло время, то сотовъ нельзя болѣе обременять, новою свѣжею тяжестью. Неопытные хозяева и насѣчники, не понимая отчего пчелы проводятъ время въ празности на поверхности улья, воображаютъ себя, что оттуда покажутся самую превосходные рои. Бѣдняжки, вышедшія на улей по случаю духоты и тѣсноты, возвращаются туда когда

V. КРИТИКА.

Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, съ рисунками, составленное по Высочайшему повелѣнію. Части I и II, Санктпетербургъ, въ Военной типографіи, 1841 и 1842 года, въ четверку, 200, CLXV, IV, 208 и XXX стр. — Отдѣльно рисунки одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, 293 литографированныхъ рисунка, и 12 портретовъ.

Въ числѣ другихъ, обогащающихъ нашу литературу историческими свѣдѣніями, предпріятій, которыми одолжены мы просвѣщенной попечительности нашего правительства, должно особенно замѣтить великолѣпную книгу, о которой мы хотимъ поговорить съ читателями В. для Ч. Вообще всѣ книги изданныя въ последнее время отъ Археографической Коммиссіи и другихъ правительственныхъ мѣстъ, отличаются изяществомъ и роскошью изданій, но «Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ» достойно, какъ въ типографскомъ, такъ и въ художественномъ отношеніи, преимущественнаго вниманія. Оно печатается въ полулистовой форматъ, крупнымъ, красивымъ шрифтомъ, въ фигурныхъ рамкахъ на каждой страницѣ, на лучшей бумагѣ. Текстъ книги поясняется множествомъ литографированныхъ рисунковъ. Кромѣ-того, привышедшихъ донынѣ *двухъ томахъ* приложено *двѣнадцать* пор-

третовъ: царей *Иоанна Четвертаго*, *Феодора Иоанновича*, *Бориса Годунова*, *Василія Шуйскаго*, *Михаила*, *Алексѣя*, *Феодора* и *Иоанна Алексѣевичей*, *Петра Великаго*, императрицы *Екатерины Первой*, императора *Петра Втораго*, императрицы *Анны*. Всѣ портреты замѣчательны въ археографическомъ и художественномъ отношеніи, потому что всѣ сняты съ извѣстныхъ подлинниковъ, и которые украшены историческими атрибутами—видами церкви «*Василія Блаженнаго*», «*Московскаго Кремля*» села «*Коломенскаго*», и прочее. Къ портретамъ можно причислить еще три рисунка: изображеніе великаго князя *Василія Иоанновича*, изъ Герберштейнова путешествія, изображеніе царя *Феодора Иоанновича* съ «царя-пушки» московской, и изображеніе царя *Михаила* въ опашѣ, съ ожерельемъ, и въ шапкѣ, какъ рисунокъ древняго полнато царскаго костюма, снятаго съ одежды персскихъ. Нельзя не замѣтить также археографическаго и художественнаго достоинства вообще въ изображеніяхъ одежды воинскихъ и оружія. Представляя намъ всѣ подробности одежды воинской и вооруженія до *Петра Великаго*, и мундировъ и вооруженія, введенныхъ имъ при учрежденіи регулярныхъ войскъ, рисунки «*Описанія*» удивляютъ разнообразіемъ и ученою отчетливостью. Тутъ видите всѣ древнія русскія одежды, начиная съ рубашки, сѣрмяги и кафтана простоя людина, до боярской одежды и шегольскаго костюма нашихъ прадедовъ, съ одежды стрѣльца до народной шубы и шапки вельможи царскаго. При отдѣлкѣ древневосточной, они всѣ, или срисованы съ уцѣлѣвшихъ донынѣ памятниковъ, или выведены строгою археографическою критикою. Въ расположеніи рисунковъ каждому придано художественное достоинство, съ множествомъ историческихъ атрибутовъ: здѣсь представляется русскій чиновникъ въ однорядкѣ, тафѣ и шапкѣ, стоящій въ лодкѣ, и на берегу видно селеніе Мѣдное; тамъ изображаются два чиновника въ турецкихъ шубахъ и

горлатныхъ шапкахъ, а вдали видъ Саратова. На другихъ рисункахъ находите Псковъ, Астрахань, Золотую Палату, Оружейную Палату, и прочее, все срисованное съ современныхъ изображеній. Войско русское со времянь Петра Великаго представляется также въ живыхъ картинахъ. Солдаты и офицеры изображены на приступахъ, въ битвахъ, въ походахъ, на отдыхъ. И здѣсь также прилагаются историческія изображенія: Нарвы, Петербурга, Екатерининтальскаго дворца, Иванъ-города, Мариенбурга, и прочее.

Такимъ образомъ, представляя намъ обширную и разнообразную галерею русскихъ ополченій, съ древнѣйшихъ времянь до нашего времени, «Описаніе» можетъ похвастаться драгоценнымъ собраніемъ, которое должны изучить историкъ, археографъ, художникъ, и романистъ и поэтъ, если они изображаютъ сцены прошедшаго. Нашъ языкъ не терпитъ анахронизмовъ, даже и въ легкихъ произведеніяхъ поэтической фантазіи.

Къ этому богатому и разнообразному собранію рисунковъ присоединенъ текстъ, изъясняющій ихъ, и къ нему должны мы отдать справедливую и должную долю уваженія составителю его, А. В. Висковатову (старшему адъютанту при дежурномъ генералѣ Главнаго Штаба Е. И. В.). По высочайшей волѣ, подъ руководствомъ и при посредствѣ графа П. А. Клейнмихеля, трудъ составленія текста и рисунковъ «Описанія» былъ препорученъ господину Висковатову, столь извѣстному заслуживъ своимъ по военной литературѣ. Приготовленный многолѣтнею опытностью, господинъ Висковатовъ исполнилъ порученіе, какъ знатокъ дѣла, не щадя труда. Это не просто *описаніе рисунковъ*, но превосходно составленное историческое изслѣдованіе о русскихъ ополченіяхъ, богатое новостью свѣдѣній, разнообразіемъ подробностей и тщательностью обработки. Для составленія «Описанія» надлежало обозрѣть и сообразить всѣ

уцѣлѣвшіе памятники, перебрать старинные архивы, входить въ разысканія противорѣчій, и дополнять официальные матеріялы частными извѣстіями современниковъ. Особливо для составленія *первой части* надобно было господину Висковатову перечитать все писанное Герберштейномъ, Гваньини, Флетчеромъ, Петреемъ, Олеаріемъ, Мейербергомъ, Карлилемъ, Лизекомъ, Рейтенфельсомъ, Дженкинсономъ, Маржеретомъ, и сотнею другихъ. Все это дополнялось подробными извлеченіями изъ старинныхъ архивовъ, чѣмъ особенно занимался бібліотекаръ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, господинъ Лебедевъ, подъ руководствомъ господина Висковатова.

Изъ вышедшихъ донныя двухъ томовъ «Описанія», *первый* заключаетъ въ себя одежду и вооруженіе русскихъ войскъ до Петра Великаго; *второй* оканчивается царствованіемъ императрицы Анны. Въ *третьемъ* томѣ помѣстятся царствованіе императора Іоанна, императрицы Елисаветы, и императора Петра Третьяго. *Четвертый* томъ заключитъ въ себя часть царствованія императрицы Екатерины Второй. По одинаковому плану «Описаніе» будетъ доведено до новѣйшихъ временъ. Число томовъ, какое должно составить оно, не ограничивается, но, конечно, *десяти томовъ* будетъ для него недостаточно.

Важность сочиненія, интересъ возбуждаемый имъ, и недоступность его по цѣнѣ (хотя чрезвычайно умеренной, если сообразить великолѣпіе изданія) для обширнаго круга читателей, побуждаютъ насъ представить читателямъ нашимъ по-возможности полный и подробный очеркъ содержанія этого истинно превосходнаго и роскошнаго творенія. Но роскошь на такіе отечественные памятники, есть доказательство просвѣщенія и образованности государства, и высшей степеніи, на которой стоитъ въ этихъ отношеніяхъ правительство его, исполняя предпріятія, которыя были бы, по огром-

ности и цѣнности ихъ, невозможны для частнаго человека.

Авторъ «Историческаго описанія» справедливо начинаетъ его вообще *русскою одеждою*, потому что русское войско, кромѣ непрѣмныхъ дружинъ, или стражи княжеской, и уже въ послѣдующія времена учрежденныхъ, непрѣмныхъ войскъ, всегда составлялось изъ народа, одѣтаго кто какъ могъ, когда высылали его въ походъ, или собирали на защиту. Одежда первобытныхъ Славянъ была одежда народа полудикаго. Ибнъ-Фоциланъ видѣлъ ихъ въ грубыхъ исподницахъ, съ лоскутомъ ткани, вмѣсто рубахи, съ топоромъ, ножомъ и мечомъ за поясомъ. Но богачи и тогда одѣвались въ парчу, носили собольи шапки. Левъ Діаконъ видѣлъ Святослава въ бѣлой простой одеждѣ, съ бритою головою, гдѣ спереди оставленъ былъ длинный хохоль (чубъ), и съ серьгою въ ухѣ. — Покореніе Славянъ російскихъ Норманнами, и сближеніе ихъ съ Греками, произвели перемѣну въ одеждѣ, ввели особенное вооруженіе дружинъ воинскихъ, и роскошь въ нарядѣ. Престолюдинъ измѣнялся мало, ходилъ въ сорочкѣ, длинной до колѣнъ, разрѣзанной спереди, и щеголялъ развѣ сафьянными сапогами. Зато цвѣтныя, богатыя платья отличали князей и знатныхъ. Въ Святославомъ *Сборникѣ* видимъ Кіевскаго князя въ зеленомъ подризникѣ, съ красною обшивкою по подолу, съ длинными рукавами и золотыми зарукавьями. Сверхъ него накинута *корзно*, синій плащъ, съ красною подкладкою, обшитый галуномъ и застегнутый на плечъ. Дѣти Святослава изображены въ мѣховыхъ высокихъ шапкахъ, въ красныхъ остроносыхъ сапогахъ, въ малиновыхъ подризникахъ, съ воротникомъ изъ золотой ткани, съ золотою по подолу нашивкою, и съ золотымъ поясомъ. Святославъ представленъ съ длинными усами и небольшою бородою, въ низенькой шапкѣ, съ мѣховымъ околышемъ и тульею изъ золотой ткани; сапоги у него зеленые, остроносые.

Предки наши сохранили свою древнюю одежду, и не переняли у Татаръ одежды ихъ, но вліаніе Татаръ видно однако жъ въ измѣненіяхъ, какія произвело владычество ихъ и сношенія съ ними. При недостаткѣ памятниковъ, намъ трудно составить себѣ полное понятіе о постепенныхъ перемѣнахъ русской одежды до XVIII столѣтія, и о томъ, какъ перенимали мы разныя части наряда, оружія, и особливо конскаго убора у Татаръ, Литовцевъ и Поляковъ. Вообще вся одежда русская приняла мало-по-малу характеръ азіатскій, и иностранцы, пріѣзжавшіе къ намъ, не узнавали древней византійской одежды, которую Рускіе и Европейцы одинаково носили прежде, и измѣнили каждый по своему.

Основаніе одежды составляли *сорочка* и *исподвицы*. Первыя пестрили *подоплжкой*, *ластовицами*, и шитьемъ по вороту (богачи обшивали даже воротъ сорочки золотомъ и жемчугомъ). Иногда пришивали къ сорочкѣ *ожерелье*, родъ откладнаго воротничка, богато украшеннаго и всегда пестраго. Исподвицы вправляли к сапоги. Знатные носили *штаны* шелковыя, даже парчевыя. Сверхъ сорочки простолюдинъ надѣвали *азіатъ*, родъ полукафтаны изъ крашеной холстины, и *сърмагу*, такое же полукафтаны изъ сѣраго домашнего сукна, но тѣмъ разнообразіе была одежда знатныхъ и богачей. Сверхъ сорочки надѣвали они дома *кафтанъ*, узкое платье до колѣнъ, съ сборчатыми рукавами, изъ легкой ткани, рѣдко суконное, украшенное галуномъ, или *кружевомъ*, то есть, нашивками изъ цвѣтнаго снурка. Главное щегольство въ кафтанъ составлялъ *козырь* — это былъ стоячій воротникъ, закрывавшій весь затылокъ. Его дѣлали бархатный, парчевый, вышивали золотомъ, унизывали жемчугомъ, кафтанъ застегивался вислыми пуговками, и петлицами съ косточками, а рукава на пясти рукъ украшались *зарукавьями*, иногда металлическими, съ камнями и жемчугомъ. Выхода

со двора, на кафтанъ надѣвали *ферязь*, платье длиннѣе кафтана, безъ перехвата, съ длинными рукавами, суконное, бархатное, парчевое — это былъ фракъ нашихъ стариковъ, на который надѣвали они плащъ, или родъ пальто — *охобенъ*, кафтанъ, длинный, почти до пятъ, съ откиднымъ на спину воротникомъ, вышитымъ и украшеннымъ, какъ козырь у исподняго кафтана, и съ длинными вислчыми рукавами, и съ прорѣхами подъ ними, потому что охобенъ рѣдко надѣвался въ рукава. Охобенъ безъ воротника называли *однорядкою*. На зиму охобенъ шили на мѣху, заячьемъ, песцовомъ, лисьемъ, куньемъ, собольемъ, горностаевомъ, и воротникъ его былъ откидной, мѣховой. Это называлось *русскою шубою*, но многіе шеголяли въ *турскихъ* (турецкихъ) и *польскихъ шубахъ*. Первые были съ широкими рукавами, и иногда кромѣ-того съ другими, висящими сзади; въ нихъ застегивались у шеи запонкою, и на широкихъ рукавахъ ихъ были мѣховые обшлаги.

Знатные и, особливо, дворскіе люди носили еще *терлики*, *турскіе кафтаны* и *зипуны*. Первые были родъ узкой ферязи съ перехватомъ, богато вышитые. «Турскій кафтанъ» былъ длинный, безъ воротника, закидывался пола на полу, и застегивался у шеи и съ лѣваго боку; «зипуномъ» называли кафтанъ безъ козыря. Наконецъ, царь и особы царскаго семейства имѣли еще одежды, которыя запрещено было носить подданному. Таковы были: *становой кафтанъ*, въ родъ турскаго, съ широкими, но не столь длинными рукавами, легкая одежда изъ шелковой ткани, которую надѣвалъ царь на зипунъ. Сверхъ такого кафтана надѣвалось еще *платно*, родъ ферязи, парчевой, или бархатной, вышитой кружевомъ изъ жемчугу и драгоценныхъ камней. Если у «платна» были короткіе и широкіе рукава, онъ назывался *опашнемъ*, а опашень на мѣху — *кожухомъ*.

Находимъ еще названія: *бугай*, *портище*, *тендея*

чюга, армячокъ. Первое былъ родъ шубы; чюга также дѣлалась на мѣху; другіе были родъ кафтановъ. При *смирномъ*, или траурномъ платьѣ выбирались въсто яркихъ, темные цвѣта. Кафтаны и зипуны подпоясывались *кушаками* и *поясами*, на которыхъ иногда пришивались *канторги*, *тузлуки* и *калнты*; послѣднія были родъ кошелька. За кушакъ затыкали, а къ поясу привѣшивали драгоценные ножи и кинжалы. Въ праздники и торжественные дни знатные люди носили еще по двѣ золотыя цѣпи, крестъ-на-крестъ отъ плечъ къ бедрамъ. Царь надѣвалъ на шею крестъ, привѣшенный къ драгоценной цѣпи. Огличіемъ почитались драгоценные перстни, съ цвѣтными, иногда рѣзными каменьями. Нарядъ довершали дорогіе *шапки* и *калпаки*, бархатные, парчевые, шитые жемчугомъ и золотомъ. *Мурмолками* назывались шапки съ мѣховыми лопастьми, которыя заворачивались въ околыша. Почетныя шапки были *горлатныя*, изъ драгоценныхъ мѣховъ, высокія, въ родъ клобука, расширявшася кверху. Чиновники, являясь въ такихъ шапкахъ, не снимали ихъ, засѣдая въ царской думѣ и находясь при аудіенціяхъ пословъ. Шапки украшались иногда *запоною*, аграфомъ изъ драгоценныхъ каменьевъ, или жемчугу, иногда прибавляли къ тому небольшой султанъ. Подъ шапкою носили иногда *тафью*, родъ скуфейки; снявши шапку, можно было оставаться въ тафѣ. *Сапоги* дѣлались вообще цвѣтные, даже бархатные; ихъ вышивали золотомъ и жемчугомъ, подбивали гвоздями и подковами, иногда серебряными: носки у нихъ были острые, загнутые кверху.

Чрезвычайное уваженіе предковъ нашихъ къ бороде является не ранѣе XV столѣтія. Тогда бродобрітіе начинали преслѣдовать судомъ гражданскимъ и проклятіемъ церковнымъ. Стоглавный соборъ грозилъ анафемою тому, кто «бороду брѣзетъ и подсыкаетъ и усы подстригаетъ». — Какой ты православный» говорилъ

«Грозный Поссевиу: называешься христіаниномъ, а брвешь бороду!» Отецъ Грознаго брлся. Особо строгое наказаніе за брадобритіе установилъ царь Алексій. Но верхушку головы стричь было неземно, оставляя длинные волосы по вискамъ и звади. Богачи и знатные отличались числомъ и богатствомъ платьевъ. Чиновникамъ при торжественныхъ случаяхъ выдавались одежды изъ царскихъ кладовыхъ, и по окончаніи церемоній ихъ опять отбирали. Царь оставлялъ иногда сыновьямъ сотни кафтановъ, фезезей и шапокъ.

Другой предметъ роскоши составляли конскіе уборы. Знатные и богатые люди встарину стыдились ходить пешкомъ, и если надобно было повидаться даже съ сѣдомъ, они ѣхали верхомъ. Экипажей не было, а кіе и бывали, ихъ предоставляли женщинамъ. На шее шеголялъ лошадыю и дорогимъ уборомъ ея, который весь взятъ былъ съ татарскаго. Сѣдло украшалось насъчкою, жемчугомъ, бирюзною, и другими драгоценными каменьями. Множество гремушекъ и рашеній прибавлялось къ конской сбруѣ: *охватъ*, бархатная накладка на узду, убранныя *нованцами*, *лышки* и *рышмами*, круглыми бляхами, строусовыми перьями, на верху головы, *морхами* и *наузами*, или *драмами* и кистями, гриву лошади закрывала серебряная *сѣть*. *Накольники*, *обручки*, и *остроги*, родъ *оръ*, надвзались лошади на ноги. Спина лошади закрывалась бархатнымъ, или парчевымъ *платомъ*, который стягивали тесьмою. Отъ сѣдла спускались *шнурки*, изъ дутыхъ гремушекъ, и *цѣпью* также украшалась поводь, бархатный *чапракъ*, иногда замѣнялся тигровою, либо леопардовою кожею, или *чалдарь*, и наборнаго *чапрака*, дополняли конскій уборъ.

Русскія ополченія до Петра Великаго были *временныя* и *непремѣнныя*. Въ случаѣ войны, собирая народъ, снаряжали его, вели въ битву, раздѣляя на *полки* и

десятки, назначая надъ ними *головъ* и *воєводъ*. Не входя въ описаніе состава и расположенія войскъ, мы будемъ говорить только объ его одеждѣ и вооруженіи.

О древнѣйшемъ вооруженіи русскомъ осталось намъ мало свѣдѣній. Славяне употребляли мечи, дротики, большіе щиты, стрѣлы, иногда намазанныя ядомъ. Воины Святославовы являлись въ кольчугахъ и въ шлемахъ, съ огромными, красными щитами, съ длиннымъ икопьями. Ввроятно, Нордманцы ввели у насъ остроконечные шлемы. Русскіи дружины сражались тогда пѣшія, и конницы было мало. Владычество Монголовъ измѣнило устройство, одежду и вооруженіе войскъ. Все передѣлалось на манеръ азійтскій, и конница была уже главнымъ войскомъ. Вліяніе Польши произвело также значительныя измѣненія въ послѣдствіи, и довело насъ до устройства нѣмецкихъ войскъ.

Главную принадлежность вооруженія воинскаго составляла *броня* или *доспѣхъ*, прикрывавшій воина отъ ударовъ непріятеля. Такое прикрытіе состояло въ панцырѣ и другихъ родахъ воинской одежды.

Панцырь дѣлался изъ мелкихъ желѣзныхъ колечекъ, въ видѣ рубашки, до колѣнъ, съ рукавами и разрѣзомъ на груди и снизу. Богатые дѣлали панцыри серебряные, подбивая ихъ бархатомъ, и украшали золотыми бляхами, или *мишенями*. Панцырь изъ колечекъ крупнѣе, назывался *кольчужою*. Панцырь изъ колецъ еще болѣе крупныхъ и плоскихъ, получалъ имя *бодана*. Панцырь съ рядами мелкихъ пластинокъ, или *досокъ*, на груди, бокахъ и спинѣ, называли *бахтерцомъ*; онъ дѣлался иногда съ разрѣзомъ на лѣвомъ боку и на плечахъ, гдѣ застегивали его ремнями, и безъ рукавовъ. *Калантарь*, былъ панцырь изъ металлическихъ пластинокъ, съ кольчужнымъ подоломъ до колѣнъ. Онъ былъ безъ рукавовъ, и состоялъ изъ двухъ половинъ, застегивавшихся по бокамъ. *Юшманъ* былъ панцырь кольчужный съ пластинками, съ рукавами, и разрѣ-

зомъ спереди. Если пластинки не вставлялись между колечками, но нагилаживались сверхъ кольчуги, такой юшманъ называли *кулкою*. Такъ же назывался панцырь съ двумя сплошными металлическими *щитами* на груди и на спинѣ, или однимъ щитомъ, только на спинѣ. Калантарь, составленный изъ дорогихъ, фигурныхъ пластинокъ, называли *зерцаломъ*. Такой уборъ стоилъ иногда весьма дорого. Зерцало царя Алексія, сделанное въ 1669 году, оценено было въ тысячу слишкомъ рублей.

Рускіе употребляли *латы*, и *кирасы*, или полное вооруженіе западныхъ воиновъ, которое выписывали изъ Германіи, но оно не было въ общемъ употребленіи, и составляло щегольство. — Панцырь, кольчугу и бѣйдашъ называли *доспѣхомъ кольчатыймъ*, а бахтерець, калантарь, юшманъ, куякъ, латы и кирасъ *досчатыймъ*. Бахтерцы, калантари и куяки иногда надевали прямо на кафтанъ, иногда сверхъ панцыря.

Недостаточные и бѣдные ратники замѣняли доспѣхъ *тегиллемъ*. Это былъ короткій кафтанъ, суконный, подбитый хлопчатую бумагою, или вельною, и хорошо простеганный; его застегивали напередѣ пуговицами.

Принадлежность доспѣха составляли: *бармицы*, родъ оплечевъ; *зарукавья*, на рукавахъ; *накольпки*, *пѣручи*, *рукавицы*, и *поножья*, или *бутурлыки* — первыми прикрывали колѣна, другими руки и ноги.

Голову ратника защищалъ *шоломъ*, низенькая, желѣзная шапка, съ *наушками* для ушей, и съ *носомъ*, или металлическою полоскою спереди, защищавшею лицо. *Калпакъ* былъ шоломъ съ остроконечнымъ наверхшомъ; кольчужная сѣтка, или *бармица*, висѣла отъ него на щеки, затылокъ и плеча. *Шишакомъ* назывался калпакъ, оканчивавшійся кверху острымъ *шишомъ*, который украшали *словцемъ*, или краснымъ лоскутомъ ткани. Бармицы у шишаковъ иногда закры-

вали все лицо. *Мисюрки*, или *мисюрскія шапки*, отличались фигурою, потому что не имѣли шиша, и дѣлались иногда съ кольчатыми наплечниками.

Бѣлые ратники носили шапки *бумажныя*, а шапки *железныя*, первыя изъ сукна, или какой-нибудь матеріи, съ хлопчатѣ-бумажною подкладкою, а другія изъ листоваго желѣза, безъ бармищъ и другихъ принадлежностей. Зато богачи щеголяли *мѣдяными шапками*, у которыхъ были металлическія закрывки къ ушамъ и затылку и лицо защищалось пластинкою. Такія же стальные шапки называли *ерихонками*. Тѣ и другія отличались работою, и дѣлались съ золотою насѣчкою, украшались жемчугомъ и драгоценными каменьями. Вся металлическія шапки дѣлались съ мягкой подкладкою, плотно укрѣпленною изнутри, или надѣвалась на шапку, крѣпко простеганную.

Щиты были круглые. Ихъ дѣлали металлическіе и кожаные, и украшали снаружи насѣчкою, жемчугомъ, каменьями, прикрывая бархатомъ, такъ что щитъ стоилъ иногда весьма дорого. Щитъ царя Алексіа цѣнили въ 1500 рублей. Изнутри надѣвали щитъ на руку въ кольца. — До насъ дошли еще какіе-то странные щиты, которые назывались *тарчами*. Изъ середины тарча наружу выходила рука, съ приделаннымъ къ ней остреемъ, или кинжаломъ. Авторъ «Описанія» справедливо полагаетъ, что тарчи употреблялись только при защитѣ крѣпостей.

Мечъ, преимущественное оружіе пѣшихъ воиновъ, состоялъ изъ широкаго, обоюду остраго клинка, или *полосы*. Плоскія стороны его назывались *головою*, или *юлою*, а острей *лезвее*. Его держали за *крыжъ*, эфесъ, который раздѣлялся на *яблоко*, *черень* и *огниво*, или поперечное желѣзцо. Иногда одно лезвее дѣлалось съ зубцами, и мечъ назывался тогда *зубчатымъ*. На головкахъ были *долы* и *долики*, или жолобоватыя полоски. Мечъ вкладывался въ кожаные, сафьянные, бар-

хатныя *ножны*; они дѣлались иногда желѣзныя съ золотыми разводами; верхняя часть ихъ называлась *устьемъ*, а нижняя *накомечникомъ*. Мечъ носили прицѣпленный къ поясу кольцами у устья, но иногда съ плеча на перевязи. *Пояса* дѣлались изъ тесьмы и ремня, съ металлическою обкладкою.

Сабля, оружіе всадника, отличалась отъ меча кривизною клинка, и тѣмъ, что лезвее было у нея съ одной стороны, а съ другой *тылье*, въ концѣ сабли было расширеніе или *елманъ*. Обнажая саблю, наматывали на руку *темлякъ* и *ворворку*, бывшіе на эфесѣ.

Удальцы изъ воиновъ вооружались еще *палашами*, или широкими мечами, почти вдвое длиннѣе меча обыкновеннаго. Также для удалцовъ дѣлались *кончары*, мечи, еще длиннѣе палаша, трехъ и четырехъ-гранные. Палашъ и кончаръ привѣшивались къ поясу или къ седлу справа; первымъ рубили, а другимъ кололи. *Тесакомъ* называли мечъ съ однимъ лезвеемъ. Къ вооруженію причислялись также *ножи*, и *кинжалы*. Ножи были *поясные* и *сайдачныя*, первые съ двумя, другіе, длиннѣе, съ однимъ лезвеемъ. *Засапожникомъ* назывался ножъ съ кривымъ *шлякомъ*; ихъ прятали въ голенище сапога.

Булатное, стальное, или желѣзное перо *копья* походило на нынѣшній штыкъ, и насаживалось на длинное *рамовище*, у котораго тупой конецъ былъ съ *подтокомъ* или *оковкою*. *Сулицю* называли короткое копье. *Удальцы* имѣли иногда *джиды* или метательныя копья, которыхъ соединяли въ однихъ ножнахъ по три и по четыре.

Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ оружій пѣхоты были *оломы*, или палицы, деревяныя дубины, у которыхъ толстый конецъ обивали желѣзомъ или утыкали гвоздями, остреемъ наружу. *Кистень* состоялъ изъ палки, у которой на ремнѣ привязывался металлическій шарикъ. *Розатина* отличалась отъ копья тѣмъ,

что перо у нея было широкое, плоское, длинное, съ лезвием на обѣ стороны; древко рогатины, длинное и тяжелое, называли *искепищемъ*. Рогатина съ кривымъ перомъ, у котораго лезвие было съ одной стороны, называли *совкою*. Такое же перо, въ видѣ полумѣсяца, насаженное на одну сторону древка, составляло *бердышъ*, а съ короткимъ ратовишемъ называлось *топоромъ*. Бердышъ было оружіе пѣшихъ, топоръ конныхъ воиновъ. Щеголеватые *топорки* дѣлались съ богатыми украшеніями.

Чеканы, *шестоперы*, *перматы*, *бездыхалы* и *булавы*, составляли собственно почетные знаки достоинства, хотя воеводы и бояре являлись съ ними въ битвы. *Чеканъ* былъ родъ молотка, имѣлъ шесть перьевъ, или сквозныхъ, фигурныхъ полосокъ; если перьевъ было болѣе, его называли *перматомъ* и *бездыханомъ*. У *булавы* голову составлялъ фигурный шаръ. Всѣ эти почетныя оружія дѣлались серебряныя, и украшались золотомъ и камнями.

Уже въ позднѣйшее время введены были въ русское войско *аллебарды* и *протазаны* (*perduisane*). Первые были родъ бердышей; другіе имѣли на концѣ длиннаго древка широкое, плоское, иногда впрорванное копье, и подъ нимъ кисти, золотыя, серебряныя, или шедковыя. Иногда копьа украшались *прапорцами*, или небольшими значками, въ родъ нынѣшнихъ *улашекъ*. Находимъ еще названія оружій: *курды*, *брусы*, *клевцы*. Первые упоминаются въ *лѣтописяхъ*; другіе были, кажется, родъ *топоровъ*.

Сайдакомъ называлось вообще все, принадлежавшее къ луку и стрѣламъ: *лукъ*, *калучъ* или *лубъ*, (влагалище лука) и *туль* или *колчанъ* со стрѣлами. Все дерево у лука вообще называли *кибитъ*, острые концы его *рога*, нижнюю часть рога *подзоръ*, верхнія накладки подъ рога *мадякъ*, костяныя вставки снизу роговъ; противъ мадяновъ, *насти*; здѣсь проходила *темя*.

Стрѣлы дѣлались деревянныя, съ жалъзцомъ, и удницами и перьями съ другаго конца. Чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ стрѣлъ *северги* и *срезни*, мы не знаемъ, хотя находимъ различіе ихъ въ древнихъ описяхъ оружія. *Налучь* и *мулъ* дѣлались кожаные, сафьянные, бархатные, и убирались жемчугомъ и каменьями. *Налучь* носили съ лѣвой, а колчанъ съ правой стороны, привѣшивая ихъ къ поясу. Колчанъ прятали иногда въ особенный чехолъ, или *тохтуй*. Вообще сайдакъ составлялъ предметъ особенной роскоши, и въ домъ боярина, во дворецъ цари, былъ украшеніемъ. Его закрывали драгоценнымъ *покровомъ*. Стрѣлы дѣлали кипарисныя, кедровыя, и на лукъ, колчанъ и чехолъ его нещадли украшеній. Вообще чехлы на всякое оружіе назывались *чемоданами*. Большія стрѣлы кидали изъ *самострѣловъ*, лука съ особеннымъ устройствомъ, пе-хожимъ на ружье.

Конница, какъ мы сказали, составляла лучшее войско русское. Встарину шеголяли лошадьми. Главнѣйшія различія ихъ составляли: *армаки*, лошади польскія и турецкія, *бахматы*, лошади малороссія и короткошейныя, но весьма крѣпкія; *колемъ*—собственно называли лошадей нагайской породы, а *меринами* лошадей русскихъ породъ.

Сьзда были на образецъ татарскихъ, высокія, съ короткими стремянами. Шпоръ, или *остроговъ*, употребляли мало.

Странную, пеструю смѣсь представляло такимъ образомъ русское войско, разнообразно одѣтое и вооруженное. Подлѣ ратника въ тегиляхъ съ ослопомъ, шелъ ратникъ, обремененный панциремъ и куйкомъ, съ щелокомъ, сайдакомъ, мечомъ, ножами. Сближеніе съ Европейцами, и распространеніе огнестрѣльнаго оружія имѣло слѣдствіемъ вообще уменьшеніе разнообразнаго, и особливо оборонительнаго оружія. Азія начала здѣсь уступать Европѣ.

Огнестрѣльное оружіе сдѣлалось извѣстно въ Россіи въ концѣ XIV вѣка, но наиболѣе распространилось въ XVI столѣтіи. Можно полагать, что ручное огнестрѣльное оружіе ввели у себя Новгородцы. Его вообще называли *пищалью*. Оно походило на ружье, состоя изъ желѣзнаго ствола и деревяннаго станка. Верхняя часть ствола называлась *устъемъ*, далѣе *дуломъ*, а низъ казною. Стрѣляли помощію фитиля, держа фитиль въ рукѣ, но потомъ вошли въ употребленіе замки, гдѣ укрѣплялся фитиль. Для отличія отъ *пищальной затинныхъ*, или пушекъ, ручныя назывались *завьскими*, а также *ручницами* и *самопалами*. Впослѣдствіи ввели въ употребленіе *пистолы*, или *пистолеты*, и *карабины*, но не ранѣе XVII столѣтія. Пищаль носили за спиною, надѣтую на ремень. Принадлежностямъ къ ней былъ: *берендейка*, или ремень съ сумками, гдѣ держали *рога* и *натруски* съ порохоми, пули, фитиль. Чехлы на ручное огнестрѣльное оружіе назывались *ольстрами*.

Все сказанное нами объ одеждѣ и вооруженіи древнихъ русскихъ войскъ относится къ войскамъ *временнымъ*. Обращаемся къ ополченіямъ постоянныхъ, или *непрерывныхъ* войскъ.

Постоянныя охранительныя дружины князей, или *отроки княжіе*, составлявшіе *гидию* ихъ, были у насъ издревле. Но число ихъ было не велико и неопредѣленно. Такъ въ разныя времена учреждаемы были родъ гвардіи: *рынды* при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ; *опричники*, при Іоаннѣ Грозномъ; *жилыцы* въ его же время, *протогвардичики* и *аллебардичики* при Самозванцѣ; *конныя жилыцы*, при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ. Одежда и вооруженіе ихъ отличались однообразіемъ и особеннымъ щегольствомъ.

Рынды и *подрынды* были собственно царскіе оруженосцы. Въ нихъ выбирали статныхъ молодыхъ людей изъ знатныхъ семействъ. Одѣтые въ турскіе шафаны

и перези, наиболѣе въ бѣлаго атласу и бархату, съ елущкою горностаевымъ мѣхомъ, въ высокой шапкѣ, съ золотыми цѣпами на груди, съ богатою свиврою на плечь, они стояли окрестъ царскаго трона при приѣмѣ пословъ. Когда царь отпралялся въ походъ, рындамъ поручалось его оружіе; они перевозили его при выѣздахъ, съ мечами и съ топорами.

Имя *опричниковъ* осталось въ памяти народной, хотя существованіе ихъ продолжалось не болѣе семи лѣтъ (1565—1572). Они одѣвались въ черныя платья, съ шлыками на головѣ. Впрочемъ извѣстія объ нихъ невѣрны и противорѣчащи, и, кажется, многое прибавили къ нимъ клевета и легковѣріе.

Протазанищики и *аллебардищики* Самозванца были первыя иностранныя войска, учрежденныя въ Россіи. Самозванецъ не смѣлъ довериться однимъ Русскимъ, и думалъ, что безопасность, какою окружаетъ монарха любовь народная, замѣнить ему двѣ роты чужеземныхъ бродягъ! Они были одѣты въ красныя и фіолетовыя, суконныя и бархатныя кафтаны, и вооружены богатыми аллебардами и протазанами. Большую часть ихъ черерезали въ смѣтеніи, а уцѣлѣвшіе разсыпались.

Жилыцы, то есть, люди избранныя для житія въ Москвѣ и стражи царской, одѣвались въ терлики и шапки. Изъ нихъ царь Феодоръ учредилъ конный отрядъ, отличавшійся орлиными крыльями, прикрѣпленными между плечь. Это было взято съ польскихъ крылатыхъ всадниковъ.

Первымъ постояннымъ въ Россіи войскомъ, предназначеннымъ на всегдашнюю, непремѣнную воинскую службу, были *стрѣльцы*. Ихъ учредилъ Іоаннъ Грозный, и уничтожилъ Петръ Великій. Составляя полки, они пользовались большими выгодами, и заселяли отдѣльныя слободы въ Москвѣ и по городамъ. Въ каждомъ полку было отдѣленіе *копейщиковъ*; другіе были вооружены саблями, самопалами и бердышами. Кон-

ные стрѣльцы назывались *стремляными*. Каждый полкъ отличался цвѣтомъ кафтана и подбоя его; съ плеча висѣла берендейка; конные имѣли сайдаки. Начальники стрѣльцовъ носили платье въ родѣ охобня, и имѣли въ рукахъ *посохъ* или трость.

Преимущество регулярныхъ войскъ, доказанное въ смятеніяхъ междоцарствія Поляками и Шведами, привело царя Михаила къ мысли образовать регулярные нѣмецкіе полки. Офицеровъ и солдатъ наняли за границую, и дорождю цѣною купили имъ нѣмецкое оружіе. Толпы бродягъ, поступившихъ въ нѣмецкіе полки, робость и нервнительность опыта, и ненависть Рускихъ къ иноземцамъ, разрушили предпріятіе, для исполненія котораго потребна была сильная воля Петра Великаго. Послѣ неудачнаго похода къ Смоленску, успѣшили уничтожить полки *бусурмановъ*. Ихъ было четыре пѣшихъ, или *солдатскихъ*, и нѣсколько конныхъ, *драгунскихъ* и *рейтарскихъ*.

Каждый *солдатскій* полкъ состоялъ изъ *пикинеровъ*, или *копейщиковъ*, и *мушкетеровъ*. Первые были въ латахъ и съ копьями, а вторые съ мушкетами на подсошкѣ. Платье у всѣхъ было короткое, на голову надѣвалась желѣзная шапка; черезъ плечо висѣлъ *бандемиръ*, или берендейка. Драгуны и рейтары, одѣтые такъ же, имѣли еще топоры, *карабины* и *пистолы*. Капитаны пѣшихъ полковъ были съ *копьями*, поручики съ *протазанами*, прапорщики съ *прапорами* (копьями со значкомъ), а сержанты съ *аллебардами*.

Иностранцы обязывались составить и обучить русскіе солдатскіе полки. Лучшіе нѣмецкіе офицеры остались въ Москвѣ, и учредили полки, въ которыхъ начальниками были иностранцы, а солдатами Рускіе. При царѣ Алексѣ находилось нѣсколько такихъ полковъ, конныхъ и пѣшихъ. Изъ двухъ *московскихъ* *выборныхъ* полковъ Петръ Великій образовалъ *Лефортовскій* и *Бутырскій* полки. *Солдатскіе* полки находились за гра-

вицахъ; *драгунскіе* охраняли предѣлы Украины отъ Татаръ; были еще полки *рейтарскіе* и *гусарскіе*. Вооруженіе *солдата* составляли шпага, бердышъ и мушкетъ; у *драгуна* прибавлялись копье и вмѣсто бердыша былъ топоръ; у *рейтара* была сабля, карабинъ и пистолы; у *гусара* сабля и длинное копье. Изслѣдованіе объ устройствѣ всѣхъ полковъ, и о томъ, до какой степени были они *регулярны*, не принадлежитъ къ нашему предмету.

Подобно другимъ народамъ, издревле возбуждалась бодрость русскихъ воиновъ военною музыкою. Въ XII столѣтіи находимъ уже трубы и бубны, или *макры*. Постепенно въ войско русское введены были слѣдующія военныя музыкальныя орудія: *трубы*, *времья* и съ *когвнами*, *мѣдныя*, украшенныя *снурати*, *кистями* и *завьсами*, или *цвѣтными лоскутами тканей*; *челюль* трубы назывался *кагалищежъ*. *Сурна* была труба съ *загнутымъ отверстіемъ*; *сопель*, обыкновенная *дудка*; *сиповки*, родъ *флейты*, переняты были у Нѣмцевъ и введены въ *стрѣлцкіе полки*. *Бубень* составляла *мѣдная чашка*, съ *натянутою сверху кожею*; *всадники* привязывали его къ *сѣдлу*, а *пѣшіе ратники* держали въ *рукъ*; били въ него *вощогою*, *плетушкою* и *ремней*. У *каждаго воеводы* привѣшенъ былъ къ *сѣдлу тулукбасъ*, *небольшой бубень*, посредствомъ *котораго онъ командовалъ своимъ отрядомъ*. *Литавры*, или *бубны* *размѣру по-болѣе*, находились въ *конныхъ стрѣлцкихъ и рейтарскихъ полкахъ*. Иногда *дѣлали ихъ серебряныя*, и обыкновенно *убирали ихъ цвѣтными завьсами*, съ *кистями и бахрамою*. *Литавры* *привѣшались по обѣ стороны сѣдла литаврщика*, и онъ *билъ въ нихъ двумя небольшими палками*. Наконецъ въ *русскомъ войскѣ* были еще *огромнѣйшія бубны*, называемыя *лабатами*. *Громадный инструментъ этотъ составляли нащитъ изъ досокъ*, и *возили на четырехъ колесахъ лошадакъ*; *осемь всадниковъ били въ него палками*. *Набатъ производилъ оглушающій звукъ*, и на-

ходился при главныхъ воеводахъ. *Барабаны* введены были уже въ XVII вѣкъ. Они состояли изъ деревяннаго *лукошка*, *обручей* и *кожи*. Ихъ носили на ремнѣ черезъ правое плечо.

Военная музыка русская производила дикій, нестройный звукъ, хотя для каждаго музыкальнаго орудія назначались особенные люди—*трубачи*, *накрачи*, *сурелщики*, *сопельщики*, *набатчики*, *барабанищики*, *лытаерщики*, *сиповщики*, и прочая. Одеждою они не отличались отъ другихъ воиновъ.

Издревле введены были въ русскія войска, знамена, или *стяги*. Ихъ украшали святыми образами, почитали священнымъ знаменіемъ победы, тщательно хранили и потеря *стяга* въ битвѣ наносила безчестіе. Сборъ войска означали выставленіемъ знаменъ: *поставить стягъ*, значило: *объявить войну*. Знамена освѣщались и вручались воеводамъ и войску съ духовными обрядами. Издревле, изображая на нихъ священные предметы, окружали изображенія каймою съ разными украшеніями. Знамена русскія отличались непомѣтною величиною *полотна*, которое иногда было квадратное, или продолговатое, а иногда срѣзывалось на *откосъ*. Древяно украшалось живописью; верхъ его оканчивался *дротикомъ*, и съ него висѣли по древяно киста и *сиуры*. Полотно дѣлалось изъ шелковыхъ, или бумажныхъ тканей, и холстинное. Небольшія знамена, съ четырехугольнымъ полотномъ именовались *прапорами*.

Знамя *Димитрія Донскаго* въ *Куликовской битвѣ* было черное, съ образомъ *Спасителя*. Въ *Московской Оружейной Палатѣ* сохраняется ветхое знамя *Іоанна Грознаго*, сдѣланное въ 1560 году, и называвшееся: *Великій стягъ*. Оно было тафтяное, мѣрою по древяно 3 аршина 2 вершка, по верхней коймѣ 8½ аршинъ, по откосу 5 аршинъ 12 вершковъ, по нижнему краю до откоса 2 аршинъ 10 вершковъ. Часть знамя до откоса была *лазореваго*, откосъ *сахарнаго* (*бланжеваго*), кайма по всему

знамя брусничнаго, а по откоосу маковаго (?) цвѣта. Въ серединѣ, въ кругу, изображено видѣніе Іоанна Божьего, изъ Апокалипсиса: Спаситель на бѣломъ конѣ; на откосѣ изображенъ былъ Архангелъ Михаилъ. Все знамя кругомъ и по каймѣ усыяно золотыми звѣздами, крестами, фигурами, и надписями. Всѣ изображенія повторились и на другой сторонѣ. Особая надпись означала годъ. На сохранившемся знамени Пожарскаго изображенъ Іисусъ Навинъ.

«Историческое описаніе» передаетъ намъ рисунки и подробныя описанія знаменъ царей Михаила и Алексія. Кажется, что официальной надписью знаменъ, среди множества другихъ, учреждена была слѣдующая, повторяемая на многихъ: *«Се велие во браняхъ оружіе и защищеніе, стѣна непобѣдимая благочестивыхъ царемъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ, на враги же велия побѣда и разореніе»*. Любопытно знамя, хранящееся въ Петербургскомъ Арсеналѣ, сдѣланное въ правленіе царевны Софіи. На немъ изображены: Перукотворенный образъ, святые Сергій, Филиппъ, Николай, Іова, Петръ, Димитрій царевичъ, Германъ, Гурій, Алексій, Варсонофій, Антоній, Θεодосій, Іоаннъ Предтеча. Выше видѣнъ двуглавый орелъ между изображеніями двухъ юныхъ царей. Вотъ надписи по сторонамъ орла: *«Орелъ по естествоу смотритъ солнца, сице зрятъ пресвѣтлыя лица главою сугубою, единородному брату обою великихъ государей и царей, монарховъ нашихъ, великихъ князей. Одно солнце Іоанна Алексѣевича, второе Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя, Червоныя, Черныя, Бѣлыя, славенороссійскихъ самодержцевъ, и многихъ царствъ пресвѣтлыхъ державцовъ»*. — *«Орелъ наречется царь небесный, сице наречеть царей и земныхъ. Орелъ значить сугубою главою московскихъ нашихъ двухъ царей, имъ по три вѣнца въ душахъ ихъ сіяютъ, во Троицѣ Бога прославляемая Отца и Сына и Святаго*

Духа; имуть по два крыла, и въ дланія вручи имъ Богъ скипетръ и державу, правленіе царствъ и на враговъ, въ шуйца же имъ державу со крестомъ, да побъждають враговъ со Христомъ».—На другой сторонѣ изображенія Михаила Архангела, Иисуса Христа, Богоматери, апостоловъ Петра и Павла, и святыхъ Бориса и Глѣба. Подлѣ орла внизу двѣ надписи, изъ которыхъ можно прочитатъ только одну: *«И покры яко орелъ гнѣздо свое, милосердіе и челоувѣколюбіе (милосердіемъ и челоувѣколюбіемъ), собра вся язъки гнѣзда земнаго, въ Троицѣ славимъ Бога единаго: въ десныхъ пазыоктяхъ жезлъ, или скипетръ и мечъ, жезломъ сокрушитъ яко сосудъ скудельничъ, язъки поганыхъ, не знающихъ Бога, и всяка сопостата и врага».* Художникъ, расписывавшій это знамя означилъ на немъ имя свое: *«Трудами и художествомъ новопостроеннаго Кизическаго Монастыря многогрѣшнаго монаха Гервасія».*

Не менѣе любопытно изображеніе на гербовномъ знамени царя Петра, сдѣланномъ въ 1696 году, и хранящемся въ Московской Оружейной Палатѣ. На откосѣ его апостолы Петръ и Павелъ держатъ камень, съ надписью на немъ: *Камень*. Ниже надпись: *«Се полагаю во основаніе камень краеугольный, да созиждется блънное (?) мое царство до скончанія вѣка».* Другія надписи: *«Покрыю его, яко позна имя мое,»* и *«Господи! спаси царя и услыши ны!»* Для разгадки аллегоріи надобно вспомнить, что *Петръ*, значитъ *камень*.

Воинскія заслуги награждались *царскимъ милостивымъ словомъ, похвальными грамотами, помѣстьями, придачею хлѣбною и денежнаго жалованья, кубками*. Кромѣ-того издревле упоминаются *гривны*, которыя носили на груди — вѣроятно, это былъ родъ медалей. Награждали иногда воеводъ *золотыми цѣпями*. Получившій такую награду назывался *златоносцомъ*. Меньшія награды составляли золотыя и серебряныя позо-

лоченныя деньги. Ихъ иногда дѣлали нарочно, иногда просто называли *золотыми венгерскими и португальскими золотыми монетами*, и Французскіе *корабельники* (*Rose-nobel*). *Булавы* давались иногда за отличіе. Но важнѣйшимъ изъ отличій считались *шубы*, и цѣна ихъ означала важность награды. «Аksamитный кафтанъ на соболяхъ», данный царевною Софіею любимцу ея, князю В. В. Голицыну, стоилъ 393 рубля, 2 алтына. Царь Ѳеодоръ награждалъ Годунова шубою съ своего плеча въ тысячу рублей, что стоитъ нынѣ болѣе 17,000 рублей ассигнаціями.—Малыя награды состояли также изъ подарка разной одежды, и просто тканей на платье, и соболей на шапку.

Первый томъ «Историческаго описанія» заключается изслѣдованіями объ артиллеріи, или *снарядѣ*, въ старинныхъ русскихъ войскахъ. Здѣсь подробно исчислены замѣчательныя старинныя орудія, хранящіяся въ московскомъ Кремлѣ и въ богатомъ рѣдкостями Петербургскомъ Арсеналѣ. Къ описаніямъ принадлежатъ до *тридцати* изображеній.

Если вѣрить замѣткѣ одного лѣтописца, «огненную стрѣльбу и *арматы*» привезли къ намъ «изъ Нѣмцевъ» въ 1389 году «и отъ того часа уразумѣли изъ нихъ *стрѣляти*». Но литье орудій въ Россіи началось не ранѣе XV вѣка. Аристотель Фіоравенти, зодчій Успенскаго собора московскаго, вынулъ первыя пушки Іоанну III. Потомъ славился литейщикъ Дебосисъ. Имя русскаго мастера, *Андрея Чохова*, было извѣстно со временъ Іоанна Грознаго до царя Михаила. Первыя русскія пушки были грубы, безъ цапфъ, дельцевъ, винграда и безъ раздѣленія на части казенную, вертлюжную и дульную, съ уродливыми лафетами.

Общее названіе артиллерійскихъ орудій встарину было: *пищаль*. Названіе *пушки* прилагалось къ *можжиралѣ*, или *мортирамѣ*. Изъ частныхъ названій ору-

дѣй были: *змѣйка* — названіе средне-калиберныхъ, длинныхъ пицалей, съ нѣмецкаго *Schlangen*; *волкомейка* и *соколка* — названіе короткихъ малокалиберныхъ, съ французскаго *fauconnaux*, и нѣмецкаго *Falkonet*; *гофуница* — было названіе орудій въ родъ мортиры, но гораздо длиннѣе, для бросанія камней, шверней, обломковъ, съ нѣмецкаго *Hauffnits*; *дробовикъ*, была усовершенствованная гофуница, по-нѣмецки названная *Sreubuchsen* и *Haubitzen*. Орудія вообще называли особыми именами, болѣею частію отъ изображеній, на нихъ сдѣланныхъ: *воинъ*, *левъ*, *соловей*, *аспидъ*, *волкъ*, *василискъ*, *обезьяна*, *дѣвъ дѣвки*, *шбросъ*, *онагръ*, *медвѣдь*, и прочее.

Называя вообще артиллерію *снарядомъ*, порохъ называли *зельемъ*, батарею *туромъ*, артиллеристовъ *пушкарями*. Вотъ названія частей пушки: *казна*, казенная часть орудія; *средина*, средняя часть; *дуло*, дульная часть; *вертлюги*, цапфы; *уши*, дельфины; *полоса*, фризъ; *стволь*, каналъ; *колода*, лафетъ (его же называли *станкомъ*). Фунтъ вѣсу въ ядрѣ называли *тригвенкою*. Изъ пушечныхъ принадлежностей до насъ сохранилась *жагра*, или палеинокъ. Онъ желѣзный, длиною въ $2\frac{1}{2}$ аршина, и фитиль замысловато проведенъ въ него сквозь трубочки, которыя проходятъ въ ключи орловъ, придѣланныхъ на верхушкѣ жагры.

Вообще орудія были огромны, тяжелы, неудобны. Одно изъ древнѣйшихъ хранится въ Петербургскомъ Арсеналѣ. По надписи оно вылито въ 1485 году, и длиною 4 фута, $6\frac{1}{4}$ дюймовъ. Въ томъ же арсеналѣ хранятся двѣ желѣзныя, кованыя *пицали*, взятыя изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря. Одна изъ нихъ двухъ фунтовая, длиною въ сажень, 2 фута и 3 дюйма; другая трехъ фунтовая, длиною въ сажень, 3 фута, 4 дюйма. Обѣ украшены насѣчкою, и серебряными и золотыми накладками.

Знаменитѣйшая по ея народной славѣ, *царь-пушка*,

находящаяся въ московскомъ Кремлѣ, 120-ти пудовой дробезикъ. Она длиною 2 сажени 3 фута, 9 дюймовъ, безъ цапъ, дельфиновъ и винграда, съ четырьмя скобами съ каждой стороны, и съ литыми украшеніями около покатовъ. На дульной части ея изображеніе царя Феодора Ивановича на конѣ, съ надписью: «Божьею милостію, царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ, государь и самодержаць всѣя Великія Россіи». На средней части двѣ надписи, одна справа: «Повелѣніемъ благовернаго и христіанлюбиваго царя и великаго князя Феодора Ивановича, государя и самодержаца всѣя Великія Россіи; при его благочестивѣйшей и христіанлюбивой царицѣ; великой княгинѣ Прицѣ, и сына: «Слито бо есть сія пушка въ преименитой царствующемъ градѣ Москвѣ, 7094 (1586) года, въ третьемъ лѣтѣ государства его. Дѣлалъ пушку пушечный мастеръ Андрей Чоховъ».

Изъ другихъ огромныхъ орудій въ московскомъ Кремлѣ замѣтны:

Можжиръ, вылитую Чоховымъ въ 1597 году; длиною въ 4 фута, 4 дюйма; весомъ въ 77 пудовъ 10 фунтовъ; ядро въ 6 $\frac{1}{2}$ пудовъ.

Пушку Единорога, вылитую Мартыномъ Основнымъ, съ изображеніемъ единорога, въ 1670 году; длиною 3 сажени, 2 фута, 4 дюйма; весомъ въ 779 пудовъ; ядро въ 2 пуда. Въ надписи вставлена вымышленная фраза: «Единорога яблоко дерогитъ, пушка ядро пуштитъ, яблоко ядромъ умертвитъ, и ядро супостата побѣдитъ».

Пищаль Троицкая, вылитую Яковомъ Дубинымъ; съ изображеніемъ «Троица, царя Троянскаго»; въ 1685 году; весомъ въ 402 пуда, 51 гривенку; ядро въ 1 пудъ и 10 гривенку; длина 2 сажени 2 фута, 4 дюйма.

Пищаль Перса, вылитую Мартыномъ Основнымъ, съ изображеніемъ Турка, въ 1686 году; весомъ 353 пуда; ядро въ 40 гривенку; длина 2 сажени 2 фута, 4 дюйма.

Пушку *Орель*, вылитую, въ 1692 году, Мартыномъ Осиповымъ; длина 1 сажень, 3 фута, 7 $\frac{1}{2}$ дюймовъ; вѣсъ ядра 40 гривенокъ.

Въ Петербургскомъ Арсеналѣ хранятся двѣ историческія пушки. Одна изъ нихъ, пищаль *Инбромъ*, вылитая при Іоаннѣ Грозномъ, Андреемъ Чоховымъ, въ 1577 году; длина 2 сажени, 3 фута; вѣсъ ядра 68 фунтовъ. Поляки увезли ее изъ Москвы, и она находилась въ Эльбингѣ, гдѣ взялъ ее Карлъ XII, и велѣлъ, какъ на знаменитомъ трофее, вычеканить на ней надпись: Med guds Hielp af kon. Carl d. XII tagit med steden Elbing d. 3 Decemb. 1703. (*Съ Божіею помощію королемъ Карломъ XII взята въ городъ Эльбингъ, декабря 3-го 1703 года.*)—Другая пищаль, медаль, еще достопамятнѣе. Она въ 2 сажени 2 фута и 10 дюймовъ, съ ядромъ въ 38 фунтовъ, и вылита въ 1590 году, Семенкомъ Дубининымъ. Петръ Великій вывезъ ее подъ Нарву. Здѣсь въ Нарвской битвѣ взялъ ее Карлъ XII, и велѣлъ вырвать на ней: Med guds Hielp af kon. Carl d. XII tagit med Narwen d. 20 Nov. 1700. (*Съ Божіею помощію королемъ Карломъ XII взята при Нарвѣ, ноября 20-го, 1700 года.*)—Кажется, она не долго оставалась трофеемъ победы Карловой!

Краткое обзорніе «*Историческаго описанія одежды и вооруженія російскихъ войскъ*», сдѣланное нами, кажется, можетъ подтвердить все сказанное въ началѣ о важности, достоинствѣ, богатствѣ содержанія, и необходимости подробнаго изученія его для историка, археографа, и даже литератора. Это живая картина одного изъ важнѣйшихъ отношеній древней Россіи—говоримъ *опервомъ томъ*, содержаніе котораго мы изложили. Объемъ статьи нашей не дозволялъ намъ написать множества любопытныхъ извлеченій автора изъ сочиненій иностранцевъ, писавшихъ о Россіи (въ числѣ ихъ находимъ новый, неизвѣстный доннынъ источникъ: записки о Россіи, шведскаго посланника *Эриксъ*

Пальжмиста, привъзжавшаго въ Москву при Карлѣ XI; онъ хранятся въ шведскомъ государственномъ архивѣ). Мы пропускаемъ также обширныя выписки изъ русскихъ архивовъ. Упомянемъ изъ числа ихъ объ «описи платья; оружія, доспѣха, и конскаго прибора,» принадлежавшихъ Борису Годунову; описи перстней царя Алексія; описи древняго оружія, хранившагося въ Оружейной Палатѣ; выпискахъ объ одеждѣ царей въ разныхъ случаяхъ, и прочее. Все упомянутое нами кратко, въ «*Описаніи*» излагается подробно, и авторъ не говоритъ ни одного слова безъ ссылки и доказательствъ, такъ, что примѣчанія его составляютъ запасъ драгоценныхъ матеріаловъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Занимательность и важность предмета увлекли насъ, такъ, что мы должны отложить обзоръ втораго тома «*Описанія*» до другой отдѣльной статьи. Тѣмъ необходимое такое раздѣленіе, что здѣсь вступаемъ мы въ совершенно другую историческую область. Преобразование войска русскаго Петромъ Великимъ было столь обширно, и столь окончательно, что ничего древняго не осталось слѣдовъ. И какъ иначе явилъ бы онъ черезъ немного лѣтъ побѣдителями подъ Лвскимъ, подъ Полтавою, подъ Гюлленгенгомъ, тѣ самыя войска, которыя едва могли сражаться съ Крымцами, и только многочисленностью выигрывали побѣду у храбрыхъ, но нестройныхъ дружинъ польскихъ?

=

Вильгельмъ Тналь. *Драматическое представлѣніе съ пяти дѣйствій. Сочиненіе Шиллера. Переводъ Ф. Миллера. Москва, въ Унив. Типографіи, 1843 года, въ 8, стр. 146.*

Поговоримъ....

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви....

А. Пушкинъ.

Есть какія-то особенно счастливыя имена литераторовъ: ихъ любятъ, ихъ произносятъ съ особеннымъ участіемъ, съ любовью именнно, когда другія возбуждаютъ чувство удивленія, благоговѣнія, если угодно, но не любви. Чтѣ-то похожее на любовь дѣтскую и родительскую видимъ въ нашемъ безкорыстномъ чувствѣ къ любимымъ авторамъ нашимъ. И не всегда самыя любимыя суть самыя великія, или говоря яснѣе, чувства любви нельзя принимать мѣрою сравнительнаго достоинства авторовъ. Мы говоримъ не о тѣхъ, которыхъ любимъ мы, какъ милыхъ намъ друзей, родныхъ, потому что они близки намъ по какому-нибудь отвлеченію частному. Такова бываетъ привязанность къ родной пѣснѣ, основанная на чувствѣ любви къ родинѣ, на личныхъ воспоминаніяхъ нашихъ. Таково чувство, которое заставляетъ восхищаться простою драмою, когда огромное трагическое созданіе остается невнятнымъ, чуждымъ для насъ. Беремъ размахъ выше, и для примѣру двухъ русскіхъ современныхъ поэтовъ, Жуковскаго и Пушкина. Сомнѣнія нѣтъ, что сравниваемые по безотносительному достоинству они неравны: Пушкинъ выше Жуковскаго, какъ мыслитель и поэтъ. Но никогда творенія Пушкина не прие-

брытали и не приобретутъ той любви, которую возбуждали и всегда будутъ возбуждать творенія Жуковского. Такъ въ англійской словесности уважаютъ Соутея и любятъ Мура; въ Германской признаютъ достоинства другихъ, но любятъ Шиллера, и не такое ли чувство возбуждаетъ Шиллеръ во всѣхъ чужеземцахъ, которые узнаютъ его? Здѣсь нѣтъ уже чувства родины, нѣтъ нашихъ частныхъ отношеній, но въ чемъ же скрывается причина? Изслѣдовать такой вопросъ любопытно, тѣмъ болѣе, что для него надобно рассмотреть поэта, его творенія и его жизнь (мы уже знаемъ, что одно взаимно поясняется другимъ, и взятое отдѣльно будетъ неполно). Подобное разсмотрѣнiе всегда поучительно. Но кромѣ-того здѣсь можно коснуться одного изъ современныхъ вопросовъ искусства, вопроса важнаго, потому что ложное рѣшенiе его губить теперь современное искусство. Будемъ кратки въ нашихъ изъясненiяхъ, предполагая, что читатели наши уже предварительно знаютъ данныя, то есть, творенiя Шиллера и современное состоянiе европейской критики и эстетики.

Юганнъ Христофоръ Фридрихъ Шиллеръ родился въ городкѣ Марбахъ, въ Виртембергскомъ герцогствѣ, въ половинѣ прошлаго столѣтiя, октябратридцатаго (старого стiля) 1759 года, отъ честныхъ, простыхъ родителей: отецъ его былъ полковой хирургъ, уроженецъ виртембергскiй, а мать—дочь хлѣбника. Послѣ ахенскаго мира, въ 1757 году, когда баварскiй полкъ, гдѣ служилъ отецъ Шиллера, былъ переформированъ, возвратился онъ на родину въ Виртембергъ, и опредѣлился пренорщикомъ въ полкъ принца Людовика. Находясь въ корпусѣ союзныхъ войскъ въ Богемiи, въ ужасное время Семилѣтней Войны, онъ заслужилъ любовь и уваженiе общее, замѣнялъ врача при пособiи раненымъ, и пастора, утѣшая страждущихъ на одрѣ скорби и смерти. Съ 1759 года, находясь при виртемберг-

слово нейтральномъ корпусъ въ Гессенъ и Тюрингенъ, онъ старался дополнить чтеніемъ и ученіемъ свое недостаточное образованіе. По окончаніи войны, находясь въ Лудвигсбургъ, онъ обратилъ на себя благосклонность герцога Карла Виртембергскаго своимъ познаніемъ въ садоводствѣ. Мать Шиллера была немецкая добрая хозяйка (*gutmüthige Hausfrau*), умная женщина, которой некогда было читать при заботахъ о хозяйствѣ; но въ свободныя часы наслажденіе ея составляли однако жъ стихотворенія Уца, Геллерта и духовныя пѣснопѣнія. Рожденіе единственнаго сына умножило семейное счастье родителей Шиллера, уважаемыхъ и любимыхъ всѣми знавшими ихъ. Они приложили всевозможныя попеченія о воспитаніи сына, положивъ въ основаніе его благочестіе и нравственность. Въ 1765 году переселились они въ Лорхъ, гдѣ почтенный пасторъ Мозеръ былъ первымъ наставникомъ юнаго Шиллера втеченіи трехъ лѣтъ, а сынъ пастора первымъ, никогда незабываемымъ другомъ поэта. Пылкая, впечатлительная душа Шиллера дотога была увлечена чувствомъ религіозности, что любимую мечтою его сдѣлалось тогда желаніе быть пасторомъ. Въ 1768 году родители Шиллера возвратились въ Лудвигсбургъ, и здѣсь въ первый разъ десятилѣтній Шиллеръ былъ въ театрѣ. Онъ говаривалъ самъ, что не можетъ выразить силы впечатлѣнія, какое произвела на него театральная сцена. Возвратясь домой онъ бредилъ драматическими героями и принялся писать трагедію. Между-тѣмъ онъ учился въ городской школѣ, и казался робкимъ и неловкимъ. Мало успѣвая въ урокахъ, которыми мучилъ его воспитатель, грубый, угрюмый педагогъ, Шиллеръ отличался только познаніемъ въ языкахъ. Нѣжно любившій его отецъ не препятствовалъ желанію сына посвятить себя духовному званію, и Шиллеръ выдержалъ въ Стутгартѣ испытаніе, которымъ обратилъ на себя вниманіе герцога

Кирли, возвысившаго сына его покровителю волю, чтобы юнато Шиллера определить въ заведенную тогда герцогомъ знаменитую Стутгартскую Академію (Carlsschule). И отецъ и сынъ услышали съ прискорбіемъ о желаніи герцога, хотя это надобно было почесть знакомъ особеннаго благоволенія. Мечты Шиллера разрушались новыиъ назначеніемъ. Ослушаться не смѣли, и въ 1773 году Шиллеръ записанъ былъ въ юридическое отдѣленіе Академіи. Отсюда началась борьба поэта съ миромъ, ниввавшая важное вліаніе на его дарованіе, и даже на самую жизнь его.

По-целовъ предназначаемаій въ юрисконсулы, Шиллеръ изрядка, украдкою время уделялъ часмъ своимъ любимымъ занятіямъ, и волненіе его сдѣлалось еще тягостнѣе, когда въ 1775 году перевели его въ медицинское отдѣленіе академіи. Какъ-будто желая по-скорѣе свернуть съ себя иго посреднаго ему ученія, Шиллеръ оказывалъ прилежность и успѣхи необыкновенныя. Сочиненія его: «Философія физиологіи», на латинскомъ языкѣ, и другое (Ueber den Zusammenhang der thierischen Natur des Menschen mit seiner geistigen), заслужили похвалу наставниковъ, и будущій творецъ «Валленштейна» и «Вильгельма Теля», былъ выпущенъ изъ академіи съ званіемъ лекаря, определенъ, какъ Regiments-Medicus, въ полкъ, и принужденъ дежурить въ военномъ госпиталѣ. Знвшіе тогда Шиллера рассказывали, что въ медицинской практикѣ показывалъ онъ много ума и смѣлости, но лечилъ неудачно». Веримъ. Большею плоде, когда лекарь приходитъ къ нему съ планомъ трагедіи въ головѣ, съ мечтами о поэмѣ въ душѣ.

Шиллеръ родился поэтомъ, и, какъ говорится, и «лепеталъ стихами въ колыбели». Душа сначала вступитъ въ духовное званіе, семь лѣтъ готовъ находясь въ академіи, и принужденный читать Гроціевъ и Томаціевъ, или слушать лекціи объ анатоміи и фармацев-

ткъ, онъ отдыхалъ только за твореніями древнихъ, жадно перечитывалъ Клопштока, Лессинга, Гёте, Герстенберга, Лейзевица, волновавшихъ тогда Германію реформою немецкой поэзіи вообще, и особенно драмы. Привужденіе, стараніе скрыть свои занятія, усиливало страсть Шиллера. Въ 1773 году онъ уже началъ эпическую поэму, «Моисей»; потомъ трагедію, «Козма Мадичи», что-то въ родъ Лейзевицева «Юлія Тарентскаго, и наконецъ драму: «Студентъ Нассаускій». Все было брошено и сожжено. Поэтъ страдалъ, чувствуя бѣдность своихъ опытовъ, искалъ идей, составлялъ и не могъ составить плана, и «за хороший планъ трагедіи готовъ былъ отдать свой послѣдній талеръ,» какъ говорилъ онъ впоследствии. Некоторыя бездѣлки, безъ имени Шиллера, были тогда напечатаны въ «Шредскомъ Magazinъ». Шиллеръ тщательно изучалъ немецкій языкъ въ лютеровомъ переводѣ библіи, и впадалъ въ восторгъ отъ героевъ Плутарха; оставляя ихъ, принимался онъ за Гарве и Гердера, и читалъ и не понималъ Шекспира, съ которымъ началъ тогда знакомить Германію Лессингъ и Гердеръ. Наконецъ, когда Шиллеръ вышелъ изъ академіи, все тогдашнее состояніе души, всѣ мечты, все свое образованіе высказалъ онъ въ «Раабѣйшкакъ», являющихся съ эпиграфомъ изъ Иппократа: *Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat.* (Когда лекарства не излечиваютъ—лечи желѣзомъ, когда желѣзо не излечиваетъ—лечи огнемъ.)

Юные друзья Шиллера слушали трагедію его: и восхищались, но онъ не зналъ, куда съ ней дѣваться. Никто изъ книгопродавцевъ не брался печатать страннаго прозвѣденія молодого лекаря. Онъ напечаталъ его на собственный счетъ, и съ радостью получилъ приглашеніе мангеймскаго книгопродавца Швана поставить ее на сцену на тамошнемъ театрѣ, по распоряженію директора, барона Дольберга. Требовали иски-то-

чашій, переизвъ. Шиллеръ на все согласился, и въ январь 1782 года «Разбойники» были даны въ первый разъ.

Успѣхъ трагедіи былъ необыкновенный; восторгъ зрителей походилъ на наступленіе. Шиллеръ присутствовалъ самъ при первомъ представленіи, и до того увлекся игрою Иффланда въ роли Франца Моора, что хотѣлъ вступить въ труппу. Дальбергъ, Шванъ, самъ Иффландъ отговорили его. «Вы должны составить славу нѣмецкаго театра, но какъ авторъ, а не актеръ,» говорилъ ему актеръ Бейль. «Клянусь въ томъ!» отвѣчалъ восторженный поэтъ.

— Съ горящею, исполненною мечтаній и плановъ головою возвратился Шиллеръ въ Стутгартъ. Здѣсь горячку его охолодилъ двухъ-недѣльный арестъ, потому что онъ ѣздилъ въ Мангеймъ не взявши надлежащаго отпуска. Поэта могло утѣшить всеобщее вниманіе. Молодежь бредила его Карломъ Мооромъ; впечатленіе было столь сильно, что въ университетахъ и училищахъ составлялись даже братства освободителей человечества, и клялись преслѣдовать злодѣйство и несправедливость.

Разумѣется, такого направленія нельзя было ни одобрить, ни позволить. «Освободителей человечества» запирали въ карцеры, и имя Шиллера съ негодованіемъ приносили люди благочестивые. Желчные критики послѣдовали за успѣхомъ. Автора и твореніе его представляли безнравственнымъ. Наконецъ послѣдовала и формальная жалоба отъ жителей Граубиндена, которыхъ въ «Разбойникахъ» называли «промышленниками большихъ дорогъ». Напрасно поэтъ оправдывался, что это говорятъ *разбойники*, и странно почитать его собственнымъ мнѣніемъ, что влагается въ уста сценическихъ злодѣевъ. Именнымъ повелѣніемъ герцога запрещено было Шиллеру печатать что-либо другое, кромѣ медицинскихъ сочиненій.

Поэтъ не смѣлъ противорѣчить, хотя не могъ скрыть своего негодованія и не думалъ слушаться приказа. Многие биографы Шиллера старались представить отношенія вюртембергскаго герцога къ Шиллеру какими-то деспотическими мѣрами. Они забыли, что герцогомъ былъ тогда добродѣтельный, просвѣщенный, желавшій добра и счастья подданнымъ Карлъ Евгений, умевшій предохранить свое государство отъ бѣдствій Семилѣтней Войны, ничего не шадившій для науки и просвѣщенія, и покровитель родителей Шиллера. Достойный дядя нашей незабвенной благодѣтельницы свроть, Императрицы Маріи, онъ не думалъ преслѣдовать Шиллера, восхищался его дарованіями, но не могъ, ни одобрить направленія сочиненій юнаго поэта, ни даже позволить ихъ оффиціально. Вспомнимъ одно, что на лѣвомъ берегу Рейна уже начиналось тогда гибельное движеніе умовъ. «Разбойники» казались всерою, брошенною въ молодыя, безразсудныя головы. Герцогъ вскорѣ узналъ, что вопреки его запрещенію Шиллеръ вступилъ въ участіе по изданію газеты, начатой профессоромъ Абелемъ и бібліотекаремъ Петерсеномъ, подъ названіемъ *Вюртембергскаго литературнаго реперторія* (*Württembergisches Repertorium der Literatur*), гдѣ помѣщены были, безъ имени автора, Шиллеровы статьи: *Über das gegenwärtige deutsche Theater; der Spaziergang unter den Linden; eine grossmüthige Handlung der neuesten Geschichte*, и нѣсколько рецензій. Тогда же издавалъ онъ съ Штейдлицемъ Антологію, написавши къ ней предисловіе отъ «Тобольскаго жителя», и посвятивъ ее *Смерти*. Вся эти шалости поэта произвели только то, что добродушный герцогъ, не снимая запрещенія, велѣлъ Шиллеру прежде напечатанія представлять стихи и прозу на его собственное разсмотрѣніе, потому что, говорилъ герцогъ, онъ «находитъ ихъ писанными въ дурномъ вкусѣ» (*found häufige Verstosse gegen den bessern Geschmack in*

Schiffers Producten). Это совершенно рассердило поэта, и онъ рѣшился навсегда оставить отчизну, гдѣ не было свободы его гению. Сначала издумалъ-было онъ просить увольненія, но получилъ отказъ. Герцогъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться. Во время пребыванія Великаго Князя Павла Петровича въ Стутгартъ, въ октябрѣ 1782 года, когда все заняты были враздниками, Шиллеръ ушелъ ночью пышкомъ изъ столицы, съ нѣсколькими талерами въ карманъ, и подъ чужимъ именемъ укрылся въ окрестностяхъ Мейнингена. Герцогъ не думалъ его преслѣдовать, изъявлялъ только искреннее сожалѣніе отцу Шиллера, что сынъ его, одаренный необыкновеннымъ талантомъ, увлекается юношескою пылкостью. Все, что было потомъ писано Шиллеромъ, герцогъ всегда читалъ съ особеннымъ участіемъ, и продолжалъ покровительство отцу его, который напрасно звалъ своего сына, увѣряя, что все давно забыто. До самой кончины герцога, въ 1793 году, Шиллеръ не смѣлъ явиться въ Стутгартъ, и тогда только старикъ отецъ, со слезами радости, обнялъ своего сына, уже знаменитаго литератора въ Германіи, уже отца семейства, уже страдальца жизни по другимъ отношеніямъ, которыхъ не могъ понять добрый старикъ. Восхищенный славою сына, онъ записалъ тогда въ своемъ дневникѣ слѣдующія трогательныя слова: Und du, Wesen aller Wesen! Dich hab'ich! nach der Geburt meines einzigen Sohnes gebeten, dass du demselben an Geistes Kräften zulegen möchtest, was ich aus Mangel an Unterricht nicht erreichen konnte, und du hast mich erhört. Dank dir, gütigstes Wesen, dass du auf die Bitten der Sterblichen achtest!

Бурны и тревожны были эти десять лѣтъ, протекшія со времени бѣгства Шиллера изъ отчизны. Душа его перекипала въ страстяхъ, наслажденіяхъ, лишеніяхъ, торжествахъ, паденіяхъ, и когда имя его съ почтеніемъ произносили другіе, башъ поэтъ готовъ

былъ предаться отчаянію отъ сѣдуствія своего ничтожества. «Таковъ поэтъ!»

Мы сказали, что Шиллеръ унылся въ Мейнингенѣ. Не желая требовать ни чьей помощи, онъ нанялся въ учителя дѣтей баронессы Вольцогенъ, съ старшимъ сыномъ которой былъ знакомъ въ Стутгартѣ. Беззаботно, съ мечтами и восторгами, прожилъ онъ цѣлый годъ въ Бауербахѣ, помѣсть баронессы, написалъ *Заговоръ Физики*, «республиканскую» трагедію (ein republikanisches Trauerspiel) и *Коварство и Любовь*, «мишанскую трагедію» (ein bürgerliches Trauerspiel). Съ ними спѣшилъ онъ въ Мангеймъ—опять съ мечтами, которыя не могли осуществиться....

Таково было и навсегда осталось свойство души Шиллера: онъ не умѣлъ ничего ни чувствовать, ни любить въ половину. Всего себя отдавалъ онъ увлекающей его идее, и съ дѣтскою доверенностью на людей и на свои силы, принимался онъ за то, что поражало его, создавая цѣлый міръ идей, которыя мечталъ осуществить. Слѣдствіемъ такого безотчетнаго и безграничнаго стремленія всегда было разочарованіе, уныніе, упадокъ духа, даже отвращеніе отъ того, чему предавался онъ, не говоря о неровности характера и самыхъ дѣйствій. Иногда изумляя своею дѣятельностью, Шиллеръ вдругъ дѣлался безпечнымъ, невнимательнымъ. Изъ восторженной радости переходилъ онъ въ грусть, даже въ отчаяніе. То бросался къ людямъ, какъ къ братьямъ, видѣлъ въ знатныхъ и сильныхъ особахъ благодѣтелей, покровителей, то, разочарованный людьми, смотрѣлъ на нихъ, какъ на чудовищъ эгоизма, рабовъ суеты, и въ прежнихъ покровителяхъ и благодѣтеляхъ находилъ притѣснителей ума, угнетателей всякаго свободнаго порыва. Не любить людей никогда не могла пламенная душа Шиллера, и весь упрекъ, вся тяжесть взыскательности за обманъ и разочарованіе обращались на него са-

могъ. Онъ считалъ себя во всемъ виноватымъ, не доверялъ даже ни своей добродѣтели, ни своему гению. Такъ, съ восторгомъ принимаясь за трудъ, онъ тратилъ силы на половинъ пути, ужасался предстоявшаго подвига, готовъ былъ разрушить все уже созданное, и плакать на развалинахъ творенія, въ которое передавалъ всю свою душу, все бытіе свое.

Здѣсь разгадка Шиллера, его жизни, его твореній, перемѣнъ въ образъ его мыслей. Такихъ людей ирритъ съ свѣтомъ и съ самимъ собою—только могла...

Съ двумя трагедіями своими, съ планами другихъ, съ мыслью преобразовать театръ нѣмецкій, составить общество драматурговъ, создать актеровъ, авторовъ и публику, являясь Шиллеръ въ Мангеймъ. Его приняли съ почестью, чтли въ немъ поэта, требовали отъ него трагедій, хотя отложили составленіе драматическаго общества, предполагаемаго Шиллеромъ, до времени. Онъ началъ тогда изданіе журнала, подъ названіемъ: *Рейнская Талія* (Rheinische Thalia), и въ объявленіи объ немъ говорилъ: Alle meine Verbindungen sind nun mehr aufgelöst. Das Publicum ist mir jetzt Alles, mein Studium, mein Souverain, mein Vertrauter. Ihm allein gehöre ich jetzt an. Vor diesem und keinem andern Tribunal werde ich mich stellen. Dieses nur fürcht, ich und verehr' ich. Etwas Grosses wandelt mich an bei der vorstellung, keine andere Fessel zu tragen, als den Ausspruch der Welt—an keinen andern Thron mehr zu appelliren, als an die menschliche Seele. Den Schriftsteller überhüpfe die Nachwelt, der nicht mehr war, als seine Werke... Двѣ новыя трагедіи Шиллера и журналъ его встрѣчены были всеобщими похвалами публики, злостью критиковъ; и нересудами *благоразумныхъ* людей, которые кричали, что *Фіаско* и *Коварство* и *любовь*, объ продолженіе *Разбойничьей*. Шиллеръ думалъ только объ успѣхахъ своихъ, забывалъ объ людяхъ и критикахъ, хотѣлъ оправдываться новыми созданіями

ми, и—ничего не могъ создать. Онъ думалъ тогда писать вторую часть «Разбойниковъ», которая оправдала бы первую, началъ трагедію *Коррадинъ*, передвѣливалъ Шекспировыхъ «Макбета» и «Тимона», но бросилъ все, увлеченный идеей *Донъ Карлоса*. Сцены изъ него были начатаны въ Талин и обратили на Шиллера вниманіе гессенъ-дармштадтскаго двора. Онъ долженъ былъ читать «Донъ Карлоса» при дворѣ, и эдакъ познакомился онъ съ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, другомъ Гёте, покровителемъ Виланда и Гердера. Герцогъ пожаловалъ Шиллеру чинъ совѣтника и эваля его въ Веймаръ. Лельемый судьбою, увлекаемый надеждами, Шиллеръ терзался, что ничего не могъ кончить, и рѣшился на время укрыться въ уединеніе. Тамъ, думалъ онъ, созрѣють думы мои, и уѣхалъ въ Лейпцигъ, но въ Лейпцигъ окружили Шиллера юные обожатели его; дружбы его искали почетнѣйшіе люди. Лѣто 1785 года проведено было имъ въ веселомъ обществѣ друзей, въ Голцѣ близъ Лейпцига, и памятью этого времени жизни Шиллера осталась *Пѣсня радости*, сдѣлавшаяся народною въ Германіи (*Freude, schöner Götterfunken, Tochter aus Elysium*), гдѣ поэтъ такъ радостно восклицалъ: *Seid umschlunger, Millionen! Dieser Kuss der ganzen Welt!* Осенью уѣхалъ Шиллеръ въ Дрезденъ. Здѣсь передвдалъ онъ «Донъ Карлоса», набросалъ оставшіяся неконченными сцены *Мизантропа*, недовольный ни Моліеровымъ, ни Шекспировымъ *Мизантропомъ*. Извѣстность *Калиостро*, и шумъ, произведенный имъ тогда въ Парижѣ, возбудили въ Шиллерѣ мысль романа: *Духовидецъ*, котораго написалъ онъ одну первую часть. Между-тѣмъ неутомимо работалъ Шиллеръ надъ своимъ журналомъ, и наконецъ рѣшился—броить поэзію. Все сдѣланное имъ кавалось ему такъ недостаточно, такъ ничтожно. «Донъ Карлосъ» лежалъ неоконченный. Шиллеръ рѣшился заняться положительными, полезными трудами, и хотѣлъ даже принятъся за дав-

но бронзовую, прежде столь незамысловатую и медленную. Но желанія, какія должны были онъ дѣлать, изучая испанскую исторію для своего Денъ Карлоса, увлекли его въ новый міръ: Исторія представила ему свою вѣчную драму. Воображеніе его воспламенилось геройскимъ патріотизмомъ, какой оказали въ борьбѣ съ Испанією Нидерланды, и онъ началъ свое сочиненіе; *Исторія освобожденія Нидерландовъ*. Новый трудъ возхитилъ его. Онъ рѣшился сдѣлаться историкомъ, составилъ планъ описать всѣ важнѣйшія революціи вѣстныхъ государствъ, и свалился въ Баурбахъ, гдѣ думалъ отдохнуть, собраться съ мыслями, и куда звала его бывшая его благодѣтельница госпожа Вольфогенъ. Тамъ хотѣлъ Шиллеръ обработать планы и новой жизни и новыхъ твореній своихъ.

Бланный мечтатель! Неожиданный случай ждалъ его на пути. Остановивъ въ Рудольштадтѣ, онъ познакомился съ почтенною дамою, госпожею Ленгефельдъ, увидѣвъ двадцати-лѣтнюю, прелестную дочь ея Шарлотту, влюбился и забылъ все своей планы. Шарлотта казалась ему ангеломъ-хранителемъ, и была действительно такою, соединивъ нѣжное сердце съ пламенною головою. Она видѣла въ Шиллерѣ идеалъ поэта и человека, Она требовала отъ него стиховъ. Поэзія, отвергнутая неблагодарнымъ поэтомъ, снова воспламенила его. Новые, прелестные, исполненные жизни созданія поэтическія рождались по волю Шарлотты. Но мечта быть положительнымъ человекомъ соединилась тогда у Шиллера съ новымъ желаніемъ—быть супругомъ Шарлотты. Семейная жизнь казалась ему идеаломъ земнаго счастья. *Ich bin bis jetzt ein isolirter fremder Mensch, писалъ онъ одному изъ друзей, in der Natur herumgeirrt und habe nichts als Eigenthum besessen. Ich sehne mich noch einer bürgerlichen und häuslichen Existenz. Ich habe seit vielen Jahren kein ganzes Glück gefühlt, und nicht, sowohl, weil mir die Gegenstände*

dazu fehlten; sondern darum, weil ich die Freuden mehr machte, als genoss, weil es mir an immer gleicher und sanfter Empfänglichkeit mangelte, die nur die Ruhe des Familienlebens gibt. Событы гессопжи Вольцогенъ утердили Шиллера въ его новомъ ршеніи, и онъ отправился въ Веймаръ, предлагая получить мѣсто профессора исторіи въ іенскомъ университетѣ; откуда Дѣггорнъ, тогдашній профессоръ исторіи, просилъ увольненія. Шиллеръ провель нѣсколько счастливыхъ дней въ Рудольштадтѣ и съѣзжилъ къ цѣли своего путешествія. Mein Abzug aus Rudolstadt ist mir in That schwer geworden, писаль онъ. Ich habe dort viele schöne Tage gelebt....

Дружескій пріемъ Гердера и Виланда, благосклонность герцога и герцогини Амаліи, незабвенной тѣмъ покровительствомъ наукъ и просвѣщенію, которое доставило Веймару названіе Гермалоніи Леминъ, и всеобщее уваженіе, съ какими встрѣтили Шиллера, очаровали его. Онъ потерялъ даже тогда свою всегдашнюю робость и неловкость при сближеніи съ знакомыми, особливо знатными людьми. Его изумила простота обращенія при герцогскомъ дворѣ. Гёте жилъ уже въ Веймарѣ съ 1776 года, и въ 1779 году получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Гердеръ переселился въ Веймаръ въ 1775 году, и имѣлъ званія придворнаго проповѣдника, генераль-суперъ-интендента и канцеларіальнаго совѣтника. Виландъ, бывший воспитателемъ двухъ саксенъ-веймарскихъ принцевъ, переселился въ Веймаръ съ 1772 года. Шиллеръ Гёте не засталъ тогда въ Веймарѣ; онъ былъ въ Италіи. Гердеръ и Виландъ приняли Шиллера, какъ стараго друга. Благоговѣнно смотрель Шиллеръ на знаменитаго Гердера, но старикъ Виландъ, несмотря на лѣта, казался добрымъ ровесникомъ Шиллеру. Wieland ist jung, wenn er lebt, горорилъ объ немъ Шиллеръ. Дѣятельное участіе принялъ Шиллеръ въ «Намецкомъ Меркуриѣ», и напе-

читалъ въ немъ: die Götter Griechenlands, Художниковъ, отрывки изъ Исторіи освобожденія Нидерландовъ, пьеса о Донъ Карлосъ, и прот. Изъ Оберона Виландова принимался онъ тогда дѣлать оперу. Бесѣды съ Виландомъ увлекли Шиллера въ міръ Греціи. Онъ влюбился въ древнюю Элладу, перевелъ Эврипидову *Ифигенію въ Авлidy*, и часть его *Фивикійнокъ*, хотѣлъ потомъ переводить Эсхилова «Агамемнона». Съ особеннымъ удовольствіемъ принято было прошеніе его о мѣстѣ профессора въ іенскомъ университетѣ. «Мнѣ кажется, что я переселенъ въ Аѳины», писалъ Шиллеръ: «Живу съ людьми, которыми гордится Германія!» Истративъ себя годъ времени на приготовленіе къ должности, Шиллеръ поѣхалъ въ Бауербахъ и Рудольштадтъ. Здѣсь неожиданно встрѣтилъ онъ Гёте. Первое свиданіе не было вполне благоприятно. Шиллеръ увидѣлъ господина тайнаго совѣтника Гёте въ большомъ обществѣ, гдѣ онъ явился блестящимъ, придворнымъ чловѣкомъ, и испугалъ бѣднаго, робкаго Шиллера своею свѣтскою любезностью, своимъ живымъ разговоромъ, своими разказами объ Италіи, откуда Гёте тогда возвращался. «Вообще вѣда о величій Гёте, какую доставилъ я себѣ, не измѣвилась отъ личнаго знакомства моего съ нимъ,» писалъ Шиллеръ, «но сомнѣваюсь, чтобы когда-нибудь могли мы съ нимъ сблизиться. Многое, что еще занимаетъ меня, чего я желаю, чего я надеюсь, уже кончилось для Гёте. Онъ не такъ сроданъ, какъ я. Его свѣтъ не мой свѣтъ, и нашъ образъ возвращенія намѣтятся существенно различенъ. Тутъ ничего не можетъ быть-ни-вѣрнаго, ни-основательнаго. Впрочемъ, время покажетъ, чего ожидать долже».

Весною 1789 года Шиллеръ занялъ свое профессорское мѣсто. Въ февралѣ 1790 года женился онъ на своей Шарлоттѣ.

Самое счастливое было это время въ жизни Шиллера. Ему совершилось тогда тридцать лѣтъ. Десять

лтъ прожилъ онъ въ Иенѣ, и здѣсь любовью супруга,
 рожденіе двухъ сыновей и двухъ дочерей, спокойное
 занятіе, обезпеченное состояніе, такъ, что онъ могъ
 купить себѣ домикъ и садъ въ окрестностяхъ Иены,
 все могло успокоить тревожную душу поэта. Кромѣ
 поѣздки въ Стутгартъ для свиданія съ отцомъ (который
 скончался уже въ 1796 году), и частыхъ поѣздокъ въ
 Веймаръ, Шиллеръ не оставлялъ Иены, гдѣ окружало
 его избранное общество друзей, и обожало его много-
 численные ученики. Паулсъ, Шютцъ, Гуселандъ,
 Рейнгольдъ, братья Гумбольдты были всюдѣшными
 собесѣдниками Шиллера. Его умъ, знанія, характеръ,
 дѣлали дружескія связи съ нимъ столь крѣпкими, что
 расставаясь съ нимъ, друзья продолжали бесѣдовать съ
 нимъ письменно, и потому переписка Шиллера со-
 ставляетъ драгоценную психологическую и литературную
 летопись жизни многихъ замѣчательныхъ людей Гер-
 маніи его времени. Съ сердечною признательностью
 поддерживалъ Шиллеръ сношенія свои съ тогдашнимъ
 княземъ-принцемъ, гроссъ-герцогомъ франкфурт-
 скимъ, и съ благодарностью видѣлъ знакъ особенна-
 го уваженія, какой оказали ему наследный принцъ
 голштейнъ - августенбургскій, и датскій министръ
 графъ Шиннелманъ, опредѣленіемъ пенсін, по 1000
 талеровъ въ годъ и присылкою ея впередъ за три года.
 Вотъ что говорилъ Шиллеръ о своей тогдашней жиз-
 ни: *Jetzt erst genieße ich die schöne Natur ganz und
 lebe in ihr. Es kleidet sich wieder um mich herum in
 dichterische Gestalten, und oft regt sich's wieder in
 mei'ner Brust: Was für ein schönes Leben führe ich
 jetzt! Ich sehe mit fröhlichem Geiste um mich her, und
 mein Herz findet eine immerwährende sanfte Befriedi-
 gung ausser sich, mein Geist eine so schöne Nahrung
 und Erholung. Mein Daseyn ist in eine harmonische
 Gleichheit vertieft; nicht leidenschaftlich gespannt,
 aber ruhig und hell gehen mir diese Tage dahin. Mei-*

nem künftigen Schicksale schmach mit heiterm Muth entgegen; jetzt, da ich um erreichten Ziele stehe, erstaune ich selbst, wie Alles doch über meine Erwartungen gegangen ist. Das Schicksal hat die Schwierigkeiten für mich besiegt, es hat mich zum Ziele gleichsam getragen. Von der Zukunft hoffe ich alles. Wenige Jahre und ich werde im vollen Genusse meines Geistes leben, ja, ich hoffe, ich werd wieder zu meiner Jugend zurückkehren, ein inner Dichterleben gibt mir sie zurück!

Увы! не суждено было сбыться мечтамъ поэта! Ни дружба, ни любовь, ни счастье семейной жизни не спасли его, не возвратили ему его поэтической юности.

Уже съ 1791 года онъ началъ чувствовать ослабленіе зрѣнія, часто бывалъ боленъ, и особливо страдалъ грудною болезнью. Несмотря на то онъ трудился беспрерывно. Кроме лекцій, тщательно приготовляемыхъ, Шмалеръ участвовалъ во многихъ предпріятіяхъ литературныхъ: писалъ рецензіи въ Іенскія Литературныя Ведомости; занимался изданіемъ «Записокъ», которыхъ напечатали двѣнадцать томовъ, съ 1790-го до 1801 года, Паулусъ и Вольманнъ, и Немцаго Шлугарха. Журналъ, начатой имъ подъ именемъ «Рейцской Талии», потомъ продолжаемый подъ названіемъ просто *Талии*, прекратился въ 1791 году. Два савдующіе года выдавалъ онъ *Новую Талию*, а въ 1795 году предложилъ Гёте, Гумбольдту, и всѣмъ современнымъ знаменитостямъ, издавать журналъ «лучшій, какой тодыко можно составить». Подъ именемъ *Часы* (Horen) журналъ этотъ выходилъ до 1797 года. Въ 1797 году Шмалеръ началъ *Альманахъ Музъ*. Первая часть *Духосвода* вышла была въ 1789 году; ее перепечатавали нѣсколько разъ, но напередо дублина требовала продолженія романа, и книгопродавцы предлагали дорогою цѣною за его рукопись — Шмалеръ не могъ ни продолжать, ни кончить его. Такъ не оканчивалъ онъ своей «*Исторіи савоблеженія Вандериндентъ*»

начало которой издано было въ 1788 году. Ревностно ввѣлся онъ за предложеніе написать *Исторію Тридцати лѣтней Войны*, но написалъ также только начало, помѣщенное въ «Историческомъ Альманахъ» 1791 года. Тѣмъ же просили у него продолженія послѣ необыкновеннаго успѣха начала.

Все это не показываетъ ли, что перемѣна жизни и общественныхъ отношеній не укротила тревожнаго, бурнаго духа Шиллера? Да, онъ не укротился, былъ и остался прежній, тревожный, восторженный, недовольный собою, обвиняющій себя.

Трудъ не убиваетъ, какъ ни былъ бы онъ великъ, если онъ уравновѣшенъ съ силами, и если духъ чловѣка самодоволенъ. У Шиллера не было ни того ни другаго условія.

Онъ убивалъ себя чрезмѣрностью труда, несообразностью его съ тѣлесными силами, и еще болѣе безпорядкомъ своихъ занятій. День Шиллера посвященъ былъ обществу друзей, прогулкѣ, семейству, чтенію, отдыху, съ наступленіемъ ночи онъ садился за работу, просиживалъ до утра, для подкрѣпленія бодрости силъ пилъ шоколадъ, кофе, шампанское. Голова его горѣла, мысли кипѣли, и слабое тѣло сгарало въ огнѣ духа. Сосѣди видали иногда, какъ онъ одинъ, среди ночной тишины, ходилъ, бѣгалъ по комнатамъ, читалъ, декламировалъ, говорилъ и рассуждалъ громко самъ съ собою, принимался писать, и бросая перо, сидѣлъ въ глубокой задумчивости.

Когда имя его знала вся Европа, когда въ Россіи и во Франціи восхищались его твореніями, даже въ плохихъ переводахъ, когда каждую строчку Шиллера повторяла вся Германія, онъ отчаявался иногда въ своемъ призваніи, утѣпалъ въ вѣслѣдованіяхъ, размышленіяхъ, не рѣшалъ ничего, начиналъ и не оканчивалъ—стремился къ несбыточнымъ идеаламъ....

Все раздражало его геній. Такъ событія съ 1789

года во Франціи, ужасы революціи, война, начавшаяся на благословенныхъ берегахъ Рейна, неудачи союзныхъ государей, гибель, грозившая основаніямъ вѣры и закона, ужасали и воспламеняли Шиллера. Онъ жилъ жизнью человѣчества и страдалъ его страданіями. Съ неголованіемъ услышалъ онъ, что имя его причислили къ числу кровожадныхъ демагоговъ, съ восторгомъ играли его «Разбойниковъ» въ Парижѣ въ кровавый 1793 годъ, и народное собраніе опредѣлило послать ему дипломъ на званіе гражданина французской республики. Когда погибель угрожала Людовику Шестнадцатому, Шиллеръ хотѣлъ писать въ защиту его, перевести свое сочиненіе на французскій языкъ, и распространить его во Франціи. «Не образумитъ ли свободная, обдуманная рѣчь моя эти безумныя головы? Какого усовершенствованія требовать челоуьку, если избранные будутъ молчать? Бываютъ времена, когда должно говорить, и теперь настало такое время».

Но мечтая примирять царей и народы, поэтъ не могъ примириться съ самимъ собою.

Несмотря на рѣшеніе заниматься исторією, на то, что занятіе ею составляло даже обязанность его, онъ опять колебался между выборомъ главныхъ своихъ трудовъ, а историческое поприще такъ далеко раздвигалось передъ нимъ, что сдѣлалось наконецъ необъемлемымъ. «У насъ новѣйшихъ исторія вышла изъ предѣловъ, какіе назначили ей древніе, ограничиваясь только, сочувствіемъ роднаго, «говорилъ Шиллеръ». Такъ бываетъ только въ дѣтствѣ народовъ, въ юности обществъ. Совсѣмъ другое представляютъ намъ дѣянія челоуьчества. Какой бѣдный, мелкій идеалъ — писать для того или другаго народа. Духъ философа переступаетъ тѣсныя границы. Онъ не останавливается на одномъ какомъ-нибудь вопросѣ (а что другое самыя великіе народы?) Онъ смотритъ на нихъ, какъ на члети цѣлаго, всеобщаго».

Опять недостижимый идеал! Здѣсь видимъ сильное впечатлѣніе, какое произвело на Шиллера знакомство съ Кантовою философіею. Другъ его Рейнгольдъ, изъяснитель Канта, ввелъ его въ эту, до того неизвѣстную ему, очарованную страну, область мысленія. Критика Канта разрушила все, что прежде казалось Шиллеру такъ твердо, такъ незыблемо. Увлеченный силою логики кенигсбергскаго мыслителя, Шиллеръ думалъ, что люди, не понимающіе Канта, затрудняются только тяжелымъ изложеніемъ его. Онъ хотѣлъ изложить Канта по-своему, испытывалъ силы въ философскихъ разсужденіяхъ, и наконецъ рѣшился даже писать новую *Теодицею*.

Все это время драма была забыта, хотя отъ поэзіи Шиллеръ не отказывался. Онъ писалъ лирическія произведенія. Чтеніе Гомера сдѣлалось въ одно время его любимымъ чтеніемъ. «Почти ничего не читаю я, кромѣ Гомера;» писалъ онъ. «Чтеніе древнихъ—истинное наслажденіе. *Zugleich bedarf ich ihrer im höchsten Grade, um meinen eigenen Geschmack zu reinigen, der sich durch Spitzfindigkeit, Künstlichkeit und Witzelei sehr von der wahren Simplicität zu entfernen anfing.* Слѣдствіемъ такого взгляда былъ переводъ изъ Энеиды двухъ отрывковъ, октавами. Нѣмецкій гекзаметръ казался Шиллеру не выражающимъ простоты и прелести гекзаметра древнихъ. Онъ думалъ тогда объ эпосѣ, увѣренный, что новѣйшая эпопея можетъ существовать; предметомъ поэмы избиралъ онъ Фридриха Великаго, и хотѣлъ писать октавами. «Надобно, чтобы поэму пѣли, какъ Греки пѣли *Илліаду*, какъ гондольеры венеціанскіе поютъ Освобожденный Иерусалимъ». — «Недавно перечиталъ я снова Невстоваго Орланда, и не могу выразить довольно, какъ усладило меня чтеніе его. Тутъ жизнь и движеніе, краски и чувство—забывая себя, живешь полною жизнью и опять усладительно возвращаешься въ себя, плаваешь

въ издрахъ безконечной стихій, сбрасываешь съ себя свое я, и болѣе сочувствуешь потому самому себе....»

Но ссоры поэтовъ съ своимъ главнымъ назначеніемъ всегда ссоры любовниковъ, начинаемая только для того, чтобы любить потомъ еще болѣе прежняго. Мирятся, когда думаютъ ненавидѣть другъ друга. Съ жаромъ привязавшись за исторію Тридцати-лѣтней Войны, Шиллеръ плѣнился характеромъ Густава Адольфа. Воображеніе Шиллера облекло тѣнь шведскаго героя въ живые образы и мысль о трагедіи вспыхнула въ душѣ его. Вскорѣ первая идея измѣнилась, и Валленштейнъ такъ очаровалъ поэта, что въ 1792 году началъ онъ драму изъ его жизни и весь отдался ей. Но никогда прежде не казалось ему созданію драмы столь труднымъ. Семь лѣтъ употребилъ Шиллеръ на сочиненіе *трилогіи*, какъ назвалъ онъ прологъ (*Лагерь Валленштейна*) в двѣ части своего *драматическаго стихотворенія* (*Dramatisches Gedicht*), *Пикколомини* и *Смерть Валленштейна*. Что же затруднило поэта?

Съ пылкостью юности увлеченный предметомъ драмы, онъ не былъ удовлетворенъ тѣмъ, что создавалъ. Думая, что теоретическое изслѣдованіе поведетъ его къ цели, бросилъ онъ свое начало, и принялся за Аристотеля, за исторію, за теорію эстетики, за древнихъ и новыхъ. Все казалось ему здѣсь такъ просто, такъ понятно, и — ничто не мѣрилось съ исполненіемъ на дѣлѣ. Оставляя теоріи, онъ опять видѣлъ простоту созданія и страшился теоретическаго воззрѣнія. «Въ Донъ Карлосъ я хотѣлъ замѣнить идеаломъ прекраснаго простую истину, а въ Валленштейнъ хочу испытать простую истину безъ идеаловъ. Хочу, чтобы мои созданія, моя драма были просто живыя. Формы даетъ имъ предметъ — душу вдохну я». — «Въ дѣлѣ искусства я сочувствую моимъ силамъ, но теорія всегда мучитъ меня правилами. Тутъ я только плохой ученикъ, и тогда

только, когда дьявол приводит меня къ философіи, охотно переходю я въ теорію». — «Этотъ Валленштейнъ заставляетъ меня бояться и трепетать. Какъ поэтъ, ничего не могу создавать, а едва начинаю философствовать, проходитъ поэтический восторгъ. Что мнѣ дѣлать? Созданное мною прежде не ободряетъ меня. Иду по дорогѣ совершенно для меня новой и неизвѣстной. Какъ поэтъ, я сдѣлался въ послѣднее время совершенно другимъ человекомъ». — «Критика причинила мнѣ много зла. Она лишила меня смѣлости, живаго огня, которые прежде у меня были и замѣняли мнѣ всѣ правила». Но сознаніе силы генія высказывается въ дальнѣйшей мысли Шиллера. *Ich sehe mich jetzt erschaffen und bilden*, говорятъ онъ, *ich beobachte das Spiel der Begeisterung, und meine Einbildungskraft betrügt sich mit minder Freiheit, seitdem sie sich nicht mehr ohne Zeugen weiss. Bin ich aber erst so weit, dass mir Künstmässigkeit zur Natur wird, wie einem wohlgesitteren Menschen die Erziehung, so erhält auch die Phantasie ihre vorige Freiheit wieder zurück und setzt sich keine andere als freiwillige Schranken.*

И такой періодъ жизни наступилъ для Шиллера. Въ 1796 году кончилъ онъ Валленштейна. Время сомнѣній миновалось. «Искусство сдѣлалось ему природою. Воображеніе возвратило себѣ прежнюю свободу, и только своею волею опредѣляло границы». Это сознаніе отзывалось обиліемъ созданій. Уже не въ неясныхъ плавахъ, но въ свѣтлыхъ, полныхъ жизнью образахъ являлись идеи поэта. Онъ узналъ свое прямое назначеніе.

Дорого заплатилъ Шиллеръ за этотъ миръ идей съ формами, идеаловъ съ существенностью. Здоровье его совершенно разстроилось и возбуждало живыя опасенія семейства и друзей. Онъ долженъ былъ отказаться отъ профессорскаго мѣста, потому что не могъ читать и говорить долго и громко. Здѣсь Гёте показалъ,

что съ силою генія соединялъ онъ сердце челоуѣка. Всегда любилъ онъ Шиллера, какъ сына, какъ дитя. Многимъ былъ Шиллеръ обязанъ Гёте по своему образованію въ послѣдніе годы. Немного книгъ, столь поучительныхъ для воспитанія поэта и художника найдемъ мы, какъ переписку Гёте съ Шиллеромъ, начавшуюся съ 1794 года, и продолжавшуюся до самой смерти Шиллера (она издана въ Стутгартѣ, въ 1829 году, подъ названіемъ: Briefwechsel zwischen Schiller und Göthe in der Jahren 1794 bis 1805). Слыша, что стѣсняемый обстоятельствами, Шиллеръ опять рѣшается принять должность профессора въ тибингенскомъ университетѣ, предлагавшемъ выгодныя условія, Гёте выпросилъ у герцога Веймарскаго значительное жалованье Шиллеру, совершенно обезпечившее его, и звалъ его въ Веймаръ, гдѣ онъ долженъ былъ участвовать только въ устройствѣ театра. Шиллеръ не соглашался. Хотѣлъ наконецъ жить въ Веймарѣ только зимою, а лѣто проводить въ своемъ іенскомъ садикѣ. Убѣдительныя просьбы Гёте и герцога Веймарскаго склонили Шиллера, въ 1799 году, на совершенное переселеніе въ Веймаръ. Здѣсь окружили его всѣми попеченіями дружбы и пособіями медицины. Шиллеръ, казалось, воскресъ опять духомъ и тѣломъ.

Шесть лѣтъ, прожитыхъ Шиллеромъ въ Веймарѣ, были торжествомъ его. Неразлучный собесѣдникъ Гёте, онъ былъ принятъ въ домашній кругъ герцога, въ 1802 году пожаловавшаго ему дворянское достоинство. Старикъ Виландъ, добрый и свѣжій, развлекалъ своею бесѣдою тѣлесныя страданія и душевную грусть, терзавшія вногда Шиллера при мысли о близкой разлукѣ съ жизнью, съ милыми ему людьми, съ тѣмъ, чего не успѣлъ онъ высказать. Трудъ былъ также наслажденіемъ и развлеченіемъ поэта, и нельзя не изумляться обилію созданій его въ то время. Въ 1799 году данъ былъ на театрѣ веймарскомъ *Валленштейнъ*; въ 1800

году *Марія Стюартъ*; въ 1801 году *Орлеанская Дѣва*; въ 1803 году *Мессинская Невѣста*, а въ 1804 году *Вильгельмъ Телль*. Они какъ-будто не писались, но подобно *Минервѣ*, вышедшей изъ головы *Зевеса*, выходили изъ души поэта готовые.

Каждое изъ этихъ созданій было новымъ вѣнкомъ Шиллера, но тѣмъ не ограничивались труды его. Переводъ *Рассиновой Федры*, Шекспирова *Макбета*, Гоцциева *Турандота* и двухъ комедій *Пикара*, дополняли рядъ его собственныхъ созданій. Онъ какъ-будто спѣшилъ высказать себя, спѣшилъ испытать весь разнообразныя роды драмы, и гений его свободно обнималъ классическую трагедію и драму Шекспира, италіянскій фарсъ и трагедію древнихъ.

Въ 1797 году Шиллеръ началъ свои баллады, и рядъ прекрасныхъ созданій образовала его: *Пиръ побѣдителей*, *Сѣтованія Цереры*, *Поликратовъ перстень*, *Ивиковы журавли*, *Геро и Леандръ*, *Кассандра*, *Водолазъ*, *Рыцарь Тогенбургъ*, *Битва съ дракономъ*, *Желѣзный заводъ*, *Графъ Габсбургскій*, *Перчатка*.

Въ 1804 году, по случаю праздниковъ, которыми ознаменовано было прибытіе въ Веймаръ супруги наследнаго принца, великой княгини *Маріи Павловны*, Шиллеръ написалъ лирическую интермедію: *Благоговѣніе искусствъ*, представленную на веймарскомъ театрѣ двѣнадцатаго ноября.

Нѣсколько плановъ и начатыхъ трагедій найдено было въ бумагахъ Шиллера. Отдавши на театръ «*Вильгельма Телля*», онъ неутомимо занимался *Димитріемъ Самогванцемъ*. Двѣ другія драмы были: *Варбекъ* и *Die Kinder des Hauses*, кроме *Мальтійскаго рыцаря*, начатаго имъ за нѣсколько лѣтъ прежде.

Но уже онъ былъ жилецъ не здѣшняго міра. Несчастная привычка заниматься по ночамъ, отъ которой не могъ онъ отстать, и усиленная душевная дѣятельность, разрушили его. Поѣздка въ Берлинъ, гдѣ

самъ онъ ставилъ на сцену «Вильгельма Телла,» усилила болѣзнь. Весна 1805 года была послѣднею весною для Шиллера. Злокачественная лихорадка быстро вела его ко гробу и превратилась въ горячку. Шиллеръ лишился памяти, бредилъ, говорилъ о своей новой трагедіи, но при послѣднихъ часахъ жизни онъ опаматовался, узналъ всѣхъ окружавшихъ его, былъ тихъ, спокоенъ, говорилъ о жизни за гробомъ, просилъ похоронить его просто. «Какъ ты себя чувствуешь?» спросили его за нѣсколько минутъ до кончины. — «Все спокойно», отвѣчалъ онъ, и заснулъ навсегда, утромъ апрѣля двадцать-седьмого (старого стиля) 1805 года, черезъ два года послѣ Клопштока и Гердера, скончавшихся въ 1803 году. Ему не совершилось еще сорока-шести лѣтъ отъ-роду.

Общая печаль сопровождала кончину Шиллера. Оплакивали поэта и человека. Театръ веймарскій былъ закрытъ. Ночью на тридцатое апрѣля происходило погребеніе Шиллера. Множество народа шло за его гробомъ. Ночь была бурная; облака закрывали мѣсяцъ, но когда надобно было опускать гробъ въ могилу, мѣсяцъ освѣтилъ его сквозь разорванныя облака и снова скрылся въ тучахъ. Такія ночи любилъ Шиллеръ, и нерѣдко выходилъ изъ дому гулять по берегу рѣки, слушать шумъ и гулъ бури. На другой день въ придворной церкви играли Requiem Мопарта. Театръ открылся представленіемъ «Орлеанской Дѣвы:» Казалось, поэтъ изъ-за гроба говорилъ зрителямъ:

Hinauf—hinauf—die Erde schieht zurück —

Kurz ist der Schmerz, und ewig ist die Freude!

Лицо Шиллера извѣстно по многимъ портретамъ, и особливо по бюсту Даннекера—истинный типъ поэта, полное выраженіе жизни и духа его, прекрасное, благородное, съ глазами исполненными огня, когда взоръ Шиллера оживлялся, но обыкновенно задумчивыми, опущенными къ землѣ. Шиллеръ былъ высокаго ро-

сту, не худощавъ и, хотя, несколько горбился. Неравнорослый, угрюмый, или лучше сказать, робкій съ людьми мало знакомыми; онъ оживлялся въ кругу близких друзей, въ кругу юношей, съ которыми любилъ говорить и шутить....

Шарлотта Шиллеръ пережила своего мужа, но мысль соединиться съ нимъ за мѣгнучую, была всегда первымъ и единственнымъ ея утѣшеніемъ. Любовь дѣтой утѣждала ея жизнь. Она скончалась на рукахъ ихъ, въ Бейтъ, въ июль 1826 года. Сыновья Шиллера были дальними, хорошими чиновниками. Одинъ изъ нихъ, нѣсколько лѣтъ тому, находился, кажется, ассесоромъ, или совѣтникомъ, въ Кельнѣ; но ни онъ, ни братья его не писали стиховъ.

Въ краткомъ очеркѣ старались мы изобразить *внѣшнюю* жизнь Шиллера—дале не трудное, кажется, и въ самомъ дѣлѣ легкое, если выписать изъ какой-нибудь біографіи: *тогда-то* родился, *тогда* былъ тамъ, *тогда* ѣздилъ туда, *тогда* нанечтала то,» и—вѣчное окончаніе *всѣхъ* біографій—*умеръ тамъ-то и тогда-то!* И что такое жизнь Шиллера? Почти описывать нечего, если не считать его сочиненій: сынъ лекаря, бѣжалъ изъ отцовскаго дому, перѣезжалъ нѣсколько времени изъ города въ городъ, женился, былъ профессоромъ въ Іенѣ, умеръ въ Веймарѣ—писалъ стихи и прозу. Но уже и *внѣшняя* жизнь трудна, если хотимъ въ ней узнать выраженіе *жизни внѣшней*, замѣтить выпуклости, такъ сказать, которыми проявляется внутренняя жизнь *человѣка*, и *какого* притомъ *человѣка*—поэта и мыслителя, у котораго вся задача въ жизни невидимой, о которой можемъ только догадываться по замѣткамъ о *внѣшней* жизни его. Эту-то «внутреннюю жизнь» постараемся мы разгадать по выпуклостямъ жизни *внѣшней*, дополнивъ разсмотрѣніе наше созданіями, гдѣ у *многихъ* высказывалась она такъ сильно, какъ у Шиллера. *Sa conscience est sa muse, ses écrits sont lui*, говори-

ла объ немъ господъ. Сказъ и превращенно справедливо. Тогда можно будетъ ссобрать мнѣнїя о Шиллере и оправдать мрсто его въ исторїи поэма и таланта. Добрыя мнѣнїя Шиллера къ намъ отразились въ томъ вліянїи, какое имѣтъ оубъ на русскую словесность. Наконецъ можно и должно кобнутья рвненїя особеннаго востора, еще болѣе важнаго для современной литературы. Все это будетъ содержанїемъ нашей второй статьи. Скажутъ, что мы беремъ за предметъ, о которомъ было говорено и усамо много. Правда, да не у насъ, а если и у насъ, то ворили много, такъ сказади мало. Мнѣнїе иностранцевъ намъ не указъ. Намъ пара дорожить самобытноста нашихъ собственныхъ воззрѣнїй. Нельзя на помянуть, что самобытноста то намъ и не достаетъ. Германская современная критика хочетъ разрушить дѣла Шиллера, какъ старается она разбить вѣдомой встужанъ Гёте. О причинахъ такого жалкаго направленїя мы поговоримъ далѣе, а теперь замѣтимъ, что много хотѣтъ дать подобное направленїе и нашему мнѣнїю о Шиллере. «Жалко, и днше не смѣнно!» какъ скажутъ кто-то. Дѣтское срстоанїе мысли! Какъ дражде бѣгучетно, и не зная предмета, мы восклицае мнѣ, такъ и зная предмета по-прежнему, мы хотимъ теперь поредать. Въ человекѣ, если его не облагородила, не дала изъ звѣриной природы, о о андосоя, есть какое живодное наслажденїе разрушать, безъ соразмеренїя раздвоать великому, безъ здрств доводить кавогу, да умъ и сердце. Самъ Шиллеръ сказатъ:

Es liebt die Welt, das Strahlende zu schwärzen,

Und das Erhabene den Staub zu stehn...

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ДЕКАБРЬ, 1843.

НОВЫЯ КНИГИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ Е. МИЛЬКЪЕВА. *Москва, въ Губернской тип., 1843, въ-8., стр. XXIV и 222.*

Боже мой, что́ это я дѣлаю!... новыя книги.... стихотворенія господина Милькѣева?... да, да! нѣтъ сомнѣнія!... теперь и самъ примѣчаю, прочитавъ стихотворенія господина Милькѣева, что я, несчастный, въ самомъ дѣлѣ каждый Божій мѣсяцъ читаю просто новыя книги. Какъ же я этого давно не догадался? Одинъ молодой человѣкъ, сказано было еще въ хрестоматіи Якобса, по которой меня учили нѣмецкому языку, рассуждалъ громко, но очень умно, о какомъ-то важномъ предметѣ, въ присутствіи стараго юриконсульта. Старикъ нашель смѣлость его непростительно, и началъ осуждать самонадѣянность юношества. «Милостивый государь! твердо сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ старому ученому: я молодъ, это правда, но я читалъ *старыя книги*». Онъ, молодой, читалъ старыя книги и отъ этого сталъ умнѣ: а я, вашъ старый лѣтописецъ, я, сѣдоволосый, читаю *новыя*, молодыя книги!...

Т. LXII. — Отд. VI.

1

Ну, и не мудрено, что отъ этого.... Вы понимаете, что я хочу сказать. Если такъ случится, что я понесу чепуху.... если у меня вырвется что-нибудь такое.... не взыщите, будьте великодушны: я старъ, это правда, но я, знаете, читаю *новыя книги*.... стихотворенія господина Милькѣва.... комедіи господина Не-го.... и тому подобное. Отъ этого не поумнѣешь. Нѣмецкая хрестоматія совершенно права.

Чтобы не сказать чего-нибудь такого, чтобы не впасть въ чепуху, я стану.... хоть это—очень невѣрное средство.... я стану придерживатся собственныхъ словъ авторовъ. Господинъ Милькѣвъ, по словамъ автора—*поэтъ*: и какой еще поэтъ!—*по призванію, по природѣ*; поэтъ, который пишетъ стихи, потому что живетъ; человекъ, для котораго *жизнь и поэзія—одна*. И вотъ грузъ его жизни, или поэзіи: и какой жизни, какой поэзіи!—чудной, шипящей, вдохновенной, съ дѣвами, съ мечтами, съ рюмками, съ идеалами, съ лунами, штофами, звѣздами.... Ахъ! дайте отдохнуть и съ силами собраться: я все вамъ расскажу.

Въ предисловіи къ «Стихотвореніямъ господина Милькѣва» помѣщена Всеобщая Исторія его генія, жизни и поэзіи. Отсюда буду я очерпывать всѣ мои свѣдѣнія, всѣ факты.

«Природа, по словамъ автора, надѣлила меня *привязанностью къ звукамъ*, но назначила жить въ такой сферѣ, гдѣ ничто не могло способствовать *пробужденію истиннаго*, гдѣ всего болѣе *раздается безмолвіе* для души, мѣтѣ всего слышится *музыка слова*. Не *гармоническій тотъ классъ*, изъ котораго я происхожу.» Тутъ поэтъ описываетъ, какъ его отдали «*переблать* черновыя сочиненія канцелярскихъ писателей». Поэту попались басни Крылова, и по нимъ началъ онъ «*учиться речамъ и излагать стихами сказки*». Шестнадцать лѣтъ было поэту, когда ему попался «*Плутархъ для юношества*», и.... «*рѣшительное желаніе сдѣлаться стихотворцемъ* овладѣло мною: я воспламенился, ломалъ голову надъ речами, не разумѣлъ стопъ и разбора, *утѣшался* созвучіями, примѣчалъ нестройность въ *моей отчаянной музыкѣ*, и это доставляло мнѣ истинную пытку. Цѣлыя ночи были проведены въ *усиліяхъ открыть секретъ*. Наконецъ, *осчиталъ я буквы въ печатномъ ста-*

ль—и завьса подилась!» Между-тѣмъ не-гармоническій классъ, въ которомъ виталь поэтъ, и сфера, идъ раздается безмолвіе, душили его: онъ «смотрѣлъ на звѣзды и небо, и одѣвалъ чувствованія звукомъ, хотя умышленное безсиліе паводило на него глубокую тоску, подовляло душу уныніемъ, мучило недовѣрчивостью, сомнѣніемъ.»

Нельзя не согласиться, что судьба иногда безтолково жестока: ну, что бы ей подсунуть поэту грамматику Меморскаго? А вѣдь не догадалась! Вмѣсто этого, вообразите, она встрѣтивъ поэта между звѣздами, схватила его за ногу, какъ нѣкогда Юпитеръ своего неудавшагося сына, Вулкана, и бросила въ Санктпетербургъ. Да! онъ былъ здѣсь, и мы его не видали, мы не знали его! Въ Петербургѣ, поэтъ, по древнему обыкновенію поэтовъ, немножко загулялся: мы вдругъ встрѣчаемъ его уже подъ усомъ. Покровители предложили ему учиться. Это испугало поэта. «Да вѣдь надобно приняться за все, потому что я ничего не знаю. Надобно сѣсть на одну лавку съ дѣтьми: а мнѣ двадцать три года! Невозможно! Я долженъ затвориться въ комнатѣ, начать ученіе наединѣ... отстать отъ избранной мысли, воротиться къ прозѣ, къ занятіямъ, отъ которыхъ тупѣетъ голова, отъ которыхъ чувствуешь себя удивительно ничтожнымъ и пустымъ!... Кажется природа назначила мнѣ не ту орбиту. Но опять не дѣло подозрѣвать судьбу въ ошибкахъ. Я долженъ рѣшиться прозябать въ невѣжествѣ....» Поэтъ! прямой поэтъ!

Словомъ, господинъ Милькѣевъ, какъ истинный поэтъ, какъ поэтъ по природѣ, благородно рѣшился никому не учиться,—прискаты мѣстечко, гдѣ бы у него было время писать стихи,—и нашелъ это благо въ Москвѣ. Плодомъ столь мудрой мѣры является теперь образчикъ его, *внутренней жизни*,—упражненія въ поэзіи».

Что касается до поэтическихъ теорій господина Милькѣева, то онъ держится того правила, что шампанское—закусокъ въ поэзіи, которая не должна ни на минуту удалиться отъ природы, вѣчнаго источника всего яснаго: изъ всѣхъ извѣстныхъ и не извѣстныхъ ему вещей, самая близкая къ природѣ, по его мнѣнію—русская сивуха, и вотъ какъ онъ воспѣваетъ ея высокія красоты:

«Здравствуй русское веселье,
 Здравствуй, русское вино,
 Православное похмелье,
 Чашъ потопленное дно.
 Ты по юношескимъ жиламъ
 Влагой крѣпости блѣжишь,
 И къ былымъ, каленымъ силамъ
 Грудь уелдиую стремишь!
 «Какъ возникли дни отчаянья,
 Кто изъ русскихъ чады, любя
 Свой предѣлъ безъ укоризны,
 Не отвѣдывалъ тебя?
 Кто въ пылу борьбы кровавой
 Дрался на-смерть, и не пилъ?
 Кто, припетствованный славой,
 Чашъ не пилъ и не билъ?»

Поэтъ обращается къ Петру Великому:

«...Объять амальнымъ порывомъ
 Полу-божеской мечты,
 Пировалъ, и новымъ пиномъ
 Угостилъ Россію ты!
 И съ твоей кипучей збрани
 Разгулялася она,
 Силъ зеленыхъ и отваги
 Пламевьющей полна!»

А Ломоносовъ, непонятный для вопросовъ, и бессмертный для вѣнка, Ломоносовъ —

«Ты ль не вѣдалъ чаши мирной,
 Какъ науку пожиналъ,
 И съ торжественностью мирной
 Въ небо крылья простиралъ?
 Нѣтъ! паря къ богамъ и къ селету,
 Зналъ ты съ творчествомъ сило,
 И повелъ къ живому цѣлцу
 Слова русскаго зерно....»

Браво! Вотъ что значитъ—умѣть кстати не учиться!
 Какъ тогда человѣкъ видитъ вещи просто, естественно,
 такъ сказать, натурально! Какъ онъ близокъ къ природѣ!
 Какъ прямо натывается на великія истины, которые не
 что иное какъ великія простоты! Людямъ совращеннымъ
 учеными идеями,—шампанскимъ, ротвейномъ, мадерой,—
 и въ голову не приходило, что ведро творчества стѣтъ
 только три цѣлковыхъ. Правда, со времени Ломоносова,

оно очень вздорожало, и, насчетъ цѣны, едва-ли не выгоднѣе теперь для русской поэзіи вдохновляться ротвейномъ, котораго ведро можно достать за два рубля семидесять пять копѣекъ серебромъ, — цѣлый четвертакъ въ барышъ для творческой силы, — чѣмъ натуральнымъ, хлѣбнымъ виномъ; но господинъ Милькѣевъ не вдается въ арифметику: онъ видитъ, что, посредствомъ этого вина, Ломоносовъ,

• Воспарилъ къ богамъ и свету,
И повелъ къ живому цвѣту
Слова русскаго зерно», —

и всю свою надежду, касательно поэтическаго усовершенствованія этого слова и просвѣщенія людей, полагаетъ на дѣятельность винныхъ откуповъ.

Почерпая далѣе въ томъ же кастальскомъ источникѣ, господинъ Милькѣевъ показываетъ, что его достанетъ на все, — на трогательное, на наивное, на забавное, на патетическое, и на высокое. Въ семидесяти пьесахъ его «Стихотвореній» есть и *Покойница* и *Кукушка*, есть *Иванъ-Великій* и *Сухарева Башня* (по словамъ автора Сухарева Башня невеста Ивана-Великаго), есть *День и Ночь*, *Гроза*, *Луна*, *Звѣздочка*, *Слезы*, *Наитіе*, *Кладбище*, даже *Демонъ*. Сколько красотъ, сколько перловъ, алмазовъ, поэзіи! У того въ груди *запыла вьюга и забила шумная волна*, тамъ несутся *тучи беременныя дождями*, а тамъ далѣе луна *словно купается въ облакахъ*. По части луны и дѣлы вотъ что раздается въ его «музыкѣ слова:»

«Зачѣмъ, о дѣва-красота,
Владѣешь грудью ты лилейной?
Зачѣмъ улыбкой чудодѣйной
Твои красуются уста?»

«Ты вся — любовь и вся — мечта,
Полна ты жизни беззатѣйной;
И дышешь нѣгой тиходейной —
Океанъ и свѣтомъ камина!»

Такова дѣва господинна Милькѣева: она, какъ вы видите, *полна океаномъ беззатѣйной* и, притомъ, *камина свѣтомъ*, подобно Ломоносову, который уже извѣстно откуда назывался *свѣтомъ*. Самъ же поэтъ, съ своей стороны,

*паломъ томленіемъ и сытъ горестью, и льетъ потоками
дѣйствию-чистыхъ слезъ къ розовой кисти.*

«Дѣйствию-чистыхъ,
Слезы струишыл,
Грустный привѣтствуетъ васъ!
Полнымъ томленіемъ,
Онъ съ наслажденіемъ
Льетъ васъ потоки изъ глазъ.
Вашею силою
Съ жизнью постылою,
Вновь примиряется онъ.
Вы облегчаете,
Вы утѣляете
Сердца страдальческій стонъ.
Такъ мнѣ, забытому,
Горестью сытому,
Плѣкать веселье одно.
Въ тайномъ мученіи
Слезъ упоеніе
Мрачному сердцу дано.
Падайте жъ, слезы, вы!
Къ юности розовой
Душу стремите вы вновь,
Радость являйте мнѣ,
Чувствовать дайте мнѣ
Первые сны и любви!»

Это очень жалко. Такъ жалко что и сказать нельзя.

«Но не всё жъ намъ рѣки слезиыя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ,
На минуту позабудемъ
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ.»

А чародѣйство красныхъ вымысловъ состоитъ, на
этотъ разъ въ нижеслѣдующемъ:

Демонъ стихотворства, *Комедія въ пяти дѣйстви-
лхъ, въ стихахъ. Сочиненіе В. Не—го. СШ.-бургъ, въ
тип. Крайя, 1843, въ—8., стр. VIII и 142.*

Тутъ тоже есть *предисловіе*. А въ томъ предисловіи
тоже Всеобщая Исторія вдохновеній и ума автора. Го-
сподинъ Не—го изъясняетъ, что недавно читалъ онъ со-
чиненіе господина Гоголя, и что тамъ замѣтилъ онъ одно
мѣсто, гдѣ господинъ «новый Гомеръ» говоритъ, что буд-
то люди нынче стали большіе недотьки: чутъ изобразитъ
какое-нибудь лицо, такъ, *чортъ ихъ знаетъ*, и закричатъ:

«Личности!» Что жъ изъ этого? Да то, что господинъ Е—го изобразилъ—себя, въ своей комедіи — *чортъ ихъ знаетъ кто* — журналистовъ! — и не успѣла рукопись господина То—го появиться въ Петербургѣ, «какъ оттуда пишутъ къ мнѣ; что *нѣкоторые* изъ особъ, читавшихъ ее, на-сходять, что *нѣкоторыя* лица моей комедіи имѣютъ *на-кѣторое* сходство въ *нѣкоторыми* особами, и описываются, «не личность ли руководила перомъ автора.» Вслѣдствіе чего, господинъ То—го чистосердечно и по совѣсти объявляетъ, что онъ никогда не имѣлъ и не имѣетъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ, сношеній ни съ однимъ изъ журналовъ; что русскихъ журналистовъ, какъ и всѣхъ умныхъ людей, онъ душевно уважаетъ; что подозрѣнія въ личности ни какого быть не можетъ, потому что онъ никогда ничего не печаталъ, ни въ одномъ журналѣ объ немъ не упоминалось, да и самъ живетъ за девять сотъ верстъ отъ Петербурга и за семь сотъ отъ Москвы, въ глуши, въ захолустьѣ, гдѣ, не только журналистовъ, но даже и умныхъ людей, сколько ни оглядывается онъ кругомъ, ни тѣни не видно... хотя впрочемъ зеркалу него въ домѣ довольно; что онъ даже во всю жизнь свою въ лицо не видывалъ ни одного журналиста, и если написалъ цѣ-льнй актъ подъ заглавіемъ «Журналисты», то очевидно на-писалъ самъ не зная, да и *чортъ не знаетъ*, что, о чемъ и для чего: такъ!... бессмыслицу!... вздоръ!... аучтивве-мю». Извольте помнить, что я, чтобы не сказать чего-нибудь такого, въ точности придерживаюсь словъ автора.

Хотите ли теперь послушать того, что господинъ То—го, изъ особенной къ себѣ учтивости, называетъ *мнами*?

Дѣйствіе первое. *Поэтъ*. У Ивана Петровича Добрякова есть племянница, Ольга Львовна, съ тысячею душъ приданого. Она разсуждаетъ, за кого ей выйти, за дурака ли князя Болтунова, который не пишетъ стиховъ, или за дурака Зорскаго, который пишетъ комедіи въ стихахъ. Но вотъ и Зорскій: онъ изъявляетъ, что Добряковъ тогда только согласенъ отдать за него племянницу, когда комедія, которую Зорскій отдалъ на театръ, получить успѣхъ, когда журналисты расхвалятъ ее, и когда книгопродавецъ возьмется напечатать. Ольга Льво-

вна бранится на поэта: потомъ мирятся, и поэтъ увѣряетъ, что —

«Почтлудемъ, по-неволю»

Мнѣ хочется замкнуть *ваши ротикъ* злой!

Тысячедушная Ольга Львовна, нисколько не обижалась столь остроумнымъ комплиментомъ, которая какъ извѣстно этимъ отстоятъ за девять сотъ верстъ отъ Петербурга и за семь сотъ отъ Москвы, беретъ хлопотать о комедіи, и уговариваетъ князя Болтунова набрать клакѣровъ. Болтуновъ не знаетъ имени автора комедіи, но обѣщаетъ поддержать ее по-возможности, а между-тѣмъ начинаетъ бранить поэтовъ вообще и писателей въ особенности, увѣряя, что —

«Изъ пустыхъ людей»

Писатель *всѣхъ пустѣй!*

Афоризмъ — немножко жестокій, но господинъ То-го лучше долженъ знать его основательность, потому что самъ онъ.... того.... съ позволенія сказать, писатель. Зорскій однако жъ принимаетъ слова князя за личную обиду

«Сіятельство! поэтъ стоитъ предъ вами!»

Дѣло извѣстное: соперники будутъ завтра стрѣляться. Все это происходитъ при Ольгѣ Львовнѣ. Вѣроятно, зная, что все кончится вздоромъ, то есть, *миромъ*, она и не думаетъ разнимать драчуновъ, и, когда Болтуновъ уходитъ, мамзель Ольга спокойно спрашиваетъ Зорскаго:

«Скажите, что у васъ за цель»

И что за странная охота

Въ глазахъ моихъ затѣвать дуэль,

И дѣлать изъ себя смѣшнаго донъ-Кихота?

зорской.

Такъ вѣрно, какъ я васъ люблю,

Я завтра же его, какъ зайца подстрѣлю:

Безъ этого мнѣ не стаетъ чего-то...

ольга.

А я вамъ объявить должна,

Что ссора ваша страхъ смѣшна,

И вы должны избрать любовь —

Оставить вызовъ вашъ, или меня съ покой,

И ежели сегодня же вашъ споръ

Не кончится миролюбиво,

Онъ будетъ съ-этихъ-поръ
Виною нашего разрыва!

(уходитъ).

Зорской, одинъ.

Я въ бѣшенствѣ. Проклятая любовь!
Зачѣмъ и я попалъ въ число ея работъ!
Все слѣпо исполняй, чего она захочетъ,
Соперника, глупца, и вызвать ужъ не смѣй,
Смирненнымъ притворись, когда вся кровь клокочетъ!
Нѣтъ! это черезъ-чуръ, ей, ей!

За тѣмъ является мосьё Добряковъ и насильно ведетъ поэта къ Щеталову, книгопродавцу, съ тѣмъ, чтобы Щеталовъ прочелъ комедію, одобрилъ ее, и означилъ ей цѣну, потому что «вз его рукахъ — вся русская словесность!»

Авторъ говоритъ, и я вамъ говорю тоже, что все это... того... съ позволенія сказать, мнѣи.... такіе мнѣи, что изъ рукъ вонъ.... ну, просто, мнѣи, которые мнѣются только за девять сотъ верствъ отъ Петербурга и за семь сотъ отъ Москвы. Но послушайте, что еще далѣе мнѣитъ господинъ... То—го, того....

Дѣйствіе второе. Книгопродавецъ. Продажный, редакторъ какого-то журнала, продаетъ Щеталову романъ и средство выводить клоповъ и таракановъ за двѣсти рублей. Приходитъ Зорской и садится всторонѣ. Приходитъ стихотворица Лирова, съ рукописью стиховъ. Щеталовъ не покупаетъ, хотъ Лирова проситъ купить ради ея бѣдности. Въ отчаяніи, Лирова начинаетъ элегію: «О, люди, люди!

«Готова проклянуть даръ, данный мнѣ отъ неба
Гдѣ я найду кусокъ насушный хлѣба?»

«Вяжите чулки, сударыня!» могъ бы сказать Зорскій, но онъ—поэтъ, и потому отдаетъ Лирской свои послѣдніе семь сотъ рублей, хотъ могъ бы удовлетворить поэтиссу двадцати-пяти-рублевою, и пишетъ для нея свой адресъ, съ тѣмъ чтобы она прислала ему свою рукопись. Зорскаго

зовуть. Въ книжную лавку является мамзель Ольга.... Зачѣмъ!... Да такъ!... чтобы узнать въ Лирской подругу и пригласить ее съ собою.... *въ театр!* Лирская, уходя потеряла адресъ. Продажный тотчасъ подаетъ его Ольгѣ, какъ свидѣтельство интриги между Зорскимъ и Лирскою. Мамзель Ольга бѣсится. Мосьё Добряковъ тащитъ Зорскаго, и кричитъ: «Помирились!» — «Я принялъ трудъ умижаться до объясненія съ его сѣтельствомъ—какъ-бишь его зовутъ,» говоритъ Зорской Ольгѣ. Но ревнивая Ольга вздернула носъ.

«До васъ, до вашихъ ссоръ мнѣ вовсе, нѣту дѣла!
Останьтесь вы безъ головы!»

Конечно, Зорскому лучше бы вовсе *остаться безъ головы*, нежели таскать на плечахъ такую дурацкую голову: но дѣлать нечего, такую ужъ падѣлилъ своего героя.... того.... авторъ. Тутъ Зорскаго вызываютъ къ Щеталову, котораго между-тѣмъ уговариваетъ Добряковъ помочь поэту. Предстаетъ передъ лицо честной компаніи «сѣтельство Болтуновъ» и, наконецъ, открывается Ольгѣ въ любви. Ольга отвѣчаетъ: «Мнѣ пора домой,» — и уходитъ, а Щеталовъ объявляетъ, что пока журналы не похвалятъ мосьё Зорскаго, онъ, книгопродавецъ, покровительствовать его не смѣетъ. За тѣмъ Щеталовъ проситъ у поэта статьи, и приглашаетъ его и Добрякова обѣдать. Князь Болтуновъ навязывается на обѣдъ самъ.

Дѣйствіе третье. *Журналисты*, или люди, которыхъ авторъ.... того.... ввѣкъ и въ лицо не видывалъ. За кулисами пиръ у Щеталова. Острословскій, одинъ изъ журналистовъ, совѣтуетъ мосьё Зорскому писать прозою статьи въ его журналахъ и не брать за нихъ денегъ. Острословскаго смѣняетъ Пристрастѣевъ, другой журналистъ: этотъ ругаетъ Острословскаго, совѣтуетъ не имѣть съ нимъ дѣла, и уходитъ, увидѣвъ Туманица, третьяго журналиста, который говоритъ Зорскому какую-то глупость о субъектахъ и объектахъ. Шумный входъ Щеталова и всѣхъ гостей. Несутъ сигары и бутылки. Мосьё Зорской начинаетъ ругать журналистовъ.... чуть-чуть не на чужь свѣтъ стоитъ.... и бѣжить. Журналисты ужасно *взбул-*

начались: слово, отстоящее за девять сотъ верстъ отъ Петербурга и за семь сотъ отъ Москвы; но удивительно приличное случаю и.... того.... понятіямъ автора. Напрасно Добряковъ увѣряетъ, что поэтъ былъ пьянъ. Нѣтъ пошлости! «Пойду, усовѣщу *пострыла!*» восклицаетъ онъ. *Пострыла* значитъ — поэтъ. Журналисты, Щеталовъ, Продажный и Болтуновъ остаются, и поютъ куплеты. Хотите ли видѣть обращикъ остроумія, лежащаго въ (900+700) тысячѣ шести стахъ верстахъ отъ здраваго смыслу?

«Начальница моя велить,
 Чтобъ мужу я служилъ въ подмогу,
 И мнѣ за то благоволятъ
 Къ наградамъ очисать дорогу,
 И кто какъ я, наединѣ
 Ей сниметъ шаль, подастъ булавку...
 Достоинствъ много есть во мнѣ,
 И польза общая въ-добавку!»

И это поэтъ *сіятельство*: я придерживаюсь словъ автора. Журналисты ѣдутъ въ театръ освистывать комедію Зорскаго, а сіятельство Болтуновъ поддерживать ее, потому что онъ всё-еще не можетъ догадаться, что комедію писалъ соперникъ его.

Дѣйствіе четвертое. *Театръ*. Кресла и ложи. Сіятельство Болтуновъ, исполнивъ слово, данное Ольгѣ, приводитъ толпу клакёровъ, и учитъ какого-то *холода*, Ивана Терентьича, волочиться за сосѣдкой. Продажный водитъ толпу свистуновъ, и еще уговариваетъ купцовъ свистать. Добряковъ—и мамзель Ольга въ ложѣ. «Гдѣ Зорской?»—«Онъ тамъ *накуралъси.тъ!*» отвѣчаетъ Добряковъ:

«На сумасшедшаго похожъ!

На стѣны лезъ.... ругаетъ!.. да кого жъ?

Извѣстѣйшихъ людей въ литературѣ!

Сегодня не хотѣлъ я быть въ его бы *шкурѣ*.

А впрочемъ, если суждено

Ему упасть, не все ли намъ равно?

Взгляни-ка, Олянька гвардейскій вонъ полковникъ,

Всё смотритъ на тебя въ лорнетъ

А что? *Видь такой любовникъ*

По-лучше, чѣмъ поэтъ?»

Надобно признаться, что мамзель Ольга находится въ самомъ дурномъ обществѣ: отъ дяди и его друзей до обожателей, всё—такой народъ, котораго нельзя внустить къ себѣ даже въ переднюю. Но и сама мамзель Ольга, по своимъ нравамъ, кажется воспитанною за кулисами, между доскутьями исписаннаго холста и лужами ламповаго масла: она.... посылаетъ дядю *умасливать* свистуновъ! Идутъ пошлости въ креслахъ. Предстаетъ Зорской: онъ—

«Закулисами актеровъ всё училъ,
И выбился изъ силъ!»

Теперь этотъ сумасшедшій ругаетъ на-повалъ актеровъ: дураки! не знаютъ ролей! не умѣютъ читать!.. Тутъ начинается общій шумъ: стучать, кричать, и занавѣсъ опускается.

Дѣйствіе пятое. *Кофейня*. Да! театральная кофейня, или *буфетъ*. Сперва Продажный нарываетъ сюда свистуновъ, поитъ ихъ настойкой, и сбываетъ кушамъ билеты. Потомъ хохолъ Иванъ Терентьичъ приходитъ волочить-ся. Потомъ сѣятельство Болтуновъ прибѣгаетъ ловить клакеровъ, потомъ является Зорской молотъ чепуху.— «Упала!» кричитъ буфетный мальчикъ. Мосьё Зорской, съ позволенія сказать.... того.... идеаль автора, «*хватать его за горло и давить*». «Вы давите меня», кричитъ мальчикъ: «упала лампа!» Экое остроуміе!... Но тутъ прибѣгаетъ Добряковъ: «Зовутъ автора!» Видно, зналъ, гдѣ найти его: прямо въ кофейню и въ буфетъ! Великій Зорской нейдетъ, мосьё Добряковъ *тащитъ его насильно* за кулисы и, наконецъ, выходитъ на сцену съ нимъ и съ Ольгой, и отдаетъ достойному герою достойную его героиню: «Распоряжайся ею самъ!» Прибѣгаютъ сѣятельство Болтуновъ, Продажный, журналисты: всё они.... того... въ дуракахъ. Щеталовъ покупаетъ піесу, которую Прустрастьевъ общаетъ *отшлепать* въ журналъ, поздравляя сѣятельство Болтунова съ *гороховымъ вѣнкомъ*. Комедія кончилась. Plaudite.

Боже великій, куда лезть ни забирается! Даже у господина того.... какъ бишь его.... нашлись льстецы, которые почтенное самолюбіе, живущее за девять сотъ верстъ отъ

людей и за семь тысячъ отъ всякаго таланта, увѣрили, будто въ этой чепухѣ есть какія-нибудь личности! такіе князья, такіе поэты такіе дяди, такіе книгопродавцы, такіа дѣвушки, которымъ можно говорить то, что говорятъ Ольгѣ Львовѣ Зорской, Болтуновѣ, Добряковѣ, которыхъ водятъ въ театральныи буфетъ просвѣтывать, такіе филины-журналисты, гнѣздятся только въ воодраженіи, заросшемъ кустарникомъ и бурьяномъ. Добряковъ глупъ—Зорской просто—помѣшанный: и за него-то отдають дѣвушку съ тысячу душъ, потому что піеса, которую поддержали клакеры, принята съ успѣхомъ! Сама невѣста послала, ободрала клакеровъ, и потомъ она же въ восторгѣ отъ успѣху! Не имѣя понятія ни о людяхъ, ни о обществѣ, ни объ его языкѣ, нравахъ, понятіяхъ, приличіяхъ, писать комедію, предпринимать критику лицъ и вещей себѣ вовсе неизвѣстныхъ, насмѣхаться надъ незнаемымъ, острить палкою по морю, ловить летучихъ мышей въ совершенной темнотѣ... Авторъ называетъ мною! Въ медицинѣ оно.... того.... имѣеть совсѣмъ другое названіе.

1. Молодикъ, на 1843 годъ. Украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ. Харьковъ, въ Университетской тип., 1843, въ-8. Дѣль части, стр. 548 и 155, съ нотами и портретами.

2. Молодикъ на 1844 годъ. Украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ. Въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго Приюта. Харьковъ, въ тип. Университетской, 1843, въ-8., стр. 283, съ портретами, снимками и планомъ Харькова.

Этотъ сборникъ издается, какъ кажется, исключительно для украинскихъ читателей. Половина его, за 1843 годъ, даже и писана на малороссійскомъ языкѣ.

Въ «Молодикѣ на 1843 годъ» одно только любопытно для насъ,—русскія произведенія малороссійскихъ поэтовъ. На поэтовъ въ этомъ черноземномъ краю—всегда урожай, и русскихъ стихотворцевъ въ Украинѣ такое же множество какъ и малороссійскихъ. Болѣе десяти этихъ артистовъ «музыки слова» представили свои поэтическія приношенія «Молодику»,—господа Бороздна, Дьяченко, Кле-

новъ, Кронебергъ, Кульчицкій, Лукашевичъ, Майсуровъ, Недолинъ, Руэль, Чужбинскій, Щербина, Щоголевъ. Къ несчастію, русскіе малороссійскіе поэты, отъ которыхъ мы имѣли бы право ожидать сколько-нибудь оригинальности не всегда выдумаютъ ничего новое, и часто подражаютъ великороссійскимъ: поютъ всё про дѣвъ, про разбойниковъ, про слезы, луны, и мечты, или даютъ отрывки поэмы переводы изъ Шекспира, изъ Гёте, — все, какъ у насъ!

«Други! томительна жизнь одинокая!
Не съ кѣмъ сродниться душой!
Жжетъ ретивое кручина глубокая:
Смотришь на міръ сиротою!»

Это мы уже давно знаемъ: наши великороссійскіе поэты поютъ намъ ту же самую пѣсню двадцать пять дѣтъ сряду на всѣ возможные тоны.

«Зачѣмъ вы такъ скупы, кровавыя слезы,
Такъ больно нависли въ лазури очей?
Живѣе!... и пусть все безумныя грезы
О счастья ужичтъ вашъ ручей!»

Ручьи кровавыхъ слезъ, которая больно и скупо нависла въ лазури очей: да мы только это и видимъ у себя, въ Великороссіи!

«Въ полѣ вѣтеръ воетъ,
Зерны вырываетъ
Изъ вспаханной нивы.
Въ полѣ вѣтеръ воетъ,
Зерны развѣваетъ
По чистому полю.
Отчего бы вѣтру
Не вывѣять жизни
Изъ моего тала?»

Странный попрось! Наши великороссійскіе поэты такъ часто обращались къ вѣтру съ этого роду вопросовъ, вѣтеръ всегда отвѣчалъ имъ очень умно: «Да мнѣ до васъ какое дѣло! За кого вы, господа, меня принимаете? Хотите что ли, чтобы я вывѣвалъ изъ пустаго въ порожекъ? Или этотъ короткій и ясный отвѣтъ, наши великороссійскіе

поэты не могут найти никакого возраженія! Вотъ, что касается до Донъ-Хуана и Луны, такъ это—дѣло другое:

«Берегись, поэтъ Мѣсяца,
 Оловянные глаза!
 На твоимъ лучѣ поѣду
 Я къ тебѣ на небеса!
 Той рапирой, что гидальговъ
 Я ad patres посылалъ,
 Тѣмъ книжаломъ, что подъ сердцемъ
 Командора трепеталъ,
 Насквозь грудь твою (?), негодный,
 Безъ пошады проколю,
 И съ насмѣшкой надъ тобою
 De profundis пропою,
 И рога съ тебя сорву я
 Будто съ дерсва лимонъ,
 И чело украситъ ими
 Не одинъ женатый допъ.»

Изъ великороссійскихъ русскихъ поэтовъ, кажется, никто еще не сажалъ Донъ-Хуана верхомъ на лунный лучъ, чтобы проколоть негодному поэтѣ Мѣсяцу грудь рапирой и сорвать съ него рога какъ лимонъ для приставленія ихъ къ телу женатыхъ доповъ.

Впрочемъ, въ «Молодикѣ» есть вкладчина и природныхъ русскихъ поэтовъ, Бенедиктова, Глинки, Кукольникъ, господъ Степанова, Фета, Шевырева, и иныхъ. Но они не были щедры на пожертвованія.

Проза «Молодика» гораздо примѣчательнѣе: здѣсь паходятся—разсказъ Основьяненки, «Основаніе Харькова», старинное преданіе, — *Зюрга*, разсказъ, подслушанный казакѣмъ Дуганскимъ у Татаръ въ Оренбургѣ, — *Отрывки изъ дневника* Н. Ю. Васильковичевой, гдѣ, кромѣ ума, еще и много чувства. Издатель «Молодика» счелъ за нужное умножить объемъ этой части статьями изъ Жанъ-Поля, которыя и въ подлинникѣ не понятны, но которыя, во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что Жанъ-Поль попалъ въ Украину и, какъ видно, поправился тамъ. Что касается до перевода пятаго акта какого-то драматическаго сочиненія, то, чтобы не сказать ничего такого, я, лучше буду придерживаться словъ автора. Драматизмъ сказаннаго пятаго акта состоитъ въ томъ, что въ жену какого-то *Владимира*

влюбился какой-то *Генрихъ*, и обратно: жена Владиміра влюбилась въ Генриха. Весьма благо разумно предлагалъ Генрихъ Владиміру развестись съ женой: вмѣсто того Владиміръ предложилъ ему два стакана, одинъ съ водой и ядомъ, а другой просто съ водой. Весьма неблаго разумно Генрихъ согласился взять безъ выбору стаканъ, но, по счастью, ему досталась просто вода, а Владиміру вода съ ядомъ. Владиміръ выпилъ половину и предложилъ остатокъ женѣ. Та выпила, и тотчасъ пошла страшная драматическая потѣха: сначала умеръ Владиміръ, потомъ умерла жена его, потомъ сталъ умирать Генрихъ отъ ужаснаго колотья въ совѣсти. Я старъ, это правда, но какъ я читаю новыя книги, то о такомъ важномъ случаѣ умно разсуждать не берусь. Можетъ-быть это и интересно!

О малороссійскомъ отдѣленіи «Молодика» у меня *раздается молчаніе*. Тутъ есть и стихи и проза, есть свои гени, свои славы, свои извѣстности. Поэтъ пишетъ поэту:

• Гарно твоя кобза грае,
Любий мій земляче!
Вона голосно співає,
Голосно и плаче,
И сопилкою голосить,
Бурею лютує.

Другой поэтъ говоритъ другому поэту:

• Бандуристе, орле сизый,
Добре тобі, брате!
Маєшь крыла, маєшь сили,
Яколи літати.»

• Л

На мой вкусъ, я предпочитаю, чтобы малороссійскіе поэты подражали Цезарю,—писали малороссійскіе стихи: «лучше быть первымъ у себя въ деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ».

На 1844 годъ «Молодикъ» изданъ въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго Приюта. Съ перемѣною назначенія измѣнилось и содержаніе: нѣтъ ни стиховъ, ни пятаыхъ актовъ, ни *Жанъ-Поля*, ни малороссійскихъ отдѣленій: книжка наполнена статьями касательно исторіи и обычаевъ Малороссіи. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены —

«Основаніе Харьковскаго Коллегіума», исторія знаменитаго въ Украинѣ духовнаго учебнаго заведенія, учрежденнаго въ 1726 году;—«Взглядъ на украинскую старину», В. Н. Каразина, воспоминаніе о житъе—бытѣ гетманщины, къ соціальнѣю, не конченнѣй;—«Первыя войны малороссійскихъ казаковъ», статья въ духѣ запорожской литературы, гдѣ геройствуютъ Козаки, злодѣйствуютъ Поляки, и всё—еще, съ удивительною историче—скою критикою, жгутъ Наливайка въ мѣдномъ быкѣ; «Духовное завѣщаніе генеральнаго обознаго Ломѣковскаго», писанное въ 1711 году, и которое можно назвать статью о нравахъ: такъ оно оригинально;—«Очеркъ малороссійскихъ повѣрьевъ и обычаевъ», и — «Нѣсколько словъ объ Иванѣ Купалѣ». Тутъ—изображеніе суевѣрныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ въ Малороссіи въ извѣстныя дни и праздники, купальныхъ огней, кутьи на святкахъ, колядованья, зеленаго праздника въ Троицынѣ День, и множество сказокъ, которыми народъ объясняетъ свои тайнодѣйствія. Въ году отъ Рождества Христова 1844 пора уже знать и вѣдать, что въ *колядованіи* нѣтъ ничего языческаго, какъ доселѣ утверждали мѣстные антикваріи, но что это остатокъ кореннаго католическаго обычая *коляда*, или, по другому произношенію, *коленда*, чистое латинское слово, не чтѣ иное какъ *Kalendae Januarii*, и, въ Малороссіи, гдѣ всегда хорошо учились латинскому языку, странно, что *коляда* и *колядованіе* могли кѣмъ—нибудь быть приняты за чтѣ—нибудь другое, древнее, или замѣчательное. Въ «Перепискѣ по поводу измѣны Мазепы» помѣщены — донесеніе полковника Осипова и письмо его Меншикову о доносѣ Кочубея; письмо Мазепы къ Меншикову; письмо Петра Великаго къ Мазепѣ; письмо Головкина къ Меншикову. Новаго тутъ ничего не имѣется: всѣ эти матеріалы уже были извѣстны Голикову, но мы ихъ знали только по выпискамъ, тогда какъ «Молодикъ» представляетъ ихъ *in extenso*: прочтемъ, письмо Петра Великаго напечатано вполне и у Голикова, изданіе второе, томъ девятый. «Подлинная бумага, почерка послѣдней половины XVII столѣтія» содержитъ въ себѣ проектъ о приарѣннѣи нищихъ въ Москвѣ, учрежденія аптекъ, богадѣленъ, училищъ, фабрикъ, для

занятія праздношатающихся и дѣтей нищихъ, какъ предполагалъ братъ Петра Великаго, Феодоръ Алексѣевичъ. Этотъ проектъ давно извѣстенъ изъ подробной выписки Рихтера, въ его «Исторіи медицины въ Россіи», и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ для исторіи просвѣщенія. Не менѣе любопытна статья «Библиотека государей въ XVII столѣтіи». Названіе ея не вѣрно: это просто реестръ иностранныхъ книгъ, какія хранились въ 1696 году въ Посольскомъ Приказѣ. Тутъ отдѣльно показаны книги, присланныя въ Приказъ изъ Верхней Типографіи, введенной при Царскомъ Дворѣ Симономъ Полюцкимъ; книги, отобранныя у Матвѣева, при его ссылкѣ (у него были Аристотель и Виргилій); и наконецъ, книги, которыя подарилъ греческій архимандритъ какому-то нѣжинскому жителю: Петръ Великій узналъ о томъ и немедленно приказалъ привезти ихъ въ Москву.

«Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ», представляетъ интересъ другаго рода: изъ этой статьи мы, великороссійскіе люди, узнаемъ, что господинъ Гоголь, прозванный *новымъ Гомеромъ не въ шутку*, создалъ для насъ, Москалей, *высокія созданія изъ малороссійскаго быта*; что украинская литература считаетъ уже въ рядахъ своихъ нѣсколько геніевъ, и прочая, и прочая.

«Русско-польскіе вельможи»—статья первая: здѣсь кратко изображено родословіе князей Острожскихъ, поборниковъ православія на Вольни. Въ слѣдующихъ книжкахъ «Молодика» обѣщаютъ давать біографіи замѣчательныхъ людей Малороссіи.

«Смѣсь» П. А. Корсаковъ украсилъ занимательными анекдотами о Безбородкѣ и Трощинскомъ, двухъ знаменитыхъ уроженцахъ Малороссіи. Любопытно также *мелодіе* духовника Петра Великаго, достопамятнаго іерея Тимофея Надаржинскаго: онъ былъ съ Петромъ Великимъ въ Парижѣ, и Петръ награждалъ его драгоценнымъ портретомъ и четырьмя тысячами душъ. Достигнувъ глубокой старости, Надаржинскій скончался монахомъ въ Ахтырскомъ Монастырѣ, гдѣ онъ и построилъ церковь. Рѣчь господина Каразина, письмо его къ издателю «Молодика» письмо Сквороды, въ которомъ философы Украйны видятъ *Пифагора, Оригена и Лейбница въ свѣтлѣ, съ кубомъ*

Письма А. А. Палицына, переводчика Новой Элоизы, и стихи его (впрочемъ печатанные въ 1809 году въ Вѣстникѣ Европы), могутъ имѣть мѣстный интересъ. Но вотъ два акта характеристическіе: по одному изъ нихъ, какой-то гражданинъ Батурина, Василій Сологубой, занялъ въ 1713 году, у полковника Перекрестова *шесть рублей*, на расплату долговъ своихъ и, — какъ вы думаете, что обѣщаль за это? — жить у Перекрестова пять лѣтъ и «*всякая работи работать*». Перекрестовъ взялъ въ договоръ *поручника*, и обязалъ Сологубаго, «живучи въ домѣ его, женѣ его и дѣтямъ служить и почитать, не пьянствовать, съ ворами не знаться, и воровъ для кражи пожитковъ господскихъ не подвѣсть, самому не покрасть, не сбѣжать, и не доживъ урочныхъ лѣтъ самовольно прочь не отойти, а *ясть и пить, платье и обувь носить* господское.» Другой актъ еще замѣчательнѣе. Не далѣе, какъ въ 1800 году, прусскій подданный, Фридрихъ Лотъ, обязался жить въ домѣ одного харьковскаго помѣщика: въ зимніе мѣсяцы оный Лотъ долженъ былъ «обучать дѣтей помѣщика нѣмецкому языку, по грамматическимъ правиламъ, то есть, читать, писать и числить, и за поведеніемъ старшаго сына имѣть неусыпное смотрѣніе, *доставляя ему всякое благоуравнѣніе, какъ воспитанію благороднаго дитяти надлежитъ*; причемъ вести себя всегда трезво и добродѣтельно, какъ надлежитъ честному человеку для хорошаго примѣра.» Съ окончаніемъ зимы рѣченный Лотъ принималъ другую обязанность: «за сыномъ помѣщика болѣе не смотрѣть, и дѣтей не учить, а вступить ему, Лоту, въ должность садовничью, и сдѣлать два англійскіе сада, завести теплицы, цвѣтники, парники, крытыя аллеи, *розжерей*, и всякія огородныя посаживать деревья, и дѣлать прививки, колеровки и отводы *самымъ искуснымъ образомъ*, стараясь пріобрѣтенія разныхъ дѣлать къ размноженію фруктовыхъ деревьевъ, дабы неусыпнымъ раченіемъ и трудами могъ онъ заслужить себѣ похвалу и награжденіе.» За такую двойную обязанность садовника и учителя, помѣщикъ не платилъ платы: Лотъ получалъ отъ него 5 четвертей пшеницы, 4 ржи, 1 крупъ; 1 пшена, 1 гороху; пудъ масла коровьяго, ведро масла шотландскаго, 2 пуда сала свиного, 2 пуда соли, пудъ сала топленнаго, ведро уксусу,

2 ведра наливки, 3 ведра вина горячаго, 4 пуда солонины, 1 пудъ ветчины, 6 пудовъ говядины, *пристойное число крошева и свеклы квашеной*, комнату для житья, и, для услуги женѣ, дѣвчонку, или женщину какую, на харчахъ помѣщика, но на одеждѣ ея, Лота, а къ тому 120 рублей денегъ. Если бы Лоть оказался «въ должностяхъ незнающъ и незначителенъ, началъ пить и дѣлать худыя поступки», кромѣ отвѣтственности по законамъ, помѣщикъ имѣлъ право прогнать его, заплативъ только то, что онъ зажилъ. Это—лучшая изъ всѣхъ малороссійскихъ повѣстей, какія только мы читали.

«Молодикъ» богатъ приложеніями: портреты Основьяненки, Котляревскаго, Климовскаго, князя М. М. Голицына, ноты Дрейшока, планъ Харькова и снимки съ почерковъ сопровождаютъ три его книжки. Въ снимкахъ представлены между прочимъ собственноручное письмо Петра Великаго и почерки Святаго Димитрія Ростовскаго, Основьяненки, и Котляревскаго (изъ его персводу извѣстной оды Сафо).

Амарантосъ, или Розы возрожденной Эллады. Произведенія поэзіи нынѣшнихъ Эллиновъ, собранныя, переведенныя и изданныя съ подлинникомъ, предисловіемъ, филологическими и историческими замѣчаніями, Георгіемъ Эвламписомъ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1843, въ 8., стр. ХХІХ и 136.

Изящно напечатанная и, отчасти, любопытная небольшая книга; переводъ прѣсенъ, съ ново-греческимъ текстомъ этихъ благоуханныхъ розъ, изъ которыхъ одна — грецкій орѣхъ: нераскусимая сказка, которую слышалъ господинъ Эвламписъ ночью, плывя на греческомъ суднѣ съ Псары на Андросъ, и выслушавъ, *записалъ слово въ слово*. Если я рѣшился назвать эту книгу любопытною, такъ единственно по случаю сказанной нераскусимой сказки: ея нѣтъ возможности дочитать до конца, но въ ней встрѣчается большая рѣдкость — *настоящій ново-греческій языкъ въ печати*, — настоящій, подлинный, неподдѣльный, съ большими только *усовершенствованіями*. Ново-греческая литература находится еще въ томъ жалкомъ и безплодномъ положеніи, въ какомъ была русская въ осьмидесятыхъ годахъ. Нынѣшніе грамотные Греки, подобно на-

ними писателями той славянолюбивой эпохи, презирають свой природный, живой, нынѣшній языкъ и всѣми силами гнутъ его къ формамъ и фразеологiи древняго, забытаго, эллинскаго. Они даже стыдятся имени *Грековъ*, которое Лондонская Конференція возвела великодушно въ санъ политическаго титула, не хотятъ жить въ отнятой для нихъ у Турковъ *Греціи*, думаютъ всё еще прогнать Римлянъ изъ Эллады и зажечь *Эллинами* на аѣннской агорѣ. Эта несчастная мечта объ *Элладѣ*, о *возрожденіи Эллады*, о возвратѣ къ классическимъ *эллискимъ* формамъ, еще долгое время будетъ останавливать умственное развитіе Грековъ, успѣхи ихъ литературы, даже ихъ благостояніе. Римляне въ Италіи давно уже рѣшились быть Италіянцами; въ Галліи они съ гордостью называютъ себя Французами, въ Испаніи Испанцами, въ Лузитаніи Португальцами, и, благодаря этой мѣрѣ, образовали себѣ прекрасные новые языки, дожили до чудесныхъ литературъ. Въ одной Греціи Римляне, *Ромеи*, не хотятъ быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлали ихъ двѣсти вѣковъ и сто политическихъ переворотовъ: не хотятъ жить въ римской провинціи, Греціи, называться по ея имени имѣть свой собственный языкъ, отдѣльный отъ языка древнихъ обитателей страны, совершенно и навсегда исчезнувшихъ Эллиновъ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, уродливѣе, ихъ нынѣшняго литературнаго языка, который величаютъ они *ново-эллискимъ*, тогда какъ настоящее названіе ихъ разговорнаго языка—римскій, *ромсика*. Надобно знать, что этотъ разговорный языкъ ихъ — несравненно музыкальнѣе, пріятнѣе для слуха и даже, филологически, лучше, стройнѣе древняго, классическаго: къ нему, находится онъ совершенно въ томъ же отношеніи какъ италіянскій къ латинскому; потерялъ его гнусливья носовыя окончанія на *n* и часть шипящихъ суконныхъ окончаній на *s*, умножилъ число гласныхъ на концахъ словъ, отвергъ его многосложныя, запутанныя и безполезныя формы въ глаголахъ и причастіяхъ, образовалъ себѣ добровольно грамматику такую же простую и естественную какъ италіянская и англійская, набралъ отвсюду новыхъ словъ съ новыми понятіями, и бѣльшей половиной древнихъ присвоилъ совсѣмъ другія значенія. По характеру своему, ромейскій или ново-греческій языкъ —

языкъ существенно *новѣйшій*: въ немъ не осталось ничего древняго, кромѣ нѣкоторой части словъ, болѣе или менѣе сходныхъ со словами языка Эллиновъ. Вообразите, что нынѣшніе ромейскіе грамматенъ вздумали вернуть своей мудростью все это зданіе двухъ тысячелѣтій и заставить подданныхъ грецкаго короля заговорить языкомъ Платона и Аристотеля!... коверкаютъ свои простыя, прекрасныя новѣйшія формы, вводятъ обветшалыя, давно забытыя, принадлежащія къ другому порядку идей, придаютъ новымъ словамъ древнія окончанія, словомъ, уродуютъ всѣми мѣрами свой современный языкъ, чтобы сообщить ему ложный отблескъ классическаго. И посредствомъ этихъ румянъ, этой мишуры, этихъ поддѣльныхъ красотъ, этого занимаемаго на прокатъ изящества, продолжая невѣжественно безвкусье Византійцевъ, надѣются они достигнуть какой-нибудь самостоятельной и прочной литературы! Можетъ ли упрочиться литература тамъ, гдѣ у каждаго писателя совсѣмъ другой языкъ, смотря по количеству того, что онъ успѣетъ или съумѣетъ нахватать изъ древняго нарѣчія? гдѣ вы можете быть оценочнымъ не иначе какъ съ условіемъ перестать быть изящнымъ?... Заговорите въ Греціи на томъ языкѣ, на которомъ пишутъ тамъ книги: двѣсти тысячъ подданныхъ короля Оттона вдругъ покатытся отъ смѣху, а другія двѣсти тысячъ заткнутъ уши, полагая, что вы изъясняетесь *по-баварски*. Педанты между-тѣмъ въ восторгѣ отъ своего творенія: они увѣрены, что такъ языкъ долженъ быть, что это — удивительно какъ красиво, важно и возвышенно! Нѣтъ, не начиналъ еще настоящей литературы тотъ народъ, который не умѣетъ довольствоваться своимъ живымъ языкомъ, не научился отыскивать въ его естественныхъ предѣлахъ всѣхъ красотъ, нужныхъ искусству, и ходитъ за украшеніями для слогу въ другіе языки и другіе вѣка. Но, въ такомъ положенія дѣла, для тѣхъ, которые желаютъ познакомиться въ печати съ настоящимъ ново-греческимъ или ромейскимъ языкомъ, для тѣхъ, чей вкусъ питаетъ отвращеніе ко всему поддѣльному и ложному, что сказка, напечатанная господиномъ Эвлампиосомъ, будетъ, филологически, любопытна, несмотря на совершенное безсмысліе своего содержанія. Мы очень рады

видѣть издателя въ добрыхъ правилахъ, относительно къ его родному языку: за напечатаніе сказки *отъ слова до Слова*, онъ заслуживаетъ похвалы, которая даже могла бы быть полною, если бы онъ совершенно удержался отъ притягиванія формъ новѣйшаго языка къ древней мѣркѣ. Къ сожалѣнію, онъ не вездѣ устоялъ противъ искушенія аэинской моды.

Историческія замѣтки издателя состоятъ въ извѣстіяхъ о разныхъ случаяхъ, при какихъ употребляются Греками собранныя имъ пѣсни, — поминкахъ, когда они поютъ *мирологи*, родъ нашихъ старинныхъ причитаньевъ, — свадьбахъ, — народныхъ играхъ, и прочая. Тутъ любопытное для читателя заключается просто въ сличеніи съ тѣмъ, что дѣлается при такихъ же случаяхъ у насъ.

Издатель в переводчикъ этихъ пѣсней, бесполезно и даже не совсѣмъ прилично, несправедливъ къ господину Форіелю, который первый познакомилъ Европу съ народною ново-греческою поэзію, — если только тутъ есть сколько-нибудь поэзии. Господинъ Эвлампиосъ увѣряетъ, будто Форіелево собраніе есть *сборъ испорченнаго, сшитаго на живую штыку*, гдѣ кусокъ изъ одной пѣсни приклеенъ къ другой, между картонными стихами встрѣчается *сухая проза, площадная пошлость, произведенія невѣжества*; словомъ, что весь этотъ трудъ совѣстливаго литератора, доброжелательнаго друга поэтической славы Ромеевъ — *странная мысль*, украшенная пышными названіями. Онъ укоряетъ своего трудолюбиваго предшественника за то, что господинъ Форіель взялъ только пѣсни клефтовъ. Нашъ издатель напротивъ, отвергъ всѣ эти пѣсни, собралъ *мирологи*, свадебныя припѣвы, и тому подобное. Жестокое обвиненіе введено на господина Форіеля еще за то, будто онъ *передѣлывалъ пѣсни*. «Несвязность пѣсней и невѣрность ихъ текста, говоритъ господинъ Эвлампиосъ, объясняются отчасти тѣмъ, что авторъ, какъ онъ самъ признается, принялъ на себя трудъ *исправлять греческій подлинникъ тѣспей, въ духъ народномъ, какъ говоритъ онъ*. Я приведу его собственныя слова. Dans le choix des diverses leçons, j'ai toujours donné la préférence à celles qui m'ont semblées le plus dans le goût et dans l'idiome du peuple, et, en général, les corrections qu'il a été *parfois* indispensable de faire à des

copies *fautives et uniques*, ont toutes été faites dans le même sens. «Я не знаю, присокупають господи́нь Эвлампи́ость, можетъ ли иностранецъ усвоить себѣ духъ чуждаго *ему* (себѣ) народа до такой степени, чтобы отважиться *поправить* и *передѣлывать* созданія *народнаго гения*,» и прочая. А между тѣмъ господи́нь Фори́ель поступалъ какъ умный человѣкъ. Хорошо зная Грековъ и ихъ языкъ, онъ увидѣлъ, что вся ново-греческая *поэзія* заключена въ пѣсняхъ клефтовъ, а остальное — жалкія произведенія безжизненности, невѣжества и безвкусія. Если въ пѣсняхъ клефтовъ есть кое-гдѣ проза и пошлости — не его вина. Что онъ, будто бы, перенуталъ многое, опять не его вина, когда, при всемъ стараніи, не могъ достать вѣрныхъ списковъ, долженъ былъ часто довольствоваться копіями единственными (*uniques*), находился въ необходимости разбирать писанія безграмотныя (*fautives*), каковы вообще рукописные сборники подобныхъ произведеній. И съ чего взялъ послѣдователь его, будто господи́нь Фори́ель *самъ признается*, что онъ *передѣлывалъ* пѣсни Грековъ? Тутъ, очевидно, есть маленькое недоразумѣніе со стороны господина Эвлампи́оса. Вотъ буквальное значеніе словъ, приведенныхъ имъ на господина Фори́еля: «въ *выборѣ* между различными способами чтенія одного и того мѣста, стиха или слова (*leçons*) отдавалъ я преимущество тѣмъ, которые казались мнѣ болѣе другихъ подходящими ко вкусу и языку народа, и, вообще, *поправки*, которыя *иногда* необходимо было сдѣлать въ *ошибочныхъ* и *единственныхъ* спискахъ, всѣ сдѣланы въ этомъ духѣ.» Гдѣ же тутъ *признание въ передѣлкѣ*? Господи́нь Фори́ель сдѣлалъ только то, что дѣлаетъ всякій ученый филологъ, всякій умный издатель народныхъ и не-народныхъ произведеній. Нельзя же пускать въ печать очевидныхъ описокъ безграмотнаго переписчика! И нельзя тоже платитъ такими нападеніями, такими презрительными отзывами, благородному иностранцу, который принимаетъ на себя трудъ возвышать въ глазахъ Европы умственные способности вашихъ соотечественниковъ! Надобно опять замѣтитъ и то, что авторитетъ господина Эвлампи́оса, въ филологической критикѣ и въ литературѣ, вообще не такъ еще великъ, чтобы читатель обязанъ былъ вѣрить ему на-слово, будто господи́нь Фо-

риель перепуталъ разные пѣсни. Легко можетъ статья, что самъ господинъ Эвлампиосъ ихъ *перепутываетъ* въ своемъ воображеніи: вѣдь въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ editio princeps? — каждый знаетъ ихъ только такъ, какъ слышалъ отъ кого-нибудь въ народѣ, а народъ, вездѣ и по-всюду, отъ одного уѣзда къ другому разнo поетъ одну и ту же пѣсню, склеивая нерѣдко ее изъ лоскутковъ разныхъ пѣсней. Лучше поступилъ бы господинъ Эвлампиосъ, если бы принялъ на себя трудъ свѣрить и исправить текстъ Фориеля (какъ сдѣлалъ Экономосъ для переводу Гнѣдича), и присоединилъ бы его пѣсни къ своему «Амарантосу»: тогда его собраніе украсилось бы дѣйствительно нѣсколькими цвѣтами чего-то похожаго на *розы поэзіи*. А теперь его «Амарантосъ или поэтическія *Розы возрожденной Эллады*», доказываетъ только то, что правду сказала знаменитая народная пѣсня — *О Авина, проти хора, Ти гайдарусь тrefисъ тора!*—хотя издатель и не призналъ за благо помѣстить ея между *розами Эллады*; что поэзіи нѣтъ между прозаическими греческими простолюдинами, и что только при звукѣ оружія головорѣзовъ, ксѣфовъ иногда мелькала она между ними. Во всемъ *Амарантосъ* — только одна пѣсня, гдѣ есть родъ поэтической идеи, и та не выдержана до конца. Вотъ первая половина пѣсни, — она хороша:

«Что воешь могла? что стало съ тобой?

Что стонешь ты такъ тяжело?

Земля ли тебя тяготитъ, или камень громадою давить?

Нѣтъ, не земля меня тяготитъ, не камень громадою давить:

Не могъ ты прохода другаго найти, и пробраться дорогою другою,

А прямо пошелъ, и мнѣ дерзко на голову такъ наступилъ!

А развѣ и я не бывалъ молодымъ, не бывалъ я удалымъ?

И развѣ при свѣтѣ луны я не ратовалъ также,

Съ мечомъ въ десять пядей длиной, и съ саженымъ ружьемъ?»

Вообще, перечитывая «Амарантосъ», нельзя надивить-ся именно совершенному отсутствію всякаго запаха поэзіи въ пѣсняхъ Грековъ, нелѣпости воображенія сочинителей, смѣси христіанскихъ чувствъ съ педанствомъ миеологіи, и пустому, но между-тѣмъ изысканному, набору словъ. Вотъ, для примѣру, одинъ *миролотъ*, или причитанье по мертвомъ, которое кажется издателю чудомъ изыщества. Судите сами.

Слезы вдовы.

• Миѣ слезы, миѣ вопли,
 Миѣ мирологи пѣть,
 Миѣ вечернею порою
 Плакать слѣдуетъ безъ шуму,
 Миѣ утроиѣ до разсвѣта
 Сильно плакать достается,
 А зоренька какъ займетъ,
 Затяну я мирологъ:
 «Охъ! глаза вы мои, плачьте!
 Охъ! рѣкою слезы лейтесь,
 Слезы въ море обратитесь,
 И въ море, и въ широкое!
 Море! быстро лейся, лейся,
 До другаго міра, до низиліа!
 Тамъ юрлицамъ освѣжи,
 Жажду сильную утоли,
 А ученымъ грамотѣямъ
 Ты чернила замѣни;
 Тобой (они) страданія напишутъ
 Нишихъ дорожихъ мужей.
 Увы! они насъ уже забыли,
 Съ-тѣхъ-поръ, какъ переплыли
 Мрачну, адскую рѣку.
 Горькой изъ нея воды напившись,
 Не только насъ уже забыли,
 Но и дождь, и свогъ сиротъ!»

Что за странный наборъ словъ! Гдѣ тутъ хоть искорка поэзии? Да, полно, точно ли еще это *народная пѣсня*? Правда, господинъ Эвламписъ не приказываетъ иностранцамъ имѣть сужденія о *розахъ возрожденной Эллады*: при всемъ томъ, всякой изъ насъ, въ комъ есть хоть сколько-нибудь чувства греческаго и эллинскаго языковъ, не запынаясь объявить эту мнимую *народную пѣсню* поддѣлкою, подражаніемъ, риторическою піекою въ родѣ мирологовъ. И по размѣру, и по выраженіямъ, и по оборотамъ, и по понятіямъ, по всему, видно, что тутъ работалъ какой-то *грамматикдъ*, зѣло нахватавшійся эллинской мудрости. Да и сказка, о которой была рѣчь въ началѣ, тоже—подражаніе. Это—турецкая сказка, которую мы сами читали въ подлинникѣ, только измѣненная отчасти въ подробностяхъ плохими прибавками греческаго рассказчика.

Провинціальная жизнь. Ольскій. *Описательный романъ XIX вѣка*. Сочиненіе Егора Классена. Москва, въ

тмл. Степанова, 1843, вѣ-12. Часть первая, стр. 309, съ картинками.

Книга напечатана прекрасно. Обертка—премесь. Картинки.... ну, картинки, конечно не премесь, но, зато, передъ каждой главой—по два, по три эпиграфа, русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, что весьма живописно. А содержаніе? Содержаніе—дѣло извѣстное—юмористическое, остроумное: какъ же иначе описывать русскіе нравы? Герой тутъ вещь носторонняя. Сперва поцѣдуетъ онъ въ рѣку, потомъ выдерживаетъ горячку, потомъ проваливается въ грязь, наконецъ влюбляется, да такъ, что стоитъ и прыжка въ рѣку, и горячки, и навигаціи въ грязи вмѣстѣ. Гораздо важнѣе героя—маіоръ Торчловъ. На ярмаркѣ, въ уѣздномъ городѣ, онъ облилъ клюковнымъ квасомъ городничаго, съ испугу бѣжалъ за городъ, упалъ въ воду и утонулъ. Происшествіе, конечно, само по себѣ не очень важно: утонулъ, и дѣло съ концомъ: но этотъ маіоръ Торчловъ, съ приложеніемъ героя, Ожскаго, образуетъ канву, по которой авторъ выводитъ узоры. Да какіе узоры! Ужъ просто сказать смѣхъ, умора, русскіе нравы! Сколько остроумія, наблюдательности, знанія сердца! Въ началѣ первой главы сказано:

«Писать характеры людей

Есть два манера:

Перомъ Гюмера

И лдомъ змлей.

Такъ пишутъ мужи славы.

Гдѣ жъ славы ваять,

Когда писать

Придется для забавы?

—

Такъ поэтъ на зубъ гнилой

Пробуетъ орѣхи,

Но раскусить лишь пустой;

Полный, для потѣхи,

Смететъ онъ на жернову

И поетъ про скорлупу»

Если бы исчислить всѣ пустые орѣхи русскихъ нравовъ, которые авторъ—поэтъ перепробовалъ на *гнилой зубъ*, и всѣ полные, которые онъ перемололъ для *потѣхи*, на *жернову*, и которыхъ *скорлупу* разсыпалъ на трехъ сотняхъ стра-

ницъ, свѣтъ бы изумился богатству и разнообразію его неистощимой фантазіи. Губернская ярмарка, деревенскій балъ, подьячій, который ѣстъ доносъ, уѣздные щеголи и щеголихи, которые съѣдаютъ столько апельсиновъ, что страшно подумать о послѣдствіяхъ и, тысяча другихъ *правовъ*, перемолоты въ чистое орѣховое масло. Такого, другаго мельника нравственныхъ орѣховъ какъ господинъ Класенъ, авторъ-поэтъ, не съищете на всей Руси. Щелкнетъ тнилымъ зубомъ: и—острота! Повернетъ жерновъ: шль остроумія такъ и летитъ столбомъ—масло льется прямо въ кашу автору-поэту, — а на читателя валится вся скорлупа.

Вотъ еще одинъ романъ:

Колдунъ. Романъ. Сочиненіе М. З. Москва, въ тѣхъ Степанова, 1843, въ 12. Дѣль части, стр. 107 и 81.

Замѣчаете ли слова—*Сочиненіе М. З.*? — Для васъ она бездѣлка, а между-тѣмъ весь романъ—възятыхъ двѣнадцати кабаллистическихъ буквяхъ. О! если бѣ вы могли видѣть, какъ, при помощи ихъ, *книжнаго ума бродатый продавецъ* спускаетъ «Колдуна» провинціальному любителю чтенія и твореніе любимаго русскаго романиста!—М. З., то есть сударь, его превосходительство-съ Михайло Загоскинъ-съ; извольте купить; романъ перваго сорту-съ.—Индустрія на выдумки хитра!

Волинъ собираетъ въ свои деревни и пьетъ на-пропалую съ товарищами. Послѣ чего Волинъ уѣхалъ, а гости свалились съ ногъ: уцѣлѣлъ только пріятель Волина, Эльнидоръ. Онъ сидитъ и мечтаетъ о своей *Кетти*. Волинъ пріѣзжаетъ въ свою крымскую деревню, влюбляется въ воспитанницу сосѣдки Волжской, Лидію. Дѣло шло на лады, когда вмѣшался въ дѣло какой-то Савастьянычъ, *колдунъ*, живущій въ лѣсу, въ хижинкѣ. Онъ страдалъ Волина, и запрещалъ влюбляться въ Лидію. Волинъ не слушалъ. Наконецъ Волинъ увидѣлъ, что колдунъ тихонько обнимаетъ Лидію въ бесѣдкѣ. Волинъ далъ оплеуху колдуну, уѣхалъ въ Москву, поселился на Воробьевыхъ Горахъ, и сдѣлался нелюдимомъ. Однажды видитъ онъ, что пристаегъ къ берегу Москвы-Рѣки лодка, и въ ней сидятъ колдунъ и Лидія: Волинъ даетъ плюху Лидіи, схва-

тываетъ какой-то кинжалъ, и рѣжетъ колдуна. Тутъ открылась страшная исторія: колдунъ былъ нѣкогда дворянинъ и помѣщикъ, влюбился въ брюнетку, но отецъ поневолѣ женилъ его на другой, отъ которой родился у него сынъ, герой романа, Волинъ. Послѣ-того поѣхалъ онъ къ брюнеткѣ, нашелъ ее уже замужемъ, отравилъ мужа ея ядомъ, послалъ къ женѣ ложное извѣстie о своей смерти, и сталъ жить съ брюнеткою. Брюнетка родила ему дочь, Лидiю, и умерла. *Извергъ*, какъ называется его авторъ, ушелъ въ Крымъ, подкинулъ Лидiю къ Волжской, а самъ поселился въ ближнемъ лѣсу, и назвался колдуномъ. Когда Лидiя выросла, онъ объявилъ ей тайну рожденiя, и старался мѣшать волокитству Волина, потому что, какъ видите, по отцу онъ Лидiи былъ братъ, и обратно, Лидiя была ему сестра. Когда Волинъ уѣхалъ, и Лидiя стала худѣть съ тоски, *извергъ* открылъ ей тайну родства ея съ Волинымъ. Она уговорила Волжскую и *изверга* ѣхать въ Москву и помириться съ Волинымъ. Волжская и *извергъ* согласились. «Лидiя съ нетерпѣнiемъ ожидала той счастливой минуты, въ которую увидитъ своего брата, и отправилась къ нему съ отцомъ своимъ, дабы объявить все, сдѣлать счастливую развязку всѣмъ неудачнымъ происшествiямъ, и вести мирную и прiятную семейную жизнь, но, увы! злая *Мегра* и тутъ разлила свою ярость!»....

Волинъ, услышавши, что колдунъ, онъ же и *извергъ*, былъ отецъ его, «выхватилъ изъ груди его кинжалъ и вонзилъ въ свою». Лидiя пошла въ монастырь.

Да, мы еще забыли Эльпидифора, друга Волина. Онъ также кончилъ не хорошо. Изъ Москвы поѣхалъ онъ въ тотъ городъ, гдѣ жила Кетти, и свелъ съ нею короткое знакомство. Старикъ, отецъ Кетти, узналъ о визитахъ Эльпидифора и подстерегъ его; тетка заперла Эльпидифора въ шкафъ, и не отдавала отцу ключа. Отецъ началъ *бить ее, рвать на ней платье, ломать ей руки*, отнялъ ключъ и вытащилъ Эльпидифора изъ шкафа. Эльпидифоръ сталъ драться. Дрались долго, но, когда прибѣжали слуги, Эльпидифоръ бросился въ окно. Тутъ отецъ Кетти ударилъ его кинжаломъ. Эльпидифору дѣваться было не куда: онъ ки-

нулся въ рѣку, — утонулъ, и — «тутъ ему, дурьмо, и смерть приключилась!» — «Дочего не доводятъ ночныя свиданія!» восклицаетъ авторъ.

Въ дополненіе къ этимъ красотамъ, «Колдунъ» напечатанъ на сѣрой бутылочной бумагѣ.

булочная, или ПЕТЕРБУРГСКІЙ НѢМЕЦЪ. *Водвилъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе, П. Каратыгина; С. П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1843, въ-16., стр. 95.*

Кого насмѣшилъ *Иванъ Ивановичъ Клейстеръ* въ Александринскомъ Театрѣ, тотъ долженъ прочесть его, чтобы еще разъ посмѣяться. Мысль оригинальная и исполнена весьма мило. Авторъ не сочинялъ этого водевиля: онъ подошелъ къ васисдасу петербургской булочной, и выхватилъ оттуда въ натурѣ *Ивана Ивановича Клейстера*, съ его Карлушей, Шагаевымъ, Крестьяномъ Богдановичемъ Цвибакомъ и Семеномъ Семеновичемъ Флюгеровымъ. Особенное русское нарѣчіе петербургскихъ нѣмецкихъ ремесленниковъ подслушано съ удивительною ловкостью. *Иванъ Ивановичъ поетъ;*

«Могу сказать, я — точно мейстеръ,
А не простой мастеровой.
Каковъ Иванъ Ивановичъ Клейстеръ,
Нигдѣ не съищется другой.
Басильской Островъ очень знаетъ
Меня по честности своей.
Самъ частный приставъ забираетъ
Здѣсь булки, хлѣбъ и сухарей.
Въ субботу, встрѣтившись со мною,
Онъ, этакъ, сдѣлавши, сказалъ:
Гуть-моргенъ! и меня рукою
Онъ по плечу потрепалъ!»

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА. *Въ девяти книгахъ. С. П.-бургъ, въ тип. Военно-Учебныхъ Заведеній, 1843, въ-8., стр. 326 и VIII.*

Которое это изданіе «Басенъ И. А. Крылова», право, мы ужъ и сосчитать не умѣемъ. Но дѣло въ томъ, что *Иванъ Андреевичъ* умножилъ его одиннадцатью новыми баснями. Одиннадцать новыхъ басенъ Крылова! Да, это — кладъ для литературы, цѣлая библіотека для публики, золотая розсыпь для книжной торговли: для «разработкы» этихъ одиннадцати басенъ вѣрно составила уже компанія

и акцияхъ. Изумительный старецъ! Второго февраля 1843
 случилось ему семьдесятъ пять лѣтъ; но прочитайте его
 юныя басни: онѣ такъ же свѣжи какъ тѣ, которыя пи-
 салъ онѣ въ лучшіе дни своей жизни. Мы приведемъ
 одну изъ нихъ:

Волки и овцы.

«Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья не стало,

И дотога, что, наконецъ,

Правительство звѣрей благія мѣры взяло,

Вступиться въ спасеніе Овецъ, —

И учрежденъ совѣтъ на сей конецъ.

Большая часть въ немъ, правда, были Волки;

Но не о всѣхъ Волкахъ вѣдь злые толки.

Выдали и такихъ Волковъ, и многократно,

Примѣры эти незабыты,

Которые ходили близко стада

Смирнехонько—когда бывали сыты.

Такъ почему жъ Волкамъ въ совѣтъ и не быть?

Хоть надобно Овецъ оборонить,

Но и Волковъ не вовсе жъ притѣснить.

Вотъ, засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли,

Судили, думали, рядили,

И, наконецъ, придумали законъ.

Вотъ вамъ отъ слова въ слово онѣ:

«Какъ-скоро Волкъ у стада забуянитъ,

И обижать онѣ Овцу станеть,

То Волка тутъ властна Овца,

Не разбираючи лица,

Схватитъ за шиворотъ, и въ судъ сейчасъ представитъ,

Въ сосѣдній лѣсъ, или въ боръ.»

Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить,

Да, только я видалъ, до этихъ поръ —

Хоть, говорятъ, Волкамъ и не спускаютъ, —

Что будь Овца отвѣтчикъ или истецъ,

А только Волки всё-таки Овецъ

Въ лѣса таскаютъ.»

Бабушка—разсказчица. *Повѣсти для дѣтей*, Авгу-
 сты Вороновой. Съ шестью раскрашенными картинками.
 СПб.—бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1843,
 в. 16, стр., 133.

Ранька и Петинька сидѣли у окна, и увидѣли Гулиньку,
 не такого же дитятю, какъ они, но голубка; приманили его
 крудой, и Гулинька поселился съ ними, и стало ихъ трое,
 Ранька, Петинька и Гулинька. У Раньки сдѣлался скар-

латинѣ. Петинькѣ запретили ходить въ ея комнату, но Петинька не послушался, пришелъ тихонько ночью къ Гулинькѣ, заразился скарлатиномъ и умеръ. Гулинька достался Рашенькѣ. Она очень любила Гуленьку, но на святкахъ три дня не кормила его. развѣзжая по гостямъ, ма-скарадамъ и баламъ, такъ что Гулинька околѣлъ съ голоду. Рашенька заплакала, раскаявалась, но было поздно.

Такіе рассказы рассказываетъ бабушка—разказчица.

Дѣтская настольная книга, въ которой заключаются повѣсти, разговоры, басни, надписи къ государямъ и великимъ мужамъ, лирическія стихотворенія, дѣтской прологъ, анекдоты, вопросы, шарады, и прочая, выписки изъ русской исторіи, двѣнадцать праздниковъ Православной Церкви, чудеса Святыхъ, и прочая, и прочая. Изданіе второе, безъ перемѣлъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ-8., стр. 255.

Безъ перемѣлъ. И дѣло! Зачѣмъ перемѣнять то, чего никто не читаетъ! Книжечка не расходилась: у нея отдрали заглавный листокъ, и приклеили ей новый. Прежде называлась она какъ-то иначе: во *второмъ изданіи* получила названіе «Дѣтской настольной книги». Если и это «второе изданіе» не пойдетъ, издателю остается еще одно средство,—выпустить свое сокровище съ третьимъ заглавнымъ листкомъ: «Дѣтская подстольная книга». Тогда ужъ она непременно пойдетъ куда—нибудь.... хоть полъ столъ.... гдѣ ей и мѣсто, по всѣмъ качествамъ и достоинствамъ.

Географія Россіи для дѣтей, съ четырьмя раскрашенными картинками. Ф. Студитскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Бородина, 1843, въ-12., стр. 1V и 120.

Эта опять книжка хочетъ сварить географію въ сахаръ и потчивать ею дѣтей какъ кievскимъ вареньемъ. Какой-то отвлеченный учитель отправляется мысленно путешествовать съ воображаемыми дѣтьми, Николенькой, Сашенькой, Петенькой и Феденькой, изъ Искова по всей Россіи, и на сотнѣ страничекъ они объѣзжаютъ государство. Надобно еще замѣтить, что изъ этого скромнаго числа страничекъ по—крайней—мѣрѣ половина занята стихами и болтовней дѣтей. Учитель ѣдетъ изъ Кіева:

Къ сѣверу отъ Кіева въ Днѣпръ впадаетъ съ лѣвой стороны *Десна*, на которой *Черниговъ*, губерскій городъ *черниговской губерніи*, бывшій прежде главнымъ городомъ черниговскаго княжества. На югъ отъ Чернигова *Нѣжинъ*, первый уѣздный городъ въ черниговской губерніи, съ лицемъ князя Безбородко. Съ лѣвой стороны въ Десну впадаетъ рѣка *Сеймъ*, близъ котораго *Курскъ*, губерскій городъ *курской губерніи*, богатый и промышленный. Близъ него въ Куренной Пустынѣ бываетъ многолюдная *Коренная* (Коренная?) *ярмарка*; торговый оборотъ простирается отъ 20 до 30 милліоновъ рублей. Къ сѣверу отъ устья Десны, съ лѣвой стороны впадаетъ въ Днѣпръ рѣка *Тетеревъ*, на которой *Житомиръ* губерскій городъ *Волынской губерніи*, съ торговымъ въ уѣздѣ мѣстечкомъ *Бердичевымъ*. На западъ отъ Житомира *Остроговъ*, лучший уѣздный городъ Волынской губерніи. Съ правой стороны въ Днѣпръ впадаетъ *Припять*, а съ нея *Пина*, которая *Королевскимъ Камаломъ* соединяется съ рѣкою *Мухавцею*, впадающимъ въ *Западный Бугъ*. На Бугѣ и Мухавцѣ *Брѣстъ-Литовскій*, уѣздный городъ гродненской губерніи, съ одною изъ важныхъ крѣпостей въ Европѣ.

Кромѣ-того что Тетеревъ съ волынской губерніею передвинулись у господина Студитскаго съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра, позволительно спросить, какую пользу извлекутъ дѣти изъ этого сокращеннаго каталога собственныхъ именъ: а между-тѣмъ это вѣдь *описаніе черниговской, курской, волынской и гродненской губерній!* За ними въ сорока строчкахъ описано *Царство Польское*. «Теперь мы поѣдемъ назадъ въ Россію», говоритъ учитель. Счастливыи путь!

1. *ГЕОГРАФІЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ, составленная Иваномъ Павловскимъ. Дерптъ, въ тип. Шюнманна, 1843., въ-8 Двѣ части. стр. 250 и 237.*

2. *ВСЕОБЩІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И СТАТИСТИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. Составилъ князь С. П. Гагаринъ. Москва, въ тип. Семена, 1843, въ-8. Три части, стр. 558, 596, 645.*

Господинъ Павловскій, какъ дерптскій ученый, какъ членъ города, въ которомъ философія дышитъ изъ всѣхъ трубъ и трубокъ, желалъ составить, не простую географію Россіи, но географію *философическую*, со «штампдунктами» и всякими разными «бедѣйтунгами», географію, достойную огромнаго государства и удивительно философическаго вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что эти взгляды съ высока, эти отвѣченности и туманныя прибавки, моглибы быть оставлены всторонѣ безъ малѣйшаго вреда для книги; но не-

лзя также не отдать ей справедливости, что она о каждой подробности тщательно собираетъ всё возможные подробности, всё любопытныя свѣдѣнія въ прошедшемъ и настоящемъ, всё факты, интересныя въ какомъ-нибудь отношеніи. Географія господина Павловскаго — самая богатая этими матеріалами, и самая полная изъ всёхъ намъ извѣстныхъ. Собирая тысячи подробностей изъ тысячи источниковъ, нельзя иногда не ошибиться. Критика такой книги должна бы состоять изъ провѣрки всей этой массы разнородныхъ показаній. Мы не можемъ предпринять такого разбору, и только обратимъ вниманіе автора на нѣкоторыя неточности въ его текстѣ, замѣченныя нами при первомъ чтеніи. (*Часть II, стр. 15.*) «Петръ Великій собственноручно сдѣлалъ этотъ крестъ съ надписью на русскомъ и голландскомъ языкахъ.» Надпись на крестѣ только голландская, а русской нѣтъ. — (*Стр. 21*) *Первый домъ въ Петербургѣ, хранящійся понынѣ какъ святѣя.* Если авторъ разумѣетъ *Домикъ Петра Великаго*, то онъ былъ первымъ дворцомъ, а не первымъ домомъ въ Петербургѣ. (*Тамъ же*) «Санктпетербургская губернія, древняя ингерманландская, лѣтъ за триста передъ тѣмъ обитаемая полу-дикими Финнами, приобретена отъ Шведовъ Петромъ I, въ 1703 году.» Она древняя Вотская Пятна, а не ингерманландская губернія, и принадлежала Новгороду: здѣсь были города Ямъ, Копорье, Нарва, Орѣшекъ. Шведы отняли ее при царѣ Михаилѣ, и назвали Ингерманландією. — (*Стр. 23.*) *Исаакіевскій соборъ; начатъ при Екатеринѣ II, и еще неоконченъ.»* Что было начато при Екатеринѣ, то и уничтожено: нынѣшнее сооруженіе собора начато вновь. Такую же неточность представляетъ текстъ въ рѣчи о Зимнемъ Дворцѣ, забывши его послѣднее возобновленіе. — (*Стр. 23*) «*Лавра означаетъ большой монастырь.*» Нѣтъ, обитель съ особенными духовными преимуществами. — (*Стр. 73*) Можно исключить Олега изъ числа основателей Москвы. (*Стр. 64.* *Начало столицы въ Москвѣ должно отнести къ Иоанну Калитѣ.* — (*Стр. 76.*) *Надобно исключить изъ достопамятностей Благовѣщенскаго Собора часы: они были не на соборѣ, а въ находившемся возлѣ княжескомъ дворцѣ; также должно исключить и вечевой новгородскій колоколъ въ числѣ во-*

до Коловѣ на Иванѣ Великомѣ. — (Стр. 189) Можно не называть Строгоновыхъ Колумбами Сибири. Сибирь знали Новгородцы. Иоаннъ III посылалъ туда войско, а Иоаннъ IV уже получалъ дань съ Сибири, до мнимаго завоеванія этой страны Ермакомѣ.

Такихъ неточностей довольно много. Онѣ не отрицаютъ достоинства у книги, но желательно, чтобы ученый и трудолюбивый авторъ устранилъ ихъ при второмъ изданіи.

Вотъ еще книга очень нужная: всеобщій «Географическій и статистическій словарь», князя С. П. Гагарина. Сочиненіе это, для всѣхъ классовъ читателей полезное составлялось и печаталось очень долго: оно должно найти себѣ мѣсто во всѣхъ частныхъ библіотекахъ. Авторъ его, собиравшій свѣдѣнія, между прочимъ, и о всѣхъ мѣстностяхъ Россіи съ такимъ похваднымъ усердіемъ, вѣроятнѣе еще, посвятитъ нѣсколько времени усовершенствованію своего обширнаго труда и дополнитъ обѣщанными «привавленіями».

Атласъ и таблицы для обозрѣнія исторіи всѣхъ европейскихъ земель и государствъ, отъ перваго ихъ народонаселенія до новейшихъ временъ, составленные подосмотрѣными источниками Христіаномъ Крузе, профессоромъ въ Лейпцигѣ, пересмотрѣнными и продолженными до начала 1840 года, его сыномъ Фридрихомъ Крузе, профессоромъ въ Дерптѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго шестаго изданія В. Модестовъ. С. П.-бургъ, въ тип. Военно-учебнаго Заведенія, 1843.

Это—географія исторіи. Событія расположены по землямъ, разграфлены межевыми линіями, прикованы къ роднымъ мѣстамъ своимъ желѣзными гвоздями хронологіи. Польза отъ историческихъ атласовъ безспорна, и счету имъ нѣтъ на землѣ; но два атласа особенно заслужили общее одобреніе критики и прославились между читателями, Лесажевъ (Ла-Разовъ) и атласъ Крузе. Лесажевъ атласъ, болѣе роскошный, соединяетъ съ таблицами карты; онъ—щеголь и говорунъ; но долженъ уступить атласу господъ Крузе, труду нѣмецкому, невидному, скупому на слова, да зато щедрому на факты. Нельзя не удивляться

отвагѣ тѣхъ, которые берутся сочинять и даже переводить эти безконечные реестры умныхъ и глупыхъ дѣйствій человѣческихъ, разсортированныхъ по времени и мѣсту своего происхожденія. Работа каторжная. Ужась беретъ даже, когда посмотришь на эти безчисленные графы, цифры, имена людей, названія сраженій, отмѣтки убійствъ, насилій, разореній, на всю эту двойную бухгалтерію земнаго существованія человѣка, гдѣ подъ каждымъ годомъ, мѣсяцомъ и числомъ аккуратно показано, въ приходѣ — столько-то глупости, — и, насупротивъ, въ расходѣ, столько-то крови, развалинъ, переворотовъ, слезъ, вѣпей. И все это человѣкъ долженъ вытвердить наизусть, чтобъ быть ученымъ! Индѣйцы, которые почитаютъ всѣ дѣйствія человѣческія за явленія совсѣмъ незначительныя въ чинѣ вселенной, всѣ событія въ быту народовъ за случаи слишкомъ мимолетныя, слишкомъ ничтожныя для обремененія ими памяти, и которые поэтому никогда не писали исторій, можетъ-быть и умнѣ насъ. И вправду: къ чему человѣку служить разсуждать *пробылое*? Толку такъ долго *про былое*, стали-ли мы умнѣ или лучше?... Но оставимъ этотъ запутанный вопросъ. При заведенномъ въ нашей части свѣта порядкѣ — твердо знать все что дѣлалось, чтобы совершенно забывать объ немъ, когда самими приходится дѣлать, атласъ господъ Крузе — важное пріобрѣтеніе для русской учебной и справочной литературы. Переводъ госпожи Модестова, исполненный съ надлежащимъ тщаніемъ, напечатанъ исправно и красиво.

Да вотъ и само *Про-былое*, лично.

ПРО БЫЛОЕ НА ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ. Книга для грамотныхъ людей. Сочиненіе К. Любимова. Сп.-бургъ, в тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1843, св-12, стр. 92.

Книга для грамотныхъ людей! Я думалъ, что это — книга для меня, для васъ, для всѣхъ насъ, которые имѣемъ честь, удовольствіе или притязаніе называться «грамотными»: а выходитъ на повѣрку, что это — книга въ самомъ дѣлѣ для людей! Кто могъ предполагать такой аристократическій тонъ въ такомъ простомъ и скромномъ заглавіи! Между-тѣмъ, изъ содержанія книги, ясно, что ав-

торъ подъ словомъ *люди* не разумѣтъ ни меня, ни васъ, потому что въ текстѣ онъ всегда называетъ своихъ читателей—*братцы!* Этого титула я не люблю въ обращеніи со мною: авторамъ, которымъ оказываю честь покупая и читая ихъ сочиненія, я по самой крайней мѣрѣ—*батюшка*, а не *братецъ*. Да я думаю, что даже и *людми* этотъ боярско-снисходительный эпитетъ, *братцы*, не очень понравится, когда они станутъ платить занего автору наличными деньгами. Кто, по-барски, говоритъ людямъ — *братецъ*, тотъ, по-барски, долженъ дать имъ книгу даромъ, — подарить, а не продавать: тогда это ужъ совсѣмъ благородная, аристократическая манера, и фамилярность, отзывающаяся немножко спесью, охотно прощается такую автору.

Какъ это—книга исключительно *для людей*, то она и не подлежитъ литературному разбирательству. Въ такихъ сочиненіяхъ уважается просто доброе намѣреніе. О достоинствахъ исполненія могутъ судить одни только *люди*, то есть, *братцы*. Это скоро окажется: если они предпочтутъ эту гисторію гисторіямъ о Ванькѣ Каниѣ, Бовѣ Королевичѣ и Франциѣ Венеціанѣ, такъ книга хороша и полезна; а нѣтъ, такъ нѣтъ. Но я боюсь, что, когда дѣло идетъ *про былое на Руси* или гдѣ бы то ни было, Ванька Каниѣ и Бова Королевичъ, какъ ни *запрещаетъ* своей властью авторъ читать эти книги *братцамъ*, будетъ всегда пользоваться у нихъ предпочтеніемъ. Возможность пользы простонародныхъ книгъ о простонародномъ дѣлѣ, о хлѣбопашествѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, я понимаю, хотъ и не увѣренъ въ дѣйствительности этой пользы, какъ то извѣстно всякому благосклонному читателю Летописи: но исторія кажется мнѣ необузданною роскошью, не только для простаго мужичка, но даже и для старосты. Дѣло въ томъ, что если мой крестьянинъ прійдетъ ко мнѣ за совѣтомъ, купишь ли ему гисторію господина Любимова, я рѣшительно скажу: «Не покупай, мой другъ (*братецъ*—я никогда не говорю); лучше. сбереги эту денежку; да вотъ тебѣ еще полтина: поди и купи на нихъ хорошій плугъ или желѣзную борону въ Земледѣльческомъ Училищѣ: это для тебя нужнѣе воѣхъ гисторій. А если боишься, что, отъ бездѣлья въ праздникъ, лукавыи потащитъ тебя въ кабакъ, такъ вѣдь у тебя есть Бова Королевичъ: читай его! Правда, твой Бова Короле

вичъ оборванъ и, какъ я видѣлъ, безъ начала. Ну, такъ читай съ другаго конца: для тебя вѣдь все-равно, что ни читаешь и откуда ни начнешь читать!»

Все это не значитъ, чтобы я не уважалъ благонамѣреннаго труда господина Любимова. Я очень уважаю его книгу, и, въ доказательство этого несомнѣннаго факта, могу привести то, что вѣрю ей на слово, будто она—книга, хоть въ ней всего только девяносто страничекъ крупной печати. Стань я разсчитываться съ ней безъ всякаго уваженія, такъ она очутилась бы у меня не здѣсь, въ ряду книгъ, а между брошюрами, которыя, потому именно что онѣ брошюры и не стоили большаго труда авторамъ, не имѣютъ права на большое вниманіе со стороны критики.

Всесвѣтная исторія Беккера. Переводъ съ нѣмецкаго, изданный Николаемъ Гречемъ. Отдѣленіе первое. Древняя Исторія. Сп.-бурскъ, въ тип. Греча, 1843, въ-8. Три тома, стр. III, 381 — 417 — 415.

Вотъ это—совсѣмъ другая исторія. По-крайней-мѣрѣ—не для братцевъ: книга — въ полномъ смыслѣ слова! Трудъ!

Дѣды наши читали Кедрина. Его смѣнилъ Ролленъ, который долго господствовалъ во всей Европѣ какъ домашній историкъ свѣтскихъ людей и любителей чтенія. Роллена изложилъ Беккеръ, Нѣмецъ по чину, гелертеръ по объему, но, по вѣсу, очень пріятный и толковый повѣствователь. «Всесвѣтную исторію», начатую Беккеромъ, продолжалъ Вольманъ, и докончилъ Лебель: она теперь—любимое историческое чтеніе Нѣмцовъ, такъ, что въ настоящее время она уже достигла десятаго стереонипнаго изданія. Мысль—передать ее русской публикѣ, превосходящій и, къ счастью, совпала еще съ предпріятіемъ господина Модестова издать на русскомъ языкѣ историческій «Атласъ Крузе». Эти двѣ книги вмѣстѣ могутъ составить страшный историческій арсеналъ для образованнаго свѣтскаго человѣка. Изданіе четко и опрятно. Всего будетъ четырнадцать томовъ. Въ трехъ вышедшихъ заключается вся Древняя Исторія. Средняя займетъ также три, а новѣйшая потребуетъ осьми томовъ.

Суворовъ. Сочиненіе Оадея Булгарина. Сто рисунковъ

В. Тимма, гравированных на деревъ барономъ Клотомъ, барономъ Неттельгорстомъ, и господами Ловіелемъ и Поррѣ. С. П.-бургъ, въ тип. Фишера, 1849. въ-8., стр. 149.

Почти общимъ правиломъ принято, что, въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, текстъ не читается. Но «Суворовъ» безсмертнаго автора «Выжигина» не таковъ. Если искать въ этой книгѣ полной политической и военной жизни знаменитаго полководца, то она не удовлетворитъ ожиданія. Но ожиданіе такого рода было бы неумѣстно: остроумный авторъ тексту—того мнѣнія, что не только для исторіи Суворова, но и вообще для исторіи, у насъ въ Россіи еще не наставало время. Глядя на предметъ съэтой точки, которая можетъ-статься и вѣрна, авторъ пишетъ, не исторію Суворова, но очеркъ его жизни, разсказъ объ его времени въ формѣ разсказовъ изящной словесности. Въ самомъ дѣлѣ жизнь Суворова, и сама по себѣ, и по своей чудной эпохѣ — родъ романа. Дѣйствительность тутъ обладаетъ всею занимательностью вымысловъ фантази, и у Э. В. Будгардина, вѣрная историческимъ фактамъ, біографія Суворова, разсказанная какъ романъ, читается, будто записки современника о Суворовѣ и его вѣкѣ. Она, можетъ-быть, еще вѣрнѣе исторіи высказываетъ многія подробности. Воспользовавшись извѣстнымъ анекдотомъ о Ганнибалѣ, авторъ занимательно очертилъ воспитаніе героя. Капитанъ описываетъ отцу Суворова первоначальную службу его. Въ письмахъ капитана Тауброна изображена служба будущаго полководца въ Семилѣтнюю Войну. Капитанъ глядитъ на Фридриха и дѣла его совѣтъ иначе, нежели какъ глядитъ исторія; но повѣсть его о Суворовѣ жива и горяча. Война въ Польшѣ изложена авторомъ съ большею отчетливостію и весьма живописно. Первая турецкая война, отношенія Суворова къ Румянцову, и тогдашній бытъ родискій, доставили знаменитому писателю разнообразныя матеріалы, которыми онъ воспользовался съ своимъ извѣстнымъ искусствомъ. Разсказъ переходитъ въ Москву, и останавливается на самомъ интересномъ мѣстѣ: читатель нетерпѣливо требуетъ второй части книги, потому что остаются еще двадцать пять годовъ жизни Суворова, — двадцать годовъ! какой жизни!..., Суворовъ, усмирившій Пугачевщину, Суворовъ въ Крыму, на Куба-

ни, при дворѣ Екатерины, въ лагерѣ Потемкина, подъ Княбурномъ, Очаковомъ, Рымникомъ, Измаиломъ, на приступѣ къ Прагѣ, въ своей новгородской деревнѣ, опять при дворѣ, потомъ въ Вѣнѣ, на Требиш, подъ Нови, на Сень-Готардѣ: картина огромная, въ которой можетъ развернуться весь повѣствовательный талантъ Ф. В. Булгарина, но которая едва-ли умѣстится въ тѣсной рамѣ одной книжки. Тѣмъ лучше! Оаадей Вепедиктовичъ напишетъ намъ двѣ, три, четыре такихъ какъ вервал.

Дѣянія Петра Великаго, мудраго пресобравителя Россіи, собранныя изъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе И. И. Голикова. Томъ пятнадцатый. Изданіе второе. Москва, въ тип. Степанова, 1843 въ 8., стр. 276, 308, XVI и 193.

Этимъ пятнадцатымъ томомъ оканчивается книгопродавческой подвижъ К. А. Полеваго. Въ пятнадцать томовъ новаго изданія вошли всѣ тридцать томовъ стараго. Имелю это—подвижъ; тѣмъ болѣе что, не измѣняя ни слова, издатель систематически соединилъ *Дѣянія* съ *Дополненіями*, прибавилъ реестръ именъ и любопытное указаніе источниковъ для исторіи Петра Великаго. Первое изданіе, сдѣлавшееся уже рѣдкостью, продавалось по двѣсти рублей и болѣе. Необходимо было возобновить его; для пользы науки и публики, потому что «Голиковъ», какъ колодезь матеріаловъ, никогда не потеряетъ своей важности въ глазахъ историка и любителя отечественной исторіи. К. А. Полевой сдѣлавъ его доступнымъ для всякаго по дешевизнѣцѣны новаго изданія, оказалъ истинно общественную услугу: какъ ни старъ и ни огроменъ, «Голиковъ» былъ всегда, и долго еще будетъ, любимою книгой множества охотниковъ читать. И по-дѣломъ! На то есть разныя уважительныя причины, о которыхъ не нужно распространяться.

Памятники Московской Древности. Тетраде первая и вторая. Москва, въ тип. Семена, 1843, въ 4.

Недавно представленъ былъ здѣсь отчетъ въ содержаніи четырехъ первыхъ тетрадей этого прекраснаго изда-

предпринятаго господами Снегиревымъ и Семеновъ съ усердіемъ, достойнымъ всякаго поощренія, и продолжаемаго съ примѣрною дѣятельностью.

Въ двухъ новыхъ тетрадахъ господинъ Снегиревъ описываетъ Ивана-Великаго, соборъ Спаса-на-Бору, Чудовъ монастырь, церкви Рождества Предтечи и Рязь Положенія, и бывшій Патріаршій Домъ, съ церковью Дванадцати Апостоловъ и Патріаршею Ризницею.

Иванъ Великій, едва-ли-бъ какой-то символомъ Москвы, издѣльный вездѣ, гдѣ только вѣстна Москва; благовѣстникъ радости, провозвѣстникъ печали, глашатай праздниковъ и торжествъ Бѣлокаменной, испытала всѣ перемены, какія испытывала она. Іоаннъ Калита поставилъ его въ 1329 году; Іоаннъ III-й перестроилъ; Феодоръ воздвигъ на мѣстѣ его *столпъ*, оконченный при Годуновѣ въ 1600 году; въ тридцать осемь сажень вышиною; Михаилъ пристроилъ къ нему колокольню и церкви.

Иванъ-Великій обгорѣлъ въ пожарахъ 1701 и 1739 годовъ; съ него любовался Москвою императоръ Іосифъ II съ митрополитомъ Платономъ; съ него смотрѣлъ на могущіи окрестности Наполеонъ и онъ же подорвалъ его, выходя изъ Москвы. По возобновленіи, перенесли на него въ 1816 году, достопамятную церковь Николая Гостунскаго; въ 1819 водняли на него новый, въ четыре тысячи пудовъ, колоколъ, вѣсто премнаго, упавшаго и разбиившагося при взрывѣ 1812 года; въ 1836 поставили надъ него *царь-колоколъ*, девяносто лѣтъ пролежавшій въ мѣ, куда упалъ онъ въ пожарѣ 1737 года.

Спась-на-Бору, напоминающій именемъ то время, когда въ Кремлѣ росъ еще дремучій лѣсъ, *первая*, по преданію, церковь въ Москвѣ, которую Калита построилъ каменную, учредивъ при ней монастырь, переведенный Іоанномъ III на Крутицы. Спасская церковь осталась придворнымъ соборомъ, была перестроена много разъ, и теперь, включена въ объемъ новаго дворца, полу-вросшая въ землю.

Чудовъ Монастырь, основанный Алексіемъ митрополитомъ, гдѣ почіетъ этотъ великій государственный мужъ и сангителъ, мѣсто крещенія Петра Великаго, украшенный вѣдомостію въ дѣвѣйшее время, памятенъ ца мнѣ, кому,

Здѣсь былъ монахомъ Григорій Отрепьевъ; здѣсь обѣднъ въ ясу монаховъ царя Василія Шуйскаго; здѣсь умеръ Гермогенъ; здѣсь лишенъ сана патріаршаго Никонъ, и здѣсь погребенъ послѣдній казанскій царь.

Церковь Предтечи, болѣе извѣстная подъ именемъ церкви Уара Мученика, отъ придѣла, построеннаго Іоанномъ Грознымъ, въ память рожденія царевича Дмитрія-Уара, была древнимъ мѣстомъ пребыванія митрополитовъ. Алексій перешелъ отсюда въ Чудовъ Монастырь. Іона построилъ церковь Ризъ Положенія, и близъ нея Митрополитскій Домъ. Никонъ воздвигъ Патріаршій Домъ, и у Ризъ Положенія осталась только *Золотая патріаршая палата*. Теперь въ домъ патріаршемъ остаются бывшая домовая церковь патріарховъ, зала, гдѣ совершается ширварсаніе, и другая, гдѣ Петръ Великій отплылъ заѣзданіе Сибиря и гдѣ нынче находится присутствіе Московской Синодальной Конторы. Далѣе помѣщаются драгоценная Патріаршій Ризница, и богатая рукописями патріаршая бібліотека; отчасти описанныя господиномъ Снегиревымъ.

Къ пятой и шестой тетрадамъ приложены хроно-литургическія списки съ портретовъ царей Феодора Іоанновича и Феодора Алексѣевича, и съ портрета Мисака Сиопина, картина хранящихся въ Архангельскомъ Соборѣ; изображеніе образа Ризъ Положенія; также изображеніе Патріаршаго Мѣста въ Успенскомъ Соборѣ; иже это—списки, а не рисунки. Кроме того, приложены планы, разрывы и фасады Благовѣщенскаго Собора, Иова Великаго, Спаса-на-Бору, и церкви Предтечи.

Остромирово Евангеліе 1056—1057 года. Съ приложеніемъ греческаго текста Евангелія, и съ грамматическими объясненіями, изданное А. Востоковымъ. Спбурскъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1843, въ 4. стр. VIII, 294 и 315, со снимкомъ и рисункомъ.

Археографамъ давно извѣстна эта драгоценная рукопись, хранящаяся въ Публичной Библіотекѣ. Можетъ быть есть и древнее ея славянскія рукописи, но, по крайней мѣрѣ, она древнѣйшая изъ всѣхъ, которыхъ время написанія намъ извѣстно. Историческія свидѣтельства говорятъ, что была рукописи во времена Владиміра. До насъ сохранилась копія пятнадцатаго вѣка, принадлежав-

на купцу Ѡ. И. Немилову и снятая съ рукописи 1047 года, какъ говоритъ ея *послѣсловіе*. Остромирово Евангеліе было списано въ Новгородѣ, въ 1056 году, для посадника Іосифа, или Остромира, діакономъ Григоріемъ, что означено въ послѣсловіи. Рукопись Остромирова Евангелія составляетъ двѣсти девяносто четыре пергаментныхъ листа, въ осемь вершковъ длиною, и около семи шириною. Впослѣдствіи называлась она «Софійскимъ апракосомъ». Софійскимъ — потому, что находилось въ новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. *Апракосъ* значитъ — «свѣдѣльное», и здѣсь дѣйствительно помѣщенъ не весь текстъ Евангелія, и не по порядку, но только избранныя части, читаемыя въ извѣстные дни и праздники, расположенныя отъ Пасхи на весь годъ, а въ заключеніе, Евангелія, читаемыя въ разныхъ случаяхъ. Таковы всѣ древнѣйшіе списки Евангелій славянскихъ, до насъ дошедшіе. Полны, но евангелистамъ расположенныя евангелія явятся не ранѣе XIV вѣка. Замѣчаніе важное для исторіи нашего стариннаго образованія.

Остромирово Евангеліе писано уставомъ, въ два столбца. Нѣкоторыя заглавія писаны золотомъ; заглавныя буквы разрисованы красками; стихи отдѣляются цвѣтными вѣстками. Дьяконъ Григорій употребилъ на работу семь иереевъ, и, вѣроятно, трудъ его былъ образцомъ каллиграфіи своего времени. Теперь Остромирово Евангеліе любопытно для филологовъ тѣмъ, что переписчикъ сохранилъ всѣ грамматическія условія древней славянской письменности, употребленіе особенныхъ формъ въ словахъ, особенныхъ буквъ, показывающихъ отличія произношенія и этимологическіе корни словъ.

П. И. Кеппенъ напечаталъ отрывки Остромирова Евангелія, и снимки съ рукописи, еще въ 1827 году, въ своемъ *Собрании словенскихъ памятниковъ*. Господинъ Востоковъ прежде занимался Остромировымъ Евангеліемъ уже много лѣтъ, но изданіемъ труда господина Востокова мы обязаны почтенному любителю древностей А. Д. Черткову. Получивъ, въ 1835 году, половину демядовской преміи за книгу свою о русскихъ монетахъ, онъ пожертвовалъ эту сумму на изданіе какого-либо древняго письменнаго памятника по предѣленію академіи, которая назначила издать Остро-

мирово Евангеліе, опредѣливъ пожертвованіе господина Черткова въ награду за трудъ господину Востокову, которому препоручено изданіе. Печатаніе продолжалось семь лѣтъ.

Изданіе великолѣпно. Для полной передачи всѣхъ отличій древняго тексту вырѣзано много новыхъ буквъ и знаковъ. Приложены снимки съ рукописи и изображенія Евангелиста. Жаль, что еще не раскрашено какъ въ подлинникъ, съ прибавленіемъ золотыхъ надписей в разноцвѣтныхъ заглавныхъ буквъ: памятникъ рисованія одиннадцатаго вѣка любопытенъ для знатоковъ.

Славянскій текстъ изданъ съ ученою отчетливостью. Къ нему припечатанъ внизу страницы, изъ строки въ строку, греческій текстъ Евангелія. Далѣе слѣдуютъ «Грамматическія правила», извлеченныя изъ Остромирова кодекса, и филологическій «Словоуказатель». То и другое—важныя пособія для изслѣдованій методъ, по которымъ перелагали греческія церковныя книги на славянскія нарѣчія, — потому что мы вовсе не считаемъ Остромировое Евангелія памятникомъ славянскаго языка: это — памятникъ книжнаго, искусственнаго языка, появившагося съ переводомъ церковныхъ книгъ, гдѣ однимъ изъ славянскихъ языковъ, избраннымъ предпочтительно, жертвовали для передачи буквального смысла и словъ грамматическихъ подробностей греческаго подлинника.

1. Юридическая пропедевтика. *Сочиненіе Р. А. Штенгардта. Перевелъ Ф. Г. Толль, со втораго изданія, исправленнаго и дополненаго авторомъ. СП-бургъ, въ Тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1843, въ 8 стр.; V н 408.*

2. Начертаніе Россійскаго Гражданскаго права, въ историческомъ его развитіи, составленное для Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, профессоромъ Александромъ Кранихфельдомъ. СП-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, въ 8., стр. XII н 327.

3. Учебная книга Россійскаго Гражданскаго Судопроизводства губерній и областей, на общихъ правахъ стоящихъ, составленная для Императорскаго Училища Правовѣдѣнія Павломъ Дегаемъ. Изданіе второе, согласно-

данное съ послѣднимъ изданіемъ Свода Законовъ. С П.-бургъ въ тип. Фишера, 1843, въ-8, стр. III, XX и 276.

Сочиненіе профессора Штекгардта, составленное изъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1836 году въ Училищѣ Правовѣдѣнія, и изданное на нѣмецкомъ языкѣ въ 1838 году, признается теперь лучшимъ по своей части учебнымъ руководствомъ и у насъ и въ Германіи. Система, ясность, точность, объемъ книги, оправдываютъ славу ея. Русскій переводчикъ отлично исполнилъ свое дѣло.

«Начертаніе россійскаго гражданскаго права», изданное профессоромъ Крайхфельдомъ — тоже превосходная учебная книга: не возможно предмету, столь обширнаго, столь мало обработаннаго ученымъ образомъ, изложить съ лучшею методою, съ блистательнѣйшею отчетливостію и съ большею по объему книги полнотою.

Сочиненіе господина Дегаля о россійскомъ судопроизводствѣ, вышедшее теперь вторымъ изданіемъ, пользуется уже такою извѣстностію и въ такомъ общемъ употребленіи, что всякая похвала ему была бы не новою. Притомъ же надо побережь похвалы; нельзя сорить ими безъ оглядки; онѣ сейчасъ будутъ намъ пужны, и въ огромномъ количествѣ, для творенія господина Бурнашова.

Опытъ терминологическаго словаря *Сельскаго Хозяйства, фабричности, промысловъ и быта народнаго. Составилъ Владимиръ Бурнашовъ. С П.-бургъ въ тип. Жернакова, 1843 въ-8. Томъ первый (А—Н), стр. XII и 487.*

Ахъ!... да вѣдь тутъ наши похвалы вовсе не нужны. Господинъ Бурнашовъ самъ себя хвалить!... Вотъ, за это — мы ему чувствительно благодарны: онъ спасъ насъ отъ величайшаго затрудненія. Въ началѣ его книги собраны и припечатаны всѣ одобрительные отзывы, которые получила она при своемъ зарожденіи. Дѣло рѣшенное: книга отлична, преумна, преползна. Наши похвалы остаются въ экономіи. Мы спрячемъ ихъ для лучшаго случая.

Что жъ намъ теперь говорить отвореніи господина Бурнашова, если не хвалить его?

Подумавъ хорошенько, мы не отвергаемъ пользы, даже необходимости, спеціальныхъ словарей по части ремеслъ, фабричныхъ производствъ (*фабричности* — говорятъ гос-

подишь Бурнашовъ) и сельскаго хозяйства — мы чуть не сказали по его примѣру — *хозяйности*, но побоялись, что можетъ—статься терминологичность иначе произносить *хозяйность* или какъ—нибудь иначе это слово. Если угодно, то полезны въ нѣкоторомъ отношеніи и словари народной бытичности. Общая словарность не можетъ объять всѣхъ частныхъ рѣченій провинціальности. У земледѣльности, плотности или плотничности?... какъ надо сказать?... столярности, сапожничности, и прочая, въ каждой области есть свои особенныя слова, часто очень хорошія, а мы не знаемъ ихъ, и, переводя книги, выдумываемъ невпопадъ, тогда какъ терминъ давно существуетъ, утвердился въ народѣ и составляетъ техническое названіе вещи.

Если цѣльность господина Бурнашова состояла въ томъ, чтобы собрать и объяснить всѣ подобные слова, вмѣстѣ съ техническими терминами, употребляемыми на фабрикахъ, въ мастерскихъ, въ полѣ, въ конюшнѣ и на скотномъ дворѣ, то книжность эта была бы понятна и даже отчасти возможна, несмотря на всю трудность хорошо исполнить столь обширное и разнообразное предпріятіе. Однѣхъ фабричности, ремесленности и селючести достало бы ему уже на какихъ—нибудь пятьдесятъ томовъ. Но господинъ Бурнашовъ счелъ нужнымъ присоединить ко всему этому еще и ученые техническіе термины, — всю ботаничность, всю механичность, геометричность, метрологичность, медицинность, античность, архитектурность, и прочая, и прочая. Да это ужъ болѣе чѣмъ энциклопедичность! Въ энциклопедіи, которая тоже объясняетъ только техническіе термины по разнымъ отраслямъ знанія, терминологию различныхъ наукъ, не входитъ по—крайней—мѣрѣ *народный бытъ бытичность* или *бытичность* — для насъ всё равно: *анародный бытъ*, по опредѣленію господина Бурнашова, значитъ — *народныя шуи и мужицкія поговорки*, коротко сказать, мужичность. Мужичкія поговорки — въ терминологіи!.... ну, ладно спрашивается, что дѣлать на этой каторгѣ?.... Въдѣ изъ нихъ однѣхъ можно составить сто томовъ, и тутъ еще не исчерпаете всей мужичности: поговорки — ея конекъ; въдѣ она бездонна, неисчерпаема. Словомъ, не хвала, — потому что похвалы уже не нужны, — но только отдавая должную

справедливость, — можно сказать, что господинъ Бурнашовъ, въ пылу прекраснаго усердія, не зналъ самъ что дѣлалъ, какъ дѣлалъ и для чего дѣлалъ онъ то, что дѣлалъ. Оттого въ его словарь — сказать безъ всякой похвалы — подъ отдѣломъ механичности, находите 22 слова, подъ отдѣломъ медичности 58, стѣклочности 4, ткачнсти 14, шитности 5, и такъ далѣе.

Оттого опредѣленія терминовъ у него — мы не думаемъ хвалить — но — просто... веселы. Онъ обладаетъ завиднымъ, рѣдкимъ даромъ — говорить, говорить, говорить и — ничего не сказать. А какъ чудесно говорить онъ ни къ чѣму ни къ дѣлу ни къ мѣсту, ни къ селу, ни къ городу! Слушаешь — не понимаешь, но по-неволѣ хохочешь. Очень весело!

Оттого, за пропускомъ всѣхъ важныхъ и необходимыхъ техническихъ терминовъ, словарность господина Бурнашова украсилась тучею словъ, которыя сами въ себѣ заключаютъ полную похвалу свою: *Буренка, Буренушка, Буренюшка, Двучинь, Зажарышъ, Мальханитъ, Мастакъ, Мужелюцъ, Мамонъ, Дубитолка, Ныщенко, Девребрадъ*, и прочая. Даже *Иванъ Елкинъ* попалъ въ терминологию. А что это такое, Иванъ Елкинъ? «*Шутливое названіе пивной паче дома въ простонародіи*». А знаете ли что такое — *курить*? «*Въ простонародіи вѣрнее пить, умываться змѣльчными налитками, пьянствовать.*»

Въ заключеніе, — не для похвалы, — но для общей веселости, — осмѣлимся привести нѣсколько веселыхъ опредѣленій господина Бурнашова, выбирая, разумѣется, самыя короткія:

• *Бувлики. Брендельки въ Ростовѣ на Дону и, вообще, въ Малороссіи, гдѣ ихъ некутъ на какустпыхъ листьяхъ, что даетъ имъ галфстанный вкусъ.*»

• *Заклѣски. Названіе мелкаго разбору пряжи.*»

• *Закута. Кошура собачья.*»

• *Жий. Въ Малороссіи дичная палка, съ которою шедятъ сельскіе отахці.*»

• *Мамалыга. Въ Молдавіи родъ варенаго, прѣснаго тѣста. Это то же, что Италіанская полента.*»

Веселѣ этого ничего быть не можетъ.

РУКОВОДСТВО КЪ УМСТВЕННЫМЪ ВЫЧИСЛЕНІЯМЪ, или *Теорія задачъ, которыя должны быть разрѣшены въ умѣ безъ помощи пера, составленное Ж. Б. Леруа. Передѣлалъ съ французскаго Александръ Шубяковъ. Москва, въ тип. Степанова, 1843, в-12., стр. 368.*

Господинъ Лероа, «преподаватель счисленія и чистописанія въ Парижѣ», предлагаетъ бросить книги, перебить аспидныя доски, изломать грифеля, и учиться арифметикѣ на голый умъ. Въ этой книгѣ, передѣланной въ Москвѣ «на русскіе нравы», подробно изложена его метода. Нѣтъ сомнѣнія, что и для ума и для жизни гораздо полезнѣе считать мысленно, безъ пера и безъ счетной доски: въ биржевыхъ операціяхъ, особенно, тѣ, которые дѣлаютъ вычисленія мгновенно, въ умѣ, имѣютъ большое преимущество передъ медленными механическими счетчиками. Но едва-ли всѣ организаціи способны къ подобнымъ упражненіямъ. Въ училищахъ разныхъ государствъ неоднократно выталансь замѣнить механическое счисленіе на доскахъ и бумагѣ умственнымъ и всегда нужно было воротиться къ старой методѣ. Нынче, какъ извѣстно, стараются соединять оба метода вмѣстѣ, и, въ училищахъ, иначе нельзя, при большой разности способностей учениковъ. Въ домашнемъ воспитаніи — другое дѣло: если вашъ ребенокъ одаренъ хорошою памятью, во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе учить его умственному вычисленію. Это — наше мнѣніе.

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

Золотыя цвѣтки, или собраніе басенъ, мыслей и другихъ ^{и др.} *малкихъ стихотвореній. С П., -бургъ, 1843.* — Въ какую долю листа напечатано это ничтожество, и сказать трудно: такое оно крошечное. Крыловъ, Державинъ, Пушкинъ, Флимоновъ, Илличевскій, Усолецъ, Квитка, Батюшковъ, Нахимовъ, даже Александръ Петровичъ Сумароковъ: изъ cadaго по двѣ, четыре или шесть строчекъ *мыслей и другихъ стихотвореній*, и конецъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Тамбовъ рѣшительно входитъ въ моду въ Петербургѣ. Замужнія женщины являются на званыхъ вечерахъ въ *тамбовскихъ* чепчикахъ. Мужчины причесываются *по-тамбовски*. Одинъ самыхъ изъ модныхъ цвѣтовъ для балъныхъ платьевъ называется *сuir de Tamboff*. На столъ щегольской гостиной нельзя положить другой книги кромѣ непечатанной въ Тамбовѣ. Все это — благодаря несравненной мадамъ Курдюковой, которой отличный тонъ, изящный языкъ, благородная манера и остроумная философія становятся законами и образцами для столицы Тамбовъ можетъ по-справедливости гордиться мадамъ Курдюковой. Насчетъ тамбовскаго тону, мы никогда и не сомнѣвались въ его совершенно аристократическомъ ароматѣ: но, признаться, никакъ не воображали, чтобы, на берегахъ Цны и Студеницы, типографіи и изящныя искусства достигли такой степени совершенства: вторая часть «*Сенсацій и замѣчаній мадамъ Курдюковой данъ л'этранжѣ*», напечатанная въ этомъ счастливомъ городѣ и на-дняхъ полученная въ Петербургѣ, красотою изданія, прелестью и остроуміемъ своихъ многочисленныхъ картинокъ, приводитъ всѣхъ въ восхищеніе. О содержаніи и говорить нечего: игривая фантазія и оригинальное дарованіе мадамъ Курдюковой, прозванной ла Розъ де-Тамбовъ, слишкомъ извѣстны. Повѣсть ея о дальнѣйшихъ приключеніяхъ вояжа *данъ л'этранжѣ*, исполненная *де мысли, де взгляды, де замѣчанія, де остроты* —

• Ужъ сказать!... *de se kotè* —
Кажется, *анъ веритè*,
Родъ узора кружевнаго. »

— Практикующіе въ Россіи врачи должны обратить особенное свое вниманіе на чрезвычайно полезную и необходимую для нихъ книгу, которая только-что появилась въ петербургскихъ книжныхъ лавкахъ и носитъ заглавіе: «*Памятная фармакологическая книжка, изданная лекаремъ В. Доброправовымъ.*» Эта книжка — полная книга, въ четыреста пятьдесятъ страницъ очень плотной печати. Авторъ, почерпая въ лучшихъ источникахъ по своей части пользуясь руководствомъ самыхъ уважаемыхъ авторитетовъ, превосходно изложилъ въ этомъ сочиненіи науку о силахъ и дѣйствіяхъ лекарствъ, употребляемыхъ при врачеваніи, заключааясь въ границахъ чистой *matèrie mèdicae*. Многія части этого важнаго предмета обдѣланы въ книгѣ господина Доброправова гораздо лучше нежели въ большей части фармакологін: преимущественно можно указать на отдѣленіе «Наркотическія средства», котораго ясность, порядокъ и точность заслуживаютъ полной похвалы.

— Любители ботаники помнятъ выходившія здѣсь въ 1836 и 1837 годахъ красивыя тетради «*Санктпетербургской Флоры*», которыя издавалъ господинъ Левинъ съ даровитымъ литографомъ нашимъ, господиномъ Селезевымъ. Интересное изданіе это остановилось-было на шестой тетради, по обстоятельствамъ. Нынче оно возобновлено въ усовершенствованномъ и еще болѣе изящномъ видѣ. Втеченіи декабря вышла седьмая тетрадь, содержащая въ себѣ очень милую коллекцію грибовъ. Седьмая должна выйти въ началѣ января.

— Въ Петербургѣ происходитъ въ эту минуту явленіе, не бывалое въ его лѣтописяхъ и затмѣвающее даже все что въ этомъ родѣ видѣлъ у себя Парижъ. На лекціи астрономіи, которыя съ примѣчательнымъ даромъ слова, умно, занимательно, общепонятно началъ недавно читать, по четвергамъ, въ большой залѣ Морскаго Корпуса, молодой нашъ ученый, капитанъ-лейтенантъ С. И. Зеленой, стремится съ энтузіазмомъ почти вся образованная публика. Дѣло невѣроятное! на лекціяхъ астрономіи бываетъ слу-

шателей болѣе, нежели сколько видѣли мы въ первыхъ, самыхъ любопытнымъ и самыхъ торжественныхъ концертахъ Листа и Рубини. Лучше этого: вмѣсто обыкновеннаго уменьшенія, эти чрезвычайно блестящія собранія удостоиваемыя присутствія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, увеличивались каждую недѣлю, и на послѣднихъ лекціяхъ передъ праздниками число слушателей простиралось иногда до *двухъ тысячъ семи сотъ* человекъ. Какъ искусный и счастливый профессоръ; господинъ Зеленый въ то же время издаетъ свои чтенія еженедѣльно особенными тетрадками, которыя втеченіи этой зимы составятъ полный курсъ популярной астрономіи, то мы будемъ еще имѣть случай говорить объ ихъ содержаніи.

— В. А. Жуковскій сдѣлалъ на новый годъ чудесный подарокъ отечественной публикѣ: 31 декабря, вышелъ въ свѣтъ переводъ его, въ стихахъ, знаменитой индѣйской поэмы «*Наль и Дамаянти*», великолѣпно изданный господиномъ Фишеромъ.

=

*. Пятая часть «Идеальной красавицы», барона Брамбеуса, по желанію автора, должна была уступить почетное мѣсто въ первой книжкѣ 1844 года дорогимъ гостямъ, М. Н. Загоскину и казаку Луганскому. Она будетъ напечатана въ слѣдующей.

=

ЯНВАРЬ, 1843.

НОВЫЯ КНИГН.

Налъ и Дамаянти, индѣйская повѣсть. В. А. Жуковскаго. Рисунки по распоряженію автора выполнены Г. Гайделемъ. СП.-бургъ, въ тип. Фишера, 1843, въ-8., нр. 201.

Посвящая эту поэму Ея Императорскому Высочеству Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, знаменитый поэтъ оворить:

« Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
И видимъ въ нихъ несбыточности бль,
Я видѣлъ сонъ. Казалось, будто я
Цвѣтушею долиной Кашемира
Иду одинъ. Со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины,
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
Наполненномъ сосудѣ, небеса
Вечернія спокойно отражая,
Сіяло озеро. По склону горъ,
Отъ запада, сходила на долину
Дорога, шла къ востоку, и вдали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ. Все вокругъ меня молчало,
Лишь изрѣдка надъ головой моею,
Сіяя, голубь пролетала, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ кланки,
И вижу я: отъ запада идетъ
Блестящій холъ; змѣю безконечной
Въ долину вьется онъ. И вдругъ, я слышу,
Играютъ маршъ торжественный. И сладкой

Моя душа наполнилася грустью.
 Пока задумчиво я слушалъ, мимо
 Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
 На высотѣ, надъ радостно-шумящимъ
 Народомъ паланкинъ; какъ прикидывъ,
 Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза, и въ паланкинѣ
 Увидѣлъ я царевну молодую,
 Невѣсту сѣвера, и на меня
 Она глаза склонила мимоходомъ,
 И скрылось все....

Рѣдкіе нынче помнятъ, какъ нѣкогда описывалъ этотъ
 это чудное видѣніе, о которомъ теперь «вспоминается»
 Это было одно изъ самыхъ прекрасныхъ созданій В. А.
 Жуковскаго. Напечатанное въ одномъ изъ журналовъ, оно
 не извѣстно по какому случаю, не вошло въ собраніе ея
 сочиненій.

«Милый сонъ, души плѣнитель,
 Гость прекрасный съ вышины,
 Благодатный посѣтитель
 Поднебесной стороны!
 Я тобою наслаждался
 На минуту, но вполне:
 Добрымъ вѣстникомъ явился
 Здѣсь небснаго ты мнѣ!

Мнилъ я быть въ очарованной
 Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ,
 Мнилъ я зрѣть благоуханный,
 Безмятежный Кашемиръ;
 Видѣлъ я: торжествовали
 Праздникъ Розы и весны,
 И пришельцу встрѣчали
 Изъ далекой стороны.

И блистая и плѣняя,
 Словно ангелъ неземной,
 Небѣрочность молодая
 Появилась предо мной.
 Свѣтлый облакъ покрывала
 Оттѣняла ея черты,
 И застѣливо склоняла
 Взоръ умильный съ высоты.

Все, и робкая стыдливость
 Полю сіліемъ вѣрна,
 И младенческая живость,

И золотое лица,
И въ чертахъ глубокость чувства
Съ безмятежной тишиной,
Все въ ней было безъ искусства
Неописанной красой.

Я смотрѣлъ, а призракъ мимо,
Увлекая душу вслѣдъ,
Пролетала невозвратно!
Я за нимъ.... Его ужъ нѣтъ!
Посѣтилъ, какъ упованье,
Жизнь минутно озарилъ,
И оставилъ лишь преданье,
Что когда-то въ жизни былъ!

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистой красоты,
Лишь порой онъ навѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты!
Онъ посѣбно, какъ мечтанье,
Какъ воздушный утра сонъ —
Но въ святомъ воспомнаньи
Неразлученъ съ сердцемъ онъ!

Онъ лишь въ чистыхъ мгновеньяхъ
Бытiя слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья
Благодатныя сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподземлетъ онъ порой.

И во время, что здѣсь прекрасно,
Что нашъ мiръ животворить,
Убедительно и ясно
Онъ съ душою говорить,
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Кто же ты, очарователь
Бѣдъ и радостей земныхъ?....
О небесный жизнедатель!
Мнѣ знакомъ ты! Для другихъ
Нѣтъ тебѣ именованья:
Ты безъ имени имъ другъ,
Для меня жъ тебѣ названье
Сердце дало — *Лалла-Рукъ!*

Угадали ли вы сонъ поэта? Черезъ двадцать лѣтъ, онъ, какъ прежде, мечтатель,—даже еще болѣе чѣмъ прежде, потому что счастливо прошелъ всю великую мечту, которую зовутъ «жизнью»,—на тихомъ вечерѣ ея продолжаетъ въ своихъ очаровательныхъ стихахъ, своимъ звучнымъ, яснымъ какъ хрусталь языкомъ:

«..... Когда же я очнулся
Ужъ царствовала ночь, и надъ долиной
Горѣли звѣзды, но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день: я чувствовалъ, что въ ней
Свершалось, какъ-будто откровенье
Всего прекраснаго, въ одно живое
Лицо сляннаго. — И вдругъ мой сонъ
Переѣнился: я себя увидѣлъ
Въ царевомъ домѣ, и лицомъ къ лицу
Предстало мнѣ души моей видѣнье.
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни....»

Здѣсь, въ роскошной картинѣ, поэтъ сливаетъ съ нами прошедшихъ видѣній жизнь настоящаго:

«И мой сонъ
Опять переѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой.
Садилось солнце. Тихо по водамъ
Суда, сіяя,плыли, и за ними
Серебряный таялся слѣдъ. Вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ. На порогѣ
Его дверей хозяйка молодая,
Съ младенцомъ спящимъ на рукахъ, стояла—
И то была моя жена, съ моею
Малюткой-дочерью—и я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.
И нынѣ тихо, безъ волненья льется
Потокъ моей удлинненной жизни.
Смотри на ликъ подруги, данной Богомъ
На освященіе сердца моего,
Смотри, какъ спитъ сномъ ангела, на лонѣ
У матери, младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земный всѣ смиряющій, тревоги:

«Да не смущается твоя душа,
 Онъ говорить мнѣ—«вѣруй въ Бога, вѣруй
 Въ меня!» Мнѣ было суждено своею .
 Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
 Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
 Спасителя святыя написать.
 И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,
 Рука жены и дочери рука
 Еще на легкой жизненной страницѣ
 Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
 На гробовой гостепримный камень
 Перенести въ успокоенье скорби,
 Въ воспоминаніе земнаго счастья.
 Въ вознагражденіе любви земныя,
 И жизни вѣчныя на упованье.....»

Апоэтическія мечты? А то, что прежде тревожило, волновало душу усладительною думой: гдѣ оно? гдѣ оно? Уже ли дарователь пльсмоньный не посылаетъ поэта, какъ онъ говорилъ двадцать лѣтъ тому? Нѣтъ. Еще и на тихомъ вечерѣ, озаренномъ радужными лучами славы и счастья, геній чистой красоты, не въ бурныхъ порывахъ страстей, но какъ благодатный другъ, навѣщаетъ поэта, и онъ прелестно рассказываетъ свою съ нимъ бесѣду:

«И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
 Житейскаго живою оградой сада
 Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
 Поэзія, ко мнѣ порой приходитъ,
 Разказами досугъ мой веселить.»

Эти стихи превосходно опредѣляютъ нынѣшнюю поэзію Жуковского, сущность послѣднихъ его созданій: она дѣйствительно—*разказы друга*, которыми приходитъ онъ *веселить досугъ поэта* въ прекрасную осень прекрасной, блестящей жизни, среди сознанія, что данное взаимы на жизнь выкуплено, среди усладительныхъ убѣжденій въ будущее.

«Безъ страха вѣрь—обмана сердцу нѣтъ!»

Одною изъ такихъ вечернихъ бесѣдъ поэта была повѣсть объ Ундіи, германское повѣрье среднихъ вѣковъ, плѣнительно рассказанное Жуковскимъ. Теперь онъ приносить намъ другую повѣсть, изъ другаго міра, изъ мрака древней Индіи, прославленную поэтическую сказку Индостана о Налѣ и Дамаянти. Въ душѣ поэта возникаетъ прежній

образъ, который назывался у него некогда *Лалла-Рукъ*, — собственно *Лалла-Рехъ* (Рубиноцокая):

«И живъ въ душѣ моей тотъ свѣтлый образъ,
 Который такъ ее очаровалъ
 Во время бно.... Часто, на краю
 Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, виднѣтъ
 Мы облака; изъ-за пурпурныхъ арко
 Выглядываютъ золотыя, свѣтлыя
 Вершинныя горы подобныя, и виднѣтъ
 Воображенъ тамъ, какъ-будто область
 Инаго міра. — Такъ теперь, созданіемъ
 Мечты, какой-то областью воздушной
 Лежитъ вдали мнѣ жившее мое.
 И мнитъ мнѣ, что благодатный образъ
 Мною встрѣченный на жизненномъ пути,
 По-прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
 Но онъ ужъ не одинъ — ихъ два, и прежній
 Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
 Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежними сходенъ онъ,
 Какъ распавшійся съ распавшимъ цвѣтомъ.
 И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ,
 Съ такою же привѣтною улыбкой,
 Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ,
 И имъ имъ одно! И нынѣ я
 Тѣмъ мнѣ имъ именемъ послѣдній цвѣтъ
 Поэзіи мнѣ данной, знаменую,
 Въ воспоминаніе всего, что было
 Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни дѣтъ,
 И что теперь такъ сладостно чаруетъ
 Покой моей обвечерѣвшей жизни.....»

Нѣтъ, такой благоуханный, такой свѣжій цвѣтокъ поэзіи, какъ эти стихи, не можетъ быть послѣднимъ! Мы вѣримъ и надѣемся.

В. А. Жуковскій объясняетъ самъ въ короткомъ предисловіи сущность своего новаго труда. «*Шаль и Дамаскати*, говоритъ онъ, есть эпизодъ огромной индѣйской «поэмы, *Магабхараты*. Этотъ отрывокъ, самъ по себѣ «составляющій полное цѣлое, два раза переведенъ на немецкій языкъ. Одинъ переводъ, Бопповъ, ближе къ оригиналу, но другой, Рюккертовъ, имѣетъ болѣе поэтическаго доотонства: я держался послѣдняго. Не имѣя подлинника, я не могъ имѣть намѣренія познакомиться съ однимъ русскихъ читателей: я, просто, хотѣлъ рассказать

«имъ по-русски ту повѣсть, которая плѣнила меня въ «разсказѣ Рюккерта, хотѣлъ самъ насладиться трудомъ поэтическимъ, стараясь найти въ языкѣ моемъ выраженія «для той дѣвственной, первообразной красоты, которою «полна и индѣйская повѣсть».

Мы вовсе не сожалѣемъ, что поэтъ не знаетъ санскритскаго подлинника: сколько мы можемъ судить объ этой предметѣ, въ подлинникѣ «Наль и Дамаянти» показались бы ему весьма не-поэтическими. У индологовъ — свой вкусъ, свои понятія, но дѣло въ томъ, что безъ таланта Рюккерта «Наль и Дамаянти» никогда бы не имѣли большаго успѣху у европейскихъ читателей, несмотря на всѣ восторги профессоровъ санскритской литературы, которые *Магабхарату*, то есть, Великую Бхарату, позволяютъ себѣ называть даже «индѣйскою Иллиадой». Какъ все индѣйское, эта безконечная поэма, наборъ тяжелыхъ, скучныхъ и часто безтолковыхъ сказокъ, составляетъ для ученаго свѣта предметъ вѣчныхъ споровъ и сомнѣній. Очень вѣроятно, что она писана разными поэтами въ разное время, хотя Индѣйцы твердо увѣрены, что ее сочинилъ премудрый Виаса, жившій будто-бы за четыре тысячи лѣтъ до Р. X. Полагая Виасу дѣйствительнымъ лицомъ, индологи спорятъ только о времени существованія его: одни соглашаются помѣстить его за двадцать столѣтій до нашей эры, другіе ставятъ за одиннадцать столѣтій послѣ нашей эры. Разница — въ трехъ тысячахъ лѣтъ: но въ индѣйскихъ дѣлахъ это считается ни по чемъ. Магабхарата раздѣляется на восемнадцать книгъ и содержитъ въ себѣ *сто тысячъ двустовыхъ*. Это — рядъ похвощеній одного царскаго роду, перемеженный многими эпизодами. Къ главнѣйшимъ изъ нихъ, которые Индѣйцы называютъ «безцѣнными перлами», принадлежатъ Багаватъ-гита, исторія о Душвантѣ и Сакунталѣ, Смерть Сигунала, исторія о Налѣ, царѣ ишацкомъ, и супругаго Дамаянти. Санскритскій подлинникъ послѣдней изъ этихъ исторій изданъ извѣстнымъ индологомъ господиномъ Боппомъ въ 1819 году, подъ названіемъ: *Nalus, carmen sanscritum e Mahabharato*. Около того же времени, именно въ 1820, іенскій профессоръ, господинъ Козегартенъ, перевелъ ее на нѣмецкій языкъ: *Nala, eine indische Dichtung von Wjasa*,

aus dem Sanscrit, im vermaasste der Urschrift übersetzt und mit Erläuterungen begleitet. По Козегартенову переводу, въ 1828 году, сдѣлалъ свое подражаніе Рюккертъ, то есть, придавъ этой сказкѣ видъ, форму, цвѣтъ и нѣсколько поэзіи. Русскій переводчикъ еще обдѣлалъ или передѣлалъ ее, съ своимъ отличнымъ вкусомъ, переразсказалъ съ своей неподражаемой граціей, и если теперь «Налъ и Дамаянти» — очень милая индѣйская легенда, такъ ужъ пусть не прогнѣвается санскритская поэзія: она тутъ ни душой ни тѣломъ не виновата. Если отдѣлать мѣстный колоритъ и археологическія подробности, Налъ и Дамаянти — сказка, въ которой почти нѣтъ содержанія. Налъ, побуждаемый злымъ духомъ, пронгрываетъ въ кости царство свое брату Пушкарѣ, страдаетъ за свой грѣхъ, бѣдствуетъ съ супругою, прекрасною Дамаянти, очищается раскаяніемъ, выигрываетъ обратно царство у Пушкары, и живетъ счастливо. Вся сила въ подробностяхъ, и онѣ, благодаря искусству Рюккерта и Жуковского, прелестны. Дамаянти, родъ санскритской Гризельды, считается въ Индіи идеаломъ вѣрной и добродѣтельной жены. Въ Европѣ такіе идеалы принадлежатъ нынче къ археологическимъ рѣдкостямъ.

В. А. Жуковскій перевелъ поэму гекзаметрами. Ему одному только и позволенъ *русскій гекзаметръ*.

Изданіе весьма красиво. Иллюстраціи — въ браминскомъ вкусѣ, и въ началѣ поэмы находится превосходно литографированное изображеніе красавицы, въ индѣйскомъ костюмѣ, которую можно бы почестъ за идеальныи очеркъ Дамаянти, но читатель догадывается, кого именно хотѣлъ изобразить художникъ.

Сенсаци и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею, давъ г'этранже. *Швейцарія. Тамбовъ, въ тип. Journal de Saint-Petersbourg, 1843, въ-8., стр. 217, съ картинками.*

Мадамъ де-Курдюковъ была, кажется, немножко *де мезюмеръ*, когда выбирала эпиграфъ для этой второй книги:

« Не су яле на? »

« Не лизé нà! »

Ну, не сердитесь, шармантъ мадамъ де-Курдюковъ. Кому же вы не понравились? и кто васъ не читалъ? Если бы-ли *де миль-антри*, *де сочинитель*, *де жанъ*, *де рынь*, которымъ пришли вы не по вкусу, такъ развѣ вамъ прилично обращать вниманіе на эту мелочь? Полноте, не дуйтесь, будьте *жантій* по-прежнему, *доннѣ моа вотръ бра* и пойдите гулять по Швейцаріи: вы покажете намъ всѣ примѣчательныя мѣста, которыя такъ хорошо знаете и такъ мило описываете, — Базель, Бернъ, Лозанну, Женеву, Симплонъ, — поведете насъ въ Феррѣ и на ледники, поговорите намъ о Вольтерѣ, о Руссо... А помните ли того премудраго эконома Француза, котораго чуть-было не наняли управлять своимъ тамбовскимъ помѣстьемъ? Этакой плутъ! подвернулся, раскланялся, расшаркался, заговорилъ о своемъ проектѣ — изъ снѣгу съ сажей и соломой дѣлать *родъ удобренія* для свекловицы, изъ свекловицы сахаръ, изъ сахару деньги, удесятерить доходы, замѣнить канастеръ капустой, и, узнавъ, что въ Курдюковкѣ трехъ-польное хозяйство, ужаснулся, закричалъ, началъ доказывать, что вся сила — въ раздѣленіи полей, въ системѣ плодоперемѣнной. Заведемъ, говорилъ онъ:

«Заведемъ полей мы осемь;
Первое мы поле скосимъ,
На второмъ посѣемъ макъ,
Тамъ картофель, тамъ табакъ,
Тамъ горехъ, тамъ свекловицу,
А потомъ уже пшеницу,
Рожь, овесъ, *Ту се к' онъ аз!*
Пашете *авекъ де бѣ*,
Лошадьми, я въ томъ увѣренъ?
— Да! — Ну, нѣтъ, а я наѣренъ
Тутъ коровъ приспособить!
Какъ съ начала подонть,
То покуда бы пахали,
Бабы масло бы сбивали —
Виѣсть шель бы весь *уеражъ*.
Тѣмъ грѣшить порядокъ вашъ,
Что работаютъ разлучно
Мужъ съ женою — имъ и скучно,
А какъ скучно, такъ бѣда,
Дѣло не пойдетъ тогда!
Дѣти крыяки бѣ полоскали,
Мужики бѣ у васъ гуляли

Аль фамиль сторъ ту ео шанъ—
И смотрѣть такъ се туманъ!
—Кашъ умно, какъ справедливо!

Подумала мадамъ Курдюкова. Но вспомнила ночью объ одномъ своемъ сосѣдѣ, который разорился на Тезра, Дюбала, машины и кургузыхъ лошадей: а отъ чего это?

«*Ле клима, температуру,
Нашу Русскую натуру
Она не принимать въ расчетъ.
Ну, во Франціи се боиъ,
А у насъ совсѣмъ другое.
Мнѣніе мое такое:
Прежде бы, чѣмъ заводить,
Надо въ полѣ походить,
Изучать свою природу,
И обычаи, и моду,
Разсмотрѣть аль куа фотифъ
Нашъ порядокъ приматифъ,
И тогда уже исправить,
А что хорошо—оставить.
Потому что польза есть.
А какъ на-обумъ завезть
Иностранное—то, броду
Не спросясь, полѣзешь въ воду
И не выбрести ужъ вонъ!*»

Мадамъ Курдюкова раздумала нанимать Француза, отчасти изъ карманнаго расчета, а отчасти изъ патріотизма. Но не воображайте ея квасной патріоткой: она—умная и благовоспитанная дама, разсуждаетъ о своемъ и о чужомъ такъ, что не худо было бы многимъ, выисавъ ея разсужденія, повѣсить у себя на стѣнѣ. Напримѣръ, доѣхали они до Берна,—на дворѣ ужасно скверно,—дождикъ, вѣтеръ, *де ла нежь*,—Харитонъ—въ восторгѣ! Вы помните Харитона, *ле мѣдника*, вѣрнаго слугу мадамъ Курдюковой? И отчего жъ онъ былъ въ восторгѣ?

«Русь ему напоминали
Снѣгъ и слякоть!»

Мадамъ Курдюкова очень справедливо замѣчаетъ:

«Этакой патріотизмъ
Есть патріотизмъ холопа!
Не завидуетъ Европа
Нашимъ вьюгамъ, ни снѣгамъ,
Ни курымъ у насъ избамъ,

Ни ителямъ, ни ухабамъ,
 Ни крестьянскимъ нашимъ бабамъ,
 Что одѣты, а нѣ яре,
 Камъ де сафъ, и ни икрѣ,
 Ни сосулькамъ, ни баранкамъ,
 Ни ботвиньѣ, ни Цыганкамъ,
 А завидуешь она,
 Что Россія такъ сильна,
 Что народъ такой чудесный,
 Духомъ, твердостью извѣстный,
 Молодецъ всё къ молодцу—
 Преданъ такъ Царю-отцу,
 Что скажи онъ тодько слово—
 Все стремится, все готово,
 Все къщитъ, и захоти—
 Рады всё на смерть итти!
 Мановеньемъ только брови
 До послѣдней капли крови
 Онъ потребуй—отдадутъ!
 Вотъ и говорить: *Ничтъ гуть,*
 Иностранцы. Имъ досадно,
 Что у насъ въ Россіи ладно,
 Точно, какъ семья одна,
 И какъ моська на слона,
 Изъ-дали на насъ ярятся.
 Пусть ихъ лають—утомятся,
 Какъ увидать, что ихъ крикъ
 Ни почемъ! Нашъ Богъ великъ,
 Велика у насъ и вѣра—
 Вотъ успѣховъ нашихъ мѣра!
 Осѣнясь пока крестомъ,
 Смѣло мы на все идемъ,
 И Царя священно слово,
 Будеть все у насъ здорово.
 Пусть—*гуть химмель, сакрментъ,*
 Говорять—какъ монументъ
 У Исакья, Петръ Великій,
 Надъ всемірной политикой
 Мы стоимъ гора горой.
 Осѣнивъ ее рукой;
 Никого не задѣваемъ,
 Всѣмъ имъ *здравствовать желаемъ,*
 Но не тронь они и насъ,
 Иль не тыщется ла и насъ,
 Глѣ когда-то ихъ видали—
 Просто—поминай, какъ звали!
 Вотъ тѣмъ Русскій патриотъ

Долженъ дорожить, и вотъ,
 Что такъ бѣснѣ иностранцовъ,
 Нѣмцовъ, Англичанъ, Испанцовъ,
 И Французовъ, *е ле Семств!*
 Какъ ни силъся, ни ярсья,
 Какъ волна они морская,
 Съ ревомъ, съ пѣной налетая.
 О кронштадтской нашъ гранитъ
 Рухнется и отбѣжитъ,
 А гранитъ не замѣчаетъ
 Этихъ брызговъ, и сіяетъ
 Еще болѣе отъ нихъ,
 Когда солнце, какъ женихъ,
 Изъ морскихъ выбей воспринетъ,
 На Кронштадтъ любовно взглянетъ,
 Какъ привѣтствіе утра
 Славной памяти Петра.

Но про нашихъ патриотовъ
 Множество есть анекдотовъ.
 Патриотъ нной у насъ
 Закричитъ: «*Дю квась, дю квась!*
Дю разсолчнкъ огуречный!»
 Пьетъ, и морщится, сердечный —
 Кисло, солоно, *мое!*
«Ме се Русск, е су саве,
 Надобно любить родное,
 Де-скать, даже и такое,
 Что не стѣитъ ни гроша....»
Же не ди па: ла каша,
 Манная, *авекъ де пѣнки,*
 Ла морошка, *лез' ошени,*
 Поросенокъ *су ле хрѣнъ,*
 Ле кисель, *е ле студень*
 Очень вкусны, но не въ этомъ
 Ле патриотизмъ! Замѣтимъ,
 Что онъ долженъ быть въ душѣ —
 Въ кушаньи *сем' енъ нешъ,*
 Са *самель* служить маммону!
 Вотъ я про свою персону
 Растволкую просто такъ:
 Постою за свой буракъ,
 И за свой горшокъ со шамъ,
 Какъ другая, но, межъ нами,
 Если поваръ мнѣ подасть
 Иногда, *куръ ле контрасть,*
 Ле *фуа гра-нат'* Страссбурга,
 Или *бѣвъ сале* Гамбурга,
 Или Французой *сидъ-трюфе,*

Что жь такое? *Ке с кь са фе?*
 Отъ того не измѣнюсь я,
 Что наѣмся, иль напьюсь я
Коместиблей чуждыхъ странъ.
Же не сьл па басурманъ,
 Но по мнѣ, дафиттъ, нѣтъ слова,
 Лучше пѣннаго простова,
 И шампанское, подь часъ,
 Я вливаю въ русскій квасъ —
 Квасъ отъ этого вкуснѣе!
 Чтобъ растолковать яснѣе,
 Мысль мою *же ву дуре,*
 Что по мнѣ, *о фиюре,*
 Эта смѣсь родъ аллегорь
 Нашей собственной исторь.
 Ужъ кто какъ ни говори,
 Наши славные цари
 Русскій бытъ всегда любили,
 Какъ святую, сохраняли
 Всѣ обычи старины,
 Но все ими жь введены
 Къ намъ науки и искусства
 Чуждыхъ странъ, и наши чувства
Деликатнее, нѣжной,
 Еще сдѣлались сильнѣй
 Къ нашей родинѣ, и ею
 Мы гордимся всей душою.
 До нашествія Татаръ
 Къ намъ втиралась *ле без-арт*
 Черезъ выходцовъ изъ Греции;
 Архитекторы Венеци
 Строили въ Москвѣ соборъ;
 Англичанинъ Чонселоръ
 Ввелъ торговля сношенья;
 Петръ перазъ, для обученья,
 Многихъ Рускихъ посылалъ
 Въ тѣ мѣста, гдѣ самъ набралъ
 Государственное знанье.
 Ну, не то ли, что вливанье
Дю шампань данъ нотр квасъ!
 Русскій и теперь у насъ
 За моремъ иной гуляетъ,
 Смотритъ, видитъ, примѣчаетъ,
 То *сеси,* а то *се ла,*
 Но, какъ добрая пчела,
Дю полезнаго набравшись,
 По *цаѣтамъ* по-нагулявшись,

Весь свой сборъ домой нести,
 Чтобъ составить русскій медъ.
 Отъ того чертога пчелиный
 Былъ эмблемъ Екатерины.
 Ну, иной, сказать и то,
 Погулять, привезъ.... *малые*....
 И прическу кучерскую....
 Я его не критикую:
 Только бѣднѣе мнѣ жалъ!....
 Впрочемъ, иль нѣ а на транъ *малъ*:
 И у русскаго народа,
 Какъ въ семьѣ—не безъ урода.

Вообще надо замѣтить, мадамъ Курдюкова разсуждаетъ *комъ энъ анжъ*, и, странствуя далеко, она видитъ много. Напримѣръ, по случаю Лозанны, гдѣ въ ужасной и гдѣ филантропія, общества призрѣнія, общества трезвости, и прочая, и прочая, она ведетъ такое разсужденіе:

«.... Бываетъ иногда

Эта общая бѣда
 И въ двухъ странахъ Европы.
 Согласятся филантропы,
 Заберутъ энъ *комитатъ*,
 И тотчасъ наймутъ *локаль*,
 Дѣль-правителя, швейцара,
 Трехъ писцовъ, да комиссара,
 Станутъ зады укрѣщать,
 Чтобы видъ дружелюбный дать.
 Надпись крупными, словами
 На стѣнѣ и надъ дверями.
 Люстры, сторы и часы.
 А какъ взвѣсятъ на двѣси
 Весь расходъ со всемъ итогомъ
 Деньги всѣ уйдутъ, и съ Богомъ....
 Запираютъ *на локаль*
 И составить энъ *комитатъ*
 Что ужъ комитатъ не можетъ
 Продолжать, а Богъ поможетъ,
 Тѣмъ несчастнымъ, что хотѣли
 Онъ пригрѣтъ, но не пригрѣлъ!
 Иногда предоставдѣтъ
Ле локаль, и нанймаютъ,
 Городъ самъ, но бѣда-этажъ
 Президентъ займетъ, и дѣла же
 И ему быть *бѣдъ*, *квартиры*!
 Въ тѣ этажъ *секретеры*!

Э ле члены сонъ ядасъ.
 Непремѣнно—въ рѣ д'массе
 Комитетъ и канцелярѣя,
 Э юнъ картъ д' ля Швейцарѣя,
 А больныхъ уже въ подвалъ—
 Некуда—и конченъ балъ!
 Иногда в такъ случится:
 Городъ самъ распорядится,
 И назначить комитетъ
 На какой-нибудь предметъ,
 Но тутъ—членъ одинъ сварливый,
 Тотъ упрямъ, тотъ шкочливый—
 Споръ, побранка, и—въ передъ
 Дѣло на волосъ нейдетъ!
 Между-тѣмъ ле дѣль-правитель,
 Ассеристъ, распорядитель,
 Всѣмъ поставитъ имъ очки,
 Прибираетъ де крючки,
 И—идетъ тутъ шахеръ-мажеръ!

Перевернемъ страницу. Вы знаете знаменитое швейцарское Ледяное Море, эти чудныя, неподвижныя волны, мученіе геологовъ; это озеро, которое застыло, какъ-будто по слову волшебника:

. Величавый и красивый,
 И, по мнѣ краснорѣчивый,
 И глубокой мысли полнъ
 Этотъ видъ сердитыхъ волнъ,
 На всегда оледенѣлыхъ,
 Неподвижныхъ, помертвѣлыхъ....
 «И не такъ ли, испытавъ
 Жизни суету, узнать,
 Какъ земное измѣняетъ,
 Человѣкъ охлаждаетъ
 Равнодушнень ко всему?
 Тщетно ластятся къ нему
 Всѣ земныя обольщенья—
 Нѣтъ любви, нѣтъ вдохновенья,
 Призракъ счастья рдетъ въ—
 Онъ душой оледенѣлъ...
 «И не такъ ли, утомленный,
 На скалахъ святой Клары,
 Руки на-крестъ положивъ,
 Мрачное чело склонивъ,
 Баловень побѣдъ любимыхъ
 Въ океанъ неизмѣримый
 Взоры томные впередъ,

И, безмолвный, вспоминалъ
 О своей минувшей славѣ,
 Объ утраченной державѣ—
 Пльвѣ и смерть его удѣлъ....
 Онъ на-вѣкъ ододедѣлъ....»

Эти прекрасные, полные глубокою мыслью стихи написана та же мадамъ Курдюкова, которая обыкновенно пишетъ *de sesei э де села* смѣсью французскаго съ таибоскимъ: они, право, заставляютъ сожалѣть, что вся книга не написана такими стихами. Въ талантѣ ея нельзя сомнѣваться: стоитъ только прочесть мастерскія описанія швейцарскихъ мѣстностей. Беремъ, на выдержку, *Симплонъ*. Дорога, созданная исполномъ на исполнискихъ горахъ.

«Начинаются боренья
 Человѣческаго гоня
 Здѣсь съ природой, и она
 Гониенья побѣждена.
 Всѣ усилья бесполезны:
 Горы, водопады, бездны,
 Рвы, пучины, груды скалъ,
 Все торжественно попракъ
 Мощный геній человекъ,
 И промчалось четверть вѣка,
 Какъ дорору чрезъ Симплонъ
 Проложилъ Наполеонъ.
 Тщетно водопадъ стремится,
 Пѣвнтся, бурлитъ, клубится
 И бушуетъ—чрезъ него
 Мостъ накинуть; ничего
 Онъ ужъ болѣе не можетъ,
 И безсиленный, скалы гложетъ,
 И какъ бѣшеный реветъ....
 Тщетно каменный хребетъ,
 Какъ препопу, поставляетъ
 Тамъ гора—овладѣваетъ
 Ей могучая рука:
 Продолбивъ ея бока,
 Въ ней проводитъ галерею,
 И идетъ дорога ею,
 Тщетно грудью сталъ утесъ—
 Порохъ и его разнесъ!
 Крутизна, провадь забучий
 Удержать руки могучей
 Не властны—возведена
 Ей по берегу стѣна,

И идетъ дорога мимо
 Безопасно, невредимо.
 Вся природа не могла
 Помѣшать—она легла,
 Точно лента межъ горами,
 Надъ стремниной, надъ скалами,
 И торжественно лежитъ,
 Какъ царица! Чудный видъ!....
 Здѣсь всё ужасы природы,
 Съ горъ стремящихся воды,
 Достигающей небесъ,
 И нависнувшей утесъ,
 Рвы, и скалы, и пучины
 Только дивныя картины!
 Изумляютъ точно взглядъ,
 Съ ужасомъ на нихъ глядятъ
 Люди, но—сигарки курятъ,
 Веселятся, балагурятъ,
 Точно будто бы ни въ чемъ....

Если бы пришлось выписывать все умное, остроумное, милое, трогательное, прекрасное, чѣмъ усыпаны красивыя страницы «Сенсацій» мадамъ Курдюковой, то можно было бы выписать три четверти книги. Рисунки, которыми она украшена, очень замысловаты: въ нихъ представлена мадамъ Курдюкова въ разныхъ состояніяхъ сенсаціи, и во всѣхъ этихъ интересныхъ положеніяхъ, похожа она какъ двѣ капли воды на Ивана Петровича М—ва въ чепчикѣ. Харитонъ-ле-мѣдникъ рассказываетъ, будто, у его барыни, въ портфель лежатъ еще записки о путешествіи ея по тальянской землѣ. По словамъ Харитона, она читала въ обществѣ своихъ друзей описаніе Рима, Неаполя, Флоренціи, и всѣ согласились, что эти новыя сенсаціи превосходятъ все, что она донынѣ напечатала, а надо сказать правду—то, что теперь она напечатала, эта вторая книга мадамъ Курдюковой, несравненно выше первой. Нѣкоторые изъ нашихъ артистарховъ можетъ-статься будутъ не согласны съ этимъ мнѣніемъ, но насчетъ ихъ педантскихъ сужденій нельзя не согласиться съ мнѣніемъ безцѣнной мадамъ де Курдюковъ, которая говоритъ:

«.....Я хочу
 Такъ, какъ птичка на свободѣ,
 По капризу, по погодѣ,

Пить, что будетъ пѣться мнѣ.
 При сіяющей луиѣ
 Въ поднебесіе подыматься;
 Гдѣ смѣшно, тамъ посмѣяться,
 Гдѣ печально, тамъ вдохнуть,
 А гдѣ скучно—отдохнуть....
 Правится—пускай читають,
 Пусть цыганяты, осуждають,
 Пусть грызутся *ле журно*:
 Мнѣ, ей Богу, всё-равно!
 Москвитянинъ особливо
 Разбираетъ несчастливо
 И долгонько—какъ прочтуть—
 Чего добраго—заснуть,
 И обонхъ насъ забудуть....
 Вотъ *ле смѣть* какія будутъ!
 Чтò же? это не бѣда—
 Съ гуся, са *с'анель*, вода!

Сказка за сказкой. С П.—*буря*, въ тип. Жернакова, 1844, въ—8. Томъ II. стр. 396.

Люди и сказки совершенствуются бесконечно. Сегодня люди умнѣе чѣмъ были вчера. Завтра сказки будутъ лучше чѣмъ онѣ сегодня. Въ философій исторіи, это— вещь доказанная, фактъ не подлежащій сомнѣнію, притча сокровенной премудрости. Наконецъ люди и сказки достигнуть такого совершенства, что между человѣкомъ, притчею, фактомъ и сказкой не будетъ ни какого различія: человѣкъ сдѣлается сказкой, сказка фактомъ, фактъ притчей, притча человѣкомъ, и тѣмъ заключится великій кругъ земнаго существованія нашего роду. Кто хорошо постигъ эту глубокомысленную теорію, составляющую основаніе философій исторіи, самой непостижимой науки подъ солнцемъ и луною, тотъ не станетъ удивляться, какимъ чудомъ каждый новый томъ «Сказки за Сказкой» всё умнѣе, лучше, занимательнѣе, совершеннѣе предшествующаго, и отчего будущій пятый томъ будетъ еще умнѣе, лучше, занимательнѣе и совершеннѣе настоящаго, четвертаго. Причина занимательности и совершенства этого четвертаго тома ясна для всякаго: въ немъ только три сказки—Основьяненко, Кукольника, и Полеваго, несчитая двухъ пьесокъ А—ва и Г—Я. Статья Основьяненко, «Татарскіе наѣзды», вѣроятно— послѣднее его произведеніе

Но если станутъ, изъ усердія, искать еще *чего-нибудь* въ его бумагахъ. то, чего добраго, какъ-разъ найдутъ въ нихъ что-нибудь *посмертное*, что-нибудь такое, чего авторъ не предназначалъ для читателей и за что мы, читатели, заранѣе очень благодарны услужливымъ издателямъ. «Татарскіе набѣги» собственно—не сказка, а *разсказъ* о харьковской старинѣ, наполненный забавными подробностями о храбрости и образованности казацкой. Не становясь на ходули, авторъ говоритъ правду безъ оглядки. Разсказы, въ которыхъ за чубъ тянутъ казаковъ въ рыцаря, герои и мудрецы, надоѣли намъ не меньше посмертныхъ сочиненій. Повѣсть П. А. Полеваго, *Градскій голова*, не сказка, а родъ сказки,—разсказъ, какъ кажется, писанный на задачу — доказать, что купецъ, оставаясь купцомъ, можетъ быть такъ же почтенъ, уваженъ, просвѣщенъ и счастливъ, какъ и не оставаясь. И Н. А. Полевой совершенно доказалъ свою тему: именно тѣмъ, что разсказъ его очень занимателенъ,—лучшій аргументъ сказокъ, старающихся *доказывать* что бы то ни было. Въ «Сироткѣ», авторъ, господинъ А—въ, натеръ красокъ на картину въ три сажени, и написалъ ими пейзажъ въ три дюйма: зато подробности очень выпуклы и ярки, что и составляетъ совершенство этого рѣду живописи. «*Клтва*», господина Г—Я, въ замысловатости содержанія не уступаетъ покойной Заирѣ. Все дѣло въ томъ, что героинѣ повѣсти стоитъ сказать мужу одно слово, но она его не говоритъ, и изъ того рождается повѣсть. Наконецъ сказка, разсказъ или повѣсть Кукольника, «Максимъ Созонтовичъ Березовскій», которою авторъ доказалъ тридцать девять вещей вдругъ—такъ она занимательна! — которою доказалъ онъ совершенно, что Максимъ Созонтовичъ Березовскій былъ Малороссіянинъ, имѣлъ превосходный голосъ и, за этотъ голосъ, былъ отправленъ учиться пѣнію въ Италію; что Мартини былъ его учителемъ; что болонская академія приняла его въ свои члены; что болонское музыкальное общество дало ему дипломъ на санъ капельмейстера; что опера его восцитила Италианцевъ; что графъ А. Г. Орловъ привезъ его въ Россію; что Потемкинъ обѣщалъ ему мѣсто директора музыкальной академіи, которую хотѣлъ учредить

въ Молдавіи, что Сарти и другіе иностранцы, управшіе тогда музыкаю въ Россіи, отравили жизнь Березовскаго; что наконецъ онъ былъ забытъ, считался придворнымъ пѣвчимъ, заболѣлъ съ горя, и зарѣзался припадкѣмъ бѣлой горячки, въ мартѣ 1777 года. Все это доказано авторомъ такъ ясно и неопровержимо, что читатель и въ голову не приходитъ спорить или разсуждать; и я с моей стороны очень люблю сказки, рассказы, повѣсти и какъ-бишь ихъ, которыя доказываютъ только то, что было въ головѣ автора, а не то что должно быть на свѣтѣ. Духовные концерты Березовскаго долго славились въ Россіи. Теперь ихъ забыли: это тоже вполне доказано повѣсткою Кукольника, потому что очень немногія изъ его читателей знаютъ имя Березовскаго. Всѣ эти истины украсилъ онъ блестящими поэтическими вымыслами, которые, въ сказкѣ, тысячу разъ важнѣе и истиннѣе всѣхъ возможныхъ истинъ. Изображая жизнь артистовъ, вводя въ дѣйствіе Фаринелли, Мартини, Моцарта, импрезарію, плутоватаго и забавнаго директора ливорнскаго театра, и его прима-донну живописуя тайны мастерскихъ и секреты закулиснаго міра, Н. В. Кукольникъ сверхъ-того доказалъ неопровержимо во сто-первый разъ, что онъ мастеръ изображать и живописать все это. Но не менѣе хороши у него Потопъ, Орлово, Хандошкино, и чисто русскій типъ артиста. Характеры Березовскаго, Матильды и Аповоса—созданія мастерскія, произведенія фантазіи истиннаго художника. Для этого и доказательствъ не требуется. Доказано такъ повѣстями, рассказами и сказками Нестора Васильевича, онъ не всегда любитъ ихъ доканчивать, обидѣливать, сообщать имъ круглость и полноту, но часто довольствуется первичнымъ очеркомъ сюжета, безпечно кидал свой рисунокъ читателю. Напротивъ, «Максимъ Созонтовичъ Березовскій» отланъ съ особенною любовью, одушевленъ полною жизнью и вставленъ въ изящную раму. И если дѣло пойдетъ на себя я напишу сто повѣстей, рассказовъ и сказокъ, буду стараться доказывать, и докажу, что это—лучшая изъ всѣхъ вещей, рассказовъ и сказокъ Нестора Васильевича. Я доказалъ уже въ началѣ этой статейки, что по части сказокъ, особенно когда Н. В. Кукольникъ замѣшалъ въ дѣло

самая лучшая всегда — послѣдняя, а слѣдующая будетъ еще лучше, потому что люди и сказки безконечно совершенствуются.

Теорія волокитства. Съ рисунками В. Тимма. СПб.-бургъ, въ тип. Греча, 1844, въ 16., стр. 115.

Къ сожалѣнiю, это совѣтъ не то что вы думаете. Предлежащую теорiю волокитства можно было бы дать въ руки даже дѣвушкамъ: такая она скромная, благопристойная, благоразумная. Этой книжкою, которая тоже родъ сказки или стоить сказки, авторъ желалъ, кажется, доказать, что не всякой смѣется, кто хохочетъ, и доказалъ это какъ дважды два четыре.

Книжки содержанiя предлагающей назывались встарину искусствами правиться. На какомъ основанiи онѣ теперь переименованы въ теорiю волокитства, свѣдѣнiя при книжкѣ не имѣется. А почему имъ вздумалось еще украшаться картинками злаго Тимма, это уже до насъ и не касается. Дѣло въ томъ, что картинки Тимма и книжка — два совѣтъ разные текста, вообще безъ всякой связи между собою. Книжка состоитъ изъ набору афоризмовъ старинныхъ «искусствъ правиться женщинамъ», а картинки — изъ ряду дѣйствительныхъ приключенiй, испытываемыхъ смертными на этомъ поприщѣ. Въ числѣ приключенiй, не забыто даже и злключенiе съ поэтической чашею, которую одинъ изъ нашихъ молодыхъ Байроновъ, какъ вы помните, такъ живописно назвалъ чашею мщенiя и которую, въ своемъ негодованiи, хотѣлъ онъ опрокинуть на голову всему роду человѣческому:

«И опрокину... чашу мщенiя...

Безумцы гордые, на васъ!»

Тамъ, въ высокой новѣйшей поэзiи, среди лунъ, дѣвъ и мечтъ, это было на мѣстѣ и, по-крайней-мѣрѣ, ново; но здѣсь, въ новомъ изданiи искусства правиться дамамъ, оно немпожко старо. Это не есть жизнь какъ она есть! Вотъ —

Жизнь, какъ она есть! *Зитиски неизвѣстнаго, изданныя* г. Брантомъ. СПб.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1845, въ-8., три части, стр. XIV и 236 — 230 — 260.

Въ жизни какъ она есть, люди, по свидѣтельству издателя этой книги, не опрокидываютъ чашъ мщенія на голову прохожимъ, по говорятъ еще другъ другу — *mon cher!*—а женщины титулуютъ еще своихъ любовниковъ— *милый!* Сущая Аркадія! Въ жизни какъ она есть, человѣкъ сперва дѣлается журналистомъ и судить о чужихъ книгахъ, потомъ пишетъ романъ, который ему не удастся, потомъ сочиняетъ памфлеты на тѣхъ, которые осмѣлились въ свою очередь судить объ его книгѣ, потомъ *предпринимаетъ* опыты библиографическихъ обзорѣй, и когда наконецъ увидить, что во всемъ этомъ нѣтъ ни толку ни проку, онъ съ отчаянія беретъ—*Странныя приключенія Дмитрія Магушкина, російскаго дворянина, описанныя имъ самимъ на испанскомъ языкѣ*, и изданныя въ Москвѣ, въ 1796 году, и—*Положенія увеселительнаго шута, и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута, Совѣстсрага Большаю Носа*, напечатанныя въ Петербургѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, и пытается воскресить ихъ въ видѣ «Записокъ неизвѣстнаго». Вотъ жизнь какъ она есть! Для уразумѣнія ея, и карандашъ Тимма не нуженъ.

Жизнь какъ она есть начинается чѣмъ-то въ родѣ биографіи издателя. Оный издатель рассказываетъ, будто когда-то учился (что впрочемъ должно оставить подъ сомнѣніемъ), и будто у него былъ знакомый *монъ-шеръ*, который пошелъ въ артиллеристы, когда издатель принялся писать романы, памфлеты и опыты. Жестокая болѣзнь надолго *оторвала его отъ свѣта, отъ всѣхъ вѣнскихъ отношеній, наконецъ отъ самого себя*, какъ-вдругъ *пріѣзжаетъ въ Петербургъ артиллерійскій монъ-шеръ*. Издатель побѣжалъ къ *монъ-шеру*, но не засталъ его, рѣшился дожидаться и, увидѣвъ у него на столѣ рукопись, началъ читать. Рукопись была—*Жизнь, какъ она есть*. Между-тѣмъ *монъ-шеръ* пришелъ, и изъяснилъ, что рукопись содержитъ въ себѣ *Записки* какого-то неизвѣстнаго. *Монъ-шеръ* встрѣтилъ этого неизвѣстнаго—въ обыкновенномъ мѣстѣ—на кладбищѣ,—которое кладбище хранило «драгоцѣнные для него праха». Издатель взялъ рукопись, «*обратилъ ее въ книгу*», и предлагаетъ читателямъ.

Исторія начинается «невинною шуткой» и «легкою про-

ней», стдичительными литературными качествами почтеннѣйшаго автора записокъ. «*Я родился, да, разумѣется, я родился, иначе меня бы не было на бѣломъ свѣтѣ, а если бы не было, то тутъ ничего бы и говорить....* Не по доброй волѣ избралъ я одиночество, остался холостякомъ... Теперь ужь поздно — на старухѣ не хочу жениться, а молодая дѣвушка не будетъ уже любить меня.... Не вздумайте рѣшить, что я *шкунди уже не южусь....* На меня еще заглядываютъ красавицы нашего околотка,» и такъ далѣе. Послѣ такого замысловатаго начала, повѣй Совѣстдралъ рассказываетъ, что отецъ его былъ Наполеоновъ генералъ, до девяти лѣтъ возилъ его съ собою, а съ девяти отдалъ на воспитаніе какой-то старухѣ, великой баловницѣ. Евгенийъ (имя новаго Димитрія Магушкина) шалилъ, ничему не учился и выросъ огромнымъ пятнадцати-лѣтнимъ болваномъ. Нянька — у него была еще нянька — кормила его конфетками, и приговаривала: «Подростетъ, такъ меньше будетъ любить конфеты, тогда *взбрдутъ на улъ другія лакомства*». Въ дополненіе къ такому негодному воспитанію, баловница-старуха рассказала еще Евгению, какъ отецъ его увезъ красивую Польку, женился на ней, отчего и возникъ онъ, Евгенийъ. Полька умерла, а отецъ уѣхалъ драться.

Пока Евгенийъ ѣлъ конфеты, Наполеона побѣдили, отдали подъ судъ, сослали на островъ Эльбу, а къ старухѣ явился отецъ Евгениа, генералъ, со звѣздами. Онъ привезъ съ собою профессора Буха, которій былъ старикъ, «очень малаго росту, но съ *большими носомъ.*» Бухъ привезъ съ собою жену, красавицу лѣтъ тридцати, и сына, лѣтъ пятнадцати. Евгенийъ начали учить, кто чему умѣлъ — Бухъ географіи, отецъ математикѣ, а Маргарита, жена профессора, рисоавью и тѣмъ «лакомствамъ», о которыхъ говорила нянька. Тутъ явился опять Наполеонъ. Отецъ снова уѣхалъ драться, и за чѣмъ-то увезъ съ собою профессора. Евгенийъ остался съ Маргаритой и съ нянькой (старуха-баловница между-тѣмъ умерла). Маргарита постаралась докончить воспитаніе Евгениа. Авторъ подробно описываетъ, какъ она доканчивала его. Съ особенною старательностью описываетъ онъ, какъ тридцати-лѣтняя женщива, у которой былъ пятнадцати-лѣтній

сынъ, учила семнадцати-лѣтняго негодяя всему, что сама знала. Но вотъ бѣда: Наполеона снова побѣдили и сослали еще далѣе. Отецъ и профессоръ возвращаются. Профессоръ узнаетъ о новой профессіи своей супруги, бѣсится, колотитъ ее, дерется съ Евгеніемъ, выгоняетъ жену. Евгений беретъ ее къ себѣ. Отецъ уговариваетъ Евгения отпустить Маргариту, мужъ убѣждаетъ взять ее, и благо-разумно философствуетъ: «Не хорошо, Евгений, не хорошо, душно, что это случилось съ замуженною женщиною: *насолили ты учителю!*» И добрый родитель отправляетъ сына въ Іенскій университетъ. И первая часть «Жизни какъ она есть» заключается размышленіемъ Евгения: «*Обращаюсь къ странной мысли, что теченіе моей жизни и нѣкоторыя событія ея зависѣли отъ судьбы великаго человѣка: безъ паденія Наполеона не было бы паденія Маргариты, которое случилось во время послѣдняго отсутствія отца моего съ господиномъ Бухомъ, передъ ватерлооскимъ сраженіемъ!*» И въ самомъ дѣлѣ, какія, подумаешь, *странныя мысли* водятся въ жизни какъ она есть! Надо, право, человѣку быть каковъ онъ есть—авторомъ подобныхъ записокъ—чтобы примѣтить такое сходство судебъ какъ нижеслѣдующее: Наполеонъ поѣхалъ, и Бухъ поѣхалъ; Наполеонъ хотѣлъ поколотить Прусаковъ, и былъ разбитъ Веллингтономъ; Бухъ съ своей стороны началъ—было генеральное сраженіе съ женою, и былъ разбитъ Евгеніемъ. После этого, я не вѣрю, чтобы голова человѣческая была «*штиклище ума*», какъ пишутъ въ книгахъ, если она можетъ, въ то же время, служить голубятней для такихъ *мыслей!*

Дорогой Евгениіи волочился за трактирными *кимфами*, а пріѣхавши на-мѣсто пошелъ смотрѣть Шиллеровыя «Разбойниковъ». Идучи изъ театра, онъ заблудился, и попалъ въ такое мѣсто, котораго не называютъ. «*Табачный дымъ клубами ходитъ по комнатѣ. На столѣ нѣсколько бутылокъ съ виномъ и стаканы, а на диванѣ молодой чловѣкъ*» ..... Словомъ, Евгений нарѣзался какъ столбъ, былъ обкраденъ, поутру ушелъ, началъ волочиться за дочерью хозяйки, у которой жилъ, и сдѣлался настоящимъ негодяемъ. «*Ибрѣюсь, пошу очки, чудеснопошу пушты;*

«жгу сигары, какъ солону... Съ каждою изъ городскихъ красавицъ было по нѣскольку приключеній!» Въ самомъ дѣлѣ, чего жъ недоставало ему къ студентскому аттестату? Какой-то польскій графъ вводитъ его къ актрисѣ, въ которой узнаетъ онъ одну изъ героинь ночной пирушки, гдѣ его обокрали. Онъ возобновляетъ знакомство съ нею, а между-тѣмъ пріѣзжаетъ Маргарита и привозитъ сына учиться въ университетъ. Мужъ ея умеръ. Евгенийъ предлагаетъ ей возобновить ихъ прежнее ученье. Маргарита не согласна. Евгенийъ бѣситъ, начинаетъ пить, играть, буйствовать, бить стекла, не давая проходу бѣднымъ мѣщанкамъ. Наконецъ, пьяный, онъ вламывается въ комнату Маргариты.... Отецъ зоветъ негодя къ себѣ. И зачѣмъ же оставаться милому сыну въ университетѣ? Онъ ужъ всему научился. Дордогой онъ опять волочится за трактирными нимфами. Пріѣхавши, начинаетъ ухаживать за молодой жидовкой. Старикъ, отецъ жидовки, сердится, какъ нѣкогда сердился мужъ Маргариты, и отдаетъ дочь свою замужъ за рыжаго жида, а отецъ Евгения опять дѣлаетъ ему разныя отеческія наставленія: «Ты еще не перебѣсилъ, мой другъ. Оставь жидовку. *Найдишь женщину, которую можешь любить безъ помъхи и препятствій!*» Какой добрый папенька! Да чего искать далеко: пріѣзжаетъ отвратительная Маргарита. Ей ужъ дѣтъ сорокъ, но она всё-еще красавица, а сыиъ ея успѣлъ уже всему выучиться. Прежнее ученье Евгения возобновляется. Отецъ, Евгенийъ, Маргарита и сынокъ ея живутъ очень дружески. Пока отецъ умираетъ, Евгенийъ съ учительницей и съ сынкомъ скачутъ въ Іену. Видите: когда Маргарита учила Евгения, сынокъ ея вздумалъ учить воспитанницу одного профессора. Старикъ хотѣлъ самъ учить ее, и прогналъ сына Маргариты. Теперь ученица извѣстила его, что старикъ хочетъ на ней жениться. Сынокъ Маргариты поѣхалъ освобождать ученицу, добрая маменька поѣхала помогать ему, а Евгенийъ поѣхалъ за нею отъ нечего дѣлать, и—конецъ второй части «Жизни, какъ она есть!» Часть третья—честная компанія ѣдетъ, и пріѣзжаетъ въ Іену ночью. Идутъ къ профессору; на дорогѣ встрѣчаютъ его ученицу, которая, не дождавшись освободителей,

рѣшилась бѣжать; ведутъ ее къ знакомому пастору, и вѣщаютъ съ сыномъ Маргариты. Опъ съ супругою остается у пастора, а Евгенийъ отиравается къ Маргаритѣ.... Точъ-въ-точъ «Приключенія Совѣстдрала, увеселительнаго шута, и великаго въ любовныхъ дѣлахъ плута.» Это цѣлкомъ оттуда списано! На другой день прибѣгаетъ къ пастору профессоръ. Ему объясняютъ въ чемъ дѣло. «Случалось ли вамъ видѣть человѣка, вдругъ проглотившаго муху, или подавившагося костью, которая, остановясь въ горлѣ, мѣшаетъ не только произнести слово, но препятствуетъ и самому дыханію? Таково было положеніе профессора».... Оставивъ профессора въ состояніи человѣка «проглотившаго муху,» честная компанія, Маргарита, сыцокъ-ея Мишель, невѣстушка, Клара, и Евгенийъ Совѣстдраловичъ, ѣдутъ въ Парижъ. У Мишеля была страстишка мараить бумагу, и онъ рѣшился сдѣлаться писателемъ. И вотъ онъ мараитъ бумагу, а Евгенийъ бьетъ баклуши, «зѣвая на улицахъ, площадяхъ, бульварахъ, въ театрахъ, въ галереяхъ Пале-Рояля, гдѣ тогда существовали еще игорные дома и обитало множество прелестницъ. Я заплатилъ обильную дань искушеніямъ обоего роду. И кто въ мои годы устоялъ бы противъ искушеній золота и красоты? Помню, съ какою жадностью и неумѣренностью бросился я на все удовольствія и наслажденія, предлагасмыя развращеннымъ Парижемъ.... Сибретки, гризетки,—вы должны вспоминать меня!» Парижскія воспоминавія Евгенія Совѣстдраловича описываются весьма подробно, но надо сократить рассказъ объ нихъ. Евгенийъ хотѣлъ броситься въ рѣку, но струсилъ, и, совершенно промотавшись, опредѣлился секретаремъ къ какому-то польскому графу. Молодая графиня, жена графа, даетъ ему уроки въ родѣ Маргаритиныхъ, пока пріѣзжаетъ ея падчерица, которой Евгенийъ даетъ въ свою очередь уроки, за что графъ и графиня хотѣли вытолкать его вонъ изъ дому. Тутъ открылось, что отецъ Евгенія увезъ пѣкогда сестру графа, и следовательно, Евгенийъ—племянникъ графу. Полюбовавшись милою родецькою, графъ выдалъ дочь за какой-то «бродячій трупъ», богатаго герцога, а Евгенийъ съ-горя ухалъ въ свое пѣтство. Съ нимъ поѣхали Маргарита и Мишель. Съ бѣдикомъ

случились большія бѣды. Стишонки его не продавались, журналы ихъ разбрапли, шеса его упала на сценѣ, и заключеніе спектакля автора избили во время Юльскаго революціи. Приѣхавъ на-мѣсто, Маргарита продолжала учить Евгенія, а Мишель писалъ стишонки и записался до-смерти. Онъ умеръ. За нимъ умерла жена его. Но пора уже кончиться и «Жизни, какъ она есть». «Въ одно прекрасное юльское утро подъѣзжаетъ карета, и изъ нея выходитъ герцогиня. *Ходящій трунцъ*, мужъ ея, умеръ. Она поспѣшила къ возлюбленному Евгению Совѣстдраловичу. Свадьба—и дѣлу конецъ. Маргарита, видя, что ея наука болѣе не нужна... поселилась въ ближнемъ монастырѣ, или что-то такое: окончаніе очень темно.

Такова книга эта, совершенно какъ она есть.

У автора ея, такого какого онъ есть, всегда была при-мѣтна страсть ставить себя среди знаменитостей и знатностей, изображая ихъ въ уродливыхъ видахъ. Въ «Жизни, какъ она есть,» мало было ему наполеоновскихъ генераловъ, графовъ, княгинь, герцогинь: онъ безпрестанно толкуетъ и о Наполеонѣ. За тѣмъ — является онъ на сцену объ руку съ *Гѣте*. Далѣе разсуждаетъ съ героемъ *жизни* о словесности и любви: Наконецъ герой *жизни* знакомится съ герцогиней *Жюно*, и присутствуетъ у ней на литературномъ вечерѣ. Тутъ авторъ книги, которому, какъ извѣстно изъ собственныхъ словъ его, не удалось быть журналистомъ, хоть онъ, чтобы удержаться при журналѣ, употребилъ на это весь запасъ своей *невинной шутки* и своей *легкой ироніи*, — авторъ книги пользуется столь вѣрною окказіей, чтобы однимъ ударомъ уничтожить тѣхъ, которые не считали себя счастливейшими изъ людей имѣть его своимъ собратомъ. Не милосердо караетъ онъ ихъ своимъ олимпійскимъ гнѣвомъ: въ ярости, не зная что дѣлать, онъ обращаетъ свою собственную голову въ чашу мщенія, опрокидываетъ на нихъ—о ужасъ! все что въ ней есть и какъ есть, искореняетъ ихъ до тла и побѣдопосно стоитъ на костяхъ ихъ цѣлыя три страницы. Журналисты, по словамъ нашего писателя, журналисты—*отборнѣйшая племя и нравственнаго безобразія, душевной низости, люди злы по природѣ, злы, шарлатаны,*

уличные шуты, облимаемые франтики съ злупенькими рожицами, пальцы, которые царапаютъ лицо сажеею, носятъ дурацкіе кошаки съ бубенчиками, и всѣми наглостями и пошлостями стараются приманить толпу, — словомъ журналисты такой жалкой, смѣшной народъ, такой мелкой, такой ничтожный, глупой, что не стоитъ даже осужденія.... Почтеннѣйшій авторъ книги совѣтуетъ запретить всѣ журналы, а тѣмъ, кто думаетъ издавать ихъ, привѣсить къ головамъ шпры, чтобы они не могли двигаться.

Таковъ ужъ человекъ какъ онъ есть, когда въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ бездарной самонадѣянности! Согласитесь что жалка жизнь какъ она есть, если въ ней водятся такія книги и такіе писатели!

Складчина на ложу въ Италіянскія оперы, водевиль à propos, въ двухъ картинахъ. Картина первая: Компания меломановъ. Картина вторая: Корридоръ четвертаго яруса въ Большомъ Театрѣ. Сочиненіе П. И. Григорьева Перваго. СП-бургъ, въ тип. Жернакова, 1843, въ-16., стр. 105.

Водевиль à propos! До чего мы дожили!

«Нѣтъ, право, такъ у насъ умы
Ужъ развиваться начинаютъ!»

Въ Неаполѣ, на Санъ-Карлино, гдѣ изъ всякой вчерашней городской новости дѣлаютъ на другой день фарсу, не лучше нашего понимаютъ à-propos. Пронесшествіе съ булочниками, — и водевиль «Петербургская булочная». Новая страсть у публики, — настоящая страсть, — страсть къ италіянской оперѣ, къ сужденіямъ о пѣніи, голосахъ, методахъ, къ музыкальнымъ энтузіазмамъ, пристрастіямъ, преувеличеніямъ, — и опять водевиль, «Складчина на ложу въ италіянскую оперу». Новый водевиль à-propos немножко сбивается на одного нашего стараго знакомца, но тутъ есть и свое забавное. Цѣлый кварталъ добрыхъ людей безъ уха, безъ чувства музыки, не зная искусства слушать италіянское пѣніе, вдругъ повергается въ страшный припадокъ меломаніи и складывается на ложу; радость складчиковъ, когда ихъ извѣщаютъ о смерти одного пріятеля,

абонировавшагося вмѣстѣ съ нимъ; безмолвный входъ *пятнадцати* человекъ въ одну ложу, такъ, что капельди-перъ не можетъ затворить дверей; плачь старой няньки, когда дочери и жена уговариваютъ Чернушкина абонироваться, — все это схвачено весьма удачно. Куплеты хороши. Вотъ одинъ, который поетъ мадамъ Чернушкина:

«Хоть на расходъ мнѣ не давай,
Лишь сдѣлай это одолженье!
Хоть именинъ моихъ не знай,
Забудь на вѣкъ мой день рожденья!
Когда жъ умру я, такъ и быть,
Не ставь мнѣ вовсе мопумента
Лишь эту зиму дай пожить —
Пожертвуй для абонимента!»

Начальные основанія русской грамматики. Для *благородныхъ воспитанниковъ бывшаго университетскаго пансіона. Изданіе девятое, исправленное. Москва, въ тип. Университетской, 1843, въ-8., стр. 188.*

За романами, повѣстями и водевилями, въ неизмѣнномъ чинѣ природы, непосредственно слѣдуютъ «Начальные основанія русской грамматики», въ которыхъ эта изящная литература вообще очень нуждается. Но едва-ли русскія повѣсти, романы и водевили почерпнутъ много изящества въ нашихъ грамматикахъ, особенно въ подлежащей. Не говоря уже о томъ, что наши грамматики всё-еще хотятъ насъ принудить къ языку, которымъ никто никогда не говорилъ и нынче уже никто не пишетъ, и который никакъ не можетъ удержаться въ литературѣ, дѣлающей успѣхи въ искусствѣ и вкусѣ, эти «Начальные основанія русской грамматики» изданы въ первый разъ не ближе какъ за тридцать лѣтъ. Они и тогда считались плохую книжонкою: чѣмъ же должно считать ихъ теперь? Несмотря на все это, они достигли до *девятаго* изданія. Ясно, что наша грамматика и знать не хочетъ, что въ Россіи господствуетъ нынче *русскій языкъ*, подлинный, неподдѣльный, самостоятельный, живой, что онъ возвратилъ себѣ непреложныя права свои, поправныя безвкусіемъ и педанствомъ, и занялъ повсюду мѣсто прежняго, воображаемаго или книжнаго *русскаго языка*, по которому она,

грамматика, вѣкогда образ валась и которому до-сихъ-поръ покланяется. А впрочемъ, ей какое дѣло до того, что происходитъ въ языкѣ! Ей—лишь бы только расхотѣлось по рукамъ учениковъ. Сущность всякой грамматики—отставать какъ-можно по-дальше отъ успѣховъ языка. Грамматика, со дня своего вымышления и донинѣ, благополучно витаетъ еще въ понятіяхъ греческихъ схолиастовъ и риторовъ, жившихъ во время паденія образованности, полагая вмѣстѣ съ ними, будто языки портятся и падаютъ по мѣрѣ удаленія своего отъ старины, и будто ихъ надо всѣми силами тащить назадъ, къ былому, удерживать отъ разстройства, спасать отъ гибели. Но наша образованность и наши языки отнюдь не находятся въ этомъ печальномъ положеніи, противъ котораго принимали мѣры александрійскіе грамматики въ помрачающемся царствѣ Александра Великаго и послѣдователи Квинтиліана въ Римѣ! Наша образованность идетъ впередъ, наши понятія множатся и проясняются, наши языки, ихъ естественное орудіе, по необходимости теперь еще развиваются и совершенствуются! Что вы это, господа, толкуете намъ о порчѣ языка, какъ-скоро сегодня кто-нибудь нишетъ не такъ, какъ писали вчера? Съ предложеніемъ намъ и потомству, въ неизмѣнный образецъ, языка какой-нибудь прошедшей эпохи, какъ бы она блистательна ни была, погодите, пока мы начнемъ впадать въ варварство относительно къ той эпохѣ, пока станемъ менѣе знать въ нынѣшнемъ году чѣмъ знали въ прошломъ, пока мы испытаемъ судьбу древнихъ Аоніянъ и Римлянъ. Благоволите понять, что нынѣшніе языки не падаютъ, но возникаютъ, что блескъ ихъ еще впередъ, что совершенствованіе ихъ такъ же безконечно какъ и самой образованности. Роль грамматика въ новѣйшемъ мірѣ вовсе не та, какая предстояла ему въ древнемъ: долгъ его, если онъ понимаетъ свое званіе и вѣкъ, въ который живетъ, его долгъ напротивъ—наблюдать движеніе роднаго языка, изучать настоящія, нынче употребительныя, формы живаго слова, и извлекать изъ всего этого чистый, неподдѣльный, современный матеріалъ для усиленныхъ работъ искусства. Такимъ только способомъ грамматика еще можетъ нынче быть руководительницею и факеломъ

словесности: при всякомъ другомъ направленіи она будетъ въ разладѣ съ образованностью, будетъ наукою отсталую, безсиленною, и смѣшною въ своемъ притязательномъ безсиліи. Изъ всѣхъ повѣйшихъ языковъ, русскій безспорно представляетъ самое обширное поприще для подобныхъ филологическихъ изслѣдованій: грамматическое изученіе настоящихъ, природныхъ, самобытныхъ формъ его, можно сказать, еще не начиналось, и великая слава ждетъ того, кто, отказавшись отъ перепечатыванія правилъ ложнаго книжнаго языка, бывшаго донынѣ кумиромъ грамматическаго міра, приведетъ въ совершенную ясность нашъ современный языкъ и сдѣлаетъ его законодателемъ.

1. Новые повѣсти для дѣтей. *Сочиненіе Анны Зогагъ. С П.-бургъ, въ тип. Югансона, 1841, въ—12, стр. 304, съ картинками.*

2. Другъ дѣтей. *Записки Петра Ивановича, собранныя и упрощенныя ста картинками П. Фурманомъ, С П.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1843, въ—16, стр. 218, съ картинками.*

3. Прогулка по земному шару. Виктора Бурьянова. *Изданіе третье, исправленное и дополненное. С П.-бургъ, въ тип. Соломона, 1844, въ—16. Два тома, стр. I П.—394—347, въ карту.*

4. Путешествія Гулливера, составленный для дѣтей. *С П.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ—16., стр. 104, съ картинками.*

5. SOIRÉES D'ENFANS.—ABENDUNTERHALTUNGEN FÜR KINDER.—Дѣтскіе вечера, или игры для упражненія дѣтей въ языкахъ французскомъ, русскомъ и немецкомъ. *С П.-бургъ, въ тип. Д. Вишней Торговли, 1843, въ—16. Семь тетрадокъ, стр. 288, съ картинками и карточками.*

6. Русскія сказки для дѣтей, рассказанныя плиюшкою Авдотьей Стенаповною Черепцевою. *С П.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1844, въ—16., стр. 58, съ картинками.*

7. Другъ дѣтей. *Книга для первоначальнаго чтенія, Изданіе четвертое. С П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1844, въ—8., стр. 564.*

8. Елка. *Альманахъ для дѣтей на 1844 годъ. С. П.-бургъ, съ тип. Крайя, 1844, въ-64, стр. 104, съ картинками.*

9. Игры для всѣхъ возрастовъ. *С. П.-бургъ, съ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1844, въ-12, дѣя части, стр. IV—156—VII—198, съ картинками.*

Цѣлый мѣшокъ дѣтской литературы, которою, по положенію, наполняются всѣ книжныя лавки передъ святками и новымъ годомъ.

Нянюшка Авдотья Степановна Черепьева, «не мудрствуя лукаво», рассказываетъ старинныя сказочки о *пятахъ*, о *колобѣ*, о *злой матицѣ*, о *медвѣдѣ*, о *волкѣ и лисѣ*.

Повѣстямъ госпожи Зонтагъ благоугодно было назваться *новымъ ея сочиненіемъ*, хотя онѣ всѣ были извѣстны прежде.

Въ «Запискахъ Петра Ивановича» тма забавныхъ похожденій, и такая же тма рисунковъ.

Съ господиномъ Леви, котораго *Géographie raisonnée à la jeunesse* передѣлалъ господинъ Бурьяковъ, дѣти могутъ объѣхать цѣлый свѣтъ.

Съ «Дѣтскимъ Гулливеромъ» они съѣздятъ даже къ *Лиллупутамъ* и *Броднилькамъ*.

Если васкучать имъ всѣ эти новости, что весьма вѣроятно, то пусть учатся играть въ *игры для всѣхъ возрастовъ*: въ этомъ мѣшкѣ—цѣлая энциклопедія игръ, *мячи*, *кнжшками*, *шарами*, *палками*, *движеніемъ*, *нетаньемъ въ цѣль*, *хороводами*, *кружани*, *фантами*, *догадкой*, *шуткой*, *обманомъ*, *напятаю*, *вниманіемъ*, *словами*, *шарадами*, *скороговорками*; игръ по-русски, по-нѣмецки, по-французски; десятки, сотни игръ; и всѣ онѣ рассказаны систематически, даже представлены въ *лицахъ*.

«Дѣтскіе вечера»—тоже игра, по которой дѣти, играя, выучиваются исторіи, географіи, грамматикѣ, и даже философіи.

Альманахъ «Елка», величиною съ конфекту, заключаетъ въ себѣ стихи и прозу, ловѣсти и загадки, и, въ нужномъ случаѣ, можетъ служить пробкою для гомеопатической стклянки.

«Другъ дѣтей»—книжца, издаваемая за сорокъ лѣтъ и которая съ тѣхъ поръ перепечатывается безъ перемѣн.

Въ этомъ вѣмецкомъ твореніи, передѣланномъ на русскіе нравы посредствомъ переименованія Генриховъ въ Сидоры и Вильгельмовъ въ Васскъ, дѣти, паливающіе учиться грамотѣ, найдутъ всѣ нужныя для себя науки, анатомію, географію, естествознаніе, дѣтскую, русскую исторію на пяти страницахъ, и кучу повѣстей, анекдотовъ. Анекдоты въ-особенности, очень умны и чудесно написаны. «Портретика Марья, когда пекла дѣбъ, то пекла также для дѣтей своихъ алады, илѣ лепешки, для лакомства. Однажды, когда она напекла такихъ лепешекъ, дѣти выпросили ихъ прежде нежели онѣ остыли. Хотя всѣ онѣ (лепешки) собѣщали не прежде приняться за нихъ (за дѣтей), какъ когда онѣ остынутъ, но второй сынъ ея (вѣрно, одной изъ лепешекъ), Яковъ, не могъ удержаться, и почти проглотилъ всю горячую лепешку, потомъ поѣбжалъ онъ кататься по льду, и когда ему захотѣлось ѣсть, то наполнился холодной со льдомъ воды, вдругъ почувствовалъ онъ, что ему стало дурно, и онъ едва могъ дойти до дому. Съ часу на часъ становилось ему хуже, и еще прежде вечера онъ испустилъ духъ. Лекарни вскрыли тѣло, чтобы узнать причину скоростривной его (тѣла) смерти, и нашли, что лепешка сбилась въ кожу, и часть ея остановилась еще въ горлѣ.» Выборъ русскихъ пословицъ, удивительной замысловатости, дополняетъ собою совершенство этого «первоначальнаго чтенія».

ПРОГУЛКА ПО ДРЕВНЕМУ КОЛОМЕНСКОМУ УѢЗДУ. Сочиненіе Николая Иванчина-Писарева, въ тип. Семена, 1813, в.-8., стр. 165, съ рисунками.

Авторъ бывалъ вѣкогда поэтомъ, печаталъ даже стихи свои, но вѣроятно узнавъ напоследокъ всю суету стихотворства, въ добрый часъ рѣшился бросить бесполезное занятіе, издавъ полное собраніе своихъ стихотвореній для того, чтобы и слѣдъ ихъ простылъ на свѣтѣ, велѣлъ молчать своей лирѣ, и раскланялся со всѣми музами, кромѣ одной Клію. Этой сдѣлался онъ ревностнымъ поклонникомъ, и теперь безпрестанно издаетъ историческія книжечки, которыя, безспорно, полезнѣе стиховъ. Онъ проѣхалъ на примѣръ, отъ Москвы до Коломны, осмотрѣлъ на пути всѣ старинныя церкви, списалъ всѣ старинныя названія, свелъ

извѣстїя лѣтописей съ оставшимися на землѣ именами, и составила книжечка, въ которой половину заняло путешествіе автора, а половину примѣчанїя. При всемъ томъ, нашлось тутъ мѣсто, и мечтанїямъ, и поэтическимъ воспоминанїямъ: даже стихи проскользнули, — отъ стиховъ челоуѣческой натурѣ трудно отвыкнуть; но, несмотря на все это, книжечку господина Писарева прочтеть каждый занимающійся исторїею, и съ нею при случаѣ справится археографъ. Для такихъ творенїй, читателей, конечно, не много насвѣтъ: но развѣ авторъ не знаетъ по опыту, что на поэмы поймаетъ ихъ еще менѣе.

Славянское народописаніе, *составленное П. І. Шафарикомъ. Переводъ съ Чешскаго І. Бодянского. Москва, въ тип. Университетск., 1843, вѣ-8., стр. VII и 174.*

Нельзя безъ уваженїя говорить о господинѣ Шафарикѣ, одномъ изъ ревностныхъ сподвижниковъ славянской народности, посвятившемъ всю жизнь, всѣ свои средства, изысканїю, узнанїю, описанїю, поддержанїю всего *славянскаго* въ мїрѣ. Неутомимое усердіе его произвело даже дачало важнаго перевороту въ Австріи: это государство, старавшееся донинѣ быть нѣмецкимъ, какъ-будто клонится дынче къ преобразенїю въ славянское; развитіе славянскихъ народностей, литературъ, направленїй, дѣлаетъ такъ быстрые успѣхи, которые приводятъ въ ужасъ германскихъ и венгерскихъ патріотовъ и вызываютъ ихъ отчаянныя брошюры; отъ Песта до Гамбурга, они заклинаютъ Австрію подавить это *славянское движеніе*, которое можетъ придать ее совсѣмъ другой характеръ. Опасенїя эти, конечно, преувеличены, но они показываютъ, какое вліаніе произвели труды господина Шафаррика въ его отечествѣ и сколько онъ уже сдѣлалъ тамъ для славяннзма. Можно разсуждать объ его историческихъ теорїяхъ такъ или иначе, но относительная польза предпрїятїя раскрывать и сберегать всѣ памятники славы племени, безспорна. Вмѣшивается, правда, тутъ одно важное неудобство, — исключительность мнѣній, предубѣжденіе, нерѣдко мѣшающее обнаруженїю истины, но это уже — дѣло критики, разобрать матерїалы, накопляемые съ такимъ усердіемъ и постоянствомъ. Издавъ нѣсколько любопытныхъ сочиненїй по своему пред-

могу, авторъ рѣшился наконецъ обнародовать карту существовавшихъ нынѣ славянскихъ поселеній въ Европѣ. Не елишкомъ ли споро-претупилъ онъ въ систематикѣ, когда сборъ предварительныхъ свѣдѣній едва началъ дѣлаться образомъ, а собранное еще не проверено критичною? По крайней мѣрѣ, карта господина Шафаржика, и приложение къ ней *славянское народописаніе*, гдѣ на каждой страницѣ встрѣчаются недоразумѣнія, неточности, и явные ошибки, подтверждаютъ это опасеніе. Но господинъ Шафаржикъ мало заботится о прочности матеріаловъ своего зданія; его дѣло—планъ, система, система и система. Не думая о погрѣшкѣ, онъ дѣлитъ Славянъ на *говоры, рѣчи, нарѣчія, подрѣчя, разнорѣчя*, и чуть ли не *противорѣчя*; и подробно рассказываетъ, гдѣ они говорятъ о, гдѣ а, гдѣ и, гдѣ ъ, хоть тамъ вовсе ихъ не говорятъ. Онъ знаетъ, что Славянъ Хорватскаго *предрѣчя* или *нарѣчя* въ прошломъ 1843 году было ровно *осемь сотъ одна тысяча*, а говорящихъ малорусскимъ *разнорѣчьемъ* ровнехонько *тринадцать миллионъ сто сорокъ четьре тысячи*. Да что Хорваты и Малоруссы! Усердному славянофилу известно даже то, чего не знаютъ самъ падишахъ и его астрологи, — число Булгаръ въ Турціи, и сколько именно изъ нихъ православнаго, а сколько магометанскаго исповѣданія.

Господинъ Бодянский, для вѣдшей ясности всего этого дѣла, перевелъ намъ книгу господина Шафаржика съ *чешскаго* языка на чистый *чехо-русский*. Мы должны быть ему особенно благодарны за обогащеніе нашего *вырѣчя* новыми словами. Слово *карта*, онъ счастливо замѣняетъ словомъ *землевидъ*, а слово *литографія*, словомъ *каменотискъ*. Какія находки! Эти чудесныя термины могутъ занять почетное мѣсто возлѣ словъ *шарокатъ* (бильярдъ) и *шароникъ* (бильярдный кій), которыми мы уже обязаны усердному дуризму покойнаго А. С. Шишкова, и, въ подражаніе до мѣрѣ силъ и возможности господину Бодянскому, ничто намъ не мѣшаетъ отнынѣ называть гидрографическую карту *моревидомъ* и *рѣковидомъ*, астампы *стальнотисками* и *меднотисками*, а литохромію, *кашмаземъ* или *каменокрасьемъ*. Господинъ Бодянский совѣтуетъ намъ теже писать *русія* и *Одеса*. Къ примѣчат ельныя и особенностямъ его

книги принадлежить еще огромное множество описаній, подпечатокъ, выпечатокъ и разнопечатокъ: господишъ Бодянский, на ста сандесяти страницъ своей книги, насчиталъ ихъ до трехъ сотъ, но это только авторская скромность: можно смѣло полагать ихъ до трехъ тысячъ.

ОПИСАНІЕ крушенія російскаго семидесяти-четыре-гундичнаго корабля *Ингерманландъ*, случившагося 30 августа 1842 года, въ Скагеррскъ, у норвежскихъ береговъ, близъ маяка Оксъ-Э. СПб.-бургъ въ тип. Жернакова, 1844, въ 8., стр. XVIII и 78.

Всѣмъ еще памятно печальное морское событіе, случившееся осенью 1842 года: семидесяти-четыре-гундичный, превосходно устроенный, корабль, подъ командою искуснаго и опытнаго офицера разбился въ знакомомъ морѣ, близъ береговъ Норвегій. Строгое изслѣдованіе доказало, что ни какое искусство не могло спасти корабля отъ гибели. Сбитый съ пути безпрерывными бурями, не имѣя возможности опредѣлять мѣсть своего положенія, корабль ударился о подводный камень, къ удивленію, дотогѣ неизвѣстный. Но не менѣе было замѣчательно, что корабль, прошибенный подводнымъ камнемъ, и затонувшій по борты, держался на волнахъ полторы сутки, такъ, что прибрежные жители успѣли подать помощь и спасти половину экипажа: другая половина погибла, но спасеніе даже и остальныхъ было чудо, а страданія ихъ невыразимы. Съ десяти часовъ вечера тринадцатаго августа до двѣнадцати часовъ по полуночи сентября перваго, держась за уцѣлѣвшія мачты вь свисти, терзаемые голодомъ и жаждою, обливаемые волнами моря, дрожа отъ холоду, ежеминутно ожидая гибели, и не видя ни малѣйшей надежды на спасеніе, они остались живы.

Одинъ изъ офицеровъ, бывшихъ на *Ингерманландѣ*, раздѣлявшій всѣ ужасы и видѣвшій гибель товарищей, А. И. Говоровъ, рассказываетъ теперь, что видѣлъ и чувствовалъ онъ во все продолженіе бѣдствія: это цѣлая поэма съ трогательными, печальными, высокими подробностями, рассказанная просто, какъ и надлежало. Среди печальныхъ картинъ бѣдствія, читателя радуютъ свѣтлыя стороны, — подвиги великодушія, мужества, преданности волю Прови-

дѣнія, сцены любви супружеской, отцовской, дѣтской. Изображеніе быту Норвежцевъ, ихъ добродушнаго усердія, ихъ безкорыстнаго гостепріимства, дополняютъ очеркъ господина Говорова.

Не думаю, чтобы кромѣ морякъ, кто-нибудь могъ въ жизни своей испытать минуту торжественнѣе и страшнѣе кораблеурушенія. Въ самомъ бышемъ пылу ораженія человекъ шадить своего ближняго, и храбрость, обращая на себя вниманіе противника, ограждаетъ отъ гибели. На землѣ бѣдствующій выводитъ спасеніе въ другихъ, изобрѣтаетъ средства, и укрупясь хладокровіемъ и твердостью духа, изъ всего извлекаетъ себѣ помощь. Но на морѣ, въ бурю, во время гибели корабля, самыя средства спасенія обращаются на пагубу. Въ наступленіи погибающій хватается за все, что попадется подъ руку, ищетъ средства избавленія въ обломкѣ дерева, въ оторванной веревкѣ, въ осколкѣ доски, и тѣмъ скорее увлекается въ пучину моря. При совершенной безнадежности на спасеніе, все ужасы томительнаго ожиданія смерти, все примѣры страшной гибели—вотъ что предстояло намъ испытать, умирая среди истязаній душевныхъ и телесныхъ.

Но такъ сильна въ человекѣ любовь къ жизни, что и нараспашку употребилъ слово: «безнадежность на спасеніе»—нетъ, и на краю влажной, бездонной могилы надежда не оставляетъ человека и онъ не оставляетъ мысли о спасеніи. Когда раздалось громкое ура погибавшихъ, заглушаемое ревомъ водяныхъ столбовъ, вырвавшихся изъ всѣхъ люковъ и отвертій палубъ, это было вѣрнымъ признакомъ, что корабль идетъ на дно моря. Взоры всѣхъ обращались на корабельные борта, гдѣ разстояніе воды отъ стѣны замѣтно уменьшалось. Волны буруномъ наживали перекатываться черезъ лѣвый бортъ. Каждый изъ насъ держался за что могъ. Схватившись за бортъ катера и его банку, я накрылся угломъ брезента—утопающій хватается за соломенку.

Среди общаго ужаса, мы ждали слѣдующаго бурана, и онъ не замедлил. Ударъ волны въ правый бортъ швырнулъ корабль налѣво, и мгновенно огромный буранъ прокатился по-нашимъ головамъ; наполнивши водою баркасъ, онъ ударилъ въ капитанскій катеръ; моставки выскочили, катеръ упалъ на бѣкъ, и—правого борта его, какъ будто не бывало! Люди посыпались съ борта корабля; въ некоторыхъ волною отбрасало къ баркасу—въ числѣ ихъ былъ и я. Переверта дыханіе и опомнившись, я очутился на плавающихъ запасныхъ росткахъ. Подлѣ меня были командиръ корабля, его супруга, капитанъ-лейтенантъ Истоминъ, лейтенантъ Васильевъ, и множество матросовъ и ихъ женъ съ младенцами на рукахъ. Страдальческій крикъ малютокъ былъ непродолжителенъ, однакъ катеръ роняли въ воду, другихъ вырывало волненіемъ изъ рукъ и давило въ общей тѣснотѣ. Раздалось еще ура—шквалы и шквалцы погрузились въ воду; одинъ изъ насъ былъ еще на поверхности воды—все бросалось тула. Но какъ перебраться? Обломки рангоута, перепутанные снасти, вещи, вымытая изъ палубы, лишили всякой возможности помыслить о подобной переправѣ, но въ

ву минуту, минуту страшной смерти, уны наши были темны, как тьма еще продолжавшейся вочи. Волны, перекатываясь через корабль, уносили съ каждымъ разомъ по нѣскольку жертвъ. Двадцати-восьмьмь катеръ, полный народомъ, выбросило за бортъ, и грозный Скагерракъ съ шумомъ похоронилъ всѣхъ бывшихъ на катеръ въ своей бездонной могилѣ. Только пять, или шесть челоувѣкъ успѣли ухватиться за мачту. Еще волна и люди повсюду разбросаны; вслѣдъ плаваютъ трупы, или изуваченные, полу-живые несчастливцы. Окаменелое сердце злодѣя содрогнулось бы при видѣ разнообразныхъ смертей. Помню одно событіе—оно было невыразимо ужасно: старшая дочь полковника Борисова, при переходѣ на ютъ, что удавалось изъ десяти одному, зануталась косяю въ желѣзнойъ уключинѣ маломаннаго барказа, выброшеннаго съ роостра на шкварцы и погубившаго однимъ ударомъ нѣсколько десятковъ людей; рангаутъ билъ всѣхъ находившихся подлѣ несчастнойъ Борисовой. Она долго радась и кричала, а между-тѣмъ за нее схватились дружіе погибавшіе. Совершенно избитая, обезображена, выбившись изъ силъ она смолкла, но бездушное тѣло ея долго еще хералось волнами. Младшая сестра ея ухватилась за запасныя роостры, употребляла всѣ услія удержаться на нихъ, и уже утѣрь-офицера Немурой бросилась—было къ ней на помощь, но поздно—роостры повернулись и несчастную снесло въ море. Помогать другимъ не было возможности. Никодившіеся на шквартахъ и шканцахъ должны были прежде всѣхъ погрузиться съ кораблемъ въ море, но Провидѣнію угодно былоavit надъ нами примѣръ небывалый въ исторіи кораблекрушеній: погрузившись по ютъ, корабль останоуился. Сначала дикто этого не замѣтилъ, но—вотъ впроцѣ нѣсколько минутъ—корабль всѣ въ одинаковомъ положеніи, и громкій крикъ: «Корабль на мели!» пронесся между нами, какъ—будто въсть надежды. Но мы ошибались—глубина подлѣ нами была ужасная; корабль ворочало втронъ и теченіемъ въ разныя стороны, но все-таки онъ не погрузился болѣе. Нѣкогда было рассуждать о причинахъ столь страшнаго явленія и надобно было намъ толькоотаться. Надежда снова мелькнула передъ нами. Въ бросалась на ютъ, единственное мѣсто, оставшесся незатопленнымъ, но вереправа туда еженминуто становилась труднѣе. Оставалась еще бизань-мачта. Путь на нее со шканцевъ представляла единственна веровна бизань-штагъ, но уже нѣкто изъ насъ не думалъ о невозможности такого труднаго путешествія, несмотря на то, что все время стояли мы на горло въ водѣ, работали съ десяти часовъ вечера, были избиты и истомлены ужасною жаждою отъ соленой воды и усталости. Народъ кучами бросался на бизань-штагъ, и етъ весь былъ унесенъ людьми. Женщины слѣдовали принѣру мужчинъ, но надежда спасенія была тщетная и немногія изъ нихъ достигали желанной цѣли. Пять, или шесть челоувѣкъ перебрались кое-какъ на крайшю мачтѣ. Видя ихъ, рѣшалась и испытать счастья, и перекрестившись, ползла туда, старалась добраться до остатка гротъ-мачты, около котораго обхватывалась бизань-штагъ двумя коудами. Пучины, образовавшіяся на пути изъ трехъ ворабельныхъ люковъ, воспрепятствовали моей сильной попыткѣ. Насъ било всеиъ что попадало въ волны. Съ палубы

смывало все. Уже шквфуть было чистъ и ва немъ не осталось ни одной щлюпки; вѣны вверхъ дномъ бились на бакъ, другія подъ бѣнсами юта; барказъ перешибло на-двое. Капитанъ-лейтенантъ Истоминъ и штабъ-лекаръ Саковичъ, перебираясь на ютъ, были уже при концѣ переправы, но ударомъ барказа придавило Истомина къ ютовому бѣнсу—смяснутый нѣтъ, онъ и не крикнулъ; только съ юта видѣли, какъ его втащило въ водоворотъ офицерскаго люка на шканцахъ. Саковичъ подвергся той же участи. Кто могъ, бросалъ съ юта бившихся въ воду концы веревокъ. Лейтенантъ Дергачевъ, 8-го рабочаго экипажа уатеръ-офицеръ Корниловъ, и нѣсколько человѣкъ матросовъ, вытаскивали сошквнцевъ въкоторыхъ еще живыхъ, другихъ уже изступленныхъ и подергившихъ расудокъ, но болѣе трупы. Въ числѣ утопшихъ, выдвеченныхъ ими, была тетка жены лейтенанта Сверчкова. Супруга его, выброшенная изъ барказа на шканцы, долго гребла руками, поддерживаясь на какой-то доскѣ, пока огромнымъ отломкомъ косячныхъ ствоекъ ударило ее по спинѣ, и облитая кровью, она погрузилась въ общую могилу.

Видя многихъ бросающихъ съ юта веревки, я полагалъ, что тамъ можно еще продѣть хотя на одну минуту существованіе и завидовалъ карабкавшимся по бизань-штагу, но самъ я никакъ не могъ до него добраться. Страшная волна подхватила меня съ нѣсколькими матросами и бросила къ кнехтамъ гротъ-мачты. Каждый изъ насъ хватался за что могъ. Я ухватился за остатокъ сломанной мачты, и въ одно мгновеніе, черезъ головы нѣсколькихъ рядовъ людей, поднялся на бизань-штагъ. Спереди меня все было усыяно матросами. Измученный, добравшись почти до трети штага снизу, оставившись я отдохнуть, и собирая остатокъ силъ, черезъ нѣсколько минутъ готовился продолжать переправу, когда надо мною раздался хриплый голосъ: «Ваше благородіе! упаду! Ваше благородіе, упаду!» и вслѣдъ затѣмъ кто-то спустился на плеча мои. Напрасно думалъ я удержаться — несчастный упалъ и потащилъ меня съ собою; рука моя оборвалась, я схватился-было ногами, но силы меня совершенно оставили и я упалъ въ бурю на шканцы. Еще сохраняя память, сильно стиснулъ я губы и меня подняло на верхъ. Совершенно не умѣя плавать, я не могъ держаться на водѣ. Бившись недолго руками и ногами, началъ я погружаться — еще минута, и.... Въ то мгновеніе два, или три конца веревокъ ударили меня по головѣ; я успѣлъ поймать одинъ изъ нихъ, и уже протянулъ руки на капитанскій катеръ, но волны бросали меня въ разные стороны. Не теряя надежды, окостенѣвшими руками уцѣпился я за веревки; бурю пересидѣлъ меня, и отбросивъ катеръ на сажень восторону, лишилъ последней надежды на спасеніе. Конецъ веревки оборвался — помню только, что меня потащило куда-то внизъ вращая ужаснымъ образомъ во всѣ стороны, крутя и опрокидывая — уже раза два хлѣбнула я морской волны, когда вдругъ выброшенный очутился на поверхности. Имятъ Лесля успѣлъ схватить меня за долу сюртука, и два или три человека матросовъ нособили ему встатить меня на сломанный капитанскій катеръ. Только тутъ вздохнулъ я, и держась кое-какъ за бортъ катера, увидѣлъ страшную могилу, которая

едва не проглотила меня: то была гротъ-люкъ; водворить его, шатавая людей, выбрасывала обратно безжизненные трупы ихъ. Катеръ, куда я былъ вытасченъ, сильнымъ бурувомъ разбило о гротовые кисты. Насъ выкинуло вонъ—смерть, попадавши жизнь нашу только на одну минуту, опять разбила насъ по всему кораблю. Волны ролучили меня съ великодушнымъ Месли—я уже не видалъ его болѣе; несчастный спаситель мой вскорѣ сдѣлался жертвою смерти. Очутившись подлѣ лежащей на боку осьмерки, я началъ по ней съ большимъ трудомъ перебираться на бакъ; волнами покрывало меня безпрестанно, и я думалъ, что меня непременно оторветъ, но Богъ спасъ, и я добрался благополучно до бака. Тутъ, уцѣпясь за одну изъ снастей, разглядѣвъ я картину нашей гибели во всемъ ея ужасѣ. Уже начинало свѣтать. Нѣсколько сотъ человѣкъ разбросано было по горизонту моря. Обломки рангоута, плавающій грузъ—все было загрозомъ для людей. Бушующія волны, дальность берега, корабль безъ шлюпокъ, погруженный выше коечныхъ стѣнокъ, и ужасы смерти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, вотъ что открылось передъ моими глазами, и ко всему еще надобно прибавить стада котовъ, которыя вились около насъ, ожидая вѣрной добычи. Надъ моремъ висѣла одна мачта. Бугирить былъ отвлеченъ отъ нея большимъ пространствомъ воды. Только морякъ можетъ довольно вѣрно представить себѣ нашу участь. Съ правой стороны корабля видно было много сброшенныхъ въ море вѣтросовъ; разбитый двенадцати-весельный катеръ, полный воды, служилъ пристанищемъ имъ. Кто могъ и не термѣлъ еще памяти, хватался за борты его. Инымъ удалось подняться въ катеръ, но вскорѣ вѣтеръ отнесло его далеко отъ корабля, и затопленный почти по борту, съ нѣсколькими людьми потащило въ море. За кормою корабля въ то же самое время отвалила капитанская гичка. Легко перескакивая намы, казалось, она скоро достигнетъ береговъ, но несчастный катеръ встретилъ непременно погибшимъ. Я видѣлъ, какъ двухъ охидерговъ сбросило волною съ юта за бортъ; одного изъ нихъ я могъ различить—то былъ лейтенантъ Дергачевъ; его вытаскивали матросы, но гибель дружки была неизбежна—онъ тонулъ. Катеръ отнесло отъ корабля, и волны начали покрывать его—еще нѣсколько минутъ, и казалось—все кончено. Я полагалъ уже его затопленнымъ, спрашивалъ окружающихъ меня: не приметили ли они кто былъ на катерѣ, и узналъ, что не успѣвъ находился самъ капитанъ нашъ, котораго лейтенантъ Дергачевъ вытаскилъ изъ воды. Къ изумленію нашему, катеръ опять вынырнулъ изъ воды и его понесло по вѣтру. Расскажу здѣсь удивительное странствование бывшихъ на катерѣ. Положение ихъ было отчаянное. Садя по поясъ въ воду, пятеро изъ нихъ гребли, а остальные отталкивали воду. Выломанный руль застрялъ кускомъ весла. Служитель мичмана Аляксѣевъ, находившійся на катерѣ, отъ истощенія и холоду началъ засыпать и черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Катеръ шло теченіемъ въ открытое море. Не было ни одного сухаря, оставшагося въ живыхъ.... не рѣшились бросить трупъ за бортъ.... Но Богъ не допустилъ ихъ до такой гибельной крайности; къ вечеру катеръ приблизилъ къ берегу, была малка Листеръ, подлѣ деревни

Криво. Страдальцы не могли уже сами выйти на землю. Береговые жители, увидя выброшенную морем шлангу, бросились къ ней, и рукавъ перенесли всѣхъ спасшихся на ней къ своимъ домамъ, оказавъ имъ всевозможное пособіе, послали за докторомъ, похоронили сѣпшаго, и старались по возможности облегчить ужасное положеніе цѣлѣннхъ несчастливцевъ.

Для тѣхъ, кого могли бы затруднить морскіе термины, иривнжкѣ находится ихъ объясненіе, кромѣ другихъ юбонитныхъ приложений. Желавшіе могутъ получить иадѣльно четыре литографическія раскрашенныя картины, изображающія четыре главныя мгновенія гибели Ингерманланда.

ОБЗРѢНІЕ ИСТОРИИ ВОЕННАГО ИСКУССТВА. *Сочиненіе инераль-майора, барона Зедделера. СШ.-бургъ, въ тип. И. мадеминъ наукъ, 1845, въ-8. Часть вторая стр. 387, съ рисунками.*

Первая часть этой важной книги вышла въ 1836 году; и возбудила живыя ожиданія военныхъ людей. Многочисленныя обязанности автора по службѣ, и редакция «Военно-энциклопедическаго лексикона», которою онъ управляетъ, отлекали его отъ продолженія такъ удачно начатаго труда. Только въ концѣ прошедшаго года могъ авторъ удовлетворять нетерпѣливое ожиданіе своихъ читателей издачіемъ второй части. Здѣсь содержится исторія военнаго искусства въ средніе вѣка, самая затруднительная и сбывчивая, отъ разрушенія Западной Имперіи до Тридцати-лѣтней войны. Твореніе барона Зедделера, вѣроятно, сдѣдается настоящею книгою молодыхъ офицеровъ. Это искуссный и занимательный сводъ обширныхъ критическихъ трудовъ по этой части, составленный ученымъ знатокомъ дѣла. Болѣе существенныя достоинства такой книги могутъ быть опредѣлены только спеціальными судьями.

Земледѣлія въ Китаѣ, съ семьюдсвятю двумя чертешаманскими земледѣльческими орудіи. СШ.-бургъ, въ тип. Праца, 1845, въ 8. стр. XII и 160.

Если бы въ объявленіи о книгѣ и не было сказано имени автора, можно бы узнать ех *ingue leonem*. Это переводъ или выборка, изъ огромнаго уложенія земледѣльческаго, издавнаго въ четырехъ томахъ ученою комиссіею китай-

скою въ 1742 году. По-китайски оно называется *Шу-шъ-тхунь-кхао*, и введено повсюду въ Поднебесной Имперіи. Особенные чиновники наблюдаютъ, чтобы всѣ исполняли правила, въ немъ предписанныя. Время посѣву, жатвы, количество навозу, средства беречь его, маханье, бороващеніе, число и качество земледѣльческихъ орудій, все управляется по *Шу-шъ-тхунь-кхао*, и урожай поддерживается опредѣленнымъ числомъ ударовъ бамбуковой палки по пятамъ, по Уложенію, и, сверхъ Уложенія, еще по сплнѣ, безъ счету, *ad libitum*. Никогда книга о китайскомъ земледѣліи не могла явиться болѣе кстати. «Библіотека для Чтенія» должна встрѣтить ее съ особенною почестью, потому что сама она въ некоторомъ образомъ вызвала ее, обративъ вниманіе сельскихъ хозяевъ на это образцовое земледѣліе по случаю ученія господина Либиха. Но господину Либиху не растолковали, что кромѣ углероду и азоту для блага растеній необходима еще бамбуковая палка, дѣйствующая по точному смыслу Уложенія *Шу-шъ-тхунь-кхао*. А она — душа китайской органической химіи въ примѣненіи къ земледѣлію. Чудно искусство это въ Китаѣ! Но особенному манеру, называемому *цюа-тхэнь*, придуманному въ 3719 году отъ сотворенія міра, Китайцы роютъ гряды, а въ грядахъ копаютъ ямки; между-тѣмъ готовятъ навозъ изъ лошадиныхъ, осельныхъ, свинныхъ и оленьихъ костей, толкутъ кости, варятъ въ свиговой водѣ, подкладываютъ въ нихъ немного *калгану*, даютъ стоять пять дней, вынимаютъ *калганъ*, подбавляютъ оленью и овечью помету, мѣшаютъ, подогреваютъ, вспрыскиваютъ сѣмяна, сажаютъ ихъ въ ямки, и въ каждую ямку, въ футъ глубиною, вливаютъ кружку вышеписаннаго удобренія, потомъ зарываютъ землю, и — знаете какой урожай бываетъ? — самъ *семь-сотъ-пятидесять* ище отъ 20 зеренъ 15,000 зеренъ! Столько непремѣнно должно родиться по Уложенію, а нѣтъ, такъ даѣсти бамбуковъ по пятамъ и, сверхъ Уложенія, по сплнѣ *ad libitum*. Доказано опытомъ шестидесяти вѣковъ, что такимъ образомъ волею или неволею всегда родится полное число зеренъ. Оставьте Тезра и Щмальца, русскіе агрономы, и изучаете *Шу-шъ-тхунь-кхао*.

Въ русскомъ извлеченіи изъ этого мудраго устава помолится подробное описаніе вещей китайскихъ грабель, заступовъ, лопатокъ—даже ихъ изображенія—даже два китайскіе ландшафта: на одномъ Китайскъ пахать, на другомъ Китайцы молотятъ хлебъ.

Если бы мнѣ, объ урожаѣ овса сотъ пятидесяти зерекъ отъ одного зерна, говорилъ какой-нибудь китайскій агрономъ, я бы сказалъ ему просто, что онъ—агрономъ, что я не вѣрю этому: но какъ вѣрить официальному уставу *Шеу-ши-тану-кхэ*? Велика сила аэоту и бамбуковой палки въ природѣ!

Новороссійскій календарь на 1844 годъ; издаваемый отъ Ришельевского Лицея. Одесса, въ тип. Городской, 1843, въ-4, стр. 442 и IV.

При дѣятельной общественной жизни, Одессѣ уже надобны были своя справочная книга, свой адресъ-календарь; и вотъ изъ маленькаго «Одесскаго календаря» явился теперь превосходно составленный «Новороссійскій календарь», который можетъ остаться въ числѣ книгъ, прослуживъ свой урочный годъ, какъ мѣсяцословъ: такъ богаты и полезны въ немъ разныя приложенія. Въ первомъ отдѣленіи, кромѣ обыкновеннаго русскаго календаря, находятся римско-католическій, армяно-грегоріанскій, реформатскій, еврейскій, магометанскій. Вотъ нѣсколько подробностей: у Армянъ празднуютъ Рождество, Крещеніе и Богоявленіе, въ одинъ день; другіе неподвижные праздники: февраля 14—Срѣтеніе, апрѣля 7—Благовѣщеніе, сентября 8—Рождество Богородицы, ноября 21—Введеніе во Храмъ и декабря 9—Зачатіе Святой Анны. Переходящіе праздники суть: Свѣтлое Воскресенье, Преображеніе, Воздвиженіе Креста и Успеніе Богоматери. Въ 1844 году по армянскому календарю Преображеніе будетъ втораго Юля, Успеніе тринадцатаго августа, Воздвиженіе семнадцатаго сентября. Каждое воскресенье посвящается Спасителю, среда Богоматери, а каждая пятница Кресту, почему праздники Святымъ—всѣ переходящіе и размѣщаются по остальнымъ днямъ недѣли. Въ посты также святымъ не празднуютъ. У Евреевъ идетъ нынѣ 5604 годъ отъ Сотворенія Мира; со втораго сентября начнется 5605. Еврейская

посла будетъ шестидесятиый годъ 22-го марта. У Магометавъ считается 1260 годъ гижры. Во второмъ отдѣленіи помѣщенъ дорежисскій мемороссійскаго ирал, опредѣленія положеній мѣстъ, достоинамѣтности городовъ, описанія малковъ, сообщеній, застрахованій. Въ третьемъ, мемороссійскій адресъ-календарь, — шестого начальство, управленіе духовное, военное, морское, учебное, и прочая, — и указатель адресовъ Одессы. Въ четвертомъ, описаніе торговли, училищъ, никлаевской обсерваторіи, устройство солнечныхъ часовъ, и прочая. Торговля края занимала въ 1842 году 1400 судовъ; (въ Одессу пришло 579, въ Таганрогъ 322 корабля); изъ нихъ 779 пришли съ баластомъ. Товаровъ привезено на 7,278,482 рубля, (въ Одессу слишкомъ на пять милліоновъ), вывезено на 17,349,624 рубля слишкомъ, въ томъ числѣ шведицы вывезено на 9.500,000 (изъ Одессы на 4,791,992). Въ Одессѣ было въ 1842 году жителей 76,862 (мужскаго пола 43,503, женскаго 33,359), въ томъ числѣ, считая только мужчинъ, мѣщанъ одесскихъ болѣе 24,000, иногородныхъ болѣе 4000, военно-служащихъ 4,500, купцовъ 1,550, иностранцовъ 2,612, Евреевъ не приписанныхъ болѣе 2,000, крестьянъ и дворовыхъ людей только 722: совершенно особенная физіономія отъ другихъ русскихъ городовъ.

=

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

Философія правды, архимандрита Гавриила, богословскихъ и философскихъ наукъ при Казанскомъ Университетѣ преподавателя. Казань, 1844. — «Философія правды,» говоритъ почтенный авторъ, есть наука о вѣчныхъ законахъ справедливости, и предложеніи ихъ. Сообразность дѣятельности нашей съ вѣчными законами справедливости, есть наша правда, justice, а не правда — все, что не сообразно съ ними.» Правда, доказываетъ онъ, бываетъ «внутренняя», въ чувствахъ и мысляхъ, и «внѣшняя», въ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Въ древнія времена, занимались правдою, какъ наукою. Грощусъ между

возвѣщеніи утрачивался съ самыми блестящими успѣхами въ этой наукѣ, которую Пуссендорфъ приблизилъ къ совершенству. Тонадиусъ въ 1705 году, раздробилъ философію правды на отдѣльные ученія, пока паномеицъ Кантъ не слѣдалъ между ними настоящаго разрыва. Отсюда — якобинизмъ, матеріализмъ, атеизмъ. Монтеианъ своими книгами началъ «выпущать по кускамъ незамѣтный ядъ въ читателей». За нимъ слѣдовалъ «свидѣнный Руссо», а послѣ него Мирабо, Буланжеръ, Вольтера, Ламетри, аббатъ Синосъ, Дассиетъ, и прочіе. Въ Германіи Ахенвалъ храбро сражался за истину, но Фихте умѣлъ замѣнить философію правды какою-то «сборникомъ началъ и слѣдствій»; нестойчивый Шоллингъ пренебрегъ ее вовсе, а школа Гегели водвигнута на пантеистическихъ основаніяхъ. У насъ въ Россіи, по свидѣтельству почтеннаго автора, былъ первоначальнымъ философъ правды Городчаниневъ, а за нимъ Лодій, Неволнъ, Сергѣевъ, Сычуговъ, Авагасевичъ. Изложивъ исторію науки, брошюра излагаетъ самую науку, «разсматривая правду въ идеалѣ, и правду въ приѣмленіи ея опывному міру гражданскихъ обществъ». Въ заключеніе разсматриваются образы правленія, и философское народное право.

Отчетъ московскаго оверъ-полиціймейстера, за 1842 годъ. *Москва. 1843.* — Постепенное усовершенствованіе этихъ отчетовъ въ Москвѣ было уже замѣчено въ этомъ журналѣ. Увеличиваясь въ объемѣ и улучшаясь съ каждымъ годомъ, московскій «Отчетъ» перешелъ отъ простыхъ таблицъ къ характеристической картинѣ древней нашей столицы. Кромѣ подробныхъ изчисленій жителей, домовъ, фабрикъ, и прочаго, находятся тутъ свѣдѣнія о промышленности, увеселеніяхъ, замѣчательныхъ случаяхъ Москвы, цѣнахъ припасовъ, народномъ здоровьѣ, и такъ далѣе. Въ 1842 году въ Москвѣ было жителей 357,185, — мужескаго пола 222,142, женскаго 135,043, — раздѣленныхъ, по мѣстамъ жительства, на семнадцать частей, въ каждой отъ 15,000 до 37,000. По званіямъ, духовенства считалось 4,961; военно-служащихъ 21,219, гражданскаго вѣдомства 8,352, отставныхъ 11,488, и 8,482 особъ женскаго пола всѣхъ трехъ

отдѣлений; кушцовъ 10,854, мѣщанъ 50,602, цѣковыхъ 9,995, иностранцевъ 3,848, дворовыхъ людей по паспортамъ 27,745; при господахъ 23,580, крестьянъ 105,437. По вѣройсповѣданіямъ, православнаго 347,549, лютеранскаго 5,900. Родилось 15,096, умерло 14,033. Народонаселеніе Москвы помѣщается въ 3,772 каменныхъ и 8,354 деревянныхъ домахъ, при которыхъ флигелей считаютъ до 7,420. Оцѣнка этихъ 9,695 домовъ, по окладнымъ книгамъ, простиралась до 50,000,000 рублей серебромъ, а лавокъ и лавазовъ до 9,000,000. Сумма застрахованій отъ огня составляла однако жъ не болѣе 26,000,000. Церквей 375, и при нихъ придѣловъ 612, монастырей 21.

Въ Москву привезено, въ 1842 году, муки ржаной 441,800 пудовъ, крупчатой 28,200, грешневой 14,600 пшеницы, ржи 23,800, пшеницы 225,800, ячменя 40,540, овса 20,380, крупъ грешневыхъ 161,400, овса 604,000 четвертей, сѣна болѣе 600,000 пудовъ, соломы до 30,000 везовъ. Скота пригнано крупнаго 70,000 головъ, мелкаго, до 20,000.—Фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній считалось до 4,364; на нихъ русскихъ мастеровъ 4,827, иностранныхъ 336, работниковъ до 56,000; сумма выработанныхъ издѣлій составляла болѣе 24,000,000 рублей серебромъ. Магазиновъ 247, лавокъ въ рядахъ 3,357, при домахъ 2,240; гостинницъ 18, ресторацій 208, трактировъ 50, кофейныхъ 11, кандитерскихъ 30, реисковыхъ погребовъ 286, кабаковъ 135, лавокъ нитейнаго откупа 81, продажа въ нихъ составляла до 2,500,000 рублей серебромъ; портерныхъ и полпивныхъ лавочекъ 214: продажа въ нихъ на 700,000 рублей.

Знаменитое московское Дворянское Собраніе находилось въ большомъ упадкѣ: баловъ всего было осемь, и на нихъ посѣтителей не болѣе 6,000; въ тринадцати маскарадахъ 14,000, въ осемнадцати концертахъ 7,500 посѣтителей. Также упало гулянье перваго мая въ Сокольникахъ: въ то время когда число экипажей доходило тамъ до 7,000, но въ 1842 году было только 1,689. Зато клубы процвѣтаютъ: втеченіи года въ Купеческомъ Клубѣ посѣтителей было до 25,000, въ Англійскомъ 46,000, въ Дворянскомъ 52,000, въ Нѣмецкомъ 70,000, а въ девяти маскарадахъ его 18,000.

Въ 1842 году было въ Москвѣ 30 пожаровъ; все незначи-
 тельные. Кражъ и мошенничествъ 1,134; въ томъ чис-
 лѣ 300 не превышали 20 рублей, 380 ста рублей, а свыше
 ста рублей было 454. Въ числѣ *происшествій* повторяются
 несчастія, происходящія отъ неосторожности при чисткѣ
 колодцовъ, — задушеніе зловонными испареніями, — и при
 истребленіяхъ крысъ мышьякомъ. Одно семи-лѣтнее дитя
 сгорѣло приблизившись къ топящейся печкѣ. Въ числѣ
 самоубійствъ замѣчательна смерть жены бѣднаго отстав-
 наго унтеръ-офицера: она отдала дитя свое въ Воспита-
 тельный Домъ, и не перенесла разлуки съ нимъ. Вотъ еще
 любопытный случай въ медицинскомъ отношеніи: женщи-
 на двадцати-четырехъ лѣтъ осьми лѣтъ была умушена
 бѣшеною собакою: только черезъ три дня извѣстили томъ
 врачей; обѣ взяты были въ больницу; откуда выпущены
 послѣ принятія предохранительныхъ мѣръ: черезъ три мѣ-
 сяца женщина умерла въ припадкахъ бѣшенства, оказав-
 шагося внезапно, но дѣвочка осталась живою и здоровою,
 хотя укушенія были одинаковы у той и другой.

*Игра лото, съ описаніемъ ея исторіи и приложеніемъ къ
 ней математическихъ вѣроятностей, таблицы выигрышей
 и проигрышей каждаго номера (мѣста) въ Московскомъ Ав-
 рьянскомъ клубѣ, за четыре мѣсяца; ключа, по которому
 должны выставляться для лото карты, и новую способи
 играть въ лото посредствомъ обыкновенныхъ картъ. Москва,
 1843.* — Злословіе могло бы сдѣлать большую книгу, но бро-
 шюрка добра до невѣроятности, — маленькая и ниленькая. —
 что ни мало не мѣшаетъ глубокомысленности изысканій
 объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ, занимающихъ
 теперь Москву. Бѣлокаменную завоевалъ побѣдитель сив-
 рѣйше Наполеона: *Лото!* Но она ему покорилаась доброволь-
 но. Лото властвуетъ теперь въ ней деспотически, волнуется,
 веселится и огорчаетъ Московичей, председатель въ клу-
 бахъ, гонитъ изъ нихъ бостонъ, вистъ, преферансъ, со-
 ставляетъ предметъ разговоровъ, споровъ, закладовъ, и
 ему, его исторіи, его теоріи, посвящено подлежащее со-
 чиненіе съ длиннымъ заглавіемъ. Авторъ открылъ, что
 лото изобрѣтено въ Генуѣ, нѣкогда было въ модѣ повсю-
 ду, потомъ заброшено, и въ наши дни возобновлено усер-

дѣломъ московскихъ клубовъ, сперва Нѣмецкаго, потомъ Англійскаго, наконецъ Дворянскаго, гдѣ оно достигло «высшей точки своего развитія». Въ самомъ дѣлѣ, въ четыре мѣсяца, въ дворянскомъ клубѣ сыграно 10,207 ставокъ, въ которыхъ перевернулось капитала 3,062,100 рублей. А говорятъ, будто въ Россіи нѣтъ капиталовъ и даже нѣтъ для нихъ употребленій! Но надо отдать честь благоправію Москаичей: при расчетѣ за четыре мѣсяца оказалось, что изъ числа любителей лото одни проиграли, а другіе выиграли только 115,489 рубля 50 копѣекъ. Изъ этой суммы игроки получили 64,454 рубля 50 копѣекъ, а 51,035 взялъ себѣ клубъ за ставки, собирая по пяти рублей съ каждой. Ему открылась возможность поднимать побѣдителей за рубль серебра такимъ обѣдомъ, котораго не купишь въ другомъ мѣстѣ за три рубля. Половина выигрыша, по обычаю доброй Москвы, обращается на благотворенія: клубъ послалъ дѣзъ нея погорѣвшимъ въ Казани и Пермѣ до 20,000 рублей, отдалъ на Дѣтскую Больницу 6,622 рубля, и на другія частныя дѣла издержалъ слишкомъ 7,000, всего до 33,000 рублей ассигнаціями. Кромѣ этихъ явныхъ выгодъ, лото въ умственномъ отношеніи еще спасительно для головы: весь умъ играющихъ остается въ экономіи. Игра—самая простая: только сиди, да накрывай нумера. О мудреномъ ея составѣ расскажетъ вамъ сама брошюра, даже научитъ замѣнять доска обыкновенными картами, послѣ чего можете играть въ лото дома, у сосѣда, гдѣ угодно: сошлись гости, взяли нѣсколько колоды картъ, и—лото готово. Не забудьте только, половину выигрыша, по примѣру благородной Москвы, употребить на пособія страдальцамъ.

Бесѣды о торговлѣ и товаровѣдѣніи. Н. С. В—ова. С. Пб., 1844.—Это лекціи или, какъ авторъ ихъ называетъ, бесѣды, читаемыя для немногихъ. Авторъ, опытный биржевой купецъ, хотѣлъ преподавать воспитанникамъ одного учебнаго заведенія нѣсколько практическихъ свѣдѣній о русской торговлѣ и главныхъ русскихъ товарахъ, и, въ часы досуга, бесѣдовалъ съ ними о своемъ предметѣ. Желательно видѣть «Бесѣды» госпожи В—ова напо-

чатаяны для болѣе многочисленнаго круга читателей: онѣ были бы превосходнымъ руководствомъ для молодыхъ купцовъ. Въ двухъ отпечатанныхъ «бесѣдахъ», впрочемъ, кромѣ исторіи торговли, говоритъ о салѣ, ж. коноплиномъ маслѣ, объясняетъ ихъ сорты, браковку, условия отпуска, цѣны, и прочая. Сала производится въ Петербургѣ ежегодно отъ 130,000 до 150,000 бочекъ, болѣе всего, изъ тамбовской (28,000), курской (22,000), и воронежской (20,000) губерній. Портъ отпускаетъ его ежегодно отъ 4.000,000 до 4.500,000 пудовъ; въ одну Англію до 3,500,000. Расходы на покупку и провозъ до Англій составляютъ до 6 рублей 43 копѣекъ съ пуда. Масло коноплянаго отпускаетъ петербургскій портъ отъ 200,000 до 350,000 пудовъ. Этому роду подробности, какъ всякой видятъ, были бы очень любопытны для помещиковъ, поставщиковъ, капиталистовъ и для множества другихъ читателей: стоитъ труда изъ легучихъ «Бесѣдъ» сдѣлать книгу. Господинъ В—въ, вѣроятно, подумаетъ объ этомъ.

Опытный бѣлильщикъ разнаго влаго тканья. Составлено С. Пер—мъ. Москва, 1843.—Для бѣленія запасается козельская зола, а въ другихъ мѣстахъ шадрикомъ называемая, зола же особеннаго роду. Эти двѣ золы дѣлаютъ изъ себя щолокъ, который наливается въ корыта, и кладутъ суровыя полотна или куски, и смочивши ихъ довольно хорошо, класть въ большія корчаги залажа сверху трюпичаши или другимъ чѣмъ портяннѣе, опрокидывать ту корчагу въ печь на подъ, чтобы стояла корчага вверхъ дномъ, гдѣ до самаго утра прѣдѣтъ, заслонивши печь.

О томъ, какой и гдѣ былъ самый древнѣйшій бытъ нынѣ православнаго государства русскаго. Не для всякаго, а только про робята русскіе, рассказъ отставнаго полковника Макарія Быстрорѣцкаго. Москва, 1843.—«Слушайте ребята!» После чего брошюра не для всякаго рассказываетъ, что какіе то рошевики жили гдѣ-то въ подсолонечной степи, въ дунайской области, что нынѣ называютъ Румліи, и прогнали они оттуда всѣхъ Нѣмцовъ, ржавшихъ акикони. Потомъ пошли сами, побили Нѣмцовъ, засели-

ли Европу, назвали въ ней одну рѣку *безыменку Дунаецъ*, «подняли Европу волажъ на рога, стали ее рыть, копать, рубить, чистить, распякивать, и замаллась она. *Роцесики* назвались, кто *Поморляне*, кто *Полляне*, кто *Дресляне*; нѣкоторые изъ нихъ назвались *Коклями*, а начальники ихъ *Гродожами* или *Гродожами*, или *строителями градовъ*, и память ихъ сохранилась въ русскихъ сказкахъ подъ именемъ *царя Гороха*. Потомъ всѣ *роцесики* перессорились. Нѣмцы прогнали ихъ въ *Свиру*, гдѣ построили они *Новгородъ* и *Кіевъ*. Гостомилъ, убавилъ Новгородцовъ послать въ *Порусье*, а въ *Прирусье*. Пришли братья *Рорыкъ*, то есть, *соколъ*, съ братьями *Знвомъ*, то есть, *захаремъ*, и *Требоцемъ*, то есть, *Требославомъ*, и *сваржилась*, собственно *сворожилась*, или *сварилась*, то есть, *сварилась Русь*, отчего *роцесики* и назвались *Варягами*.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОПЪ, или собраніе мелкихъ сочиненій. Автора повѣсти *Мужъ подъ башмакомъ* и *мныхъ*. СПб. 1844.—Извѣстный вздоръ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Осьмая книжка «*Санктпетербургской Флоры*», по обѣщанію, явилась въ свѣтъ втеченіи января.

— «*Письма Русскаго изъ Персіи*», сочиненіе Н. М... , вышедшія въ концѣ мѣсяца, заслуживаютъ любопытства читателей путешествій.

— Вотъ заглавіе еще одного новаго творенія: «*Юродивый мальчикъ въ жемчужномъ зеленомъ клобуцѣ, сочиненіе ассессора и кавалера Аванасья Анагвскаго. Изданіе перес.* СПб., 1844.» О такихъ книгахъ дважды не говорятъ: поэтому, надо здѣсь же выписать изъ нея нѣсколько строчекъ со всею подобающею точностью. Твореніе начинается такъ: «Такъ говорилъ юродивый мальчикъ, смотря на небо: здѣсь въ красной день, сквозь Солнца ор-

«знаетъ маленькой дождикъ—Гармонія, Ирены—звукъ милый, Все прельщаетъ.—Я вижу въ лѣсу хоръ пѣвчихъ. «Ихъ кадансы задалсь и вверхъ тонки голоса завилсь. «Возгѣ пѣвчихъ»... и прочая. Господинъ ассессоръ и кавалеръ, Аванасій Анаевскій, знаетъ, почему онъ написалъ на заглавномъ листкѣ—«изданіе первое»: это — одно изъ тѣхъ твореній, которыя перепечатываются до безконечности безъ измѣненій.

=

VII.

СМЪСЪ.

ВРЕМЯ И ПИЩА ЧЕЛОВѢКА. Время кажется намъ, мелкимъ созданіямъ, чѣмъ-то ужасно длиннымъ, безконечнымъ, такъ, что мы раздѣляемъ его на множество частей различной величины, отъ тысячелѣтій и столѣтій до минутъ и секундъ. Въ этомъ дѣленіи, годъ представляемъ мы себѣ уже очень крупною частью. Но что значитъ годъ въ механизмѣ вселенной? Одинъ оборотъ нашего шарика, Земли, около солнца! Войдите въ токарную и посмотрите на маховое колесо, которое вертится съ быстротою, едва примѣтною для глаза: каждый поворотъ этого колеса изображаетъ въ точности земной годъ; онъ короче мгновенія. Семьдесятъ пять такихъ поворотовъ занимаютъ не болѣе семи или осми секундъ времени; а семьдесятъ пять такихъ же, столь же быстрыхъ, столь же мгновенныхъ, поворотовъ Земли около солнца — очень порядочная жизнь человѣческая. Минута—совсѣмъ маленькая частица времени: въ этомъ всѣ согласны. Но если сочтете, сколько минутъ протекло съ Рождества Христова, сами удивитесь незначительности того, что мы называемъ «тысячелѣтіями:» окажется, что въ этотъ промежутокъ, въ который пало и возникло столько царствъ, совершилось столько перемѣнъ и измѣненій, не протекло даже тысячи миллионъ секундъ. Въ годичномъ бюджетѣ

Англія и Франція—гораздо болѣе рублей чѣмъ во всѣхъ 1843 годахъ минутъ. Въ году, минутъ, среднимъ числомъ, 526,000. Считайте: съ сотворенія міра (7350 лѣтъ) прошло не сполна 387,000,000 минутъ. Государственный долгъ Европы представляетъ, на рубли, итогъ несравненно значительнѣе. Сто сорокъ шесть пятидесяти-лѣтнихъ человѣкъ отдѣляютъ насъ отъ времени Адама: если бы каждый изъ нихъ тщательно передавалъ другому то, что слышалъ и видѣлъ, то не болѣе какъ черезъ сто сорокъ шесть устъ мы могли бы знать все, что говорилъ и дѣлалъ первый человѣкъ на Землѣ. Взявъ семидесяти-трехъ-лѣтнихъ людей, мы найдемъ, что на живую всеобщую исторію, отъ Сотворенія Мира донынѣ, понадобилось бы не болѣе какъ сто человѣкъ. Если исторія роду человѣческаго такъ темна и неполна, такъ это зависитъ единственно отъ собственнаго его нерадѣнія, а не отъ предполагаемой ужасной отдаленности времени. Еще живы многія деревья, которыя видѣли потопъ и, можетъ-быть, первый годъ міра.

На сонъ съ его принадлежностями нужно въ сутки осемь часовъ времени. Слѣдовательно, эти сто человѣкъ жили на-яву, въ сложности, только 4900 лѣтъ, то есть, весь родъ человѣчскій, въ прямой восходящей линіи времени, проспалъ съ Сотворенія Мира до нынѣ 2450 лѣтъ, а дѣйствовалъ и думалъ не сполна 5000 лѣтъ или около 250,000,000 минутъ: не мудрено послѣ этого, что онъ такъ мало сдѣлалъ умнаго и еще менѣе выдумалъ хорошаго.

Но если человѣкъ жилъ и мыслилъ не много, зато онъ много съѣлъ и вышилъ. Масса поглощенныхъ имъ веществъ превосходитъ воображеніе. Среднимъ числомъ, человѣку нужно въ сутки, пищи, питья и воздуху, 10 фунтовъ, а именно:

Хлѣба.....	1 1/8
Мяса, овощей, травы, и прочая.....	1 1/8
Воды.....	2
Воздуху.....	5
	<hr/>
	10

Изъ этихъ 5 фунтовъ воздуха, онъ удерживаетъ въ себѣ только 2 1/8 фунта кислорода, а вторые 2 1/8 фунта, со-

стоящіе изъ нѣ къ чему негоднаго азоту, выдыхаетъ тогда-часъ обратно: но всё же истребляетъ онъ въ сутки не менѣе 5 фунтовъ атмосферы.

Въ 73 годахъ человѣческой жизни заключается 21,660 сутокъ. По 10 фунтовъ въ сутки, въ 73 года человекъ поглотитъ 216,600 фунтовъ или 5,415 пудовъ различныхъ веществъ, то есть, вѣсъ *тысячи двухъ сотъ* подобныхъ себѣ человекъ, предполагая, что самъ онъ вѣситъ $4\frac{1}{2}$ пуда. Если пудъ этихъ веществъ, вообще легкихъ, но смѣшанныхъ и вмѣстѣ взятыхъ, равенъ объемомъ только 2 кубическимъ футамъ, то одинъ человекъ, въ жизнь свою, поглощаетъ огромный холмъ массы, вышиною съ Александровскую Колонну.

На всей землѣ можно полагать нынче 1,000,000,000 душъ народонаселенія: по 10 фунтовъ, оно поглощаетъ въ однѣ сутки 250,000,000 пудовъ вещества, въ одно столѣтіе 7,225,000,000,000 пудовъ, въ одно тысячелѣтіе 72,250,000,000,000 пудовъ.

Кубическій футъ Земли, считая въ одно песокъ, камень, воду и пустоты, наполненные газами, вѣситъ 5 пудовъ. Земной шаръ заключаетъ въ себѣ 7,300,000,000,000 кубическихъ верстъ. Въ кубической верстѣ—фунтовъ 428,650,000. Такимъ образомъ, весь шаръ земной вѣситъ 19,255 триллионовъ пудовъ. Но расчетъ этотъ преувеличенъ. По новѣйшимъ и болѣе точнымъ вычисленіямъ, пропорція тяжести твердой части планеты къ тяжести жидкой ея части, то есть, воды, не превосходитъ пропорціи 1: къ 3. Такимъ образомъ, кубическій футъ нашей планеты, въ сложности, будетъ вѣсить только $3\frac{1}{2}$ пуда, вмѣсто 5, и вѣсъ шара не долженъ превышать 15,000 триллионовъ пудовъ.

Ровно годъ тому назадъ представили мы здѣсь вычисленіе, что родъ человѣческой умножается очень правильно каждый годъ полу-процентомъ, и что нынѣшнее народонаселеніе Земли отъ 2 человекъ, могло дойти до 1,000,000,000 душъ втеченіи 6,000 лѣтъ. Поэтому человекъ поглотилъ и передѣлалъ въ своихъ сосудахъ уже $\frac{1}{1000}$ часть Земнаго Шара, а черезъ тысячу лѣтъ, когда народонаселеніе будетъ считаться на землѣ билліонами, родъ человѣческой станетъ съѣдать всю планету не болѣе какъ въ *два столѣтія*.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ УМОМЪ ПТИЦЪ. *Белмійство натуралиста, юслюдина Изабд.* Птички Божіи не до такой степени лишены разсужденія, какъ обыкновенно полагаютъ. Многія изъ нихъ обнаруживаютъ явные признаки довольно тонкаго ума и можно сказать вообще, что народъ крылатый гораздо умнѣ четвероногаго. Это должно приписать преимущественно тому, что у большей части птицъ есть родъ дару слова, родъ языка. Онѣ произносятъ звуки съ различными наклоненіями, и хотя въ этихъ звукахъ не бываетъ болѣе одной гласной, однако жъ ротъ и языкъ ихъ въ состояніи образовать нѣсколько различныхъ шелканий, ударовъ, или согласныхъ: отсюда очевидно возникаетъ рядъ словъ, къ которымъ птицы привязываютъ извѣстныя значенія: въ этомъ не сомнѣвается никто изъ наблюдателей, изучавшихъ ихъ нравы, сигналы и такъ называемыя пѣсни. Многія обладаютъ даже способностью подражать звукамъ человѣческихъ языковъ и чисто произносятъ болшую часть нашихъ гласныхъ и согласныхъ. Во всемъ царствѣ животномъ однѣ птицы надѣлены положительнымъ чувствомъ музыки, перенимаютъ мелодіи и охотно повторяютъ ихъ. При всѣхъ этихъ средствахъ, умственныя способности не могутъ не развиваться до извѣстной степени. Замѣчательно, что у множества птицъ проявляется склонность къ воровству, склонность, требующая уже не только хитрости, но и соображенія, и, между млекопитающими, свойственная только обезьянамъ, породѣ самой близкой къ человѣку. Какъ и въ человѣческомъ родѣ, понятія дикихъ птичьихъ племенъ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ тѣхъ, которыя сближаются съ человѣкомъ и имѣютъ случай образоваться. Какъ и въ классѣ млекопитающихъ, плотоядныя или хищныя породы гораздо умнѣ питающихся одними растеніями.

Въ семействѣ коршуновъ есть двѣ породы чрезвычайно замѣчательныя: *катартъ-урубубу* и *каракара*. Очевидно, что эти имена принадлежать къ языку дикихъ обитателей Южной Америки.

Говорятъ, что путешественникъ никакъ не можетъ одинъ проѣхать по американскому матеріку: его всегда провожаютъ нѣсколько каракаръ. Эти птицы ни сколько не об-

ятся человека и весьма справедливо рассуждаютъ, что нельзя же ему во всю дорогу ничего не ѣсть. Покуда путешественникъ ѣдетъ, ихъ не видно; но чуть онъ остановился, чтобы поѣсть, онѣ тутъ-какъ-тутъ, въ надеждѣ авось-ли-бо удастся чѣмъ-нибудь поживиться. Но несчастныя каракары имѣютъ дурную привычку нападать на домашнюю птицу и даже на маленькихъ ягнятъ и потому люди смотрятъ на нихъ какъ на непріятелей и истребляютъ гдѣ только можно, при каждомъ удобномъ случаѣ.

Катаргъ-урубубу, напротивъ-того, имѣетъ честь пользоваться не только людскою привязанностью, но даже покровительствомъ: въ нѣкоторыхъ изъ государствъ Южной Америки за умерщвленіе катарга-урубубу назначено семьдесятъ рублей серебромъ штрафа. Послѣ этого не мудрено, что катаргъ-урубубу тамъ чрезвычайно размножились и обходятся съ людьми не только фамиліарно, но даже иногда довольно нагло. Господинъ Гумбольдтъ видѣлъ однажды, какъ эти птицы стаскивали говядину съ хлѣба, который ѣли на полѣ работники. Тотъ же путешественникъ рассказываетъ объ нихъ множество анекдотовъ. Вотъ между прочимъ одинъ, весьма замѣчательный. Урубубу, по какому-то несчастному случаю лишилась ноги; это однако жъ не помѣшало птицѣ посѣщать деревню крещеныхъ Индѣйцевъ: тамъ была ея главная квартира. Всѣ ее знали и любили. У воротъ одного монастыря каждыя двѣ недѣли раздавали съѣстные припасы всѣмъ сосѣднимъ бѣднякамъ и въ-особенности калѣкамъ. Урубубу всегда являлась туда въ числѣ своихъ изувѣченныхъ собратій: Такая же раздача производилась въ другомъ монастырѣ, верстахъ въ осьмидесяти оттуда. Урубубу всегда являлась и тамъ въ назначенное время, чтобы воспользоваться правами и преимуществами калѣки, и потомъ возвращалась во-свояси.

Всѣ хищныя птицы, принадлежащія къ породѣ соколовъ, отличаются чрезвычайной неустрашимостію и обращеніемъ отъ падали. Онѣ обыкновенно питаются мясомъ птицъ, которыя такъ слабы, что не могутъ имъ противиться; но зато нападаютъ на нихъ всегда на-лету и такимъ образомъ даютъ имъ нѣкоторую возможность спастись. Впрочемъ, онѣ неустрашимо вступаютъ въ бой и съ

опасными неприятелями и нередко случается, что соколъ погибаетъ въ битвѣ съ какою-нибудь смѣлою цаплею.

Мѣсто не позволяетъ намъ заняться здѣсь соколиной охотою. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ есть множество книгъ, любопытныхъ памятниковъ, оставленныхъ намъ Европейцами среднихъ вѣковъ и даже нашими предками. Известно, что наши русскіе цари и бояре были страстными любителями соколиной охоты. Чтобы взрослога сокола усмирить и сдѣлать ручнымъ, ему не давали спать по крайней-мѣрѣ трое сутокъ сразу. Для этого охотники, которые часто перемѣнялись, носили его на рукѣ и безпрестанно потрясали. Потомъ начиналось настоящее обученіе. Птица, которую давали соколу, чтобы приучать его приносить добычу козынну, называлась приманкою. Сокола приучали охотиться за зайцами, нарядя въ заячью шкуру несчастную курицу. Такъ дѣлали и съ другою добычею и за всякой подвигъ награждали сокола какимъ-нибудь лакомымъ кускомъ.

Чѣмъ больше птица, тѣмъ скорѣе можно обучить ее. Для воспитанія взрослога сокола нужно отъ двадцати до тридцати дней; для кречета два мѣсяца; для ястреба довольно недѣль двухъ; чеглока можно обучить еще скорѣе. Эта птица, красивая, живая, смѣшная, пользовалась во Франціи большимъ уваженіемъ. Тамъ называютъ чеглоками, *hobereau*, мелкихъ провинціальныхъ дворянчиковъ, которые не имѣли права потѣшаться соколиною охотою.

Киргизы, кочующіе по берегамъ Каспійскаго Моря, какъ известно, страстно любятъ этого роду охоту и даже приучаютъ къ ней орловъ.

Многіе думаютъ, что хищныя птицы одарены чрезвычайно тонкимъ чутьемъ. Господинъ *Jaidore Geoffroy-Saint-Hilaire* доказалъ, что это общее мнѣніе совершенно неосновательно. Изъ всѣхъ чувствъ у хищныхъ птицъ остро одно только зрѣніе, и имъ однимъ онѣ и пользуются, когда отыскиваютъ добычи. Для этого онѣ и обрисываютъ въ воздухѣ огромные круги: обозрѣваютъ такимъ образомъ весь околотокъ и добыча не скроется отъ ихъ зоркихъ глазъ.

Въ семействѣ чужевидныхъ хищниковъ есть замѣча-

тельная порода, которая называется ойнайстоуль или змбедомъ. Это непримиримый врагъ змѣй. Сражаясь съ одною изъ этихъ гадюкъ, хохлатый синайстъ подставляетъ ей длинныя и толстыя перья своихъ крыльевъ, чтобы она на нихъ истощила свой ядъ и свою безоглядную ярость. Измучивъ змѣю, синайстъ уноситъ ее высоко на воздухъ и бросаетъ на землю; потомъ самъ спускается и клювомъ разбиваетъ гадюкѣ голову. Давъ двадцать летъ задѣ, господинъ Изабъ видѣлъ въ Роттердамѣ хохлатого синайста, привезеннаго съ Мысу Доброй Надежды; онъ сдѣлался совершенно ручнымъ и вѣршило очищать дворъ и садъ своего хозяина отъ лягушекъ, ящерицъ, крысъ, мышей, не пренебрегая даже улитками. Онъ бѣлъ много и всегда въ назначенное время. Проголодавшись, онъ приходилъ къ дверямъ кухни и вѣршилъ ихъ лапой. Если въ назначенное время ему не дали ѣсть, онъ отправлялся на задній дворъ, ловилъ цыпленка, убивалъ его, всегда однимъ ударомъ въ голову, приносилъ къ дверямъ кухни и тутъ уже начиналъ ѣсть. Если въ это время ему подавали его порцію, онъ тотчасъ покидалъ цыпленка. Безъ нужды онъ никогда не трогалъ домашнихъ птицъ и даже исправлялъ на птичьемъ дворѣ обязанность полицейскаго, не давалъ большимъ бить маленькихъ и всегда разнималъ дерущихся.

Охота съ хищными птицами перевелась въ Европѣ, много жалъ для дамъ, которыя, за исключеніемъ немногихъ тигрицъ, не охотницы стрѣлять изъ ружей. Имъ, конечно, пріятно было бы пустить съ своей руки птицу, чтобы она принесла имъ живую горлицу, перепелку или даже куропатку. Для этого не нужно ни соколовъ, ни сокольниковъ; стоитъ только взять пару ястребовъ, которые водятся въ здѣ и которыхъ легко обучить самому, такъ какъ нѣкогда обучали соколовъ.

Ястреба-самца обучить весьма легко во всякомъ возрастѣ. Онъ очень скоро привыкаетъ носить подочку какъ собака. Ястребъ чрезвычайно прожорливъ и пристрастенъ къ людямъ до того, что дѣлается навязчивымъ. Какъ-то скоро увидѣть, что гдѣ-нибудь обѣдаютъ, онъ бѣзъ церемоній является за столъ и беретъ что ему понравится.

У господина Изабё былъ вѣстребъ—самецъ, котораго онъ выидалъ, уже взрослою, сѣтью. Въ какую-нибудь вѣдлю, вѣстребъ выучился приносить живыхъ жаворонковъ и другихъ птичекъ. За столомъ онъ становился на одну лѣнку, а другою очень искусно доставалъ говядину, до которой онъ большой охотникъ. Иногда по утрамъ онъ отправлялся на охоту за свой собственный счетъ; но въ обыкновенное время всегда возвращался домой. Въ одно изъ этихъ путешествій онъ увидѣлъ, что на фермѣ близъ деревни Эмеконъ обѣдаютъ. Разсудивъ, что лучше полагаться готовымъ, чѣмъ еще охотиться, онъ сѣлъ на окно и сталъ царапать стекло когтями. Ему открыли окно и онъ безъ церемоній усялся на столъ въ обыкновенномъ своемъ положеніи, къ великой вѣтхѣ мужиковъ. Получивъ подачку, онъ всегда кивалъ головою, дѣлалъ жесты, какъ человѣкъ, и господинъ Изабё привелъ его своимъ дѣтямъ въ примѣръ учтивости.

Попугай подали поводъ ко многимъ любопытнымъ наблюденіямъ. Эти птицы совершенно безвредны. Ключъ у нихъ запертъ крючкомъ и очень крѣпокъ, но онъ употребляютъ его только для того, чтобы лазить на деревья и щипать плоды. Въ свободномъ состояніи попугай питается только растеніями; но ручные ѣдятъ что ни возло и дѣлаются большими лакомками.

Много говорено было объ инстинктѣ попугая; и этотъ счетъ есть безчисленное множество анекдотовъ. Господинъ Изабё рассказываетъ только нѣкоторые случаи, которое самъ видѣлъ. Попугай, какъ извѣстно, можетъ говорить; у нихъ языкъ млекопитающихъ. Богъ знаетъ почему попавшіи въ ключъ птицы. Соединяютъ ли они какой-нибудь смыслъ съ словами, которыя произносятъ? Очень часто; но только смыслъ, сообразный съ ихъ собственными идеями. Нѣсколько лѣтъ назадъ, господинъ Изабё купилъ попугая въ Парижѣ въ личной лавкѣ Кассариню, подъ вывѣскою Ноева Ковчега. У Кассариню былъ помощникъ, по имени Франсоа, который, подъ его главѣнскимъ начальствомъ, командовалъ отрядомъ попугая. Всѣ попугай Ноева ковчега знали имя Франсоа и клекали его во всю ночь, когда онъ не приносилъ

ить во время пира. Тотъ понугай, котораго купилъ господинъ Изабб, и въ новомъ своемъ жилищѣ, продолжалъ кланять Франсоа, какъ-скоро проголодается или захочетъ пить. Онъ уже зналъ кое-что и у прежняго хозяина. Между прочимъ, когда ему давали какія-нибудь лакомства, онъ тотчасъ принимался кричать по-испански: «Viva el rey!» Но когда случалось, что во время обѣда Жако забудутъ, онъ, истощивъ всѣ свои любезности, перешагивая все что зналъ, обращивался къ почтенной компаніи задомъ и оканчивалъ разговоръ некрасивымъ словомъ, котораго здѣсь и написать нельзя. Онъ очень зналъ, что это слово брань и потому говорилъ его только тѣмъ, кто ему не нравился или когда его разсердил. Нельзя же, чтобы это было, просто, случай.

Господину Д^{***} дѣлали операцию. Слыша жалобные крики своего господина, понугай его украдкою сошелъ со своего вѣсѣтья и острымъ своимъ клювомъ прокололъ оператору подкожную жилу. Бѣдный врачъ съ-тѣхъ-поръ во всю жизнь хромалъ.

Поговоримъ теперь о кукушкѣ. Сколько баснесловныхъ преданій объ этой птицѣ! Замѣчательно, что еще Аристотель опровергалъ басня о томъ, будто бы кукушка превращается иногда въ ястреба и въ жабу и путешествуетъ на спинѣ коршуна, а между-тѣмъ мужики почти во всей Европѣ до нынѣ вѣрятъ этимъ сказкамъ. Что касается до путешествій на спинѣ коршуновъ, то это было бы совершенно невозможно, если бы даже коршуны — порода не слишкомъ услужливая — и согласились носить кукушекъ на себѣ. Прилетая изъ Африки въ Европу, кукушки бываютъ совершенно измучены усталостію и голодомъ; оттого-то во Франціи и говорятъ: худъ какъ кукушка.

Только въ последнее время стали тщательно наблюдать нравы кукушекъ, и тогда оказалось, что они совсѣмъ не такъ, какъ прежде полагали. Теперь достоверно известно, что самка кукушки величайшая кокетка. Поселившись гдѣ-нибудь, она не подпускаетъ къ своимъ владѣніямъ ни одной соперницы. За нею всегда вѣлочатся нѣсколько самцовъ и стараются понравиться ей, крича на-

перерывъ *куку, куку*; она выбираетъ себѣ изъ нихъ любезнаго; но тщательно скрываетъ это отъ другихъ и удерживаетъ ихъ при себѣ, любезничая то съ тѣмъ, то съ другимъ и всѣмъ подавая надежды. Обманувъ соперниковъ своего любезнаго, она часто обманываетъ и его. Но шашни ея иногда открываются: изобличенная кокетка улетаетъ, а между ея обожателями начинаются дуэли на смерть. Самцы кукушки совершенно согласны съ мужчинами, что женщина и вообще самка—загадка неразрѣшимая. Съ сотворенія міра думали, что кукушка совершенно лишена чувства родительской любви; увѣрили даже, будто самка кукушки слишкомъ холодна, чтобы высидывать яйца. Правда, что кукушка никогда не вьетъ гнѣзда и кладетъ свои яйца въ чужое гнѣздо; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобы она нисколько о нихъ не заботилась? Отнюдь нѣтъ. Природа не лишила и ее материнскаго инстинкта, хотя она одарена имъ не больше какъ и другія кокетки. Вотъ какимъ образомъ она распорядается со своими яйцами. Начиная нестись, кукушка прискидываетъ какое нибудь гнѣздо, большое или маленькое, ей всё равно. Кукушечьи яйца попадаютъ въ гнѣздахъ малиновокъ, синицрей, горлицъ и множества другихъ птицъ разной величины. Яйцо кукушки также не велико какъ и яйца самой маленькой изъ птицъ, которымъ она вѣрять не печенія о своемъ потомствѣ.

Снеся яйцо, кукушка садится на дерево, по близости гнѣзда, въ которое положила его; если хозяева приняли это яйцо, она улетаетъ и кладетъ другія яйца въ иныя гнѣзда; она оставляетъ только по одному яйцу въ гнѣздахъ маленькихъ птицъ и никакъ не больше двухъ въ самыхъ большихъ гнѣздахъ. Случается, что хозяева гнѣзда не хотятъ высидывать чужаго яйца и чтобы избавиться отъ него, покидаютъ даже свой и вьютъ гнѣздо въ другомъ мѣстѣ. Кукушка тотчасъ беретъ свое яйцо; не когтями, какъ увѣрили многіе натуралисты, а клювомъ, который развѣваетъ для этого ужасно широко, и переноситъ приплодъ свой въ иное, болѣе гостеприимное гнѣздо. Но она ни въ какомъ случаѣ не покидаетъ своего яйца, пока не удостовѣрится, что хозяева приняли его.

Что же дѣлается съ яйцомъ, которое кукушка не пошлала, а только вѣрнула чужимъ? Пріемышъ выдуваетъ изъ яйца, хотя для этого ему нужно болѣе времени, чѣмъ законнымъ дѣтямъ хозяевъ гнѣзда. Выбравшись въ свѣтъ, онъ вчетверо или впятеро больше своихъ братьевъ и сестеръ. Пользуясь этимъ преимуществомъ, благодарный выкидываетъ изъ гнѣзда дѣтей своихъ благодѣтелей и тѣ мучатся таская ему пишу, потому что ему одному нужно болѣе чѣмъ его жертвамъ всѣмъ амѣстѣ: и между-тѣмъ самецъ и самка, которые его принаде, никогда его не помнутъ.

Если въ одномъ гнѣздѣ два кукушечьихъ яйца, то птенцы сначала noveltyютъ дѣтей своихъ великодушныхъ хозяевъ, а потомъ тотъ изъ нихъ, который по-силѣе, выбрасываетъ брата или сестру, и остается единственнымъ обладателемъ гнѣзда.

ЛОВЛЯ КИТОВЪ. *Разказъ шкипера китоловнаго судна.* До-сихъ-поръ ловлю китовъ описывали только люди, которые ея отъ-роду не видывали Теперь. вотъ, противъ обыкновенія, человекъ, который нѣсколько лѣтъ велъ войну съ этими колоссами океана, самъ разсказываетъ настоящіи сцены и страшныя опасности этой охоты.

Китоловы начинаютъ готовиться къ ловлѣ, тогда уже, когда пройдутъ Асорскіе острова. Но прежде описанія самой ловли не худо сообщить читателямъ нѣкоторыя подробности о четырехъ видахъ китородныхъ, составляющихъ предметъ этой ловли. Начнемъ съ кита собственно такъ-называемаго, котораго Англичане зовутъ right whale (прямой китъ), потому что на спинѣ у него нѣтъ ни плавателей перьевъ ни горбовъ.

Въ южныхъ моряхъ, начиная отъ экватора и до сорокъ-пятаго градуса широты, киты бываютъ отъ шестидесяти-пяти до семидесяти футовъ длиною; впрочемъ надобно признаться, что это размѣры необыкновенные: есть киты не болѣе пятидесяти футовъ, считая отъ головы до конца хвоста. Но тѣ киты, которые водятся по-близости обоихъ полюсовъ, достигаютъ иногда истинно гигантскаго ррсту; въ сравненіи съ моллюсками они то же что дубъ въ отношеніи къ моху, который лежитъ на его кожѣ.

За исключеніемъ головы, тѣло кита устроено очень пропорціонально и совсѣмъ не представляетъ тѣхъ страшныхъ формъ, которыми безъ всякой причины надѣли его натуралисты и художники. Начиная съ шеи, которая, впрочемъ, собственно говоря, и не существуетъ, тѣло его постепенно расширяется до половины брѣха и спины; съ этого мѣста толщина его начинаетъ уменьшаться и у хвоста вдругъ суживается. Хвостъ у кита горизонтальный; онъ бываетъ иногда въ семь футовъ длиною и въ двадцать два шириною; въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Хвостъ служитъ киту не только могущественнымъ орудіемъ движенія, но и страшнымъ оружіемъ, противъ котораго ничто не можетъ устоять. Чтобы составить себѣ понятіе объ ужасной силѣ этой части китоваго тѣла, надобно видѣть огромные мускулы, которые помѣщены въ вѣтъ подлѣ сухихъ жилъ въ три дюйма въ діаметрѣ. Однажды китъ однимъ ударомъ этой живой булавы потопилъ лодку съ шестью человѣками; товарищи, сплывшіе къ нимъ на помощь, нашли уже только нѣсколько обломковъ лодки и большое кровавое пятно.

Голова кита имѣетъ странную, безобразную форму. Одни говорятъ, что она походитъ на будку, другіе — на опрокинутую лодку. Когда китъ поднимается на поверхность воды, чтобы подышать, верхняя его челюсть, которая при этомъ выставляется, дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое сходство съ опрокинутою лодкой; но когда китъ откроетъ свою огромную пасть, то голова его ни на что не похожа. Вмѣсто зубовъ у него роговое вещество, которое въ просторѣчій называется китовыми усами. Ихъ отъ двухъ сотъ пятидесяти до двухъ сотъ осьмидесяти съ каждой стороны; они сидятъ не въ лѣснахъ верхней челюсти, но въ веществѣ ослѣпительной бѣлизны, которое замѣняетъ десны. Эти такъ называемые усы состоятъ съ обѣихъ сторонъ рта черную перегородку, у которой наружная сторона гладкая, а внутренняя покрыта шерстинками, длиною въ пятнадцать или осьмнадцать дюймовъ, а толщиною вдвое противъ человѣческаго волоса. Это родъ сѣтки, въ которую попадають маленькія животныя, составляющія любимую пищу кита. Усы не вездѣ одной

длины. Самые длинныя находятся въ среднѣхъ. Нѣкоторые изъ нихъ бываютъ въ семнадцать футовъ длиною. Каждый усъ вѣсомъ фунта въ два, а такъ какъ ихъ обыкновенно около пяти сотъ, то зубы кита вѣсятъ *двадцать пять тысячъ*. Природа укрѣпила ихъ такъ сильно, что выбить эти зубы можно только топоромъ, и то очень трудно. Глаза кита вдвое болѣе бычачьихъ и никогда не бываютъ меньше, какъ многіе утверждали. Взглядъ у него кроткій, но не бессмысленный и двѣ глубокія морщины, похожія изъ-дали на брови, придаютъ ему выразительность. Когда кита убьютъ, глаза его еще часа два послѣ-того выражаютъ страданіе и ужасъ. Наружнаго уха у него совсѣмъ нѣтъ и слуховая труба такъ узка, что въ нее съ трудомъ проходитъ обыкновенный маленькій книжалъ. Несмотря на такое малое разнитіе акустическаго прибора, достовѣрно, извѣстно что слухъ этого животнаго очень тонокъ и простирается на огромное разстояніе. Дыхательныя отдушины находятся позади головы, при соединеніи ея съ шею. Вода, которая выходитъ оттуда, поднимается иногда футовъ на тридцать и оба фонтана бьютъ въ разныя стороны. По этимъ фонтанамъ, настоящаго кита можно за нѣсколько миль отличить отъ другихъ китообразныхъ, и это избавляетъ промышленниковъ отъ многихъ лишнихъ трудовъ и опасностей. Сосцы сами расположены съ обѣихъ сторонъ и прикрыты широкою складкою кожи; они выставляются изъ этого кармана только тогда, когда наполнены молокомъ и животное хочетъ покормить своего дѣтеныша.

Клѣтчатою веществомъ, облекающее все тѣло кита и составляющее масло, которое идетъ на разныя употребленія, называется жиромъ; объемъ его не вездѣ одинаковъ. На груди, брюхѣ и спинѣ жиръ толщиною дюймовъ въ семнадцать; но чѣмъ ближе къ хвосту, тѣмъ онъ становится тоньше. Китъ изъ сѣверо-западной части Америки можетъ дать до двухъ-сотъ сорока бочекъ масла. Бочка этого масла дается обыкновенно по пятнадцати рублей серебромъ; такимъ образомъ одинъ китъ можетъ доставить до трехъ тысячъ шести сотъ рублей серебромъ и даже до пяти тысячъ, когда масло продается по двадцати пяти рублей, что бывало не рѣдко. Не вѣдуче для италовозовъ дурнымъ временемъ: рѣнное масло совершенно вытѣснило китовое.

Было время когда китовъ ловили близъ европейскихъ береговъ; потомъ надобно было отправиться за ними въ сѣверныя льды или къ берегамъ Африки, Бразиліи, Чили: а теперь киты водятся во множествѣ только въ Полинезіи, да и тамъ число ихъ уменьшается. Если бы киты были ише довольно умны для того, чтобы удалиться изъ морей, гдѣ ихъ окружаютъ безчисленные непріатели, то порода ихъ должна переводиться уже и отъ того, что ихъ всякой годъ истребляютъ чрезвычайно много. Въ 1839 году около Новой Зеландіи было до двухъ сотъ американскихъ, англійскихъ и французскихъ судовъ, которыя занимались этимъ промысломъ. Можно полагать, что каждое судно убило крупнѣйшій числомъ по пятидесяти пяти китовъ: такимъ образомъ вотъ уже одиннадцать тысячъ этихъ животныхъ, истребленныхъ въ одинъ годъ въ уголку Океана. Считаю бочку китоваго жира въ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ серебромъ то есть, почти за-даромъ, выходитъ, что каждое китоловное судно, убивъ пятьдесятъ пять китовъ приобрѣло *сто шестьдесятъ пять тысячъ рублей серебромъ*, что очень не дурно, и послѣ этого нельзя удивляться, что люди охотно подвергаются опасностямъ этой романтичной ловли.

Говорятъ будто бы устье горла кита узко, такъ, что онъ можетъ глотать только весьма небольшія тѣла. Странное дѣло! Какъ это натуралисты повторяютъ одну за другою подобную нелѣзность! Небныя кости кита образуютъ отверстіе дюймовъ въ десять; и растягиваясь при глотаніи, горло его такъ широко, что онъ легко можетъ проглотить человека. Если бъ эта часть тѣла у него была образована такъ, какъ представляютъ тѣ, которые никогда ея не видали, хотя и говорятъ объ этомъ съ величайшею увѣренностію, то киты умирали бы съ голоду: проглатывая за-разъ весьма небольшое количество пищи, итъ, если бъ даже былъ безпрерывно, никогда бы не могъ утолить своего голоду, потому что аппетитъ его, конечно, долженъ быть пропорціоналенъ величинѣ его тѣла. А если вѣрить натуралистамъ, то бѣднѣйшій итъ не въ состояніи проглотить вдругъ и двухъ сардиньекъ.

Мнѣнія о быстротѣ плаванія кита весьма различны. Нѣ-

которые писатели не шута увѣряютъ, что онъ проплываетъ по двадцати пяти узломъ, то есть, больше сорока верстъ въ часъ. Это быспрота страшная; ее можно уменьшить, до крайней-мѣрѣ доброю третью, и остальнаго слишкомъ дозволено, чтобы измучить бѣдняковъ, которые принуждены гоняться за китами. Многие зоологи, въ томъ числѣ и Диомериль, утверждаютъ, что китъ могъ бы, если бъ ему вздумалось, совершить путешествіе вокругъ Земнаго Шара въ двадцать три дни, то есть, проплыть болѣе тысячц шестидесяти верстъ въ сутки. Это такой вздоръ, которому ни одинъ китоловъ не повѣритъ.

Материнская нежность китовыхъ самокъ чрезвычайно замѣчательна. Надобно видѣть, какъ самка заботится о своемъ дѣтенышѣ, замедляетъ для него бѣгъ свой, поджидаетъ его, если онъ отсталъ, догоняетъ, если онъ свернулъ съ дороги, а ежели онъ утомился или ему угрожаетъ опасность, то она беретъ его своимъ плавательнымъ перомъ, которое служитъ ей вѣсто руки, прижимаетъ его къ груди своей и убѣгаетъ съ нимъ. Но привязанность ея къ своему дѣтнышу въ особеннѣе выказывается тогда, когда острога, брошенная силой рукою, почти насквозь проткнула несчастнаго китка. Вѣсто-того, чтобы спастись бѣгствомъ, пока еще можно, бѣдная мать снѣхитъ къ своему дѣтнышу и неприятели, ожидавшій этого, нападаетъ на нее, оставляя китка, у котораго жиру еще жѣтъ. Если онъ еще живъ, то не остается отъ матери, а она врудится въ веревкахъ привязанныхъ къ острогамъ и не смѣетъ защищаться, чтобы не убить своего дѣтныша. Но если конче; брошенное въ большого кита, попаде въ маленькаго и убилю его, о, тогда матери ужасночего падитъ! Она яростно бросается на своихъ враговъ: и въ этой борьбѣ на-смерть между китомъ и человѣкомъ, еронецъ иногда льется съ обѣихъ сторонъ.

Когда надобно покерить маленькаго, самка плаветъ тихо, доходитъ на бокъ, и китокъ сосетъ, захватывая со-суды изъ складокъ; и китерникъ ны поворачиваетъ. Всему уче-нику профессоры, на лекціяхъ о китахъ, говоря въ советѣхъ другосложи увѣряютъ, что самка разиняетъ свое небо но водѣ: дѣтныши хлѣбають его тутъ. Эта слѣшная

оказана показывается только, что нѣтъ такой наглости, которой не утверждали бы ученые мужи.

За исключеніемъ челоуѣка, никудекого боится въ моряхъ, гдѣ онъ господствуетъ; онъ существо смелое, и страшное по своимъ ужаснымъ оборонительнымъ средствамъ; онъ плаваетъ спокойно въ безбрежныхъ пространствахъ Океана, потому что огромность его пугаетъ самыхъ страшныхъ морскихъ забіякъ. Нѣкоторые писатели, вѣроятно, чтобы придать исторіи кита драматическій колоритъ, утверждаютъ, что у него есть непримиримые враги въ его собственномъ царствѣ, и краснорѣчиво описываютъ страшныя битвы его съ пилой-рыбою; говорятъ, что удары, которые они наносятъ другъ другу, слышны за нѣскольکو миль и что кровь, вытекающая изъ ранъ кита обгагретъ огромное пространство. Китаюши знаютъ, что все это вздоръ. Но нѣкоторые старые моряки увѣряютъ, что дельфинъ очень любитъ китовый языкъ и что если ему удастся забраться въ пасть кита, то несчастное чудовище умираетъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Но въ всѣхъ, которые рассказываютъ такую страшную исторію, никто не видалъ этого своими глазами, а всегда слышалъ отъ другихъ. «А я самъ, говоритъ намъ шипоръ: собственными глазами видѣлъ около береговъ Перу плывущую тѣлу китовъ и дельфиновъ, которые, перемѣшавшись, играли между собою на солнцѣ. Они до того разыгрались, что даже не замѣтили какъ мы подошли. Мы уже забавлялись двумя китовъ прежде чѣмъ другіе успѣли спастись бѣствомъ. Теперь спрашивается: могли ли бы киты и дельфины играть между собою, если бъ были природными врагами? Моряки вообще и особенно американскіе, болѣе охотники до чудеснаго и до преувеличенія. Ночью во время продолжительнаго плаванія, чтобы убить какъ-нибудь время, они рассказываютъ исторіи, которыя довольно оригинальны, но почти всегда невѣроятны. Одинъ Американецъ увѣрялъ меня, что онъ самъ, собственными глазами, видѣлъ морскую змѣю; что это огромная гадина по-ирайской-мѣрѣ во сто разовъ длиннее и что ей неразъ случалось проглотить другую морскую змѣю. Конечно, пообрѣженіе не-меньше этого, слышно: слышно

Нынче морскихъ разсказчиковъ. Это животное чрезвычайно странное: плоское какъ доска, но длиною въ милю и шириною въ три. Есть еще чудо, извѣстное всѣмъ морякамъ: «Голландскій Летунъ», фантастическій корабль, который дѣлаетъ по пятнадцати узловъ въ часъ; а между тѣмъ на немъ ни кого нѣтъ, кромѣ только одного человека, огромнаго росту: надобно полагать, что это самъ сатана. Но это изобрѣтеніе уже устарѣло и потому подобно было замѣнить его новыми баснями, которыя бы отличались по-крайней-мѣрѣ своей новостію. Одинъ американскій шкиперъ разсказывалъ мнѣ, что онъ недавно убилъ кашалота, у котораго по всему тѣлу была шерсть какъ на выдрѣ. У шкипера оставался кусочекъ шкуры этого страшнаго звѣря и онъ обѣщалъ показать мнѣ эту рѣдкость, да все какъ-то забывалъ. Я нѣсколько разъ напоминалъ ему, и потомъ пересталъ.

«Кромѣ прямого кита, есть еще нѣсколько породъ этихъ животныхъ, которыя извѣстны у промышленниковъ подъ именами китовъ, съ крылушками, китовъ отмельныхъ и китовъ горбатыхъ. Первые двѣ породы бываютъ огромной величины; но онѣ не такъ жирны и притомъ жиръ ихъ, очень тонкой, даетъ мало масла. Усы ихъ не велики и не имѣютъ никакой цѣны. Недалеко отъ острововъ Четемъ, одинъ изъ этихъ китовъ вынырнулъ очень близко отъ насъ и проплылъ возлѣ борту корабля. Такимъ образомъ намъ было съ чѣмъ сравнить его, и мы убѣдились, что онъ по-крайней-мѣрѣ во сто тридцать футовъ длиною. Кашалотовъ бьютъ только въ бухтахъ, потому что въ открытомъ морѣ это почти невозможно: они не подпускаютъ къ себѣ близко. Кромѣ-того, благоразумные китоловы не багрятъ ихъ и потому, что они чрезвычайно проворны и въ минуту вытягиваютъ канаты брассъ въ триста. Моряки только кидаютъ въ нихъ кося, говоря, что это длятого только, чтобы пощекотать имъ кожу. Дѣйствительно, оружіе, которое дѣлаетъ раны въ пять футовъ глубиною, должно очень притивно щекотать кожу.»

Такъ какъ этихъ китовъ бьютъ рѣдко, то они чрезвычайно размножились. Они водятся вездѣ, въ обоихъ полушаріяхъ и подъ всѣми широтами. Если бы прямыхъ китовъ было по-больше, то китоловное ремесло было бы

очень выгодно: въ три мѣсяца можно бы добыть полный грузъ для судна тоннъ въ пять сотъ.

Кашалотовъ есть четыре или пять породъ, но мы будемъ говорить только о той, которая называется больше-головымъ губаномъ (*Iubrus macro cephalus*): длинная голова его составляетъ почти цѣлую треть всего тѣла. Она у него еще страннѣе и безобразнѣе, чѣмъ у прямого кита. Верхняя челюсть нѣсколькими дюймами длиннѣе нижней. Зубы только въ верхней и есть, а въ кости нижней находится углубленіе, въ которое зубы входятъ, когда животное закрываетъ пасть. Эти зубы иногда бываютъ длиною въ футъ. Они расположены не симметрически: иногда на одной сторонѣ двумя или тремя зубами больше чѣмъ на другой; всего ихъ отъ двадцати пяти до пятидесяти шести. Воду кашалотъ выбрасываетъ только однимъ отверзтіемъ, которое находится на верхней оконечности морды: щоптанъ бьетъ впередъ, такъ что когда кашалотъ не движется, то вода падаетъ въ нѣкоторомъ разстояніи передъ нимъ. Зубы и челюсти его состоятъ изъ вещества похожаго на слоновую кость; но оно не годится въ дѣло. Масло его гораздо лучше чѣмъ масло другихъ китородныхъ. Американцы производятъ имъ значительный торгъ. Въ верхней части головы кашалота есть большая пустота, совершенно отличная отъ той, въ которой лежитъ мозгъ и которая, напротивъ очень не велика. Эта пустота простирается отъ морды до глазъ и нѣсколько далѣе. Въ этой, то пустотѣ находится вещество называемое спермацетомъ. При жизни кашалота оно жидко и прозрачно; но потомъ застываетъ слоями, блестящаго бѣлаго цвѣту, съ перламутровымъ отливомъ и жирными на осязаніе.

Въ исчисленіи богатой добычи, доставляемой кашалотами, первое мѣсто должна бы занимать амбра; но, къ несчастью, ее весьма часто невозможно отдѣлить отъ кишокъ, въ которыхъ она заключена. Китодовы утверждаютъ, что амбра находится только въ кишкѣ большаго кашалота, у котораго долгое время былъ запоръ. Они говорятъ, что, не вскрывая животнаго можно видѣть есть ли въ немъ амбра, потому что тогда брюхо покрыто какъ-бы узлами, которые и показываютъ гдѣ лежитъ это вещество.

Теперь поговоримъ о самой ловлѣ китовъ. . . . .

Когда часовой закричитъ, что видитъ кита, шипперъ спрашиваетъ далеко ли и въ какомъ rumbo. Тогда, если можно, правятъ прямо туда и подойдя къ киту на милью, спускаютъ барказы и стараются догнать его на веслахъ. Командиръ шлюпки, которая уже только въ нѣсколькихъ саженихъ отъ кита, кричитъ своему гарпущику: «Вставай!...» Тотъ кладетъ весло, беретъ крюкъ и, по командѣ: «Кидай!» бросаетъ его въ ту часть тѣла кита, которая ближе къ нему; потомъ переходитъ на корму и беретъ руль, а командиръ, становясь на его мѣсто, приказываетъ готовить копыя и кирки.

Изъ всѣхъ орудій, употребляемыхъ въ китовой ловлѣ, всего труднѣе дѣйствовать киркою. Это родъ острой лопатки. Убить ею кита невозможно; но она употребляется для того, чтобы замедлить бѣгъ его послѣ того какъ онъ забагрентъ. Киркою пересѣкаютъ сухія жиры, поперечникомъ которыхъ животное приводитъ въ движеніе хвостъ свой. Тутъ начинается страшное зрѣлище; гигантское чудовище, еще не пытавшее защищаться, съ быстротою молніи влечетъ за собою лодку. Видя это въ первый разъ, нельзя не подумать, что неустрашимымъ ловцамъ уже не бывать въ живыхъ. Но вы бы перемѣнили мѣтвіе, или подумали бы, что эти люди помѣшались со страху, когда слышали бы, что они поютъ.... Да, поютъ и всми, а между-тѣмъ китъ влечетъ ихъ по пятнадцати миль въ часъ. Бѣда новичку, если этотъ образъ плаванія не понравится ему и онъ вздумаетъ просить, чтобы перерубили канатъ, которымъ лодка привязана къ киту. Труса засмѣютъ, а командиръ щелкнетъ его древкомъ копыя на мордѣ и велитъ отливать воду, которая начинаетъ наполнять лодку. Но шутки умолкаютъ, когда офицеръ, весь въ крови, закричитъ громовымъ голосомъ: «Пускай канатъ! Тавадь!» Теперь уже не до шутокъ: китъ, получивъ рывку по хвосту, вдругъ остановился и если не грести назадъ, то лодка стукнула бы объ него. Помахавъ огромнымъ хвостомъ своимъ, чудовище попружается въ ширину моря, надѣясь укрыться тамъ отъ своихъ враговъ; но еще не можетъ освободиться ни отъ гарпуна, который раздираетъ ему бока, ни отъ каната, который отпущаютъ помѣртого, какъ оно погружается въ глубину.

Покуда китъ подѣ водою, а это продолжается обыкновенно минутъ двадцать или полчаса, другія лодки приближаются и становятся вокругъ того мѣста, гдѣ, какъ надобно полагать, китъ долженъ вынырнуть. Командиръ той лодки, которая привязана къ чудовищу, беретъ концы, приказываетъ гребцамъ держать весла на-готовѣ, а гарпушнику править какъ-можно осторожноѣе. Это минута торжественная и драматическая. Даже старый матоловъ начинаетъ проворнѣе жевать свой табакъ, а мовичекъ молится Богу.... Но канатъ ослабѣваетъ: значитъ китъ поднимается.... Ура! ура! вотъ онъ! Всѣ лодки спѣшать къ нему на встрѣчу и бой начинается.

Въ этой драмѣ много и смѣшнаго, много и ужаснаго. Не шутка драться съ этимъ великаномъ. Дѣло нерѣдко начинается тѣмъ, что весла и лодки разлетаются въ дребезги, люди взлетаютъ на воздухъ и падаютъ въ воду по частямъ. При каждой ранѣ, китъ погружается на нѣсколько футовъ въ море, потомъ опять является, извергая фонтанами воду съ кровью, иногда чистую кровь; потомъ со свистомъ разсѣкаетъ воздухъ и вопѣливаетъ воду частыми ударами хвоста. Этотъ хвостъ, который моряки въ шутку называютъ опахаломъ, страшное орудіе. Кого онъ задѣнетъ, тотъ падаетъ и уже не встаетъ. Попалъ по боку: — туловище надвое; по шеѣ: — голова долой; а если попадетъ плечу по лодкѣ — лодки какъ не бывало и шесть человекъ изъ списковъ воиъ. Но силы чудовища истощаются. Лодки приближаются и кита бьютъ концемъ изъ руки и перворанчиваютъ оружіе въ ранѣ. Кровь брызжетъ фонтаномъ футовъ на двадцать и оканчиваетъ матросовъ съ голомъ до ногъ, а они хохочутъ съ радости. Китъ пытается бѣжать, но уже поздно: онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Тутъ уже идетъ не сраженіе, а просто рѣзня; лодки плаваютъ и перевертываются не въ водѣ, а въ крови. Китъ уже не платитъ ударомъ за ударъ; глаза его тускнѣютъ; онъ отдушникъ бьетъ не вода, а густая, кровавая грязь.... Онъ побѣжденъ.... Мускулы его трепещутъ и крутятся, какъ боа, съ котораго ливнемъ дерутъ кожу!... Это его предсмертная мука.... Радостныя восклицанія знаменуютъ его кончину.

Этотъ способъ умерщвленія кита, конечно, очень

меденъ и опасенъ; его стараемся замѣнить многими другими, но до нынѣ безъ успѣху. Дѣтъ пятьдесятъ назадъ, Англичане придумали было употреблять для этого нонгровы ракеты; но скоро принуждены были отказаться отъ нихъ, потому что онѣ разрываютъ кита въ куски и тогда жиру снять не возможно. Недавно одинъ врачъ предлагалъ употреблять для этого синеродисто-водородную кислоту; этотъ способъ еще не изслѣдованъ. Еще третій способъ, которымъ сначала предъстались было и многіе иттоловы, былъ испробованъ въ южныхъ моряхъ. Онъ стоилъ жизни богатѣйшему изъ нантекихъ негодяевъ, занимающихся китоловнымъ промысломъ.

Кашалотовъ, быють точно такъ же, какъ и прямыхъ китовъ; вопреки всѣмъ неслѣностямъ, которыя объ нихъ рассказываютъ, они не страшнѣе другихъ чудовищъ того же роду. Правда, что кашалотъ приходитъ иногда въ ужасную ярость и пераъ заставлялъ отступать самыхъ неустрашимыхъ китолововъ; но это бываетъ рѣдко. Впрочемъ, прямой китъ можетъ дать понятіе о томъ, что въ состояніи сдѣлать кашалотъ. Если кита ранятъ въ глазъ или подлѣ, онъ приходитъ въ такую ярость, что тутъ уже невозможно приблизиться къ нему, если только не ищемъ вѣрной смерти. Больше-головый губанъ долженъ быть еще страшнѣе: кромѣ хвоста, которымъ онъ дѣйствуетъ съ величайшими лодкостію и проворствомъ, у него есть еще два страшныя орудія; голова, которою онъ бьетъ такъ, что потрясаетъ самый прочный корабль, и огромная пасть, которою онъ въ состояніи раздробить дубовый брусъ, дюймовъ въ десять толщиною. Кто знаетъ анатомію этого животнаго, толщину его челюстныхъ костей и крѣпость зубовъ, тотъ не станетъ обвинять меня въ преувеличаніи.»

ЭСТАМПЕДА. *Воспоминанія о Мексикѣ и Техасѣ.* «Я провожалъ отрядъ Индѣйцевъ Комапчи до того мѣста, гдѣ рѣка Тринидатъ раздѣляется на два рукава, говоритъ одинъ англійскій путешественникъ, и потомъ прѣхалъ по направленію къ рѣкѣ Сабинѣ, съ двумя моими пріятелями, Рочемъ и Габріелемъ и съ тремя Американцами изъ Сѣверныхъ Штатовъ. Эти господа прожили нѣсколько времени въ Гальвестонѣ и теперь возвращались на родину, знаясь, что впередъ нога ихъ не будетъ въ Техасѣ. Они

были люди образованные и предприимчивые, какъ всё ихъ земляки. Одинъ изъ этихъ Американцевъ былъ врачъ, остальные четверо адвокаты, то есть, продавцы товару который трудно сбыть съ рукъ въ Техасѣ, убійцы всѣхъ банкротовъ, продохъ, мошенниковъ, убійцъ и каторжниковъ и гдѣ притонъ по-крайней-мѣрѣ десять тысячъ адвокатовъ, переселившихся изъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ что тамъ всё законники, начиная съ президента республики, сенаторей, констеблей и генераловъ, до трактирщиковъ, солдатъ и промышленниковъ, которые уводятъ лошадей. Каждый изъ нашихъ Янки рассказывалъ безчисленное множество анекдотовъ объ этихъ мерзавцахъ Техасцахъ и всё они строили такіе забавные воздушные змѣйки, что это очень помогало намъ коротать скуку продолжительнаго путешествія по безпредѣльнымъ лугамъ.

Земля, по которой мы ѣхали, была во многихъ мѣстахъ перерѣзана огромными рытвинами, такъ что мы принуждены были иногда дѣлать объѣзды въ нѣсколько миль, чтобы найти такое мѣсто, гдѣ можно перебраться черезъ рытвину, а спустившись на дно пропасти, находили тамъ только нѣсколько лужъ тухлой воды, которой даже наши лошади не хотѣли пить.

Мы надѣялись, что буйволы будутъ доставлять намъ сытную и вкусную пищу, но хотя мы ѣхали по пажитямъ гдѣ эти животныя водятся, однако жъ не встрѣчали ни одного буйвола и ровно никакой дичи, не видали даже ни зайца, ни лягушенъ. Однажды мы дотого проголодались, что принуждены были жевать табакъ и кожу и положили, что если на слѣдующій день до вечера не добудемъ другой пищи по-лучше этой, то зарѣжемъ одну изъ нашихъ лошадей. Въ эту ночь мы совсѣмъ не спали и врачъ принялся рассказывать намъ *всеобщую исторію* своего пребыванія въ Техасѣ.

Съ самаго пріѣзда своего туда онъ замѣтилъ, что басня «Волкъ и Журавль» изображаетъ какъ-нельзя-вѣрнѣе участь врачей въ этой новой республикѣ. Почти всакій разъ какъ мнѣ случалось вылечивать больного, говорилъ онъ, то есть, вытаскивать кость изъ горла волка, и не платили за это тѣмъ, что покушались убить меня и всакій разъ, какъ я приходилъ къ больному, у меня вытаскивали

изъ карману платокъ или табакерку. Ловля платокъ самая модная шутка въ Техасѣ, что довольно трудно понять, потому что въ этой благословенной странѣ все народонаселеніе мужескаго пола сморкается просто пальцами. Кроме такой незавидной платы за свои докторскіе визиты, бѣдный врачъ сдѣлался жертвою общества, которое распространило свои коммерческіе обороты по всему Техасу. Оно называется обществомъ «Продавцевъ лоскутковъ» то есть, фальшивыхъ банковыхъ билетовъ. Какъ-скоро прибылъ иностранецъ, котораго можно подозрѣвать въ томъ, что у него есть деньги, общество тотчасъ начинаетъ свои дѣйствія противъ него. То же случилось и съ нашимъ врачомъ. Только-что онъ поселился въ Галвестонѣ, какъ его уже потянули въ судъ, по обвиненію въ выдачѣ хозяину гостинницы, въ которой онъ стоялъ, фальшиваго билета въ пятьдесятъ долларовъ. Бѣдный докторъ выдывалъ во снѣ и сотенные и тысячные билеты, а на яву у него никогда не бывало больше двадцатой части первой изъ этихъ суммъ. Поэтому онъ смѣло могъ поклясться передъ Богомъ и людьми, что невиненъ какъ ребенокъ въ колыбели. Нужды нѣтъ: два свидѣтеля показали, тоже подъ присягою, что онъ при нихъ далъ трактирщику билетъ въ пятьдесятъ долларовъ и бѣднякъ приговоренъ былъ къ уплатѣ этой суммы, да еще сверхъ-того судебныхъ издержекъ. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ истецъ и судья дѣлятъ между собою волну обстриженной овцы. На бѣду судьи, у этой овцы совсѣмъ не было шерсти и ее принуждены были пустить на волю, потому, сказалъ судья, что «тюрьма построена не для такихъ бродягъ какъ вы, а для чиновниковъ, которымъ даютъ тамъ квартиры».

Покуда докторъ говорилъ, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что горизонтъ начинаетъ покрываться красноватымъ отблѣскомъ, который всегда возвѣщаетъ восходъ солнца въ этихъ безпредѣльныхъ степяхъ.

— Быть не можетъ, чтобы ужъ свѣтало, сказалъ я доктору: посмотрите-ка на часы.

— Половина второго, отвѣчалъ онъ.

— Страшная вещь, сказалъ я, и приложился ухомъ къ землѣ, чтобы удостовѣриться справедливы ли опасенія, которыя начинали меня тревожить. Но я не слышалъ ни-

чего, кромѣ шуму вѣтра въ сухой травѣ луга. Кромѣ доктора всѣ мои товарищи давно спали. Я не считалъ еще нужнымъ будить ихъ. Лошади наши начинали изъяслять безпокойство; я привязалъ ихъ по-ближе, сказавъ доктору, чтобы не пугать его напрасно, что онѣ, вѣрно, почувяли волковъ; но что хищники, конечно, не посмѣютъ приблизиться къ нашему огню. Онъ снова было-принялся рассказывать; но вѣтеръ подулъ сильнѣе и я явственно услышалъ глухой, отдаленный шумъ, который на западѣ предвѣщаетъ или землетрясеніе или estampede, встѣпѣнку дикихъ стадъ. Лошади наши, слыша то же самое, начали биться пуще прежняго и старались оборвать привязи.

— Вставай! Габріэль, Рочъ! Вставайте скорѣе! Нельзя терять ни минуты. Сѣдлайте проворнѣе. А нето намъ не бывать въ-живыхъ: луга горятъ и буйволы несутся прямо на насъ.

Всѣ молча вскочили. Каждый чувствовалъ опасность нашего положенія. Говорить некогда: надобно было бѣжать. Въ-минуту лошади были осѣдланы и мы понеслись во весь галопъ по лугу, бросивъ поводья и свѣрившись инстинкту нашихъ коней. Мы дотога заторопились, что всѣ наши оубяла за исключеніемъ только Габріэлева, остались на мѣстѣ, гдѣ мы ночевали. Адвокаты ни о чемъ не помнили; докторъ забылъ свои сѣдельные пистолеты и ружье.

Цѣлый часъ неслись мы во всѣ лопатки, ни на минуту не замедляя своей скачки; но казалось, что и это не спасетъ насъ: мы чувствовали, что позади земля сильно дрожить. Вскорѣ мы услышали отдаленное рычаніе, съ которымъ смѣшивались какіе-то рѣзкіе крики и ревъ пантеры. Воздухъ былъ тяжелый, удушливый: пламя, быстрѣе вѣтру, уже охватило пол-горизонта. Легкія животныя начинали обгонять насъ. Каждую минуту проносились мимо насъ дикія козы, олени, рядомъ съ волками и пантерами; стада лосей и антилопъ исчезали стрѣлою; по времени за ними скакала лошадь или бѣжалъ огромный буйволъ. Жаръ все усиливался; трудно было дышать. Гулъ приближался; каждую минуту раздавались ревъ такой ужасный, крики такіе страшные, что даже лошади наши, дрожа, на всемъ скаку останавливались; но потомъ ни-

стигнѣть самосохраненія перемогалъ страхъ и онѣ снова пускались во всѣ лопатки. Красивый олень, измученный усталостію, проскакалъ мимо насъ; минуты черезъ три мы опять его увидѣли: онѣ уже лежалъ мертвый. Масса животныхъ болѣе тяжелыхъ и не столь быстроногихъ, неслась на насъ съ неудержимымъ бѣшенствомъ и съ грохотомъ урагана. Стада буйволовъ и табуны дикихъ лошадей, перемѣшавшись между собою, составляли сплошную черную фалангу, въ нѣсколько миль шириною, въ нѣсколько миль глубиною. Они неслись прямо къ намъ, приминая, уничтожая все на пути своемъ. Горизонтъ уже былъ затемненъ этой ужасной арміею и она была въ какихъ-нибудь двухъ миляхъ отъ насъ. Лошади наши совершенно выбились изъ силъ. Мы думали уже, что смерть наша неизбежна, что черезъ нѣсколько минутъ отъ насъ не останется ни кусочка. Въ это время раздался повелительный голосъ Габріэля. Онѣ давно уже привыкъ встрѣчать смерть во всѣхъ ея видахъ и теперь хладнокровно смотрѣлъ въ глаза опасности.

— Стой! Долой съ лошадей! вскричалъ онѣ. Сидите съ себя все что можетъ горѣть, даже рубашки. Скорѣй, скорѣй. Одна секунда можетъ стоить намъ жизни.

Въ ту жъ минуту онѣ зажегъ пистолетомъ кусокъ тросту, потомъ пучекъ сухой травы; мы побросали въ огонь все наше бѣлье; потомъ стали выщипывать сухую траву, такъ, чтобы на нѣсколько сажень кругомъ обнажить всю землю и вмѣстѣ съ травой положили въ огонь весь сухой буйволовій пометъ, какой только попался намъ подъ-руку. Минуты въ три мы устроили цорядочный костеръ и пламя высоко поднималось. Масса испуганныхъ звѣрей, лавиною неслась на насъ. Увидѣвъ передъ собою огонь, они взревѣли съ ярости и ужасу, но не споротили всторону, какъ мы надѣялись. Сплошная ихъ масса все приближалась къ намъ и мы уже ясно различали ихъ рога, ноги и бѣлую пѣну, падавшую у нихъ изъ-рта. Топливо наше было уже на исходѣ, пламя понижалось. Одинъ изъ адвокатовъ вскрикнулъ и лишился чувствъ. Всесокрушающая фаланга была уже только саженьяхъ въ сорока отъ насъ. Я различалъ уже страшные глаза буйволовъ, слышалъ ихъ прерывистое дыханіе. Масса ихъ не разверзалась.

Они неслись тмами и тысячами и черезъ минуту должны были измельчить насъ копытами. Я уже чувствовалъ вѣтеръ смерти; глаза у меня помутнились; голова закружилась, и я бросился лицомъ на-землю, предаваясь судьбѣ своей.

Вдругъ раздался взрывъ, за которымъ послѣдовалъ страшный ревъ какъ-бы милліона звѣрей. Я всё ждалъ, что меня задавятъ; но смерть не приходила. Я слышалъ только шумъ, похожій на вой вихря; земля потряслась и, казалось, колыхалась. Я приподнялъ голову и посмотрѣлъ вокругъ себя. Въ самую критическую минуту, Габріэлъ кинулъ въ огонь всю нашу виски. Кожаная бутылъ лопнула и страшное пламя брызнуло во всѣ стороны, и масса животныхъ раздвинулась, оставивъ на землѣ трупы раздавленныхъ при этомъ движеніи. Впереди, позади, справа и слева отъ насъ бѣжали звѣри и въ этой черной массѣ тѣлъ не было ни малѣйшаго промежутка, крошѣ небольшой разсѣлины вокругъ огня. Цѣлый часъ, цѣлый вѣкъ оставались мы въ этомъ ужасномъ положеніи, ожидая каждую минуту, что пустота, составлявшая наше единственное спасеніе, уничтожится, что масса сошнется снова. Но принявъ однажды это направленіе, буйволы и лошади продолжали раздаваться при видѣ нашего огня, какъ потокъ разбивается о скалу; потомъ вокругъ насъ неслись уже только отсталыя животныя, но слабѣе другихъ, составлявшія арріергардъ бѣгущей колонны. Такимъ образомъ мы избавились отъ первой опасности, но пока мы тутъ оставались, пожаръ быстро подвигался впередъ; весь лугъ былъ залитъ моремъ пламени, которое катило къ намъ свои страшныя волны. Мы сѣли опять на коней и лошади наши, которыя между-тѣмъ вздохнули, повеселись вслѣдъ за буйволами съ быстротою, какую можетъ придать только страхъ.

Насъ окружало зрѣлище; отъ котораго затрепетали бы самые неустрашимые; пожаръ съ страшнымъ свистомъ гнался за нами и свирѣпствовалъ всё ближе. Если бы мы за минуту передъ тѣмъ не избавились бы отъ опасности, почти такой же ужасной, то, конечно, лишились бы мужества и отказались бы отъ безнадежной борьбы со смертію. Мы скакали съ такой быстротою, что духъ занимало; такъ же скоро неслись и ва

гору и подъ-гору. Но пламя несло еще скорѣе насъ. Мы каждую минуту ожидали, что лошади наши повалятся отъ усталости. Мы догнали главный корпусъ буйволовъ и вдругъ увидѣли, что голова колонны исчезла въ рывинѣ, куда несчастныя животныя тысячами падали; но до этой рывины оставалось еще съ милю, а пожаръ уже обхватывалъ насъ своимъ удушливимъ дымомъ. Мы раздирали шпорами бока лошадей нашихъ. Рывина, конечно, могла сдѣлаться нашей могилою; но въ ней было наше единственное спасеніе. Надобно было добратъся до нея прежде пожару. Наконецъ мы примчались. Никому изъ насъ и въ голову не пришло посмотрѣть глубоко ли пропасть, и лошади наши одна за другой бросились туда вслѣдъ за бѣгущими животными. Не знаю что со мною было; помню только, что у меня духъ зачался и что я почувствовалъ сильное сотрясеніе. Нѣсколько времени былъ я безъ чувствъ; потомъ, прійдя въ себя, увидѣлъ, что лежу подлѣ своей лошади на кучахъ мертвыхъ буйволовъ. Я искалъ глазами своихъ товарищей. По какому-то чуду ни люди ни лошади не были тяжело ранены. Я поднялъ голову и увидѣлъ, что мы по-крайней-мѣрѣ ста футовъ ниже поверхности луга. Верхніе края рывины были очень круты, однако жъ по нимъ еще можно было спускаться; но потомъ мы упали футовъ на пятьдесятъ совершенно перпендикулярно. Если мы не разбился въ дребезги, такъ единственно потому, что упали на трупы, составляшіе кучу такой же вышины какъ и земляная стѣна, съ которою мы свалились. Весь авангардъ колонны звѣрей убитъ при этомъ паденіи, а остальные, спасенные отъ той же участи упругостію труповъ, которыми загромождено было дно рывины, убѣжали. Пожаръ продолжалъ свистѣть надъ нашими головами; пламя пробѣгало по окраинамъ разсѣлины, то подымаясь, то понижаясь, какъ бы для-того, чтобы перепрыгнуть на противоположный берегъ.

Поднявъ кое-какъ лошадей своихъ на ноги, мы спустились съ кучи мертвыхъ животныхъ и выбрались наконецъ на чистое мѣсто. То былъ лужокъ немного повыше потока, покрытый голубоватою травою. Но лошади наши были дотога напуганы и измучены, что не подумали щипать травы, а растянулись на землѣ и лежали неподвижно.

Мы увидѣли, что главная масса животныхъ, прогнавъ ихъ пожаромъ, нашла нѣсколько по-ниже довольно пологій спускъ, по которому и выбралась изъ рытвины. Земля продолжала дрожать; поэтому мы догадались, что эстапеда еще не кончилась и что звѣри продолжаютъ еще свое бѣшеное бѣгство. Правда сказать, опасность еще не миновалась, потому что сильный вѣтеръ гналъ пламя на противоположный берегъ и сухая трава на немъ скоро загорѣлась. Перебравшись такимъ образомъ черезъ рытвину, пожаръ продолжалъ свое губительное шествіе.

Что касается до насъ, то намъ, конечно, и въ голову не приходило покинуть убѣжище, которое на эту минуту избавляло насъ отъ опасности. Мы развели огонь и стали готовить себѣ на обѣдъ вкусное мясо молодого буйвола, который сдѣлался жертвою эстапеды.

Мы пробывъ въ рытвинѣ два дня, чтобы подкрѣпить свои силы и дать отдохнуть лошадямъ.

Утромъ втораго дня мы услышали нѣсколько ударовъ грома, предвѣщавшихъ сильную бурю, которая должна была потушить пожаръ. Такъ и случилось. На слѣдующее утро мы снова нутнулись въ путь и нѣсколько миль ѣхали вдоль потока, который, несмотря на то что волеasily приближалась въ немъ отъ проливнаго дожда, не имѣлъ силы снести огромную массу труповъ, которою дно его было завалено. Мы стали выбираться изъ рытвины по дорогѣ, протоптанной бѣжавшими звѣрями и къ полудню были снова на луку. Какое печальное опустошеніе представилось тогда глазамъ нашимъ! Повсюду, куда могло только достигать наше зрѣніе, мы видѣли огромное черное пространство, какъ-будто вся земля была одѣта траурнымъ покровомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ была возвышенность; но мы не скоро добрались до нея, потому что надобно было непрерывно перебираться черезъ обгорѣлыя трупы. Поднявшись на вершину холма, мы увидѣли, что находимся на одномъ изъ рукавовъ рѣки Тринидадъ, которая образуетъ въ этомъ мѣстѣ продолговатое озеро, ширину слишкомъ въ милю, но весьма не глубокое. Мы легко переправились черезъ него въ бродъ и на противоположномъ берегу снова увидѣли слѣды бѣгсцовъ; но

тожарь остановился у этой водяной преграды и за странствомъ, утоптаннымъ звѣрями, колыхалась высокая гора. Черезъ полчаса мы добхали до прекраснаго луга, гдѣ намъ представилось самое странное зрѣлище. Словно будто мы перенеслись въ земной рай, гдѣ всѣ обитатели земли жили въ дружбѣ и согласіи между собою. Волки и пантеры лежали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стада антилопъ, и лошади, медвѣди, быки растянулись рядомъ, не въ состояніи будучи тронуться съ мѣста, гдѣ повалились отъ совершеннаго изнеможенія.

Мы проѣхали мимо огромнаго ягуара, который устремляя яростные глаза на молодаго буйвола, лежавшаго въ десяти шагахъ отъ него. Не могли добраться до добычи, звѣрь закрылъ морду широкими своими лапами, испуская полу-грозный полу-жалобный ревъ.

«Такъ какъ лошади наши имѣли большую нужду въ отдыхѣ, то мы разсѣдали ихъ и принялись ужинать, радуясь что у насъ еще оставался порядочный запасъ холодной говядины, потому что намъ жалко было бы рѣзать несчастныхъ беззащитныхъ животныхъ, которыя лежали на лугу. Подлѣ насъ былъ большой и прекрасный олень; онъ едва могъ протянуть голову, чтобы пощипать немного травы. По его изсохшему высунутому языку видно было, что его должна жестоко мучить жажда. Сжалившись надъ нимъ, я подалъ ему пучекъ трилиственнику; но онъ тщетно старался проглотить его. Я побѣжалъ къ ближайшему источнику и, зачерпнувъ воды картузомъ одного изъ моихъ товарищей, подалъ ее оленю. Онъ пилъ съ жадностію, и я никогда не забуду взгляду, исполненнаго признательности, который онъ послѣ того бросилъ на меня. Какъ прекрасны были глаза его, какъ пѣжно ихъ выраженіе! Изъ соревнованія Рочъ и Габріэль тоже стали помогать беззащитнымъ сосѣдямъ и принялись таскать къ ручью всѣхъ молоденькихъ ланей, какихъ только нашли, чтобы бѣдныя маленькія животныя могли убѣжать прежде, чѣмъ волки оправятся и въ состояніи будутъ напасть на нихъ. Я принесъ своему оленю еще воды. Въ этотъ разъ онъ началъ лизать мои руки и пытался поднятись, чтобы идти за мною, но не могъ, и только смотрѣлъ на меня.

Я не зналъ, куда дѣвались наши пятеро Американцевъ и начиналъ уже безпокоиться объ нихъ, какъ-вдругъ они ворвались, забрызганные съ ногъ до головы кровью. Они воевали съ волками и, не давая себѣ отдыха, блин до-тѣхъ-поръ, пока утомленные ихъ руки не отказались поднимать томагавка. Надобно пожить съ дикарями или пидерами, чтобы понять до какой степени западные охотники ненавидятъ этихъ луговыхъ акулъ. Завидуя подвигамъ товарищей, мы рѣшились расположиться тутъ лагеремъ, чтобы перебить какъ-можно больше волковъ; и, взявъ съ собою пистолеты на случай если бъ какой-нибудь пантеръ вздумалось напасть на насъ, мы пустились въ путь, чтобы начать убійство. Не умѣю сказать, сколько жертвъ пало подъ нашими ударами; но томагавки наши пѣлыхъ три часа сряду безпрестанно поднимались и опускались и мы перестали работать ими только потому, что они совершенно иступились, такъ что уже не рубили. Возвращаясь къ своему лагерю, мы шли по лужѣ крови, которая доходила намъ до щеклолки. Вой раненыхъ былъ такъ оглушительнъ и ужасенъ, что олени и дикія козы разбѣжались во всѣ стороны: страхъ придалъ имъ силы.

Ночью шелъ проливной дождь, который залилъ нашъ огонь и пробилъ насъ до костей. Но нѣтъ худа безъ добра. Этотъ дождь возстановилъ силы и проворство бѣдныхъ животныхъ, о которыхъ мы такъ сожалѣли. До самаго утра мы слышали какъ олени и дикія козы бѣгали и скакали во всѣ стороны, а отдаленный ревъ пантеръ показалъ намъ, что эти страшные мародеры ушли отъ насъ. Водки были еще слишкомъ слабы, чтобъ бѣжать, но могли уже подползти къ своимъ убитымъ и раненымъ товарищамъ и терзали ихъ во всю мочь; по ихъ рычанію мы догадывались, что они довершаютъ наше дѣло. Говорятъ: волкъ волка не съѣстъ; это несправедливо, и я неразъ видѣлъ, какъ сами волки доказывали неосновательность этой поговорки.

Наконецъ первые лучи солнца разогнали ночной мракъ. Лоси, дикія козы, антилопы, всѣ разбѣжались, за исключеніемъ только моего оленя; я далъ ему горсть соли. Нѣсколько дикихъ лошадей и буйволовъ щипали вокругъ насъ траву; но большая часть этихъ тяжелыхъ животныхъ еще

лежали на травѣ. Что касается до волковъ, то или они еще не отдохнули, или слишкомъ обременили желудокъ даровымъ мясомъ товарищей, только они были еще неподвижныѣ прежняго. Многие, можетъ-быть, подумаютъ, что я преувеличилъ утомленіе всѣхъ этихъ животныхъ; но надобно только подумать о томъ, что, по всей вѣроятности, пожаръ преслѣдовалъ ихъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль, и что они пробѣжали все это пространство съ быстротою, какую только страхъ могъ придать имъ. Я увѣренъ, что пожаръ прошелъ не менѣе пяти сотъ миль и рассчитываю это потому, до какой степени измурены были хищные звѣри. Пантера, ягуаръ и даже большой олень, въ состояніи пробѣжать во всю ночь около двухъ сотъ миль и отъ этого не слишкомъ устанутъ. Я не говорю, чтобы всѣ эти животныя, буйволы, лошади, олени пробѣжали все пространство, охваченное огнемъ. Безъ всякаго сомнѣнія, огонь собиралъ ихъ постепенно и эта страшная фаланга составлялась изъ всѣхъ животныхъ разбѣянныхъ на огромномъ пространствѣ. Впрочемъ, подвиги производимые страхомъ часто походятъ на чудеса и я самъ видѣлъ, какъ испуганные быки подъ ярмомъ, пробѣгали шестьдесятъ миль въ четыре часа».

МИНГЕРЪ ВАНЪ ТАССЕЛЬТЪ. Господинъ Henri Verthoud, который рассказываетъ не дурно, продолжаетъ все рассказывать голландскія исторіи, подѣ тѣмъ предлогомъ, что въ прошломъ году прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Голландіи. Мингеръ ванъ Тассельтъ, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ Голландцевъ, съ какими онъ повстрѣчался въ эту поѣздку, а мингеръ Якобсъ, такой женихъ, какихъ видѣ Голландіи въ наше время и не водится.

«Морской берегъ въ Схевенингенѣ представляетъ одно изъ самыхъ живописныхъ зрѣлищъ въ мірѣ, особенно если приѣзжаешь туда изъ Гаги, по маленькой, узкой и песчаной дорожкѣ, которая идетъ позади купальнаго заведенія. Минутъ осемь или десять идешь по нѣкотораго рода широкой колѣѣ, проведенной между тощими и изсохшими лугами и идущей къ большому зданію, которое закрываетъ горизонтъ. Вдругъ въ концѣ этой утомительной дороги, да которой ноги ваши непрерывно уходятъ въ песокъ, вы сворачиваете всторону и передъ вами открывается безпре-

дѣльный океанъ. Вдали шумять и величественно покачиваются волны, а на берегу кишитъ толпа, въ которой въ сначала видите только неясныя, движущіяся группы; наконецъ повсюду видѣются корабли и суда съ лѣсомъ мачтъ, лабиринтомъ парусовъ и канатовъ.

Позврѣ-того, какъ вы приближаетесь, тысячи привлекательныхъ подробностей открываются передъ вашими прельщенными взорами. Женщины молоденькія, бѣленькія и розовенькія какъ всѣ хорошенькія Голландки, прохаживаются; распустивъ свѣтло-русые свои волосы по плечамъ, чтобы просушить ихъ послѣ ванны. Другія съ дѣтскими нетерпѣніемъ ждутъ своей очереди, чтобы войти въ шалашики съ занавѣсками, поставленные на колеса и запряженныя щедущею лошадью, которую дюжія рыбаки въ красныхъ юбкахъ, съ загорѣлымъ лицомъ и атлетическими формами, безпрестанно водятъ въ море. По временамъ одна изъ этихъ паядъ выскакиваетъ изъ-подъ занавѣсокъ и въ цѣломудренномъ шерстяномъ платкѣ, которое однако жъ оставляетъ обнаженными руки и ноги, бросается въ открытое море и неустрашимо борется съ волнами; она, то подымается на гребнѣ волны, то спускается вивствѣ съ нею, сибется падъ ихъ яростію, проскользаетъ между двумя самыми страшными, долго выказываетъ свою ловкость и отважность, и потомъ опять укрывается въ свой шалашикъ, который походитъ на гнѣздо альціона.

Мужскія ванны устроены шагахъ въ четырехъ или пяти стахъ отъ женскихъ. Мужчины, всѣ безъ исключенія, купаются въ открытомъ морѣ. Голландецъ оставляетъ свою систематическую элѣгму на сушѣ: на водѣ онъ совсѣмъ иной: шумитъ, кричитъ, играетъ, рѣзвится въ морѣ, которое, по-видимому, есть его настоящая стихія. На берегу многочисленные зрители, которые уже выжили или еще только ждутъ своей очереди, аплодируютъ или свѣютел, смотря по ловкости или неловкости купающихся. Въ тотъ день, о которомъ я говорю, общае вниманіе обращено было на старика лѣтъ шестидесяти; онъ только-что вошелъ въ море, съ трубкою въ зубахъ и съ огромною соломенною шляпою на головѣ. Покуда вода была ему только по поясъ, онъ преспокойно курилъ и разпускалъ вокругъ головы своей легкія, бѣловатыя облака;

но когда онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, рѣзвая волна брызнула на трубку. Покуда старикъ старался снова раскурить трубку, другая волна, еще болѣе дерзкая, разбила ее у него въ рукахъ и, какъ трофей, далеко унесла ее обломки. Наконецъ третья волна, казалось, рѣшилась вывести бѣднаго старика изъ терпѣнія: проворно сорвала съ него соломенную шляпу и, какъ-будто въ насмѣшку, покачивала ее прямо-передъ нимъ, въ небольшомъ разстояніи отъ его руки. Онъ рванулся впередъ, чтобы поймать свою шляпу; волна отвесла ее нѣсколько по-дальше. Онъ сдѣлалъ еще усиліе; волна опять отшатнулась. Онъ бросился вплавь; волна кинулась въ толпу своихъ подругъ и бѣжала дотѣхъ-поръ пока не оставила старика далеко, далеко за собою. Тотъ, однако жъ, непремѣнно хотѣлъ добыть свою шляпу. Волны упорно его отталкивали, но онъ всё плылъ и плылъ, и былъ уже далеко отъ берега. Моряки, которые обязаны наблюдать за безопасностію купающихся, дѣлали ему сигналы, но онъ ни на что не обращалъ вниманія: никакъ не хотѣлъ воротиться безъ шляпы и, наконецъ, исчезъ за горизонтомъ.

Тутъ безпокойство выразилось на всѣхъ лицахъ, но никто не рѣшился броситься въ море, чтобы поспѣшить къ нему на помощь, даже моряки боялись предпринять такое далекое плаваніе, особенно потому, что море въ этотъ день волновалось болѣе обыкновеннаго.

Вдругъ вдали показалось что-то бѣлое. Матросы и большая часть купающихся поплыли въ ту сторону, поймали и привели къ берегу окостенѣлое, безжизненное тѣло старика. Судорожно сжавшіеся его пальцы крѣпко охватили поле шляпы, отнятой у Океана.

Его окружили, старались привести въ чувство и перенесли въ зданіе теплыхъ ваннъ. Тамъ употреблены были всѣ пособія искусства, чтобы возвратить утопленника къ жизни. Мало-по-малу члены его снова пріобрѣли гибкость, зубы разжалісь, грудь стала приподниматься и дыханіе возобновилось; черезъ нѣсколько мнпуть онъ открылъ глаза, сѣлъ, съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя, собрался съ мыслями и наконецъ вспомнилъ все что случилось.

Тутъ онъ сталъ искать глазами шляпы, которую насилу
Т. LXII. — Отд. VII. 3

вырвали у него изъ руки. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, понялъ его мысль и принесъ ему дорогую шляпу, которая, сказать мимоходомъ, стоила, можетъ-быть, какихъ-нибудь четверть флорина. При этомъ видѣ легкая улыбка появилась на блѣдныхъ устахъ воскресшаго.

Сполчасу спустя послѣ этого, странный и упрямый старикъ, съ завѣтною шляпою на головѣ, прохаживался по берегу, несмотря на всѣ просьбы и увѣщанія пріятелей которые избавили его отъ смерти, почти неминуемой.

Въ числѣ тѣхъ, которые упрашивали его воротиться поскорѣе въ Гагу, была молоденькая дама, рѣдкой красоты; она тоже купалась и прибѣжала при первой вѣсти объ этомъ несчастіи; длинные, прекрасные ея волосы висѣли по плечамъ, какъ покрывало изъ золотистаго бархату.

Молодой человекъ, благородной и прекрасной наружности, вмѣстѣ съ нею уговаривалъ и упрашивалъ старика; но все было тщетно. Старикъ не отвѣчалъ ни слова и только покачивалъ отрицательно головою, безъ досады, безъ нетерпѣнія, но съ желѣзнымъ упорствомъ. Наконецъ дама и мужъ ея, убѣдившись въ невозможности уговорить старика, замолчали и только слѣдили за нимъ глазами Тотъ спокойно продолжалъ прогуливаться и потомъ пошелъ къ одному изъ омнибусовъ, которые ходятъ между Гагою и Схевенингеномъ.

— Карета моего мужа здѣсь, поѣзжайте въ ней, батюшка, сказала хорошенькая дама.

— Я знаю, моя милая, что у твоего мужа есть карета, отвѣчалъ старикъ. Если бы я хотѣлъ въ ней поѣхать, я бы самъ сказалъ; но я хочу ѣхать въ омнибусѣ.

Онъ обнялъ дочь, пожалъ руку зятю и довольно легко влѣзъ въ омнибусъ. Карета скоро послѣ того тронулась и увезла страннаго старика, который усѣлся на ея узкой и жесткой лавкѣ.

Я видѣлъ всю эту сцену, говорить господинъ Бертю, и она сильно возбудила мое участіе къ этому необыкновенному старикку. Въ его рѣшительныхъ пріемахъ, въ его спокойной и мужественной фizioноміи выражалась такая сила души, что странность его поведенія никакъ нельзя было принять за пустое и мелочное упрямство.

Поэтому я обрадовался, когда черезъ недѣлю послѣ то-

го встрѣтилъ на амстердамской биржѣ героя маленькой сжевенингенской драмы.

Амстердамская биржа совсѣмъ не похожа на биржи другихъ большихъ городовъ. Это большой, непокрытый дворъ, окруженный галерею, которой сводъ лежитъ на сорока шести колоннахъ, означенныхъ нумерами. Въ этой галереи всегда толпа народу, но никогда не замѣтно суетливой хлопотливости. Не слышно того смѣшаннаго шума, которымъ отличаются подобныя собранія въ другихъ городахъ. Только изрѣдка поднимается легкій ропоть. Дѣла производятся вполголоса, безъ жару, безъ запальчивости; подумаешь, что эти люди съ величайшей безопасностію занимаются своими гигантскими спекуляціями, которыя между тѣмъ обильнѣе баснословными перипетіями, чѣмъ ужаснѣйшая игра на фонды. Старикъ въ соломенной шляпѣ небрежно прохаживался между другими негоціантами; потомъ остановился передъ однимъ изъ нихъ и долго съ нимъ разговаривалъ.

— Какъ! сказалъ тотъ, вы отказываетесь отъ дѣла, которое въ полгода принесетъ вамъ миллионъ барыша?

— Денегъ нѣтъ, отвѣчалъ безмятежный старикъ.

— Да зять вашъ можетъ дать вамъ денегъ.

— По дѣламъ, я никогда не прибѣгаю къ зятю, отвѣчалъ онъ, уходя.

— Зять-то, видно, скупъ и не имѣетъ большой довѣренности къ тестю; замѣтилъ кто-то.

Старикъ услышалъ это и поблѣднѣлъ съ досады. На лицѣ его, обыкновенно совершенно спокойномъ, выразилось живѣйшее негодованіе.

— Кто смѣетъ дурно говорить о моемъ зятѣ? вскричалъ онъ. Это клевета! Я знаю, объ немъ часто распускали лживыя слухи: но я всѣ ихъ уничтожу разомъ. Я принимаю дѣло, которое вы мнѣ предлагаете, мингеръ Янсенъ. Вотъ записка къ кассиру моего зятя въ Роттердамъ. Пошлите сейчасъ туда одного изъ вашихъ конторщиковъ.

Старикъ вырвалъ лоскутокъ изъ своей записной книжки, написалъ нѣсколько словъ карандашомъ и отдалъ маклеру, который тотчасъ и вышелъ.

Вечеромъ, говоритъ господинъ Бертѹ, я говорилъ объ этомъ художнику, который оказывалъ мнѣ истинно брат-

нее гостепріимство, какое найдешь только въ Голландіи.

Онъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Исторія ванъ Тассельта стѣитъ, чтобы ее рассказать.

Онъ закурилъ свою огромную трубку и подалъ мнѣ сигару. Мы подсѣли къ камину. Въ Голландіи начинаютъ топить уже въ сентябрѣ, потому что въ этой сырой землѣ холода настаютъ очень рано. Увѣрившись, что никто намъ не помѣшастъ и что трубка его дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ, пріятель мой сказалъ:

— Мингеръ ванъ Тассельтъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые отличаются древнею честностію въ дѣлахъ, ничего не предоставляютъ случаю и дѣйствуютъ всегда на вѣрное. Такимъ образомъ можно составить себѣ только небольшое состояніе, чтобы жить въ довольствѣ, и разбогатѣть нельзя. Старикъ ванъ Тассельтъ дѣйствительно не богатъ. Нынче утромъ на биржѣ онъ въ первый разъ взялся за дѣло важное, которое должно принести ему огромные барыши. У него большое семейство и въ томъ числѣ три дочери, всѣ красавицы. Одна изъ нихъ, Дейвеке (Дейвеке по-голландски значитъ голубка) осуществляетъ собою самыя безумныя мечты поэтическаго воображенія: Рафаэль не создавалъ ничего такого прекраснаго и милого. У такого отца, какъ мингеръ ванъ Тассельтъ и такой матери, какъ его жена, дочери необходимо должны получать превосходное воспитаніе. Въ Голландіи, особенно въ купеческихъ семействахъ, дѣвушки воспитываются чрезвычайно благоразумно, просто, не столько для свѣту, какъ для домашней жизни. Не пренебрегая ни музыкою, ни другими искусствами, ихъ всего болѣе пріучаютъ къ хозяйству и стараются внушить имъ семейныя добродѣтели. Ихъ вывозятъ въ свѣтъ не болѣе того, сколько нужно, чтобы онѣ не составляли себѣ о немъ преувеличеннаго понятія.

Одинъ молодой человекъ изъ Амстердама, баронъ Якобъ, увидѣлъ Дейвеке и влюбился въ нее страстно. Дейвеке онъ также нравился. Черезъ годъ эти два сердца были соединены простодушною любовью, очень нерѣдкою въ такихъ патріархальныхъ нравахъ. Дейвеке сняла съ

руки своей кольцо и отдала его Якобсу въ знакъ вѣчной вѣрности.

На другой день Якобсъ пріѣхалъ къ мингеру вапъ-Тас-сельту и сталъ просить руки Дейвске. Старикъ потребовалъ сутокъ на размышленіе и по окончаніи этого срока самъ пришелъ къ Якобсу.

— Мингеръ, сказалъ онъ, я очень благодаренъ вамъ за честь, которую вы едѣлали мнѣ своимъ предложеніемъ... Но не могу отдать за васъ моей дочери.

Якобсъ вскрикнулъ отъ горести и изумленія: онъ совсѣмъ не ожидалъ отказа.

— Выслушайте меня, продолжалъ старикъ; вы человекъ благородный и разсудительный: я увѣренъ, что узнавъ мои причины, вы ихъ одобрите.... Я не богатъ.... Знаю, знаю, вы скажете мнѣ, что не требуете приданого и что вы сами довольно богаты..... Такъ, но именно поэтому-то я и не могу отдать за васъ своей дочери. Бѣдный тестъ и богатый зять не долго будутъ жить въ ладу. Тестъ, по своей бѣдности, будетъ требовать слишкомъ много уваженія, а зять, по своему богатству, будетъ думать, что онъ совсѣмъ не обязанъ къ тому. Это одно уже будетъ непрерывнымъ поводомъ, если не къ холодности, такъ по-крайней-мѣрѣ къ неудовольствіямъ.

— Но отецъ мой былъ такой же купецъ какъ вы; онъ торговлею пріобрѣлъ состояніе, которое я послѣ него наследовалъ. Отчего же это богатство мѣшаетъ вамъ выдать за меня дочь вашу?

— Оттого, что вы сами скоро стали бы жалѣть объ этомъ. Теперь вы молоды и любите Дейвске; но женитьба и привычка скоро измѣнила бы ваши идеи, и, быть можетъ, вы стали бы каяться въ своемъ опрометчивомъ поступкѣ. Человекъ, который имѣя шесть или семь милліоновъ, женился на дѣвушкѣ бѣдной и незнатной, не можетъ со временемъ не пожалѣть о томъ. Вамъ, вѣрно, кажется, что я слишкомъ строгъ, слишкомъ положительъ. Пусть такъ; но я вамъ скажу еще причину: если бъ я выдалъ одну изъ дочерей моихъ за такого богача какъ вы, двѣ другія непремѣнно остались бы въ дѣвкахъ. Кому охота сдѣлаться шуриномъ перваго богача во всемъ Амстердамѣ! Если одинъ изъ родныхъ до такой степени богаче другихъ— это

большое несчастіе для всего семейства. Однимъ словомъ, если бъ вы были бѣдны, или только жили въ довольствѣ, то я бы съ радостію отдалъ за васъ дочь свою; но такъ какъ вы богаты, то не могу.

Якобъ съ тщетно прибѣгалъ къ просьбамъ, убѣжденіямъ, даже слезамъ; ничто не могло поколебать твердой рѣшимости мингера ванъ Тассельта. Онъ ушелъ и бѣдный молодой человѣкъ былъ въ отчаяніи.

Когда старикъ воротился домой и разсказалъ о томъ что сдѣлалъ, Дейвекѣ безъ чувствъ упала къ ногамъ его. Очнувшись, она обвиняла его колѣна, умоляла переменить свое рѣшеніе; призналась ему, что любитъ Якобса и не можетъ жить безъ него. Ничто не поколебадо желѣзной воли ванъ Тассельта, ни даже опасная болѣзнь, которую Дюйвекѣ послѣ того выдержала.

Однажды, какъ онъ работалъ въ своей комнатѣ, одинъ изъ его приказчиковъ прибѣжалъ сказать, что его спрашиваютъ. Мингеръ ванъ Тассельтъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и столкнулся лицомъ къ лицу съ королемъ Вильгельмомъ, который вполсѣдствіи, послѣ отреченія своего отъ престола, назывался графомъ Нассаускимъ и недавно скончался. Онъ часто хаживалъ совершенно одинъ, къ людямъ, которыхъ любилъ или до которыхъ имѣлъ нужду.

— Мингеръ, сказалъ король, баронъ Якобъ сватался за вашу дочь и вы ему отказали. Отецъ его оказалъ мнѣ большія услуги; я принимаю участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ и пришелъ просить васъ за него.

Старый ванъ Тассельтъ отвѣчалъ:

— Государь, малѣйшая ваша воля для меня законъ, но позвольте мнѣ объяснить вамъ, почему я такъ поступилъ. Я долго размышлялъ о томъ, можетъ ли бракъ моей дочери съ мингеромъ Якобсомъ составить счастье ея, моего семейства и даже того самаго кто хочетъ быть моимъ зятемъ. Разсмотрѣвъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, я убѣдился, что этотъ союзъ не можетъ принести счастья никому. Угодно ли вашему величеству, чтобы я исполнилъ вашу волю вопреки моей совѣсти и чувству моего долга?

— О, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ король: отецъ семейства долженъ располагать судьбою дѣтей своихъ какъ ему угодно. Вы честный и благородный человѣкъ, и если бъ я и думалъ,

что вы въ этомъ случаѣ ошибаетесь, то не сталъ бы требовать, чтобы вы поступили вопреки своему убѣжденію. Прощайте.

Черезъ полгода послѣ этихъ событій, горестные слѣды, которые они оставили по себѣ въ семействѣ ванъ Тассельта, по-видимому, совершенно изгладились. Дейвекке, которая долго была больна и терзалась отчаяніемъ, безпрестанно молила Бога, чтобы онъ далъ ей силу покориться волѣ отца; набожность поддерживала ее мужество и преданность судьбѣ. Часто даже улыбка появлялась на блѣдныхъ устахъ ея; но образъ Якобса не выходилъ изъ сердца бѣдной дѣвушки. Мингеръ ванъ Тассельтъ никогда и не упоминалъ объ этомъ неприятномъ происшествіи. Только онъ былъ еще нѣжнѣе прежняго съ своей милой Дейвекке, утѣшалъ ее своею предупредительностію, исполнялъ ея малѣйшія желанія и доставлялъ ей всѣ возможные развлеченія. Что касается до Якобса, то онъ переселился изъ Амстердама въ Роттердамъ.

Однажды, когда Дейвекке, стоя на колѣнахъ, молилась Богу не о томъ, чтобы онъ помогъ ей забыть Якобса, но чтобы милой ей былъ счастливъ, мингеръ ванъ Тассельтъ вошелъ въ ея комнату, сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она продолжала свою молитву и сталъ подлѣ нея на колѣна. Когда она поднялась, онъ сѣлъ рядомъ съ нею и вдругъ спросилъ:

— Ты всё-еще любишь мингера Якобса?

Дейвекке покрасѣла и потупила наполненные слезами глаза свои.

— Ты всё-еще любишь мингера Якобса? повторилъ старикъ.

— Батюшка, отвѣчала Дейвекке: по вашему приказанію я отказалась отъ его любви и отъ надежды быть его женою; но я всё-еще люблю его: этого вы мнѣ не запрещали.

Мингеръ ванъ Тассельтъ улыбнулся и покачалъ головою.

— Такъ вотъ какъ самыя покорныя дочери повинуются отцу! сказалъ онъ шутливо. Ну, если ты всё-еще любишь Якобса, такъ мы поѣдемъ нынче же въ Роттердамъ.

Дейвекке недовѣрчиво посмотрѣла на отца.

— Мы сейчасъ ѣдемъ въ Роттердамъ, повторилъ онъ. Мнѣ надобно поговорить съ мингеромъ Якобсомъ, и мо-

жетъ—быть этотъ разговоръ исполнить желанія всѣхъ насъ тронхъ, если только мингеръ Якобъ не разлюбилъ и не забылъ тебя.

— Этого я не боюсь! вскричала Дейвеке; а сердце ея такъ и билось отъ волненія и радости.

Съ часъ спустя послѣ того, мингеръ ванъ Тассельтъ съ дочерью ѣхали уже въ Роттердамъ, а подъ-вечеръ были тамъ.

Дорогой, Дейвеке очень хотѣлось поразспросить отца; но какъ—скоро она дѣлала робкій вопросъ, старикъ клалъ ей на колѣна Библию, а самъ прислонился въ уголъ, чтобы заснуть, или по—крайней—мѣрѣ притвориться будто спитъ. Мингеръ ванъ Тассельтъ остановился у одного изъ своихъ корреспондентовъ. На другой день, оставивъ дочь на квартирѣ, онъ отправился къ одному домику въ самомъ отдаленномъ предмѣстьѣ Роттердама; стукнулъ молоткомъ, и пожилая женщина медленно отворила дверь.

— Мингеръ Якобъ дома?

— Дома, отвѣчала старуха и ввела посѣтителя въ маленькую гостиную, вычищенную, вылощенную, свѣтлую, блестящую, съ мраморнымъ поломъ, по обычаю той страны, но съ очень скромной мебелью. Якобъ вскорѣ пришелъ и вскрикнулъ отъ удивленія при видѣ такого нежданнаго посѣтителя.

— Мингеръ Якобъ, сказалъ старикъ: вы прежде сватались за мою дочь Дейвеке; теперь я самъ пришелъ предложить вамъ ея руку.

— Вы мнѣ говорили тогда, что считаете долгомъ отказать мнѣ, печально отвѣчалъ Якобъ: а теперь я считаю долгомъ не принимать вашего предложенія.

— Отчего же такъ?

— Оттого что я совершенно разстроилъ неудачными спекуляціями имѣніе, которое оставилъ мнѣ отецъ. Корабли, которые я снарядилъ, потонули; несчастіе неумолимо меня преслѣдовало; предпріятія самыя обдуманныя, самыя вѣрныя, не удавались. Банкротства двухъ или трехъ моихъ корреспондентовъ довершили мое разореніе. Теперь у меня не больше пятидесяти тысячъ флориновъ. Я рѣшился не испытывать больше счастья; я увѣренъ, что теперь мнѣ ничто не удастся.

— Съ пятидесятью тысячами флориновъ человекъ благо-разумный и умѣренный можетъ жить очень порядочно, особенно если возьметъ двадцатѣ пять тысячъ флориновъ за женою. Притомъ король любитъ и уважаетъ васъ. Если бѣ понадобится, то онъ, вѣрно, далъ бы вамъ хорошее мѣсто. Ежели бы вы сами были по-прежнему богаты, я бы не измѣнилъ своего намѣренія и не выдалъ бы за васъ моей Девеке. Теперь, какъ между вашимъ состояніемъ и ея приданымъ вѣтъ большой разницы, то отъ васъ зависитъ жениться на ней.

Черезъ четверть часа послѣ того мингеръ ванъ Тассельтъ привелъ счастливаго Якобса къ своей дочери. Тотчасъ сдѣлали обрученье, а черезъ нѣсколько недѣль послѣ того отпраздновали и свадьбу, у мингера ванъ Тассельта въ Амстердамѣ.

На другой день послѣ этого, Якобсъ увезъ Девеке въ свой маленькій домикъ въ Роттердамѣ.

Девеке, какъ женщина, воспитанная въ любви къ порядку и къ экономіи, выказывала такія познанія въ хозяйствѣ, что счастливый Якобсъ не могъ надивиться ей. Она умѣла придавать ихъ скромному довольству всю привлекательность богатства. Домикъ принялъ какой-то праздничный видъ, отъ котораго онъ просвѣтлѣлъ и похорошѣлъ; потомъ ихъ посѣтила радость, которую надобно испытать, чтобы вполне понять.

Однажды утромъ Девеке, краснѣя, сказала Якобсу, что надѣется быть матерью. Это извѣстіе произвело почти такую же радость и въ Амстердамѣ, какъ въ домѣ Якобса. Мингеръ ванъ Тассельтъ тотчасъ пріѣхалъ къ зятю и съ-тѣхъ-поръ никакъ не могъ утерпѣть, чтобъ не побывать у милыхъ своихъ дѣтей хоть разъ въ недѣлю. Между-тѣмъ Якобсъ трудился съ дѣятельностію и неутомимостію, которыя все болѣе и болѣе привязывали къ нему тестя. Онъ всегда былъ въ должности, приходилъ первый, уходилъ послѣдній и подавалъ своимъ подчиненнымъ рѣдкій примѣръ усердія къ службѣ. Свободное отъ занятій время онъ все посвящалъ женѣ. Оба были счастливы и довольны.

Черезъ годъ послѣ свадьбы, у Якобса и Девеке родился сынъ. Мингеръ ванъ Тассельтъ старалъ нетерпѣніемъ

поглядѣть на новое дитя свое; къ несчастію, болѣзнь съ мѣсяцъ не позволяла ему отправиться въ Роттердамъ, чтобы обнять дочь и пожать руку зятю. Родительскія ласки старика приводили Якобса въ смущеніе и заставляли его краснѣть.

— Я виноватъ передъ вами, батюшка, сказалъ онъ однажды. Я скрылъ отъ васъ настоящее положеніе моего состоянія, а съ-тѣхъ-поръ неожиданныя обстоятельства еще измѣнили его. Я противъ воли принужденъ былъ отказаться отъ своего мѣста. Причины...

— Любезный Якобсь, я знаю, бѣда одна не приходитъ, сказалъ старикъ. Если тебѣ нужны деньги, то у меня есть двадцать тысячь флориновъ къ твоимъ услугамъ.

— Но какъ же мнѣ принять такую сумму?

— Отчего же вѣтъ? Я, кажется, отецъ твоей жены, да и твой тоже.

— Но поставьте себя на моемъ мѣстѣ: согласились ли бы вы принять такое предложеніе?

— У меня никогда не было ложнаго стыда. Чтобы поправить состояніе жены и дѣтей моихъ, я, конечно, не отказался бы принять помощь.

— Вы добрый и благородный человекъ, вскричалъ Якобсь. Вы предлагаете мнѣ помощь не спросивъ даже на что это мнѣ нужно. Нынче вечеромъ вы все узнаете, и я надѣюсь, что это не измѣнитъ вашего расположенія ко мнѣ.

Вечеромъ, когда они окончили втроемъ свой скромный обѣдъ, Якобсь спросилъ жену:

— Скажи мнѣ, моя милая Дейвеке, не желаешь ли ты чего-нибудь.

— Чего же мнѣ желать? отвѣчала она съ очаровательной улыбкою. Я совершенно счастлива, когда ты и батюшка со мною и когда я смотрю на колыбель нашего сына.

— Такъ тебѣ не хотѣлось бы быть богатой?

— А развѣ тогда ты больше будешь любить меня?

— Однако жъ, нечего дѣлать, надобно тебѣ рѣшиться быть богатой, сказалъ Якобсь.

И отворивъ потаенную дверь, устроенную въ шкафу, онъ показалъ великолѣпную гостиную, которую нѣскольکو слугъ приготовляли къ празднику.

— Я обманулъ васъ, батюшка, продолжалъ онъ, пожи-
мая руки тестя: простите ли вы меня?

Мингеръ ванъ Тассельтъ былъ впѣ себѣ отъ изумленія.

— Я увѣрилъ васъ, что я разорился, сказалъ Якобъ,
между-тѣмъ какъ самыя безразсудныя мои предпріятія
удавались, и имѣніе мое не только не разстроилось, но увели-
чилось вдвое. Чтобы получить руку моей Дейвеке, мнѣ не
оставалось ничего болѣе, какъ прикинуться бѣднымъ. Те-
перь вы все знаете; скажите же мнѣ, что вы не сердитесь
на меня.

— Нога моя не будетъ въ этой гостиной, сказалъ мингеръ
ванъ Тассельтъ. Но я часто буду пріѣзжать по-прежнему,
посмотрѣть, что дѣлаютъ дочь и зять въ домикѣ, гдѣ моя
Дейвеке долго была счастлива, при своемъ посредствен-
номъ состояніи

— Такъ вы не хотите, батюшка, чтобъ я спокойно на-
слаждалась богатствомъ, которымъ обязана мужу? сказала
Дейвеке.

— Почему же пѣтъ, моя милая? Ступай принимать гостей,
а я пойду покурю въ своей маленькой комнаткѣ, къ которой
я привыкъ. Послѣ бала приди поцѣловать меня и расскажи
мнѣ какъ ты веселилась.

Якобъ очень хорошо зналъ, что если тесть однажды что-
нибудь задумалъ, то его уже никакими судьбами не заста-
вить переменить своего намѣренія. Онъ пожалъ старику ру-
ку и повелъ Дейвеке въ прелестную уборную, гдѣ приго-
товленъ былъ туалетъ и двѣ горничныя ждали госпожи сво-
ей. Одѣвшись, Дейвеке, съ дѣтскою радостію осматривала
свой великолѣпный домъ и потомъ принимала многочислен-
ныхъ гостей, которыхъ мужъ пригласилъ.

Съ-тѣхъ-поръ она жила въ своемъ новомъ домѣ; но вся-
кій разъ какъ мингеръ ванъ Тассельтъ пріѣзжалъ въ Рот-
тердамъ, она переходила черезъ потаенную дверь въ свою
прежнюю, скромную квартиру, потому что старикъ все-
гда тамъ останавливался и только тамъ и видѣлся съ до-
черью и зятемъ.

Нѣсколько дней назадъ, я узналъ развязку этой исторіи,
говоритъ господинъ Henri Berthoud, и вотъ по какому
случаю.

Баронъ Якобъ и прекрасная жена его пріѣхали въ Па-

рижъ, чтобы провести тамъ зиму. Однажды мы сидѣли втроемъ у камина и толковали о тихой, поэтической Голландіи, изъ которой иностранецъ никогда не выѣзжаетъ безъ сожалѣнія и о которой Голландецъ не можетъ вспоминать безъ слезъ. Я спросилъ мингера Якобса, чѣмъ кончилась спекуляція, за которую мингеръ ванъ Тассельтъ взялся на Амстердамской биржѣ единственно для того, чтобы оправдать зятя въ общемъ мнѣніи.

— Вотъ въ чемъ дѣло, отвѣчалъ мингеръ Якобсъ. Многіе корабли съ табакомъ потонули и объ этомъ зналъ только одинъ маклеръ. Табакъ долженъ былъ сильно вздорожать въ Амстердамѣ. Стоило только закупить все что было въ главныхъ мѣстахъ складки табаку. Спекуляція удалась такъ, какъ тестъ мой даже и не ожидалъ. Онъ оставилъ одну треть барышей себѣ; а остальные принесъ мнѣ вмѣстѣ съ суммою, которую у меня занималъ.

— На вашъ капиталъ, сказалъ онъ, приходится барыша триста тысячъ франковъ.

Я взялъ деньги безъ малѣйшаго возраженія.

— Мужъ мой не всё вамъ сказалъ, прибавила Дейвекъ. Обѣ сестры мои вышли недавно замужъ и онъ далъ имъ обѣимъ по пятидесяти тысячъ флориновъ.

— А что жъ сказалъ на это мингеръ ванъ Тассельтъ?

— Онъ сталъ-было спорить, но мужъ мой замѣтилъ ему, что его власть не можетъ простираться на дѣла между зятемъ и сестрами жены его. Батюшка продолжалъ противиться; но мужъ мой положилъ по-тихоньку по порт-фёлю въ свадебныя корзинки моихъ сестеръ. Этотъ разъ батюшка тоже былъ обманутъ, но уже никогда объ этомъ не узнаеть.

Цыганка маркинта. Если послушать нашихъ поэтовъ и разныхъ другихъ сочинителей, то каждый изъ нихъ, по крайней-мѣрѣ сто разъ въ жизни бывалъ въ «страстныхъ объятіяхъ Цыганокъ». Они такъ хорошо знаютъ и такъ подробно описываютъ огонь, пылкость, сладострастіе этихъ женщинъ, что вной добронравный читатель и вправду позавидуетъ ихъ счастью. А между-тѣмъ все это просто — сочиненіе сказанныхъ поэтовъ и сочинителей. «Объятій Цыганокъ» они и въ глаза не видали. Это — фактъ, доказанный свидѣтельствомъ всѣхъ, которые жили въ обществѣ

цыганскаго племени, что почти нѣтъ примѣру, чтобы дѣвушка или женщина этого народа предалась наслажденіямъ любви съ человѣкомъ другаго происхожденія: малѣйшая этого роду потѣха обыкновенно стѣбитъ жизни вѣтрянницѣ. Англійскій миссіонеръ Веллсъ, который путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы для обращенія Цыганъ въ христіанство и хорошо изучилъ ихъ нравы, удостовѣрился положительно въ неприступности Цыганокъ для поэтовъ и любителей и называетъ ихъ рассказы безсовѣстнымъ хвастовствомъ. Вотъ новый, недавній случай, подтверждающій эту истину и описанный англійскою путешественницею мистриссъ Ромеръ.

«Хотя это было въ іюлѣ и андалузское солнце, только-что спустившееся съ зенита, превращало Старую Севилью въ «огнепалющую печь», жители «жемчужины Испаніи», казалось, забыли прелесть послѣ-обѣденнаго отдыха, и какъ потокъ послѣ бури, несмѣтными толпами сбѣгались изъ всѣхъ улицъ и переулковъ къ Аламедѣ, близъ которой находится plaza de Toros: въ этотъ день долженъ былъ явиться знаменитый Франсеско Монтесъ, герой corridas, а быки, назначенные для бою, выведены изъ ganaderia de la Vinda Isabella de Montemayor. Само собою разумѣется, что при этихъ вѣстяхъ, въ домахъ остались только разслабленные и умирающіе.

Въ толпѣ любопытныхъ всѣхъ возрастовъ и обоего пола, которые, не щадя своихъ праздничныхъ нарядовъ, тѣснились и толкались, два молодыхъ человѣка, знатныхъ и богатыхъ, тоже пробирались къ амфитеатру, толкуя между собою о черныхъ глазкахъ и розовыхъ губкахъ, которыя имъ случалось подсмотрѣть подъ мантильями и rapucelos. Оба были въ красивомъ костюмѣ шајо, который такъ хорошо выказываетъ стройныя формы и ловкость, и безъ котораго ни одинъ Андалузецъ и не подумаетъ идти на бой быковъ. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей служилъ чичероне другому и потому какъ бѣгло онъ рассказывалъ біографіи красавицъ, которыя проходили мимо его, ясно было видно, что онъ родился въ Севильѣ. Его звали дономъ Павло Гусманомъ, а товарища его дономъ Рамиро Гусманомъ. Этотъ былъ двоюродный братъ его, родился въ Гаванѣ и только недавно пріѣхалъ въ столицу Андалузїи.

— Надобно признаться, говорилъ донъ Рамиро, не ская глазъ съ дѣвушки, которая своими чертами, походкою и крошечными ножками, возбуждала его удивленіе: Севилья имѣетъ полное право гордиться своими женщнами: настоящій Магометовъ рай.

— Э, ты еще ничего не видалъ, любезный другъ, отвѣчалъ донъ Павло, и я совѣтую тебѣ приберечь свой энтузіазмъ для другаго случая. погоди, покуда познакомишься съ нашей прекрасной хитаной.

— Какъ, у васъ есть и цыганскій ангелъ?

— Я не говорю, что она ангелъ; скорѣе бѣснокъ.

— Ты ужъ не съ досады ли говоришь это, любезный Павло?

— Быть-можетъ; но если я и опалилъ крылья на огнѣ прекрасныхъ глазъ ея, такъ по-крайней-мѣрѣ не я одинъ.

Между-тѣмъ молодые люди подошли ко входу на plaza de Togos и затруднительность плаванія сквозь толпу, развлекла на время ихъ мысли, тѣмъ болѣе, что имъ надобно было пробраться къ самому тѣсному мѣсту во всемъ амфитреатрѣ, тому, которое назначено для черни, но гдѣ часто садятся и порядочные молодые люди, которые хотѣтъ поближе видѣть бой, именно къ лавкамъ возлѣ пустаго пространства, окружающаго наружную ограду цирка и служащаго убѣжищемъ торреросамъ, которые иначе не могутъ избавиться отъ ярости быка. Дѣйствуя то сильными локтями, то ласковыми словами, они наконецъ добрались до мѣстечка, которое приберегли имъ ихъ лакеи, и устрѣлись прямо противъ того мѣста, гдѣ Монтезъ долженъ былъ стоять въ началѣ корриды. Только-что они заняли свое завоеваніе, какъ изъ толпы раздался женскій голосъ, обращавшійся къ одному изъ нихъ:

— Сеньоръ донъ Павло, нѣтъ ли намъ мѣстечка подлѣ васъ?

Молодой Севильянецъ оглянулся я, отъискавъ глазами женщину, которая говорила съ нимъ, неустрашимо ринулся въ толпу; черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился, ведя за руку женщину пожилую, смуглую, темножко дикую; за нею шла молоденькая дѣвушка, которой лицо было совершенно закрыто желтымъ платкомъ, брошеннымъ на голову на-манеръ воала; донъ Павло усадилъ ихъ передъ со-

бою и своимъ родственникомъ, чтобы чернь ихъ не беспокоила.

— Этакіе неучи! бормотала старуха, поправляя свое измятое платье: чуть не задавили бѣдную дѣвку!

— Покорно благодарю, сеньоръ донъ Павлито, сказала дѣвушка, отбрасывая свой рашею и обращая къ молодому человѣку лицо такой дивной красоты, что донъ Рамиро вскрикнулъ отъ удивленія.

— Это Цыганка Марикита, сказалъ донъ Павло на-ухо брату: какова?

Донъ Рамиро не отвѣчалъ ни слова, но взоры его были по-прежнему устремлены на молодую хитану съ восторженнымъ выраженіемъ глазъ ясновидящаго. Очарованіе, обаявшее все севильское юношество, сильно дѣйствовало и на него. Марикита дѣйствительно, была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ, кажется, самъ демонъ надѣлялъ красотою для того, чтобы лишать спокойствія сердца сыновей Адама. Въ румянцѣ щекъ ея, въ золотистомъ цвѣтѣ кожи, было такъ много жизни, станъ ея былъ такъ гибокъ, формы такъ граціозны, что мужчины невольно влюблялись въ нея и такъ скоро, что даже не успѣвали подумать о томъ что изъ этого выйдетъ.

Марикита тотчасъ замѣтила впечатлѣніе, какое произвела на молодаго своего сосѣда; но принимала страстные его взгляды и комплименты съ равнодушіемъ опытной кокетки; она, быть-можетъ, и старалась обворожить его прелестію и небрежностію своихъ движеній; но по ея дѣтски-невинному виду нельзя было не подумать, что она даже не знаетъ своей красоты. Впрочемъ, теперь все ея вниманіе было, по-видимому, устремлено на корриду и, казалось, что черный быкъ, который въ это время бушевалъ на аренѣ, былъ для нея интереснѣе прекраснѣйшаго кавальера всей Испаніи.

Донъ Рамиро, напротивъ того, и не замѣтилъ Монтеса и даже какъ-будто не слышалъ оглушительныхъ рукоплесканій, которыя раздавались вокругъ него.

— Береги сердце, сказалъ донъ Павло на-ухо доцу Рамиро.

— Избавь меня отъ совѣтовъ, сухо отвѣчалъ Гаванецъ. Въ это самое время Руэсъ, старая хитана, безъ церемо-

нѣй дернула его за рукавъ, чтобы обратить его вниманіе на одного изъ chulos, который вышелъ изъ толпы togeros и ловко накинулъ покрывало на голову быку въ то самое время, какъ опъ чуть-было не посадилъ на рога одного изъ своихъ непріятелей.

— Посмотрите-ка, сеньоръ, посмотрите-ка, вскричала она съ торжествомъ: каковъ молодецъ! Это Эммануэль, женихъ моей дочери. Славно, славно, мой милый, сынъ души моей!

Эти восклицанія, несмотря на рукоплесканія, которыя за ними послѣдовали, нисколько не сообщили дону Рамиро энтузіазма старой Цыганки; напротивъ, Марикита, оглянувшись въ это время, замѣтила, что при словъ женихъ лицо молодого Гавапца судорожно искривилось, какъ будто онъ почувствовалъ сильную и внезапную боль. Рамиро, не успѣвъ еще полюбить, былъ ужъ ревнивъ; признанныя права Эммануэля и то что говорилъ ему донъ Павло о неприступности Марикиты, только усилили его желаніе приобрести трудную побѣду. Пылкій островитянинъ, который читалъ все что говорятъ европейскіе поэты о своихъ успѣхахъ съ прекрасными Цыганками, былъ теперь твердо убѣжденъ, что безъ любви этой прекрасной «огненной дѣвы» для него нѣтъ счастья на землѣ, и лицо chulo показалось ему чрезвычайно гадкимъ и отвратительнымъ. Послѣ этого перваго мщенія, онъ снова обратилъ глаза на жертву, обреченную этому звѣрю, на Марикиту, и старался замѣтить какое впечатлѣніе производитъ на нея присутствіе жениха. Это его немножко успокоило. Черты прекрасной хитаны не выражали ни безпокойства, ни нѣжности. Она была холодна какъ мраморная статуя. Встрѣтившись съ Эммануэлемъ глазами, она кивнула ему головою съ дружеской фамилярностію, но вотъ и все; потомъ стала смотрѣть на другой конецъ цирка. Но уже одинъ этотъ небрежный поклонъ воспламенилъ Эммануэля желаніемъ отличиться передъ глазами своей невѣсты и любовь помогла ему совершить одинъ изъ самыхъ трудныхъ подвиговъ искусства торомахин: онъ сорвалъ deviza, бантъ изъ левтъ, который привязываютъ къ шеѣ быка, передъ тѣмъ какъ выпускать его на арену. Великою chulo сгараеть желаніемъ завоевать этотъ трофей, чтобы поднести его своей любезной, и сердце ея, хоть бы оно было каменное,

не может не тронуться такимъ припоминаніемъ. Эмануэль самымъ блестящимъ образомъ совершилъ то, что всѣ его товарищи тщетно пытались сдѣлать, и между-тѣмъ, какъ восторженные зрители махали платками, и оглашали воздухъ восторженными рукоплесканіями, онъ побѣждалъ черезъ арку съ своей *devise* въ рукахъ и поднесъ ее прекраснѣйшей изъ севильскихъ дѣвушекъ. Но ему нельзя было дожидаться, чтобы Марикита его поблагодарила или похвалила, и онъ былъ уже далеко, когда дѣвушка ономылась отъ смущенія, произведеннаго въ ней тѣмъ, что всѣ взоры на нея обратились. Однако жъ она тотчасъ отвернула отъ шумнаго энтузіазма своей матери, и, подавая бантъ новому своему обожателю, сказала съ самой оборотистой улыбкою:

— *Senhor cavalheiro*, потрудитесь приколоть эту *devise* къ моимъ волосамъ.

И она выдернула большую булавку, которою къ нея черной густой косѣ была приколота бантъ изъ розовыхъ лентъ. Бантъ унасъ на полъ; донъ Рамиро нагнулся, чтобы поднять его, Марикита сдѣлала тоже: руки ихъ встрѣтились и молодой человекъ не утерпѣлъ, чтобы не пожать хорошенькой ручки прекрасной хитраны. Минутный румянецъ, озарившій лицо ея, легкое трепетаніе ея губъ и особенно влажность глазъ, которыя она потупила подъ плащеннымъ взглядомъ своего обожателя, обличали чувство, въ которомъ было такъ мало глѣзу, что донъ Рамиро, не выпуская трепещущей ручки изъ своей руки, вытаскивалъ у нея бантъ, сдѣлавшійся безвинною причиною этого сближенія. Марикита сопротивлялась слабо, и счастливымъ донъ Рамиро спряталъ у себя на груди залогъ любви, такимъ образомъ полученный. Черезъ минуту послѣ того *devise*, состоявшая изъ желтыхъ лентъ, была приколота къ волосамъ красавицы.

— Ваша милость слишкомъ любезны, сказала старая Цыганка, которой зоркій взглядъ съ виднымъ удовольствіемъ слѣдилъ за всѣми движеніями молодого сеньора. Марикита будетъ гордиться тѣмъ, что вы ей прислуживали.

Послѣ этого вступленія, она начала осмыслить донъ Рамиро увѣреніями въ преданности, почтала свои собственныя таланты и познанія и сказала, что всѣ они къ его услу-

ламъ; въключеніе оны просила сенсера принять подъ свое милостивое покровительство будущаго въ зятя Эммануэля, доводя, что онъ лучший барашникъ и самый кокусный коновалъ во всей Севильѣ.

— Послушай, мамля моя, сказала она потопъ, обращаясь къ Маркитѣ: эта деліза дурного цѣлгу. И не знаю что придумаешь Эммануэлю поднести тебѣ: эмблему неостоломленнаго.

Дивушка не отвѣчала ни слова, но покраснѣла: можетъ быть, она чувствовала, что дѣлѣ такія лоптѣ въ эту минуту дѣлать согласуется съ ея чувствами. После того она не болѣе срамно Рамиро обращала вниманія на корриду.

Подруга Монтеса дѣлова возбуждала всеобщій энтузіазмъ, что зрители просили presidentia приказать привести еще одного быка, съ которымъ бы могли сразиться охотники, желающіе выказать свою силу и ловкость. Въ подобныхъ случаяхъ выпускаютъ обыкновенно, *embolado*! то есть быка, у котораго на рогахъ шерстяные клубки, или дойны, молодого быка; его позволено мучить и сколько угодно до убивать запрещено. Въ этотъ день presidentia приказала выпустить *novillo*. Какъ скоро быкъ съ голубыми баками нашей, рыбіжалъ, да арену, до въ Рамиро вырвалъ изъ рукъ Маркиты ея желтый платокъ, чтобы сблать себя изъ него сара de смяю и, перескочивъ черезъ барьеръ, бросился въ толпу охотниковъ, которые сбѣгались со всѣхъ сторонъ, чтобы зайти въ восточныхъ ложаго.

Тутъ, *colgada* привлекла къ себѣ все вниманіе прекрасной хитаны в прерывающее ея *cañalé*, яркій румянецъ щеки, она показывали иже живое участіе принимая она въ этомъ бѣгѣ. Оба брата, Педро и Рамиро Гуенши сошли на арену, но Рамиро, воспламененный мыслью отличиться передъ своей любезной, навадалъ на быка съ такою дерзости, что оставилъ далеко за собой всѣхъ другихъ *delestantes* (горомахин, и благородныя дамы черезъ *delestantes* епо; своимъ рукоплесканіями. Сдѣлавшись, почти дельно, *depernikomъ* Эммануэлю, онъ, во что бы то ни стало, намерѣннo хотѣлъ сорвать съ быка голубую *cañada* разбить ея свою честь таркетта; которое сдѣлаю прекрасную хитану царичю своимъ праздникомъ. Это

мучь, жестоко; ему жизни: онъ широко махнулъ, узнавъ и тогда онъ поднимался, быль. слѣзна: рванымъ его: рогомъ въ щеку. Къ счастью: онъ сохранилъ все свое присутствіе духа и бросился: нилкомъ; быль: прыжкомъ: черась: нево: не пертвался: ра: другимъ: неприятельнѣ. Денъ: Рамиро: тотчасъ: вкочилъ; слова: аттаковалъ: разъяренное: животное: и: въ: стотъ: разъ: съ: подлаными: успѣхомъ. Въ: зрители: начали: мажать: платнами: и: огласили: воздухъ: восторженными: восклицаніями, когда онъ сорвалъ: полубию: девица; не: онъ: ничего: не: андалъ: дитего: не: слыхалъ: и: тотчасъ: приближалъ: къ: той, которой: назначалъ: свой: трофей.

Маринита, прошептала онъ ей на ухо, подавая прекрасной китайскій свою девица: теперь она цѣлуетъ, любя.

Ахъ, сказала она съ судорожнымъ пренетомъ, увидѣвъ каплю крови, которая упала со щеки донъ Рамиро на ленты: она запятвана кровью.

И: дражащей: рукой: приколола: она: девица: къ: своей: груди.

Я: Насквозь: вижу: твое: сердце, сказала донъ Павло, когда они: вмѣстѣ: возвращались: домой: ты: вонхнулъ: какъ: порохъ. Эта: воиенница: уже: многихъ: измучила: своими: парами: теперь: видно, твоя: очередь. Будь: увѣренъ, что она обойдется съ тобою не лучше, какъ и съ другими своими обожателями, то есть со всеми молодыми людьми, сколько ихъ есть въ Севильѣ.

Да отъ чего же ей никогда не любить? сказала донъ Рамиро, основывая свои надежды на двухъ или трехъ взглядахъ, которые бросила на него Маринита.

Оттого? Оттого, что она: китайка! Въ: ней: вся: очаровательность, но и вся: немощная: неприступность: Цыганокъ. Несмотря на всѣ: точки, врядъ: ли: найдешь: Цыганку, которая: бы: позволила: обольстить: себя: своему: брату: Цыгану, а: ужъ: бусма: какъ: онѣ: изъ: превѣтій: называютъ: мужчизнѣ: другихъ: народовъ, и: издавна. Конечно, Маринита не: пожелаетъ: раздражать: страсть: твою: всѣми: возможными: обольщеніями, доведетъ: ее: до: послѣднихъ: предѣловъ: безумства, но: сама: всегда: будетъ: холодна: какъ: статуя. Ужъ: она, конечно, не: дамъ:бить: правамъ: и: обычаямъ: своихъ: предковъ. У: ней: слишкомъ: хорошая: наставница, —: ея: мать, это: сатана: въ: женскомъ: платьѣ: она: съ: малыхъ: лѣтъ

учила ее пользоваться отрастани и тишеславюмъ мужичка, и между-тѣмъ уберогаться отъ огня, который расналетъ въ другикъ. И Марикита, пользуясь этими урнами, дурничать мужичка и извлекаетъ изъ этого пользу для своихъ родныхъ и земляковъ. Я знаю это по опыту и дорогою поплатился за минутное ослѣпление. Я цѣлый годъ былъ на плахѣ, не говоря уже о томъ, что меня обирали со всѣхъ сторонъ. Я порушилъ этому мерзавцу Эмануэлю управлять моими конюшнями, смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ онъ укралъ у меня коня двухъ прекраснѣйшихъ муловъ, и заплатилъ огромную сумму за двухъ влячей, которыми онъ поставилъ мнѣ вмѣсто тѣхъ. Благодаря моимъ притворамъ Цыганамъ, у меня не осталось ни одной лошади, на которой можно было бы ѣздить; но я не обращалъ на это никакого вниманія ддятого, чтобы не разсердить мать Марикиты, и....

— И что жъ? вскричалъ донъ Рамиро, съ живостію схвативъ брата за руку.

— Я ничего не добился, и теперь ненавижу Марикиту отъ души, точно такъ же, какъ прежде любилъ ее.

— Несмотря на это! и увѣрять, что у ней есть сердце и что она не любитъ этого черномазого, гадкаго, грязнаго Эмануэля!

— И не будетъ любить красавца, еранта Рамиро.

Молодой Гаванецъ не раздѣлялъ въ этомъ отношеніи мнѣнія брата и дѣйствовалъ по своему собственному убѣжденію.

Мы не станемъ исчислять всѣхъ хитростей, которыми упозреблялъ донъ Рамиро, чтобы только повидаться съ прекрасной хитаной, всѣхъ баловъ, которые онъ давалъ въ Алькасарѣ или въ Las Delicias и на которые приглашала главныя цыганскія фамиліи съ Triana, только ддятого, чтобы протанцовать съ Марикитою одинъ изъ тѣхъ характерныхъ танцевъ, на которые онъ былъ величайшій мастеръ. Еще чаще приглашалъ онъ старую Руэсъ и дочь ея въ rotio дома дона Павло и когда молоденькая хитана распалила любовь его, пропѣвъ ему своимъ звучнымъ голосомъ нѣкоторыя изъ жалобныхъ, страстныхъ андалузскихъ балладъ, Руэсъ всегда уводила ее домой, получивъ полный кошелекъ доллеровъ. Марикитѣ Рамиро никогда не

того не предлагала: она вела себя такъ, что это ему никогда и въ голову не приходило.

Всѣ предсказанія доня Павло сбылись, за исключеніемъ только одного: Хити Марикету никогда не оставалась одну съ дономъ Рамиро, однако жъ онъ могъ свободно съ нею разговаривать, и мать не обращала на это ни малѣйшаго вниманія: она была твердо увѣрена, что самый привлекательный *бусне* несколько не можетъ быть опаснымъ для молодой хитаны, которая должна съ отвращеніемъ и презрѣніемъ смотрѣть на союзъ съ иноплеменникомъ и воспитана въ твердомъ убѣжденіи, что если Цыганка измѣнитъ своему долгу, то ей не миновать смерти. Доня Рамиро грабли точно такъ же, какъ прежде доня Павло. Онъ пристрастенъ былъ скупить самыхъ негодныхъ клячъ во всей Сивильѣ за суммы, какихъ стояли бы прекраснѣйшія лошади; съ конюшными его обращались какъ съ завоеванной землею. Что касается до Марикеты, то она отвѣчала на любовь доня Рамиро точно такою же холодною, какая довела доня Павло до отчаянія и заставила его опомниться. Иногда ласковость ея обращенія съ нимъ походила на нѣжность, но потомъ ему казалось, что она нарочно подавала ему надежды, чтобы имѣть удовольствіе тотчасъ послѣ того разрушить ихъ своимъ ледянымъ равнодушіемъ. И между-тѣмъ Рамиро все-еще не отчаявался тронуть сдѣланный ея сердце. Ему казалось, что иногда, думая, что никто этого не замѣчаетъ, она устремляла на него глаза, въ которыхъ выражалось совсѣмъ не равнодушіе, и что даже тогда, когда она старалась казаться сурою, дрожащій голосъ ея обличалъ душевное волненіе. Однако жъ дни текли за днями, не выводя бѣднаго Рамиро изъ его горестнаго недоумѣнія, и время, назначенное для свадьбы Марикеты и Эмиануэля приближалось. Уже дѣлались приготовления къ свадьбѣ, и Марикета по-прежнему оставалась непреклонною. Рамиро лишился всей надежды и старался увѣрить себя, что, онъ принялъ за изъясненія нѣжности то, что было не что иное, какъ уловки безжалостнаго кокетства.

За два дня до свадьбы, онъ видѣлся съ Марикетою въ одной изъ уединенныхъ аллей *Las Delicias* и, изволнованный страданіями обманутой любви, горько упрекалъ ее въ же

откровенно говорить, что, видно, у вас иван думал, если она соглашается выйти за барышника вора? тогда могла бы и сдѣлать и женою порядочнаго человека, который страстно ее любитъ и наконецъ, еще объявилъ ей, что въ тотъ же вечеръ уѣдетъ въ Кадисъ, чтобы отпраться въ Гаванну, гдѣ постарается забыть любовь, которой стыдится, и надѣется скоро истребить ее въ оковы сердца. Пораженная этой неожиданной вѣстью, Марикита наконецъ измѣнила тайнѣ, которую такъ долго таила въ душѣ. Она вскрикнула отъ горести и, заливаясь слезами, призналась дому Рамиро, что любить его уже давно и тщетно старалась подавить свою страсть, что Эмануэла поставитъ и рѣшилась не выходить за него, чего бы это ей ни стоило.

— Да, вскричала она, да, вы думали, что я омиюсь надъ вашими страданіями, а я между тѣмъ рѣшилась умереть, чтобы не дѣлать несчастной моей любви къ вамъ. Посмотрите, продолжала она, вынимаемая за шажухи девицу, которую подарилъ ей Рамиро... эта лента всегда лежала на моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ какъ вы мнѣ ее подарили, она одна знала мою тайну, и она поможетъ мнѣ избавиться отъ удушья, которая для меня хуже смерти. Рамиро, пусть подаритъ погубитъ меня.. эмблема любви, запятнанныя кровью, правдѣнцала любовь кровавую... до же бойтесь, я не буду женою этого человека... Завтра мнѣ ничего не будетъ нужно, кромѣ савака.

Но станемъ пересказывать, что отвѣщая ей Рамиро. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того Марикита уже не плакала, забыла свои зловѣщія предчувствія и съ радостнымъ трепетомъ слушала, какъ Рамиро: упрашивалъ ее ѣхать съ нимъ въ Кадисъ, и клялся, что женится на ней какъ скоро они прѣдутъ въ Гаванну. Вдругъ она задумалась. Странная вещь! Гордый *hidalgo* предлагалъ свою руку, свое имя бѣдной Цыганкѣ, а бѣдная Цыганка не могла рѣшиться сдѣлаться женою *бълой-крови*. Всѣ недавніе предрасудки возмущались въ ней при этой мысли и любовь не скоро ихъ преодолѣла. Но, наконецъ, она одержала победу и Марикита бросилась въ объятія своего любезнаго.

Рѣшено было, чтобы Марикита воротилась домой въ обыкновенное время, чтобы не возбудить подозрѣнія, но ве-

черезъ, когда мать заснетъ, она должна была потихоньку вы-
браться изъ своей комнаты и прійти къ дому Пацле Гусмана,
у котораго Рамиро жилъ во все время пребыванія своего въ
Савиль. Рамиро велѣлъ приготовить ей мужское платье въ
такомъ образѣ надѣясь скрытно провести ее на паро-
клатъ, который въ два часа утра долженъ былъ идти
къ Кадисъ.

Только-что пробило двѣнадцать часовъ, какъ послышался
легкій стукъ у окна въ комнату, жилищяго эжажа, гдѣ жилъ
донъ Рамиро. Это былъ условленный знакъ. Трепетавъ отъ
восторга, онъ отворилъ окно, и къ ногамъ его упала Ма-
монакъ, обернутый бумагой; но онъ тихою кликашею своимъ
голоса Марикиту; отъищу, не было. Мопуганный, отъищу
безмолвнѣмъ, и таинственною заднскою, онъ долго не рѣшалъ
сея подвять камень. Наконецъ, собравшись съ силами, онъ
цнлль записку. Въ ней было сказано:

«Senhor don Ramiro, мой милый другъ, какъ скоро по-
лучишь это письмо, ступай въ Las Delicias; я жду тебя тамъ.
Я не могла прійти къ дому донъ Гусмана: я боялась, что
бы кто-нибудь изъ его людей не сказалъ нашимъ, что я живу
блуждать. Я буду ждать тебя на каменной скамьѣ, въ гра-
натной аллеѣ, гдѣ мы видѣлись съ тобою нынче утромъ.
На жизнь и на смерть твоя Марикита.»

Рамиро тотчасъ побѣжалъ въ назначенное мѣсто. Эта за-
писка дакъ взводилова его, переходъ отъ внезапнаго от-
чаяннѣя къ внезапной новой надеждѣ былъ такъ быстръ,
что онъ даже не замѣтилъ страннаго почерка этого письма,
и только радостное нетерпѣннѣе наполняло его сердце, ко-
гда онъ приближался къ мѣсту свиданнѣя. Ночь была ясная,
прозрачная, какія бывають только въ южной Испаннѣ, и
луна разливала такой яркнѣя свѣтъ, что всѣ предметы об-
рисовывались явственно, какъ-бы подъ легкимъ сереб-
стымъ крепомъ. Войдя въ темныя аллеи Las Delicias,
онъ изъ-дали уже увидѣлъ Марикиту, несмотря на то, что
густыя деревья разстилали передъ нимъ тѣнь свою. Пре-
красная хитана сидѣла на каменной скамьѣ. Подождая по-
ближе, онъ замѣтилъ, что она присловилась головою къ
гранатнику; лицо ея было закрыто желтымъ ридефо
и она сидѣла совершенно неподвижно, какъ будто спала.
Подкравшись къ ней, Рамиро сълъ подлѣ, и трепещущей

рукой обалтъ станъ своей любезной. Она и не шевельнулась. Рамиро затрепеталъ отъ ужаснаго предчувствія и сорвалъ репелю съ головы Марикиты. Лучи луны озарили лицо несчастной хитаны. Глаза ея налились кровью и выжугались; лицо раздулось и было искажено страшными судорогами; губы были блѣдны, и голубая лента, запачканная кровью, devica, которую подарилъ ей Рамиро, крѣпко обвилась вокругъ ея шеи. При этомъ видѣ ужасная истина какъ громъ поразила несчастнаго Рамиро: Марикита была задушена.

Въ отчаяніи, въ безуміи, онъ сорвалъ роковую ленту, но тщетно: Марикита уже не подавала никакихъ признаковъ жизни. Рамиро перенесъ ее на берегъ Гвадалупера, омыскалъ пощипанное лицо ея водою и тутъ только извѣдиль, что руки у нея связаны.

На другой день рано утромъ полиція узнала объ этомъ убійствѣ, началось слѣдствіе. Вся шайка Цыганъ, къ которой принадлежала несчастная Марикита, бѣжала въ горахъ; поэтому и по обстоятельствамъ ея смерти не возможно было не догадаться кто ея убійцы, и Рамиро, котораго сначала взяли-было подъ стражу, былъ освобожденъ. Никто изъ этой шайки не появлялся уже послѣ того въ Севильѣ. Но какимъ образомъ узнали они о нагроушеніи Марикиты? Надобно думать, что слова, подчеркнутыя въ письмѣ, которое получилъ донъ Рамиро, имѣли таинственное значеніе и что дѣйствительно люди донъ Пабло уредали несчастную хитану. Весьма вѣроятно, что писму, отъ имени Марикиты писалъ Эммануэль или кто-нибудь другой по его просьбѣ.

Похоронивъ свою любезную, донъ Рамиро съ растерзаннымъ сердцемъ отправился въ Гаванну.

Въ гранитной аллѣѣ Las Delicias и теперь еще стоитъ крестъ, съ надписью:

AQUI YACERON MARIQUITA LA GITANA.

ИТАЛИАНСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. I. II. Fantasma, Принадлѣніе, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка сн-ора Персіави.

Вотъ въ чемъ дѣло. Герцогъ Эрнестъ, убилъ брата и наследовалъ ему—въ неизвѣстномъ царствѣ, небываломъ

государствъ. Дочь покойнаго, Эрнстия, влюблена въ дѣшного Адольфа, на котораго Эрнестъ свадиваетъ вѣщественное убійство. Въ видствіе сего, Эрнстия изымается своею волею на вступленіе въ бракъ съ Германомъ, сыномъ Эрнеста. Но на бѣду, этотъ Эрнестъ лунатикъ и, явившись въ видѣ привидѣнія, самъ рассказываетъ какъ дѣло было. Добродѣтель торжествуетъ, пороки наказываются, любовники женятся.

Что касается до музыки этой оперы, которой, какъ вамъ извѣстно, мы не слышали, то объ ней мы ничего не можемъ вамъ сказать, даже и съ чужихъ словъ, но весьма простой причинъ: изъ французскихъ журналистовъ одни говорятъ, что въ этой оперѣ много прекраснаго и бриллианнаго; другіе, что это просто отрывки изъ путешествія палъора Персіана—но операмъ другихъ композиторовъ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. L'Esclave de Sa-moëns, Невольница Камюсса, опера въ одномъ дѣйствіи, слова Saint-Georges'a музыка Flottou'a.

Камюссъ бѣденъ какъ всѣ поэты (по крайней-мѣрѣ по штату) хворъ и кривъ, какъ имъ бы не слѣдовало быть. Но у него есть прекрасная невольница (каковыхъ мы всѣмъ постанъ отъ души желаемъ). Эта невольница поетъ на улицахъ и площадяхъ стихи своего господина—поетъ и собираетъ въ пользу его подавнія. Дочь Себастьянъ, прелестный красотою невольницы, приходитъ въ домъ Камюсса, не зная, что это самъ великій поэтъ. Великій поэтъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы высказать дону Себастьяну, котораго то же не знаетъ, нѣкоторыя не совсѣмъ пріятныя вѣтвы. Черезъ нѣсколько сценъ являютея англичане, чтобы взять дерзнаго подъ стражу, а съ ними и самъ донъ Себастьянъ, хотя, конечно, королю вѣдѣтъ исправлять должность полнейскаго. Какъ бы то ни было, тутъ все открывается. Донъ Себастьянъ назначаетъ Камюсса своимъ придворнымъ поэтомъ, а Камюссъ женится на своей невольницѣ Гривельдѣ.

Музыка господина Флоттова—артеста-анатера, какъ говорятъ, прелестна. Это первый его опытъ въ оперномъ родѣ.

2. La Tutrisse ou l'Emploi des Richesses, Опакунитъ, или Употребленіе богатства, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ по-сподъ Seribe'a и Dupont'a.

— Какъ же успѣть употребить богатство! только дайтъ Оно, кепчла, а такъ, а выходишь, князе. Волкъ: какъ бы киримиромъ: будучи сказати графъ Леопольдъ, сони Вюрцбургъ, живущий левъ, шиль: себя кое-какъ, безъ гроша въ карманѣ, и другъ, получилъ наследство, которое, по расвету. Скриба, приносилъ по-крайней-мѣрѣ, миліонъ доходу. Олень: порадоchio! Бѣднякъ Вюрцбургъ, арзадумался. Онъ непремѣнно хотѣлъ прость своя дядюшка пять миліоновъ, а—шутка сказать! — скоро, ли, прошь, двадцать пять миліоновъ! Какъ бы то ни было, а богатство ужь попортило Леопольда. Въѣдетъ-того, чтобы одичать до нехороши, къ своему почерному дядюшкѣ, который оставилъ ему такое огромное наследство, онъ, останавливается въ какомъ-то трактирѣ, заботится только, я съемъ, обѣды и, поджидаетъ талиовщину. Фридолину, которую хотеть отбить у какого-то богатого Англиченна. На бѣду, по якъ томъ же трактирѣ, останавливается молоденькая дама, да еще и хорошенькая. Онъ было къ ней, а она не хотеть проповѣдывать о тщетѣ богатства и: добравъ она, и: проблемѣ. Блоску, видно, питала. Эта дама, честь: и: емъ, рекомендовать — шансонесса, канонесса, или: валонка: касса, сони Мошдау, дѣвушка, которую покойный селдмаршалъ сони Вюрцбургъ, дядя вышереченнаго уемновидъ (о-лема, же сказать: удочерилъ) и: которой онъ отпизалъ все свое имѣніе. Плохо! У Леопольда: опять ни гроша. Что-то ему дѣлать? Итти въ адвокаты. Онъ и идетъ.

— Но Аналія сони Мошдау добрая дѣвушка: она не хотеть смерти грѣшника и предлагаетъ ему пенсію въ три тыщи: въ мѣсяцъ. — Мнѣ пенсію! Я икъ отъ него, по: правдѣ благодѣлній. Я лучше женюсь на Фридолинѣ. Когда у ней: есть деньги, ей всё конется, быть красивой. — Не женитесь, говоритъ Аналія.

— Чтобы: онъ не женился, добрая дѣвушка, оуплава, все это: шексели, и: сама:т: лавъ въ тюрьму. Пользуясь свободнымъ временемъ, Леопольдъ учится аравамъ и: черезъ два года по: выходѣ: изъ тюрьмы, и: дѣбается адвокатомъ. Разумѣется, что сначала ему: даютъ только, вующа дѣла; но вдругъ—о счастье—ему попадается процессъ противъ еко неприятельницы, Аналія сони Мошдау. Онъ оправдывается и: сюзанокъ и тутъ снова начинаются между ними ссоры

непріятныя и непримачныя. Негодяй Леопольдъ осыпаетъ ее упреками и оскорбленіями и никакъ не можетъ догадаться что эта дѣвушка его любить и хочетъ только спасти его, хотя, правду сказать, употребляетъ для этого средства немножко рѣшительныя. Наконецъ всеобъясняется и Леопольдъ женится на Амаліи.

Для увеселенія этой довольно прискорбной комедіи, Скрибъ ввелъ еще спекулятора, который предлагаетъ и навязываетъ всѣмъ и каждому акціи на какое-то предпріятіе, приносящія какъ водится, шесть сотъ процентоѡ. Правду сказать, всѣ эти шутки надъ акціями и акціонерами порядочно надоѣли. Помыслите, ради Бога! Люди, какъ извѣстно, ходятъ въ театръ для-того, чтобъ исправить свои нравы и научиться добродѣтели, а совсѣмъ не для того, чтобы слушать шутки оскорбительныя для сердца и лежащаго близъ него кармана слушателя. Кто жъ нынче не акціонеръ? И я, и вы, и они, мы всѣ акціонеры и не можемъ скрыть этого отъ самихъ себя. Смѣйтесь надъ скрягой, надъ вѣтренникомъ: я не признаю себя ни скрягой ни вѣтренникомъ; но я не могу не признать себя акціонеромъ. Такъ оставьте меня въ покоѣ и не заставляйте меня—мнѣ завѣдомо—смѣяться надъ самимъ собою.

Впрочемъ, все обстоитъ благополучно; ничего нѣтъ, что крайней-мѣрѣ хорощаго. Есть правда *Une fôte de Negon*, трагедія Сузид. Классической трагедіи мы почтительно кланяемся и проходимъ мимо. Есть нѣсколько водевилей: одинъ хорощъ по тому, что въ немъ играетъ Арналь; другой потому что въ немъ играетъ Буфф. А какъ какая надобность!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

=

(Цѣны на серебро.)

- AUBER. Ouverture de l'opéra: *La part du diable* (4 r. 85 c.).
BENNET. Ouverture de l'opéra: *Les Náyades* (3 r. 43 c.).
GADE. Symphonie à grand orchestre (11 r. 15 c.).
LACNER. Ouverture de l'opéra: *Cathérine Cornaro* (3 r. 43 c.).
MENDELSSON. Troisième symphonie, oeuvre 56 (13 r. 15 c.).
SPORR. *Jrdisch und Göttlich*, double symphonie (12 r.).
LABITZKY. *Hommage à la nation britannique*, valse (3 r. 43 c.).
LANNER. *La Valse des sorcières* (4 r. 58 c.).

Для скрипки съ икомпаниментомъ фортепіано.

- BÉRIOT. Huitième air varié, oeuvre 42 (2 r.).
JANSA. Dix airs de Schubert, oeuvre 62 (3 r. 43 c.).
— Le chant du signe de Schubert, dix airs (3 r. 72 c.).
KALLIWODA. Variations sur un thème original, oeuvre 118 (1 r. 29 c.).
SAINT-LUBIN. Poème d'amour de Henselt, transcrit (1 r. 15 c.).
H. RIES. Souvenir, deux chants (1 r. 16 c.).

Дуеты для фортепіано со скрипкою.

- BOEHLER. Souvenir de Naples, tarantelle, oeuvre 46 (2 r. 58 c.).
HELLER et ERNST. *Pensées fugitives*, douze cahiers (à 50 c.).
KALKRENNER et ПАНОВКА. Duo sur la Juive de Halévy (2 r.).
KÜFFNER. Potpourri sur des thèmes de l'opéra: *Cathérine Cornaro*,
oeuvre 314 (1 r. 72 c.).

KAYSER. Divertissement moderne sur des thèmes d'opéras, six cahiers (à 1 r. 43 c.).

LINDBLAD. Duo, oeuvre 27 (3 r. 72 c.).

WDLFF et. VIEUX-TEMPS. Duo sur des thèmes de l'opéra: le Duo d'Ollonne (2 r. 29 c.).

Для фортепиано в четыре руки.

DONIZETTI. « La Fille du régiment », opéra à 4 mains (6 r. 85 c.).

— Linda, opéra (13 r. 70 c.).

HENDELSSOHN. Le Psaume 114, oeuvre 51 (1 r. 72 c.).

BEETHOVEN. Grand sextuor, oeuvre 71, arrangé (1 r. 72 c.).

BERTINI. Grand duo sur le Stabat Mater de Rossini (1 r. 72 c.).

CHOPIN. Prélude, oeuvre 45 (58 c.).

DOEHLER. Petite fantaisie sur deux airs de la « Norma » (1 r. 15 c.).

DUVERNOY. Trois petites pièces sur des thèmes favoris, (86 c.).

HENSELT. Wiegenlied (58 c.).

HERZ. La Carlotta Grisi, grande valse (1 r. 15 c.).

HÜNTER. Les bords du Rhin, grande valse (1 r. 15 c.).

KALEBRENNER. Fantaisie de bravoure, oeuvre 165 (1 r. 72 c.).

TÄLBERG. Grande valse brillante, oeuvre 47 (1 r. 72 c.).

Для фортепиано в две руки.

REXTINI. Sérénade-caprice sur des thèmes de l'opéra: « Don Pasquale » (1 r. 29 c.).

BERGMUELLER. Trois romances de Masini (1 r.).

— Trois petits thèmes originaux (72 c.).

— Fleurs mélodiques: douze morceaux faciles (5 r. 72 c.).

CHOPIN. Allegro vivace, oeuvre 51 (1 r. 15 c.).

CHERNY. Pensée fugitive, oeuvre 712 (1 r.).

ФРЕЙСХОК. Variations pour la main gauche seule (1 r. 15 c.).

— La coupe, chanson à boire (72 c.).

DUVERNOY. Tarantelle de Naples (86 c.).

HELLER. Bolero sur la Juive (1 r.).

HENSELT. Deux romances de Glinka, transcrites (1 r. 72 c.).

HERZ. Tremolo sur un thème de Beethoven (1 r. 43 c.).

HÜNTER. Fantaisie sur « la Linda », oeuvre 126 (1 r. 15 c.).

KALEBRENNER. Rondeau brillant, oeuvre 165 (1 r. 43 c.).

KULLAK. Fantaisie de concerto, oeuvre 14 (1 r. 72 c.).

LEMOINE. Petites récréations, choix de morceaux pour les petites mains, (8 numéros à 1 r. 15 c.).

- LIETZ, Petite valse favorite (58 c.),
 GONOSCH, d'Alabiëff, transcrit (85 c.).
 MOSCHELES. «Don Pasquale», fantaisié brillante (1 r. 43 c.).
 OUBOVI. Deux morceaux de salon: l'Airondelle et Tarantelle
 (à 94 c.).
 PRUDENT. Souvenir de Beethoven fantaisié (2 r.),
 ROSELLEN. Décameron des jeunes pianistes: collection de fantaisies, variations etc. 10 cahiers, (86 c.).
 ROSENHAIN. Esquisses de l'opéra italien: trois impromptus
 (à 1 r. 15 c.).
 TRALBERG. Canzonetta italienne, oeuvre 36 (1 r. 15 c.).
 Graziosa, romance sans paroles (72 c.).
 VOLLWEILER. La bohémienne russe, fantaisie (1 r. 15 c.).
 VOSS. Exhaussement, rhapsodie de concert (72 c.).
 WOLFF. E. Fantaisie sur des motifs de l'opéra «Lucrecia Borgia»
 (1 r. 18 c.).
 — Deux divertissements sur: Richard coeur de Lion,
 (à 72 c.).
 СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ (3 р.).
 ЕЩЕ СТО РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ, ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ (2 р.).
 СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ ДЛЯ ОДНОЙ СКРИПКИ (2 р.).

Танцы для фортепиано.

- LIADOFF. Contredanses françaises: *Mon plaisir, A la plus belle, Et le Bonbonnière, Молодой Иезуитъ, Souvenir du ballet Des*
 dédiées à S. A. J. Mgr. le Duc de Leuchtenberg (à 60 c.).
 LEANDRE. Contredanses françaises: *Le Cors des Alpes, d'après*
 l'opéra Lucia, d'après Bélisaire: (à 60 c. chaque).
 VERMANT. Паровозъ, галопъ (30 c.).
 ДТРАУСС. Sperr-Polka, galop; Annen-Polka, galop (à 30 c.).
 СОКОЛОВЪ. Воспоминанiя о Рубини, большой любительный вальсъ
 (85 c.).

Ваше письмо не шло так на три рубля серебромъ получить 20 процентовъ уступки. Вашисылающе на 15 рублей серебромъ стоить 20 процентовъ уступки, еще ничего не платять за пересылку по почте. Вся записка, подписанная непременно съ первой отходящею почтою.

(Все эти сочинения находятся въ музыкальномъ магазинѣ Бернарда на Нейштрассе, Проспектъ, на углу Большой Морской, въ домѣ Туманова.)

М О Д Ы.

Вотъ одно изъ прелестнѣйшихъ бальныхъ платьевъ : бѣлое, атласное, убранный впереди двумя розовыми *biais*, которыхъ ширина уменьшается къ корсажу; по краямъ каждаго *biais* нашивается рюшъ изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ; корсажъ открытый со шнуромъ, убранный также съ двумя расходящимися къ плечамъ *biais*; каждое изъ нихъ обшито маленькимъ бѣлымъ атласнымъ рюшемъ; рукава розовые, убранные въ четыре ряда рюшемъ изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ, а пятый идетъ по вырѣзкѣ платья кругомъ плечъ.

— Вотъ еще чудесный бальный костюмъ: платье палеовое *моурэ*, убранный въ видѣ передника двумя рядами широкаго кружева, какъ-бы прикрѣпленнаго нѣсколькими атласными бантами того же цвѣту; корсажъ открытый, съ круглымъ шнуромъ; рукава короткіе, гладкіе, обшитые широкии кружевомъ, прикрѣпленнымъ то же бантомъ.

— Удивительно милы легкія бальныя платья, бѣлыя крѣповыя, въ двѣ юбки, убранныя синелью; пестрой, двухъ трехъ яркихъ цвѣтовъ, и платья тарлатиновыя бѣлыя, заглавыя золотымъ или серебрянымъ мелкимъ узоромъ: такія платья дѣлаютъ въ двѣ и въ три юбки, каждая съ широкимъ рубцомъ. Хороши также платья изъ индѣйской кисеи, убранныя тремя кружевными оборками, которыя отдѣлены, каждая, бѣдой тонкой вышивкой: иногда, между оборками, упо-

требляют мелкія гирлянды цвѣтовъ; это гораздо нынѣ. Вообще цвѣты нынѣшней зимой — въ большомъ употребленіи.

— Изъ новѣйшихъ фасоновъ балныхъ платьевъ, вотъ два, самые прелестныя. Бѣлое креповое платье, украшенное

пятью рядами обороки изъ того же бѣлаго крепу, сложеннаго вдвое или одинакаго подшитаго розовымъ; эти ряды оборокъ приподняты нѣсколькими фестонами кругомъ юбки, и каждый фестонъ, вверху, украшенъ букетомъ мел-

кихъ розовыхъ цвѣтковъ. Корсажъ и рукава убранные такимъ же образомъ. — Платье бѣлое, изъ кружевнаго тюлю въ три юбки; нижняя обшита двумя широкими кружевны-

ми оборками; средняя юбка немножко закрываетъ верхнюю оборку; верхняя, слегка стянутая по краю, приподнята зеленымъ синелевымъ снуркомъ, съ красивыми кистями, такъ чтобы мило драпировалась подъ тальей; корсажъ зеленый бархатный, убранный кружевомъ и кругомъ вырѣзки драпирующіяся буффомъ изъ того же тюлю, какъ

платье; буфъ перехваченъ на плечахъ зеленымъ синелевымъ аграмантомъ; рукава гладкіе, короткіе, бѣлые, обшитые кружевомъ такъ, что, кажется, рукавовъ нѣтъ.

— Въ головахъ, ничего новаго. Прически тѣ же какъ и прошедшею зимою: каждая причесывается по своему вкусу и убираетъ голову какъ хочетъ.

ТЕПЛОТВОРНЫЕ, СВЯТОВОРНЫЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЛУЧ-
 ЧИ ПРИЗМОВОЙ РАДУГИ. *Новые опыты господина Мелле-
 ма.* Надо замѣтить прежде всего, что мы никогда не добу-
 скли *существования* тѣхъ лучей въ радугѣ, и если что-
 рой терминны эти здѣсь употреблялись, то не иначе какъ
 въ видѣ принятыхъ теоретическихъ терминовъ: предпола-
 гаемы различія между лучами *красноокрашенными* (красными
 и оранжевыми), *желтоокрашенными* (желтыми и желтыми) и
синими (голубыми, синими и фиолетовыми) — послѣд-
 ядняя часть, метатермическая, преходящая, просто отъ
 обманчиваго способу производства оптика юзъ ними. Во-
 стать: о свѣтѣ на бумагѣ было показано, что, въ нѣ-
 которыхъ составкахъ, самыя свѣтлыя химическія прино-
 шия производятъ красный свѣтъ, а не голубой; или егѣ
 отъ сини, синій и фиолетовый, исключительно называемые
 въ старинахъ *химическими лучами*. Послѣ Себека, и до Се-
 бека, порѣдно замѣняли также, что не всегда красный
 свѣтъ — самый теплый изъ всѣхъ семи свѣтовъ призмовой
 радуги: въ нѣкоторыхъ случаяхъ самымъ теплымъ ока-
 зывался, то оранжевый, то желтый, то желтый, то голу-
 бой или синій; но, приравъ, однажды, названія «лучи те-
 плокрасные», «лучи желтокрасные», за факты, теоретиче-
 ские хотѣли обращать вниманія на эти извѣстныя случаи.
 Господинъ Меллемъ однако жъ думалъ иначе: по егѣ убе-
 жденію тѣмъ случаямъ доказывали, напротивъ, что теорія
 должна быть лѣвна; и дѣйствительно, онъ теперь находитъ,
 что замѣтная разница въ температурѣ: погнута лучей
 радуги зависитъ просто отъ величинны и положенія термо-
 сконъ. Довидѣ термическую сталлю синюю, дадено отъ
 призмъ, въ такомъ разстояніи, и въ ряды, погнуты свѣ-

товъ, разстилаясь одинъ надъ другимъ, производить настоящую кашу теплотворныхъ дѣйствій, въ которой нельзя узнать что которому лучу принадлежитъ. Но если опытъ сдѣланъ правильно, въ узкомъ мѣстѣ призмовой радуги, но направленною нормальной линіи и съ такимъ термоскопомъ, который можно достаточно приблизить къ призмѣ, то всѣ лучи оказываются *одинаково теплыми*. Если ихъ пропускать сквозь стекла или жидкости, окрашенные бурнымъ или сѣрымъ веществомъ, который одинаково измѣняетъ всѣ лучи, то они рѣшительно теряютъ по столыку не свѣту какъ и теплоты. Съ другой стороны, надо заметить, что теплота всѣхъ лучей замѣнить совершенно отъ тѣла, на которое они падаютъ или сквозь которое проходятъ; и результатъ всего этого — тотъ, что *видимость или степень видимости, степень дѣйствія на наше зрѣніе, словомъ, сила удару луча, составляетъ единственное отличительное свойство цвѣтныхъ лучей призмъ и единственное коренное различіе между ними, а всѣ прочія различія — слѣдствіе ошибочнаго освоёбу, по которому опыты доселѣ производились.*

Паденіе такого великолѣпнаго открытія какъ бы почталось открытіе, въ блонъ лучѣ солнца, тайнаго существованія отдѣльныхъ лучей свѣтотворныхъ, теплотворныхъ и химическихъ, ужасно огорчительно для нашего ума. Многое еще изъ того, что теперь составляетъ нашу мудрость, что дѣлаетъ насъ великими въ собстанныхъ глазахъ, падеть подобно этому открытію. Падеть и самое *разложеніе* блага луча на семь цвѣтныхъ лучей. Падутъ элетричество, гальванизмъ, магнетизмъ, теплотворъ, химизмъ. Падеть наконецъ и *протекательная* сила Солнца на которой все теперь основано. Окажется, что — дарчикъ просто открывался. Окажется, что все это — простыя, механическія, неизбѣжныя слѣдствія одного общаго свойства атомовъ матеріи, которое всѣ мы видимъ и знаемъ, но на которое не обращаемъ вниманія, потому что оно слишкомъ просто. Когда падеть вся вышѣшняя наша мудрость, тогда мы будемъ гораздо мудрѣе нынѣшняго. Но терять сколько должны мы еще пройти заблужденій и обмановъ, которые будутъ всѣ казаться намъ великими

открытіи, истинамъ, фактамъ, пока достигнемъ до этого новочнаго знанія!

НОВЫЙ ФАКТЪ, ДОКАЗЫВАЮЩІЙ РОСТЪ ДЕРЕВЬЕНЪ СНИЗУ ВНИЗЪ, или отъ листьевъ къ корню. Въ прошломъ году было здѣсь разсказано о спорѣ двухъ французскихъ ботаниковъ по любовитному вопросу о томъ, какъ собственно растутъ, то есть, увеличиваются, деревья: отъ низу ли къ верху, или отъ верху къ низу? Самое торжественное доказательство той истины, что они растутъ не отъ корня къ листьямъ, но отъ листьевъ къ корнямъ, состоитъ безспорно въ томъ, что корни не могутъ произвести листьевъ, тогда какъ листья могутъ произвести корни: оборвите на деревѣ зною почки, которыя оставили послѣ себя прошлогодніе листья въ видѣ своихъ ячеекъ, дерево не покроется листьями къ слѣдующей веснѣ и само скоро погибнетъ; напротивъ, воткните въ землю отрѣзанную отъ дерева вѣтку съ почками, почки раскроются полными листьями, которые пошлютъ отъ себя трубочки подъ корою въ землю и произведутъ корни. То же самое, во многихъ случаяхъ, можетъ сдѣлать и самый листокъ, сорванный съ дерева и посаженный въ удобномъ мѣстѣ. Это доказываетъ, во-первыхъ, что, въ растительномъ царствѣ, настоящее живое и живущее существо—листъ, а не полное растеніе, на которомъ онъ находится; что не листъ—*organum* растенія или, какъ говорятъ, его ротъ и желудокъ, но вѣтви, стволъ и корни—общіе органы цѣлаго семейства листьевъ, живущаго на растеніи; и, во-вторыхъ, что листья дѣйствительно получаютъ свою коренную пищу изъ воздуха, потому что, посылая трубки отъ себя въ землю, они не могутъ добывать вещества на нихъ черезъ корни, которыхъ части еще и не существуетъ. Корни, стволъ и вѣтви служатъ имъ только родною, подпорою и вмѣстѣ насосами, по которымъ вода и растворенныя въ ней минеральныя вещества восходятъ изъ земли къ листьямъ, въ подмогу и приправу угольной кислотѣ и влажности, всасываемымъ ими изъ атмосферы.

Эта теорія, по которой листья совершенно уподобляются животнымъ, семейно и общою жизнью живущимъ на кораллахъ и губкахъ, получаетъ новое подкрѣпленіе въ

наблюденияхъ господина Карла Молтенъ, сообщенныхъ недавно Брюссельской академіи наукъ. Между прочимъ, одна изъ тополей, растущихъ на площади святой Гудулы въ Брюсселѣ, была некогда сжата и какъ-бы задумана у самаго основанія камнями мостовой, которыми обложили ее плотно со всѣхъ сторонъ. Теперь камни эти покрыты веществомъ тополи, чистымъ деревомъ: оно какъ-будто могло сверху на нихъ, не будучи въ состояніи обратиться подъ корою къ землѣ по причинѣ сдавленія ствола камнями, на которыхъ образовалось кругомъ *лѣпки*, напоминающія рубаху носеландъ, обильную мѣшкочъ на кушакѣ, или лапу, потекшую на преграду и застывшую на ней. Эта тополь представляетъ вышче точное подобіе известной болѣзни *elephantiasis*, въ которой человѣческія ноги утолщаются такимъ же образомъ у своего основанія.

Господинъ Молтенъ замѣтилъ явленія того же рода на деревьяхъ, развивающихся въ щеляхъ скалъ: когда щель наполнится стволомъ, древесное вещество, непрерывно спускаясь съ верху, начинаетъ *течь* по скалѣ и твердо образуетъ на ней обширныя скатерти, у которыхъ во все нѣтъ морщ.

Примѣчательно также дѣйствіе непостояннаго, случайнаго, сдавленія деревьевъ у основанія. На Брюссельскомъ хлебномъ рынкѣ, торговцы сваливаютъ по утрамъ мѣшки съ пшеницею и ячменемъ вокругъ лицъ, которыя поэтому бывають сдавлены у подножія ежедневно нѣсколько часовъ. Всѣ эти лица имѣють форму веретенъ: стволы ихъ тонки внизу и вверху, и толсты въ серединѣ.

ОБРАЗОВАНИЕ ШЕЛКУ. Споръ между французскими натуралистами. Большое преніе возникло недавно, и между членами парижской академіи наукъ, и между посторонними учеными, о происхожденіи шелку въ червячкѣ, который доставляетъ намъ это драгоценное издѣліе своей чудной промышленности. Одни, придерживаясь стариннаго ученія, утверждали, что червякъ наполненъ резервуарами, въ которомъ шелкъ содержится въ жидкомъ состояніи; другіе доказывали, что весь червякъ не что иное какъ клубокъ предлинной шелковой ниточки, которую, въ случаѣ надобности, начинаетъ онъ развѣртывать и *мотать*.

Господинъ *Rehinet*, чтобы рѣшить вопросъ, занялся анатоміей шелкопрядаго червячка и сообщаетъ теперь свои наблюденія. Безполезно было бы входить здѣсь въ подробности внутренняго устройства этого любопытнаго животнаго: скажемъ только о результатѣ изслѣдованій господина *Rehinet*. Изъ нихъ должно заключить, что хоботокъ, носъ иди та часть голочки, которою животное придегъ шелкъ, представляетъ органъ, чрезвычайно похожій на луковку, выжимающую волосъ изъ червячка. Разница между нашимъ головою и головою шелковицы состоитъ, какъ мы знаемъ, въ томъ, что человѣкъ—существо со множествомъ волосковъ на головѣ, а зтотъ червякъ—существо со однимъ только волоскомъ, но зато предлиннымъ, который, въ извѣстную эпоху жизни животнаго, растетъ, быстро, безконечно, такъ что оно должно свертывать его въ ту форму, въ какую наши дамы свертываютъ свои косы, когда въ модѣ прически *à-la-grecque*. Если бы у червячка, вмѣсто миллиона волосныхъ луковокъ, была только одна луковка, съ очень тонкимъ отверстіемъ, на концѣ носа, какъ у шелковицы, то и онъ прѣлъ бы шелкъ, шелкъ же хуже намаханскаго: все волосное вещество обращалось бы туда, въ одну точку, и, окрѣпнувъ въ трубкѣ луковки, безконечный волосокъ вырасталъ бы изъ нея съ удивительною быстротою.

ЗАПРѢЖЕНІЕ УСТЬЕВЪ РѢКЪ ИНФУЗОРИЯМИ. *Наблюденія господина Эренберга*. Инфузоріи—повсюду! Векоръ, право, житья не будетъ на свѣтѣ отъ инфузорій. Рѣки обмелѣваютъ, устья заваливаются, и если прійдетъ время, что внутреннее судоходство прекратится на землѣ, причиною этого несчастія будутъ одніе инфузоріи, эти крошечныя, незримыя существа, которыхъ господинъ Эренбергъ, съ своимъ безмалестнымъ микроскопомъ, находитъ повсюду, даже въ камняхъ *океаннаго образованія*, какъ говоритъ географъ. Каждая песчинка на днѣ морскомъ, по его свидѣтельству—кладбище тысячи этихъ животныхъ. Изучая теперь песокъ рѣки Эльбы, которой море увеличивается въ странномъ содержаніи, онъ находитъ въ немъ цѣлыя горы морскихъ инфузорій. Они проникаютъ въ рѣку гораздо далѣе чѣмъ вода морскихъ приливовъ. Въ устьѣ

ляхъ, гдѣ господствуютъ приливы, рѣчной наносъ состоитъ весь изъ морскихъ инфузорій, которыхъ прѣсная вода убиваетъ огромными массами. Далѣе, количество ихъ начинаетъ постепенно уменьшаться, такъ, что верста за двѣсти отъ устьевъ они попадаются очень рѣдко, но еще въ половинѣ этого разстоянiя морскія инфузоріи составляютъ еще четверть массы рѣчного и прибрежнаго песку.

СОЛЯНОЕ ПОЛЕ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Американскіе ученые журналы содержатъ въ себѣ извѣстіе, сообщаемое однимъ тамошнимъ инженеромъ изъ форта Гибсонъ, въ штатѣ Цинцинати, что верста за триста отъ этого форта, вдоль рѣки Нескутунги, находится обширная равнина. Бѣлая какъ снѣгъ и невыносимо блестящая при солнечномъ сіяніи отъ довольно толстаго слоя поваренной соли, которою она покрыта на необозримое пространство. Образование соли въ такомъ мѣстѣ, на поверхности земли, было бы необъяснимо, если бы наблюдатель не открылъ по-близости большого холма, состоящаго изъ чистой соляной скалы. Кажется, что рѣка, во время весеннихъ разливовъ, подмываетъ этотъ холмъ: вода становится тогда соленою и, испаряясь, осаждастъ растворившуюся соль на поверхность равнины. Холмъ отъ этого не уменьшается въ объемѣ: напротивъ, онъ постепенно увеличивается; у подножья его вѣчно клокочетъ ключъ минеральной воды, которая, лишь-только коснется воздуху, обильно родитъ кристаллы соли. Вѣроятно, всѣ большія массы каменной соли, находящіяся близъ поверхности воды, образовались по тому же способу.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ПАРОВОЗНЫЯ И ВОЗДУХОТОННЫЯ. По извѣстіямъ изъ Ирландіи, совершенно заслуживающимъ довѣрія, воздухогонная, или пневматическая или, если угодно, атмосферическая, желѣзная дорога между Квинстонъ, и Делки, о которой была здѣсь рѣчь въ концѣ прошлаго года, удалась въ полномъ смыслѣ слова, удачалась, какъ говорится «блестательнымъ» успѣхомъ, даже превзошла ожиданія. Эту дорогу будутъ продолжать, чтобы дать ей полное, по мѣстности, развѣтiе, и въ Лондонѣ, компанія, составившая ее недавно для сооруженія

общественной желѣзной дороги между Честонъ и Грессендонъ, порешила намѣреніе: она будетъ теперь строить воздухогонную дорогу, подъ руководствомъ господина Брюсселя, сына извѣстнаго инженера, творца подводнаго ходу подъ Темзою. Во Франціи со всѣхъ сторонъ убѣждаютъ правительство обратить одну изъ предложенныхъ линій въ опытную воздухогонную дорогу, и кажется, что оно рѣшится на это. Самые фанатическіе противники новыхъ выдумокъ, самые крутые приверженцы старой системы желѣзныхъ дорогъ съ паровозами обращаются уже и тамъ къ вѣрѣ въ чудную силу воздуха. Противъ очевидности спорить нельзя: но дѣло не легко пойдетъ на ладъ. Тѣмъ, которые написали книги въ похвалу паровознымъ желѣзнымъ дорогамъ, хочется, во что бы ни стало, спасти честь прежняго кумира передъ неизбѣжнымъ надобіемъ его. Несчастные случаи на паровозныхъ дорогахъ безпрестанно повторяются, тогда какъ на воздухогонныхъ эти приключенія невозможны, потому что поѣздъ прикрѣпленъ къ трубѣ, лежащей между рельсами, и колеса экипажей не могутъ соскочить съ нихъ. Но нельзя ли придать такого же достоинства нынѣшнимъ паровознымъ дорогамъ? Вотъ средство, которое придумалъ господинъ Ségiel: онъ предлагаетъ прибавить къ нынѣшнимъ двумъ рельсамъ еще третій, довольно высокій, который бы лежалъ между ними подобно воздухогонной трубѣ, и средніе (большія) колеса паровоза положить подъ нимъ *горизонтально*, такъ, чтобы они сжимали съ обѣихъ боковъ этотъ третій рельсъ и катились по немъ плашмя. Такое устройство должно укрѣпить поѣздъ на чертѣ дороги и воспрепятствовать прочимъ, перпендикулярнымъ, колесамъ соскакивать съ рельсовъ. Но, допустивъ даже, что это средство окажется совершенно чуждымъ неудобствъ въ практикѣ, прибавка третьяго рельса и передѣлка паровозовъ по новой системѣ не можетъ уменьшить издержекъ ни на постройку ни на содержаніе дороги: не ближе ли, вмѣсто третьяго рельса, положить, просто, воздухогонную трубу, а вмѣсто передѣлки паровозовъ вовсе не употреблять ихъ? Одна изъ важныхъ выгодъ воздухогонныхъ дорогъ заключается именно въ дешевизнѣ ихъ постройки и содержанія, отъ

устройство земляныхъ работъ и отъ ненадобности земляныхъ паровыхъ машинъ, а по предлагаемому способу земляныя работы и подвижныя машины остаются тѣ же, а еще къ нимъ прибавляются третій, дорогой рельсъ и перестройка колесъ въ паровозахъ.

Жизнь между ласточками и воробьями. *Сказка*
 ция, которую сельское хозяйство могло бы ежегодно предпринимать съ двумя птицами. Въ дополненіе къ замѣчаніямъ, приведеннымъ, въ прошломъ мѣсяцѣ, объ ужь и некоторыхъ птицъ, надо еще сказать нѣсколько словъ о ласточкѣ и воробьяхъ. Изъ всѣхъ нашихъ птицъ, самыя благородныя, самыя добродѣтельныя и притомъ самыя умныя, бесспорно—ласточки. Удивительно, какъ сочинители аллегорій не избрали ласточку эмблемою вѣрности въ любви и супружествѣ! Ласточка—птица безусловно одноженная и самыхъ строгихъ нравовъ въ этомъ отношеніи. Мужъ къ женѣ, женихъ къ невѣстѣ, привязаны такъ страстно, что, когда предметъ ихъ обожанія убитъ или погибъ, они умираютъ съ горя. Самки также никогда не остаются вдовами. потерявъ друга, выходятъ въ могилу очень скоро. Домашняя жизнь ласточекъ—образецъ для всѣхъ супружествъ: самецъ помогаетъ во всемъ самкѣ, обходится съ ней очень кротко, кормитъ ее лучшею пищею, нерѣдко довольствуясь на свою долю очень немногимъ, каждый день отпущаетъ ее погулять, повеселиться, и въ ея отсутствіе самъ сидитъ на яйцахъ: онъ знаетъ, что нѣжная подруга не въ состояніи измѣнить ему, и, въ самомъ дѣлѣ, ревность не извѣстна между ласточками, тогда какъ у другихъ птичьихъ породъ она очень обыкновенна. Другія птицы самки, вѣрно, очень строятъ глазки праздничатамъ своимъ молодымъ самцамъ, потому что мужа этихъ дамъ гонять всѣми силами гостей отъ своего гнѣзда и женѣ нерѣдко достается клевомъ по головѣ при такихъ случаяхъ. Орлы, въ породѣ которыхъ всегда болѣе самцовъ чѣмъ самокъ, такъ, что холостыхъ любезниковъ должно водиться между ними очень много, до того ревнивы, что, замѣтивъ ихъ посѣщенія въ свое отсутствіе, иногда убиваютъ своихъ супруговъ. Ничего этого не видно у ласточекъ; оба пола веселятся вмѣстѣ, молодые самки, во время отлучекъ

слонить нѣтъ гнѣзда; летаютъ съ кѣмъ ни пошло, и нѣтъ примѣру, чтобы честь семейства пострадала отъ этого. Воспитаніе, которое мужъ и жена дають своему потомству, можетъ служить образцомъ нѣжности, заботливости и предусмотрительности.

Совсѣмъ иротивное замѣчаютъ въ веробьиномъ семейномъ быту: ни чести, ни правды, ни благопристойности; ни супружествъ, безпримѣрныхъ ссоры и драки; мужа обманываютъ жена, жены мужей; воспитаніемъ дѣтей никто не занимается и бѣдныя птенцы часто умираютъ съ голоду, тогда какъ отецъ въ одной сторонѣ, а мать въ другой ведутъ веселую компанію съ пріятелями, щебечутъ, другея или воруютъ. Подобныхъ воробьямъ развратниковъ, шлюбовъ, обманщиковъ, денгелъ, не слышется во всей орнитологіи. Строятъ себѣ гнѣздо — для нихъ смерть. Какъ-о скоро увидать пустое ласточье гнѣздо, самецъ и самка тотчасъ овладѣваютъ нимъ: ласточки, прилетѣвъ на родную, находятъ свое прошлогоднѣе гнѣздо занятымъ, убѣждаютъ, просятъ, надобѣдаютъ; воробы и слушать не хотятъ. Тогда бѣдное ласточье супружество летитъ жалованьемъ къ другимъ ласточкамъ. Въ щебетаніи этихъ птичекъ — столько разнообразія, столько измѣненій голосу и сочетаній звуковъ, что языкъ ихъ долженъ быть очень богатъ: не подлежитъ сомнѣнію, что они сообщаютъ себѣ взаимно извѣстія и ведутъ совѣщанія. Но жалобъ обиженной пары, прилетаетъ цѣлая стая ласточекъ, поднимается страшный шумъ около гнѣзда, сперва стараются выпроводить воробья страхомъ, но тѣ храбро защищаются въ позиціонной крѣпости, и ласточки наконецъ прибѣгаютъ къ крайнимъ мѣрамъ: стараются разорить гнѣздо. Это, однако жъ, рѣдко имъ удается, потому что если другіе воробы замѣтятъ шумъ, они подосылаютъ на помощь ворагъ и завязывается сраженіе, которое почти всегда предприваютъ ласточки. Послѣ этого ласточкамъ не остается другаго средства какъ притвориться равнодушными къ обидѣ: стая удаляется, воробы на часа радуются побѣдѣ, но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, ласточки прилетаютъ безъ шуму, каждая приноситъ въ клювъ немножко глины, и въ одно мгновение воробей и воробьяхъ заму-

ровани въ гнѣздѣ. Разбойники воровъ тань и задыхаютъ. Длинная гнѣзда чета строятъ собѣ новое. Зналъ, что воробей бонтея человека, который гонитъ и преслѣдуетъ его за воровство на своихъ поляхъ и огородахъ, ласточка, очевидно съ расчетомъ, селится въ его стрѣшинѣ, там не можетъ пристроиться гдѣ-нибудь подъ крышею, тогда ужъ избираетъ собѣ мѣсто въ обрывистыхъ берегахъ; ерѣ въ и озеръ, у самой воды, гдѣ воробьямъ жить не любо.

Человѣкъ сдѣлалъ многіе тяжелыя птицы домашними и получаетъ отъ нихъ большія выгоды. Не всюду динны птички можно еще найти нѣсколько породъ, отягченныхъ его заботливости. Самыми способными къ домашней жизни признаны птицы курнаго роду, особенно, куропатки, рабчии и тетерки. Нигдѣ обращеніе ихъ изъ домашнихъ птицъ не принесло бы болѣе выгоды земскому хозяйству, какъ въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ вавсе нѣтъ цыплячьей промышленности, и гдѣ отъ марта до іюня мѣсяца рѣшительно не изъ чего сдѣлать жаркое. Куропатки преимущественно заслуживаютъ вниманія сѣвернаго сельскаго хозяина: плодовитость ихъ невѣроятна, содержаніе дешево и легко; въ домашнемъ быту, при жареніи корнѣ и умѣнь обращаться съ ними, эта птица удивительно улучшается въ ростѣ, количествѣ и качествѣ мяса, и она могла бы составить у насъ важную статью птицеводства.

замѣчанія о состояніи Мексики и мексиканцевъ. До-тѣхъ-поръ пока Мексика не сдѣлалась страшною империю, она была чрезвычайно богата и обильна разбойниками. Съ того времени она лишилась всѣхъ своихъ богатствъ, но не разбойниковъ; напротивъ, они еще размножились.

Атъ пятьдесятъ, шестьдесятъ назадъ въ Мексику было множество такихъ богачей, какими не можетъ похвастать и Англія. Тамъ были люди, которые владѣли цѣлыми провинціями и кто получалъ только милліонъ дохода, нѣтъ считался человѣкомъ очень посредственнаго состоянія. Графъ Валенсіано получилъ въ три года осемь милліонъ отъ своего серебрянаго рудника, по которому и назывался, а номѣстья его стоили, по самой низкой цѣнѣ, сѣмь

отъ двадцати милліоневъ. Когда преставил сына графа Регла, дорога отъ его дому и до церкви была вымощена серебряными слитками.

Этотъ самый графъ Регла говорилъ Карлу Четвертому: «Благоволяте, государь, посѣтить ваши владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ, и я вамъ ручаюсь, что отъ Вера-Круса до Мехико, лошадь ваша будетъ ступать по серебрянымъ слиткамъ». Впрочемъ, въ этомъ обѣщаніи было, вѣроятно, невозможно и кастильскаго знаставства.

Какъ бы то ни было, однажды графъ Регла сдѣлалъ благородное употребленіе изъ своихъ огромныхъ доходовъ. Испанія вела войну съ Англіею, и очень несчастливою слота ея былъ почти уничтоженъ. Графъ построилъ на свой счетъ въ Гаванѣ двѣ пловучія крѣпости, два корабля съ ста двадцати орудіяхъ, оснастил ихъ, нанялъ экипажъ, снабдилъ провіантомъ. Цѣлая стада быковъ были убиты на волонну для этихъ колоссовъ. Когда все было готово, при каждомъ орудіи находилось по десяти человекъ, при выстрѣхъ абердажу, хорошо знакомыхъ съ моремъ, и не триста ядеръ,—графъ Регла подарилъ все это испанскому королю. Въ исторіи не много примѣровъ подобнаго патриотизма: правда, что и не всякой въ состояніи это сдѣлать.

Слѣдствіемъ свободы, провинціаліентос, безпорядки всякаго рода, опустошенія, насильственные займы, грабители—правители, сымаи,—какъ прахъ разсыпанъ имущество частныхъ людей. Много лѣтъ въ Мексикѣ считалось правиломъ, что всякая собственность принадлежитъ вѣчному—крѣмъ своего законнаго владѣльца. Богачи принуждены были платить издержки всѣхъ междоусобныхъ войнъ, которыя начались въ 1808 году, продолжались, съ малыми перемѣнами, и до нашего времени, продолжаютъ и теперь, и когда кончатся—не извѣстно. Междоусобныя войны безпрестанно возобновляются въ Мексикѣ потому, что тамъ дерутся совѣмъ не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Любопытныя подробности объ этомъ образѣ войны можно найти въ письмахъ одной остроумной Шотландки, которая воспитывалась въ Соединенныхъ Штатахъ и вышла замужъ за мексиканскаго дипломата: сеньора Калдеронъ до-

ла Барра произошла въ Мехикѣ два года, 1841 и 1842. Въ три мѣсяца, съ начала до конца сентября, она видѣла два мятежа, изъ которыхъ послѣдній кончился паденіемъ президента Бустанте и возведеніемъ на его мѣсто генерала Санта-Ана. Каждый разъ Мехико превращался медленнымъ въ поле битвы. Никши гремѣли всю ночь, съ заходомъ солнца до утра; днемъ онѣ молчали, потому что дымъ и безъ того густо. Орудія одной стороны живо отпѣивали орудіямъ другой; пороку легли вместе; но, какъ-будто оловянились; батареи всегда оставали такъ, что дара одной не долетали до другой. Это незанятое обстрѣлываніе несколько не отнимаетъ у канонеровъ ни хладнокровія и мужества; но дѣлаетъ оружіемъ нерѣшительными и война талочья по вѣду мирныхъ жителей, потому что дара врываются въ дома; разрушаютъ стѣны и рвутъ на части несчастныхъ, которые попадаютъ имъ на пути. Не мудрено, что при такомъ порядкѣ вещей, въ Мехикѣ господствуетъ шибета ужаснѣйшая: половина народонаселенія проситъ милостыни у другой половины и та ничего не даетъ ей, потому что у самой ничего нѣтъ. Въ самомъ городѣ, во всякой деревнѣ пахнетъ гнилымъ. Послѣдствіемъ шибета шибета, нищихъ, которые не нарасно зовутся прокаженными; кости этихъ несчастныхъ прикрыты лопотьями; у нваго почти весь костюмъ состоитъ изъ длиннаго ножа; зато ужъ ножъ есть у всякаго.

Впрочемъ, въ землѣ есть еще серебро, изъ котораго чеканить піастры на литейномъ дворѣ въ Мехико; но это заводскіе теперь далеко умѣе то чѣмъ было прежде. Заводы идутъ на Вера-Крусъ въ уплату и за небольшое количество товаровъ, привозимыхъ изъ Европы въ Мехико. По дорогѣ между этими двумя городами живутъ путешественники, купцы, дипломаты, промышленники всякаго рода: эти-то піастры, этихъ-то путешественниковъ и наравляютъ мексиканскіе разбойники. Дорога идетъ черезъ перевалы, прорѣзанныя глубокими долинами, покрытыми непроходимыми лѣсами и неприступными горами; для разбойниковъ это крѣпость, устроенная самой природою.

Говорить о Мехикѣ, не упомянуть о талантахъ разбойниковъ, значитъ писать карикатуру безъ сна. Вѣднать гла-

ное лицо въ той странѣ, то и придаетъ ей характеръ и значеніе. Мещане даже считаютъ, что Мещанка существуетъ только для разбойниковъ; она ихъ себесираваетъ, изъ злословія; они такъ полномочны властвовать и безкорыстно владѣть землею.

« Въ Мексикѣ, точно такъ какъ въ Калабріи, въ Андалузій, бандиты пользуются общими уваженіемъ. Мексиканскій народъ немножко не гнушается убійствомъ; Мексиканскую гораздо легче убить человека, чѣмъ воспринять гонимый свой. Въ Мексико, на утро послѣ каждаго праздника, въ большой госпиталь привезутъ двадцать, тридцать, инокъ раненыхъ; наканунѣ уже очищаютъ палату, гдѣ бы пожелали ожидать; обычай очень похвальный, обратившійся въ привычку; а надобно замѣтить, что въ мексиканскомъ календарѣ по крайней мѣрѣ его восемьдесятъ праздниковъ, большихъ и малыхъ. Если престолоудини каютъ другъ друга можны, на что-нибудь не обращаютъ вниманія; но если убьютъ человека значащаго или почетнаго иностранца — тутъ полиція замешается и тотчасъ начинается нѣчто похожее на слѣдствіе; но это нѣчто кончается обыкновенно ничѣмъ. Мексиканское правительство не слантропійно не вдается; однако же рѣдко и не охотно наказываетъ смертною казнью тѣхъ, кто ее стоитъ. Однажды какъ-то, въ 1824 году, правительство разсудило, узнать, что обозъ съ казенными суммами разграбленъ и вѣшестьдесятъ тысячъ инастрона, отправленные въ Верacruzъ, разхищены. Оно предписало судить разбойниковъ военнымъ судомъ и расстрѣлять безъ малѣйшаго отлагательства времени. Въ Мексико много вѣрять тридцать чотырѣ разбойника или подозрѣваемыхъ въ разбой, были казнены въ Халапу и Пуэблѣ, и многіе стали было думать, что дороги сдѣлаются безопасными; охотники до этого рѣшела, видя, что оно хоть и доходно, да сопряжено съ некоторыми несправедливостями, намѣревались было похитить его; но и скорѣ власть перешла въ другія руки, военные суды были распушены, бандиты снова выбрались на свои вертепы и принялись работать хуже прежняго, чтобы выморочить потерянное. Изъ этого слѣдуетъ, что безотрадуныи! Человѣки никогда не дойдутъ нуманіе

изъ Вера-Круса въ Мехико безъ конной; но этотъ конной отъитъ дорого: ещечерь, къ которому вы обратитесь, заставляеть васъ платить за каждаго поставленнаго солдата по нѣсколькимъ вѣстровъ на день и вносить въ стотъ еще нѣсколькимъ солдатъ, которые васъ не проведутъ, но за которыхъ вы однако жъ платите. Если случится, что на васъ нападетъ большой отрядъ разбойниковъ, конной тотчасъ уступаетъ превосходному числу, разбѣгается и вы вынуждываетесь изъ бѣды какъ знаете; если же разбойниковъ мало, на солдатъ иногда нападетъ панической страхъ, они всѣ-таки разбѣгутся и вы остаетесь один на большой дорогѣ.

Вызываетъ и такъ, что конной присоединяется къ разбойникамъ и васъ гребить дружно, соединенными силами; разбойники отнимаютъ у васъ часы, солдаты снимаютъ съ васъ рубашку. А чтобы вы лишняго не болтали, вамъ пуляютъ пулю въ лобъ и солдаты, обогатившись вашей добычей, дезертируютъ, или придумываютъ для объясненія вашей трагической кончины такую исторію, что никому и въ голову не придетъ разспрашивать такъ ли дѣло было. Впрочемъ, за немощностію этихъ небольшихъ поудобствъ, путешествіе изъ Вера-Круса въ Мехико очень пріятно: дорога устлана цвѣтами и плодами и вдоль ее идутъ прекраснѣйшіе виды.

Если вы бывали въ Римѣ, то, вѣрно, замѣтили, что по улицамъ продаютъ малопакія книжки, по десятку копѣекъ за штуку; одна изъ этихъ книжекъ въ прозѣ, другія въ стихахъ, и во всѣхъ разсказываются великіе подвиги знаменитыхъ разбойниковъ, Мастралли, Спадалини, Фантини, Рендико, Коралтоно, Мазно, Мелла-Пента, Франки-Фринья, Перелла и множество другихъ illustissimi того же сорту. По деревнямъ, эти книжки въ большомъ ходу: кто знаетъ грамоты, тотъ самъ читаетъ, кто не знаетъ, тотъ слушаетъ какъ читаютъ другіе; не знаетъ знаютъ, а всѣ-таки читаютъ. Онѣ въ полгода надѣлаютъ больше славы, чѣмъ добрый трактатъ о нравственности, въ шестьдесятъ лѣтъ. Въ Мексикѣ такихъ книжекъ, не водится, но весьма простой причинъ: такъ весь простой народъ, общими силами не разобралъ бы и трехъ словъ. Не книголюбы-

ніе замѣняется преданіемъ и имена Рикардо Фесъ, Хуана Вега, Романа Чавеса, Хосе Польверилья, Хуана Гарчиласо, никогда не умрутъ въ памяти народа.

Мы приведемъ нѣкоторыя черты изъ біографіи этихъ *сеньоресъ ладронесъ*, и ругаемся за достовѣрность нашихъ извѣстій. Намъ сообщилъ ихъ одинъ консулъ, который долго жилъ въ Мексикѣ и самъ не разъ бывалъ въ рукахъ разбойниковъ. Мексиканскіе бандиты—«илософы»: они пренебрегаютъ изысканностію костюма, которую такъ любить ихъ собратія въ Италіи и отчасти въ южной Испаніи. Мексиканскій бандитъ не носитъ ни баснословнаго вишняка, ни островерхой шляпы, ни оверной мантии. Онъ одѣвается просто, какъ южно-американскій мужикъ, рѣдко брѣдетъ бороду и почти не знаетъ воды мышьяка. Во всемъ царствѣ покойнаго Монтесумы не найдется ни одного такого разбойника-щеголя, какъ знаменитый въ Андалузій Хосе-Марія, у котораго бѣлье было всегда бѣлое какъ снѣгъ, и руки нѣжныя какъ у ^{Итальянско} вѣтской дамы.

Правда, что Хосе-Марія слушалъ курсъ «илософій» въ гренадскомъ университетѣ и получилъ тамъ первую награду. Стеченіе затруднительныхъ обстоятельствъ, какое можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ, заставило его потомъ обратиться къ консуламъ туристовъ.

Хосе Польверилья началъ свои подвиги тѣмъ, что, еще лѣтъ девятнадцать отъ-роду, въ какой-то праздникъ, убилъ трактирщика, который не давалъ ему въ долгъ кружки *райтче* (туземная водка) подъ нустымъ и негѣпымъ предлогомъ, что онъ, Хосе Польверилья, и безъ того пьянъ, да притомъ никогда не платитъ за то что беретъ. Чтобы не подвергнуться мести родственниковъ убитаго, онъ бѣжалъ въ лѣса и оселъ тамъ съ нѣсколькими пріятелями. Однажды, часа въ два по полудни, когда вся Мексика спитъ, на шайку; къ которой принадлежалъ Хосе, сдѣлано было нападеніе. Хосе убилъ ножомъ двоихъ солдатъ, которые повѣжливо схватили его; потомъ, прислонившись къ старей стѣнѣ, ранилъ еще пятерыхъ. Побѣда осталась на сторонѣ разбойниковъ; но предводитель ихъ былъ убитъ. Остальные единогласно выбрали въ атаманъ Польверилью. Дѣцнадцать лѣтъ онъ безпрерывно господствовалъ на

бѣзвѣстныхъ дорогахъ. Говорятъ, что онъ совершилъ сто тридцать девять убійствъ: четырьмя меньше того числа, въ какомъ повинился знаменитый Гаспароно, который теперь задержанъ каторжною работою въ Чилата-Велли. Однажды вечеромъ, семнадцатаго марта 1832, изъ Санта-Моника вышло нѣсколько муловъ, на которыхъ везли казенныя деньги. Польверилья сидѣлъ въ то время на холмѣ, и курилъ сигару. Онъ бѣгомъ пустился на обѣихъ, и несколько разбойниковъ слѣдовали за своимъ атаманомъ. Козловыя павалеристы, разумѣется, поспешили во всю прыть въ разные стороны и для очистки совѣсти, просто для формы, обернулись и выстрѣлили изъ пистолетовъ. Надожно же было случиться такъ, что кака-то нула-дура пошла прямо въ сердце Польверилья: онъ даже не вскринулъ и не валился прямо лицомъ на землю съ пластами.

Романъ Чавесъ родился въ Гвадалхорѣ, второмъ изъ мексиканскихъ городовъ. Его заперевали въ довольно значительной кражѣ у тамошняго корректора. Тотъ, пламенно желая получить обратно свои деньги, засадилъ Чавеса въ гадкую тюрьму. Обвиненный просидѣлъ полтора года въ подземной темницѣ, такой глубокой, такой тѣсной, что онъ съ трудомъ дышалъ, и почти совсѣмъ не могъ пошевеливаться. На ногахъ у него были тяжелыя кандалы, которые постоянно удерживали ихъ въ жесткой грѣхъ; сытъ онъ почти никогда не бывалъ. Онъ ни въ чемъ не признавался, такъ, что наконецъ его принуждены были выпустить изъ тюрьмы. Все эти невпрятности раздражали его характеръ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, онъ посреди бѣлаго дня, закололъ своего самого короткаго пріятеля, и съ-горя пошелъ въ бандиты. Его боялись до того, что матери, когда ребенокъ раскричится, говорили: «погоди, вотъ Чавесъ придетъ». Между-тѣмъ нужники были чрезвычайно привязаны къ нему. Ни одинъ изъ нихъ не предалъ бы его ни за какія блага въ мірѣ, и понынѣ еще многіе изъ нихъ не могутъ безъ слезъ вспомнить о его подвигахъ. Онъ былъ чрезвычайно щедръ; деньги доставались ему не дорого; зато и текли у него изъ рукъ, какъ вино изъ разбитой бочки. Нищій никогда не отходилъ отъ него безъ волнодушнаго подаянія. Онъ былъ

страстный охотникъ до музыки и стиховъ и самъ импровизировалъ очень не дурные куплеты (*coplitas*). Пѣнticheское дарованіе не рѣдко между мексиканскими простолюдинами. Одна изъ прекраснѣйшихъ дѣвушекъ въ Пуэвлѣ покинула родныхъ, чтобы дѣлать съ нимъ горе и радости его тревоженной жизни. Станъ тонкій и гибкій какъ тросточка, волосы какъ смоль черные, глаза, которые такъ и блестяли фосфорическимъ свѣтомъ: — такова была Пенита Гверра. Она умерла отъ желтой лихорадки. Что касается до Чавеса, то онъ вдругъ исчезъ, какъ-будто и не бывало, и ни одинъ Мексиканецъ не въ состояніи сказать, что съ нимъ случилось. Есть люди, которые полагаютъ, что его застрѣлили изъ ружья; но этого никакъ нельзя допустить, потому что Чавесъ всегда носилъ на себѣ множество амулетовъ, которые отворачиваютъ пули. Другіе—можно даже сказать, что это почти общее мнѣніе — другіе увѣряютъ, что его чортъ унесъ. Наконецъ нѣкоторые—впрочемъ одни только иностранцы—думаютъ, что ремесло бандита ему надоѣло, что онъ покинулъ родину, живетъ въ какомъ-либо уголкѣ Соединенныхъ Штатовъ, или Антильскихъ Острововъ, и пользуясь благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, сдѣлался полезнымъ гражданиномъ. Что касается до насъ, то мы знаемъ только, что ничего объ этомъ не знаемъ.

Хуанъ Вега долгое время былъ безвѣстнымъ, дюжиннымъ разбойникомъ; наконецъ пріобрѣлъ громкую репутацію убійствомъ богатаго Испанца Хоакима Донго. Это было лѣтъ шестьдесятъ назадъ, а въ Мексикѣ и цвинѣ говорятъ о подвигѣ Хуана Вегы. Исторія дѣйствительно такая удивительная, какой не найдется во всемъ собраніи лѣтописей уголовныхъ судовъ, *Causes célèbres*.

Въ 1784 году въ Мексико, *calle de la Aguila*, № 14, жилъ Испанецъ, старый холостякъ. Въ молодости онъ пріѣхалъ изъ Бискайи безъ гроша и разбогатѣлъ до того, что купилъ себѣ княжескій дворецъ, но потомъ срылъ его до основанія, потому что онъ казался ему не довольно величественнымъ. Этому старика звали Хоакимомъ Донго.

Сеньоръ Хоакимъ Донго нажилъ торговыми оборотами и пользовался общимъ уваженіемъ по своей примѣрной

честности. Бѣдные благословляли его имя, потому что онъ былъ такъ простъ, что дѣлалъ добро, не предугадавъ теорій нашихъ присяжныхъ филантроповъ, по которымъ милостыня есть преступленіе противъ общества. Филантропія изобрѣтеніе чрезвычайно полезное; но бѣдные, которыхъ мнѣніе въ этомъ дѣлѣ должно бы что-нибудь значить, отъ души ее проклинають. Кассиромъ и старшимъ конторщикомъ у Донго былъ прекрасный человѣкъ, Бернардино Альдама; онъ умеръ и Донго взялъ къ себѣ въ секретари единственнаго его сына, Эстевана Альдаму. Эстеванъ былъ записной игрокъ, мотъ, гуляка, однимъ словомъ негодай. Хозяинъ долго терпѣлъ, наконецъ, видя что этого молодого человѣка не исправишь, прогналъ его отъ себя. Не имѣя ничего на свѣтѣ кромѣ неоплатныхъ долговъ, и нуждаясь въ капиталѣ или вѣрномъ доходѣ, чтобы жить по своему вкусу, Эстеванъ очутился въ положеніи самомъ незавидномъ. И выйти изъ такого жалкаго состоянія не было никакой возможности. По-крайней-мѣрѣ у него оставался другъ, Мануэль Ортисъ.

Отецъ Мануэля считался врачомъ, но у него никто не лечился, потому что онъ былъ истинно знающій человѣкъ, и ненавидѣлъ шарлатанство. Онъ оставилъ въ наслѣдство сыну только прекрасныя изданія Иппократа и Галіена. Мануэль съ удовольствіемъ видѣлъ, что бунага въ нихъ мягка и годится на сигары. Онъ служилъ въ министерствѣ финансовъ и всегда приходилъ къ должностн послѣдній. Въ двадцать четыре года отъ-роду, съ пылкими страстями и при недостаткѣ въ пѣстрахъ, не мудрено надѣлать глупостей. Мануэль и надѣлалъ глупостей, и, признаюсь, очень порядочныхъ. Онъ часто сталкивался съ Эстеваномъ Альдамою въ трактирахъ и игорныхъ домахъ. Они подружились и сдѣлались неразлучными. Потомъ познакомились съ Хуаномъ Вегаю. Этотъ Вега былъ сначала контрабандистомъ, потомъ лакеемъ, потомъ таможеннымъ, потомъ почталіономъ, потомъ тюремщикомъ, наконецъ сдѣлался разбойникомъ. Фортуна послала ему на промыслъ порядочную сумму и онъ пріѣхалъ въ Мехико погулять на счетъ путешественниковъ. Впрочемъ, онъ

всегда былъ готовъ на работу, въ полѣ и въ городѣ, гдѣ угодно.

Эти три человѣка, которые не могли не любить и не уважать другъ друга, сговорились подѣлиться съ Хоакинмомъ Донго. Альдама зналъ наизусть всѣ входы и выходы его дома и сообщилъ своимъ товарищамъ драгоценныя свѣдѣнiя. Въ Мехико на всѣхъ домахъ терассы, которыя называются *azoteas*; онѣ обыкновенно уставлены цѣвѣтами и образуютъ вѣчто въ родѣ тѣхъ воздушныхъ садовъ, гдѣ Семирамида отдыхала отъ заботъ государственныхъ. Мануэль Ортисъ жилъ по сосѣдству съ Хоакинмомъ Донго. Однажды вечеромъ (шестнадцатаго января 1784) онъ пригласилъ къ себѣ своихъ товарищей. Ночью они, съ ловкостiю дикихъ кошекъ, стали перебираться съ одной *azotea* на другую и наконецъ добрались до своей цѣли. Осторожно, безъ шума, выломали дверь. Въ домѣ всѣ спали. Хозяина убили. Ортисъ закололъ его кинжаломъ. Взломать его сундукъ безъ шума было не возможно, а стояло только какому-нибудь лакею проснуться: онъ бы тотчасъ поднялъ тревогу. Вега весьма справедливо замѣтилъ, что мертвые не кричатъ. Товарищи обошли весь домъ и перерѣзали тринадцать человѣкъ сонныхъ. Ни одинъ не успѣлъ вскрикнуть; все было тихо и смирно. Очистивъ домъ, разбойники прибрали къ рукамъ множество бриллиантовъ, жемчугу и золота. Потомъ также удачно воротились домой. Ни одинъ глазъ ихъ не видѣлъ, ни одно ухо не слышало. На другой день въ Мехико поднялась страшная тревога, когда увидѣли, что тринадцать труповъ забили кровью весь домъ Хоакина Донго.

Вице-король мексиканскiй былъ, по какому-то странному случаю, человѣкъ строгiй, дѣятельный, рѣшительный: обыкновенно испанскiй дворъ, по политическому ли расчету или ужъ такъ, по принятому однажды обычаю, ввѣрялъ этотъ важный постъ какому-нибудь старику дряхлому, слабому, неспособному къ рѣшительности, никуда не годному. Зато графъ Ревильягедо недолго пробылъ на мѣстѣ; но Мексиканцы и понынѣ еще помнятъ о немъ. Они и теперь расскажутъ вамъ, что этотъ вице-король, по примѣру халифа въ «Тысячѣ и Одной Ночи» расхаживалъ

по улицамъ, по рынкамъ, наблюдалъ за исполненіемъ своихъ предписаній и тутъ же на мѣстѣ чинилъ судъ и расправу. Ревильягедо поклялся, что черезъ недѣлю непременно перевѣшаетъ всѣхъ убійцъ несчастнаго Хоакима Донго. Онъ велѣлъ произвести самое строгое слѣдствіе, обѣщаль двѣ тысячи піастровъ награды тому, кто откроетъ виновныхъ; но чтобы утишить излишнюю ревность къ доносамъ, которую могла бы возбудить эта награда, онъ объявилъ, что если кто обвинитъ другаго и не докажетъ справедливости своего показанія, то будетъ обязанъ прослужить двадцать лѣтъ въ арсеналахъ его католическаго величества.

Прошло пять дней, а не нашли еще и слѣдовъ преступниковъ. Одинъ помѣщикъ, жившій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ городу, наслышавшись о страшной исторіи, о которой всѣ говорили, вздумалъ осмотрѣть собственными глазами мѣсто, гдѣ оно происходило. Онъ пріѣхалъ въ Мехико и долженъ былъ явиться въ полицію, потому что за всѣми пріѣзжими строго наблюдали. Помѣщикъ объявилъ свое имя и званіе, сказалъ зачѣмъ пріѣхалъ въ городъ, даже кстаті прибавилъ, что проѣзжая мимо одной цырульни, видѣлъ какъ туда вошелъ одинъ молодой человекъ, у котораго волосы были по модѣ связаны на затылкѣ лентою и на этой лентѣ было кровавое пятно. Цырульника призвали и онъ объявилъ, что въ этотъ день брилъ и причесывалъ между прочимъ Эстевана Альдаму. Онъ тоже замѣтилъ кровавое пятно на лентѣ у посетителя и не утерпѣлъ, чтобы не спросить отчего это. Альдама отвѣчалъ, что былъ утромъ на пѣтушемъ бою, поднялъ убитаго пѣтуха и потомъ, забывшись, схватился окровавленными руками за голову. Альдама пользовался довольно скверною репутаціею; на бѣду вспомнили, что онъ прежде служилъ у Хоакима Донго: молодца схватили и посадили въ тюрьму. Начали забирать справки, повѣрять справедливость его показанія о томъ какъ онъ замаралъ кровью свою ленту. Оказалось, что онъ сказалъ правду! Его хотѣли уже выпустить изъ тюрьмы, какъ узнали, что за нѣсколько дней до преступленія Ортысъ купилъ у разнощика большой ножъ. Извѣстно было, что

Альдама и Ортисъ короткіе пріятели; подозрѣніе сдѣлалось еще сильнѣе и обоихъ засадили въ тюрьму по одиначкѣ. Ихъ стали спрашивать что они дѣлали, гдѣ были днемъ и вечеромъ, до самаго того времени, когда Хоакимъ и тринадцать его товарищей по несчастію сдѣлались жертвою убійць—они сбились и не могли представить удовлетворительнаго объясненія. Узнали, что они были съ Хуаномъ Вегаю, человѣкомъ таинственнымъ, котораго придорожные подвиги не были извѣстны, но который возбуждалъ подозрѣніе тѣмъ, что сорилъ деньгами. Онъ тратилъ огромныя суммы, а между-тѣмъ, судя по его рѣчамъ и обращенію, не могъ принадлежать къ зажиточному классу. Его тоже взяли подъ стражу, допросили, и отвѣты были какъ-то не похожи на истину.

Узнавъ, что Вега взятъ, и разсудивъ, какое ничтожное обстоятельство ввергло всѣхъ троихъ убійць въ руки правосудія, Ортисъ увидѣлъ тутъ перстъ Божій. Притомъ его мучило раскаяніе. Онъ признался во всемъ. Разсказалъ всѣ подробности дѣла и объявилъ куда скрыли они добычу. Вега понялъ, что запирается было бы бесполезно; онъ повинился въ своемъ преступленіи, да кстаті ужъ въ десяти или двадцати убійствахъ, которыя совершилъ прежде. Альдама, несмотря на всѣ улики, упорно запирался, почему судьи, на основаніи четырнадцатой статьи пятой книги устава Карла Пятаго, принуждены были подвергнуть его пыткѣ. Ему налили всю внутренность водою: онъ запирался; ему раздробили ноги между двумя желѣзными плитами: онъ продолжалъ запирается; ему переломали всѣ члены: запирается онъ былъ уже не въ силѣхъ, но молчалъ. Прошла недѣля со времени убійства. На Plaza Mayor поставлены были три висѣлицы. Вице-король смотрѣлъ на казнь съ балкона своего дворца. Онъ сдержалъ свое слово. Надѣяться уже было нечего: Альдама во всемъ признался и всѣ трое умерли, чистосердечно раскаяваясь.

Вега, идя на казнь, курилъ сигару: недалеко уже отъ мѣста, сигара у него потухла, онъ попросилъ огню; палачъ вѣжливо подаль ему сигару: онъ тоже курилъ. Помощники его, которые тянули повѣшенныхъ за ноги, тоже курили.

Въ безчисленной толпѣ, которая тѣснилась на площади, было столько же сигаръ, сколько головъ.

Никто этому не удивлялся, кромѣ одного Англичанина: ему показалось страннымъ, что тотъ кого вѣшаютъ и тотъ кто вѣшается, оба курятъ. Онъ даже не утерпѣлъ, чтобы не сообщить своего замѣчанія вице-королю. «О, вы еще не знаете Мексиканцевъ, отвѣчалъ сеньоръ Ревильягедо: они и послѣ смерти еще курятъ часа полтора, два, иногда цѣлый день; не мудрено: они такъ привыкли курить».

Теперь ясно, отчего имя Хуана Вегги приобрѣло такую огромную извѣстность.

Гарсиласо тоже оставилъ по себѣ безсмертную память. Онъ былъ Испанецъ и человекъ очень образованный; бѣшенныя страсти заставили его приняться за ремесло, которое совсѣмъ не соответствовало его воспитанію. Его звали Саламанкскимъ бакалавромъ. Онъ былъ чрезвычайно неровнаго характера: иногда съ наслажденіемъ предавался жестокостямъ, а по временамъ любилъ пошутить.

Однажды онъ прогуливался по большой дорогѣ съ нѣсколькими пріятелями, которые не могли похвастаться добродушнымъ выраженіемъ своей фizioноміи. Вдругъ на дорогѣ показался мулъ, и на немъ доминиканецъ. Гарсиласо былъ въ это время въ веселомъ расположеніи духа. Онъ загородилъ дорогу доминиканцу; тотъ поблѣднѣлъ.

— Откуда вы, батюшка?

— Изъ Сакатекаса.

— Чтò вы тамъ сдѣлали?

— Говорилъ проповѣдь по случаю праздника *Nostra Senhora de los Dolores*.

— Чтò жъ вамъ дали за вашу проповѣдь?

— Два ціастра.

— Не дорого. Это и мы можемъ вамъ дать, если вы скажете намъ поученіе.

По знаку Гарсиласо, подъ деревомъ устроили изъ большихъ камней родъ каведры: доминиканецъ нѣхотя взобрался туда и разбойники расположились кружкомъ, приготовляясь слушать проповѣдь.

— О чемъ же прикажете говорить вамъ? спросилъ доминиканецъ.

— Ну, хоть о добромъ разбойникѣ, отвѣчалъ Гарсиласо.

Острота атамана возбудила громкій, гомерическій смѣхъ. Доминиканецъ говорилъ съ четверть часа, но безпрестанно нутался, занкался и надоѣлъ своимъ слушателямъ. Можеть-быть, страхъ не позволялъ его дарованіямъ выказаться во всемъ своемъ блескѣ, а можеть-быть онъ былъ и вообще не краснорѣчивъ.

— Ну, будетъ съ насъ, довольно, остальное расскажем въ другой разъ, сказалъ Гарсиласо. Сколько жъ тебѣ дано?

Гордась своимъ краснорѣчіемъ, доминиканецъ вздумалъ пошутить.

— Васъ осемьро, братія, сказалъ онъ: по пиастру съ человѣка.

— Я далъ бы вдвое больше, если бъ тебѣ вздумалось спросить. Сегодня я подчую; я плачу за всѣхъ: вотъ тебѣ осемь пиастровъ.

Доминиканецъ взялъ деньги и, радуясь, что встрѣтилъ разбойника въ веселомъ расположеніи духа, хотѣлъ съѣсть ихъ мула.

— Постоите-ка однако жъ, батюшка, сказалъ Гарсиласо; поученій говорить я не умѣю; зато мастеръ пѣть и пѣть хочется васъ потѣшить. Не бойтесь: я не стану пѣть ничего непріятнаго. Я спою вамъ, какой-нибудь романсъ о Сидѣ.

У всѣхъ народовъ испанскаго происхожденія, даже въ Калифорніи, въ Парагваѣ, на Филиппинскихъ Островахъ, Сидъ—любимый герой бродячихъ пѣвцовъ.

И Гарсиласо затянулъ голосомъ, который немножко похрипѣлъ отъ *chingireto* (ирѣшнїи нантотъ):

De Castilla iba marchando.

A Navarra con su gente....

— Нравится вамъ это, батюшка? Сколько жъ вы покажете пѣвцу?

— Романсъ довольно скучный и монотонный, да и не великъ, отвѣчалъ доминиканецъ: порядочные пѣвцы за два рвала поютъ по три и по четыре романса.

— Бодно вы разборчивы. Ну, да такъ и быть, я спою

вамъ еще романсъ и до слезъ разтрогаю васъ описаніемъ похоронъ Сиды. Смерть люблю Сиды.

Muerto yaze esse buen Cid
Que de Vibar se llamaha....

— Я долженъ вамъ признаться, батюшка, сказалъ Гарсиласо, окончивъ послѣдній стихъ: я никогда не пою дешево, какъ по четыре пиастра за романсъ: а я прогнѣлъ вамъ ихъ два.

Намекъ былъ очень понятенъ: доминиканецъ отдалъ свои осемь пиастровъ, сѣлъ на мула и благополучно уѣхалъ.

О Гарсиласо рассказываютъ множество другихъ анекдотовъ, по-иначе этого. Онъ постановилъ закономъ, что измѣнникъ долженъ быть наказанъ смертію. Одинъ изъ его товарищей попался въ руки полиціи. Надѣясь спастись предательствомъ, онъ рассказалъ, гдѣ шайка имѣетъ притонъ, сколько въ ней человекъ и описалъ примѣты атамана. Въ слѣдующую ночь дверь тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ, отворилась. «Это я, сказалъ Гарсиласо. Прежде всего мы должны были спасти тебя; я пробрался въ тюрьму, убивъ тюремщика. Пойдемъ».

Въ твердой увѣренности, что атаманъ ничего не знаетъ объ его измѣнѣ, разбойникъ пошелъ за своимъ освободителемъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ тюрьмы, ждали ихъ лошади; они сѣли и помесились во весь омеръ въ лѣсъ. Тамъ была собрана вся шайка; разбойники, молча, стояли полукругомъ.

— Мерзавецъ, вскричалъ Гарсиласо громовымъ голосомъ: ты думалъ, что я не узнаю о твоей измѣнѣ, что ты въ тюрьмѣ можешь рассказывать то, что поклался скрывать. Меня не обманешь. Я подвергалъ жизнь свою опасности, чтобы тебя освободить; теперь, долженъ сдѣлать примѣръ. Умри же!

Раздался пистолетный выстрѣлъ и разбойникъ повалился, какъ падаютъ трупы.

Гарсиласо поссорился съ пріятелемъ за игрою и тотъ закололъ его ножомъ.

Конечно, не хорошо, когда по дорогамъ бродятъ такіе

знаменитые разбойники; но безъ нихъ стало еще хуже. Они по-крайней-мѣрѣ не терпѣли совмѣстничества и строго наказывали бандитовъ аматеровъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ ихъ нѣтъ, разбойничаетъ кому вздумается. Даже честные люди принимаются за это доходное ремесло. Чтò жъ изъ этого выходитъ? Что грабятъ люди, которыхъ подозрѣвать нельзя, такъ, что путешественнику невозможно отъ нихъ уберечься. Притомъ, по неопытности, они не умѣютъ порядочно убить, и несчастные, которые попались къ нимъ въ руины, умираютъ въ ужаснѣйшихъ мученiяхъ.

Никакое правительство, даже самое твердое, не въ состоянiи совершенно прекратить въ Мексикѣ грабежи, а нынѣшнее правительство очень слабо.

НЕАПОЛИТАНСКІЕ ВАНДИТЫ. Исторiя, которую я на-мѣренъ рассказать, говоритъ англійскiй путешественникъ въ одномъ англійскомъ журналѣ: хороша по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что справедлива, даже въ малѣйшихъ своихъ подробностяхъ; а это качество рѣдкое въ исторiи о разбойникахъ. Осенью 18** года въ Неаполь, по обыкновенiю, набралось множество богатыхъ и праздныхъ людей, которые имѣютъ привычку путешествовать зимою. Погода была прекрасна, иностранцы чрезвычайно жадны ко всякаго рода развлеченiямъ и потому по всѣмъ окрестностямъ города двигались экипажи и кавалькады, и общества путешественниковъ собирались во всѣхъ мѣстахъ, означенныхъ въ Guide du Voyageur.

Въ одно свѣтлое утро сентября, нѣсколько мужчинъ и дамъ верхами выѣхали изъ воротъ Неаполя, чтобы провести день въ лѣсу за нѣсколько миль отъ города. Въ этомъ обществѣ былъ одинъ старый баронетъ съ женою и двумя дочерьми, нѣсколько другихъ дѣвицъ, сопровождаемыхъ приличнымъ числомъ кавалеровъ, и геройской исторiи, котораго мы назовемъ капитаномъ О***, потому что я не хочу открывать своего имени. Въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ лѣсу, дочери баронета, пользуясь правомъ хорошенькихъ дѣвушекъ, вздумали поприхотничать: рѣшили сойти съ лошадей и пробраться съ капитаномъ О*** черезъ лѣсъ пѣшкомъ до сборнаго мѣста. Нѣсколько времени трое дезертеровъ слышали еще стукъ кареты баронета, но тропин-

на, по которой они шли, всё удалялась отъ большой дороги и, наконецъ, они очутились посередин густаго, безмаловаго лѣсу. Сполчасу еиустя капитанъ остановился, чтобы обратить вниманіе своихъ еиутницъ на челоѳтскія голѳы, которыя по временамъ выставлялись изъ-за кустовъ, въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ и которыя должны были принадлежать людямъ недобрытольнымъ, потому что на каждой голѳѣ была островерхая шляпа отъ зеленыхъ перомъ. Подобное явленіе было не слишкомъ пріятно; хорошенкія миссъ очень любилы разбойничить на театрѣ и въ романахъ, но поблизоети настоящихъ разбойниковъ, имъ было намъ-то не ловко. Однако жъ онѣ были такъ мужественны, что послѣдовали совѣту капитана и не выказывая ни боязни, ни подозрѣнія, продолжали идти прямо къ засадѣ. Они были уже близко, какъ разбойники, видя, что теперь уже бесполезно сохранять инкогнито, вышамъ изъ своего убѣжища и загородили имъ дорогу. Ихъ было челоѳтъ двѣнадцать и всѣ молодцы, въ самыхъ живописныхъ костюмахъ и со множествомъ амулетовъ противъ дурнаго глазу, висѣвшихъ у нихъ на шеѣ, на серебряныхъ цѣпочкахъ. На предводителѣ ихъ былъ зеленый поясъ—вѣроятно, знакъ его достоинства.

Не дожидаясь разспросовъ, капитанъ О*** подошелъ къ разбойникамъ и спросилъ, гдѣ бы имъ выйти на большую дорогу. Атаманъ, не отвѣчая ни слова, приталимо посмотрѣлъ на храбраго капитана; тотъ еиокоймо выдержалъ эту вѣмую угрозу; наконецъ разбойникъ спросилъ:

— Знаете ли вы кто мы?

— Почему намъ знать? Мы васъ никогда не видавали. Мы Англичане и еще недавно въ Неаполѣ. Вы, вѣроятно, купецъ?

— Нѣтъ, сньюоръ, я Натолл.

Несмотря на всю свою неустрашимость, капитанъ вздрогнулъ, услышавъ имя знаменитѣйшаго изъ неаполитанскихъ бандитовъ, отважнаго атамана, о жестокости котораго рассказывали множество страшныхъ исторій. Однако жъ онъ скрѣнился и, молча, поклонился бандиту.

— А вы кто? спросилъ тотъ.

— Я уже говорилъ вамъ, что мы англійскіе путеше-

ственики. Если вамъ еще что-нибудь нужно спросить насъ, то я готовъ вамъ отвѣчать; если жъ нѣтъ, то пропустите насъ.

— Но кто же поручится мнѣ, что вы не откроете нашего убѣжища?

— Даю вамъ честное слово. Кажется, лучшаго ручательства придумать невозможно.

Натоли пошелъ къ своимъ товарищамъ, чтобы посоветоваться съ ними. Бѣдныя дѣвушки трепетали всѣмъ тѣломъ, однако жъ довольно искусно скрывали страхъ свой. Но онѣ вскорѣ успокоились, потому что бандитъ воротился и сказалъ имъ:

— Signori Inglesi, вы можете идти. Мы вѣрнемъ вамъ. Но вы должны поклясться намъ, не говорить никому о нашей встрѣчѣ, пока мы сами не позволимъ вамъ.

— Даю вамъ честное слово, отвѣчалъ капитанъ.

— Теперь позвольте ли вы мнѣ попросить васъ объ одной услугѣ.

— Что вамъ угодно?

— Мы бы хотѣли обратиться изъ этой стороны; но полиція такъ строго присматриваетъ за нами, что до сихъ поръ намъ никакъ не удалось уѣхать. Согласны ли вы помочь намъ?

— Очень охотно, отвѣчалъ Англичанинъ. Скажите только чего вы отъ меня хотите, и если оно возможно и не противно моей чести, я съ удовольствіемъ сдѣлаю.

— Такъ выслушайте же меня, синьоръ. Если кто-нибудь придетъ къ вамъ отъ вашихъ лѣсныхъ друзей, вы можете быть увѣрены, что это нашъ повѣренный. Вы не будете подвергаться ни малѣйшей опасности. Понимаете?

— Понимаю.

— Такъ прощайте, синьорины, сказалъ бандитъ, вѣжливо приподнявъ шляпу, не забываяте вашихъ лѣсныхъ друзей.

Послѣ этого, капитанъ и двѣ его спутницы безъ дальнѣйшихъ приключеній добрались до сборнаго мѣста. Ихъ спрашивали отчего они такъ замѣшались въ лѣсу. Они отвѣчали, что сбились съ дороги. Никто, кромѣ ихъ, не думалъ ни о чемъ другомъ, кромѣ удовольствія позавтра-

кати на чистомъ воздухѣ. Къ-вечеру все общество воротилось въ Неаполь, уговорившись на другой день сдѣлать такую же поѣздки въ другую сторону. Дѣвушки во всю ночь видѣли во снѣ разбойниковъ, но благоразумно дали себѣ слово, не говорить объ этой встрѣчѣ никому на свѣтѣ, ни даже своей самой искренней пріятельницѣ.

Колесо времени и человѣческихъ глупостей продолжало вертѣться, и капитанъ О***, предаваясь удовольствіямъ неаполитанской жизни, совсѣмъ почти забылъ о своемъ заключеніи. Но однажды, прогуливаясь по Толедской улицѣ, онъ замѣтилъ, что какая-то старуха пристально за нимъ наблюдаетъ. Она довольно долго слѣдовала всё за нимъ, наконецъ, проходя мимо его, сказала вполголоса:

— Я отъ вашихъ лѣсныхъ друзей. Они будутъ завтра вечеромъ въ такомъ-то мѣстѣ. Придете вы?

— Приду, отвѣчалъ капитанъ.

И старуха поспѣшно удалилась.

Чтобы сдержать свое слово, капитанъ, тотчасъ послѣ обѣда, вышелъ изъ Неаполя. Добравшись до назначеннаго мѣста, онъ не нашелъ тамъ никого; напрасно прождалъ нѣсколько часовъ; наконецъ отправился домой, досадуя, что надъ нимъ, какъ онъ думалъ, подшутили. Прошло дней десять: о разбойникахъ не было и слуху. Потомъ какъ-то утромъ, онъ встрѣтилъ на улицѣ ту же самую старуху. Она осторожно подошла къ нему и сказала вполголоса:

— Мы знаемъ, что вы сдержали свое слово, но ваши лѣсные друзья не могли явиться на свиданіе, потому что ихъ въ то время преслѣдовала полиція. Вы скоро опять услышите объ нихъ.

Посланица ушла такъ скоро, что капитанъ не успѣлъ разспросить ее.

На третій день послѣ этого, капитанъ О*** отъ бездѣля прохаживался въ портѣ; къ нему подошелъ какой-то доминиканецъ и сказалъ:

— Не можете ли прійти въ то же мѣсто послѣ завтра вечеромъ? Въ этотъ разъ лѣсные друзья ваши непременно явятся.

— Пожалуй, я приду опять, отвѣчалъ капитанъ.

— Очень хорошо, сказалъ монахъ, и поспѣшно ушелъ.

Капитанъ, конечно, имѣлъ полное право не подвергаться новому обману; но, увлеченный любопытствомъ, или уваженіемъ къ своему слову, онъ опять отправился на свиданіе. Какъ-скоро онъ пришелъ на мѣсто, атаманъ явился съ нѣсколькими товарищами.

— Очень благодарны вамъ за вашу акуратность, сказалъ Натолн, и жалѣемъ, что не могли повидаться съ вами прежде. Намъ всё бы хотѣлось какъ-можно скорѣе выбратъся изъ Италіи. Согласны ли вы помочь намъ?

— Охотно, если только могу.

— Очень можете, если только захотите, отвѣчалъ капитанъ. Въ гавани стоитъ теперь англійскій бриггъ. Если вы попросите капитана, то онъ, вѣрно, согласится принять насъ на свой корабль.

— Я знакомъ съ командиромъ этого бригга, отвѣчалъ капитанъ О*** и постараюсь уговорить его. Но точно ли вы намѣрены удалиться изъ Италіи?

— О, съ этой стороны, вамъ нечего бояться, отвѣчалъ, улыбаясь, атаманъ. Повѣрите ли вы слову знатнаго Неаполитанца?

— Конечно.

— Ну, такъ очень хорошо.

Вечеромъ въ тотъ же день, на балѣ у одного изъ самыхъ знатныхъ господъ въ Неаполѣ, одинъ богатый маркизь, съ которымъ капитанъ О*** случайно познакомился, подошелъ къ нему, попотчивалъ его табакомъ и сказалъ вполголоса:

— Ваши лѣсные друзья говорятъ правду.

Это ружательство убѣдило капитана. Неаполитанская полиція не могла избавить страну отъ страшнаго Натолн. Почему же было не помочь ему убраться по-дальше, если такимъ образомъ можно избавить государство отъ опасной шайки, и тѣмъ оказать большую услугу всѣмъ путешественникамъ? Успокоивъ свою совесть такимъ разсужденіемъ, капитанъ О*** написалъ къ командиру англійскаго бригга письмо и просилъ его прислать ночью шлюпку, чтобы взять нѣсколькихъ человекъ, которые хотятъ перебраться на острова Греческаго Архипелага. Командиръ

диръ бригга согласился, и капитанъ О*** далъ знать объ этомъ бандитамъ, черезъ доминиканца, который съ-тѣхъ-поръ попадался ему навстрѣчу каждый вечеръ. Въ известное время, капитанъ О*** прибылъ со шлюпкою въ назначенное мѣсто; но лѣсныхъ друзей не было на берегу. Они подождали съ часъ; потомъ одинъ изъ бандитовъ осторожно подошелъ къ нимъ и сказалъ, что товарищи его не могли явиться, потому что дворъ со множествомъ провожатыхъ забавлялся по близости рыбною ловлею. Онъ просилъ капитана приказать шлюпкѣ подойти къ другому мѣсту, гдѣ друзья его могутъ перебраться на нее такъ, что ихъ никто не увидитъ.

Шлюпка подошла къ указанному мѣсту, и вскорѣ вся шайка отправилась на корабль со своимъ атаманомъ, который, сходя съ берега, возвратилъ капитану О*** его честное слово не говорить никому объ этомъ приключеніи. Однако же капитанъ не рассказывалъ объ этомъ пока не узналъ, что лѣсные друзья его находятся уже на одномъ изъ архипелажскихъ острововъ.

ДВА ЕВРОПЕЙЦА, АТАМАНЫ АМЕРИКАНСКИХЪ ДИКАРЕЙ.
Разсказъ капитана Марриета. Храбрый капитанъ Марриетъ, подобно господину Штевену, убѣдился, что для романиста сочинять никуда не годится: гораздо лучше говорить правду, излагать дѣло какъ было, описывать происшествія, рассказывать чистые факты. И вотъ онъ, въ одномъ англійскомъ журналѣ, рассказываетъ слѣдующій фактъ.

Одинъ знатный Италіанецъ, извѣстный подъ именемъ князь Серравале, можетъ-быть вымышленнымъ, десять лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, потомъ изгнанъ былъ изъ отечества за свои политическія мнѣнія, и перебравшись въ пустыни западной части Сѣверной Америки, рѣшился, вмѣсто утописта, непонятаго въ Европѣ, сдѣлаться просвѣтителемъ дикарей. Онъ воротился на родину, продалъ все свое имѣніе, нагрузилъ шлюпный корабль плугами и другими сельскими и ремесленными орудіями, взялъ съ собою нѣсколько земледѣльцевъ, плотниковъ, каменщиковъ, и отправился со всѣмъ этимъ въ Америку. Во время пребыванія своего въ Испаніи, онъ познакомился съ однимъ

Французомъ, Молѣ, и тотъ рѣшился ѣхать съ нимъ, чтобы тоже сдѣлаться дикаремъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Плаваніе ихъ было очень благополучно. «Просвѣтители» наши построили себѣ крѣпостцу въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устья рѣки Иностранцевъ въ сѣверной части Калифорніи и Индѣйцы Шошоны, то есть Змѣи, приобрѣли двухъ новыхъ начальниковъ, не считая начальника-подростка, котораго военное и гимнастическое воспитаніе ввѣрено было одному изъ знаменитѣйшихъ воиновъ того племени. Приведа нашихъ читателей на берега Тихаго Океана, мы могли бы, безъ зазрѣнія совѣсти, принятыя рассказывать имъ, что Европейцы занимались донинѣ только Индѣйцами, живущими въ восточныхъ и сѣверныхъ частяхъ Сѣверной Америки, не обращая вниманія на западныхъ поколѣнія, которыя гораздо важнѣе и о которыхъ до-сихъ поръ почти даже и не упоминали, за исключеніемъ двухъ или трехъ племенъ; что у Шошоновъ сохраняется еще преданіе о томъ, какъ они переселились изъ Азіи въ Америку, и что, по-видимому, предки ихъ вели въ Старомъ Свѣтѣ такую же кочевую жизнь, какую потомки ихъ ведутъ теперь въ Новомъ; позто немногихъ бы заинтересовало. Нравы, охота и рыбная ловля Индѣйцевъ гораздо занимательнѣе и живописнѣе. Путешественники рассказываютъ, что дикари курятъ изъ калюметовъ, выкрашенныхъ зеленою краскою; что женихъ говоритъ своей невѣстѣ: — «Будешь ли ты вѣрна хижинѣ, вѣрна отцу, вѣрна его дѣтямъ?» а невѣста отвѣчаетъ: — «Вѣрна, всегда вѣрна, въ радости и въ горѣ, на жизнь и на смерть». Эти характеристическія черты принадлежатъ также и Шошонамъ, у которыхъ жены называются: Горлицею, Лилиемъ Долины, Дуновосіемъ Вѣтерка, и прочее, и противъ обыкновенія красно-кожихъ барынь, онѣ такъ хороши, что дѣйствительно заслуживаютъ эти милыя названія. Вотъ анекдотъ, доказывающій, что эти дикари уважаютъ права сердца, и что они даже не чужды великодушныхъ чувствованій, какія не часто встрѣтишь и у такъ называемыхъ образованныхъ народовъ. Два Змѣи любили одну и ту же дѣвушку. Одинъ изъ нихъ былъ знаменитый воинъ, другой молодой человекъ, еще недавно вступившій на военное поприще.

Родители дѣвушки тотчасъ постарались удалить молодого воина отъ своей дочери, какъ-скоро узнали, что она нравится начальнику; прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и несчастный молодой человѣкъ, повергшись въ мрачное отчаяніе, не предавался болѣе воинскимъ упражненіямъ, въ которыхъ прежде всегда отличался. Онъ уходилъ изъ своего вигвама рано утромъ и возвращался домой поздно вечеромъ, когда уже огни были потушены; такимъ образомъ онъ все время проводилъ въ уединеніи. Чтò касается до предводителя, то онъ въ тотъ самый день какъ долженъ былъ привести дѣвушку въ свою хижину, пошелъ поохотиться въ сосѣднихъ горахъ, и увидѣвъ медвѣдя, выстрѣлилъ по нему; но не убилъ, а только ранилъ его. Схватившись за томагакъ, онъ поскользнулся и упалъ подлѣ разъяреннаго звѣря.

Предводитель ушибся и не въ состояніи былъ защищаться. Чувствуя, что теперь уже погибъ, онъ зажмурился и ожидалъ смерти; но вдругъ раздался выстрѣлъ: предводитель открылъ глаза и увидѣлъ, что звѣрь катается въ предсмертныхъ мукахъ. Онъ всталъ и очутился лицомъ къ лицу съ своимъ избавителемъ. То былъ молодой воинъ, его соперникъ. Предводитель крѣпко пожалъ ему руку.

— Другъ, сказалъ онъ, ты спасъ мнѣ жизнь тогда, когда она мнѣ очень мила, милѣе чѣмъ когда-нибудь. Будемъ впередъ братьями.

Тысяча противоположныхъ чувствованій воднокали молодого человѣка; онъ стоялъ безмолвно и съ трудомъ дышалъ; но онъ то же былъ человѣкъ благородный.

— Предводитель, сказалъ онъ, когда я увидѣлъ, что медвѣдь бросился на тебя, я подумалъ-было, что Маниту сжалился надъ моими страданіями и ни-минуту сердце мое забилось легко и радостно. Но когда смерть была уже близко, очень близко отъ тебя, добрый духъ шевнулъ мнѣ на-ухо свою волю, и я спасъ тебя на твое счастье. Не тебѣ, а мнѣ надобно умереть; я ничего не значу; нѣтъ у меня друзей, никто меня не любитъ и некому усладить для меня долгіе часы ночи. Прощай.

Онъ хотѣлъ уйти, но предводитель удержалъ его за руку.

— Куда ты идешь? Развѣ ты не знаешь, чтò такое Братская любовь? Неужели ты не слышалъ объ этомъ, даже и во снѣ? Я сказалъ, что мы будемъ впередъ братьями. Пойдемъ со мною.

Они молча воротились въ деревню. Предводитель пошелъ, со своимъ новымъ братомъ, прямо въ шалашъ совѣта, велѣлъ пригласить старшинъ и привести свою невѣсту.

— Цвѣтъ Маньолін, сказалъ онъ, взявъ ее за руку: меньше ли ты будешь любить меня какъ брата, чѣмъ любила бы какъ мужа? Говори, прошепчи мнѣ на-ухо свои желанія. Не мечтался ли тебѣ когда-нибудь голосъ по-моложе моего, который говорилъ тебѣ о любви?

Потомъ, подведя ее къ молодому воину, онъ сказалъ:

— Братъ, возьми ее: пусть она будетъ твоей женою и моей сестрой.

И онъ прибавилъ, протянувъ правую руку къ старшинамъ:

— Я созвалъ васъ, чтобы совершить дѣло правое. Выслушайте меня. Молодой олень любилъ лилію, которая росла подъ тѣнью сикомора, на берегу свѣтлаго ручья; всякой день влюбленный олень приходилъ смотрѣть какъ росла и хорошѣла его милая лилія. Но однажды быкъ проходилъ мимо лиліи, и съ корнемъ вырвалъ ее изъ земли рогами. Хорошо ли это съ его стороны? Нѣтъ, не хорошо. Бѣдный олень убѣжалъ въ дѣса и не хотѣлъ больше ходить къ сикомору. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, олень увидѣлъ, что быкъ лежитъ на землѣ и огромный медвѣдь готовъ задрать его. Олень бросился на медвѣдя и такимъ образомъ далъ время быку подняться на ноги. Олень послушался голоса своего сердца и спасъ быка, хотя тотъ вырвалъ лилію, которая росла на берегу ручья! Это было прекрасно, великодушно съ его стороны! Быкъ сказалъ оленю:—Будемъ же впередъ братьями, въ радости и горѣ. Но олень отвѣчалъ, что для него нѣтъ больше радостей, потому что онъ лишился своей милой лиліи. Быкъ задумался; ему пришло въ голову, что братъ обязанъ дѣлать для брата величайшія пожертвованія. И онъ

сказалъ оленю:—Вотъ твоя дилія; возьми ее пока она не завяла, снеси опять подъ тѣнь сикомора, на берегъ свѣтлаго ручья, и будь счастливъ.... Предводители, мудрецы и воины, я бынъ, а вотъ этотъ братъ мой, олень. Я отдалъ ему Цвѣтъ Маньоліа, прекрасную лядю, которая росла подъ тѣнью сикомора, на берегу свѣтлаго ручья. Я хорошо слѣлалъ; я много одѣлалъ, однако же не довольно для великаго предводителя, не довольно для брата, не довольно для справедливости. Мудрые воины, выслушайте слова мои. Цвѣтъ Маньоліа можетъ покониться только на груди предводителя. Надобно, чтобы братъ мой былъ предводителемъ: онъ предводитель, потому что отнявъ я раздѣляю съ нимъ власть свою. Мои богатства, моя хижина принадлежать и ему; мои лошади, мои мулы, мои мѣха, все что мое, то и его. У предводителя только одна жизнь: нельзя довольно наградить того кто спасъ ее. Вы слышали. Я сказалъ.

И очень хорошо сказано. Не многіе изъ насъ могли бы поступить великодушиѣе.

Князь Серравала, воротившись изъ Италіи, чтобы научить дикарей ѣхать хлѣбъ и табакъ, привезъ съ собою и миссіонеровъ, чтобы обратить Шононовъ въ христіанскую религію. Зѣи любяши Блѣднолицаго, съ почтеніемъ слушали и его и мудрыхъ черпорясыхъ; но одинъ старый предводитель увѣрялъ, что бѣлый Маньоту не можетъ знать природы Краснокожихъ. Поэтому Шононы не рѣшились ни принять христіанской религіи, ни воздѣлывать земли, говоря что они воины, а не земледѣльцы, могутъ ослабить свое зрѣніе трудясь надъ землею, и тогда непрітели ихъ скажутъ, что они не люди, а проты.

Такъ какъ они не хотѣли брать уроковъ въ агрономіи, то князь Серравала надавалъ имъ ружьевъ и пороку, сколько могъ достать. Илдіицы Вороны, сосѣди и, слѣдственно, естественные враги Зѣи, завидовали преимуществу, доставляемому ихъ соперникамъ оружіемъ, которое Великій Воинъ съ блѣднымъ лицомъ раздаетъ своимъ краснымъ дѣтямъ. Но Вороны скорѣе расположены были даркать и обращаться въ бѣготву, чѣмъ неустрашимо идти на пути военному. Притомъ они курды съ сосѣдями труб-

ку. Поэтому князь, возвращаясь изъ Санъ-Луи (въ Миссури) въ свои плантаціи, думалъ, что ему совершенно нечего бояться, а съ нимъ было только четыре или пятеро бѣлыхъ. На другой день по отъѣздѣ, онъ повстрѣчался съ многочисленнымъ отрядомъ Вѣроновъ и тѣ, несмотря на то, что клялись сосѣдямъ въ вѣчной дружбѣ, не рѣшились пропустить такого удобнаго случая поживиться богатой добычею. Они пропустили князя съ его провожатыми, слѣдовали за ними изъ-дали и вечеромъ напали на нихъ такъ внезапно, что они даже не успѣли схватиться за оружіе. Ихъ связали.

Вѣроны тотчасъ созвали большой совѣтъ. Князь, обращаясь къ предводителю, горько упрекалъ его въ этомъ вѣроломномъ поступкѣ. Индѣецъ выслушалъ его молча, съ грознымъ и гордымъ видомъ. Однако же корыстолюбіе превозмогло въ немъ ненависть и Вѣронъ спросилъ своихъ плѣнниковъ, сколько они дадутъ за себя выкупъ. Князь отвѣчалъ, что дастъ двѣ лошади, два ружья и сотню доллеровъ. Вѣронъ возразилъ, что вещи бѣлыхъ у него въ рукахъ, и потому онъ ожидалъ отъ нихъ гораздо большаго выкупъ. Онъ требовалъ, чтобы одинъ изъ спутниковъ Великаго Воина отправился въ фортъ Галль, въ сопровожденіи пяти Вѣроновъ, и съ письменнымъ предписаніемъ князя, выдать имъ двадцать одеялъ, двадцать ружей и десять боченковъ пороху. Между-тѣмъ другіе плѣнники должны были отправиться съ Вѣронами въ ихъ землю, гдѣ имъ возвращена будетъ свобода, какъ-скоро получится выкупъ. Князь никакъ не согласился на эти условія: онъ былъ увѣренъ, что если Вѣроны заведутъ его съ товарищами въ свою землю, то потомъ уже никогда не отпустятъ.

Взбѣшенный Вѣронъ началъ проклинать Змѣй и ихъ бѣлаго предводителя. Князь отвѣчалъ ему съ холодною рѣшимостію и ярость дикаря вышла изъ границъ. Князь еще говорилъ, какъ Вѣронъ уже схватился за свой томаганъ. Вдругъ послышался шумъ, раздались выстрѣлы и одинъ изъ Вѣроновъ повалился, пораженный пулею.

— Предводитель говорилъ слишкомъ громко, сказалъ князь: я слышу во мракѣ шаги Змѣй. Вѣронамъ пора бы

летѣть къ своимъ горамъ, а то собаки нашего племени по-лакомятся ихъ тѣлами.

Лицо предводителя судорожно скорчилось отъ ярости, но онъ не тронулся съ мѣста и все Вороны прислушивались, чтобы узнать, въ которую сторону имъ бѣжать.

— Вороны окаменѣли отъ страха, сказалъ князь. Чтѣ случилось съ ихъ проворными ногами? Змѣи уже близко.

— Собакѣ Блѣднолицему не видать уже ихъ, сказалъ холодно Индѣецъ, и раздробилъ князю черепъ томагакомъ.

Другіе плѣнники не могли защищаться, потому что были связаны, и трое изъ нихъ погибли; но дикари не успѣли умертвить остальныхъ двухъ. Раздался залпъ: двадцать Вороновъ пали, остальные разбѣжались. Человѣкъ тридцать Шомоновъ выскочили изъ-за кустовъ, погнались за ними и положили еще человѣкъ десять.

Между-тѣмъ, какъ тридцать охотниковъ, изъ племени Змѣй, случайно попали на слѣды Вороновъ и наказали ихъ за вѣроломство, молодой Виолѣ, сынъ, переименованный Духомъ Бобра, гулялъ въ Монтерей (въ Калифорніи), куда отецъ послалъ его покупать скотъ. Онъ прожилъ тамъ съ мѣсяцъ. Въ это время Змѣи выступили въ походъ противъ Вороновъ. Накомецъ молодой Виолѣ, онъ же Духъ Бобра, отиравался домой съ однимъ Ирландцемъ, по имени Ротъ и четырьмя Шошонами. Но пусть онъ самъ расскажетъ намъ свое путешествіе.

«Послѣ четырехъ-дневнаго плаванія мы были подъ тридцать-девятымъ градусомъ сѣверной широты, въ четверти мيلي отъ берега, въ виду горы, которая называется Крючковатымъ Хребтомъ. Мы вышли на берегъ и къ-ночи шхуна была уже далеко, а мы рыли яму, чтобы саргать тѣ изъ нашихъ вещей, которыхъ намъ нельзя было взять съ собою. Потомъ мы пошли къ востоку, а послѣ къ сѣверо-западу, надѣясь встрѣтить какихъ-нибудь лошадей, принадлежащихъ нашему племени. На разсвѣтѣ мы пришли на лугъ, который сама природа засѣяла трилиственникомъ, и нашли тутъ больше сотни лошадей. Но какъ мы прошли по-крайней-мѣрѣ тридцать миль, то рѣшились отдохнуть тутъ нѣсколько часовъ. Только-что я заснулъ, какъ кто-то разбудилъ меня легкимъ ударомъ по плечу. Я открылъ

глаза: передо мной стоялъ одинъ изъ моихъ Шошововъ, положивъ палецъ на губы, въ знакъ молчанія и устремивъ глаза на горизонтъ. Я посмотрѣлъ въ ту же сторону и то что я увидѣлъ, тотчасъ разогнало мой сонъ. Около полу-мили отъ насъ чернѣлись силуэты человекъ двадцати Индѣйцевъ, которые молча ловили и привязывали лошадей. Эти Индѣйцы принадлежали къ племени Умбикви, которые живутъ за нашими сѣверными границами и занимаются уводомъ у сосѣдей лошадей, особенно когда нѣтъ никакой опасности. Такъ какъ Змѣи князя пошли войною на Вѣрововъ, то Умбикви преспокойно забирали нашихъ лучшихъ лошадей: Счастье наше, что мы расположились въ кустахъ, гдѣ лошади не могли пасться: иначе грабители непременно нашли бы и умертвили насъ.

«Мы разбудили своихъ товарищей и составили военный совѣтъ. Атаковать грабителей было нельзя; позволить имъ увести нашихъ лошадей, тоже невозможно. Оставалось только слѣдовать за ними въ нѣкоторомъ разстоянн и выждать удобнаго случая, чтобы нанести имъ рѣшительный ударъ. Около полудня, воровъ, забравъ съ собою столько лошадей, сколько могли увести, повернули и пошли въ направленн къ тому мѣсту, гдѣ у насъ была рыбная ловля. Тамъ у насъ былъ построенъ редутъ, въ которомъ мы держали свои лодки, рыболовные сѣти и прочее. Мы шли за ними цѣлый день и во все это время ничего не ѣли, кромѣ дикихъ полевыхъ сливъ. Подъ-вечеръ одинъ изъ нашихъ Индѣйцевъ, воинъ опытный, подкрался къ ихъ лагерю и по нѣкоторымъ признакамъ, для него несомнѣннымъ, угадалъ ихъ намѣренн.

«Такъ какъ наше племя уже нѣсколько лѣтъ жило въ мирѣ со всѣми сосѣдями, то редутъ нашъ охраняли только двѣнадцать индѣйскихъ семействъ, жившихъ въ окрестности. Сначала Умбикви намѣревались только увести нѣсколькихъ лошадей, но узнавъ, что пять или шесть воиновъ, принадлежащихъ къ этимъ семействамъ, отправились въ колонн за оруженъ и припасами, они рѣшились атаковать нашъ редутъ, чтобы пріобрѣсти нѣсколько черепныхъ кожъ, и взять наши лодки, снасти, рыбу и прочее. Непременно надобно было спасти нашу флотилн. Отпра-

вить одного изъ нашихъ Индѣйцевъ въ колонію за помощью, значило бы бесполезно ослабить свои силы, тѣмъ болѣе, что помощь не могла послѣть во-время; но, если бы намъ удалось пробраться въ редуть прежде Умбиквовъ, то, сядя за стѣнами, мы, своими ружьями, легко могли бы удерживать непріятелей, потому что только у двоихъ изъ нихъ были карабины, а у остальныхъ луки и стрѣлы. Шіонъ нашъ узналъ также, что они перебрались на наши земли моремъ и спрятали свои люди недалеко отъ нашего редута.

«Миляхъ въ пятнадцать на сѣверъ отъ того мѣста, гдѣ мы находились, были рукава рѣки Ну-елидже-ша-вако, на устьѣ которой стоитъ нашъ редуть. Умбикви шли къ рѣкѣ, чтобы напоить лошадей и найти тропинку, ведущую къ плантаціямъ колоніи. Они хотѣли занять эту дорогу, для того, чтобы никто не могъ пробраться въ колонію, въ случаѣ если попытка ихъ будетъ замѣчена. Эта тропинка шла угломъ и прямая дорога была бы гораздо короче; но слѣдуя по этому направлецію, они не слѣдъ перваго дня пути, не нашли бы ни прѣсной воды, ни годной травы; притомъ тутъ земля такъ неровна и дотого покрыта приземистымъ кустарникомъ, что съ лошадами трудно пробраться. Между-тѣмъ какъ враги наши обгладывали уголь, мы рѣшились идти по ипотенузѣ и пробраться прямо къ нашимъ рыболовнямъ. Случай помогъ намъ. Между-тѣмъ, какъ мои Индѣйцы и слуга спали въ травѣ, мы съ Рочемъ караулили. Я замѣтилъ, что на лугу позади насъ что-то движется. Я не могъ ни рассмотреть, ни угадать, что это такое. Буйволы такъ далеко на западъ не ходятъ, а волки въ это время года не бѣгаютъ. Я выбрался ползкомъ изъ кустовъ, въ которыхъ сидѣлъ, и увидѣлъ цѣлый табунъ лошадей, которыя не дались Умбиквамъ, но слѣдовали за своими товарищами, изъ любопытства, или по дружбѣ къ нимъ. Я разбудилъ своихъ Индѣйцевъ. Они взяли арканы (lassos), подкрались къ лошадямъ и поймали семь самыхъ здоровыхъ. Лошади, правда, были безъ сѣделъ, но по крайней-мѣрѣ взнузданы нашими арканами. Сверхъ-того Индѣйцы убили годовалого

жоробевка, и такимъ образомъ мы запаслись мясомъ для на два.

«Благодаря этому нособію, посланному самимъ Провидѣніемъ, мы перешли на мѣсто полутора сутками раньше Умбиквовъ. Въ это время мы приготовились къ оборонѣ. Женщины и дѣти двѣнадцати семействъ, жившихъ въ окрестностяхъ, были переведены въ редутъ, весь скарбъ ихъ перенесли туда же, и мы запаслись большимъ количествомъ воды, на случай, если непріятель вздумаетъ поджечь наши стѣны. Въ редутѣ уже за день передъ тѣмъ знали о появленіи непріятеля и это открылось довольно страннымъ образомъ. Трое дѣтей пошли за веревкою къ небольшой бухтѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ редута, и увидѣли тамъ у подошвы скалы четыре лодки, а именно: ко по дальше двухъ молодыхъ Индѣйцевъ, которые жарили себѣ верпу. Дѣти побѣждали назадъ и три старшихъ воина, изъ которыхъ состоялъ весь гарнизонъ редута, отправились, чтобы содрать кожу съ головъ молодыхъ Умбиквовъ. Они еще не возвращались, когда мы прибыли въ редутъ, но подвѣчеръ они пріѣхали по рѣкѣ съ двумя лодками и съ водосами обоихъ непріятелей. Мы тотчасъ втащили лодки въ редутъ.

«Позиція наша была очень сильна. На сѣверѣ текла поблизости широкая и глубокая рѣка; на югѣ былъ ровъ, шириною въ сорокъ, глубиною въ десять футовъ, который зданіе отдѣлялось отъ поля, совершенно открытаго, безъ деревьевъ и безъ кустарника. На флангахъ было у насъ по небольшой каменной башнѣ, вышиною въ двадцать футовъ, съ бойницами: въ каждой изъ нихъ было только по одной двери и то въ десяти футахъ надъ землею. Главный входъ въ редутъ выходилъ на рѣку, но приблизиться къ нему нельзя было иначе какъ издавъ. Редутъ былъ построенъ изъ камня и кирпича, а ворота, состоявшія изъ толстыхъ бревенъ, были обиты мѣдными листами и могли долго устоять противъ топоровъ и противъ огня. Мы боялись только за одну кровлю, потому что она сдѣлана была изъ щитовыхъ досокъ, которыя легко загораются. Поэтому мы натаскали въ верхній этажъ много воды. На случай пожара, мы приготовились прорубить въ

кровлѣ отъвертѣе, чтобы удобнѣе заливать. Для большае вѣрности мы покрыли опасныя части кровли глиною.

«Насъ было десятеро мужчинъ, въ томъ числѣ семеро съ ружьями и всѣ довольно хорошіе стрѣлки. Сверхъ-того съ нами было шестнадцать женщинъ и девять дѣтей: они по ночамъ караулили въ разныхъ мѣстахъ. Шестеро воннозъ, которые пошли въ колонію за оружіемъ, должны были скоро воротиться, а до-тѣхъ-поръ намъ не оставалось ничего дѣлать, какъ беречься, ждать неприятеля и даже выдержать первую атаку, не прибѣгая къ нашимъ ружьямъ, для того, чтобы Умбикви не могли догадаться, какъ силенъ нашъ гарнизонъ. Одинъ изъ стариковъ; человекъ хитрый и неустрашимый, вызвался отправиться съ другимъ вонномъ на то мѣсто гдѣ были скрыты люди, и держать тамъ огонь, для того, чтобы дымъ совершенно успокоилъ нашихъ враговъ. Надобно было думать, что Умбикви, приблизившись къ редуту, пошлютъ за своими людьми, которые стерегли лодки и нашъ старый Индѣецъ надѣялся захватить этого посланнаго, и живаго привести къ намъ въ редутъ. Мы приняли этотъ планъ, спустили одну изъ своихъ лодокъ на воду, и вечеромъ двое Индѣецъ съ ружьями отправились въ ней въ бухту. Наконецъ Умбикви появились и, по-видимому, были совершенно спокойны. Они, видно, даже и не предполагали, чтобы въ редутѣ было какое-нибудь оружіе, потому что остановились въ какихъ-нибудь двадцати сажняхъ отъ восточной нашей башни. За рѣкою, на небольшомъ лугу, паслись краденныя лошади; ихъ стерегли два человека.

«Внимательно осмотрѣвъ наше зданіе, Умбикви пустили въ бойницы нѣсколько стрѣлъ и даже пулю, чтобы узнать есть ли въ редутѣ люди, способные сражаться; но какъ мы не подавали ни малѣйшихъ знаковъ жизни, то они, кажется, подумали, что опасаться рѣшительно нечего и двое пошли вдоль рѣки, чтобы посмотреть нельзя ли пробраться въ редутъ черезъ главный входъ. Увидѣвъ, изъ чего ворота сдѣланы, они, по-видимому были очень раздосадованы и отошли сажень на тридцать, чтобы посоветоваться, какимъ образомъ начать атаку.

«Ясно было, что нѣкоторые изъ нихъ предлагали по-

жечь зданіе; но, сколько можно было судить по ихъ тѣло-движеніямъ, къ этому мѣстѣ пристали немногіе. Одинъ изъ предводителей протянулъ руку сначала въ направленіи къ тому мѣсту, гдѣ были лодки, потомъ къ рѣкѣ, наконецъ назадъ къ той части горизонта гдѣ восходитъ солнце. Какъ-скоро онъ пересталъ говорить, двое изъ его людей встали и пошли къ юго-западу. Намъреніе ихъ было очевидно. Этимъ двумъ человѣкамъ вѣрно было взять въ бухтѣ лодки и съ помощію двухъ Индѣйцевъ, которые стерегли ихъ, ввести суда въ рѣку, чтобы подъѣхать къ самому редуту. На это имъ нужна была вся ночь; а на разсвѣтъ, Умбикви съ помощію своихъ лодокъ хотѣли приблизиться къ главнымъ воротамъ и разбить ихъ томагаканн.

«Когда смерклось, мы почувствовали нѣкоторое безпокойство, очень понятное въ присутствіи непріятеля, котораго намъренія могли ускользнуть отъ насъ. Я разставилъ часовыхъ по всѣмъ угламъ редута и мы ожидали въ безмолвіи что будетъ. Непріятеля наши развели большой огонь, чтобы приготовить себѣ кушанье. Десятеро изъ нихъ легли въ траву спать. Около полуночи все стихло и обгорѣвшія головки едва уже свѣтились въ темнотѣ. Зная, что на слѣдующее утро работы намъ будетъ вдоволь, я разсудилъ, что теперь всего лучше соснуть нѣсколько часовъ; но это мнѣ не удалось. Только-что я задремалъ, какъ нѣсколько топоровъ застучали по дереву; я всталъ и подошелъ къ бойницѣ. Звуки, отъ которыхъ я пробудился, выходили изъ купы деревьевъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ редута; многія тѣни двигались по всѣмъ направленіямъ, позади лагеря Умбиквоу. Мы догадались, что они строятъ лѣстницы, чтобы добраться до дверей нашихъ башенъ. Мы рѣшились приняться за огнестрѣльное оружіе только тогда уже, когда можно быть увѣреннымъ, что при первомъ залпѣ положимъ по-крайней-мѣрѣ пять человѣкъ. Мои Индѣйцы приготовили свои луки, но стрѣлы выбрали самыя маленькія, тѣ, которыя дѣти употребляютъ на рыбной ловлѣ, для того, чтобы непріятели подумали будто редутъ защищаютъ нѣсколько храбрыхъ мальчишекъ.

«На разсвѣтъ Умбиквы стали подходить къ намъ съ лѣстницами, изъ которыхъ каждую несла три человека. Они часто поглядывали на наши бойницы, надѣясь когда-нибудь увидѣть; но тогда было еще довольно темно и потому они не могли насъ замѣтить. Впрочемъ, вскорѣ послѣ того они шли уже безъ всякой осторожности, убавившись, по-видимому, что опасаться рѣшительно нечего.

«Они вступали лѣстницы въ обѣихъ башенъ и на каждую лѣстницу излезъ Индѣецъ. Оба сначала посмотрѣли сквозь дыры, продѣланныя около дверей; но мы спрятались такъ, что они насъ не видали. Тогда другіе Умбиквы стали дружною вокругъ башенъ, устремивъ глаза на бойницы и натянувъ тетивы. По знаку предводителя, воины, которые были на лѣстницахъ, принялись рубить двери томагаканъ.

«Они не успѣли еще поднять своихъ топоровъ по три раза, какъ одинъ изъ нихъ, тотъ, который атаковалъ восточную башню, зашатался и опрокинулся назади съ стрѣлою въ груди; въ ту же минуту, пронзительный крикъ, раздавшійся у другой башни, показалъ намъ, что и тамъ случилось то же самое. Умбиквы отбѣжали по-дальше, унося своихъ убитыхъ и допуская яростныя вопли, на которые мы великъ тремъ мальчишкамъ отвѣчать пронзительнымъ воинскимъ крикомъ. Этотъ вызовъ совершенно избѣсилъ нашихъ противниковъ; но первое поражение заставило ихъ быть осторожными; хотя оба ихъ воина были убиты дѣтскими стрѣлами; однако жъ они тотчасъ догадались, что эти стрѣлы вылетали изъ рукъ взрослыхъ людей. Они скрылись за скалы на берегу рѣки, саженахъ въ десяти прямо противъ насъ, но такъ, что наши выстрѣлы не могли повредить имъ. Они составили свѣтъ и, по-видимому, рѣшили дожидаться своихъ лодокъ. Впрочемъ, они очень удивлялись, отчего лодки такъ долго нейдутъ. Въ это время туманъ, поднимавшійся съ рѣки, совсемъ почти разсѣялся и мы ясно видѣли противоположный берегъ. Прямо противъ насъ стояла лодка, та самая, на которой наши Индѣйцы бѣжали въ бѣду. Двое Умбиквовъ, которые стерегли лошадей, были только въ вѣсколькихъ шагахъ отъ нея; они, казалось, недавно только замѣтили

эту лодку и не знали на что рѣшиться, потому что они слышали воинскій крикъ въ нашемъ редутѣ и яростные вопли своихъ земляковъ. Когда туманъ совершенно поднялся, они увидѣли товарищей за скалою и, вѣроятно, по звуку ихъ, собрались переправиться черезъ рѣку, чтобы присоединиться къ нимъ. Между-тѣмъ, какъ они отягивали лодку, раздались два выстрѣла и оба Индѣйца повалились въ воду. Оба были убиты. Наши передовые, которые до того скрывались за кустами, вышли изъ своей засады и принялись преспокойно скальпировать непріятелей, не обращая вниманія на стрѣлы, которыми Умбикви, видя себя отъ изумленія и ярости, осыпали нашихъ храбрыхъ воиновъ. Непріатели, въ бѣшенствѣ, выставились изъ за своей скалы. Случай былъ прекрасный и между-тѣмъ, какъ предводитель обернулся, чтобы взглянуть на редутъ, четверо его воиновъ упали, пораженные нашими пулями. Я и теперь какъ-будто еще слышу отравный вопль, послѣдовавшій за нашими залпами. Умбикви подобралъ своихъ мертвыхъ и побѣжали на востокъ, къ горамъ, въ надеждѣ укрыться тамъ отъ смерти. Ихъ оставалось уже только десять человекъ и всѣ были въ ужасномъ уныніи.

«Отъ передовыхъ мы узнали, что наши шесть человекъ, которые ходили въ колонію за оружіемъ, воротились и скрылись въ засадѣ неподалеку отъ редута. Поэтому мы рѣшились выйти изъ редута и слѣдуя по луговой тропицкѣ, со всѣхъ сторонъ отрѣзать непріятелю отступленіе. Умбикви попалъ прямо на засаду нашихъ воиновъ и оставилъ тамъ еще четырехъ изъ своихъ товарищей. Остальные разбѣжались по лугу и прятались въ разсѣлинахъ; по напрасно: до полудня всѣ они были убиты, за исключеніемъ только одного, которому удалось переправиться черезъ рѣку. Впрочемъ, и онъ не добрался до родины: долгое время спустя послѣ этого, Умбикви говорили, что никто не воротился изъ этой несчастной экспедиціи.

Мосье Біомэ до-сихъ-поръ имѣетъ честь быть дикаремъ и предводительствуетъ Змѣями.

СВИДАНІЕ СЪ МАДМОАЗЕЛЬ LENOIRMAND. Теперь, какъ знаменитая пноія девятнадцатаго столѣтія умерла, восточной рассказываетъ публикѣ свои таинственныя сношенія съ ней.

Вотъ между прочимъ разскажъ какого-то англійскаго джентльмена, недавно появившійся въ одномъ лондонскомъ журналѣ.

«Я всегда думалъ, говоритъ нашъ джентльменъ, что древніе оракулы, египетскіе жрецы, колдуны, гадалки и предвѣщательницы, считая въ томъ числѣ и Цыганокъ, должны быть люди очень ловкіе. Поэтому мнѣ чрезвычайно хотѣлось повидаться съ сибиллою нашего времени: я былъ твердо увѣренъ, что она, разумѣется, не умѣетъ читать въ будущемъ, но зато мастерски читаетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Я однако жъ долго противился этой прихоти: мнѣ было стыдно; но наконецъ искушеніе преодолѣло мою совѣстливость. Впрочемъ, я нисколько не надѣялся узнать что ожидаетъ меня въ будущемъ. Совѣсть нѣтъ. Многіе, даже бѣольшая часть людей мучатся желаніемъ узнать заранѣе что опредѣлила имъ судьба; я, напротивъ, всегда хотѣлъ идти съ закрытыми глазами навстрѣчу радостямъ и горестямъ, разбѣяннымъ на пути немъ; и еслибъ я думалъ, что мадамъ Ланорманъ можетъ открыть мнѣ будущее, я бы никогда не пошелъ къ ней.

Проходя мимо Лувра, я вспомнилъ ту ночь, когда честолюбивый епископъ Люсонскій услышалъ отъ своей любезной первое признаніе въ любви. Я взглянулъ на балконъ, откуда онъ кинулъ въ Сену драгоценный изумрудный перстень, который она подарила ему въ знакъ любви.

— Мое приношеніе «ортунѣ, въ залогъ мира! сказалъ епископъ, глядя, какъ перстень погрузился въ воду.

— Приношеніе будетъ принято, отвѣчалъ часовой, который стоялъ у дверей подъ балкономъ.

— Вотъ тебѣ за твое предвѣщаніе, сказалъ епископъ, бросивъ солдату полный кошелекъ золота: я знаю, что оно сбудется.

Герцогъ д'Эпернонъ говорилъ, что этотъ солдатъ заслуживалъ не награды, а наказанія; епископъ отвѣчалъ смѣясь:

— Вы это говорите, потому что онъ не вамъ предсказалъ.

Предсказаніе сбылось: Арманъ дю-Плесси сдѣлался вско-

ръ кардиналомъ, потомъ министромъ, а впоследствии неограниченнымъ властителемъ всего государства.

Въ мрачный февральскій день, часа въ три по полудни, я вошелъ въ домъ въ улицѣ Турнонъ, гдѣ мамзель Ленорманъ изрѣкала свои оракулы. Огромныя, сырыя стѣны и высокія строенія, окружавшія дворъ, надъ которыми разстилалось сѣрое небо, напомнили мнѣ таинственныя жилища старинныхъ астрологовъ, глубокіе и мрачныя колодцы египетскіе. Лѣстница, ведущая въ жилище Сибиллы, была плохо освѣщена, и ея мерновныя ступеньки, почернѣвшія стѣны, ясно говорили, что хозяйка мало заботится о мірскомъ. Глубокое безмолвіе и мрачность входа въ жилище шлои еще увеличивали невольный страхъ, съ которымъ многіе вступали въ святилище. Я дернулъ колокольчикъ; послышался глухой и продолжительный звукъ и вскорѣ явился престарѣлый слуга съ таинственнымъ видомъ. Онъ не сказалъ ни слова, но устремивъ на меня глаза съ совершеннымъ равнодушіемъ, казалось, безмолвно спрашивалъ, что мнѣ нужно. Я отвѣчалъ, что мнѣ нужно поговорить съ мамзель Ленорманъ. «Теперь нельзя», сказалъ онъ лаконически и притворилъ дверь, какъ бы для того, чтобы заставить меня уйти, однако жъ не затворилъ совѣтъ. Къ счастью, я понялъ его намѣреніе. Видя, что въ двери еще можно просунуть большой и указательный пальцы, я досталъ изъ кармана маленькой талисманъ, крайней-мѣрѣ такой же дѣйствительный, какъ талисманы знаменитой сибиллы, и не говоря ни слова пропустилъ его сквозь щелочку. Дверь тотчасъ растворилась во всю ширину и ротъ молчаливаго слуги то же. Подобно нѣмымъ невольникамъ, которые вводили посѣтителей въ мраморныя залы маговъ, онъ медленно пошелъ передо мною, прошелъ стѣни, отворилъ большую дубовую дверь, сунулъ меня туда и затворилъ за мною, предоставивъ самому поднять тяжелый занавѣсъ изъ зеленой шелковой матеріи, который висѣлъ изнутри.

Комната, въ которую ввели меня такъ не церемонно, была большая зала, мрачная и почернѣлая. Вызолоченный и полинялый карнизъ, полу-сломанная гѣбная работа, полу-истертые на потолокъ амуры, рассказывали прискорбную

исторію падшаго величія. Глубокая тишина царствовала въ этомъ покоѣ: туда не могли долетать умчанный шумъ и гулъ суетящейся толпы. Одинъ только звукъ нарушалъ безмолвное уединеніе посѣтителей цвѣи: однообразный бой большихъ стѣнныхъ часовъ, дѣлалъ это тяжелое безмолвіе еще болѣе замѣтнымъ. Широкое зеркало, потускнѣвшее отъ времени и черное какъ ледяная кора, покрывающая тихистое болото, отражало надъ кампномъ портретъ предвѣщательницы, висѣвшій на противоположной стѣнѣ. Манзель Ленорманъ представлена была въ цвѣтъ юности и очевидно, въ то время, когда была въ такой милости при дворѣ Наполеона: потому что, на портретѣ, она стоитъ на галереѣ тюильрійскаго дворца, смотритъ въ императорскій садъ и опирается на столъ, гдѣ посреди разныхъ принадлежностей ея званія находится знаменитый золотой кубокъ, который подарила ей императрица Жозефина.

Я слышалъ, что у питониссы всегда толпа посѣтителей, что въ передней едва можно дышать и теперь стыдился, видя, что я одинъ поддался слабости, надъ которою такъ часто смѣялся. Погрузившись въ размышленія, я, не зная почему, вспомнилъ объ одномъ изъ моихъ дядей, которому гадалыщица предсказала годъ его смерти и который дѣйствительно умеръ въ этотъ годъ. Я былъ совершенно увѣренъ, что опасеніе смерти ускорило кончину моего бѣднаго дяди и такимъ образомъ оправдало предсказаніе гадалыщицы; но, не сдѣлавшись суевѣриѣе прежняго, я сталъ меньше довѣрять самому себѣ и даже опасался, что начну бояться.

Чтобы разсѣять свои мысли, я сталъ внимательнѣе разсматривать комнату, гдѣ находился. Въ углу были разставлены во всю длину старинныя ширмы въ восточномъ вкусѣ, которыя имѣли чрезвычайно кабадистическую эзхиономію, потому что были декорированы по веѣмъ направленіямъ летающими и плавающими рыбами. Не знаю столбнакъ ли на меня напалъ надъ я, просто, трусилъ, но только я вмѣсто-того чтобы посмотрѣть вѣтъ ли кого за ширмами, не трогался съ мѣста. Наконецъ голосъ, подышавшійся въ сосѣдней комнатѣ, вывелъ меня изъ этого ве-

спрїятнаго состоянїя. Посмотрѣвъ черезъ ширмы, я увидѣлъ дверь, изъ-за которой выходили эти звуки. Вѣрно, за этой перегородкой было святилище, гдѣ пиенїа изъясняда предопредѣленїя оудьбы. Я сталъ прислушиваться и различилъ глухїя рыданїя, смѣшивавшіеся съ звуками чистаго и безстрастнаго голоса. Вскорѣ все затихло и снова воцарилось прежнее безмолвіе, прерываемое только шумомъ дождя, который хлесталъ въ окна и гуломъ вѣтру въ каминѣ, откуда онъ выгонялъ въ комнату облака пыли и пеплу.

Начинало смеркаться; я прождалъ уже съ часъ и, думая, что обо мнѣ забыли, сталъ искать глазами звонка; но звонка въ этой комнатѣ не было, вѣроятно, длятого, чтобы усмирить нетерпѣливость посѣтителой; наконецъ мнѣ стало скучно и я хотѣлъ уйти; но дверь была заперта. Не зная какъ убить время, я развалился на бержеркѣ, стоявшей подлѣ ширмъ и отдѣленной отъ нихъ только столбикомъ изъ бѣлаго мрамору, на которомъ лежала золотая табакерка, весьма старинная, какъ видно было по ея выдавшимся шарнерамъ и пуговкѣ въ видѣ полулунїа. Чтобы разсмотрѣть эту вещьцу я нагнулся и, зѣвая, хотѣлъ взять ее; но только-что я протянулъ пальцы, какъ изъ-за ширмъ выставилась женская рука, старая, сморщенная и костлявая, цѣту пергамена, прикрытая, но не скрытая, длинными полу-перчатками изъ чернаго кружева, какїя нашивали наши бабушки; у этой руки были костлявые пальцы, которые посерединѣ складокъ черной перчатки, подходили на ногти хищной птицы, окруженные мажеткою изъ черныхъ перьевъ.

Въ безмолвномъ удивленїи устремилъ я глаза на эту стародавнюю руку, а между-тѣмъ костлявые пальцы жадно набросились на табакерку и рука исчезла какъ призракъ, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда; впрочемъ, нѣтъ, этого нельзя сказать: она оставила слѣдъ, потому что кружевыя мажетки провели бѣлыя полосы на пыли столбика и мнѣ еще слышался скрипъ золота по мрамору. Я не успѣлъ объяснить себѣ этого явленїя, какъ дверь за ширмами довольно скоро растворилась; потомъ я услы-

шалъ что кто-то упалъ и чей-то голосъ вскричалъ, съ выраженіемъ изумленія и ужасу.

— Бабушка! И вы здѣсь?

Голосъ, который произнесъ эти слова, былъ свѣтъ и молодъ, но потрясенъ судорожнымъ волненіемъ. Эти страдальческіе звуки вывели меня изъ оцѣпенѣнія и я бросился за ширмы.

На полу лежала женщина, такая маленькая и изхудалая, что я принялъ бы ее за ребенка, если бъ не узналъ той самой руки, которая передъ тѣмъ такъ изумила меня. Эта женщина такъ странно скорчилась и свернулась, что не представляла человѣческой формы и скелетные ея пальцы судорожно мяли край широкой черной шубы, которая разстиралась вокругъ нея по полу. Я тотчасъ угадалъ, что съ ней случилось: она подслушивала, и дверь, вдругъ отворившись, сшибла ее съ ногъ. Пагнувшись къ ней, въ нѣмомъ безпокойствѣ, стояла молоденькая дѣвушка; длинныя ея локоны и нѣжныя черты лица производили волшебное дѣйствіе въ этомъ полу-свѣтѣ и подлѣ стараго лица, на которое она устремила западаканные глаза свои. Она была такъ блѣдна и прекрасна, что ее можно было принять за мраморную богиню, а усиливаясь поднять свою старую подругу, она походила на ангела, который хочетъ извлечь изъ бездны души, обремененную своими прегрѣшеніями.

Бѣдная дѣвушка была, очевидно, сильно взволнована: она дрожала всѣмъ тѣломъ и крупныя слезы катились съ лица ея на черное платье; я помогъ ей и осторожно поставилъ на ноги старуху, которой она не въ силахъ была поднять. Она поклонилась мнѣ съ большимъ благородствомъ и взявъ свою подругу подъ руку, вывела ее на середину комнаты. Старуха остановилась, чтобы прійти въ себя и проговорила какъ-бы во снѣ: *Начала добра и зла теперь борятся между собою; если вы не увидите его нынче вегеромъ, то вамъ никогда уже не увидите его.* Потомъ она прибавила раздрающимъ сердце голосомъ:

— О! я слышала.... я все слышала.

Между-тѣмъ, какъ онѣ стояли такимъ образомъ у окна, я прочелъ во всемъ ихъ видѣ длинную исторію страданій и нищеты. Онѣ были въ глубокомъ траурѣ и платья

нѣтъ, нетерпя, порывалась, обличала наветъ и страшную бѣдность и тщетное стараніе скрыть ее отъ свѣта.

Теперь наступила моя очередь прорывнуться въ свѣтъ. гдѣ нѣкогда издавала свои оракулы. Сцена, которой и былъ свидѣтелемъ, нѣсколько охладила мое философическое любопытство и возбудила во мнѣ негодованіе противъ той, которая привела этихъ несчастныхъ женщинъ въ такое отчаяніе. Но отказываясь отъ своего намѣренія было уже поздно, и я пошелъ въ соседнюю комнату.

Тамъ съ угасающимъ свѣтомъ пасмурнаго дня смѣшивалось гробовое мерцаніе лампы, прикрытой зеленымъ тulle-широномъ; за столѣмъ, гдѣ она стояла, были кожаная кресла съ высокими задниками, перпендикулярнымъ, узкимъ и усѣянными нѣжными гвоздиками; эти кресла по-мнѣнію походили на гробъ, поставленный прямо; въ нихъ сидѣла предвѣщательница. Какъ искусная актриса, она сама оставалась въ тѣни, а весь свѣтъ лампы падалъ прямо на стулъ, назначенный для посѣтителей. Впрочемъ, кромѣ этой предосторожности и amazonки темнаго цвѣту, которая была на сибилѣ, ничто не обнаруживало ея кабалистическихъ претензій. По своему черному бархатному току съ мѣхомъ, нѣтъ-подъ котораго выставялось нѣсколько рыжеватыхъ локоновъ, она больше походила на улана, чѣмъ на колдунью; что касается до большой колоды картъ, разложенной передъ нею и нѣсколькихъ старыхъ книгъ, истасканныхъ и изорванныхъ, то, конечно, всякой предвидѣлъ, что они должны были находиться на ея столѣ и потому это не обращало на себя ни чьего вниманія. На томъ же столѣ стояла сафьянная шкатулка съ портретомъ императрицы Жозефины и золотой кубокъ, ея же подарокъ; теперь онъ служилъ кружкой, въ которую посѣтели клали свои приношенія.

Лицо у нѣеи было круглое, плоское и какъ-нельзя болѣе земное; замѣчательнаго въ немъ не было ничего, кромѣ выраженія и хитрой подвижности свѣтлыхъ голубыхъ глазъ, которые не устремляясь пристально ни на что, казалось, проникали въ самые сокровенные изгибы человеческого сердца.

Я пришелъ, чтобы проникнуть тайну ея успѣховъ и крошечной репутации и потому мнѣ было очень любопытно

что она, не слышав ни слова, торопясь вела свои карты и велела мнѣ схватить лѣвой рукой. Потомъ она снова стала сама писать, и начала раскладывать, а между-тѣмъ спрашивала близко мнѣ жить, какое животное и какіе карты и болше люблю.

Я замѣтила, что конура она говорила, глаза ея были потуплены; но потомъ, ожидая моего отвѣта, она подняла ихъ и прямо устремила на меня искривленный взглядъ.

Само собою разумеется, что девять изъ десяти разъ этотъ вопросъ былъ совершенно непримѣнителенъ для воспитателя и приводилъ его въ некоторое смущеніе, а она, напротивъ, пользовалась этой минутой, чтобы незаметно изучать его интонацію. Прямая ея пронацательность, долговременное упражненіе и глубокое знаніе вещей природы давали ей возможность, въ болшей части случаевъ, читать на лицѣ своего воспитателя, какъ по книгѣ, которіи ихъ вкусовъ и склонностей, ихъ общественнаго положенія, прошедшей жизни и теперешнихъ заботъ, свидѣваясь въ моменты ихъ будущаго. Мнѣ говоривая, что въ шумчавши ея всегда было какъ-то неясно и потому сомнѣнія ея съ ними всегда непреодолимы и холодны. Она боялась ихъ пронацательности, ихъ инстинктивности, ихъ оптимизма, и потому съ своимъ всегда принимала бурный видъ, чтобы оттолкнуть ихъ отъ себя своимъ непримѣнностію. Но съ теченіемъ, она ощущала всю полноту своего могущества, и, утрачивая своей пронацательности, дала всю своему воображенію, сама вѣрила предсказаніямъ, которыя вышала изъ потупленныхъ глаза, дрожащій голосъ и нескромный жестъ воспитателя. Любопытно было бы посмотреть, какъ она съ зловиднымъ наслажденіемъ играетъ своими огромными чувствами сердца и заставляетъ трепетать бедную дѣвушку, которая, можетъ-быть, прибѣжала къ ней упрямой, чтобы получить отъ силы преисподнихъ дѣлъ отъ чьихъ отнимаютъ ей небо и люди.

Я не стану переизвѣщать предсказаній ея мнѣ въ то время не было ничего важнаго; еяму только, что ожиданіе мое съ мамзель Ленорманъ продолжалось сполчаеа; что въ это время, она говорила безпрерывно устремить потупленные, полу-закрытые глаза въ карты, раскладываемыя на столе

что, взглянувъсь въ лѣвъ, я увидѣлъ обыкновенныя въ гадальныхъ картинъ фигуры: повѣшеннаго, казненнаго, самоубійцы; тузы востали изъ череповъ на крестообразно расположенныхъ костяхъ, а черви означены каждами прови.

Карты были изгабленыя и грязныя.

Наполеонъ волшебница встала и позвонила въ колокольчикъ. Черная кошка, сидѣвшая во все время освѣщенія на ручкѣ кресла, соскочила на полъ, какъ-бы зная, что теперь она уже не нужна; отворилась маленькая дверь и вышелъ тотъ же молчаливый, таинственный слушитель, который впускалъ меня.

Маленькая Лекорнакъ поклонилась мнѣ довольно граціозно и я молча пошелъ за своимъ проематикъ, но уже черезъ другія комнаты (въ чомъ, вѣроятно, заключалось какое-нибудь таинственное казѣреніе) я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ довольно пріятный запахъ кушанья.

Сходя съ лѣстинцы и не рѣшившись еще пуститься подъ дождь, который былъ нуще прешнаго, я востунилъ на что-то твердое. Я нагнулся и поднял эту вещь. Въ это время привратникъ шелъ черезъ дворъ съ фонаремъ, чтобы зажечь лампы на лѣстинцахъ; свѣтъ фонаря умалъ на мой руку и — воображеніе мое удивленіе — я увидѣлъ ту самую золотую табакерку, которую такъ таинственно понесли у меня въ залъ, гдѣ я дождался приѣма. Старуха, вѣроятно, уронила ее, когда подбирала платье, чтобы перейти черезъ грязный дворъ. Такимъ образомъ мнѣ попался подъ руку вредлогъ, чтобы пойти къ этимъ несчастнымъ, если только отыщу ихъ квартиру; потому что ревнивая торопливость, можно сказать даже жадность, съ которою эта табакерка была вырвана у меня изъ рукъ, возбудила мое любопытство, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ я убѣдился, что эта вещь принадлежала дамѣ благовоспитанной, свѣтлой; а противоположность благородныхъ манеровъ незнакомокъ съ ихъ почти нищенскою одеждою, заставляла меня предпологать, что онѣ находятся въ томъ ужасномъ положеніи, гдѣ воспоминанія прошедшаго дѣлаютъ настоящія страданія еще болѣе нестерпимыми. Я былъ увѣренъ, что исторія ихъ должна быть чрезвычайно занимательна и что онѣ имѣютъ вужду въ пособіи и утѣшеніи.

Я снова принялся разсматривать табакерку. Она была превосходной работы и, вѣрно, стоила очень дорого. На крышкѣ былъ вырѣзанъ гербъ, старинный, «социальный» гербъ съ крестомъ крестовыхъ походокъ. Этотъ значекъ минувшей славы былъ окруженъ живною, зеленою гирляндой изъ виноградныхъ листьевъ. Я позитивно открылъ эту аристократическую вещь и забылъ въ средѣ шпирера маленькую пуговку; я пожалъ ее: дно крышкы отдылилось и за нимъ открылся прелестный миниатюрный портретъ молодого человека во всемъ цвѣтѣ мужественной красоты. Близна лица, меляхолическое выраженіе «эпикоміи», свѣтло-русые волосы, обстриженные прямо на лбу и спускающіеся длинными локонами по плечамъ, и бѣсъ-полу-мужикаго, полу-воинскаго костюма этого молодого человека, показали бы, что онъ Вандеецъ. Подъ портретомъ было выгравировано имя Керадекъ; и надъ нимъ маркизская корона.

Въ это время привратникъ возвращался въ свою конюрну; я принялся его разспрашивать и онъ сообщалъ мнѣ адресъ дамъ, которыя меня такъ заинтересовали. Онъ узналъ его случайно. Стоя у воротъ, онъ слышалъ, какъ, двѣнадцатилетняя бабушка.

— Боже мой, какая ужасная погода! А Западная Улица такъ далеко!

На другой день я вышелъ около полудня съ двора, чтобы отыскать квартиру маркизы де-Керадекъ. Это удалось мнѣ. Привратникъ одного дома, довольно порядочнаго снаружи, но очень грязнаго внутри, сказалъ мнѣ, что маркиза де-Керадекъ и внучка ея мадамозель Солянтъ де-Керадекъ дома.

— По лѣстницѣ вальво, въ шестомъ этажѣ, дверь съ правой стороны, прибавилъ онъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ пошелъ я по узкой, грязной лѣстницѣ. Каждый этажъ былъ зараженъ разными видами нищеты и то, что я видѣлъ сквозь полу-отворенныя двери нѣкоторыхъ квартиръ, показывало мнѣ всѣ виды крайней бѣдности. Это былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые такъ много въ Парижѣ, которые наполнены съ головы до самой кровли работниками всякаго роду; несчастными

которые во всю жизнь свою борются съ нищетой, семействами, которые не запирають дверей своихъ потому, что имъ нечего скрывать, нечего беречь. И между-тѣмъ вся эта община бѣдняковъ, очевидно, питала почтительную привязанность къ бѣднымъ дамамъ, которыя жили наверху. Въ четвертомъ этажѣ я остановился отдохнуть и спросилъ у одной старухи, которая вытряхивала одѣяла, далеко ли мнѣ еще идти; она отвѣчала мнѣ съ вѣжливостію, съ видимымъ участіемъ и, обратившись къ мужу, прибавила:

— Слава Богу, это кто-то къ нашимъ сосѣдкамъ.

Наконецъ я взобрался въ шестой этажъ и прилепился къ стѣнѣ, чтобы перевести духъ. Площадка имѣла самый жалкій видъ, даже еще болѣе жалкій, чѣмъ въ другихъ этажахъ, однако жъ представляла разительную противоположность съ другими частями лѣстницы. Потолокъ составляла кровля, но нигдѣ на стѣнахъ не было нечистоты, ни малѣйшей паутины; полъ былъ тщательно выметенъ и даже порогъ у дверей недавно вымытъ. Къ дверямъ была прибита аспидная доска съ надписью, въ которой приходившихъ просили занисать тутъ свое имя, если они никого не застали, и сказать вачѣмъ приходили. На доскѣ была только слѣдующая фраза, написанная, очевидно, человѣкомъ непривычнымъ къ письменнымъ дѣламъ.

— Булочникъ Пиншонъ за должкомъ. Придетъ опять черезъ часъ.

Мнѣ стало грустно при мысли, что у бѣдной маркизы, вѣроятно, давно уже не бывало другихъ посѣтителей, кромѣ кредиторовъ. Я потянулъ за заячью ножку, привѣшенную къ веревкѣ отъ колокольчика; звонилъ нѣсколько разъ и довольно громко: отвѣту не было. Досадуя, что дверь не отворяется, я хотѣлъ уже идти внизъ, намѣреваясь разбранить привратника за то что онъ заставлялъ меня взобраться такъ высоко, не зная навѣрное дома ли маркиза де-Керадекъ. Но на ступенькахъ узкой лѣстницы остановилъ меня человѣкъ, который шелъ съ открытымъ письмомъ въ рукахъ; мучныя пятна на его платѣ, ясно показывали, что онъ булочникъ.

— Такъ, видно, и васъ не впустили, вскричалъ онъ

съ досады. У дикъ видно такъ. Вотъ уже я четвертый разъ призожу за милостивымъ долгомъ; предлагаякъ известъ каждаго, что онъ обѣ во все утро не выйдеть; а проше какъ сумасшедшій, а онъ не отворяютъ. Ну, да ужъ теперь я не отстану, покада онъ не отпрутеть.

И онъ прудился знонеть такъ сильно, что тутъ не обрвалъ проводки. Дверь не отворялась. Булочникъ сталъ на колѣна, чтобы посмотрѣть въ замочную скважину. Пробывъ нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи, онъ вдругъ вскочилъ, блѣдный какъ смерть и сказалъ нѣкогда дышающимся голосомъ:

— Тутъ что нибудь не такъ. Ужъ живы ли онъ? Надо было выломать дверь. Подождите меня здѣсь: я обѣгаю за слесаремъ; только не говорите ничего жильцамъ, а то они подымутъ такой гвалтъ, что небудоракутъ весь околотокъ.

Булочникъ побѣжалъ съ лѣстницы и я остался одинъ, тревожный изумленіемъ и страхомъ. Я не смѣлъ повернуться къ этой занертой двери. Черезъ нѣсколько времени Гринионъ воротился съ слесаремъ; за нимъ шли трое или четверо молодыхъ ремесленниковъ. Въ Парикъ ничтѣ не упроечал; особенно рабочій классъ съ чудными изобрѣтеніемъ угадываетъ, когда надобно бросить работу, чтобы почувшиться сильными ощущеніями и набрать предметовъ для болтовни.

Замокъ былъ тотчасъ отпертъ; но дверь представляла еще легкое сопротивленіе. Дѣло въ томъ, что изнутри она была завѣшана толстымъ одѣяломъ. Булочникъ обернулся ко мнѣ и съ мрачнымъ видомъ покачалъ головою. Онъ вошелъ первый и я съ трепетомъ последовалъ за нимъ. Мы скоро угадали горькую истину. Сильный запахъ горящихъ угольевъ приготовилъ насъ къ ужасному зрѣлищу, которое насъ ожидало. — Мы все остановились, никто не рѣшался идти впередъ. Въ комнатѣ, гдѣ мы находились, было такъ темно, что ничего невозможно было рассмотреть; а я уже чувствовалъ, что угаръ подымается мнѣ въ голову. Булочникъ бросился къ окну, сорвалъ одѣяло, которое оно было завѣшено, разбилъ кулакомъ стекло и пророчно отворилъ окно. Онъ вскрикнулъ при видѣ сцены, которую освѣтили лучи солнца.

Дѣвушка, блѣдная и неподвижная, сидѣла передъ своимъ иждивцемъ, приложившись къ спинкѣ кресла.

— Она словно будто спитъ, сказала одинъ изъ молодыхъ ремесленниковъ, которые пришли съ нами.

— Да, только уже не проснется, вскричалъ Пиншонъ, схвативъ руку дѣвушки и съ умасомъ опустивъ ее: она уже оледѣла.

Смерть застала ее за работою: несчастная дѣвушка держала еще въ рукѣ иглоку, которою шила. Глаза ее были закрыты. Она имѣла спокойную, безмятежную физиономію спящаго ребенка: на ней былъ бѣлый простой пеньюаръ и солнце разливало золотистый свѣтъ свой на ее волосы, расыпавшіеся кокетливыми локонами по плечамъ.

Ясно было, что она умерла спокойно, въ мирѣ со свѣтомъ и съ самой собою. Не такова была смерть старой маркизы де-Керадекъ. Она стояла на колѣнахъ у кресла своей внучки; руки старухи были сложены какъ-бы для молитвы; голова поднята, или лучше сказать закинута назадъ: послѣдній взглядъ ее былъ устремленъ на внучку. Свѣтъ прекраснаго змняго дня падалъ прямо на ее лицо, искривленное предсмертными муками и отчаяніемъ, и неподвижные стекловатые глаза ее были такъ страшны, что одинъ изъ свидѣтелей этой горестной сцены, съ вѣжностію чувства, которой нельзя было бы и ожидать отъ грубаго ремесленника, поспѣшилъ задернуть занавѣску окна, чтобы это мертвое лицо оставалось въ тѣни.

На столѣ лежала бумага, написанная мелкимъ, нетвердымъ почеркомъ; несвязныя фразы это духовной еще болѣе показывали нравственное разстройство той, которая ихъ писала. Въ бумагѣ было сказано:

«Невозможно дольше бороться съ судьбою. Отъ нея не уйдешь. Рука предопредѣленія сильнѣе волнъ человѣческой. Наступилъ часъ освобожденія. Мы скоро отдохнемъ отъ отчаянія и нищеты, которыя повсюду насъ преслѣдовали и привели туда, гдѣ мы теперь: на край пропасти.... Соланжъ, милая моя Соланжъ! Она не знаетъ, что узы, связывающія ее съ этимъ міромъ, будутъ скоро разорваны. Она замучилась работою и заснула на своемъ шитьѣ. Теперь одиннадцать часовъ, а она сегодня ничего не ѣла и ни

минуты не отдыкала. Радуйся, благодари меня, моя нилая ты проснешься на небѣ. Теперь полночь, — свѣтъ еще не пришелъ и уже не придетъ никогда. Та, которая умѣетъ читать въ книгѣ судьбы, сказала что соемъ мы на уладивъ его вынче вечеромъ, то намъ уже никогда съ минъ не видаться. Онъ, вѣрно, покинулъ свѣтъ еще прежде насъ и она только, по добротѣ, не хотѣла сказать намъ этого прямо. О, какъ я была безразсудна, что хотя на минуту отырала сердце свое надеждѣ. Кто первый войдетъ сюда, тогда прошу покорибѣше поискать здѣсь въ комнатѣ золотую табакерку, которую я сегодня потеряла. Прошу его не забыть, что мнѣ нечего было ѣсть, нечего надѣть, что я не рѣшилась продать этой табакерки, потому что она одна осталась мнѣ послѣ сына, который умеръ, храбро сражаясь на зеленыхъ равнинахъ нашей Ванден. Я цѣлый вечеръ искала этой табакерки, и не нашла. Голова у меня кружится и зрѣніе помутилось.... часы бьютъ половину... Я не услышу ихъ болѣе.... Надобно....»

Тутъ перо выпало изъ рукъ маркизы, какъ показывало чернильное пятно, подъ которымъ исчезло послѣднее слово.

Никогда не забуду я того что переживалъ въ этотъ ужасный день; до-сихъ-поръ видѣ этихъ двухъ труповъ мучить меня иногда посреди самаго шумнаго веселья, и я не разъ видывалъ ихъ во снѣ.

Я послалъ за докторомъ, хотя былъ совершенно увѣренъ, что нѣтъ болѣе никакой надежды. Уги, причинившіе смерть этихъ несчастныхъ женщинъ, совершенно испепелились и, при малѣйшемъ движеніи, по комнатѣ разлеталась облака бѣлой пыли.

Непристойно было оставлять смерть на позорище тогда (потому что комната мало-по-малу наполнилась народомъ); но никто не имѣлъ права трогать труповъ до прихода полицейскаго и тогда только можно было освободиться отъ любопытныхъ посѣтителей.

Маркиза де-Керадекъ и ея внучка были на другой же день положены въ одной могилѣ. Я шелъ за гробомъ и, возвратившись домой, нашелъ у себя приглашеніе явиться въ полднію, чтобы сдѣлать показаніе о кончинѣ этихъ

неисчислимыхъ. Я тотчасъ явился въ контору намѣстника комиссара и нашелъ тамъ булочника Пиншона, котораго поведовіе, повеленіе съ чувствительности и пріятія, совершенно изменило мое мнѣніе, неблагоприятное мнѣніе о его характерѣ.

Сдѣлавъ показаніе, я хотѣлъ отдать мирному судѣ золотую табакерку, которая все-еще оставалась у меня, какъ вдругъ одинъ изъ его канцелярскихъ чиновниковъ поднялъ голову и вскричалъ:

— Керадекъ! вы говорите маркиза Керадекъ? Не даше-ли вамъ третьяго дня какой-то господинъ приходилъ и спрашивалъ, не знаемъ ли мы этого имени и не оттавалъ покуда мы не перерыли всѣхъ нашихъ книгъ. Онъ говорилъ, что искалъ уже этихъ дамъ во всѣхъ другіяе округахъ Париза и готовъ бы былъ дать все на свѣтѣ, чтобы отъѣхать маркизу де-Керадекъ. Онъ былъ въ отчаяніи, видя, что мы совсѣмъ не знаемъ этого имени и оставилъ намъ свой адресъ на случай, если мы какъ-нибудь услышимъ о ней.

Чиновникъ подалъ мнѣ визитный билетъ, на немъ было выгравировано: полковникъ аргентинской службы де-Керадекъ.

Я взялъ адресъ, рѣшившись не выпускать табакерку изъ рукъ, пока не поймаю съ полковникомъ. Веротившись домой, я написалъ къ нему записку и на слѣдующее утро онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Полковникъ былъ молодой человекъ, высокаго роста, молодецъ собою, съ загорѣлымъ лицомъ. Я никогда его не видывалъ, однако жъ тотчасъ узналъ: такъ онъ похожъ былъ на портретъ, вѣшанный въ табакерку маркизы. Онъ уже зналъ все подробности смерти своихъ родственницъ, потому что императоръ мирнаго суда тотчасъ послѣ меня побѣжалъ къ нему, чтобы сообщить эти горестныя вѣсти. Я радовался, что онъ уже знаетъ ихъ: тяжело было бы видѣть первые перыны его отчаянія.

Онъ былъ въ величайшемъ уныніи и говорилъ съ какими-то судорожными движеніями. Отдавъ ему табакерку, я рассказалъ какимъ образомъ она попала мнѣ въ руки. Онъ очень хорошо ее помнилъ и не могъ безъ слезъ взглянуть на нее, потому что портретъ въ крышкѣ былъ цоу-

срѣчь отца его, Мис разговаривался о его родственничествѣ
мать, по-видимому, немилосиво обласкала смерть его. Подлин-
никъ рассказывалъ шѣмъ все чѣмъ истерично дѣлалось, чтобасъ
алечь бабушку и сестру изъ нищоты. Она переносила все
возможныя лишения и труды въ знойномъ климатѣ, сражал-
ся почти непрерывно и вѣселей дѣлъ подвергалъ жизни
одну опасность. Въ послѣдніе шѣлцы смерти приближеніи
въ Америку, онъ былъ въ походѣ во внутренніи земли и
писема его, съ нѣсколькими вѣстками, не дошли до его род-
ственниковъ, а самъ не зналъ гдѣ онъ живуть, потому что самъ
даже не получалъ отъ нихъ ни строчки: вѣроятно, что нѣкъ
писема тоже затерялись.

Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ употребилъ все возможныя
старанія, чтобы отыскать бабушку и сестру, былъ въ по-
чтарахъ всѣхъ морей и даже послѣ того самъ оставилъ
дѣло, который отдалъ шѣмъ, и еще разъ выходя въ по-
лицію.

— Когда жь это, позволила вамъ спросить сивалъ шѣмъ
нѣкоторую досадою.

— Третьяго дня.

— Въ которомъ мѣсцѣ?

— Въ четыре. Но я опоздалъ: всѣ чиновники уже разо-
шлись.

Я молчалъ, немилосиво слова сивалъ: начинала доброе
смерть бороться. Если вы не увидите его нѣлече вѣтеронъ,
то не увидите уже никогда».

Если бы манзель Ледорманъ не уничтожила отъ шѣмъ
глубиннѣмъ предвѣщаніемъ послѣднюю смерть, оставившю-
ю въ душѣ маркизы послѣ столтннхъ несчастій, если бы
она не повергла въ отчаяніе уже уже ослабѣвшій,
то несчастный молодой человѣкъ воспользовался бы шѣмъ
длинн долговременннхъ трудовъ своихъ.

Полковникъ де-Нерадекъ снова отиравался въ Южную
Америку. Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, онъ, изучивъ
лихорадочною тревожностію человека, глубоко огорченна-
го, пошелъ къ манзель Ледорманъ, и обвинялъ ее въ
нн, обвиняя въ томъ, что она была причиною смерти
несчастныхъ его родственничъ.

Сивалла со вниманіемъ выслушала рассказъ его, и не-
сколько не тронутая, холодно сказала:

тѣмъ же покорностью замъ, какъ збрыи мои предвѣща-
ція.

Потомъ преспокойно поклонилась и вышла изъ кон-
чины.

Зачемъ я не дошла никуда. *Послать кимо лоской лиме-
ротурѣ.* Разсказъ, который мы сообщаемъ нашимъ чита-
телямъ въ дополненію къ статьѣ о лодкѣ китовъ, неиз-
вѣстной въ предѣлахъ нашей книжки, одна изъ любимыхъ не-
терій американскихъ моряковъ. Матросы разсказываютъ
ее иногда въ такомъ видѣ; мы даже оставили при ней нѣс-
колько анекдотовъ и фантастическихъ подробностей, которыми
прираскло на воображеніе читателей краснорѣчивъ.

Жилъ была кашалотъ, огромный прогонимый, толстый
претолстый, и былъ тотъ кашалотъ бѣдный-бѣдхонень, а
зубища-то у него были сажаки въ три дюйма. Немы оста-
вили матроскій дѣль и стали разсказывать шротыиъ
человѣческииъ. Этотъ кашалотъ избралъ своимъ пребыра-
ніемъ сѣверное полушаріе, воды, соединяя съ вѣчными льда-
ми, которыя не подпускаютъ человѣка къ морю. Неустра-
шимый и лютый, онъ никогда не убѣгалъ отъ непріят-
ля, а напротивъ, видя его, тотчасъ поворачивалъ къ не-
му лавстрѣду и безразсудный китоловъ, который не побо-
лся подождать его, дѣлалъ жертвою морскаго зѣбра: на-
чалотъ хваталъ дѣтѣмъ барказы и съ людьми, и приносилъ
члѣвъ, амбрасыдалъ. Такъ погибли многіе китоловы:
изъ самыхъ знаменитыхъ. Наконецъ богатѣйшій изъ коню-
гадскихъ корабле-хозяевъ, обидѣлъ все свое имущество
и вдобавокъ дочь въ замужество тому, кто одолѣетъ чудо-
виднаго кита. Многіе неустрашимцы моряки поддались на
эту приваду; но ни одинъ изъ нихъ ею не поддался.
Трагическая и въ концѣ отдала смѣлость у самыхъ отваж-
ныхъ и долгое время никто уже не вызвался приобрьсть
обидѣнную награду. Наконецъ одинъ молодой Шведъ явилъ
ся къ корабле-хозяину и сказалъ съ удивительной само-
увѣренностію:—Завтра я отправляюсь, а черезъ два мѣ-
сяца буду вашимъ зятемъ. Онъ былъ статенъ и хорошъ со-
бою; широкія плеча его подавали купцу большую надежду,
и дѣвушка, въ награду обѣщанная побѣдителяю ка-
шалота, не безъ чувства смотрѣла на молодого человѣка,
который соединялъ въ себѣ такую красоту съ такимъ му

жизни. Она даже пожелала не отдавать руки и сердца никому кромѣ прекраснаго Шведа, чѣмъ бы ни кончилось его отважное предприятие.

Онъ отправился въ путь. Добравшись до 72° 45' сѣверной широты, гдѣ обыкновенно разгуливали чудовища, Шведъ началъ: пройсировать, и боялся только одного — не падти случайно вылезать свою силу и ловкость и приобрести руку предмета любви своей. Но этотъ случай скоро представился. Однажды утромъ, когда солнце только-что поднялось, морщин услышалъ страшный шумъ, подобный рычанію африканскаго льва. Они поглядѣли и увидѣли китриговъ, котораго давно искали. Китъ шель прямо къ нимъ, и шумъ, происходящій отъ воды, которую онъ выбрасывалъ сверху на десять версту.

— На баркавъ! закричалъ молодой шкиперъ.

Никто не слушался; всѣ взглянули при видѣ страшнаго зѣбра.

— А! Вы боитесь, чтобы онъ васъ не съѣлъ живыми; а посмотримъ направится ли когда я разозлится на васъ головы, предельная онъ, схватитъ теплоръ и страшно шепталась мать. Шестъ человекъ со мной; кого убью!..

Речь была убедительная. Всѣ, которые по меньше дружить труслили, спустили баркавъ и съѣли. Сходя туда, шкиперъ сказалъ: двадцать рублей тому кто будетъ работать храбро; смерть тому кто струситъ!..... Ребята, кашалотъ только въ миле отъ насъ; гребни прямо къ нему и онъ у меня съ перваго удара копьемъ, начнетъ кровь выбрасывать.....

Но матросы дрожали всѣмъ тѣломъ и гребли такъ плохо, что баркавъ съ мѣста не двигался. «Право, думали они, гораздо бы лучше не сходить съ корабля. Что Бога живить!.... Этотъ кашалотъ не то что кашалотъ какой-нибудь, а самъ Вельзевулъ въ китовой кожѣ, котораго небо послало для того, чтобы наказать китолововъ за грѣхи»..... И они усердно крестились.

— А, мерзавцы, вскричалъ шкиперъ, видя что они гребутъ все хуже и хуже, помѣръ-того какъ опасность приближается: грестъ сильнѣй! нето я разобью додку ногой и потоплю васъ какъ собакъ! Что вы дрожите? Мало ли

кашалотовъ мы перебили? И этого убьемъ. А, вотъ: ошь... теперь ужъ назадъ поздно.

Онъ схватилъ гарпунъ и сталъ дожидаться кашалота. Чудовище всё несло вперёдъ, разинувъ пасть и сверкая глазами. Водъ оно близко. Молодой шкиперъ, стоя въ положении гладиатора, подвигалъ вооръ къ ношу, вздохнулъ о родинѣ и милой и размахнувшись въ послѣ сины бросилъ гарпунъ.....

— Чортъ возьми! Таванъ, таванъ съ обшкъ! вскрикнулъ онъ.

Крюкъ, брошенный едальною рукою и въ самое нѣжное мѣсто, разбился, какъ стекло, въ дребезги; попла, который Шведъ нанесъ ударъ прямо въ грудь кашалота; разлетѣлось въ куски. Несчастный шкиперъ, оставшись безъ оружія, зашатался и упалъ прямо въ лавъ кита. Только косточки захрустѣли; потомъ изъ пасти чудовища показалась кровавая пѣна. Храбрый шкиперъ востергилъ муку, не испустивъ ни крику, ни жалобы. Товарищи его, видъ себя отъ ужасу, не имѣли даже силы помолиться Богу и почти безъ памяти ложили на днѣ барказа. Они ждали смерти, но страшный кашалотъ, обшкъ ихъ черной, вонючей жидкостью, заревѣлъ и ушмыгъ.

Когда они воротились на корабль, ужасъ и смутеніе тамъ еще увеличилось. Страхъ былъ такъ великъ, что никто даже не пожалѣлъ о несчастномъ шкиперѣ, который между-тѣмъ во весь волягъ былъ добръ и снходителемъ канъ-нелъа болѣе.

— Пойдемте назадъ! кричали матросы ошцелу, который послѣ смерти шкипера, остался командиромъ корабля: это море проклято! этотъ кашалотъ самъ діаволь! онъ и корабль разобьетъ. Зубы у него такіе, что онъ ребры кораблю переломаетъ, а однимъ ударомъ хвоста сдѣлаетъ такую течъ, что мы какъ-разъ пойдемъ ко дну.

— А! вы хотите итти назадъ? сказалъ ошперъ.

— Да, да, капитанъ, сегодня же, тотчасъ.

— Ну, такъ тѣмъ хуже, ребята, потому что я хочу оставаться здѣсь, вскричалъ онъ, вскочивъ на ютъ, чтобы господствовать надъ всѣмъ сборищемъ; и горе тому кто заговоритъ о Давиш, прежде чѣмъ мы забагримъ этого ка-

— Флябустерскую. И вѣтъ, братъ, эту морскую торговлю надобно бросать; она въ добру не поведетъ, да и толку въ ней мало. Помнишь, мы съ тобой ограбили три корабля Индѣйской Компаніи; товаровъ и денегъ досталось на нашу долю въ валя, а много ли у насъ теперь? Ровно нисколικο. У каждаго изъ насъ было сахару и пренивъ кореньевъ столько, что было бы чѣмъ нагрузить, да и загрузить голету въ это тонновъ, а, изволишь видѣть, косо-во мы теперь теперь безъ сахару; а въ пушкѣ у насъ кореньевъ ни круочка. Богатства у насъ промало складъ руки чертова пренасть; а мы всё-таки бѣдны. Знаешь ли отчего?

— Да, я думаю, оттого; что все промотали.

— Вотъ, со-то и есть, Владіахъ. Мы теперь спашивъ съ сабсой въ рукахъ на лучшей корабль, готовы переплыть весь экивакъ, а своего добра уберечь не умѣемъ.

— А чѣмъ, навичамъ, сирецца Владіахъ, умѣ разгориченный пушникъ: мы не обростаемъ ли въ кошакъ?

— Надѣлае мѣ въ все это, крикнулъ Жакъ, ступивъ во всю мочь кулакомъ по столу: смерть надѣло; рысони въ море афть двадцать, а всё голъ какъ осологъ! А, кашкетъ, что ужъ я не дѣлалъ, чтобы разбогатѣть!

— Да ужъ, конечно, дѣлалъ всѣмъ манеромъ, спазалъ Владіахъ, который, употребивъ величессе подлинное пушну, начиналъ забывать должное уваженіе къ начальнику.

— Ахъ, ты инга ветодинъ! Я тебя вагъ-то въ малоси сдѣлалъ ошперогъ; а ты еще изволишь толковать вакой вадаръ. У тебя у самого на дунѣ больше преступленій, чѣмъ волосъ на башкѣ. Или ты забылъ ужъ не надѣлалъ на дорогѣ между Амстердама и Лондономъ?

— Сосра-то мѣла въ прелатонъ! Эка, есть о чери говорить: этакимъ старымъ, а безъ того ему пара башкѣ ушаривъ. Да, вѣдь, навичъ, мы работали тутъ вѣсть.

— Да, конечно, вѣсть; когда мѣ дужны дѣлать, вѣшь вѣшу со всѣми кардиналами прѣдѣтъ на вѣсь вѣди. Толи я еще дѣлалъ въ Индіа. Вотъ ужъ тамъ-то я дѣлалъ, чѣмъ собина доброй пароды. Мѣлъ вѣдь чѣленивъ дѣлѣнать гулякъ-молодцовъ. Мы въ капоинбуддѣ вѣсь обобра-дѣ вѣлѣтѣмъ своимъ богатый наводъ на Коринѣ вѣлькомъ берегу. И вѣдѣмъ были въ отпѣлѣмъ. Чѣмъ у вѣльмѣмъ мѣ черезъ вѣло дѣло дѣлѣ вѣтомъ ограбили тонца вѣрѣтѣмъ

же неаяскую часовню. На мой пай изъ этихъ двухъ призовъ досталось таки-довольно и если бъ я тратилъ только по двадцати нѣастровъ въ день, такъ у меня половина этого добра еще оставалась бы, даромъ-что съ-тѣмъ-поръ много лѣтъ прошло. Да что ты тутъ прикажешь дѣлать! Я всегда кутилъ какъ-будто мнѣ остается всего-на-всего только одинъ сутки прожить; а при такой манерѣ частенько заснешь на пуховикѣ, а проснешься на кучѣ навозу.

Съ той минуты какъ Жакъ назвалъ Вилліама негоднымъ юнгой, тотъ пересталъ пить и курить; даже онъ немножко протрезвился, выпивъ холодной воды. Но померѣ-того, какъ онъ оправлялся, Жакъ плясѣлъ все болѣе и болѣе и по всему было видно, что онъ скоро свалится подъ столъ.

— Капитанъ, сказалъ Вилліамъ Смитъ: тяжело будетъ намъ на томъ свѣтѣ отвѣчать.

— Э, ужъ я лѣтъ двадцать ничего не боюсь.

— Счастье ваше. А я такъ боюсь. Иногда какъ-будто совѣстно. Вотъ только сватить фортуны за чунрынь, а совѣсть какъ тутъ, и кричить: стой!

— Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже для тебя. Этакъ ты во всю жизнь будешь нищимъ. Я, какъ она мнѣ говоритъ: стой! кричу: пошла прочь! Зато я и буду богатъ, и скоро. Ты вѣдь, дуралей, вѣрно удивилъ когда я буду однимъ изъ самыхъ богатыхъ и почетныхъ гражданъ Копенгагена, да еще, можетъ-быть, городскимъ старшиною.

— Вы?

— А какъ бы ты думалъ? Развѣ ты не знаешь, что хозяинъ нашего корабля обѣщалъ дочь и все свое имѣніе тому, кто убьетъ бѣлаго кашалота? А я чѣмъ хуже этихъ господчиковъ, которые такіе же моряки, какъ моя бабушка?

— Капитанъ, сказалъ Смитъ, покачавъ головой: нашъ Инседъ былъ храбръ, силенъ, ловокъ.... однако жъ.... правду вамъ сказать, я то же думаю, что въ этомъ кашалотѣ что-нибудь да не проста: я самъ своими буркамадами видѣлъ, какъ гарпунъ и копье этого бѣднаго молодого человѣка разлетѣлись въ дребезги на кожѣ кашалота, а у того хоть бы кровинка показалась....

— Ты называешь бѣднымъ молодымъ человѣкомъ этого

себѣму Шледа, когда онъ разъ захъ-то хотѣлъ разска-
зать мени!

— За то, что ты назывался какъ стелька и дѣлалъ се-
вѣшь не то что онъ велѣлъ.

— Ахъ, ты, поросенокъ! Ты оскорбляешь капитана! вскри-
чалъ Жакъ, хотѣлся броситься на своего немощака. Но
вино и не такого смѣла съ ногъ сшибало. Онъ не могъ
подняться со стула и выражалъ ярость свою только
ужаснѣйшими ругательствами и проклятіями.—А! ты руга-
ешься надъ капитаномъ!...

И онъ сунулъ руку за поясъ, чтобы достать пистолеты,
но ихъ тамъ не было: сядешь обѣдать, онъ, по обыкновен-
ію, полегилъ ихъ подъ изголовье своей койки.

Увѣренный въ безмощность, Вилліамъ свѣдѣлъ надъ
его безсильнымъ гнѣвомъ и продолжалъ надѣяться надъ
капитаномъ.

— Ну, что гутъ говорить, водяная крыса, ты такъ
былъ пьянъ, что принялъ бизань-матту за гротъ-матту.
Вотъ ровно мѣсяць назадъ ты не былъ пьянъ. Помини
ты этотъ день или, бнишь, эту ночь? А, га, помини, пер-
завецъ, видно помини: ты дрожалъ и северная рука твоя
поблѣднѣла. Погода была такая гадкая, что мы лежали въ
дрѣвѣхъ. Часовъ въ одиннадцать вечера ты неслазь всю заху
спать, говоря, что на палубѣ въ вдвоемъ съ мнѣю управ-
витесь. А когда онъ ушелъ, что ты дѣлалъ свѣтъ съ огнемъ
проклятымъ Португальцемъ, который съ-тѣхъ перъ сдѣ-
лался твоимъ винономъ и сообщникомъ? А? Говори
толково.

— Вилліамъ! вскричалъ Жакъ громкимъ голосомъ, под-
нявшись наконецъ со стула.

— А, га! Не бойсь, протрезвился? Нужды нѣтъ: я тебя
не боюсь.

Онъ толкнулъ капитана опять на стулъ, приближалъ къ
пистолетамъ и прицѣлился въ Жака. Тотъ остолбенѣлъ
отъ такой дерзости.

— Говори правду, закричалъ Смилъ, нето убью тебя
собаку. Говори всю правду, а нето проклятый твой носъ
вывалится въ пуншь!

Эта страшная угроза протрезвила капитана, но ноги его

еще не слушались. Безъ оружія, во власти чловѣка кровожаднаго, онъ сидѣлъ разинувъ ротъ и свѣсивъ руки, не смѣлъ сказать ни слова, не смѣлъ пошевелинуться, зная что въ такомъ случаѣ Смитъ тотчасъ бы спустилъ курокъ. Тотъ стоялъ передъ нимъ съ пистолетомъ въ каждой рукѣ и смотрѣлъ на капитана съ звѣрскимъ видомъ, который не предвѣщалъ ничего добраго.

— Ну, что жъ, сказалъ Вилліамъ; говори, что вы съ юнгой въ эту ночь дѣлали? Вы думали, что васъ никто не видитъ; а я былъ тутъ подлѣ тебя. Жакъ! Я своими глазами видѣлъ, какъ ты разжегъ горнъ, разкалилъ гарпуны и конья и потомъ сунулъ въ воду, такъ что они непременно должны были разлетѣться въ куски при первомъ ударѣ. Ну, правда нѣтъ нѣтъ?

— Правда.... но....

— Такъ по твоей милости капитанъ попалъ въ глотку въ кашалоту. А одинъ волосокъ этого капитана стоялъ всею твоею туши. И ты думаешь, что получишь цѣну крови? Ты воображаешь, что будешь однимъ изъ богатѣйшихъ и почетнѣйшихъ гражданъ Копенгагена! Нѣтъ, братъ, стара штука! Преступленія-то мнѣ не надо. Возьми его все себѣ. А имѣнья-то хозяйна половину мнѣ, не то....

И онъ принцадлся.

Жакъ былъ чловѣкъ храбрый, но умирать ему не хотѣлось. Онъ обещалъ все, чего Вилліамъ ни требовалъ и даже осмѣлился призывать въ свидѣтельство имя Божіе.

Но Вилліамъ хорошо зналъ его; онъ покачалъ головою и сказалъ, съ улыбкой недоумѣтельности:

— На твои клятвы такъ же можно положиться, какъ на гнилой корабль. Ты уже неразъ доказывалъ, что отъ обещанъ до исполненъ такъ же далеко, какъ отъ норда до зюйда. Но въ этотъ разъ ты сдержалъ слово, а некто, вернувшись въ Копенгагенъ, я доведу и тебя, молодца, четвертую какъ убійцу и пирата.... А правду сказать, пробормоталъ онъ сквозь зубы, если бъ я надѣялся самъ справиться съ кашалотомъ, такъ давно уже всадилъ бы тебѣ двѣ пули въ голову.

Эта сцена танулась тамъ долго, что Жакъ успѣлъ со

всѣмъ оправиться. Изъ благоразумія онъ всё-еще притворялся слабымъ, а между-тѣмъ сърыми своими глазами слѣдилъ за всѣми движеніями противника, выжидая случая броситься и вырвать у него пистолеты. Онъ только ихъ и боялся, потому что, схватившись съ Вилліамомъ въ рукопашную, онъ сломалъ бы его какъ тростнику. «Одинъ изъ насъ лишній на свѣтѣ, думалъ Жакъ... при первомъ удобномъ случаѣ надобно спровадить этого молодца къ чорту!» Потомъ; улыбнувшись, какъ только могъ, ласковѣе, онъ протянулъ руку къ тому, кого бы съ наслажденіемъ задушилъ.

— Полно дурачиться, Вилліамъ, сказалъ онъ: по рукамъ. Кчему намъ ссориться? Подѣлимся честно по-поламъ, да, пожалуй, я въ придачу и невѣсту тебѣ отдамъ: я, вѣдь, всѣхъ одалыкъ на свѣтѣ отдамъ за горсть дублоновъ, да за пипу рому.

И онъ захохоталъ во все горло.

Вилліамъ тоже бы засмѣялся, но вдругъ послышался шорохъ въ сосѣдней каморкѣ, гдѣ жилъ юнга.

— Кто-то насъ подслушивалъ! вскричалъ онъ нахмурившись: и кто бы то ни былъ, его надобно.... (Тутъ онъ стлалъ жестъ очень выразительный)... Не трогайся съ нѣста, не то я тебѣ башку размозжу, прибавилъ онъ, обращаясь къ Жаку, который приподнялся-было, какъ-бы дитя того, чтобы посмотреть кто тамъ зашумѣлъ. Потомъ, съхвативъ лампу, Вилліамъ бросился въ сосѣднюю каморку, вышибъ ногою запертую дверь и вытащилъ оттуда за волосы молодато челоуѣка лѣтъ семнадцати.

Этотъ молодой челоуѣкъ, какъ двѣ капли воды походилъ на Жака. Они, дѣйствительно, были братья, хотя неизвѣстно почему скрывали это. Безбородый морякъ былъ стройный, ловкій, прекрасный мальчикъ. Его звали Антоніо. Жакъ любилъ Антоніо изъ всѣхъ силъ мощной души своей: онъ былъ для него лучшимъ изъ братьевъ, какъ для купеческихъ судовъ ужаеиѣишимъ изъ пиратовъ. Онъ берегъ и холмилъ этого мальчика какъ дѣвочка свою куклу. Дарилъ ему шали на кушакъ, шубы, цѣпочки, перстни такіе, что принцесса могла бы позавидовать. Желаніе сдѣлать обожаемаго брата счастливымъ, было одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ всѣхъ преступленій Жака.

Въ физическомъ отношеніи они очень походили другъ на друга, въ нравственномъ еще больше. На душѣ Антоніо, правда, еще не было ни одного убійства, но онъ былъ въ доброй школѣ и подавалъ большія надежды.

— Ну, миссъ, сказалъ Вилліамъ, тряся Антоніо во всю мочь: говори, зачѣмъ ты была здѣсь, когда тебѣ велѣно оставаться на палубѣ?

— Я очень усталъ, такъ хотѣлъ вздремнуть немножко, отвѣчалъ Антоніо съ величайшимъ хладнокровіемъ.

— Хотѣли вздремнуть, сеньора? сказалъ смѣясь Вилліамъ.

— Отчего это вы говорите со мной, какъ съ женщиной? Развѣ я не мужчина.

— Какой ты мужчина, когда ты всякой день чешешься и завиваешься, щеголекъ проклятый! Ты здѣсь слуга, а ты всѣмъ повелѣваешь! Всѣ матросы словно твои лакеи.

— Ну, что же дальше? спросилъ юнга съ досадой.

— Вишь какъ ты любопытенъ! Ну, да ничего, я малой добрый, пожалуй скажу. Извольте видѣть, мой милешкой. Ты узналъ что мы съ Жакомъ задумали. А такъ какъ намъ повѣренныхъ не нужно, то я сейчасъ отправлю тебя едять на тотъ свѣтъ.

— Вы не убьете меня! сказалъ Антоніо рѣшительнымъ тономъ, но не трогаясь съ мѣста.

— Неужто? А кто жъ бы мнѣ помѣшалъ, моя милая?

— Я! вскричалъ мальчикъ.

И, проворный какъ шафера, онъ схватилъ за дуло пистолета, который былъ направленъ ему въ грудь. Вилліамъ старался вырвать пистолеть; но уже поздно. Жакъ однимъ прыжкомъ набросился на него, одной рукой обезоружилъ, другою повалилъ и сжалъ его какъ въ тискахъ.

— Теперь попался! вскричалъ онъ страшнымъ голосомъ: Антоніо! Подай гвоздей и молотокъ. Я его приколочу къ полу. О, его надобно помучить порядкомъ!....

— Нѣтъ, сказалъ небрежно прекрасный Португалецъ, направляя передъ зеркаломъ свою разстроенную прическу: я не хочу, чтобъ ты его мучилъ. Убей только, да и дѣло съ концомъ.

— О, сказалъ хриплымъ голосомъ побѣжденный: не

нучь меня, Жакъ; ужь я не прошу, чтобъ ты оставилъ меня въ-живыхъ; а только ради Бога, не нучь меня!....

— Онъ дѣло говорить; посади ему пулю въ лобъ, да и полно, прибавилъ Антоній, преспокойно наливъ себѣ стаканъ пуншу и пробудь его.

— Но, вскричалъ Жакъ въ бѣшенствѣ: убить его не помучивши, значитъ почти простить!.... Онъ не такъ великодушень.... Онъ цѣлый часъ мучилъ меня нещелосердо.

И онъ сдвинулъ ему колѣнкомъ грудь, такъ что у несчастнаго глаза чуть не выскочили.

— Да полно тебѣ! вскричалъ Антоній, топнувъ съ досадою ногою: вы оба кричите какъ сумасшедшіе; со-всѣмъ оглушили меня.

— Ну, пусть будетъ по-твоему, избитованный ребенокъ, сказалъ Жакъ. Чтобы убить такое слабое животное, нужно и оружія: довольно одного пальца....

И схвативъ жертву свою за волосы, онъ такъ ударилъ ея головою объ полъ, что черепъ разлетѣлся. Вилліамъ испустилъ только глухой вздохъ; густая, черная кровь хлынула у него изо рта, и онъ умеръ. Жакъ вынесъ на палубу, безъ усилія неся трупъ одной рукою, и бросилъ его за бортъ, какъ-будто это была дохлая собака. Когда онъ воротился въ каюту, Антонію сидѣлъ за столомъ и курилъ изъ прекрасной трубки емъеъ лондонскаго табаку съ сандалнымъ деревомъ.

— Если завтра, сказалъ Жакъ, усамивалось податъ него: если завтра кто-нибудь изъ экипажа спроситъ куда дѣвался храбрый Вилліамъ, скажи....

— Я скажу, что онъ отправился во своен: къ чорту.а:

Антонію налилъ себѣ еще стаканъ пуншу, вынулъ его разомъ и сказалъ, прищелкнувъ языкомъ:— Не душень. Оувано изъ я пивалъ и лучше....

— Знаешь ли ты, Антонію, вѣдъ ты избавлялъ меня отъ смерти, и я бы долженъ былъ любить тебя еще больше вѣрнннго.... если бъ только это было возможно.

И зачуетишь пальцы въ густые локоны Антонію, Жакъ смотрѣлъ на него съ истинно-отцовскою вѣжностью.

— А между-тѣмъ ты хочешь жениться. У тебя будутъ жена, дѣти.... А объ Антонію ты и забудешь, Жакъ!

— Ты очень знаешь, что этому никогда не бывать. Ес-

ли я женюсь, такъ только для того, что это лучшее средство разбогатѣть. Дай мнѣ только прибрать приданое въ рукамъ, такъ я своей почтенной супругѣ исполню, да и вонъ. Уѣдемъ куда-нибудь по-дальше отъ Копенгагена, въ тѣ счастливыя земли, гдѣ солнце виднѣтъ всякой Божій день. Такъ, что-ли?

— Дѣло. Поѣдемъ въ Неаполь. Ты мнѣ купишь хорошенькую лошадь и я стану всякой вечеръ скакать по берегу моря.... Кстати, Жакъ: у меня есть до тебя просьба. Ты не откажешь, братъ?

— Говори, что такое?

— Нѣтъ; скажи сначала: да.

— Такъ, видно, это очень трудно! Ну, пожалуй: да; скажи только что ты хочешь.

— Завтра ты убьешь кашалота. Это вѣрно; у насъ будетъ куча денегъ...

— Ну?

— Ну такъ... закажи вѣчную обѣдню за упокой души Шведа.

Мальчикъ обнялъ шею пирата и съ живѣйшимъ безпокойствомъ ожидалъ его рѣшенія.

— Согласенъ, сказалъ тотъ глухимъ голосомъ. Все?

— Нѣтъ; есть у меня еще обѣтъ.... но этотъ я самъ исполню.

— Что еще?

— Я обѣщанъ Падуанской Богоматери свѣчу.... если мы убьемъ кашалота.... но ужъ свѣчу....

— Ба! вскричалъ Жакъ, но въ этотъ разъ уже самымъ веселымъ тономъ: вѣрно, свѣчу длинной и толщиной съ фрегатную бизань-мачту? Оно будетъ немножко дорого, хотя, конечно, воскъ въ Копенгагенѣ дешевъ.

— Нѣтъ, не такую толстую; но въ двадцать фунтовъ, съ бархатной рукояткою и съ золотыми лядьями.

— О, го, милый мой, продолжалъ пиратъ, сжимая обѣ руки Антоніо въ своихъ и стараясь придать своему голосу какъ-можно болѣе нѣжности: дѣлай что угодно, только люби одного Жака.... я тебя только и люблю на свѣтѣ.

Оба просидѣли нѣсколько времени задумавшись.

— Послушай, братъ, сказалъ наконецъ Антоніо: когда

мы разбогатѣемъ, отчего бы намъ не поѣхать въ Лиссабонъ, на родину?

— Что намъ тамъ дѣлать! У насъ тамъ нѣтъ ни родныхъ, ни пріятелей.

— Если бъ матушка была жива....

— Тебѣ было еще только четыре года, когда она умерла. Я одинъ былъ съ нею и принялъ послѣдній вздохъ ея.

— А батюшка? Кто былъ нашъ отецъ?

— То же морякъ. Однажды онъ пустился въ море и, какъ многіе другіе, не воротился.

Было уже поздно, и оба они имѣли нужду въ отдохновеніи. Прощаясь съ молоденькимъ братомъ, Жакъ не благословилъ его: у него не могло быть такого патриархальнаго обычая; но поцѣловалъ его въ лобъ и пожелалъ ему покойной ночи.

Часовъ въ шесть утра Жакъ всталъ, свѣжъ и веселъ. Наканунѣ онъ обогрѣлъ руки въ крови трехъ человѣкъ, но на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшихъ угрызений совѣсти.

— Антоніо еще не вставалъ. Жакъ сказалъ ему шутя:— Хочешь ѣхать со мною искать кашалота?

— Ты, вѣрно, думаешь, что я струшу? вскричалъ Антоніо, вскакивая съ постели: ѣдемъ.

— Я приказываю тебѣ остаться на кораблѣ! сказалъ Жакъ, едва удерживаясь отъ смѣху.

— Приказываешь! Ну, такъ я ѣду, и ты меня не удержишь.

— Я велю посадить тебя въ кандалы.

— Ёдемъ: я готовъ.

— Невозможно. Не ходи за мной на палубу, а чего а при всѣхъ велю тебѣ остаться.

— Власть ваша, капитанъ: но какъ-скоро вы уѣдете, я подожгу корабль и тогда ворочайтесь въ Копенгагенъ, какъ знаете!

— Вѣдь отъ него станется! сказалъ Жакъ, кусая губы. Нечего дѣлать: пойдѣмъ. Я буду за тобой присматривать.

И онъ сталъ выбирать изъ кучи лучшія копья и гарпуны.

— Смотри, не возьми по ошибкѣ, тѣ, которыя мы съ тобой обработали. Ты знаешь, что они не болѣе надежны.

— Не безпокойся. Это копье изъ самаго мягкаго желѣза, какое только есть въ Германіи, и ковано въ Англіи. Я уже пробовалъ его не на одномъ китѣ. А на этотъ гарпунъ я надѣюсь какъ на свою руку. Онъ ужъ мнѣ неразъ служилъ; авось и нынче не измѣнитъ. На всякой случай, я возьму еще вотъ этотъ, и если бѣлый кашалотъ не самъ чортъ, такъ мы поживимся его масломъ.

— Баркавъ! вскричалъ онъ, выходя на палубу.

Его не смѣли ослушаться: двадцать человекъ бросились къ баркаву.

— Мнѣ надо только пятерыхъ, сказалъ онъ улыбаясь.

— Убирайся-ка ты отсюда, сказалъ Антоніо одному Датчанину огромнаго росту: я вмѣсто тебя поѣду. А что, радъ не бойсь?

И этотъ гигантъ, который кулакомъ разможилъ бы Антоніо, ушелъ, не сказавъ ни слова. Онъ, какъ и всѣ, преклонялся передъ любимцемъ капитана.

— Греби! вскричалъ Жакъ, сѣвъ на свое мѣсто и давъ брату самое легкое весло. Не робѣй, ребята, бояться нечего: Антоніо видѣлъ сегодня прекрасный онъ.

— Что такое? Что такое? вскричали суевѣрные матросы.

— Мнѣ привидѣлось, севпогес, будтокто-то, такой свѣтлый, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что никто изъ васъ, братья, не погибнетъ въ водѣ; всѣ вы..... будете повѣшены. Но полно болтать: поглядимъ лучше не видно ли Большеротаго.

— Правда твоя, сказалъ Жакъ. Гляди, ребята, и кто первый увидитъ его, тому два золотыхъ.

— Мало, сказалъ Антоніо, который всталъ чтобы лучше видѣть: дашь четыре, такъ я покажу его тебѣ теперь же.

— Ну, пожалуй, четыре. Гдѣ жъ онъ?

— А вотъ въ двухъ миляхъ, подъ вѣтромъ, Видишь, какъ онъ дуетъ!

— Въ двухъ миляхъ подъ вѣтромъ, повторилъ Жакъ, устремлявъ свой орлиный взглядъ на указанное мѣсто. Да,

да, вотъ онъ! Бросай весла и подымай парусъ. Вѣтеръ свѣжій, какъ разъ донесетъ.

Барказъ летѣлъ какъ стрѣла и морями вскорѣ догналъ своего страшнаго противника.

— Неужто онъ вздремнулъ? сказалъ одинъ матросъ, удивляясь, что кашалотъ неидетъ къ нимъ на встрѣчу: онъ плыветъ какъ старая бочка.

Видно, чудовище было въ этотъ разъ не въ обыкновенномъ расположеніи духа. Кашалотъ видѣлъ, что лодка идетъ прямо на него; однако жъ не повернулъ къ ней на встрѣчу, а, напротивъ, собирался бѣжать; но, какъ воинъ, привыкшій побѣждать, который въ первый разъ даетъ тылъ, удалялся медленно, не рѣшаясь, бѣжать ли или повернуть на встрѣчу непріятелю. Когда уже до него оставалось не больше четверти мили, Жакъ вслѣлъ убрать парусъ и приударить въ весла. Стоя на носу лодки, онъ, съ гарпуномъ въ рукѣ, хладнокровно наблюдалъ за всеми движеніями кита.

— Слушай! вскричалъ онъ, не оборачиваясь.

Эта команда и положеніе капитана показали матросамъ, что страшная минута близко. Потомъ онъ вдругъ вскричалъ:

— Тавань! тавань! Пускай канить!

Всѣ поблѣднѣли отъ страха.

Гарпунъ, брошенный сильной и мѣткой рукою, глубоко впился въ бокъ кашалота. Китъ ударилъ хвостомъ по морю, такъ, что приплюснулъ бы слона; потомъ обернулся, и, разинувъ пасть, бросился на непріятеля, но Жакъ предвидѣлъ это движеніе. Онъ размахалъ другой гарпунъ и бросилъ. Крюкъ попалъ прямо въ грудь чудовища. Китъ запрыгалъ, обогрѣя море кровью, кинулся на лодку, чтобы раздробить ее зубами, но лодка увертывалась. Наконецъ силы его стали истощаться. Кровь лилась рвкою изъ раны. Движенія стали медленнѣе. Глаза, прежде столь блестящіе, потускнѣли. Тутъ Жакъ опять началъ наступательныя дѣйствія. Лодка подошла близѣхонько къ кашалоту. «Стой!» вскричалъ капитанъ, и однимъ ударомъ копья убилъ страшнаго звѣря.

Большая радость была въ Коннегагенѣ, когда увидѣли,

что корабль входитъ въ портъ, выкинувъ, въ знакъ торжества, національный флагъ на большой мачтѣ. Счастливецъ извѣстіе скоро дошло до богатаго хозяина, который въ то время игралъ въ шахматы съ однимъ изъ своихъ компаніоновъ. Старикъ дотого обрадовался, что смѣшалъ игру, хотя побѣда склонялась уже на его сторону, и побѣждалъ сообщить эту пріятную вѣсть дочери.

Когда хозяинъ корабля вступаетъ въ свое плавучее владѣніе, шкиперъ отдаетъ ему тѣ же почести, какъ на военномъ кораблѣ капитанъ своему адмиралу. Подлѣ національнаго вымпела развѣвается его собственный. Вообразившея на корабль, старикъ тотчасъ спросилъ:

— А гдѣ жъ мой любезный зять?

— Одѣвается, отвѣчалъ Антоніо, который при этомъ важномъ случаѣ принялъ на себя обязанность церемоніймейстера. Принимая хозяина, онъ довольно нагло посматривалъ на дочь его. Бѣдняжка была блѣдна, ноги ея дрожали, сердце сильно билось отъ какого-то страшнаго предчувствія.

— Одѣвается! вскричалъ старикъ: онъ, однако жъ, не слишкомъ торопится на встрѣчу невѣстѣ.

— Нарядите, отвѣчалъ Антоніо, но... Да вотъ и онъ!

Жакъ вышелъ на палубу. Костюмъ его былъ простъ, но красивъ. Замшевое исподнее платье его доходило только до колѣнъ и не скрывало его жилистыхъ ногъ; шуба, небрежно наброшенная на плеча, придавала его походкѣ еще болѣе смѣлости и рѣшимости. За поясомъ у него былъ богатый кинжалъ, который уже перазъ бывалъ въ дѣлѣ. Жакъ былъ, можно сказать, красавецъ, когда физиономія его была спокойна и не выражала злобныхъ страстей, которыя прекраснѣйшее лицо дѣлаютъ отвратительнымъ.

— Но, сказалъ хозяинъ, это не....

Губы дѣвушки носили и ледяной трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея членамъ.

Слегка поклонившись той, которой рука принадлежала ему по праву побѣды, Жакъ коротко и ясно отвѣчалъ хозяину:

— Тотъ, кого вы избрали, погибъ; я заступилъ его мѣсто и кончилъ дѣло благополучно.

— О, Боже мой! вскричала дѣвушка.

Но старикъ, не обращая вниманія на это восклицаніе, взялъ руку побѣдителя и дружески пожимая ее, сказалъ:

— Вы храбрый человекъ и вы будете моимъ зятемъ.

Какъ-скоро эти роковыя слова были произнесены, дѣвушка вскричала: — Никогда! и бросилась въ море.

— Спасите дочь мою, вскричалъ старикъ въ отчаяніи.

— Надебно спасти приданое, сказалъ вполголоса Антоніе, собираясь броситься въ море.

— Вода слишкомъ холодна для тебя, сказалъ Жакъ останавливая его; потомъ, сбросивъ съ себя шубу, нырнулъ и вскорѣ явился на поверхности воды, держа одной рукой дѣвушку, которая еще не совсѣмъ лишилась чувствъ. Добрый старикъ перешелъ отъ жестокаго отчаянія къ живѣйшей радости. Въ восторгѣ онъ обнималъ всѣхъ, кто попадался ему подъ руку, въ томъ числѣ и Антоніо.

— Странно, подумалъ тотъ, обтирая щеку: несмотря на все свое богатство, этотъ тестюшка мнѣ совсѣмъ не нравится.

Несмотря на сопротивленіе и слезы дѣвушки, на третій день послѣ этого она была женою Жака. Какъ-скоро медовый мѣсяцъ прошелъ, Жакъ и Антоніо уѣхали тайкомъ изъ Копенгагена и увезли столько золота, что было бы чѣмъ двухъ муловъ навьючить. Послѣ узнали, что они были во Флоренціи, въ Римѣ, въ Неаполѣ, потомъ въ Сициліи, потомъ въ Сардиніи.... а потомъ, и слѣдъ пропалъ.

Исторія довольно странная, но она не покажется невероятною тѣмъ, которые знаютъ, что недавно случилось съ однимъ французскимъ китоловнымъ судномъ. Этотъ корабль выслалъ противъ кашалота три лодки. Китъ, разъярившись не извѣстно отчего, потому что еще не былъ раненъ, бросился на ближайшую лодку и раздробилъ ее зубами; матросы успѣли бинуться въ море и доплыли до другой лодки, но и эту постигла та же участь, а третья, собравъ всѣхъ упавшихъ въ воду, какъ-бы чудомъ избавилась отъ ярости страшнаго звѣря.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Un Ménage parisien*, *Парижскіе супруги*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ, господина *Bayard*'а.

У славнаго города Парижа, въ числѣ другихъ страстей и слабостей, есть одна, довольно забавная: онъ страхъ любить рисовать собственные свои портреты. Посмотрите сколько книгъ написано Парижанами о Парижѣ, начиная съ *Tableau de Paris*, *Merciè*, проходя черезъ «Пустышниковъ» академика Жуи и его безчисленныхъ подражателей, черезъ «Парижскія цепи» Бальзака и оканчивая знаменитыми *Mystères de Paris* Евгенія-Сю. И не подумайте, чтобы онъ сталъ льстить себѣ; о, нѣтъ, напротивъ: онъ всегда представляетъ себя въ дурномъ видѣ. Если вѣрить Парижу на-слово, то Содомъ, Гоморръ, Ниневія, Вавилонъ, Римъ временъ Императоровъ, Венеція временъ Совѣта Десяти, въ сравненіи съ нимъ деревни, въ которыхъ царствуетъ сельская простота, невинность буколическихъ временъ.

Парижъ стоитъ только на одномъ, что онъ до крайности остроуменъ и до крайности вѣтренъ. Последнее онъ доказываетъ тѣмъ, что двѣсти лѣтъ смотритъ всё одни и тѣ же семь или восемь трагедій, которыя и въ первый день своего созданія были не слишкомъ занимательны. А впрочемъ, онъ всегда готовъ признаться, что онъ негодяй, развратникъ, въ состояніи убить папешку и мамешку, похитить жену ближняго, если только она не вытолкаетъ его за дверь и надѣлать множество подобныхъ неприличностей.

Парижъ хвастается. Онъ совсѣмъ не такъ чудовищенъ, какъ самъ себѣ воображаетъ. Парижъ, городъ дурно построенный, тѣсный, грязный и не красивый, но городъ честный, гдѣ, благодаря газовымъ фонарямъ, жандармамъ, полицейскимъ комиссарамъ, городовымъ сержантамъ и шпионамъ, таинственнаго ничего нѣтъ, да и быть не можетъ. Преступленій тамъ не больше, чѣмъ въ другихъ столицахъ, а разврату, можетъ-быть, и меньше.

Какъ бы то ни было, вы можете быть увѣрены, что на языкѣ Парижанина «Парижскіе супруги» должны быть очень дурные супруги. Оно такъ и выходитъ, хотя съ перваго взгляду кажется иначе.

Дѣло вотъ въ чемъ. Мосѣ и мадамъ де-Вернанжъ, оба хороши и любезны; она царица всѣхъ баловъ; онъ душа всѣхъ обществъ; онъ любитъ ее, она любитъ его. Чего балъ, кажется, лучше? А выходитъ, что ничего хуже и придумать невозможно. Отчего же мадамъ де-Вернанжъ, столь блестящая въ свѣтъ, дома горюетъ и плачетъ? Отчего она такъ испугалась, когда узнала, что какое-то письмо, которое она получила распечатанное, прошло черезъ руки одного мосѣ Сальбри, человѣка нескромнаго, болтуна, ослетника, овѣтскаго клеветника? Отчего, когда сынъ ея отъ перваго брака, милой ея Луи, который съ честью дрался въ Уллоа, возвращается въ родительской домъ, въ ласкѣхъ ея сыну есть что-то принужденное, будто она въ чемъ-то виновата, чего-то стыдится, будто признаніе въ такомъ-то проступкѣ всегда готово сорваться съ ея языка? Погодите. Скоро все узнаете.

Въ Шербурѣ, на кораблѣ, гдѣ служить Луи, былъ балъ. На этомъ балѣ Луи чрезвычайно понравилась одна дѣвушка, дочь богатаго мосѣ Герве. Кстати Герве даетъ балъ, въ самый день пріѣзда Луи. И онъ отправляется туда съ маменькой и отчимомъ.

Балъ въ самомъ разгарѣ. Юношество усердно пляшетъ. Зрѣлый возрастъ не менѣе усердно играетъ въ карты. Мадамъ де-Вернанжъ ловкими маневрами искусно отвлекаетъ мосѣ де-Сальбри въ уголокъ къ окну, и тамъ, употребивъ всѣ средства позволительнаго кокетства, старается выведать, читалъ ли Сальбри извѣстное вамъ письмо, содержаніе котораго вы не знаете. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ не читалъ, или, какъ человѣкъ бывалый, поостерегся, только онъ ни въ чемъ не признался. Между-тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ сколько молодыхъ людей, утомленныхъ танцами, собрались въ кружокъ и толкуютъ, разумеется, о женщинахъ, и между прочимъ о томъ, отчего мадамъ де-Вернанжъ такъ печальна.—Она ревнива, сказалъ одинъ.—Не мудроно, отвѣчалъ другой: если бѣ Вернанжу вздумалось ее бросить, ничтѣ ему не мѣшаетъ.—Это отчего?—Оттого, что они совсѣмъ не женаты.—Ложь! вскричалъ кто-то.—Это кто говорить?—Я, сынъ той, на которую вы клеветаете.

Само-собою разумѣется, что за такимъ некрасивымъ словечкомъ слѣдуетъ вызовъ.

Исторія пошла ходить по городу, дошла и до Герве. Честные Герве, конечно, не выдадутъ дочери за сына... незамужней супруги. Но—подъ конецъ все улаживается; и въ одинъ прекрасный день къ сосѣднему меру являются двѣ пары: папенька женится на маменькѣ, сыночекъ на своей любезной.

Говорятъ, что въ этой пьесѣ много прекрасныхъ мѣстъ. Она имѣла большой успѣхъ.

Есть французская пословица, которая говоритъ: *Là, où il n'y a rien, le roi perd, son droit*; а русская пословица, которая значитъ то же самое, говоритъ короче, яснѣе и выразительнѣе:—На нѣтъ и суда нѣтъ. Такъ не посѣтуйте на насъ, если мы на этотъ разъ расскажемъ вамъ очень немного: гдѣ жъ взять когда нѣтъ? Есть, коли хотите.

2. *Le Laird de Dumbucky*, *Лсрдъ Думбикки*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ прозѣ, господина Александра Дюма.

Но какая жъ вамъ надобность знать ея содержаніе, когда она рѣшительно упала? Jules Janin, который современн своей душой съ Дюма хвалитъ всѣ его произведенія, говоритъ о ней между-прочимъ слѣдующее: Конечно, это произведеніе не безъ упреску, далеко оттого; комедія совершенно невозможная, нелѣпая; съ исторіей, съ людьми авторъ обходится такъ неуважительно, что критика не можетъ не возставать противъ этого. Что касается до интриги, то затворите одну изъ десяти дверей, которыя безпрестанно отворяются въ гостиной перваго дѣйствія, въ гостиницѣ втораго, въ спальняхъ трехъ послѣднихъ актовъ, и комедія уничтожена. А послѣ этого Jules Janin принимается расхваливать остроуміе автора; но это остроуміе, разумѣется, заключается въ разговорѣ и, слѣдственно, въ изложеніи содержанія пьесы необходимо должно пропасть. Что жъ вамъ до нея?

Изъ водевилей можно упомянуть, да и то развѣ немножкомъ, только о двухъ слѣдующихъ:

3. *Madame veuve Boudenois*, *Вдова Будноа*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господина Fournier.

Мадамъ Будира вдовушка и нельзя сказать, чтобы неутѣш-

ная. Правда, впрочемъ, что покойникъ Будноа былъ большой негодяй и черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы уѣхалъ въ Америку съ какой-то жрицей одной прелестной богини. За что же вдовушкѣ губить свой вѣкъ, тѣмъ болѣе, что мужъ ея, проживъ въ Америкѣ съ годъ, возвращался въ Европу на пароходѣ, который взлетѣлъ на воздухъ?

Сердце вдовушки, но только одно сердце, давно уже отдано мосью Эдуарду; теперь она отдаетъ ему и руку. Нотариусъ уже тутъ; стѣнитъ только подинсать свадебный договоръ, какъ-вдругъ является—кто бы вы думали?—покойникъ Будноа. Онъ, къ несчастію, дорогой пересѣлъ на другой пароходъ и на воздухъ не взлеталъ. Все кончено. Нѣтъ болѣе любви; нѣтъ болѣе счастья. Но Будноа добръ, какъ почти всѣ повѣсы. Видя, что жена не любитъ и не можетъ любить его, онъ объявляетъ ей, что бракъ ихъ, заключенный въ Англии, не утвержденъ во Франціи и, следовательно, не имѣетъ законной силы. Онъ самъ ходатайствуетъ о расторженіи этого брака; возвращаетъ женѣ свободу и снова уѣзжаетъ въ Америку, а она выходитъ за Эдуарда.

4. *La Veille du Mariage.* Наканунъ свадьбы, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

Леонъ де Марсѣ женится, не дальше какъ завтра, на Леонтинѣ. Онъ знатенъ, она богата и въ-добавокъ они страстно другъ друга любятъ; но ни онъ ни она не хотятъ въ этомъ признаться. Тутъ общій пріятель утѣряетъ его, что невѣста разорилась, а ее, что женихъ не графъ и не баронъ. О какая радость! Она разорилась! И онъ бросается къ ногамъ ея. О счастье! Онъ простой гражданинъ. И она принимается обожать его.

Увѣряютъ, что это очень мило. Видно, красоты водевильныя, мелкія: изъ-дали не видно.

5. *Marjolaine,* водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

Маржолена, чермерша, и кружитъ всѣ сердца и головы. Деревенскіе парни мечтаютъ о Маржоленѣ, графъ и маркизъ у ногъ Маржолены. Герцогиня къ ней ревнуетъ, а добрая Маржолена нисколько этимъ не гордится; напротивъ, она угождаетъ всѣмъ и каждому. Наконецъ,—страшная вещь—побѣда остается за герцогинею. Графъ женится

на знатной дамѣ; фермерша выходитъ за фермера. Развязка совершенно неожиданная.

Вотъ и все. Подождемъ; можетъ-быть, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ будемъ счастливѣе.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Приближается эпоха концертовъ. Пѣнія—будетъ съ насъ: Теперь, пусть играютъ. Но кто будетъ играть? Сервѣ—непремѣнно. Въ Берлинѣ, на пути къ намъ, онъ получилъ страшный успѣхъ. Берлинскіе музыкальные критики называютъ его *віолончельнымъ Паганини*: они — въ восторгѣ и отъ его игры и отъ его композицій.

— На фортепіано будетъ играть намъ Листъ, но въ юбкѣ. Это можетъ-быть требуетъ объясненія. «Листомъ въ юбкѣ» называютъ въ германскихъ журналахъ знаменитую Клару Виккъ (Vick), нынѣшнюю госпожу Шуманицъ: изъ женскихъ талантовъ, это—самый колоссальный. Она пріѣдетъ сюда на-дняхъ.

— На скрипкѣ.... не знаю, кто будетъ играть. Эрнстъ, который страшалъ насъ три года еряду своимъ пріѣздомъ, отправился изъ Брюсселя въ Парижъ, и тамъ проведетъ зиму.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебро.)

Для скрипки съ акомпаниментомъ оркестра.

- ИВАНОВЪ. Восьмидесятое аиръ varié, oeuvre 42 (2 r. 20 c.).
— — — Treizième concerto, oeuvre 44 (9 r. 15 c.).
DAVID. Introduction, adagio et rondo, oeuvre 7 (4 r. 72 c.).
KALLIWODA. Variations brillantes sur un thème original (8 r.).

Квартеты для скрипки.

- СНУСЛОВЪ. Trente-quatrième quatuor (2 r. 85 c.).
ИВАНОВЪ. Grand quatuor, oeuvre 9 (3 r. 15 c.).
SCHUMANN. Trois quatuors, oeuvre 41, chaque (2 r. 85 c.).
ВИНЪ. Quatrième quintetto, oeuvre 20 (3 r. 15 c.).

Для виолончеля.

- ВОСКРЕСЕНЪ. Le carnaval de Venise, avec accompagnement de quintuor (1 r. 20 c.).
— — — Le même avec Piano (1 r. 15 c.).
— — — Fantaisie sur des thèmes Styriens, avec quatuor (1 r. 15 c.).
— — — La même avec Piano (1 r. 43 c.).
САЛЪ. Transcriptions pour Piano, oeuvre 30: Adelaïde de Beethoven, et Poème d'amour de Henselt, (chaque, 1 r.).
ЛАНСА. Dix airs de Schubert avec Piano, oeuvre 62 (3 r. 43 c.).
— — — Idem, oeuvre 63 (3 r. 72 c.).
СЕНШЕРТЪ. Quatre élégies avec Piano (1 r. 43 c.).

Для флейты.

- СОСНИНЪ. Douze fantaisies faciles pour une flûte seule (1 r. 95 c.).
ЛАНСА. Dix airs de Schubert, avec accompagnement de Piano (3 r. 43 c.).
ТОУЛОУ. Septième grand solo, oeuvre 86, avec Piano (2 r.).
— — — Huitième dito avec orchestre (2 r. 85 c.).
— — — Le même avec Piano (2 r.).

Для кларнета.

- ВАКЕНАНЪ. La petite mendicante, scène chantante, avec Piano (1 r.).
— — — Une nuit étoilée, fantaisie (1 r. 43 c.).
БЛАТЪ. Méthode complète de clarinette (8 r. 58 c.).

Школы и этюды для фортепиано.

- LANIER. Conseil à mes élèves: nouvelle methode complète en trois parties (2 r. 85 c.).
 — — — Vingt-quatre préludes d'utilité générale (1 r. 85 c.).
 МУЗИ. Trente préludes, oeuvre 141, trois cahiers, chaque (1 r. 72 c.).
 — — — Etudes mélodiques, oeuvre 142, cinq cahiers, chaque (1 r. 72 c.).
 — — — Gymnastique des doigts (1 r. 29 c.).
 ПЕНЛЕР. Cinquante études de salon, oeuvre 42, 2 cahiers (11 r. 72 c.).
 АЛКЕНБЕРГЕР. Douze nouvelles études progressives (2 r. 58 c.).
 МАУЕР. La tarentelle, grande étude (1 r. 43 c.).
 — — — Trois grandes études (1 r. 43 c.).

Для одного фортепиано.

- ВАШ. Six petites pièces de l'opéra: La part du diable (94 c.).
 ВЯТИН. Impromptu: grande valse, oeuvre 145 (1 r. 29 c.).
 УРШЮЛЛЕР. Fantaisie et Variations sur une cavatine de Bellini (1 r.).
 — — — — Fleurs d'Italie, petites pièces sur des motifs de Donizetti, trois cahiers, chaque (1 r. 15 c.).
 — — — — La reine de fées, valse brillante (72 c.).
 ЦАНУ. Rondino sur la reine de Chypre, oeuvre 712 (1 r.).
 ОЕНЛЕР. Six romances sans paroles, oeuvre 44, deux cahiers, chaque (2 r. 15 c.).
 КРУСНОК. Morceau de concert, oeuvre 27 (2 r.).
 — — — — Le vallon, idylle (72 c.).
 КИ. Quatre rondos faciles, oeuvre 125, chaque (72 c.).
 — — Grande fantaisie sur Les diamans de la couronne (1 r. 72 c.).
 АЛКЕНБЕРГЕР. Fantaisie et variations sur Le roi d'Yvetot (1 r. 43 c.).
 МИТ. Réminiscences de Don Juan, grande fantaisie (2 r. 86 c.).
 — — — — Соловей d'Alabiéff, transcrit (85 c.).
 СВОИНИ. Fantaisie sur La reine de Chypre, oeuvre 46 (1 r.).
 ОСЕЛЛЕИ. Souvenir des Capuletti, fantaisie, oeuvre 50 (1 r. 43 c.).
 ОКИНШАЙН. Morceau de concert, oeuvre 34 (1 r. 43 c.).
 НАЛБЕРГ. Grandes valse brillantes, oeuvre 47 (1 r. 43 c.).
 ВЕНАРО. Variations brillantes sur la romance favorite: Черный пѣтъ (1 r.).
 ОРШАРДА. Сто русских народных пѣсенъ для одного фортепиано (3 р.).
 — — — — Еще сто Русскихъ пѣсенъ, вторая часть (3 р.).
 — — — — Собрание Русскихъ народныхъ пѣсенъ съ вариациями. 7 тетрадей, (каждая по 58 н.).

Для пѣнія русскаю.

- ЛИВЕН. Романсъ: Люблю тебѣ, нилѣ роза (40 н.).
 — — — Романсъ: Какъ сладко съ тобою мнѣ быть (40 н.).
 — — — Романсъ: Не говори любовь пройдетъ (75 н.).
 — — — Романсъ: Я поляну чудное именованье (75 н.).
 АРЯНОВА. Романсъ: Для чего ты дучъ востока, слова Марлинскаго (85 н.).
 — — — — Русская пѣсня: Будто солнышко отъ глазъ (60 н.).
 — — — — Благодарность, романсъ, слова Лермонтова (50 н.).
 — — — — Романсъ: Поэтъ (50 н.).
 ЛЯБЛЕВА. Стансы: Прости, ужъ помочи (40 н.).
 — — — — Романсъ: Весну приходитъ свой чередъ (60 н.).
 — — — — Романсъ: Веселый часъ (60 н.).
 Л. ЛЮКОВЕВА. Русская пѣсня: Ахъ не все тучамъ (40 н.).
 УПИНИ. Романсъ: Одинокъ пѣсальцъ пѣльцъ (40 н.).
 — — — — Романсъ: Прости меня, я не умю (40 н.).
 УРШАРА. Романсъ: Едъ лѣтъ пѣтъ (40 н.).

- — — Романсъ: Червоѣ лодкѣ (40 к.).
 — — — Романсъ: Она имлельная (40 к.).
 — — — Романсъ: Горько птичкѣ (50 к.).
 Вебера. Романсъ: Мои плѣси, мои плѣси (40 к.).
 Деревлята. Романсъ: Грусть (40 к.).
 Трума. Романсъ: Къ ней спорѣй (60 к.).

Танцы для фортепiano.

- Souvenir de Madame Viardot-Garcia, grande valse arrangée d'après l'opéra *Somnambula*, par M. Bernard, avec portrait, très ressemblant (1 r.).
 La Peri, nouvelles contredances d'après ce ballet (60 c.).
 Le maître de danse: Collection de toutes les danses de caractère (1 r. 15 c.).
 Соколовъ. Воспоминаніе о Рубинѣ, вальсъ составленный изъ лучшихъ мотивовъ пѣтыхъ г-нъ Рубини.
 Strauss, Sperrl-polka, Annen-polka, deux Galops, chaque (30 c.).
 Эски. Amazonen-galop (30 c.).
 Le bouquet de bal, mazurka favorite (30 c.).
 Deux mazurkas d'après Giselle (30 c.).

Тутъ же продается самый сходный портретъ госпожи Виардо-Гарціа. Цѣна 1 р. сер.

(Всѣ эти сочиненія находятся въ музыкальномъ магазинѣ Бернарда на Васильевскомъ Проспектѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чаплина.)

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро.)

- HISTOIRE DE LA PHILOSOPHIE CHRETIENNE, par H. Ritter, trad. de l'Allemand par Truffaut. 2 vol., in 8, Paris, 1843. (4 r. 50 c.)
 HISTOIRE DE LA RENAISSANCE DES LETTRES en Europe en 15 Siècle, par Chastelier. 2 vol., in 8, Paris, 1843. (3 r. 43 c.)
 HISTOIRE DE LA CHIMIE, depuis les temps les plus reculés jusqu'à notre époque, par Hofer. 2 vol., 8 Paris, 1843. (4 r. 85 c.)
 SOUVENIRS D'UN VOYAGE DANS L'INDE, exécuté de 1834 à 1839, par A. Delessert. Un beau vol. gr. in 8 orné de 35 plans, dont 27 sont coloriés, Paris, 1843. (11 r. 43 c.)
 MANUEL DE PHILOSOPHIE MODERNE, par Renouvière, 1 vol., 12, Paris, 1843 (85 c.)
 DE LA CONDITION PHYSIQUE ET MORALE DES JEUNES OUVRIERS, et des moyens de l'améliorer, par Ducrotieux. 2 vol. gr. in 8. Bruxelles, 1843. (3 r. 43 c.)
 LE CARTESIANISME ou la véritable rénovation des Sciences, suivi de la théorie de l'existence et de celle de l'infini, par Borda-Demoulin. 2 vol., 8, Paris, 1843. (4 r. 30 c.)
 ITINERAIRE DE NAPOLEON pendant la campagne de 1812 par le baron Dandé. Un vol. 12, Paris, 1843. (85 c.)
 LETTRES PARISIENNES, par Madame Emile de Girardin. Un vol., 12, Paris, 1843. (85 c.)

- HISTOIRE DES TRAITÉS DE 1815**, et de leur exécution publiés sur les documents officiels et inédits par Crétineau-Joly. Un vol., in 8, Paris, 1843. (2 r. 15 c.)
- LES FAMILIÈRES**, épîtres ou vers, par Ancelot. Un vol., 8, Paris, 1843. (1 r. 40 c.)
- ALMANACH DE COTNA**, pour 1844, in 16. (1 r. 40 c.)
- ALMANACH NATIONAL DE FRANCE** pour 1844; in 16, Paris. (15 c.)
- ÉLÉMENTS DE ZOOLOGIE**, ou Leçons sur l'Anatomie, la Physiologie, la classification et les mœurs des animaux, par Mûlle-Edwards 2e édition, 4 vol., in 8, avec fig. dans le texte. Paris, 1842-43. (4 r. 85 c.)
- VOYAGE DANS L'INDE**, notes recueillies en 1838-39 et 40 par St. Hubert Thervuldes vol., 12; avec fig. Paris, 1843. (1 r.)
- LE NORD DE LA SIBÉRIE**, voyage parmi les peuplades de la Russie asiatique et dans la mer glaciale, par l'Amiral Wrangell. Traduit par le prince E. Galitzin, 2 vol., in 8, Paris, 1843. (4 r.)
- MONUMENTS DE TOUTES LES PEUPLES**, décrits et dessinés d'après les documents les plus modernes, par Breton, pour faire suite aux Mœurs, usages et costumes. 100 Livrais. gr. in 8, contenant plus de 200 planches, dont 150 au moins sont imprimées à part avec un texte explicatif. (La livrais. a 15 c.)
- MUSÉE ou magasin comique** de Philipon. 2 vol. in 4, contenant près de 1600 dessins, Paris, 1843. (6 r. 85 c.)
- DE LA FUMÉE AMÉRICAINE**. Origine, institutions, esprit politique ressources militaires, des Etats-Unis, par Tell Poussin. 2me edit. 2 vol., 8, avec une carte. Paris, 1843. (4 r. 30 c.)
- TRAITÉ PRATIQUE** de l'art de bâtir en béton, ou Résumé des connaissances actuelles sur la nature et les propriétés des mortiers hydrauliques et béton, par Lebrun; in 4, Paris, 1843. (3 r. 57 c.)
- NÉGOCIATIONS** relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV, ou Mémoires, correspondances et actes diplomatiques, par Mignet, 4 vol., in 4, Paris. (16 r.)
- DES CANAUX D'ARRIÈRE** de l'Italie. Traité théorique et pratique des irrigations, par Nadault de Buffon. Tome 1, in 8, et Atlas gr. in 4, Paris, 1843. (9 r. 15 c.)
- ÉLÉMENTS DE GÉOGRAPHIE GÉNÉRALE**, par A. Balby. Un vol., 12, avec cartes. Paris. 1843 (1 r. 40 c.)
- RECHERCHES** sur la condition civile et politique du femmes depuis les Romains jusqu'à nos jours, par E. Laboulaye, in 8, Paris. 1843. (2 r. 25 c.)
- LA TURQUIE D'EUROPE**. Considérations sur son état social et sur la polygamie, par M. Blanqui, in 8, Paris, 1843. (72 c.)
- ASTORIA**. — Voyages au delà des Montagnes Rocheuses, par W. Irving. Trad de l'anglais, 2 vol., 8, Paris, 1843. (4 r.)
- DICTIONNAIRE GÉNÉRAL** des lois pénales disciplinaires et de police, par de Chabrol-Chaméne. 2 vol., gr. in 8, Paris, 1843. (6 r. 30 c.)
- DES HARAS DOMESTIQUES** et des Haras de l'état en France, par B. Huzard. 2e edit. Un vol., 8, Paris, 1843. (1 r. 72 c.)
- EXPOSITION DE LA THÉORIE** DES CHANCES et de probabilités, par M. A. Cournot. un vol., 8, Paris 1843. (2 r. 15 c.)
- ESSAI D'UN TRAITÉ D'ARTILLERIE**. Principes de constructions des bouches à feu, par Timmermans. Un vol., in 8, avec planches. (3 r.)
- DROIT PUBLIC** DES ETATS modernes, et des Etats-Unis d'Amérique, par Story, 2 vol., 8, Paris, 1843. (4 r. 57 c.)
- HISTOIRE ECCLÉSIASTIQUE** des Francs, par G. F. Gregoire évêque de Tours 2 vol., 8, (5 r. 15 c.)
- HISTOIRE NATURELLE** DES ZOOPHYTES. Acalèphes, par R. P. Lesson. Un vol., in 8, avec 12 plan., Paris, 1843, (3 r. 72 c.)
- DICTIONNAIRE DE L'ARMÉE DE TERRE** ou recherches historiques sur l'art et les usages

éditaires des anciens et des modernes, par le Général baron Bardin. Parties 1 à 4, in 8, Paris, 1842-43 (chaque partie 2 r.).

L'ouvrage aura 12 parties.

COMPTES RENDUS hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences. Abon. pour l'année 1843, in 4 (8 r.).

HISTOIRE DES EXPEDITIONS, et des vicissitudes de la cavalerie prussienne, par le Baron de Canitz. Trad. de l'allemand. Tome 1, partie 1-re, in 8, Paris, 1843. (1 r. 15 c.).

DE L'ORGANISATION des principales parties du services de l'Artillerie, par un officier, in 8, Paris, 1843, (80 c.).

TRAITÉ DE CHIMIE organique, par M. Th. Graham. Trad. de l'anglais par Mathieu Plavy. Un vol., 8, Paris, 1843. (2 r.)

LA SCIENCE DE LA VIE, ou Principes de conduite religieuse, morale et politique. Trad. d'auteurs Italiens, par Valery. Un vol., in 8., Paris. 1843. (1 r. 43 c.).

RECHERCHES ANATOMIQUES, physiologiques et pathologiques, sur les cavités closes naturelles ou accidentelles, de l'économie animal, par Velpeau. 1 vol., 8., Paris. 1843. (1 r.)
ESSAI SUR L'ÉDUCATION DES ANIMAUX, le chien pris pour type, par Léonard. Un vol. in 8., Paris. 1843. (1 r. 60 c.).

GUIDE POUR L'ENSEIGNEMENT de l'agriculture, ou Principes généraux et fondamentaux de l'économie rurale. par Thaer. Trad. de l'allemand. Un vol., 12., Paris. (73 c.).

EXTRAIT de la Revue générale de l'architecture et des travaux publics. Des professeurs sous marins, par Labrousse, in 4, avec planches. Paris. 1843. (2 r. 85 c.).

ANNALES D'HYGIÈNE publique et de médecine légale, par M. M. Adelon, Andral, Orfila, Trebuchet, Villermé, etc. 4 vol., in 8., par an. prix de l'abon. (5 r. 72 c.).

MANUEL COMPLET DU BLASON, ou code Héraldique, par J. Paulet. Un vol., 18., avec planches. Paris. 1843. (1 r.)

COURS D'ÉCONOMIE POLITIQUE, fait au collège de France par M. Chevalier. Un vol. in 8., Paris, 1843. (2 r.).

PRODRÔME D'ETHNOGRAPHIE, ou Essai sur l'origine des principaux peuples anciens, par Maupied. Un vol. 8. Paris. (1 r. 72 c.).

ILLUSTRATIONS pour les œuvres de W. Shakspeare, suite de 80 gravures, dont 43 sur acier et 38 grand sujets sur bois, in 4. Paris. 1843. (7 r.).

L'IRLANDE AU 19ÈME SIÈCLE, par M. M. Prévost et le baron Taylor, illustrée, par 120 gravures sur acier, in 4, avec le texte. L'ouvrage aura 60 livraisons. (à 25 r.).

MURCHER'S Drawing room Scrap-Book, for 1844, magnifique vol. in 4. avec grav. sur acier, plein maroq. tranches doré. (8 r.).

THE JUVENILE SCRAP-BOOK, for 1844, by the author of «The women of England», in 8, avec grav; sur acier. relié tranche doré. (8 r.).

GALLERY COMPLETE des tableaux des peintres les plus célèbres de toutes les époques. Gravées au trait d'après Raphael. — Michel-Ange. — Le Corrège. — Le Poussin. — Le Dominiquin, etc. 1300 grav. gr., in 4., accompagnées de notices sur la vie de chaque peintre et publiées en 108 livrais., composées de 12 planches chacune. (la liv. à 57 c.)
9 livraisons ont paru.

LES VEILLÉES DES SALONS. Album des familles. Nouvelles, contes historiques et moraux, par A. Vanauld. in 4., avec 12 fig., coloriées. Cart. doré sur tranche. (5 r. 72 c.).

PORTRAITS HISTORIQUES, illustrations contemporaines. Angleterre. Album contenant 25 planches gravées par les premiers artistes, in 4. carton. doré sur tranche. (4 r. 30 c.).

Romans.

LES MYSTÈRES DE PARIS, par Eugène Sue. 14 vol., in 18., nouv. édition Bruxelles, 1843. (4 r.).

DEUX MÉNAGES, par E. Souvestre, 2 vol. (1 r. 40 c.).

COMTE DE SOMBREUIL, par Dasch, 2 vol. (1 r. 40 c.).

LE CHATEAU DE FILON, par Dasch. 2 vol. (1 r. 40 c.).

- MELANCOLE**, par Madame Sophie Gay, 2 vol. (1 r. 40 c.).
ALBINE, par A. Dumas, 2 vol. (1 r. 40 c.).
MADAME DE LINCIERS, par Maquet, 1 vol. (70 c.).
NOUVELLES OBLIGES, par Bazancourt, 1 vol. (70 c.).
EMANUE DE CASTILLE, par R. de Beauvoir. (70 c.).
SAVIA, par le même, 2 vol. (1 r. 40 c.).
LA BELLE BRAVIERE, par E. Berthet. (70 c.).
LA RECHERCHE DE L'INCONNUE, par Lavergne. (1 r. 40 c.).
LE COMTE DE FOIX, par F. Soulié, 1 vol. (60 c.).
LA MAISON DE CAMRACEN à vendre, par F. Soulié. 1 vol. (50 c.).
SULPICE, suivi du Général Guillaume, par Souvestre. 1. vol. (70 c.).
NIKI BRUI, par Madame Reybaud, 1 vol. (70 c.).
LE ROI, par C. Robert, 1 vol. (70 c.).
UN HOMME SÉRIeux, par Ch. Bernard. 2 vol. (1 r. 40 c.).
JANOWICK, ou le remède à côté du mal, par G. Desnoiresterres, 2. vol. (1 r. 40 c.).
LE CAPITAINE LAMBERT, par Rebou, 2 vol. (1 r. 40 c.).
МЕДИЦИНСКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКSIKONЪ, издаваемый членами Общества русскихъ врачей Лескиъ, Стрѣлковскимъ и Тарасовымъ, выпускъ пятый (составляющій начало 2-ой части) украшенный литографированными рисунками.
 Цѣна за каждый выпускъ 90 коп. серебромъ безъ пересылки.
М. Э. Л. составить, приблизительно, 16 книжекъ, каждая въ 10 печатныхъ листовъ компактнаго большаго формата. Подписку и деньги отъ адвѣвшихъ и иногородныхъ жителей слѣдуетъ адресовать на имя Якова Алексѣева Исакова, Коммиссіонера господъ издателей.

Господа не-медленно при подпискѣ вносить за два тона.

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинъ Я. А. Исакова, коммиссіонера библиотекъ гвардейскаго корпуса, въ С.-Петербургѣ въ Гостиномъ Дворѣ № 22.

М О Д Ы.

=

Масляница. Постъ. Завтра, послѣзавтра, останутся только воспоминанія. Примѣчательнѣйшія изъ бальныхъ платьевъ были слѣдующія: Платье изъ крепу liss, убранный визу пятью biais; каждое съ атласнымъ кантикомъ и всѣ мѣстами, на ровныхъ разстояніяхъ, приподняты букетами маленькихъ розъ, такъ, что половина юбки казалась усыпанною цвѣтами; корсажъ открытый, гладкій, со шнипомъ, убранный тремя biai, которыя составляли открытый пелеринъ; концы его прикрѣплены съ обѣихъ сторонъ маленькими букетами; рукава короткіе, покрытыя тремя креповыми biais; розовые цвѣты въ волосахъ.—Бѣлое креповое платье въ двѣ юбки, каждая съ широкимъ рубцомъ и съ нашитымъ по немъ бѣлымъ атласнымъ гоулеау; первая юбка—открытая по обѣимъ сторонамъ во всю ширину рубца, даже немного выше, и тутъ, гдѣ оканчивается разрѣзъ, приколоты роза, окруженная зеленью; вторая юбка—короткая, тоже открытая съ обѣихъ сторонъ до половины, убранный отъ разрѣзу до корсажа гирляндами розъ; корсажъ — открытый со шнипомъ, отвороты на немъ — изъ крепу съ атласнымъ кантикомъ; рукава — короткіе, гладкіе, убранный двумя атласными biais.—Платье бѣлое, кисейное, вышитое долевыми гирляндами, убранный широкимъ воланомъ, вышитымъ какъ все платье; мантилія изъ кружевъ.—Платье тарлатановое, совершенно покрытое десятью кружевными оборками; каждая оборка прикрѣплена впереди розеткой изъ розовыхъ атласныхъ лентъ; корсажъ открытый со шнипомъ; рукава короткіе, гладкіе, убранный тремя кружевными оборками; пелеринъ въ три воротника, скрѣпленный впереди корсажа такими же розетками изъ розовыхъ лентъ.—Платье зеленое, бархатное, съ двумя кружевными воланами, которые покрывали двѣ трети юбки; корсажъ — открытый, гладкій, со шнипомъ;

Т. LXII. — Отд. VII.

111

рукава—короткіе, убранные кружевомъ; двойная мантилія изъ чернаго кружева, застегнутая впереди бантами изъ зеленыхъ атласныхъ лентъ.

— Въ большомъ употребленіи кружевные мантиліи, совсѣмъ покрывающія талию съ кружевными впереди концами, такъ, что корсажъ платья остается виднымъ.

— Маленькіе плащи—нарядъ полезный и удобный, который ждетъ только превращенія морозовъ, чтобы войти въ моду. Въ Парижѣ оны вообще приняты и дѣлаются, нека, изъ чернаго атласу съ цвѣтной подкладкой, на ватѣ; во-кругъ они простеганы узоромъ, который составляетъ простое и изящное украшеніе; рукава восточные, также выстеганные; а все обшито чернымъ кружевомъ. Такіе плащи, называемые *польками*, длиною — не ниже колѣна, а шириною—довольно узки.

=

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ВТОРАГО

ТОМА.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТЕХОТВОРЕНІЯ.

Долорнда. (Разсказъ.) <i>И. Крещева</i>	1.
Пѣсня. <i>Е. Гребенки</i>	135.
Сомнѣніе. <i>Довдичкова</i>	136.
Сабля. <i>Я. Щевлева</i>	137.
Тайная власть. <i>Бернета</i>	138.

ПРОЗА.

Новорожденный. <i>М. Загоскина</i>	9.
Похожденія Христіана Христіановича Вюльдамура и его Аршета. <i>В. Луганскаго</i>	11.
Часть первая.....	39.
Часть вторая и послѣдняя.....	139.
(Съ Альбомомъ рисунковъ.)	
Русскій морякъ. Историческая быль въ одномъ дѣй- ствіи. <i>Н. Полеваго</i>	252.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:

Восходъ и закатъ. Романъ <i>Большера</i>	
Часть первая.....	1.
Часть вторая и послѣдняя.....	115.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Историческое обозрѣніе открытія золота въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.....	1.
✓ Послѣднія путешествія Французовъ.	
✓ Статья первая.....	15.
✓ Статья вторая и послѣдняя.....	29.
Арнаутъ.—Яссы и Молдавія. Автора Страствователя по сушѣ и морямъ.....	77.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Пчеловодство въ Россіи. Н. Витвицкаго.	
Статья первая.....	1.
Статья вторая.....	16.

V.

КРИТИКА.

Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ.....	1.
Вильгельмъ Телль. Сочиненіе Шиллера.....	29.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Декабрь, 1843. Новыя книги и брошюры.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	49.
Январь, 1844. Новыя книги и брошюры.....	51.
— — Разныя извѣстія.....	106.

VII.

СМѢСЬ.

ЯНВАРЬ.

Время и пища человека.....	1.
Наблюдения надъ умомъ птицъ. Бельгійскаго натуралиста, господина Изабб.....	4.
Ловля китовъ. Разсказъ шкипера китоловнаго судна.....	11.
Эстампеда. Воспоминанія о Мексикѣ и Техасѣ.....	21.
Мингеръ ванъ Тассельтъ.....	31.
Италіянскій театръ въ Парижѣ.....	54.
Французскій театръ въ Парижѣ: 1) L'Esclave de Cambouis, опера. 2) La Tutrisse ou l'Emploi des Richesses, комедія.....	59.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	60.
Моды.....	63.

ФЕВРАЛЬ.

Теплотворные, свѣтлотворные и химическіе лучи призмовой радуги. Новые опыты господина Меллони.....	63.
Новый фактъ, доказывающій ростъ деревьевъ сверху внизъ, или отъ листьевъ къ корню.....	65.
Образованіе шолку. Споръ между французскими натуралистами.....	66.
Запруженіе устьевъ рѣкъ инфузоріями. Наблюденія господина Эренберга.....	67.
Соляное поле въ Сѣверной Америкѣ.....	68.
Желѣзныя дороги, паровозныя и воздухогонныя....	—
Войны между ласточками и воробьями. Спекуляціи, которыя сельское хозяйство, могло бы выгодно предпринять съ дикими птицами.....	70.
Замѣчанія о состояніи Мексики и нравахъ Мексиканцевъ.....	72.
Неаполитанскіе бандиты.....	87.

207
sw

